

Новое в археологии

Старой Ладоги:

материалы и исследования

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Proceedings. Vol. LX

**ADVANCE IN ARCHAEOLOGY
OF STARAYA LADOGA
MATERIALS AND STUDIES**

Volume II

St. Petersburg
IHMC RAS
2022

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Труды ИИМК РАН. Том LX

НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ
СТАРОЙ ЛАДОГИ:
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Том II

Санкт-Петербург
ИИМК РАН
2022

ББК 63.4(2)

УДК 902

*Издание осуществлено при финансовой поддержке ИИМК РАН,
в рамках государственного задания FMZF-2022-0015*

Коллектив авторов:

Н. И. Платонова (От редактора, главы 1, 4, приложение к главе 4); Н. В. Григорьева (глава 2, приложение к главе 4); П. А. Миляев (глава 3, приложение к главе 4); А. В. Курбагов (приложение к главе 3); В. А. Лапшин (приложение к главе 4, Краткие итоги); С. В. Лалазаров (глава 2); А. Л. Александровский (приложение к главе 4); М. А. Кулькова (глава 4, приложение к главе 4); Н. А. Бурова (приложение к главе 4); Е. В. Пономаренко (приложение к главе 4); Т. Д. Прайс (приложение к главе 4); В. В. Скрипкин (приложение к главе 4); М. В. Шитов (приложение к главе 4); Т. Б. Сениченкова (часть III)

Редакционная коллегия: д-р ист. наук В. А. Лапшин (председатель),
д-р ист. наук Н. И. Платонова (отв. редактор), д-р ист. наук Н. В. Хвощинская
Подготовка иллюстраций: С. В. Лалазаров, П. А. Миляев, М. С. Павлова

Рецензенты: д-р ист. наук И. Л. Тихонов (СПбГУ), д-р ист. наук А. И. Сакса (ИИМК РАН)

Печатается по решению Ученого совета ИИМК РАН от 18 ноября 2022 г.

Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования. Т. II (Труды ИИМК РАН. Т. LX) / отв. ред. Н. И. Платонова. — СПб.: ИИМК РАН, 2022. — 732 с., ил.

Настоящее издание включает серию публикаций материалов Староладожского комплекса, проанализированных и обобщенных в последние годы. Часть I посвящена истории исследований староладожских древностей и представляет собой анализ и публикацию архивных материалов экспедиции К. М. Бороздина (1809 г.). Часть II включает исследования стратиграфии, планиграфии и хронологии отдельных памятников Староладожского комплекса. В контексте новейших междисциплинарных исследований публикуются и анализируются материалы раскопок Каменной крепости (1980–1984, 2015, 2017–2018 гг.), Земляного городища (1999–2019 гг.), а также массив радиоуглеродных дат, полученных для памятников Старой Ладogi и ее ближайшей округи за последние 20 лет. Часть III представляет собой первое обобщающее монографическое исследование керамики Старой Ладogi VIII–X вв. Оно является итогом многолетнего изучения керамических коллекций Земляного городища и Посада, осуществленного Т. Б. Сениченковой.

ISBN: 978-5-6047952-7-9

DOI: 10.31600/978-5-6047952-7-9

© Институт истории материальной культуры РАН, 2022
© Государственный Эрмитаж, 2022
© Староладожский государственный историко-архитектурный
и археологический музей-заповедник, 2022
© Российская национальная библиотека, 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Платонова Н. И., научное редактирование, 2022

Серия коллективных монографий под общим заглавием «Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования» изначально задумывалась в 2018 г. как издание, предназначенное для оперативного введения в научный оборот староладожских коллекций и огромного массива накопленных архивных материалов. По замыслу основателей серии, исследования, выполненные на этой базе, включают и детальную научную публикацию источников. По объему они значительно превышают стандартную журнальную статью, что нередко тормозит их выход в свет на любой другой платформе.

Помимо публикации источников в задачи издания входило также освещение истории исследований Ладogi в контексте ключевых идей и подходов, развивавшихся в российской археологии в новое и новейшее время.

Часть I «История исследований» включает главу 1 «Первые исследователи Старой Ладogi: археологическое путешествие К. М. Бороздина, 1809 г.», написанную Н. И. Платоновой. В ней представлены малоизвестные материалы, собранные в ходе первого целенаправленного научного исследования Ладogi в 1809 г. статским советником К. М. Бороздиным и его сотрудниками.

Данное «ученое путешествие» в действительности представляло собой первую экспедицию, организованную с целью изучения собственно «русских древностей» и этнографических традиций русского населения европейской России. Предполагалось, что в ходе путешествия будет осуществляться сбор сведений по исторической географии, этнографии и археологии обширного региона — от Петербургской и Вологодской губерний до Киева и Крыма. В результате участниками экспедиции, действительно, были описаны, обмерены, зачерчены многочисленные памятники средневекового крепостного и храмового зодчества. Ими производились также поиск и копирование древних рукописей, зарисовка старинных предметов, фресок, исторических ландшафтов и т. д. Отдельные артефакты — «русские древности» — отбирались для экспозиции Оружейной палаты.

В археологической литературе научное наследие экспедиции К. М. Бороздина долго недооценивалось. Между тем за пять дней, проведенных в Ладoge в июне 1809 г., им самим и двумя его спутниками были выполнены: 1) описание Каменной крепости; 2) зарисовка видов Ладожского мыса (крепости) с трех сторон; 3) зарисовка вида Никольского монастыря и Земляного городища с Раскатной крепостной башни; 4) обмеры и разрезы крепостных башен и церкви св. Георгия Победоносца; 5) первый инструментальный топографический план Каменной крепости. Тогда же — впервые в истории российской науки — в церкви св. Георгия были сделаны точные прорисовки древнерусских надписей-граффити XII в. (впоследствии уничтоженных) и изготовлена копия раскрытого на тот момент фрагмента фресковой живописи второй половины XII в. Попытка датировать и то, и другое по данным

палеографии оказалась вполне профессиональной. Участник экспедиции А. И. Ермалаев (в исторической литературе его именуют «первым русским палеографом») датировал надписи и фреску «если не XII, то, как минимум, XIII в.», что было очень близко к истине.

Глава содержит текст дневникового описания указанных работ, принадлежащий самому К. М. Бороздину и опубликованный здесь без купюр. Установлено, что этот текст, дошедший до нас в составе рукописи, озаглавленной «Путешествие по России 1809 г. Десять писем к А. Н. Оленину», основан не на подлинных письмах, а, видимо, на путевом журнале экспедиции. Рукопись представляла собой не что иное, как «промежуточный отчет» о первом сезоне работ, предназначенный для императора Александра I, который финансировал путешествие из сумм своего Кабинета. Отчет, преподнесенный государю, был составлен в жанре «писем к другу», видимо, с целью сделать чтение более легким и развлекательным. Публикуемый текст снабжен комментарием и в комплексе с изобразительными материалами представляет собой полноценный историко-археологический источник.

Часть II «Староладожский комплекс: стратиграфия, хронология, междисциплинарные исследования» включает в себя три главы.

Глава 2 «Каменная крепость Ладоги конца IX — XII в.: стратиграфия, хронология, строительные этапы», написанная совместно Н. В. Григорьевой и С. В. Лалазаровым, посвящена проблематике древнерусской Каменной крепости Ладоги конца IX — XII в. Важнейшие особенности крепостных сооружений, этапы строительства и перестройки укреплений проанализированы авторами всесторонне, в свете новейших археологических и междисциплинарных данных.

Первооткрывателем древнейшей Ладожской крепости является А. Н. Кирпичников, но ее примерные размеры и основные характеристики были установлены только в 1980-х гг. в ходе раскопок Н. К. Стеценко. Материалы исследований Н. К. Стеценко до последнего времени оставались неопубликованными, несмотря на их значимость. Отсутствие публикации вплоть до недавнего времени порождало у ряда коллег скептическое отношение к имевшимся в литературе интерпретациям древнейшей Ладожской крепости и степени обоснованности ее датировки. Н. В. Григорьева и С. В. Лалазаров опубликовали (с незначительными купюрами) те материалы из полевых отчетов Н. К. Стеценко, которые имеют прямое отношение к проблематике древнейшей крепости на мысу и представляют собой, таким образом, важнейший источник.

В настоящее время остатки стен крепости, построенной не позднее последней четверти — конца IX в., выявлены на многих участках, что позволяет правдоподобно реконструировать ее план. Сопоставляя сведения о геологических границах первоначального Ладожского мыса, полученные в ходе гравиметрической съемки, с данными архитектурно-археологических исследований, можно с достаточной степенью уверенности определить трассировку утраченных каменных конструкций.

Первая каменная крепость была очень небольших размеров; ее стены плавно повторяли изгибы верхней береговой террасы. Вход располагался со стороны реки, тогда как в настоящее время попасть на территорию детинца можно только с напольной стороны. Н. К. Стеценко предполагала, что стены имели каменно-земляную конструкцию, однако новые исследования не подтвердили это. Крепость оказалась «деревяно-каменной». Стены ее имели в самом своем теле мощный каркас

из вертикально поставленных бревен. Деревянными, безусловно, являлись настилы боевого хода, кровля, ворота, лестницы и ограждения.

Крепостные стены IX в. были разобраны непосредственно перед началом масштабной перестройки укреплений в 1114 г. Новая крепость по своим размерам заметно превышала первоначальную, так как восточная часть современного мыса, обращенная к Волхову, имела, как выяснилось, насыпной характер. Объединяя результаты исследований разных лет, можно с высокой степенью достоверности реконструировать параметры мощной «каменной подошвы» (или «приспы»), сооруженной для того, чтобы расширить территорию детинца.

В 1150-х гг. укрепления вновь перестраиваются. Появляется южный вал с каменной стеной по гребню. Въезд в крепость переносится ближе к ее юго-восточному углу. Возможно, причиной этих перемен стало строительство церкви св. Климента на территории будущего Земляного города и появление перед ним городской площади. Это резко изменило всю сложившуюся к тому времени планировочную структуру Ладожского поселения: была произведена перестройка юго-восточной линии укреплений, а на южном валу выстроена дополнительная стена.

Совместный труд Н. В. Григорьевой и С. В. Лалазарова, с одной стороны, подводит итог целому большому периоду исследований Каменной крепости, с другой — стимулирует ряд вопросов, напрямую связанных с проблематикой древнерусского города и сущности социоисторического процесса на Северо-Западе в IX — начале XII в.

Стремительный рост значения Новгорода как крупнейшего властного центра Северной Руси в конце XII — XV в. нередко заставляет исследователей проецировать «соотношение сил», сложившееся в эпоху раздробленности, и на начальный период становления древнерусской государственности. Между тем это вряд ли справедливо. В зрелом средневековье Ладога заведомо выступает как «пригород» Новгорода, находящийся в его административном подчинении. Однако строительство Каменной крепости Мстислава Великого и посадника Павла в 1114–1116 гг. являлось предприятием настолько грандиозным, что можно сомневаться: а было ли такое вообще под силу тогдашнему Новгороду? Или оно стимулировалось иными политическими силами?

По подсчетам С. В. Лалазарова, объем каменных кладок Ладожской крепости начала XII в. в полтора раза превышал совокупный объем каменных конструкций всех новгородских храмов того времени, включая Софийский собор. Сооружение каменной «приспы», расширившей территорию Ладожского мыса, и вовсе не имело на Руси precedентов. Возникает вопрос: чем были обусловлены столь масштабное крепостное строительство, а заодно и последующая закладка в Ладоге сразу нескольких каменных храмов не позднее середины XII в.?

Если сопоставить эти данные с выводами, сделанными С. В. Белецким на основе материалов ладожской сфрагистики (см.: Новое в археологии... 2018: 335–418), постепенно становится ясным: начальный период истории города имел куда более сложную и богатую историю, чем можно представить себе по скудным летописным сообщениям. И это вполне согласуется с археологическими данными, рисующими Ладогу одним из ключевых центров власти (и, соответственно, урбанизации) в севернорусском регионе.

Глава 3 «Планиграфия и стратиграфия верхних культурных напластований в южной части Земляного городища Старой Ладоги (раскоп 3)», написанная

П. А. Миляевым, посвящена анализу планиграфии и стратиграфии верхних позднесредневековых напластований Земляного городища. Она построена на материалах раскопок А. Н. Кирпичникова, который в 1999–2013 гг. проводил масштабные работы на участке, прилегающем с внутренней стороны к остаткам южной куртины деревоземляной крепости. Эти раскопки в южной части городища дали обширный материал для изучения стратиграфии и вещевого комплекса поздних культурных отложений, которые до недавнего времени принято было считать исключительно аморфными и нестратифицированными.

Опорным участком для изучения планиграфии и стратиграфии слоев верхней части Ладожского разреза был выбран раскоп 3 А. Н. Кирпичникова в южной части Земляного городища. До постройки первых укреплений деревоземляного города в 1584–1585 гг. этот участок представлял собой территорию Ладожского посада. Под сооружениями второй половины XVI в. на нем были открыты остатки уличного настила — продольные лаги длиной 2–4 м и некоторые поперечные плахи. Данный объект соотносится с улицей, которая вела через Никольский конец к Симеоновскому монастырю и являлась центральной осью Ладожского поселения в средневековье. Других уличных настилов в раскопках Ладоги пока не выявлено. Улица шла в сторону церкви св. Климента и далее на левый берег Ладожки.

В конце XVI в. на данном участке располагалась изба с пристроенными легкими сенями. Затем характер застройки кардинально изменился в связи с новой планировкой крепостного двора внутри фортификационных сооружений. В начале XVII в. здесь были выстроены две жилые избы, вытянутые в ряд по направлению вдоль южной куртины Земляного города. Внутренний склон фортификационных сооружений укреплялся деревянными конструкциями, остатки которых зафиксированы вдоль южных стенок смежных раскопов 3–5 А. Н. Кирпичникова.

Упомянутые жилые дома погибли в пожаре 1611 г., вспыхнувшем, когда войска воеводы И. М. Салтыкова стали обстреливать калеными ядрами засевавший в Ладожской крепости отряд наемников Делагарда. В дальнейшем, после того как пожарище оказалось разобрано и снивелировано, непосредственно на дневную поверхность была насыпана внутренняя часть южной куртины Земляного города. Она полностью перекрыла более ранние напластования.

В начале XVIII в., после упразднения ладожского гарнизона, деревоземляные укрепления начали разрушаться. Куртины и бастионы в дальнейшем были намеренно срыты. По мнению П. А. Миляева, основной объем работ по дефортификации крепости проводился во второй половине — конце XVIII в., но процесс ее разрушения в результате хозяйственной деятельности продолжался до XX в. включительно. Именно этот последний период истории Земляного города нашел археологическое отражение в виде слоев мешаного серого гумуса, сброшенных с верха куртин к их основанию и разровненных по площадке городища.

На материалах раскопа 3 П. А. Миляевым были поставлены и в значительной части решены такие задачи, как исследование строительной истории участков; выделение последовательных ярусов застройки; синхронизация строительных горизонтов и выявление надежных хронологических реперов; определение точно локализованных вещевых комплексов, связанных с постройками; уточнение типологии и хронологии различных категорий изделий. Отдельной, самой сложной задачей являлась синхронизация ярусов застройки в раскопах А. Н. Кирпичникова и его предшественников.

В ходе исследования автору удалось разделить отложения позднего средневековья — раннего нового времени в раскопе 3 на три отдельных яруса, а также свести воедино материалы конца XVI — начала XVII в. в центральной и южной частях Земляного городища и отделить их стратиграфически от нижележащих слоев. В результате стратиграфия раскопа А. Н. Кирпичникова впервые оказалась достоверно увязана (в верхней части разреза) со стратиграфией раскопа В. И. Равдоникаса. В обоих случаях были выявлены комплексы средневековых построек, надежно синхронизируемые между собой и объединяемые в единый ярус. Так, например, выявленные А. Н. Кирпичниковым 1-й и 2-й ярусы застройки конца XVI — начала XVII в. автор уверенно соотносит с сооружениями горизонта В по стратиграфической схеме В. И. Равдоникаса. Это позволило ему впервые за весь период исследования памятника свести воедино планы раскопов В. И. Равдоникаса и А. Н. Кирпичникова (на уровне сооружений начала XVII в.) и составить комплексное представление о застройке двора бастионной крепости в пределах исследованных участков.

Следует особо отметить высокую насыщенность отложений позднего средневековья — раннего нового времени на Земляном городище разнообразными находками. Кроме того, обращает на себя внимание большое количество предметов вооружения и боеприпасов. Их особенно много среди остатков построек, сгоревших в Смутное время. К этому ярусу привязаны все находки оружия европейского происхождения, отражающие присутствие в крепости иностранных наемников и солдат. То же самое наблюдалось в ходе раскопок В. И. Равдоникаса на Земляном городище.

Глава 3 содержит полную публикацию материалов, связанных с отложениями верхней части разреза Земляного городища в раскопе 3 А. Н. Кирпичникова. В целом данный раскоп следует признать эталонным для изучения планиграфии и стратиграфии культурных отложений позднего средневековья и нового времени в южной части памятника. Подобный анализ верхних горизонтов Земляного городища, позволяющий установить правильную последовательность и хронологию прослоек, отложившихся в ходе строительства и многочисленных перепланировок крепости, необходимо продолжать применительно к другим раскопанным участкам. Это станет залогом будущего успеха в деле построения новой, максимально дробной, хроностратиграфической шкалы Земляного городища и Ладожского поселения в целом.

Глава 4 «Проблемы стратиграфии и хронологии раннего этапа Староладожского археологического комплекса». Она представляет собой концептуальное обобщение современных представлений о составе и развитии раннесредневековой Ладожской агломерации и включает первый опыт разработки хронологии Староладожского археологического комплекса с опорой на радиометрические данные. Наибольшее внимание уделено проблемам радиоуглеродной хронологии и стратиграфии нижнего горизонта Земляного городища по материалам его древнейших комплексов — материковых ям, заполненных слоем погребенной почвы, вмещающей культурные остатки. Приложением к главе служит таблица ^{14}C дат — результат многолетней работы большого коллектива авторов — археологов, палеогеографов, радиоуглеродчиков (табл. 4.1).

Выяснение абсолютной хронологии памятников Староладожского комплекса является актуальной проблемой. Недостаток таких разработок служит серьезным препятствием при решении вопросов раннесредневековой археологии Северной Руси. Без привязки поселенческих комплексов к календарным датам зачастую

невозможно уяснить как историческую связь событий, так и функциональные особенности памятников. Однако хронология раннесредневековых древностей, основанная на технико-типологическом анализе артефактов и привлечении аналогий, часто оказывается неточной применительно к Северо-Западу по причине ограниченного количества памятников этого периода в регионе и недостатка полноценных типо-хронологических маркеров. Поэтому наибольшую важность приобретают методы естественнонаучного датирования, прежде всего радиоуглеродный.

Таблица радиоуглеродных дат, полученных для памятников Староладожского комплекса, приведенная в главе 4 (табл. 4.1), является результатом скрупулезного сбора и уточнения всех доступных (опубликованных, архивных, лабораторных) данных о соответствующей аналитике за последнюю четверть века. Кроме того, в 2019–2021 гг. в рамках проекта РФФИ № 18-09-40111 («Древности») коллективом были организованы новый отбор и исследование образцов, а также оперативный анализ материалов, отобранных в прежние годы, но в силу разных причин (в основном финансовых) так и не попавших в лаборатории. В результате оказались собраны максимально полные сведения о радиоуглеродной аналитике, произведенной когда-либо для памятников Старой Ладogi, причем подавляющее большинство дат никогда ранее не публиковались.

Произведенное традиционными методами исследование археологических контекстов ^{14}C дат, полученных для древнейшего горизонта Ж Земляного городища, дополнено в настоящей главе независимым анализом этой серии дат, который был осуществлен М. А. Кульковой с помощью естественнонаучных методик. Были рассчитаны комбинированные калиброванные даты по каждому объекту, откуда брались образцы, и произведен их сравнительный анализ. Методом Байесовой статистики удалось установить хронологическую последовательность распределения этих объектов на раскопанной площади. Произведенные параллельно традиционное археолого-стратиграфическое и естественнонаучное исследования практически совпали по результатам. То же можно сказать о результатах анализа радиоуглеродных дат, полученных по материалам профилей объединенных раскопов 3–5 (А. Н. Кирпичникова), осуществленного А. Л. Александровским.

Согласно полученным данным, человеческая деятельность на южном участке Земляного городища началась не позднее середины VII в. Средняя часть древнейшего горизонта Ж датируется по ^{14}C широко: серединой VIII — первой третью X в. Однако исследование стратиграфии позволяет нам отбросить верхнюю часть этого интервала, так как накопление следующего горизонта — бурого гумуса с навозом и щепой — начинается, самое позднее, во второй половине IX в.

Помимо этого М. А. Кульковой были проанализированы несколько серий ^{14}C дат, полученных для поздних горизонтов Земляного городища (в раскопах 3–5 А. Н. Кирпичникова) и ряда древнерусских памятников Старой Ладogi. Отбор последних носил выборочный характер. В данном случае произведенный анализ и его результаты следует рассматривать как часть подготовки более широкой базы данных по радиометрическому датированию памятников Староладожского археологического комплекса. В дальнейшем полученные выкладки будут рассмотрены заново, уже в контексте археолого-стратиграфических и типо-хронологических разработок материала.

В главе 4 остро поставлен вопрос о том, не находится ли древнейший период функционирования Староладожского поселения вообще за пределами

компетенции дендрохронологического метода? Анализ возможных причин векового разрыва в датировках древнейшей деревянной застройки западного участка Земляного городища, исследованного Е. А. Рябининым, и южного, исследованного А. Н. Кирпичниковым, позволил высказать предположение, что таковые следует искать не в различном времени освоения участков, а в различной структуре их нижних отложений.

Есть основания считать, что появление древнейших построек на территории Земляного городища было связано с условно «сухим» периодом. Культурные отложения этого начального этапа по своему характеру мало отличались от «сухого слоя» обычного средневекового селища, в котором органика практически не сохраняется. В такой ситуации о наличии деревянной застройки можно судить лишь по наличию остатков углубленных частей построек и развалов нагревательных сооружений.

«Сухие» отложения вообще характерны для начального этапа формирования слоя на любом из памятников с хорошей сохранностью органики. Постепенное (или быстрое) «увлажнение» культурного слоя отчасти можно связывать с изменениями климата и уровня грунтовых вод. Но первоочередную роль, в любом случае, играли локальные условия, которые складывались на площадках поселений в результате активной деятельности человека.

В настоящий момент можно высказать гипотезу: ситуация на площадке Земляного городища резко изменилась именно в последней четверти I тыс. н. э. Совокупность факторов, создавших идеальные условия для консервации органики в почве, поначалу возникла на более низком (западном) участке останца высокой поймы, на котором располагалось поселение. На более высоком (южном) участке алгоритм накопления слоя с «сухого» на «влажный» изменился на несколько десятилетий позднее. Поэтому деревянная застройка, датируемая ранее середины IX в., здесь просто не могла сохраниться.

Можно надеяться, что настоящая публикация и высказанные соображения вызовут в археологическом сообществе плодотворную дискуссию. В последние годы материалы, стимулирующие пересмотр и удревнение нижних дат целого ряда ключевых поселений («протогородов») ранней Древней Руси, накопились не только в Ладоге, но и в Гнёздове, на Рюриковом городище и т. д. Вероятно, их широкое обсуждение назрело.

Часть III настоящего тома *«Керамика Ладоги VIII–X вв. в контексте раннесредневековых древностей (к реконструкции историко-культурных процессов на Северо-Западе Руси)»* представляет собой капитальное монографическое исследование коллекции старолadoжской керамики VIII — первой половины X в. Материал происходит с совокупной территории Земляного городища (из раскопок В. И. Равдоникаса и Е. А. Рябинина), Лadoжского посада (раскоп на Варяжской улице) Материал происходит с совокупной территории Земляного городища (раскопки В. И. Равдоникаса, Е. А. Рябинина, А.Н. Кирпичникова¹) и Лadoжского посада (раскоп В.П. Петренко). Данные о керамике Каменной крепости взяты из публикаций.

Автор исследования Т. Б. Сениченкова занимается этой темой много лет, с первого курса ЛГУ, когда она — юная практикантка — оказалась бессменным

¹ Керамический материал из раскопок А.Н. Кирпичникова обрабатывался, но не включался в подсчеты, поскольку разработка хроностратиграфии этих участков поселения еще не завершена.

ответственным за керамику в раскопе В. П. Петренко на Варяжской улице. В дальнейшем ей же выпало обрабатывать и изучать керамические находки в ходе раскопок Е. А. Рябининой на Земляном городище в 1981–1985 гг.

В результате сложилось так, что материалы упомянутых коллекций — частью разрозненные, перемешанные, а частью вообще исчезнувшие в полувековых перестройках и пертурбациях Музейного агентства, — тем не менее остаются сегодня научными фактами, о которых исследователь может составить вполне исчерпывающее впечатление. Потому что обе эти коллекции в свое время были полностью зарисованы Татьяной Борисовной — сначала студенткой, потом выпускницей кафедры археологии, прошедшей путь от штатного сотрудника ВООПИК до старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа.

Керамический материал Старой Ладogi не просто очень обширен. Он еще и монотонен, однообразен и совершенно неинтересен любителям «снять сливки», выхватив из коллекции нечто эффектное и забыв обо всем остальном. Вероятно, постичь его можно только так — из года в год, от лотка к лотку, от рисунка к рисунку, от одного обозначившегося сходства к другому...

Первые серьезные обобщения своего материала Т. Б. Сениченкова сделала в кандидатской диссертации, защищенной в 1998 г. Если бы в ту пору ее работа попала в печать, это сильно продвинуло бы староладожские исследования в данной области. Но опубликовать такую работу в конце девяностых было делом практически безнадежным.

С тех пор на полках автора выстроилась представительная подборка научных изданий с ее статьями, посвященными разным сюжетам, связанным с раннесредневековой керамикой. Но как бы ни были статьи интересны и важны, они не могут заменить общую публикацию материала. Особенно когда речь идет об огромной коллекции. Чтобы всерьез уяснить в ней что-то и понять, требуются годы и годы.

В рамках программы «Древности» появилась возможность вернуться к написанию обобщающей монографии, заново переработать ее, дополнить, подготовить к печати и опубликовать, превратив в полноценный общедоступный научный источник. Каждый из ладожских черепков, собранных за многие годы в музейных запасах, взятый в отдельности, не скажет читателю почти ничего. Зато вместе — препарированные и классифицированные — они становятся научными фактами, аккумулируя разнообразную информацию.

Исследование Т. Б. Сениченковой представляет собой интересное сочетание детальной публикации керамического материала с не менее детальным и всесторонним рассмотрением его историко-археологического контекста — общей культурной ситуации в лесной зоне Восточной Европы, существовавшей накануне появления Ладogi и на ранних этапах ее функционирования — в периоды Ж, Е и Д. Подробно рассмотрен и технологический аспект исследований керамики. Сделанные автором выводы представляются неизменно взвешенными. В основе их — наблюдения, основанные на материалах очень большого спектра культур и отдельных памятников Восточной Европы.

Впрочем, пересказывать книгу — дело неблагодарное. Ее надо читать и использовать! Хорошо, когда есть такая возможность...

Н. И. Платонова

ЧАСТЬ I
История исследований

Первые исследователи Старой Ладogi: археологическое путешествие К. М. Бороздина, 1809 г.

Введение

Говоря о начале археологических исследований Ладogi, историки вспоминают пастора Вильгельма Толле, который между 1704 и 1710 гг. раскопал ряд курганов в ее округе (Бранденбург 1896: I, 4). Именно тогда, по мнению Г. С. Лебедева, «в поле зрения российской науки впервые попали древности поры образования Древнерусского государства» (Лебедев 1982: 15). Однако, при несомненности факта раскопок и их вполне научной направленности, «в поле зрения российской науки» они, на самом деле, не попали, оставшись курьезным эпизодом историографии. Этот эпизод привлек внимание ученых лет через полтора, когда никакой возможности получения достоверной информации о раскопках уже не было. Возможно, одна из причин — безвременная кончина пастора Толле в Санкт-Петербурге в 1710 г., но, так или иначе, от его работ в науке не осталось ничего, кроме глухого предания.

Упомянув о раскопках В. Толле, историографы, как правило, сразу переходят к 1820-м гг. В фундаментальных трудах по истории русской археологии, созданных во второй половине XX в. (Формозов 1986; Лебедев 1992), именно этот период ассоциируется с началом выявления и исследования славяно-русских древностей на Северо-Западе России (так называемый этап ученых путешествий). Идеологом и производителем работ был Зориан Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий). Он также непосредственно приложил руку к раскопкам Староладожского некрополя (Отрывок... 1839: 143–144; Доленга-Ходаковский 1838).

Однако первое «ученое путешествие» по Европейской России, организованное именно с целью поиска и сбора «древностей славено-русских племян», состоялось несколько раньше, в 1809–1810 гг. В составе экспедиции было три постоянных члена; руководил ею К. М. Бороздин. Первую остановку путешественники сделали именно в Ладoge. Указанное событие имеет в источниках точную дату: 2–6 июня 1809 г. Произведенные тогда работы, по справедливости, следует считать началом собственно научного исследования Староладожского комплекса. На сей раз, полученные результаты, действительно, попали в поле зрения науки, хотя, пожалуй, их информационный потенциал не был использован в должной мере. Часть материалов, собранных в 1809 г., сохранилась до наших дней и представляет собой полноценный источник.

В задачи «путешествия по России», осуществленного К. М. Бороздиным, входило изучение древностей, исторической географии («древнего разделения» земель), а также этнографической культуры («старинных одежд и обычаев») русского населения Европейской России. Отдельным важным направлением являлся археографический поиск — выявление ценных рукописей для копирования и передачи в государственные хранилища.

«Много было по России путешествий, — писал Бороздин, — творения мудрого Лепехина, ученых Гильденштедта, Георгия Гмелина, Рычкова, Озерецковского, Зуева, Севергина и наконец славного Палласа увековечили их имена. Ни как не смею не только совместничаться, но даже и поставлять себя в какое-нибудь сравнение с сими знаменитыми писателями; однако ж могу заметить здесь, что главной и единственный предмет их был всегда естественная история и ее отрасли. Древностей они или совсем не описывали, или описывали их самым поверхностным образом, и то мимоходом. Следовательно, путешествие мое есть в России почти первое в своем роде...» (ОР РНБ. Ф. 487. № Q394. Л. 2об.).

На первый взгляд, автор здесь не вполне точен. Участники академических экспедиций XVIII в. по Сибири (Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер и др.) зачастую целенаправленно занимались описанием памятников древности изучаемых регионов. Однако, говоря об отсутствии предшественников, К. М. Бороздин не брал в расчет научные предприятия, снаряженные для изучения дальних окраин Российской империи и живущих там диких народов. Его экспедиция, действительно, впервые на практике поставила своей целью поиск и исследование *славяно-русских древностей* и этнографических особенностей *собственно русского населения* в пределах исторического ядра России. Автор прекрасно отдавал себе отчет в новизне избранного направления.

«...Мы имеем обстоятельные описания и изображения одежд обитающих в России Финских, Татарских и особливо Сибирских народов; но одежды собственно Славяно-русских племян населяющих самое сердце нашего Отечества не были сколько нам известно, ни кем с довольною подробностью описаны. Причиною тому вероятно мнение, что одежда собственно русских всем русским известна, и что она везде почти одинакова; но мнение такое не совсем справедливо. Конечно одежда славено-русских племян населяющих Россию, вообще между собою сходна; однакоже в каждой почти губернии, даже в каждом почти уездном городе есть в ней более или менее приметных различий, а особливо в головных уборах. Разумеется, что мы говорим здесь о женской одежде, потому, что муская одежда Русских во всех местах почти одинакова.

И так описание многообразных одежд Русскаго народа без сомнения может быть любопытно и даже полезно для наших художников; равно как и собрание старинных Русских утварей, если мы их найдем в довольном количестве... Так же и виды оставшихся древних развалин, которые мы снимать намереваемся...» (Там же: л. 5об., 6, 6об.).

Особый интерес для К. М. Бороздина представляла историческая география средневековой России. Намечая круг источников для реконструкции древнего государственного-административного деления, он писал: «...Одна из причин наиболее затемняющих Русскую историю происходит от малого сведения о древней нашей Географии. Древнее разделение России на многие удельные княжества многократно переменяясь, наконец слилось в один состав обширной нашей Монархии... Россия испытала уже несколько перемен в Гражданском разделении на трети, четверти, провинции, губернии, наместничества и проч. Новые сии преобразования изгладили на конец старинное разделение... Оставшиеся следы, кажется, существуют еще... в разделении уездов на волости, станы и другие наименования, которые сохранились между народом. Руководствуясь сими сведениями и соображая их

с родословными княжескими росписями, можно надеяться получить хотя некоторое понятие о владениях удельных князей...» (Там же: л. 4об., 5).

Деньги на первый год путешествия (5000 рублей) выделил лично император Александр I. Трое спутников — сам К. М. Бороздин и прикомандированные к нему чиновники — «коллежский асессор Ермолаев и художник 14 класса Иванов» (ОР РНБ. Ф. 542. № 1029) — выехали из столицы 29 мая 1809 г. В Старую Ладogu они прибыли ранним утром 2 июня.

В последующие пять дней эта троица произвела описание и зарисовку видов Ладожского мыса (Каменной крепости) с трех сторон, а также зарисовку вида Никольского монастыря и Земляного городища с Раскатной крепостной башни. Был снят первый инструментальный топографический план Каменной крепости; выполнены обмеры и разрезы крепостных башен и церкви св. Георгия Победоносца; скопирован (впервые!) храмовый образ св. Георгия (фреска XII в.); выполнены точные прорисовки некоторых надписей-граффити из этой церкви. Попытка «рытья» слоев строительного мусора внутри башен и у крепостной стены успеха не имела. Знаменательно, однако, что такая попытка вообще была предпринята.

Действующие лица

Кем были эти три человека, ставшие, волею судеб, первыми, кто подошел к описанию и фиксации «Староладожских развалин» не с практической целью их ремонта и использования, а с чисто научных позиций?

Константин Матвеевич Бороздин (1781–1848) в период своего путешествия еще не являлся ни крупным чиновником Министерства народного просвещения, ни сенатором (Геннади 1876: 105; Половцов 1908: 276–279; Коробова 2005; Коненкова 2017; и т. д.). Это был молодой петербургский аристократ, без систематического образования, но очень начитанный и даже успевший издать небольшую книжку — «Начертание жизни князя Я. Ф. Долгорукова» ([Бороздин] 1805). В свои 28 лет он уже был статским советником, что, впрочем, никого не удивляло: аристократические отпрыски быстро двигались по служебной лестнице¹ (рис. 1.1).

Сохранившиеся тексты Константина Матвеевича свидетельствуют, что их автор хорошо ориентировался в средневековых письменных источниках — разумеется, на уровне своего времени. В своих письмах, имевших характер отчета о путешествии, Бороздин нередко цитирует летописи и новгородские грамоты по изданиям их в «Древней русской вивлиофике...» Н. И. Новикова (1770–1790-е гг.) (Вивлиофика... 1788), а также по рукописи Кенигсбергского списка, с которым он был знаком в подлиннике. В экспедиции он взял на себя взаимоотношения с местными властями, разработку конкретных вопросных пунктов, предлагавшихся чиновникам на

¹ Матвей Корнильевич Бороздин (1753–1817), отец Константина, в юности был офицером, сражался под началом графа П. А. Румянцева при Ларге и Кагуле. По семейным обстоятельствам был вынужден уйти из армии в чине капитана артиллерии. Перейдя на статскую службу, достиг генеральских чинов (тайный советник, с 1810 г. — сенатор). Сумел также оставить по себе «память беспристрастного судьи, что так редко встречалось в то время» (Половцов 1908: 279–280).

Рис. 1.1. Константин Матвеевич Бороздин (1781–1848) (из откр. ист.)

Рис. 1.2. К. М. Бороздин в Староладожской крепости (рисунок Д. И. Иванова, фрагмент). 2 июня 1809 г.

местах — применительно к каждой конкретной губернии и уезду, и значительную часть работы в местных архивах (рис. 1.2).

«...Наконец исполнилось давнишнее мое желание путешествовать по России, — описывал Бороздин свой отъезд из Петербурга, — видеть в ней места ознаменованные великими происшествиями и, так сказать, поклониться священным остаткам отечественных древностей. Удовольствие мое было бы теперь совершенно, если бы не нарушал его страх сомнительного успеха в моем предприятии.

...Оно началось самым торжественным образом. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР с благоволением принял мое намерение, взял путешествие это под высокое свое покровительство и дал все нужные на сей год пособия. Посланные к Архиепископам и Губернаторам от Министров, именем Монарха письма, возвестили о том целой России. Дали мне тех помощников, которых я иметь желал. Теперь ученые и не ученые не только ожидают того, что мы сделаем, но даже имеют право ожидать, что мы сделаем много... Знаменитое подвигами отечество наше, конечно, не менее знаменито и древностью...» (ОР РНБ. Ф. 487. № Q394. Л. 2–2об.).

Упомянутые желанные помощники — А. И. Ермолаев и Д. И. Иванов — сильно уступали руководителю в своем общественном статусе. Оба они были прикомандированы к экспедиции без потери мест службы и содержания — ибо не имели иных средств к существованию, кроме ежемесячного жалованья.

Александр Иванович Ермолаев (1780–1828) в интересующий нас период считался «домочадцем» А. Н. Оленина и жил в его доме, совмещая обязанности личного секретаря со службой под началом своего патрона в самых разных государственных

учреждениях. По происхождению он был дворянином, сыном уездного землемера, прапорщика Ивана Ивановича Ермолаева. В пятилетнем возрасте отец отдал мальчика в Воспитательное училище при Академии художеств. Причиной тому стало «несчастное приключение», приведшее к разрыву между родителями и запрету матери видеться с сыном. Определить ребенка в относительно «престижный» приют удалось по протекции соседа, капитана артиллерии Матвея Бороздина. Таким образом, судьбы двух главных участников путешествия соприкоснулись еще в раннем детстве (Тимофеев 2006: 50).

В Академии художеств Ермолаев обучался в архитектурном классе, откуда был выпущен в 1800 г. со званием «художник-архитектор». В студенческие годы он много занимался самообразованием, овладел французским, немецким и латинским языками. Когда и как этот юноша попал в орбиту А. Н. Оленина, неизвестно. Но, возможно, прав Л. В. Тимофеев, считающий, что Оленин целенаправленно искал «... среди выходящих из стен Академии художеств нужного ему искусного художника, который бы согласился заняться совершенно непривычным делом. Так много позже случилось и с художником Ф. Г. Солнцевым, которого Оленин вынудил перепрофилироваться в художника-археолога...» (Там же: 51) (рис. 1.3).

К 1809 г. Ермолаев из простого помощника и безотказного изготовителя «археологических рисунков» для своего патрона успел превратиться в тонкого исследователя-источниковеда — палеографа, филолога и нумизмата. В профессиональном плане он очень скоро перерос и самого Оленина, и все его окружение. Но их личные взаимоотношения до конца оставались прежними — отношениями патрона к клиенту, учителя к ученику. Начисто лишенный тщеславия, Ермолаев не оставил ни одной собственной прижизненной публикации; результаты своих изысканий он беспечно дарил другим, лишь изредка выступая в печати соавтором своего благодетеля. Впрочем, в тексте работ Алексей Николаевич, как правило, упоминал о вкладе своего помощника ([Оленин] 1806: 3–4, 43, 44; Оленин 1814; Мыльников 1981: 77–79; Голубева 1988: 196–213; и др.). В доме Олениных Александр Иванович квартировал 27 лет — не только из-за «недостаточного состояния», но и «из-за привязанности к семейству», несомненно, искренней.

По протекции Оленина Ермолаев вскоре по возвращении из путешествия (в начале 1812 г.) стал хранителем Депо манускриптов Императорской Публичной библиотеки. Его практическая деятельность на этом посту оказалась исключительно плодотворной. Современные историки науки называют Ермолаева первым русским палеографом, создателем основ научного описания рукописей.

Рис. 1.3. П. А. Оленин. Портрет Александра Ивановича Ермолаева (1780–1828). Цв. бумага. Пастель, черный и светлый карандаш (из откр. ист.)

Дмитрий Иванович Иванов — наименее известная личность из троих путешественников. Родился он то ли в 1782, то ли в 1775 г. Дворянином явно не был. Сохранившийся формулярный список, представленный в Министерство народного просвещения в 1810 г. при производстве Д. И. Иванова в чин губернского секретаря, содержит указание на возраст — 35 лет (Тимофеев 2006: 53). В этом случае в Академию художеств он поступил уже 27-летним, а на службу впервые устроился в 33 года. Трудно сказать, что явилось причиной такой «задержки роста». Люди той эпохи вообще выросли рано.

Так или иначе, в Академии великовозрастный студент был весьма успешен. Он стал учеником Г. И. Угрюмова и несколько раз — в 1804, 1805 и 1806 гг. — удостоивался малых золотых и серебряных медалей за живописные полотна на заданные темы. Тематика произведений была исключительно историческая: «Мужественный подвиг патриарха Никона в укрощении народного бунта», «Прием Владимиром Мономахом греческих послов с богатыми дарами» и т. д. В 1806 г. Иванов окончил Академию с аттестатом первого класса и шпагой, однако долго не мог определиться на государственную службу (что, впрочем, было общей проблемой выпускников, не имевших влиятельных покровителей) (Шумова 1978: 30; Русская живопись... [Электронный ресурс]).

До наших дней дошло лишь одно из полотен Дмитрия Иванова — созданная им в 1808 г. картина «Марфа Посадница», или «Вручение пустынною Феодосием Борецким меча Ратмира юному вождю новгородцев Мирославу, назначенному Марфой Посадницей в мужья своей дочери Ксении» (ныне хранится в ГРМ, эскиз — в Третьяковской галерее). За это произведение Иванов получил похвальный отзыв от Академии художеств. В нем он, действительно, показал себя мастером классицистической композиции. Фигуры персонажей энергично моделированы светотенью и контрастными цветовыми пятнами, контуры их четки и ритмичны... Однако сюжет картины, отраженный в «развернутом названии», способен вызвать оторопь у любого современного историка (рис. 1.4).

На первом плане на полотне мы видим «юного вождя Мирослава», коленопреклоненного перед «пустынником Феодосием». И тот, и другой облачены в подобие античной тоги, только у юного вождя одеяние алое, а у старика, похоже, посконное. Под тогой у Мирослава видна греческая туника, у пустытника — белая славянская рубаха. Старик протягивает юноше короткий меч, одновременно указывая на него перстом левой руки... Рядом с Мирославом стоит бледная стройная Марфа Посадница, облаченная в золотые одежды, — форменная Елена Прекрасная на склоне лет. Темные занавеси на заднем плане вызывают стойкую ассоциацию с театральными драпировками...

Все эти образы пришли прямоком из исторической повести Н. М. Карамзина «Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода» (1-е издание — 1803 г.) (Карамзин 1964: 680–728). Вероятно, Иванов писал свою картину под сильнейшим впечатлением от сей литературной новинки! Плоды фантазии Карамзина-беллетриста (а к ним относились и «юный Мирослав», и никогда не существовавший «пустытник Феодосий Борецкий», да и весь сюжет с передачей «меча Ратмира») явно воспринимались художником как реальные лица и события. Видимо, такое отношение к исторической прозе было не редкостью в тогдашнем образованном обществе. Наиболее искушенные читатели, конечно, догадывались, что не все в этих книгах правда. Однако исторический контекст и идейная наполненность наиболее

Рис. 1.4. Д. И. Иванов. Марфа-Посадница (Вручение пустынноиком Феодосием Борецким меча Ратмира юному вождю новгородцев Мирославу, назначенному Марфой Посадницей в мужа своей дочери Ксении). Холст, масло. 1808 г. (из откр. ист.)

популярных художественных произведений явно ассоциировались с подлинной историей.

Таким образом, картина Д. И. Иванова является информативным источником, показывающим особенности исторического мировоззрения его современников. Было бы интересно взглянуть через эту призму и на научные тексты того времени.

Незадолго до путешествия (или в период его подготовки?) Дмитрий Иванович Иванов был взят на службу в Москву, в Экспедицию Кремлевского строения, и вскоре откомандирован в распоряжение Бороздина. В ОР РНБ сохранился любопытный документ, положивший конец долгой путанице между Дмитрием и его однофамильцами, художниками И. А. Ивановым, А. А. Ивановым и др., в каждом из которых исследователи когда-то пытались видеть участника путешествия 1809–1810 гг.: «1809-го года мая 9-го дня я, нижеподписавшийся, получил двести рублей от Его Превосходительства Господина действительного Статского Советника, Мастерской и Оружейной Палаты Почетного члена и Кавалера Алексея Николаевича Оленина, в добавок к прежде полученным мною от Его Высокопревосходительства Господина действительного Тайного Советника и Кавалера Петра Степановича Валуева двум стам рублям, на подъем для предназначенного мне путешествия по России, в чем и дал сию расписку. 14 класса Дмитрий Иванов» (ОР РНБ. Ф. 1381. № 29).

За два года путешествия художник Д. И. Иванов проявил себя как искусный копиист и рисовальщик древних предметов, исторических ландшафтов,

архитектуры и пр. Особенный успех у специалистов имели его копии мозаик Киевского Софийского собора, на редкость удачно передающие особенности подлинника (Закревский 1868: 800–801; Поленов 1871: 66). Однако начиная с 1811 г. сведения о художнике Дмитрие Иванове в источниках исчезают.

Поскольку работа его в экспедиции была вполне успешной, можно предположить, что и по окончании ему открылись хорошие перспективы. К тому же П. С. Валуев, главноначальствующий Экспедиции Кремлевского строения, даже по словам его недоброжелателей, был очень внимателен к нуждам своих подчиненных. Трудно поверить, что в такой ситуации художник забросил профессию по собственной воле. Скорее можно допустить, что Дмитрий Иванович либо не пережил военной грозы 1812 г., либо заболел и умер еще перед войной.

В литературе существует мнение, что в экспедицию Бороздина был направлен из Москвы еще один член — выпускник Кремлевского архитектурного училища (а впоследствии его преподаватель) *Петр Сергеевич Максютин*. Однако в составе группы 1809 г. этого человека не было, о чем несомненно свидетельствуют письма К. М. Бороздина и А. И. Ермолаева к А. Н. Оленину. Обследование памятников Старой Ладogi он не занимался, поэтому ниже речь о нем не пойдет.

Отцы-организаторы

Адресатом цитированных выше писем Бороздина, с описанием задач экспедиции, был статс-секретарь *Алексей Николаевич Оленин* (1763–1843), назначенный в 1808 г. товарищем графа А. С. Строганова, главного директора Императорских библиотек. Именно он сумел грамотно «вбросить» в высшие инстанции идею организации археологического путешествия с целью поиска, сбора и зарисовки русских древностей (рис. 1.5).

О желании К. М. Бороздина добровольно принять на себя столь хлопотное дело, причем без какого бы то ни было вознаграждения, Оленин упомянул в частной беседе с уже упомянутым выше главноначальствующим Экспедицией Кремлевского строения, а также Мастерской и Оружейной палатой Московского Кремля *Петром Степановичем Валуевым* (1743–1814) — как раз, когда тот посетовал на недостаток экспонатов для «заполнения нового здания Оружейной палаты» (Тимофеев 2006: 49)². Видимо, вопрос о такой экспедиции уже неоднократно обсуждался Олениным с самим Бороздиным, который принадлежал к числу его близких знакомых.

² В период руководства П. С. Валуева Экспедицией Кремлевского строения (1801–1814) Мастерская и Оружейная палата получили статус музея (1806 г.), для которого выстроили специальное новое здание (закончено в 1810 г.). Тогда же была составлена сводная полная систематизированная *Опись коллекций музея*. По инициативе П. С. Валуева вышло в свет «Историческое описание древнего Российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты, в Москве обретающегося» (1807 г.). В конце 1800-х гг. активизировался процесс пополнения музея новыми экспонатами: «...в документах 1808–1810 гг. встречается множество сведений о передаче в музей вещей от частных лиц различных сословий — от князя Долгорукова до крестьян, нашедших в лесу шлем...» (Музеи... [Электронный ресурс]).

Рис. 1.5. Алексей Николаевич Оленин (1763–1843) (из откр. ист.)

Рис. 1.6. Петр Степанович Валуев (1743–1814) (из откр. ист.)

Информация упала на благодатную почву: главноначальствующий заинтересовался перспективой обогатить Оружейную палату новыми находками. Вдобавок ему понравилось бескорыстие Бороздина, который, чтобы иметь возможность надолго отлучиться из Петербурга, готов был оставить доходное место службы (на тот момент он являлся одним из директоров Ассигнационного банка). Поэтому Валуев без промедления подал министру народного просвещения соответствующую записку для доклада царю (рис. 1.6). Ответ последовал уже на следующий день, 6 марта 1809 г.

«Петр Степанович, изъявленное Статским Советником Бороздиным желание путешествовать по России, в том предположении, чтоб открывать различные достопамятности, кои могли бы служить к наполнению и украшению Мастерской и Оружейной палаты, находя соответствующим той цели и попечениям, к коим сие хранилище достопамятностей Российских учреждается, повелеваю согласно представлению вашему и в изъявление благоволения МОЕГО к сему полезному подвигу, Статского Советника Бороздина поместить в число Почетных членов Мастерской и Оружейной палаты. Для вящей же удобности в успешном совершении предприятия его для составления описания путешествия и снятия рисунков, приказал я прикомандировать в помощь ему избранного вами Коллежского асессора Ермолаева... Александр» (РГИА. Ф. 1147. Оп. 1 (1809). № 673. Л. 3, 3об.; цит. по: Тимофеев 2006: 49).

Таким образом, в начале XIX в. проблема «открывания различных достопамятностей» отнюдь не казалась государственным людям России чем-то несерьезным. Предложения по этой части находили отклик и у самого императора Александра Павловича, и у целого ряда вельмож. В этой связи стоит упомянуть любопытнейший

документ, копия которого сохранилась в архиве графов Мордвиновых. Рукопись озаглавлена: «План путешествия по России для собирания древностей» (План... 1902: 588–614). На ней имеется пометка: «поднесенный 1 ноября 1805 г.» (Там же: 588).

Сам документ представляет собой пространную записку, разделенную на пять больших параграфов:

- 1) о пользе манускриптов, или древних рукописей;
- 2) о пользе вообще всех древностей, или антиков;
- 3) изыскание древностей необходимее всего в России;
- 4) где находятся ныне русские древности;
- 5) каким образом собрать антики, чтоб составить всеобщий Музей древностей русских.

Первым на этот источник обратил внимание историк В. П. Козлов, справедливо отметивший близость ключевых положений «плана» (и имевшейся в нем «инструкции») к тем принципам, по которым была организована экспедиция К. М. Бороздина. По его мнению, «совершенно очевидно, что именно им [т. е. планом 1805 г. — *Н. П.*] руководствовались К. М. Бороздин и А. И. Ермолаев, когда... в мае 1809 г. при содействии А. Н. Оленина были направлены „по высочайшему повелению путешествовать по России для описания древних достопамятностей“...» (Козлов 1988: 80).

Абсолютно верной, на мой взгляд, является и отмеченная исследователем тесная связь предполагаемого автора «Плана...» с Императорской Публичной библиотекой (еще находившейся в процессе организации) и, главное, с учрежденным там в феврале 1805 г. Депо манускриптов» (Там же: 79). Все эти выводы прямо следуют из самого содержания документа.

Однако совершенным недоразумением явилось, с моей точки зрения, приписывание авторства данного «Плана...» тогдашнему хранителю Депо манускриптов П. П. Дубровскому. В «Примечаниях» В. П. Козлов, правда, оговорил условность такой трактовки (Там же: 161). Тем не менее в его тексте упомянутый документ везде называется «Планом Дубровского».

В настоящей главе нет места развернутой аргументации, опровергающей данное положение, однако на вопросе авторства «Плана...» необходимо остановиться. Для начала приведем цитату из самого документа: «*Поелику сию инструкцию должен писать сведущий антикварий, то здесь и предложены только первые основания; да и весь план содержит одне начальные черты сего предприятия. Что касается до путешествия по чужим краям, то... сие путешествие, по нынешним военным безпокойствам, вряд ли произвести можно с пользою. Однако ж, северные края, как-то: Данию, Швецию и Норвегию, а особливо Померанские берега, под прикрытием русских войск находящиеся, было бы весьма прилично и необходимо осмотреть (курсив мой. — Н. П.)*» (План... 1902: 214).

Петр Петрович Дубровский, более четверти века занимавшийся сбором коллекции западноевропейских рукописей, был как раз сведущим антикварием — пожалуй, одним из самых сведущих в России рубежа XVIII–XIX вв. (Воронова 1981: 123–130). И хотя именно «русские древности» никогда не являлись главным предметом его занятий, он вряд ли мог выразиться подобным образом о себе самом. Однако этот человек отнюдь не принадлежал к кругу тех, кто имел право самолично

представлять правительству крупные проекты или «подносить» их государю³. И уж совсем странно выглядели бы в его устах уверенные рассуждения о том, что будет «прилично» предпринять российскому правительству, покуда русские войска находятся в Северной Европе.

Напомним: формально Дубровский был весьма неуспешен в государственной службе. Почти всю жизнь он оставался мелким чиновником, копиистом и переводчиком в разных миссиях, не выше 8-го класса. Лишь покровительство графа А. С. Строганова, оценившего его уникальную коллекцию и добившегося ее включения в Императорскую библиотеку в виде отдельного Депо манускриптов, доставило 50-летнему антикварию (уже четыре года как исключенному из службы!) чин надворного советника и приличное место на старости лет (Воронова 1981). В документах о деятельности Дубровского в Императорской библиотеке никаких следов работы над «Планом...» не выявлено.

Из самого содержания «Плана...» и стиля его изложения с несомненностью следует, что составитель записки был крупный вельможа, широко образованный, с немалым опытом организатора. Не являясь профессиональным антикварием, он на своем уровне прекрасно разбирался в существе дела. Он нисколько не сомневался в собственном праве безоговорочно распоряжаться и материальными ценностями, и живыми людьми. Вот характерный пассаж из его инструкции руководителю «миссии» (экспедиции): «...Рисовальщик должен безпрестанно заниматься сею частью, а где неостанет одних его рук, миссионер [т. е. руководитель. — Н. П.] заимствует из семинаристов или других казенных учеников... Миссионер имеет полную власть над рисовальщиками и писцами, и они состоят в одном его распоряжении. Он сменяет их за неисправность и замещает другими, только бы не было в деле остановки. Однако ж, они, при смене, доставляются до своего места за казенный счет...» (План... 1902: 613).

Характерно также то, как уверенно рассуждает автор о необходимости отбирать древности из монастырских хранилищ в государственные:

«Пора освободить древности наши от сего невольнаго укрывательства... Теперь можно найти для них приличнейшие места, нарочно для сего приготовленные и открытые любителям... Хранение рукописей по разным местам задерживает успехи в истории...» (Там же: 591). «Вместо того, что в столице они приводили бы в удивление путешественников и заставляли работать ученаго и мастера, они лежат в заключении, как деньги у Гарпагона...» (Там же: 599).

Возможный протест духовного ведомства, похоже, совершенно не заботил составителя «Плана...». Между тем и Оленин, и Бороздин всегда действовали в данном вопросе осторожно, с большой оглядкой.

Но самым симптоматичным является, на мой взгляд, брошенное в тексте записки замечание о желательности объединения Музея древностей русских с Депо манускриптов: «Присоединение музея древностей русских к депо манускриптов я почитаю тем приличнее, что все эти вещи, как принадлежащие к одному классу (т. е. к археологии), были бы тогда вместе, и что *столица всегда имеет на сие большие*

³ Кстати, и статс-секретарь Оленин, бывший, в отличие от Дубровского, «Превосходительством» и «Кавалером», в 1809 г. таким правом отнюдь не обладал. Он предпочел аккуратно заинтересовать идеей путешествия старшего по чину и должности П. С. Валуева.

права, нежели прочие частные места (курсив мой. — Н. П.)» (Там же). Последняя приведенная цитата окончательно убеждает, что составителем документа мог быть только один человек — граф Александр Сергеевич Строганов (1733–1811), действительный тайный советник и кавалер, президент Академии художеств и главный директор Императорских библиотек.

Именно Строганов в начале 1805 г. добился после четырехлетней волокиты открытия упомянутого Депо манускриптов — и явно не желал на том останавливаться. Во многом благодаря ему, за Императорской библиотекой окончательно было закреплено выстроенное новое здание (Соколовский корпус). Идея организации в Санкт-Петербурге музея славяно-русских древностей, объединенного с Депо манускриптов, могла исходить только от Строганова. Особенно если учесть, что другой влиятельный вельможа, П. С. Валуев, очень активно подготавливал почву для создания аналогичного музея на базе Мастерской и Оружейной палаты в Московском Кремле. И как раз намеревался построить для него новое, современное здание.

Попытка Строганова перехватить инициативу и выдвинуть на первое место Санкт-Петербург («столица... имеет на сие больше права») пришлось как раз на время разработки и подготовки Валуевым императорского указа «О правилах управления и сохранения в порядке и целости в Мастерской и Оружейной палате ценностей». Этот указ должен был дать московской царской сокровищнице музейный статус. В подобном контексте предложение графа А. С. Строганова о присоединении Музея древностей русских к петербургскому Депо манускриптов выглядело не иначе, как вражеская вылазка. Ибо строительство двух музеев одновременно казна не стала бы финансировать.

Видимо, обе стороны боролись за влияние на государя. Но последнее слово осталось за Петром Степановичем. 10 марта 1806 г. Александр I подписал подготовленный им указ. Строгановский «План путешествия по России...», напротив, не получил хода, хотя составлен был очень толково и с размахом. Однако заниматься сбором отечественных древностей должен был тот, кто распоряжается их хранилищем. Идея организовать такое хранилище в Петербурге в 1805–1806 гг. не прошла.

А. Н. Оленин в 1809 г. оказался мудрее своего непосредственного начальника. Будучи с Валуевым в хороших отношениях, он изначально повернул дело так, что проект нового «путешествия» исходил как бы от самого Петра Степановича. Древности предполагалось собирать именно для Оружейной палаты. Это резко ускорило дело. Ну, а фактическое руководство подготовкой экспедиции все равно оказалось возложено на Оленина. 1 мая 1809 г. Валуев обратился к нему с письмом:

«Милостивый государь мой, Алексей Николаевич.

Будучи теперь весьма занят и находясь при самом моем отъезде из Санкт-Петербурга, совсем не имею я времени для составления инструкции отправляющемуся по высочайшему повелению путешествовать по России г-ну почетному члену Мастерской и Оружейной палаты статскому советнику Бороздину. Составление же сей инструкции, сверх главного для него о сем путешествии руководства, считаю я тем еще более нужным, дабы прикомандированный к нему в помощь коллежский асессор Ермолаев и отправляющийся с ним, поступивший под мое начальство, художник 14 класса Иванов удобнее могли видеть каждый взаимные свои отношения и ту подчиненность, без которой никакое дело не может быть с успехом выполнено. Я уже имел удовольствие

говорить о том с вашим Превосходительством лично и просить вас, как старшего Оружейной палаты члена и как человека в истории, древностях и художествах весьма сведущего, дабы вы, Милостивый государь мой, взяли на себя труд оную инструкцию составить. Вы по приязне вашей ко мне охотно согласились оное выполнить, почему теперь и поставляю долгом отнестись еще к вам письменно и просить вас покорнейше, чтобы вы, составив оную инструкцию точно на тех самых основаниях, которые я вам изустно предлагал, сами подписали ее и отдали г. статскому советнику Бороздину, как первому лицу и начальнику отправляющихся в сие путешествие для надлежащего по оной руководства и исполнения; по вручении вами инструкции г-ну Бороздину, прошу покорно доставить мне с оной копию как для моего сведения, так и для дальнейших моих по сему предмету предписаний.

Имею честь быть с совершенным почтением вашего превосходительства покорнейший слуга

Петр Валуев» (ОР РНБ. Ф. 542. № 1029).

Об «инструкции, данной от начальника нашего [т. е. от П. С. Валуева. — Н. П.]», Бороздин упоминает в своем первом письме-отчете (ОР РНБ. Ф. 487. № Q394. Л. 4). Несомненно, в основу этого документа, реально подготовленного А. Н. Олениным, легли положения более раннего (и более масштабного!) строгановского «Плана путешествия по России...». Факт идейной преемственности имеет и прямое подтверждение. В рукописи «Плана...» напротив фразы «...по открытии бюро манускриптов, мысль сия сделалась для меня столь занимательною, что я осмелился представить правительству сей план, полагая, что и многие другие любители делают то же... (курсив мой. — Н. П.)» на полях стоит приписка: «В сем я и не ошибся; ибо в мае месяце 1809 г. отправлены два чиновника для сего путешествия» (План... 1902: 592, примеч. 1).

Приведенные данные позволяют сделать целый ряд выводов. На раннем этапе Александровского царствования, уже в начале 1800-х гг., идея изучения отечественной истории не только по «манускриптам», но и по вещественным памятникам, «антикам», получила значительное распространение в образованных кругах России, включая высшую аристократию. Именно на рубеже XVIII–XIX вв. начинается активное строительство музеев и архивных хранилищ в Санкт-Петербурге и Москве, которое возглавляют граф А. С. Строганов и П. С. Валуев.

Как ни парадоксально, но причиной такого сдвига явилась, по-видимому, полная утрата живой исторической памяти — не только о средневековой Руси, но и о хронологически близкой допетровской эпохе. На рубеже XVIII–XIX вв. происходит окончательный разрыв преемственности, *археологизация* отечественной старины в общественном сознании. Культурный разрыв с прошлым сообщает ему элемент загадочности. Его начинают романтизировать и тосковать по нему (что в петровскую эпоху было абсолютно немислимо)⁴. Его актуализируют в соответствии

⁴ Тот же Карамзин восклицал: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили как думали? По крайней мере я люблю сии времена...» (Карамзин 1964: 622). Очень близкие по духу пассажи встречаются и в «Плане путешествия по России...» графа А. С. Строганова.

с политическим и общественным запросами нового времени⁵. А самое главное — его начинают *изучать научным путем*, постепенно вырабатывая на практике методы анализа источников. Одной из первых попыток такого рода и стало ученое путешествие Бороздина.

Историография и источники

Самым известным и надежным источником информации о результатах ученого путешествия К. М. Бороздина служат хранящиеся в РНБ четыре великолепных альбома чертежей и зарисовок, сделанных с натуры в 1809–1810 гг. (ОР РНБ. ОСПК. Ф. 4. № 204/1–4). Эти альбомы, переплетенные в красный сафьян с золотым тиснением, были изготовлены для императора Александра Павловича. Туда вошли материалы, «преподнесенные» государю в качестве отчета об экспедиции. Позднее они были переданы в Публичную библиотеку (ныне РНБ), где благополучно сохранились⁶.

Первые краткие описания этого «бороздинского собрания» рисунков были опубликованы П. И. Кёппеном (Кёппен 1822: 15, 96; 1825: 455–457), который назвал его «драгоценным» и выразил пожелание, чтобы оно было издано «с надлежащими пояснениями» (Кёппен 1926: 455). Такого издания, увы, нет до сих пор.

В дальнейшем перечень рисунков, помещенных в указанных четырех альбомах, с более-менее подробными аннотациями, был опубликован в Трудах I Археологического съезда в Москве. Подготовил публикацию член МАО Дмитрий Васильевич Поленов, зять Константина Матвеевича (Поленов 1871: 62–71). Там же было помещено написанное им краткое «Биографическое известие о сочинителе атласа» (Там же: 71–74).

Тем не менее по целому ряду причин экспедиция К. М. Бороздина значительно чаще оказывалась в фокусе внимания историков литературы, чем археологов. Интерес филологов к ней вполне объясним — ведь результатом работ Бороздина и его спутников стал помимо всего прочего богатейший археографический материал, состоявший из рукописных книг, актов и старопечатных изданий. В числе находок, привезенных ими в Петербург, были такие ценности, как опальный Синодик Иоанна Грозного, рукописный сборник, содержавший «Путешествие...» игумена Даниила в Палестину, подлинники грамот с печатями великого князя Василия Васильевича, царей Ивана Васильевича, Федора Ивановича, Бориса Федоровича и т. д.

Волею судеб проблематика путешествия Бороздина оказалась тесно переплетена и с исследованиями «Слова о полку Игореве», и с пушкинианой, и с историей

⁵ Неслучайно Вадим Новгородский и Марфа Посадница становятся в XIX в. любимыми героями русских республиканцев.

⁶ Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что собрание историко-документальных зарисовок, выполненных Д. И. Ивановым и А. И. Ермолаевым во время путешествия, являло собой своего рода прообраз будущего многотомного издания «Древности Российского государства» (Древности... 2006). Скорее всего, идея такой подборки зародилась в окружении А. Н. Оленина задолго до 1830 г. Однако Отечественная война 1812 г. и, вероятно, смерть художника Д. И. Иванова заставили отложить ее воплощение на более поздний срок.

влиятельных интеллектуальных сообществ («кружков») начала XIX в. в Санкт-Петербурге и Москве. Резкий всплеск интереса историков литературы и искусствоведов к этому научному предприятию и его участникам наблюдался в 1970–1980-х гг. (Голубева 1988; Прийма 1980; Мыльников 1981; Тимофеев 1983; 2006; Славина 1983: 40–42; Козлов 1988; Павлова 2003; Коненкова 2017; и др.). Благодаря проведенным архивным изысканиям, был выявлен комплекс источников, позволяющих с достоверностью судить об организации экспедиции, о ее маршруте, сроках работы и разделении обязанностей между участниками. Особенно важный вклад в указанную проблематику внесли Ф. Я. Прийма, В. П. Козлов и Л. В. Тимофеев.

В собственно археологической литературе второй половины XIX — XX в. экспедиции Бороздина уделялось значительно меньше внимания, хотя при обращении к конкретным сюжетам отдельные авторы XIX в. отмечали высокий уровень работ ее участников. Так, например, Н. Закревский, автор двухтомного описания древностей Киева, указывал: «Несравненно лучше всех, доселе нами виденных, скопировал [мозаики Софии Киевской. — *Н. П.*] ... живописец Дмитрий Иванович Иванов, бывший в Киеве со стат[ским] сов[етником] Конст[антином] Матв[еевичем]. Бороздиным... Копии Иванова замечательны тем, что передают характер Киево-Византийских изображений с удивительною верностью и неподражаемою тщательностью и в том виде, в каком мозаики были в 1810 г., следовательно без всяких новейших подновлений. Поэтому копии Иванова могут почитаться теперь единственными в России...» (Закревский 1868: 800).

Ярославский историк и журналист второй половины XIX в. Л. Н. Трефолев, которому в архиве Ярославского губернского правления попалось дело 80-летней давности «Об открытии древних достопамятностей», с подшитыми в него вопросными пунктами, составленными в 1809 г., был удивлен, с каким доскональным знанием источников К. М. Бороздин 80 лет назад формулировал свои вопросы, касающиеся ярославской топо- и гидронимики. По его словам, «...этот дворянин-археолог взялся за дело умелыми руками и не забыл... археологической географии...» (Трефолев 1888: 5).

Материалами бороздинского собрания рисунков периодически пользовались специалисты в области архитектурной археологии. В частности, на них неоднократно ссылался Н. Е. Бранденбург в своей книге «Старая Ладога» (Бранденбург 1896: 139, 141, 155 и др.). Однако объектом целенаправленного исследования (по крайней мере, со стороны историков материальной культуры) это собрание все-таки не стало. Характерно, что тот же Бранденбург, говоря о надписях-граффити на стенах церкви св. Георгия (к тому времени уже уничтоженных), ссылался на «Историю российской иерархии» (Амвросий 1812: 137–139), но ни словом не упомянул, что в 1809 г. эти граффити осматривались и копировались сотрудниками экспедиции Бороздина. Конечно, рукописи Бороздина он, скорее всего, не видел. Однако и в альбоме имеется точная графическая копия двух надписей, вместе с копией знаменитого храмового образа Георгия из этой церкви, выполненной А. И. Ермолаевым в цвете (рис. 1.7).

Прямые текстуальные совпадения соответствующих мест в труде архимандрита Амвросия (т. IV) и рукописи К. М. Бороздина «Путешествие по России...» (см. далее)

Рис. 1.7. А. И. Ермолаев. Церковь св. Георгия: А — разрез; Б — фрагмент настенной живописи; В — граффити (ОР РНБ. ОСРК. Ф. 4. № 204/1. Л. VIII)

показывают, что информацией о надписях в церкви св. Георгия автор всецело был обязан участникам экспедиции 1809 г., скорее всего А. И. Ермолаеву. К сожалению, такое «умалчивание» о вкладе А. И. Ермолаева в данную проблематику продолжилось и в XX в.

Сравнительно недавно изобразительные материалы Старой Ладogi из собрания Бороздина были частично опубликованы М. И. Мильчиком в его монографии о Старой Ладoge (Мильчик 2014: ил. 57–62). В ней впервые оказались изда ны в цвете инструментальный план Каменной крепости, выполненный А. И. Ермолаевым, и прекрасные виды Ладожского мыса и Никольского монастыря, запечатленные на рисунках Д. И. Иванова. Отметим, однако, что в этой книге, посвященной градостроительной истории Ладogi, указанные материалы поданы практически без комментариев, просто как красивая иллюстрация. Копия фрески с храмовым образом св. Георгия, выполненная А. И. Ермолаевым в 1809 г., и сделанные им точные прорисовки граффити из той же церкви в публикацию не попали.

Важным источником, помогающим составить представление о работах экспедиции и ее маршруте, являются подробные письма с описаниями путешествия, которые К. М. Бороздин и А. И. Ермолаев регулярно отсылали А. Н. Оленину (Тимофеев 2006: 56–67). Эти письма хранятся в ОР РГБ (Ф. 211: Оленин А. Н.).

Для наших целей особенно важна рукопись, оформленная руководителем экспедиции в виде серии писем, с описанием первых месяцев путешествия. Она имеет заглавие: «Путешествие по России 1809 года. Десять писем к А. Н. Оленину» (ОР РНБ. Ф. 487. № Q394)⁷. Три письма из десяти (№ 3–5) посвящены описанию старо-ладожских древностей.

В конце 1990-х гг. указанный текст был издан в журнале «Источник. Документы русской истории» (Алексеев 1999). Однако на сегодняшний день эта публикация является, пожалуй, еще более труднодоступной, чем ее рукописный подлинник⁸. Несомненно, требуется новое издание.

Для современного историка археологии экспедиция, работавшая в Европейской России (и, в частности, в Ладoge) еще в «докарамзинский период» разработки отечественной истории, за 11 лет до первого ученого путешествия З. Доленги-Ходаковского, представляет большой и самостоятельный интерес. Ниже приводится текст трех писем К. М. Бороздина, содержащих описания Старой Ладogi, с комментариями.

⁷ Еще одна копия хранится в ОР РНБ (Ф. 1105. № 301). В архивной описи и в заголовке данного дела автором писем ошибочно указан А. И. Ермолаев. К делу приложены также копии его биографических документов. Ошибка проистекла от того, что до 1970-х гг. автором рукописи «Путешествие по России...» считался А. И. Ермолаев. В настоящее время авторство К. М. Бороздина не подвергается сомнению.

⁸ В центральных библиотеках Санкт-Петербурга и Москвы, включая РНБ и РГБ, отсутствует номер журнала с указанной публикацией (№ 5 за 1999 г.). К сожалению, ни на сайтах РНБ и РГБ, ни в Электронной научной библиотеке eLibrary, ни на других сетевых ресурсах до сих пор не выложено ни электронной копии этого номера, ни даже информации о его содержании. Мне он остался неизвестен, несмотря на долгие поиски.

К. М. Бороздин и его спутники в Старой Ладоге

Путешествие по России 1809 года: десять писем к А. Н. Оленину⁹

[16] Письмо третье

Старая Ладога 2 июня

Из примечательнейших предметов, которые видели мы, едучи сюда из Шлиссельбурга, были Ладожский канал и река Лава. Первый столько известен, что излишно будет говорить о нем, а о последней напомним Вам, что она по несчастному Столбовскому замирению¹⁰ постановлена была пределом России и Швеции¹¹; теперь же [1606.] составляет разделение Софийского уезда от Новолодожского и впадает в Ладожский канал¹².

В Новую Ладогу приехали мы ночью. По утру ходили смотреть каменную соборную церковь довольно старинного строения¹³, и которая прежде была монастырем, называвшимся Никольским Медведским. От чего имел он это имя, кем и когда построен, мы ни от кого не получили сведения¹⁴. Везде несносной ответ: не знаем или Бог ведает. В церкви заметил один только образ Иоанна Предтеча¹⁵, писанный на дереве в 1592 г. и еще колокол, вылитый при царе Борисе Феодоровиче в 1603-м. Древних архивных записок, как у священников, так и у гражданского начальства никаких не нашли; все бумаги, [17] как нам сказывали, должны быть в Новгороде в Архивах и в консистории. Признаюсь Вам, что такие известия совсем не были для

⁹ Рукопись в переплете из красного сафьяна с золотом (ОР РНБ. Ф. 487. № Q394), выполнена скорописью, на 82 листах. Автор на титуле не указан. Тетрадь включает 10 писем, с описанием путешествия К. М. Бороздина совместно с А. И. Ермолаевым и Д. И. Ивановым от Санкт-Петербурга до Кириллова в 1809 г. Текст писем отредактирован и дополнен автором, обращения к адресату сняты, возможно, внесены и более значительные изменения. В настоящем издании текст писем 3–5 приводится без купюр. Авторская орфография и пунктуация частично сохранены (*примеч. ред.*).

¹⁰ Столбовское замирение — мирный договор, подписанный 27 февраля (9 марта) 1617 г. в Столбове (близ Тихвина) и положивший конец русско-шведской войне 1610–1617 гг. (*примеч. ред.*).

¹¹ Расстояние от реки Лавы до реки Торнео, разделяющей по последнему миру Россию от Швеции, взяв самую прямую чертогу, составляет 700 верст (*примеч. К. М. Бороздина*).

¹² Бороздин и его спутники проезжали эти места еще до официального завершения русско-шведской войны 1808–1809 гг. Но в период, когда на основе писем готовилась рукопись «Путешествие по России...» (зима 1809/1810), уже был заключен Фридрихсгамский мирный договор между Россией и Швецией, по которому земли восточнее рек Торнео и Муонио переходили в вечное владение России. К нему и относится указание автора «по последнему миру...» в предыдущем примечании. В настоящее время по реке Торнео вместе с ее притоком Муонио проходит граница между Финляндией и Швецией (*примеч. ред.*).

¹³ Никольский собор Николо-Медведского монастыря, построен в XVI в. (*примеч. ред.*).

¹⁴ Николо-Медведский монастырь на п-ве Медведец, основан предположительно в XIV или XV в. Упразднен ок. 1704 г. для постройки на этом месте Новолодожской верфи (*примеч. ред.*).

¹⁵ Характерно, что Бороздин ничего не говорит о второй монастырской церкви Иоанна Предтечи (XVI в.), которая в конце XIX в. была капитально перестроена. Судя по тому что храмовый образ Иоанна Предтечи находился в 1809 г. в Никольском соборе, вторая церковь тогда не действовала (*примеч. ред.*).

нас ободрительными. И для того спешили мы отъездом в Старую Ладogu, которая лежит от Новой в 11-ти верстах.

Здесь остановились мы в доме священника тутошней церкви святого Георгия¹⁶. Отец Николай¹⁷, так его называют, человек самой доброй; он ходит с нами везде, показывает все и помогает всеми силами.

Между тем, пока виды и план староладожских развалин еще не сняты, мы не станем их описывать, а напомним вам нечто об основании сего города и о знатнейших его происшествиях.

[17об.] Некоторые писатели полагают, что Ладoga есть упоминаемый северными историками город Алдейгоборг. Оставляя затемненную многими веками древность, будем говорить о Ладoge с тех только времен, которых происшествия сохранены первым нашим летописателем. Нестор основание Ладogi приписывает Рюрику¹⁸; следовательно Ладoga, вместе с Киевом, Новгородом и Изборском, разделяет славу быть в числе древнейших городов, упоминаемых при рождении нашего Отечества. Мы не станем здесь говорить о причинах, побудивших Рюрика поселиться сначала не в Новгороде, а в Ладoge; потому что это принадлежит к истории Новгорода, или лучше сказать ко всеобщей нашей истории; а еще более потому, [18] что о сем весьма удовлетворительно изыскано в одном новом весьма ученом сочинении¹⁹.

Ладoga недолго была Рюриковою столицею; вскоре сей Государь переселился в Новгород. С его времени Ладoga сделалась пригородом и жребий ее неразрывно стал связан с судьбою Новгорода. В исчислении городов и селений пяти Новгородских уездов, называвшихся тогда пятинами, Ладoga упоминается в Водской пятине²⁰. Она была род поместья, принадлежавшего князьям Новгородским и давалась им для их содержания, по тогдашнему называвшегося кормлением. В договорных Грамматах, заключенных новгородцами с их князьями [18об.] в XIII, XIV, XV и XVI столетиях положено, чтоб подати, собиравшиеся в третье лето с Ладogi, отдаваемы были Князю, который сверх того имел право на Осетринную ловлю и на варение медов. По крайней мере, так понимаем мы следующие слова, находящиеся в Новгородских Грамматах: «А в Ладogu ти, Княже, слати Осетрника и Медовара по Грамоте деда твоего Ярослава; а ездити тебе, Княже, в Ладogu на третье лето»²¹. Здешние осетры и теперь еще почитаются в сих местах лучшими; иногда бывают они весом от 8 до 9 пудов; что ж касается до медов, то хотя их теперь здесь и очень мало варят: однако же некоторые [19] старики уверяли нас, что пчеловодство еще в их памяти было гораздо обширнее нынешнего, и что при монастырях варили хорошие меды разных родов.

¹⁶ Церковь св. Георгия — каменный храм второй половины XII в. на территории Староладожской крепости (*примеч. ред.*).

¹⁷ Священник Николай (Афанасьев) — служил в церкви св. Георгия в 1783–1813 гг. (Бранденбург 1896: 235) (*примеч. ред.*).

¹⁸ Кенигсбергский список в Академии наук, стр. 9 (*примеч. К. М. Бороздина*).

¹⁹ Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. Москва 1808-го стр. 6 (*примеч. К. М. Бороздина*).

²⁰ Там же стр. 96 (*примеч. К. М. Бороздина*).

²¹ Древн: Росс: Вифлиофика 2-ого издания. Часть 1. Грамматы Новгородские (*примеч. К. М. Бороздина*).

Из летописей видно, что Ладожане в разных делах, касающихся до Новгорода, имели немалое влияние, на пример: в 1136-м году, когда Новгородцы вознамерились отнять правление у Всеволода Мстиславича, внука Мономахова, то не прежде как посоветовавшись с Псковичами и Ладожанами, сперва посадили его под стражу, а на конец и совсем изгнали²². Может быть, это влияние приписать должно тому, что Ладожане живучи в таком месте, которое служило складкою товаров, отправляемых [190б.] в Балтийское море, более прочих обитателей Новгородской области участвовали в торговле с Северными народами и, следовательно, должны были быть в числе богатейших между ними купцов. Мнение это тем более вероятно, что из трех дорог, бывших от Северных Ганзейских городов до Новгорода самая удобная и обыкновеннейшая (потому что вся по воде) была чрез реку Неву и Ладожское озеро в верх по Волхову²³.

Положение Ладоги, защищавшей с сей страны водяной путь до Новгорода, от завидовавших Новгородской торговле Шведов, делало ее весьма важною. И так [20] не удивительно, что Новгородцы сколько можно старались укрепить ее. В 1116-м году при княжении славного Мстислава сына Мономахова, Ладожский посадник Павел, по свидетельству Новгородской летописи, заложил в Ладоге Каменную крепость²⁴. Та ли эта самая крепость, которой развалины здесь остались, — постараемся объяснить при описании самих развалин.

Ладожане по свидетельству летописей, имели дух воинственный. Имя их с похвалою упоминается при описании разных военных происшествий; они участвовали во многих победах Александра Невского. Излишно было бы говорить о всех их подвигах; но приличнее было бы упомянуть здесь о тех, которые собственно до сего города относятся. В 1164 году, Шведы с немалым флотом осадили Ладогу; жители сожгли сами свои предместья и затворившись в городе, послали просить помощи у Новгородцев. Между тем неприятели сделали к городу приступ; но храбрые Ладожане под предводительством посадника своего Нежаты, с великим уроном их отразили, и Шведы принуждены были отступить в реку Воронай²⁵, где и были побеждены князем Святославом Ростиславичем и Новгородским посадником Захарию, пришедшими на помощь Ладоге. Из пятидесяти пяти судов их, едва спаслись двенадцать, прочие же взяты Новгородцами²⁶.

[21] Не всегда однако же Ладожане так счастливо отражали покушения врагов; в 1313-м году, когда они с посадником своим пошли воевать против шведов, сии

²² Новгородский летописец в продолжение Российской Вифлиофики часть II, стр. 384 и 387 (*примеч. К. М. Бороздина*).

²³ Исторические разговоры о древностях Новгорода, стр. 36 и *Geschichte des Hanseatischen Bundes von Georg Sartorius. Goettingen. 1803 года* (*примеч. К. М. Бороздина*).

²⁴ Новгородский летописец в продолжение Российской Вифлиофики часть II, стр. 379 (*примеч. К. М. Бороздина*).

²⁵ Река Вороная, совр. Воронежка, в Волховском р-не Ленинградской обл. Предполагаемое место битвы со шведами на Вороной 28 мая 1164 г. находится у совр. д. Самушкино Потанинского сельского поселения. В честь победы на реке Вороной, по преданию, был построен храм св. Георгия в Ладоге (*примеч. ред.*).

²⁶ Новгородский летописец в продолжение Российской Вифлиофики часть II, стр. 403 (*примеч. К. М. Бороздина*).

последние пришедши с другой стороны, взяли оставленный без защиты город, разграбили и сожгли²⁷.

В 1610-м году, Ладога так же не могла спастись от вероломства коварного неприятеля; Шведский полководец Понтус Делагарде²⁸, прибывший с начала в помощь Русским, в последствии изменнически обративший оружие свое противу союзников, послал отряд войск своих к Ладогe. Добродушные жители, считая их за союзников, сами отворили ворота [21об.] и без сопротивления впустили к себе врагов своих. В сии несчастные времена Ладога со своими окрестностями претерпевала великие от них раззорения, равно как и от набегавших сюда и даже гораздо далее Польских и Литовских отрядов. Жители слыхали от предков своих, что во время сего бедствия, здешний Успенский девичий монастырь был обращен в конюшню.

Памятник кровопролитной брани и теперь еще в сих местах существует. Близ Николаевского монастыря находится курган, называемый жителями Победищем. Мы не могли получить ясного сведения, от чего он так называется. [22] Здешние селяне сказывали только, что тут когда-то русскими одержана победа над Литвою, и что под сим курганом погребен какой-то убитой полководец. Вероятно, происходило это в те же смутные времена Лжедмитриев, когда толпы иноплеменников с мечом и пламенем рассыпались по обширным странам сиротевшего нашего Отечества.

Около крепости и селения старой Ладogi по обеим сторонам Волхова, есть много других курганов. Некоторые из них вероятно принадлежат временам гораздо отдаленнейшим, а может быть восходят даже и до самых времен язычества.

[22об.] Теперь остается сказать несколько слов о нынешнем состоянии Старой Ладogi. В 1704-м году при учреждении Ладожского канала, Петр великий перевел здешних жителей к устью Волхова и основал там город Новую Ладogu; а здесь остались одни только вдовы с сиротами и другие малосильные Горожане, которые не могли подняться. Старая Ладога составляет ныне слободу, в которой сорок дворов; она похожа более на простую деревню. Число жителей простирается до 150-ти душ; между ними несколько купцов, а остальные мещане. Все они по своим податям и повинностям записаны в Новой Ладогe, а по земской Полиции зависят от исправника.

[23] Ратуши особливою не имеют, а есть только для порядка между ними выборной. В бумагах они подписываются: города Новой Ладogi купец или мещанин и староладожской житель такой-то. Пропитание свое имеют от небольшой торговли и от проходящих здесь по Волхову барок.

В окрестностях Старой Ладogi находится три монастыря: один Успенской девичий третьеклассной и два бывших муских: Ивановской и Николаевской, оба уничтоженных с состояния духовных штатов²⁹; мы в них ничего не нашли

²⁷ Там же, стр. 377 (примеч. К. М. Бороздина).

²⁸ Якоб Понтуссон де ла Гарди (Делагарди) в 1609 г. возглавил пятитысячный корпус, отправленный шведским королем Карлом IX на помощь Василию Шуйскому против Лжедмитрия. Позднее, из-за невыплаты наемникам жалованья, начал захватывать русские крепости Северо-Запада и продвигать на русский трон кандидатуру шведского принца Карла-Филиппа. В 1617 г. участвовал в заключении Столбовского мира (примеч. ред.).

²⁹ Последний ныне возобновляется и приписан к Александров[ской] Лавре (примеч. К. М. Бороздина).

любопытного относительно к нашему предмету. Монастырские [23об.] записки пожарами, Литовским разорением и временем все истреблены. В девичьем монастыре Игуменья показывала только место, где была келья Царицы Евдокии Феодоровны Лопухиной, горестной супруги Петра великого и матери несчастного царевича Алексея. Царица сия постриженная в монахини, была переведена сюда из Суздаля и содержалась здесь несколько лет. В Ивановском монастыре равномерно ничего не заметили, кроме одного колокола, вылитого в 1604-м году при Царе Годунове. В Николаевском монастыре видели мы такой же колокол с латинской надписью Si Deus pro nobis, qui Contra nos G* O* S* F* M* Prom* 8 Anno 1643. Думаем, [24] что этот колокол взят был у Поляков во время войны, при Царе Алексее Михайловиче.

Описание развалин Старой Ладоги задерживает нас далее, нежели сколько мы сначала думали: однако же если б я имел более времени, то остался бы еще прожить в этом месте. Прекрасные местоположения и великие воспоминания делают его равно занимательным.

По вечерам хожу я по живописным берегам Волхова; восхищаюсь приятными видами, или на развалинах размышляю о прошедшем. Между тем товарищи мои спешат окончить свою работу. В сию самую минуту один из них с лесницею и веревками лазит [24об.] везде по стенам и меряет³⁰. Другой же возле меня рисует лежащий перед нами вид³¹; а я сижу на верху юго-восточной башни, во многих местах обвалившейся и представляющей громаду камней³² (см. рис. 1.2).

Подо мною и прямо против меня течет величаво Волхов, омывающий подошву этой башни; легкой ветерок едва струит его поверхность, на которой суда, нагруженные произведениями внутренних стран России, несут дань гордой ее столице. Протяжные песни Судовщиков, раздаются по воде и повторяются отголосками в пустоте развалин. Смотрю на лежащие около меня предметы; все в них представляет вид разрушительной войны, а еще более разрушительного времени. Позади меня во внутренности [25] башни, три больших в стенах свода служили бойницами, из которых летала смерть на осаждавших. Прямо против меня за стенами лежат возвышения, на которых кажется были сделаны земляные укрепления и рвы³³, теперь деятельною рукою селянина превращенные в огороды. Между ними я вижу маленькую деревянную часовню, где более шести веков назад, сооружен был храм³⁴ святым Нифонтом, Епископом Новгородским (рис. 1.8, 1.9). За нею в правую сторону в отдалении едва открывает голову свою высокий холм, называемый Победищем. Подле сего холма виден весь Николаевский монастырь во многих местах развалившийся. Слышу в нем унылой и продолжительной [25об.] звон колокола, призывающий окружающих селян на вечернюю молитву и напоминающий мне, что

³⁰ А. И. Ермолаев (*примеч. ред.*).

³¹ Д. И. Иванов (*примеч. ред.*).

³² Вероятно, этот момент отражен на одном из рисунков, где изображен человек с планшетом для письма, внутри Староладожской крепости. Предположительно, это портрет К. М. Бороздина (*примеч. ред.*).

³³ Имеется в виду территория Земляного городища (*примеч. ред.*).

³⁴ Собор св. Климента на Земляном городище, заложен свт. Нифонтом в 1153 г. Разрушился в результате осады и штурма Земляного города в период захвата Ладоги корпусом Я. Деллагарди в начале XVII в. (*примеч. ред.*).

Рис. 1.8. Д. И. Иванов. Вид Николаевского монастыря из Каменной крепости. 1809 г. (на первом плане — восточный бастион Земляного городища, справа на дальнем плане — сопка в урочище Победище) (ОР РНБ. ОСРК. Ф. 4. № 204/1. Л. IX)

Рис. 1.9. Д. И. Иванов. Вид Каменной крепости с востока, со стороны Волхова. По восточному фасаду справа налево башни: Стрелочная (Б), остатки Тайничной (В), Раскатная (Г). Слева — Земляное городище с часовней св. Климента (ОР РНБ. ОСРК. Ф. 4. № 204/1. Л. IV)

все в мире сем мгновенно. Где теперь подвизавшиеся здесь Герои? Где сам Рюрик, почитающийся основателем сего города? Где посадник Павел, соорудивший сии стены? Где храбрый Нежата, поразивший на берегах сих Шведские силы? Где другие ратовавшие здесь витязи, которых даже имена до нас не достигли и которых прах сокрытый, может быть под холмами рассеянными в окрестностях, попирается теперь ногами нелюбопытных прохожих?

Герои оные подобные мечте

Прешли и скрылися в могильной темноте³⁵.

[26] *Письмо четвертое*

Старая Ладога 4-го июня

Остатки Староладожской крепости лежат на возвышенном месте на левом берегу Волхова, при устье речки Ладожки. Построители ее умели воспользоваться местоположением: она защищается с западной стороны сказанною речкою Ладожкою, которая протекая к северу, впадает в Волхов; с полуденной стороны прикрыва была она глубоким оврагом, теперь отчасти засыпавшимся, а к востоку [26об.] Волхов составляет самую лучшую естественную ограду. В сем пространстве воздвигнута была довольно правильная крепость, которая длиною по Волхову сажень 60, а шириною сажень 20.

Приложим сюда снятой нами план ее и четыре вида, зачем наше описание с Западной стороны, которая сохранилась лучше прочих. По середине ее находится почти до половины развалившаяся четвероугольная башня А, под которою вход в крепость через двои ворота³⁶ (рис. 1.10, 1.11).

Один здешний восьмидесятилетний старик сказывал нам, что в его даже памяти, лет шестьдесят назад, был еще один ярус над этою башнею [27] и из него выход к Северу на стену. Над сим выходом, говорил он: была вделана продолговатая плита в полтора аршина с надписью, а какую объяснить нам старик не мог. Не относилась ли надпись эта к построению крепости? Мы ее всячески старались отыскать и даже рылись; но безуспешно: разрытие всего обвалившегося со стен на берег щебня и камней, требуют не малого времени и очень великих издержек; да сверх того и самой успех еще не надежен.

В низу сей башни есть со двора продолговатые двери и возле них окошко, в небольшую комнату, в которой кажется была в древности привратная стража; а несколько лет назад кузница одного полка, стоявшего в Старой Ладоге (рис. 1.12).

[27об.] Стена от сей четвероугольной башни к северу идет с начала прямо, а потом оборачивается несколько криво и примыкается к лежащей в устье Ладожки башне Б³⁷. В сем месте стена эта гораздо более разрушена, нежели у четырехугольной башни.

Наружная часть башни Б имеет вид круглой, а та часть, которая внутрь крепости и где ворота, прямая. Стена, идущая от нее по берегу Волхова до самой башни Г³⁸, совершенно разрушилась. Причину сего должно, по словам жителей, припи-

³⁵ Фингал, трагедия г. Озерова (примеч. К. М. Бороздина).

³⁶ Воротная (Проезжая) башня (примеч. ред.).

³⁷ Стрелочная башня (примеч. ред.).

³⁸ Раскатная (Роскатная) башня (примеч. ред.).

Рис. 1.10. А. И. Ермолаев. План Каменной крепости Старой Ладogi. 1809 г. (ОР РНБ. ОСРК. Ф. 4. № 204/1. Л. I)

Рис. 1.11. Д. И. Иванов. Вид Каменной крепости с северо-востока, со стороны р. Ладожки. Западный фасад. Справа налево башни: Климентовская (Д), Воротная (А), Стрелочная (Б) (ОР РНБ. ОСРК. Ф. 4. № 204/1. Л. III)

сывать отчасти судовщикам, прикрепляющим во время полноводия свои барки к стенам, и даже иногда ломающим окна, чтобы пропустить [28] бревна, к которым привязывают свои суда.

Что же касается до места, где нам должно думать находилась башня В³⁹, то она уже столь давно развалилась, что самые даже старожилы ни чего о ней не запомнят; однако же судя по оставшимся развалинам вероятно, что она была так же круглая. Мнение это подтверждается еще более выгравированным видом Ладожской крепости, находящемся в путешествии Олеария⁴⁰.

Башни Г и Д⁴¹ так же круглы и имеют каждая одни ворота изнутри крепости. Стена же, находящаяся между [28об.] ними так развалилась и заросла травой, что более походит на земляной вал (см. рис. 1.9). Вверху она забрана бревенчатым забором, который сделан срубам и совсем почти перегнил

На конец последняя стена, соединяющая башни Д и А, более прочих уцелела. Судя по сей стене и о прочих можно предполагать, что были они в 6 сажен вышины

³⁹ Тайничная башня (примеч. ред.).

⁴⁰ Здесь сделана однако же очевидная ошибка: назначенные на нашем плане под литерами Б и Д башни показаны у Олеария четырёхугольными, что совершенно не справедливо (примеч. К. М. Бороздина).

⁴¹ Климентовская башня (примеч. ред.).

Рис. 1.12. Д. И. Иванов. Вид Каменной крепости с юго-востока. По восточному фасаду справа налево башни: Климентовская (Д) и Воротная (А). Справа овраг («Тайник»), разделявший Каменный и Земляной город (ОР РНБ. ОСПК. Ф. 4. № 204/1. Л. V)

и от 2 ½ до 3 сажень толщины. Стены же башней, были кажется несколько выше и гораздо толще (рис. 1.13).

Все сии стены вообще построены из плиты и большого булыжника; частью же хотя [29] и весьма мало встречается кирпич. Для связи в башнях и стенах, вместо железа, употреблены были сосновые осмивершковые бревна, из которых два сохранились еще и теперь в башне Г. Вероятно так же, что на башнях были крышки по примеру некоторых других крепостных строений. К подкреплению сего мнения может так же служить приведенный нами выше, хотя в прочем и не совсем верный, вид Ладogi из Олеариева путешествия, в котором башни А, Г и Д показаны с крышками, оканчивающимися острием, а прочие две башни представлены без крышек с одними только на верху бойницами или зубцами.

Да и теперь еще на верху стен [29об.] в некоторых местах приметно основание плитяного парапета. В башнях же, равно ка и на стенах, находятся в два яруса казематы, или подвалы, сделанные коробовыми сводами, в наружной стороне которых находятся небольшие окошки или бойницы. Большая часть сих казематов, а особливо нижних, так засыпаны обвалившимися камнями и щебнем, что едва приметны.

Находящиеся в стенах башней ходы или лестницы, которые вероятно были сделаны для соединения ярусов, так же совсем почти засыпаны. Тот, которой из них простирается далее всех прочих, нашли мы в башне Д. Ширина его 3 фута,

Рис. 1.13. Д. И. Иванов. Вид Каменной крепости изнутри Раскатной башни (Г).
К. М. Бороздин за работой (ОР РНБ. ОСПК. Ф. 4. № 204/1. Л. VI)

а о высоте нельзя сказать определенного, потому что очень засыпан [30] и не везде равно. Он находится в стене сей башни с полуденной стороны и имеет 14 небольших сводов. Направление его по окружности башни почти не приметным образом идет при каждом из этих сводов на право (рис. 1.14).

Мы в него спустились. Сперва сажени на две опустились мы, согнувшись; потом сажени на две ползли. Тут нашли мы два круглых камня, которые загромождали дорогу и которые вытащили, хотя и с трудом веревками. За ними увидели не большое темное отверстие; мы зажгли свечи, взяли с собой фонарь и вынуждены были ползти совсем прямо на спине. Сажень через 5 выползли мы в небольшую продолговатую четверугольную комнату.

[30об.] О высоте ее судить нельзя по тому, что низ завален щебнем, а сколько мы могли смерить, заключало $4\frac{1}{2}$ аршина до верху, который оканчивается коробовым сводом, сделанным равно как и стены из кирпича. Ширина сей комнаты два аршина с половиною, а длина $5\frac{1}{2}$ арш. Окошек и дверей в ней никаких нет, кроме того отверстия, в которое мы вползли и которое шириною в аршин, а вышиною не более трех четвертей от обвалившегося мелкого камня. В сей комнате есть с двух только сторон две арки, заваленные так же щебнем и замерзлою землею. Мы начали было рыть под сими арками; но принуждены были оставить работу от того, что замерзлая земля была чрезвычайно твердая.

[31] Препятствие это тем более для нас было досадно, что со всею вероятностью предполагать можно, что сия комната была проходная. Одна арка по видимому

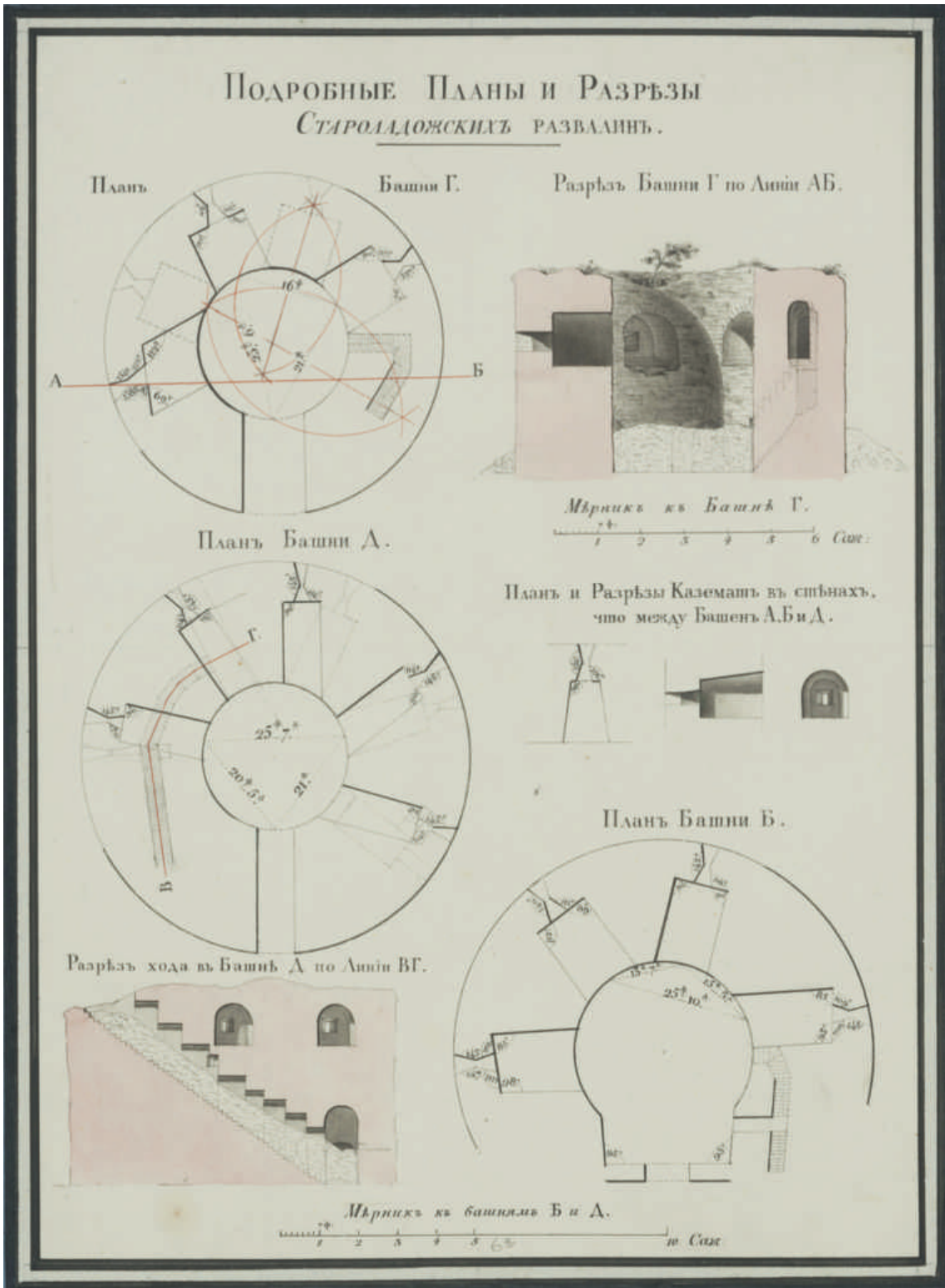

Рис. 1.14. А. И. Ермолаев. Разрезы башен Староладожской крепости. 1809 г. (ОР РНБ. ОСРК. Ф. 4. № 204/1. Л. II)

была для входа в сию комнату изнутри башни, а другая кажется служила воротами ведущими к тайнику; сим именем и теперь еще называется здешними жителями находящийся возле Южной стороны крепости овраг. У сей последней арки остался железный пятник, на котором как думать должно надевались двери; а возле его видно в стене круглое, глубокое гнездо, служившее вероятно для запора.

Сырой и холодный воздух скоро нас принудил оставить эту комнату, и мы осмотрев ее пустились опять на верх [31об.] и, с большим еще прежнего трудом, насилу втащились. Тогда измерив находящиеся в сем ходе не большие своды, нашли мы, что опускались в нем, считая от самого верха башни перпендикулярно на 4 сажени.

Упомянув выше сего о тайнике, за нужное почитаем несколько о том распространится. В древности, как вам довольно известно, такие тайники делывались обыкновенно в крепостях для получения воды во время осады, или что бывало гораздо реже для того, что бы в случае нужды можно было уйти из крепости, не бывши примеченным от неприятелей. Таковые тайники есть и в Москве под Кремлевскими стенами и башнями. Вероятно, [32] что были они и в Старой Ладоге; сохраняющееся до сих пор название Тайника вышесказанному оврагу дает повод предполагать это; но теперь давность времени так вообще разрушила крепостное строение, башни и стены, как снаружи, так и изнутри столько засыпаны, что невозможно почти найти тому следов.

Мы не нашли также никаких следов и того тайного подводного выхода, который, как сказывают, будто проведен из крепости под Волховом на другой берег. Здешние жители заподлинно уверяли нас, что такого под Волховом ходу нет; да и судя по широте, глубине и по иловатому дну сей реки [32об.] и быть никогда не могло. Может статься несколько десятков лет тому назад тот ход, который вероятно находился в овраге, называемом теперь Тайником, не был еще совсем засыпан; может быть кто-нибудь его видел и рассказывал о том другим. Пылкое воображение всегда пленяется чудесным. Ход этот увеличили на невероятное пространство, и наконец, чтобы сделать еще чудеснее, провели его сажень на сто под водою.

Теперь остается нам сказать только мнение наше в рассуждении времени построения Староладожской крепости. Должны признаться чистосердечно, что с величайшею к самим себе недоверчивостью [33] приступаем мы к сему исследованию.

Некоторые новейшие писатели утверждают, что в Старой Ладоге и донныне видны развалины Рюрикова замка; но слова Нестеровы: «Срубиша город Ладогу»⁴² ясно показывают, что сей город был первоначально деревянный, так, как и большая часть наших старинных замков до введения огнестрельного оружия, и что следовательно не может он быть той самой, которого каменные развалины в сем письме мы описывали.

Однако же оставшиеся здесь следы показывают, что крепость сия не могла быть построена во времена новейшие. Самая кладка стен свидетельствует уже древность [33об.] гораздо отдаленную. В ней употреблена плита вместе с крупным булыжником, а для связей деревянные бревна точно так, как в прочих оставшихся древних зданиях в Новгороде.

⁴² Кенигсбергский список в Академии наук, л. 9 на об. (примеч. К. М. Бороздина).

Соображая сии обстоятельства с летописями, кажется можно с довольною вероятностью заключить, что существующие здесь развалины суть той самой крепости, которую, как мы говорили выше, Ладожский посадник Павел построил в 1116-м году⁴³. К утверждению сего мнения, побуждает нас еще более то, что нигде в летописях не упоминается, исключая приведенного места, чтобы в Ладогe строены были каменные стены; о чем, судя по важности и величине теперь еще [34] оставшихся развалин — сомнительно, чтобы умолчали.

В таком случае, если предположение наше справедливо, то описанные в сем письме остатки Ладожской крепости видели уже почти семь столетий протекших от их построения и остались в России одним из самых древнейших памятников, которых следы истребительная рука времени еще пощадила.

Письмо пятое

Старая Ладoga 6-го июня

Внутри крепости находится церковь св. Георгия, построенная из плиты и кирпича. По словам здешнего священника называлась она в старину Застенным монастырем св. Георгия⁴⁴. Шириною она 3 сажени и 2 фута, а длиною 4 сажени и 4 фута, не считая пристроенной из кирпича паперти во времена гораздо новейшие (рис. 1.15). Внутри ее иконостас обыкновенного и не очень старинного письма. Стены оштукатурены и выбелены; но лет с тридцать назад, покойный Гавриил [35] Митрополит Новгородский⁴⁵, желая знать, нет ли на стенах какой надписи изъясляющей время построения сей церкви, приказал штукатурку в иных местах отколотить; тогда под нею открылась другая, в которой вместо волосу для связи была употреблена пенька. На ней везде расписано: *al fresco* и живопись сохранила краски свои почти в целости. Мы срисовали храмовой образ св. Георгия, из которого увидите вы рисунок тогдашнего века (рис. 1.7, Б). На сей последней штукатурке в алтаре на стенах нацарапаны, так сказать, разные надгробные надписи. Жаль очень, что ни в одной из них не означено года, и от того время построения церкви остается закрыто завесою неизвестности.

[35об.] Постараемся мы ее несколько проникнуть и соображая содержание, правописание и почерк сих надписей, предложим на суд ваш если не настоящие заключения, то по крайней мере некоторые догадки. Для того самого представим вам те из сих надписей, которые показались на более любопытными (рис. 1.7, В).

[36] Форма букв в сих надписях, имеет сходство с буквами, насеченными на тму-тараканском камне. Таковые на пример буквы: В. Є. Ж. Й. Н. М. Ч. которые в

⁴³ Здесь автор ошибается: каменные стены крепости посадника Павла в Ладогe перекрыты более поздней крепостью конца XV — XVI в. (*примеч. ред.*).

⁴⁴ Георгиевский Застенный монастырь просуществовал в Каменной крепости Ладogi с 1446 г. до 1760-х гг. (Бранденбург 1896: 234–235) (*примеч. ред.*).

⁴⁵ Преосвященный Гавриил (Петр Петрович Петров-Шапошников) (1730–1801) — архиепископ, с 1783 г. — митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, первенствующий член Синода, член Академии наук. Около 1780 г. по указу владыки Гавриила в церквях его епархии выявляли и фиксировали древние надписи (Амвросий 1812: 137). В ходе этого поиска в Георгиевской церкви Старой Ладogi была обнаружена и раскрыта на значительных площадях древняя фресковая роспись (*примеч. ред.*).

Рис. 1.15. А. И. Ермолаев. Лицевой вид (А) и план (Б, В, Г) церкви св. Георгия в Каменной крепости. 1809 г. (ОР РНБ. ОСРК. Ф. 4. № 204/1. Л. VII)

Русской Палеографии могут служить, так сказать, основателями; в первой из сих надписей найдете вы букву *їе*⁴⁶ редко встречающуюся даже в надписях XV века; безгласные Ъ и Ь, когда они так как во второй надписи в первоначальных словах заменяют гласные буквы, так же служат несомнительным знаком древности. Сверх того Русские имена Доможир, Нишко, Дроцило и тому подобное после XIII века почти не попадаются в наших летописях; почему все сии [36об.] обстоятельства вместе и заставляют нас почитать здешнюю церковь памятником нашего зодчества, если не XII, то по крайней мере XIII столетия.

Вот догадки товарища моего г. Ермолаева, который под вашим руководством обрассовал свои познания в Палеографии и древностях; и я с ним согласен. Впрочем, дабы вы могли иметь яснейшее понятие о сих надписях, прилагаю здесь две из них срисованные г. Ермолаевым с тою его точностью, которая вам известна. Вы первой, положивший основы Русской Палеографии, до того еще никем не изыскиваемой, лучше всех можете судить по сим надписям, [37] достойно ли вероятия наше предположение.

Возле церкви св. Георгия, находится в крепости другая во имя Димитрия Солунского. Она деревянная и построена лет с пятьдесят. В ней мы с особенным чувством заметили образа, поставленные тут Италийским завоевателем. Вы не забудете, что сей Герой, будучи еще Полковником, стоял здесь несколько времени со своим полком⁴⁷. Память сего времени еще и теперь сохранилась между здешними жителями. С особенным чувством уважения они нам рассказывали, как Суворов читал у них в церкви Апостол и певал [37об.] на Крылосе; рассказывали, как он учил полк свой и с ним перехаживал в брод Ладожку; на конец, говорили нам, как сей великий человек, который везде и всегда старался быть полезен отечеству, собрал здесь несколько мальчиков из бедных здешних дворян, сделал для них на свои деньги род училища и сам обучал их арифметике. С жадностью слушали мы все это: великий человек напечатлевает свое величие даже и на простых людях с ним обращавшихся. Слушая Ладожских стариков, мы почти с уважением на них смотрели и нам казалось, что как будто тогда дух бессмертного Суворова присутствовал при наших разговорах.

[38] Здесь я окончу наше описание Старой Ладogi; не знаю, будете ли вы им довольны. Сего дня мы отсюда едем и теперь приготавливаемся в дорогу. С некоторым сожалением оставляю я здешние развалины, по которым столько раз ходил задумавшись в мечтаниях прошедшего и будущего. Как с приятелями своими, прощаюсь теперь с берегами Волхова, который, кажется мне оттого печальнее катит свои волны. Такие растроганные чувства приводят мне на память отъезд мой из Петербурга, и я прощаюсь как будто в другой раз с теми моими друзьями, которые там живут.

[38об.] *Новая Ладoga от того же числа*

Здесь мы остановились переменить лошадей. Нам нужно было увидеть одного купца, у которого, как сказывал нам Староладожский священник, была какая-то

⁴⁶ *їе* — связная дwoегласная буква старославянского алфавита (Амвросий 1812: 138) (примеч. ред.).

⁴⁷ В Новой Ладoge в 1764-1768 гг. квартировал Суздальский полк, которым командовал тогда полковник А.В. Суворов. Учения полка зачастую производились в Старой Ладoge, где присутствовали столь необходимые для тренировки объекты, как крепостные стены и разнообразные водные преграды. Попутно Суворовым устраивались школы для офицерских, солдатских и купеческих детей. Полк принимал активное участие в местной церковной жизни и церковном строительстве (примеч. ред.).

рукописная летопись. Мы тотчас бросились к нему с расспросами; однако же ничего не нашли. Он сказал нам только, что здесь один купец Иван Парфенов — большой охотник до чтения, и имеет у себя довольно книг. Послали за этим [39] Новолодожским любителем Словесности — и к нам чрез четверть часа явился почтенный старик с седою бородою. Правда, мы и от него ничего нового для Истории не узнали; однако же провели с ним час времени самым приятным образом. Под русским кафтаном и под самою простою наружностью нашли мы человека с довольными сведениями, с хорошей памятью, и который много читал и с пользою.

Мы пустились с ним в разговоры и дошли наконец до политики. «Дай Бог здравствовать нашему Государю, — говорил доброй старик; [39об.] если бы только не смутные времена в Европе, так мы за ним спустя рукава б жили. Да и теперь какое Царство щастливее России: везде была кровопролитная война, никто не избежал от разорительного завоевателя; везде страшные контрибуции и конскрипции; а мы слава Богу и нашему Александру Павловичу, ни чего этого не видали. И внутри-то самой где можно лучше жить, свободнее думать и говорить, как не у нас?».

«В старину хотя может быть, — продолжал он, — дела и строже шли; однако же Бог с нею, с этой строгостию. Расскажу тебе повесть. Когда Петр [40] великий приказал здесь копать канал, то для лучшей способности велел так же жителям теперешней старой Ладogi перейти к устью Волхова. Проезжая один чрез Ладogu, сказал он им: Ладожане, переходите на новое место, которое я вам отвел, — и уехал. Старики подумали, погоревали, да и положились подождать исполнять Царское повеление, — авось либо переменится. Но чрез несколько времени, приезжает опять Петр великий. Что ж, Ладожане? Вы еще не перешли? — Надежда-Государь! — отвечали они, — мы дожидались твоего Указу. — Какой вам еще Указ, когда я сам вам говорил, — вскричал [40об.] Грозный Царь — и на месте тут же крепко заставил деда моего, который был тогда Ландратом, с шестью другими старшинами, сожалеть об их медленности. — На другой день сами сломали дворы свои и перешли на здешнее место».

Старик Парфенов еще рассказывал нам про старину. Скажу вам за редкость, что он почти из Ладogi не выезжал и в Петербурге бывал только несколько раз на малое время. Узнав от него, что он любит стихи, подарил я ему на память нашего знакомства трагедию «Дмитрий Донский».

[41] Сей час садимся в коляску и скачем в Тихвин...

Комментарий

Рукопись «Путешествие по России в 1809 году. Десять писем к А. Н. Оленину», оформленная в виде рукописной книжки, с подстрочными примечаниями и ссылками, по-видимому, представляла собой текст «промежуточного отчета» К. М. Бороздина перед государем. Неслучайно ее красный сафьяновый переплет с золотым тиснением полностью идентичен по рисунку переплету альбомов.

О том, что промежуточный отчет, действительно, был представлен императору по окончании первого года работ, свидетельствует письмо А. И. Ермолаева, в котором тот решительно возражает «...против излишне торопливой публикации

официального текста отчета и рисунков. „Нам сказывали, — писал Ермолаев Оленину, — что рисунки уже начали гравировать... Если с такою же поспешностью приступлено будет и к печатанию путешествия, то это можно будет почесть за немилость. *Описание путешествия нельзя издать в том виде, как оно было представлено государю: его непременно должно хорошенько выправить...* (курсив мой. — Н. П.)“ [ОР РГБ. Ф. 211. Карт. 3623. Д. 2/2. Л. 25]» (цит. по: Козлов 1988: 83, 161).

Таким образом, Александру I предоставлялся для ознакомления некий «облегченный» вариант отчета, в котором, с одной стороны, содержалась подробная информация о ходе путешествия, с другой — эти сведения облекались в форму развлекательного чтения. Подобным требованиям вполне удовлетворял жанр писем к другу, широко распространенный в литературе XVIII — начала XIX в. Сам К. М. Бороздин выражал опасение, что подобное сочинение «для действительных антиквариетов не будет, может быть, довольно учено...» (ОР РНБ. Ф. 487. № Q394. Л. ??). В результате, как это часто бывает, «ученый» вариант, отложенный на потом, так и не был доведен до конца, а тот, что почитался легковесным, сохранился для потомства.

15 февраля 1810 г. А. Н. Оленин сообщал Н. И. Гнедичу: «...Бороздин прислал ко мне [в Петербург. — Н. П.] А. И. Ермолаева с рисунками, снятыми во время их путешествия, и проект сочинения, которое должно сии рисунки сопровождать... [курсив мой. — Н. П.]» (Тимофеев 2006: 59).

В свою очередь Гнедич вскоре сам написал в Москву К. Н. Батюшкову: «...Поклонись Бороздину, скажи, я слушал его письма и что ему самому должно побывать в Петербурге. Его ждут-ждут... (курсив мой. — Н. П.) [ОР ИРЛИ. Р. I. Оп. 5. № 56. Л. 12–12об.]» (Там же: 60).

Фраза Гнедича: «...я слушал его письма» практически не оставляет сомнений, что «проект сочинения», сопровождавший рисунки, был построен по той самой форме, что и рукописная книжка: «Путешествие по России 1809 года...». Присланная рукопись зачитывалась вслух и активно обсуждалась в доме А. Н. Оленина членами его «кружка», к числу которых принадлежали, помимо хозяина дома и его супруги, Н. И. Гнедич, И. А. Крылов, Д. И. Языков, А. П. Квашнина-Самарина и др.

Этот текст, вместе с подборкой чертежей и рисунков 1809 г., А. Н. Оленин преподнес императору весной 1810 г. «Александр I остался доволен увиденным и пожаловал Бороздину перстень с императорским вензелем, Ермолаеву — перстень с бриллиантами, а Дмитрий Иванов и “канцелярские чины, в списке представленные”, награждались следующими чинами⁴⁸. Император разрешил продолжить путешествие и повелел выдать из сумм Кабинета еще 5 тысяч рублей... [РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 28. 1812. Л. 17]» (Тимофеев 2006: 60). В дальнейшем книжка, скорее всего, ходила по рукам, пока тоже не оказалась в Публичной библиотеке.

Можно с уверенностью утверждать, что текст «Путешествия по России...» не представляет собой подборки подлинных писем К. М. Бороздина к А. Н. Оленину. Зимой 1809/1810 г., когда Бороздин в Москве работал над своим текстом, у него в любом случае не было под рукой писем, отправленных Оленину из экспедиции. Вероятно, основой «Путешествия по России...» стал какой-то путевой журнал,

⁴⁸ Поскольку Д. И. Иванов был представлен к чину губернского секретаря, это означало для него продвижение сразу на две ступени служебной лестницы — от 14-го класса к 12-му.

из которого черпалась информация. Таким образом, перед нами литературное произведение, повествующее о ходе путешествия.

Бросается в глаза ограниченность информации, которую путешественники получают путем расспросов местного населения — как простого народа, так и администрации. С момента проведения последних государственных описей ладожских укреплений (1699, 1701) прошло чуть более 100 лет. Но за это время полностью изгладилась живая память, а восполнять пробелы было нечем: местные архивы все оказались вывезены в более крупные центры. «...Везде несносной ответ: не знаем или Бог ведает... Древних архивных записок, как у священников, так и у гражданского начальства ни каких не нашли...»

Характерно, что в Ладоге не нашлось уже никого, кто сообщил бы путешественникам старинные названия башен Каменной крепости, которые в петровское время были всем известны. Теперь же А. И. Ермолаев должен был обозначить их на плане литерами. Достаточно беспомощно чувствовали себя исследователи и при попытках обнаружить выход к «тайнику» — источнику воды в крепости или проверить легенду о наличии подземного хода под Волховом. Тайник они попытались найти в Климентовской башне. Но даже если бы место оказалось выбрано правильно, руинированное состояние крепости и мощные завалы строительного мусора не позволили бы этого сделать.

Выводы, к которым пришли исследователи после тщетных трудов, выглядят вполне рациональными: «Мы не нашли также никаких следов и того тайного подводного выхода, который, как сказывают, будто проведен из крепости под Волховом на другой берег. Здешние жители заподлинно уверяли нас, что такого под Волховом хода нет; да и судя по широте, глубине и по иловатому дну сей реки и быть никогда не могло. Может статься несколько десятков лет тому назад тот ход, который вероятно находился в овраге, называемом теперь Тайником, не был еще совсем засыпан; может быть кто-нибудь его видел и рассказывал о том другим. Пылкое воображение всегда пленяется чудесным...».

Если бы Бороздин и его спутники имели возможность ознакомиться с архивными описями Ладоги рубежа XVII–XVIII вв., они знали бы, что тайный колодец находился в Тайничной башне — той самой башне В, которая на момент их приезда в Ладогу оказалась практически разобранной. А в Деревянном городе, который был «деятельною рукою селянина превращен в огороды», находился второй колодец. От него-то, видимо, и получил название ров, разделяющий укрепления, — «Тайник».

В «Сметной описи Новугороду и Новгородским пригородам, составленной в октябре 1699 года, по Указу Государя Царя и В. К. Петра Алексеевича» сказано:

«...Башня Тайничная, круглая, каменная, стоит над рекою Волховом; мерою поперець 6 сажень. Та башня в прошлом 180 (1672) году по нижний свод разобрана для того, что начала валиться в реку Волхов; а то полое место зарублено деревянною стеною; а та стена в высоту 5 ½ сажень, и осталою нижний свод той башни сыплется и валится в реку Волхов. Да в той же башне колодязь; вода была проведена из реки Волхова; колодязь тот землю и камнем засыпало и заросло...» (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. № 14. Л. 104–104об.).

«...В Деревянном же городе тайник к реке Волхову, и в том тайнике колодязь; вода была проведена из реки Волхова трубою; и та труба и в колодязь обруб и мост

над колодезем и тарасы около тайника и в тайнике все сгнило без остатку; и в нужное время в городе водою будет скудно...» (Там же: л. 105об.–106).

Однако Бороздин и его товарищи знать этого никак не могли. В начале XIX в. русские архивы только-только начали разрабатываться.

Сравнивая план крепости с видом, зафиксированным на гравюре А. Олеария, Бороздин совершенно правильно подметил на этой последней неточности, хотя и не смог разобраться до конца в их причинах. Он указал: «...назначенные на нашем плане под литерами Б и Д башни показаны у Олеария четырёхугольными, что совершенно не справедливо».

Шатер Климентовской башни (Д), виднеющийся на гравюре Олеария на заднем плане, действительно, похож на четырёхскатный, что неверно, ибо башня, конечно, была круглой. А весь восточный фасад крепости, как это было установлено недавно С. В. Лалазаровым, на гравюре Олеария развернут зеркально. Таким образом, круглая Стрелочная башня (Б) с шатром оказалась там не справа, а слева. К. М. Бороздин о последнем не догадывался, но, к его чести, совершенно точно увидел несоответствие, которого многие последующие исследователи не замечали.

Чрезвычайно интересно сопоставить информацию о надписях-граффити в церкви св. Георгия, приведенную в рукописи, с текстом словаря архимандрита Амвросия, вышедшего из печати через два года после этих работ. Бороздин пишет:

«Форма букв в сих надписях, имеет сходство с буквами, насеченными на тмутараканском камне. Таковые на пример буквы: В, Є, Ж, Й, Н, М, Ч. которые в Русской Палеографии могут служить, так сказать, основателями; в первой из сих надписей найдете вы букву *йе* редко встречающуюся даже в надписях XV века; безгласные Ъ и Ь, когда они так как во второй надписи в первоначальных словах заменяют гласные буквы, так же служат несомнительным знаком древности. Сверх того Русские имена Доможир, Ницско, Дроцило и тому подобное после XIII века почти не попадаются в наших летописях; почему все сии обстоятельства вместе и заставляют нас почитать здешнюю церковь памятником нашего зодчества, если не XII, то по крайней мере XIII столетия.

Вот догадки товарища моего г. Ермолаева...»

А в книге архимандрита Амвросия мы читаем:

«В сих надписях буквы, наипаче В. Є. Ж. Й. К. М. и Ч. сходны почерком с буквами Тмутараканского камня; а в первой надписи в слове *своіему* буква *йе* связанная дwoегласная, встречающаяся только в древнейших наших книгах. Во второй надписи безгласная буква Ъ по древнему Новгородскому выговору заменяет букву гласную Е. Русские имена, каковы Доможир, Ницско, Дроцило после XIII века в Летописях почти уже не встречаются. Имя Гюрги вместо Юрий или Георгий также древняго правописания. По всему сему можно относить надписи сии естъли не к XII, то по крайней мере к XIII веку...» (Амвросий 1812: 138).

Текстуальная близость отрывков совершенно очевидна. Здесь нет дословного заимствования, но налицо единая последовательность изложения, одни и те же аргументы, один и тот же вывод. Особенно показательна апелляция к надписи

на Тмутараканском камне, все детали которой А. И. Ермолаев помнил досконально, ибо являлся ее исследователем.

Очень похоже, что оба отрывка восходят к одному источнику, каковым мог быть только сам Ермолаев и сделанные им копии георгиевских граффити. Бороздин и не скрывал, что писал со слов Ермолаева, ибо в палеографии был далеко не так силен. В его тексте не приводятся сами надписи, ведь с ними работал Ермолаев, который и отсылал эти материалы Оленину. Кстати, из их переписки следует, что в марте 1810 г., возвращаясь из Петербурга в Москву, Александр Иванович сделал большой крюк и вновь ненадолго заехал в Старую Ладугу, чтобы заново вымерять план и фасад Георгиевской церкви и закончить копию фрески в цвете (ОР РГБ. Ф. 211. К. 3623. 2/2. Л. 7об.). Тогда и могли быть сняты копии с еще двух ранних надписей, помимо тех, что были сделаны в 1809 г. (рис. 1.7, В).

Скорее всего, по возвращении из экспедиции в Петербург Ермолаев дал будущему автору «Истории российской иерархии» подробную консультацию, поделился с ним своими соображениями о датировке граффити и позволил их скопировать на пользу русской науке. Как всегда, авторское право абсолютно его не заботило. В свою очередь Амвросий (а за ним и Н. Е. Бранденбург) опубликовал все четыре надписи, благодаря чему они и дошли до нас.

«Земляная» археология привлекала путешественников заметно меньше, чем архитектурная: они еще попросту не знали, как к ней подступиться.

«...Близ Николаевского монастыря находится курган, называемый жителями Победищем. Мы не могли получить ясного сведения, от чего он так называется. Здешние селяне сказывали только, что тут когда-то русскими одержана победа над Литвою, и что под сим курганом погребен какой-то убитой полководец. Вероятно, происходило это в те же смутные времена Лжедмитриев... (sic! — Н. П.)

Около крепости и селения старой Ладуги по обеим сторонам Волхова, есть много других курганов. Некоторые из них вероятно принадлежат временам гораздо отдаленнейшим, а может быть восходят даже и до самых времен язычества...»

Тут очень заметно редкостное смешение понятий, характерное для людей конца XVIII — начала XIX в. Разрыв исторической памяти, при практически полном отсутствии научного знания о прошлом, приводит к небывалой каше в головах. Отнесение Победищенской сопки ко «временам Лжедмитриев» — то есть к началу XVII в. — только один из характерных примеров. Связь курганов с древними захоронениями вовсе не ставилась под сомнение, но в самом понятии «древности седой» порой совмещалось несовместимое.

Остается пожалеть, что во время пребывания в Старой Ладуге Дмитрий Иванов был очень занят зарисовкой исторических ландшафтов крепости. На зарисовку сопки, расположенных чуть ниже по Волхову, времени ему не хватило, а она могла бы серьезно дополнить современные знания о ладожском некрополе. Однако молодой руководитель экспедиции был очень озабочен стоявшей перед ним обширной программой и опасался не уложиться в срок. Поэтому 6 июня путешественники покинули Ладугу. Кстати, уже на следующий год, немного набравшись опыта, спутники Бороздина начнут интересоваться курганами и рисовать их виды в южнорусской лесостепи.

Заключение

Молодые интеллектуалы, вызвавшиеся в 1809 г. объехать значительную часть России в поисках «русских древностей», стояли у самого истока исторической археологии в нашей стране. Они были вооружены реальными знаниями в области палеографии, исторической географии, политической истории, сфрагистики, нумизматики, архитектуры — и старались идти в своих изысканиях от известного к неизвестному. Они отчетливо понимали необходимость действовать научно.

«Невозможно переоценить значение экспедиции К. М. Бороздина в изучении прошлого нашего отечества. Ее участники выявили значительное количество рукописных материалов, произведений военного и церковного искусства, интересных памятников архитектуры. Многие пребывали в критическом состоянии. Все отчетливее вырисовывалась проблема сохранности для потомков памятников зодчества, истории и культуры, необходимость их реставрации. Знатоки и ценители отечественной истории понимали важность принятия неотложных мер, направленных на их спасение, собирание письменных источников в одном месте для последующего издания и кропотливого их изучения...» (Тимофеев 2006: 70).

Натурные зарисовки архитектурных объектов, произведенные во время их путешествия, до сих пор представляют большой интерес. Как отметила Т. А. Славина, «схематичные, но точные обмеры бороздинского альбома до наших дней сохраняют документальную ценность», а сам выбор памятников свидетельствует о верном понимании исследователями их исторической значимости (Славина 1983: 40, 42). Так же высоко можно оценить археолого-этнографические источники, имеющиеся в бороздинском собрании, — рисунки отдельных старинных предметов и этнографических уборов, жанровые зарисовки, представляющие сегодня несомненный интерес для этнографа, и т. п.

Сохранившиеся альбомы и промежуточный отчет экспедиции, оформленный в виде «писем к другу», далеко не исчерпывают всей научной информации, собранной в ходе путешествия. Есть основания считать, что Бороздиным широко применялся метод анкетирования — вопросов пунктов, обращенных к провинциальному чиновничеству и интеллигенции (Трефолев 1888), однако материалы эти до сих пор не найдены. Точно так же далеко не все изобразительные материалы, привезенные из путешествия, попали в альбомы.

Выше уже говорилось, что определенная недооценка археологами бороздинского наследия имела место и в XIX, и в XX в. Между тем даже простая фиксация памятников по состоянию на момент начала XIX в. представляет сегодня исключительную ценность. Архивный поиск в указанном направлении имеет большие перспективы: возможно, многое до сих пор не найдено лишь потому, что забыли и не искали.

ЧАСТЬ II

Староладожский комплекс:
стратиграфия, хронология
и междисциплинарные исследования

Древнерусская Каменная крепость Ладоги конца IX — XII в.: стратиграфия, хронология, строительные этапы

Древнейшая Ладожская крепость в исследованиях 1980-х и 2010-х гг.

В конце 1970-х — 1990-х гг. сотрудниками Ленинградского филиала института «Спецпроектреставрация» под руководством археолога Н. К. Стеценко производились исследования в Староладожской Каменной крепости. Материалы этих раскопок долгое время оставались неопубликованными, несмотря на их исключительную значимость для понимания истории строительства и реставрации этого памятника. Новый цикл работ в Каменной крепости, начатый в 2013 г., и полученные в ходе его комплексные данные настоятельно потребовали нового обращения к самым ранним страницам истории Староладожской крепости, в первую очередь обобщения и детальной сверки между собой результатов, полученных в 1980-х гг. и в последнее десятилетие. Первооткрывателем древнейшей Ладожской крепости является А. Н. Кирпичников. Однако именно работы Н. К. Стеценко показали истинные масштабы этого сооружения и впервые позволили наметить его границы.

Отчеты о полевых работах ЛФИ «Спецпроектреставрация» в Старой Ладоге были выпущены лишь в нескольких экземплярах, часть которых, к сожалению, уже утеряна. В настоящее время этот Институт прекратил свое существование, и его архив еще недоступен для исследователей. Однако эти материалы сохранились в архиве ООО «Рестпроект» — организации, продолжающей исследовательские и проектные работы в Старой Ладоге. Там же находятся и все «белки» — ватманы с оригинальными чертежами за все годы археологических изысканий. Кроме того, полный комплект документации по археологическим работам в крепости в 1979–1996 гг. под руководством Н. К. Стеценко сохранился и в архиве Староладожского музея-заповедника. Настоящая публикация ставит своей целью ввести в научный оборот исследовательские материалы преждевременно ушедшего из жизни талантливого ленинградского археолога Нины Кондратьевны Стеценко (1947–2005) и прокомментировать их в свете современных междисциплинарных исследований памятника.

Отдельные фрагменты каменной крепостной стены, построенной без использования известкового строительного раствора, с применением глины для связи, впервые были обнаружены в 1972–1975 гг. во время археологических раскопок, проводившихся Староладожской экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством А. Н. Кирпичникова. Отрезок стены в юго-западной части Ладожского мыса был раскрыт несколькими шурфами вдоль современного юго-западного прясла со стороны крепостного двора. Всего здесь было вскрыто четыре фрагмента каменных укреплений древнейшего периода (рис. 2.1). Среди них выделялся участок крепостной стены, расположенный в непосредственной близости и чуть южнее

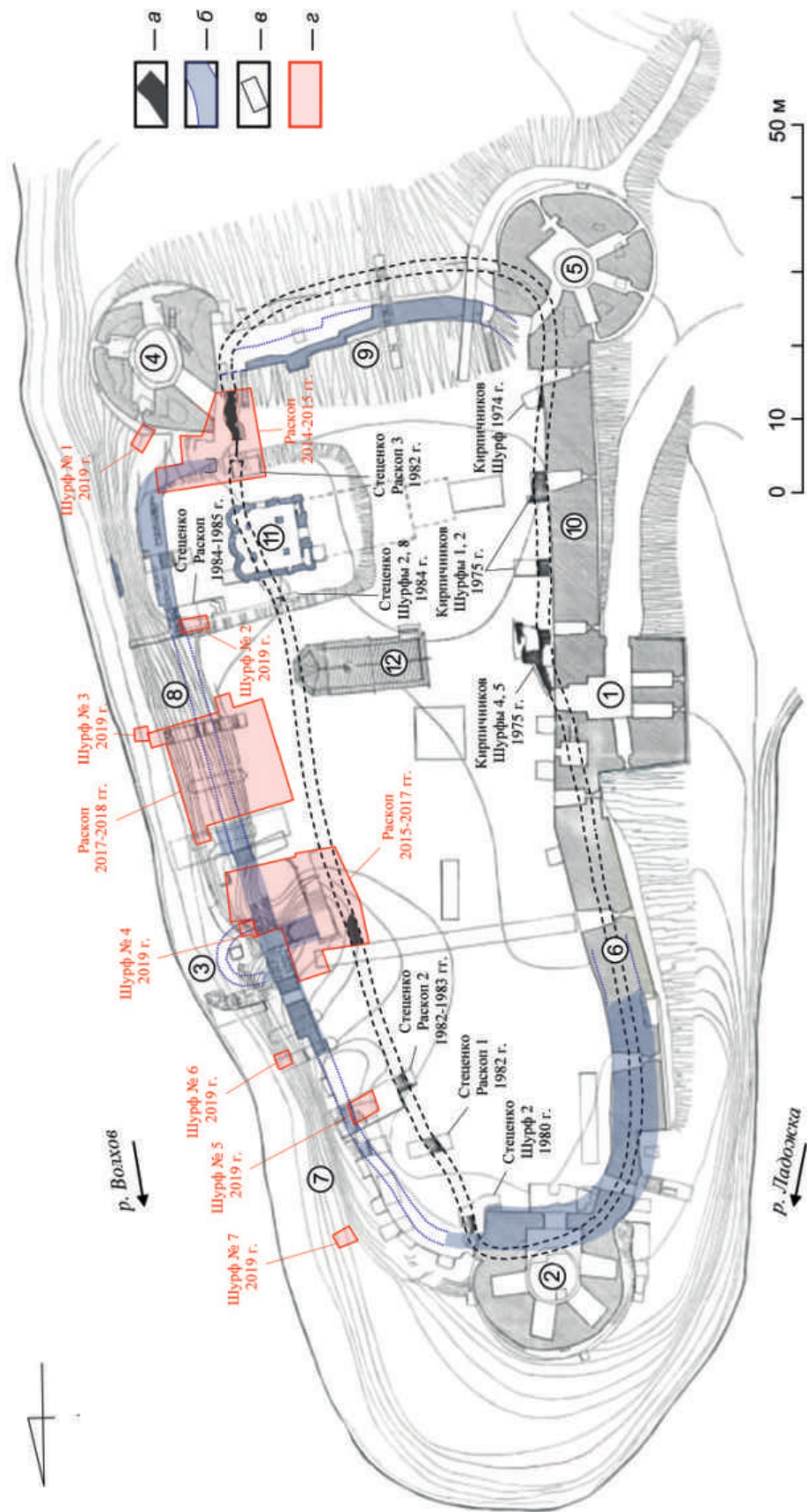

Рис. 2.1. План крепости с раскопами разных лет (составители С. В. Лалазаров, Л. И. Рискова): 1–5 — башни (1 — Воротная, 2 — Стрелочная, 3 — Тайничная, 4 — Раскатная, 5 — Климентовская); 6–10 — прясла (6 — северо-западное, 7 — северо-восточное, 8 — юго-восточное, 9 — южное, 10 — юго-западное); 11 — церковь Георгия; 12 — церковь Дмитрия Солунского. Условные обозначения: а — каменные стены крепости X–XI вв.; б — крепостные стены на известковом растворе XII в.; в — археологические раскопы 1893–2008 гг.; з — зоны архитектурно-археологических исследований 2014–2019 гг.

современной Воротной башни, с остатками небольшого прямоугольного в плане сооружения, которое А. Н. Кирпичников также назвал башней. Подробно результаты этих исследований были изложены А. Н. Кирпичниковым в книге «Каменные крепости новгородской земли» (Кирпичников 1984: 23–36).

Обнаруженная при раскопках каменная башня, имевшая в плане размеры $4,8 \times 4,7$ м, сохранилась на высоту 1,55 м и выступала только внутрь крепости. Она не являлась проходной: в сохранившейся наружной стене отсутствуют какие-либо проемы. Толщина ее стен — всего около 0,6 м, а толщина наружной крепостной стены, к которой башня примыкала, — 1,75 м. В южной стенке постройки сохранилась нижняя часть дверного проема шириной 0,8 м. А. Н. Кирпичников подробно описал все детали этой постройки, предполагая, что помимо возможного боевого и дозорного назначения она могла служить для подъема на уровень боевых ходов примыкающих прясел (Там же: 29).

По археологическому материалу, примыкающему к каменной кладке (в частности, по наличию лепной керамики в культурном слое), А. Н. Кирпичников датировал эти стены началом IX в., называя их «укреплениями Олега Вещего». В настоящее время эту дату пришлось несколько омолодить, однако и по современным данным первая каменная крепость на Ладожском мысу появилась не позднее начала X в. (Григорьева 2020: 149, 150). О том, что в более раннее время укреплений в Ладоге не существовало, возможно, свидетельствует находка обгоревших останков женщины и ребенка, обнаруженных в материковой канаве на северо-западной окраине Земляного городища (Кирпичников, Назаренко 1997: 76; Кузьмин 2008: 82).

Продолжение исследований первых каменных укреплений состоялось несколько лет спустя, в 1979–1985 гг. Археологические исследования в крепости проводил ЛФИ «Спецпроектреставрация» под руководством Н. К. Стеценко. В этот период было выявлено еще четыре фрагмента каменных стен этого периода. Три участка были раскрыты с внутренней стороны северо-восточного прясла между Тайничной и Стрелочной башнями, а еще один — перед северным фасадом церкви Георгия (Стеценко 1981А: ил. 10, 11, шурфы № 2, 8). Как мы знаем теперь, на участке южнее церкви Георгия в поисках остатков первоначальной стены исследовательница промахнулась всего на несколько метров, а ее раскоп 1982 г. (№ 3) полностью попал в площадь исследований 2014 г. (Стеценко 1983А: рис. 7).

В раскопе 1980 г. у Стрелочной башни с внутренней стороны первой крепостной стены Н. К. Стеценко выявила каменную прикладку толщиной около 50–65 см. Она сохранилась на высоту до 75 см (Лалазаров 2017: ил. 6). В своем отчете исследовательница называла эту конструкцию «вымошкой», «отмошкой» и даже «своеобразным устроенным фундаментом стены» (Стеценко 1981А: 20, 21, ил. 10). Однако наличие в этой прикладке лицевой и забутовочной частей, а также отсутствие ее перевязки с основным массивом крепостной стены ставят такие выводы под сомнение. Вероятно, здесь мы имеем дело с ремонтным усилением каменных укреплений со стороны двора.

Новый этап исследовательских работ на восточных пряслах проходил с 2013 по 2019 г. и был связан с предстоящими реставрационными работами по церкви св. Георгия, юго-восточному пряслу, Тайничной и Раскатной башням. Археологические раскопки проводил Георгиевский отряд Староладожской экспедиции ИИМК РАН под руководством одного из авторов настоящей главы.

На этом этапе исследований удалось обнаружить еще два участка древнейших укреплений Ладоги. Один из них был раскрыт к западу от верхнего марша лестницы Тайничной башни¹; второй — перед входом в Раскатную башню (Григорьева 2019А). Здесь, на восточной стороне Ладожского мыса, были раскопаны остатки въездного комплекса самой первой каменной крепости Ладоги (Там же: рис. 42, 46, 49).

В ходе исследований удалось выявить сразу несколько неизвестных ранее элементов этой утраченной постройки. К ним относятся: участок каменной безрастворной кладки стены с наружной и внутренней лицевыми поверхностями (Григорьева 2020: рис. 4, 4), южный откос воротного проема, а также его пороговые плиты. К югу от воротного проема обнаружена нижняя часть узкого щелевидного проема (или наружной ниши) шириной всего около 40 см (Григорьева 2020: рис. 4, 5). Назначение его пока не определено. Здесь же были обнаружены остатки и следы деревянных конструкций, относящихся к въездному комплексу. В кладке южного откоса воротного проема выявлен след от утраченного вертикального бревна. Оно было установлено в столбовую яму, заземлено тонкими плитами и лишь затем обложено кладкой из камней (Григорьева 2020: рис. 4, 3; 6, яма 9).

Аналогичные столбовые ямы найдены не только рядом с въездом в крепость у Раскатной башни, но и в других раскопах вдоль восточного края береговой террасы. Представляется вероятным, что именно эти столбовые ямы принимала за «ровики» Н. К. Стеценко в северной части крепости (см. с. 74, рис. 2.5).

Перед порогом воротного проема был раскрыт фрагмент сгоревшего деревянного щита, доски которого располагались вытянуто по направлению с запада на восток, с наклоном вдоль склона в сторону реки Волхов (Григорьева 2020: 145, рис. 2). Большое количество найденных на этом месте крупных гвоздей-костылей с загнутыми концами, а также расположение сгоревших досок деревянного щита относительно порога воротного проема свидетельствуют о том, что это была достаточно мощная и прочная деревянная конструкция. Она могла иметь отношение как к настилу боевого хода, так и к наклонному взвозу перед воротным проемом, и даже к воротному полотну.

Обнаруженные следы пожара у входа в детинец предположительно можно связать с захватом Ладожской крепости конунгом Эйриком в 997 г. (Рыдзевская 1945: 54). После случившегося разгрома крепость была восстановлена. В то время Ладога представляла собой крупный торгово-ремесленный центр, который не мог существовать без укрепленной части.

Расположение въезда в детинец со стороны реки предполагает существование в этом месте и подъездной дороги. Как показывает дальнейшая история, вход в крепость существовал здесь и в XII в. (Лалазаров 2017: 91). Более того, к нему подводила массивная каменная платформа, огибавшая крепостной мыс с севера. Дальнейшие археологические изыскания могут дополнить и прояснить имеющиеся на сегодняшний день сведения об обустройстве воротного комплекса крепости раннего периода.

За весь период исследований на территории Каменной крепости было выявлено десять фрагментов укреплений Ладоги X в. (рис. 2.1). Суммируя результаты археологических материалов, можно дать этому сооружению общую характеристику и сделать целый ряд выводов.

¹ Результаты работ не опубликованы.

Отдельные участки стен древнейшей крепости локализуются на разных участках Ладожского мыса, что позволяет вполне правдоподобно реконструировать ее план. Исключение составляют лишь неизвестные участки стен в зоне современных северо-западного и южного прясел, а также пространство вдоль юго-восточной части первоначального мыса, от церкви св. Димитрия Солунского до церкви св. Георгия. Тем не менее, сопоставляя собранные в последние годы сведения о геологических границах первоначального Ладожского мыса с данными архитектурно-археологических исследований, можно с достаточной степенью уверенности определить трассировку утраченных каменных конструкций.

Первая Каменная крепость была небольших размеров, а ее стены плавно повторяли изгибы верхней береговой террасы. Длина укрепления составляла 135 м, а ширина была разной: в северной части — всего около 20 м, в средней — 25 м, в южной — 43 м. Площадь внутрикрепостной территории составляла около 0,45 га.

Толщина крепостных стен в их нижних частях не превышала 1,8–1,9 м, а максимальная высота сохранившейся кладки достигала 1,55 м; она была зафиксирована в шурфе с прямоугольной башней. По упавшим частям и линзе строительного развала А. Н. Кирпичников предположил, что первоначальная высота этих крепостных стен была не менее 2,5–2,8 м (Кирпичников 1984: 29).

Н. К. Стеценко предполагала, что стены имели каменно-земляную конструкцию, однако результаты исследований на других участках эти предположения не подтверждают. В заполнениях швов кладок периодически определялась исключительно глина. Каменные стены, сложенные на растворе с использованием глины, не могли долго просуществовать без деревянной кровли. Дерево использовалось и в самих конструкциях каменных укреплений. В кладку стен были включены мощные бревна, являвшиеся элементами их деревянного каркаса. Это позволяло существенно увеличить параметры крепостной ограды, что было немаловажно при обороне. Деревянными могли быть также настилы боевого хода, ворота, лестницы и ограждения.

Были ли стены X в. каменными на всю высоту или их верхние части являлись деревянными, как в Любанской крепости VIII–IX вв. (Новое в археологии... 2018: 230, 231), — на данном этапе определить сложно. Небольшая высота, на которую сохранились все десять дошедших до нас фрагментов каменных стен и башни крепости X в., позволяет допускать оба варианта.

Стены первой крепости в Ладоге не использовались при ее перестройке в начале XII в. Все исследователи отмечали явно умышленное разрушение первоначальных каменных конструкций. А. Н. Кирпичников считал, что это произошло в 997 г. при набеге ярла Эйрика, а затем здесь появились деревянные укрепления, простоявшие вплоть до строительства новой крепости в 1114 г. (Кирпичников 1984: 40). Однако в раскопе у Раскатной башни отмечается засыпка единым слоем разрушения как остатков каменных первоначальных конструкций, так и ям от столбовых конструкций деревянных элементов фортификации. Творильная яма для приготовления известкового строительного раствора, использованного при возведении новых стен, была обустроена непосредственно на плитах слоя разрушения первоначальной стены (Григорьева 2020: рис. 2).

В своем раскопе у Стрелочной башни Н. К. Стеценко выявила, что более поздняя стена на известковом растворе располагается поверх кладки из плит на глине (Стеценко 1981А: 22). Такое же наблюдение можно сделать на основе анализа шурфов А. Н. Кирпичникова у юго-западного прясла (Лалазаров 2003: 139). Отсутствие культурного слоя между руинами первой крепости и постройкой Мстислава Великого и каких-либо фрагментов деревянных укреплений этого времени на территории каменного детинца свидетельствует о том, что крепостные стены X в. были разобраны непосредственно перед его масштабной перестройкой в начале XII столетия.

Отчеты Н. К. Стеценко о раскопках в Каменной крепости Старой Ладogi (1980–1982, 1984)²

Отчет об архитектурно-археологических исследованиях Ладожской крепости. 1980 г. Ленинград. 1981 г. // Архив «Спецпроектреставрация». № 1801

(8) Летом 1980 года археологическая группа Ленинградского филиала института «Спецпроектреставрация» проводила исследования Ладожской крепости в пос. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области. Архитектурно-археологические раскопки на территории крепости связаны с продолжающимися проектами и производственными работами по реставрации Ладожской крепости. Непосредственным объектом исследований явилась Стрелочная башня, расположенная на северной оконечности мыса у впадения речки Ладожки в Волхов (рис. 2.1), которая замыкает сходящиеся здесь западную и восточную стены крепости. <...>

Реставрация крепости ведется уже много лет, и к настоящему времени восстановлены по проекту архитектора А. Э. Экка Климентовская, Воротная башни и прясло между ними (рис. 2.1), относящиеся к рубежу XV–XVI вв.

Исследования, проведенные в крепости в 1972–75 гг. А. Н. Кирпичниковым, дали новые материалы для истории строительства крепостных сооружений на Ладожском мысу. Им были открыты (9) остатки стен крепости 1114 года, а также фрагменты укреплений, относящихся к X веку. В связи с новыми открытиями А. Н. Кирпичниковым были высказаны предложения по дальнейшей консервации и реставрации Ладожской крепости, основная идея которых заключается в воссоздании архитектурного комплекса, единовременно никогда в точности не существовавшего и построенного на сочетании памятников разного времени, последовательно раскрывающих строительную биографию всего ансамбля в целом (Кирпичников, Овсянников 1976А: т. I. с. 30).

Согласно этим предложениям по реставрации, в 1975 году была закончена консервация стены начала XII века на южном валу, а также частично восстановлен

² Иллюстративный материал из отчетов 1980–1984 гг., в силу ряда обстоятельств, приводится нами не в полном объеме. Основной нашей целью являлась публикация чертежей архитектурной и археологической фиксации стен древнейшей крепости, открытой в ходе раскопок Н. К. Стеценко на Ладожском мысу, а также полученных данных об их трассировке на территории крепостного двора.

участок крепости 1114 года с так называемой торговой аркой у бывшей Тайничной башни на восточном прясле.

В 1975–79 гг. производство реставрационных работ велось на северо-западном прясле крепости между Воротной и Стрелочной башнями. Работы выполнялись по проекту консервации, разработанному в 1974 году архитектором И. А. Хаустовой (Хаустова 1977А; 1978Аа; 1978Аб).

В этом проекте были учтены основные результаты раскопок 1972–75 гг. и использованы материалы шурфов, заложенных непосредственно на северо-западном участке прясла у Стрелочной башни.

В итоге исследований, касающихся северо-западного прясла (10) и Стрелочной башни, А. Н. Кирпичниковым было выяснено, что с внутренней стороны стена имеет фундамент, состоящий из двух рядов валунов на растворе, под фундаментом и рядом с ним обнаружен культурный слой X–XV вв. (Кирпичников, Овсянников 1976А: 50).

Фундамент московской стены в месте примыкания к Стрелочной башне с внутренней стороны сложен также из двух рядов валунов на растворе и расположен на культурном слое XII–XV веков. Фундамент Стрелочной башни заложен ниже на 2 ряда валунов и находится на слое материковой глины. Основываясь на материалах шурфа в месте примыкания стены к башне, А. Н. Кирпичников сделал вывод о том, что заселение северной оконечности мыса произошло не ранее XII века и скорее всего связано со временем Мстиславовой крепости 1114 года (Там же).

В процессе раскопок 1974–75 гг. была также заложена траншея поперек стены у Стрелочной башни и установлено, что вся ее наружная часть еще в древности рухнула под откос и частично в Ладожку вследствие оползания по склону глинистого грунта (Там же: 53).

Таким образом, в результате раскопок А. Н. Кирпичникова, северо-западное прясло оказалось практически полностью исследованным с внутренней стороны. Поэтому к 1979 г. была полностью расчищена и восстановлена вся внутренняя сторона стены от Воротной до Стрелочной башни (на проектную высоту).

(11) В процессе реставрационных работ на прясле архитекторами были проведены дополнительные обмеры и археологические расчистки для определения размеров бойниц, внешней версты стены, а также определения глубины заложения ее фундамента.

Восстановление внешнего фасада северо-западного прясла завершено лишь на $\frac{3}{4}$ его длины. Производство работ остановилось у самого разрушенного участка стены вплоть до примыкания ее к Стрелочной башне. Восстановлены три бойницы из четырех, имеющих на прясле от Воротной до Стрелочной башни (Стеценко 1981А: ил. I, выступ стены за третьей бойницей от Воротной башни отмечает северный конец реставрированной кладки западного прясла). Сильное разрушение северного участка прясла и его характер было отмечено в описях XVII века, зафиксировано у Бранденбурга (Бранденбург 1896: 154–157), подтвердилось исследованиями А. Н. Кирпичникова (поперечная траншея у Стрелочной башни).

В 1979 г. весь северный участок стены был расчищен от завалов рабочими-реставраторами ЛО СНРПМ. В итоге расчисток обнаружилось, что около четвертой бойницы (в месте примыкания прясла к Стрелочной башне) откололся целым массивом кладки и отошел от стены на расстояние до 1,5 м. Происшедшие разрушения

образовали огромные строительные завалы, что затруднило производство реставрационных работ, но, с другой стороны, эти разрушения, обнажив внутреннюю структуру стены и ее основания, предоставили исключительные возможности для (12) их изучения. Поэтому в дальнейших расчистках приняли непосредственное участие археологи и архитекторы ЛФИ «Спецпроектреставрация». В результате проведенных расчисток было выяснено, что западная стена Стрелочной башни поставлена на остатки фундамента, относящегося к сооружению более раннего времени. При определении глубины заложения этого фундамента обнаружены последовательно расположенные слои: верхний — с раннегончарной и лепной керамикой, нижний — только с лепной керамикой. Под слоем с лепной керамикой идет массив глины метровой толщины, под которым был зафиксирован слой с фрагментами неолитической керамики. В процессе работ расчищен западный склон вала, расположенного под массивом стены XV–XVI вв.

Раскол кладки стены на северном участке прясла произошел практически по гребню вала. Таким образом, стала ясна причина разрушения кладки, которая заключалась не столько в оползании стены по глинистому грунту, как принято считать, сколько в разнородном характере самого сооружения. Использование остатков различного характера от более ранних укреплений в качестве основания, а также включение их во внутренний массив возводимой кладки несомненно сыграли главную роль в разрушении этого конгломерата.

Результаты расчисток 1979 года показали недостаточную изученность укреплений Ладожского мыса для ведения дальнейших (13) проектных работ и поставили задачу организации планомерных архитектурно-археологических исследований, непосредственно связанных с проектными и реставрационными работами. Началом этих исследований и явились раскопки, проведенные летом 1980 года. Объектом изучения, как уже говорилось выше, стала Стрелочная башня. Для изучения кладки стен башни и ее оснований, а также для изучения характера примыкания к башне восточного прясла крепости было заложено три шурфа (Стеценко 1981А: ил. 2).

Шурф № 1 расположен у южной стены в месте расположения входного проема в башню на внутренней территории крепости. Шурф № 2 заложен у юго-восточного угла башни. Шурф № 3 находится у западной бойницы с внешней стороны крепости. Размеры шурфов различны. Они определялись ситуацией участка, а также конкретными целями исследования.

Самым большим по площади является шурф № 1, так как в процессе раскопок необходимо было тщательно изучить стратиграфию культурного слоя внутренней территории крепости и определить наличие на данном участке неолитического слоя. Но не только задачи изучения культурного слоя диктуют необходимость увеличения площади раскопок. Практика показала, что малые по площади шурфы при большой глубине заложения архитектурных сооружений снижают возможности всестороннего исследования как архитектуры, так и прилегающих слоев.

Шурф № 1 (размерами 6,4 × 3,2 м. — *Примеч. Н. Г., С. Л.*), расположенный у южной стены, прирезан к шурфу А. Н. Кирпичникова периода раскопок 1972–1975 гг.

<...>

(16) В западной части фундамента (Стрелочной башни. — *Примеч. Н. Г., С. Л.*) (Там же: ил. 9, 22) под нижними рядами валунов лежит слой гумуса

с мелкими обломками плиты и камней, под ним, отделяясь прослойкой погребенной почвы, расположен слой глинистого гумуса (Там же: ил. 38).

У западной стенки шурфа № 1 был заложен с уровня материковой глины дополнительный глубокий шурф (Там же: ил. 8, 22, 38–40). Под слоем зеленоватой глины в 80–90 см толщиной (верхние 30 см глины имеют коричневатый оттенок) зафиксирован песчанисто-глинистый слой сероватого цвета с вкраплениями угольков. В нем найдено несколько фрагментов ямочно-гребенчатой керамики и обломок кремневого орудия. Толщина слоя 6–10 см. Под неолитическим слоем идет плотная песчаная масса желтоватого цвета.

Культурный слой на всей площади шурфа чрезвычайно насыщен строительными остатками. Под дерновым слоем располагается осыпь от разрушенной кладки башни (Там же: ил. 7, 35), состоящая из обломков плиты и раскрошившегося раствора, слой белого цвета. Глубже располагается мощный гумусный слой до 1 м толщиной с включением обломков плиты и строительного мусора (Там же: ил. 7, 8, разрез 4-4; 39, 40). При разборке этого слоя гумуса собрано большое количество фрагментов керамики XII–XVI вв. и различные железные предметы (подковы, дверные замки и т. д.). В восточной стенке (17) шурфа (Там же: ил. 7) ниже рыхлого гумуса с плитой лежит прослойка предматерикового слоя глинистого гумуса. В западной стенке (Там же: ил. 8) под рыхлым гумусом выделяется плотный слой темного гумуса с мелкими камнями. При расчистке этого слоя найдены фрагменты гончарной и лепной керамики. Ниже располагается слой глинистого гумуса, в процессе разборки которого встречались фрагменты только лепной керамики. На западном участке шурфа при расчистке верхнего горизонта глинистого гумуса, на отметке -2,92, выше темной прослойки погребенной почвы найдена бронзовая фибула круглой формы (рис. 2.2). К находкам этого же слоя относится обломок каменной литейной формочки, железная стрела и др.

Шурф № 2 (размерами 6,0 × 7,0 м) заложен у юго-восточного угла Стрелочной башни (Там же: ил. 2–3). Работы на данном участке проводились с целью изучения нижних частей башни, восточной стены в месте ее примыкания к башне. <...>

(18) Под нижними рядами стены в южной ее части находится слой строительного мусора (щебень, раствор), в северной – слой желтого песка с прослойками розового и слой серого гумуса. У северной границы прорезки (Там же: ил. 13) верхние горизонты земли подстилаются мощным глинистым слоем с углем и обломками плит, толщина его в некоторых местах достигает 70–80 см.

Внутри глинистого слоя зафиксирована прослойка мелкого серого песка. Ниже находится слой темно-серого гумуса, в верхнем горизонте которого наблюдается угольная прослойка в 3–4 см. Два нижних горизонта разделяются прослойкой песка с известковой галькой. Материк находится на отметке -3,75.

Фундамент башни <...> сложен из четырех рядов валунов на растворе с забутовкой

Рис. 2.2. Фибула из раскопок Н. К. Стеценко у Стрелочной башни (Кирпичников 2012: 151)

из обломков плиты. Глубина его около одного метра. Основание фундамента находится на мощном слое строительного мусора (обломки плиты и раствора). (19) Толщина слоя около 70 см. Нижняя граница его лежит на отметке -3,36. Из-за большой глубины шурфа не удалось определить уровень залегания материка на данном участке. При дальнейшем углублении грунта узким шурфом было выяснено, что под строительным развалом глубже идет темный слой гумуса с обломками плиты (Стеценко 1981А: ил. 12, разрез 3-3). В слое много угля, щепы и костей животных и рыб.

В процессе разборки слоя строительного мусора, расположенного ниже фундамента южной стены башни, собраны фрагменты лепной и гончарной керамики. Выше слоя строительного мусора, примыкая к валунам фундамента, залегает слой темного гумуса, толщиной 60 см. В этом слое найдены фрагменты лепной и гончарной керамики X–XII вв. Верхняя граница темного гумуса соответствует уступу фундамента южной стены. Весь грунт, расположенный выше описанного слоя темного гумуса, состоит, в основном, из остатков строительных развалов. Выше слоя темного гумуса находится слой гумуса с обломками плиты и раствора, в нем собраны фрагменты гончарной керамики XII–XV вв. и различные железные предметы (гвозди, острога и т. д.). Выше до поверхности идут два слоя строительного мусора (по 40–45 см), разделенные темной прослойкой погребенной почвы (10 см).

Таким образом, общая мощность культурного слоя на небольшом участке с нарушенной стратиграфией, который расположен в западной части южной стенки шурфа № 2 напротив расчищенной кладки южной стены (Там же: ил. 3), составляет свыше 3,5 м. Во всех остальных местах, кроме отмеченного участка, стратиграфия нарушена на глубину 2 метров от современной поверхности.

В целях поиска кладки восточной стены XV–XVI вв. была начата расчистка траншеи к востоку от стены башни (Там же: ил. 3, план шурфа № 1). На глубине 1,7 м от поверхности земли (отметка (20) -2,70) была обнаружена кладка из известняковых плит, сложенных на глине зеленоватого цвета (Там же: ил. 49–51). При расчистке оказалось, что восточная часть кладки как бы завалена в сторону р. Волхов (фото 2.1, 1). В процессе расчистки найдены фрагменты лепной и гончарной керамики, ладейные заклепки. В разломе кладки у восточной стенки шурфа (рис. 2.3; фото 2.1, 1) зафиксированы следы пожара — темная горелая прослойка. Стена сложена из плит грубой тески, имеющих разные размеры. Можно выделить тонкие — шириной 4–5 см и толстые — 10–11 см, длина плит — от 40 до 55 см. Швы в кладке 2–4 см (фото 2.1, 2). В швах вместе с глиной зафиксированы фрагменты неолитической керамики.

К западной стороне кладки на уровне 5-го ряда плит, сохранивших свое первоначальное положение, примыкает вымостка шириной 50–65 см. Она устроена из плашмя уложенных плит (фото 2.1, 3). К вымостке прилегает слой темного гумуса, насыщенный большим количеством угля, костей животных и рыб. В верхнем горизонте этого слоя на уровне верхнего ряда вымостки собраны фрагменты лепной и раннегончарной керамики, ладейные заклепки. На поверхности плит вымостки зафиксирована слежавшаяся тонкая гумусная прослойка (фото 2.1, 3), очень плотная. Толщина примыкающего к вымостке слоя темного гумуса достигает 80–90 см (рис. 2.3). Нижний горизонт его находится на отметке 3,80. Ниже располагается глинистый песок с известковой галькой. При выборке этого слоя была определена высота отмостки, которая равняется 75 см (рис. 2.3).

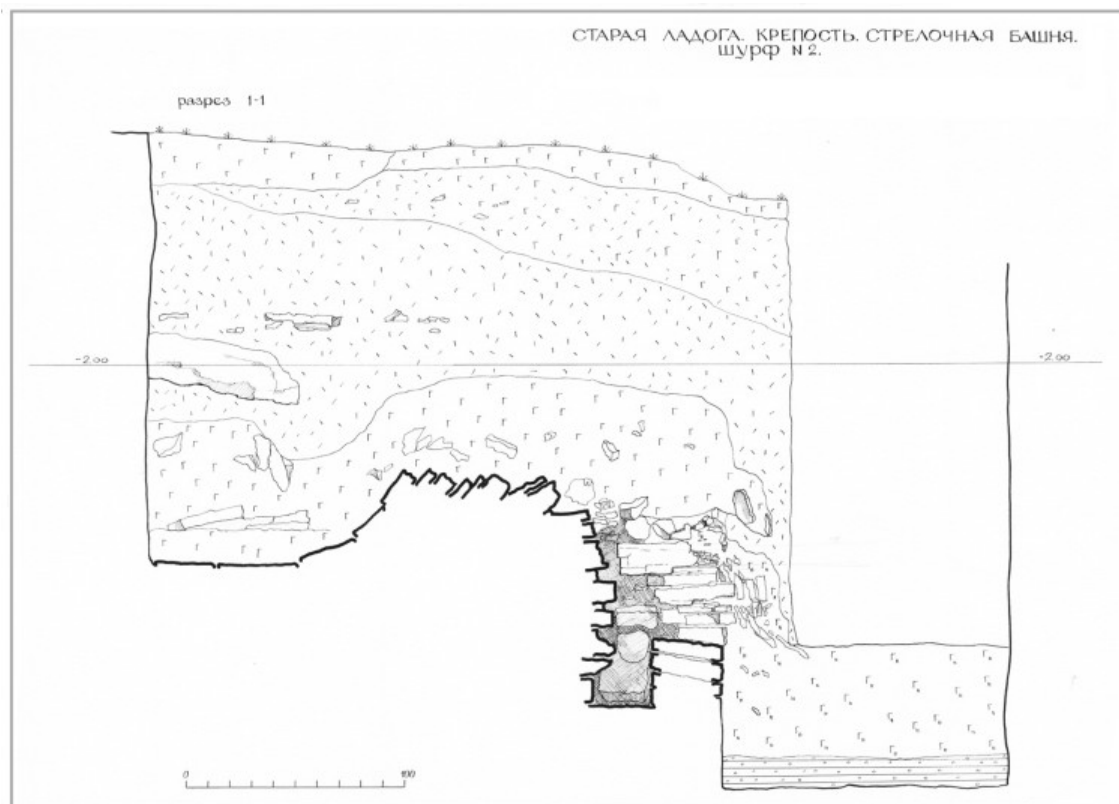

Рис. 2.3. Старая Ладога, крепость, Стрелочная башня. Шурф № 2, разрез 1-1 (Стеценко 1981А: рис. 10)

На эту высоту она прикрывает пять рядов плит кладки стены у южной стороны шурфа (рис. 2.4, *разрез 2-2*). Для изучения (21) устройства этой вымостки и соотношения ее с кладкой стены у южной стороны шурфа (рис. 2.4, *сечение а-а*) были частично разрушены верхние плиты отмостки (Стеценко 1981А: ил. 57, 60). Оказалось, что она устроена из одного ряда плит шириной до 32 см, уложенных на расстоянии 18 см от лицевой поверхности стены (рис. 2.3; фото 2.1, 4). Промежуток был заполнен землей, небольшими валунами и обломками плиты (фото 2.1, 5). В заполнении найдены железная стрелка, серп небольших размеров, ладейная заклепка, а также фрагменты лепной керамики. Верхний ряд плит отмостки перекрывал заполнение между стенками (фото 2.1, 5).

Основание стены и нижние плиты отмостки лежат на нижнем глинистом горизонте гумусного слоя толщиной 15–20 см. С западной стороны плиты вымостки в верхней части перекрыты вертикально уложенными фрагментами плит (рис. 2.3). Стратиграфические наблюдения дают возможность предполагать, что отмостка была своеобразным устроенным фундаментом стены. Нижние плиты ее так же, как и нижние ряды кладки стены, были вкопаны в культурный слой на глубину 35–40 см, а верхние плиты укладывались наклонно в сторону стены, внешняя их сторона укреплялась обломками и присыпалась землей.

Кладка стены перекрыта слоем гумуса с обломками плиты (рис. 2.3, *разрез 1-1*). Мощность его равняется 45–50 см. Выше идет слой строительного мусора и гумус с обломками плиты раствора. Все слои располагаются с уклоном в сторону

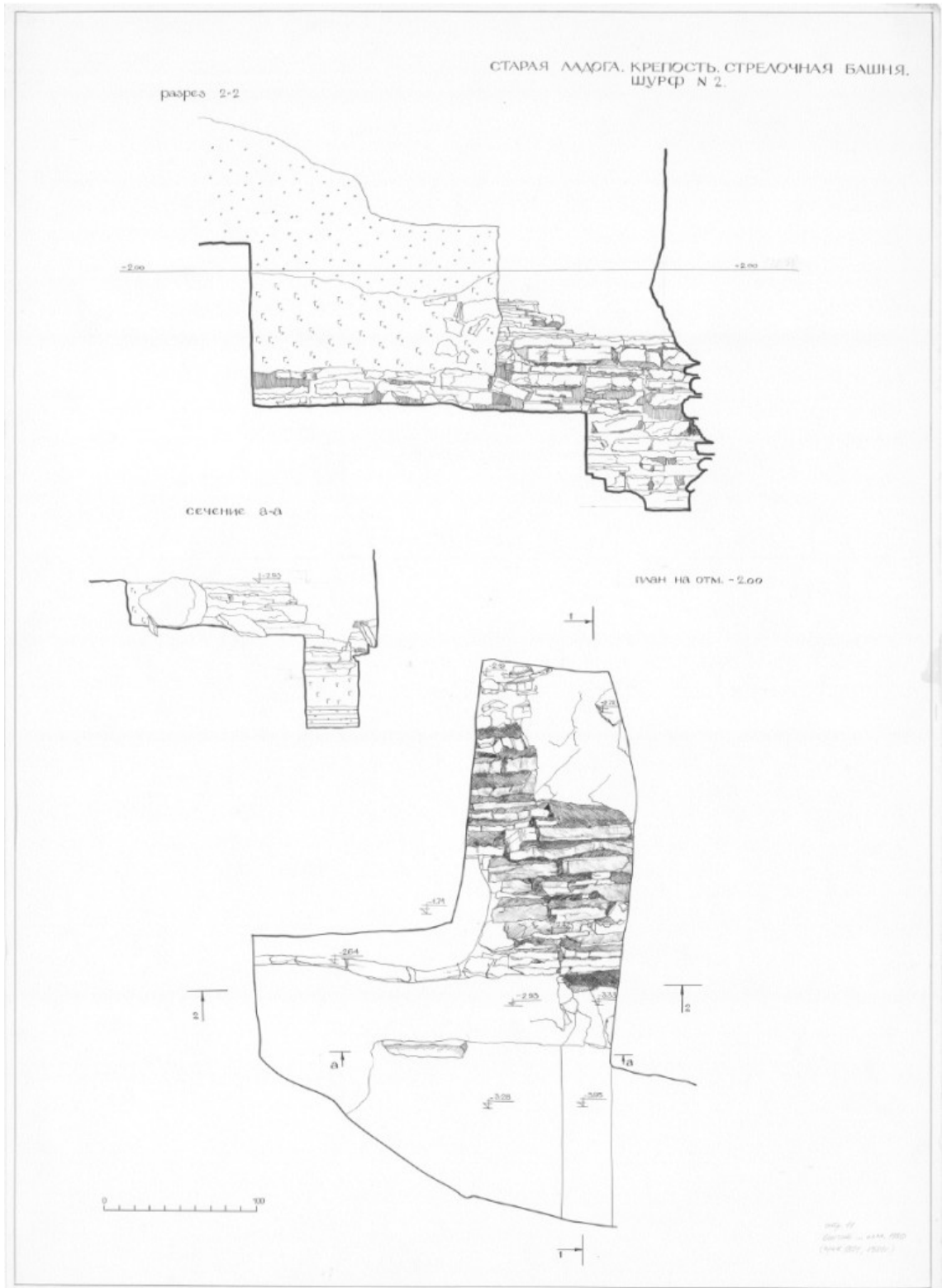

Рис. 2.4. Старая Ладога, крепость, Стрелочная башня. Шурф № 2, разрез 2-2, план на отметке -200 (Стеценко 1983А: рис. 5)

Фото 2.1. 1 — плитная кладка до расчистки, вид с запада (Стеценко 1981А: фото 52); 2 — фрагмент кладки из плит (Там же: фото 56); 3 — кладка стены после расчистки (Там же: фото 55); 4 — прикладка после разборки ее верхней части, вид сверху (Там же: фото 58); 5 — фрагмент частично разобранный прикладки, уходящей в стенку раскопа, вид с севера (Там же: фото 61)

восточной стены башни. На гумусном слое, перекрывающем кладку стены из плит на глине в северной части шурфа, находится слой красного песка (53–55 см). Кладка стены в северном направлении по уровню отмостки прослежена практически по всей площади шурфа (рис. 2.4). Общая ее протяженность — около трех метров. Длину (22) (вероятно, это размер в восточную сторону. — *Примеч. С. Л.*) развала стены определить не удалось. Упавшая часть кладки уходила в восточную стенку шурфа (фото 2.1, 1) (Стеценко 1981А: ил. 52). При расчистке кладки в этой части шурфа произошло частичное разрушение стенки шурфа, состоящей из рыхлого слоя строительного мусора (Там же: ил. 63–69). После чего обнаружилось два фрагмента кладки из плит на растворе, очевидно, одновременные. Плиты имеют разную толщину от 6 до 18 см, швы — 2–6 см. Плиты одного фрагмента кладки (Там же: ил. 67, слева) уложены поверх кладки из плит на глине. Плиты правого фрагмента лежат в месте развала кладки на глине.

Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1982 г. Ленинград, 1983 г. // Архив Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника. Входящий № 150

(5) В период полевого сезона 1982 г. археологическая группа Ленинградского филиала института «Спецпроектреставрация» продолжила архитектурно-археологическое исследование Ладожской крепости.

Целью раскопок являлось изучение технических и конструктивных особенностей, направления древней крепостной стены, открытой в процессе исследования Стрелочной башни в 1980 г., а также получение информации для уточнения выводов геологического исследования крепостной территории о насыпном характере береговых, восточных напластований, являющихся основанием волховского прясла крепости периода XV–XVII вв. Материалы исследований необходимы для проекта реставрации крепостного ансамбля и, в частности, для разработки проекта благоустройства внутрикрепостной территории, и для решения инженерных вопросов укрепления церкви Георгия.

Раскопки производились методом послойного снятия культурных напластований и послойной фиксации находок. Все обмеры велись от 0 архитектурного обмера северо-западного прясла. Место заложения раскопов 1 и 2 диктовалось направлением участка стены, зафиксированного к 1980 году (рис. 2.1). Раскоп 3 расположен по центральной оси ц. Георгия и южной стенки площадки с пониженным условно до горизонта втор. половины XII века слоем земли вокруг собора (Стеценко 1983А: черт. 1).

Площадь раскопов определялась 2-мя моментами: предполагаемой шириной древней стены и степенью разрушенности напластований могильными ямами располагавшегося на территории крепости кладбища.

(6) Раскоп 1 (рис. 2.5; 2.6). Площадь 6×2 м. Кладка стены была обнаружена на глубине 0,5–0,6 м от дневной поверхности (рис. 2.5; фото 2.2, 2). Восточная часть стены у северной стенки раскопа разрушена могильной ямой (рис. 2.5, *разрез 2-2*; фото 2.2, 3, 4). Ширина стены 1,8 м (рис. 2.5, *план*). Стена состояла из 2-х лицевых стенок, сложенных из известняковых плит с грубым околком поверхности длиной до 0,6 м и шириной до 0,1 м (рис. 2.6, *западный фасад*). В забутовке использованы разных размеров камень и небольшие валуны. Лицевая кладка с западной стороны сохранилась на высоту около 1 м (рис. 2.6, *западный фасад*; фото 2.2, 5). От восточной сохранилось только несколько плит нижнего ряда у южного края раскопа (рис. 2.5, *план*; фото 2.2, 4). В заполнении между плитами использована земля. Это было установлено не только при изучении западного фасада стены, но и при расчистке разрушенного восточного участка.

Дополнительно была произведена частичная разборка кладки у южного края раскопа (рис. 2.6, *разрез А-А*; фото 2.2, 6, 7), которая подтвердила вывод о том, что стена сложена в технике каменно-земляной кладки. При расчистке стены в швах между камнями были обнаружены мелкие фрагменты неолитической и средневековой керамики (10 фр. — лепной, 1 фр. — правл[еной]. на круге, 2 фр. — неолит[ической]) и небольшое бронзовое височное кольцо (Стеценко 1983А: фото 8). Таким образом, можно сделать вывод о том, что при строительстве стены использовался культурный слой мыса.

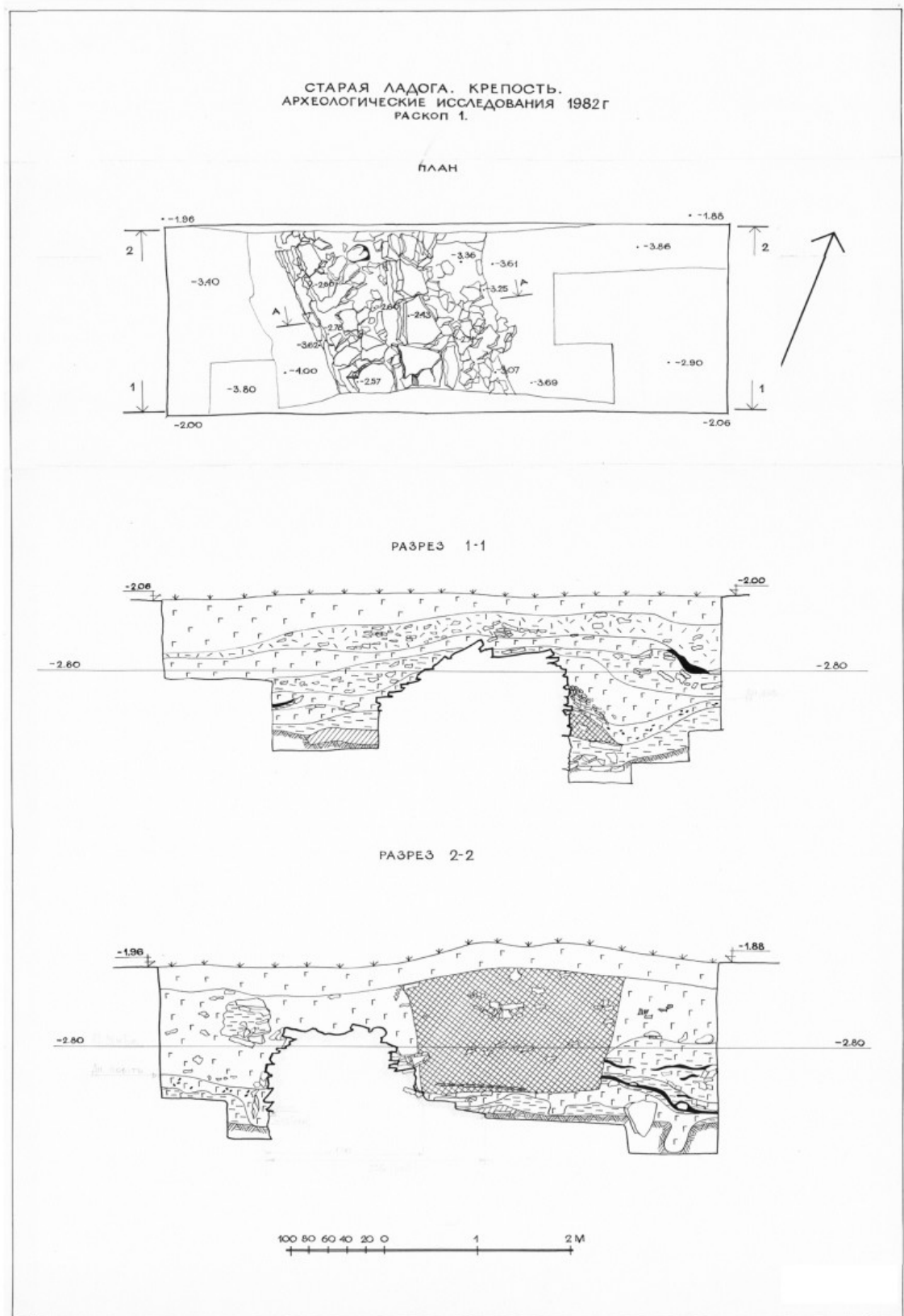

Рис. 2.5. Старая Ладога, крепость. Археологические исследования 1982 г., раскоп 1 (Стеценко 1983А: рис. 4)

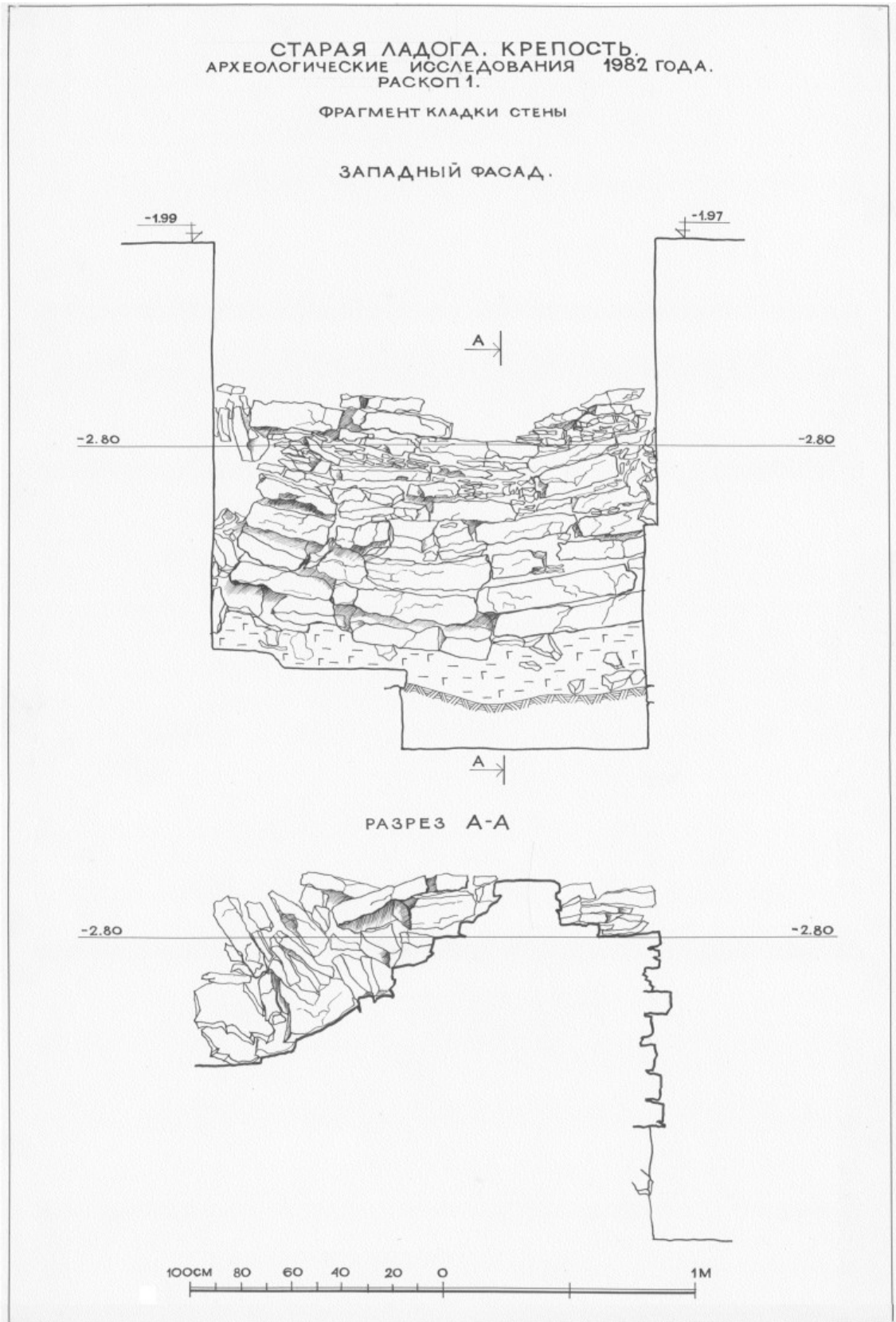

Рис. 2.6. Старая Ладога, крепость. Археологические исследования 1982 г., раскоп 1, фрагмент кладки стены, западный фасад (Стеценко 1983А: рис. 5)

Фото 2.2. 1 — верхние ряды кладки стены, вид с запада (Стеценко 1983А: фото 1); 2 — верхние ряды кладки стены, вид сверху (Там же: фото 2); 3 — расчистка кладки с восточной стороны стены (Там же: фото 3); 4 — фрагмент стены из раскопа 1 с частично сохранившимся нижним рядом плит лицевой кладки, вид с востока (Там же: фото 4); 5 — лицевая часть кладки стены с западной стороны (Там же: фото 5); 6 — расчистка кладки с восточной стороны стены (Там же: фото 6); 7 — расчистка кладки с восточной стороны стены, после частичной разборки плит (Там же: фото 7)

Стратиграфические наблюдения дают возможность предполагать, что перед сооружением стены на данном участке была произведена расчистка до горизонта залегания материковых глин. Границы «ровиков» хорошо заметны с восточной стороны стены (рис. 2.5, *разрез 1-1*, *разрез 2-2*). Отсутствие «ровиков» с западной стороны стены объясняется тем, что здесь располагалась хозяйственная яма более раннего времени (в заполнении ямы обнаружены фрагменты лепной керамики), поэтому строителям стены пришлось несколько заглубить ее западную часть. Но, вероятно, этого оказалось недостаточно для конструктивной прочности. Они (7) положили плиты на нижние, рыхлые горизонты заполнения ямы, не дойдя до более твердого основания. Поэтому наблюдается просадка рядов кладки (рис. 2.6, *западный фасад*). По характеру просадки можно почти с уверенностью сказать, что яма подстилает стену только на ширину лицевой кладки, поскольку просела именно эта часть.

В результате осадки данный участок кладки оказался вырванным из общего объема. Об этом говорят вертикальные швы, расположенные у стенок раскопа. Никаких следов естественного разрушения кладки нет, кроме мелкой осыпи западной стороны, относящейся, скорее всего, к периоду существования стены (рис. 2.5, *разрез 1-1*). При расчистке слоя, в котором находится осыпь, собраны фрагменты лепной и раннегончарной керамики.

Стена, вероятно, была разобрана до необходимого уровня, плиты использованы для каких-то целей, а земляное заполнение с мелкими обломками плит сбрасывалось на обе стороны стены. Возможно, ко времени разборки относятся линзы глинистого гумуса с обломками плит, расположенные по бокам кладки. Верхней границей гумусных линз являются верхние сохранившиеся ряды плит (рис. 2.5, *разрез 1-1*). По своей структуре /мелкая комковатость, присутствие глины/ этот гумус отличается от естественно формирующихся напластований. В западной части северной стенки раскопа, где стратиграфия нарушена различными перекопами, за исключением самых нижних горизонтов, выделяется пятно со сходным по характеру слою (рис. 2.5, *разрез 2-2*).

В слое гумуса, перекрывающем разобранный участок стены по всей площади раскопа (рис. 2.5, *разрез 1-1*), который залегает под двумя верхними горизонтами, собраны фрагменты гончарной керамики XII–XIV вв. (Стеценко 1983А: фото 13).

(8) В 1979 г. на территории Ладожской крепости был открыт слой неолитической стоянки, оказавшийся под толщей глины.

Все последующие годы при раскопках велась фиксация распространения слоя на северной оконечности мыса. По мере удаления от Стрелочной башни на юг толщина слоя глины уменьшалась. Если у Стрелочной башни (раскоп 1980 г.) она достигает 1 м, то в раскопе 1 (1982 г.) сохранившийся слой глины равняется всего 20 см. Под ним сохранились остатки слоя неолитического периода. К находкам этого времени относятся не только фрагменты керамики, но и обломки костей, кремневые отщепы. Одной из интересных находок является хорошо сохранившийся кремневый наконечник стрелы (фото 2.2, 5).

Слой неолита располагается на элювиальных отложениях песочно-галечного грунта. Слой зеленовато-серой глины является материковым основанием для раннесредневековых отложений.

Толщина слоя глинистого гумуса с фрагментами лепной керамики в западной части раскопа достигает 0,3 м (рис. 2.5, *разрез 1-1*), в западной части раскопа

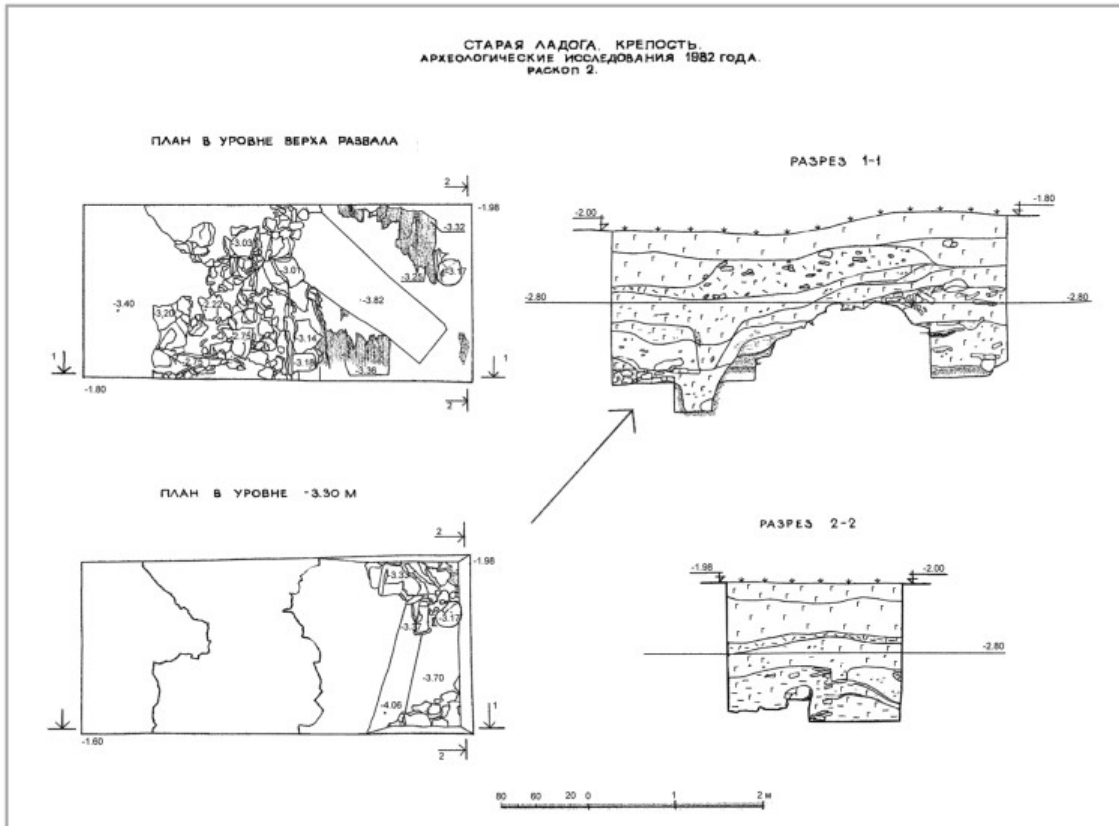

Рис. 2.7. Старая Ладога, крепость. Археологические исследования 1982 г., раскоп 2 (Стеценко 1983А: рис. 6)

перед кладкой слой с лепной керамикой находится непосредственно на отложении аллювиального грунта. Слой глины практически полностью гумусировался. Эти наблюдения подтверждает и характер расположения нижнего горизонта культурного слоя на северной стенке раскопа 1 (рис. 2.5, *разрез 2-2*). Можно отметить и некоторый уклон материковых отложений в восточную сторону, в сторону реки Волхов.

Общая мощность культурных напластований на раскопе 1 достигает 2 м.

Раскоп 2, размером 2 × 4,5 м, расположен в 10 м к югу от раскопа 1 (рис. 2.1). Остатки кладки стены были обнаружены на глубине около 1 м от современной дневной поверхности. Кладка сохранилась (9) значительно хуже, чем в раскопе 1. От неё остались лишь нижние ряды плит (рис. 2.7, *план в уровне верха развала*). С западной и восточной сторон стена разрушена могилами, и особенно разрушенной оказалась её западная часть, где от лицевой кладки остались лишь отдельные плиты.

При расчистке развала кладки собраны мелкие фрагменты лепной и раннегончарной керамики, а также несколько фрагментов керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом. Среди вещевых находок — пятичастная пронизка серебростекляных бус и плоское металлическое кольцо (Стеценко 1983А: фото 8). С восточной стороны к плитам стены примыкает деревянный настил, также частично разрушенный могильной ямой. Настил устроен из толстых плах, уложенных параллельно стене.

Настил и кладка стены были сооружены одновременно и представляют собой единую конструкцию. В процессе разборки настила собраны фрагменты лепной и раннегончарной керамики, железный наконечник стрелы (Стеценко 1983А: фото 10). Под плахами настила восточной части раскопа (рис. 2.7, *план в уровне -3.30*) зафиксированы развалы плит и траншея шириной 0,3–0,4 м, вкопанная в материк на глубину до 0,4 м. В гумусном заполнении траншеи найдена заготовка из бронзовой пластины (Там же: фото 11).

Общая мощность культурных напластований на участке раскопа 2 составляет 1,60–1,80 м. К наиболее ранним отложениям относится гумусный слой, насыщенный углём, обломками плит и костями. Мощность его достигает около 0,5 м (рис. 2.7, *разрез 1-1*). К этому слою относятся находки, в основном, лепной керамики. Есть несколько венчиков раннегончарных сосудов X века (Там же: фото 14).

Данный слой перекрыт отложениями гумуса с обломками плит периода разборки стены. В слое собраны фрагменты гончарной керамики (10) XII и XIV вв., железный нож с плоской спинкой, обломок железного инструмента (сверло?).

Серый гумусный слой толщиной около 20 см перекрывает остатки стенки по всей площади раскопа (рис. 2.7, *разрез 1-1*). В нём были собраны фрагменты в основном гончарной керамики XII–XIII вв., фрагменты лепного сосуда светло-коричневого цвета со штампованным орнаментом, железная круглая пряжка (Там же: фото 12 и др.). Выше располагаются гумусные слои со строительным мусором. Общая их мощность до уровня современной дневной поверхности достигает 0,6–0,7 м. К находкам верхних напластований относятся фрагменты гончарной керамики XII–XVI вв., обломки железных серпов, гвозди.

Раскоп 3 размером 2 × 4 м заложен в 4 м от ц. Георгия, вместе покатога склона перехода современного уровня дневной поверхности к участку пониженной площадки около ц. Георгия, принятой условно за уровень XII в. (рис. 2.1). Разница в высотах между северной и южной стенками раскопа составляет около 50–60 см. Стратиграфия напластований на данном участке нарушена располагавшимся здесь кладбищем (рис. 2.8, *разрез 1-1*). Общая мощность слоя (по южной стенке раскопа) равна 1,20–2 м. Культурный слой до глубины 0,9 м в западном углу раскопа и 1,5 м в восточном углу перекопан при рытье могил (рис. 2.8, *разрез 1-1*). В северной стенке раскопа от уровня дневной поверхности расчищена одна из стенок склепа, сложенного из кирпича размером 25,5–25 × 13 × 6 см. Склеп вкопан в материк (рис. 2.8, *план*).

При разборке верхних перекопанных слоев обнаружены фрагменты гончарной керамики X–XVI вв., среди них имеются фрагменты кувшинов. В числе находок есть металлические предметы: гвозди кованые квадратного сечения, пряжка прямоугольной формы, обломок ручки шарнирных ножниц. В этом слое были также собраны фрагменты фресок.

Под толщей перекопанного гумуса расположен непо потревоженный слой (11) тёмного гумуса общей мощностью от 0,3–0,5 м, который расположен непосредственно на материке. Материк представляет собой элювиальный дресвяно-щебенистый грунт песчаника плотного сложения с суглинистым наполнителем до 30 %. На площади раскопа 3 слой зеленовато-серой глины отсутствует. Слой гумуса тёмного цвета разделён угольной прослойкой на два горизонта (рис. 2.8, *разрез 1-1*). В западной части раскопа угольная прослойка проходит по материковому грунту.

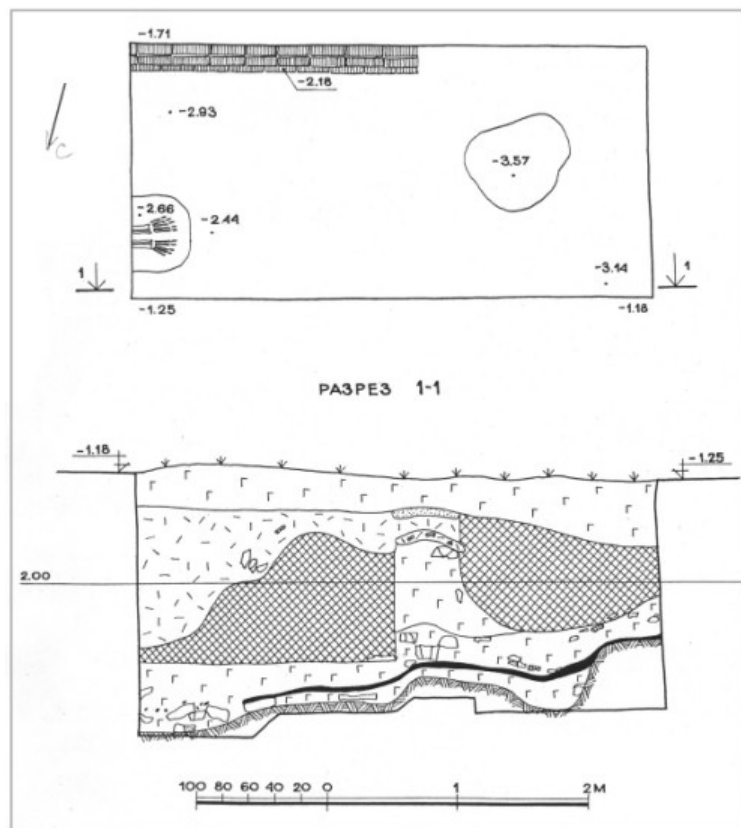

Рис. 2.8. Старая Ладога, крепость. Археологические исследования 1982 г., раскоп 3, план, разрез 1-1 (Стеценко 1983А: рис. 7)

Необходимо отметить, что данный слой гумуса насыщен обломками плит и камнями мелких и средних размеров.

В процессе разборки слоя темного гумуса собраны фрагменты гончарных сосудов X–XIII вв. Имеется несколько фрагментов стенок лепных сосудов.

В центральной части раскопа была зафиксирована яма диаметром около 0,8 м, вкопанная в материк на глубину до 0,7 м (рис. 2.8, план). Стенки ямы выложены обломками плиты, заполнение — гумус черного цвета. При его выборке обнаружены фрагменты лепной и раннегончарной керамики, в основном, мелких размеров. Единственный найденный венчик по своей форме относится к типам, бытовавшим в X в., — почти прямой, чуть отогнутый наружу и с косо срезанным краем. Такой тип венчика является наиболее ранним среди форм X в. (по новгородским материалам).

Уровень современной дневной поверхности у северной стенки раскопа расположен на отметке -1,71 м, что соответствует уровню дневной поверхности второй половины XII в. (поверхность земли вокруг ц. св. Георгия в процессе реставрационных работ была понижена до уровня основания стен церкви, что условно относится ко времени её строительства). Если исходить из этих данных, то уровню второй половины XII в. в стратиграфии южной стенке раскопа 3 соответствуют остатки слоя раствора с мелкими обломками кирпича и плиты, сохранившиеся в центральной части южной стенки раскопа (рис. 2.8, разрез 1-1).

(12) Таким образом, можно гипотетично восстановить общую мощность напластований на период второй половины XII в. для данного участка территории равной 1,1–1,2 м. Стратиграфические наблюдения позволяют отметить, что на площади раскопа общий уклон материка в восточную сторону, т. е. в сторону реки Волхов, составляет 0,7 м.

Раскопки 1982 г. позволяют сделать выводы. Фрагмент кладки, открытый в процессе раскопок 1980 г. у Стрелочной башни, является частью крепостной стены, идущей в южном направлении, значительно отступая от берегового склона, где расположены остатки крепостных стен XII–XV вв. Ширина стены достигает 1,8–1,9 м. Она сложена из плитного камня с земляной засыпкой. Имеет две лицевые стенки, а между ними — забутовка с использованием разных форм и размеров плит и мелких валунов. Название 1980 г. «кладка из плит на глине» не совсем верная, т. к. в 1980 г. не было возможности изучить внутреннее строение открытого фрагмента стены. В засыпке между плитами использовался культурный слой, уже существовавший ко времени строительства. И глина является только одним из компонентов этого слоя. В одном месте ее могло попасть больше, в другом — меньше, что не меняет общей характеристики материала, использованного в качестве заполнителя швов кладки стены. Судя по находкам в гумусном заполнении, стена сооружена не ранее середины X в. и разобрана, очевидно, в XI–XII вв. Эти даты могут быть пока лишь предположительны, поскольку небольшая площадь раскопов не дает возможности считать проведенные стратиграфические наблюдения окончательными. Является совершенно необходимым увеличить и продолжить раскоп 2 на восток до соединения с остатками крепостных стен XII–XV вв. для получения общего стратиграфического разреза и для выяснения функционального назначения настила, примыкающего к кладке стены в уровне её основания.

(13) Расположение древней крепостной стены, несколько отступая от края современного берегового склона, возможно, подтверждает вывод геологов о насыпном характере восточных склонов мыса. Это подтверждают и следующие некоторые данные раскопок 1982 г.: зафиксированный уклон материковых отложений в восточную сторону; стратиграфическое несоответствие слоев с восточной и западной сторон стены; зафиксированная восточная граница распространения неолитического слоя (рис. 2.5, разрез 1-1).

Дальнейшее продолжение изучения направления восточного прясла древней крепости и выяснение ее соотношения с церковью Георгия может окончательно разрешить вопрос о времени строительства древней крепости на Ладожском мысу.

Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно археологических исследованиях 1983 г. в 2-х т. Т. I. Текст отчета, фотоиллюстрации. Т. II. Рисунки находок из раскопов 1979–1983 гг. Ленинград. 1984 г. (Стеценко 1984Аа; 1984Аб)

(6) Археологическая группа ЛФИ «Спецпроектреставрация» летом 1983 года проводила работы по архитектурно-археологическому изучению Ладожской крепости.

Целью работы являлось продолжение исследований восточного прясла крепости, начатых в 1980 г. в месте примыкания его к Стрелочной башне (рис. 2.1).

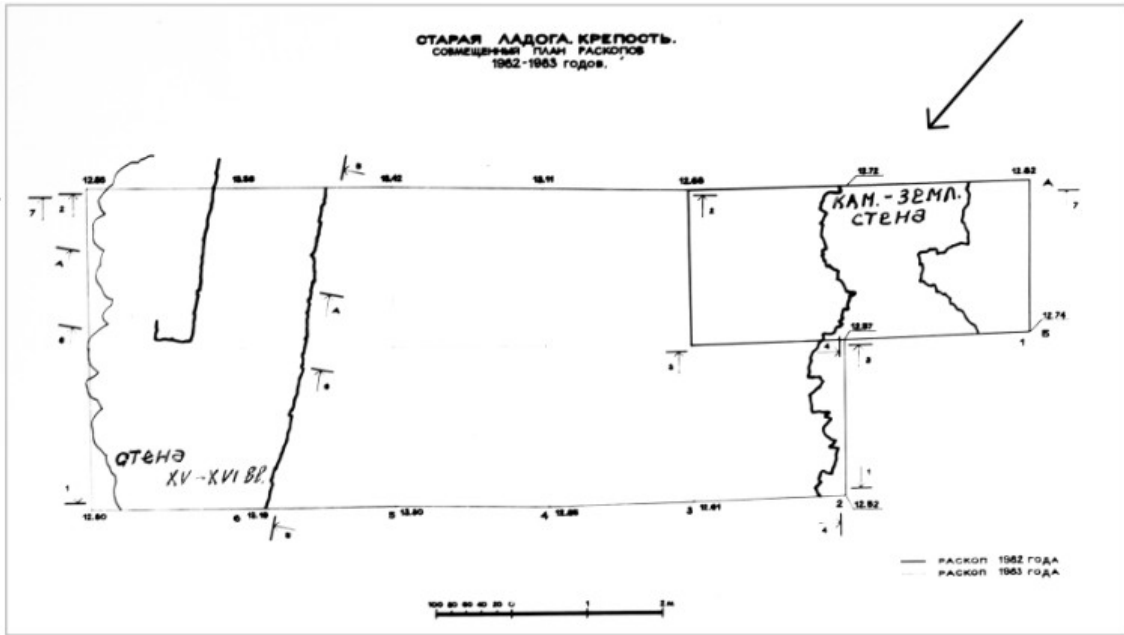

Рис. 2.9. Старая Ладога, крепость. Совмещенный план раскопок 1982–1983 гг. (Стеценко 1984Аа: рис. 8)

Местом раскопок 1983 г. стала центральная часть северного участка восточного прясла, соединяющего Тайничную и Стрелочную башни. Раскоп разбит с привязкой к раскопу 2 (В 1983 г. раскоп 2 1982 г. был значительно расширен по площади и стал называться раскопом 1. — *Примеч. Н. Г., С. Л.*) исследований ЛФИ 1982 г. (рис. 2.1; 2.9). В раскопах 1980–1982 гг., расположенных в северо-восточной части крепости, были вскрыты остатки каменно-земляной стены (Стеценко 1984Аа: ил. 2, стена обозначена сплошной заливкой).

Каменно-земляная стена находится западнее восточного прясла крепости, построенной на рубеже XV–XVI вв. (датировка А. Н. Кирпичникова). Открытые фрагменты каменно-земляной стены шириной 1,7–1,8 м принадлежат крепостному сооружению более раннего периода. Поэтому в задачу исследований 1983 г. входило изучение культурных напластований, расположенных в пространстве между двумя крепостными стенами разновременных укреплений Ладожского мыса. Расстояние между ними на участке раскопа — около 7 м.

(7) Восточное прясло крепости XV–XVI вв. со стороны двора практически не сохранилось, кроме валообразной земляной насыпи, прикрывающей остатки нижних частей кладки (Стеценко 1984Аа: ил. 3). С внешней стороны по всей высоте берегового откоса стена представляет собой обнаженную забутовочную часть (Там же: ил. 4, 5). В забутовку, в основном, использовались валуны, иногда огромных размеров, но среди валунного массива в некоторых местах встречаются плитные кладки, перевязанные с валунной.

<...>

Раскоп, площадь которого составляет около 27 м² (рис. 2.9), расположен севернее так называемой торговой арки XII в. (раскрыта, датирована и восстановлена А. Н. Кирпичниковым). На ил. 2 (Там же: ил. 2) этот участок прясла заштрихован.

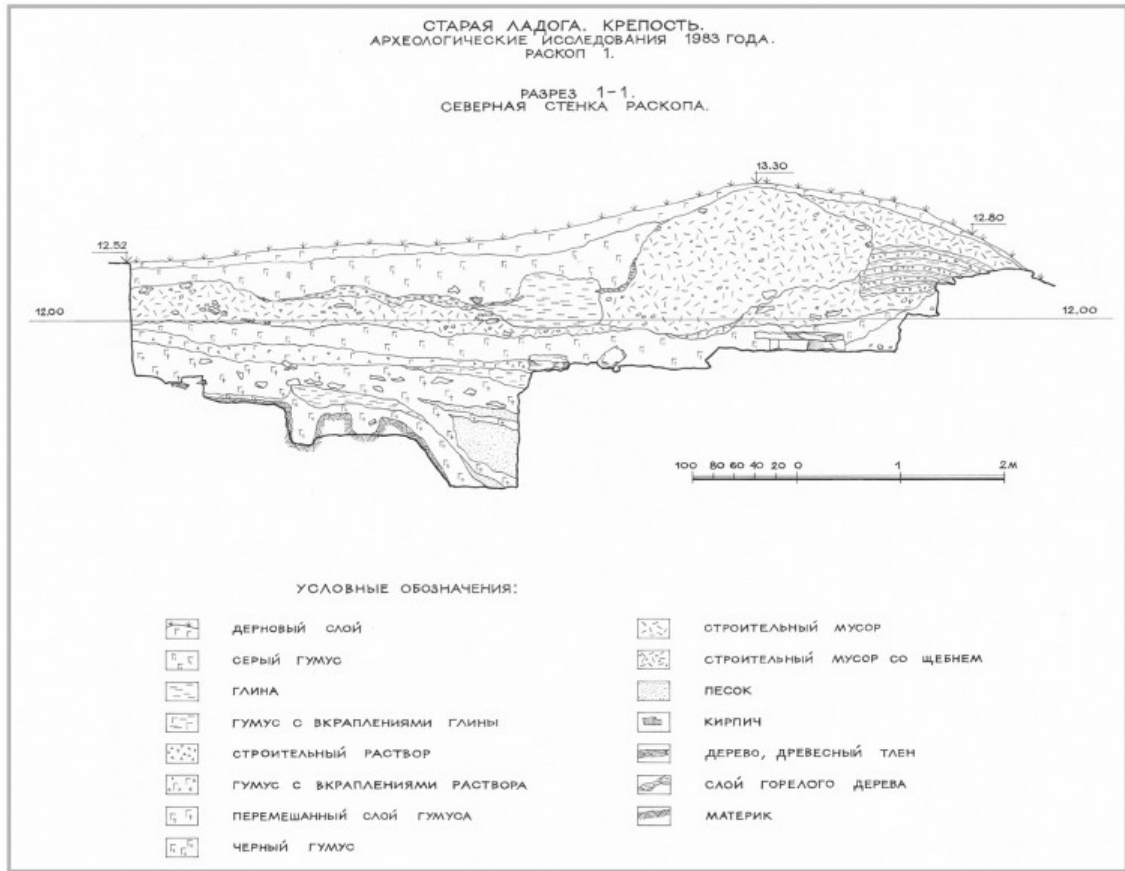

Рис. 2.10. Старая Ладога, крепость. Археологические исследования 1983 г., раскоп 1: разрез 1-1, северная стенка раскопа (Стеценко 1984Аа: рис. 9)

Раскопки проводились методом послойного снятия грунта с поквадратной фиксацией находок. Сетка с разбивкой на квадраты единая с раскопом 1982 года (рис. 2.9).

После снятия дерна при зачистке по всей площади раскопа собраны мелкие фрагменты керамики от неолитической до позднесредневековой. Под дерновым слоем толщиной 0,1–0,3 м (рис. 2.10; 2.11) расположен гумус серого цвета различной мощности от 0,15 до 0,60 м. Основная площадь распространения этого слоя — западный участок раскопа до границы квадратов А6–Б6 (рис. 2.12). Гумус представляет собой плотный слой, перемешанный со щебнем. В восточной части раскопа он практически сходит на нет, упираясь в валообразную насыпь щебня и гальки (рис. 2.10; 2.11). В южной стенке раскопа гумус перекрывает щебенчатую насыпь. Необходимо заметить, что напластования, перекрывающие кладку (8) восточного прясла до определенной глубины, резко отличаются от характера напластований западной части раскопа, поэтому описание их будет дано отдельно.

При разборке слоя серого гумуса (1 штык) обнаружены фрагменты лепной и гончарной керамики (Стеценко 1984Аб: ил. 24–29), обломок глиняного пряслица (Стеценко 1984Аб: ил. 24, рис. 10), каменное грузило (Стеценко 1984Аб: ил. 25, рис. 1) и другие предметы, среди которых железная пряжка, ядро небольшого

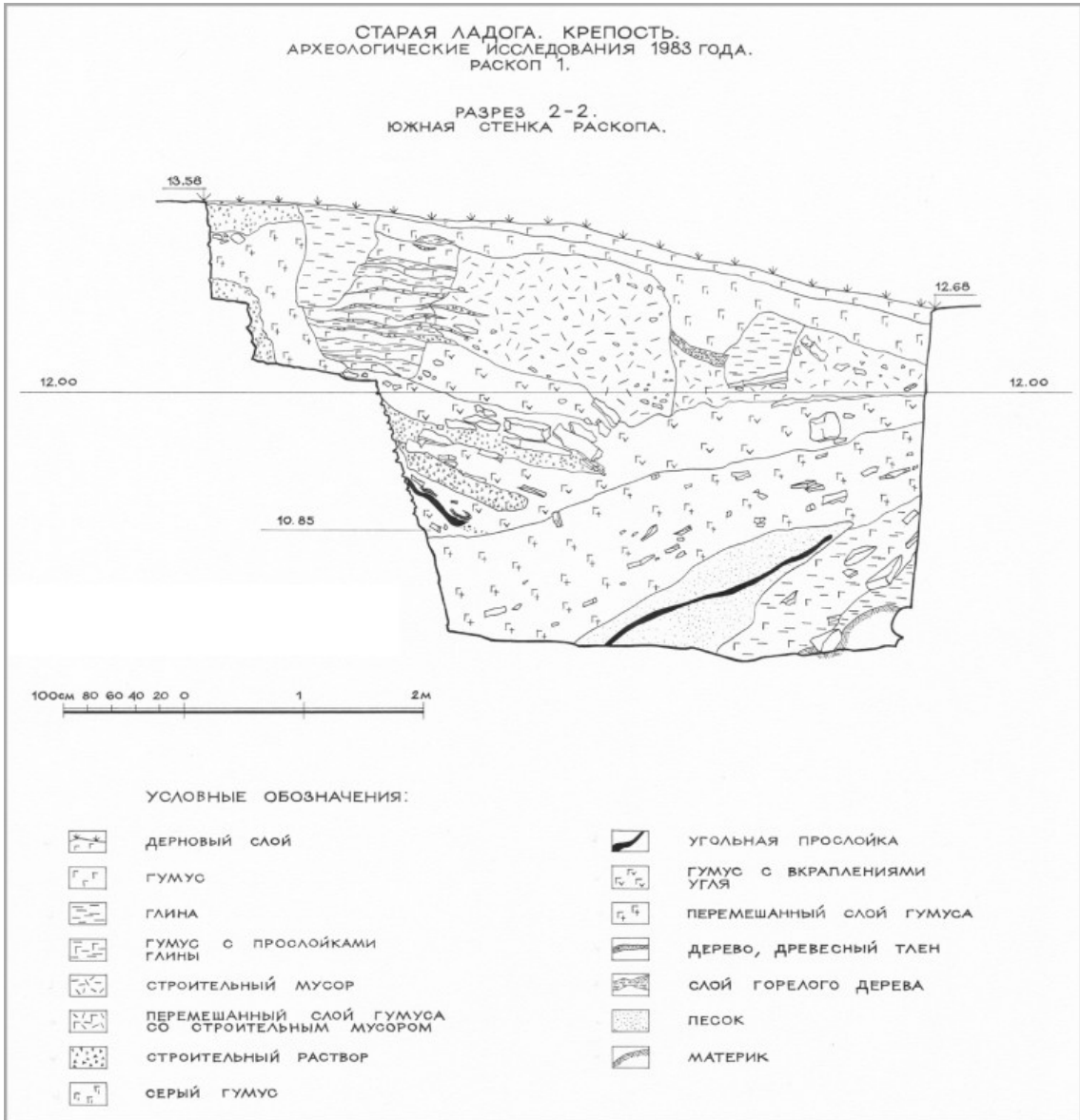

Рис. 2.11. Старая Ладога, крепость. Археологические исследования 1983 г., раскоп 1: разрез 2-2, южная стенка раскопа (Стеценко 1984Аа: рис. 10)

диаметра. Гончарные сосуды, судя по фрагментам, обнаруженным при расчистке верхнего слоя гумуса, имели венчики, принадлежавшие формам XII–XVIII вв. Одной из самых интересных находок этого слоя является костяной гребень односторонний X в. (Стеценко 1984Аб: ил. 29, рис. 2). Он имеет фигурную спинку с зооморфными боковыми гранями и два отверстия для подвешивания. С обеих сторон гребень украшен кружковым орнаментом.

В кв. А3 и Б2 на глубине 0,3–0,4 м от поверхности расчищен развал кирпичей и обломков плит (рис. 2.12). Кирпичи имеют размеры 7 × 13 × 25,5 см, 6 × 11 × 24 см, 7 × 12,5 × 24 см. На уровне этого развала в квадратах А4–Б4 зафиксирована полоса глины шириной около 0,8 м (рис. 2.12). При дальнейшей расчистке выяснилось, что пласт глины имеет мощность 0,5 м (рис. 2.10; 2.11).

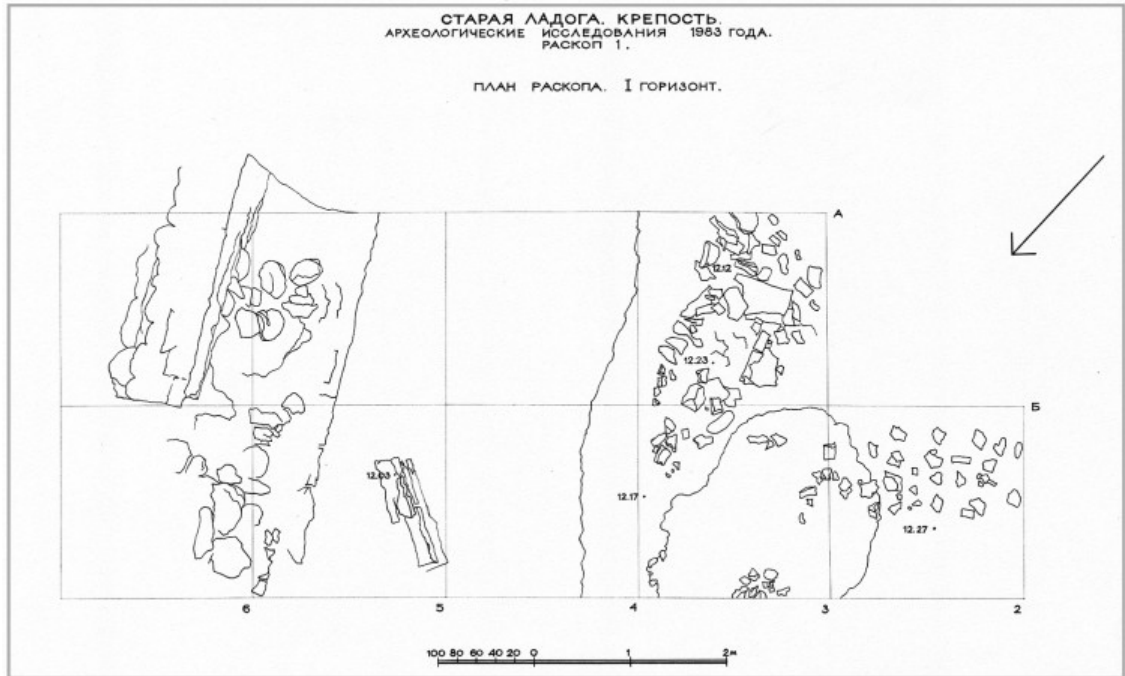

Рис. 2.12. Старая Ладога, крепость. Археологические исследования 1983 г., раскоп 1: план раскопа, I горизонт (Стеценко 1984Аа: рис. 11)

На уровне I горизонта, на котором в кв. А3 и Б2 был обнаружен развал кирпичей и обломков плиты, в кв. Б3 расчищено горелое пятно, размером $2,0 \times 2,0$ м, толщиной 0,1–0,15 м, которое частично захватывает и западную часть кв. Б2. Место расположения горелого пятна показано на плане I горизонта (рис. 2.12). Горелый слой в верхней части состоит из остатков какой-то сторевшей деревянной конструкции, в разрезе северной стенки раскопа выделяются поперечные и продольные (9) плахи (Стеценко 1984Аа: ил. 13). Слой насыщен большим количеством костей животных и крупной чешуи рыб. В I горизонте раскопа (каменно-кирпичный развал и горелое пятно) собрано множество обломков печины.

При расчистке I горизонта собраны фрагменты гончарной керамики и различные предметы (Стеценко 1984Аб: ил. 30–35). В горелом слое обнаружено калачевидное кресало (Стеценко 1984Аб: ил. 29, рис. 1). Еще одно кресало найдено среди развала камней (Стеценко 1984Аб: ил. 31, рис. 4). В число находок, происходящих из горелого слоя, входят: точильный брусок, ядро, диаметром 0,05 м, подковки, ножи, гвозди, круглая железная пряжка. Керамика представлена обломками белоглиняных кувшинов, фрагментами красноглиняных и сероглиняных сосудов с небольшими венчиками и короткой шейкой.

Интересны фрагменты с зеленой поливой, вероятно, чаши с комбинированным орнаментом (Стеценко 1984Аб: ил. 34, рис. 7). При расчистке развала камней собраны характерные для всего I горизонта фрагменты керамики с короткими утолщениями и венчиками, отогнутыми наружу (Стеценко 1984Аб: ил. 30, рис. 1–6; ил. 33; 34, рис. 1–4). Среди камней обнаружены еще одно ядро, но меньшего диаметра, круглая бронзовая подвеска (Стеценко 1984Аб: ил. 31, рис. 3). После ее расчистки

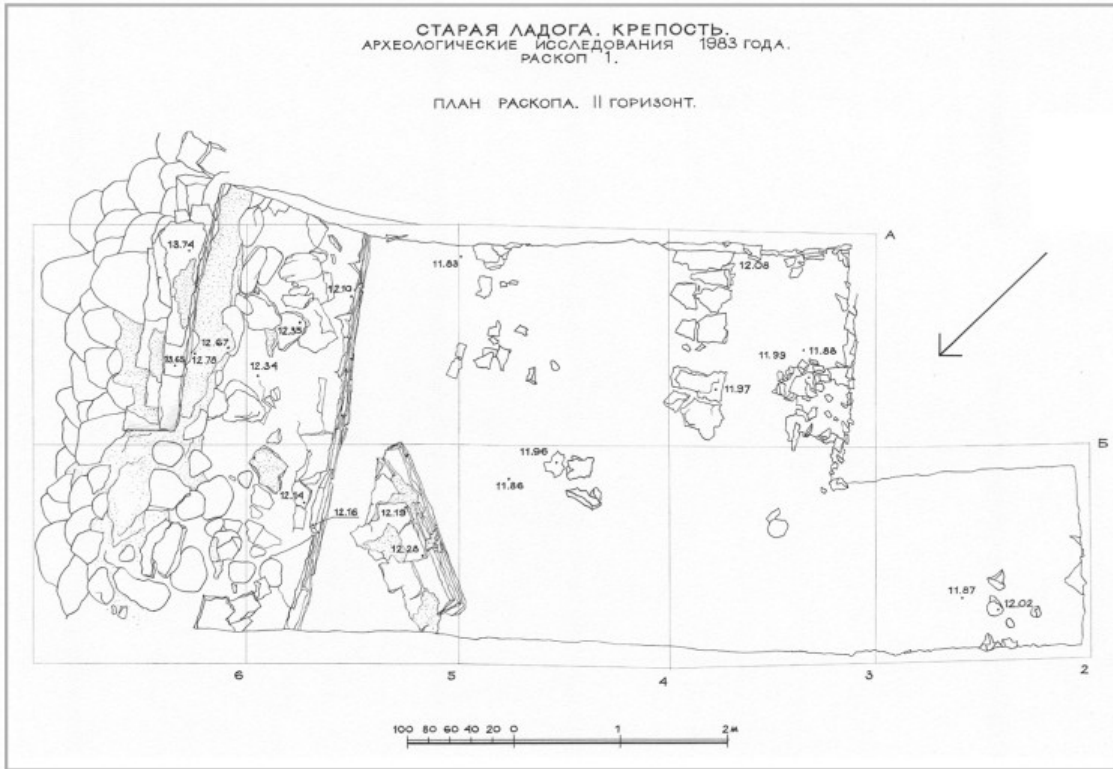

Рис. 2.13. Старая Ладога. Крепость. Археологические исследования 1983 г., раскоп 1: план раскопа, II горизонт (Стеценко 1984Аа: рис. 16)

на ней был обнаружен чеканный односторонний растительный орнамент — в центре композиции небольшой цветок с четырьмя лепестками, остальное пространство заполнено завитками.

В кв. А3 найдена шведская монета достоинством $\frac{1}{2}$ эре, выпущенная при Юхане III в 1592 году. Для полной характеристики I горизонта важным является выявление среди находок слюды, наряду с наличием в слое обломков оконного стекла. Основываясь на характере находок и стратиграфических наблюдений, I горизонт можно предварительно датировать XVII в., возможно, первой его половиной.

(10) После разборки I горизонта (Стеценко 1984Аа: ил. 14) на уровне II горизонта напластований в кв. А3 расположена вымостка из плит шириной 0,5 м (Стеценко 1984Аа: ил. 15). В других квадратах раскопа имеются редкие скопления мелких камней (рис. 2.13).

Гумусное заполнение кв. А3 характеризуется насыщенностью фрагментами керамики (Стеценко 1984Аб: ил. 36, 37), костями животных и рыб, угольками, крошкой раствора. В кв. Б3 основу слоя составляет мелкий строительный мусор (растворная крошка, мелкие обломки плиты). Насыщенность крошкой раствора беловатого цвета характерна для II горизонта практически по всей площади раскопа. Слой в кв. Б2 и Б3 отличается наличием щепы и горелого дерева. В центральной части кв. Б2 выделяется скопление печины, площадью 0,5 × 0,7 м.

По сравнению с I горизонтом, во II горизонте практически отсутствуют обломки кирпичей. Полоса глины, проходящая в кв. А4–Б4, не опускается ниже уровня

залегания гумусного слоя II горизонта (рис. 2.10; 2.11). В числе находок: обломки белоглиняных кувшинов, фрагменты сероглиняной гончарной керамики, точильный брусок, крючок рыболовный и другие предметы (Стеценко 1984Аб: ил. 36–40). При расчистке слоя II горизонта собрано много фрагментов слюды, некоторые из них сохраняют по своему внешнему обрезу отверстия для крепления. Важными находками этого горизонта являются две монеты. Они обнаружены на глубине 0,65–0,7 м от поверхности, в кв. Б2. Шведская монета достоинством 2/3 эре, серебряная, отчеканенная при Юхане III в 1573 г., обнаружена у северной бровки раскопа, среди небольшого развала камней (рис. 2.13). Вторая монета найдена в этом же развале, но несколько южнее. Это серебряная деньга (1/2 копейки) Ивана IV, отчеканенная в период между 1533–47 гг. Находки монет дают возможность отнести II горизонт ко времени не ранее второй половины XVI в. — началу XVII в.

Общая мощность слоев I и II горизонтов составляет 0,4–0,6 м. (11) Отличительная внешняя особенность — беловатый оттенок из-за насыщенности крошкой известкового раствора. Вымостка II горизонта, вероятно, остатки фундаментальной части каменной постройки, пятно горелого слоя I горизонта и верхняя часть II горизонта западной части раскопа фиксируют разрушение этой постройки (характерные находки — ядра). Разрушение этой постройки, вероятно, относится к периоду «шведского разорения» начала XVII в.

На уровне нижней границы II горизонта в восточной части раскопа после выборки разнохарактерных верхних частей напластований, которая производилась послойно, соответственно расположению слоев западной части раскопа, расчищен вертикальный выступ кладки восточного прясла на отметках 12,10–12,14.

Части кладки, расположенные на отметке 13,74–13,65, расчищены при разборке верхних горизонтов раскопа (рис. 2.10; 2.11; 2.13). Напластования, примыкающие к кладке с западной стороны, их структура и характер залегания (Стеценко 1984Аа: ил. 10, 17) дают возможность предполагать, что они являются свидетельством попыток ладожан в XVII веке привести хотя бы в некоторый порядок разоренную крепость, возвращенную России после Столбовского мира в 1617 г. Валообразные подсыпки щебня зафиксированы во всех ранее проводившихся расчистках восточного прясла. По историческим документам известно, что разрушенные участки каменной кладки закрывались деревянными конструкциями.

В кв. В5 находится упавший блок плитняной кладки (Стеценко 1984Аа: ил. 16, 18), поэтому на данном участке разборка слоя ниже уровня II горизонта не проводилась.

III горизонт напластований залегает на глубине 0,7–0,8 м от дневной поверхности (размеры указаны по западной границе кв. Б3–А3).

(12) Общая мощность III горизонта (пласты а, б, в) составляет 0,3–0,5 м (рис. 2.10; 2.11). Никакой разницы в структуре грунта по отдельным пластам не наблюдается.

Гумусный слой III горизонта в южной части раскопа больше насыщен включениями угля, чем в северной (рис. 2.11).

В восточной части раскопа слой III горизонта подстилает валообразные напластования, перекрывающие кладку стены (рис. 2.10; 2.11).

При разборке пласта «в» расчищены развалы камней и обломков плит (рис. 2.14). На границе кв. Б2–Б3 зафиксирован развал разложившегося кирпича. Отличительная особенность пласта «в» — наличие в слое гумуса значительного количества мелких обломков кирпича. Пласты III горизонта насыщены остатками известкового

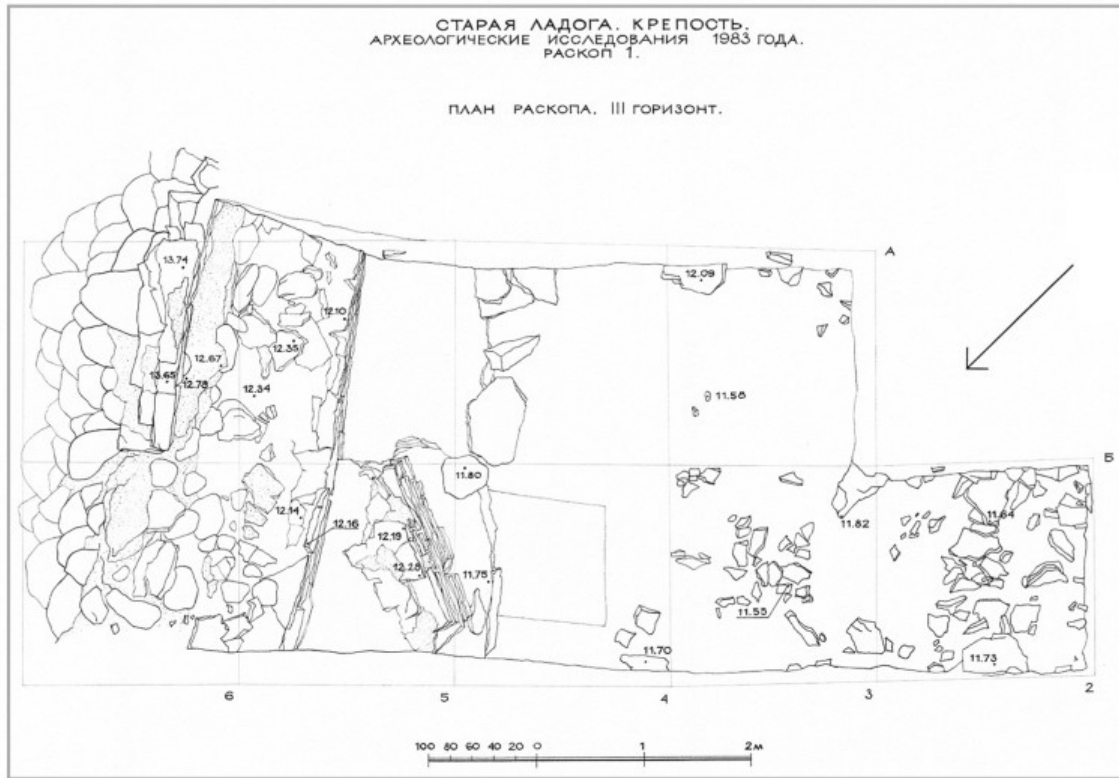

Рис. 2.14. Старая Ладога, крепость. Археологические исследования 1983 г., раскоп 1: план раскопа, III горизонт (Стеценко 1984Аа: рис. 19)

раствора, но его значительно больше в северной части раскопа, где он выделяется в отдельную прослойку (рис. 2.10).

Толщина прослойки 0,06–0,2 м. Уровень ее залегания от репера (12,52) в северо-западном углу раскопа 0,62–0,71 м.

При разборке кирпичного развала в кв. Б2 найден фрагмент фрески.

В слое III горизонта встречалось много слюды, только слюды, в отличие от II горизонта, где стекло и слюда имелись приблизительно в одинаковом количестве. В кв. А4–В4 в пластах «а» и «б» найдены обломки заостренных концов кольев. Никакой системы в их расположении зафиксировать не удалось. При разборке гумуса III горизонта собрано большое количество фрагментов керамики, в кв. Б3 найден обломок стеклянного браслета, в кв. Б2 — бронзовое кольцо с заходящими концами, в кв. А4 — бронзовый крест-тельник и другие предметы (Стеценко 1984Аб: ил. 41–54).

Находки пласта «а» представлены на ил. 41–45 (Стеценко 1984Аб). Обнаруженные фрагменты венчиков делятся на два типа, первый — очень короткие отогнутые наружу, край венчика утолщен и имеет округлую форму; второй — удлиненные с утолщенным краем, отогнутым наружу (край округлый или срезанный). Найденные в этом пласте обломки (13) белоглиняного кувшина подбираются с фрагментами, собранными в этом же квадрате при разборке II горизонта (Там же: ил. 41, рис. 5).

Находки пласта «б» представлены в основном фрагментами керамики (Там же: ил. 46, 49). Среди прочих находок — ключ от навесного замка (Там же: ил. 47, рис. 1), ледоходный шип (Там же: ил. 48, рис. 9). Имеются фрагменты сероглиняных

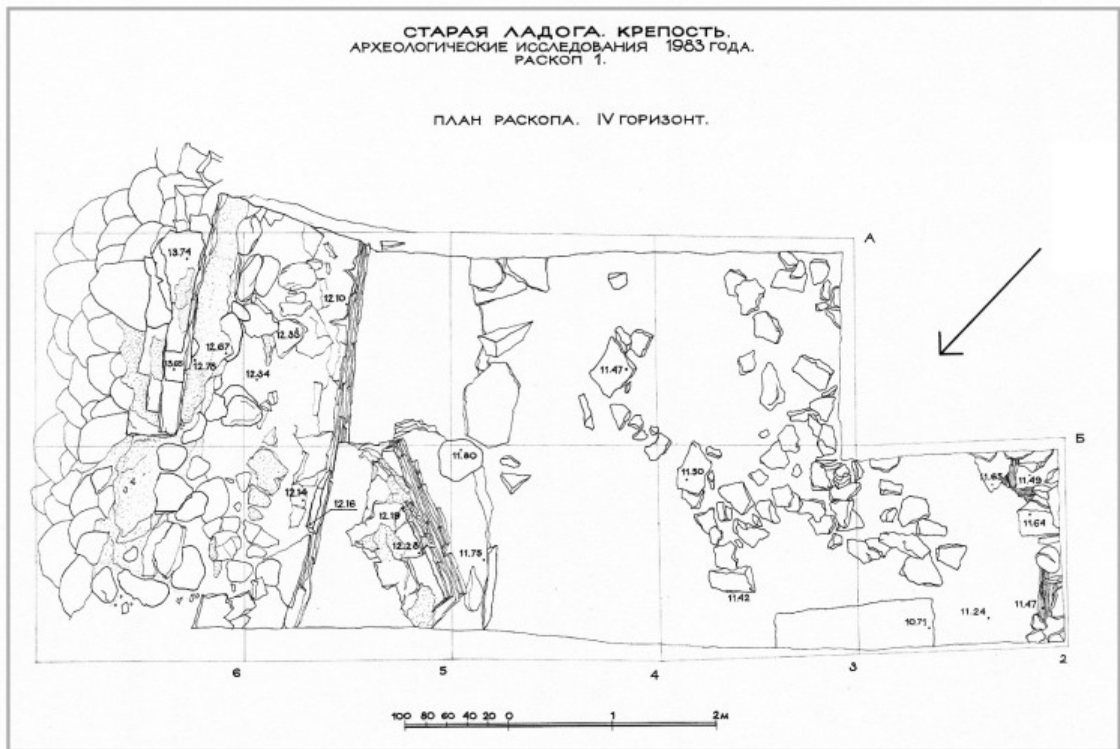

Рис. 2.15. Старая Ладога, крепость. Археологические исследования 1983 г., раскоп 1: план раскопа, IV горизонт (Стеценко 1984Аа: рис. 20)

и красноглиняных сосудов. Венчики отмечаются многовариантностью. Появляется тип удлиненного венчика, отогнутого наружу, край которого оттянут внутрь, образуя ложбинку с внутренней стороны горловины горшка (Там же: ил. 47, рис. 10). Донца горшков плоские с отпечатками песочной подсыпки (Там же: ил. 47, рис. 12, 13). Орнамент довольно редок — прямая или волнистая линии в верхней трети сосудов.

В пласте «в» III горизонта (Там же: ил. 50–54) количество удлиненных венчиков, с ложбинкой по внутренней стороне, увеличивается. Интересной находкой этого пласта [является] бронзовый крест-тельник, обнаруженный в кв. А4 (Там же: ил. 66, рис. 3).

После разборки пласта «в» III горизонта был расчищен развал камней, относящийся к IV горизонту раскопа. Гумусный слой IV горизонта содержит большое количество угольков, рыбной чешуи, костей рыб и животных. Обломки плит с изредка встречающимися небольшими валунами фиксируются практически по всей площади раскопа. В кв. А4 находятся плиты больших размеров от разрушенного восточного прясла (рис. 2.15).

У западной стенки кв. Б2 расчищен фрагмент каменно-земляной стены, исследованный в раскопе 1982 г. (Стеценко 1984Аа: ил. 8, 22).

В процессе разборки слоя гумуса в кв. Б2, у остатков каменно-земляной стены зафиксированы деревянные плахи, расположенные в продольном и поперечном направлениях. В юго-западном углу кв. Б2 сохранился угол, образованный двумя плахами, уходящими под основание стены. В северной части западной стенки кв. Б2 зафиксирована продольная (14) плаха (рис. 2.16,

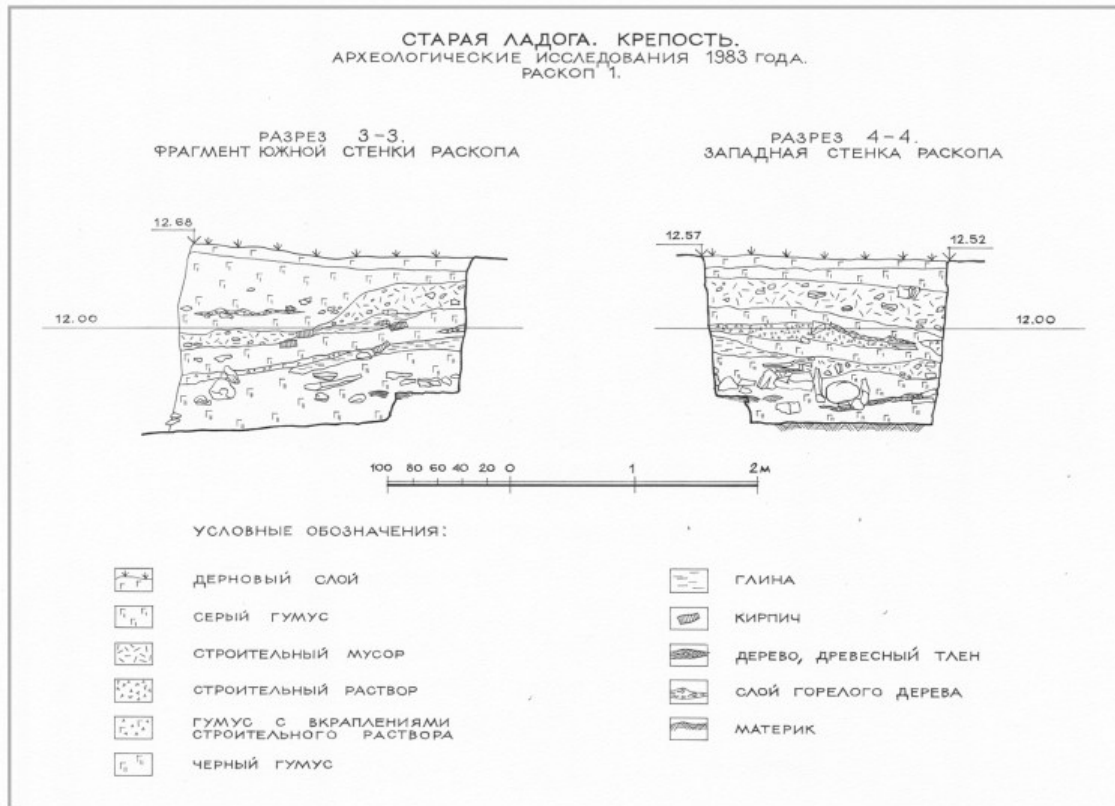

Рис. 2.16. Старая Ладога, крепость. Археологические исследования 1983 г., раскоп 1: разрез 3-3, фрагмент южной стенки раскопа; разрез 4-4, западная стенка раскопа (Стеценко 1984Аа: рис. 23)

разрез 4-4). Таким образом, под основанием каменно-земляной стены находится срубная деревянная конструкция. В ходе дальнейших расчисток было выяснено следующее.

Плаха расположена на предматериковом слое гумуса, который имеет толщину 8–17 см. Слой насыщен углем. Плахи перекрыты прослойкой того же гумуса, поверх которой и расположено основание стены. Характер расположения и устройство обнаруженного фрагмента деревянной конструкции дают основания считать, что она не имеет отношения к каменно-земляной стене, а принадлежит другому сооружению, относящемуся к более раннему времени.

В процессе разборки пласта «г» (IV горизонт) на уровне основания каменно-земляной стены в кв. Б2 найдены фрагменты керамики и древолазный шип (Стеценко 1984Аб: ил. 56). Предматериковый слой (пласт «д» IV горизонта) кв. Б2 дал единичные фрагменты керамики (Там же: ил. 59).

Материк в этой части раскопа находится на отметке 11,25. Он представляет собой плотный глинисто-песочный галечник красноватого цвета.

При разборке нижних пластов «г» и «д» в кв. Б3 и частично Б4 до кв. Б5 с упавшим блоком (Стеценко 1984Аа: ил. 20, 24) обнаружены фрагменты керамики, костяное пряслице (Стеценко 1984Аб: ил. 57, 61).

На площади этих квадратов фиксируется резкое падение материка в сторону реки Волхов, к пряслу восточной стены крепости рубежа XV–XVI вв. (Стеценко

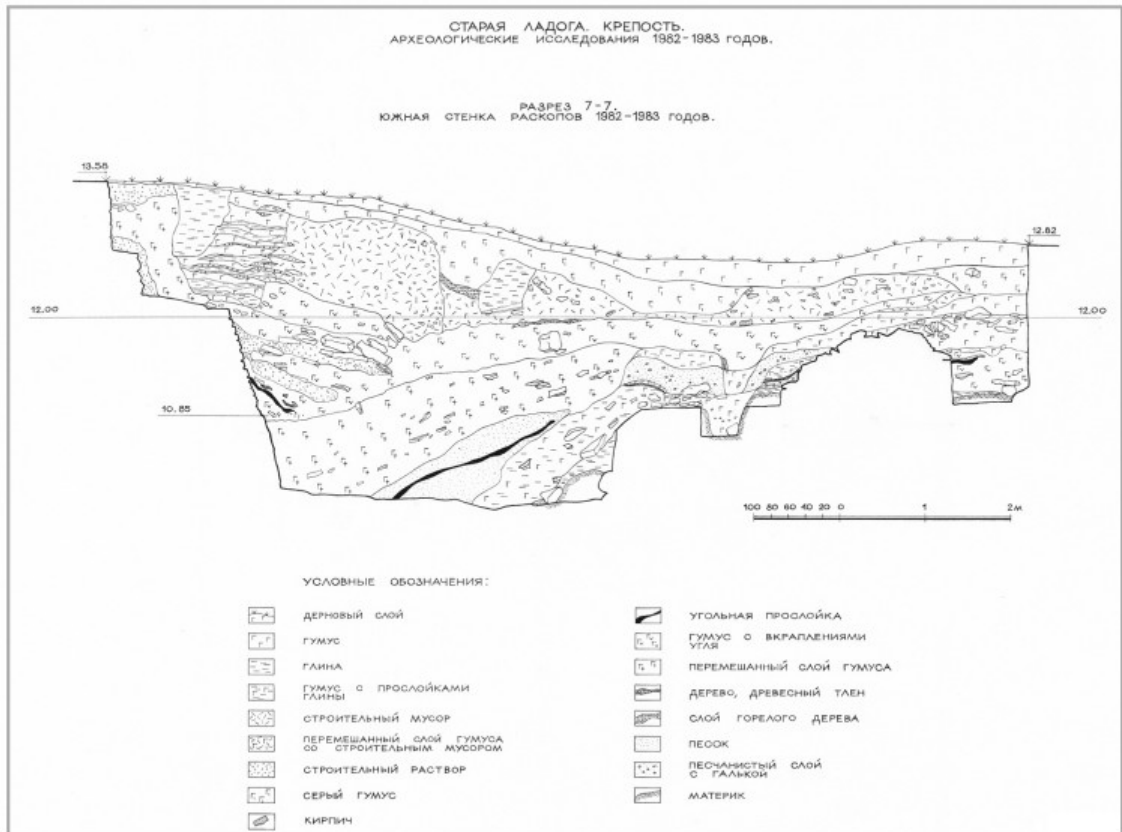

Рис. 2.17. Старая Ладога, крепость. Археологические исследования 1982–1983 гг., разрез 7-7, южная стенка раскопов 1982–1983 гг. (Стеценко 1984Аа: рис. 26)

1984Аа: ил. 9). В кв. Б3 зачищены остатки двух канавок, вырытых в материке берегового склона. Их размеры: первой — глубина 0,4 м, ширина — 0,25 м; второй — глубина 0,2 м, ширина 0,25 м.

Такого же типа канавка обнаружена у восточного края каменно-земляной стены в раскопе 1982 г. (рис. 2.17).

В предматериковом слое, являющемся заполнением канавок и перекрытым сверху глиняной линзой (рис. 2.10), найдены фрагменты керамики. Имеющиеся среди них венчики характерны удлиненными пропорциями, они (15) отогнуты наружу, края некоторых оттянуты внутрь, образуя ложбинку с внутренней стороны (Стеценко 1984Аб: ил. 63, рис. 2–5).

При разборке нижних пластов в кв. А3, А4, А5 также зафиксировано резкое падение материка в сторону Волхова (Стеценко 1984Аа: ил. 20, 21, 25). К числу находок, происходящих из этих пластов, относятся фрагменты керамики (Стеценко 1984Аб: ил. 55, 58, 60, 64, 65), в кв. А3 обнаружен наконечник стрелы (Там же: ил. 66, рис. 2).

В предматериковом слое гумуса в кв. А3 найдены отдельные фрагменты керамики и развал одного горшка (Там же: ил. 60, рис. 1). Горшок имел диаметр горла 30 см. Венчик со врезанным краем, отогнутый наружу, плавно переходит в тулово. Орнамент из мелковолнистых полос начинается непосредственно под изгибом венчика. В этом же слое обнаружен сошник с обломанной рабочей частью.

В южной части раскопа материк удалось зафиксировать лишь в юго-западном углу кв. А3 (рис. 2.11). Он находится на отметке 10,20. Для хронологического определения культурных напластований на площади данного раскопа можно использовать материал только с западной части раскопа (кв. Б2, Б3, А3). Напластования восточной части являются перемещенными. Они были насыпаны при сооружении восточного прясла каменной крепости. Перемещенный грунт представляет собой гумусный слой с включениями зеленоватой глины, прослоек песка. В нем много угля, обломков плит. Ближе к кладке восточного прясла в напластованиях имеется большое количество строительных остатков.

Песчаные прослойки, включенные в насыпной грунт, состоят из разного по составу и цвету песка.

В нижнем слое (V горизонт), примыкающем к кладке прясла (рис. 2.11), найдены фрагменты керамики и кольцеобразная железная пряжка (Стеценко 1984Аб: ил. 62, 64, 65).

В слое, примыкающем к кладке на отметках 10,80–12,00, собраны (16) фрагменты гончарной керамики, есть несколько лепных (Там же: ил. 58). Все фрагменты, в основном, мелкие. Характерной особенностью венчиков, собранных в примыкающих слоях, является удлиненность их пропорций. Края венчиков или просто отогнуты наружу, или оттянуты внутрь, образуя ложбинку.

Общая мощность напластований в западной части раскопа (по северной стенке кв. Б3) в месте резкого понижения составляет 1,7–1,0 м. От горизонта разрушений начала XVII в. до материка идут напластования культурного слоя толщиной около 1,0 м (Стеценко 1984Аа: ил. 24).

Нижним горизонтально расположенным является пласт «в» III горизонта, состоящий из гумуса с вкраплениями раствора (рис. 2.10).

Керамический материал III горизонта по типу венчиков отличается от керамики насыпных слоев восточной части раскопа. В III горизонте преобладают короткие утолщенные венчики с различными по очертаниям краями, отогнутые наружу, чаще с резким отгибом — формы, распространенные в период позднего средневековья, в XV–XVI вв.

Насыпные слои представлены совершенно другими типами. Венчики имеют более удлиненные шейки и несколько иную обработку краев. Такие формы относятся к более ранним периодам керамического производства Руси.

Нижние слои естественного формирования, которые были зафиксированы только в западной части раскопа (кв. Б2, Б3 и частично А3), не содержат находок, относящихся ко времени ранее X в. Этот участок представлял собой часть берегового склона, расположенного за пределами восточной стены крепости, которая предшествовала оборонительному сооружению XV–XVI вв. Каменно-земляная стена проходила вдоль берегового откоса, следуя его очертаниям по верхней площадке мыса.

При строительстве крепости XV–XVI вв. очертания волховского берега были изменены. Есть некоторые данные предполагать, что восточный (17) склон мыса не был столь откосным. Очевидно, здесь имела небольшая терраса, существование которой предопределило конструкцию каменной стены и давало возможность увеличить площадь внутреннего двора крепости за счет подсыпки грунта от верха берегового склона на ширину террасы.

Общая мощность напластований у западного фасада восточного прясла (рис. 2.11) составляет около 3,5 м. К сожалению, из-за большой глубины и

сложности в выборке грунта определить на данном участке отметку основания кладки не удалось. <...>

(18) В результате раскопок 1983 г. была получена стратиграфия напластований культурного слоя на непо потревоженном различного рода земляными работами участке крепостного двора. Получены данные для решения вопроса о хронологическом соотношении раскрытых в процессе работ крепостных стен. Окончательные датировки выделенных в раскопе горизонтов будут возможны после завершения камеральной (19) обработки находок. <...>

Старая Ладога. Крепость. Церковь Георгия

Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1984 г.

Том 1. Ленинград. 1985 г. // Архив Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника. Входящий № 445

Летом 1984 г. археологическая группа ЛФИ «Спецпроектреставрация» продолжила работы по исследованию Ладожской крепости. Основной объем раскопок был связан с изучением церкви Георгия, расположенной в южной части территории крепости (рис. 2.1). Было заложено 10 шурфов различной площади как внутри, так и снаружи собора (рис. 2.18).

<...>

(14) Шурфы 2, 8

Шурф 2, площадью 1,2 × 2,5 м, заложен между центральными лопатками северного фасада церкви (рис. 2.18). В процессе работ потребовалась необходимость закладки шурфа 8, который вначале не соединялся с шурфом 2. В период окончания работ на данном участке для уточнения стратиграфии западной стенки шурфа 2 они были соединены. Отчего в плане раскоп приобрел довольно сложную конфигурацию. За основными шурфами сохранены номера полевых записей, отличающих последовательность их заложения в общей системе нумерации шурфов, выполненных в церкви Георгия.

<...>

(15) Шурф 8 заложен в месте предполагаемого продолжения каменной крепостной стены, обнаруженной в северо-восточной части Ладожской крепости в период раскопок 1980 г. и 1982 г. (рис. 2.1). Стена располагалась на коренном береговом склоне мыса на 4–5 м западнее ныне существующих на поверхности руин восточного прясла. После изучения характера расположения материка в шурфах 1 и 2 было предположительно определено место прохождения каменно-земляной стены в южной части территории Ладожской крепости (рис. 2.1) [Падение материка на площади шурфа 2 в восточную сторону составляет около 50 см (Стеценко 1985А: 14. — Примеч. Н. Г., С. Л.)]

(16) В результате раскопок в восточной части шурфа 8 было расчищено скопление известняковых плит (рис. 2.18, план). Они находятся на отметке -1,90. При изучении их оказалось, что от каменно-земляной стены сохранился лишь фрагмент ее западной облицовочной части, состоящей из трех рядов плит, а также несколько небольших валунов из внутренней забутовки стены (рис. 2.18, план). Плиты

тонкие с грубо околотой поверхностью, в швах между ними — земляное заполнение. У северной бровки шурфа кладка разрушена погребением, перекрытым огромной плитой (рис. 2.18, *план, разрез III*) на одном уровне с верхним рядом кладки. Высота сохранившегося фрагмента — около 0,35 м.

Между нижним рядом плит и материком находится прослойка темного гумуса толщиной до 5 см. Поверхность верхних плит остатков стены соответствует уровню отмоксти у фундамента церкви и строительной прослойке, примыкающей к ней (рис. 2.18, *разрез IV*). При расчистке плит кладки обнаружено несколько фрагментов гончарной керамики, кованый гвоздь, осколок сильно патинизированного стекла. Из слоя предматерикового темного гумуса происходят несколько фрагментов лепной и гончарной керамики с орнаментом из широких горизонтальных полос, дверная железная петля и кусок оплавившейся смолы.

Максимальная толщина культурного слоя на участке шурфа 8 достигает 70–80 см. Так же, как и в шурфе 2, основная масса гумуса переотложена и перекопана при рытье могил существовавшего около церкви Георгия кладбища. Все захоронения разрушены при понижении грунта вокруг собора, и, вероятно, некоторые из них были разрушены еще при строительных работах более раннего времени.

Ладожская Каменная крепость XII в. в свете новейших археологических исследований

Крепость XII в.

Местоположения трех новых больших раскопов в восточной части крепости — у Раскатной и Тайничной башен, а также в центральной части юго-восточного прясла — были выбраны для работ неслучайно³. Выявленные ранее фрагменты стен восточной линии каменных укреплений XII в. существенно отличаются друг от друга на северном и южном участках — как по своим конструкциям, так и по основным параметрам.

Трехчастная стена, раскрытая севернее и южнее Тайничной башни, имела в сечении трапециевидную форму. При этом ее толщина в нижней части составляла 4,6 м, а в уровне боевого хода — от 1,8 до 2,5 м. Наружная лицевая поверхность имела ярко выраженный наклон внутрь крепости в 17° от вертикали. Внутренняя же грань стены имела значительно меньший уклон — всего около 4°. Наружная и внутренняя части были сложены из плотного плитняка-«дикаря», а средняя часть представляла собой более рыхлую забутовку, состоящую из мелкой плиты и небольших валунов на известковом растворе.

Стены XII в., исследованные перед церковью Георгия и около Раскатной башни, имели совсем другие размеры и конструкцию. Трехчастной структуры здесь нигде не наблюдается, а толщина каменной стены оказалась значительно меньше — всего 1,8 м. Уклонов ее наружной и внутренней лицевых поверхностей здесь также не выявлено.

³ Работы у Раскатной башни велись Староладожской экспедицией ИИМК РАН с 2013 по 2015 г. У Тайничной башни работы производились в 2015 и 2017 гг. Материалы более поздних исследований, 2017–2018 гг., остаются на данный момент неопубликованными.

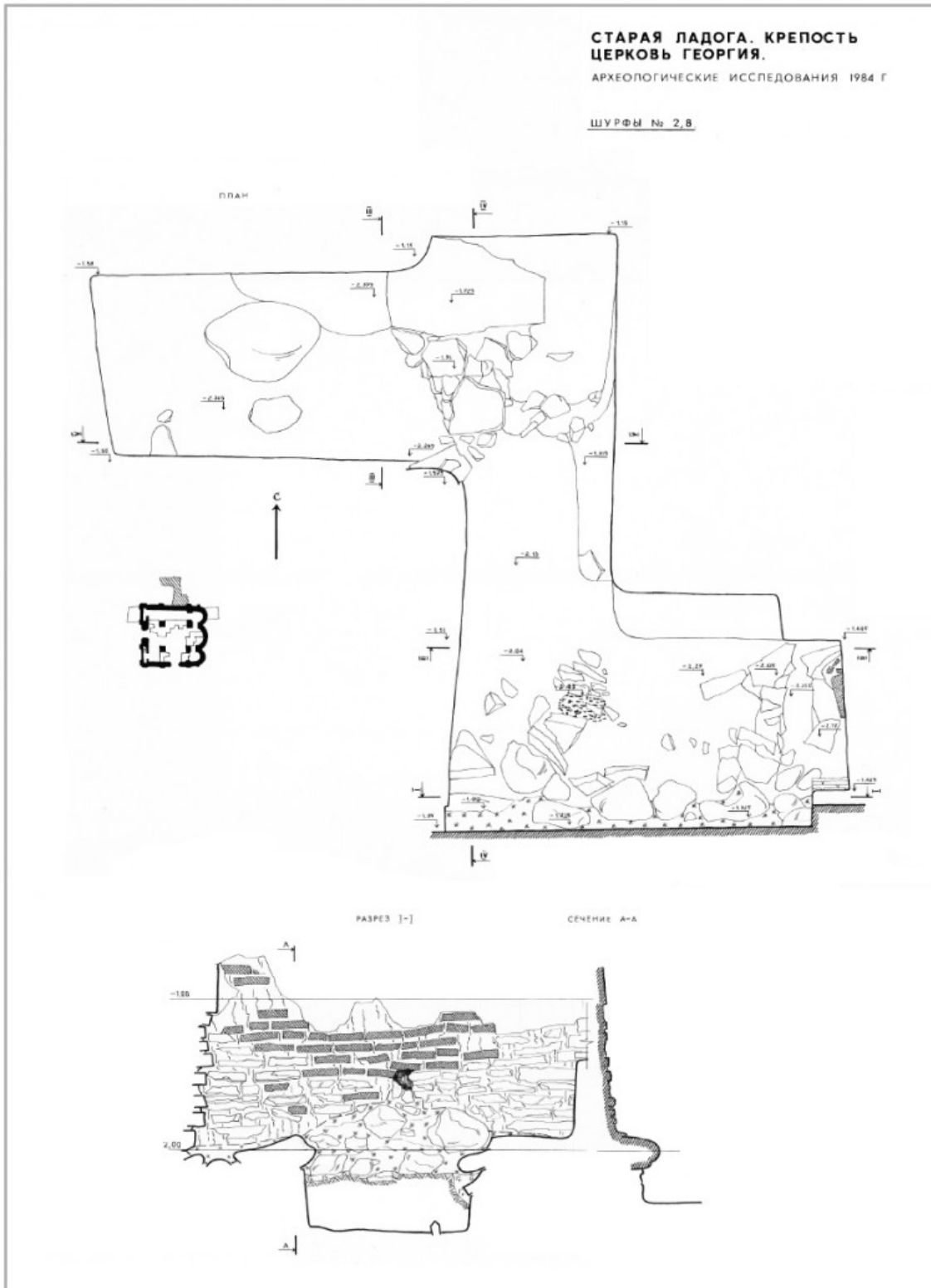
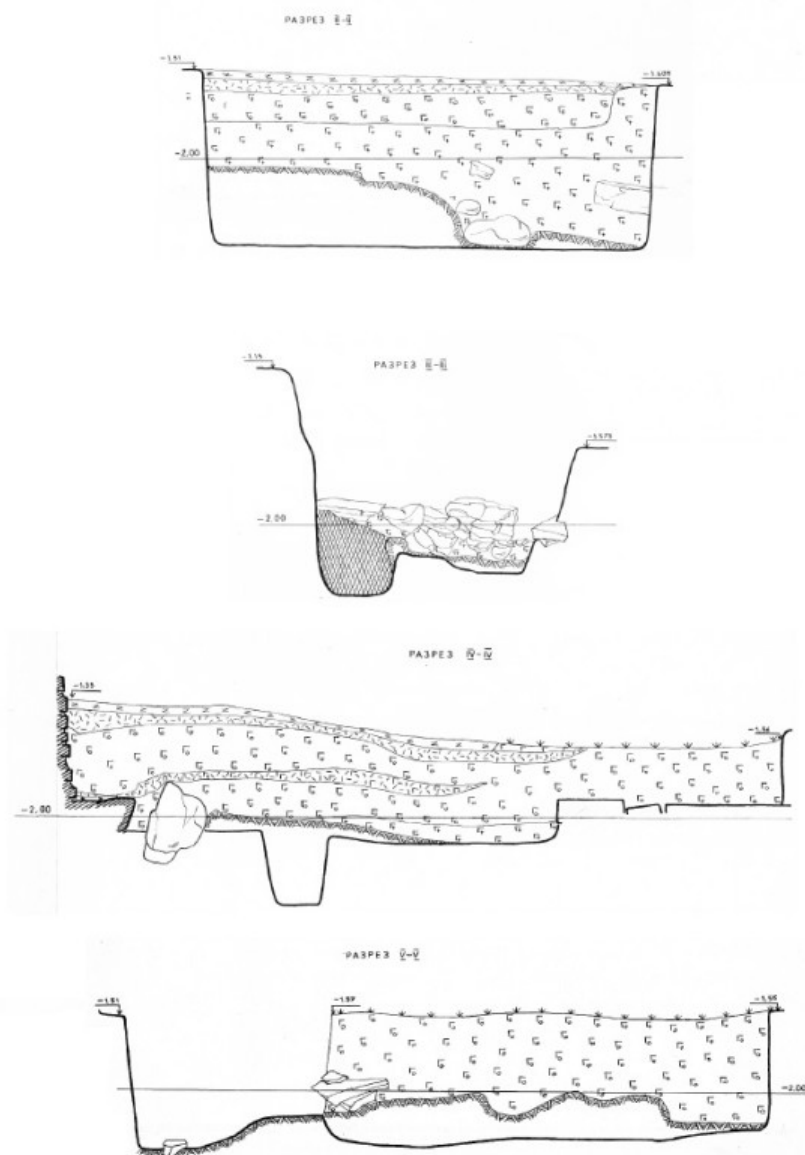

Рис. 2.18. Старая Ладога, крепость. Археологические исследования 1984 г., шурфы № 2, 8 (Стеценко 1985А: рис. 4)

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

	дерновый слой		цементная отмостка		темный гумус
	серый гумус		строительный мусор		перекоп
	уголь		гумус с мелкими обломками плиты		материк
			гумус со строительным мусором		кирпич
			раствор древний		раствор поздний

Исследовательский институт археологии и этнографии Академии наук СССР	Институт археологии и этнографии Академии наук СССР	Институт археологии и этнографии Академии наук СССР	Институт археологии и этнографии Академии наук СССР
РАСЧЕТ: В. В. ВАРШАВСКИЙ	РАСЧЕТ: В. В. ВАРШАВСКИЙ	РАСЧЕТ: В. В. ВАРШАВСКИЙ	РАСЧЕТ: В. В. ВАРШАВСКИЙ
СНТ: В. В. ВАРШАВСКИЙ	СНТ: В. В. ВАРШАВСКИЙ	СНТ: В. В. ВАРШАВСКИЙ	СНТ: В. В. ВАРШАВСКИЙ
КОМПЬЮТЕР: В. В. ВАРШАВСКИЙ	КОМПЬЮТЕР: В. В. ВАРШАВСКИЙ	КОМПЬЮТЕР: В. В. ВАРШАВСКИЙ	КОМПЬЮТЕР: В. В. ВАРШАВСКИЙ
РЕДАКТОР: В. В. ВАРШАВСКИЙ	РЕДАКТОР: В. В. ВАРШАВСКИЙ	РЕДАКТОР: В. В. ВАРШАВСКИЙ	РЕДАКТОР: В. В. ВАРШАВСКИЙ
ДИЗАЙНЕР: В. В. ВАРШАВСКИЙ	ДИЗАЙНЕР: В. В. ВАРШАВСКИЙ	ДИЗАЙНЕР: В. В. ВАРШАВСКИЙ	ДИЗАЙНЕР: В. В. ВАРШАВСКИЙ
ОБЪЕКТ: Древнерусская Каменная крепость Ладого конца IX — XII в.	ОБЪЕКТ: Древнерусская Каменная крепость Ладого конца IX — XII в.	ОБЪЕКТ: Древнерусская Каменная крепость Ладого конца IX — XII в.	ОБЪЕКТ: Древнерусская Каменная крепость Ладого конца IX — XII в.
РАЙОН: Ленинградская область, Ладозский район	РАЙОН: Ленинградская область, Ладозский район	РАЙОН: Ленинградская область, Ладозский район	РАЙОН: Ленинградская область, Ладозский район
УЧАСТОК: 1	УЧАСТОК: 1	УЧАСТОК: 1	УЧАСТОК: 1
ЛИСТ: 2	ЛИСТ: 2	ЛИСТ: 2	ЛИСТ: 2
МАШТАБ: 1:50	МАШТАБ: 1:50	МАШТАБ: 1:50	МАШТАБ: 1:50
ИЗДАНИЕ: 1	ИЗДАНИЕ: 1	ИЗДАНИЕ: 1	ИЗДАНИЕ: 1
ГОД: 1988	ГОД: 1988	ГОД: 1988	ГОД: 1988
С. 1	С. 1	С. 1	С. 1
С. 2	С. 2	С. 2	С. 2
С. 3	С. 3	С. 3	С. 3
С. 4	С. 4	С. 4	С. 4
С. 5	С. 5	С. 5	С. 5
С. 6	С. 6	С. 6	С. 6
С. 7	С. 7	С. 7	С. 7
С. 8	С. 8	С. 8	С. 8
С. 9	С. 9	С. 9	С. 9
С. 10	С. 10	С. 10	С. 10
С. 11	С. 11	С. 11	С. 11
С. 12	С. 12	С. 12	С. 12
С. 13	С. 13	С. 13	С. 13
С. 14	С. 14	С. 14	С. 14
С. 15	С. 15	С. 15	С. 15
С. 16	С. 16	С. 16	С. 16
С. 17	С. 17	С. 17	С. 17
С. 18	С. 18	С. 18	С. 18
С. 19	С. 19	С. 19	С. 19
С. 20	С. 20	С. 20	С. 20
С. 21	С. 21	С. 21	С. 21
С. 22	С. 22	С. 22	С. 22
С. 23	С. 23	С. 23	С. 23
С. 24	С. 24	С. 24	С. 24
С. 25	С. 25	С. 25	С. 25
С. 26	С. 26	С. 26	С. 26
С. 27	С. 27	С. 27	С. 27
С. 28	С. 28	С. 28	С. 28
С. 29	С. 29	С. 29	С. 29
С. 30	С. 30	С. 30	С. 30
С. 31	С. 31	С. 31	С. 31
С. 32	С. 32	С. 32	С. 32
С. 33	С. 33	С. 33	С. 33
С. 34	С. 34	С. 34	С. 34
С. 35	С. 35	С. 35	С. 35
С. 36	С. 36	С. 36	С. 36
С. 37	С. 37	С. 37	С. 37
С. 38	С. 38	С. 38	С. 38
С. 39	С. 39	С. 39	С. 39
С. 40	С. 40	С. 40	С. 40
С. 41	С. 41	С. 41	С. 41
С. 42	С. 42	С. 42	С. 42
С. 43	С. 43	С. 43	С. 43
С. 44	С. 44	С. 44	С. 44
С. 45	С. 45	С. 45	С. 45
С. 46	С. 46	С. 46	С. 46
С. 47	С. 47	С. 47	С. 47
С. 48	С. 48	С. 48	С. 48
С. 49	С. 49	С. 49	С. 49
С. 50	С. 50	С. 50	С. 50

В ходе археологических исследований 2014–2018 гг. была поставлена задача выяснить, где же происходят изменения параметров каменных стен XII в. и чем они обусловлены.

В 2019 г. экспедицией ИИМК РАН было заложено еще семь небольших археологических шурфов на восточных пряслах крепости (Григорьева 2020Аа; 2020Аб; Лалазаров 2019). Эти работы производились в контексте комплексного изучения состояния берегового склона Ладожского мыса. Материалы отчетов по этим шурфам использовались для общего анализа этапов строительства и перестроек каменной крепости XII в.

В 2014–2015 гг. в раскопе перед северным фасадом Раскатной башни был обнаружен крупный участок крепостной стены на известковом растворе доогнестрельной поры (Григорьева 2015А). Детальное изучение и обмеры этого фрагмента позволили связать его с ранее исследованной стеной перед церковью св. Георгия. Эту стену впервые раскрыв в 1893 г. В. В. Суслов (Бранденбург 1896: табл. XIV), затем ее зафиксировал в траншее 1972 г. А. Н. Кирпичников (Кирпичников 1984: 42–67). В 1984–1985 гг. стену исследовала Н. К. Стеценко (Стеценко 1985А; 1986А). По принятой в настоящее время рабочей маркировке ладожских укреплений эта стена обозначается литерой «Г» (на рисунках отображена синим цветом).

Выявленный участок крепостной стены на известковом растворе по всем своим признакам относится к XII в. Он является элементом главного въезда в крепость со стороны реки. Таким образом, выяснилось, что в XII в. во время глобальной перестройки крепости X в. расположение въезда в детинец со стороны реки сохранялось.

Архитектурно-археологические исследования в раскопе у Раскатной башни дали новый обширный материал для анализа перестройки каменных укреплений Ладоги в XII в. В результате была сделана попытка собрать воедино все ранее зафиксированные и описанные фрагменты крепости Мстислава Великого и посадника Павла (Лалазаров 2017). В этой работе был опубликован и план юго-восточного прясла с выявленными участками крепости XII в. (рис. 2.19). Последующие археологические исследования наглядно показали, что строительная история Ладожской крепости на этом участке оказалась значительно сложнее, чем представлялось ранее.

В 2017–2018 гг. в ходе раскопок в центральной части юго-восточного прясла были сделаны новые важные открытия. Выяснилось, что стена XII в. перед церковью св. Георгия (здесь имеется в виду стена под литерой «Г»), ранее детально исследованная В. В. Сусловым, А. Н. Кирпичниковым, Н. К. Стеценко и Н. В. Григорьевой, в действительности не являлась первоначальной. Она располагалась на остатках более ранней стены на известковом растворе, когда-то имевшей трехчастную конструкцию (рис. 2.20; 2.21). При этом более поздняя стена перекрывала только внутреннюю часть ранней стены.

Следует отметить, что перед возведением новой стены предшествующая каменная конструкция была аккуратно разобрана до уровня единой горизонтальной отметки. Новую стену установили непосредственно на более раннюю кладку, сместив ее на 60–80 см к востоку, в сторону реки (рис. 2.22). На горизонтальной границе двух одновременных кладок в нижней части стены «Г» выявлен невысокий дополнительный фундамент на известковом растворе, выполненный из одного ряда

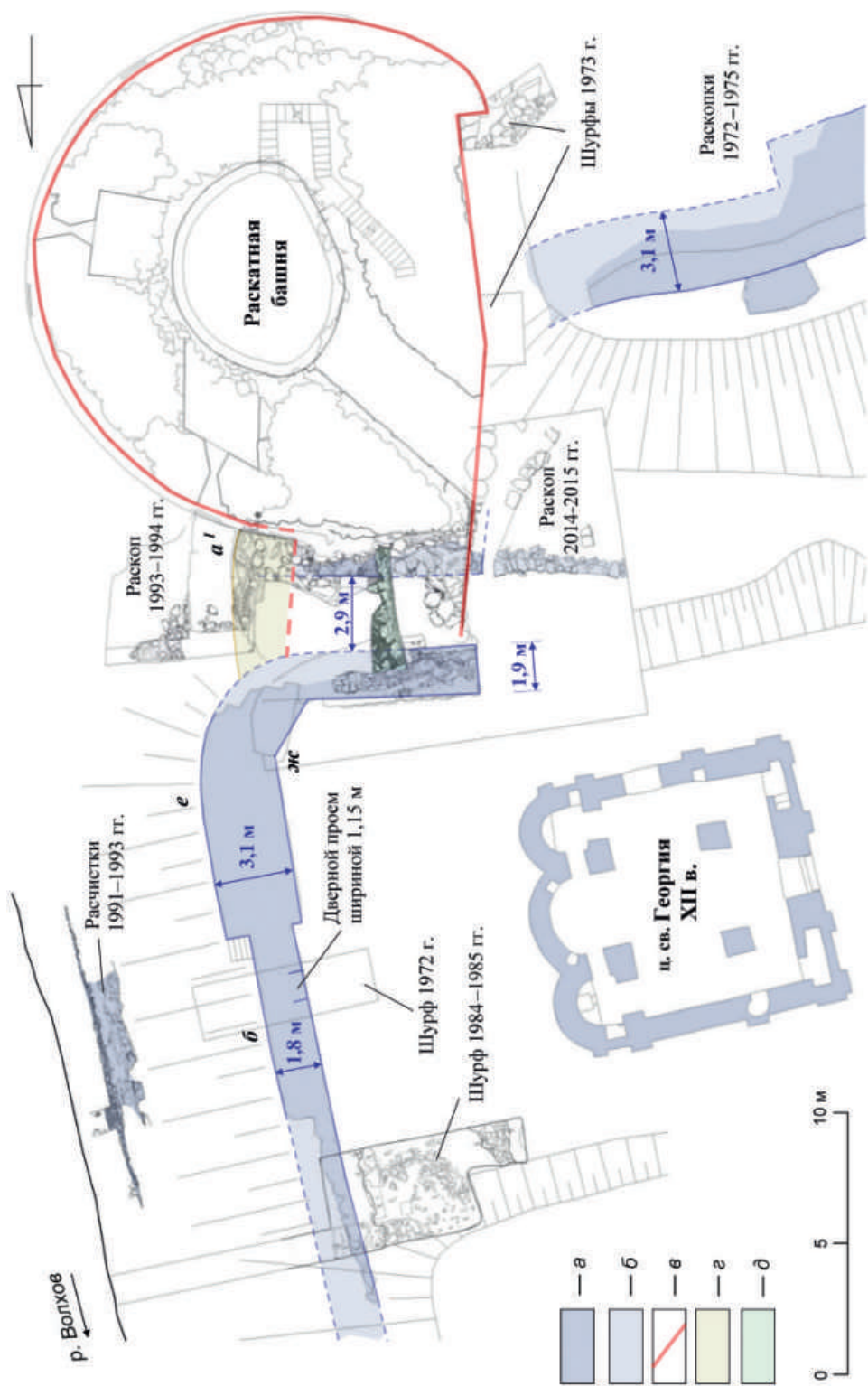

Рис. 2.19. Старая Ладога, крепость. Совмещенный план исследованной юго-восточной части. Буквенные обозначения на плане (по В. В. Суслову): *б* — плитная кладка крепостной стены; *е* — расширенный участок стены с поворотом; *ж* — перелом внутренней поверхности стены; *а* — отдельный фрагмент стены, примыкающий к Раскатной башне. Условные обозначения: *а* — выявленные фрагменты каменных конструкций XII в.; *б* — реконструкция стены XII в.; *в* — стены крепости конца XV в.; *г* — каменный приклад середины XVII в.; *д* — безразборная плитная облицовка земляной стены XVI–XVII вв.

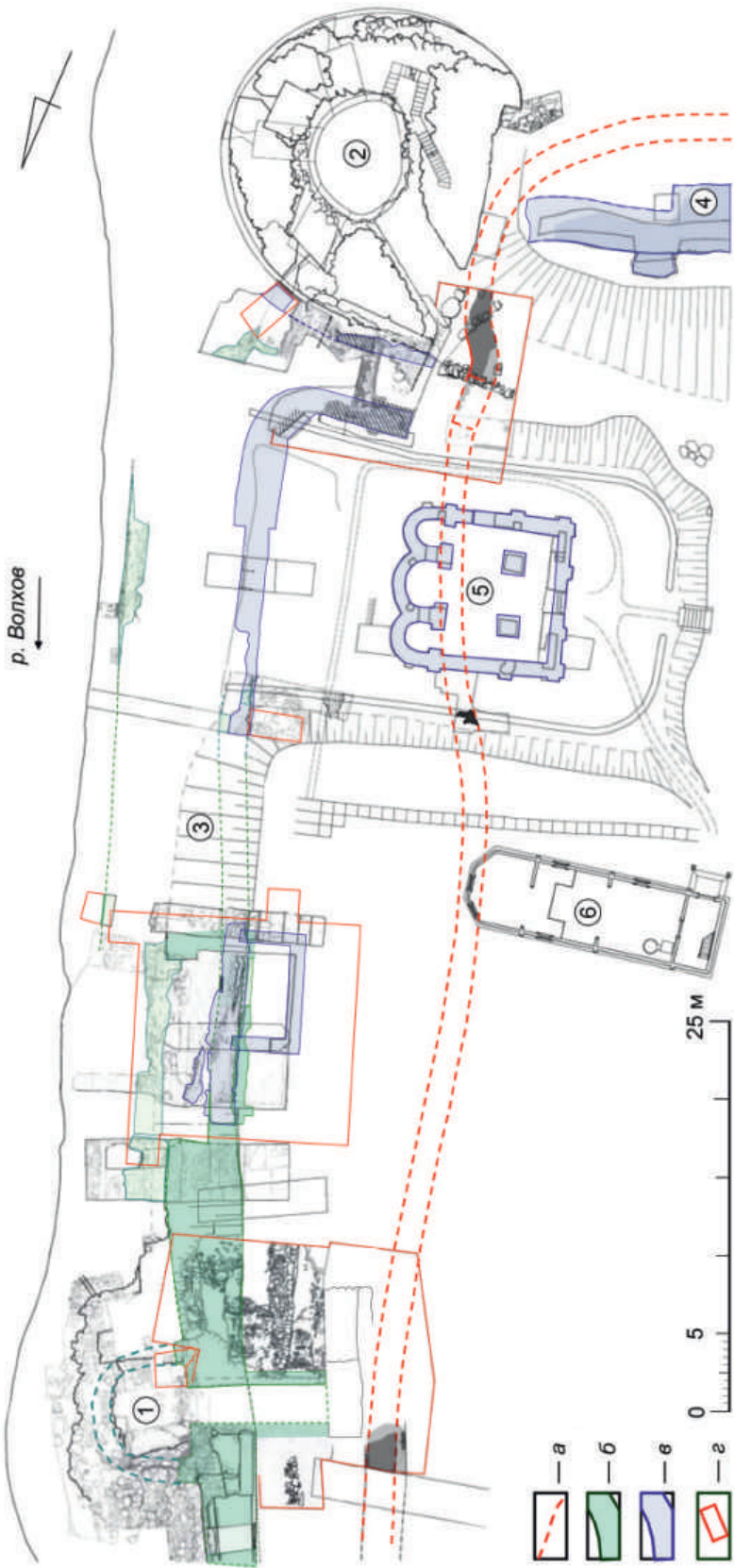
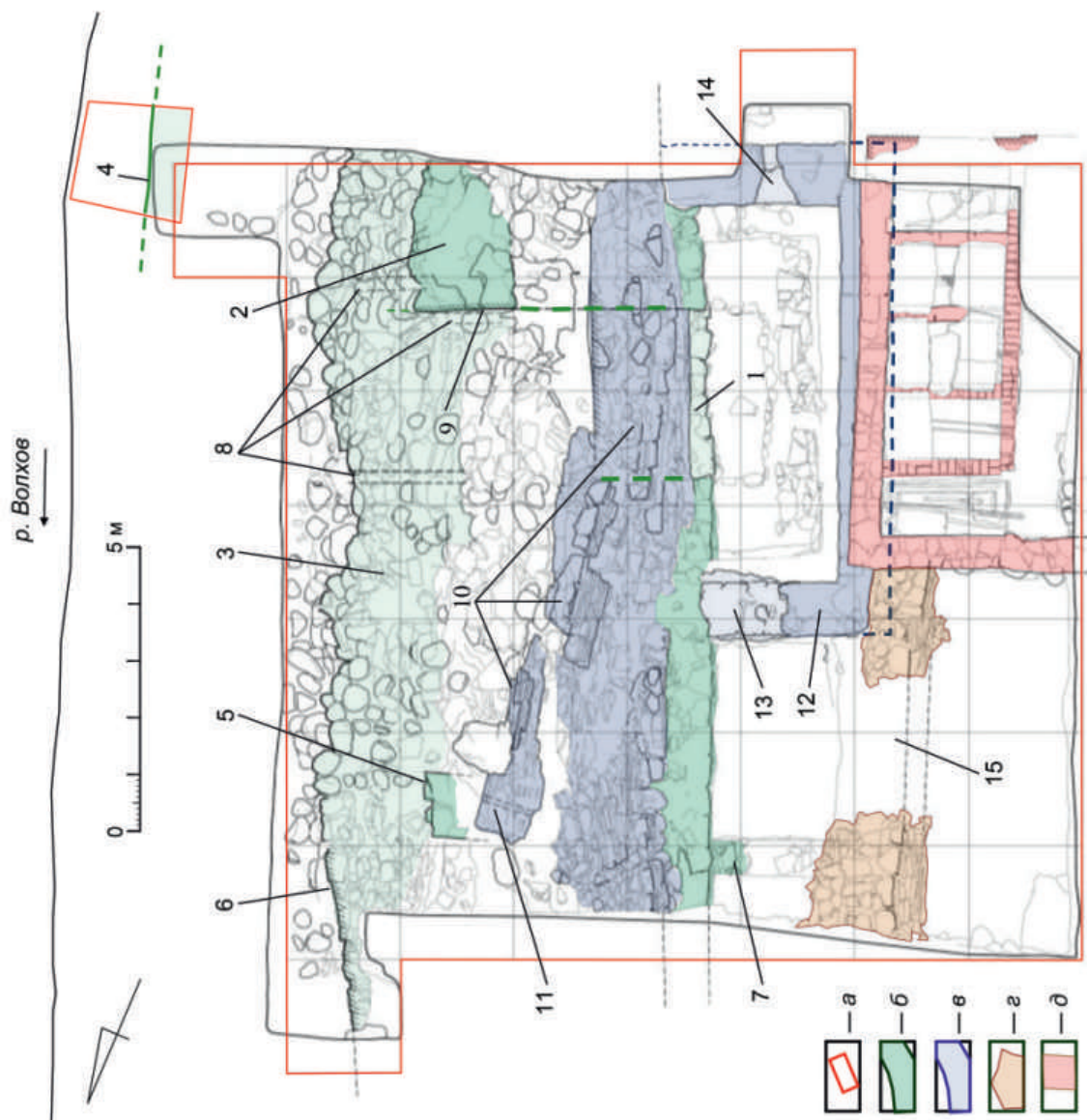

Рис. 2.20. Старая Ладога, крепость. Археологические исследования юго-восточного прясла. Цифрами обозначены: 1 — Тайничная башня; 2 — Раскатная башня; 3 — юго-восточное прясло; 4 — южное прясло; 5 — церковь св. Георгия; 6 — церковь св. Дмитрия Солунского. Условные обозначения: а — трассировка крепостной стены X–XI вв.; б — крепостные стены крепости 1114 г.; в — крепостные стены второй половины XII в.; г — археологические раскопы и шурфы 2014–2019 гг.

Рис. 2.21. Старая Ладога, крепость. План раскопа 2017–2018 гг. Цифрами обозначены: 1 — воротный проем

в трехчастной стене 1114 г.; 2 — фрагмент стены на нижней террасе; 3 — сохранившаяся часть «каменной подшвы»; 4 — наружная облицовка «каменной подшвы»; 5 — фрагмент поперечной стенки; 6 — наружная облицовка трехчастной стены; 7 — фундамент внутренней части стены 1114 г.; 8 — каналы от сгнивших деревянных связей; 9 — лицевая кладка стены на нижней террасе; 10 — деформированные блоки стены «Г»; 11 — фрагмент поперечной стенки с остатками дверного проема; 12 — стены каменной пристройки; 13 — остатки дверного проема; 14 — остатки оконного проема; 15 — лагуна в облицовке земляной стены XVI в. Условные обозначения: а — границы раскопа 2018–2019 гг.; б — крепостные стены 1114 г.; в — крепостные стены второй половины XII в.; г — каменная облицовка земляной стены XIV в.; д — стенки склепов второй половины XX в.

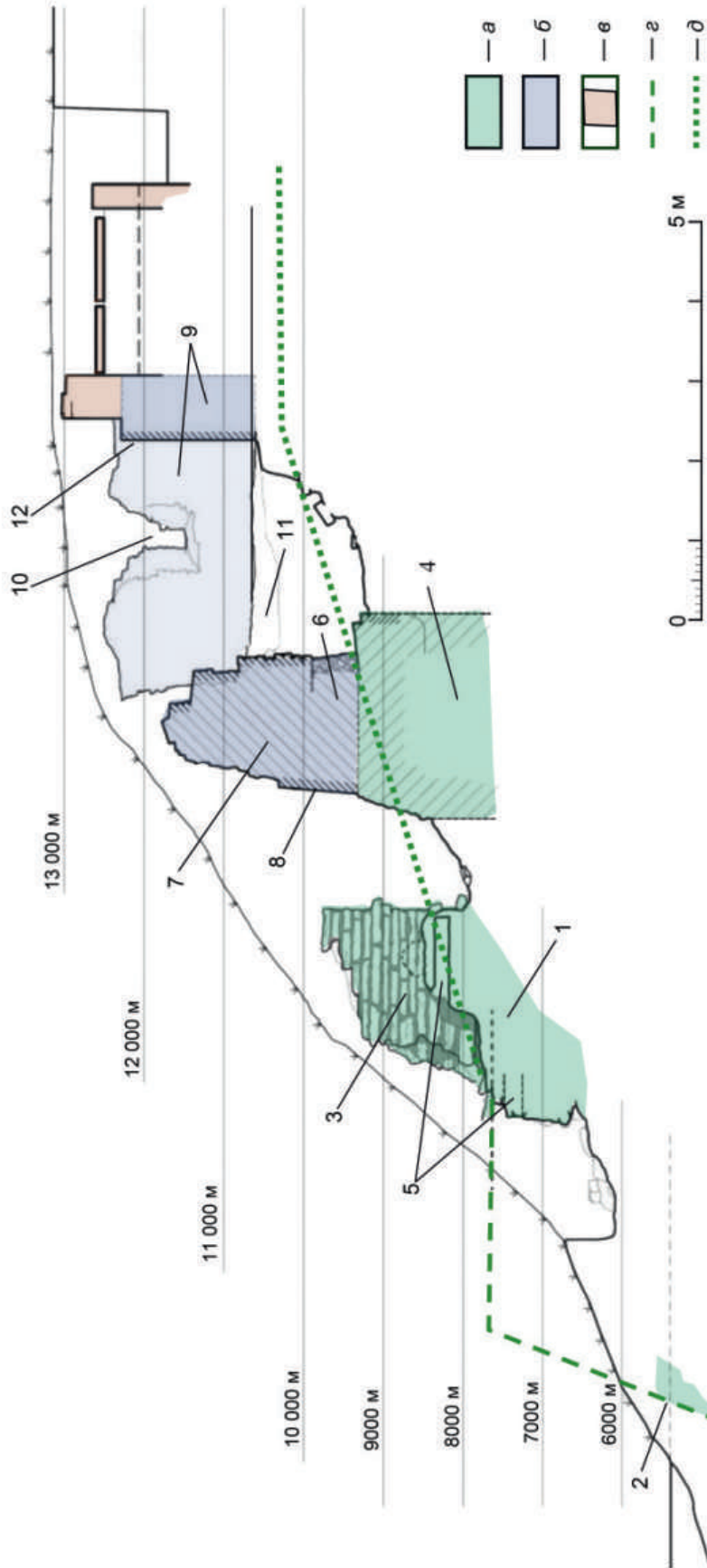

Рис. 2.22. Старая Ладога, крепость. Разрез по раскопу 2017–2018 гг. с видом на юг. Цифрами обозначены: 1 — «каменная подошва» 1114 г.; 2 — облицовка наружной части «каменной подошвы»; 3 — фрагмент стены 1114 г. на нижней террасе; 4 — внутренняя часть трехчастной стены 1114 г.; 5 — каналы от деревянных связей; 6 — засыпка воротного проема песком; 7 — каменная стена второй половины XII в.; 8 — лицевая поверхность стены «Г» с растровой обмазкой; 9 — каменная пристройка; 10 — оконный проем каменной пристройки; 11 — слой щебня от разборки стены 1114 г.; 12 — лицевая поверхность западной стены пристройки. Условные обозначения: а — крепостные стены второй половины XII в.; б — каменные конструкции склепов второй половины XX в.; в — каменные конструкции уклона исторического «взвоза» (реконструкция); г — реконструкция уклона исторического «взвоза»

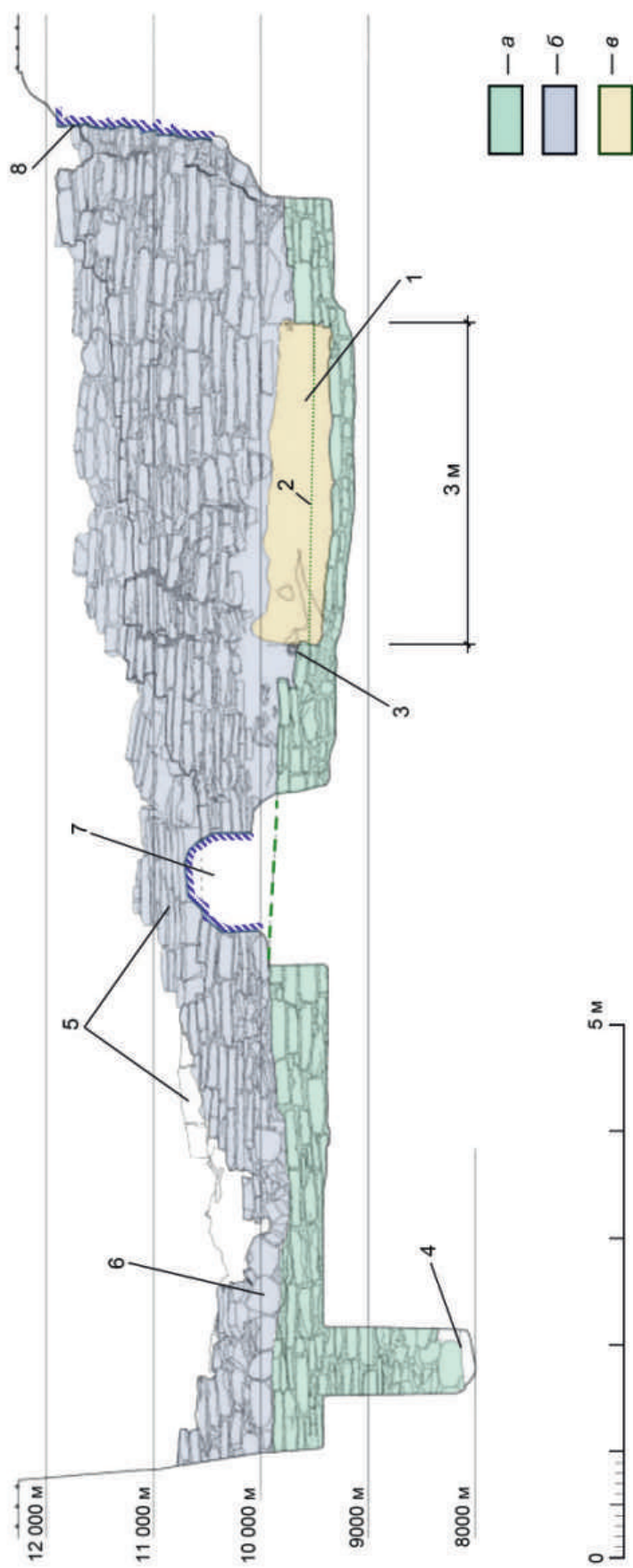
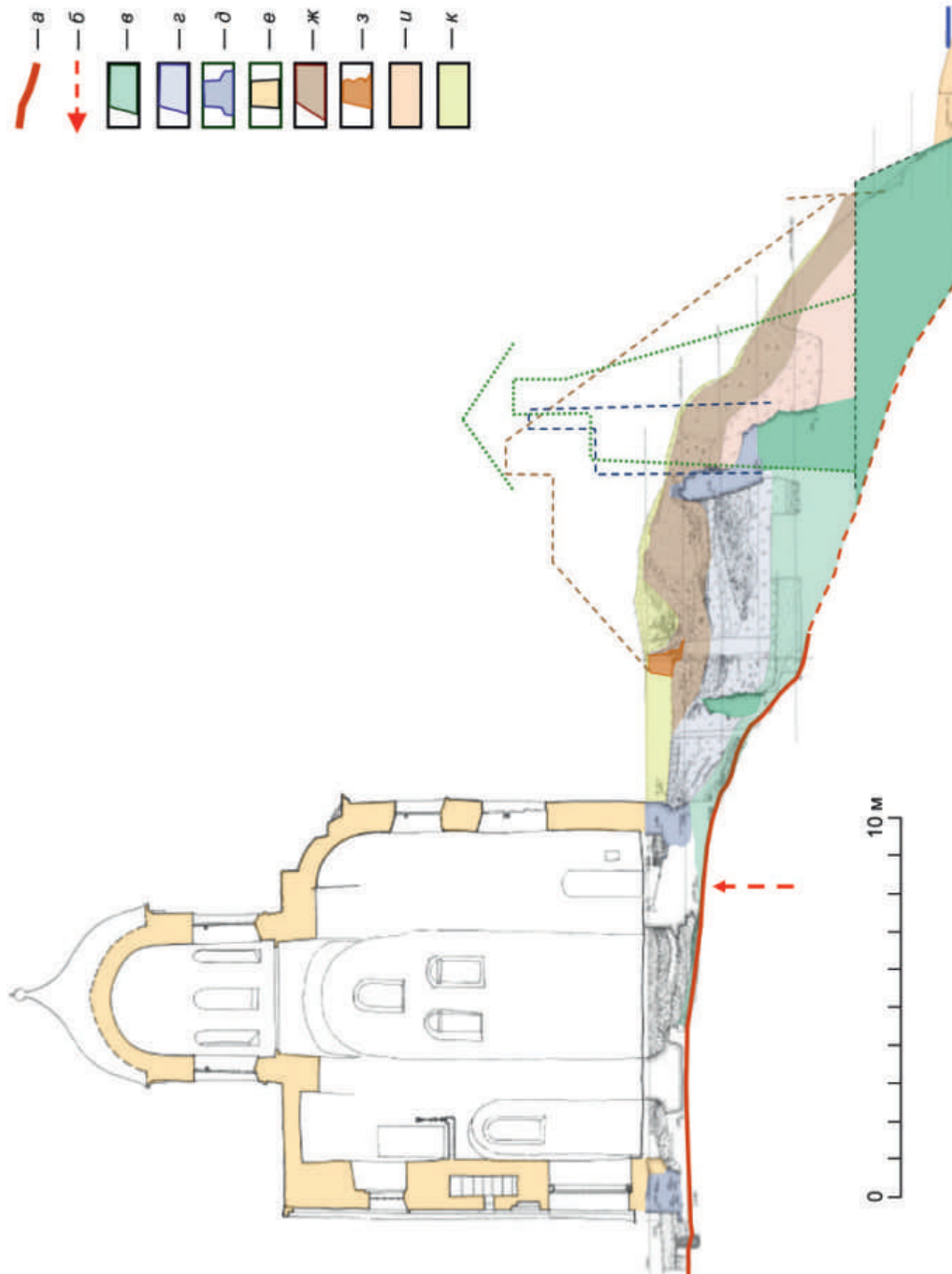

Рис. 2.23. Старая Ладога, крепость. Разрез по раскопу 2017–2018 г. с видом на восток. Цифрами обозначены: 1 — воротный проем в стене 1114 г.; 2 — уровень низа первоначального проема; 3 — бревно; 4 — низ фундамента стены 1114 г.; 5 — руинированные блоки стены «Г»; 6 — дополнительный валунный фундамент стены «Г»; 7 — северная стена каменной пристройки; 8 — южная стена каменной пристройки. Основные обозначения: а — крепостные стены второй половины XII в.; б — засыпка воротного проема песком

Рис. 2.24. Старая Ладога, крепость. Совмещенный разрез по церкви св. Георгия и юго-восточному пряслу. Условные обозначения: а — материк; б — местоположение каменной ограды X–XI вв.; в — «каменная подошва» и стены крепости 1114 г.; г — крепостные стены второй половины XII в. (стена «Г»); д — фундаменты и стены церкви св. Георгия, 1-й этап; е — стены церкви св. Георгия, 2-й этап; ж — земляная стена XVI–XVII вв.; з — каменная облицовка земляной стены; и — напластования до XVI в.; к — напластования XVIII–XX вв.

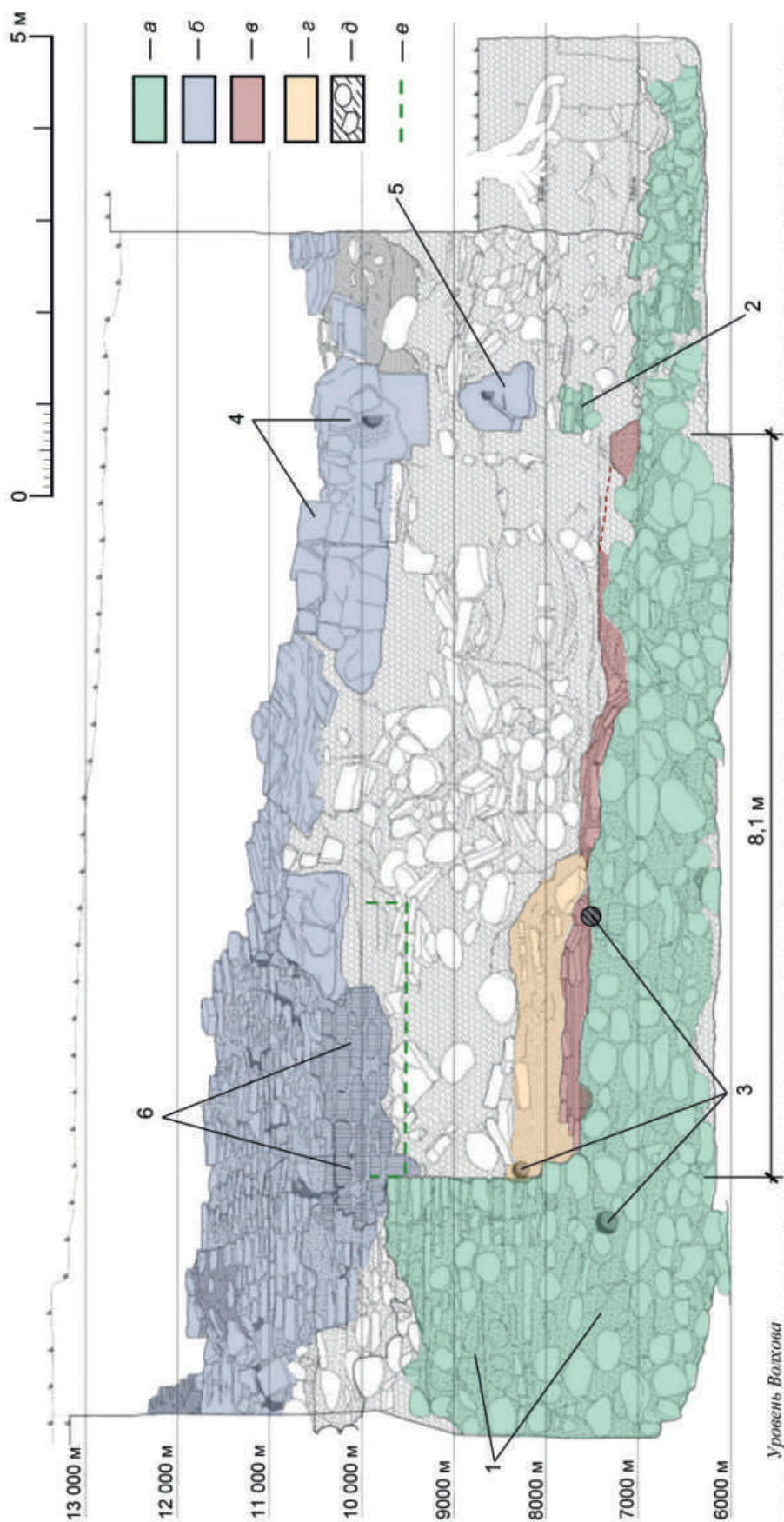

Рис. 2.25. Старая Ладога, крепость. Раскоп 2017–2018 гг., фасад, вид с востока (со стороны реки Волхов). Цифрами обозначены: 1 — фрагмент стены 1114 г. на нижней террасе и «каменная подошва»; 2 — фрагмент поперечной стены 1114 г.; 3 — каналы от деревянных связей; 4 — упавший блок стены «Г» с поперечной стенкой и следом от вешки; 5 — фрагмент дверного проема с «четвертью» и обломком подпятника; 6 — лицевая кладка стены «Г» с известковой обмазкой. Условные обозначения: а — крепостные стены 1114 г.; б — крепостные стены второй половины XII в.; в — вымостка из плит на глиняном растворе; г — подвышение из плит на рыхлом известковом растворе; д — заполнение пюлого пространства землей с валунами и плитой; е — проекция воротного проема на внутренней стороне стены 1114 г.

крупных валунов (рис. 2.23). Внутренняя сохранившаяся часть первоначальной трехчастной стены прослежена нами практически на всю ширину раскопа, то есть на 11,7 м.

В ходе археологических исследований 2019 г. в шурфе № 2, расположенном на пятне раскопа 1984–1985 гг., на верхней террасе напротив церкви св. Георгия под ранее исследованной стеной «Г» также была обнаружена еще одна кладка на известковом растворе (Лалазаров 2019А: ил. 3, 4; черт. 2). Следует отметить, что здесь горизонтальная граница между кладками находится на одном уровне с границей разновременных стен в раскопе 2017–2018 гг. (в центральной части современного юго-восточного прясла). Отличие лишь в том, что в зоне шурфа № 2 произошло значительное смещение крепостной стены «Г» в западную сторону относительно первоначальной конструкции. Кроме того, на этом участке наблюдается выраженный деформационный наклон стены «Г» в сторону крепостного двора (рис. 2.24).

Стена «Г» по неизвестным нам причинам испытала катастрофические деформации. Если южная ее часть, зафиксированная в раскопе 2017–2018 гг., сохранила свое первоначальное положение, то далее к северу данная каменная конструкция треснула и, разделившись на отдельные блоки и постепенно отклоняясь в сторону Волхова, обрушилась. Было отмечено, что деформации стены увеличиваются с юга на север; при этом последний северный ее блок кладки упал на бок. В результате его внутренняя лицевая поверхность оказалась сверху.

В ходе этих же исследований было определено и место на плане, где начиналась стена «Г» и заканчивалась так называемая трехчастность первых каменных укреплений на известковом растворе. Примыкание выявленных разновременных кладок проходило по линии поперечной стенки, небольшой фрагмент которой обнаружился на нижней террасе в северной части раскопа (рис. 2.25). Кроме того, в более поздней стене «Г» был выявлен фрагмент поперечной стенки (рис. 2.21, 11: 2.25, 4, 5), располагавшийся непосредственно над поперечной стенкой стены предшествующего времени (рис. 2.21, 5; 2.25, 2). Этот фрагмент сохранился в северном, упавшем на бок блоке стены (рис. 2.21, 11; 2.25, 4, 5). Здесь были зафиксированы остатки дверного проема с так называемой четвертью (наружной нишей для дверного полотна), а также обломок кованого подпятника для навески двери. Рядом с подпятником в блоке каменной кладки сохранился отпечаток от полностью выгнившей вертикальной стойки-вешки, выполненной из расколотого пополам бревна диаметром 21,5–23,0 см. В процессе разрушения блок треснул и развалился, верхняя его часть съехала вниз по склону. Это, вероятно, свидетельствует о том, что разрушившаяся часть стены могла оставаться в таком положении без ремонта продолжительный отрезок времени.

В этом же раскопе в 2017–2018 гг. была впервые раскрыта нижняя часть небольшого каменного строения, ранее неизвестного (рис. 2.21, 12–14). Длина этого сооружения составила 8,6 м, ширина 3,4 м. Габариты внутреннего пространства — 6,7 × 2,9 м. Стены толщиной 90–98 см сохранились на высоту до 1,8 м. В плане они имели П-образную форму. Восточной ограждающей конструкцией служила крепостная стена «Г», к которой данное сооружение было пристроено со стороны двора.

Валунные фундаменты у этой постройки отсутствуют (рис. 2.22). По технике кладки и раствору крепостная стена и стенки пристройки ничем не отличаются друг от друга, но отмечено отсутствие перевязки южной стенки пристройки

с крепостной стеной. Северная же стенка постройки имела лишь частичную перевязку, не на всю ее толщину — ее перевязывали с уже существующей стеной крепости. Наиболее вероятно, что пристройка появилась после строительства стены «Г», но без длительного перерыва.

В постройке сохранились нижние части дверного и оконного проемов. Дверной проем располагался в северной поперечной стене. На фрагменте его западного откоса зафиксирован вертикальный паз для дверной колоды, а на его каменном пороге — следы зажимных деревянных клиньев, отпечатавшиеся в растворе. Это свидетельствует о том, что некогда эта постройка была «теплой» — отапливалась печью или жаровней.

Оконный проем был раскрыт в южной поперечной стенке (рис. 2.22, 10). Узкое щелевидное окно шириной 22–24 см с внутренним несимметричным раструбом и плоским «столом» сохранилось лишь в своей нижней части. Следов от оконного заполнения здесь не обнаружено.

Каменная постройка разрушилась одновременно с падением стены «Г». В деформированном блоке кладки крепостной стены зафиксированы плиты от северной стенки пристройки. После разрушения крепостной стены указанное «полое место» долгое время стояло открытым и лишь позднее было закрыто плетнем и засыпано. В заполнении объема постройки отчетливо выделяется горизонт пожара, время которого еще предстоит уточнить. Горизонт горелого слоя с остатками сгоревшего плетня проходит на уровне середины оконного проема.

Важное открытие было сделано внутри пристройки. На сохранившейся части первоначальной крепостной стены обнаружили остатки широкого воротного проема (рис. 2.21, 1; 2.23). Он прослежен на высоту всего 30–40 см. Тем не менее удалось установить его первоначальную ширину, которая была равна 3,0 м. Южный откос этого проема точно совпадает с положением северной грани фрагмента стены XII в., выявленного со стороны Волхова (рис. 2.21, 2; 2.25, 1). Вероятно, когда-то они являлись единой конструкцией и оформляли главный въезд на территорию Каменной крепости.

При устройстве новой стены «Г» въезд в крепость на этом месте уже не предусматривался. Воротный проем был засыпан песком с большим количеством глины, а выше была возведена новая глухая стена. Уровень засыпки воротного проема совпадает с горизонтом разновременных кладок, то есть проходит по верху сохранившейся внутренней трети первоначальной каменной стены 1114 г. (рис. 2.23).

Толщина стены «Г» в зоне закладки воротного проема всего 95–98 см. При этом с наружной стороны здесь сохранилась облицовка из гладко отесанных плит со следами растворной обмазки (рис. 2.25, 6). Это явные признаки интерьерной отделки.

Предполагаем, что после перестройки стены на месте бывшего въезда в крепость появился новый строительный объем с помещением, находящимся в одном уровне с внутрикрепостной территорией. В эту постройку могли попадать через дверной проем в поперечной стенке, обнаруженный на верхней террасе в северной части раскопа.

Еще один элемент крепости начала XII в. был выявлен нами в результате сопоставления материалов более ранних исследований с новыми археологическими данными. Остатки каменной платформы — основания стены 1114 г. — впервые были

обнаружены еще в 1991 г. на береговой линии Волхова напротив церкви св. Георгия (рис. 2.3). Небольшой фрагмент этой кладки обнажился при самом низком уровне воды в реке. В сметной росписи 1647 г. есть упоминание об этой конструкции: «...а каменная подьчва у тое стены цела...» (Грамота... 1647: 302).

В 1992–1994 гг. расчистки этого фрагмента были продолжены. Здесь была зафиксирована наружная облицовка каменной платформы с сильным уклоном в 25–28° от вертикали. Ее лицевая поверхность была сформирована известняковыми плитами толщиной 6–22 см без гладкой тески и без четкой порядовки. Этот фрагмент каменной конструкции с наклонной наружной облицовкой был прослежен на 13 м вдоль берега реки (Стеценко и др. 1991А; 1992А; 1994А; 1995А).

Тогда же напротив церкви св. Димитрия Солунского на нижней террасе был зафиксирован еще один фрагмент каменной кладки, раскрывшийся в результате осыпи берегового склона. На этом участке каменной стены сохранилась лицевая облицовка, но не с восточной, а с северной стороны, расположенной перпендикулярно берегу реки. Фрагмент этой стены стоял на мощной платформе, выполненной из крупных валунов на известковом растворе (Стеценко и др. 1995А: черт. 3800, 3801).

Исследования 2017–2018 гг. существенно дополнили сведения об этих конструкциях. По материалу и характеру каменной кладки, способу обработки лицевых плит, раствору и положению по отношению к другим датированным конструкциям их следует отнести ко времени строительства самых первых каменных укреплений на известковом растворе, то есть к 1114 г. (рис. 2.22, 1, 2; 2.25, 1).

Объединяя результаты исследований разных лет, можно с высокой степенью достоверности реконструировать параметры этой «каменной подошвы».

В основном вся конструкция была выполнена из крупных валунов размером до 40 × 60 см, хорошо пролитых известково-песчаным раствором. Отмечается также незначительное применение крупноразмерных известняковых плит. При строительстве этой платформы были установлены горизонтальные деревянные связи из бревен диаметром 25 см. Ширина платформы составляла 4,4 м, а высота — не менее 2,8 м (от самого низкого современного уровня Волхова до зафиксированной отметки верха этой конструкции). Внешняя ее сторона была облицована известняковыми плитами грубой тески. При этом уклон наружной лицевой поверхности составлял около 25° от вертикали. Над каменной платформой сразу же, без временного перерыва, была возведена наружная часть стены восточной линии укреплений. Фундамент этой стены, состоящий из двух рядов валунов, и валунный массив «каменной подошвы» представляют собой единое целое.

Руинированная плитная облицовка трехчастной стены на нижней террасе с северной стороны доходит только до обнаруженного фрагмента поперечной стенки (рис. 2.25, 2). Далее на юг эта облицовка не прослеживается. Здесь располагается большое полое пространство, заполненное землей и валунами. Ширина этого участка (от южной грани поперечной стенки до северной грани фрагмента стены на нижней террасе) составляет 8,1 м. Изначально здесь могли быть либо открытое пространство перед въездом в крепость, либо крупная постройка, ныне утраченная — первоначальный воротный комплекс XII в. По верху каменной платформы была устроена вымостка из плит в два ряда без раствора (возможно, на растворе с глиной) (рис. 2.25), но время ее сооружения пока остается невыясненным.

Эта плитная вымостка прослеживается только в зоне между поперечными стенами каменной ограды 1114 г.

Подъезд к главному входу в крепость, вероятно, осуществлялся не с южной, как мы вначале предполагали, а с северной стороны. Об этом свидетельствует постепенное повышение сохранившейся верхней части каменной платформы. Вымостка «каменной подошвы» на берегу Волхова в границах раскопа поднимается с севера на юг на 60 см. В таком случае в крепость попадали не по кратчайшему пути от Земляного города, а по длинной объездной дороге, идущей вдоль всех каменных крепостных стен.

На нижней террасе рядом с фрагментом стены 1114 г., вплотную к ее северной грани, сохранилась еще одна каменная кладка на известковом растворе. Она представляет собой небольшое локальное «подвышение» и имеет более рыхлую структуру, чем массив самой «каменной подошвы». Кладка «подвышения» состоит из мелких обломков плитняка на слабом рассыпающемся растворе. В этой прослойке высотой до 85 см сохранился и прослежен канал от полностью выгнившей деревянной связи диаметром 18 см. Отметим, что параметры и положение этого «подвышения» соответствуют ширине и месту воротного проема, обнаруженного нами на внутренней стороне первоначальной стены 1114 г. (рис. 2.25).

Перестройку стен крепости 1114 г. мы наблюдаем только в ее юго-западной части. Закладка первоначального воротного проема и устройство нового въезда в детинец рядом с ныне существующей Раскатной башней свидетельствуют о том, что эти работы не являлись ремонтными, а представляли собой отдельный строительный этап, связанный с изменением фортификационной схемы крепости.

Когда же эти необходимые изменения могли произойти? Ответить на этот вопрос нам помогут некоторые характеристики здания церкви св. Георгия. Во время строительства крепости 1114 г. каменного храма в детинце еще не было. Возможно, здесь и поставили деревянную церковь, но никаких реальных следов ее до сих пор не обнаружено. Фундаменты каменного храма впервые появляются в крепости уже рядом с новым въездом в крепость, возле ныне существующей Раскатной башни. И такое их взаимоположение неслучайно. Крепостные храмы всегда ставили рядом со входами в детинцы — они служили им дополнительной защитой.

Нам уже известно, что строительство этого храма производилось в два этапа (Лалазаров 2002). Вначале были заложены фундаменты и выложены нижние части стен будущей постройки, и лишь после значительного перерыва возведен основной объем церкви. Конструктивная схема, а также внешний вид построенного храма существенно отличались от первоначального замысла. Фундаменты церкви предназначались для крестообразной постройки с пониженными угловыми членениями. Но впоследствии строители на уже готовых фундаментах возвели типовой храм, характерный для ладожского этапа новгородской школы храмоздательства середины XII столетия. В результате у церкви получилась сильно сокращенная восточная часть и до предела зауженные восточные прясла на боковых фасадах.

Этот нюанс для нас важен, так как фундаменты крестообразного в плане храма могли появиться в Ладоге только в период активной строительной деятельности новгородского архиепископа Нифонта. Он был строителем еще двух известных

Рис. 2.26. Старая Ладога, крепость. Периодизация укреплений юго-восточного прясла. Цифрами обозначены: 1 — Тайничная башня; 2 — Раскатная башня; 3 — юго-восточное прясло; 4 — южное прясло; 5 — церковь Георгия; 6 — церковь Дмитрия Солунского. Условные обозначения: а — трассировка крепостной стены X–XI вв.; б — крепостные стены 1114 г.; в — крепостные стены второй половины XII в.; г — строительство церкви Георгия (вторая половина XII в.); д — строительство каменных башен (1445 г.); е — возведение Тайничной башни и прикладов (1580-е гг.); ж — устройство земляной стены (1580-е гг.); з — археологические раскопы и шурфы 2014–2019 гг.

храмов такого же типа — Спасо-Преображенского собора в Пскове и церкви св. Климента в Ладоге. Новгородская Первая летопись сохранила дату возведения церкви св. Климента, Папы Римского, — 1153 г. Поскольку Нифонт скончался в 1156 г., то устройство фундаментов церкви св. Георгия, а также выявленный нами строительный этап в крепости можно датировать первой половиной 1150-х гг.

Такой же вывод мы получили и при анализе стратиграфии раскопа перед церковью св. Георгия. Суммируя результаты исследований Н. К. Стеценко, расчисток 1990-х гг. и данные, полученные по шурфу № 2 в 2019 г., мы видим, что и закладка фундаментов храма, и перестройка первоначальной восточной стены 1114 г. происходили одновременно с общей планировкой внутрикрепостной территории. За счет подсыпок и строительного материала от разобранных предшествующей крепостной стены был сформирован новый горизонт дневной поверхности вдоль всей восточной линии ладожских укреплений.

Точная дата построенной церкви св. Георгия нам неизвестна. По типологии здания, по технике кладки фундаментов, стен и сводов, по палеографии, а также по программе, технике и нюансам фресковой росписи специалисты относят этот храм к 60–80-м гг. XII в. Одной из особенностей этой церкви является нестандартное и несимметричное решение расположения оконных проемов на фасадах. Нижнее окно южной апсиды для освещения дьяконника отсутствует. Оно как бы переместилось в крайне узкое восточное прясло южного фасада (на северном фасаде такого окна нет). В. Н. Лазарев объяснял эту особенность храма желанием строителей или заказчика увеличить площадь стены в дьяконнике для размещения здесь фрески «Чудо Георгия о змие» (Лазарев 1960: 32, примеч. 2). С этим категорически не соглашался В. Д. Сарабьянов, утверждая, что для необычного расположения окна на южной апсиде должна быть иная причина.

Когда в 2014 г. в раскопе у Раскатной башни была раскрыта нижняя часть стены с главным входом на территорию крепости, причины такого переноса окна стали очевидны. Новый вход в крепость был сформирован поворотом стены «Г» и каменной постройкой, являвшейся предшественницей Раскатной башни. При этом торец крепостной стены, находясь всего в 6 м от южной апсиды, полностью закрывал от солнечного света ее нижнюю часть. Перемещение окна на южный фасад решало эту проблему (Сарабьянов 2016: 13). Из этого следует, что ко времени возведения стен и сводов храма, то есть ко второму этапу его строительства в 1160–1180-х гг., перестройка каменных стен в юго-западной части крепости уже произошла.

Реконструкция южной части крепости в начале 1150-х гг. могла быть связана с формированием нового городского центра на территории Земляного городища. Строительство большой Климентовской церкви — главного собора Ладоги — и появление перед ним городской площади могли изменить и сложившуюся к этому времени планировочную структуру поселения, и направление главных дорог, ведущих к новому городскому центру и в Каменный город.

Справедливо также наблюдение археолога С. Л. Кузьмина о том, что строительство столь высокого храма в непосредственной близости к Каменной крепости существенно снижало ее обороноспособность. Со сводов Климентовской церкви из луков легко простреливалась вся территория каменного детинца (Кузьмин 2015: 56). Вполне вероятно, что появление южного вала с каменной стеной

на его гребне как раз и было связано со строительством церкви Климента в 1153 г. В таком случае перестройку южной части восточной линии укреплений и строительство южной стены на валу следует объединить в единый строительный этап, который хронологически соответствовал середине — третьей четверти XII столетия (рис. 2.26).

Дальнейшая строительная история ладожских укреплений приходится уже на период огневой фортификации. Она не менее сложна и интересна, однако выходит за рамки собственно древнерусского периода. Строительство новых каменных башен, по-видимому, в середине XV в., капитальная перестройка каменных укреплений с пристройкой деревянной крепости бастионного типа в 1580-е гг., строительство земляных и деревянных стен в Каменном городе, перестройки башен в раскаты в конце XVI — начале XVII в. — все эти строительные работы практически полностью изменили как планировочную структуру, так и внешний вид крепости XII в.

ГЛАВА 3

Планиграфия и стратиграфия верхних культурных напластований в южной части Земляного городища Старой Ладogi (раскоп 3 А. Н. Кирпичникова)

Введение

Материальная культура малых городов-крепостей русского Северо-Запада в период позднего средневековья — раннего нового времени до сих пор остается недостаточно изученной и мало освещенной в археологической литературе. Раскопки Ладogi, Орешка, Копорья, Яма, Ивангорода дали многочисленные и разнообразные находки XVI–XVII вв., однако они до сих пор не осмыслены должным образом и недостаточно введены в научный оборот. Мощные твердыни Московской державы, часть которых в течение XVII в. находилась под властью шведской короны, подробно изучены с точки зрения фортификации и крепостного зодчества (Кирпичников 1980; 1984; Мильчик 2021). Однако как проходила повседневная жизнь в границах каменных или деревоземляных стен этих крепостей, до сих пор во многом остается загадкой. Вопросы домостроительства, городского благоустройства, планировки территорий, ремесла, торговли, земледелия и т. д. остаются актуальными, а наличие укреплений придает им интересную военную специфику. Она предопределяет исследование материальной культуры этих поселений как изучение жизни и быта в первую очередь служилых людей, которые составляли большинство обывателей, их повседневных, вполне мирных занятий.

Чрезвычайно перспективным направлением исследований укрепленных малых городов Северо-Запада России является «событийная археология», а именно соотнесение данных письменных источников с той картиной, которая складывается по результатам раскопок. Очень интересные вопросы встают в связи с бурными военно-политическими событиями XVI–XVII вв., их отражением в археологических реалиях. Не следует забывать, что Смутное время стало переломным периодом истории, когда менялась, в числе прочего, и материальная культура. Появление в Московском государстве большого количества иностранцев придало этим переменам дополнительный импульс. Изучение культурных напластований, сохранивших последствия боевых действий — штурмов, обстрелов и осад данных городов — представляет самостоятельный интерес. Они могут рассматриваться как отдельный «памятник внутри памятника» — поле битвы или следы обороны укреплений — и требуют особого научного подхода.

Анализ предметов материальной культуры из этих слоев сильно затрудняется тем, что в литературе до сих пор отсутствуют дробные типологические и хронологические схемы для многих категорий поздних изделий. Кроме того, ощущается нехватка эталонных, узко датированных комплексов XVI и XVII вв., позволяющих установить типы построек и составы вещевых наборов, характерных для отдельных временных отрезков. Процесс перехода от культуры позднесредневековой

Новгородской Руси к культуре формирующейся Московской державы изучен слабо; сама граница между этими периодами в археологическом материале не определена.

В свете указанных проблем особое значение имеют результаты, полученные в ходе раскопок в Старой Ладоге, где открыты весьма выразительные слои XVI–XVII вв., с большим количеством находок и остатками построек — жилых и хозяйственных. Эти культурные напластования позднего средневековья — раннего нового времени в последнее время все больше привлекают внимание исследователей. Недавно была существенно уточнена их хронология и стратиграфия, выявлены узко датированные комплексы, опубликован ряд уникальных находок (Новое в археологии... 2018: 66–134; Миляев, Горлов 2020: 170–198). Все больше вводится в научный оборот различных категорий предметов, что является основой для будущих обобщений и выводов о характере материальной культуре Ладоги и ее развитии в XVI–XVII вв. (Григорьева, Горлов 2016: 249–255; Миляев 2019: 269–281; 2019а: 72–78; 2020: 232–252 и др.).

За долгие годы раскопок были собраны не только огромные вещевые коллекции, но также получены важные сведения о конструкции жилых и хозяйственных сооружений указанного периода, особенностях фортификационного строительства, планировке застройки на ряде участков внутри крепостных сооружений, структуре городской территории, а также погребальном обряде. Уже можно с уверенностью сказать, что Ладога является одним из эталонных памятников для периода позднего средневековья — раннего нового времени на территории русского Северо-Запада.

Наибольшее значение имеют материалы раскопок на Земляном городище, где широкими площадями исследовано более 2500 кв. м. Выдающийся вклад в исследование данного памятника внес А. Н. Кирпичников, под руководством которого проводились масштабные работы сначала на месте северо-западного бастиона находившейся здесь деревоземляной крепости конца XVI — начала XVIII в., а затем на участке, прилегающем с внутренней стороны к остаткам ее южной куртины. Именно раскопки в южной части городища были самыми масштабными. Проводились они в период с 1999 по 2013 г. и дали значительный материал XVI–XVII вв. Культурные напластования указанного периода исследовались в 1999, 2000, 2006 и 2011 гг. (раскопы 3–5), однако в публикациях им уделялось мало внимания.

В настоящее время имеется лишь небольшое число статей обзорного характера, в которых подведены общие итоги раскопок 2000 и 2006 гг. (Кирпичников, Сорокин 2001; 2002; Кирпичников 2007). Многие выводы носят предварительный характер, а датировки являются широкими и охватывают значительные временные периоды. Подробный анализ полученных материалов не входил в задачи этих работ. Отдельные предметы и категории находок XVI–XVII вв., обнаруженных в указанные годы, были изданы (Шмелев 2001; Курбатов 2013: 122, 125, рис. 1, 2; Григорьева, Горлов 2016; Миляев 2019б: 450, рис. 1, 4; 2020: 237, рис. 1, 2, 3). Однако большая часть вещевых коллекций остается неопубликованной и не введенной в научный оборот.

Актуальными для исследования культурных напластований XVI–XVII вв. на территории Земляного городища (как и для более ранних слоев) остаются следующие задачи: выделение ярусов синхронно существовавшей застройки; исследование строительной истории и смены планировки исследованных участков; датировка выявленных там единовременных строительных горизонтов, которые являются

надежными хронологическими реперами; определение эталонных, точно локализованных вещевых комплексов, связанных с постройками того или иного периода; уточнение типологии и хронологии различных категорий изделий. Отдельной, исключительно сложной задачей является соотнесение между собой и синхронизация ярусов застройки в раскопах Н. И. Репникова, В. И. Равдоникаса, Е. А. Рябина и А. Н. Кирпичникова.

В южной части Земляного городища наиболее перспективным, с точки зрения разработки проблем культурных напластований XVI–XVII вв., является раскоп 3, где слои указанного хронологического периода изучались в течение двух полевых сезонов 1999 и 2000 гг. Остатки сооружений этого времени сохранились здесь лучше, чем на смежных участках. На раскопах 4–5, исследованных восточнее, постройки XVI–XVII вв., открытые в 2006 и 2011 гг., оказались сильно повреждены пожаром. В ходе раскопок зафиксировано, что остатки этих строений разбирались, а территория выравнивалась, так что в большинстве случаев постройки утратили свои очертания и основную часть конструктивных элементов (Кирпичников 2007: 197, 200). Вероятно, на территории раскопа 3 указанные работы проводились менее интенсивно, что и обусловило удовлетворительную сохранность некоторых сооружений XVI–XVII вв. Таким образом, на участке, где напластования с деревянными конструкциями позднего средневековья — раннего нового времени были изучены в ходе работ 1999 и 2000 гг., можно выявить необходимые реперные ярусы застройки, которые впоследствии станут отправной точкой для определения таковых на соседних раскопах. Соответственно узко датированные комплексы предметов, происходящие из данных построек, являются основополагающими для последующих исследований и могут служить надежным сравнительным материалом не только для Нижнего Поволжья и Северо-Запада России, но и для сопредельных регионов. Подобная работа уже была ранее проведена по материалам раскопок В. И. Равдоникаса в западной части Земляного городища, где удалось надежно выделить горизонт построек начала XVII в., сгоревших в Смутное время (Миляев, Горлов 2020). Принятая там методика и полученные результаты применимы и к раскопу 3.

Проблемы археологического исследования укреплений Земляного города Ладоги конца XVI — начала XVIII в.

Прежде чем приступить к описанию работ 1999–2000 гг. на раскопе 3 у внутренней части южной куртины Земляного города конца XVI — начала XVIII в., следует кратко остановиться на некоторых проблемах археологического исследования поздних деревоземляных укреплений Ладоги. Эту специфику необходимо учитывать при рассмотрении и интерпретации тех археологических материалов и полевой документации, которые имеются в нашем распоряжении. В 1584–1585 гг. в Ладоге возводится Земляной город, который примыкает с южной стороны к Каменной крепости и является одним из первых укреплений бастионного типа на территории России (Кирпичников 1979а: 471, 472; Селин 2008: 30; 2010: 337; Мильчик 2014: 26, 32, 33, 211). Оба укрепления образовали единый мощный и сложный оборонительный комплекс. Ранний этап истории деревоземляных фортификационных

сооружений (конец XVI — начало XVII в.) почти не освещен письменными источниками и малоизвестен. Как они доподлинно выглядели в указанное время, не совсем ясно. Предполагается, что плановая конфигурация куртин и бастионов не менялась кардинально вплоть до 1655–1660 гг., однако этот вопрос нельзя считать решенным. Более поздние этапы существования Земляного города подробно освещены многими документами XVII в. Они позволяют достоверно восстановить ход и последовательность различных строительных работ, реконструировать деревоземляные укрепления, стены и башни. По данным письменных источников исследователями было выделено не менее четырех этапов строительной истории данного фортификационного сооружения; в ходе их оно неоднократно ремонтировалось, поновлялось и перестраивалось (Кирпичников 1979а: 471, 472; Мильчик 2014: 32, 34, 35; Скрипинская 2014: 146; 2017: 13, 14). Так, в 1618–1622 гг. Земляной город был полностью восстановлен и отремонтирован после Смуты, а в конце 1650-х — начале 1660-х гг. подвергся значительной перестройке (Лалазаров 2014: 256, 257, 260; Мильчик 2014: 35). В последнем случае на новое место была перенесена Воротная башня — это важно в археологическом контексте, поскольку поменялись размеры отводных «быков» — бастионов и стен. Все это без сомнения указывает на то, что проведенные земляные работы были очень масштабными (Лалазаров 2014: 256, 257). Указанные строительные мероприятия наверняка сопровождались подсыпками и восстановлением оплывших, поврежденных осыпями участков насыпей куртин и бастионов Земляного города, возможно, не только с внешних, но и с внутренних сторон. Кроме того, периодически могли выполняться более локальные земляные работы (текущий ремонт), однако в деталях нам это неизвестно. Наиболее поздняя реконструкция крепости была проведена уже в начале XVIII в. при Петре I. Считается, что при этом была подсыпана внешняя сторона фортификационных сооружений Земляного города и увеличена высота его насыпей, однако этот вопрос еще нуждается в дополнительных исследованиях (Кирпичников, Назаренко 1997: 63; Кирпичников, Сорокин 2002: 151; Кирпичников 2002: 227; 2007: 193).

На данный момент актуальной остается проблема соотнесения описанных выше этапов строительной истории с данными археологических раскопок. Точно не установлено, как именно отразились перестройки Земляного города на планиграфии и стратиграфии исследованных участков укреплений, а также какие конкретно слои достоверно с ними связаны. В публикациях и отчетах комментарии по данному вопросу немногочисленны; описания последовательности напластований в толще деревоземляных сооружений конца XVI — начала XVIII в. не всегда давались подробно. Особенно это касается интересующей нас южной куртины крепости (Рябинин 1981Аа: л. 3, 4; Кирпичников, Назаренко 1997: 63, 65; Кирпичников 2000А: л. 4, 5; 2007: 199; Скрипинская 2014: 151, 154).

Внутренняя структура укреплений рассматривалась, за некоторыми исключениями, без разделения на какие-либо этапы или периоды, сравнительный анализ стратиграфической ситуации на разных участках фортификационных сооружений отсутствовал. Мало внимания уделялось и археологическим находкам, происходящим из насыпей валов и примыкавших к ним со стороны площадки городища верхних культурных отложений. Существует значительная проблема стратиграфического и хронологического соотношения остатков крепостных сооружений и

залегающих под ними построек. Ситуацию осложняет то, что в нашем распоряжении имеется крайне мало полных разрезов куртин и бастионов Земляного города, поскольку археологическими раскопками почти всегда затрагивалась лишь их внутренняя часть, а внешние склоны не раскапывались. Наиболее подробно мы представляем себе внутреннюю структуру нижних частей укреплений на месте северо-западного бастиона (раскопки А. Н. Кирпичникова 1984–1991 гг.; раскоп 1), а также в центральной части западной куртины, где Е. А. Рябинину удалось совместить профиль южной стенки своего раскопа 1981–1985 гг. с разрезом, полученным в результате работ Н. И. Репникова в 1910 г (Репников 1948: 24; Рябинин 1981Аа: л. 4, 5). А. Н. Кирпичников в ходе работ на указанном раскопе 1 предположительно выделил слои, относящиеся к последней реконструкции деревоземляной крепости в петровское время (Кирпичников, Назаренко 1997: 63, 68), однако более ранние перестройки XVII в. и их археологический контекст остаются почти неизвестными.

Наиболее важным открытием недавнего времени стало обнаружение остатков деревянной подпорной стенки, укреплявшей изначальный внутренний склон южной куртины Земляного города конца XVI в. Данная граница оказалась значительно сдвинута к югу от края сохранившихся до наших дней остатков насыпи, ближе к ее центру (Кирпичников 2007: 199, 200). Этот факт однозначно указывает, что в конце XVI в. и далее — видимо, вплоть до начала ремонтов и реконструкций XVII в. — территория крепостного двора была обширнее. Вероятно, в ходе строительных работ, когда конфигурация укреплений менялась, площадь его сократилась за счет подсыпок внутренних склонов насыпей, а часть остатков построек, располагавшихся на территории крепостного двора в указанный период, оказалась перекрыта ими.

Дефортификация укреплений Земляного города в новое время

После того как на рубеже XVII–XVIII вв. из Ладожской крепости вывезли артиллерию и большую часть военного имущества, фортификации стали приходить в упадок и без должного ремонта и поновления попросту разваливались (Мильчик 2014: 39, 345; Миляев 2021: 348). Дальнейшая судьба укреплений Земляного города важна для понимания процесса формирования верхних культурных напластований на территории бывшего крепостного двора, которая сейчас является площадкой городища. В новое время бастионы и куртины Земляного города были преднамеренно срыты, а ров по большей части засыпан. Делалось это для размещения на месте бывшей крепости дворов жителей с. Старая Ладога, домов и хозяйственных построек, а также огородов, часть которых сохраняется по сей день. Этот факт отмечался ранее в публикациях о раскопках Земляного городища, но подробно никогда не рассматривался (Кирпичников 2000А: л. 4, 5; 2007: 193; Кирпичников, Сорокин 2002: 151)¹. В ходе дефортификации земля с верхней части куртин и бастионов сбрасывалась как по их внешним склонам в ров, так и внутрь, на территорию

¹ Эти краткие упоминания почти полностью одинаковы и изначально входили в тексты полевых отчетов, а затем почти без изменения были включены в тексты ряда статей по результатам раскопок Староладожской экспедиции начала 2000-х гг.

крепостного двора; сами насыпи старались по возможности сnivelировать до его уровня. В процессе работ грунт растаскивался и разравнивался по площадке городища, при этом перекрывались нетронутые культурные напластования и формировался верхний мешаный слой. Впоследствии многолетние огородные и иные хозяйственные земляные работы еще больше деформировали остатки укреплений Земляного города. Кроме того, они постоянно оплывали, в том числе и к центру городища. В результате, элементы деревоземляной фортификации утратили свои четкие геометрические пропорции, а их контуры стали расплывчатыми. Стоит отметить, что описанный механизм формирования верхнего мешаного слоя наиболее характерен для участков, непосредственно примыкающих к основаниям скрытых укреплений; в центре Земляного городища стратиграфическая ситуация другая (Новое в археологии... 2018: 70–90). Повреждения южного вала, на месте которого с 1999 по 2005 г. располагался интересующий нас раскоп 3, были весьма значительны, на местности он почти не выделялся (Равдоникас 1949А: л. 20, 21; Кирпичников 2007: 193). Лучше всего, несмотря на разрушения, сохранились фрагмент западной куртины деревоземляной крепости и участок рва перед ним.

Письменные документы, позволяющие установить точную дату дефортификации Земляного города, на данный момент не выявлены. Однако хронологию можно несколько уточнить, приняв во внимание планы Старой Ладogi XVIII–XIX вв., а также изобразительные материалы — рисунки и фотографии конца XIX — XX в. На карте 1706 г. Земляной город еще показан к югу от Каменной крепости в виде небольшого укрепления ромбовидной формы (Мильчик 2014: 40, ил. 8). Видимо, тогда он уже находился в упадке. На более поздних планах первой половины XIX в. на месте деревоземляных фортификационных сооружений показаны обширные огороды и несколько построек. Их контуры, весьма схожие с современными, выглядят оплывшими, аморфными, потерявшими свои четкие линии и геометрические пропорции. Ров вокруг бастионов и куртин не указан, видимо, к тому времени он был уже засыпан (Бранденбург 1896: табл. II; Мильчик 2014: ил. 17, 19, карта на форзаце) (рис. 3.1). В подтверждение вышесказанному можно отметить, что такой же рельеф Земляного городища представлен на акварелях Д. И. Иванова 1809 г., выполненных в ходе «археологического путешествия» по России под руководством К. М. Бороздина (см. главу 1). Территория бывшей деревоземляной крепости представлена на них довольно ровным пустынным местом, на котором пока еще нет построек и огородов, а остатки укреплений имели вид невысоких сильно оплывших насыпей. На чертеже ладожской Каменной крепости, выполненном А. И. Ермолаевым², к югу от нее у Климентовской башни имеются нечеткие, еле заметные очертания северо-западной куртины, что может свидетельствовать о ее руинированном состоянии (Мильчик 2014: ил. 57, 59–62). Так же городище выглядит и на фотографиях конца XIX — начала XX в., его состояние в тот период описано Н. Е. Бранденбургом (Бранденбург 1896: 227, 228, 313, 314, табл. XLVIII–XLIX; Мильчик 2014: ил. 31). То есть уже в начале XIX в. укрепления Земляного города были скрыты и выведены почти на уровень бывшего крепостного двора, а ров засыпан. Вероятнее всего, основные работы по дефортификации крепости производились в течение второй половины XVIII — начала XIX в. Были они централизованными или нет,

² См. главу 1 настоящего издания.

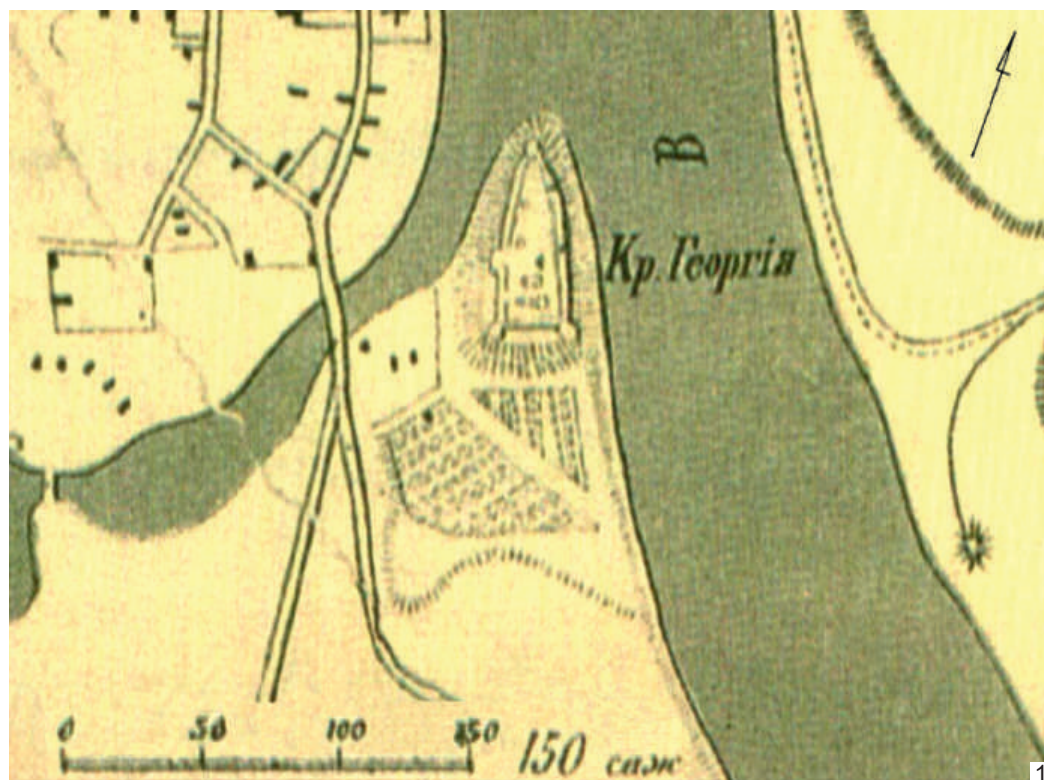

Рис. 3.1. Центральная часть с. Старая Ладога, Земляное городище и каменная крепость: 1 — фрагмент карты первой половины XIX в. (по: Мильчик 2014); 2 — фрагмент плана первой половины XIX в. (по: Бранденбург 1896)

сказать пока трудно. Несомненно, что и позже, в XIX–XX вв., остатки куртин и бастионов постоянно повреждались и срывались в результате хозяйственной деятельности. Например, большой урон восточной линии укреплений вдоль р. Волхов нанесла добыча местными жителями песка в обрывах берега, где впоследствии образовались большие провалы (Бранденбург 1896: 228). В итоге до наших дней сохранились лишь руинированные остатки нижних частей деревоземляной крепости, прошедшей серьезные реконструкции в XVII — начале XVIII в. Поэтому относить их конфигурацию и параметры к концу XVI в. вряд ли возможно.

Описание раскопа 3 до начала работ

В 1999 г. Староладожская археологическая экспедиция под руководством А. Н. Кирпичникова начала новый этап исследований Земляного городища в Старой Ладогге. Если раскопы 1 и 2 (1984–1998 гг.) располагались на территории северо-западного бастиона деревоземляных укреплений конца XVI — начала XVIII в., то с 1999 г. археологические работы были перенесены в южную часть памятника. Раскоп 3 (1999–2005 гг.) располагался с внутренней стороны сильно нивелированной насыпи южной куртины позднесредневекового Земляного города, в ее центральной части (рис. 3.2). Он находился на расстоянии ≈ 30 м к востоку от основания юго-западного бастиона крепости, $\approx 2,5$ –6,0 м к югу от раскопа Н. И. Репникова 1911–1913 гг. и с запада примыкал к юго-восточному углу раскопа В. И. Равдоникаса, на котором работы велись с перерывами в 1938–1959 гг. (рис. 3.3, 1)³. Археологические раскопки, начатые в 1999 г., предполагали изучение остатков насыпи фортификационных сооружений, территории крепостного двора, лежащей ниже застройки древнерусского времени и особенно сооружений раннего средневековья в анаэробных культурных напластованиях (Кирпичников 2000А: л. 3).

Результаты исследований 1999–2005 гг. оказались успешными, поэтому впоследствии Староладожской экспедицией были продолжены работы в южной–юго-восточной частях Земляного городища (раскопы 4 (2006–2010 гг.), 5 (2011–2013 гг.) и 6 (с 2016 г. по настоящее время)), также давшие интересные и значимые результаты. Но при этом участки, изученные А. Н. Кирпичниковым, остались разделены бровкой с центральными раскопами В. И. Равдоникаса, так что сведение единовременных ярусов средневековой застройки различных периодов на территории памятника представляет сейчас известную проблему (Новое в археологии... 2018: 64, 65).

Размеры раскопа 3, заложенного А. Н. Кирпичниковым в 1999 г., составили 11 × 12 м, общая площадь 132 кв. м. Ориентирован он был, как и участки предыдущих исследований 1930–1990-х гг., по оси север–юг с отклонением к северо-западу, что определялось конфигурацией территории и направлением валов Земляного города (рис. 3.2). Его южная и центральная части располагались на внутреннем склоне куртины, северная — на прилегающей к ней площадке городища, место

³ В главе 3 использована «идеальная» схема исследованных участков, приводившаяся в полевых отчетах А. Н. Кирпичникова. Уже в период макетирования книги из печати вышла работа, в которой обосновываются корректировки этой схемы (Васильев и др. 2022: 268–270, рис. 4). Часть корректировок представляются бесспорными и были нами оперативно учтены (рис. 3.2 и 3.65). Частью они требуют дальнейшего обсуждения и дальнейших уточнений.

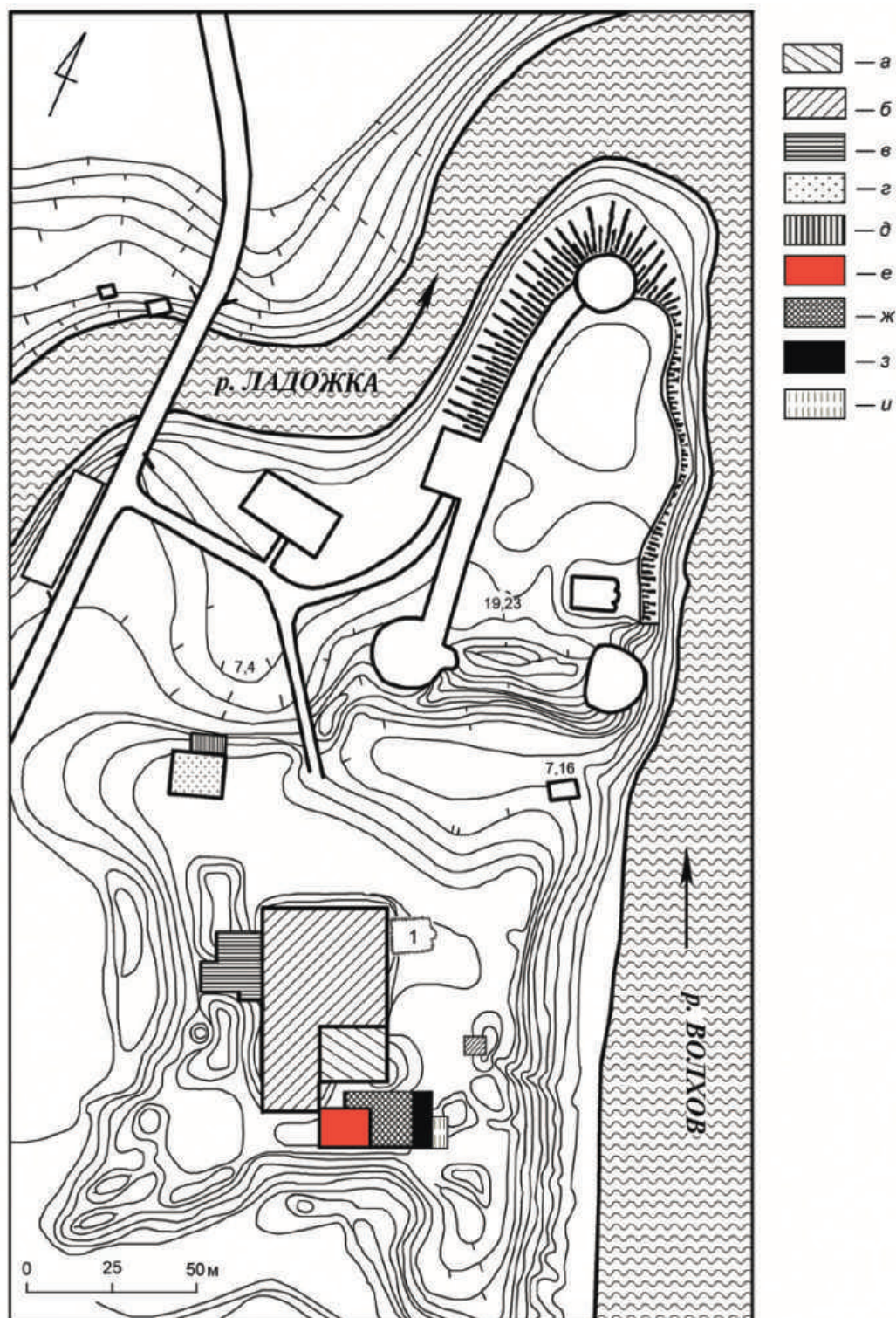

Рис. 3.2. План Земляного городища в Старой Ладогe с обозначением раскопок прошлых лет (по: Новое в археологии 2018: рис. В.7; Васильев и др. 2022: рис. 4, с изменениями).
 Условные обозначения: 1 — церковь св. Климента, исследованная раскопками 1912–1913, 1938–1939, 1979–1980 гг.; раскопки: а — 1911–1913 гг.; б — 1938–1940, 1945–1950, 1957–1959 гг.; в — 1973–1975, 1981–1985 гг.; г — 1984–1991 гг.; д — 1992–1998 гг.; е — 1999–2005 г.; ж — 2006–2010 гг.; з — 2011–2013 гг.; и — 2016–2022 гг.

Рис. 3.3. Старая Ладога, Земляное городище, 1999 г., раскоп 3: 1 — месторасположение участка исследований, вид с юга; 2 — территория раскопа, рабочий момент, вид с севера

раскопок было хорошо задерновано. Для обеспечения большей сохранности исторического памятника внешняя фронтальная часть насыпи укреплений конца XVI — XVII в. не была затронута работами (рис. 3.3, 2). Сетка квадратов раскопа 3 была привязана к системе координат, созданной для центральной части Земляного городища В. И. Равдоникасом и Г. П. Гроздиловым; линии квадратов с запада на восток обозначены буквами от В до И, с севера на юг — римскими цифрами от XV до XX.

Глубина залегания обнаруженных слоев, конструкций, объектов и находок измерялась от репера, установленного Староладожской экспедицией в 1938 г. (Кирпичников 2001А: л. 4)⁴.

Дневная поверхность вдоль южной стенки раскопа 3 на вершине остатков насыпи деревоземляных укреплений была практически горизонтальной с незначительными перепадами, только в центральной части (кв. Е–Ж XX) имелась небольшая плавная западина (нив. отм. 2,82–2,95 м выше R) (рис. 3.4)^{5,6}. Далее рельеф участка местности, где располагался раскоп 3, плавно понижался к северу с уклоном около 10° в сторону площадки Земляного городища. Участок бывшего крепостного двора в пределах раскопа 3 также имел плавный перепад к западу–северо-западу (нив. отм. от R: 2,93–3,06 м в верхней части склона, 2,26–2,30 м — в нижней, 1,8–2,0 м — на площадке городища) (рис. 3.5–3.7). На территории исследуемого участка имелись следы повреждения культурных напластований. В разрезе западной стенки раскопа была зафиксирована западина шириной ≈ 3 м и глубиной до 0,5 м, связанная с современной засыпанной ямой (кв. В XVI–XVII) (рис. 3.6). Она имела трапециевидные очертания, стенки, расположенные с уклоном наружу, и горизонтальное дно, немного прорезавшее поверхность позднесредневекового культурного слоя под насыпью куртины. На планах выявленных объектов данная яма не была обозначена, поэтому размеры ее части, попавшей в пределы раскопа 3, точно неизвестны. Судя по всему, ширина данного перекопа на участке исследований не превышала 0,5–0,6 м, учитывая, что культурный слой и фрагменты деревянных конструкций, позже обнаруженные в непосредственной близости, серьезных нарушений не имели. Еще одна современная западина шириной ≈ 2,4 м и глубиной от 0,14 до 0,50 м, с пологими стенками, фиксировалась в северо-западном углу раскопа 3 (кв. В XV–XVI) (рис. 3.6; 3.7). На краю ее поверх культурного слоя на площадке Земляного городища располагалось локальное полукруглое возвышение, вероятнее всего, часть выброшенного отвала (кв. Г XV, высота ≈ 0,55 м).

Остатки южной куртины деревоземляной бастионной крепости конца XVI — начала XVIII в. на участке раскопа 3 возвышались от уровня современной дневной поверхности площадки Земляного городища всего на 1,0–1,2 м. В 1999 г. были изучены внутренняя часть данных укреплений и прилегающие к ним мешаные слои на территории бывшего крепостного двора, перекрывавшие полу насыпи вала с севера. В том же году была раскопана верхняя часть нетронутых культурных напластований, расположенных под фортификационным сооружением.

⁴ Репер Староладожской экспедиции В. И. Равдоникаса представлял собой крупную горизонтальную плиту известняка, располагавшуюся в восточной стенке раскопа 1938 г. (участок раскопок 1938–1940, 1947 гг.; кв. К 0 (кв. 31–32 по нумерации квадратов 1938 г.)) у пикета Л 1 на глубине 0,6 м от дневной поверхности (Равдоникас 1949Аа: л. 14; Гроздилов 1950: 139; Новое в археологии... 2018: 75). Данный репер, вынесенный на современную дневную поверхность, является единым для всех раскопов на территории Земляного городища по сей день.

⁵ На чертежах нивелировочные отметки (нив. отм.) указаны в сантиметрах. В сезонах 1999–2000 гг. все они располагались выше репера со знаком «+».

⁶ Все нивелировочные отметки проверялись в ходе работы с чертежами раскопа 3 в программе AutoCad 2009.

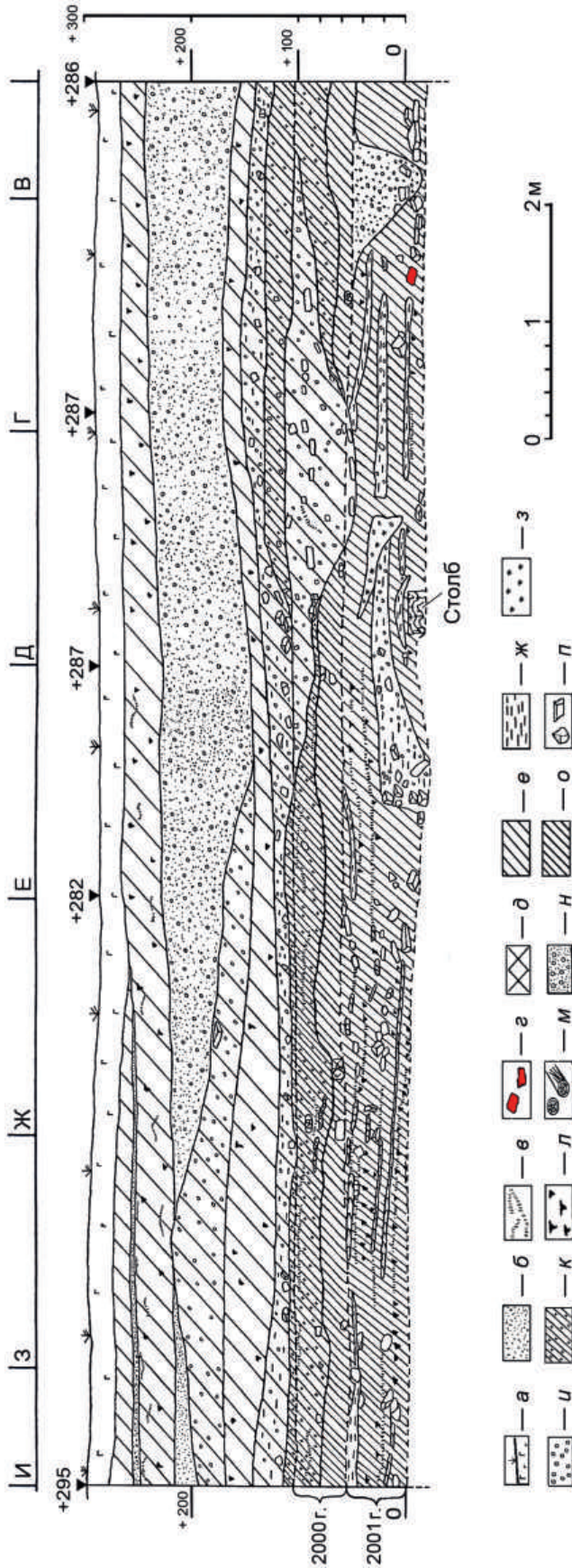

Рис. 3.4. Старая Ладога, Земляное городище, 1999–2000 гг. Профиль южной стенки раскопа 3. Условные обозначения (для рис. 3.4–3.7): а — дерн; б — песок; в — древесный тлен; г — кирпичи; д — перекоп; е — серый гумус; ж — глина; з — зола; и — щебень; к — коричневый гумус; л — горелость, угли; м — дерево, бревна, плахи; н — песок с глиной и известняковой крошкой; о — черный гумус; п — камни

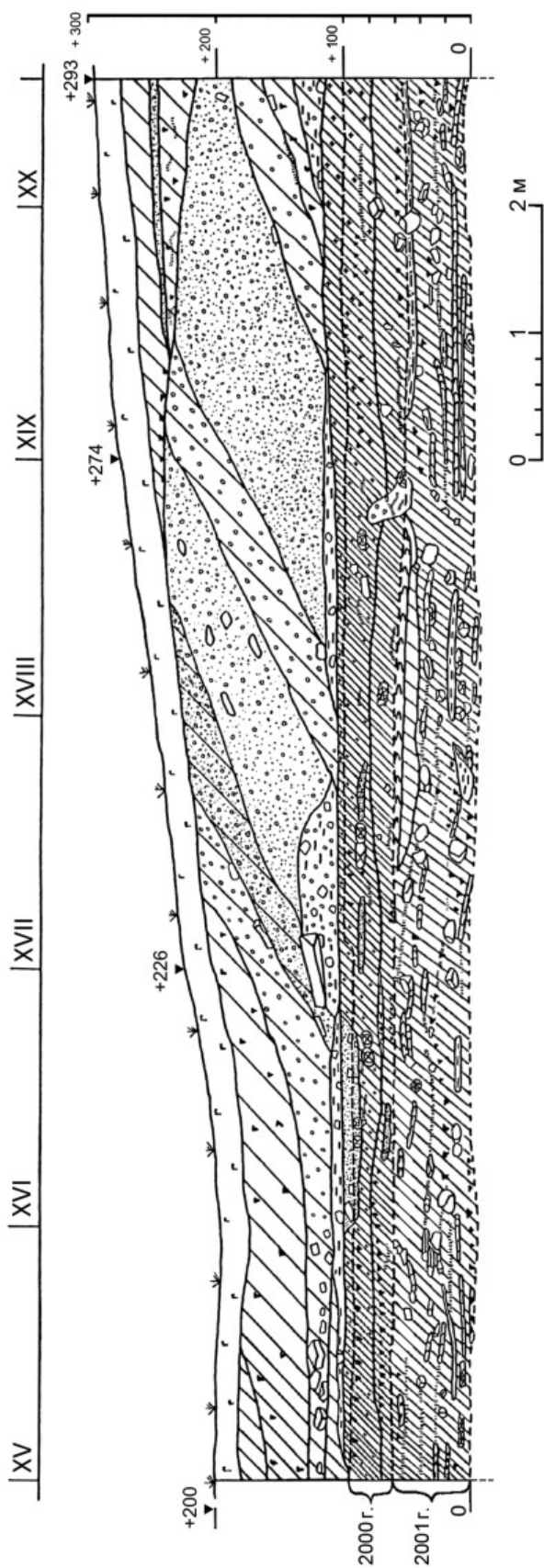

Рис. 3.5. Старая Ладога, Земляное городище, 1999–2000 г. Профиль восточной стенки раскопа 3. Условные обозначения см. рис. 3.4

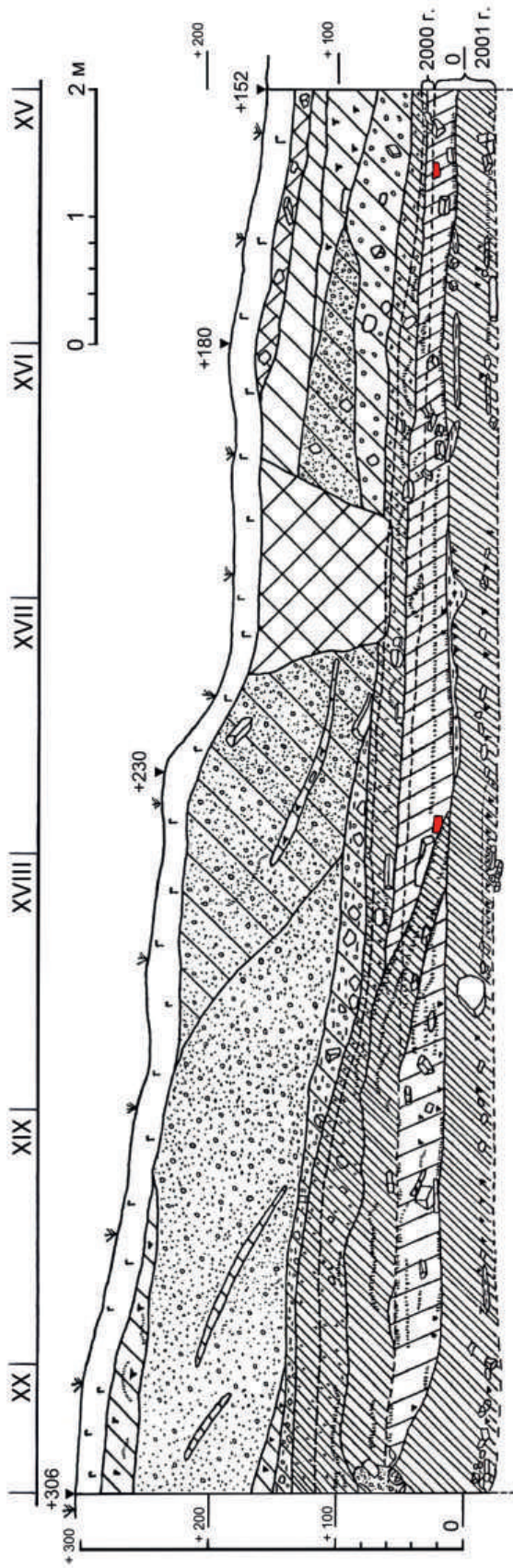

Рис. 3.6. Старая Ладога, Земляное городище, 1999–2000 гг. Профиль западной стенки раскопа 3. Условные обозначения см. рис. 3.4

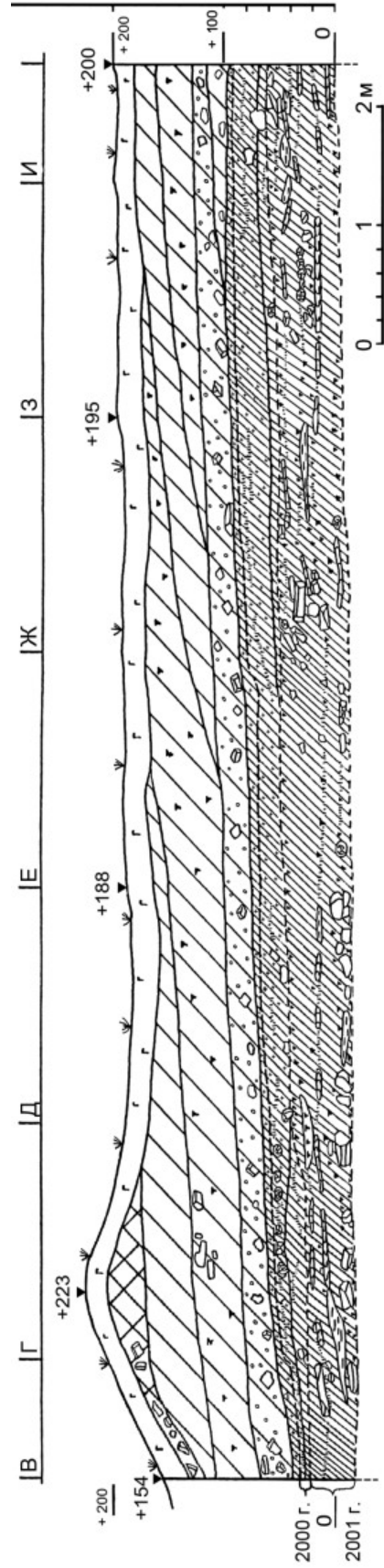

Рис. 3.7. Старая Ладога, Земляное городище, 1999–2000 гг. Профиль северной стенки раскопа 3. Условные обозначения см. рис. 3.4

Стратиграфия внутренней части южной куртины Земляного города в раскопе 3 1999 г.

Следует рассмотреть внутреннюю структуру и стратиграфию отрезка южной куртины, исследованного в 1999 г., принимая во внимание описанные выше этапы строительной истории Земляного города, обстоятельства его разрушения и особенности формирования верхних мешаных слоев в местах, непосредственно прилегающих изнутри к остаткам позднесредневековых укреплений.

По всей поверхности участка исследований были сняты дерн и лежащий ниже слой мощностью от 0,17 до 0,27 м, сильно перемешанный корнями растений. В южной части раскопа 3, над остатками насыпи куртины Земляного города, были выявлены два горизонтально залегавшие пласта серого гумуса (кв. В–И XIX–XX). Верхний, мощностью 0,10–0,25 м, был локальным, располагался лишь в юго-восточном углу изученной территории и содержал небольшую примесь углей. Нижний, толщиной 0,20–0,38 м, зафиксирован вдоль всей южной стенки раскопа на ширину 2,0–2,5 м. В этой прослойке имелась значительная примесь древесного тлена и углей. В юго-восточной части раскопа два указанных пласта серого гумуса были разделены горизонтальной тонкой подсыпкой из песка мощностью 0,03–0,07 м (рис. 3.4–3.6). Данные напластования, вероятнее всего, сформировались в течение нового и новейшего времени уже после дефортификации укреплений Земляного города (рис. 3.8, 2). Об этом свидетельствует горизонтальное залегание этих слоев непосредственно на остатках насыпи куртины, верх которой в юго-восточной части территории исследований имел явные следы преднамеренной подрезки (Кирпичников 2000А: л. 4, 5).

Ниже на всей площади южной части раскопа 3 были исследованы напластования, несомненно относящиеся к позднесредневековым укреплениям. Основу их составляла насыпь из светлого песка материкового происхождения с глиной, галькой и известковой крошкой (Кирпичников 2000А: л. 4, рис. 8, 10; Кирпичников, Сорокин 2002: рис. 3, 5) (рис. 3.4–3.6). Вероятнее всего, грунт для ее возведения брался в процессе выкапывания рва перед укреплениями. Ширина указанного пласта на участке археологических работ составила 4,5–5,0 м, высота — от 0,85 м до 1,00 м. Верх насыпи был уплотненным (нив. отм. \approx 2,15–2,57 м выше R). Следы ее преднамеренного разрушения заметны в центральной и юго-восточной частях раскопа (кв. Е–И XVIII–XX), где лежащие наклонно напластования явно срезаны и имеется понижение. В западной и юго-западной частях исследованной территории значительных повреждений насыпи из светлого песка с глиной, галькой и известковой крошкой не наблюдалось. В толще песка с глиной, галькой и известковой крошкой в профиле западной стенки раскопа были зафиксированы две тонкие прослойки серого гумуса, которые, вероятно, отражают последовательность сооружения внутренней части куртины. Однако по составу находок или иным признакам разделить их хронологически не представляется возможным. Край полы данной насыпи пролегал по территории всего раскопа с востока на запад вблизи границы линий квадратов В–И XVII и В–И XVIII, ее внутренний склон располагался под углом около 30–40° (рис. 3.8; 3.9, 1).

Впервые пласт светлого материкового песка мощностью \approx 0,7 м в основании южной куртины Земляного города был выявлен в ходе раскопок Н. И. Репникова в 1910 г. (Разведка 2 (XI)). Шурф был заложен на гребне южного, судя по описанию

Рис. 3.8. Старая Ладога, Земляное городище, 1999 г., раскоп 3: 1 — западная стенка, вид с северо-востока; 2 — южная стенка, вид с севера

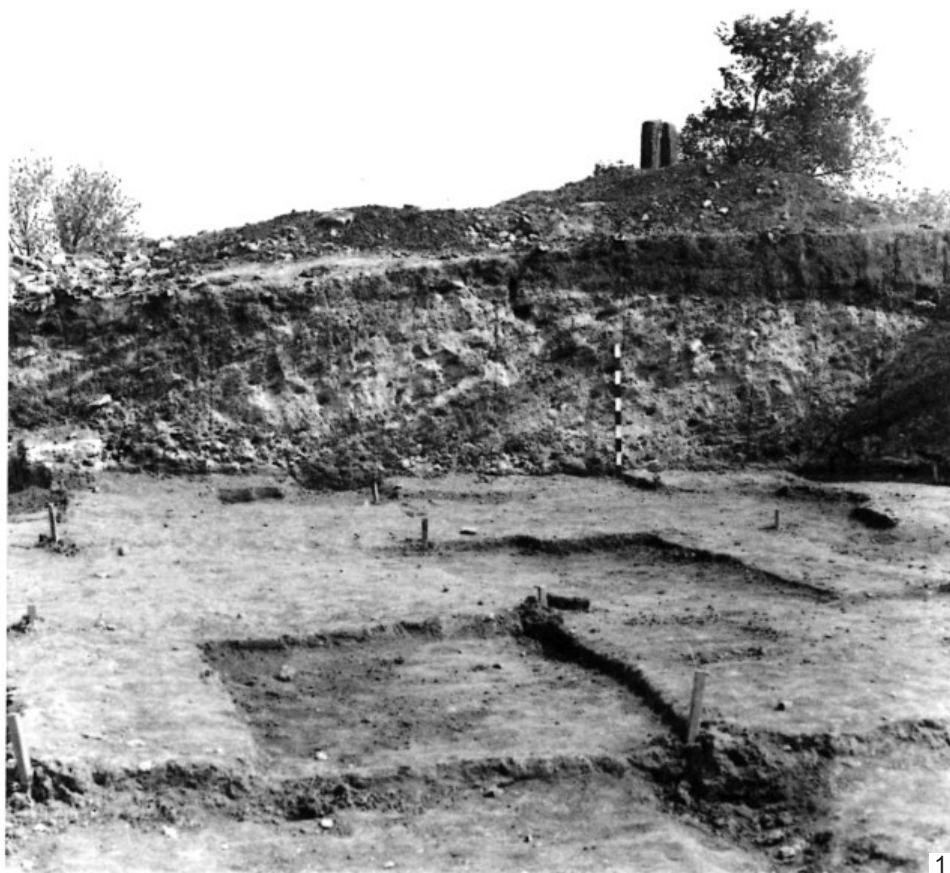

Рис. 3.9. Старая Ладога, Земляное городище, 1999 г., раскоп 3: 1 — восточная стенка, вид с запада; 2 — северная стенка, вид с юго-востока

слоев, внешнего, склона Земляного городища (Репников 1948: 19, 20). Данные сведения, а также результаты работы Староладожской экспедиции 1999, 2006, 2011 гг. доказывают, что нижняя часть насыпи южной куртины Земляного города на всю ее ширину состояла из мощного пласта насыпного материкового песка с глиной, щебнем, галькой и известковой крошкой. Аналогичное основание куртины высотой до 1,3 м было обнаружено в ходе исследований Н. И. Репникова и Е. А. Рябинина на западной линии фортификационных сооружений (Репников 1948: 26, 27; Рябинин 1981Аа: л. 3–5). Более того, в результате раскопок стало ясно, что уплощенная вершина является конструктивной особенностью данного сооружения. Вероятно, она служила своеобразной «платформой» для верхней части вала (Рябинин 1981Аа: л. 4; 1981Аб: рис. 4) (рис. 3.10, 2).

Под описанным выше пластом песка с глиной, галькой и известковой крошкой было зафиксировано две подсыпки из серого гумуса (рис. 3.4–3.6). Одна из них находилась в юго-восточной части раскопа 3 и являлась локальной. Она содержала значительную примесь щебня, в которой попадались обломки плит известняка. Длина этого пласта составляла ≈ 6 м, ширина — ≈ 2 м, мощность колебалась от 0,3 до 0,5 м. В профиле восточной стенки раскопа видно, что в направлении площадки городища поверхность этого слоя залегала с довольно значительным уклоном, а ее край опирался непосредственно на поверхность культурного слоя, находившегося под куртиной (рис. 3.5).

Вторая подсыпка, состоящая из серого гумуса, мешанного с углями, была более обширной и зафиксирована вдоль всей южной стенки раскопа 3 на ширину $\approx 1,0$ – $1,5$ м (кв. В–И XX) (рис. 3.4–3.6). Ее мощность в основном составила 0,15–0,18 м, однако в юго-восточном углу участка исследований (кв. 3 XX) она увеличивалась до 0,5 м. В профиле восточной стенки раскопа заметно, что на данном участке край подсыпки залегал наклонно к северу, как и вышележащий пласт, и также непосредственно опирался на поверхность культурного слоя под насыпью куртины (рис. 3.5). В центре и западной части раскопа 3 (кв. В–Е XX) указанный слой залегал непосредственно под основой укреплений — насыпью из светлого песка с глиной, галькой и известковой крошкой (рис. 3.8, 2).

Описанные выше пласты грунта, составлявшие внутреннюю часть насыпи южной куртины Земляного города, подстилались обширной прослойкой серого гумуса, смешанного с глиной, большим количеством щебня, камней и обломков известняковых плит. При ее помощи, вероятнее всего, производилось выравнивание древней дневной поверхности перед строительством укреплений, о чем свидетельствует засыпанная этим слоем западина, зафиксированная в профиле южной стенки раскопа (кв. Д–Е XX) (рис. 3.4). Данная нивелировочная подсыпка находилась в основании всего массива южной куртины и залегала непосредственно на культурном слое позднего средневековья — раннего нового времени, выявленном под насыпью куртины. Она покрывала всю южную часть раскопа 3, расширяясь с востока на запад от 1 м (кв. И XX) до 6 м (кв. В XVII–XX) (рис. 3.4–3.6; 3.8). Мощность выравнивающей прослойки была небольшой и на разных участках колебалась в пределах 0,08–0,30 м (нив. отм. верха описанного слоя в центральной части исследованной территории $\approx 1,15$ – $1,60$ м выше R). У западной стенки раскопа 3, данная подсыпка залегала с заметным уклоном к северу, следуя более выраженному здесь рельефу поверхности позднесредневекового культурного слоя (нив. отм.

Рис. 3.10. Старая Ладога, Земляное городище: 1 — фрагмент южной стенки раскопа В. И. Равдоникаса, 1949 г., вид с севера; 2 — фрагмент северной стенки раскопа Е. А. Рябинина, 1981 г., вид с юго-востока

верха прослойки на данном участке от $\approx 1,4$ м до 0,8 м выше R) (рис. 3.6). Вероятным продолжением описанной нивелировочной подсыпки может являться пятно глины с камнями, выявленное у восточной стенки раскопа 3 в квадрате И XIX–XX. Оно залегало горизонтально на поверхности непо потревоженных позднесредневековых культурных напластований под куртиной Земляного города. Ширина линзы составила примерно 2,7 м, мощность — 0,07–0,10 м (рис. 3.5).

Определение границ слоя подсыпки, нивелирующей местность перед строительством укреплений Земляного города, в свою очередь, помогает уточнить, как проходила граница полы внутреннего склона его южной куртины. Это дает возможность отделить слои насыпи вала от более поздних напластований, сброшенных с ее верха на площадку городища при дефортификации крепости в новое время, а также сформировавшихся позже в XIX–XX вв. Немаловажным будет и уточнение контекста находок, на основании которых будет производиться датировка изученных слоев и сооружений. Описанная выше нивелировочная прослойка из мешаного серого гумуса с глиной, большим количеством щебня, камней и обломков известняковых плит находилась непосредственно под толщей южной куртины и почти не распространялась за пределы. Таким образом, край внутреннего склона нижней части насыпи Земляного города на участке раскопа 3, вероятнее всего, изначально располагался вдоль всего раскопа примерно по границе линий квадратов В–И XVII и В–И XVIII, с небольшими возможными отклонениями к северу или югу.

В профиле восточной стенки раскопа 3 непосредственно поверх внутреннего склона основного массива светлого песка с глиной, галькой и известковой крошкой было зафиксировано еще две дополнительные подсыпки, залегавшие наклонно, под углом 25–30° (рис. 3.5; 3.9, 1). Вероятнее всего, они также могут относиться к конструкции фортификационных сооружений, поскольку не распространялись севернее по площадке городища, а их нижние края опирались на поверхность культурного слоя под куртиной. На данном участке они формировали внутренний склон южной линии укреплений Земляного города.

Первая подсыпка из серого гумуса со щебнем имела мощность $\approx 0,4$ м. Ее основание перекрывало часть горизонтального пятна глины с камнями, которое, как уже говорилось выше, могло служить для нивелировки дневной поверхности (рис. 3.5). Вторая прослойка толщиной от 0,50 до 0,70 м состояла из светлого песка материкового происхождения с глиной, галькой, известковой крошкой и обломками плит известняка. По составу она была аналогична грунту основы нижней части насыпи куртины. Под нижним краем данной подсыпки, на поверхности непо потревоженного культурного слоя, находилась крупная линза глины шириной 1,8 м и толщиной 0,2–0,3 м, с большим количеством кусков колотого известняка, камней и щебня (рис. 3.9, 1). Вверху этого пятна, у восточной стенки раскопа 3 (кв. И XVI–XVII), была расчищена крупная известняковая плита шириной $\approx 0,46$ м и длиной более 0,50 м, лежащая с небольшим уклоном в сторону площадки городища (нив. отм. верха плиты 1,23–1,33 м выше R) (рис. 3.5)⁷. Можно предположить, что данный пласт глины был уложен в основание описанной подсыпки для предотвращения ее осыпи и оплывания на территорию крепостного двора.

⁷ Данная плита также отображена в планиграфическом чертеже на с. 152, рис. 3.20.

Таким образом, в восточной части раскопа 3 исследованный участок насыпи южной линии фортификационных сооружений также был насыпан в несколько этапов, однако не однородным грунтом, а землей, взятой из разных мест. И если происхождение светлого песка с глиной, галькой и известковой крошкой явно материковое, то серый гумус — это, скорее всего, культурный слой, бравшийся с территории посада или пространства внутри укреплений. Более-менее точную площадь или границы данных подсыпок определить невозможно, однако, вероятнее всего, они располагались на внутреннем склоне южной линии укреплений не только в северо-восточной части раскопа 3, но и тянулись восточнее, на территории, исследованной затем в 2006 г. (раскоп 4) (Кирпичников 2007: рис. 4). Отметим также, что в профиле западной стенки раскопа 3 никаких дополнительных прослоек поверх массива светлого песка с глиной, галькой, известковой крошкой не было выявлено.

В итоге внутренняя часть основания насыпи куртины Земляного города была исследована в южной части раскопа 3 на ширину от 5 до 7 м. Нижняя часть фортификационных сооружений сохранилась на высоту от 1,0 до 1,2 м (без горизонтальных верхних мешаных слоев нового и новейшего времени). При этом необходимо учитывать, что граница полы вала с течением времени менялась, поскольку она, вероятно, постепенно оплывала и осыпалась, перекрывая лежащие ниже культурные напластования. Важным обстоятельством является то, что никаких следов деревянных конструкций при исследовании внутренней части укреплений в 1999 г. не было обнаружено.

Что касается изначальных параметров южной куртины Земляного города, то ее высота, по мнению А. Н. Кирпичникова, могла достигать 10 м от дна рва, то есть в конце XVI — XVII в. она возвышалась над уровнем крепостного двора примерно на 4–5 м (Кирпичников, Сорокин 2002: 151; Кирпичников 2007: 193). Полную ширину насыпи определить сложно, учитывая то, что ее напольная часть не прорезалась. В раскопе 3 она была исследована со стороны площадки городища примерно наполовину (Кирпичников 2000А: л. 4), то есть толщина куртины на данном участке могла составлять от 10 до 14–15 м. Однако для получения полной картины и точной информации необходимы новые исследования. Несохранившаяся верхняя часть южной линии укреплений явно была насыпана из мешаного культурного слоя, взятого с территории Ладожского посада и представлявшего собой в основном серый гумус с различными прослойками и включениями. Об этом свидетельствуют состав и характер слоев, сброшенных на территорию крепостного двора в процессе разрушения Земляного города. Данный вывод подтверждается и результатами раскопок Е. А. Рябины, который выявил, что аналогичные напластования послужили материалом, слагающим середину и верхнюю часть лучше сохранившейся западной куртины (Рябинин 1981Аа: л. 4; 1981Аб: рис. 4).

Слои, примыкавшие к насыпи куртины со стороны площадки Земляного городища

Все культурные напластования, прилегавшие со стороны площадки городища к северному (внутреннему) склону южной куртины, сформировались спустя значительное время после ее возведения. По большей части они являлись результатом осыпи и оплывания ветшавших фортификационных сооружений или же были сброшены вниз, в сторону крепостного двора, при намеренном их разрушении

в новое время. Верхняя их часть явно сформировалась в результате хозяйственной деятельности XIX–XX вв. Эти прослойки залежали полого поверх нижней части насыпи и далее продолжались почти горизонтально на пространстве внутри укреплений. Прежде всего это обширный пласт серого гумуса, мешанного с большим количеством щебня и камней. Он залежал по всей северной стороне раскопа 3 в пределах квадратов В–И XV–XVII непосредственно на поверхности непотревоженного культурного слоя, а в восточной части исследованной территории перекрывал внутренний склон куртины (рис. 3.5–3.7). Мощность данного слоя составляла чаще всего от 0,15 до 0,25 м, хотя на отдельных участках, например, у основания насыпи, достигала 0,40 м. Поверхность указанного пласта на большей части исследованной территории имела явный уклон с юго-востока на северо-запад (нив. отм. верха слоя — $\approx 0,7$ –1,3 м, по склону насыпи — до 2 м выше R). Примечательно, что в западной части раскопа этот пласт не перекрывал нижнюю часть насыпи укреплений, а выклинивался примерно в 2 м от ее полы. Данный участок в квадрате В XVI был нарушен перекопом XX в., однако взаимное расположение, границы и направления слоев указывают на то, что, вероятно, серый гумус со щебнем и камнями не достигал ни полы куртины, ни края ее нивелировочной подсыпки.

Предположительно этот же слой был зафиксирован на площадке Земляного городища экспедицией В. И. Равдоникаса в раскопе 1949 г. При осуществлении прирезки в южной части исследуемой площади, на участке 2, в квадратах О–А XVI–XVII под верхними мешаными рыхлыми напластованиями была открыта плотная прослойка галечника и щебня, мешанная с серым гумусом мощностью 0,35–0,40 м (рис. 3.10, 1). Она явно тянулась от раскопа в сторону южной куртины, что было отмечено исследователями (Гроздилов 1949А: л. 7, 18, 19, 24; Равдоникас 1949А: табл. 12, 1). Как и в раскопках А. Н. Кирпичникова 1999 г., указанный пласт залежал непосредственно поверх непотревоженного культурного слоя, в котором были открыты постройки начала XVII в. (Гроздилов 1949А: л. 10; Равдоникас 1949А: л. 23, 34; Миляев, Горлов 2020: 172–174). Принимая во внимание эти сведения, можно уверенно говорить, что данный слой довольно широко распространяется на участке раскопа от основания южной куртины. Он мог быть одной из подсыпок, производившихся на территории крепостного двора, в таком случае данная работа выполнялась значительно позже сооружения деревоземляных укреплений. Однако пласт серого гумуса с большим количеством щебня и камней залегает по внутреннему склону насыпи вала на высоту ≈ 1 м, что довольно значительно для подсыпки. Не исключено, что участки данного слоя, перекрывающие основание фортификационных сооружений, частично формировались в ходе оплывания, осыпи и размывания водой их склонов и постепенного смещения грунта вниз к площадке крепостного двора. Однако уверенно утверждать это нельзя. Несомненно, описанная выше плотная прослойка серого гумуса с большим количеством щебня и камней (галечника) является четким стратиграфическим и хронологическим маркером, отделяющим верхние рыхлые мешаные напластования («огородный слой», по В. И. Равдоникасу и Г. П. Гроздилову), в том числе и сброшенные внутрь укреплений при дефортификации крепости, от нетронутого культурного слоя позднего средневековья — раннего нового времени.

В профиле западной стенки раскопа 3 в квадратах В XV–XVIII был зафиксирован мощный пласт серого гумуса, смешанного со светлым песком с глиной, галькой

и известковой крошкой, в котором встречались камни и колотые плиты известняка (рис. 3.6). Он располагался на внутреннем склоне южной куртины, а также залегал на территории крепостного двора поверх описанного выше слоя серого гумуса с большим количеством щебня и камней. Судя по имеющимся фотографиям, структура этого массива была слоистой, разный грунт залегал в нем наклонно тонкими перемежающимися прослойками (рис. 3.8, 1). Мощность указанного пласта составляла от 1,25 м у основания насыпи укреплений до 0,25 м на площадке поселения (нив. отм. его верхней границы $\approx 2,2\text{--}0,9$ м выше R). В квадратах В XVI–XVII данный слой прорезан перекопом — современной ямой. Образование этого пласта можно связать с преднамеренным разрушением южной линии укреплений Земляного города в новое время, при котором масса грунта была сброшена с верха фортификационных сооружений, а затем постепенно оседала вниз и шлейфом оплывала на территорию бывшего крепостного двора. Об этом свидетельствует структура всего описанного массива грунта, в котором тонкие прослойки залегают с плавным изгибом в направлении от насыпи вала к площадке городища. Примечательно, что в профиле восточной стенки раскопа 3, на внутреннем склоне насыпи куртины, под серым гумусом, мешанным с большим количеством щебня и камней, также была зафиксирована аналогичная по своему характеру слоистая прослойка мощностью 0,2–0,4 м (рис. 3.5; 3.9, 1). Видимо, она также не относится к конструкции укреплений, а связана с их оплыванием и разрушением.

В верхней части всей свиты культурных напластований на северной стороне раскопа 3 были исследованы пласты грунта, ссыпанного на территорию бывшего крепостного двора в результате разрушения и выравнивания южной куртины Земляного города (рис. 3.5–3.7; 3.9, 2). Это производилось как при его намеренной дефортификации, так и в ходе иной хозяйственной деятельности XVIII–XX вв. Данные напластования перекрывали внутренний склон уже оплывших и осыпавшихся к тому времени позднесредневековых укреплений. Они залежали на площадке городища полого, почти горизонтально и представляли собой чередующиеся слои серого гумуса с примесью углей и без нее. Всего было четыре таких пласта мощностью от 0,25 до 0,45 м, имевших наибольшую толщину у основания куртины, постепенно уменьшавшуюся по мере отдаления от нее. В профилях северной и западной стенок раскопа 3 зафиксировано, что некоторые из них выклиниваются на 4–6 м от полы вала (рис. 3.6; 3.7). По характеру залегания слоев видно, что грунт сбрасывали по склону насыпи в сторону площадки городища, где, вероятно, дополнительно разравнивали. Данные пласты были зафиксированы в северной части раскопа 3 по всей его длине в квадратах В–И XV–XVI. По сути все четыре указанные прослойки образовывали на площадке городища большой массив серого гумуса общей толщиной 0,5–0,8 м, верхняя часть которого была нарушена позднейшими огородными и хозяйственными работами (рис. 3.7; 3.9, 2). Его верхняя граница начиналась непосредственно под дерном, нижняя ограничивалась описанной выше плотной подсыпкой с большим количеством щебня и камней. Очевидно, что из этих слоев гумуса изначально была возведена верхняя часть южной куртины Земляного города, а грунт брался с территории Ладожского посада или с площадки внутри укреплений. Впоследствии вся эта масса земли была сброшена вниз, большая часть, видимо, в ров, а меньшая — на внутренний склон вала и бывший крепостной двор, где распределялась по его площади. Таким образом, остатки насыпи южной куртины

старались привести примерно к общему уровню с внутренней территорией, в результате чего они почти перестали выделяться над площадкой городища. А. Н. Кирпичников считал, что верхняя часть южной куртины была сдвинута вглубь крепостного двора, а ее средняя часть сброшена вниз по внутреннему склону ближе к основанию укреплений. Ширина полосы сброшенного грунта составляла там ≈ 8 м. При этом уровень площадки городища стал выше примерно на 1 м (Кирпичников 2007: 193). Однако вряд ли можно точно определить ход подобных работ, тем более что на различных участках крепости их последовательность могла различаться.

Аналогичная стратиграфия верхних культурных напластований на площадке Земляного городища была зафиксирована в южной части раскопа В. И. Равдоникаса, наиболее близкой к тому месту, где в 1999 г. проводил исследования А. Н. Кирпичников. В ходе работ 1949 г. под дерном был выявлен массив черного (темно-серого) рыхлого гумуса, названного авторами раскопок аморфным, то есть без четко видимых границ и прослоек (рис. 3.10, 1). Общая мощность этого пласта составила 0,85–0,90 м, причем его верхняя часть была сильно перекопана на глубину 0,35–0,40 м в ходе огородных работ (так называемый огородный слой), а ниже он становился более плотным. Указанные напластования залежали поверх плотной прослойки с галечником и щебнем, под которой находился нетронутый культурный слой с остатками построек начала XVII в. Авторы раскопок отмечали, что массив рыхлого «аморфного» гумуса образовался, вероятно, в результате постепенного разрушения именно южного вала Земляного города и его многолетней распашки (Гроздилов 1949А: л. 6, 7, 18, 19; Равдоникас 1949А: л. 20, 21, табл. 12, рис. 1). Таким образом, стратиграфия верхних культурных напластований на площадке Земляного городища в южной части раскопа В. И. Равдоникаса и на участке раскопок А. Н. Кирпичникова 1999 г. имеет определенное сходство.

В ходе исследований Староладожской экспедиции в южной части Земляного городища 2006 и 2011 гг. под дерном также был исследован верхний слой серого гумуса мощностью 0,6–1,0 м с включениями щебня и песка, залегавший над первыми выявленными строительными остатками. А. Н. Кирпичников датировал начало его формирования не ранее XVIII в. или даже позднее, XIX — началом XX в., и указал, что он возник как в ходе разрушения южной куртины, так и при неоднократных подсыпках территории бывшего крепостного двора (Кирпичников 2007: 193, 197, 198). Указанный временной период полностью совпадает с предложенной датировкой разрушения деревоземляных укреплений Ладоги.

В целом следует отметить, что внутренняя структура основания южной куртины Земляного города и характер залегания примыкающих к ней с севера мешаных напластований в раскопе 3 1999 г. наиболее схожи с результатами исследований Е. А. Рябина на западном валу городища. Нижние части укреплений на обоих участках оказались в целом идентичны по конструкции, размерам, параметрам и представляли собой насыпь светлого песка материкового происхождения высотой до 1,3 м с уплощенной вершиной. Внутренний склон западной куртины также перекрывался пластами серого мешаного гумуса (Рябинин 1981Аа: л. 4; 1981Аб: рис. 4). На чертежах и фотографиях видно, что это оплывшая или сброшенная с верхней части фортификационных сооружений рыхлая масса грунта с камнями, шлейф которой простирался восточнее, залегая на площадке городища (Рябинин 1981Аб: рис. 4, 6, 7; 1985: рис. 2) (рис. 10, 2). Никаких следов или остатков деревянных конструкций в толще насыпи

вала при исследованиях Е. А. Рябилина также не было выявлено. Видимо, южная и западная куртины Земляного города строились по единому замыслу и имели одинаковую структуру, что может свидетельствовать об их синхронности.

Интересно, что внутренняя стратиграфия насыпи северо-западного бастиона, исследованная в ходе раскопок А. Н. Кирпичникова 1984–1991 гг. (раскоп 1), и характер прилегающих к ней со стороны площадки городища слоев сильно отличаются от описанной выше ситуации (Кирпичников, Назаренко 1997: 63, 65, 67, 68, рис. 2). Более того, на данном участке в толще укреплений Земляного города единственный раз были расчищены фрагменты деревянных конструкций трапециевидной формы. А. Н. Кирпичников считал их основаниями двух пищальных бойниц, однако в недавнее время В. Ю. Коваль предположил, что это могли быть остатки тарасов — деревоземляных стен, где срубы, заполненные грунтом, чередовались с пустыми клетями для размещения стрелков (Кирпичников, Назаренко 1997: 67, 68, рис. 3; Коваль 2022: 165, 166, рис. 2, 3). К какому именно периоду существования Земляного города относятся эти конструкции, на данный момент точно неизвестно. Для выяснения причин различия в структуре куртин крепости и северо-западного бастиона необходимы новые археологические исследования и дополнительная информация.

Находки из насыпи южной куртины и прилегающих к ней со стороны площадки Земляного городища мешаных слоев, исследованных в 1999 г.⁸

В ходе исследования внутренней части насыпи южной куртины и слоев, сброшенных сверху на ее внутренний склон и площадку городища, в 1999 г. была обнаружена 171 индивидуальная находка (Кирпичников 2000А: л. 5). Анализ их планиграфии убедительно свидетельствует о том, что непосредственно в толще нижней части насыпи вала предметов обнаружено крайне мало⁹. Особенно бедна артефактами вся южная часть раскопа в пределах квадратов В–И XVIII–XX, где находилось основание укреплений, сооруженное из светлого песка с глиной, галькой и известковой крошкой (рис. 3.11). Это неудивительно, учитывая его явное материковое происхождение, а единичные находки попадали в насыпь случайно, в ходе строительства при перемещении грунта или с примесью культурного слоя с территории Ладожского посада.

В процессе исследования нижней части фортификационных сооружений на раскопе 3 было обнаружено около 25 изделий¹⁰. В слоях, непосредственно

⁸ Автор выражает сердечную благодарность сотрудникам музея-заповедника «Старая Ладога», главному хранителю Ю. В. Удаловой и заместителю директора по научной работе, хранителю фондов «Археология» А. А. Залогой за помощь в работе с находками из раскопок А. Н. Кирпичникова 1999–2000 гг.

⁹ В тексте отчета о раскопках 1999 г. находки из насыпи южной куртины, а также из прилегающих к ней культурных напластований даны единым комплексом. Однако целесообразнее представить их, разделив по слоям и объектам. Находки фиксировались планиграфически и по глубине залегания, нивелировки их проверялись в ходе работы с чертежами 1999 г. в программе AutoCad 2009.

¹⁰ Керамика из раскопок 1999–2000 гг. в данной работе не будет рассматриваться, поскольку ее анализу должно быть посвящено отдельное исследование. Однако некоторые данные, представленные в отчетах, будут приведены.

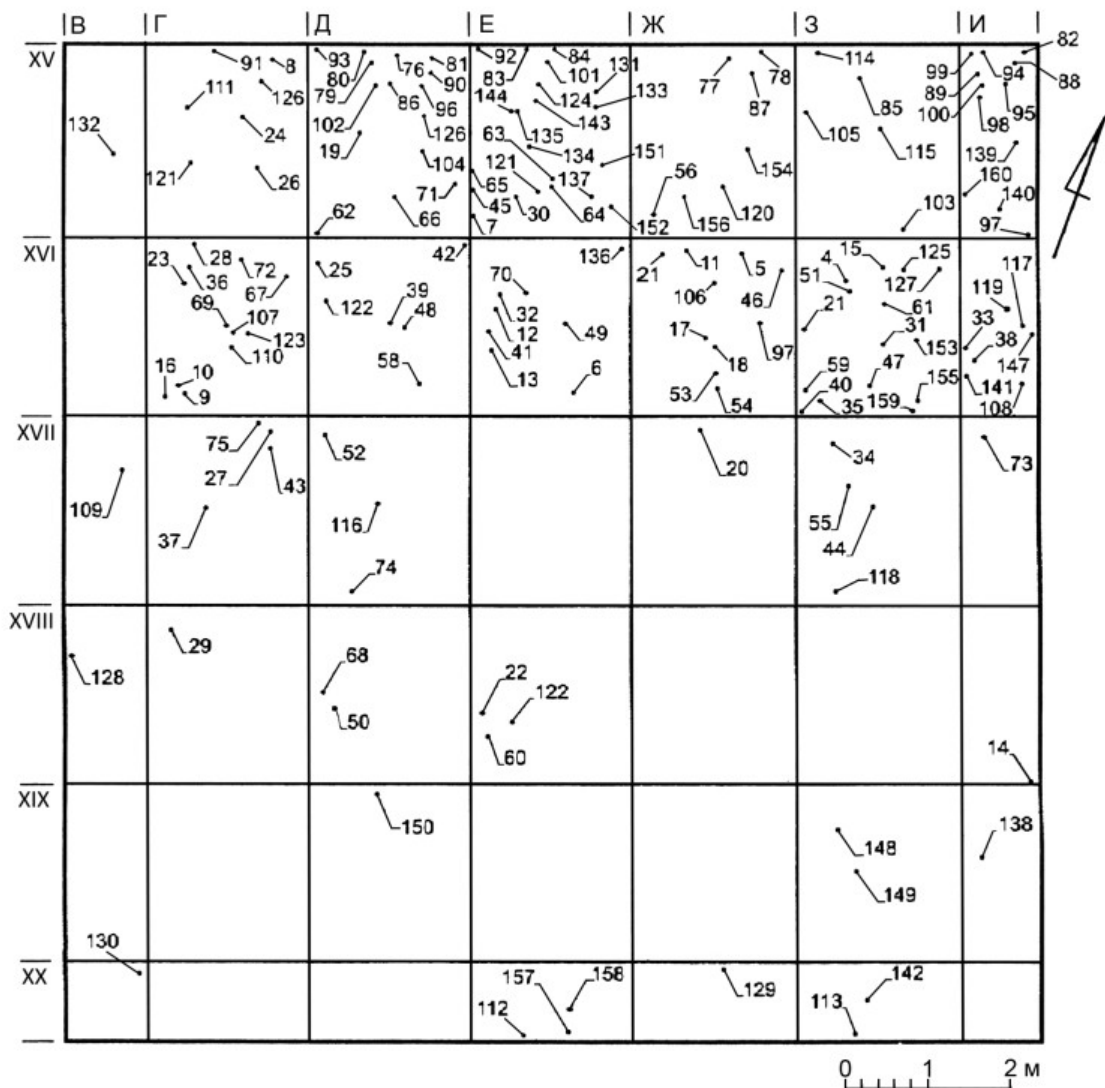

Рис. 3.11. Старая Ладога, Земляное городище, 1999 г., раскоп 3. Планиграфия индивидуальных находок из насыпи южной куртины и примыкающих к ней с севера верхних мешаных слоев серого гумуса

составляющих насыпь южной куртины, найдены гвоздь (№ 14) и ладейная заклепка (№ 68), а также спиральная пронизка из тонкой проволоки медного сплава (№ 34) (рис. 3.13, 1). Кроме них был обнаружен небольшой фрагмент боковой накладки одностороннего составного рогового гребня (№ 22)¹¹. В числе находок имелись несколько бус из стекла (№ 29, 55, 60, 73, 113, 129, 138, 150), горного хрусталя (№ 50, 158) и сердолика (№ 20, 44, 128), а также отдельный небольшой осколок стеклянной массы (№ 157). Предметы из камня были представлены двумя незначительными фрагментами янтаря (№ 130, 112).

¹¹ В скобках указаны номера находок по описям, представленным в отчетах А. Н. Кирпичникова по результатам раскопок 1999–2000 гг. Под этими же номерами они указаны на чертежах, планах и в подписях к иллюстрациям.

Как видно, в основании насыпи южной куртины Земляного города встречены только мелкие переотложенные разрозненные находки. Прежде всего это стеклянные и каменные бусы, гораздо меньше встречено изделий из черного и цветных металлов, предмет из рога представлен всего одним экземпляром. Стоит отметить, что данные артефакты преимущественно относятся ко второй половине VIII — XIII в.; средневековых изделий среди них нет вовсе. Уже в ходе первых раскопок на Земляном городище Н. И. Репников отмечал почти полное отсутствие находок в толще нижней части валов Земляного города (Репников 1948: 20). Е. А. Рябинин также не упоминает о находках из основания западной куртины, представлявшего собой светлый материковый песок. Артефакты связаны там исключительно с серединой и верхней частью укреплений, насыпанными из гумуса (Рябинин 1981Аа: л. 4, 5). Эти данные в полной мере подтвердились в ходе работ А. Н. Кирпичникова на раскопе 3 в 1999 г.

Непосредственно под насыпью вала, на границе нижней нивелировочной подсыпки и подстилавшего ее нетронутого культурного слоя позднего средневековья — раннего нового времени, был обнаружен крупный фрагмент железного замка типа Е (по Б. А. Колчину) размерами $\approx 60 \times 100$ мм (№ 142) (рис. 3.13, 10). Предмет сильно деформирован и поврежден; вероятно, предполагалось использовать его в качестве сырья для последующей перековки. С торца его горизонтальный корпус вместе с боковым треугольным выступом имел каплевидные очертания, на стенке изделия были напаяны две вертикальные железные пластины. Первые замки типа Е появляются на Руси еще в XIV в., однако экземпляры с подобной формой профиля фиксируются с середины XV в. и наиболее характерны для XVI–XVII вв. (Колчин 1959: 84, рис. 68, 3; Никитин 1971: 43, табл. 8, 1–6; Кудрявцев 2014: 87, 88, рис. 17, 3). Целая форма ладожской находки уверенно восстанавливается по аналогиям: это были довольно крупные изделия, корпус которых по бокам усиливался рядом вертикальных часто напаянных пластин. Например, подобные замки были найдены в Смоленске и Москве на Ильинке, где они чаще всего датируются XVII в. (Пронин и др. 2011: 134, ил. 112, 2; Векслер 2015: ил. 180, 11). Данная находка имеет значение для уточнения времени возведения внутренней части южной куртины Земляного города, исследованной в раскопе 3.

Кроме описанного выше фрагмента замка предположительно на границе нижней нивелировочной подсыпки с нетронутым культурным слоем позднего средневековья — раннего нового времени еще были найдены фрагмент центральной части клинка ножа (№ 148) (рис. 3.13, 8), а также сильно корродированный обломок железного предмета, возможно, часть скобы (№ 149).

Большая часть находок из верхних напластований раскопа 3 происходит из пластов серого гумуса, образовавшихся в результате оплывания и обрушения ветшающих укреплений, а также сброшенных на внутренний склон южной куртины и площадку городища при разрушении крепости. Это сильно перемешанные напластования, в которых археологический материал оказался переотложен как минимум трижды. Первый раз это произошло в ходе строительства Земляного города, для чего использовался культурный слой с территории Ладожского посада; второй раз — когда преднамеренно срывались куртины и бастионы; третий раз — в процессе хозяйственной деятельности и огородных работ в новое и новейшее время. Подавляющее большинство находок из массива серого гумуса сконцентрировано, соответственно, в северной части раскопа 3 (кв. Г–И XV–XVI) (рис. 3.11).

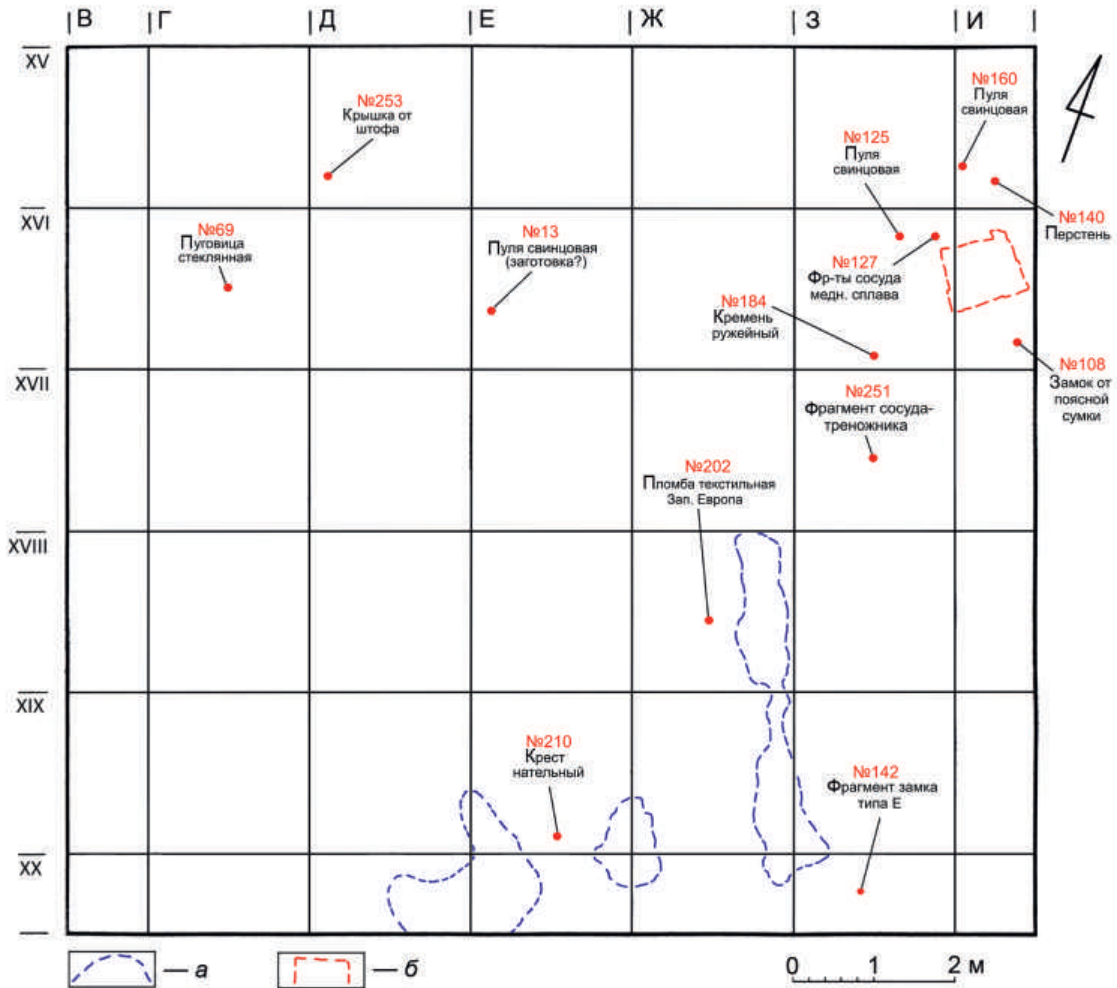

Рис. 3.12. Старая Ладога, Земляное городище, 1999 г. Планиграфия находок XVI–XVII вв. из мешанных слоев серого гумуса и верхней части культурного слоя под южной куртиной. Условные обозначения: *a* — углубления; *b* — кирпичное основание печи

Предметы, обнаруженные в верхних мешанных напластованиях на площадке Земляного городища, интересны для характеристики материальной культуры, занятий и торговых связей населения Ладоги от ее основания до раннего нового времени включительно.

Из напластований мешаного серого гумуса происходит небольшая серия железных изделий. Из них следует упомянуть ключ с обломанной рабочей частью (№ 41), предположительно от замка типа В, по Б. А. Колчину, его второго варианта, по А. А. Кудрявцеву (рис. 3.13, 3). Подобные изделия датируются в рамках конца XII — конца XIV в. (Колчин 1959: 82, рис. 67, 4–6; Кудрявцев 2014: 85, рис. 13).

При зачистке северной стенки раскопа был найден фрагмент пластинчатой дужки от ведра или котла прямоугольного сечения с крючком на конце (№ 80) (рис. 3.13, 6). Подобные изделия были широко распространены как в русских городах, так и на сопредельных территориях в течение всего средневековья (Колчин 1959: 103, 104, рис. 89, 1; Никитин 1971: 41, табл. 5, 13; Захаров, Адаменко 2008: 45, рис. 27; Зыков и др. 2017: 237, рис. 110, 5).

Рис. 3.13. Старая Ладога, Земляное городище, 1999 г. Находки: 1-2 — ладейные заклепки (№ 68, 136); 3 — ключ (№ 41); 4, 7-9 — фрагменты ножей (№ 111, 48, 148, 24); 5 — фрагмент кольца (№ 152); 6 — фрагмент дужки (№ 80); 10 — фрагмент замка типа Е (№ 142). Все — железо

В толще мешаного серого гумуса обнаружено три черешковых ножа, один целый и два фрагмента (№ 24, 48, 111) (рис. 3.13, 4, 7, 9). Все они относятся к IV группе по типологии Р. С. Минасяна (Минасян 1980: 72, 73, рис. 4) и имеют один или два четких уступа в основании длинного черешка прямоугольного сечения. Обушки ножей довольно толстые, $\approx 4\text{--}5$ мм, на сохранившемся целиком экземпляре спинка клинка плавно опускается к острию. Изделия подобного облика и параметров более всего характерны для X — начала XII в. Данные ножи изначально связаны своим происхождением с Северной Европой и были распространены на всей территории Древней Руси (Колчин 1959: 48, рис. 34, 1–5; 41; Минасян 1980: 73, 74).

К специализированным инструментам относится единственная находка — фрагмент фигурного ручного резца по дереву (клюкарза) (№ 7) (рис. 3.14, 1). Сохранилась только рабочая часть предмета, черешок для рукояти обломан. Изделие выковано из прута прямоугольного сечения, в его центральной части имеется коленчатый изгиб, а конец уплощен и заточен. При помощи таких инструментов выполняли декоративную резьбу по дереву. В Новгороде они встречены в слоях XI–XIV вв., однако явно использовались и позднее, причем форма их почти не менялась вплоть до современности (Колчин 1959: 45, 46, рис. 30, 2, 3). Интересен также обломок железного стержня квадратного сечения с полукруглой петлей на конце — возможно, деталь сундучной петли или иной мебельной фурнитуры (№ 79) (рис. 3.14, 4). Кроме того, в верхних напластованиях раскопа 3 были найдены небольшие, сильно корродированные фрагменты гвоздей и скоб (№ 11, 61). Точную дату указанных изделий определить затруднительно.

Предметы из медного сплава встречены в единичных экземплярах. Среди них выделяется фрагмент прямоугольного щитка пряжки размерами 38×25 мм (№ 23) (рис. 3.15, 1). Изделие сильно деформировано и согнуто, отчего в центре образовалась трещина; один из краев обломан, а на противоположном имеются два ушка округлой формы. Внешняя сторона находки украшена сложным растительным рельефным орнаментом в рамке. Данное изделие свидетельствует о том, что освоение местности в районе Ладоги началось задолго до 753 г. Аналогичные пряжки встречаются на огромной территории, в частности, на Верхней Каме и Средней Волге, в Прикубанье и даже на Алтае, датируются они VII–VIII вв. (Кирпичников, Сарбабянов 2013: 148, 150, 152). Эта находка отражает широкие торговые и межэтнические связи Нижнего Поволжья в ранний, малоизученный, период его истории. Судя по повреждениям, щиток пряжки предполагалось использовать в качестве ювелирного лома. К сожалению, эта интересная вещь найдена в переотложенном состоянии.

Среди находок из массива мешаного серого гумуса имеются две миниатюрные одинаковые по форме 14-гранные весовые гирьки в виде кубов со срезанными углами, также изготовленные из медного сплава (№ 57, 97 (рис. 3.15, 2)). На одной из них были отчеканены три точки, объединенные в треугольник, на второй — шесть точек в два ряда. Данные изделия являются стандартными и распространены на огромной территории Северной и Восточной Европы. Известны они со второй половины IX в. и бытуют до XIII в. включительно, однако на Руси наиболее характерны для X–XI вв. 14-гранные гирьки с точками — знаками кратности — не раз были найдены при раскопках в Старой Ладоге; аналогичные изделия обнаруживаются чаще всего при раскопках торгово-ремесленных поселений и городов, таких

Рис. 3.14. Старая Ладога, Земляное городище, 1999 г. Находки: 1 — фрагмент фигурного резца по дереву (№ 7); 2 — фрагмент калачевидного кресла (№ 263); 4 — фрагмент сундучной петли (?) (№ 79); 3, 5-8 — фрагменты металлического сосуда (№ 127); 9 — фрагмент сосуда-треножника (№ 251); 10 — грузило рыболовное (№ 132).
1-2, 4 — железо; 3, 5-8 — медный сплав; 9 — глина; 10 — камень

как Рюриково городище, Новгород, Гнёздово, Тимерёво, Белоозеро и др. (Давидан 1987: 119, 122, 123, рис. 1, 2–5; Захаров 2004: 194, рис. 115, 1; Кирпичников 2006: 235, рис. 34, 53; Жуковский 2018: 138–140, 142, рис. 9, 1–4).

К инструментам для литья изделий из цветных металлов относится почти полностью сохранившийся тигель (№ 72). Высота его составляет 36 мм, форма цилиндрическая, с округлым дном и треугольным устьем. Данное изделие относится к первому типу, варианту Б по классификации В. М. Горюновой. Они были характерны для конца I тыс. н. э. и при раскопках в Старой Ладоге чаще всего относятся к горизонту Д, то есть к X, вероятно, к началу XI в. (Горюнова 1994а: 61, 65, рис. 3, 11).

Среди материалов верхних мешаных напластований раскопа 3 широко представлены изделия из кости и рога. Прежде всего это фрагменты односторонних составных и двусторонних цельных гребней, их обнаружено пять экземпляров. Обращает на себя внимание фрагмент спинки крупной односторонней гребенки, обломанный с обеих сторон и без зубьев (№ 84) (рис. 3.16, 3). Размеры находки — 48 × 23 мм, толщина — 10 мм. Накладки гребня в нижней части имеют рельефный валик, а по верхней кромке украшены двумя параллельными линиями. В центральном пространстве между ними тонкими штрихами нанесен орнамент в виде «горожков». Между накладками сохранились фрагменты двух пластин с остатками зубьев, детали соединены железными заклепками. Данное изделие относится к группе I типа 1 по классификации О. И. Давидан, и датируется в целом серединой VIII — X в. (Давидан 1968: 55, 56, 58–60; 1999: 168).

К этой же группе находок относится также отдельная пластина с зубьями от составного одностороннего гребня (№ 102) (рис. 3.15, 3). На конце ее сверху имеется треугольный выступ, а боковой край украшен резными волнообразными линиями, в двух отверстиях сохранились остатки заклепок из медного сплава. Данная пластина является фрагментом гребенки группы II типа 2, по О. И. Давидан, представители которой встречаются в Западной и Восточной Европе на памятниках IX–XI вв. (Давидан 1962: 100, 101; 1999: 168). Однако известно, что все изделия группы II, обнаруженные на Земляном городище, относятся к горизонту Д. Гребни с полностью аналогичными орнаментированными концевыми пластинами происходят из материалов раскопок В. И. Равдоникаса, Е. А. Рябина и А. Н. Кирпичникова (Давидан 1962: рис. 3, 8; 1999: рис. 2, 9, 10). Таким образом, дату указанного предмета можно определить в пределах X, возможно, начала XI в.

Двусторонние цельные роговые гребни представлены в верхних мешаных напластованиях раскопа 3 двумя изделиями. Один из них, почти целый, размерами 40 × 43 мм, имеет трапециевидную форму с прямыми боками (№ 28) (рис. 3.16, 8). Изделие украшено в центральной части тонкими горизонтальными линиями, расположенными по обеим сторонам в основании зубьев. По своим очертаниям эта находка наиболее схожа с гребнями типа Д, по Б. А. Колчину, распространенными в конце X — конце XII в., однако отличается от них бедным декором (Колчин 1982: 164, рис. 5). Стоит отметить, что аналогичные гребни с минимальным линейным орнаментом или вовсе без него имеются и в более поздних напластованиях русских городов. Они встречены при раскопках в Вологде, Смоленске, крепости Орешек и Мангазее. Датируются эти находки в пределах XVI — начала XVIII в. (Кирпичников 1980: рис. 29, 4; Белов и др. 1981: табл. 42, 4, 7, 11; Васильева 2012: 92, рис. 1, 2; Пронин, Соболев 2020: рис. 50, 13; 74, 2).

Рис. 3.15. Старая Ладога, Земляное городище, 1999 г. Находки: 1 — щиток пряжки (№ 23); 2 — гирька для весов (№ 97); 3 — пластина одностороннего гребня (№ 102); 4 — фрагмент стекла (№ 51); 5, 6, 8, 10 — пряслица (№ 75, 144, 103, 107); 7 — фрагмент двустороннего гребня (№ 177); 9 — двушипный наконечник стрелы (№ 10); 11 — томар (№ 120). 1-2 — медный сплав; 7, 9, 11 — кость/рог; 3 — рог, медный сплав; 4 — стекло; 5, 8 — шифер; 6, 10 — глина

Вторая находка представляет собой фрагмент двустороннего гребня трапециевидной формы, схожий с типами Д или М, которые в Новгороде датируются в пределах конца X — начала XIII в. (Колчин 1982: 164, рис. 5) (№ 93) (рис. 3.16, 7). Его центральная часть украшена множеством горизонтальных глубоко пропиленных линий, что характерно для древнерусских изделий. Аналогичные гребни были обнаружены экспедицией В. И. Равдоникаса на Земляном городище при исследовании слоев XI–XV вв. (Давидан 1962: 103, рис. 4; 6; 7; 9).

Интересны находки двух томаров — костяных наконечников стрел для охоты на пушных зверей, изготовленных на токарном станке. Согласно типологии, работанной на основе новгородских материалов, один из них относится к типу I, подтипу В, и датируется XI–XIII вв. (№ 104) (рис. 3.16, 9). Он украшен тремя орнаментальными поясками, каждый из которых состоит из нескольких параллельных тонких линий. Второй, более ранний, костяной томар имеет форму тонкого вытянутого цилиндра и относится к типу I, подтипу А, который датируется в пределах X в. (№ 26) (рис. 3.16, 4) (Смирнова 1994: рис. 4). Роговой цилиндр по всей высоте украшен частыми параллельными глубоко прорезанными линиями.

Среди находок из кости выделяется двушипный наконечник стрелы (№ 10) (рис. 3.15, 9). Данное изделие по новгородским аналогиям может датироваться X–XII вв.; подобные предметы охотничьего вооружения известны в Белозерье в погребениях второй половины X — начала XI в. (Медведев 1959: 171; Меснянкина 2008: 231, 232). У находки с Земляного городища обломаны острие пера, один из шипов, а также конец черешка. Аналогичные наконечники стрел из кости были обнаружены в Старой Ладогe экспедицией В. П. Петренко при раскопках посада на левом берегу р. Ладожки (Кирпичников, Сарабьянов 2013: 59).

Несомненный интерес представляет роговая шахматная фигура конической формы круглого сечения на невысоком цилиндрическом основании (№ 110) (рис. 3.17, 10). В центральной части она украшена концентрическим валиком, все пространство которого заполнено диагональными насечками, которые создают эффект крученого шнура. Данная находка относится к абстрактным фигурам арабского типа. Аналогичная находка, изготовленная из дерева, была обнаружена в Минске при раскопках усадьбы второй половины XII в. Е. А. Рыбина интерпретирует фигуру подобной формы как короля/ферзя или ладью (Рыбина 1991: 98, рис. 6, 4; 1997: 113, табл. 79, 27).

Несколькими экземплярами представлены проколки круглого или овального сечения с расширенной верхней частью, изготовленные из тонких костей (№ 40 (рис. 3.16, 2), 82). К той же категории находок относится образец в виде костяного прямого заостренного стержня длиной 115 мм (№ 58) (рис. 3.16, 6). Он мог также использоваться как шило или проколка. Данные изделия широко датируются периодом раннего средневековья и древнерусского времени. Коллекцию костяных инструментов дополняют четыре иглы (№ 8, 9, 45, 46), две из которых сохранились целиком (рис. 3.16, 1, 5). Длина их — от 70 до 100 мм, ушко уплощенное, чуть приостренное или закругленное вверху, с овальным отверстием.

Кроме изделий в слое серого гумуса был найден фрагмент рога (№ 39), а также два обломка костей со следами обработки — отходы производства (№ 6, 92).

Изделия из стекла представлены в первую очередь фрагментами браслетов различных цветов и тремя обломками тонкого перстня (№ 17–19, 21, 27, 32, 70, 76)

Рис. 3.16. Старая Ладога, Земляное городище, 1999 г. Находки: 1, 5 — иглы (№ 8, 45); 2 — проколка (№ 40); 3 — фрагмент одностороннего гребня (№ 84); 4, 9 — томары (№ 26, 104); 6 — проколка/шило (?) (№ 58); 7, 8 — фрагменты двусторонних гребней (№ 93, 28); 10 — заготовка дротика (?) (№ 199); 11 — ледоходный шип (№ 173). 1, 2, 4-9 — кость/рог; 3 — рог, железо; 10, 11 — железо

(Кирпичников 2000А: рис. 13). В Великом Новгороде период бытования стеклянных браслетов определяется от XII до XIV в., пик их распространения приходится на XIII в. (Олейников 2002: 51, 52). Данные находки из верхних мешаных слоев раскопа 3 1999 г. тоже можно в общем датировать указанным временным отрезком. Кроме того, обнаружены два отдельных осколка синего и зеленого стекла (№ 42, 51 (рис. 3.15, 4)) и фрагмент стеклянного шлака (№ 88).

Изделия из камня представлены тремя пряслицами из шифера, которые в основном можно датировать X — концом XIII в., хотя они могли использоваться и несколько позднее (№ 37, 75 (рис. 3.15, 5), 81) (Колчин 1982: 174), а также оселком (№ 56) (рис. 3.17, 8).

К сырью или отходам производства относятся три небольших фрагмента янтаря (№ 5, 33, 47).

Из глиняных изделий стоит упомянуть пряслица (№ 65 (рис. 3.15, 10), 107).

Некоторое количество находок удалось предположительно соотнести со слоем серого гумуса с большим количеством щебня, который залегал в северной части раскопа 3 непосредственно над нетронутым культурным слоем позднего средневековья — раннего нового времени.

Железные изделия в нем представлены фрагментом кольца овального сечения (№ 152) и двумя ладейными заклепками с ромбовидными шайбами (№ 122, 136), большая часть которых на Северо-Западе Руси обычно относится к середине VIII — XII в. (Сорокин 1997а: 90) (рис. 3.13, 2, 5). Кроме них был обнаружен небольшой обломок предмета, вероятно, накладки, с расширенным и уплощенным концом, на котором напаяна круглая пластина цветного металла (№ 99) (рис. 3.18, 7).

Вещь из медного сплава имеется только одна — стержень круглого сечения, который, видимо, являлся заготовкой или использовался в качестве сырья для литья изделий (№ 143).

Среди находок из кости и рога интересен томар в виде невысокого, чуть более 30 мм, усеченного конуса с гладкой поверхностью без орнамента (№ 120) (рис. 3.15, 11). Судя по форме данное изделие относится к типу I, подтипу А, и может датироваться в рамках XI–XII вв. (Смирнова 1994: рис. 4). Кроме него в слое серого гумуса со щебнем были обнаружены два небольших фрагмента составных односторонних гребней X–XI вв. группы II по О. И. Давидан (№ 102, 123) (Давидан 1962: 100, 101; 1999: 168) и костяная проколка (№ 105) (рис. 3.17, 9).

Изделия из камня в данной прослойке представлены древнерусским шиферным пряслицем (№ 103) (рис. 3.15, 8) и крупным рыболовным грузилом трапециевидной формы размерами 154 × 165 мм с отверстием в верхней части (№ 132) (рис. 3.14, 10). Среди находок также имеются небольшой фрагмент янтаря (№ 124) и глиняное биконическое пряслице (№ 144) (рис. 3.15, 6).

Кроме находок, перечисленных выше, в верхних мешаных слоях на исследованном участке были обнаружены 68 разнообразных стеклянных и каменных бус. Среди них присутствуют бисер, одно- и многочастные пронизки, а также представительная коллекция изделий из сердолика и горного хрусталя (Кирпичников 2000А: л. 5, рис. 13). В основном данные предметы датируются IX–XIII вв., хотя среди них встречаются и более поздние экземпляры.

К позднему средневековью — раннему новому времени уверенно можно отнести лишь три находки из верхних мешаных напластований раскопа 3. Первая —

Рис. 3.17. Старая Ладога, Земляное городище, 1999 г. Находки: 1 — фрагмент одностороннего гребня (№ 234); 2 — гребень односторонний (№ 172); 3, 8 — оселки (№ 254, 56); 4 — фрагмент ложки (№ 119); 5, 7 — фрагменты венчиков металлических сосудов (№ 176, 161); 6 — фрагмент венчика тигля (№ 256); 9 — проколка (№ 105); 10 — шахматная фигура (№ 110). 1, 2 — рог, медный сплав; 3, 8 — камень; 4, 5, 7 — медный сплав; 6 — глина; 9 — кость; 10 — рог

Рис. 3.18. Старая Ладога, Земляное городище, 1999 г. Находки: 1 — пуговица (№ 69); 2 — вставка в щиток перстня (№ 155); 3 — пломба текстильная западноевропейская (№ 202); 4 — бракованная отливка нательного креста (?) (№ 206); 5 — крест нательный (№ 210); 6 — перстень с гнездом для вставки (№ 140); 7 — фрагмент накладки (?) (№ 99); 8, 9 — пули (№ 125, 160); 10 — замок от кожаной поясной сумки (№ 108); 11 — пуля рубленая (13); 12 — крышка от штофа (№ 253); 13 — кремль ружейный (№ 184). 1 — стекло, медный сплав; 2 — стекло; 3, 8, 9, 11, 12 — свинец; 4–6 — медный сплав; 7 — железо, медный сплав; 10 — медный сплав, железо

свинцовая пуля, изготовленная без применения литья, рубленая из свинцового стержня (№ 13) (рис. 3.12; 3.18, 11). Боеприпас имеет форму низкого цилиндра диаметром 17 мм, высотой 13 мм и относится к группе 3, варианту 1 по классификации О. В. Двуреченского (Двуреченский 2005: 270, рис. 3, 2–6). Изделие не подвергалось никакой дополнительной обработке и могло служить заготовкой для дальнейшей обкатки и придания округлой формы или же применяться для выстрела в исходном виде. Подобные боеприпасы в целом датируются XV–XVII вв.; стоит отметить, что в материалах Ладоги они редки, большую часть составляют шаровидные пули, отлитые в пулелейках.

Вторая находка — пуговица белого заглашенного непрозрачного стекла диаметром 10 мм со штифтом из медного сплава в центре, ушко на внутренней стороне изделия обломано (№ 69) (рис. 3.12; 3.18, 1). Шляпка находки имеет форму, близкую к полусферической. Аналогичные предметы являются характерными для поздних слоев Ладоги. Например, две такие пуговицы черного (темно-коричневого) и синего стекла с ушками из железной проволоки были найдены в 2006 г. на смежном раскопе 4 в слоях XVI–XVII вв. (Кирпичников 2007: 205, ил. 20, 605, 1138).

К этой же группе изделий относится и фрагмент красноглиняного керамического сосуда размерами 57 × 46 мм, толщиной 10 мм (№ 251) (рис. 3.12; 3.14, 9)¹². На его внешней стороне имеется конусообразная ножка высотой 18 мм с закругленным концом. Следов поливы на поверхности обломка не выявлено. Вероятно, данная находка является фрагментом сосуда-треножника (*англ.* tripod). Подобная посуда на ножках была широко распространена на территории Европы в XVI–XVII вв, однако она абсолютно нехарактерна для русской материальной культуры позднего средневековья — раннего нового времени (Dahlbäck 1983: Pl. 44, a, 45, b–c; Hurst et al. 1986: 258). Большое количество фрагментов подобных керамических изделий было обнаружено в ходе раскопок шведской крепости Ниеншанц на территории современного Санкт-Петербурга, где они датируются преимущественно XVII в. (Сорокин и др. 2017: рис. 21, 8; 31, 5, 6; 55, 5, 6; 162, 6, 7; 205, 17). Появление данных сосудов в Ладоге наверняка связано с событиями начала XVII в., когда Ладога в Смутное время находилась под шведским владычеством и в городе стоял постоянный иноземный гарнизон (Селин 2008: 42–72; Миляев 2020а: 2–8).

Факт позднего формирования массива серого мешаного гумуса, примыкающего со стороны площадки городища к остаткам южной куртины Земляного города, подтверждают еще несколько находок, обнаруженных в данных напластованиях позже, в 2006 г. (раскоп 4). Это серебряные монеты-«чешуйки», а именно копейки: Петра I (1696 г.), Михаила Федоровича (1614 г.), Федора Ивановича или Бориса Годунова (1596–1598 гг.) и Ивана IV (1535–1547 гг.) (Кирпичников 2007: 197, 198; Григорьева, Горлов 2016: 253). К сожалению, в 1999–2000 гг. во время работ на раскопе 3 металлодетектор еще не использовался, и нумизматические материалы в слоях позднего средневековья — раннего нового времени здесь отсутствуют.

¹² На планиграфии индивидуальных находок 1999 г. данный фрагмент керамики не был отмечен, поэтому на схеме (рис. 3.12) он помещен в центр того квадрата, где был обнаружен.

Дополнительно можно упомянуть, что из отвала раскопа 3 1999 г. происходят два железных предмета, которые отнести к какому-либо слою затруднительно. Один из них вытянуто-овальной формы, длиной ≈ 105 мм может быть заготовкой раннесредневекового или древнерусского дротика (№ 199) (рис. 3.16, 10). Изделие деформировано, частично обломано. Его перо уплощенное, однако без выраженных заостренных краев; на одном из концов заметен возможный переход к черешку прямоугольного сечения. Вторая находка — ледоходный шип с овальной площадкой размерами 37×26 мм (№ 173) (рис. 3.16, 11). Подобные находки имеют широкие датировки и бытовали на протяжении X–XVII вв. (Кирпичников 1973: 80, 81).

Итак, в насыпи южной куртины Земляного города и в примыкающих к ней со стороны площадки городища верхних мешаных слоях серого гумуса встречены находки, относящиеся к огромному временному диапазону — от VII–VIII до XVI–XVII вв. Примечательно, что подавляющее их большинство относится к раннему средневековью (середине VIII — X в.) и древнерусскому времени (XI–XIV вв.), более поздних предметов встречено очень мало. Это неудивительно, учитывая описанные выше обстоятельства формирования верхних культурных напластований на участке раскопа 3. Мешаный серый гумус, изначально являвшийся культурным слоем средневекового Ладожского посада, активно использовался для строительства крепости, ремонтов и реконструкций Земляного города, а затем в новое время был сброшен вниз к основанию укреплений и разровнен по территории крепостного двора. Таким образом, наверху оказалось множество находок преимущественно VIII–XIV вв.; наиболее часто встречающимися категориями предметов являются черешковые ножи, ладейные заклепки, стеклянные браслеты, шиферные пряслица, роговые односторонние и двусторонние гребни, костяные проколки и иглы, стеклянные и каменные бусы раннесредневековых и древнерусских типов. Стоит отметить, что среди данного материала почти нет крупных или сложных изделий, большинство вещей мелкие, легко перемещаемые вместе с грунтом. Действительно, они не образуют каких-либо комплексов, и работа с этими предметами затруднена ввиду их явной переотложенности. Несмотря на это, изучение данных находок важно, поскольку помогает выявить интересные особенности формирования верхних культурных напластований Земляного городища.

Описанные выше изделия и их фрагменты, обнаруженные непосредственно в насыпи южной куртины и в слоях, примыкающих к ней со стороны крепостного двора, почти не отражают материальную культуру той эпохи, в которую возводился, реконструировался и ремонтировался ладожский Земляной город, а именно конец XVI — начало XVIII в. Они не позволяют уточнить датировку его укреплений, внутренняя часть которых была исследована А. Н. Кирпичниковым в 1999 г. в раскопе 3. Для решения данной задачи необходимо детально рассмотреть результаты раскопок нетронутого культурного слоя позднего средневековья — раннего нового времени, открытого под насыпью вала. В ходе анализа археологического материала появляется возможность точно датировать остатки построек, залегающих непосредственно под куртиной и к северу от нее. Соответственно это помогает в датировке фортификационных сооружений, остатки которых сохранились до наших дней на Земляном городище.

Верхняя часть непо потревоженного культурного слоя под укреплениями Земляного города на участке раскопа 3

В ходе археологических раскопок под исследованной внутренней частью южной куртины Земляного города конца XVI — начала XVIII в. и прилегающими к ней с севера мешаными напластованиями был выявлен непо потревоженный культурный слой позднего средневековья — раннего нового времени. Он состоял из темного гумуса и находился на глубине 1,1–1,8 м от уровня дерна (Кирпичников 2000А: л. 6). В восточной и юго-восточной частях раскопа 3 (кв. Е–И XV–XX) указанный слой залегал почти горизонтально (нив. отм. поверхности: 1,0–1,2 м выше R) (рис. 3.5). Вероятно, на данном участке в древности производились земляные работы, следы которых обнаружены при раскопках в 1999 г. В юго-западном углу участка исследований (кв. В–Д XX) поверхность темно-серого гумуса незначительно повышалась (до отметок 1,3–1,32 м выше R) (рис. 3.4). Почти по всей площади раскопа поверхность культурного слоя имела общий уклон к северо-западу (до отметок 0,38–0,40 м выше R) (рис. 3.6; 3.7). Это понижение рельефа древней дневной поверхности в сторону р. Ладожки характерно для территории Земляного городища и не раз фиксировалось в ходе исследований как поздних, так и древнейших напластований (Кирпичников 2006: 228; Миляев, Горлов 2020: 172).

На поверхности культурного слоя позднего средневековья — раннего нового времени непосредственно под насыпью куртины Земляного города, в южной части раскопа, были выявлены три западины аморфных очертаний с неровными краями (рис. 3.19). Они располагались довольно компактно в ряд по линии запад–восток на расстоянии 0,8–1,0 м друг от друга. Первое углубление, выявленное в квадратах Д–Е XIX–XX, имело размеры $\approx 1,88 \times 1,80$ м и форму, близкую к подковообразной. В южной стенке раскопа 3 зафиксирован его поперечный разрез, поскольку часть данного объекта находилась за пределами исследуемой территории (рис. 3.4). Стенки западины были пологими, глубина ее в среднем составила 0,12–0,20 м (нив. отм. ее верхнего края: 1,06–1,14 м, уровень дна — 1,00 м выше R). Второе углубление размерами $0,1 \times 0,8$ м находилось восточнее, в квадратах Е–Ж XIX–XX. Его очертания оказались близки к овальным. Третья, наиболее крупная, яма (размеры $4,4 \times 0,2$ – $0,8$ м), вытянутая по направлению север–юг, была открыта в квадратах Ж–З XVIII–XX. В плане она представляла собой две овальные западины, соединенные перемычкой. К сожалению, разрезов этих двух последних ям в нашем распоряжении нет. Происхождение всех описанных западин явно антропогенное, вряд ли можно предположить их естественное появление в таком порядке на территории поселения. Однако они не являются хозяйственными ямами, равно как и составными частями неких сооружений или конструкций, остатки которых не были выявлены. Находки, обнаруженные вблизи указанных объектов, не помогают прояснить их функции. Скорее всего, западины, а также ровная, почти горизонтальная поверхность нетронутого культурного слоя в восточной и юго-восточной частях раскопа 3 представляют собой следы земляных работ, производившихся на данном участке в эпоху позднего средневековья — раннего нового времени. Характер этих работ не вполне ясен. Предположительно, их можно связать со строительством укреплений Земляного города.

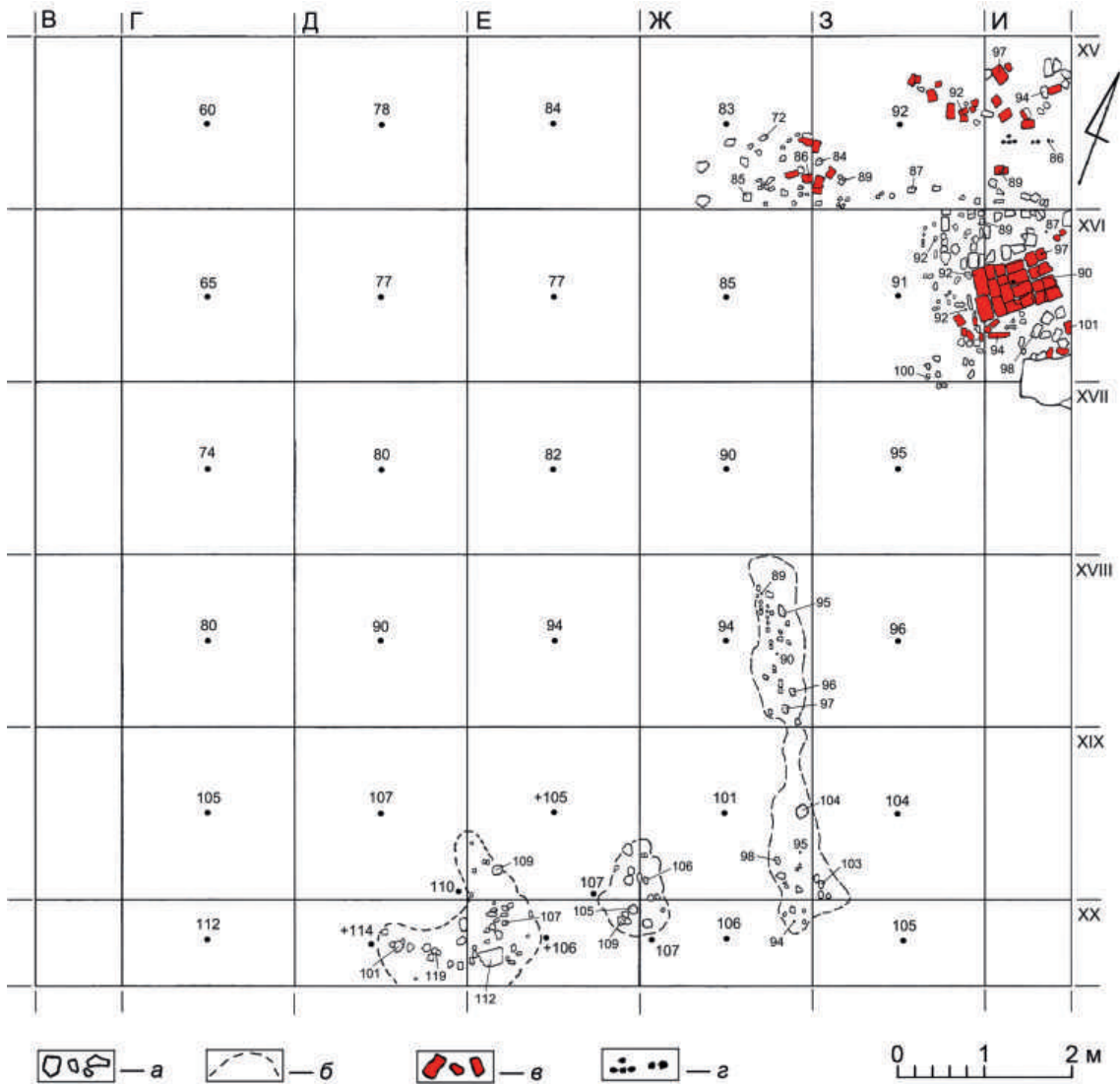

Рис. 3.19. Старая Ладога, Земляное городище, 1999 г. План объектов, обнаруженных в раскопе 3 в верхней части нетронутого культурного слоя под южной куртиной деревоземляной крепости. Условные обозначения: *a* — камни; *b* — углубления; *v* — кирпичи; *z* — углы

Перед возведением южной куртины все три западины, выявленные в раскопе 3, были засыпаны слоем серого гумуса, мешанного с глиной, щебнем, большим количеством камней и обломков известняковых плит (нив. отм. камней: 0,95–1,19 м выше R). Указанный слой является нивелировочной подсыпкой, при помощи которой древняя дневная поверхность была выровнена перед строительными работами. Ее описание приведено ранее, в разделе о внутренней структуре основания южной куртины Земляного города. Таким образом велась подготовка к возведению фортификационных сооружений, по крайней мере их внутренней части, исследованной в ходе раскопок 1999 г.

В северо-восточной части раскопа 3, в квадратах З–И XV–XVI, был обнаружен развал отопительного сооружения размерами $\approx 1,4 \times 1,6$ м (рис. 3.19; 3.20).

Он представлял собой толстую линзу глины подпрямоугольных очертаний со следами воздействия огня и большим количеством угля. В центре пятна было расчищено около десятка целых кирпичей, лежавших более-менее правильными рядами (нив. отм. 1,06 м выше R) (рис. 3.20). Вокруг них с трех сторон, а также по краям развала, в беспорядке залегал кирпичный бой, обломки камней и известняковых плит (уровень 0,96–1,07 м выше R). Мощность пятна глины составляла $\approx 0,10$ –0,15 м. В профиле восточной стенки раскопа 3 видно, что развал кирпичей продолжался и далее в квадрате И XV, почти до северо-восточного угла исследованного участка (что, однако, никак не отражено на планах) (рис. 3.5; 3.20). У южного края данного комплекса на границе квадратов И XVI–XVII находилась крупная известняковая плита шириной $\approx 0,46$ м и длиной более 0,50 м, лежащая почти горизонтально (нив. отм. верха плиты: 1,23–1,33 м выше R). Как было указано в разделе о внутренней структуре южной куртины Земляного города, она находилась в верхней части мощного пласта глины, представлявшего собой основание дополнительных подсыпок, залегавших, в свою очередь, на внутреннем склоне куртины (рис. 3.5; 3.20). Стоит отметить, что пола насыпи укреплений лишь незначительно перекрывала развал отопительного сооружения (примерно на 0,1 м в его южной части). Скорее всего, это можно объяснить неизбежными процессами оплывания края насыпи. Таким образом, разрушенная печь и, соответственно, постройка, в которой она изначально располагалась, залегали под пластами мешаного серого гумуса, примыкавшими к насыпи куртины с севера. При этом основание внутренней части укреплений Земляного города располагалось на одном уровне с упомянутым развалом отопительного сооружения, что помогает уточнить датировку укреплений (рис. 3.5).

В ходе разборки пятна глины в квадратах 3–И XVI было расчищено неплохо сохранившееся прямоугольное основание печи размерами 1,0 × 1,2 м, ориентированное по линии северо-восток–юго-запад (рис. 3.19; 3.21, 1, 2). Оно оказалось сооруженным из плотно уложенных кирпичей. В восточной части конструкции два ряда кирпичей залегали по направлению ее основной продольной оси, а три ряда с западной стороны — перпендикулярно им (нив. отм. верха конструкции: 0,90–0,97 м выше R) (Кирпичников 2000А: л. 6, рис. 22). Северный край основания оформлен линией из шести небольших колотых известняковых плит (рис. 3.21, 1, 2). Целые кирпичи имели размеры в среднем 280 × 125 × 60 мм, хотя, судя по чертежу и фотографии, величина их варьировалась. С южной и юго-западной сторон объекта зафиксирован плотный развал битых плит известняка и кирпичных обломков размерами в среднем 0,08–0,20 × 0,06–0,10 м (нив. отм. 0,94–1,01 м выше R). Они огибали нижнюю часть отопительного сооружения полосой, ширина которой составила $\approx 0,3$ м, у западного края выкладки выявлено скопление углей (рис. 3.21, 1). С севера к данному комплексу в квадратах 3–И XVI примыкали в основном обломки известняковых плит и камней с небольшим количеством колотого кирпича, лежащие менее плотно (нив. отм. 0,92–0,99 м выше R).

Остатки разрушенной печи тянулись в сторону северной стенки раскопа 3, в квадратах 3–И V было расчищено скопление обломков кирпича, среди которых попадались и крупные фрагменты длиной до 160–180 мм, там же располагались и небольшие колотые плиты известняка (рис. 3.19; 3.21, 1). Между расчищенным основанием печи и указанным выше развалом была выявлена полоса фрагментов сильно обугленного дерева длиной $\approx 0,6$ м, ориентированная по направлению

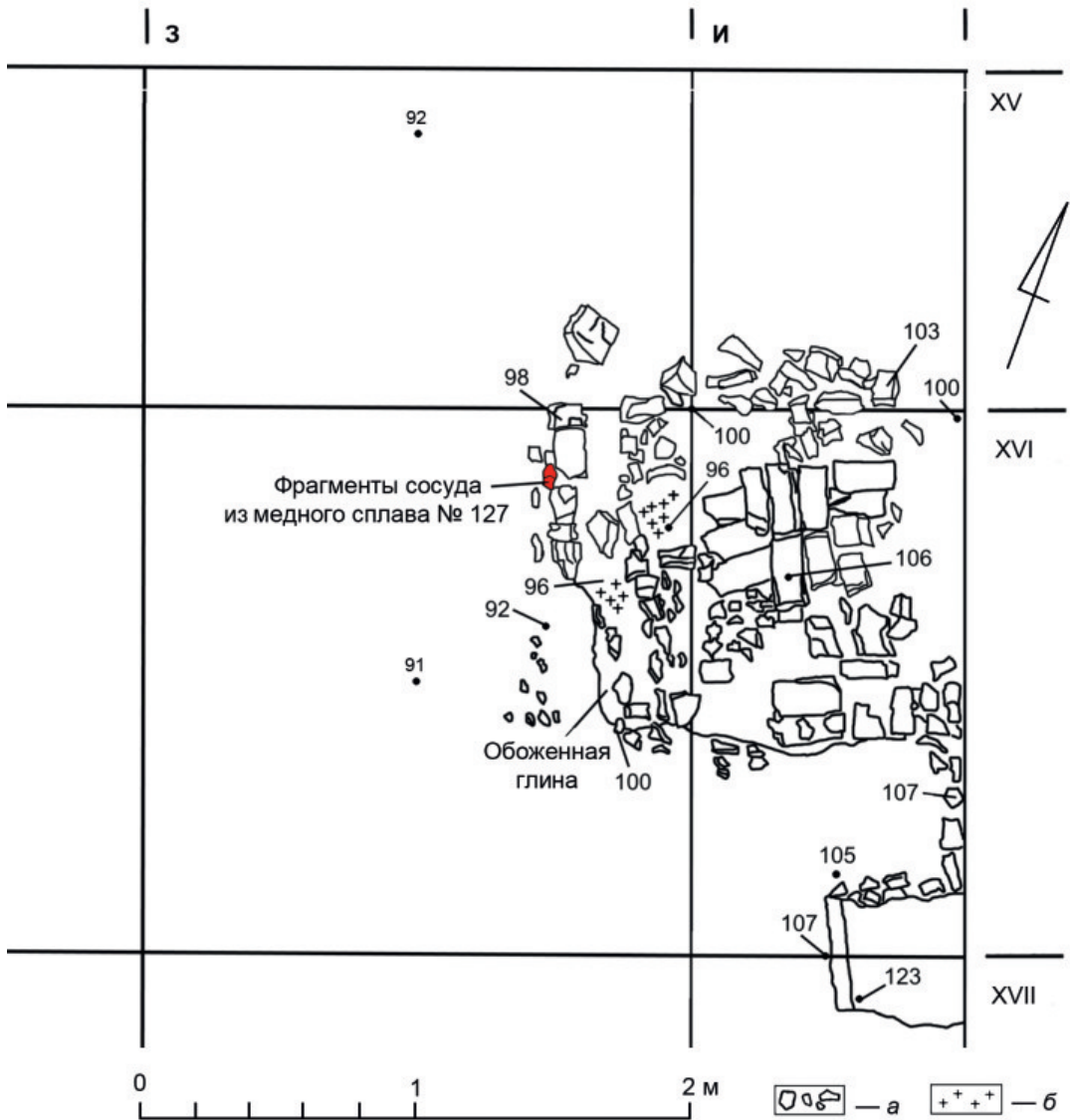

Рис. 3.20. Старая Ладога, Земляное городище, 1999 г., раскоп 3. Верх развала отопительного сооружения в квадратах 3-И XV-XVII. Условные обозначения: а — камни, кирпичи; б — уголь

запад-восток. К северо-западу от основания отопительного сооружения на границе квадратов Ж XV и 3 XV расчищено еще одно локальное скопление небольших обломков кирпичей и камней (нив. отм. 0,80–0,89 м выше R) (рис. 3.21, 1).

Судя по размерам целых кирпичей, расчищенная в северо-восточной части раскопа 3 нижняя часть прямоугольной печи и, соответственно, постройка, в которой она находилась, могут предварительно датироваться в пределах XVII — начала XVIII в. (Киселев 1986: 9, 17, 18, табл. 2, 3; Кирпичников 2000А: л. 6). Более точно время существования данного объекта будет определено далее (см. с. 219–220), на основании анализа комплекса предметов, обнаруженных в ходе его исследования. Части опечка и фрагменты самого деревянного жилища в 1999 г. еще не были выявлены; как оказалось, они залегали ниже и были исследованы в следующем сезоне

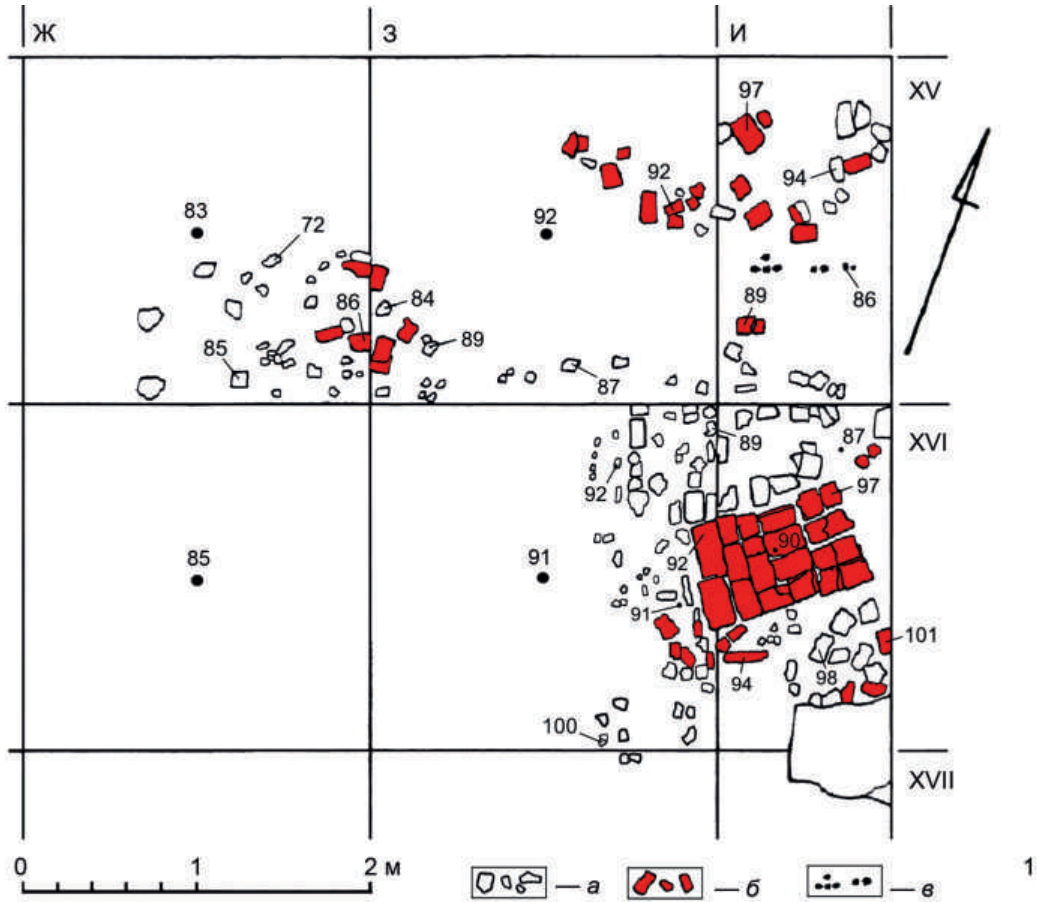

Рис. 3.21. Старая Ладога, Земляное городище, 1999 г., раскоп 3: 1 — кирпичное основание печи и развал отопительного сооружения в квадратах Ж-И XV-XVII; 2 — кирпичное основание печи в квадратах 3-И XVI. Условные обозначения: а — камни; б — кирпичи; в — угли

2000 г. Очертания развала отопительного сооружения указывают на то, что часть этого жилища могла располагаться на территории к северу и востоку от раскопа 3, исследованной в соседнем раскопе 4 в 2006 г. Однако данное предположение требует дополнительного подтверждения. Очевидно, что остатки печи преднамеренно растаскивались и разравнивались, а место расположения постройки преднамеренно нивелировалось в верхней части непотревоженного культурного слоя.

Больше под насыпью южной куртины Земляного города не обнаружилось в 1999 г. никаких объектов или комплексов. Напластования позднего средневековья — раннего нового времени были изучены тогда на глубину от 0,15 до 0,25 м (до нив. отм. 1,05–1,14 м в южной части раскопа и 0,60–0,92 м выше R в северной его части) (рис. 3.19). При этом сохранялся уклон культурного слоя к северо-западу, в сторону р. Ладожки. Остатки кирпичного основания печи в том же сезоне были разобраны, и впоследствии его наличие на указанном участке раскопа 3 никак не учитывалось.

Находки из верхней части нетронутого культурного слоя под укреплениями Земляного города конца XVI — начала XVIII в.

В ходе исследования верхней части непотревоженного культурного слоя позднего средневековья — раннего нового времени была собрана коллекция из 83 разновременных индивидуальных находок (Кирпичников 2000А: л. 7) (рис. 3.22). При их изучении важнейшей целью стало выделение из общей массы тех предметов, которые могли относиться к развалу печи с кирпичным основанием, обнаруженного в северо-восточной части раскопа 3. В 1999 г. данный вещевой комплекс не был описан и охарактеризован сколько-нибудь детально. В полевой документации обозначена только одна находка, происходившая из линзы глины с остатками данного отопительного сооружения (Там же: 6) (рис. 3.20). Но явной ошибкой было бы считать, что над остатками жилого дома могла находиться лишь эта находка. При выделении указанного комплекса предметов необходимо учитывать тот факт, что верхние напластования нетронутого культурного слоя, открытые под насыпью южной куртины Земляного города и исследованные в 1999–2000 гг., несомненно, относятся к XVI–XVII вв. Соответственно наибольшее внимание следует уделить планиграфии и стратиграфическому положению изделий, относящихся именно к позднему средневековью — раннему новому времени. Находки раннесредневековых или древнерусских вещей в данном случае однозначно являются переотложенными, попавшими в поздние слои в результате хозяйственной и строительной деятельности. Поэтому необходимо строго разделять материал и рассматривать по отдельности предметы, характерные для XVI–XVII вв., и анахронизмы. Напротив, исследование находок в общей массе создало бы искаженную картину тотальной перемешанности культурного слоя и невозможности выделения каких-либо единовременных скоплений. В результате в пределах участка, на котором располагалась печь с кирпичным основанием, были выявлены находки, которые по своей планиграфической и стратиграфической привязке, а также хронологии могут относиться к единому комплексу XVI–XVII вв. В полевой документации они учитывались как найденные при исследовании насыпи укреплений и примыкающих к ним с севера мешаных напластований или же как происходящие из верхней части непотревоженного культурного слоя.

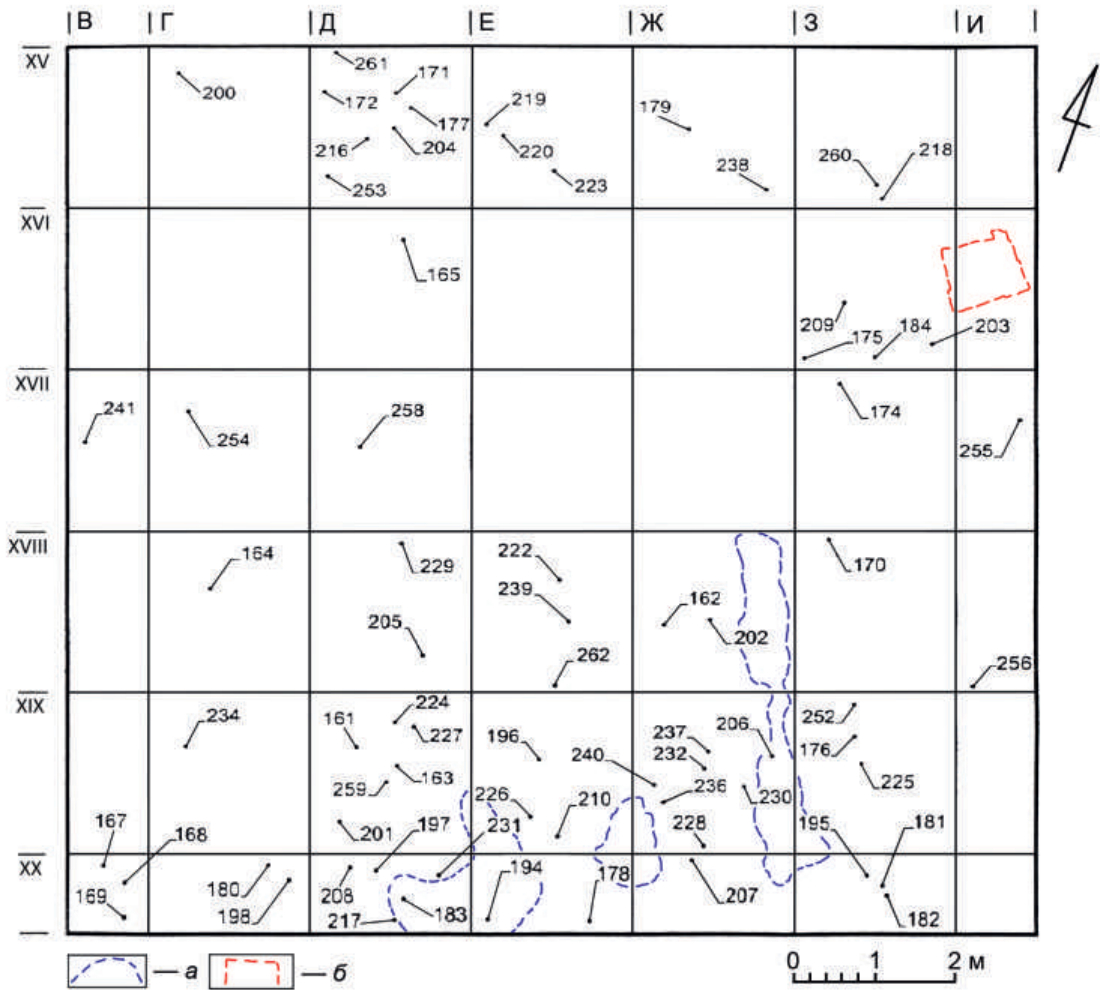

Рис. 3.22. Старая Ладога, Земляное городище, 1999 г., раскоп 3. Планиграфия индивидуальных находок из верхней части нетронутого культурного слоя под южной куртиной деревоземляной крепости. Условные обозначения: а — углубления; б — кирпичное основание печи

Непосредственно в развале печи у западного края глиняного пятна было обнаружено скопление из пяти фрагментов металлического сосуда, изготовленного из листа медного сплава толщиной $\approx 1,5$ мм. Форму сосуда невозможно определить точно (№ 127) (рис. 3.12; 3.20). Высота наиболее крупных обломков составляет 48–50 мм, ширина 40–50 мм (рис. 3.14, 3, 5–8). Верхняя часть двух пластин несколько отогнута, вероятно, в месте перехода к венчику, на одном из фрагментов имеются две заклепки (рис. 3.14, 6–8). Аналогичные фрагменты посуды из листа медного сплава, зачастую деформированные, нередко встречаются в поздних слоях русских городов и крепостей. Например, много их было обнаружено в слоях XVI–XVII вв. при раскопках в Москве, Смоленске, Пскове. Подобные находки имеются и на территории Тушинского лагеря (Кренке 2009: рис. 114; Салмина и др. 2016: 59, 62; Двуреченский 2018: 45, рис. 77, 488; Пронин, Соболев 2020: рис. 63, 4; 71, б). Судя по толщине обломков и наличию заклепок, ладожские находки могут быть остатками

котла. Посуда различных форм, изготовленная из цветного или черного металла, часто использовалась служилыми людьми в походе, а также при нахождении в лагерях и крепостях. Последнее вполне соответствует характеру населения, проживавшего на территории Земляного города конца XVI — начала XVIII в. (Кренке 2009: 75, 76; Двуреченский 2018: 45). В качестве примеров кроме находок с территории Тушинского лагеря можно указать два котла из листов медного сплава с железными дужками, обнаруженных на поле битвы под Берестечком 1651 г. (Свешников 1993: 222, рис. 54).

К остаткам кирпичного основания печи можно отнести находку свинцовой пули шарообразной формы с литником (№ 125) (рис. 3.12; 3.18, 8). Диаметр боеприпаса составляет 17 мм; он относится к группе 1, варианту 1, по типологии О. В. Двуреченского. Изделие отлито в пулелейке без смещения половинок инструмента и усадочных каверн. Пули такого диаметра относятся к крупнокалиберному ручному огнестрельному оружию — мушкетам или затинным пищалям (Двуреченский 2005: 266, 267). Подобные находки из Старой Ладogi наиболее вероятно датируются концом XVI — XVII в., учитывая, что фитильные мушкеты появились здесь лишь в XVII столетии (Миляев 2019б: 456; 2020а: 10, 12).

Интересной находкой, происходящей из развала отопительного сооружения, является замок от поясной кожаной сумки. Изделие отлито из медного сплава, размеры его составляют 34 × 32 мм; центральная часть имеет прямоугольную форму и выполнена объемной (№ 108) (рис. 3.12; 3.18, 10). Внешняя сторона замка украшена геометрическим орнаментом из прочеканенных линий и насечек, в центре имеется замочная скважина, сверху — прямоугольная сквозная прорезь. Внутри изделия располагался миниатюрный механизм, детали которого были выполнены из медного сплава; при монтаже на клапан сумки он дополнительно прикрывался изнутри квадратной железной пластиной. Поэтому вся внутренняя часть ладожской находки сильно повреждена коррозией. Кожаная сумка, закрывавшаяся на такой же замок, но целая и хорошей сохранности, была случайно найдена в Великом Новгороде на берегу Волхова. Она имеет сложный крой с тремя отделениями, отдельным дном и широкой петлей в верхней части для подвешивания к поясу. Клапан изделия обильно украшен накладками нескольких типов — центральной полукруглой, с личинкой замка на внутренней стороне, и угловыми, украшенными изображениями хищных животных. Основу композиции представляет фигура человека с поднятыми руками; по бокам ее расположены бляшки в виде птиц. В центре сумки приклепан замок, аналогичный ладожской находке. Он открывался и закрывался при помощи миниатюрного ключа (Матехина 2009: 114, табл. XXVIII). По находившимся внутри монетам новгородская находка была датирована не ранее 30-х гг. XVI в. (Гайдуков, Коньков 1993: 44). Аналогичный замок происходит из верхних мешаных слоев Рюрикова городища (Носов и др. 2017: 62, ил. 11, 10) (рис. 3.23, 5). Подобные механизмы были обнаружены и во Пскове, при раскопках Нового Торга, а схожая по крою сумка, украшенная накладками, найдена на Петровском XI раскопе в слое первой половины XVII в. (Васильев 2013: 76, рис. 1; Салмина и др. 2016а: рис. 2, 7). Вероятно, именно этим временем стоит определять верхний рубеж бытования подобных изделий. После Смутного времени они довольно быстро вышли из моды: в комплексах второй половины XVII столетия такие находки уже не встречаются. Стоит отметить, что аналогичные замки сумок обнаружены не только

в городах, но и на сельских памятниках. Например, они присутствуют в материалах селищ: Первое Ситецкое (Новгородская обл.), Слободка (Ленинградская обл.) и Заижинье (Вологодская обл.) (Зубов 2014: рис. 7; Шмелев и др. 2018: 363, рис. 2, 1, 2; Вдовиченко, Кудрявцев 2020: 97, 99, рис. 8, 1)¹³. Таким образом, интересующий нас механизм из Старой Ладogi может относиться к периоду XVI — первой половины XVII в., что не противоречит предварительной датировке основания печи по размерам кирпичей, использовавшихся при ее постройке. Стоит отметить, что при раскопках в центральной части Ладожского поселения детали и украшения подобных сумок находились не раз. Например, аналогичный замок из медного сплава был обнаружен в 2018 г. в ходе работ на участке юго-восточного прясла ладожской Каменной крепости, в слое пожара, который предположительно может быть связан с событиями Смутного времени и датирован началом XVII в. (рис. 3.23, 4).

К развалу отопительного сооружения, выявленного в 1999 г., вероятно, относится ружейный кремль, обнаруженный несколько севернее данного объекта (рис. 3.12). Изделие размерами 30 × 26 × 17 мм имеет трапециевидную форму, его края со всех сторон оббиты и выкрошены в результате множества ударов (№ 184) (рис. 3.18, 13). Предмет отличается светло-серым, почти белым цветом, что может свидетельствовать о пребывании в огне. Пищали с ударно-кремнёвыми замками различных типов появились в Московском государстве с конца XVI в. и использовались весь XVII в. (Маковская 1992: 22). При раскопках в Старой Ладoge найдено более 20 ружейных кремней, что свидетельствует о широком распространении у служилых людей данного вида ручного огнестрельного оружия (Миляев 2019б: 456).

Несколько предметов, обнаруженных в непосредственной близости от центральной части остатков отопительного сооружения, на смежных квадратах, также могут относиться к постройке, располагавшейся на данном участке. В квадрате И XV, в скоплении фрагментов кирпичей, камней и плит известняка, оставшихся после разрушения печи, была найдена свинцовая пуля шарообразной формы, отлитая в пулелейке (№ 160) (рис. 3.12; 3.18, 9). Диаметр боеприпаса составляет 17,5 мм, каких-либо усадок при литье на его поверхности нет, смещения половинок формы также не наблюдается. Литник у пули аккуратно обрезан; данное изделие, прошедшее первичную обработку, относится к группе 1, варианту 2, по типологии О. В. Двуреченского. Как уже указывалось выше, снаряды данного диаметра могли относиться к крупнокалиберным мушкетам или затинным пищалам (Двуреченский 2005: 266, 267). В Старой Ладoge подобные находки могут относиться к концу XVI — XVII в., учитывая время появления на данной территории фитильных мушкетов (Миляев 2019б: 456; 2020а: 10, 12).

Интересной находкой, которая также может иметь отношение к поздней постройке, располагавшейся в северо-восточной части раскопа 3, является перстень, отлитый из медного сплава. Он был обнаружен рядом со свинцовой пулей, описанной ранее, в непосредственной близости от развала печи и на его уровне (рис. 3.12). Размеры изделия составляют 24 × 21 × 10 мм, в центре его щитка имеется гнездо

¹³ Множество замков и накладок от подобных сумок обнаружено в ходе незаконных поисков с применением металлодетекторов. К сожалению, эти вещи не имеют контекста и, соответственно, надежных датировок. Точное место их нахождения определить чаще всего нельзя. Привлекать данные находки в качестве аналогий не представляется возможным.

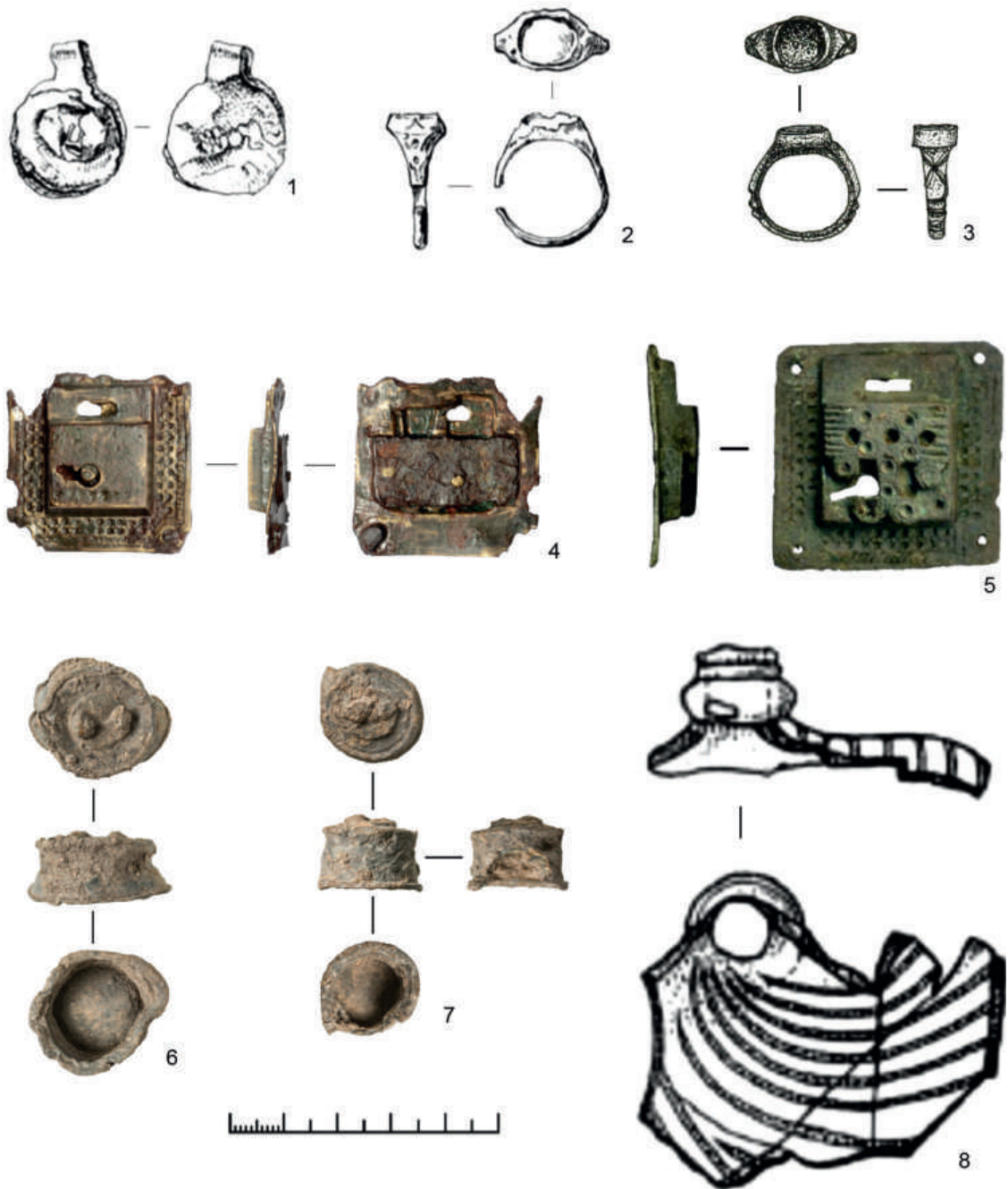

Рис. 3.23. Находки и аналогии: 1 — пломба текстильная западноевропейская; 2 — перстень с гнездом для вставки (1, 2 — Старая Ладога, Земляное городище, 2011 г.); 3 — перстень с гнездом для вставки, крепость Орешек, 1968 г.; 4, 5 — замки от поясных сумок (3–5 — Старая Ладога, каменная крепость, 2018 г.; Рюриково городище (по: Носов, Плохов, Хвоцинская 2017)); 6, 7 — крышки от штофов (Старая Ладога, каменная крепость, 2018 г.); 8 — фрагмент верхней части штофа со свинцовым горлом, Мангазея (по: Белов, Овсянников, Старков 1981). 1, 6–7 — свинец; 2–5 — медный сплав; 8 — стекло, медный сплав

округлой формы с высокими бортиками для стеклянной или каменной вставки, которая не сохранилась (№ 140) (рис. 3.18, б). Дужка перстня по бокам украшена поперечными рельефными уступами треугольного сечения, а выше них, ближе к щитку, края изделия оформлены чеканными линиями. Полностью аналогичное украшение было обнаружено А. Н. Кирпичниковым в крепости Орешек при раскопках остатков деревянных построек, датированных им первой половиной XVI в. (Кирпичников 1980: 91, 95) (рис. 3.23, 3). Однако наличие в комплексах этих построек роговых вставок с гравированным узором — элементов декора ружейных лож, а также иных характерных деталей огнестрельного оружия, указывает на более позднюю дату открытых конструкций, ближе к концу XVI — началу XVII в. (Кирпичников 1980: рис. 29, 5, 6; Миляев 2018: 225, 231, 232; 2020: 241). Дужка изделия из Орешка также украшена по бокам чеканным орнаментом в виде линий и крестов. Его размеры почти полностью соответствуют ладожской находке. Примечательно, что аналогичный перстень из медного сплава с гнездом для несохранившейся вставки был найден в ходе раскопок А. Н. Кирпичникова на Земляном городище в 2011 г. (раскоп 5) (рис. 3.23, 2). В том сезоне исследовались, в числе прочих, и напластования XVI–XVII вв., но, к сожалению, предмет обнаружен вне контекста. Похожие находки имеются на территории Сибири, например, в материалах из раскопок Албазинского острога XVII в. (Артемьев 2005: рис. 4, 19). Стоит отметить, что все описанные перстни крупного размера и, вероятно, являются мужскими.

Составной частью аналогичного украшения могла являться небольшая овальная вставка зеленого заглуженного стекла, также обнаруженная вблизи развала камней и кирпичей отопительного сооружения в северо-восточной части раскопа 3 (№ 155) (рис. 3.18, 2). Размеры находки 9,0 × 6,5 × 4,0 мм, ее внешняя сторона выпуклая, основание ровное. Принадлежность данного изделия к интересующему нас позднему комплексу является предположительной, поскольку вставки такого типа использовались в течение всего средневековья и позже. Из ближайших аналогий стоит упомянуть находку стеклянной вставки для перстня из крепости Орешек, обнаруженную также при исследовании остатков построек, вероятно, относящихся к концу XVI — началу XVII в. (Кирпичников 1980: 93).

Кроме описанных предметов, рядом с остатками отопительного сооружения и на одном уровне с ним были найдены фрагмент миниатюрной пуговицы биконических очертаний из медного сплава с обломанным ушком (№ 159), а также часть сильно корродированного железного изделия, вероятно, ножа (№ 139). Они имеют широкие датировки и вполне могут относиться к позднему средневековью — раннему новому времени.

Помимо комплекса описанных выше предметов, связанного с остатками отопительного сооружения, в верхней части культурного слоя был обнаружен еще ряд интересных отдельных находок XVI–XVII вв. Они важны для уточнения периода формирования наиболее поздних напластований, залегающих под внутренней частью южной куртины Земляного города. Среди них присутствует небольшая округлая крышка, отлитая из оловянно-свинцового сплава с винтовой нарезкой на внутренней стороне стенок. Обнаружена она в северо-западной части раскопа 3 (№ 253) (рис. 3.12; 3.18, 12). Диаметр изделия составляет примерно 25 мм, высота — 12 мм, по его верхнему и нижнему краям имеются невысокие рельефные пояски

прямоугольного сечения, а центр выделен при помощи одинарной углубленной линии, замкнутой в круг. Такие крышки предназначались для закрывания стеклянных штофов. Сама бутылка, прямоугольная в поперечном сечении, изготавливалась из стекла и имела невысокое горло, в которое вставлялась отдельная деталь с винтовой нарезкой в верхней части, отлитая из свинца (рис. 3.23, 8). Именно на нее и накручивалась крышка, которая могла дополнительно иметь миниатюрную петлю, куда вставлялось кольцо, чаще всего из проволоки медного сплава. В Старой Ладoge две аналогичные находки были обнаружены в верхних мешаных напластованиях при раскопках 2018 г. в Каменной крепости (рис. 3.23, 6, 7). Подобные крышки, а также фрагменты штофов со свинцовым горлом, имеются в археологических коллекциях Москвы и Мангазеи (Белов и др. 1981: 49, табл. 51, 1; Смирнова 2009: 148, рис. 160, 1, 4, 10–13) (рис. 3.23, 8). Сами бутылки изготавливались как из однотонного стекла, чаще всего темно-зеленого, так и в технике венецианской филигрании, с разноцветными полосами (Лихтер 2016: 51, рис. 1, 1, 2) (рис. 3.23, 8). Чаще всего фрагменты таких сосудов датируются XVII в., хотя близкие по форме изделия, закрываемые свинцовыми крышками, продолжали использоваться и в XVIII столетии (Смирнова 2009: рис. 21, 4). В Московском государстве они в основном были импортом из стран Европы.

В южной части раскопа 3 под насыпью южной куртины Земляного города в непотревоженном культурном слое был обнаружен нательный крест с прямоугольными лопастями, изготовленный из медного сплава (№ 210) (рис. 3.3; 3.18, 5). Размеры изделия 48 × 31 × 2 мм; в верхней части имеется ушко прямоугольной формы с отверстием; нижний конец удлинённый. В центре находится изображение восьмиконечного креста на Голгофе, схематично показанной в виде треугольника. По бокам вертикально расположены, предположительно, Орудия страстей, которые сохранились плохо и почти не читаются. В средокрестии помещен веночек в виде гладкого кольца. На концах трех лопастей — ромбовидные клейма с надписями. Лигатура на верхнем щитке под петлей для подвешивания, похожая на трезубец странной формы, скорее всего, представляет собой распространенную на подобных типах крестов иконографическую формулу «ЧР» — ЦР, Царь славы, отлитую довольно небрежно. Надписи в левом и правом клеймах прочитать невозможно из-за стертости рельефа. Традиционные лигатуры IC и XC изображены, соответственно, слева и справа над лопастями рельефного Голгофского креста. В основании его также имеется плохо читаемая надпись, которая, вероятнее всего, является аббревиатурой NKA или NK — Ника. Внутренняя сторона находки гладкая, без изображений или надписей. Данный нательный крест относится к типу I, подтипу 1 по классификации Э. П. Винокуровой. По иконографии, а также по особенностям изготовления он датируется XVII в. (Винокурова 1999: 333, 334, 336).

Одной из интересных находок, обнаруженной в верхней части нетронутого культурного слоя под внутренней частью южной куртины Земляного города, является западноевропейская свинцовая текстильная пломба (№ 202) (рис. 3.12; 3.18, 3). Предмет диаметром 18 мм с петлей высотой 6 мм был обнаружен в центральной части раскопа 3. На одной из сторон находки имеется немного смещенное вверх изображение в виде двух развернутых друг к другу полумесяцев. Под ними очень плохо просматриваются еще линии, впрочем состояние поверхности пломбы не позволяет утверждать это уверенно. На противоположной стороне находки каких-либо изображений не имеется. В поздних материалах Старой Ладogi такие

предметы встречаются нечасто. Например, аналогичное изделие обнаружено при раскопках 2011 г. в южной части Земляного городища, а в 2018 г. на территории Каменной крепости было выявлено еще два подобных экземпляра (рис. 3.23, 1). Все указанные ладожские находки широко датируются XVI–XVII вв. Западноевропейские текстильные пломбы обнаружены во многих русских городах и крепостях. Встречены они в Орешке, Новгороде, Москве, а также в Сибири (Кильдюшевский 1986: рис. 1, 7; Векслер, Петухов 2012: рис. 8, 1–3; 14, 2; 16; Балюнов 2013: рис. 4, 2; Гайдуков, Олейников 2019: 3, 4). Множество таких находок выявлено при раскопках шведского Выборга, а также на месте зимовки голландской полярной экспедиции Виллема Баренца (Старков, Державин 2003: табл. XIII, 1–6; Сакса 2020: ил. 103, 2–8).

Несмотря на свою немногочисленность, описанные выше находки позднего средневековья — раннего нового времени вполне доказательно определяют время формирования верхней части нетронутого культурного слоя, залегающего под южной куртиной Земляного города. Исходя из анализа археологического материала, а также датировки кирпичного основания печи, данный процесс происходил в XVII в. В свете этого стоит напомнить о находке фрагмента замка типа E, по Б. А. Колчину, описанного в разделе о предметах из насыпи укреплений. Этот артефакт обнаружен в основании вала и по аналогиям также датируется преимущественно в рамках указанного столетия. Планиграфия всех находок XVI–XVII вв., обнаруженных в 1999 г., свидетельствует о том, что большая часть их концентрировалась в северо-восточной части раскопа 3, где располагался развал позднего отопительного сооружения, а ниже выявились остатки постройки, к которому оно приурочено (рис. 3.12). Единичные изделия позднего средневековья — раннего нового времени найдены и за пределами данного комплекса в разных местах исследованного участка. Очень важен нательный крест XVII в., обнаруженный непосредственно под насыпью куртины и нивелировочными подсыпками в ее основании. Он непосредственно указывает на время возведения внутренней части фортификационных сооружений, обращенной к крепостному двору.

В верхней части нетронутого культурного слоя под укреплениями Земляного города также обнаружено немало находок, относящихся к эпохе викингов, древнерусскому времени или датируемых очень широко.

Железных предметов найдено более 20. Основная часть их представляет собой сильно корродированные и деформированные гвозди, скобы, пластины, а также их многочисленные обломки (№ 141, 147, 162, 165, 168, 169, 171, 181–183, 198, 209, 220–222, 230, 238, 240, 259–260). Также следует упомянуть фрагмент ладейной заклепки, относящийся к VIII–XII вв. (№ 229), обломок миниатюрной поллой трубочки (№ 153), а также крюк из прута прямоугольного сечения, конец которого был плавно загнут и расплюсчен (№ 164).

Из более выразительных изделий следует упомянуть обломок калачевидного кресала длиной ≈ 67 мм (№ 263) (рис. 3.14, 2). Сохранилась лишь его центральная часть с довольно высоким язычком, боковые загнутые концы обломаны. По новгородской хронологии подобные изделия относятся к X–XII вв. (Колчин 1959: 99, рис. 84, 1–3; 85; Колчин 1982: 163, рис. 4). Однако периодически встречаются и более поздние находки, вплоть до нового времени (Спиридонов 1995: рис. 5, 14).

Предметы из медного сплава представлены более разнообразными и выразительными находками. Наиболее интересен фрагмент миниатюрной ложки

из медного сплава, а именно черпало с обломанной ручкой (№ 119) (рис. 3.17, 4). Деталь размерами 43 × 25 мм имеет миндалевидную форму, глубина ее внутреннего объема составляет ≈ 7 мм. На нижней плоскости изделия с внешней стороны нанесены две чеканные параллельные линии, размещенные по его центральной продольной оси. Концы черпала плавно слегка приподняты вверх; в месте, где располагалась ручка, имеются повреждения — трещины, сколы, утраты небольших фрагментов дна и стенок. А. Н. Кирпичников предположил, что данная находка может являться обломком ложки для причастия (Кирпичников 2000А: л. 5). Однако описанный предмет по внешнему виду, материалу и орнаментации никак не соответствует евхаристическим лжицам или паломническим реликвиям, которые не раз описаны в литературе (Мусин, Степанов 2007: 107, 112–114, 118, 119, рис. 1; 3–5; 7; 8)¹⁴. Поэтому отнесение данной находки к церковным древностям не оправдано. Ложки из медного сплава, аналогичные ладожской находке, нечасто встречаются при раскопках древнерусских городов. Подобные металлические изделия с черпалами миндалевидной формы и прямыми ручками были выявлены на Рюриковом городище (последняя треть XII — начало XIII в.), в Берестье (XI в.) и Новогрудке (XI–XIII вв.) (Носов и др. 2017: 106, 107, рис. 42, 9; Лысенко 1985: 270, рис. 180, 5; Гуревич 1981: рис. 84, 1). Видимо, эти небольшие столовые приборы могли использоваться в быту древнерусской аристократией (Носов и др. 2017: 107). Схожие по форме деревянные ложки бытовали в Новгороде на протяжении XI–XIII вв. (Колчин 1968: табл. 27, 3–5, 12, 13, 17). Возможно, ладожскую находку 1999 г. с Земляного городища следует относить именно к этому периоду. Стоит отметить, что, согласно планиграфическому положению и глубине залегания, данный обломок ложки из медного сплава был обнаружен в развале отопительного сооружения из кирпича, известняковых плит и камней, относящегося к XVII в. (кв. И XVI; нив. отм. 102 выше R). Вряд ли можно сомневаться, что древнерусское изделие находилось здесь в переотложенном состоянии.

К предметам личного благочестия относится небольшой крест, отлитый из медного сплава (№ 206) (рис. 3.18, 4). Размеры изделия 18 × 12 мм. Лопасты прямые, с подпрямоугольными концами, при этом не имеется ни одной четкой грани, а ушко отсутствует. Поверхность предмета покрыта неровностями и сколами, каких-либо надписей или изображений не выявлено. А. Н. Кирпичников предположительно относил данную находку к концу X — XI в. (Кирпичников 2000А: л. 7). Однако форма и внешнее состояние не позволяют уверенно датировать ее и отнести к определенному типу. Возможно, это неудавшаяся отливка нательного креста.

В культурном слое под насыпью внутренней части южной куртины Земляного города было обнаружено также несколько деформированных пластин медного сплава с обломанными и рваными краями. У двух находок края были загнуты, образуя округлую кромку; в одном случае в сгибе оказалась специально проложена дополнительная полоска металла (№ 161, 176) (рис. 3.17, 5, 7). Скорее всего, это фрагменты венчиков сосудов, форма и тип которых неопределимы. На третьем фрагменте пластины в углу имеется круглое сквозное отверстие (№ 239) (Кирпичников 2000А: рис. 26, 239). Данные находки могли являться отходами

¹⁴ Автор благодарит ведущего науч. сотр. отдела славяно-финской археологии, д-ра ист. наук А. Е. Мусина за консультацию по данной находке.

металлообработки или же быть ювелирным ломом и использоваться в качестве сырья для переплавки в другие изделия. Датировка их очень широкая — от эпохи викингов до XVI–XVII вв. Кроме них в верхней части нетронутого культурного слоя обнаружены обломок кольца из медного сплава (№ 195) и невыразительный фрагмент оловянно-свинцового предмета, возможно, обломок литника (№ 174).

С обработкой цветных металлов связаны два фрагмента венчиков тиглей (№ 255, 256 (рис. 3.17, б)), прямых, закругленных в верхней части. Тип самих сосудов и их датировку определить затруднительно.

Изделия из кости и рога представлены несколькими находками. Наиболее выразительным из них является целый односторонний гребень группы II типа 2 по классификации О. И. Давидан (№ 172) (рис. 3.17, 2). Изделие длиной ≈ 120 мм сохранилось почти полностью, повреждения его незначительны, в основном обломаны зубья. На концах в верхней части имеются треугольные выступы, образующие небольшие «рожки». Края накладок украшены часто поставленными вертикальными бороздками, а в центре вырезан ряд отдельных фигур миндалевидных очертаний. Данные элементы имели наклон в ту или иную сторону, их контуры выполнены двойными линиями. На концевых пластинах гребня имеются циркульный орнамент и полосы по краям. Отметим, что декор накладок описанной находки 1999 г. является индивидуальным и более не встречен на изделиях группы II, обнаруженных при раскопках в Старой Ладого. На территории Земляного городища аналогичные предметы относятся к горизонту Д и датируются X — началом XI в. (Давидан 1962: 101, рис. 3; 4, 8, 9; 1999: 168, 171, 172, рис. 2; 9; 10).

Кроме целого изделия в верхней части нетронутого культурного слоя было найдено еще два фрагмента односторонних гребней группы II. Наиболее выразительный из них представляет собой обломок боковой накладки длиной 47 мм без орнамента. На внутренней стороне ее сохранился фрагмент пластины с обломанными зубьями (№ 234) (рис. 3.17, 1). Детали были соединены при помощи заклепки из стержня медного сплава. Вторая находка представляет собой небольшую часть аналогичной накладки (№ 178). Эти изделия также могут датироваться в пределах X–XI вв.

К более позднему времени относится цельный двусторонний гребень прямоугольных очертаний с отверстием для подвешивания (№ 177) (рис. 3.15, 7). Размеры находки составляют 40×34 мм, одна ее сторона сильно обломана, противоположная сохранилась лучше, на ней присутствуют единичные целые зубья. Гребни подобной формы появились в XIV в. и бытовали до нового времени включительно (Колчин 1982: 165, рис. 5). Например, полностью аналогичное изделие с отверстием было обнаружено в Мангазее и датируется XVII в. Там же имеются схожие более крупные экземпляры (Белов и др. 1981: табл. 42, 5, 7, 10). Гребни прямоугольной формы без отверстий происходят также из напластований позднего средневековья — раннего нового времени Тулы, Москвы, Вологды и других городов (Екимов, 2007: рис. 17, 5, 6; Векслер 2015: ил. 203, 11; Васильева 2012: рис. 1, 4). Кроме завершенных изделий к этой категории относится фрагмент кости со следами обработки, который можно причислить к отходам ремесленного производства (№ 175).

Находки из камня крайне немногочисленны, представлены одним оселком (№ 254) (рис. 3.17, 3) и фрагментом янтаря (№ 196). Из глиняных изделий следует упомянуть фрагмент пряслица (№ 179). На данном этапе исследований в раскопе 3

впервые было обнаружено изделие из органических материалов, а именно обрывок шерстяной нити длиной 139 мм (№ 205).

Изделия из стекла и янтаря в верхней части нетронутого культурного слоя под насыпью южной куртины и мешаными прослойками представлены бусами и обломками браслетов. При этом всего встречены лишь три фрагмента древнерусских стеклянных браслетов (№ 217, 236, 258). Бус обнаружено 24 экз.; в числе их присутствуют одно- и многочастные пронизки, бисер и отдельные бусины из янтаря (Кирпичников 2000А: л. 7, рис. 24).

Комплекс индивидуальных находок из верхней части нетронутого культурного слоя несколько отличается по составу от того, что был обнаружен в мешаных напластованиях серого гумуса. Обращает на себя внимание снижение общего количества и разнообразия вещей; при этом процент изделий из железа и медного сплава несколько увеличился. Примечательно, что находки из кости и рога представлены только гребнями, а другие многочисленные бытовые изделия, имевшиеся в вышележащих напластованиях, здесь отсутствуют совсем. Число бус и стеклянных браслетов стало заметно меньше, а вещи из других материалов вообще представлены единичными экземплярами. При этом целые предметы почти не обнаружены, а те, что есть, как правило, имеют небольшие размеры и сильно фрагментированы. Следует упомянуть также, что в ходе работ 1999 г. на раскопе 3 не было выявлено никаких следов активного ремесленного производства. Количество шлаков, отходов, заготовок, а также инструментов или их обломков крайне незначительно.

Изменилась и планиграфия находок по сравнению с мешаными напластованиями. В верхней части нетронутого культурного слоя большая часть изделий была обнаружена в южной части раскопа 3 на площади квадратов В–З XVIII–XX, то есть на участке, где выявлены западины, засыпанные слоем серого гумуса, перемешанного с глиной, щебнем, большим количеством камней и обломков известняковых плит (рис. 3.22). Вероятно, скопление небольших разновременных находок могло быть связано с перемещением грунта и земляными работами, связанными с нивелировкой местности до возведения южной куртины Земляного города. Данное обстоятельство было отмечено А. Н. Кирпичниковым в полевой документации (Кирпичников 2000А: л. 7).

Таким образом, в 1999 г. был исследован только верх нетронутого культурного слоя, перекрытый внутренней частью насыпи деревоземляных укреплений и сброшенными с нее на площадку городища пластами мешаного грунта. Как уже упоминалось, его формирование вряд ли можно относить к периоду ранее XVII в. Эта датировка находит подтверждение в материалах последующих исследований на смежном раскопе 4, располагавшемся восточнее (2006 г.). Здесь под верхними мешаными напластованиями и основанием внутренней части южной куртины были открыты первые остатки построек, отнесенные к условному горизонту А, который был датирован в общем концом XVI — началом XVIII в. (Кирпичников 2007: 199, вкладка I А). В толще условного горизонта Б, залегавшего еще ниже, обнаружены две серебряные монеты-«чешуйки» конца XVI — начала XVII в.: Бориса Годунова (1599 г.) и Василия Шуйского (1608 г.) (Григорьева, Горлов 2016: 254).

Исследование культурных напластований позднего средневековья — раннего нового времени в раскопе 3 было продолжено в следующем полевом сезоне 2000 г.

Археологические работы на раскопе 3 в 2000 г.

В 2000 г. экспедиция А. Н. Кирпичникова продолжила изучение слоя XVI–XVII вв. на раскопе 3. Его верхние напластования, изученные в 1999 г., представляли собой темный гумус, который по мере углубления в него приобретал явный коричневый оттенок из-за большого количества древесного тлена и перегнившей щепы. Этот культурный слой содержал множество углей, обломков известняковых плит и фрагментов кирпича.

В ходе работ было исследовано несколько сооружений позднего средневековья — раннего нового времени. Большая часть их локализована вдоль восточной стенки раскопа 3 полосой, вытянутой с севера на юг (рис. 3.24). В отчетной документации и публикации о результатах раскопок эти конструкции были интерпретированы как единая трехчастная постройка, в центре которой находился сруб с остатками печи в углу на деревянном настиле, а к нему с обеих сторон примыкали неотапливаемые клетки. Фрагмент еще одной постройки длиной ≈ 9 м был предположительно выявлен у южной стенки раскопа 3. При этом отмечалось, что все упомянутые сооружения могли быть объединены в единую систему. Кроме них в западной части раскопа находился отдельно стоявший жилой дом с остатками отопительного сооружения. Открытые в ходе раскопок нижние части построек несли следы пожара, который мог относиться ко времени опричного разорения Ладоги. При этом выявленные остатки сооружений рассматривались единым блоком — как первый (верхний) строительный горизонт. Датировка им была дана широкая: XVI в., не позже 1580-х гг. (Кирпичников 2001А: л. 6, 7; Кирпичников, Сорокин 2002: 151, 153, 158). Верхняя дата была обусловлена временем строительства Земляного города — 1584–1585 гг. — и тем, что часть построек оказалась перекрыта насыпью южной куртины крепости. В то время еще не были опубликованы работы, в которых подробно освещались этапы строительной истории Ладожской деревоземляной крепости в XVII — начале XVIII в. Впоследствии, после обнаружения в 2006 г. изначальной границы внутреннего склона укреплений конца XVI в., которая оказалась смещена значительно южнее, ближе к напольной части сохранившейся до наших дней насыпи, А. Н. Кирпичников предположил, что на раскопе 3 в 1999–2000 гг. все же были исследованы напластования XVII в. (Кирпичников 2007: 193). Однако подробного анализа и уточнения датировок открытых в указанное время объектов так и не последовало.

Ниже уровня залегания остатков указанных сооружений культурный слой постепенно, без резкой границы сменяется черным гумусом с включениями древесного тлена. В 2000 г. данные напластования были частично исследованы только в восточной части раскопа 3. При этом выявились остатки деревянных конструкций, выделенные А. Н. Кирпичниковым во второй (нижний) строительный горизонт, в котором также зафиксированы следы пожара. Горизонт был датирован концом XV — началом XVI в. и первоначально интерпретирован как ряд срубов-клетей или подкладочных конструкций, вытянутый с севера на юг (Кирпичников 2001А: л. 6, 8; Кирпичников, Сорокин 2002: 158). Впоследствии, в ходе раскопок 2002 г., выяснилось, что это остатки уличного настила.

Комплекс находок, обнаруженных в 2000 г., до сих пор был описан только в общих чертах, причем изделия XVI–XVII вв. зачастую не отделялись от древнерусских.

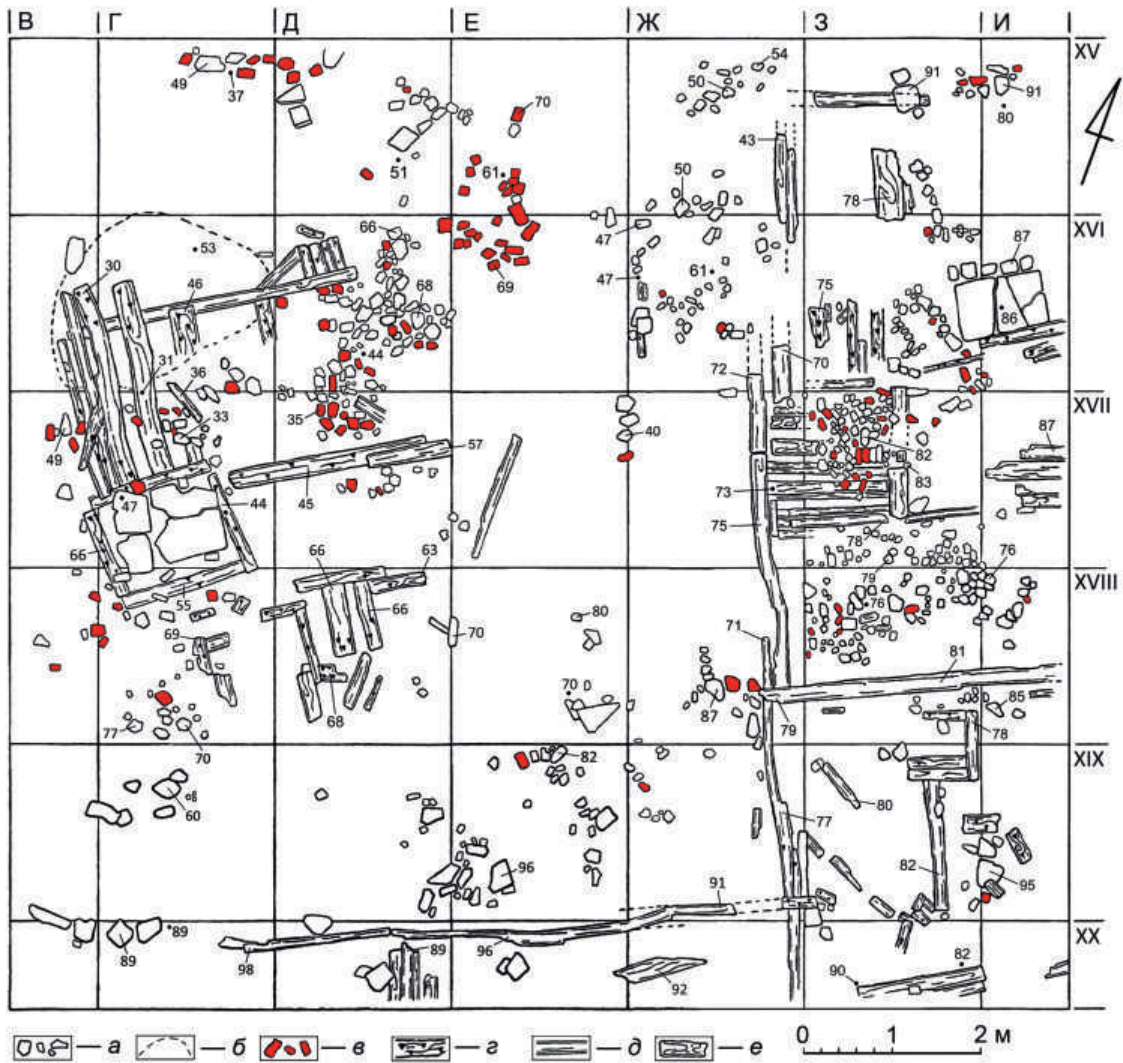

Рис. 3.24. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г., раскоп 3. План остатков построек XVI–XVII вв. первого (верхнего) строительного горизонта. Условные обозначения: а — камни; б — углубление; в — кирпичи; з — горелость; д — бревна; е — доски

Большая часть предметов залегала внутри и вокруг построек, что отмечено в полевой документации, однако состав вещевых комплексов был определен далеко не полностью. Подробного их разбора и уточнения датировок не последовало, был дан лишь широкий временной отрезок — конец XV — XVI в. К сожалению, указанные скопления предметов не нашли отражения в полевой документации. На планиграфической схеме находки отмечены сплошной массой, что затрудняет работу и создает искаженное впечатление тотальной перемешанности культурного слоя¹⁵. Между тем наличие предметов эпохи викингов и древнерусского времени в слое XVI–XVII вв. автор раскопок объяснял проводимыми на участке в древности земляными работами, перекопами и подсыпками, отмечая при этом, что серьезных нарушений слоя не наблюдается (Кирпичников 2001А: л. 7–10, рис. 17; Кирпичников, Сорокин 2002: 153–157).

¹⁵ См. с. 185, рис. 3.33.

Сейчас изучение материалов XVI–XVII вв. из раскопок разных лет на Земляном городище приобрело систематический характер. Полученные в ходе работ данные позволяют по-новому взглянуть на результаты полевых исследований 2000 г. и существенно уточнить историю освоения данного участка в эпоху позднего средневековья — раннего нового времени. Кроме того, тщательный анализ вещевого материала позволил наиболее полно определить комплексы предметов, происходящих из той или иной постройки, и существенно уточнить их датировку. В итоге сооружения, объединенные А. Н. Кирпичниковым в первый (верхний) горизонт, удалось разделить на два одновременных яруса застройки.

Особое внимание было обращено на северо-восточную часть раскопа 3, где в 1999 г. была расчищена нижняя часть печи, сложенная из кирпича на глине, предварительно датированная XVII в. В отчетной документации и публикации по результатам раскопок 2000 г. указываются два отопительных сооружения, выявленных в постройках первого строительного горизонта (Кирпичников 2001А: л. 6; Кирпичников, Сорокин 2002: 151–153). Однако в квадратах З–И XVI также было обнаружено прямоугольное основание из известняковых плит, ориентированное по линии северо-восток–юго-запад (рис. 3.24). При сопоставлении чертежей 1999 и 2000 гг. выяснилось, что на данной выкладке точно залегала нижняя часть печи из кирпича, совпадая с ней размерами, ориентировкой и нивелировочными отметками (рис. 3.25)¹⁶. Таким образом, удалось выявить третье отопительное сооружение и соответственно еще одну жилую постройку, которая в отчете и публикации считалась хозяйственной в составе трехчастной связи. Немногочисленные остатки ее сруба, сгоревшего в сильном пожаре, концентрировались в квадратах Ж–И XV–XVI (рис. 3.26). Рядом, на расстоянии $\approx 0,6–0,7$ м к югу, находились опечек и развал отопительного сооружения другого жилища, выявленного в квадратах Ж–И XVII–XVIII. Таким образом, основания двух печей находились в непосредственной близости, почти примыкая друг к другу углами. Соответственно срубы, в которых они стояли, вряд ли могли быть соединены в связь и, вероятнее всего, являются отдельными постройками. Более того, они явно одновременные, поскольку на чертеже отчетливо видно, как остатки сгоревшей постройки в квадратах Ж–И XV–XVI частично перекрывают расположенное южнее жилое сооружение и его опечек. Лучшая сохранность кладки кирпичного основания печи в квадратах З–И XVI и его нивелировочные отметки, более высокие, чем у соседнего отопительного сооружения, дополнительно указывают на то, что данное жилище можно отнести к самому позднему, 1-му, ярусу (рис. 3.25). Развал именно этого отопительного сооружения находился в верхней части нетронутого культурного слоя на уровне основания насыпи южной куртины Земляного города и был исследован в 1999 г. (нив. отм. верха кирпичного основания — 0,90–0,97 м; основания из плит известняка под ним — 0,86–0,87 м; остатков печи постройки, расположенной южнее, — 0,73–0,83 м выше R).

К 1-му ярусу верхнего строительного горизонта относится также отдельно стоявшая жилая постройка, выявленная в западной части раскопа 3 в квадратах В–Д XVI–XVIII. С указанным выше сооружением в северо-восточной части

¹⁶ Некоторое смещение кирпичной кладки печи относительно основания из плит, вероятно, следует объяснить погрешностями при ручном черчении, которые незначительны и не составляют более 0,10–0,15 м.

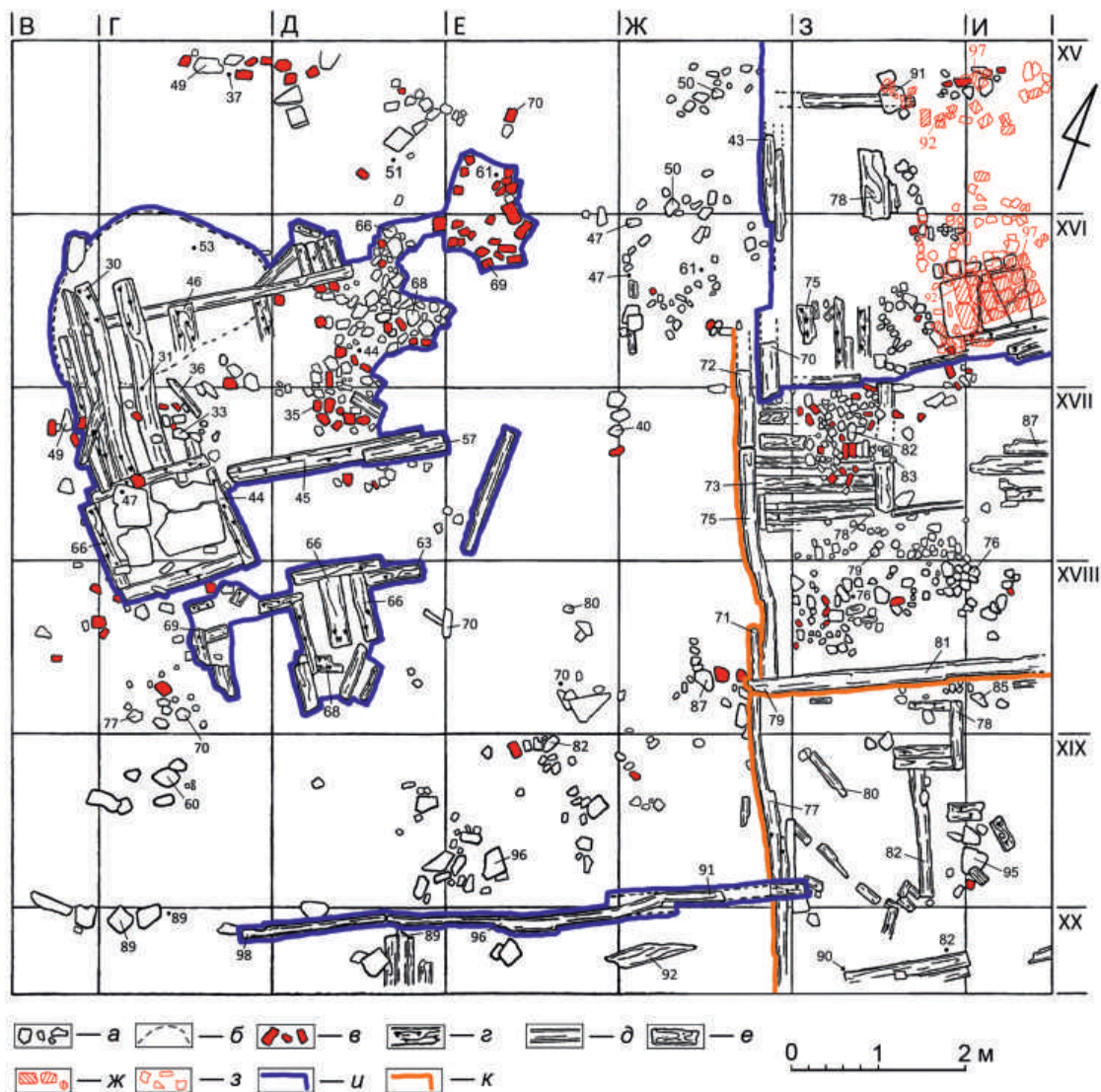

Рис. 3.25. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г., раскоп 3. Разделение остатков сооружений XVI–XVII вв. первого (верхнего) строительного горизонта на разновременные ярусы застройки. Условные обозначения: а — камни; б — углубление; в — кирпичи; г — горелость; д — бревна; е — доски; ж — кирпичи 1999 г.; з — камни 1999 г.; фрагменты сооружений: и — 1-го яруса застройки; к — 2-го яруса застройки

территории исследования ее роднят схожие размеры, а также детали конструкции срубов, одинаковая ориентировка, абсолютная идентичность отопительных сооружений, датировка, характер и специфика вещевых комплексов. Все это свидетельствует о несомненной синхронности этих жилищ. Особо стоит отметить, что оба дома погибли в сильном пожаре, их остатки обуглены, а нижние окладные венцы почти не сохранились. К тому же ярусу застройки следует отнести бревно длиной 6,5 м, расчищенное у южной стенки раскопа 3 в квадратах Г–Е XX и Ж–З XIX. Оно имело высокие нивелировочные отметки, наиболее схожие с уровнем залегания двух сгоревших построек в западной и северо-восточной частях раскопа 3 (0,86–0,93 м выше R).

Деревянные конструкции в квадратах Ж XIX–XX, находившиеся под восточным краем этого бревна, никак с ним не связаны, располагаясь на 0,10–0,15 м ниже.

Ко 2-му, более раннему, ярусу первого (верхнего) строительного горизонта можно отнести одно жилое сооружение, располагавшееся в квадратах Ж–И XVII–XVIII (рис. 3.25). Сохранились окладные венцы сруба, в северо-западном углу которого открыта нижняя часть опечка, отличавшегося по конструкции от тех, что стояли внутри домов 1-го яруса. Изначально А. Н. Кирпичников считал данную постройку центральной в трехчастной связи. С юга к ней примыкали остатки плохо сохранившихся деревянных конструкций, которые могли быть остатками настила или некоего легкого хозяйственного сооружения. По крайней мере их сложно отнести к частям сруба. Важной особенностью, которая отличает постройки 2-го яруса, является то, что на них не прослеживалось столь разрушительных следов воздействия огня. Это четко отражено на чертеже (рис. 3.24) и заметно на фотографиях. Тем не менее внутри них были найдены отдельные горелые фрагменты дерева, поэтому нельзя исключать, что и эта застройка могла пострадать от пожара.

Таким образом стало очевидным, что в ходе работ 2000 г. был исследован не единовременный строительный горизонт с многочастным сооружением в восточной части раскопа 3, а отдельные постройки, относящиеся к двум разным ярусам и временным периодам. Ниже их, в слое черного гумуса, оказался частично исследован верх конструкций второго строительного горизонта рубежа XV–XVI вв., который в данной работе не рассматривается.

Каждому из выявленных ярусов застройки первого (верхнего) строительного горизонта далее дается отдельная характеристика, с указанием уточненных датировок всех сооружений и подробным анализом выявленных комплексов находок.

1-й ярус застройки первого (верхнего) строительного горизонта

В северо-восточной части раскопа 3 в квадратах Ж–И XV–XVI были выявлены плохо сохранившиеся остатки сгоревшей в пожаре жилой постройки (рис. 3.26). Видимо, в 2000 г. сооружение исследовано не полностью, его северо-восточная часть находилась тогда за пределами раскопа. Впоследствии слои XVI–XVII вв. на смежном участке раскапывались в 2006 г., и жилище было изучено целиком. Однако сведение воедино чертежей разных лет с конструкциями, найденными в верхних поздних напластованиях южной части Земляного городища, является задачей будущих работ. Так или иначе, судя по площади распространения горелого дерева, размеры постройки вряд ли превышали 4,5 × 4,5 м.

Наиболее важным и сохранившимся объектом, обнаруженным в пределах этого жилища, является плитняковое прямоугольное основание печи, нижняя часть которой, сложенная из кирпича на глине, была изучена в 1999 г. (кв. 3–И XVI) (рис. 3.21; 3.26). Его размеры составляли порядка 0,84 × 1,00 м¹⁷. Большая часть конструкции, ориентированной, как и вся постройка, в направлении северо-восток–юго-запад, была сложена из двух крупных известняковых плит (нив. отм. 0,86–0,87 м выше R). Величина расчищенных камней — 0,45 × 0,66 и 0,55 × 0,60 м,

¹⁷ Описываемая постройка в 2000 г. не фотографировалась, однако плитняковое основание ее печи можно видеть в левой части снимка, где изображено более раннее сооружение, расчищенное южнее (рис. 3.53, 1).

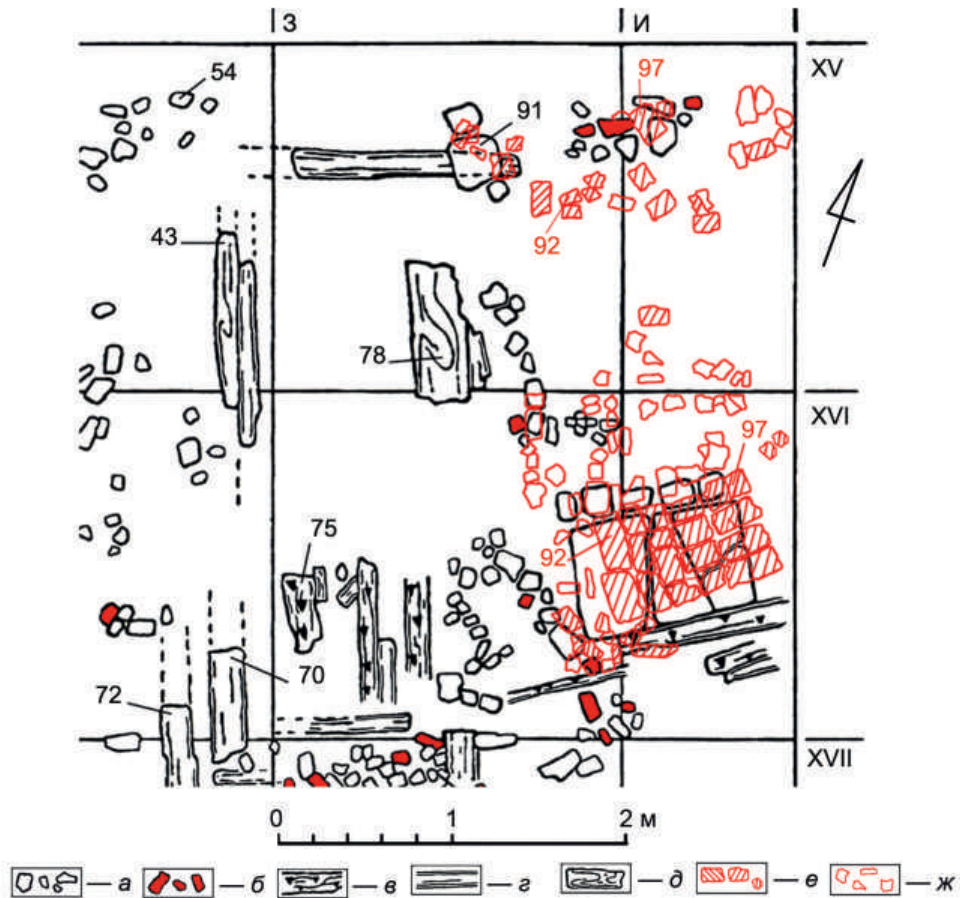

Рис. 3.26. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. План остатков жилого сооружения 1-го яруса застройки в северо-восточной части раскопа 3 (квадраты Ж–И XV–XVI). Условные обозначения: *а* — камни; *б* — кирпичи; *в* — горелость; *г* — бревна; *д* — доски; *е* — кирпичи 1999 г.; *ж* — камни 1999 г.

один из них был расколот на три части. Северная сторона основания представляла собой ряд из пяти небольших плит. С юга к этой вымостке вплотную примыкало обгорелое бревно, восточный край которого находился за пределами исследованного участка. Его выявленная длина составляла не менее 1 м, диаметр — $\approx 0,15$ м. Несомненно, это был нижний венец сильно разрушенного, видимо, срубного опечка¹⁸. Три других венца данной конструкции — с севера, запада и востока — не сохранились. Основание из каменных плит, возможно, было уложено на подкладки из дерева и небольших камней.

Основная часть развала этой печи была исследована в 1999 г. В 2000 г. внутри постройки было выявлено еще некоторое (незначительное) количество остатков разрушенной верхней части отопительного сооружения. Локальные скопления кусков разбитых кирпичей и плит известняка зафиксированы к западу и северу от опечка (нив. отм. от 0,7 до 0,9 м выше R). За пределами сооружения в квадратах Ж XV–XVI также были расчищены участки, где на более низком уровне залегали камни и плиты, но относились ли они к той же печи, уверенно определить невозможно (рис. 3.24).

¹⁸ Вследствие плохой степени сохранности и обугленности остатков деревянных сооружений, исследованных в раскопе № 3 2000 г., размеры их элементов указываются приблизительно.

Остатки самого сруба сохранились плохо и представлены в основном разрозненными фрагментами горелого дерева, чьи контуры могут быть обозначены лишь приблизительно (нив. отм. от 0,7 до 0,78 м выше R) (рис. 3.26). Западная стена жилой постройки располагалась в квадратах Ж XV–XVI и маркировалась тремя фрагментами бревен длиной 0,6–1,0 м и диаметром \approx 0,15–0,20 м. Они располагались в линию и были ориентированы в направлении север–юг. При этом два центральных бревна лежали вплотную друг к другу на довольно низкой отметке (0,43 м выше R). Можно предположить, что они являлись подкладками под нижний окладной венец сруба. Южная граница жилища находилась в квадратах Ж–И XVI. Здесь, за опечком, у восточной стенки раскопа, были раскрыты концы сильно обгорелых бревен шириной 0,12–0,15 м и длиной \approx 0,50 м, которые частично перекрывали друг друга. Они располагались параллельно основанию отопительного сооружения и, вероятно, могли быть остатками нижнего венца жилой постройки и его подкладкой. Далее к западу линию стены дома продолжают также ориентированные незначительные остатки обугленной древесины, расчищенные на смежном участке. Юго-западный угол сгоревшего жилища предположительно располагался в квадрате Ж XVI на отметке 0,7 м выше R.

Во внутреннем пространстве данной постройки остатков пола почти не сохранилось. В ее северной части (кв. 3 XV) был расчищен кусок бревна длиной 1,30 м и диаметром 0,17 м, ориентированный по направлению запад–восток. Его можно интерпретировать как часть лаги. В этом же квадрате выявлен обломок доски размерами 0,8 \times 0,3 м, лежащий перпендикулярно предыдущему и, вероятно, являвшийся остатком половицы. К фрагментам конструкции пола можно также предположительно отнести скопление коротких обугленных плах, бревен и фрагментов досок, выявленное юго-западнее основания печи. Куски дерева длиной от 0,4 до 0,8 м и шириной 0,12–0,20 м лежали параллельно друг другу в направлении север–юг. Это могли быть как остатки самого настила, так и подкладки под его лаги. В целом стоит отметить, что плохая сохранность данного сооружения является не только следствием его гибели в сильном огне, но и последующей разборки пожара и нивелировки территории. Об этом можно судить по отсутствию сильных завалов дерева, которые явно были убраны, а также по разбросанности остатков отопительного сооружения, часть которых также может залегать в верхних напластованиях смежного раскопа 4, исследованных в 2006 г.

Из находок, относящихся к архитектурным деталям здания, можно отнести три фрагмента слюдяных вставок в деревянные оконные рамы. Все они были обнаружены в квадрате Ж XVI (нив. отм. 0,75 м выше R) у его западной стены (№ 18, 64, 132). Имеются пластины двух форм — ромбовидной и прямоугольной, размеры наиболее сохранившихся из них составляют 65 \times 79, 40 \times 53, 32 \times 45 мм, по краям имеются отверстия для сшивания их нитью друг с другом¹⁹. Можно предположить, что на фасаде жилища было два «красных» световых окна, вероятнее всего, квадратной формы, которые имели различные по конфигурации переплеты. Однако в литературе известны сохранившиеся образцы «оконниц», в заполнении которых сочетались слюдяные пластины нескольких геометрических форм (Бломквист 1956: рис. 16, 2; Бодэ и др. 2019: рис. 16).

¹⁹ См. с. 179, рис. 3.31, 2–4.

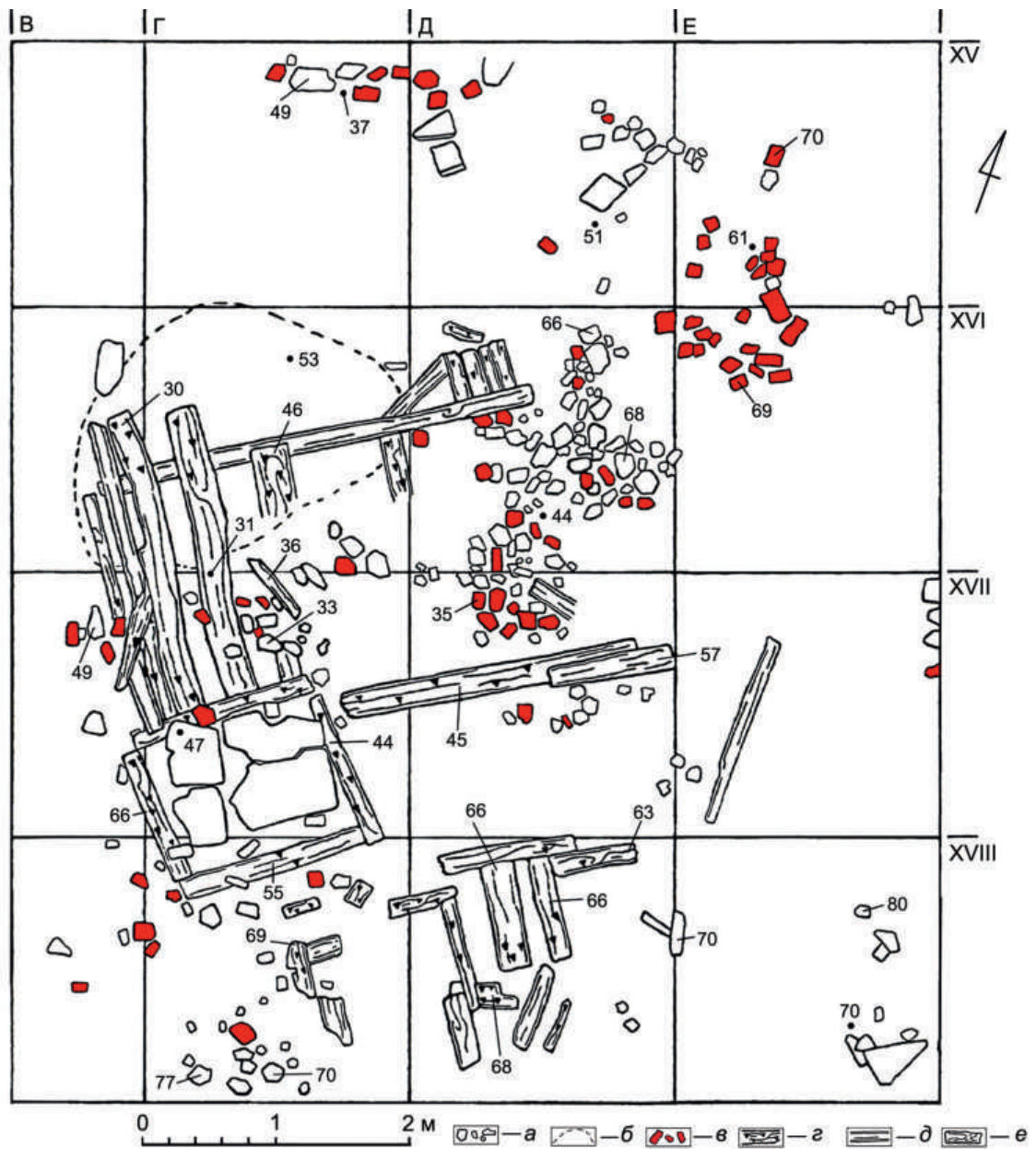

Рис. 3.27. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. План остатков жилого сооружения 1-го яруса застройки в западной части раскопа 3 (квадраты В–Д XVI–XVIII).
Условные обозначения: *а* — камни; *б* — углубление; *в* — кирпичи; *г* — горелость; *д* — бревна; *е* — доски

Необходимо отметить, что остатки данной постройки и ее отопительного сооружения лишь незначительно перекрывались с южной стороны краем внутренней полы насыпи южной куртины. В основном на данном участке поверх нетронутого культурного слоя, в котором они были выявлены, залежали пласты серого гумуса, сброшенные с верхней части укреплений Земляного города на склон вала и площадку городища в ходе дефортификации. При этом фрагменты деревянных конструкций сгоревшего дома и плитняковое основание его печи располагались примерно на 0,15–0,25 м ниже основания вала. Верх развала отопительного

Рис. 3.28. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Жилое сооружение 1-го яруса застройки в западной части раскопа 3 (квадраты В–Д XVI–XVIII): 1 — вид с северо-запада; 2 — вид с запада

сооружения из кирпича и плит известняка находился на уровне его подошвы или глубже на 0,03–0,10 м.

Второе жилище, относящееся к 1-му ярусу первого (верхнего) строительного горизонта, по А. Н. Кирпичникову, было обнаружено в западной части раскопа 3, в квадратах В–Д XVI–XVIII. На этом участке были расчищены остатки избы, погибшей в пожаре. Судя по площади распространения обгоревших фрагментов конструкции, размеры ее также не превышали 4,5 × 4,5 м (нив. отм. от 0,66 до 0,30 м выше R) (рис. 3.27; 3.28). Нижние окладные венцы сооружения отсутствовали, при этом сохранились два параллельно лежавших бревна — лаги под настил пола, ориентированные в направлении северо-восток–юго-запад. Первая лага, диаметром ≈ 0,15 м, располагалась в квадратах В–Д XVI и сохранилась на длину 3,3 м (нив. отм. ≈ 0,3–0,4 м выше R). Изначально она располагалась вдоль северной стены постройки. Вторая, диаметром чуть более 0,2 м, находилась в квадратах Г–Д XVII и явно лежала вблизи южной стены дома (нив. отм. 0,45 м выше R). Она была короче, ≈ 2,25 м, поскольку своим западным концом примыкала к опечку. Расстояние между переводинами составляло 1,8 м, подкладками под них в основном служили камни и колотые плиты известняка. Однако в квадрате Д XVI был выявлен ряд из четырех обрубков бревен, диаметром 0,12–0,14 м и длиной ≈ 0,5 м, уложенных вплотную друг к другу под восточный край длинной лаги. Подобный строительный прием часто встречается при исследованиях древнерусских построек Новгорода (Засурцев 1959: рис. 2, 1) (рис. 3.27; 3.28, 1). Однако для поздних ладожских жилых и хозяйственных сооружений XVI–XVII вв. он в целом нехарактерен, в них в подавляющем большинстве случаев использовались одиночные подкладки.

В западной части остатков сгоревшего жилого дома в квадратах В–Г XVI–XVII поверх переводин был выявлен сохранившийся участок пола, набранного из досок (рис. 3.27; 3.28, 2; 3.29). Они были уложены в направлении северо-запад–юго-восток поперек лаг и своими южными концами примыкали к опечку. Наибольшая зафиксированная длина половиц составляла 2,2–2,3 м, ширина — 0,15–0,30 м. Всего было выявлено пять досок. С западного края остатков сооружения (кв. В–Г XVI–XVII) в конструкцию настила входили два тонких бревна или жерди диаметром 0,10–0,15 м и длиной 1,8–2,3 м. Данный факт подтверждается как фотографиями, так и чертежами (рис. 3.29). Остатки пола лежали наклонно в сторону опечка, ближе к лаге наблюдалась явная западина и прогиб половиц. Нивелировочные отметки верхних (северо-западных) концов досок — 0,30–0,46 м, нижних (юго-восточных) — 0,33–0,34 м выше R. Впоследствии на данном участке была обнаружена хозяйственная яма — подпол сгоревшего сооружения (рис. 3.29, 2).

В квадратах Г XVII–XVIII выявлена нижняя часть отопительного сооружения, располагавшегося в юго-западном углу сгоревшей жилой постройки (нив. отм. от 0,66 до 0,44 м выше R). Прямоугольный срубной опечек размерами ≈ 1,4 × 1,6 м был сооружен из бревен диаметром 0,13–0,17 м и ориентирован, как лаги пола, по линии северо-восток–юго-запад (рис. 3.27; 3.28). Рубка, вероятнее всего, производилась «в обло». Во внутреннем пространстве опечка было расчищено каменное основание, сложенное насухо из четырех колотых известняковых плит (нив. отм. 0,47 м выше R). Две наиболее крупные, величиной 0,37–0,48 × 0,80 м, находились в восточной части конструкции и лежали длинными сторонами по направлению центральной оси опечка. С запада к ним примыкали две меньшие плиты размерами 0,38 × 0,45–0,50 м,

1

2

Рис. 3.29. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Жилое сооружение 1-го яруса застройки в западной части раскопа 3 (квадраты В–Д XVI–XVIII), фрагменты пола и опечек:
1 — вид с запада; 2 — вид с северо-запада, на переднем плане западина хозяйственной ямы

уложенные поперечно. Конструкция была выровнена при помощи подкладок из коротких кусков дерева, досок и плах, а также небольших камней (рис. 3.29).

На каменном основании внутри деревянного опечка изначально находилось отопительное сооружение, однако на своем месте оно не сохранилось, было сильно разрушено и растащено. Развал печи оказался сдвинут в восточную часть остатков сгоревшей постройки, а также за ее пределы и располагался в квадратах Д XVI–XVII и Е XV–XVI (рис. 3.24; 3.27). Он представлял собой крупное скопление фрагментов кирпича, камней, обломков плит известняка, имевшее овальные очертания и вытянутое по направлению север–юг. Наиболее плотной являлась южная часть развала (нив. отм. 0,35–0,68 м выше R), севернее остатки печи залегали более разрозненно и чуть выше (нив. отм. 0,6–0,7 м выше R). Вокруг опечка находились только разрозненные небольшие куски колотых известняковых плит и кирпичей, преимущественно в квадратах Г XVI–XVII. Впоследствии под ними были открыты прогнувшиеся и обгоревшие доски пола постройки (рис. 3.29). Все свидетельствует о том, что после гибели жилого дома остатки его отопительного сооружения преднамеренно разбирались и нивелировались для устранения последствий пожара. К развалу этой печи могут относиться также небольшие скопления обломков кирпичей и известняковых плит, выявленные к северу от нее в квадратах Г–Д XV, однако уверенно утверждать это нельзя²⁰.

Юго-восточнее опечка данной постройки на расстоянии чуть более 0,2 м от него в квадрате Д XVIII было расчищено скопление обгоревших фрагментов дерева (рис. 3.24; 3.27; 3.28). Обращают на себя внимание два наиболее крупных из них, длиной 0,4 м и шириной 0,08–0,10 м, лежавших вплотную друг к другу перпендикулярно общей ориентации остатков жилого сооружения (нив. отм. 0,66 м выше R). С севера, востока и запада к ним примыкали три схожие по параметрам короткие бревна или плахи, расположенные в линию параллельно лагам пола и опечку. Вероятно, они являются подкладками под нижний венец южной стены сгоревшей жилой постройки. Вокруг данной группы, а также в смежных квадратах Г VIII и Е XVII были расчищены несколько фрагментов дерева со следами пожара, лежавшие без всякого порядка. Стоит отметить, что завалов сгоревших, обвалившихся стен и кровли сооружения вокруг его остатков выявлено не было. Это также свидетельствует о разборе руин дома после его гибели.

В северо-западной части сгоревшей постройки, в квадратах В–Г XVI, под обугленными остатками ее пола был обнаружен примечательный объект, а именно хозяйственная яма, которая, видимо, являлась подполом данного жилого дома (рис. 3.24; 3.27). Она имела овальные очертания и размеры $\approx 0,85 \times 1,30$ м. Верх западины зафиксирован на отметке 0,55 м выше R; судя по уровню залегания нахонок в ее заполнении, дно находилось примерно на уровне 0,04 м, то есть полная глубина ямы составляла $\approx 0,5$ м, стенки, судя по фотографиям, были довольно пологими, нижняя часть объекта имела плавные очертания (рис. 3.29). Необходимо

²⁰ А. Н. Кирпичников указывает, что в слое коричневого гумуса были найдены несколько целых кирпичей, размеры которых составляли $248 \times 127 \times 50\text{--}67$ мм (Кирпичников 2001: 6; Кирпичников, Сорокин 2002: 156). Однако где именно в пределах раскопа они были обнаружены и на каких нивелировочных отметках, не уточняется. К сожалению, невозможно определить, к какому ярусу построек XVI–XVII вв. принадлежали данные кирпичи, и использовать их в качестве дополнительного датировочного материала.

отметить, что большие, сильно углубленные подполы нехарактерны для построек Ладоги XVI–XVII вв. Близость влажного анаэробного культурного слоя делала их сооружение весьма проблематичным. Аналогичная ситуация типична и для средневекового домостроительства Новгорода (Засурцев 1963: 78). На данный момент с уверенностью можно говорить только о двух таких объектах, изученных при раскопках поздних построек на Земляном городище (включая описанный). Похожая хозяйственная яма с провалившимися в нее обгоревшими досками пола была обнаружена в 2006 г. (Миляев 2020: 224). В подполе, исследованном в ходе раскопок 2000 г., выявлен ряд находок — железные предметы, в том числе деревообрабатывающие инструменты, а также набор для игры в «бабки». Таким образом, он использовался в качестве хранилища бытовых изделий, а также, возможно, съестных припасов, принадлежавших жителям сгоревшего дома.

Некоторые сведения о конструкции исследованного жилого сооружения дают находки, связанные с различными архитектурными элементами, изучение которых археологическими методами затруднено. Наиболее интересная из них была обнаружена среди подкладок под известняковыми плитами основания отопительного сооружения. Внутри опечка, в его юго-западном углу (кв. Г XVIII), расчищено деревянное изделие размерами $\approx 0,25 \times 0,45$ м, собранное из двух дощечек толщиной не более 0,03–0,04 м. Они были сложены длинными боковыми кромками вплотную друг к другу (рис. 3.29, 1) и скреплены поперечными планками в пазах, вероятно, типа «ласточкин хвост». Верхние плоскости на концах поперечин были косо срезаны (рис. 3.30, 1). По схожей схеме собирались двери жилых и хозяйственных сооружений в течение всего средневековья и раннего нового времени (Засурцев 1959: 275, 276, рис. 3; Белов и др. 1981: 17, табл. 3, 1–4). Находка известна только по фотографиям, но видно, что она почти не имеет повреждений и, скорее всего, сохранилась целиком. Для двери размеры изделия слишком малы, и А. Н. Кирпичников предположил, что оно являлось ставней (Кирпичников 2001А: л. 6). Действительно, в XVII в. для утепления окон зафиксировано использование деревянных щитов, обитых тканью или войлоком, которые вставлялись в оконные проемы изнутри помещений (Громов 1979: 199). В это же время использовались ставни, закрепленные на петлях с внутренней стороны помещения (Бодэ и др. 2019: 264). Однако форма световых «красных» окон в жилых постройках XVI–XVII вв. чаще всего была близка к квадратной и имела большие размеры, чем описанная выше находка (Штакельберг 1965: рис. 2; Белов и др. 1981: табл. 5, 9–11). Более вероятно, что этот прямоугольный щиток, собранный из двух досок, являлся задвижкой волокового окна, прикрывавшей его изнутри помещения. Такие небольшие проемы высотой в один венец прорубались на фасаде дома почти под самой крышей, а также по бокам от центрального светового квадратного окна (Бломквист 1956: 119, 120, рис. 16, 1; Громов 1979: 189, 199). Волоковые окна с аналогичными задвижками имеются на ряде сохранившихся памятников деревянного зодчества Северной Руси конца XIV — XVI в. (Бодэ и др. 2019: 254–258, рис. 2–4) (рис. 3.30, 2). Таким образом, мы можем судить о некоторых архитектурных деталях ладожских построек XVI–XVII вв., их конструкции и параметрах. Подобные находки встречаются редко и заслуживают самого пристального внимания.

Важными находками являются также крупные фрагменты слюдяных вставок в оконные переплеты — «окончины». Скопление из трех таких изделий было

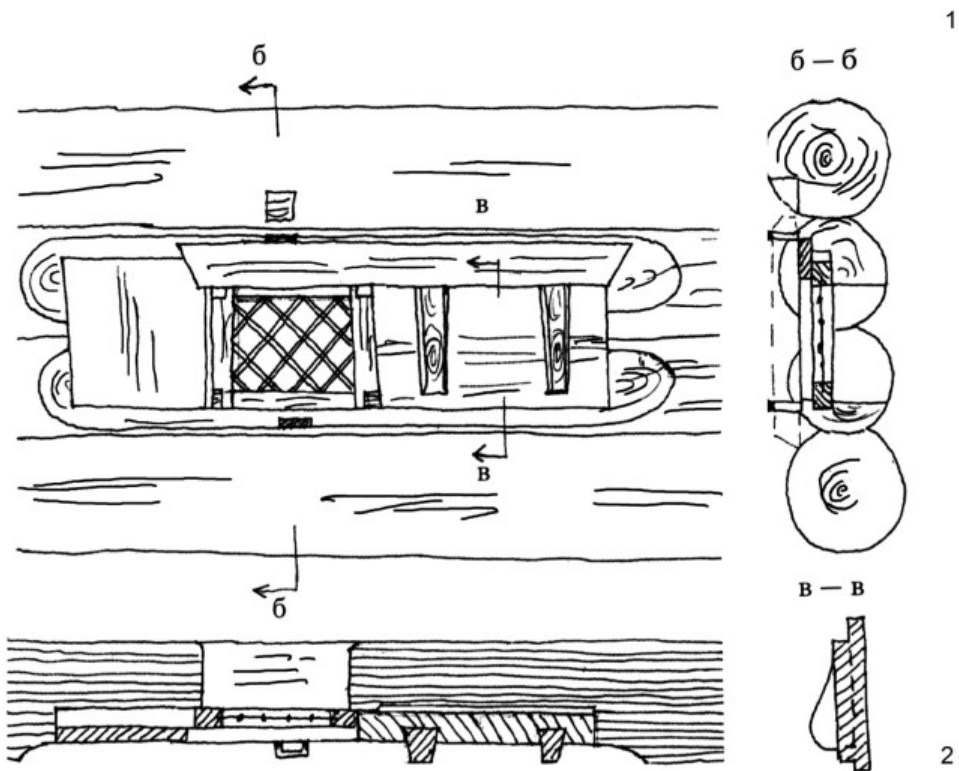

Рис. 3.30. 1 — деревянная задвижка волокового окна внутри печка жилого сооружения 1-го яруса застройки в западной части раскопа 3, вид с севера; 2 — волоковое окно в южном приделе церкви Рождества Богородицы из с. Передки (1531 г.) (по: Бодэ и др. 2019)

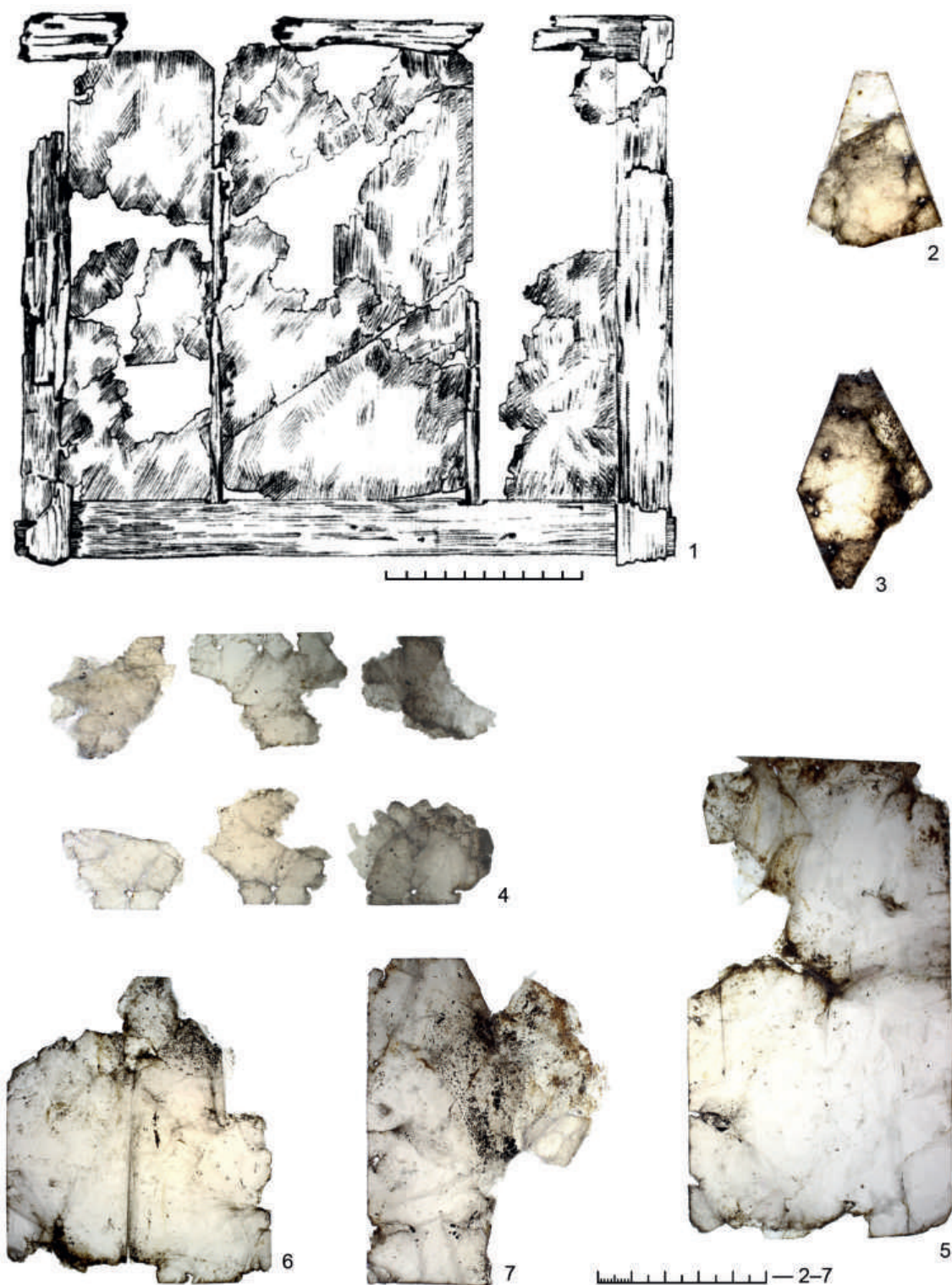

Рис. 3.31. 1 — деревянная оконная рама с переплетом и вставками из слюды (Старая Ладога, Земляное городище, 1957 г. (по: Штакельберг 1965)); 2-7 — фрагменты слюдяных вставок в оконные рамы (№ 64, 132, 18, 412) (Старая Ладога, Земляное городище, раскоп 3, 2000 г.)

обнаружено в квадрате Д XVII на отметке у конца южной лаги пола, недалеко от развала печи жилого сооружения и на одном уровне с ним (нив. отм. 0,33 м выше R) (№ 412). Все вставки имеют прямоугольные очертания, размеры наиболее сохранившихся из них составляют $0,075 \times 0,140$ и $0,070 \times 0,095$ м, по краям изделий пробиты ряды отверстий для сшивания их внахлест нитью (рис. 3.31, 5–7). Таким образом, кроме волоковых на фасаде жилого дома было одно или два световых квадратных «красных» окна, деревянный переплет которых, судя по форме слюдяных «окончин», был «образчатым», то есть разделял внутреннее пространство рамы на прямоугольные ячейки (Бломквист 1956: 120).

Важно, что сгоревшие остатки данной жилой постройки залегали ниже основания южной куртины Земляного города примерно на 0,1–0,3 м. При этом поверхность культурного слоя над фрагментами избы с юга частично перекрывалась полой насыпи вала из светлого материкового песка и краем ее нивелировочной подсыпки. Однако преимущественно выше нетронутых напластований на этом месте залегали пласты мешаного серого гумуса.

К остаткам сооружений 1-го яруса застройки относится также бревно длиной 6,5 м и шириной 0,10–0,16 м, расчищенное вдоль южной стенки раскопа 3 в квадратах Г–Е XX, Ж–З XIX (рис. 3.24). Оно располагалось несколько выше, чем описанные ранее жилые постройки, однако это неудивительно, принимая во внимание уклон древней дневной поверхности с юга в сторону р. Ладожки (нив. отм. 0,86–0,93 м выше R). Никаких отчетливых конструктивных элементов, позволяющих отнести это бревно к какому-либо срубу, не выявлено, а сооружения 2-го яруса застройки располагались глубже его восточного края примерно на 0,10–0,14 м (рис. 3.32, 1). Однако данный объект можно связать с деревянными конструкциями, оформлявшими изначальный внутренний склон южного вала Земляного города, возведенного в конце XVI в. Остатки этих сооружений обнаружены на смежных, примыкавших с востока, раскопах 4 и 5 (2006 и 2011 гг.), в напластованиях XVI–XVII вв. Вдоль южных стенок обоих исследованных участков почти на границе линий квадратов XIX–XX находился ряд столбовых ям диаметром 0,30–0,35 м и глубиной 0,57–0,66 м. Они были вырыты на расстоянии около 2 м друг от друга в направлении северо-восток–юго-запад. Вдоль ям, с их северной стороны, зафиксированы фрагменты бревен длиной от 1 до 3 м, лежавших в том же направлении (нив. отм. 0,74–0,99 м выше R) (рис. 3.32, 2). А. Н. Кирпичников предположил, что это могли быть остатки подпорной стенки, укреплявшей внутреннюю часть куртины со стороны двора крепости (Кирпичников 2007: 199, 200, вкладка I А, II Б). Именно линию данных конструкций четко продолжает бревно, обнаруженное в южной части раскопа 3 в 2000 г. Его ориентировка и нивелировочные отметки полностью совпадают с характеристиками аналогичных фрагментов дерева, открытых на соседних раскопах в 2006 и 2011 гг.²¹ Однако в полевой документации и чертежах тех лет не имеется сведений о наличии столбовых ям. Возможно, они находились южнее, за пределами исследованного участка, или же не были выявлены и зафиксированы.

²¹ В квадрате Д XX несколько южнее данного бревна на близких нивелировочных отметках были расчищены концы еще четырех жердей или бревен диаметром 0,08–0,16 м, лежащих перпендикулярно в направлении север–юг. Однако имеют ли они отношение к конструкции подпорной стенки или нет — выяснить невозможно, поскольку основная их часть находилась за пределами раскопа 3.

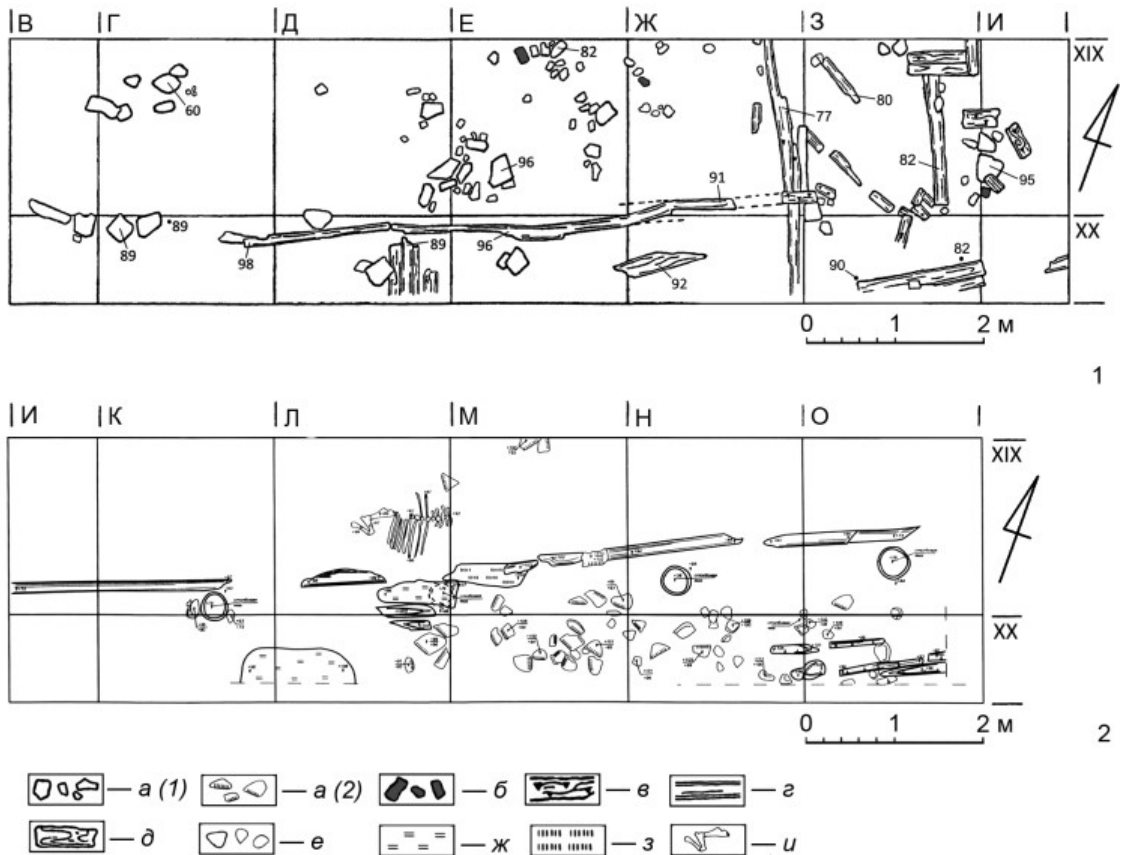

Рис. 3.32. Старая Ладога, Земляное городище. Фрагменты деревянных конструкций, укреплявших внутренний склон южной куртины Земляного города конца XVI в.: 1 — раскоп 3, 2000 г.; 2 — раскоп 4, 2006 г. (по: Кирпичников 2007). Условные обозначения: а — камни; б — кирпичи; в — горелость; г — бревна; д — доски; е — плиты известняка; ж — глина; з — древесный тлен; и — кости животных

Конструкции, подобные открытой в Старой Ладоге, известны в фортификационном строительстве позднего средневековья. В качестве аналогии можно привести вал XIV–XV вв., исследованный в г. Коломна (Московская обл.), внутренний склон которого на разных этапах существования удерживался подпорными стенками из горизонтально уложенных бревен, закрепленных вкопанными под наклоном столбами (Мазуров 2000: 66–68, рис. 8; 12).

Таким образом, остатки описанных выше конструкций позволили очертить в южной части Земляного городища изначальную границу крепостного двора, видимо, существовавшую с конца XVI в. до более поздних перестроек фортификационных сооружений в XVII в. Она не совпадает с внутренним краем сохранившейся до наших дней нижней части насыпи вала, а оказалась отодвинутой ближе к его центру. Соответственно синхронные жилища 1-го яруса застройки, располагавшиеся в западной и северо-восточной частях раскопа 3, до своей гибели в огне стояли внутри периметра укреплений, вблизи южной куртины, на расстоянии около 4–6 м от ее внутреннего склона, усиленного подпорной стенкой с вертикальными столбами. Это были две похожие жилые избы, которые имели квадратные или прямоугольные очертания и небольшие размеры.

Судя по аналогичным постройкам XVI–XVII вв., рубка их, вероятнее всего, производилась наиболее распространенным способом «в обло» с выпуском, при этом чашка и паз располагались преимущественно в нижнем венце (Белов и др. 1981: 13; Дубровин 2018: 47, 50). Оба дома были поставлены в линию, вытянутую по направлению северо-восток–юго-запад вдоль внутреннего склона южной куртины Земляного города. Сами жилища, а также отопительные сооружения в них были ориентированы в том же направлении. Примечательно, что постройка, обнаруженная в западной части раскопа 3, располагалась примерно на 0,2–0,3 м ниже, чем остатки синхронного сооружения, выявленного в северо-восточной части исследованной территории. Этот факт объясняется наличием уклона древней поверхности площадки поселения с юга–юго-востока на север–северо-запад к р. Ладожке, на что уже указывалось ранее.

Срубы обоих сгоревших жилых домов устанавливались в основном на одиночные подкладки из камней, плит известняка или коротких бревен, реже встречена их плотная укладка под нижними венцами. Внутри них по меньшей мере на двух поперечных лагах настился дощатый пол, который, судя по выявленным остаткам, мог располагаться на уровне первого или второго венца построек. То есть жилища не имели высоких подклетов, в одном случае была зафиксирована подпольная яма для хранения бытовых вещей и, вероятно, продуктов. К сожалению, способ соединения лаг и половиц со стенами срубов выяснить невозможно из-за плохой сохранности и повреждений в огне. Обычно доски пола укладывались «по ходу», то есть в направлении от двери к противоположной стене, хотя данный признак и не является абсолютно надежным (Засурцев 1963: 23; Спегальский 1972: 62). Если принять во внимание данное обстоятельство, то входные проемы в обоих сооружениях, предположительно, могли находиться как с северо-запада, так и с юго-востока, то есть со стороны подпорной стенки на внутреннем склоне южной куртины Земляного города или же с крепостного двора. Внутри жилища отапливались прямоугольными печами длиной чуть более 1 м, располагавшимися в одном из углов. Конструкция отопительных сооружений была полностью идентична, они возводились на срубных опечках, внутри которых были уложены основания из крупных известняковых плит. Материалом служили кирпичи, камни и плиты известняка, сборка производилась на глине, причем, выявленная в одном случае кладка была геометрически правильной, аккуратной, имевшей черты регулярности. К сожалению, точное расположение печей относительно входов в дома выяснить затруднительно. Они могли располагаться как непосредственно сбоку от двери, так и у противоположной от нее стены.

О высоте построек также судить невозможно, однако можно уверенно утверждать, что они были одноэтажными. Кровля жилых сооружений, наверняка, была двускатной, чаще всего крытой тесом (Громов 1979: 188; Бодэ и др. 2019: 205–208). На фасадах домов 1-го яруса застройки могло располагаться по одному или два «красных» световых окна, которые чаще всего были подквадратной формы. Обычно они располагались на стене, противоположной печи. Внутри рам-«оконниц» в переплете из деревянных планок располагались слюдяные вставки прямоугольной или ромбовидной формы. Также пластины слюды — «окончины» — могли скрепляться железными или свинцовыми полосками, но в ходе раскопок 1999–2000 гг. таковых не было найдено.

Полное представление о конструкции подобных окон дает целая рама со вставками, обнаруженная на Земляном городище в 1957 г. в ходе работ экспедиции В. И. Равдоникаса. Изделие размерами 0,34 × 0,28 м было разделено вертикальными планками переплета на три прямоугольных сектора, заполненных слюдяными вставками, часть которых была собрана из нескольких фрагментов и, по видимому, сшита нитью (Штакельберг 1965: 61, 62, рис. 2) (рис. 3.31, 1)²². В раскопках 2000 г. имеются полностью аналогичные по форме куски слюды с отверстиями по краям (рис. 3.31, 5–7). Примечательно, что указанная оконная рама была обнаружена в южной части раскопа В. И. Равдоникаса, на территории, лежащей ближе всего к месту работ 1999–2000 г. А. Н. Кирпичникова. Изначально ее датировали в пределах первой половины XVII в., однако недавно было определено, что основание срубной постройки, возле которой обнаружена данная находка, относится к началу указанного столетия (Штакельберг 1965: 64; Миляев, Горлов 2020: 192–194, рис. 2). Оконные рамы XVII в., аналогичные ладожской, а также их детали были обнаружены при раскопках в Мангазее (Белов и др. 1981: табл. 5, 1–3, 9–11).

Кроме световых «красных» окон в стенах сгоревших построек 1-го строительного горизонта наверняка имелись более узкие прямоугольные волоковые окна, которые изнутри закрывались деревянными задвижками, подобными найденной под плитами основания печи жилого сооружения в западной части раскопа 3. Они могли прорубаться в стенах как по бокам от световых окон, так и без них, располагаясь в линию по центральной оси стены. Еще один аналогичный небольшой проем обычно находился под коньком крыши и служил для отвода дыма. Иногда у дома были только волоковые окна, в которые также могли вставляться небольшие прямоугольные рамы, заполненные пластинками слюды (Бломквист 1956: 119, 120; Громов 1979: 189, 199; Бодэ и др. 2019: 256–258, рис. 4; 16). Возможно, некоторые небольшие ромбовидные вставки, обнаруженные возле остатков сгоревшей постройки в северо-восточной части раскопа 3, относятся именно к ним (рис. 3.31, 2, 3). Прямоугольные рамы для волоковых окон XVII в., по которым можно судить об их размерах и конструкции, происходят из Мангазеи (Белов и др. 1981: табл. 5, 8).

Обе жилые избы 1-го яруса застройки, выявленные в 2000 г. на раскопе 3, имеют много общих черт в размерах и конструкции срубов, их ориентировке и взаимном расположении, характере архитектурных элементов. Внутри них стояли печи, собранные по одинаковой схеме. По размерам кирпичей одной из них сооружения могут датироваться в рамках XVII в. Возможно, рядом с избами имелись и хозяйственные сооружения, однако их фрагментов в 2000 г. не было выявлено. Вероятно, они были полностью разобраны или находятся вне пределов раскопа 3. Особо примечателен тот факт, что оба исследованных жилища этого верхнего, самого позднего, яруса погибли в сильном пожаре, видимо, одновременно.

Принимая во внимание расположение изначальной внутренней границы склона южного вала Земляного города конца XVI в., необходимо отметить, что внутренняя часть насыпи этой линии укреплений, залегающая на поверхности

²² Известно, что пластинки слюды в XVI–XVII вв. использовались также и для изготовления фонарей (Штакельберг 1965: 63). Однако контекст находок 2000 г. и скопления слюдяных вставок среди остатков сгоревших домов, а также под ними, свидетельствуют скорее об их отношении к заполнению оконных рам.

культурного слоя с остатками описанных выше построек, была сооружена уже после их гибели. Причем это произошло не сразу, а по прошествии некоторого времени, поскольку остатки сгоревших домов разобрали, разровняли по возможности развалы отопительных сооружений, а над руинами успели отложиться культурные напластования. Для более точной датировки сооружений 1-го яруса застройки необходимо подробно рассмотреть комплексы вещевых находок, обнаруженных в ходе расчистки их остатков.

Находки из сооружений 1-го яруса застройки и их датировка

Как уже упоминалось, индивидуальные находки на плане отмечены недифференцированно, сплошной массой, что затрудняет работу с комплексами предметов из построек XVI–XVII вв. (рис. 3.33). Чтобы уточнить их состав и планиграфию, из вещевой коллекции, полученной в ходе раскопок 2000 г., были выделены все более-менее ранние изделия, относящиеся к эпохе викингов и древнерусскому периоду. Совершенно очевидно, что в слоях позднего средневековья — раннего нового времени эти находки находились в переотложенном состоянии и, следовательно, не имеют датирующего значения. Кроме них исключению подверглись предметы с чрезвычайно широкой датировкой или те, которые вообще было невозможно отнести к тому или иному ограниченному периоду. Среди них — гвозди, скобы, невыразительные металлические обломки, осколки стекла, не имеющие четких форм, и т. д.²³

Нивелировочные отметки открытых построек и находок также сопоставлялись, причем не учитывались изделия, залегавшие заметно ниже остатков деревянных построек, относившихся к позднему средневековью — раннему новому времени. В результате был составлен новый план, где отображены именно предметы XVI–XVII вв., датировка которых уточняет хронологию сооружений, выявленных в раскопе 3. Как и следовало ожидать, эти находки концентрировались внутри остатков соответствующих построек и в непосредственной близости от них, выявляя искомые вещевые комплексы (рис. 3.34). Причем большая их часть находилась в северо-восточной и западной частях раскопа, маркируя жилые дома 1-го яруса застройки, сгоревшие в тотальном пожаре. Среди остатков сооружений нижележащего яруса, расположенных вдоль восточной стенки исследованного участка, находок было значительно меньше. Что касается предметов, относящихся к эпохе викингов и древнерусскому времени, то почти все они залегали в пространствах между выявленными деревянными конструкциями XVI–XVII вв. На этих участках, находящихся в северо-западной и южной частях раскопа, по-видимому, велась активная хозяйственная деятельность, совершались подсыпки и нивелировки дневной поверхности, и, соответственно, происходило интенсивное перемешивание культурного слоя и находок в нем.

Руины жилых сооружений 1-го яруса застройки после гибели в пожаре в дальнейшем явно были разобраны, а завалы нивелировались и растаскивались. Соответственно перемещались и находившиеся в них предметы. В результате они стали располагаться не только внутри остатков срубов, но и вблизи их, на прилегающей территории. Находки, обнаруженные в ходе исследований 2000 г., в настоящей работе разделяются на две соответствующие группы для каждого объекта.

²³ В тексте часть данных предметов будет указываться при описаниях вещевых комплексов для создания более полной картины их состава по категориям находок.

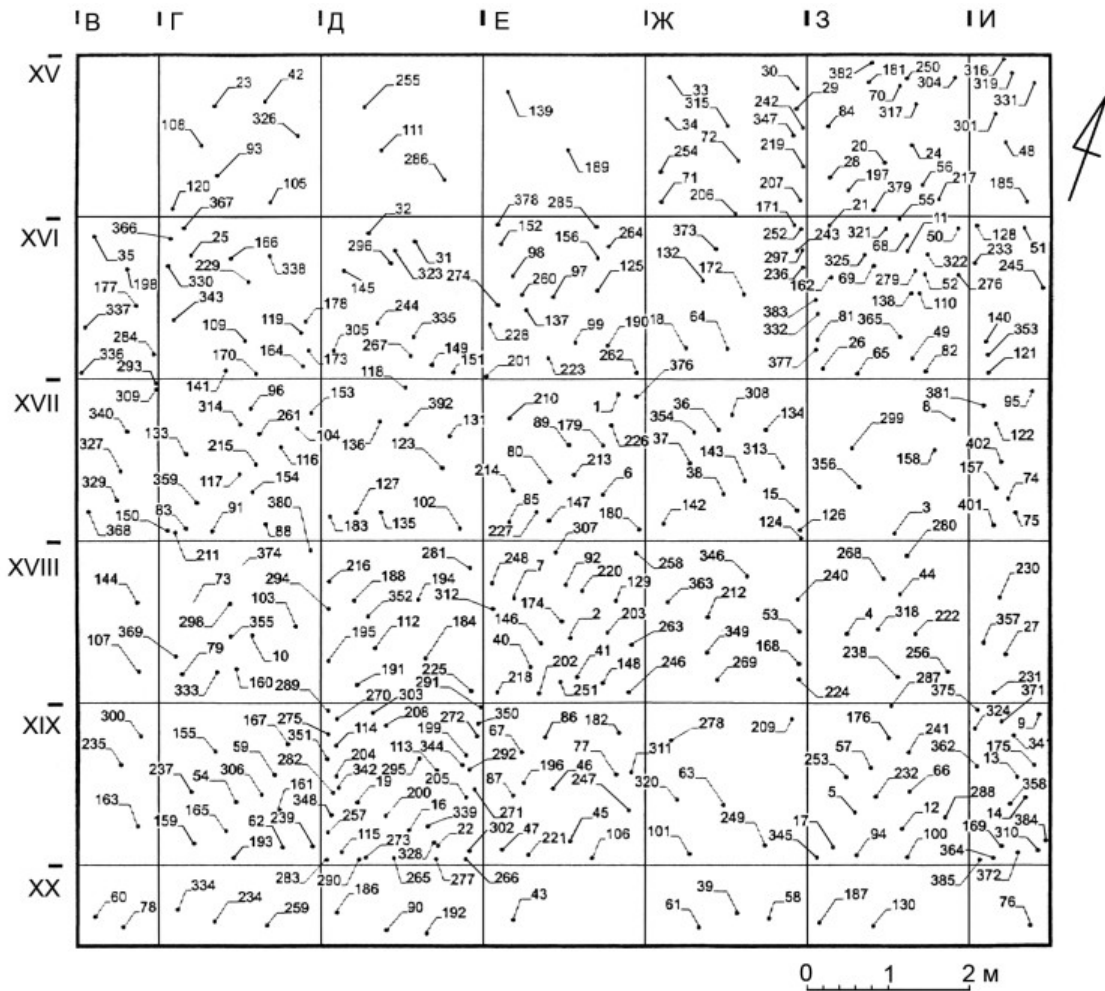

Рис. 3.33. Старая Ладога, Земляное городище, раскоп 3, 2000 г. Планиграфия индивидуальных находок из слоя коричневого гумуса и остатков построек первого (верхнего) строительного горизонта

Несмотря на указанные обстоятельства, предметы образуют довольно представительные комплексы, схожие по составу, хронологически единые, имеющие свои характерные особенности. Из фрагментов керамики включены только те, что имеют важное датирующее значение, а также привозные изделия. Подробное исследование данной категории находок не входит в поставленные задачи.

Описание вещевых комплексов, относящихся к сгоревшим постройкам 1-го яруса верхнего строительного горизонта, начнем с жилища, которое располагалось в северо-восточном углу раскопа 3 (кв. Ж–И XV–XVI) (рис. 3.24; 3.26). Всего на данном участке было обнаружено порядка 44 предметов, из которых 32 находились непосредственно среди обгоревших остатков избы, а остальные залегали чуть ниже или в непосредственной близости (рис. 3.34). Здесь же обнаружено чуть менее десятка более ранних изделий древнерусского времени, находившихся в переложном состоянии.

В составе данного комплекса обращают на себя внимание находки, связанные с военным делом (рис. 3.35). В первую очередь интересен фрагмент костяной встав-

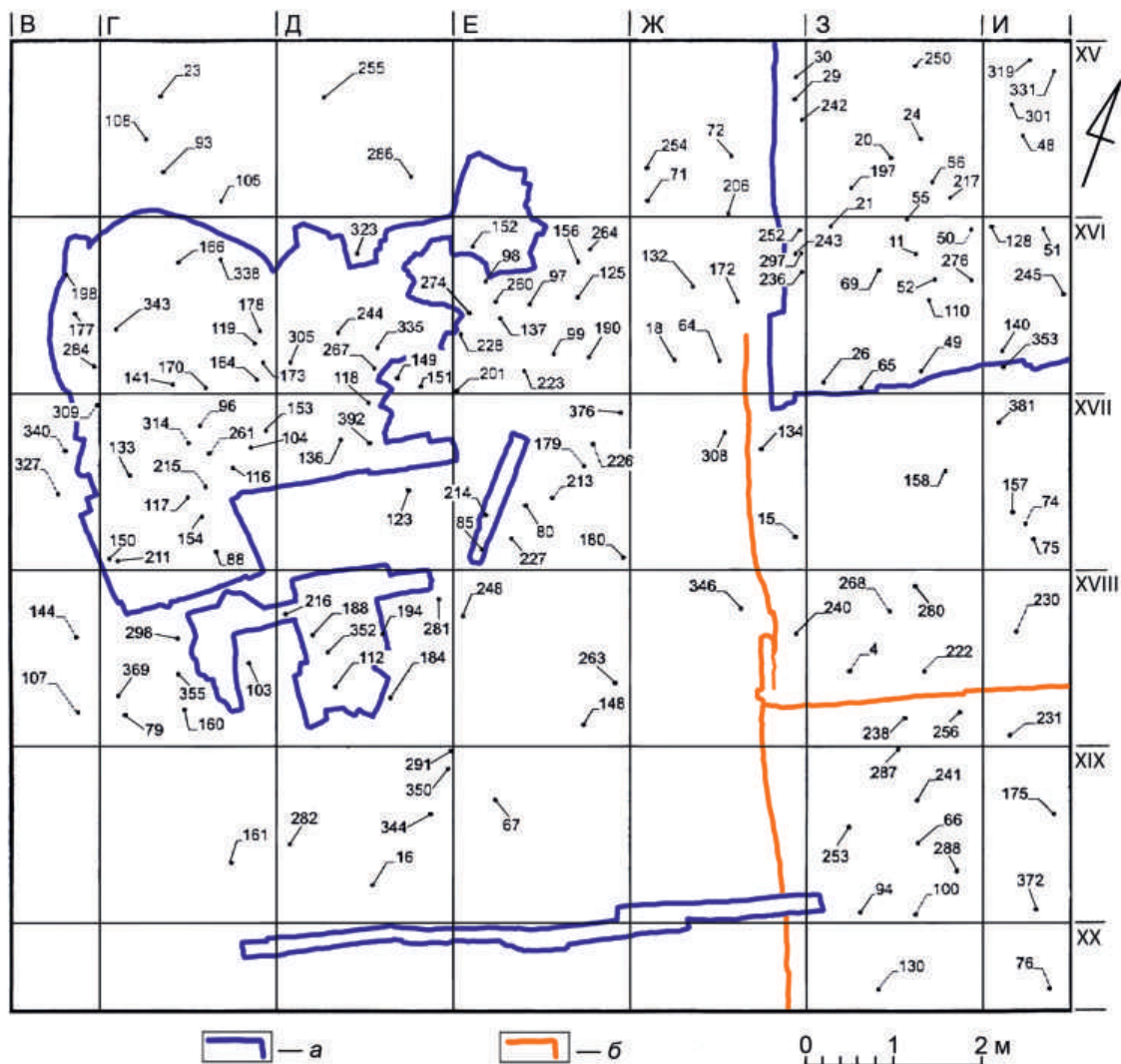

Рис. 3.34. Старая Ладога, Земляное городище, раскоп 3, 2000 г. Комплексы индивидуальных находок XVI–XVII вв. из слоя коричневого гумуса и остатков построек первого (верхнего) строительного горизонта. Условные обозначения: фрагменты сооружений: *а* — 1-го яруса застройки; *б* — 2-го яруса застройки

ки, украшавшей ложе ручного огнестрельного оружия (№ 30, квадрат Ж XV, нив. отм. 0,75 м выше R) (рис. 3.36, 1, 2). Данное изделие относится к группе I типу 2 по классификации П. А. Миляева, оно изготовлено из расколотой вдоль трубчатой кости и в целом виде имело полукруглое сечение (Миляев 2020: 235, 237, рис. 1, 2, 3). Эта находка, обнаруженная в районе западной стены сгоревшей жилой постройки, имеет размеры 42 × 17 мм, но изначально элемент декора был больше, имел прямоугольные очертания с полукруглым вырезом на одной стороне. Внешняя поверхность костяной детали покрыта тонким гравированным орнаментом, компоновка которого является классической для данного типа изделий. По периметру предмета одиночными и двойными линиями выполнена рамка: ее внутреннее пространство разделено на прямоугольные горизонтальные участки. На одном из них, расположенном ближе к центру вставки, нанесен узор в виде плетенки, состоящей

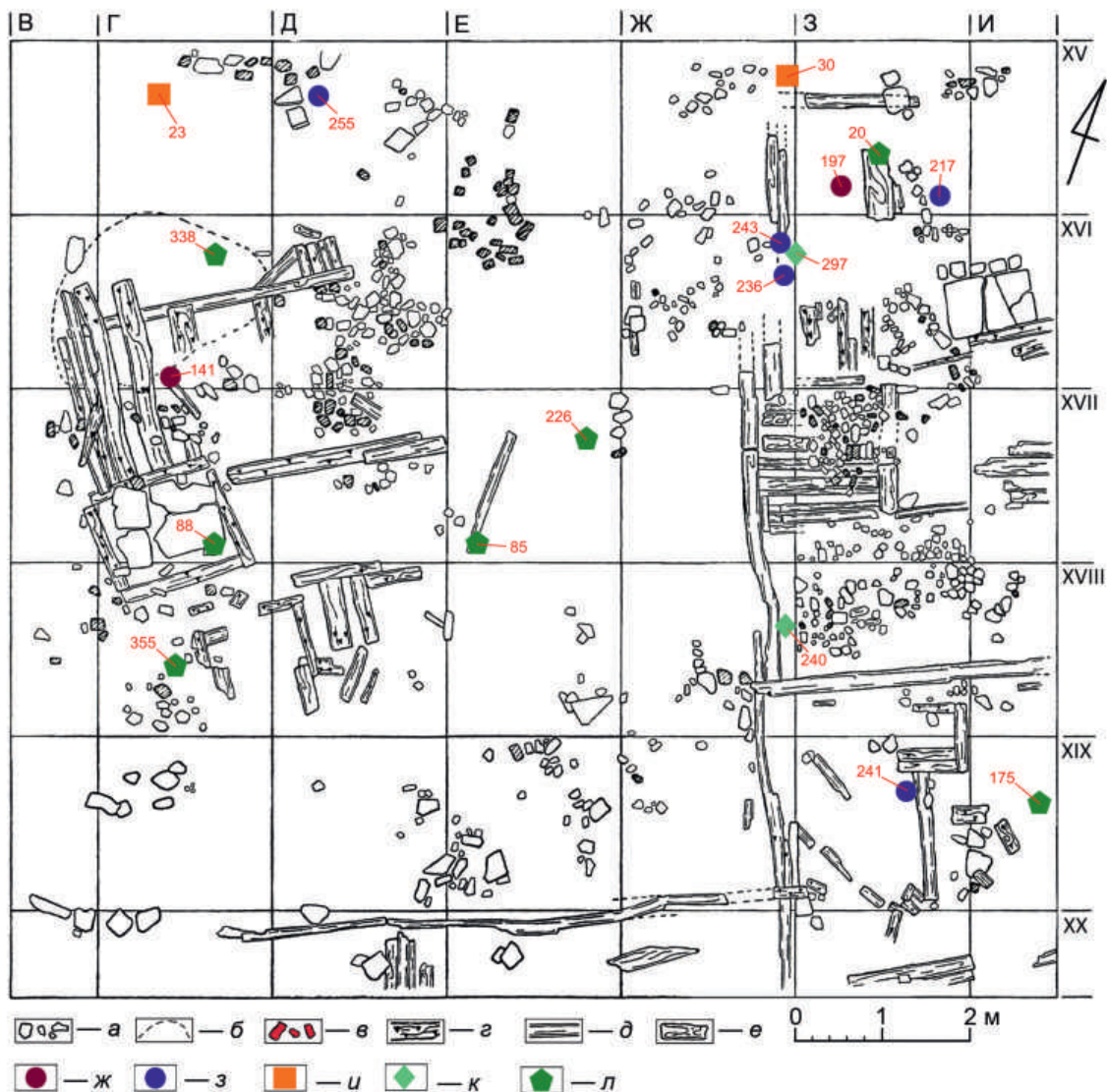

Рис. 3.35. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г., раскоп 3. Планиграфия находок предметов вооружения, боеприпасов, снаряжения коня и всадника. Условные обозначения: а — камни; б — углубление; в — кирпичи; г — горелость; д — бревна; е — доски; ж — железные ядра/пули от затинных пищалей; з — свинцовые пули; и — элементы декора огнестрельного оружия; к — холодное оружие; л — снаряжение коня и всадника

из плавных волнообразных элементов, промежутки между которыми заполнены диагональными штрихами. В средней части изделия помещен орнамент в виде остrokонечной чешуи, которой придан объем с помощью коротких линий. Выше него пространство вдоль края детали заполнено короткими диагональными линиями, объединенными в группы по три элемента. В Старой Ладоге целое аналогичное изделие происходит с территории Каменной крепости, схожие предметы были найдены на городище Копысь (Беларусь) и в замке Цесис (Латвия) (рис. 3.36, 5). Данные элементы декора монтировались под стволом огнестрельного оружия, недалеко от его дульного среза, в устье шомпольного канала. Несомненно, они имели

Рис. 3.36. Находки: 1-5 — элементы декора колесцовых пистолетов (№ 30, 23); 6-8 — пули (№ 236, 217, 243); 9 — пуля от затинной пищали (№ 197); 10 — черешковый наконечник стрелы (№ 297); 11, 11a — пистолет с колесцовым замком (Дрезден, Саксония, начало XVII в.) (по: Миляев 2020). 1-4, 6-10 — Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г.; 5 — Старая Ладога, каменная крепость, 2014 г. 1-5 — кость; 6-8 — свинец; 9-10 — железо

западноевропейское происхождение и украшали пистолеты с колесцовыми замками, так называемые пуфферы (нем. Puffer), пик распространения которых приходится на вторую половину XVI — первую четверть XVII в., хотя они использовались и позднее (рис. 3.36, 11, 11a). На территории Ладоги костяные и роговые элементы декора данного огнестрельного оружия, вероятнее всего, связаны с пребыванием в городе европейских наемников и шведских солдат в Смутное время (Миляев 2020: 237, 238, 246, 247, рис. 3, 1–4). Русский стрелецкий гарнизон крепости, а также местные посадские люди не использовали подобные пистолеты. Наличие их у казаков в течение указанных событий (или после них) можно предполагать лишь гипотетически. Данная находка, обнаруженная в жилом сооружении 1-го яруса застройки, погибшем в пожаре, имеет большое значение, поскольку может существенно уточнить дату описываемого комплекса предметов и определить ее в рамках начала XVII в.

Примечательно, что в 4 м западнее, вблизи соседней сгоревшей избы 1-го яруса, был обнаружен еще один аналогичный фрагмент костяной вставки с абсолютно идентичным орнаментом, выполненным с описанными выше стилистическими особенностями (№ 23, квадрат Г XV) (рис. 3.36, 3, 4). Наверняка данные обломки являются частями одного предмета, что дополнительно подтверждает синхронность этих погибших в огне сооружений и демонстрирует, на какое расстояние могли перемещаться предметы при разборке завалов после пожара и нивелировки местности.

Среди находок, происходящих из остатков жилой постройки в северо-восточной части раскопа 3, имеются боеприпасы для ручного огнестрельного оружия (рис. 3.35). Из их числа обращает на себя внимание крупная железная кованая пуля калибром 25 мм (№ 197) (рис. 3.36, 9)²⁴. Для ручного огнестрельного оружия этот снаряд слишком велик, поэтому, вероятно, он использовался для стрельбы из затинной пищали — тяжелого крепостного ружья. Подобное вооружение широко использовалось в XVI–XVII вв. на Северо-Западе Московского государства, такие экземпляры имелись в Ладожской крепости, Тихвине, Устюжне-Железнопольской, Кирилло-Белозерском и Соловецком монастырях, в росписях неоднократно указывались и железные боеприпасы к ним (Бранденбург 1896: 253, 254, 259; Кирпичников, Хлопин 1972: 88; Маковская 1992: рис. 94–97, 99). Среди остатков указанной сгоревшей постройки также были найдены три свинцовые пули шарообразной формы, отлитые в пулелейках (№ 217, 236, 243) (рис. 3.36, 6–8). Калибр всех снарядов составлял 12 мм, вес — от 9 до 11 г. Данные боеприпасы относятся к группе 1, варианту 2 по классификации О. В. Двуреченского и были доработаны после отливки путем обрубания литника, выступающего в верхней части. Пули подобного калибра использовались для стрельбы из ручных пищалей и являются одними из наиболее распространенных (Двуреченский 2005: 266, 267). На одной из них (№ 217) имеется зарубка, более никаких следов на поверхности находок не выявлено (рис. 3.36, 7). Интересно, что в пределах жилища в квадрате 3 XV было обнаружено два лежащих рядом оплавленных в пожаре крупных куски свинца (№ 250). Возможно, изначально это могли быть сырьевые бруски металла, который использовался для отливки различных изделий, в частности боеприпасов для огнестрельного оружия.

Из снаряжения коня и всадника в руинах сгоревшей постройки был обнаружен сильно корродированный фрагмент подковы второго типа по классификации А. Н. Кирпичникова, уточненной О. В. Двуреченским (№ 20) (рис. 3.35; 3.37, 6). Края

²⁴ В описи данная находка указана как железное ядро (кв. 3 XV, нив. отм. 0,62 м выше R).

изделия сильно обломаны, ширина самой пластины составляет 22–32 мм, толщина — 3–5 мм. К сожалению, конструктивные особенности изделия из-за его плохой сохранности не видны. Подобные универсальные подковы появились в XVI в. и широко использовались в последующие столетия, чаще — для ковки гужевых лошадей (Двуреченский 2004: 240, 241).

Среди остатков жилого сооружения были обнаружены инструменты для деревообработки, а именно два железных топора. Один из них найден недалеко от северо-западного угла опечка с основанием из плит известняка внутри (№ 11, квадрат З XVI, нив. отм. 0,72 м выше R), второй — немного южнее него, почти вплотную к отопительному сооружению (№ 140, квадрат И XVI, нив. отм. 0,62 м выше R)²⁵. Наиболее сохранившееся изделие имеет размеры 167 × 90 × 48 мм и относится к утяжеленным топорам типа 4, варианту 4б по классификации О. В. Двуреченского (рис. 3.37, 4). Нижняя плоскость его обушной части выполнена в виде сильно изогнутого уступа с небольшой наметившейся бородкой в начале проушины. Инструменты такого облика появились еще в XV в., однако форма их была несколько иной, отличавшейся более вытянутой рабочей частью (Колчин 1959: рис. 9, 11, 12; 12; табл. 8). Топоры, полностью аналогичные ладожской находке, широко использовались преимущественно в XVI — первой половины XVII в., однако имеются и более поздние находки, например, из Албазинского острога в Сибири (Двуреченский 2015: 133, рис. 68, 69). По материалам Мангазеи топоры подобной формы отнесены к изделиям второй группы, бытование которых укладывается в рамки конца XVI — первой половины XVII в. (Белов и др. 1981: 81, 82, табл. 72, 1–7). Считается, что они использовались при рубке леса, а также для различных строительных и плотницких работ.

Второй топор сохранился значительно хуже: он был сильно поврежден, вероятно, еще в древности. У него обломана половина обуха, а на рабочей части имеются значительные сколы (рис. 3.37, 7). Однако в начале проушины есть небольшая бородка, что позволяет отнести данное изделие также к типу 4, варианту 4б, по О. В. Двуреченскому (Двуреченский 2015: 133), то есть оба инструмента из сгоревшей постройки в северо-восточной части раскопа 3 однотипны и синхронны по времени бытования.

Из других предметов домашнего обихода следует отметить фрагмент цепи из двух звеньев восьмерковидной формы с вогнутыми боками (№ 110) (рис. 3.37, 5). Находка также была обнаружена в районе опечка сгоревшей избы. Составные части изделия длиной 80–100 мм были изготовлены из железного прута прямоугольного сечения шириной 4–5 мм, часть петли одного из элементов была торсированной. Такие цепи хорошо известны еще с древнерусского времени, позже они широко использовались в XVI–XVII вв. (Колчин 1959: 113; Никитин 1971: 42, табл. 5, 18; Гайдуков 1992: рис. 65, 1–5). Их неоднократно находили в поздних напластованиях Старой Ладogi (Новое в археологии... 2018: рис. 4.12, 13). Аналогичные изделия позднего средневековья — раннего нового времени происходят с территории Тушинского лагеря, из раскопок Москвы, Белгорода, селища Слободка-3

²⁵ К сожалению, до передачи этих находок 2000 г. в фонды музея-заповедника «Старая Ладога» их полевой этикетаж не сохранился, поэтому с уверенностью определить, в каком из указанных квадратов был найден каждый топор, пока не удастся. Однако данное обстоятельство не создает никаких трудностей или противоречий для датировки комплекса, поскольку оба топора однотипны и относятся к одному временному периоду.

Рис. 3.37. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Находки: 1 — оковка с обломком дужки (№ 24); 2 — кольцо-втулка (№ 48); 3 — фрагмент мебельной ручки (№ 128); 4, 7 — топоры; 5 — фрагмент цепи (№ 110); 6 — фрагмент подковы (№ 20). 1-2, 4-7 — железо; 3 — медный сплав

(Ленинградская обл.) (Никитин 1971: 42; Векслер 2015: ил. 179, 10; Двуреченский 2018: 42, рис. 67, 497, 542, 544, 654, 800; Шмелев и др. 2018: 363, рис. 1, 16). Торсировка довольно часто встречается как характерный прием декорирования данных изделий.

Среди находок имеется также железное кольцо-втулка диаметром 50 мм, высотой 13–15 мм (№ 48) (рис. 3.37, 2). Оно могло скреплять рукоять какого-либо орудия труда или инструмента, предохраняя ее от раскалывания в ходе работы. Впрочем, доподлинно назначение данной детали установить нельзя. Подобные предметы имеются, например, в коллекциях из Тушинского лагеря и Москвы, где датируются началом и серединой XVII в. соответственно (Бойцов 1995: рис. 2, 19, 20; Двуреченский 2018: рис. 67, 283).

Одним из необычных железных изделий, обнаруженных в северо-восточном углу раскопа 3 в ходе исследования остатков сгоревшей постройки с выкладкой из кирпича в основании печи, является пластинчатая обойма, согнутая пополам. В верхней части ее сохранился фрагмент полукруглой петли или дужки (№ 24) (рис. 3.37, 1). Данный выступающий элемент оказался полым, согнутым из листа металла, а в поперечном сечении — прямоугольным. Общие размеры изделия составляют 102 × 35 × 5 мм, внутри обоймы сохранились остатки дерева. Вероятно, это могла быть оковка ведра или иного бондарного сосуда; полной аналогии данной находке пока не найдено.

Из предметов домашнего обихода в районе опечка жилища был обнаружен фрагмент ручки сундука или ларца, изготовленной из медного сплава (№ 128) (рис. 3.37, 3). Изначально эта деталь была полукруглой формы, но сохранилась менее чем наполовину. Обломок дужки круглый в сечении, диаметром около 10 мм, на одном из его концов в месте прикрепления к деревянной основе имеется расширение округлой формы с отверстием в центре. Фрагмент ручки, близкой по конструкции и способу крепления, но при этом украшенный рельефным изображением головы животного, найден при раскопках в Мангазее и датируется XVII в. (Белов и др. 1981: табл. 50, 1).

Бытовые изделия из рога представлены двумя находками. Наиболее выразительным является навершие рукояти ножа или какого-то другого инструмента, выточенное на токарном станке (№ 29) (рис. 3.38, 8). Высота изделия 38 мм, наибольший диаметр 20 мм. Оно представляет собой цилиндр с немного расширенной и закругленной верхней частью. Предмет украшен несколькими рядами тонких параллельных линий, сгруппированных по две, его основание отделено глубоко прорезанной канавкой V-образного сечения и дополнительно декорировано рельефными поясками разного профиля. По центру навершия имеется сквозной канал, в котором сохранился фрагмент железного черешка прямоугольного сечения. Его конец сверху расклепан на небольшой округлой пластине-шайбе, которая предотвращала повреждение или раскалывание роговой детали при ударах во время данной технологической операции. Сама рукоять, составной частью которой являлось это навершие, видимо, была выполнена из дерева, что было широко распространено в позднем средневековье — раннем новом времени.

Вторая находка представляет собой фрагмент гладкого рогового стержня овального сечения длиной 55 мм и шириной 5–6 мм (№ 245) (рис. 3.38, 10). На конце предмета уступами выделено навершие округлых очертаний с невысокими

Рис. 3.38. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Находки: 1-3, 7 — пуговицы (№ 69, 49, 52, 319); 4 — фрагмент кольца/серьги (?) (№ 26); 5, 5a (прорисовка) — фрагменты нательного креста (№ 50); 6 — перстень (№ 252); 8 — навершие с фрагментом черешка (№ 29); 9 — пряслице (№ 21); 10 — стержень с навершием (№ 245). 1-3 — стекло; 4-7 — медный сплав; 8-9 — рог, 10 — кость

вертикальными стенками. Возможно, это была часть шила, проколки или булавки, достоверно это определить нельзя.

Украшения, обнаруженные среди остатков сгоревшей постройки в северо-восточной части раскопа 3, крайне немногочисленны. Прежде всего стоит упомянуть перстень из медного сплава со щитком квадратной формы и поперечными рельефными уступами на дужке по бокам его (№ 252) (рис. 3.38, б). Надо отметить, что он располагался несколько ниже основной части фрагментов обугленного дерева жилого сооружения (кв. Ж XVI, нив. отм. 0,42 м выше R). Размеры изделия составляют около 21 × 10 мм, и форма его не часто встречается среди подобных украшений позднего средневековья — раннего нового времени. У подавляющего большинства перстней XVI–XVII вв. щитки были круглыми или овальными, весьма распространены были также шести- или восьмигранные, квадратные же крайне редки (Белов и др. 1981: рис. 8, 2, 3; Нелюбов 2002: рис. 1–9, 11–17; Векслер, Беркович 2008: рис. 1, 5, 6; 2; 3, 1–4; 4, 1–6; Визгалов, Пархимович 2008: рис. 115, 2, 3). Наиболее близкая аналогия обнаружена во Владимирской области и предположительно отнесена к XIV–XV вв. Однако эта находка происходит из частной коллекции, контекст ее обнаружения неизвестен, поэтому неясно, на каких основаниях произведена датировка (Нелюбов 2002: рис. 10). В центре щитка ладожской находки изображена птица с поднятыми вверх крыльями и направленными вперед лапами; периметр центральной части изделия вокруг нее украшен точками. Изображения летящих пернатых являются характерными для перстней XVI–XVII вв. и довольно часто встречаются на находках из разных регионов России (Векслер, Беркович 2008: рис. 4, 3–5; Нелюбов 2002: рис. 14–16).

Фрагментом украшения может также являться половина тонкого кольца из медного сплава, обнаруженная юго-западнее опечка сгоревшего сооружения в северо-восточной части раскопа 3 (№ 26) (рис. 3.38, 4). Изготовлено кольцо из дрота шириной 2–3 мм линзовидного сечения; диаметр его изначально составлял ≈ 30 мм. Вероятно, оно может быть частью серьги, хотя уверенно судить об этом невозможно из-за небольшой величины и плохой сохранности находки.

Из предметов личного благочестия, обнаруженных в ходе исследования данной постройки, были найдены лишь два фрагмента плохо сохранившегося нательного креста из медного сплава, видимо, побывавшего в огне (№ 50) (рис. 3.38, 5). Они были обнаружены недалеко от опечка избы, к северо-западу от него. Размеры находки 17 × 18 мм, сохранились только верхняя лопасть изделия и одна из боковых, имевшие прямоугольные очертания. В центре каждого фрагмента заметна часть изображения «голгофского» креста, выполненного тонкими контурными линиями в низком рельефе, с перекладиной на верхнем конце. На концах лопастей креста имеются круглые медальоны с вписанными в них аббревиатурами, край еще одного аналогичного элемента заметен на оборотной стороне, ближе к центру изделия. На лицевой стороне в рамке различимы буквы «IC» — «Иисус» под титлом, на оборотной стороне надписи не читаются из-за плохой сохранности предмета (рис. 3.38, 5а). Данный нательный крест относится к типу I, подтипу 1, по Э. П. Винокуровой, а также близок к типу 9.3 классификации, разработанной Ю. В. Колпаковой и Л. Я. Костючук по материалам раскопок в Пскове (Винокурова 1999: 333; Колпакова, Костючук 2018: 45, рис. 3, 9.3). В целом подобные изделия датируются XVII–XVIII вв., надписи, включенные в круг, появляются на них в начале XVII в.

(возможно, на рубеже XVI–XVII вв.) (Колпакова 2020: 1; 3; 4). Однако, принимая во внимание контекст находки, описанный выше экземпляр из раскопа 3 на Земляном городище относится к XVII столетию и подтверждает датировку сгоревшей постройки, определенную по размерам кирпичей печи и фрагменту костяного декора ложи пистолета. Лучше сохранившийся фрагмент полностью аналогичного нательного креста из медного сплава был обнаружен в Новгороде на Досланском раскопе (Олейников 2014а: рис. 7, 13) (рис. 3.39, 1). Он позволяет представить, как изначально выглядел сильно поврежденный предмет личного благочестия, обнаруженный в 2000 г. на Земляном городище.

Детали костюма представлены тремя стеклянными пуговицами, ушки которых были изготовлены из тонкой железной проволоки и не сохранились (№ 49, 52, 69) (рис. 38, 1–3). Обнаруженные внутри постройки круглые шляпки диаметром 12–14 мм и высотой 8–10 мм сплющены с одной стороны, отчего имеют поперечное сечение, близкое к полусферическому. Для изготовления всех указанных изделий использовано непрозрачное стекло черного (темно-коричневого) цвета. Проволочные ушки, видимо, полукруглой формы, концами вплавлялись в нижнюю часть шляпок, где в небольших отверстиях остались железные обломки, а также следы коррозии. Подобные пуговицы были довольно широко распространены и выявлены при раскопках нескольких городов в европейской части России, а также в Сибири. На старолadoжском Земляном городище два аналогичных изделия были обнаружены в 2006 г. в ходе исследования слоев позднего средневековья — раннего нового времени на смежном раскопе 4 (Кирпичников 2007: 205, ил. 20, 605, 1138). Подобные находки встречались и на территории Каменной крепости. Стеклянные пуговицы, полностью идентичные по пропорциям и форме ладожским, выявлены при раскопках в Москве, Туле, Владимире, Суздале, Твери, Великом Новгороде²⁶ и Мангазее (Векслер 2009: ил. 19, 2, 1075; Екимов 2007: рис. 21, 9; Кокорина и др. 2015: 13, 85, 86, рис. 169–172; Визгалов, Пархимович 2008: 77, рис. 114, 13–18) (рис. 3.39, 2–5). Все указанные аналогии датируются XVII–XVIII вв. (вероятнее всего, началом XVIII в), однако ладожские находки, учитывая их контекст и сопутствующий материал, несомненно относятся к XVII столетию. Интересно, что описанные выше стеклянные пуговицы из раскопа 3 2000 г. залегали близко друг к другу, в одном квадрате, на идентичных нивелировочных отметках, в районе опечка сгоревшей жилой избы (кв. 3 XVI, нив. отм. 0,75–0,76 м выше R). Можно предположить, что они принадлежали к одному предмету одежды, однако эта версия гипотетична.

Из деталей обуви внутри остатков постройки в северо-восточной части раскопа была обнаружена только одна сильно корродированная обувная подковка, залегавшая под основанием отопительного сооружения (№ 276).

В центре постройки, в месте сосредоточения остатков дерева и развала каменной печи, обнаружены бытовые изделия, связанные с прядением и ткачеством. Это два пряслица, одно из которых глиняное, простой цилиндрической формы (№ 55), а второе — более сложное, выполненное из рога на токарном стенке, о чем говорят концентрические следы на его поверхности (№ 21) (рис. 3.38, 9). Форма последнего предмета близка к полусферической, с закругленными краями и плоским основанием, ее диаметр составляет 39 мм, высота — 16 мм.

²⁶ Автор благодарит сотрудника ИА РАН А. А. Исаева за предоставленную информацию.

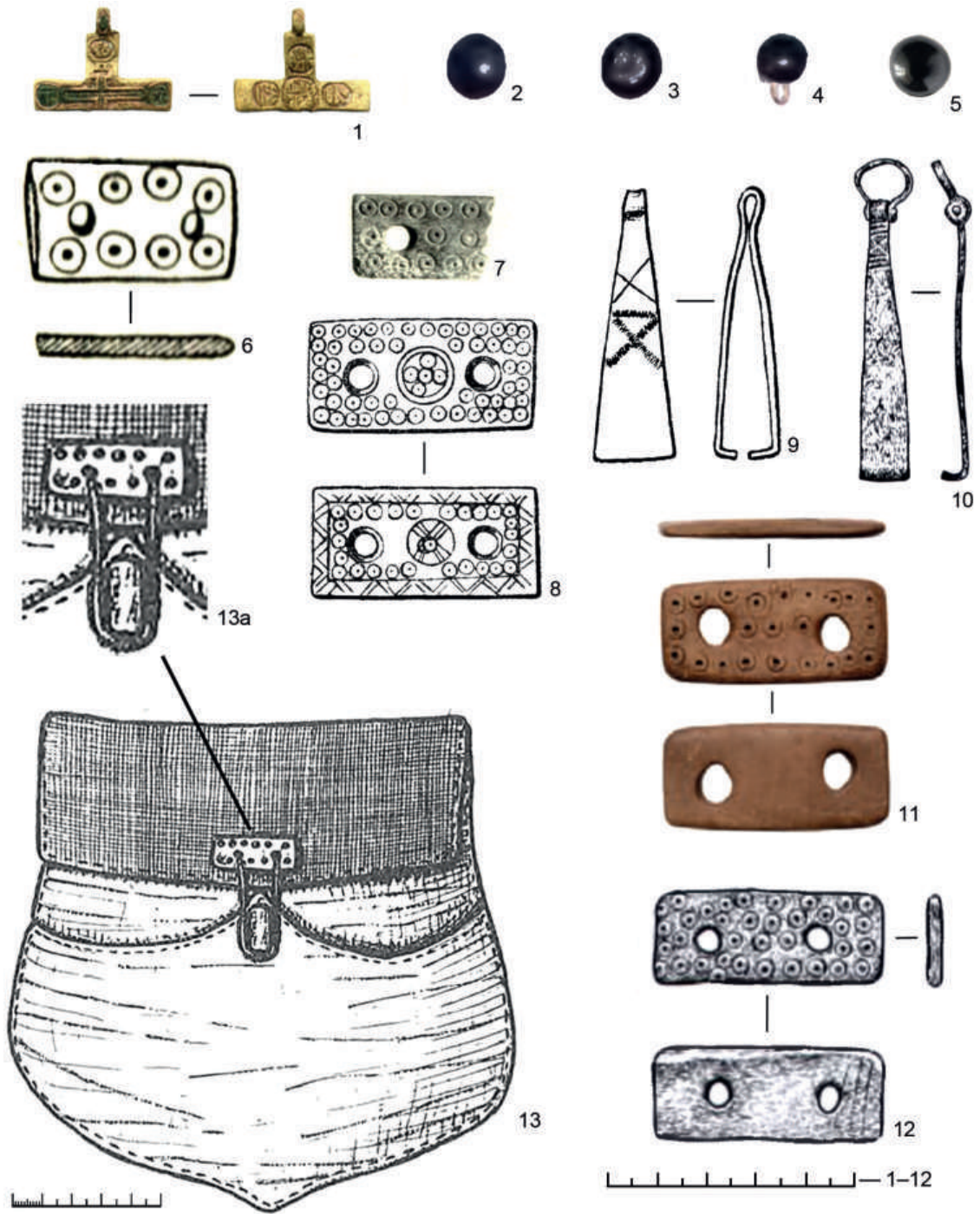

Рис. 3.39. Аналогии: 1 — фрагмент нательного креста (Новгород) (по: Олейников 2014а); 2-5 — пуговицы (2-4 — Мангазея (по: Визгалов, Пархимович 2008), 5 — Суздаль (по: Кокорина, Денисова, Князева 2015)); 6-8, 11, 12 — детали застежек поясных сумок (6 — Старая Ладога (по: Репников 1948), 7 — крепость Орешек (по: Кирпичников 1969), 8 — залив Симса (по: Окладников 1951), 11 — Смоленск (по: Пронин, Соболев 2020), 12 — Мангазея (по: Визгалов, Пархимович, 2008)); 9, 10 — пинцеты (9 — о. Фаддея (по: Окладников 1951), 10 — Мангазея (по: Визгалов, Пархимович 2008)); 13, 13а — поясная сумка, обнаруженная на поле битвы под Берестечком 1651 г (по: Свешников 1992). 1, 9, 10 — медный сплав; 2-5 — стекло; 6-8, 11-12 — рог/кость

В пределах сгоревшего жилища был обнаружен также один оплавленный в пожаре фрагмент стеклянного сосуда (№ 65) (рис. 3.40, 2). Находка размерами 47 × 26 мм имеет аморфные очертания, близкие к овальным, края все закругленные, со следами кипения массы. Само стекло прозрачное, чуть желтоватого оттенка, в котором, несмотря на сильные повреждения, явно просматриваются вертикальные полосы белого цвета. Причем есть одиночные широкие линии, а кроме них — более тонкие, расположенные под углом друг к другу, образуя «сеточку». Данная находка, несомненно, является фрагментом сосуда, изготовленного по технологии венецианской филигрании (*façon de Venice*), когда цветные нити и палочки вплавляются в толщу стекла. Среди находок на территории России чаще всего встречаются осколки квадратных в сечении бутылок — штофов, реже обнаружены иные формы сосудов, например стопы и стаканы на поддоне (Лихтер 2015: 513, 514; 2016: 51, 53). К какому конкретно изделию принадлежит описанный выше фрагмент из раскопа 3 на Земляном городище, определить невозможно, однако стоит отметить, что «сеточка» чаще всего встречается именно на штофах (рис. 3.41, 5). Большинство сосудов, выполненных в технике венецианской филигрании на территории России, датируется XVII в., хотя есть и несколько более поздние экземпляры, их происхождение явно импортное и связано со странами Европы. Фрагменты сосудов, аналогичные ладожскому, обнаружены при раскопках в Москве, Вязьме, Новгороде, Свияжске, Мангазее, имеются они в коллекции, собранной на месте Тушинского лагеря (Векслер, Лихтер 2001: 365–375; Лихтер 2015: 513, 514, рис. 8, 3, 4; 9; 2016: 51, 52, рис. 1, 2; Шакиров и др. 2012: рис. 7, 14; Белов и др. 1981: табл. 51, 1–4; Визгалов, Пархимович 2008: рис. 135, 1–3, 12–13; Пархимович 2017: рис. 11; Двуреченский 2018: 46, рис. 103, 105–106) (рис. 3.23, 8; 3.41, 4, 5).

В непосредственной близости от сгоревшей жилой постройки, в квадратах Ж–И XV–XVI, также был выявлен ряд предметов, которые, скорее всего, имеют отношение к данному комплексу и были перемещены в результате разбора и нивелировки завалов после гибели сооружения. Часть их залегала к западу от места расположения избы, некоторые находки обнаружены под ее обугленными остатками.

Из вооружения стоит отметить черешковый наконечник стрелы с пером листовидной формы без упора (№ 297) (рис. 3.35; 3.36, 10). Он был найден несколько ниже обугленных остатков жилой постройки (кв. Ж XVI, нив. отм. 0,45 м выше R). По краям находки имеются утраты, а острие обломано. Размеры предмета составляют 73 × 19 × 4 мм, перо линзовидного сечения, черешок в поперечном разрезе прямоугольный. Данный наконечник стрелы наиболее близок к типу 16 по классификации О. В. Двуреченского, подобные изделия бытовали в конце XIV — XVII в. и встречаются нечасто. Аналогичные экземпляры на Северо-Западе России происходят из Копорья и Пскова (Двуреченский 2007: 288, рис. 15).

Бытовые предметы, найденные вблизи постройки, представлены несколькими находками, наиболее крупная из которых — навесной замок типа E по классификации Б. А. Колчина (№ 206) (рис. 3.42, 7). Его корпус призматических очертаний длиной 50 мм и шириной 40 мм имел по бокам вертикальные выступы треугольной формы с отверстиями для поперечной дужки. К сожалению, верхняя часть предмета сильно повреждена, а часть деталей обломана и погнута. Замочная скважина, расположенная в одном из торцов замка, имела H-образный профиль, находившаяся на противоположной стороне боковая стенка с дужкой отсутствует.

Рис. 3.40. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Находки: 1 — фрагменты горла чернolощенной кубышки (№ 56); 2 — оплавленный фрагмент стеклянного сосуда, изготовленного в технике венецианской филиграни (№ 65); 3 — фрагмент стенки фляги с зеленой поливой (№ 51)

Рис. 3.41. Находки: 1 — фрагмент верхней части штофа со свинцовым горлом; 2 — свинцовая крышка от штофа; 3 — донце штофа (1, 3 — реконструированная форма сосуда, Москва (по: Смирнова 2009)); 4 — фрагмент верхней части штофа, выполненного в технике венецианской филиграни со свинцовым горлом и пробкой, Мангазея (по: Белов, Освянников, Старков 1981); 5 — реконструированная форма штофа, выполненного в технике венецианской филиграни со свинцовым горлом, Москва (по: Лихтер 2016). 1, 4 — стекло, свинец; 2 — свинец; 3 — стекло

По обеим сторонам находки напаяны две горизонтальные прямоугольные пластины и на нижней плоскости еще одна, полукруглого сечения в разрезе. Подобные замки были широко распространены в XVI–XVII вв. на всей территории Московского государства (Колчин 1959: 84; Никитин 1971: 43, 44; Кудрявцев 2014: 87, 88). Однако стоит отметить, что именно такие изделия геометрических очертаний, видимо, уже не встречаются в комплексах второй половины — конца XVII в., так что верхнюю дату предмета стоит ограничить серединой XVII в. Замки типа E характерны для поздних слоев Ладоги и не раз обнаруживались на территории Земляного городища, Каменной крепости и посада. В частности, они имеются среди находок из построек, сгоревших в Смутное время (Новое в археологии... 2018: 152, рис. 4.16, 9; Миляев, Горлов 2020: 185, рис. 8, 9). Кроме описанной выше находки недалеко от остатков южной стены жилого сооружения в северо-восточной части раскопа 3 был выявлен фрагмент верхней части боковой стенки треугольной формы от аналогичного замка с частью дужки (№ 353). Размеры предмета составили 50 × 27 мм, он обломан со всех сторон, каких-либо заключений о форме целого изделия сделать невозможно.

К деталям дверной или мебельной фурнитуры относится железный сильно корродированный пробой длиной 72 мм, найденный к западу от интересующей нас постройки (№ 172) (рис. 3.42, 3). Кроме него к остаткам сгоревшего сооружения могли относиться два обломка клинков ножей, один из которых был обнаружен несколько ниже фрагментов горелого дерева (№ 242), другой — при зачистке стенки в северо-восточном углу раскопа 3 (№ 301) (рис. 3.42, 2, 6). Оба фрагмента имели тонкие спинки, а форма наиболее сохранившегося изделия не противоречит датировке в рамках XVI–XVII вв.

Находки, относящиеся к ремеслам и промыслам, обнаруженные вблизи сгоревшей избы, единичны. Среди них железная булавка с обломанным острием, использовавшаяся для закрепления кудели на лопасти прялки (№ 72) (рис. 3.42, 5). Длина находки 120 мм, ее стержень прямоугольный в сечении, шириной 4–5 мм, не имеет торсировки, навершие простое петлеобразное, без завитка на конце. Такие булавки, почти без существенных изменений, бытовали с XIII в. на протяжении всего средневековья и раннего нового времени, широко использовались в XVI–XVII вв., а еще позже известны по этнографическим материалам (Колчин 1959: 105, 106, рис. 94 А; Никитин 1971: 41, табл. 5, 6). К этой же группе находок имеет отношение и свинцовый грузик округлых очертаний диаметром ≈ 22–23 мм и высотой 12–13 мм (№ 71) (рис. 3.42, 1). Его верхняя часть немного выпуклая, а основание ровное, по центру имеется сквозной канал. Данное изделие могло использоваться как пряслице или же в качестве груза для нитей основы вертикального ткацкого станка (Олейников 2014: 192, 193).

О некоторых промыслах ладожан можно судить по находке каменного рыболовного грузила (№ 254).

К деталям одежды относятся две пуговицы, изготовленные из медного сплава (№ 319, 331) и обнаруженные чуть ниже остатков горелого дерева жилой постройки. Одна из них (№ 319), диаметром ≈ 12 мм, полая, паянная из двух половин (рис. 3.38, 7). Подобные изделия относятся к типу IV, отделу 2 по классификации Н. В. Жилиной и датируются в пределах XV — первой половины XVII вв. (Жилина 2019: 214, 216, 218, 221).

Рис. 3.42. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Находки: 1 — грузик (№ 71); 2, 6 — фрагменты ножей (№ 242, 301); 3 — пробой (№ 172); 4 — скоба (№ 138); 5 — кудельная булавка (№ 72); 7 — навесной замок типа Е (№ 206). 1 — свинец; 2-7 — железо

Из фрагментов керамики, обнаруженных внутри постройки, стоит отметить обломок центральной части стенки от красноглиняной фляги с зеленой поливой (№ 51) (рис. 3.40, 3). Его поверхность украшена орнаментом из концентрических и волнообразных линий. Подобные сосуды, снабженные прямоугольными поддонами, хорошо известны по материалам Пскова, а также Ивангорода и датируются чаще всего концом XVI — XVII в. (Кильдюшевский 2002: 20, рис. 9, 1–9; Курбатов 2013: 126; Петренко и др. 2013: 264, рис. 9, 29, 30). Стоит отметить, что аналогичные фляги с зеленой поливой, как целые формы, так и фрагменты, не раз находили при раскопках Земляного городища и Каменной крепости. В частности, они залежали среди остатков построек, сгоревших в Смутное время (Курбатов 2013: 122; Миляев, Горлов 2020: 188, 189, рис. 10, 1, 2). Несомненно, в Ладого данные сосуды являются привозными.

Интересен также развал горла чернолощеной кубышки, состоящий из трех фрагментов (№ 56) (рис. 3.40, 1). В верхней части изделие украшено тремя рельефными валиками, лощение поверхности сплошное и качественное. Сосуды подобной формы хорошо известны по материалам раскопок Москвы и других городов Центральной России и Поволжья и датируются XVI–XVII вв. Однако рифление, которое имеется на ладожской находке, в декоре кубышек более характерно для XVII в. (Розенфельдт Р. 1968: 28, 33, табл. 11). На территории Ладоги привозная чернолощеноя керамика не была широко распространена, и в ходе раскопок она чаще всего представлена единичными экземплярами (Новое в археологии... 2018: рис. 4.17, 1).

Внутри и рядом со сгоревшей постройкой были выявлены элементы крепежа; в том числе три фрагмента железных П-образных пластинчатых скоб (№ 81, 181, 185), одно целое подобное крупное изделие длиной ≈ 170 мм, явно использовавшееся в ходе строительства деревянных сооружений (№ 138) (рис. 3.42, 4), а также один гвоздь (№ 28). Датировка большинства указанных находок очень широкая, однако большая скоба наверняка относится к XVI–XVII вв.

Не стоит забывать, что к данному вещевому комплексу, скорее всего, относятся также и предметы, выявленные в ходе раскопок 1999 г. в районе расположения кирпичного основания печи. Это две свинцовые пули, ружейный кремь, фрагменты сосуда из листа медного сплава, перстень с гнездом для вставки и миниатюрный замок от поясной сумки (рис. 3.18, 6, 8–10).

В пределах интересующего нас жилища также обнаружен ряд более ранних древнерусских находок, которые явно находились в переотложенном состоянии. Среди них имеются изделия из стекла, а именно бусы, бисер, пронизка (№ 68, 70, 279), а также фрагмент браслета (№ 315). Из железных находок выявлены две судовые заклепки VIII–XII вв. (№ 162, 171). К изделиям из медного сплава относятся два обрывка цепочки, звенья которой скручены из тонкой проволоки в три-четыре витка (№ 207, 219). Подобные находки на Северо-Западе Руси и сопредельных территориях чаще всего датируются в пределах X–XIII вв., хотя иногда встречаются и в более позднем контексте (Рябинин 1997а: 31, 32, рис. 5, 4; Хвоцинская 2004: табл. L, 24; LXVII, 8; CI, 6; Zariņa 2006: 275, att. 135, 11; 137, 2). Очевидно, что предметы такого рода немногочисленны и попали внутрь остатков сгоревшей постройки случайно.

Теперь необходимо рассмотреть комплекс находок из соседнего сооружения 1-го яруса застройки, располагавшегося в западной части раскопа 3 в квадратах

В–Д XVI–XVIII (рис. 3.24; 3.27). Всего к этой сгоревшей жилой постройке можно отнести не менее 84 изделий, из них 53 предмета находились в границах остатков постройки, остальные залегали поблизости на прилегающей территории (рис. 3.34). Многие находки были выявлены к северо-востоку от места расположения избы и связаны с развалом отопительного сооружения.

В центральной части данного жилища, так же как и в другой постройке 1-го яруса, был найден железный крупнокалиберный боеприпас от огнестрельного оружия, обозначенный в описи как «ядро» (№ 141) (рис. 3.35). Однако сама находка не поступила в фонды музея-заповедника «Старая Ладога», а в отчетной документации соответствующая фотография или рисунок отсутствуют, поэтому его диаметр и вес неизвестны. Боеприпас мог быть как пулей от затинной пищали, так и действительно кованым пушечным ядром. Оба вида снарядов не раз обнаруживались на территории Земляного городища, в том числе среди остатков деревянных сооружений, сгоревших в Смутное время (Равдоникас 1949А: л. 35).

К снаряжению коня относятся две подковы разных форм (рис. 3.35). Одна из них принадлежит к типу 1, варианту 1 по классификации А. Н. Кирпичникова с дополнениями О. В. Двуреченского (№ 88) (рис. 3.43, 7). Форма находки сегментовидная, ее размеры составляют $\approx 90 \times 52$ мм, высота шипа — 22 мм, изделие повреждено и обломано в нескольких местах. Из-за коррозии невозможно определить расположение и количество отверстий для гвоздей. Подковы данного типа начинают широко применяться с XV в., однако пик их распространения приходится на XVI–XVII вв. Считается, что они использовались преимущественно в зимнее время, а также, вероятно, набивались на копыта верховых лошадей (Двуреченский 2004: 240–242). Эта находка была обнаружена над плитняковым основанием отопительного сооружения сгоревшей постройки (кв. Г XVII, нив. отм. 0,58 м выше R).

Другая подкова относится ко второму типу по указанной выше классификации, размеры находки $\approx 117 \times 102$ мм (№ 338) (рис. 3.43, 6). Такие параметры характерны для изделий XVII в. и более поздних (Двуреченский 2004: 240, 241). Толщина пластины составляет ≈ 5 –6 мм, ее концы загнуты под прямым углом, образуя два шипа высотой 70–80 мм. Третий, центральный, шип отсутствует. Возможно, он не сохранился, поскольку передняя часть подковы сильно повреждена коррозией. Из-за плохой сохранности предмета подсчитать точное количество прямоугольных отверстий для гвоздей не представляется возможным, вероятно, их было шесть. Сложно определить также, соединялись они между собой желобком или нет. Интересно, что данная подкова, судя по месту ее обнаружения и нивелировочной отметке, вероятнее всего находилась в заполнении хозяйственной ямы — подпола жилого сооружения (кв. Г XVI, нив. отм. 0,09 м выше R).

Внутри остатков сгоревшей избы было обнаружено несколько инструментов. Обращают на себя внимание два массивных рабочих топора типа 4 по классификации О. В. Двуреченского. Один из них размерами $147 \times 82 \times 40$ мм принадлежит к варианту 4а, бытовавшему с рубежа XV–XVI вв. до начала XVII в. включительно (№ 198) (рис. 3.44, 3). У второго изделия, с параметрами $162 \times 98 \times 35$ мм, нижняя плоскость обушной части выполнена в виде сильно изогнутого уступа с небольшой наметившейся бородкой в начале проушины, что позволяет отнести его к варианту 4б, характерному преимущественно для XVI — первой половины XVII в. (Двуреченский 2015: 133) (№ 343) (рис. 3.44, 5). По материалам Мангазеи топоры,

Рис. 3.43. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Находки: 1 — дужка и боковая стенка навесного замка типа Е (№ 352); 2 — клин от рукояти инструмента (№ 190); 3 — осветительный прибор (№ 108); 4 — звено цепи (№ 93); 5 — фрагмент ложки для розлива металла (№ 227); 6, 7 — подковы (№ 338, 88). Все — железо

Рис. 3.44. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Находки: 1 — кочедык (№ 392); 2 — пластина (заготовка?) (№ 105); 3, 5 — топоры (№ 198, 343); 4 — фрагмент зубила (№ 194); 6 — оселок (№ 116). 1-5 — железо; 6 — камень

аналогичные описанным выше находкам, отнесены, соответственно, к первой и второй группам, бытование которых укладывается в рамки конца XVI — первой половины XVII в. (Белов и др. 1981: 81, 82, табл. 72, 1–7). В проушине ладожского топора варианта 4б из раскопок 2000 г. сохранились остатки деревянного топорика, вероятно, с клином, поскольку в его верхней части торец покрыт слоем коррозии (№ 343) (рис. 3.44, 5). Примечательно, что данный инструмент, судя по месту его обнаружения и нивелировочной отметке, находился в заполнении подпольной ямы сгоревшего сооружения, возможно, хранился в ней (кв. Г XVI, нив. отм. 0,16 м выше R). Второй топор, варианта 4а, был обнаружен рядом, на краю этой же западины, у ее западной границы (кв. В XVI, нив. отм. 0,21 м выше R). Он находился ниже досок пола сгоревшего сооружения и, возможно, также может быть связан с подполом и лежавшими в нем бытовыми предметами.

В юго-восточной части сгоревшей жилой постройки между лагой пола и развалом отопительного сооружения был обнаружен железный кочедык, использовавшийся для плетения изделий из бересты и лыка (№ 392, квадрат Д XVII, нив. отм. 0,33 м выше R) (рис. 3.44, 1). Длина изделия 165 мм, на конце его рукояти имеется отогнутая вниз, слегка выколоченная изнутри, упорная подушка шириной 27 мм. Данный кочедык относится к первому типу по классификации Б. А. Колчина, такие инструменты известны с XII–XIII вв. и продолжают широко использоваться в XVI–XVII вв. без всяких изменений в конструкции (Колчин 1959: 68, 69, рис. 55, 1, 3; Никитин 1971: 39, табл. 2, 17).

Ниже скопления остатков обугленного дерева в южной части постройки было обнаружено железное клиновидное изделие с приостренным концом, в котором можно видеть фрагмент зубила (№ 194, квадрат Д XVIII, нив. отм. 0,52 м выше R) (рис. 3.44, 4). Параметры находки 102 × 15 × 4 мм, противоположный к рабочей части конец обломан и согнут, возможно, вследствие удара. Инструменты подобной формы почти без изменений применялись как в древнерусское время, так и в XVI–XVII вв. (Колчин 1959: 22, рис. 7, 4; Розенфельдт Р. 1971: 262, рис. 3, 23).

Для заточки режущих частей различных инструментов использовались точильные камни, которые также были обнаружены внутри погибшего в пожаре жилого сооружения. Всего выявлено три подобные находки, одна из которых залегала у северо-восточного угла опечка избы (№ 116) (рис. 3.44, 6), а две другие — ближе к ее центральной части, вблизи подпольной ямы и развала камней и кирпичей отопительного сооружения (№ 164, 170).

К принадлежностям для прядения и ткачества относится единственная находка, а именно фрагмент каменного дисковидного пряслица, обнаруженный вблизи основания печи жилища (№ 261) (рис. 3.45, 7). Сохранилась только половина изделия, диаметр которого составлял ≈ 28 мм, толщина — 10 мм, края были закруглены. Подобные пряслица имеют широкую датировку, в частности, применялись в эпоху позднего средневековья — раннего нового времени (Екимов 2007: рис. 30, 1).

Из предметов домашнего обихода внутри интересующей нас постройки находилась боковая выдвижная стенка с горизонтальной дужкой от навесного замка типа Е по классификации Б. А. Колчина (№ 352) (рис. 3.43, 1). Она была выявлена в южной части остатков сооружения среди скопления фрагментов обугленного дерева (кв. Д XVIII, нив. отм. 0,52 м выше R). Основа боковины размерами 58 × 25 мм имеет каплевидную форму, на ее внешней стороне напаяна вертикальная пластина-

Рис. 3.45. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Находки: 1 — вставка от перстня (№ 223); 2 — пуля (№ 255); 3, 5, 6 — пуговицы (№ 137, 298, 173); 4 — деталь застежки поясной сумки (№ 160); 7 — фрагмент пряслица (№ 261); 8 — пряжка (№ 355); 9 — пинцет (№ 156). 1, 3 — стекло; 2 — свинец; 4 — рог/кость; 5 — белый металл; 6, 9 — медный сплав; 7 — камень, 8 — железо

«ребень» шириной 16 мм. В верхней части изделия расположена дужка — прямой стержень круглого сечения длиной 59 мм и диаметром 13 мм, а под ней в основании детали сохранился небольшой горизонтальный обломок замочной пружины. Замки типа Е с подобным боковым профилем характерны для XVI–XVII вв. и использовались на всей территории Московского государства (Колчин 1959: 84, рис. 68, 3; Никитин 1971: 43, табл. 8, 1–6; Кудрявцев 2014: 87, 88, рис. 17, 3).

В пределах сгоревшего жилого сооружения было обнаружено несколько находок, относящихся к деталям одежды и обуви. Наиболее яркая из них — шарообразная полая пуговица с круглым ушком, залегавшая несколько южнее опечка постройки (№ 298) (рис. 3.45, 5). Ее детали были изготовлены из тонкого листа белого металла, возможно, серебра, и спаяны между собой. Поверхность изделия ребристая, покрытая вертикальным рифлением. Такие пуговицы относятся к типу V, отделу 2 по классификации Н. В. Жилиной, и чаще всего датируются в пределах XVI — первой половины XVII в. В середине — второй половине XVII в. подобные изделия встречаются уже редко (Жилина 2019: 218, 223, рис. 3, 31, 32, 38; 5, 23; 2020: 299, 303, рис. 2, 40, 41). Кроме нее также была обнаружена смятая верхняя часть поллой пуговицы с ушком (№ 173) (рис. 3.45, 6). Данная деталь одежды изготовлена из тонкого листа медного сплава и изначально имела, видимо, шарообразную форму. Аналогичная находка была обнаружена в ходе исследования соседней сгоревшей постройки 1-го яруса, описанной выше, и датируется в пределах XV — первой половины XVII в. (Жилина 2019: 214, 216, 218, 221).

Из деталей обуви было найдено три железные подковки, разные по своему облику. Две из них являются врезными, то есть с креплением на шипах и разными пластинами. В одном случае эта последняя является высокой и узкой (скоба) (№ 305) (рис. 3.46, 6), в другом — низкой и широкой (№ 244) (рис. 3.46, 4). Третье изделие комбинированное, также имеет низкую и широкую пластины и дополнительные отверстия для гвоздей (№ 112) (рис. 3.46, 5). В целом сочетание обувных подковок данных форм и способов крепления в одном комплексе характерно для первой половины XVII в. (Осипов 2006: 77). Две из них были обнаружены в северо-восточной части постройки, в районе развала ее отопительного сооружения (№ 244, 305) (кв. Д XVI, нив. отм. 0,33 и 0,45 м выше R), третья находилась южнее, в скоплении фрагментов горелого дерева (№ 112) (кв. Д XVIII, нив. отм. 0,64 м выше R).

Кроме различных бытовых изделий среди остатков избы были также обнаружены принадлежности для игр и досуга. Среди них имеется целая глиняная свистулька, размерами 74 × 36 × 32 мм, форма находки близка к овальной, с плавно поднимающимися вверх двумя концами, нижняя ее часть уплощена (№ 136) (рис. 3.47, 1). С одной стороны имеется вдвунное отверстие, под которым расположено звукообразующее окошко, на тулове сделано четыре игровые отверстия, по два с каждой стороны, что встречается довольно редко. Подобные по форме свистульки, выполненные из красножгущейся глины, известны с XII в., широко распространились в период XIV–XVI вв. и, судя по ладожским находкам, продолжали бытовать позже, в XVII в. (Розенфельдт Р. 1968: 17, табл. 2, 33, 34; Поветкин 2002: 43, 44; Дорофеева, Полигаев 2020: 128). На Земляном городище схожая игрушка каплевидных очертаний была выявлена при исследовании постройки, сгоревшей в Смутное время (Миляев, Горлов 2020: 188, рис. 9, 7).

Рис. 3.46. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Находки: 1, 4–6 — обувные подковки (№ 107, 244, 112, 305); 2 — фрагмент удил (№ 85); 3 — фрагмент мебельной петли (№ 260); 7 — стремя (№ 226). Все — железо

В пределах сгоревшей постройки 1-го яруса, располагавшейся в западной части раскопа 3, был обнаружен также целый набор для игры в «бабки» (№ 335) (рис. 3.47, 4). В тексте отчета, а также в статье по результатам раскопок 2000 г. указано: он находился в хозяйственной яме, располагавшейся к северу от опечка избы (Кирпичников 2001А: л. 6; Кирпичников, Сорокин 2002: 152). Однако в описи данные предметы записаны как выявленные в квадрате Д XVI, к востоку от подпола (Кирпичников 2001А: л. 26). Так они показаны на чертеже, отражающем планиграфию индивидуальных находок: согласно ему, набор для игры залегал в развале отопительного сооружения среди фрагментов кирпичей и колотых плит известняка. В свою очередь этим данным противоречит нивелировка из описи, слишком низкая (нив. отм. 0,04 м выше R), до которой в 2000 г. на этом участке раскопки вообще не были доведены. Вероятно, предметы все же были найдены в подпольной яме, но произошла путаница, создавшая проблему. В любом случае находка целого набора для игры в «бабки», тем более внутри хорошо датированной постройки, является большой редкостью, поэтому необходимо детально рассмотреть его состав. Комплект состоял из 49 астрагалов крупного рогатого скота, среди которых не было экземпляров с заливкой свинцом или отверстиями для нее, на них не выявлено каких-либо знаков, меток и линий. Кроме них в составе набора указано две каменные биты. Действительно, одна из этих находок является таковой, имея вид овальной плоской плитки с вертикальными стенками (№ 335/50) (рис. 3.47, 2). У второго предмета нет правильных формы и сечения, он угловатый, с неровными краями и сколами. Скорее всего, это необработанный камень, вряд ли использовавшийся для игры. К той же категории находок относится и круглая плоская игральная фишка или тоже бита, изготовленная из камня (№ 133) (рис. 3.47, 3). Этот небольшой предмет был обнаружен над основанием опечка сгоревшей избы, диаметр его составляет 33 мм, толщина 8 мм.

В непосредственной близости от остатков сгоревшего жилища, располагавшегося в западной части раскопа 3 (кв. В–Д XVI–XVIII), также был обнаружен ряд примечательных изделий, входящих в состав данного вещевого комплекса. К предметам вооружения относится фрагмент костяной декоративной вставки, украшавшей цевье колесцового пистолета в районе устья шомпольного канала (№ 23) (рис. 3.36, 3, 4). Он был обнаружен к северу от фрагментов сгоревшего сооружения (кв. Г XV, нив. отм. 0,32 м выше R) (рис. 3.35). Размеры находки 32 × 14 мм, ее внешнюю поверхность покрывает гравированный орнамент в виде плетенки из плавных волнообразных элементов и остроконечной чешуи (Миляев 2020: 237). По периметру изделия имеется рамка из одиночных и парных линий. Как уже упоминалось, по стилистике и манере нанесения декора данный фрагмент полностью аналогичен находке из соседней сгоревшей постройки 1-го яруса, расположенной в 4 м к северо-востоку (кв. Ж–И XV–XVI); вероятно, они могут относиться к одному изделию (рис. 3.36, 1, 2). Обломки декора пистолета, вероятно, связанные с событиями Смутного времени, позволяют датировать оба сгоревших сооружения в пределах начала XVII в. (Миляев 2020: 246; 2020а: 22, 24) (рис. 3.36, 11, 11а).

Из боеприпасов к северу от постройки в развале камней была найдена свинцовая пуля, сплюснутая, видимо, при попадании в твердую поверхность (№ 255, квадрат Д XV) (рис. 3.35; 3.45, 2). Диаметр снаряда — в пределах 13–14 мм, вес 8 г, отлит в пулелейке; литник, предположительно, был обрезан. Такие боеприпасы

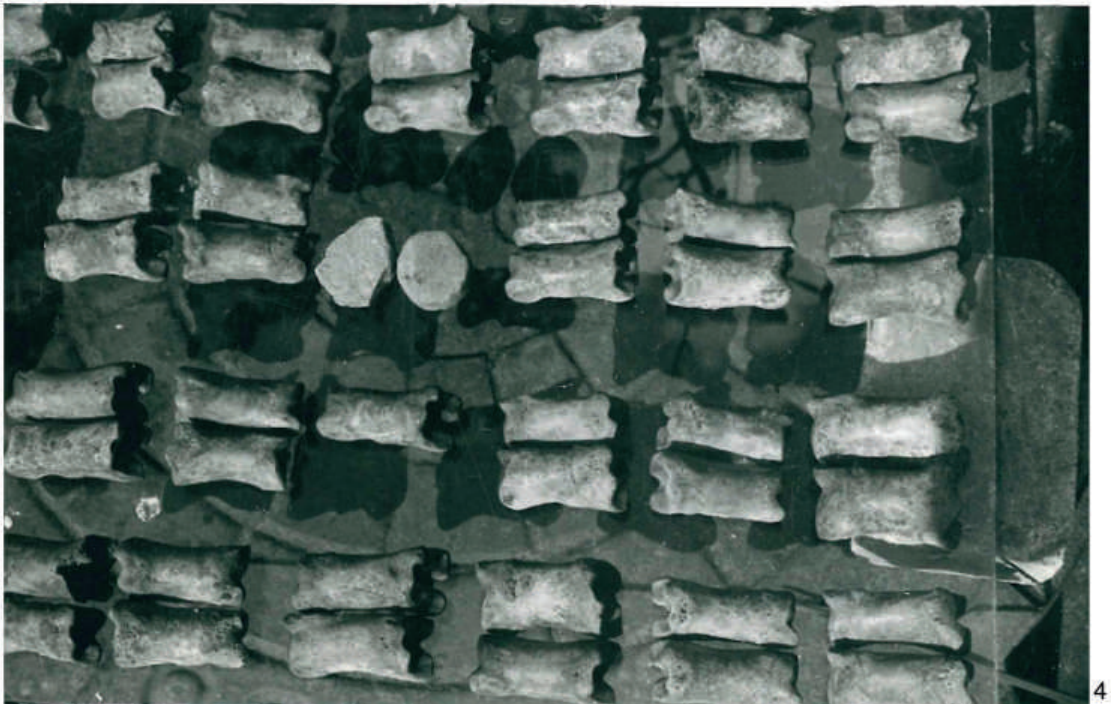

Рис. 3.47. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Находки: 1 — свистулька (№ 136); 2 — игровая бита (№ 335/50); 3 — игральная фишка (бита?) (№ 133); 4 — набор для игры в «бабки» (№ 335). 1 — глина; 2, 3 — камень; 4 — кость

относятся к группе 1, варианту 2 по классификации О. В. Двуреченского, и предназначались для стрельбы из ручных пищалей (Двуреченский 2005: 266, 267, рис. 1). Примечательно, что в развале отопительного сооружения жилища был обнаружен кусок свинца, оплавленный в пожаре, который, возможно, является фрагментом сырьевого слитка для отливки изделий, в частности пуль (№ 247, квадрат Е XVI). Литье легкоплавкого металла в форму производилось при помощи железной ложки с прямой ручкой, фрагмент которой также был найден вблизи сгоревшего сооружения (№ 227, квадрат Е XVII) (рис. 3.43, 5). Обломки подобных инструментов не раз встречены при раскопках поздних напластований в Ладого, крепостях Орешек, Ивангород и Копорье. В Центральной и Западной России железные ложки имеются, например, в археологических коллекциях с территории Москвы, Тушинского лагеря и Смоленска (Никитин 1971: 42, табл. 5, 17; Розенфельдт Р. 1971: 264, рис. 2, 5; Векслер 2009: табл. 22, 2; Двуреченский 2018: 30, 31, рис. 46, 715; 49, 720; Пронин, Соболев 2020: рис. 21, 6). В XVII в. «уполовники железные» вместе с формами для литья пуль и металлическими горшками «на свинешнюю топку» выдавались пехотным полкам для изготовления боеприпасов в ходе военных кампаний (Малов 2006: 291, 292, 294, 305, 306).

В районе расположения сгоревшей постройки в квадратах В–Д XVI–XVIII были найдены несколько предметов, относящихся к экипировке коня и всадника (рис. 3.35). Наибольший интерес среди них вызывает почти полностью сохранившееся стремя (№ 226) (рис. 3.46, 7). Размеры изделия составляют $\approx 187 \times 140$ мм, его подножка прямая, овальной формы, шириной не менее 35 мм, с загнутыми вниз бортиками. Дужка находки имеет арочную «килевидную» форму с прямоугольной прорезью сверху; с внешней стороны по краям она украшена чеканными линиями. Изделие повреждено и деформировано, в одной точке подножка оторвана от дужки. Данный тип стремян относится к типу VII по классификации А. Н. Кирпичникова, который датировал время их появления XI в. (Кирпичников 1973: 50, 51). Они широко бытовали в древнерусский период и продолжали использоваться в эпоху позднего средневековья — раннего нового времени. Аналогичные изделия XVI–XVII вв. и их фрагменты происходят из Москвы, Тушинского лагеря, Старицы, крепости Орешек, а также имеются на территории Украины и Великого княжества Литовского (современная Республика Беларусь) (Никитин 1971: 40, табл. 4, 6; Кирпичников 1980: 96, рис. 28, 1; Хворостова 2015: 351, рис. 8; Двуреченский 2018: 24, рис. 33, 790; 34, 562, 573, 608, 789).

К той же группе находок относится и фрагмент звена удила, обнаруженный недалеко от стремени (№ 85) (кв. Е XVII) (рис. 3.46, 2). Он представляет собой стержень круглого сечения длиной ≈ 63 мм, один конец которого уплощен и плавно загнут в петлю, а другой — обломан. Тип самих удила, к сожалению, определить невозможно. Кроме указанных выше находок под сгоревшими остатками постройки была выявлена железная пряжка прямоугольных очертаний, которая могла использоваться для застегивания подпруги или иных частей сбруи (№ 355) (рис. 3.45, 8). Ее размеры составляют 42×43 мм, рамка согнута из прута квадратного сечения, язычок уплощенный. Подобные изделия известны как в древнерусское время, так и в XVI–XVII вв. (Никитин 1971: 42, табл. 6; 12).

Из бытовых предметов, обнаруженных вблизи интересующей нас сгоревшей постройки в западной части раскопа 3, можно упомянуть железный клин, веро-

ятно, от топора или иного инструмента (№ 190) (рис. 3.43, 2). Он имеет размеры 45 × 23 мм, вытянуто-трапециевидные очертания и прямоугольное сечение. Среди находок есть также массивная железная пластина с неровными краями, которая могла являться заготовкой или обломком какого-либо изделия (№ 105) (рис. 3.44, 2).

Из предметов домашнего обихода интересно крупное П-образное железное изделие размерами 110 × 80 × 25 мм (№ 108) (кв. Г XV) (рис. 3.43, 3). Его центральная часть выполнена в виде двух пластин шириной ≈ 20 мм с узким щелевидным проемом в центре. По бокам имелось два вертикальных заостренных шипа, один из которых на ладожской находке обломан. Предмет был обнаружен несколько севернее сгоревшей постройки. Вероятно, такие приспособления использовались в качестве осветительных устройств — светцов, а в их центральную прорезь вставлялась лучина. Подобные изделия имеются, например, среди материалов раскопок в крепости Ивангород.

К деталям мебельной фурнитуры относится небольшая железная петля, обнаруженная в развале отопительного сооружения жилища, к северо-востоку от него (№ 260) (кв. Е XVI) (рис. 3.46, 3). Изделие представляет собой узкую тонкую пластину длиной 52 мм, в центре которой имеется плавный округлый изгиб. В него вставлен поперечный стержень диаметром ≈ 8–9 мм, один конец которого расклепан в округлую шляпку, а другой — обломан. К какому именно предмету мебели относится данная деталь, пока установить не удалось.

К северу от интересующих нас остатков жилого сооружения было также обнаружено отдельное звено цепи восьмерковидной формы с вогнутыми боками (№ 93) (рис. 3.43, 4). Как уже указывалось, подобные изделия были характерны как для древнерусского времени, так и для XVI–XVII вв. (Колчин 1959: 113; Никитин 1971: 42, табл. 5, 18; Гайдуков 1992: рис. 65, 1–5).

Детали одежды и обуви вокруг сгоревшей избы в квадратах В–Д XVI–XVIII также были представлены несколькими небольшими находками. В первую очередь следует упомянуть пуговицу из непрозрачного черного (темно-коричневого) стекла, обнаруженную вблизи развала отопительного сооружения постройки (№ 137) (кв. Е XVI) (рис. 3.45, 3). Ее шляпка круглая, диаметром 12 мм и высотой 8 мм, сплюснута с одной стороны, отчего имеет поперечное сечение, близкое к полусферическому. Ушко из тонкой железной проволоки обломано, однако его концы видны на нижней плоскости изделия. Данная пуговица полностью аналогична трем описанным ранее экземплярам, обнаруженным в ходе исследования соседней постройки 1-го яруса в квадратах Ж–И XV–XVI. Датируются подобные изделия в пределах XVII–XVIII вв. (начала XVIII в.?) (Векслер 2009: ил. 19, 2, 1075; Екимов 2007: рис. 21, 9; Кокорина и др. 2015: 13, 85, 86, рис. 169–172; Визгалов, Пархимович 2008: 77, рис. 114, 13–18) (рис. 3.39, 2–5). Из стекла зеленоватого оттенка изготовлена миниатюрная круглая вставка для перстня, диаметром чуть более 10 мм и толщиной ≈ 2 мм, обнаруженная недалеко от пуговицы (№ 223) (кв. Е XVI) (рис. 3.45, 1).

К югу от опечка сгоревшего дома среди небольшого скопления камней и обломков кирпича была обнаружена прямоугольная роговая пластина с двумя отверстиями, расположенными по центральной продольной оси изделия (№ 160) (рис. 3.45, 4). Находка обуглена вследствие пребывания в пожаре, уничтожившем постройку. Размеры предмета 37 × 18 × 3–4 мм, диаметр отверстий ≈ 5 мм, на обеих его сторонах имеется орнамент. На лицевой плоскости по краям пластины есть

прямоугольная рамка, разделенная на две равные части поперечной линией. Внутри них имеются два горизонтальных ряда циркульного орнамента, круги которого нанесены вплотную друг к другу выше и ниже отверстий. На внутренней стороне в центре также присутствует одиночный концентрический элемент подобного декора. Аналогичные изделия, относящиеся к XVI–XVII вв., неоднократно обнаруживались на территории России, однако их назначение чаще всего оставалось неясным. Обычно такие пластины с двумя отверстиями, выполненные из рога, интерпретировались как накладки. Еще одна подобная вещь происходит из материалов раскопок Н. И. Репникова на Земляном городище в Старой Ладоге. Аналогичные предметы были найдены в крепости Орешек, Вологде, Кирилло-Белозерском монастыре, Смоленске, Мангазее, а также среди остатков русской полярной экспедиции начала XVII в. в заливе Симса (Кирпичников 1969А: л. 7, рис. 9, 6; 1971А: л. 79; Андрианова 2014: рис. 8, 5; Пронин, Соболев 2020: рис. 74, 1; Визгалов, Пархимович 2008: рис. 169, 3; Окладников 1951: 13, табл. XIV, 18) (рис. 3.39, 6–8, 11, 12). При визуальном осмотре изделия, происходящего с берега залива Симса, имеющего прекрасную сохранность (находится в фондах Российского государственного музея Арктики и Антарктики), заметно, что края его отверстий сильно сглажены и заполированы, то есть, видимо, в них был вставлен шнур, по которому пластина перемещалась. Наличие орнамента на обеих плоскостях предмета свидетельствует о том, что он вряд ли закреплялся стационарно на какой-либо поверхности, что исключает обзор декора с одной из сторон. Наиболее выразительная и точная аналогия описанным выше роговым деталям обнаружена среди вещей, найденных на поле боя под Берестечком (1561 г.) на территории Украины, тогда же стало очевидным и ее предназначение. Подобная пластина, украшенная циркульным орнаментом, была элементом застежки кожаной или тканевой поясной сумки (Свешников 1992: 190, рис. 38, 5) (рис. 3.39, 13). Она перемещалась по кожаному шнурку и, видимо, позволяла сделать плотнее завязку и надежнее закрыть клапан (рис. 3.39, 13а). Скорее всего, именно такое назначение имели роговые пластины XVI–XVII вв., обнаруженные при раскопках Земляного городища в Старой Ладоге и на других памятниках.

К деталям обуви относится железная подковка с низкой и широкой пластиной (№ 107) (рис. 3.46, 1). Способ ее крепления к каблуку комбинированный, при помощи шипов, а также гвоздей, забивавшихся через дополнительные отверстия. Размеры находки составляют $\approx 64 \times 45$ мм. Изделия с таким способом крепления появились только в XVII в. и бытовали в течение всего столетия (Осипов 2006: 76, 77).

Из немногочисленных предметов, изготовленных из медного сплава и обнаруженных в районе сгоревшей постройки в западной части раскопа 3, обращает на себя внимание пинцет длиной 60 мм (№ 156) (рис. 3.45, 9). Основа изделия — цельная заготовка, вырезанная из тонкого листа металла и согнутая пополам. При этом в его верхней части образована проушина, в которой сохранился обломок железного кольца. Находка имеет вытянуто-трапециевидные очертания, а ее рабочие части также сформированы путем сгиба широких концов пластины под прямым углом. Подобные предметы неоднократно встречены в слоях XVI–XVII вв. Москвы, Пскова, Мангазеи, Пустозерска; зачастую их поверхность украшена циркульным и геометрическим орнаментами (Векслер 2009: табл. 5, 12; 26, 3; Кренке 2009: рис. 92, 3; Королева 1996: табл. VII, 10, 11; Визгалов, Пархимович 2008: рис. 95, 1, 2;

Рис. 3.48. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Находки: 1 — фрагмент кубышки с зеленой поливой (№ 211); 2, 3 — фрагменты фляг с зеленой поливой (№ 144, 286); 4 — фрагмент стеклянного сосуда, изготовленного в технике венецианской филигрании (№ 125)

Барышев и др. 2014: 7). Аналогичное изделие обнаружено среди остатков полярной экспедиции начала XVII в. на о-в Фаддея (Окладников 1951: табл. IX, 3) (рис. 3.39, 9, 10). Неоднократно эти пинцеты интерпретировались как ювелирные инструменты, однако большинство указанных изделий, включая ладожскую находку, выполнены из очень тонкого листа медного сплава и не имеют специальных кольцевых зажимов; они не выдержали бы нагрузок, связанных с металлообработкой. Скорее всего, данные предметы являлись личными косметическими принадлежностями.

Среди керамики, обнаруженной при исследовании сгоревшей постройки в квадратах Г–Е XVI–XVII, следует отметить три фрагмента привозных красноглиняных сосудов с зеленой поливой. Два из них являются обломками дисковидных фляг с орнаментом из концентрических и волнообразных линий, с выделенным ребром по краю, в месте перехода к боковой части. Одна из находок была обнаружена вблизи юго-западного угла сгоревшей постройки, в квадрате В XVIII (нив. отм. 0,5 м выше R) (№ 144), вторая — немного к северу от нее, вблизи развала камней и кирпичей отопительного сооружения (№ 286) (рис. 3.48, 2, 3). Причем на боку последнего фрагмента имеется выступающее трапециевидное ушко с отверстием для продевания ремешка или шнура, на котором подвешивался сосуд (рис. 3.48, 3). Подобные изделия датируются в основном концом XVI — XVII в. (Кильдюшевский 2002: 20, 30, рис. 9, 1–9; Курбатов 2013: 126). Второй фрагмент является обломком плечика кубышки и переходом к горлу (№ 211) (рис. 3.48, 1). Он был выявлен над основанием печи жилого дома (кв. Г XVII, нив. отм. 0,4 м выше R). Поверхность находки декорирована концентрическими линиями и рядом ромбов, образованным двумя зигзагообразными полосами. Такие сосуды также датированы концом XVI — XVII в. (Кильдюшевский 2002: 18, 30, рис. 8, 17).

Вблизи развала отопительного сооружения жилища, к северо-востоку от него, был обнаружен фрагмент стеклянного сосуда, плавно изогнутый в сечении (№ 125) (кв. Е XVI) (рис. 3.48, 4). В толще прозрачной основы имеется несколько рядов волнообразных линий молочно-белого цвета. Данное изделие выполнено в технике венецианской филигрании (*façon de Venice*) (рис. 3.41, 4, 5). Большинство подобных сосудов, привозимых на территорию Московского государства из Европы, датируется XVII в., хотя есть и несколько более поздние экземпляры (Векслер, Лихтер 2001: 365–375; Лихтер 2015: 513, 514, рис. 8, 3, 4; 9; 2016: 51, 52). Стекло очень тонкое, вероятно, это фрагмент бокала.

В ходе исследования сгоревшей постройки 1-го яруса в квадратах Г–Е XVI–XVII было выявлено несколько деталей строительного крепежа. В их числе имеются три фрагмента гвоздей (№ 102, 120, 127) и пять скоб (№ 91, 183, 195, 210).

Отличительной особенностью вещевого комплекса, происходящего из сооружения 1-го яруса застройки, располагавшегося в западной части раскопа 3 и вокруг него, является наличие довольно большого количества находок из органических материалов (рис. 3.49). Известно, что подобные изделия редко встречаются в напластованиях XVI–XVII вв. на Земляном городище, однако в раскопе В. И. Равдоникаса, располагавшемся вдоль западной куртины Земляного города (1949 и 1957 гг.), экспедиция обнаружила участок слоя, где органические предметы сохранялись довольно неплохо (Равдоникас 1949А: л. 28, 29). Раскоп 3 А. Н. Кирпичникова почти вплотную примыкал к данному участку с юго-востока, и, вероятно, поздние культурные напластования здесь еще сохраняли некоторые анаэробные свойства. Это может объясняться еще и тем, что сгоревшая постройка в квадратах Г–Е XVI–XVII располагалась на участке склона древней дневной поверхности и условия сохранности органических находок здесь могли быть лучше.

В пределах интересующего нас сгоревшего жилого сооружения, в районе южной лаги его пола, было обнаружено два обода, вероятно, от бочки (№ 123, 393) (рис. 3.50, 6, 7). Они лежали в одном квадрате рядом и, скорее всего, были в составе одного изделия (кв. Д XVII, нив. отм. 0,33 и 0,49 м выше R).

Редкими для ладожских слоев XVI–XVII вв. являются находки текстиля. Среди них — четыре фрагмента шерстяной ткани саржевого переплетения 2/2, обнаруженные к югу от опечка сгоревшей постройки (№ 79) (рис. 3.51, 1). Плотность их составила 12 нитей основы на 6 нитей утка, на данный момент обрывки имеют черный цвет. Интересны также два фрагмента шнура (длиной 35 и 45 мм), обнаруженные в районе подпольной ямы жилого сооружения (№ 166, квадрат Г XVI) (Орфинская, Михайлов 2020: 349, 355, табл. 7) (рис. 3.51, 2). Плетение производилось по кругу из восьми шерстяных нитей. Шнур мог использоваться для обшивки краев одежды или формирования воздушных петель для пуговиц (Жилина 2020: рис. 5, 1). Кроме того, в южной части постройки среди остатков дерева было найдено скопление шерстяных нитей — вероятно, также остатки ткани (№ 188); рядом залежали четыре фрагмента войлока (№ 103) (Орфинская, Михайлов 2020: 349) (рис. 3.51, 3, 4). Все описанные выше находки имеют следы пребывания в огне.

Фрагменты изделий из кожи были особенно частой находкой среди остатков постройки 1-го яруса в западной части раскопа 3 и вокруг нее. Их было обнаружено около 25 экземпляров. Среди них присутствуют головки сапог, части голенищ, подошвы, наборные каблуки и отдельные флики. Отдельно стоит отметить почти

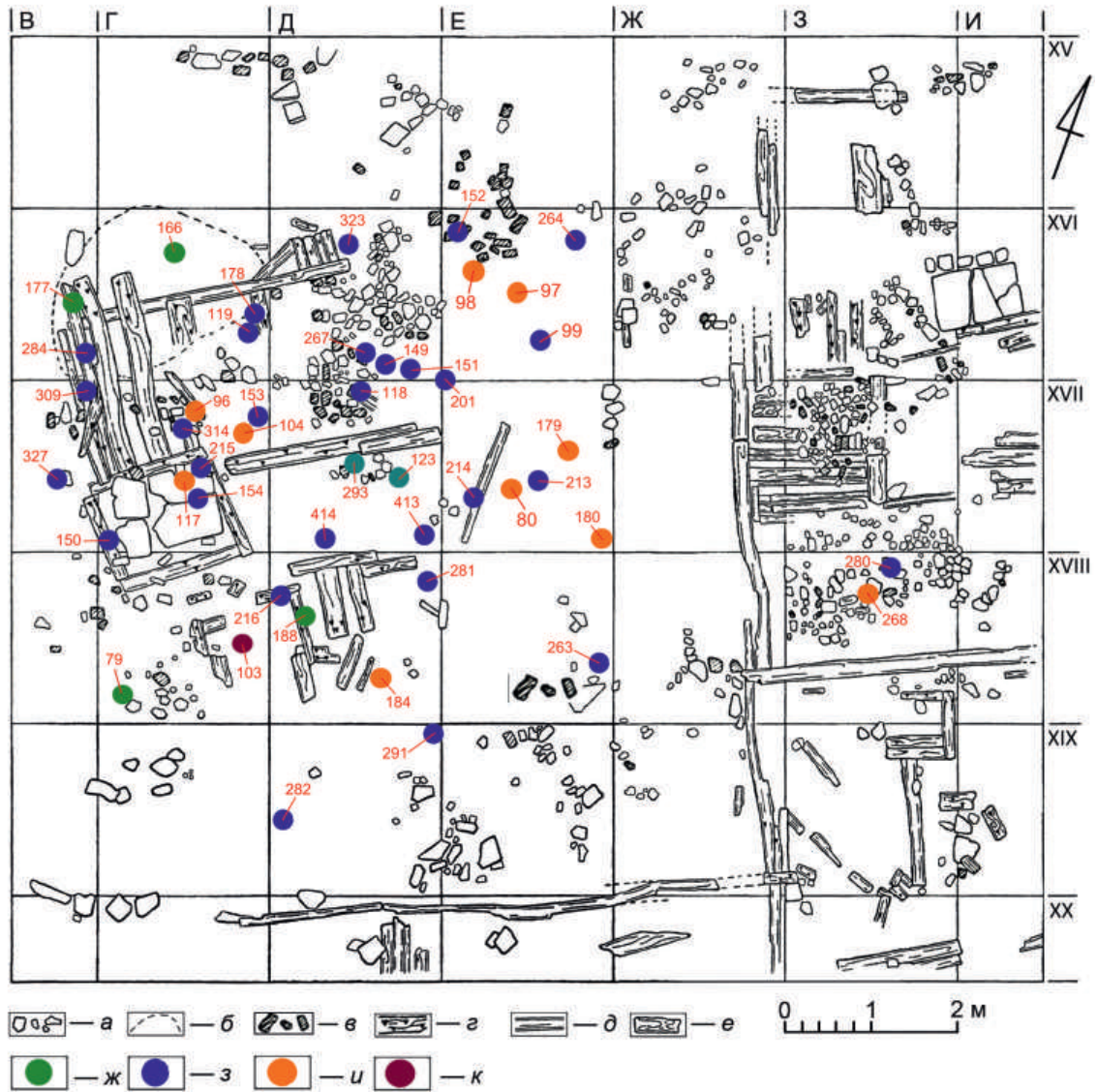

Рис. 3.49. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г., раскоп 3. Планиграфия находок из органических материалов. Условные обозначения: *a* — камни; *б* — углубление; *в* — кирпичи; *г* — горелость; *д* — бревна; *е* — доски; *ж* — текстиль; *з* — кожаные изделия; *и* — берестяные изделия; *к* — войлок

полностью сохранившийся чехол для ножа (ножны)²⁷. В пределах сгоревшего жилого сооружения были выявлены около 16 изделий и их фрагментов, причем они встречены как среди горелых остатков дерева, так и под ними (рис. 3.49). Несколько экземпляров были обнаружены под основанием печи из известняковых плит (№ 150, 154, 215). Часть находок, судя по их местонахождению и нивелировочным отметкам, находилась в заполнении подпольной ямы и рядом с ней (№ 178, 284, 309). Довольно много изделий было встречено в развале отопительного сооружения и рядом с ним как в пределах остатков избы, так и вблизи нее.

²⁷ Подробно эти предметы рассмотрены А. В. Курбатовым в приложении к этой главе, посвященном ладожским кожаным находкам XVI–XVII вв., с. 253.

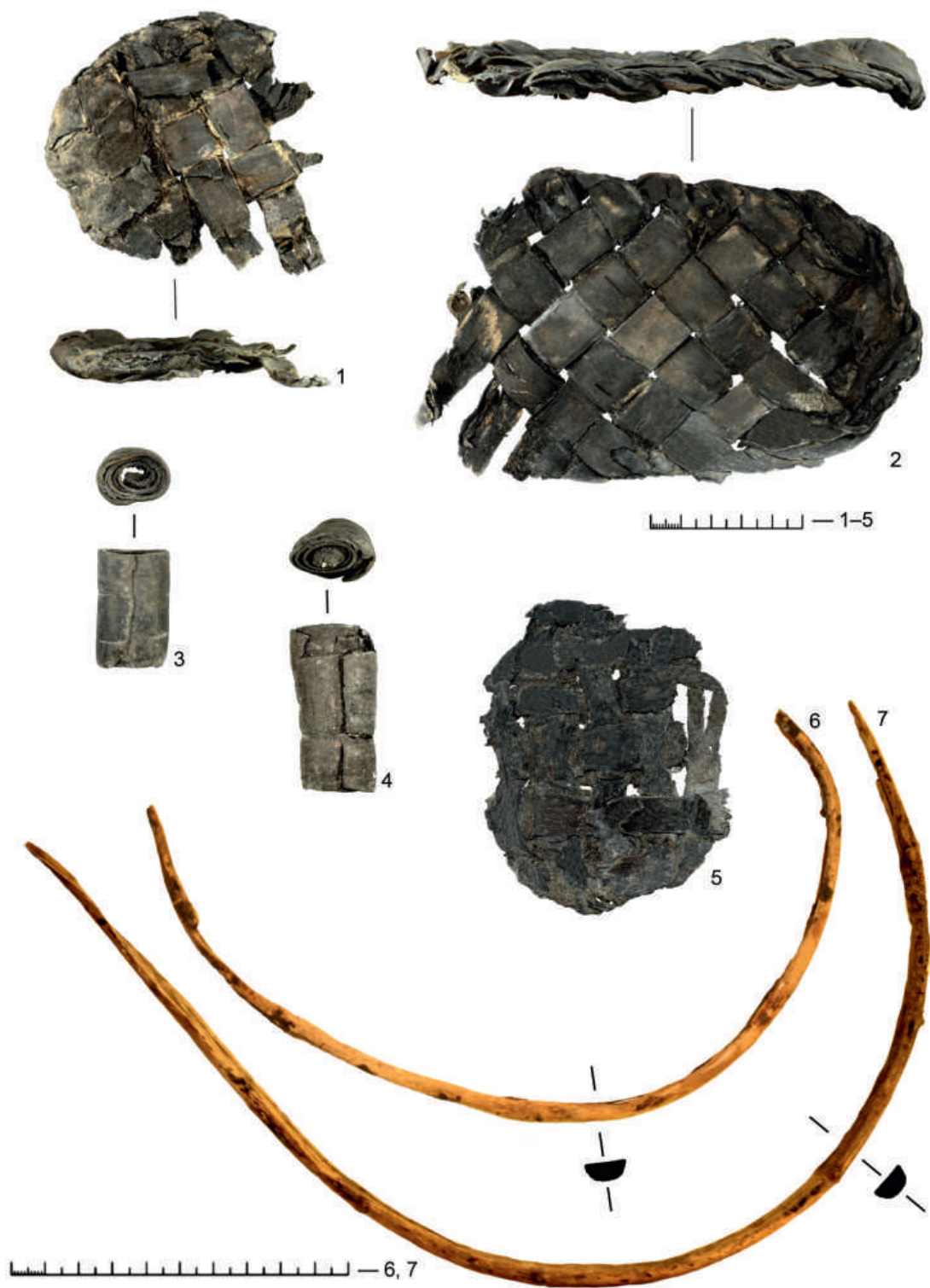

Рис. 3.50. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Находки: 1, 2, 5 — фрагменты лаптей (№ 96, 98, 80); 3, 4 — полавки (№ 184/1, 2); 6, 7 — ободья от бочки (№ 123, 393).
1-5 — береста; 6, 7 — дерево

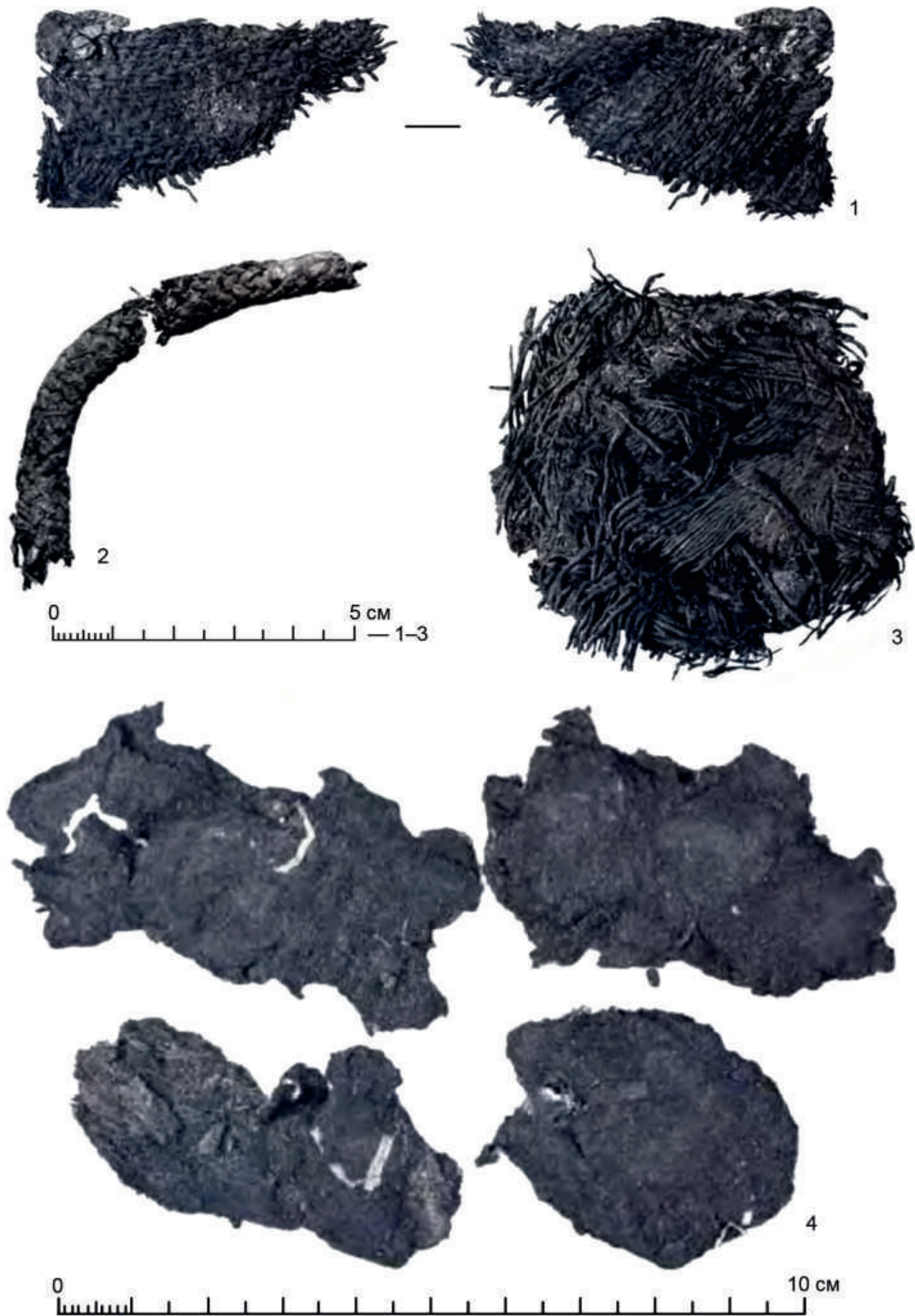

Рис. 3.51. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Находки: 1 — фрагмент шерстяной ткани (№ 79); 2 — фрагмент плетеного шнура из шерстяных нитей (№ 166); 3 — скопление шерстяных нитей (№ 188); 4 — фрагменты войлока (№ 103) (по: Орфинская, Михайлов 2020)

Среди предметов из органических материалов стоит также отметить изделия из бересты, а именно фрагменты лаптей (№ 80, 96, 98, 104, 117) и два поплавка (№ 184) (рис. 3.49; 3.50, 1–5).

В ходе исследования остатков сгоревшей постройки 1-го яруса в западной части раскопа 3 было выявлено некоторое количество древнерусских изделий, находившихся в переотложенном состоянии. Это две железные ладейные заклепки середины VIII — XII вв. (№ 109, 191), древнерусское шиферное пряслице X–XIII вв. (№ 366), две бусины из стекла и сердолика (№ 359, 367), фрагмент боковой накладки одностороннего гребня II группы по классификации О. И. Давидан (№ 25). Накладка украшена циркульным орнаментом и датируется X–XI вв.²⁸ Видно, что все это малочисленные небольшие изделия, легко перемещаемые вместе с грунтом. Вероятно, они оказались здесь в процессе хозяйственной деятельности XVI–XVII вв. или в ходе нивелировки местности после пожара.

Итак, в результате анализа вещевых комплексов из сгоревших жилых сооружений 1-го яруса верхнего строительного горизонта, принимая во внимание уточненные датировки всех описанных выше находок, период существования сооружений стоит ограничить временным отрезком в пределах первой половины XVII в. Более того, часть находок прямо указывает на более предпочтительную дату в рамках начала указанного столетия. Особое внимание стоит обратить на значительное количество боеприпасов и фрагментов вооружения, обнаруженных среди остатков изб в западной и северо-восточной частях раскопа 3. Среди них имеются крупнокалиберные железные снаряды от затинных пищалей или артиллерийских орудий (рис. 3.35). Судя по всему, их гибель в сильнейшем пожаре связана именно с активными боевыми действиями. Наиболее вероятно, что интересующие нас сооружения 1-го яруса застройки в раскопе 3 А. Н. Кирпичникова можно соотнести с единовременным горизонтом жилых и хозяйственных построек, сгоревших во время событий Смутного времени начала XVII в., открытых экспедицией В. И. Равдоникаса. Они были изучены в западной части Земляного городища, на территории, почти вплотную примыкающей к раскопу 3, и относятся к условному горизонту В по шкале В. И. Равдоникаса (раскопки 1945, 1948–1949, 1957 гг.). Гибель данной застройки внутри деревоземляной крепости относится к 1611 г., когда войска боярина И. М. Салтыкова, применив артиллерию и каленые ядра, постарались выбить из Ладоги крупный отряд наемников капитана Пьера Делавила де Домбала, захвативших город в 1610 г. Произошедший в результате обстрела пожар, а также его значительные последствия хорошо освещены в письменных источниках и имеют четкое археологическое подтверждение (Миляев 2020а: 2; Миляев, Горлов 2020: 170, 172, 192–195, рис. 2). Вещевые комплексы из сооружений начала XVII в., открытых В. И. Равдоникасом, представлены категориями находок, полностью аналогичными предметам из домов 1-го яруса в раскопе 3 А. Н. Кирпичникова, и снабжены надежным датирующим нумизматическим материалом (Миляев, Горлов 2020: рис. 3, 7–11, 13–16). Надо отметить, что слои, в которых выявлены столь отчетливые следы военного разгрома, насыщены большим количеством разнообразных находок, среди которых имеется немало крупных, почти целых изделий. Таким образом, впервые за все время исследования Земляного городища появилась

²⁸ См. с. 239, рис. 3.59, 1.

возможность свести воедино чертежи участков, раскопанных В. И. Равдоникасом и А. Н. Кирпичниковым на уровне единовременного яруса сгоревших построек начала XVII в.

2-й ярус застройки первого (верхнего) строительного горизонта

Ко 2-му ярусу первого (верхнего) строительного горизонта относятся остатки одного жилого дома, выявленные у восточной стенки раскопа 3, а также прилегающие к нему с юга фрагменты нижней части легкого хозяйственного сооружения или настила. В 2000 г. они были открыты не полностью, их восточная и южная части находились вне территории раскопок (рис. 3.24; 3.25)²⁹. В основном указанные конструкции залегали на нивелировочных отметках 0,70–0,82 м выше R, что очень близко к уровню построек 1-го яруса. Разница между ними по глубине могла колебаться в пределах всего нескольких сантиметров. Несомненно, это объясняется характером верхних «сухих» напластований Земляного городища, где дерево сохраняется исключительно в виде тлена, отчего разновременные строительные горизонты под давлением грунта оказываются в «спрессованном» состоянии. В данном случае важное значение имеет разница глубины залегания нижних частей их печей. Остатки отопительного устройства жилища 2-го яруса застройки (кв. Ж–3 XVII, нив. отм. 0,73–0,83 м выше R) располагались примерно на 0,10–0,25 м глубже, чем кирпичное основание печи сгоревшего жилого дома 1-го яруса в северо-восточной части раскопа 3 (кв. 3–И XVI, нив. отм. 0,92–0,97 м выше R). Ориентировка более ранних построек также изменилась, о чем уверенно можно судить по направлению нижних венцов (рис. 3.25). Важно отметить, что в отличие от сооружений начала XVII в., вероятнее всего сгоревших в Смутное время, остатки деревянных конструкций 2-го яруса не несли следов тотального пожара, внутри них были выявлены только отдельные обгоревшие фрагменты дерева. Вероятно, эти постройки также могли пострадать в огне, однако последствия этого были менее катастрофичны, чем наступившие в результате более поздних боевых действий³⁰.

От жилой избы 2-го яруса застройки, располагавшейся в пределах квадратов Ж–И XVII–XVIII сохранились нижние окладные венцы западной и южной стен, северная была полностью разрушена, а место ее перекрыто более поздней сгоревшей постройкой начала XVII в. (1-й ярус) (рис. 3.25; 3.52). Данное жилище, ориентированное по линии север–юг (с отклонением к северо-западу), было сооружено из бревен диаметром $\approx 0,20$ – $0,22$ м, рубка производилась способом «в обло» с выпуском. Западный венец, открытый в квадратах Ж XVI–XVIII, сохранился на длину 3,7 м (нив. отм. 0,75–0,72 м выше R), южный изучен в квадратах Ж–И XVIII на протяжении 3,55 м (нив. отм. 0,79–0,81 м выше R). Юго-западный угол дома расчищен в квадрате Ж XVIII, а разрушенный северо-западный, скорее всего, располагался в квадрате Ж XVI, то есть изба была квадратной или прямоугольной формы, ее общие размеры можно предположительно определить в пределах от 4 × 4 м,

²⁹ Позже смежный участок был исследован в ходе работ 2006 г. (раскоп 4), и остатки построек 2-го яруса были полностью исследованы. Сведение чертежей раскопок разных лет в южной части Земляного городища на уровне слоев позднего средневековья — раннего нового времени является отдельной темой для будущих работ.

³⁰ Об этом можно судить, в частности, по их сохранившимся нижним венцам, состояние которых отражено в чертежах и на фотографиях в отчетной документации.

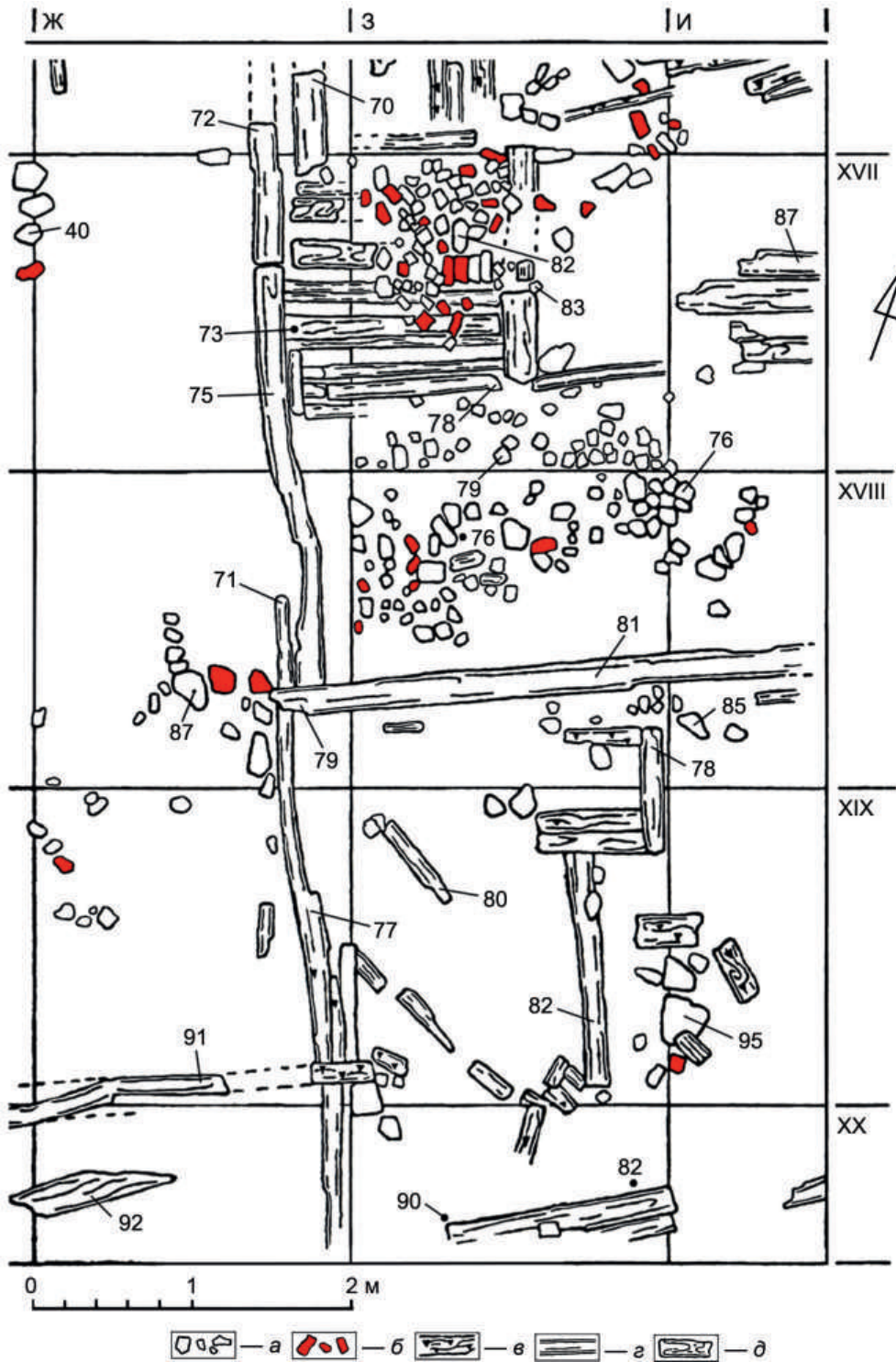

Рис. 3.52. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. План остатков сооружений 2-го яруса застройки в восточной части раскопа 3 (квадраты Ж-И XVII-XX). Условные обозначения: а — камни; б — кирпичи; в — горелость; з — бревна; д — доски

Рис. 3.53. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г.: 1 — жилое сооружение 2-го яруса застройки в восточной части раскопа 3 (кв. Ж-И XVII–XXVIII), вид с запада; 2 — часть развала печи жилища 2-го яруса застройки в восточной части раскопа 3 (кв. Ж-И XVII–XXVIII), вид с востока

но вряд ли более $4,5 \times 4,5$ м (рис. 3.53, 1; 3.54, 1). Нижние венцы укладывались на одиночные деревянные подкладки и камни.

Остатков пола внутри жилого сооружения 2-го яруса застройки почти не сохранилось. В квадрате И XVII у восточной стенки раскопа 3 частично, на длину 0,55–0,95 м, были расчищены три плахи или доски, плотно уложенные параллельно друг другу (нив. отм. 0,87 м выше R) (рис. 3.52; 3.54, 1). Они были ориентированы по линии запад–восток, ширина их составляла от 0,15 до 0,21 м. Можно предположить, что данные фрагменты дерева являлись остатками половиц, под концом одной из них было обнаружено два камня, которые могли быть подкладками. Такую же функцию могло выполнять тонкое бревно диаметром $\approx 0,1$ м, фрагмент которого длиной 0,85 м был расчищен западнее, в квадрате 3 XVII, у юго-восточного угла печка.

В северо-западном углу жилого сооружения 2-го яруса застройки, в квадратах Ж–3 XVII, находились остатки отопительного сооружения. Размеры прямоугольной печи, ориентированной, как и вся постройка, в направлении север–юг, составляли $1,5 \times 1,7$ м (рис. 3.52; 3.53, 2). Ее опечек предположительно представлял собой срубную конструкцию, от которой сохранился только один восточный нижний венец (нив. отм. 0,83 м выше R). В отличие от сгоревших построек 1-го яруса начала XVII в., в основании данной печи были уложены не плиты известняка, а настил из досок длиной 1,37–1,40 м и шириной 0,14–0,22 м (нив. отм. 0,73–0,78 м выше R). Поверх него залегала часть развала отопительного устройства (рис. 3.54, 1). Это было плотное скопление кирпичей, их фрагментов, а также колотых плит известняка и камней, находившееся в восточной и северо-восточной частях печка (кв. 3 XVII; нив. отм. 0,82–0,83 м выше R). Среди этих беспорядочно лежавших остатков отопительного сооружения явно выделяются два кирпича и две известняковые плиты, уложенные в линию, вплотную друг к другу. Можно предположить, что изначально кладка этой печи, по крайней мере в ее нижней части, имела упорядоченный характер. Видимо, в качестве связующего материала использовалась глина.

Большая часть развала печи жилища 2-го яруса застройки располагалась к югу от печка, в пространстве, ограниченном южным и западным нижними венцами постройки (рис. 3.52). Крупное скопление лежащих в беспорядке известняковых плит, камней и фрагментов кирпичей было выявлено в квадратах 3 XVII–XVIII, И XVIII (нив. отм. 0,76–0,79 м выше R). Размеры этого пятна составляли $\approx 2,6 \times 1,5$ м, за пределы постройки завал не распространялся, в отличие от остатков сгоревших сооружений 1-го яруса застройки (рис. 3.53, 1; 3.54, 1). Небольшая часть остатков разрушенной печи, залегавших в виде полосы, также была выявлена в северо-восточной части сооружения в квадратах 3 XVI–XVII. Снаружи исследованного жилища, вблизи его юго-западного угла (кв. Ж XVIII), располагались несколько фрагментов кирпича и плит известняка, однако нельзя уверенно сказать, имеют ли они отношение к данному отопительному сооружению.

С юга к остаткам описанного жилого дома примыкали фрагменты частично сохранившегося деревянного сооружения, в 2000 г. исследованного не полностью (рис. 3.52). Судя по всему, это было основание некой легкой постройки, каких-либо фактов, указывающих, что на данном участке находился сруб, нет. Остатки этих деревянных конструкций залегали в юго-восточной части раскопа 3 на одном уровне с описанной выше жилой постройкой (кв. Ж–И XVIII–XX, нив. отм. 0,71–0,82 м

Рис. 3.54. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г.: 1 — остатки жилого и хозяйственного сооружений 2-го яруса застройки в восточной части раскопа 3 (кв. Ж-И XVII–XX), вид с северо-запада; 2 — фрагмент судовой детали — подкладка под нижний венец жилища 2-го яруса застройки, вид с запада

выше R). Наиболее вероятно, что они существовали синхронно и были связаны в единый комплекс (рис. 3.54, 1). Об этом свидетельствует и состав находок, обнаруженных на данном участке. Можно заключить, что данное сооружение также относится ко 2-му ярусу застройки.

Полностью размеры конструкции установить невозможно, непосредственно в раскопе она занимала пространство площадью $\approx 3,5 \times 3,5$ м. Западная граница постройки, возможно ее стена, маркируется двумя тонкими бревнами диаметром 0,10–0,17 м, уложенными от угла жилого дома в линию, ориентированную север–юг (рис. 3.52). Они располагались один за другим в квадратах Ж XVIII–XX (нив. отм. 0,71–0,77 м выше R). В верхней части данной конструкции находилась жердь длиной $\approx 0,3$ м (кв. Ж XVIII–XIX), северный конец которой был прижат выпуском венца южной стены смежной жилой постройки. Таким образом осуществлялась перевязка нижних частей избы и хозяйственного сооружения, однако вряд ли в месте их соединения имелась врубка. Следующее бревно, которое располагалось в линии по вертикальной оси ниже, зафиксировано не полностью, на длину 1,8 м. В квадрате Ж XIX концы жердей соединялись и были уложены внахлест, а участок стыка выровнен при помощи подкладок из плит известняка. Визуально вся описанная выше конструкция продолжала линию западной стены жилой постройки.

В центральной части описываемого хозяйственного сооружения обращает на себя внимание скопление фрагментов дерева в квадрате З XIX (нив. отм. 0,78–0,82 м выше R). Прежде всего это были остатки бревна длиной $\approx 1,7$ м, шириной 0,15–0,18 м, лежащего по направлению север–юг параллельно жердям на западной границе сооружения. К северо-востоку, чуть выше, был выявлен еще один аналогичный фрагмент длиной 0,78 м, также ориентированный согласно основной оси сооружения. Верхний край большего бревна перекрывали два обломка досок или плах, лежащих перпендикулярно ему. Длина указанных обломков составляла 0,7 м, ширина — 0,12–0,14 м, они располагались вплотную друг к другу. Возможно, что описанные фрагменты дерева являлись остатками настила или пола, а также подкладок под него (рис. 3.52). На части из них имелись следы воздействия огня. Для выравнивания досок или половиц могли служить также два коротких бревна (длина 1,3–1,4 м, ширина 0,12–0,18 м), обнаруженных в квадрате З XX. Они лежали вплотную друг к другу и были ориентированы в направлении северо-восток–юго-запад. Во внутреннем объеме хозяйственной постройки также находилось несколько небольших разрозненных и разнонаправленных фрагментов дерева, которые сложно отнести к каким-либо конструкциям.

Особо стоит отметить, что в пределах описанной постройки зафиксировано очень мало камней, а фрагменты кирпичей и вовсе были единичны (рис. 3.52; 3.54, 1). Некоторые крупные плиты известняка (например, в квадрате И XIX, нив. отм. 0,95 м выше R) вполне могли использоваться в качестве подкладок под лаги или настил пола, остальные же были очень небольшими. Отсутствие печи, а также ее остатков убедительно свидетельствует о хозяйственном назначении постройки. Можно выдвинуть две версии о характере сооружения. Вероятно, к южной стене жилой избы примыкал настил-вымостка прилегающей территории двора. В таком случае все бревна и жерди, ориентированные по линии север–юг, открытые на данном участке, являлись лагами, и доски, перекрывающие их, не сохранились или были разобраны. Однако в границах интересующего нас хозяйственного

сооружения было обнаружено немало металлических изделий, а также фрагменты фляг с зеленой поливой. Данный факт свидетельствует в пользу того, что постройка использовалась активно, в частности, внутри могли хранить бытовые предметы и припасы, возможно, предполагалось освещение. Соответственно у нее должны были иметься стены, пол и кровля. Наиболее вероятно все же, что в юго-восточной части раскопа 3 были открыты остатки неотапливаемой пристройки к жилой избе — сеней. В XVI–XVII вв. конструкция таких хозяйственных помещений чаще всего была каркасной, со стенами, набранными между столбами из досок и плах, причем забирка была не только горизонтальная, но и вертикальная. При этом сени могли иметь также элементы срубных конструкций, различные строительные приемы комбинировались. Плохую сохранность элементов легкой постройки можно объяснить тем, что полы внутри них часто были невысокого качества, кровля также сооружалась более легкой, чем на жилых домах (Засурцев 1963: 20, 25; Спегальский 1972: 97–99; Громов 1979: 191, 194; Белов и др. 1981: 13–15). Но необходимо отметить, что на Земляном городище, в юго-восточном углу раскопа 3 2000 г., остатки столбов самого каркаса сеней не были выявлены. Вероятно, они были выдернуты из земли или срублены, а контуры ям и древесный тлен в них не удалось зафиксировать, или же данные элементы конструкции располагались за пределами исследованного участка³¹. Предположительно, выявленные при раскопках тонкие бревна и жерди, маркирующие западную границу постройки, могли быть уложены для того, чтобы нижние доски забирки опирались на них, не на землю. Подобный прием мог быть использован по всему периметру в нижней части сеней. Все же отсутствие информации о части конструктивных элементов, не выявленных в ходе археологических работ, неполная исследованность самой постройки и плохая сохранность дерева не позволяют сделать однозначных выводов о ее облике и строительной технике, в которой она была возведена.

Теперь можно дать общую характеристику сооружениям 2-го яруса застройки. В целом они во многом были схожи с постройками, сгоревшими в Смутное время, однако имели также ряд отличительных черт. Имеет большое значение, что данные конструкции не погибли в ходе военного противостояния, хотя и могли пострадать в огне. Наиболее важной из построек 2-го яруса является квадратная или прямоугольная в плане жилая изба, которая по размерам была невелика, вряд ли более 4,5 × 4,5 м. Как и более поздние жилища, стены ее были построены способом «в обло», о чем явно свидетельствует сохранившийся угол здания. Сруб также устанавливался на одиночные подкладки из дерева, камней и плит известняка. Это наверняка было одноэтажное сооружение, без высокого подклета, вероятнее всего, с двускатной крышей. Внутри избы на уровне первого или второго венца настился пол из досок на лагах; к сожалению, степень сохранности его остатков не позволяет более точно описать его конструкцию. В северо-западном углу постройки находилась печь, сложенная из кирпича, плит известняка и камней, однако

³¹ Наличие на данном участке остатков столбов может быть подтверждено фотографией, на которой представлен фрагмент судовой детали, лежавший в качестве подкладки в районе юго-западного угла жилого дома 2-го яруса, как раз в месте перевязки его с конструкцией предполагаемых сеней (кв. 3 XVIII). По бокам данной детали, к северу и югу от нее, на снимке видны, предположительно, остатки двух столбов диаметром около 0,2 м (рис. 3.54, 2). Однако ни на одном чертеже 2000 г. они не зафиксированы.

ее размеры были несколько больше, чем отопительных сооружений в жилищах, сгоревших в начале XVII в. Имелись отличия и в конструкции опечка, внутри которого были уложены не плиты известняка, а настил из досок. Отличительной особенностью жилого дома 2-го яруса является наличие пристройки у его южной стены, которая, вероятнее всего, являлась сенями со стенами легкой сборной конструкции и кровлей, которая, судя по изобразительным источникам XVII в., могла быть как двускатной, так и односкатной (Спегальский 1972: рис. 37; 46–51). В отличие от сооружений 1-го яруса, данный комплекс, состоявший из избы и подсобного сооружения, был ориентирован иначе — по линии север–юг (с отклонением к северо-западу), что явно свидетельствует о существенном изменении планировки исследованного в 2000 г. участка. Скорее всего, данные постройки образовывали простую двухчастную однорядную связь, наиболее распространенную в XVI–XVII вв. (Громов 1955: 168). Ее общая длина в раскопе 3 составила более 7,5 м. Однако южная часть сеней осталась за пределами исследованного участка, и не стоит полностью исключать, что здесь к ним мог примыкать еще один сруб, ведь подобные сооружения легкой каркасной конструкции также использовались для соединения избы с другими хозяйственными или производственными клетями. Таким образом, в данном случае возможна и трехчастная связь, однако эта версия гипотетична.

Место расположения входа в жилой дом 2-го яруса вызывает ряд вопросов и является дискуссионным. Часто он располагался со стороны сеней, которые играли роль своеобразного тамбура, то есть в данной избе он мог находиться с южной стороны, где предположительно выявлены остатки сеней. В таком случае доски пола в жилище располагались бы поперек двери, хотя в большинстве случаев они настилались «по ходу», от проема к противоположной стене. Однако сени могли быть не только помещением при входе в дом, известны случаи, когда они являлись самостоятельной хозяйственной постройкой и располагались с другой стороны (Спегальский 1972: 62). В таком случае, согласно направлению половиц в жилой избе 2-го яруса застройки, дверь в нее могла находиться в западной или восточной стене. В любом случае место входа также могло отличаться от более поздних сооружений 1-го яруса.

Примечательно, что среди остатков деревянных конструкций 2-го яруса застройки не было найдено фрагментов слюдяных вставок в оконные рамы. С одной стороны, это может указывать на некоторые конструктивные особенности сооружений. Возможно, что на фасадах жилого дома имелись лишь небольшие прямоугольные волоковые окна, затянутые материалом животного происхождения (пузырем, брюховицей) или же куском промасленного холста (Бломквист 1956: 119). Закрывались подобные проемы горизонтальными задвижками (рис. 3.30, 2). С другой стороны, вероятно, что постройки 2-го яруса, пострадавшие в пожаре, были разобраны. В таком случае дорогостоящие оконные рамы со слюдяными вставками были вынуты из проемов и могли использоваться в других сооружениях. Известно также, что и сени могли иметь небольшие окна, однако об их форме и конструкции по материалам раскопок в Старой Ладоге судить невозможно.

В ходе исследования архитектурных остатков деревянных сооружений 2-го яруса застройки на раскопе 3 была обнаружена интересная корабельная деталь, которая использовалась в качестве подкладки. Она представляла собой доску длиной примерно 0,9 м и шириной $\approx 0,5$ м, один из торцов которой был спилен наискосок, а противоположный край имел два среза, расположенных углом и образующих

некое подобие закругления (рис. 3.54, 2). Толщина находки составляла до 0,04 м, вдоль косо срезанного края изделия располагались в ряд 5–6 круглых отверстий для деревянных нагелей, и еще одно, отдельное, находилось ниже, у длинной кромки доски³². Эта находка была обнаружена в квадрате 3 XVIII, однако не была обозначена на чертежах. По ее фотографии *in situ*, где видны окружающие ее остатки постройки и один из колов разметки, можно уточнить, что деталь располагалась под нижним венцом западной стены жилой избы, в районе ее сохранившегося угла (рис. 3.54, 2). Находка была ориентирована по линии север–юг, как и все сооружение, и являлась не поперечной, а продольной подкладкой. Следов воздействия огня на ней не было. А. Н. Кирпичников интерпретировал данное изделие как лопасть кормового рулевого весла, К. В. Шмелев считал его навесным рулем (Кирпичников, Сорокин 2002: 157, рис. 20; Шмелев 2001: 142–144, рис. 1). Однако среди корабельных деталей позднего средневековья и нового времени точных аналогий не было найдено (Шмелев 2001: 144). На фотографии предмета, сделанной после расчистки, заметно, что три его стороны — две прямые боковые и косой срез — имеют четкие границы и, видимо, сохранили свои реальные очертания, хотя и с некоторыми потерями. Наибольшее количество вопросов вызывает закругленная часть изделия, которая явно была в худшем состоянии. Такие очертания вполне могли сформироваться в процессе разрушения края детали, когда она уже находилась в культурном слое³³. Вероятно, изначально это было место слома, и большая часть изделия отсутствует. Можно предположить, что ладожская находка является фрагментом доски судового борта, а точнее — одним из концов, которым она крепилась к штевню³⁴. Находки подобной конфигурации имеются на территории Новгорода (Дубровин 2000: рис. 9). В частности, обломок схожей детали XIV — середины XV в. длиной 1,95 м и шириной 0,4 м был обнаружен на Дмитриевском II раскопе в 2020 г. (Степанов А., Степанов М. 2021: 128, 129, ил. 17). Однако данный вопрос еще окончательно не решен и требует дополнительных специальных исследований.

Находка фрагмента судовой детали, использованной в качестве подкладки под сруб, интересна также с точки зрения изучения позднесредневекового домостроительства. Применение корабельного дерева в строительстве жилых и хозяйственных сооружений, широко известное по материалам Ладоги в раннем средневековье, продолжалось и позже, в XVI–XVII вв. Две доски с отверстиями для нагелей, находившиеся в конструкции опечка постройки, сгоревшей в Смутное время, были обнаружены при раскопках В. И. Равдоникаса в западной части Земляного городища (Равдоникас 1949А: л. 30). Стоит также отметить, что крайне мало сведений о судах, которые использовались в Ладоге позднего средневековья — раннего нового времени, и тщательная фиксация подобных находок позволит впоследствии составить более подробное представление об их конструкции.

³² См. с. 233, рис. 3.56, 7.

³³ Надо отметить, что на рисунке, представленном в работе К. В. Шмелева, деталь представлена уже в очень плохом состоянии, и ее нижняя часть реконструирована в виде плавного закругления. Более точно очертания этой доски изображены на иллюстрации в статье А. Н. Кирпичникова и П. Е. Сорокина, где ее низ имеет несколько другие очертания (Шмелев 2001: рис. 1; Кирпичников, Сорокин 2002: рис. 20).

³⁴ Автор благодарит сотрудников Центра подводного археологического наследия ИА РАН А. В. Степанова и М. А. Степанова за консультацию по данной находке.

Поверхность культурного слоя над остатками сооружений 2-го яруса первого строительного горизонта полностью перекрывалась насыпью южной куртины Земляного города, они располагались на 0,15–0,28 м ниже подошвы вала. Северный край жилой избы располагался под более поздней постройкой, находившейся на территории крепостного двора и сгоревшей при боевых действиях Смутного времени в начале XVII в. Деревянные конструкции, выявленные в юго-восточной части раскопа 3 и интерпретированные выше как остатки сеней, пристроенных к дому, распространяются далее к югу под напольную часть укреплений. Примечательно, что жерди, образующие западную границу данного хозяйственного помещения, перекрывались восточным концом бревна, относящегося к подпорной стенке, укреплявшей внутренний склон куртины. Следовательно, сооружения 2-го яруса застройки существовали до возведения на этом месте деревоземляных крепостных сооружений в 1584–1585 гг. По письменным источникам известно, что для строительства Земляного города у ладожского посада была изъята часть территории (Селин 2010: 337). Видимо, постройки здесь были разобраны до основания, а поверх их остатков насыпаны укрепления. Таким образом, время существования сооружений 2-го яруса застройки можно определить в рамках конца XVI в., однако не позже середины 1580-х гг.

Находки из сооружений 2-го яруса застройки и их датировка

Прежде всего необходимо отметить, что в ходе расчистки остатков сооружений 2-го яруса застройки было найдено гораздо меньше находок, чем среди фрагментов жилищ, сгоревших в Смутное время (рис. 3.34). Типологически и хронологически эти предметы близки изделиям из руин более поздних построек 1-го яруса, однако их состав имеет ряд значимых отличий и свои особенности. Некоторые категории находок вообще отсутствуют или же представлены единичными экземплярами. Интересно, что в отличие от сооружений, сгоревших в начале XVII в., предметы из построек 2-го яруса в подавляющем большинстве случаев находятся внутри остатков конструкций, почти не распространяясь за их пределы.

К жилищу с остатками отопительного сооружения на деревянном настиле внутри срубного опечка, исследованному в восточной части раскопа 3 (кв. Ж–И XVII–XVIII), относится примерно 20 находок. Среди них представлен всего один предмет вооружения, а именно наконечник копья с обломанным граненым пером (№ 240) (рис. 3.55, 8). Он был обнаружен внутри сруба у его юго-западного угла, рядом с развалом печи данной постройки (кв. Ж XVIII, нив. отм. 0,58 м выше R) (рис. 3.35). Длина изделия составляет 165 мм, втулка в виде вытянутого конуса высотой 84 мм имеет в основании диаметр 30 мм, ее нижний край частично поврежден. Отверстие для крепления к древку не сохранилось или скрыто коррозией. Перо копья шиловидное четырехгранное, квадратного сечения, размерами 10 × 10 мм в нижней части. Особенностью данного наконечника является наличие так называемого «яблока» — округлого расширения, расположенного на шейке между верхней частью втулки и основанием пера. На ладожской находке «яблоко» диаметром ≈ 20 мм в поперечном разрезе имеет профиль, близкий к биконическому, с приплюснутыми полюсами и плавно скругленным центральным ребром. Описанное выше изделие с территории Земляного городища относится к типу 1, варианту B, по типологии О. В. Двуреченского, к его второй (поздней) хронологической группе.

Такие наконечники копий датируются концом XVI — первой половиной XVII в. Форма «яблока», которую мы видим на ладожском изделии, довольно редко встречается, наиболее близкой аналогией является находка из Москвы, относящаяся к XVI в. (Двуреченский 2015: 81, 84, 89, рис. 28, 3; 33, 1; Миляев 2021: 338, 339, рис. 3, 2).

Из бытовых предметов стоит отметить фрагмент железной цепи, состоящий из двух звеньев восьмерковидной формы с сильно вогнутыми боковыми частями, плотно сомкнутыми друг с другом в середине (№ 222) (рис. 3.55, 9). Данное изделие было обнаружено несколько ниже остатков жилища. Размеры звеньев составляют 80–100 × 17–20 мм, они выполнены из прута прямоугольного сечения, на конце одного из них имеется фрагмент третьего аналогичного элемента. Цепи из деталей подобной конструкции известны с древнерусского времени, однако широко применялись и в XVI–XVII вв. (Колчин 1959: 113, 114, рис. 99, 4; Кренке 2009: рис. 103, 22, 25; Двуреченский 2018: рис. 67, 384, 801). К этой же категории находок относится и обломок пробова, согнутого из железной пластины прямоугольного сечения (№ 238) (рис. 3.55, 4).

В пределах жилой избы 2-го яруса застройки обнаружено три ножа, два из которых сохранились целиком, а один фрагментирован (№ 4, 158, 256). Они были обнаружены как выше, так и ниже остатков деревянных конструкций. Данные изделия имеют клинки длиной 125–150 мм, с довольно тонкими спинками 2–3 мм, у которых при переходе к черешку имеются четкие уступы (рис. 3.55, 5, 6). У одной из находок обушок плавно понижается к острию (рис. 3.55, 3). К этой же группе предметов относится и роговая рукоять ножа длиной 110 мм и шириной 23 мм, шестигранная в поперечном сечении (№ 75) (рис. 3.55, 7). На одной из ее сторон сохранился обломок клинка, черешок которого проходил через все изделие насквозь. Его конец расклепывался на противоположном торце рукояти, причем для предотвращения раскалывания рогового изделия здесь имелась железная шайба округлых или ромбовидных очертаний. Черешковые ножи и граненые рукояти к ним не раз найдены в слоях XVI–XVII вв. русских городов (Кренке 2009: рис. 94, 4, 14; 152, 22; Векслер 2015: ил. 204, 5).

Для заточки лезвий различных инструментов применялись оселки, которые были обнаружены в количестве двух экземпляров (№ 134, 231). Один из них располагался на уровне остатков дерева жилой постройки 2-го яруса, а второй несколько ниже. В районе печка отопительного сооружения было найдено также каменное дисковидное пряслице диаметром 30 мм и толщиной ≈ 7 мм (№ 15) (рис. 3.55, 1).

Единственным изделием из медного сплава является поясная пряжка размерами около 30 × 28 мм, обнаруженная рядом с западной стеной жилого сооружения 2-го яруса застройки, за его пределами (№ 346) (рис. 3.56, 1). Передняя часть ее рамки была расширенной и имела подтреугольные очертания, на противоположной стороне по бокам имелись прямоугольные выступы. Язычок изготовлен из узкой пластины медного сплава. Пряжки подобной очертаний были широко распространены в течение XVI–XVII вв. (Шутова 1992: рис. 35, 1–3, 7–9, 15, 16; Белов и др. 1981: рис. 8, 7).

В пределах жилой избы 2-го яруса застройки, располагавшейся в восточной части раскопа 3, было выявлено всего два фрагмента стеклянных сосудов. Один из них представляет собой часть донца штофа из стекла зеленоватого оттенка размерами ≈ 58 × 48 мм (№ 157) (рис. 3.55, 10). Толщина его составила от 2 до 12 мм.

Рис. 3.55. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Находки: 1 — пряслице (№ 15); 2 — фрагмент штофа (№ 74); 3, 5, 6 — клинки ножей (№ 4, 256, 158); 4 — фрагмент пробоя (№ 238); 7 — рукоять ножа с фрагментом клинка (№ 75); 8 — наконечник копья (№ 240); 9 — фрагмент цепи (№ 222); 10 — фрагмент донца штофа (№ 157). 1 — камень; 2, 10 — стекло; 3-6, 8, 9 — железо; 7 — рог, железо

Центр осколка плавно выгнут, а на его внешней стороне имеется скол округлой формы с остатками невысоких вертикальных бортиков. В этом месте сосуд удерживался на конце понтии — железного прута — во время формирования его верхней части. Подобные бутылки однотонного, чаще всего зеленого, стекла, квадратные в сечении, обычно широко датируются XVI–XVIII вв. В рамках интересующего нас временного отрезка многочисленные аналогичные донца конца XVI — XVII в. были выявлены при раскопках на территории Москвы (Смирнова 2009: 146–148, рис. 159, 4–12; 160, 1–3, 6, 8, 9, 14–16, 19). Кроме описанного выше фрагмента в пределах жилища 2-го яруса застройки найден еще один небольшой осколок стенки штофа (№ 74) (рис. 3.55, 2). Он также изготовлен из стекла зеленоватого оттенка и имеет плавный изгиб на одной из сторон.

Среди фрагментов керамики, обнаруженных в пределах указанного сооружения, необходимо отметить обломок стенки дисковидной фляги с орнаментом из концентрических линий и выделенным ребром по краю, в месте перехода к боковой части (№ 230) (рис. 3.56, 2). На поверхности предмета имеются следы его пребывания в пожаре; полива, которая, вероятно, была изначально зеленой, приобрела темно-коричневый цвет, на ней заметны следы кипения и трещины. Подобные фляги датируются в основном концом XVI — XVII в. (Кильдюшевский 2002: 20, 30, рис. 9, 1–9; Курбатов 2013: 126).

Наиболее интересен развал верхней части белоглиняного кувшина, горло которого оказалось перекрыто сплошной горизонтальной перемычкой с круглым отверстием диаметром ≈ 30 мм (№ 308). Венчик данного сосуда высокий, в виде «воротника» с расширением в верхней части, при этом его край загнут внутрь (рис. 3.56, 8). На одной из сторон изделия, напротив отверстия, был сделан плавный треугольный выступ — слив. От тулова данного сосуда сохранилось всего лишь несколько небольших фрагментов стенок (рис. 3.56, 8a). Судя по аналогиям, кувшин мог быть узким и высоким, с небольшим расширением в нижней части или же более привычных очертаний, с увеличением диаметра ближе к центральной части. Такие целые сосуды специфической формы были недавно обнаружены в Новгороде при подводных раскопках Великого моста и во время работ на Ильине улице (рис. 3.57, 5)³⁵. Предположительно подобные сосуды могли являться светильниками, внутрь которых заливалось масло, а в отверстие вставлялся фитиль. Однако, возможно, они применялись для хранения масла или напитков. Вопрос о назначении таких кувшинов на данный момент окончательно еще не решен.

Внутри жилого дома было встречено всего два фрагмента предметов из органических материалов (рис. 3.49). Один из них — фрагмент плетеного берестяного изделия, вероятно, часть лаптя или кошеля (№ 268) (рис. 3.57, 6). В развале отопительного сооружения, находившемся в южной части постройки, найдены обрывки кожаного изделия, вероятно, части обуви (№ 280).

В остатках легкого сооружения, вероятно, сеней, пристроенных с южной стороны к жилой избе 2-го яруса застройки, были обнаружены около 15 находок. Из предметов, связанных с военным делом, была встречена только одна свин-

³⁵ Автор благодарит науч. сотр. отдела сохранения археологического наследия ИА РАН канд. ист. наук О. М. Олейникова и сотрудника Центра подводного археологического наследия ИА РАН А. В. Степанова за предоставленную информацию, а также канд. ист. наук М. Г. Гусакова за консультацию по данной находке.

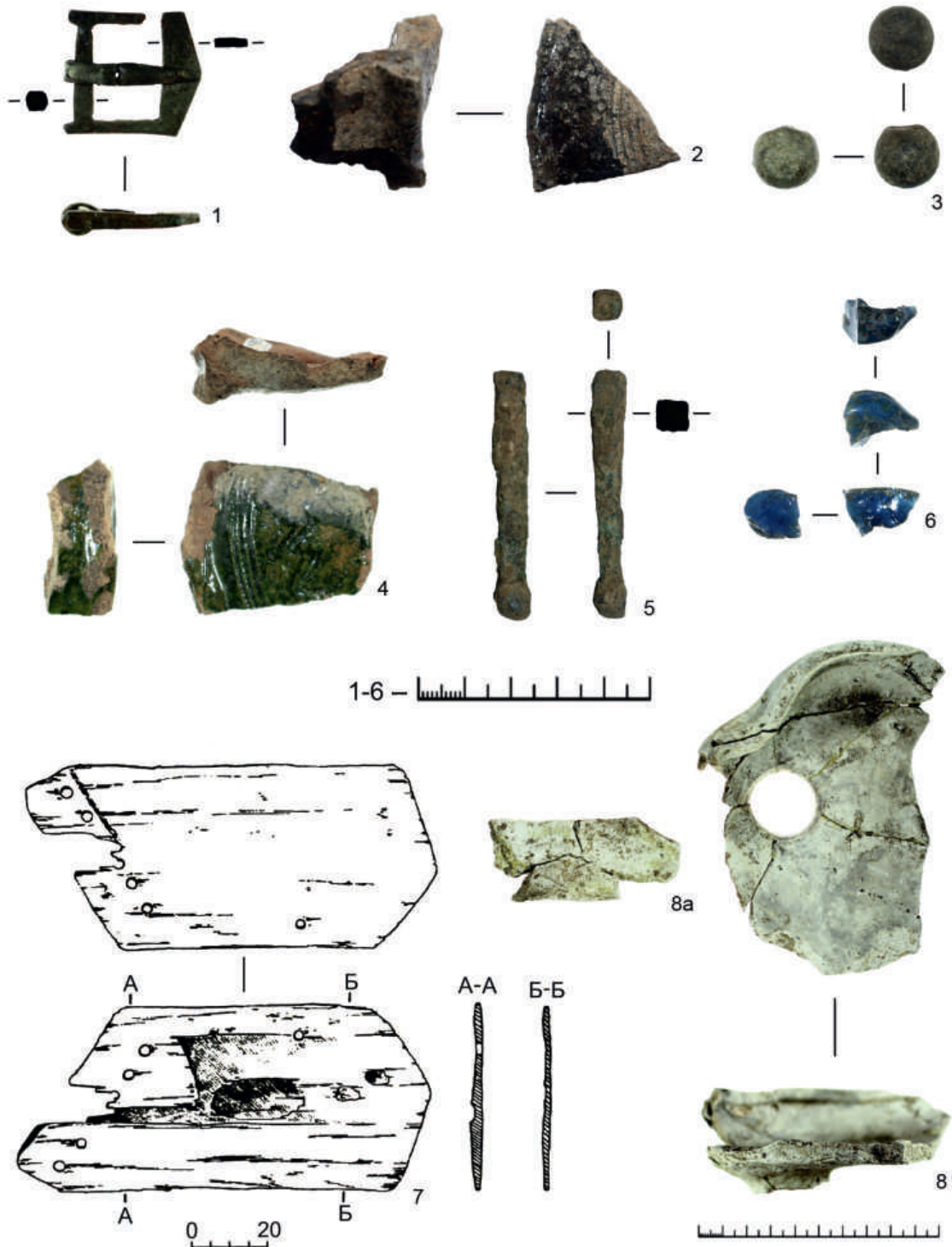

Рис. 3.56. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Находки: 1 — пряжка (№ 346); 2, 4 — фрагменты фляг с зеленой поливой (№ 230, 130); 3 — пуля (№ 241); 5 — стержень (сырьё/заготовка?) (№ 12); 6 — осколок стекла (№ 14); 7 — фрагмент судовой детали; 8, 8а — фрагменты белоглиняного кувшина (№ 308). 1, 5 — медный сплав; 3 — свинец; 2, 4, 8 — глина; 7 — дерево

Рис. 3.57. Находки: 1 — фрагмент каменной шахматной фигурки (№ 63); 2 — оселок (№ 90); 3 — фрагмент навесного цилиндрического замка (№ 202); 4 — фрагмент сосуда с рельефным декором и коричневой поливой (№ 148); 5 — белоглиняный кувшин с закрытым горлом; 6 — фрагмент берестяного изделия (№ 268); 7 — ножка сосуда (№ 463) (1-4, 6, 7 — Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г.); 5 — Новгород, подводные раскопки Великого моста (фотография А. В. Степанова). 1, 2 — камень; 3 — железо; 4, 5, 7 — глина

цовая пуля (№ 241) (рис. 3.35). Она была отлита в пулелейке, а литник обрублен (рис. 3.56, 3). Диаметр боеприпаса 13 мм, вес 14 г, он относится к группе 1, варианту 2 по классификации О. В. Двуреченского. Подобные пули использовались для стрельбы из ручных пищалей (Двуреченский 2005: 266, 267).

К снаряжению коня относится подкова первого типа, первого варианта по классификации А. Н. Кирпичникова с дополнениями О. В. Двуреченского (№ 175) (рис. 3.35; 3.58, 5). Форма находки сегментовидная, ее размеры составляют $\approx 87 \times 60$ мм, высота переднего шипа 10 мм. Изделие повреждено, одна из его сторон обломана. Из-за коррозии сложно определить количество отверстий для гвоздей. Видимо, на сохранившейся части их два, причем в одном из них сохранился обломок гвоздя. Подковы данного типа начинают широко применяться с XV в., а пик их распространения приходится на XVI–XVII вв. (Двуреченский 2004: 240–242).

Из предметов домашнего обихода обращает на себя внимание железный подсвечник, который вбивался в стену постройки (№ 94) (рис. 3.58, 4). Он состоит из свернутой втулки высотой 75 и диаметром чуть более 20 мм, в нижней части которой имеется перпендикулярный стержень прямоугольного сечения, заостренный на конце. Длину его определить невозможно, поскольку данная часть изделия деформирована и частично обломана. Такие изделия не раз встречены при раскопках в Старой Ладогe, они являются характерными осветительными приборами XVI–XVII вв. Подобные изделия являлись массовыми и были широко распространены на территории Московского государства, их находят во многих городах и крепостях (Никитин 1971: табл. 7, 6, 6a; Векслер 2009: табл. 30, 10; 2015: ил. 177, 1; Пронин, Соболев 2020: рис. 72, 9).

К бытовым предметам или инструментам стоит отнести и обломок клинка ножа или серпа (№ 66) (рис. 3.58, 3). Длина находки составляет 65 мм, ширина ≈ 25 мм, ее спинка толщиной 2 мм плавно опускается к острию. Единственный предмет из медного сплава, встреченный среди остатков легкой постройки в юго-восточной углу раскопа 3, — это стержень длиной 55 мм, прямоугольного сечения (№ 12) (рис. 3.56, 5). Вероятно, он является сырьем или заготовкой какого-либо изделия. Чуть ниже фрагментов данного хозяйственного сооружения было обнаружено глиняное пряслице конической формы с ребром в нижней части (№ 253) (рис. 3.58, 6). Его высота составляет 30 мм, диаметр ≈ 40 мм. Помимо указанных находок здесь же был выявлен оплавленный кусок стекла синего цвета, возможно, побывавший в пожаре (№ 14) (рис. 3.56, 6).

К деталям обуви, обнаруженным в пределах предполагаемых сеней, относятся три железные подковки (№ 76, 100, 372). Лучшее всего сохранились две находки, одна из которых врезная, на шипах с высокой и узкой пластиной, датируемая в рамках XVI — первой половины XVII в. (№ 76) (рис. 3.58, 1). Вторая подковка комбинированного крепления с низкой широкой пластиной, в которой имеются три дополнительных отверстия, характерна в целом для XVII в. (№ 100) (Осипов 2006: 76, 77) (рис. 3.58, 2). Видимо, данный предмет, найденный в центральной части остатков хозяйственного сооружения среди разрозненных фрагментов дерева, мог попасть сюда из вышележащих напластований. Однако в составе описываемого вещевого комплекса из сооружений 2-го яруса застройки такой случай — единственный.

Из числа фрагментов керамических изделий, обнаруженных в ходе исследования хозяйственной постройки, расположенной в юго-восточном углу раскопа 3, можно

Рис. 3.58. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Находки: 1, 2 — обувные подковки (№ 76, 100); 3 — фрагмент клинка ножа/серпа (?) (№ 66); 4 — подсвечник (№ 94); 5 — подкова (№ 175); 6 — пряслице (№ 253); 7 — фрагмент фляги с зеленой поливой (№ 287); 8 — ручка белоглиняного сосуда (№ 354). 1-5 — железо; 6-8 — глина

выделить два обломка привозных красноглиняных дисковидных фляг с зеленой поливой. Первый — фрагмент стенки сосуда с выделенным ребром по краю (№ 130) (рис. 3.56, 4). На поверхности его имеется орнамент из нескольких концентрических линий, а перед ними волнообразная полоса. Вторая находка является боковой частью фляги с выступающим ушком трапециевидной формы и отверстием в центре, в который продевался ремешок или шнур для подвешивания (№ 287) (рис. 3.58, 7). Как уже упоминалось, подобные изделия датируются в рамках конца XVI — XVII в. (Кильдюшевский 2002: 20, 30, рис. 9, 1–9; Курбатов 2013: 126). Кроме указанных керамических находок следует также отметить несколько встреченных здесь же фрагментов верхних частей кубышек без следов поливы или лощения (№ 288, 310).

В пределах сооружений 2-го яруса застройки были обнаружены некоторые элементы строительного крепежа, в числе которых три железные скобы (№ 122, 187, 371) и два гвоздя (№ 3, 27). Кроме того, здесь же найдено небольшое количество более ранних переотложенных древнерусских изделий. Среди них два фрагмента стеклянных браслетов (№ 8, 169) и бусы различных типов (№ 95, 124, 126, 168, 176, 209).

Итак, описанный выше комплекс предметов не противоречит датировке сооружений 2-го яруса застройки концом XVI в., до возведения Земляного города в середине 1580-х гг. В нем нет предметов, характерных исключительно для XVII в., которые встречены при исследовании более поздних жилых изб 1-го яруса, сгоревших в Смутное время. Важно, что состав вещевого набора никак не указывает на гибель построек конца XVI в. в результате боевых действий. Вероятно, они могли пострадать в локальном пожаре, однако он не был связан с какой-либо военной катастрофой. Здесь были обнаружены немногочисленные, в основном небольшие предметы, видимо, утраченные в ходе хозяйственной деятельности. Подсобное помещение, пристроенное с юга к жилой избе, судя по находкам, использовалось для хранения различных бытовых изделий и припасов. Железный подсвечник, выявленный внутри, может свидетельствовать о том, что в хозяйственной постройке было предусмотрено освещение.

Находки с территории вне сооружений 1-го и 2-го ярусов застройки первого (верхнего) строительного горизонта

В слое коричневого гумуса, за пределами описанных выше остатков сооружений конца XVI — начала XVII в., залежали колотые плиты известняка, камни и фрагменты кирпича, не образующие каких-либо конструкций или выкладок (рис. 3.24; 3.25). Большинство их находилось в южной части раскопа 3 в квадратах Е XVIII, Д–Ж XIX (нив. отм. 0,50–0,96 м выше R). Обломки кирпичей, а также некоторые камни вполне могли происходить из разрушенных отопительных сооружений исследованных жилых домов. Вероятно, в результате последующей хозяйственной или строительной деятельности они были растащены по прилегающей территории и оказались на некотором отдалении от срубов. В равной степени возможна их связь с земляными работами по нивелировке дневной поверхности, проводившимися в древности на данном участке. Об этом свидетельствует крупная западина с пологими склонами и дном плавных очертаний, зафиксированная в южной стенке раскопа примерно на уровне залегания скоплений камней. Она выявлена в квадратах В–Е XX и составляла в ширину $\approx 5,3$ м, в глубину — до 0,6 м. Заполнение ее состояло из серого гумуса с камнями, щебнем и включениями древесного

тлена (рис. 3.4). К сожалению, ее контуры не были отражены на чертежах, поэтому площадь ее неизвестна. Однако можно предположить, что некоторая часть камней и плит известняка связана с засыпкой данного углубления. Стоит отметить, что большая часть древнерусских находок происходит именно с этого, южного, участка раскопа 3, отчасти подтверждая мешаный характер культурного слоя. Небольшие скопления камней и плит выявлены западнее, в квадратах В–Г XIX–XX, и севернее, на границе квадратов Е–Ж XVII. Соотнести их с какими-либо постройками не представляется возможным (рис. 3.24).

Важно отметить, что между сооружениями 1-го и 2-го ярусов застройки не было выявлено никаких границ участков или дворов, не обнаружены также следы их ограждений, хотя, несомненно, они существовали. Не было найдено их следов и в более ранних раскопках В. И. Равдоникаса в западной части Земляного городища при исследовании построек XVI–XVII вв. Судя по аналогиям, это могли быть не только частоколы, но и плетни, а также иные ограды легкой конструкции, остатки которых в подобном слое обнаружить проблематично (Sorokin 2007: fig. 4.11).

В слое коричневого гумуса за пределами построек, в основном в южной части раскопа 3, были выявлены разнообразные и разновременные находки, наиболее ярким из которых следует дать краткую характеристику. Они залегали как на уровне деревянных конструкций, так и несколько ниже их (рис. 3.33; 3.34). Предметов XVI–XVII вв. вне сооружений 1-го и 2-го ярусов застройки встречено немного. Интересен фрагмент сероглиняной керамики размерами 49 × 25 мм, выполненный из хорошо отмученного теста и покрытой коричневой поливой (№ 148) (рис. 3.57, 4). На его поверхности имеется рельефный орнамент в виде полукруглых «арок», в центре которых находятся выступающие полусферические элементы. Видимо, данная находка имеет европейское происхождение, однако величина и степень ее сохранности не позволяют точно установить облик всего сосуда. Возможно, ее стоит соотнести с постройками начала XVII в., сгоревшими в Смуту, где имеются явные следы присутствия в Ладогe иноземных воинских контингентов. Также стоит упомянуть роговое пряслице диаметром ≈ 28 мм, выполненное на токарном станке (№ 161) (рис. 3.59, 5). Обе его стороны и бока украшены глубокими рельефными поясками. Аналогичные изделия были выявлены в ходе исследования построек XVII — середины XIX в. на селище Толвуйская Губа I на берегу Онежского озера (Спиридонов 1995: 161, рис. 4, 23, 24).

Наибольшее количество предметов, обнаруженных на пространстве вне построек позднего средневековья — раннего нового времени, относится к древнерусскому периоду. В основном они также находились в южной части исследованного участка. Среди них имеется навесной цилиндрический замок, предположительно относящийся к первому или второму варианту типа В по классификации Б. А. Колчина и А. А. Кудрявцева, датируемый в пределах второй половины XII — конца XIV в. (№ 78) (Колчин 1959: 82, рис. 65, 3; Кудрявцев 2014: 85, 86, рис. 12; 13) (рис. 3.59, 10). Кроме него имеется еще фрагмент аналогичного изделия, а именно донце цилиндра (№ 202) (рис. 3.57, 3). К какому именно типу принадлежит данная находка, определить затруднительно. Из железных предметов встречены также черешковые ножи группы IV, по типологии Р. С. Минасяна, характерные для X — начала XII в. (№ 129 (рис. 3.59, 8), 203), ладейные заклепки середины VIII — XII в. (№ 191, 426), а также небольшое железное кольцо (№ 251) (Минасян 1980: 72, 73, рис. 4; Сорокин 1997а: 90) (рис. 3.60, 6).

Рис. 3.59. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Находки: 1 — фрагмент накладки на спинку одностороннего гребня (№ 25); 2 — ключ (№ 316); 3, 4 — осколки стекла (№ 1, 121); 5 — пряслице (№ 161); 6 — фрагмент поясного кольца (№ 89); 7 — грузик (№ 344); 8 — нож (№ 129); 9 — фрагмент стержня с кольцом (№ 16); 10 — цилиндрический навесной замок (№ 78); 11 — каменная плитка со знаками (№ 350); 12 — спил рога (№ 248). 1, 5, 12 — рог; 2, 8, 10 — железо; 6, 9 — медный сплав; 7 — свинец

Изделия из медного сплава немногочисленны, среди них выделяется фрагмент ременного кольца-разделителя, внутри которого имеется выступ копьевидной формы (№ 89) (рис. 3.59, 6). Подобное изделие имеется в материалах раскопок Великого Новгорода и датируется рубежом XIV–XV вв. (Седова 1981: 152, рис. 57, 10). Кроме данной находки был обнаружен литой пустотелый стержень с рельефной поверхностью и проушиной в верхней части, в которую вдето кольцо с сомкнутыми концами (№ 16) (рис. 3.59, 9). Эта находка может быть частью ключа или навершием булавы, точную ее дату назвать затруднительно. Среди предметов из цветных металлов есть пронизка, выполненная из проволоки медного сплава (№ 219), а также свинцовый грузик, который может относиться как к древнерусскому времени, так и к XVI–XVII вв. (№ 344) (рис. 3.59, 7). Из предметов торгового инвентаря была обнаружена весовая бочонковидная железная гирька, обтянутая листом медного сплава, время распространения которых приходится на вторую половину IX — XII в. (№ 235) (Давидан 1987: 123; Жуковский 2018: 138, 139, 141) (рис. 3.60, 7).

На пространстве, свободном от застройки конца XVI — начала XVII в., было обнаружено несколько изделий из кости и рога. Среди них выделяется крупный фрагмент одностороннего гребня группы I по классификации О. И. Давидан, который датируется в интервале с середины VIII до X в. (№ 249) (Давидан 1968: 55, 56, 58–60; 1999: 168) (рис. 3.60, 5). Сохранилась центральная часть изделия, обломанная с обеих сторон. На боковых накладках имеется орнамент в виде вертикальных линий, пересекающихся друг с другом наподобие «сетки». Имеется также фрагмент более позднего одностороннего гребня II группы, относящегося к X–XI вв. (№ 196). Он представляет собой спинку изделия с орнаментированными накладками по бокам, между которыми сохранилась часть пластин с обломанными зубьями. К данной группе находок относятся еще два предмета, а именно костяная игла (№ 277) и массивный круглый спил рога, который мог выполнять функцию биты для игр (№ 248) (рис. 3.59, 12). Датировка этих вещей очень широкая, от раннего средневековья до XVI–XVII вв.

Среди каменных изделий особый интерес вызывает фрагмент резной шахматной фигурки (№ 63) (рис. 3.57, 1). Он представляет собой миниатюрное изделие в виде цилиндра высотой 16 мм и диаметром 12 мм с обломанным основанием. Точно реконструировать изначальный вид изделия проблематично, однако, судя по находкам из кости и дерева, это могла быть пешка, относящаяся к набору фигур арабского типа (Рыбина 1991: рис. 4; 6, 20–22). Другой необычной находкой является каменная плитка прямоугольных очертаний с закругленной верхней частью размерами 80 × 53 × 20 мм (№ 350) (рис. 3.59, 11). На одной из ее сторон тонкими линиями было нанесено несколько знаков. В центре находится довольно крупная X-образная фигура, расположенная под наклоном, выше которой нанесено несколько коротких штрихов в один ряд. Назначение предмета, а также его точную датировку определить затруднительно. Кроме указанных находок, в южной части раскопа 3 за пределами построек был обнаружен точильный камень (№ 90) (рис. 3.57, 2).

В культурном слое, на участке, свободном от построек конца XVI — начала XVII в., на их уровне и несколько глубже было обнаружено много древнерусских каменных и стеклянных бус, а также фрагменты браслетов (Кирпичников 2001А: рис. 31, 32). Кроме них встречены несколько отдельных оплавленных обломков стекла синего цвета (№ 1 (рис. 3.59, 3), 47, 86). Единичными экземплярами

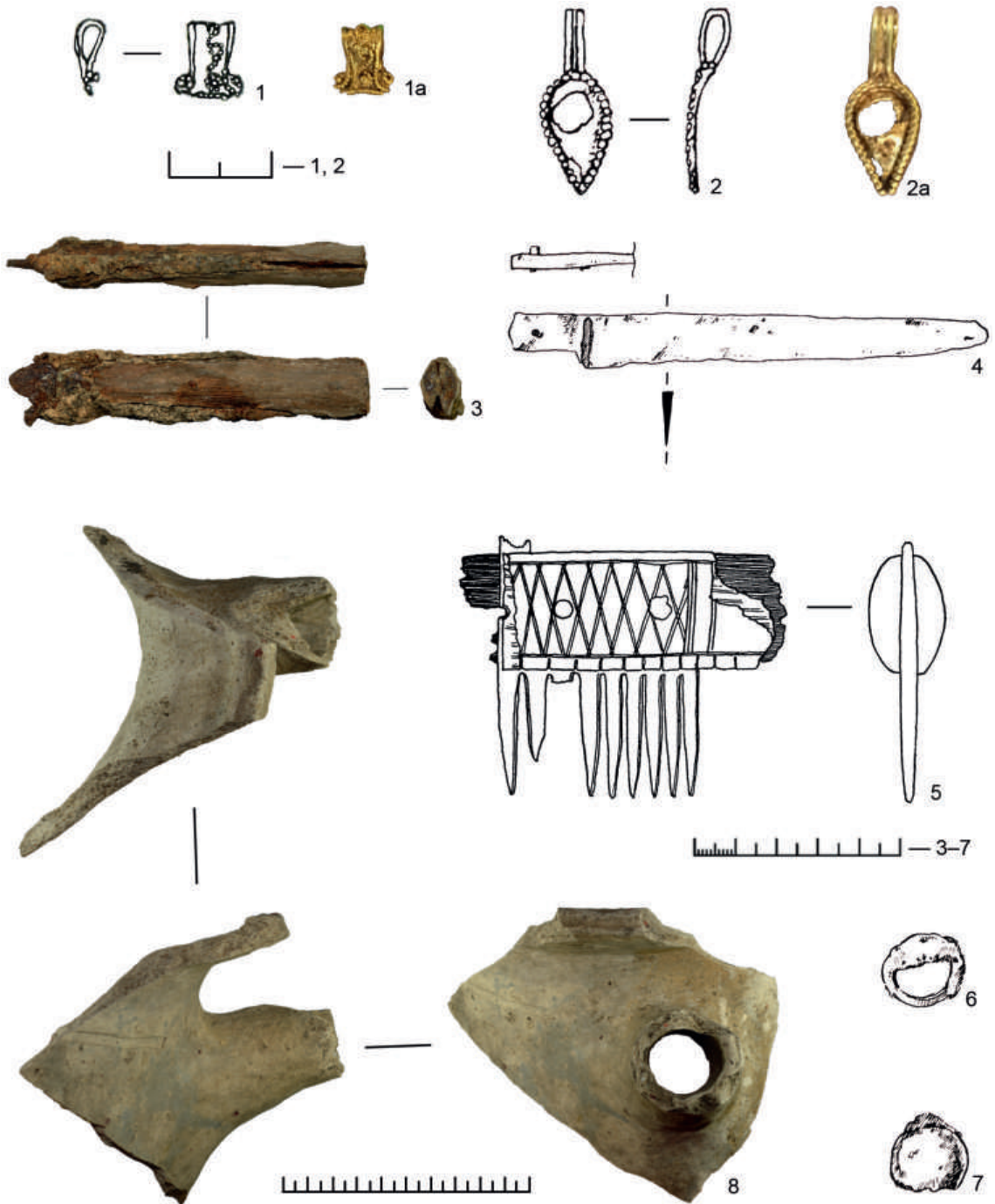

Рис. 3.60. Старая Ладога, Земляное городище, 2000 г. Находки: 1, 1а — ушко лунницы или монетовидной подвески (№ 328); 2, 2а — подвеска листовидная (№ 266); 3 — рукоять ножа с накладками и обломком клинка (№ 369); 4 — фрагмент ножа (№ 419); 5 — фрагмент одностороннего гребня (№ 249); 6 — кольцо (№ 251); 7 — гирька весовая (№ 235); 8 — фрагмент белоглиняного водолея (№ 228). 1-2 — золото; 3 — железо, дерево; 4, 6 — железо; 5 — рог; 7 — железо, медный сплав

представлены находки из органических материалов, такие как донце берестяного туеса (№ 283) и обрывки кожаных вещей (№ 282).

Среди всей массы описанных выше древнерусских изделий, большинство которых являются стандартными, имеются и выдающиеся предметы. Это два небольших фрагмента украшений, выполненных из золота и украшенных зернью. Первая находка представляет собой обломанное ушко ювелирного изделия, выполненное из согнутой полоски металла, конец которой припаян на ее внутренней стороне (№ 328) (рис. 3.60, 1, 1а). Размеры предмета составляют 13 × 10 мм, в его основании сохранилась часть края самого украшения. Ушко декорировано цепочками зерни по бокам и в основании, в его центре таким же способом были выполнены две вертикально расположенные одна над другой S-видные фигуры. Данная находка, скорее всего, является фрагментом золотой монетовидной подвески или же лунницы, наподобие той, что была обнаружена на территории могильника Плакун (правый берег р. Волхов) и датируется X–XI вв. (Михайлов 2002: 65, рис. 1).

Второе интересующее нас изделие, изготовленное из золота, сохранилось значительно лучше. Это миниатюрная, немного выгнутая подвеска листовидной формы размерами ≈ 37 × 12 мм (№ 266) (рис. 3.60, 2, 2а). По периметру находка украшена цепочкой капле зерни, в ее верхней части имеется овальное ушко, согнутое из узкой пластинки. В центральной части украшения есть повреждение — округлое сквозное отверстие. Полную аналогию этой находке найти затруднительно, вероятно, такие подвески могли быть в составе ожерелий. Данные изделия относятся к тем категориям предметов, которые характеризуют особенности и уровень развития ювелирного дела и обработки металлов в древнерусской Ладоге X–XIII вв. Несомненно, эти замечательные находки требуют более подробного и тщательного исследования.

Итак, в слое позднего средневековья — раннего нового времени кроме нескольких вещей XVI–XVII вв. оказалось немалое количество предметов, относящихся к древнерусскому времени, находившихся в переотложенном состоянии. Это явилось результатом хозяйственной деятельности на данном участке Земляного города, особенно заметным в южной части раскопа 3. Конечно, эти находки не имеют датирующего значения в поздних напластованиях, однако они важны в свете исследования быта, ремесла и культуры населения Ладоги в эпоху викингов и позже, в XI–XV вв.

Далее в полевом сезоне 2000 г. после снятия остатков двух ярусов застройки конца XVI — начала XVII в. работы стали проводиться преимущественно в восточной части раскопа 3 (кв. Ж–И XV–XX). По мере углубления под коричневым культурным слоем были открыты напластования черного гумуса, при этом не всегда между ними можно было проследить четкую границу (рис. 3.4–3.7; 3.61–3.64). Здесь были выявлены фрагменты деревянных конструкций, которые А. Н. Кирпичников отнес ко второму строительному горизонту и определил верхнюю границу их существования концом XV — началом XVI в. (Кирпичников 2001А: л. 6, 8, рис. 37). Данные сооружения залегали примерно на 0,3–0,4 м глубже, чем описанные выше остатки построек 1-го и 2-го ярусов (нив. отм. 0,26–0,45 м выше R). Западная часть раскопа 3 также была понижена, но менее существенно. Культурный слой в пространстве между остатками застройки позднего средневековья и вышележащей конца XVI — начала XVII в., вероятнее всего, формировался в течение XVI в. Об этом свидетельствуют найденные в нем фрагменты белоглиняной керамики, в числе которых были ручка кувшина (№ 354) (рис. 3.58, 8), а также крупный

обломок водолея (№ 228) (рис. 3.60, 8). Кроме них там же обнаружены фрагмент горла чернолощеной кубышки (№ 310) и крупная цилиндрическая ножка сосуда (№ 463) (рис. 3.57, 7). Датировку подтверждают и встреченные здесь фрагменты ножей с пластинчатыми рукоятями. У одного из них сохранились боковые деревянные накладки, закрепленные железными заклепками, а у другого экземпляра имеются напаянные прямоугольные пластины медного сплава в основании клинка (№ 369, 419) (рис. 3.60, 3, 4). Однако никаких остатков сооружений, которые можно было бы отнести к первой половине XVI в., на исследованном участке не было выявлено. Вероятно, они не сохранились или же были разобраны.

В толще культурного слоя между остатками сооружений рубежа XV–XVI вв. и конца XVI — начала XVII в. в восточной части раскопа были также обнаружены и переотложенные находки, относящиеся к древнерусскому времени. Из железных изделий наиболее интересен ключ с бородкой от сундучного нутряного замка (№ 316), относящийся к первой половине XII — второй половине XIV в. (Колчин 1982: рис. 4; Кудрявцев 2014: 98, рис. 27) (рис. 3.59, 2). Предметы из медного сплава представлены фрагментами украшений, среди которых выделяются часть стенки полой зооморфной подвески (№ 379), обломки накладки (№ 233) и миниатюрного перстня с тонким ободком и округлым щитком (№ 321). Здесь же был обнаружен осколок стеклянной массы синего цвета, покрытый с стороны коркой (№ 121) (рис. 3.59, 4).

В ходе исследования остатков деревянных конструкций второго (нижнего) строительного горизонта по А. Н. Кирпичникову обнаружилось достаточно резкое изменение общего характера и облика материальной культуры. Здесь отсутствуют предметы, обычные для эпохи Московского государства XVI–XVII вв., а находки представлены изделиями, типичными для древнерусского периода. Подробное рассмотрение застройки, а также предметов, происходящих из нижележащих слоев и относящихся к указанному периоду (XI–XV вв.), является отдельной обширной темой для будущих работ.

Заключение

В ходе археологических исследований 1999–2000 гг. на раскопе 3 были получены значительные по своему объему материалы, позволяющие проследить историю освоения данного участка в XVI–XVII вв. и его строительную историю. До постройки укреплений Земляного города в 1584–1585 гг. это была территория Ладожского посада. Характер застройки на этом месте в первой половине — середине XVI в. определить сложно. Как уже указывались, сооружений данного периода в раскопе 3 не выявлено, возможно, они были разобраны. Однако более ранние строительные остатки рубежа XV–XVI вв. здесь имеются, а над ними шел процесс накопления культурного слоя. Выше располагались деревянные конструкции, отмеченные А. Н. Кирпичниковым к первому строительному горизонту, содержавшему два яруса разновременной застройки. В конце XVI столетия на данном участке располагался комплекс сооружений, обнаруженный в восточной части раскопа 3 (2-й ярус застройки). Он представлял собой жилое сооружение — избу с отопительным устройством и пристроенное к ней с юга легкое хозяйственное сооружение,

вероятно, сени. Они были объединены в простую двухчастную прямую связь и были вытянуты в направлении север–юг; эти постройки находились здесь до возведения Земляного города (рис. 3.52). Вероятно, они пострадали в пожаре и до строительства укреплений были разобраны. Позже характер застройки данного участка кардинально изменился, что, несомненно, связано с новой планировкой крепостного двора внутри фортификационных сооружений. В начале XVII в. здесь располагались две жилые избы с печами, поставленные друг за другом в ряд по направлению юго-запад–северо-восток, вдоль южной куртины Земляного города (1-й ярус застройки) (рис. 3.26; 3.27)³⁶. Внутренний склон фортификационных сооружений укреплялся деревянными конструкциями, остатки которых были выявлены вдоль южных стенок смежных раскопов 3–5 в 2000, 2006 и 2011 гг. (рис. 3.32). Жилые дома 1-го яруса застройки погибли в Смутное время, при пожаре 1611 г., возникшем в результате обстрела Ладожской крепости калеными ядрами войсками И. М. Салтыкова. Впоследствии пожарище было разобрано, а территория подверглась нивелировке, в частности, производились подсыпки. В результате этих действий, а также, видимо, по прошествии некоторого времени, над руинами данных сгоревших сооружений накопился культурный слой. Позже здесь непосредственно на дневную поверхность была насыпана внутренняя часть южной куртины Земляного города, полностью перекрывшая напластования позднего средневековья — раннего нового времени (рис. 3.61–3.63). При этом остатки сооружений, сгоревших в Смуту, а также более ранние постройки залегают на 0,1–0,3 м глубже основания насыпи укреплений (рис. 3.61). Очевидно, данные строительные работы производились уже в XVII в., в ходе одной из реконструкций Земляного города. Это могло иметь место в начале 1620-х гг., когда крепость восстанавливалась после боевых действий Смутного времени, однако более предпочтительным кажется соотнесение данного события с масштабной перестройкой деревоземляных сооружений в конце 1650-х — начале 1660-х гг., когда были изменены параметры бастионной крепости. По мнению С. В. Лалазарова, реконструкция была произведена в период 1659–1661 гг. в течение Валиесарского перемирия (Лалазаров 2012: 262–265). Во второй половине XVII в. Земляной город постепенно приходил в упадок, вероятно, с этим процессом связаны некоторые прослойки мешаного серого гумуса на внутреннем склоне южной куртины — следы оплывания насыпи. В начале XVIII в., после упразднения ладожского гарнизона, деревоземляные укрепления окончательно разрушились, а впоследствии куртины и бастионы были намеренно срыты. Вероятно, основной объем работ по дефортификации крепости был проведен во второй половине — конце XVIII в., однако процесс ее разрушения в результате хозяйственной деятельности продолжался и позже, до XX в. включительно. Данный период истории Земляного города нашел археологическое отражение в виде слоев

³⁶ Представленная в данной работе уточненная хронология культурного слоя позднего средневековья — раннего нового времени и остатков сооружений первого (верхнего) строительного горизонта, исследованных на раскопе 3, подтверждается радиоуглеродными датами двух образцов, взятых в 2000 г. Интервал их довольно широк и охватывает преимущественно XVI — начало XVII в. (Ле-6160, Ле-6161). Важно отметить, что для поздних горизонтов Ладоги гораздо более результативным и эффективным является подробный анализ вещевого материала, предоставляющий более точные, дробные датировки выявленных объектов.

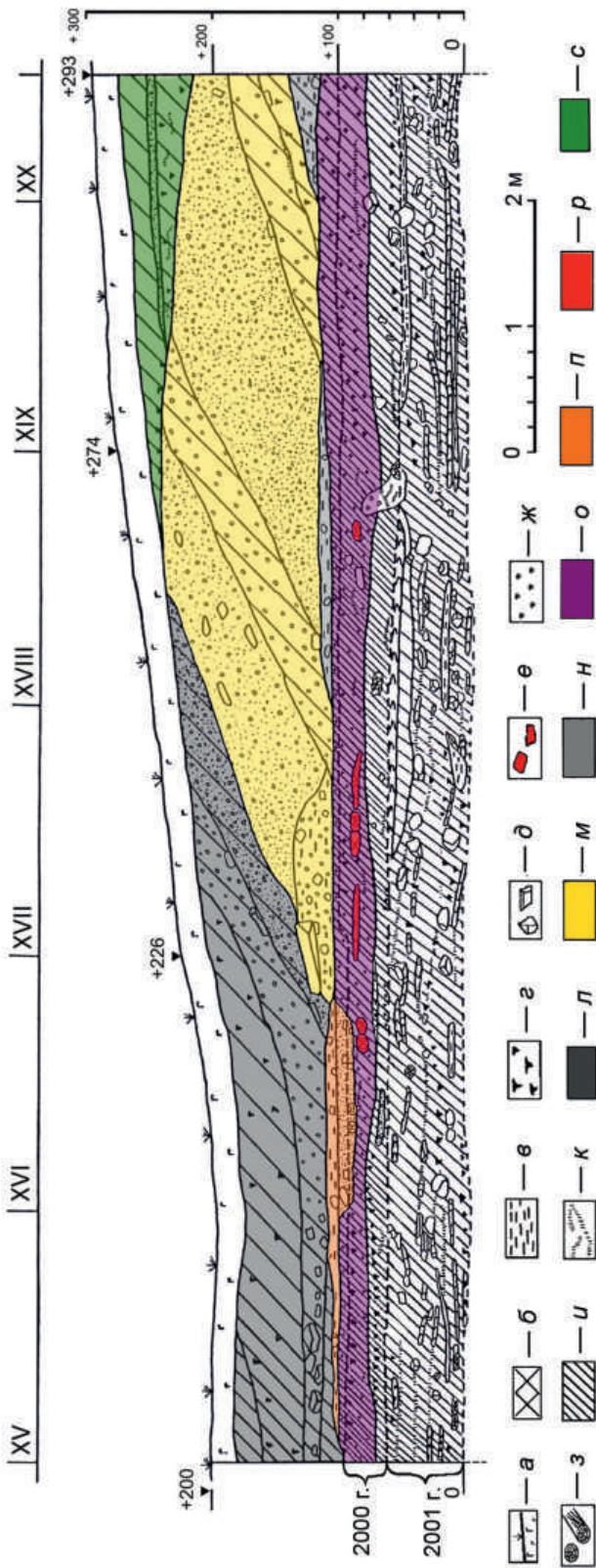

Рис. 3.61. Старая Ладога, Земляное городище, 1999–2000 гг. Профиль восточной стенки раскопа 3. Стратиграфическая схема культурных напластований XVI–XX вв. Условные обозначения (для рис. 3.61–3.64): *a* — дерн; *б* — перекос; *в* — глина; *г* — горелость, угли; *д* — камни; *е* — кирпичи; *ж* — зола; *з* — дерево, бревна, плахи; *и* — черный гумус; *к* — древесный тлен; *л* — верхние слои серого гумуса на площадке Земляного городища; *м* — насыпь южной куртины Земляного городища; *н* — нивелировочная подсыпка в основании насыпи куртины; *о* — культурные напластования XVI–XVII вв.; *п* — развал печи жилища 1-го яруса застройки начала XVII в.; *р* — фрагменты сооружений верхнего строительного горизонта конца XVI — начала XVII вв.; *с* — слой нового и новейшего времени основания насыпи куртины

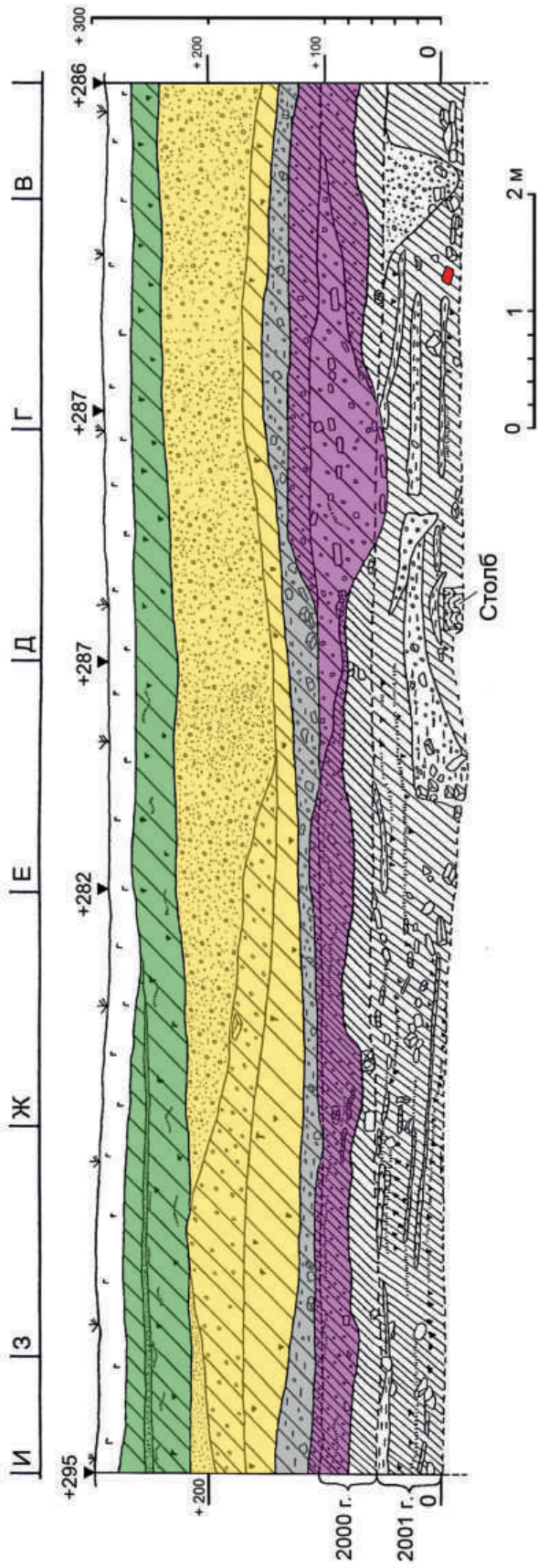

Рис. 3.62. Старая Ладога, Земляное городище, 1999–2000 гг. Профиль южной стенки раскопа 3. Стратиграфическая схема культурных напластований XVI–XX вв.

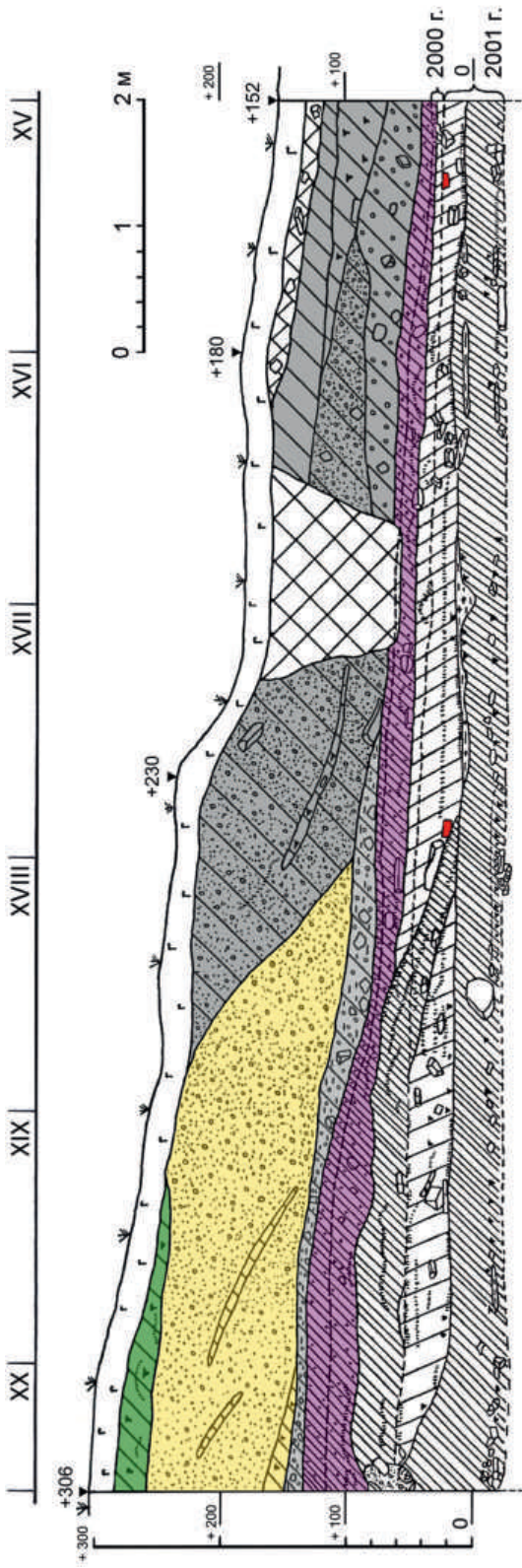

Рис. 3.63. Старая Ладога, Земляное городище, 1999–2000 гг. Профиль западной стенки раскопа 3. Стратиграфическая схема культурных напластований XVI–XX вв.

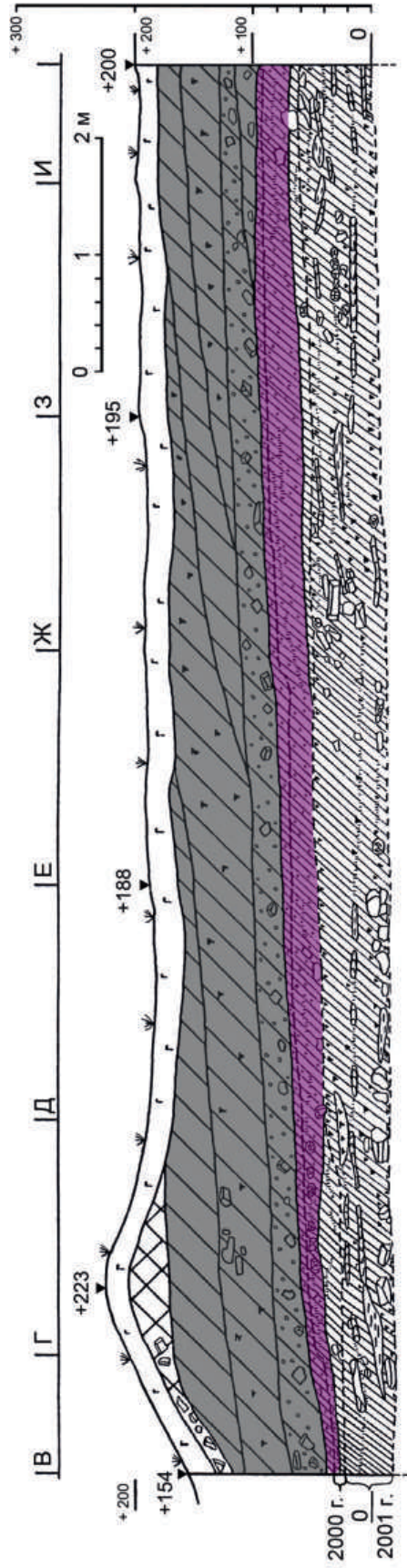

Рис. 3.64. Старая Ладога, Земляное городище, 1999–2000 гг. Профиль северной стенки раскопа 3. Стратиграфическая схема культурных напластований XVI–XX вв.

мешаного серого гумуса, сброшенных с верха южной куртины к ее основанию и ровненных по территории площадки городища (рис. 3.61; 3.63; 3.64). В XIX–XX вв. на территории бывших укреплений располагались домовладения и участки жителей Старой Ладogi, в том числе огороды, на которых верх культурных напластований был перекопан. К моменту начала работ в южной части Земляного городища в 1999 г. застройки здесь не было и никакая хозяйственная деятельность уже не велась.

Подробно рассмотренные 1-й и 2-й ярусы застройки конца XVI — начала XVII в., выявленные А. Н. Кирпичниковым в раскопе 3, можно уверенно соотнести с сооружениями горизонта В по стратиграфической схеме, разработанной В. И. Равдоникасом. Среди них особенно хорошо выделяются постройки, сгоревшие в результате боевых действий Смутного времени в 1611 г. (Равдоникас 1949: 12; Равдоникас 1949А: л. 23–38; Гроздилов 1950: 139, 140; Миляев, Горлов 2020: 170, 192–195, рис. 2). Теперь синхронный им 1-й ярус застройки, погибший в пожаре после обстрела, удалось выявить и в раскопе 3 в южной части Земляного городища. Это позволяет впервые за все время исследования памятника свести планы раскопов В. И. Равдоникаса и А. Н. Кирпичникова на уровне данных сооружений начала XVII в. и составить комплексное представление о застройке двора бастионной крепости в пределах исследованных участков (рис. 3.65). Этот сюжет нуждается в специальном исследовании, однако уже можно сделать несколько предварительных замечаний. Жилые дома и хозяйственные сооружения были построены вдоль куртин Земляного города в два, возможно, три ряда. Ставились они довольно близко друг к другу, при этом рядом с избами всегда находились нежилые подсобные клетки. Все они были однотипными, почти одинаковых размеров $\approx 4 \times 4$ м, конструкция их также была идентична. В этом усматриваются некие признаки унификации и единообразия. К сожалению, проследить какие-либо границы участков или остатки ограждений не удалось, хотя они несомненно имелись. В одном случае была зафиксирована обширная деревянная вымостка придомовой территории, вероятно, двора. Центральную часть внутри периметра стен Земляного города не застраивали, здесь находилось свободное общественное пространство перед храмом св. Климента, сначала древнерусским, каменным, а в XVII в. деревянным (Равдоникас 1949А: л. 33; Миляев, Горлов 2020: 172). Вероятно, данная система организации пространства в пределах фортификационных сооружений сформировалась на рубеже XVI–XVII вв., сразу после их возведения в 1584–1585 гг.

Известно, что под сгоревшими в Смутное время постройками, на участке, исследованном В. И. Равдоникасом, залегали более ранние сооружения, которые можно датировать в пределах второй половины XVI в. (Равдоникас 1949А: л. 35, 36; Миляев, Горлов 2020: 190, 191). Именно с ними предварительно можно соотнести конструкции конца XVI в. 2-го яруса первого (верхнего) строительного горизонта, выявленные в раскопе 3 А. Н. Кирпичникова. Однако уверенно утверждать это на данный момент нельзя, поскольку слои и постройки XVI в. на Земляном городище еще недостаточно подробно изучены.

Необходимо отметить, что результаты, полученные в ходе анализа планиграфии и стратиграфии напластований XVI–XVII вв. в раскопе 3, нуждаются в последующем соотнесении с материалами смежных раскопов (4 и 5) А. Н. Кирпичникова в южной части памятника, а также с участком, раскопанным Е. А. Рябиным в центре западной куртины деревоземляной крепости. При этом требуется

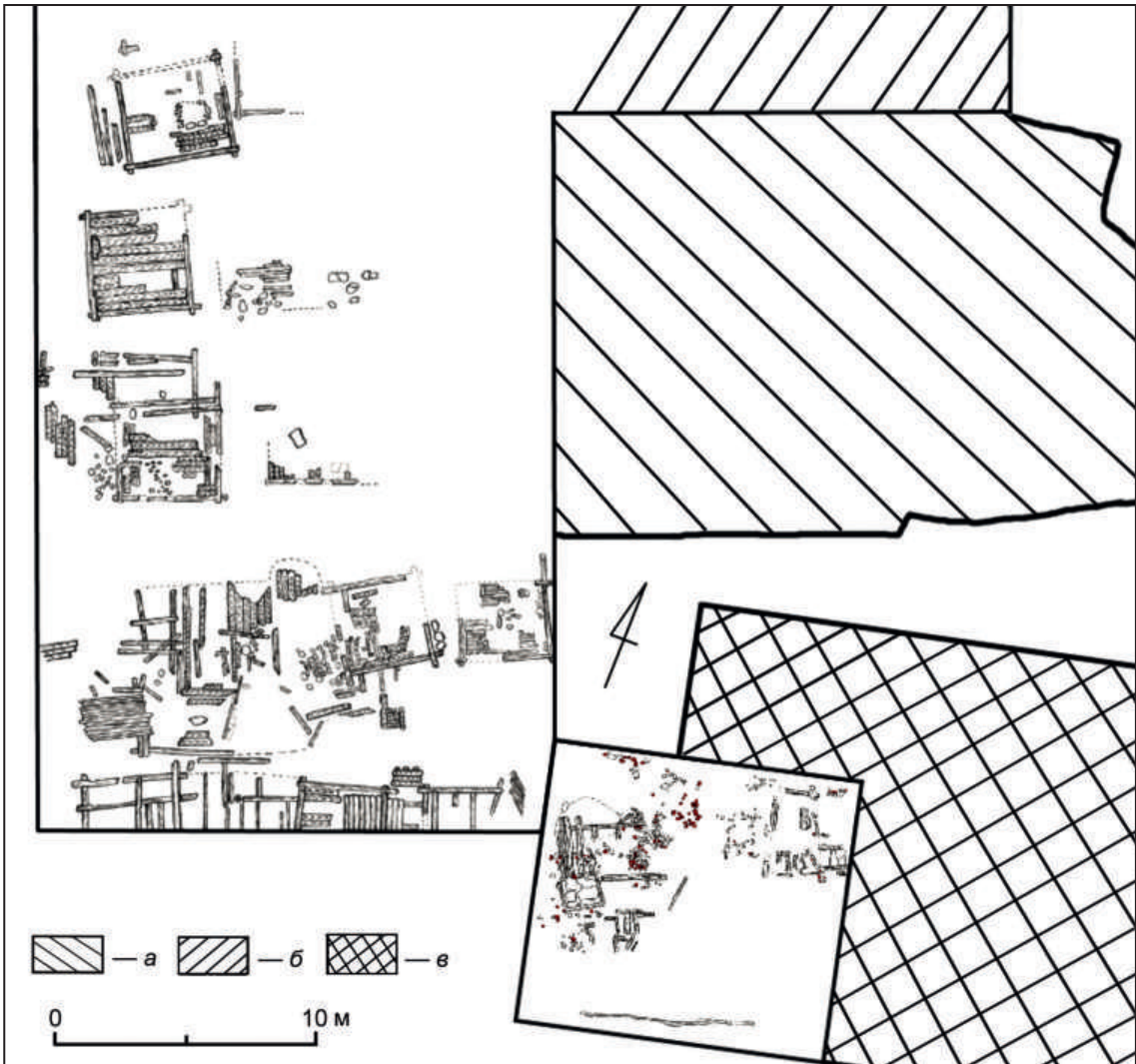

Рис. 3.65. Старая Ладога, Земляное городище. Планы раскопов В. И. Равдоникаса и А. Н. Кирпичникова, сведенные на уровне яруса сооружений начала XVII в., сгоревших в Смутное время. Условные обозначения: *а* — раскоп Н. И. Репникова 1911–1913 гг.; *б* — раскоп В. И. Равдоникаса 1938–1940, 1945–1950, 1957–1959 гг.; *в* — раскоп 4 А. Н. Кирпичникова 2006–2010 гг. (по: Васильев и др. 2022, с изменениями)

детальный анализ вещевого материала и построение дробной хронологии, которая необходима для выделения ярусов единовременной застройки. Отметим, что каждый участок культурного слоя Земляного городища нуждается в индивидуальном подходе, поскольку планиграфическая и стратиграфическая ситуация в каждом случае может различаться. В ходе подобной работы вполне могут быть скорректированы датировки части построек, открытых Е. А. Рябининым непосредственно под основанием насыпи западной куртины, которые изначально были им датированы XVI в., то есть периодом, предшествовавшим строительству Земляного города (Рябинин 1985: 30, 31).

Что касается вещевых комплексов, полученных в ходе исследования остатков сооружений верхнего строительного горизонта в раскопе 3, то они ярко характеризуют бытовую сторону жизни части населения Ладоги в конце XVI — начале XVII в.

Следует отметить высокую насыщенность слоев позднего средневековья — раннего нового времени на Земляном городище разнообразными находками. В первую очередь обращает на себя внимание большое количество предметов вооружения, их фрагментов, а также боеприпасов. Особенно их много среди остатков построек, сгоревших в Смутное время (рис. 3.35). К этому же ярусу привязаны и все находки оружия европейского происхождения, отражающие присутствие в крепости иностранных наемников и солдат. Подобные изделия были обнаружены и в ходе раскопок В. И. Равдоникаса на Земляном городище (Миляев 2020а: 8–43). Среди остатков сооружений конца XVI в. находок, связанных с военным делом, очень немного, но все же они присутствуют в вещевом комплексе. Примечательно, что подавляющее большинство изделий данной категории относится к огнестрельному оружию, которое в конце XVI — начале XVII в. было основным; холодного оружия найдено очень мало. Среди остатков построек верхнего строительного горизонта встречено также немало элементов снаряжения коня и всадника. Характерным является синхронное использование подков первого и второго типов, по А. Н. Кирпичникову и О. В. Двуреченскому, причем встречены они в равных количествах экземпляров. Некоторые элементы снаряжения, а именно стремя, фрагмент удила, подпружная пряжка типологически восходят к образцам древнерусского времени и продолжают использоваться в XVI–XVII вв.

Бытовые изделия также представлены значительным числом находок. Из инструментов в основном обнаружены деревообрабатывающие, а именно тяжелые рабочие топоры 4-го типа, по О. В. Двуреченскому. В каждом из сгоревших в Смуту сооружений 1-го яруса застройки их найдено по два экземпляра. Единичные находки, такие как фрагмент зубила и ложка для литья, характеризуют обработку черного и цветных металлов. Каких-либо других, более сложных или специализированных, инструментов не встречено. В основном находки носят общебытовой характер, представляют домашнее ремесло и промыслы. Универсальными предметами являются ножи, в основном черешковые с деревянными и роговыми рукоятями. Жители построек конца XVI — начала XVII в. занимались плетением из бересты, о чем свидетельствуют кочедык, а также сами изделия, в основном лапти. Прядение и ткачество также было распространено, судя по находкам нескольких глиняных и роговых пряслиц, свинцовых грузиков, а также кудельной булавы. Типы этих изделий также появились еще в древнерусский период. Наличие в культурном слое корабельной детали, берестяных поплавков и каменных грузил отражает занятие населения Ладоги судоводением и рыболовством. В целом надо отметить, что на участке раскопа 3 не встречено следов какого-либо сложного и технологичного ремесла, почти полностью отсутствуют заготовки, шлаки, отходы, специализированные инструменты. Судя по письменным источникам, в XVI–XVII вв. производства в основном располагались не у крепости и тем более не внутри стен Земляного города, а на некотором отдалении от них, на территории Ладожского посада (Кирпичников 1985: 179). На участке раскопа 3 в слоях позднего средневековья — раннего нового времени отсутствуют также следы занятия земледелием, содержания скота или ведения иного обширного домашнего хозяйства.

Многие археологические находки представляют собой предметы домашнего обихода и внутренней обстановки домов, отражая повседневную бытовую жизнь ладожан конца XVI — начала XVII в. Для указанного периода были характерны

навесные замки типа Е по классификации Б. А. Колчина и А. А. Кудрявцева, чаще всего призматических очертаний, которые не раз встречались и в раскопках В. И. Равдоникаса (Новое в археологии... 2018: рис. 4.16, 9; 4.20, 12; Миляев, Горлов 2020: рис. 8, 9). Широкое распространение имели железные цепи из восьмерковидных звеньев и пробои, типы которых восходят к древнерусским изделиям. Внутри помещений находилась мебель, из деталей которой найдены часть ручки из медного сплава и обломок небольшой петли, для освещения внутреннего пространства небольших домов и хозяйственных построек использовались подсвечник, вбивавшийся в стену, и П-образный светец с центральной прорезью. Судя по обнаруженным деревянным обручам, внутри построек в бочках и другой бондарной таре могли храниться припасы, для напитков использовались керамические и стеклянные сосуды. Для построек конца XVI, а особенно начала XVII в. характерны дисковидные фляги с квадратным поддоном и трапециевидными ушками для подвешивания и, реже, кубышки, покрытые зеленой поливой. В Ладоге они явно привозные, ближайшим местом их производства является Псков (Курбатов 2013: 126). Чернолощенная столовая керамика не была широко распространена среди жителей города и также, видимо, являлась предметом торговли. Из центральных регионов Московского государства происходят белоглиняные сосуды, фрагменты которых встречаются в слоях XVI–XVII вв. на Земляном городище. Стеклянные сосуды представлены в основном осколками квадратных бутылок — штофов, которые появились в Ладоге вряд ли ранее конца XVI в. В числе их встречены изделия однотонного стекла преимущественно зеленоватого оттенка, а также выполненные в технике венецианской филиграни. Последние датируются XVII в. и неоднократно обнаруживались среди остатков построек, сгоревших в Смутное время. Вероятно, часть их также связана с пребыванием иноземных войск на территории крепости.

Детали одежды конца XVI — начала XVII в. представлены небольшим количеством предметов. В основном это пуговицы, среди которых наиболее выделяется серия стеклянных изделий XVII в. Примерно в том же количестве найдены артефакты из медного сплава и белого металла, вероятно, серебра. Все они полые, паляные, с округлыми ушками. Личные вещи, такие как фрагменты нательного креста, перстень, косметический пинцет и роговая деталь застежки поясной сумки, единичны. Характерно, что украшения, в частности, женские, среди построек конца XVI — начала XVII вв. почти не встречены. Из металлических деталей обуви обнаружены железные обувные подковки с двумя вариантами пластин и разными способами крепления на каблуке — врезным на шипах и комбинированным с дополнительными гвоздями.

Судя по находкам круглых плоских каменных бит и целого набора астрагалов внутри сооружения 1-го яруса застройки, среди ладожан в указанный период была популярна игра «в бабки». Кроме того, надо отметить находку целой глиняной свистульки, они не раз обнаруживались в поздних слоях Земляного городища (Миляев, Горлов 2020: рис. 9, 7).

Предметы из органических материалов встречены преимущественно в слое, вмещавшем остатки построек 1-го яруса, сгоревших в Смутное время (рис. 3.49). Среди них имеются фрагменты изделий из текстиля, кожи и бересты, которые свидетельствуют о том, что во время пожара внутри домов находилась одежда и обувь их обитателей. Это обстоятельство характеризует масштаб и последствия большого пожара,

вызванного обстрелом Ладожской крепости калеными ядрами в 1611 г. Исследователями уже отмечалось, что находки обрывков тканей в слоях позднего средневековья — раннего нового времени на Земляном городище связаны именно с ярусом погибших в огне сооружений начала XVII в. (Орфинская, Михайлов 2020: 7, 30, 36).

Кому могли принадлежать постройки конца XVI — начала XVII в., открытые А. Н. Кирпичниковым на участке раскопа 3 в 2000 г.? Вероятно, их хозяевами были ладожские служилые люди, что вполне соответствует характеру выявленных вещевых комплексов. Что касается сооружений 1-го яруса застройки, располагавшихся на крепостном дворе Земляного города, то это предположение подтверждается сведениями письменных источников XVII в. В Переписной книге города Ладога 1646 г. здесь упомянуто подворье сына боярского Агея Петрова, сына Увалова, а в «Деле о починке в Ладоге городского каменного, деревянного и башенного строения» 1646–1649 гг. прямо указано, что внутри деревоземляных укреплений находятся десять стрелецких дворов (Бранденбург 1896: 246; Мильчик 2014: 284). Однако известно, что и на территории Ладожского посада располагались Стрелецкая, Пушкарская и Казачья слободы, где проживали служилые люди с семьями, а местные дети боярские чаще всего находились за городом в своих поместьях (Бранденбург 1896: 33, 34, 64, 65; Селин 2008: 32, 76). Видимо, небольшие постройки на территории Земляного города выполняли функцию «осадных дворов», где в случае боевых действий размещались защитники крепости. Именно поэтому здесь при раскопках не выявлено следов какой-либо активной хозяйственной деятельности, которая велась в первую очередь на посаде. Вероятно, в мирное время использование данных построек носило ограниченный, вспомогательный характер. Что касается более ранних сооружений 2-го яруса застройки, относящихся к концу XVI в., то они также могли принадлежать представителям военного сословия, о чем говорят находки предметов вооружения, снаряжения коня и всадника, привозных керамических и стеклянных сосудов, тем более что данный участок Ладожского посада до постройки Земляного города находился в непосредственной близости от Каменной крепости.

Приложение

Находки кожаной и берестяной обуви из верхних отложений раскопа 3 (2000 г.) на Земляном городище Старой Ладogi

Раскопками А. Н. Кирпичникова на Земляном городище в 2000 г. (раскоп 3) был вскрыт культурный слой с остатками деревянной застройки, отложившийся на месте строительства южной куртины Земляного (или Деревянного) города. По своему составу и наполнению этот слой несколько отличался от нижележащего, датированного концом XV — началом XVI в. Было обнаружено несколько построек, в том числе две отапливаемые. Их остатки несли отчетливые следы пожара. До последнего времени исследователи считали, что данный слой отложился в течение XVI в., не позднее 1580-х гг. (Кирпичников 2001А; Кирпичников, Сорокин 2001а; 2001б: 137; 2002: 151 и сл.).

С постройкой в западной части раскопа (кв. В, Г, Д XVI, XVII) связаны несколько десятков деталей кожаной обуви (рис. 3.66) и ряд плетеных изделий из лыка. Оттуда же происходит железная обувная подковка и фрагменты войлока (см. табл. 3.1).

В полевой описи 2000 г. отмечено 29 находок кожаных изделий, 5 фрагментов плетеных изделий из лыка («лаптей»), а также обрывок войлока и железная обувная подковка. Натурное изучение коллекции показало, что в ней представлены почти исключительно разрозненные детали обуви разных видов. Имеются также единичные находки обрывков рукавиц и чехол для ножа. Все детали обуви имеют конструктивные признаки, характерные для второй половины — конца XVI в. и начала XVII в. Выделяются остатки изделий западного производства — наборные каблуки, внутренняя подошва рантовой конструкции башмака, кожаная обтяжка каблука. Помимо деталей башмаков и сапог, которые можно считать обувью военных людей, здесь встречены фрагменты женской туфли, которые выделяются своими размерами, — остатки подошвы и часть наборного каблука (№ 314).

Часть находок можно отнести к обуви русского пошива, не имевшей такой детали, как каблук. Это подошвы с основным швом «в подтай», больших размеров, широкие, подбитые железными гвоздями и железными подковками, от которых остались следы (рис. 3.67, 1). Для изготовления такой обуви и использовались найденные детали головок, поднарядов, задников и голенищ. К ним вполне приложимо определение «воинская обувь», предложенное ранее (Курбатов 2010). Эти предметы находят прямые аналогии в комплексе конца XVI — начала XVII в. из Ивангородской крепости (Курбатов 1995).

Неожиданными стали результаты детального осмотра так называемых берестяных лаптей, отмеченных в отчете о раскопках 2000 г. и в предварительной публикации этих материалов (Кирпичников, Сорокин 2002). В действительности фрагмент «лаптя» № 117 представлял собой двуслойную подошву толщиной 1,7 см и размерами 21,7 × 9,5 см (рис. 3.67, 2). Еще один фрагмент «лаптя» без номера, депаспортизованный, также вполне определенно можно назвать подошвой, плетеной из бересты в два слоя, размерами 16,0 × 9,7 см. Фрагмент «лаптя» № 104 является берестяным изделием, плетеным из полос шириной 17 мм в два слоя, овальным по форме, размерами 13,0 × 8,8 см. Края его аккуратно заплетены, а не оборваны,

чего можно было бы ожидать от лаптя, развалившегося после носки. Такими же плетеными подошвами оказались фрагменты «лаптей» № 96, 98 и 268 (рис. 3.67, 3).

Таким образом, натурное изучение «берестяных лаптей» показывает вариант плетеной из бересты предохранительной обуви, по виду напоминающей современные комнатные тапки, не имеющие задника (рис. 3.67, 4). Именно такие «лапти» серийно были найдены в раскопах В. И. Равдоникаса (Курбатов 2011: 244, рис. 4; 5). Новые находки подтверждают их широкое использование в средневековой Ладоге.

Следует обратить внимание на обувную подковку, которая имела не полукруглый, а килевидный внешний край (Кирпичников, Сорокин 2002, рис. 7, 3). Судя по находкам из Ивангорода и Пскова, форма таких подковок отражает скругление подошв сапог, имевшее место в первой половине XVI в. (Петренко, Стеценко 1985, рис. 2, 2а, 3а).

Заслуживают внимания находки деталей голенищ со следами лицевых обметочных декоративных швов, выраженных очень мелкими ($\approx 0,5$ мм) и частыми (длина стежков ≈ 1 мм) отверстиями на лицевой стороне кожи (мерее). Такой декоративный шов, выходящий в торец детали, типологически можно назвать лицевым тачным швом (рис. 3.66, 7, 10). Он закрывает основные швы на голенищах и головках сапог, создавая на обуви своеобразную цветную полосу. В русское кожевенно-обувное производство этот декоративный прием вошел в XVI в. как отголосок приемов казанских традиций в кожевенном ремесле (Курбатов 2017: 90 и сл.).

Обращение к письменным документам показывает, что даже в лучшие для Ладоги годы ее кожевники и сапожники, скорее всего, работали только для удовлетворения нужд самих городских жителей. В периоды же «лихолетья» в Ладоге, возможно, и совсем не оставалось местных ремесленников кожевенных специальностей. Впрочем, один сапожник упоминается в «Обыске житничного ключника Афанасия Лопухина и подъячего Юрия Юмина на Ладожском посаде о живущих дворах и рыбных ловлях» от 6 сентября 1608 г.: «У города Ладоги... да посадские люди... Прошка Павлов сапожник» (Селин 2008: 141–143, приложение № 4).

Большой интерес представляют находки кожаной обуви, частей одежды и воинской амуниции, которые можно отнести к началу XVII в. До последнего времени находки под насыпью бастионов Земляного городища было принято относить к периоду не позднее 1585 г., когда предположительно эти бастионы были сооружены. Однако детальный анализ остатков деревянных построек, найденных под насыпью бастионов, позволяет связывать их не с XVI в., а с 1611 г., когда Деревянный город подвергся штурму и загорелся (Миляев, Горлов 2020: 170 и сл.).

Письменные документы XVII в. по Земляному городищу свидетельствуют о перестройках и «поновлениях» деревоземляных укреплений (Скрипинская 2014: 141 и сл.). А это позволяет предполагать изменения размеров застройки внутри стен. Кроме того, разрушение укреплений после Северной войны начала XVIII в., когда крепость уже полностью потеряла свое военное значение, неизбежно приводило к оплыванию грунта внутрь огражденной территории, сокращая ее площадь. Все это вполне правдоподобно объясняет попадание построек и находок начала XVII в. под оплывшую насыпь куртины.

Есть и еще один, менее очевидный, аргумент для отнесения кожаных вещей под насыпью вала к началу XVII в. В период, предшествовавший строительству первых деревоземляных укреплений в 1584–1586 гг., площадка городища была открытой,

Таблица 3.1. Земляное городище, раскоп 3. Находки деталей обуви (кожа, береста, лыко, железо) и неопознанных изделий из кожи и войлока в полевой описи 2000 г.

№ по полевой описи	Наименование предмета по описи	Квадрат	Нив. отм. выше R, м	Примечание
76	Подковка обувная	И XX	0,78	—
80	Фрагмент лаптя	Е XVII	0,67	—
96	Фрагмент лаптя	Г XVII	0,49	—
97	Фрагмент лаптя	Е XVI	0,60	—
99	Подошва кожаная	Е XVI	0,55	4 фрагмента
103	Фрагменты войлока	Г XVIII	0,42	—
104	Фрагмент лаптя	Г XVII	0,59	2 фрагмента
117	Фрагменты лаптя	Г XVII	0,41	2 фрагмента
118	Фрагменты кожи	Д XVII	0,54	—
119	Фрагменты сапога	Г XVI	0,37	—
149	Фрагменты обуви	Д XVI	0,49	—
150	Фрагменты каблука	Г XVII	0,38	—
151	Фрагменты обуви	Д XVI	0,49	—
152	Кожаное изделие (ножны?)	Е XVI	0,49	—
153	Фрагменты подошвы	Г XVII	0,39	2 фрагмента
154	Фрагмент кожи	Г XVII	0,40	—
178	Фрагмент кожи	Г XVII	0,32	—
201	Подошва кожаная	Е XVI	0,45	—
213	Фрагменты кожи	Е XVII	0,50	—
214	Подошва кожаная	Е XVII	0,54	—
215	Подошва кожаная	Г XVII	0,34	—
216	Фрагмент кожи	Д XVIII	0,52	—
263	Каблук кожаный	Е XVII	0,60	—
264	Фрагмент обуви	Е XVI	0,46	—
267	Фрагмент кожи	Д XVI	0,45	—
280	Фрагменты изделия	Е XVIII	0,58	—
281	Фрагменты изделия	Д XVIII	0,48	—
282	Фрагменты изделий	Д XIX	0,55	—
284	Каблук кожаный	В XVI	0,28	—
291	Ножны кожаные	Д XIX	0,49	—
309	Фрагменты кожаной обуви под берестой	В XVII	0,31	—
314	Каблук с гвоздями	Г XVII	0,33	—
323	Фрагмент изделия	Д XVI	0,35	—
327	Ботинок кожаный	В XVII	0,19	—
413	Каблук кожаный	Д XVII	0,33	Бурый гумус
414	Фрагмент кожи	Д XVII	0,33	Бурый гумус

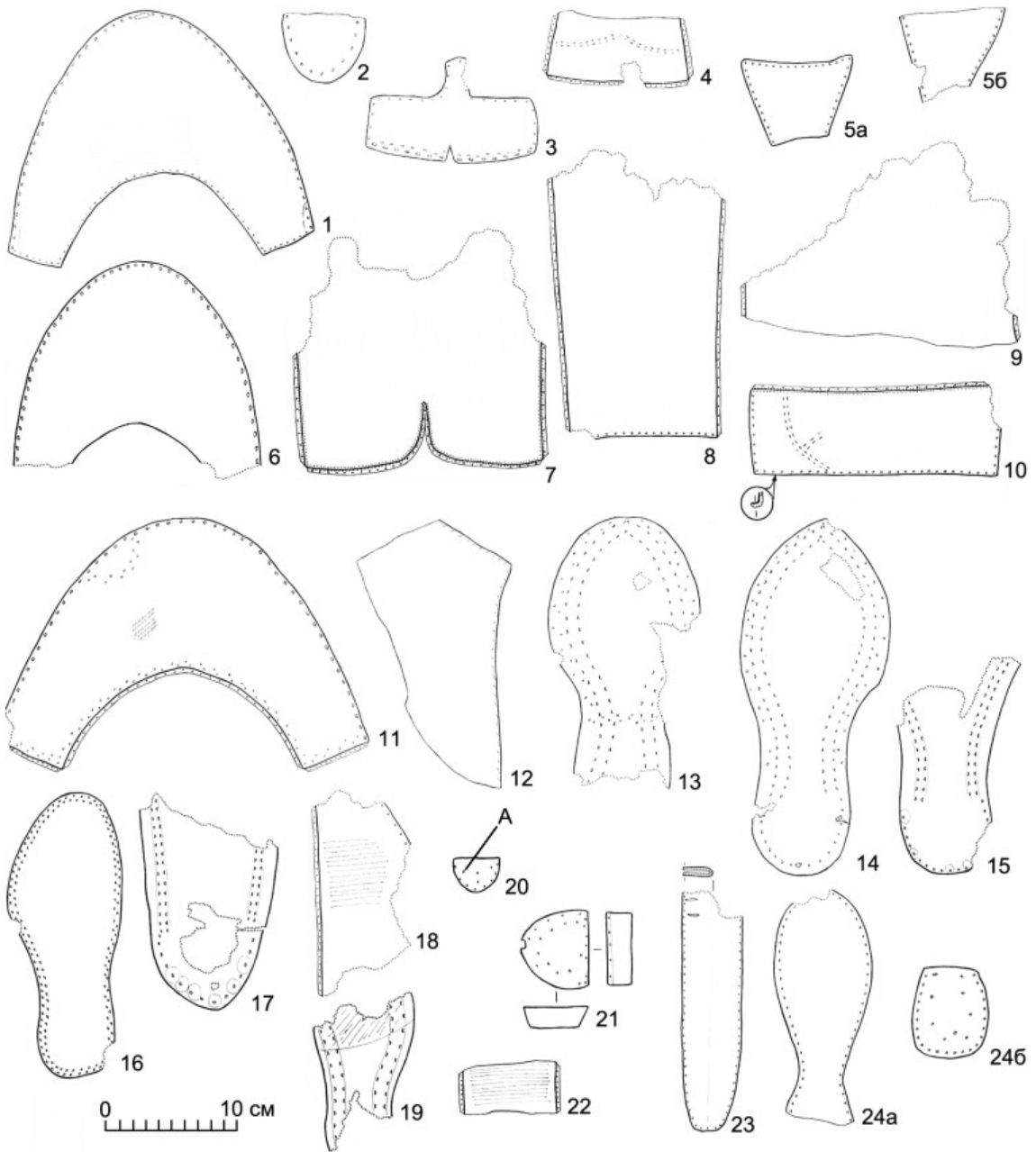

Рис. 3.66. Старая Ладога, Земляное городище, раскоп 3 (раскопки А. Н. Кирпичникова), 2000 г. Кожаные предметы

Рис. 3.67. Старая Ладога, Земляное городище. Раскоп 3 (раскопки А. Н. Кирпичникова, 2000 г.): 1 — подошва сапога (№ 214); 2, 3 — плетеные берестяные подошвы (№ 117, 96) (раскопки Е. А. Рябина, 1981 г.); 4 — плетеная берестяная подошва (№ 99) →

и вся влага, выпадавшая здесь, удалялась естественным образом: или испарялась с поверхности, или вытекала из слоя наружу. В таких условиях органические материалы быстро истлевали. Для их сохранения должны были измениться условия почвенного водоотведения. Они изменились, в свою очередь, после строительства деревоземляных укреплений, когда влага стала в большей степени удерживаться на площадке городища. В результате искусственно были созданы условия для лучшей сохранности органических материалов. Это объясняет и тот факт, что в слоях начала XVI в. (как и в предшествующих им отложениях позднерусского времени) органика не сохранялась. Слой под насыпью вала с хорошей сохранностью деревянных, кожаных и иных изделий из органических материалов следует датировать в рамках достаточно короткого временного интервала — с 1586 по 1611 г.

Список находок деталей обуви и предметов из кожи и войлока из раскопа 3 (2000 г.) из фондов Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника, изображенных на рис. 3.66

1: № 309, кв. В XVII, нив. отм. 0,31 м (18 июля³⁷). Головка сапога: симметричная, крылья средней длины; полная длина детали — 20,2 см, по оси на подъеме — 12,7 см, ширина — 21,0 см; все швы выворотные, основной шов: отверстия овальные, диаметром 1,5–2,0 мм, длина стежков — 6,0 мм, на подъеме — отверстия округлые, диаметром 1,0 мм, длина стежков — 6,5–7,0 мм; крылья на концах вывернуты наружу; кожа КРС³⁸ толщиной 1,0 мм, плотная, сильно стерта; декор — частое поперечное линование.

2: № 119, кв. Г XVI, нив. отм. 0,37 м (11 июля). Часть наборного каблука — шесть слоев (фликов): ширина — 6,2 см, длина — 5,2 см, кожа вторичного использования.

3: № 119, кв. Г XVI, нив. отм. 0,37 м (11 июля). Карман задника: ширина — 13,0 см, высота — 8,0 см; в основании по осевой линии детали — треугольный вырез, вдоль всех краев — сквозные отверстия швов, по основанию — двойная линия швов; кожа КРС, плотная, толщиной 1,0 мм.

4: без номера (усл. № 4)³⁹. Задник (?) сапога: верхний обрез вторичный, по нижнему обрезу вырван участок длиной 1,5 см, шириной 10,5 см, высотой 4,8 см; по боковым и нижнему обреза — тачные швы, длина стежков 3–4 мм, на бахтарме — следы двух линий лицевого шва; кожа КРС толщиной 1,0 мм, стерта.

5а: № 149, кв. Д XVI, нив. отм. 0,49 м (12 июля). Кожаная деталь обтяжки каблука: трапециевидная; размеры 8,3 × 6,6 см; по трем сторонам сквозные отверстия выворотных швов, длина стежков 5,0–5,5 мм; кожа КРС толщиной 1,5–2,0 мм, плотная.

5б: № 149 кв. Д XVI, нив. отм. 0,49 м (12 июля). Кожаная деталь обтяжки каблука; трапециевидная; размеры 7,1 × 7,9 см; верхний обрез — вторичный, нижний край оборван; по боковым сторонам сквозные отверстия выворотных швов, длина стежков — 5,0–5,5 мм; кожа КРС толщиной 1,5–2,0 мм, плотная.

³⁷ Дата находки, 2000 г.

³⁸ КРС — крупный рогатый скот.

³⁹ К моменту описания коллекция частично не имела полевых шифров, что отражено в каталоге как вещи без номеров, но с данными условно номерами.

6: № 149, кв. Д XVI, нив. отм. 0,54 м (11 июля). Головка сапога: симметричная, концы коротких (?) крыльев оборваны; длина: полная — 16,0 см, по оси на подъеме — 12,1 см, ширина — 17,8 см; обрез на подъеме вогнутый; основной шов — выворотный, отверстия овальные диаметром 1,5 мм, длина стежков — 7,0 мм, шов на подъеме — выворотный, отверстия округлые, диаметром 0,8 мм, длина стежков — 4,0–4,5 мм; кожа КРС толщиной 1,3 мм, плотная; декор — частое поперечное линование.

7: № 281, кв. Д XVIII, нив. отм. 0,48 м. Задняя половина голенища: изначально прямоугольная или трапециевидная, с расширением вверху, верхняя половина и боковые обрезы оборваны; ширина — 18,4 см, высота — 17,7 см; на нижнем обрезе по вертикальной оси детали — симметричный скругленный вырез высотой 4,5 см; по боковым и нижнему обреза — тачные швы с длиной стежков 6,0 мм, здесь же следы мелких декоративных лицевых обметочных швов; кожа КРС толщиной 1,3 мм, плотная; тиснение «косая сеточка».

8: № 281, кв. Д XVIII, нив. отм. 0,48 м. Деталь голенища: подпрямоугольная, слабо расширенная вверх, верхний край оборван; ширина внизу — 11,1 см, вверху — 12,7 см, высота сохранившейся части — 21,5 см; боковые швы тачные, по основанию шов выворотный; кожа КРС толщиной 1,2–1,5 мм, плотная; тиснение «косая сеточка».

9: № 281, кв. Д XVIII, нив. отм. 0,48 м. Фрагмент детали голенища: оборваны и обрезаны почти все края, сохранились небольшие участки первичных боковых обрезов; ширина детали — 20,7 см, сохранившаяся высота — 15,6 см; боковые швы — тачные, длина стежков 4,0–4,5 мм; кожа КРС толщиной 1,2 мм, плотная, тиснение «косая сеточка», меряя коричневая.

10: № 281, кв. Д XVIII, нив. отм. 0,48 м. Деталь голенища: прямоугольная; размеры 19,0 × 6,1 см, частичный обрыв короткого обреза; вторичное использование; на одном длинном обрезе — тачной шов, длина стежков 7 мм, а также мелкий декоративный лицевой обметочный шов, по трем другим обреза — сквозные отверстия выворотных швов; на мерее — следы двух линий отверстий лицевого шва; кожа КРС толщиной 1,3–1,5 мм, эластичная.

11: без номера (усл. № 7). Головка обуви: симметричная, крылья средней длины; длина полная — 19,7 см, длина по оси на подъеме — 11,6 см, ширина — 27,2 см; основной шов выворотный, шов на подъеме и боковой — тачные; следы ремонта (перешивание задника и голенища, нашивная заплатка в носке); кожа КРС толщиной 1,1 мм, плотная; тиснение «косая сеточка».

12: № 264, кв. Е XVI, нив. отм. 0,46 м (16 июля). Поднаряд сапога: вторично обрезаны нижний и боковой края; размеры 21,0 × 10,8 см; по двум сторонам обметочные швы; кожа КРС толщиной 1,0–1,1 мм, плотная; меряя темно-коричневая.

13. № 99, кв. Е XVI, нив. отм. 0,55 м (10 июля). Подошва обуви с основным швом «в подтай» для левой стопы: оборваны пятка и частично боковой край; длина — 21,5 см, ширина в области пальцев — 11,7 см, свода стопы — 6,3 см, пятки — 7,4 см; основной шов шириной 9,0 мм, длина стежков — 9,0 мм; следы пришивания подметки; кожа⁴⁰ толщиной 1,5–1,8 мм, истерта.

14: № 214, кв. Е XVII, нив. отм. 0,54 м (15 июля). Подошва обуви с основным швом «в подтай»: носок приострен, пятка округлая, по краю детали следы ремонта; на пятке — следы гвоздей и подковки; длина — 27,9 см, ширина в области пальцев — 11,5 см, свода стопы — 6,6 см, пятки — 7,7 см; основной шов «в подтай», ширина — 9,0 мм,

⁴⁰ В случаях, когда не указано, кожа какого животного была использована, это установить не удалось.

длина стежков — 7,0 мм; кожа плотная толщиной 1,5–2,0 мм, сильно стерта под пальцами (частично протерта полностью) и пяткой.

15: без номера (усл. № 7). Фрагмент подошвы со швом «в подтай»: оборвана передняя половина, на пятке следы гвоздей со шляпками диаметром 9–10 мм; длина — 16,6 см, ширина в передней части — более 9,5 см, в области свода стопы — 6,7 см, в области пятки — 7,1 см; основной шов шириной 6 мм, длина стежков 7,0 мм.

16: № 153, кв. Г XVII, нив. отм. 0,39 м (12 июля). Подошва рантовой обуви для левой стопы: носок и пятка округлые, длина 22,0 см, ширина в области пальцев — 8,9 см, свода стопы — 5,4 см, пятки — 6,0 см; основной шов сквозной вертикальный, в два ряда; кожа КРС толщиной 1,2–1,5 мм, расслоилась.

17: № 323, кв. Д XVI, нив. отм. 0,35 м (19 июля). Фрагмент подошвы с основным швом «в подтай»: оборван весь носок, под пяткой следы гвоздей с головками диаметром 14–15 мм; длина — 16,7 см, ширина передней части — 10,4 см, в области пятки — 8,2 см; перейма отсутствует; основной шов шириной 5,0 мм, длина стежков 9,0 мм; кожа сильно истерта, протерта под пяткой.

18: № 201, кв. Е XVI, нив. отм. 0,46 м (15 июля). Фрагмент голенища: вторичное использование в качестве поднаряда, обрывы по трем сторонам; длина — 15,4 см, ширина — 7,0 см; по длинной стороне тачной шов, длина стежков 4,0 мм, боковая сторона вторично обрезана для поднаряда, шов выворотный; кожа толщиной 1,0 мм, стерта по мере.

19: № 153, кв. Г XVII, нив. отм. 0,39 м (12 июля). Фрагмент подошвы с основным швом «в подтай»: следы небольшого внутреннего каблука (так называемая подошва с крокулем), оборваны носок и пятка; длина — 12,1 см, ширина в области пальцев — 8,0 см, свода стопы — 5,0 см; основной шов шириной 9,0 мм, длина стежков 9,0 мм; кожа плотная, толщиной 4,0–4,5 мм, сильно стерта под пальцами.

20: № 314, кв. Г XVII, нив. отм. 0,33 м (19 июля). Фрагмент наборного каблука женской туфли: высота — 0,8 см (5 слоев, вторичное использование деталей), длина — 2,5 см, ширина — 3,5 см. А — деревянные шпеньки.

21: № 413, кв. Д XVII, нив. отм. 0,33 м (23 июля). Набор каблука: семь слоев (фликов), высота — 1,5 см, длина — 5,3 см, ширина — 6,0 см; внутренний слой — это внутренняя подошва, на заднике вырез 8,0 мм.

22: № 414, кв. Д XVII, нив. отм. 0,33 м (23 июля). Фрагмент голенища: верхний и нижний края обрезаны; ширина — 7,1 см, высота — 4,0 см; на боковых сторонах тачные швы, длина стежков 3 мм; кожа КРС толщиной 1,2 мм, плотная; горизонтальное тиснение всей поверхности.

23: № 291, кв. Д XIX, нив. отм. 0,49 м (18 июля). Чехол для ножа (3 фрагмента): длина — 18,5 см, ширина в развороте — 4,5 см; верхний край частично оборван, рядом с ним по вертикали два прореза длиной 9,0 мм, вдоль всего края сквозные отверстия шва; кожа КРС толщиной 1,2 мм, плотная.

24а: № 215, кв. Г XVII, нив. отм. 0,34 м (14 июля). Внутренняя подошва обуви рантовой конструкции: обрезана пятка, небольшой обрыв носка, носок округлый; длина — 18,1 см, ширина в области пальцев — 7,4 см, свода стопы — 3,4 см; основной шов сквозной вертикальный, длина стежков 6,0 мм; кожа КРС толщиной 1,0 мм, плотная; имеется аналогичная внешняя подошва.

24б: № 215, кв. Г XVII, нив. отм. 0,34 м (14 июля). Наборный каблук: 15 слоев (фликов), высота — 2,5 см, длина — 7,0 см, ширина — 5,8 см.

Проблемы стратиграфии и хронологии раннего этапа Староладожского археологического комплекса

Введение

Выяснение абсолютной хронологии памятников Староладожского комплекса является очень актуальной проблемой. Недостаток таких разработок служит сейчас главным препятствием при решении ключевых вопросов раннесредневековой археологии Северной Руси. В данном случае важно подчеркнуть: речь идет о хронологии не только опорного памятника (каковым в Ладоге в течение многих десятилетий считалось и считается Земляное городище), но и всей приречной агломерации на приблизительно трехкилометровом участке течения Волхова (от Свято-Николаевского, или Никольского, монастыря на юге до городища Любша на севере) (рис. 4.1).

Настоящая глава является первым опытом разработки хронологии Староладожского археологического комплекса с опорой на радиометрические данные¹. Начальными этапами работы стали, разумеется, скрупулезный сбор и уточнение всех имеющихся данных о радиоуглеродных датах, полученных в разное время для памятников Старой Ладogi и ее ближайших окрестностей. Этот поиск занял более двух лет. Были выявлены все данные, в разное время попавшие в публикации. В поисках неопубликованных дат проверялись полевые отчеты в архиве ИИМК РАН, лабораторные журналы, материалы личного архива Е. А. Рябикина и т. д. В конечном счете оказались собраны и сведены в таблицу максимально полные сведения о радиоуглеродной аналитике, произведенной для памятников Старой Ладogi в последние десятилетия (табл. 4.1). Также заново была выполнена калибровка дат, выявленных в архивах, — по современной методике и единому стандарту.

Параллельно в 2019–2021 гг. лабораторному анализу подверглись все хранившиеся в ИИМК РАН образцы, отобранные в ходе полевых работ А. Н. Кирпичникова на Земляном городище в 2001–2013 гг., но по каким-то причинам, в основном финансовым, так и оставшиеся неисследованными. Были получены даты даже по образцам семян, отобранным Е. А. Рябининым в 1984 г. в горизонте E₃ раскопа в западной части Земляного городища. Одновременно в ходе шурфовки 2020–2021 гг. на территории Староладожского музея-заповедника Н. В. Григорьевой производился отбор новых образцов на памятниках древнерусского времени. Все они также немедленно подвергались анализу. В результате база данных по радиоуглеродному датированию памятников Старой Ладogi за короткий срок пополнилась на 35 пунктов.

¹ Исследования были начаты в 2019 г. в ходе работ по проекту РФФИ № 18-09-40111 («Древности») (рук. Н. И. Платонова). Настоящая глава подготовлена в рамках государственного задания по теме FMZF-2022-0015.

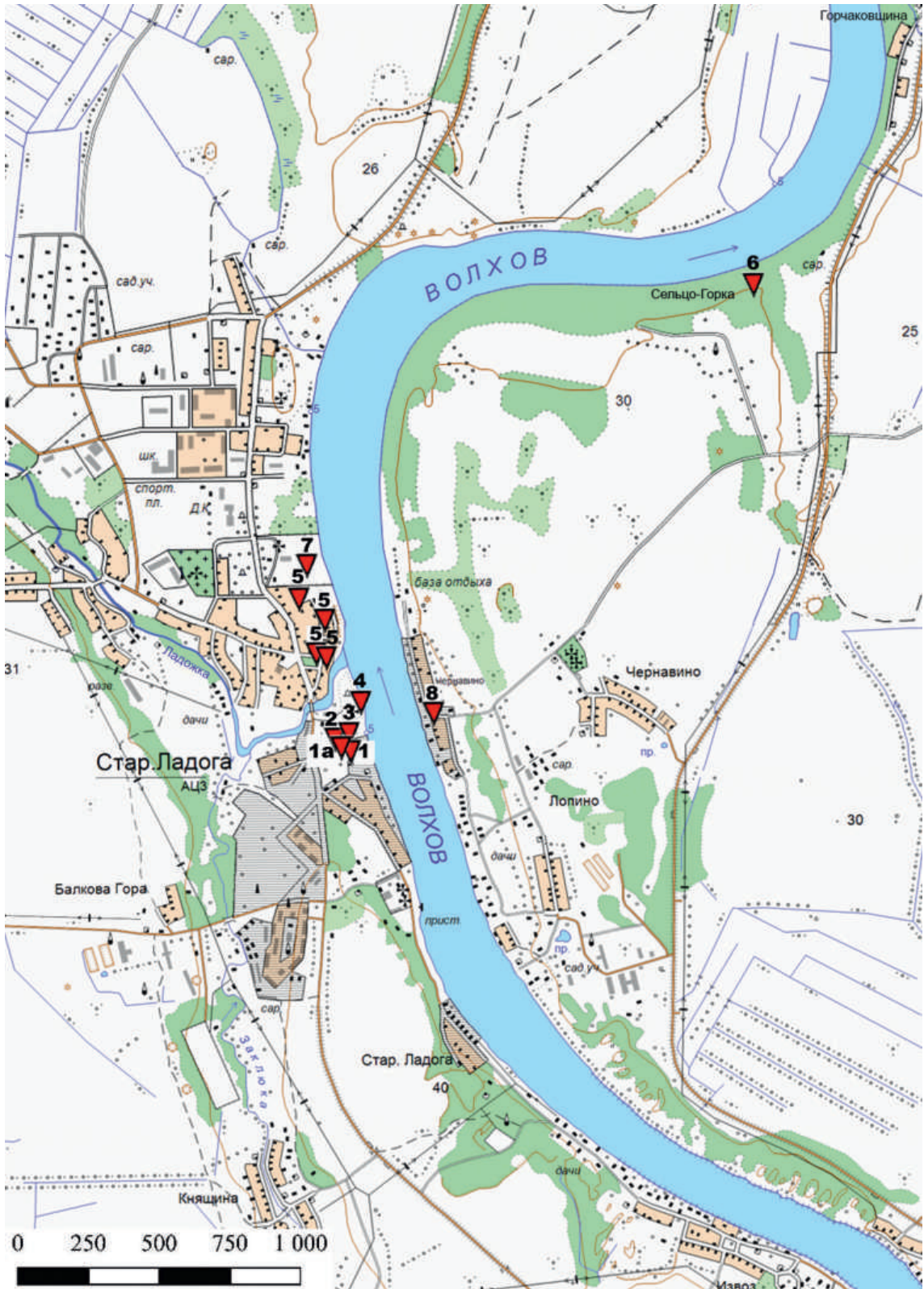

Рис. 4.1. Староладожский археологический комплекс. Места отбора образцов на радиоуглеродное датирование (▼). 1, 1а, 2–8 — группы образцов, соответствующие разделам таблицы 4.1 (см. приложение к главе 4)

Даты по образцам, отобраным в начальный период исследований (на рубеже 1990–2000-х гг.) на Земляном городище (А. Л. Александровский, М. В. Шитов), а также на городище Любша и в урочище Плакун (М. В. Шитов), были получены Г. И. Зайцевой, Н. А. Буровой и М. А. Кульковой в Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН в Санкт-Петербурге. В последние годы в этой же лаборатории получена серия дат по материалам Ладожского Посада и остающаяся пока единственной датой сторевших деревянных конструкций древнейшей древокаменной крепости, открытой А. Н. Кирпичниковым на Ладожском мысу (табл. 4.1, № 4/1).

Анализ основного массива образцов, в разные годы отобранных А. Л. Александровским из профилей раскопов и шурфов на Земляном городище и Ладожском Посаде, осуществлялся в разные годы В. В. Скрипкиным (Отдел ядерной геохимии и космохимии, Институт геохимии окружающей среды НАНУ, г. Киев, Украина). Большая часть AMS-дат, имеющихся на сегодняшний день в таблице 4.1, получены Е. В. Пономаренко в лаборатории Оттавского университета (г. Оттава, Канада).

Отдельные образцы анализировались в разные годы в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» (Отдел географии и эволюции почв Института геологии РАН) и в палеогеографической лаборатории НИИ географии СПбГУ.

Анализ серии планиграфических образцов, отобранных Н. В. Григорьевой из углубленных комплексов древнейшего горизонта Ж Земляного городища в 2010 и 2013 гг., производился М. А. Кульковой в Изотопном центре на кафедре геологии и геоэкологии географического факультета РГПУ им. А. И. Герцена. Там же осуществлялось исследование образцов, отобранных в последние годы на древнерусских памятниках Старой Ладogi.

Аналитика костных остатков наиболее ранней части грунтового могильника на Земляном городище, у церкви св. Климента, была начата в 1993 г. в Сведберг-лаборатории — ныне Объединенной лаборатории (Tandemlaboratoriet) университета г. Уппсала (Швеция). Там была получена первая ^{14}C дата (табл. 4.1, № 3/4), подтверждающая раннесредневековый возраст этой части могильника. В 2019 г. анализ серии из пяти образцов был произведен в AMS-лаборатории Университета штата Аризона, США (University of Arizona AMS Laboratory) профессором Т. Д. Прайсом.

Полностью отдавая себе отчет, что в отрыве от детальных исследований стратиграфии радиоуглеродная хронологическая шкала неизбежно будет изобиловать неточностями и противоречиями, мы начали работу в двух этих направлениях, опираясь на данные полевой документации и отчетов. В настоящей главе, помимо концептуального обобщения современных представлений о составе и развитии Ладожской агломерации на раннем этапе, содержится анализ стратиграфии древнейших комплексов Земляного городища — материковых ям, заполненных черным гумусом, идентичным по составу стратиграфическому горизонту, вмещающему древнейшие культурные остатки Земляного городища (горизонт Ж, по В. И. Равдоникасу; погребенная почва 1, по А. Л. Александровскому).

Произведенное традиционными методами исследование археологических контекстов ^{14}C дат, полученных для горизонта Ж Земляного городища, дополнено в настоящей главе независимым анализом этой серии дат, который был осуществлен М. А. Кульковой с помощью метода Байесовой статистики (см. с. 302–306). Помимо того, М. А. Кульковой с тех же позиций проанализированы ^{14}C даты, полученные

для более поздних горизонтов Земляного городища (в раскопах 3–5 А. Н. Кирпичникова) и для ряда древнерусских памятников Староладожского археологического комплекса. Отбор последних носил выборочный и во многом случайный характер (грунтовый могильник на Земляном городище; Успенский могильник в Старой Ладоге; древнерусская постройка на Посаде, открытая в шурфе 2021 г.). Такая избирательность обусловлена тем, что в настоящий момент этап накопления и первичного анализа данных о радиометрических датах памятников Староладожского комплекса до конца еще не пройден, и по сути продолжается подготовка более широкой базы для дальнейших обобщений.

Главную на сегодняшний день часть исследования М. А. Кульковой составило обобщение данных по радиоуглеродной датировке горизонта Ж в южной части площадки Земляного городища. Для них были рассчитаны комбинированные калиброванные даты по каждому объекту, откуда брались пробы (материковые ямы, заполненные почвой 1), и произведен их сравнительный анализ. Методом Байесовой статистики удалось установить хронологическую последовательность распределения этих объектов на раскопанной площади. Можно отметить сразу: произведенные параллельно и независимо друг от друга традиционное археолого-стратиграфическое и естественнонаучное исследования практически совпали по результатам.

Согласно полученным данным, человеческая деятельность на южном участке Земляного городища началась не позднее середины VII в. Средняя часть древнейшего горизонта Ж датируется по ^{14}C широко: серединой VIII — первой третью X в. Однако исследование стратиграфии позволяет нам отбросить верхнюю часть этого интервала, так как накопление следующего горизонта — бурого гумуса с навозом и щепой — начинается не позднее второй половины IX в.

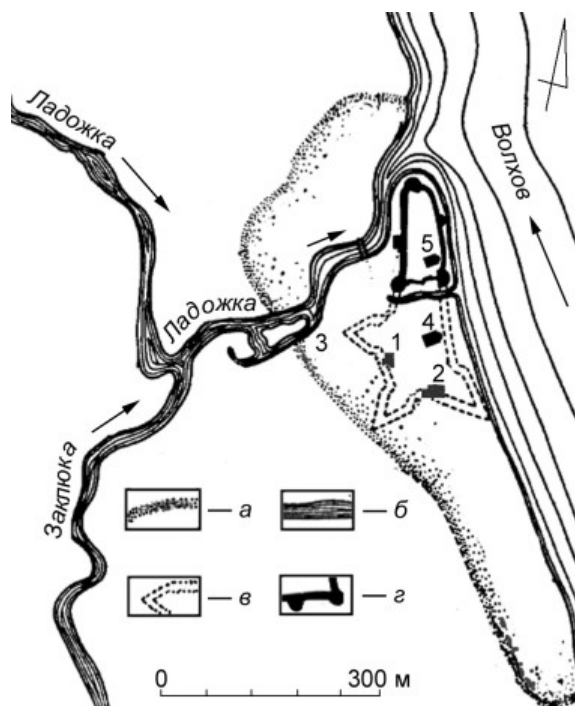
Раннесредневековые жилые зоны и их соотношение

Раннесредневековый административно-ремесленный центр, возникший в самом начале Волховского отрезка военно-торгового пути вглубь материка, на начальном этапе представлял собой приречную агломерацию, включавшую в себя ряд близко расположенных жилых зон. Они не образовывали единого жилого пространства — прежде всего, в силу особенностей ландшафта, — но, по-видимому, были тесно связаны между собой функционально и организационно. В первой половине IX в. одна из этих зон, расположенная в устье р. Ладожки, стала быстро разрастаться и приобрела роль центра. В нижнем течении Ладожки находилась самая удобная гавань; в эпоху викингов именно этот фактор оказался решающим. Однако как минимум до 860–880-х гг. в рамках Староладожского археологического комплекса функционировал и второй, предположительно более древний, центр, маркировавший северную границу агломерации — городище Любша (рис. 4.1; 4.2).

Данные радиоуглеродного анализа и наличие культурных остатков третьей четверти I тыс. н. э. позволяют предполагать, что раннесредневековое поселение на Любше начало функционировать не позднее VII — начала VIII в. (а, возможно, и ранее). Строительство каменноземляных укреплений датируется здесь также не позднее начала VIII в. (Рябинин, Дубашинский 2002; Миляев 2015; Новое в археологии... 2018: 207–232). Закладка более поздней древокаменной крепости

Рис. 4.2. Схема-реконструкция жилой зоны в устье р. Ладожки (по: Кирпичников 1985: 178).

1 — раскоп Е. А. Рябина в западной части площадки Земляного городища; 2 — раскоп А. Н. Кирпичникова в южной части площадки Земляного городища; 3 — место раннесредневековой гавани на р. Ладожке; 4 — церковь св. Климента на Земляном городище (XII в.); 5 — церковь св. Георгия Победоносца в Каменной крепости (XII в.). Условные обозначения: *а* — граница культурного слоя VIII–XI вв.; *б* — позднесредневековые укрепления Земляного города; *в* — старые русла рек Ладожки и Заклюки; *г* — стены Каменной крепости на Ладожском мысу

на Ладожском мысу (см. главу 2 настоящего издания), в районе гавани, состоялась уже после того, как во второй половине IX в. Любша оказалась разгромлена.

Высказывалось мнение, что оба указанных события следует увязывать с большим пожаром, разрушившим застройку горизонта E_2 на Земляном городище (Рябинин, Дубашинский 2002: 203; Рябинин 2002: 54, 56). Но полной уверенности в этом нет, как и в том, что причиной пожара на Земляном городище в конце 860-х гг. послужило военное нападение (Платонова 2022: 36, 37). В последнем случае падение Любши вполне может датироваться и более поздним временем, например последней четвертью IX в. (как и строительство древокаменных укреплений в устье Ладожки). Уточнить эти данные помогут только новые полевые материалы.

Маловероятно, что маленькая Любшанская крепость сама по себе являлась в раннем средневековье крупным узлом обороны или всерьез могла воспрепятствовать движению военных кораблей вверх по Волхову. Скорее всего, основным ее назначением было прикрывать от возможного нападения примыкающий посад (селище), одновременно служа важнейшим сигнальным пунктом для всей агломерации. В этом отношении значение ее трудно переоценить. Любша занимала ключевую высоту, господствующую над долиной Ладожского озера в районе впадения в него р. Волхов. Оттуда легко было отслеживать движение судов, входивших в Волховское устье и вынужденных далее выгребать почти десяток километров против сильного течения. Если имелись основания ожидать нападения, времени до подхода кораблей должно было хватить мужчинам, чтобы вооружиться, а женщинам с детьми — чтобы укрыться в лесу.

Древнейшая часть поселения в районе гавани датируется сейчас на основании дендрохронологии не позднее 750-х гг. Результаты ^{14}C анализа позволяют предположить более раннюю датировку — если не застройки, то начала хозяйственной деятельности на этой территории. Не следует забывать, что древний рельеф правого берега Ладожки после слияния ее с р. Заклюкой был заметно изменен

по сравнению с периодом третьей четверти I тыс. н. э. — как в силу природных причин (подъема уровня воды), так и в результате сооружения Земляного города в позднем средневековье. Его западная куртина «законсервировала» собой участок древней застройки в районе раскопа Е. А. Рябинина, где и были открыты слои второй половины VIII в. В то же время ее строительство могло повредить (или полностью разрушить?) культурные напластования на прилегающих участках, за внешним контуром позднесредневековой крепости (рис. 4.2). Выяснить степень их возможной сохранности — дело будущего. Потенциал исследования западной (древнейшей) части поселения в районе гавани, возможно, еще не исчерпан.

Так или иначе, в IX–X вв. эта жилая зона заметно разрослась, включив в себя участки по левому берегу Волхова — как к северу, так и к югу от устья Ладожки. Имелись ли в пределах ее отдельные пятна более древнего обитания (VIII в. и ранее), достоверно пока не известно.

Например, до сих пор непонятно, к какому времени относилось пятно «мощного слоя с деревянными конструкциями», открытого в 1940 г. при рытье котлована под овощехранилище у стены Успенского монастыря. Об этой находке известно лишь по беглому упоминанию в полевом дневнике В. И. Равдоникаса. Надзор вел по его поручению К. Д. Лаушкин, а позднее — Новгородский музей (В. А. Богусевич). Документы археологического надзора, осуществлявшегося В. А. Богусевичем, скорее всего, утрачены. Само местонахождение, по-видимому, в значительной степени разрушено хозяйственными работами.

Не вполне ясна и нижняя дата культурного слоя с лепной керамикой к югу от Земляного городища (так называемое селище у Никольского монастыря). Достоверно определяется лишь верхняя дата этого памятника: не позднее IX в. (Там же: 163). Что касается грунтового могильника с трупосожжениями, перекрытого культурным слоем селища, то есть некоторые основания предполагать для него значительно более раннюю дату, возможно, третью четверть I тыс. н. э. (Платонова 2021б: 210).

Существует большая вероятность, что количество раннесредневековых жилых зон в пределах Староладожского археологического комплекса было значительно больше, чем известно в настоящий момент. Современные палеогеографические исследования свидетельствуют о неоднократных климатических сдвигах в регионе в период с III–IV до IX–X вв. (Еремеев 2018; Платонова и др. 2020; Арсланов и др. 2020). Из этого следует вывод: на протяжении указанного периода выбор мест для жилья должен был не раз меняться, причем системно. На очереди сейчас стоит поиск раннесредневековых поселений в тех местах, которые в древнерусское время являлись малопригодными для освоения (ср.: Лапшин 2019: 114).

Планировка и функционал отдельных частей Ладожского комплекса менялись неоднократно, в том числе в IX–X вв. Причинами могли служить как внешние факторы (военные действия, пожары), так и внутренние (строительство новых укреплений; появление церквей и т. д.). Большое влияние на планировку жилых кварталов оказывало развитие некрополей — разрастание кладбищ по соседству с застройкой. Нередко захоронения и/или погребальные насыпи распространялись на территории, ранее освоенные под жилье. Так, например, на правом берегу Волхова, напротив Земляного городища, в первой половине — середине IX в., вероятно, существовала застройка. О наличии там культурного слоя свидетельствуют находки из насыпи большого сопковидного кургана в урочище Плакун (Еремеев 2007: 248–251). Таким образом, жилые зоны в устье Ладожки и в урочище Плакун одно

время функционировали синхронно. Но уже в последней четверти IX в. на правом берегу остался только некрополь.

Еще более ярким примером перепланировки участка и возникновения кладбища на месте недавней жилой застройки служит появление христианского кладбища на Земляном городище на рубеже X–XI вв. Наиболее ранние погребения перекрывают здесь мощные отложения горизонта Д второй половины X в. Жилая застройка на данном участке более уже не возобновлялась. Вероятно, перепланировка была проведена осознанно, в связи с появлением на Земляном городище первого христианского храма (поначалу деревянного), возле которого и начало расти кладбище (Новое в археологии... 2018: 66–134).

Установление хронологии раннесредневековых жилых зон в рамках Ладужской агломерации и привязка их к календарным датам особенно актуальны потому, что без этого невозможно уяснить реальную историческую связь событий и функциональные особенности памятников. Хронология раннесредневековых древностей Северо-Запада, основанная на технико-типологическом анализе артефактов и привлечении аналогий, в данном случае оказывается неточной. Причина — ограниченное количество памятников указанного периода в регионе и недостаток полноценных типохронологических маркеров в их материалах. Поэтому наибольшую важность приобретают методы естественнонаучного датирования и их совершенствование применительно к материалам поздних эпох, анализ которых требует, по возможности, узких хронологических интервалов.

Древнейшее поселение в устье Ладужки: новая проблематика

Выдающимся достижением в области хронологии Староладужского комплекса стало в свое время построение дендрохронологической шкалы Земляного городища по материалам раскопа в западной части площадки. Полученная шкала была детально увязана с микростратиграфией (Черных 1985а; Рябинин 1985; Рябинин, Черных 1988). Автору раскопок Е. А. Рябинину, в сущности, удалось то, что до него в Ладуге не удавалось никому. Этому способствовала разработанная им в ходе работ полевая методика — непрерывное отслеживание микростратиграфии в разрезах временных бровок и канавок, последовательно закладывавшихся на квадратах. Систематические наблюдения над особенностями мелких стратиграфических подразделений культурного слоя помогли археологу точно установить взаимное соотношение построек, расположенных в пределах его раскопа и в прилегающей к нему части раскопа В. И. Равдоникаса.

На этой основе Е. А. Рябинин сумел четко и непротиворечиво согласовать полученную от Н. Б. Черных сетку абсолютных дат, привязанных к строительным комплексам, со сложнейшей, запутанной, «кривой» (в полном смысле этого слова!) стратиграфией памятника. Заодно было наглядно продемонстрировано, что хроностратиграфическая шкала городища, выстроенная В. И. Равдоникасом «на глазок», хотя и нуждается в детализации и уточнении, но в целом верно отражает основное членение культурного слоя.

Конечные выводы Е. А. Рябинина совпали в своей основе с результатами независимых исследований Г. Ф. Корзухиной и О. И. Давидан, осуществленных

по материалам раскопок В. И. Равдоникаса (Новое в археологии... 2018: 45–65). В результате участок, исследованный в западной части площадки, на полвека стал безоговорочным эталоном, на котором строились все представления о хроностратиграфии и датировке ранней Ладоги. К сожалению, вплоть до конца 2010-х гг. по данной теме не появилось публикаций, даже отдаленно сравнимых по значимости и методической выверенности с совместным исследованием Е. А. Рябинина и Н. Б. Черных.

Параллельно с работами на Земляном городище в 1980-х гг. была предпринята попытка построения дендрохронологической шкалы Посада (участка на левом берегу Ладожки), по материалам раскопок В. П. Петренко (Петренко 1985; Черных 1985б). Однако это не привело к появлению второго хроностратиграфического эталона, сопоставимого с тем, что был выстроен для Земляного городища. Причиной стала использованная В. П. Петренко методика фиксации материалов по условным горизонтальным пластам, практически не соотнесенным в момент раскопок с реальной стратиграфией. То, что отдельные постройки на Посаде получили дендродаты, само по себе, конечно, явилось достижением. Но появление абсолютных дат комплексов сразу же выявило противоречия в привязке их к условным «строительным горизонтам», выделенным автором раскопок. При выбранном способе фиксации материала по окончании полевых работ в распоряжении исследователей уже не оказалось информации, необходимой для корректировки противоречий и системной увязки стратиграфии и вещевых материалов с календарными датами.

По результатам дендрохронологического анализа древнейшая постройка на Посаде получила дату 842 г. (Черных 1985б). На Земляном городище материалы горизонта $E_{3,3}$ в западной части площадки дали серию порубочных дат 750–760-х гг. (древнейшая дата — 753 г.) (Рябинин, Черных 1988: 7). Логично было считать, что таким образом дендрохронология поставила точку в споре о дате появления в регионе людей, основавших поселение на р. Ладожке. Между тем исподволь стали созревать предпосылки для новой дискуссии. В центре внимания на сегодняшний день стоят вопросы:

- о планиграфии памятника и различиях в датировке отдельных участков застройки;
- о структуре древнейшего горизонта Земляного городища, вмещающего культурные остатки, и его начальной дате;
- о перспективах ^{14}C датирования слоя и соотношении полученной радиоуглеродной шкалы с дендродатами.

Хронология первоначальной застройки на разных участках Земляного городища

Раскопки, производившиеся А. Н. Кирпичниковым на Земляном городище с середины 1980-х гг. по 2013 г., заново выявили проблему асинхронности начального этапа застройки на разных участках поселения. В частности, в 1980–1990-х гг. было достоверно установлено отсутствие древнейшей застройки в северо-западном углу городища (раскопы 1 и 2 А. Н. Кирпичникова). В раскопе 1 нижняя часть культурного слоя имела резкий уклон к р. Ладожке. Перепад поверхности составлял 1,2 м на 8,0 м расстояния. Выявленные деревянные конструкции представлены там

исключительно настилами из бревен и жердей (Новое в археологии... 2018: 13, 14, рис. В.6). Стоявшие рядом постройки (раскоп 2) датировались не ранее конца IX — первой четверти X в.

Изучая стратиграфию раскопа 1, М. В. Шитов обратил внимание, что в меридиональном разрезе «...кровля материковой глины образует отчетливый двухметровый уступ, с отметкой подошвы около 9 м абс. высоты, который, скорее всего, является четырехметровой террасой Волхова. Существование ряда низких террасовых уровней Ладожского озера отмечено в южном и северо-западном Приладожье... (курсив наш. — Авт.)» (Шитов и др. 2004: 5). К этому важнейшему наблюдению М. В. Шитова мы еще вернемся при рассмотрении вопроса о различном функционале участков поселения, локализованных на разновозрастных террасах Волхова.

О одновременном характере первоначальной застройки на разных участках памятника, собственно, было известно и раньше, задолго до раскопок А. Н. Кирпичникова. Но длительное время эта проблема вообще не привлекала внимания. Так, еще в 1938 г. в раскопе II, заложенном В. И. Равдоникасом в прибрежной (прилегающей к р. Волхов) части поселения, «мокрый» слой с органикой включал всего два яруса деревянных построек. По сохранившимся описаниям, нижняя постройка залегала на слое белого кембрийского песка, который археологи в 1938 г. сочли материком. Комплекс находок включал лепную и гончарную керамику, обломки составных односторонних гребней и т. д. (Гроздилов 1938А: л. 13, 14, 14об.). Подобное сочетание никак не может датироваться ранее второй четверти X в. В результате был сделан вывод, что в прибрежной части городища остатки X в. залегают «непосредственно на материке», в то время как древнейшие слои прослеживаются лишь на центральном участке (Гроздилов, Третьяков 1948: 72, 73).

Предположение, согласно которому кембрийский песок являлся для культурного слоя Ладоги X в. материковой поверхностью *in situ*, не согласуется с современными представлениями о геологическом строении останца высокой поймы, на котором расположено Земляное городище (ср.: Александровский 2018: 186). Но поскольку материалы раскопа II ни в одну публикацию не вошли, противоречие долго оставалось незамеченным.

Во всех остальных раскопах на Земляном городище под толщей культурного слоя над материковой (озерной) глиной повсеместно залегала темно-серая гумусированная прослойка, толщиной 8–12, местами до 20 см. Согласно хроностратиграфической схеме В. И. Равдоникаса, это «горизонт Ж» — «предматерик» или «погребенная луговая заболоченная почва с включениями вивианита» (Равдоникас 1950: 8). В западной (нижней) части площадки она плавно переходит в маломощный торфяник (Рябинин, Черных 1988: 6; Шитов и др. 2004: 6, 7). Подстилают ее плотные глинистые осадки (сапропели) Ладожской трансгрессии. Кембрийский песок локализован в разрезе ниже.

В полевой документации и описях находок данная прослойка всегда обозначалась как «предматерик». После открытия под слоем сапропелей второй гумусированной прослойки с находками неолитической керамики, интерпретированной как погребенная почва эпохи неолита, верхнюю гумусированную прослойку (то есть «предматерик») стали называть «почвой 1», а нижнюю — «почвой 2» (Александровский 2018; 2020).

Трактовки почвы 1 современными учеными-естественниками заметно расходятся. Одни определяют ее как палеопочву «лесо-лугового генезиса», верхняя часть

которой представляет собой старопахотный слой (Александровский 2012; Александровский и др. 2010: 45–48). Другие — как «гидроморфную турбированную почву», непригодную для земледелия (Шитов и др. 2007: 50). В последние годы в литературе были приведены обоснования в пользу пойменно-паводкового генезиса этих отложений (Платонова и др. 2020: 176, 177; 2022).

Ранее нами высказывалось предположение, что раскоп II В. И. Равдоникаса, заложенный на берегу Волхова, локализовался над провалом в старинную штольню, так что в ходе работ по добыче песка нижняя часть слоя вместе с подстилавшими его осадками Ладожской трансгрессии оказалась разрушена. Отложения с бревенчатыми постройками X в. осели в пустоту, на песчаное дно штольни (Платонова 2021a: 224, 225).

Такое объяснение вроде бы логично вытекало из наблюдений Г. П. Гроздилова, отраженных в полевом дневнике и черновом отчете 1938 г. По его словам, яма в восточной части площадки городища скорее всего образовалась «... в результате провала верхнего горизонта земли в пещеру, вырытую... со стороны Волхова для добычи кембрийского песку...» (Гроздилов 1938А: л. 5). На эту мысль исследователя, конечно, натолкнула консультация, данная ему и В. И. Равдоникасу Н. И. Репниковым в процессе раскопок 1938 г. По словам Репникова, вся поверхность восточной части Земляного городища (обращенной к Волхову) представляла собой в начале XX в. «ряд довольно глубоких ям, соединявшихся друг с другом...» (Там же). В результате тезис о старинных штольнях как причине повсеместных провалов культурного слоя в восточной (приречной) части площадки был принят исследователями как единственно возможное объяснение данного случая.

В раскопе 6 (Н. В. Григорьевой), заложенном в 2016 г. в прибрежной части памятника, примерно в 22 м к югу от раскопа II В. И. Равдоникаса (см. рис. 2.1, с. 58), также прослеживается провал, объясняющийся, скорее всего, наличием древней штольни, вклинившейся в материковые отложения. В нижней части разреза северной стенки прослеживается обрыв древнейших прослоек и резкое понижение древнего рельефа в сторону Волхова (рис. 4.3). В настоящее время раскоп законсервирован, а выявленный феномен не исследован до конца. Тем не менее, нельзя исключать, что в прилегающей к Волхову части поселения имело место не только механическое нарушение стратиграфии в результате обрушения слоев в пустоту, но и, возможно, влияние другого фактора, обусловившего резкое падение слоев в направлении к Волхову. Выяснить это окончательно помогут только полевые работы.

В связи с этим стоит вернуться к уже приведенному выше наблюдению М. В. Шитова, что геологический разрез шестиметрового останца высокой поймы, на котором расположено Земляное городище, в северо-западной части демонстрирует «отчетливый двухметровый уступ, ... который, скорее всего, является четырехметровой террасой Волхова...» (Шитов и др. 2004: 5). Продолжая мысль М. В. Шитова, следует сделать вывод о *причленении друг к другу высокой (шестиметровой) и низкой (четырёхметровой) пойм*, с разными базами эрозии. В контексте этого, исключительно важного, наблюдения стоило бы рассмотреть все известные факты резкого падения и/или отсутствия древнейших слоев в разрезах приречных участков Земляного городища.

Участки низкой поймы, врезанной в останец высокой поймы, возникли в ходе осушения территории, которое произошло в Нижнем Поволховье в период

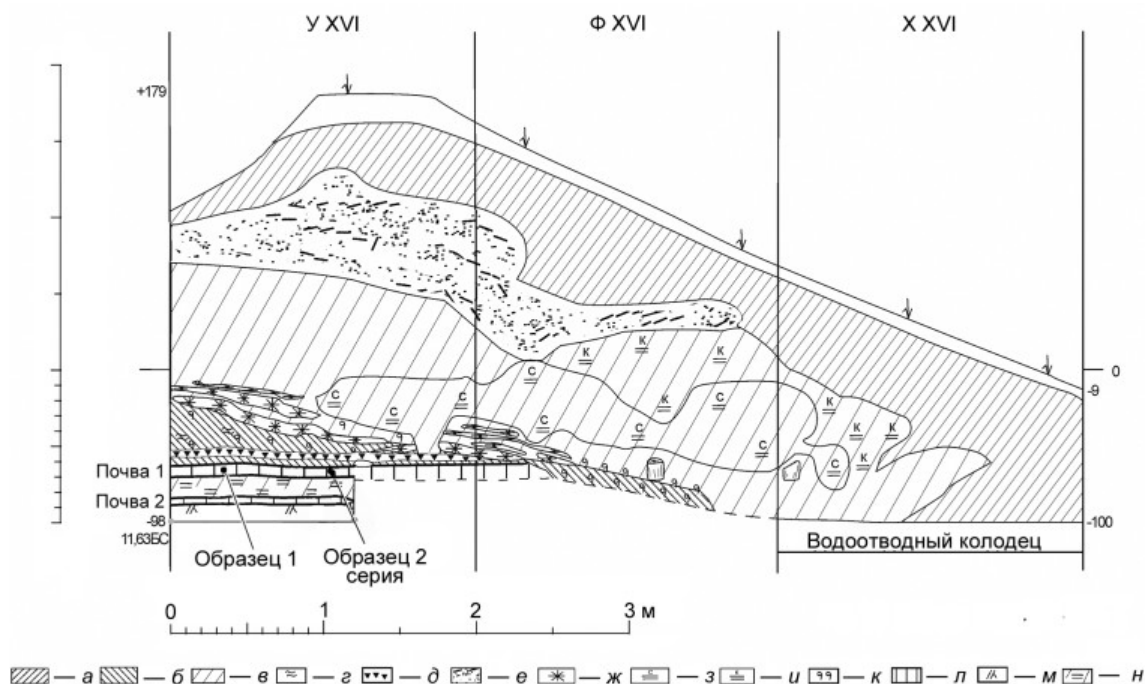

Рис. 4.3. Разрез северной стенки раскопа 6 Староладожского Земляного городища (раскопки В. А. Лапшина 2019 г.) и места отбора образцов из погребенной почвы 1 на палинологический и СЭМ-анализ (чертеж подготовлен Н. В. Григорьевой).
 Условные обозначения: а — сухой черный гумус (позднесредневековый культурный слой); б — бурый гумус; в — влажный черный гумус (верхняя часть раннесредневекового культурного слоя); г — навоз; д — угли; е — слой подсыпки; ж — зола; з — синяя глина; и — коричневая глина; к — щепа; л — темно-серый/черный гумусированный суглинок (погребенная почва); м — серо-бурый опесчаненный суглинок со щебнем и галькой (материк); н — серо-белесая гумусированная глина (отложения Ладожской трансгрессии).
 Образец 1 — результаты комплексного палинологического и СЭМ-исследования см. в: Платонова и др. 2020; 2022; образец 2 — анализ произведен Е. Г. Ершовой в 2021 г. Результаты не опубликованы

≈1500–1400 лет назад. Хронология этого события устанавливается путем сопоставления палинологической диаграммы почвы 1 в основании разреза Земляного городища с диаграммами других разрезов Южного Приладожья и Приильменья — Радбелик, Назия 2, Невский лесопарк, Невский пяточок² (Платонова и др., 2020: 171, рис. 4; 2022: рис. 1). Перечисленные разрезы лишены антропогенных нарушений и стратиграфических лакун. Для них получен ряд ¹⁴С дат, позволяющих дать хронологическую привязку некоторым важнейшим палеогеографическим событиям второй половины I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.

В частности, они позволяют заключить, что в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. на пойменных террасах в регионе наблюдалось абсолютное господство пыльцы древесной растительности, с преобладанием ольхи. Резкое окончание максимума пыльцы ольхи приходится на середину I тыс. н. э.

² Конечно, тут имеются в виду разрезы низких геоморфологических уровней — пойменных террас, низинных болот и т. д. На верхних террасах в указанный период палиноспектры были совсем другими.

(≈1500 лет назад). Отложения «предматерика» (почвы 1), перекрывающего сапропели Ладожской трансгрессии, сформировались в значительной степени именно в период ольхового максимума, в условиях часто размываемой переувлажненной поймы, заросшей кустарником, изобилующей мелкими озерцами и топями. Палиноспектр, выявленный в пробе, взятой из разреза по линии XVI (на границе кв. У XVI–XVII, в ее западной части) (рис. 4.3), отражает именно такую картину (Платонова и др. 2020: 175–178, рис. 1; 2022).

В другой пробе, взятой из кровли почвы 1 из того же разреза, но немного восточнее, ближе к месту предполагаемого вреза низкой поймы в останец высокой поймы, Е. Г. Ершовой был выявлен совершенно иной характер растительности³. Здесь наблюдается заметное уменьшение пыльцы древесных пород по сравнению с той картиной, что выявлена в материалах пробы, детально проанализированной ранее (см.: Платонова и др. 2020), включая резкое сокращение пыльцы ольхи, березы и широколиственных. Исчезает ива, увеличивается процент сосны (Платонова и др. 2022). Такое сочетание признаков соответствует в упомянутых выше эталонных разрезах более позднему периоду, наступившему по окончании ольхового максимума.

В дополнение к указанным изменениям в образце, изученном Е. Г. Ершовой, общую картину дополняет появление пыльцы культурных злаков (8%), впервые открытой в достаточном количестве именно в этой пробе, также индикаторов пересыхания и заболачивания водоемов, пожаров и распашки. Таким образом, на контакте двух разновозрастных террас отложения кровли почвы 1, близко расположенные на плане и не имеющие визуальных отличий, могут содержать разновременные палинокомплексы, сформированные (а) на высокой пойме, до середины I тыс. н. э. (без культурных злаков) и (б) на низкой молодой пойме, после середины I тыс. н. э. (с культурными злаками).

Можно сделать вывод, что в середине I тыс. н. э. уровень воды в Нижнем Поволжье (и в Ладожско-Ильменском бассейне в целом) упал достаточно резко. Начался интенсивный процесс высыхания останца высокой поймы на месте Земляного городища и превращения низкой террасы у его подножия (еще недавно обводненной!) в пойменный луг, пригодный для выпаса и земледелия. Именно к этому времени относятся первые признаки хозяйственной деятельности на месте будущего поселения, включая расчистку его от зарослей. В сущности ничем другим не может объясняться наличие в «предматерике» значительного количества древесного угля, датированного по ¹⁴C в пределах третьей четверти I тыс. н. э.

Двухметровый уступ, образовавшийся на переходе от высокой поймы к низкой, являлся в ранний период жизни поселения важнейшей особенностью рельефа. Впоследствии он был перекрыт толщей позднесредневековых укреплений Земляного города. Наличие уступа и низкой луговой террасы несомненно отражалось на функционале соответствующих участков и в структуре застройки. В настоящий момент представляется, что отличия в стратиграфии и времени заселения центральных и окраинных, приречных, участков Земляного городища обусловлены

³ В своих общих представлениях о результатах аналитики, произведенной Е. Г. Ершовой, мы опираемся на отчет, представленный исследовательницей по гранту РФФИ № 18-09-40111 (рук. Н. И. Платонова) и включенный в общий отчет 2021 г. в качестве Приложения 1. Детальный их разбор, разумеется, будет возможен лишь после подробной авторской публикации этих материалов.

не только провалами слоя (хотя в отдельных случаях это могло иметь место), а именно особенностями геологического строения и генезиса отложений. Во второй половине I тыс. н. э. восточная приречная часть Земляного городища представляла собой молодую низкую пойму, лишь недавно осушенную, еще лишенную растительности и потому наиболее удобную для занятий пойменным земледелием. Было бы перспективно искать на этом участке следы древнейших пахотных полей, а не первоначальную застройку Ладоги.

«Предматерик» в южной части площадки: его хронология и проблематика

В начальный период жизни поселения вся южная часть площадки Земляного городища, раскопанная А. Н. Кирпичниковым, представляла собой его дальнюю периферию. Фасад поселка был обращен к северо-западу, к берегу р. Ладожки, где располагалась гавань (рис. 4.2). М. В. Шитов трактовал южный участок как «рудеральную окраину древней Ладоги», поздно освоенную под застройку (Шитов и др. 2007: 53).

Исследования объединенных раскопов 3–5 показали ненарушенную стратиграфию нижних слоев, отложившихся на останце высокой поймы. Учитывая сказанное выше об уступе в приречной части Земляного городища, можно сделать вывод, что раскоп 5 А. Н. Кирпичникова (ближайший к реке) в древности располагался де-факто на самом краю склона.

По всей площади раскопов 3–5 в материке (озерном сапропеле) выявлено значительное количество ям, впущенных с уровня почвы 1 (рис. 4.4). Радиоуглеродный анализ образцов, взятых из этих комплексов, позволил выделить там серию ранних дат, калиброванные значения которых укладываются в интервал не позднее VII в. или ≈VII–VIII вв. (табл. 4.1). При этом деревянные постройки с дендродатами древнее середины IX в. в раскопах отсутствуют (Кирпичников 2014А: 82, 83).

Чем вызван такой, практически вековой, разрыв в датировках древнейших сохранившихся деревянных построек на западном и южном участках Земляного городища? Самым простым ответом на этот вопрос было бы предположение о разном функционале западного и южного участков на начальном этапе и об отсутствии там застройки вплоть до середины IX в. Однако ямы, открытые экспедицией А. Н. Кирпичникова, представляли собой не только дренажные каналы и углубления неясного назначения. Некоторые из них вполне можно интерпретировать как *углубленные части построек*. При этом сохранность дерева в этих комплексах сопоставима с нижним горизонтом в раскопе Е. А. Рябинина. Более всего она напоминает ситуацию селища с «сухим» слоем, где дерево сохраняется только в виде тлена и карбонизированных фрагментов.

Комплекс вещевых находок из материковых ям на южном участке включает предметы, как правило, не имеющие узкой даты (проволочная серьга, керамический грузик, костяной кочедык и пр.). В литературе уже появилась информация, что оттуда происходит архаичная лепная керамика типа ФV-A, по Т. Б. Сениченковой (рис. 4.5). Эти сосуды имеют в лесной зоне широкий круг аналогий, датированных третьей четвертью I тыс. н. э. (Лапшин 2019: 114, 115). Первым и пока единственным реальным вещевым типохронологическим маркером стала находка в одной

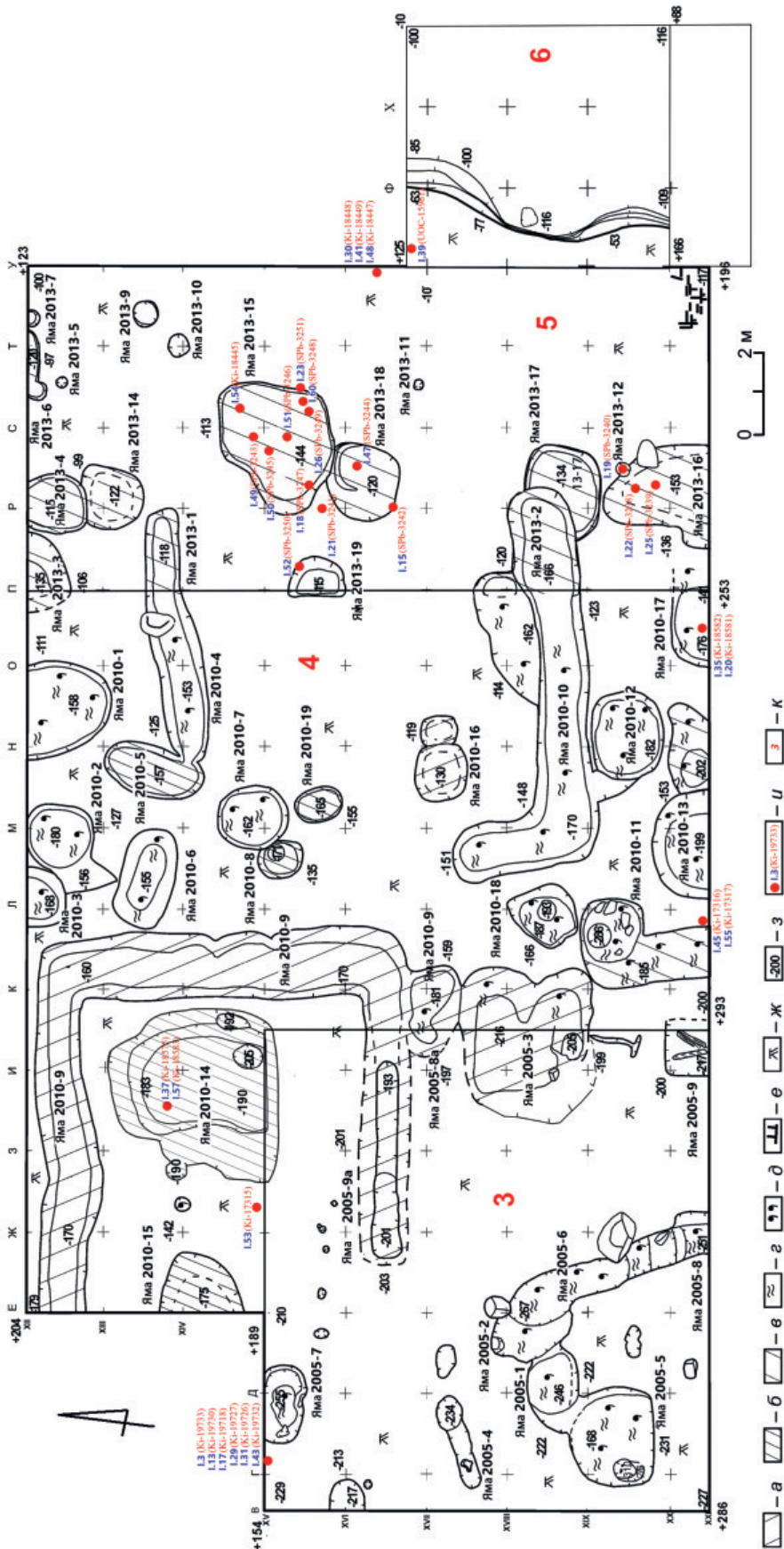

Рис. 4.4. Раскопы в южной части площадки Земляного городища: 3–5 — раскопки А. Н. Кирпичникова, 1999–2013 гг.; 6 — раскопки Н. В. Григорьевой, 2016–2019 гг. Ямы в материке и места отбора образцов на радиоуглеродный анализ (чертеж подготовлен Н. В. Григорьевой). Условные обозначения: а — темно-коричневый гумус с глиной; б — черный гумус; в — серый гумус; г — навоз; д — щепа; е — следы расщипки; ж — материк; з — отметка глубины; и — номер образца в таблице 4.1 и лабораторный индекс даты; к — номер раскопа

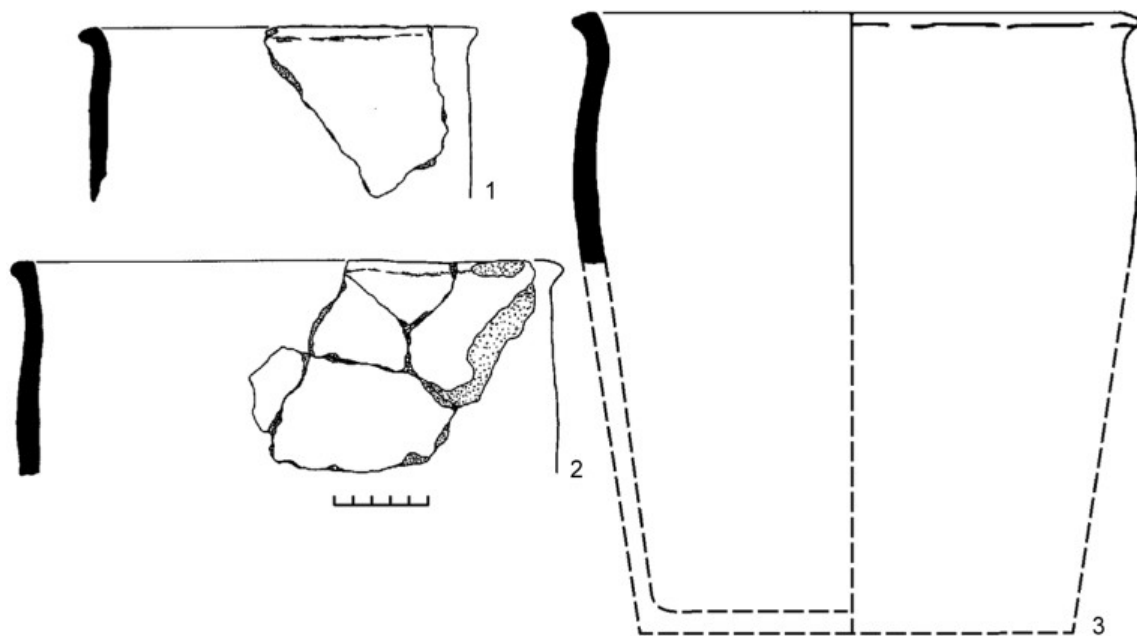

Рис. 4.5. Керамика баночных форм («типа Прость») из древнейшего горизонта Ж Земляного городища и из поселений Приильменья (по: Лапшин 2019: 117, рис. 3). 1, 2 — поселение Прость под Новгородом (по: Носов, Плохов 2005: 339, табл. 167); 3 — Земляное городище, предматерик, горшок типа ФV-A (по: Т. Б. Сениченковой), кв. П XV (реконструкция В. М. Горюновой)

из построек меровингского гребня — вещи исключительно редкой в восточноевропейском контексте и датируемой обычно в интервале V–VII вв. (Кирпичников, Курбатов 2014: 132, рис. 1; 2).

Нами уже высказывалось предположение, что объяснение отличий юго-восточного участка Земляного городища от западного лежит в плоскости вековых вариаций климата и водного режима на первой надпойменной террасе Волхова (Платонова 2021a). Согласно шкале, разработанной для Ширинского верхового болота в Волховской пойме, окончание так называемого Римского потепления произошло в регионе в середине — третьей четверти IV в. н. э. (Арсланов и др. 2020: 13). С этого момента началось неуклонное понижение уровня среднегодовых температур, достигшее максимума к середине V в. Холодный период продолжался, с небольшими колебаниями, вплоть до начала VIII в.; минимальные значения были достигнуты около 708 ± 22 г. После этого началось резкое потепление, достигшее максимума в середине X в. Среднегодовая температура тогда увеличилась, по сравнению с VIII в., почти на $2,5$ °C (Там же: 13, 14, рис. 1).

О колебаниях водного режима в середине I тыс. н. э. уже подробно говорилось выше. Конкретные природные механизмы, приводившие к изменениям в этой сфере, нам, как правило, непонятны. Тем не менее мы можем опираться непосредственно на археологические факты, которые свидетельствуют, что в третьей четверти I тыс. н. э. (и, в частности, в VII в.) на Северо-Западе наблюдался заметный спад грунтовых вод. Примером могут служить данные раскопок поселений в Псковской области (Фурсев 2002: 71). О том же свидетельствует анализ разрезов торфяников в Приильменье (Еремеев 2018: 54–56) и описанные нами выше корреляции палинологических диаграмм ряда разрезов-эталонов с диаграммой почвы 1 Земляного городища. Значение

факторов, связанных с палеоклиматом и его влиянием на структуру и скорость накопления культурного слоя, конечно, требует дальнейшего исследования.

Если допустить, что появление древнейших построек на территории Земляного городища связано с условно сухим периодом, то характер культурных отложений этого начального периода должен был мало отличаться по структуре от «сухого слоя» обычного средневекового селища. То есть органические материалы сохранялись там, в лучшем случае, в виде мелких фрагментов. Признаками наличия деревянной застройки могут служить исключительно остатки углубленных частей построек и развалы нагревательных сооружений. Впрочем, стоит оговорить, что «сухие» отложения характерны для начального этапа сложения «мокрого» слоя на любом из известных памятников такого типа. Так что они могут быть и не связаны с изменениями климата. Первоочередную роль, в любом случае, играли те локальные условия, которые складывались на площадке поселения в результате активной деятельности человека.

В настоящий момент можно констатировать: в последней четверти I тыс. н. э. ситуация на площадке Земляного городища резко меняется. В числе факторов, предположительно обусловивших перемены, можно назвать: а) вероятное увеличение осадков при переходе от сухого и сравнительно холодного периода третьей четверти I тыс. н. э. к древнерусскому «малому климатическому оптимуму»; б) наличие горизонта плотных глинистых осадков Ладожской трансгрессии непосредственно под почвой; в) прогрессирующее нарушение природного стока воды с площадки, по мере увеличения количества изгородей, построек, быстрого накопления навоза. В совокупности эти факторы постепенно создали условия для консервации органики в почве и тем самым резко ускорили процесс накопления культурных отложений, изменив его алгоритм.

Скорее всего, поначалу данный процесс затронул нижние участки останца высокой поймы, на котором располагалось поселение. Высотный уровень западной части площадки, откуда происходят дендродаты середины VIII в., в древности был почти на 2 м ниже, чем юго-восточной части, исследованной А. Н. Кирпичниковым. Поверхностный сток осуществлялся в сторону от Волхова к Ладожке, а не наоборот. Не здесь ли следует искать ответа на вопрос, почему постройки в раскопе Е. А. Рябина показывают более древние дендродаты, чем комплексы в юго-восточном углу городища? Там раньше образовались условия, способствовавшие быстрому накоплению слоя и консервации в нем органики. Без этого деревянные основания построек просто не могли сохраниться. В то же время сам факт открытия на южном участке следов построек, углубленных в материк, с несохранившимися (или сохранившимися исключительно фрагментарно) деревянными частями, свидетельствует об относительной «сухости» территории на этапе функционирования этих построек⁴.

⁴ Правда, и в раскопе Е. А. Рябина далеко не все материковые углубления могут интерпретироваться как дренаж построек горизонта Е₃ (см.: Рябинин, Черных 1988: рис. 2). Вполне возможно, там тоже сохранились остатки древнейшего «сухого» периода, несмотря на отсутствие датирующих вещей. Только закончился этот условно «сухой» период значительно раньше, чем это произошло на более высоком южном участке. В таком случае и ранние даты (не позднее середины — третьей четверти VII в.), полученные по двум скоплениям семян из раскопа Е. А. Рябина 1984 г., вполне могут оказаться неслучайными (табл. 4.1: № 2/2, 2/3). Сами эти скопления, скорее всего, были переотложены еще в древности — одно из них оказалось в дренажной канавке горизонта Е_{3.3}.

Обратим особое внимание на различающиеся характеристики «предматерикового» горизонта (почвы 1) на разных участках Земляного городища. Е. А. Рябинин определял его как «темный торфяниковый слой толщиной 0,08–0,12 м с включениями голубоватой материковой глины — вивианита», с очень малым количеством наводок и спорадическими включениями навоза и щепы (Рябинин, Черных 1988: 74).

Раскопки А. Н. Кирпичникова на южном участке выявили несколько иную картину. С одной стороны, нет никаких сомнений, что нижний гумусированный горизонт, перекрывающий в раскопах 3–5 озерные отложения периода трансгрессии, — это и есть тот самый горизонт Ж или предматерик (по В. И. Равдоникасу), зафиксированный исследователями на центральных и западных участках поселения. С другой стороны, выглядит он тут значительно более мощным, более насыщенным остатками человеческой деятельности. По результатам раскопок данный горизонт определяется на южном участке, как «черный... слой, толщиной 12–20 см» (не 8–12, как у Е. А. Рябининой!), «содержащий в большом количестве деструктурированный уголь и некоторое количество древесного тлена» (Кирпичников, Курбатов 2014: 133).

Отметим, что в полевом отчете 2013 г. А. Н. Кирпичников де-факто вообще избегает называть «слой черной почвы» предматериком. Он указывает, что почва насыщена «деструктурированным углем, золой, мелкими щепками», что в ней прослежены «столбовые ямы диаметром 0,20–0,40 м и несколько крупных ям», содержавших камни, керамику и индивидуальные находки (Кирпичников 2014А: 16). По его словам, «...исследователи древней Ладоги в 1970-е гг. ещё не рассматривали черный слой, покрывающий светло-серый материковый суглинок, как объект, на который была направлена хозяйственная деятельность человека. С этим слоем не связывались какие-либо остатки ям или сооружений, заглубленных ниже уровня древней дневной поверхности⁵. Раскопки последних лет на Земляном городище позволили впервые найти следы строительной и хозяйственной деятельности на месте древнего ладожского поселения в черном предматериковом слое. Эта деятельность определенно происходила ранее, чем появилась первая деревянная застройка, прослеженная археологами, и получившая самую раннюю дату — 753 г.» (Кирпичников 2014А: 25, 26).

На наш взгляд, приведенные описания горизонта, перекрывающего озерные отложения в южной части площадки, действительно позволяют говорить не

⁵ Последнее не соответствует действительности. Как уже говорилось выше, материковые ямы разных форм фиксировались и детально исследовались в раскопе Е. А. Рябининой (Рябинин, Черных 1988: 74, 75, рис. 2). Однако все они, в конечном счете, связывались автором раскопок в «единый пласт» с постройками на уровне «бурого гумуса II», т. е. с микрогоризонтом середины — третьей четверти VIII в. Что касается раскопов В. И. Равдоникаса, то при обобщении данных о застройке нижнего горизонта Г. Ф. Корзухина также отмечала: «Тремя строительными периодами не исчерпываются культурные отложения горизонта E₃. Ниже 1-го строительного периода есть ещё более древние объекты, однако выделять их в „строительный период“ мы не решились. Речь идет о двух ямах, отстоящих довольно далеко друг от друга. Яма № 8 находится под углом постройки № 20, сооруженной на материке и отнесенной нами к 1-му строительному горизонту. Следовательно, яма существовала до постройки данного жилища. Яма № 10 почти целиком находится под постройкой № 11, сооруженной также на материке, и только край ее выходит за пределы северо-западной стены постройки № 11 и идущей вдоль нее осушительной канавки. Поскольку двух ям слишком мало, чтобы считать время их сооружения особым строительным горизонтом, мы называем это время менее обязывающим именем — „древнейший период“ (курсив наш. — Авт.)» (Корзухина 1969А: л. 16, 17).

о «предматерике», а о полноценном «сухом» культурном слое, вмещенном в погребенную почву. Примечательно и количество культурных остатков, связанных с этим слоем, — не только угля и золы, но и индивидуальных находок. С «предматериком» в описях раскопов 3–5 связывается не так уж мало артефактов — предметов из кости, железа, керамики, обрывков текстиля и т. д. Основная проблема этого массива находок — то, что они, как правило, не имеют узких дат. Но высокая в целом насыщенность «предматерика» остатками человеческой деятельности подтверждает высказанный ранее тезис, что на данном участке процесс накопления отложений поначалу происходил по алгоритму образования «сухого», а не «влажного» («мокрого») слоя.

В последние десятилетия предматериковый горизонт Земляного городища неоднократно подвергался междисциплинарным исследованиям, с участием почвоведов и палеоботаников. По результатам этих работ было сделано заключение, что почва I несет следы долговременной сельскохозяйственной обработки (расчистки и выжигания растительности; перекопки лопатой и/или распашки; внесения удобрений) (Александровский 2012; Александровский и др. 2010: 49, 58, 59; 2018: 102, 103). Присутствие в слое плодов культурных растений, а также различные следы антропогенного воздействия на почву I и кровлю сапропелей⁶ отмечались многими исследователями. Однако при этом постоянно указывалось на практически полное отсутствие в ней пыльцы и фитоцитов культурных растений (Чухина и др. 2014; 2015; Сперанская и др. 2017: 984, 985; Платонова и др. 2020: 178, 187–189; Григорьева и др. 2021: 75–79).

По материалам раскопа 2010 г. (в первую очередь — участка в районе ямы 2013-15 и расположенного рядом с ней разреза бровки У–П XVI) (рис. 4.6; 4.7)⁷ А. Л. Александровский предложил ряд уточнений относительно характера предматерикового (почвенного) горизонта на Земляном городище. Значительную мощность его в раскопах 3–5 А. Н. Кирпичникова исследователь объяснил тем, что именно здесь почвенный горизонт длительное время распахивался:

«Выявлены участки с повышенной мощностью пахотного горизонта, указывающие на длительность распашки. С ними соседствуют участки со спаханным профилем, откуда, вероятно, материал поступал на участки с нарощим профилем.

В кв. Р–С XIV–XV⁸ пахотный горизонт перекрывает яму, связанную с ранней постройкой. Рядом, в кв. П XV⁹, в стенке раскопа [точнее, в поперечной бровке 3–В, оставленной в середине раскопа, см. рис. 4.6. — *Авт.*] по нижней границе пахотного слоя видны углубления характерной формы, позволяющие предполагать здесь существование огорода по пашне...

⁶ Последнее, действительно, не подлежит сомнению. Но предстоит еще решить вопрос, не относятся ли наиболее явные следы такого воздействия (например, борозды, выявленные на поверхности сапропелей) к эпохе раннего металла, а не к раннему средневековью. По окончании Ладожской трансгрессии в середине I тыс. до н. э. вышедшая из воды высокая пойма, еще влажная, не успевшая высохнуть и зарости сорным лесом, представляла прекрасную возможность для земледелия в самом легком варианте, не требующем больших трудовых затрат. О том, что человек, несомненно, воспользовался ею, свидетельствуют находки пыльцевых зерен *Cerealia* в кровле озерных отложений.

⁷ К сожалению, при описании соответствующей ямы и разреза в публикации (Александровский 2012: 59–61) номера квадратов оказались перепутаны.

⁸ В подлиннике: И–К XIV–XV.

⁹ В подлиннике: Е 15.

Рис. 4.6. Яма 2013-15 в кв. Р-С XIV-XV (вид с С) и поперечная бровка в раскопе 5 (2013 г.), северная сторона (У-П XVI)

Рис. 4.7. Южная часть раскопа 5 (2013 г.) после снятия бровки и выборки ям в материке. На первом плане ямы 2013-15 и 2013-18. Вид с севера

Для выяснения времени распашки было проведено радиоуглеродное датирование четырех образцов из пахотного горизонта... Особый интерес представляют даты, полученные по уголькам... Данные угольки, очевидно, связаны с лесом, ранее существовавшим на месте городища и сведенным под пашню.

...три даты имеют следующие интервалы калиброванного возраста соответственно: вторая половина VI — первая половина VII в.; вторая половина VI — первая половина VIII в.; V — первая половина VII в.» (Александровский 2012: 59, 60).

По мысли автора, приведенные выше даты вместе с еще одной датой, полученной в лаборатории СПбГУ (ЛУ-5463, см. таблицу 4.1, № 1/42), «образуют группу, которая позволяет отнести образование данного горизонта ко второй половине VI — VII в. н. э. Это соответствует палеопочвенным данным, которые свидетельствуют о длительной распашке, в результате которой появились участки эродированно-спаханых и мощных-напаханных почв...» (Там же: 60).

А. Л. Александровским было высказано также положение о периодической смене характера использования территории в южной части площадки. По его представлениям, вначале она использовалась как сельскохозяйственное угодье. Затем (предположительно в VIII в.) там появились первые постройки (хозяйственные?). Еще позднее эти постройки были разрушены и снивелированы (подпольные ямы целенаправленно засыпаны). Участок вновь стал использоваться под пашню, о чем, по мнению автора, свидетельствует новый горизонт распашки, образовавшийся над ямами 2013-15 и 2013-16 в VIII–IX вв. (Там же: 61). Таким образом, гумусированный горизонт погребенной почвы начал рассматриваться А. Л. Александровским в качестве еще одного стратифицированного горизонта поселения.

В настоящее время источниковая база для естественнонаучной датировки как погребенной почвы, так и объектов, резко расширилась по сравнению с 2010–2012 гг. Ниже мы подробно проанализируем материалы ям 2013-15, 2013-16 и др., для которых удалось получить новые радиоуглеродные даты.

Ямы в материке: стратиграфия и хронология

Углубленные комплексы, выявленные в раскопах 3–5, представляют собой: а) округлые ямы различных размеров (как столбовые, так и более обширные); б) вытянутые в плане канавообразные углубления (дренажные канавки); в) обширные ямы, являвшиеся, предположительно, остатками углубленных частей каких-то наземных построек. Большая часть ям и канавок была вырыта уже в период строительного освоения участка и накопления слоя гумуса со щепой, который и составляет их заполнение. Соответственно, они составляют единый пласт с отложениями горизонта культурного слоя, перекрывающего почву 1. Однако небольшая часть углубленных комплексов, впущенных в материк, впоследствии оказалась заполнена сходным по составу гумусированным почвенным слоем.

В ходе раскопок 2010 и 2013 гг. из ряда ям, заполненных погребенной почвой, были отобраны образцы на радиоуглеродный анализ (ямы 2010-14; 2010-16; 2013-15; 2013-18; 2013-19; 2013-16)¹⁰ (рис. 4.4). К сожалению, отбор этот производился без

¹⁰ Поскольку нумерация ям в раскопах 3–5 неизменно заново начиналась с единицы, то при подготовке сводного плана трех объединенных раскопов Н. В. Григорьевой,

детального учета микростратиграфии, так как на тот момент предполагалось, что ямы были целенаправленно засыпаны перекопанным грунтом. Главное внимание уделялось пробам, взятым из профилей раскопов, с целью уточнить хронологию различных этапов формирования погребенной почвы. Именно они подвергались анализу в первую очередь.

После завершения аналитики всего массива проб, накопленных в ходе исследований Староладожского комплекса, в ходе подготовки настоящей работы Н. В. Григорьевой была проведена реконструкция планиграфии образцов, отобранных в 2010 и 2013 гг. из материковых ям, — с опорой на указания квадратов, комплексов и другие детали, сохранившиеся в описях (рис. 4.4).

Ниже нами приводится краткое описание комплексов нижнего горизонта Ж (погребенная почва), из которых отбирались образцы, с детальным, по мере возможности, анализом их археологического контекста.

Комплекс из двух ям (2010-14; 2010-15), обведенных прямоугольной канавкой (2005-9а; 2010-9)

Комплекс представляет собой остатки двух плоских неглубоких ям, окруженных прямоугольной канавкой, ориентированной почти точно по сторонам света. Одна из этих ям (2010-15), а также северо-западная часть обводной канавки уходят в западную стенку раскопа 4, поэтому комплекс нельзя считать полностью исследованным. Южный отрезок канавки в кв. Е–И XVI был раскопан в 2005 г. (2005-9а). Только в 2010 г. выяснилось, что эта яма является частью обводной канавки 2010-9. Ширина канавки 1,0–1,6 м, ее заглубление в материк на разных участках — 0,12–0,22 м. Стенки покатые, дно плавно скругленное. Заполнение — слоистый темно-коричневый гумусированный суглинок, с включениями щепы и навоза, местами — обломков серого плитняка.

Общая площадь, окруженная канавкой, составляет более 48 м². Ее протяженность с С на Ю — 6 м, с В на З — более 8 м. Внутри располагались две ямы (2010-14 и 2010-15), каждая из которых вмещала остатки нагревательных сооружений печного или очажного типа. Не вполне ясно, функционировали они синхронно или в разное время. В отчете 2010 г. яма 2010-14 была интерпретирована как «постройка 6». Описание этой «постройки» приведено там вне всякой связи с обводной канавкой 2010-9 и соседней ямой 2010-15, расположенной в пределах канавки:

«...предполагаемое наземное строение (постройка 6) выявлено в кв.кв. Ж–3/IV, ниже остатков постройки 2. Здесь расчищено основание очага, сложенного из плитняка. Пятно очага имеет размеры первоначально 2,4 × 1,4 м, по мере расчистки 2 × 3 м, и развернуто по линиям разметки раскопа. Возможно, к этому очагу следует относить и вкопанный в землю берестяной туес в кв. И XIV (рис. 27, 28, 34, 37). Камни очага находились в углублении 4,10 × 3,66 м, с высотными отметками -161/-171 см. Его покатые стенки плавно понижались ко дну, глубина которого колебалась в пределах -180/-205 см (рис. 34–37). Об устройстве окружающего дома (или шалаша?) судить трудно...» (Кирпичников 2011А: 17).

во избежание путаницы, была введена двойная нумерация, где первая цифра означает год раскопок, а вторая — номер ямы в полевом отчете за соответствующий год.

Постройка 2, исследованная в раскопе 2010 г., действительно перекрывает своим северо-западным углом яму 2010-14. Для постройки получены дендродаты, позволяющие отнести ее к 870–880-м гг.¹¹ Это определяет *terminus ante quem* комплексов, залегающих ниже. Яма 2010-14 весьма обширна. Однако насколько можно судить по фотографиям и чертежам, приведенным в отчете, она не является остатками одной постройки, а вмещает не менее двух разновременных сооружений очажно-го/печного типа, наложенных друг на друга. Вероятно, приведенные в отчете различные размеры и очертания «очага», которые постепенно выявлялись на разных уровнях в ходе расчистки (см. приведенную выше цитату), обусловлены именно тем, что так называемый очаг был не один.

Верхнее сооружение представляет собой обширный развал мелких и средних камней и обожженной глины в кв. Ж–З XIV, мощностью до 0,15 м и площадью около 2,0×1,3 м (Кирпичников 2011А: Альбом, рис. 25–28). Большая часть камней сосредоточена в западной части развала. В месте их сосредоточения после разборки развала выявились остатки колышков, образовавшие полуокружность диаметром 1,25–1,30 м (рис. 4.8–4.11). Помимо примерно 13 колышков, достоверно входивших в эту конструкцию, с внешней стороны развала зафиксировано еще около трех десятков колышков и несколько столбиков, расположенных, как правило, бессистемно. Возможно, в некоторых из них следует видеть следы каких-то разновременных приспособлений, расположенных вокруг нагревательного сооружения. Но большая часть таких колышков, конечно, была вбита с более высокого уровня и к рассматриваемому комплексу отношения не имела.

Все колышки низко срезаны (рис. 4.10, 4.11) — вероятно, потому, что верхняя часть конструкции была разрушена и снесена при выравнивании площадки для строительства жилого дома второй половины IX в. (постройки 2). По той же причине развал обожженной глины и камней, по-видимому, оказался несколько «расщеплен» в направлении З–В и частично снивелирован, так что на момент раскопок размеры его уже не вполне соответствовали изначальным размерам конструкции.

Представляется, что часто поставленные колышки, образовавшие полуокружность в западной (лучше сохранившейся) части объекта, представляли собой остатки крепежа пода глинобитной печи. Реконструируемый диаметр пода составляет 1,25–1,30 м, что вполне соответствует размерам наиболее ранних сооружений такого типа на Рюриковом городище (Плохов 2021: 42, 43, рис. 1). Устье печи было обращено к востоку. С южной стороны сохранились *in situ*, по-видимому, остатки деревянной обноски в виде истлевшего бревнышка, ориентированного З–В. С других сторон следов обноски не сохранилось, но стоит отметить: на фотографии верхнего уровня развала, до его разборки, пятно представляется отчетливо прямоугольным (рис. 4.9). Скорее всего, конструкция была прямоугольной и трехсторонней, как можно судить по довольно многочисленным аналогиям (Носов, Петренко 1986; Носов, Хвошинская 2019; Плохов 2021). Конструктивная роль нескольких столбиков, расположенных с западной (торцовой) стороны, вплотную к колышкам, ограждающим под печи, не вполне ясна. Примерно в 1 м от развала печи к востоку

¹¹ Большая часть спилов из этой постройки, взятых в 2009 г., оказалась непригодной для датирования. Поэтому датировка основана на двух образцах, один из которых взят с бревна обноски, второй — со столба внутри постройки (Кирпичников 2011А: 97).

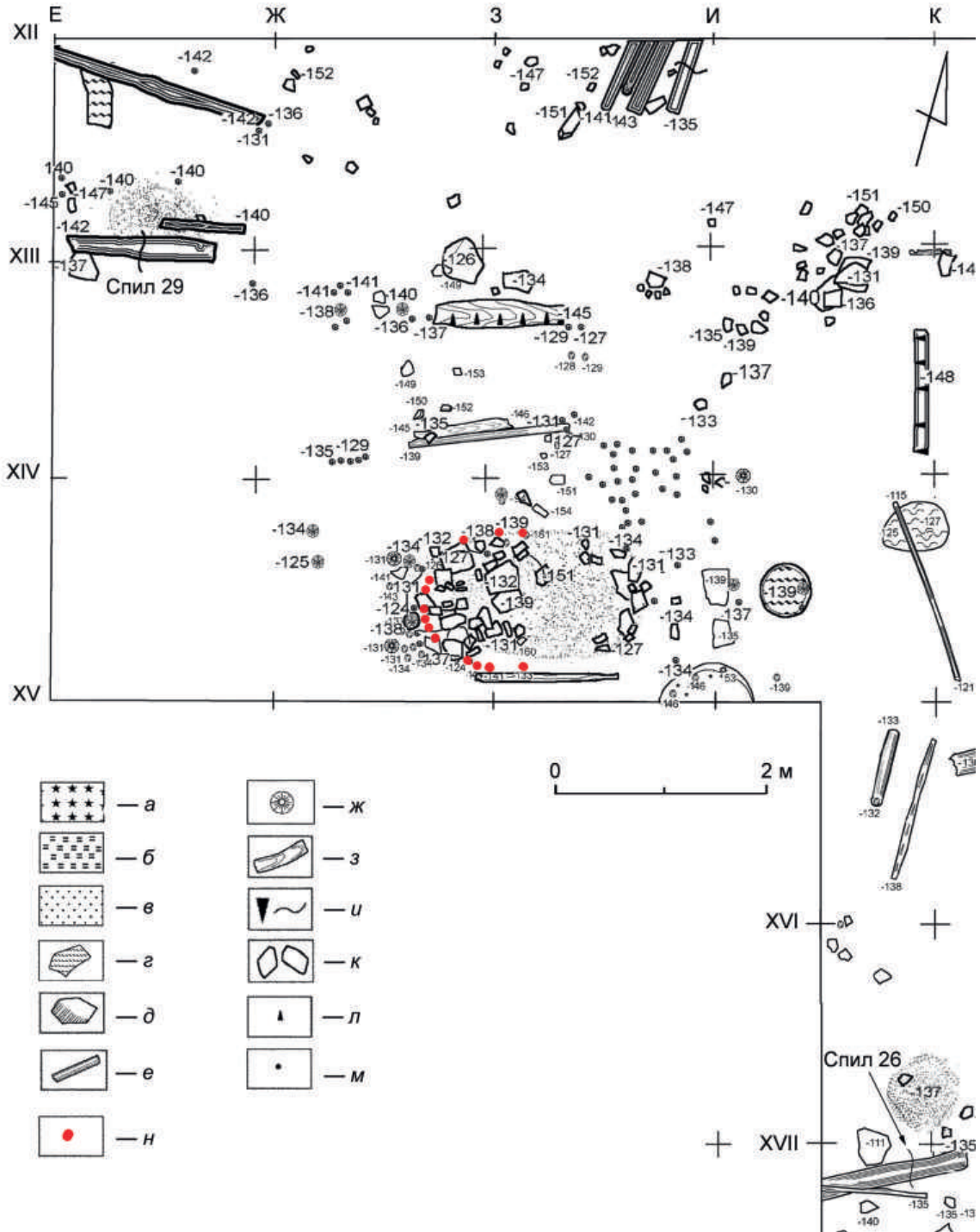

Рис. 4.8. Северо-западная часть раскопа 4 (2010 г.). Горизонт «А» по А. Н. Кирпичникову. Зачистка пятен в предматерике. В кв. Ж–И XIV — зачистка верхнего нагревательного сооружения (глинобитной печи) в яме 2010-14. Условные обозначения: *а* — зола; *б* — глина; *в* — песок; *г* — береста; *д* — плита; *е* — бревно; *ж* — бревно в разрезе; *з* — доска; *и* — уголь; *к* — камни; *л* — отметка глубины; *м* — находка; *н* — колышки верхнего комплекса ямы 2010-14 (глинобитной печи)

Рис. 4.9. Северо-западная часть раскопа 4 (2010 г.). Верхний уровень остатков глинобитной печи в яме 2010-14. Вид с севера

Рис. 4.10. Раскоп 4 (2010 г.). Разборка северной половины развала глинобитной печи в кв. Ж-3 XIV (яма 2010-14). Вид с севера

Рис. 4.11. Раскоп 4 (2010 г.). Зачистка развала камней глинобитной печи в кв. Ж-3 XIV (яма 2010-14). Вид с севера

зафиксированы остатки большого берестяного туеса. Связь его с печью представляется вполне правдоподобной.

Представляется, что данная конструкция не была понята в поле с самого начала именно потому, что колышков на данном участке оказалось слишком много, и большинство их являлись поздними, вбитыми из верхних горизонтов (рис. 4.8). «Лишние» ямки от колышков путали картину. По этой причине вычленить ключевые детали и конструктивные признаки сооружения, относившегося к самой яме 2010-14, оказалось не так просто, хотя и возможно.

На основе отчетной документации (Кирпичников 2011А: Альбом: рис. 35–37) можно составить впечатление и об остатках нижнего нагревательного сооружения, которое в отчете названо «очагом». Оно представляет собой останец с плоским верхом и вертикальными стенками, вырезанный в материковой глине и окруженный развалом мелкого плитняка в слое глины и бурого гумуса. Диаметр останца около 0,5 м. Зафиксирован он только в частном разрезе нижней части ямы 2010-14 (С–Ю) (Там же: Альбом, рис. 37, 2). Вся конструкция находилась в углублении 4,1 × 3,66 м. Покатые стенки ямы плавно понижались ко дну. Высотные отметки камней колебались в пределах -161/-171 см, отметки дна — в пределах -180/-205 см (рис. 4.12, 1, 2).

В разрезе видно, что и останец, и развал частично перекрыты сверху тонкой прослойкой глины с песком. Далее вся конструкция перекрыта слоем черного гумуса мощностью ≈0,3 м, отложившимся в яме уже после того, как описанное сооружение перестало функционировать. Этот слой можно наблюдать и в разрезах самого сооружения, и в разрезе стенки раскопа, в которую частично уходит конструкция (рис. 4.12, 2; 4.13; 4.14). Сохранившиеся остатки конструкции залегают примерно на 0,3–0,4 м ниже верхней печи.

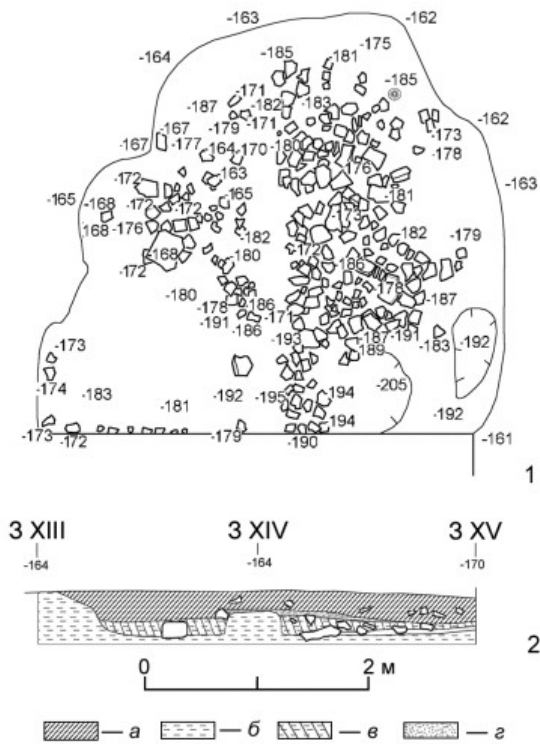

Рис. 4.12. Раскоп 4 (2010 г.). Нижний комплекс нагревательных сооружений в кв. 3-И XIII-XIV (яма № 2010-14). 1 — план; 2 — разрез юг-север. Условные обозначения: а — черный гумус; б — глина; в — бурый гумус с глиной; г — глина с примесью песка

нагревательного сооружения и подстилающих верхнюю печь. Стоит отметить, что все органические материалы успели полностью разложиться прежде, чем на данном участке Земляного городища создались условия, способствующие длительной консервации дерева в слое.

Напротив, сохранность деревянных колышков, окружающих верхнюю печь, скорее всего свидетельствует о возросшей влажности на площадке в последующий период. Вероятно, в период функционирования верхнего комплекса и была вырыта обводная четырехугольная канавка (2010-9) — с целью дренажа поверхности (рис. 4.4). Заполнение канавки — черный гумус с примесью глины, щепы и навоза — свидетельствует о том, что она заплывала землей уже в период активного строительного освоения участка — вероятно, в IX в. Впрочем, данный признак нельзя считать в полной мере датирующим: водоотводную канавку наверняка неоднократно чистили, поэтому характер ее последнего заполнения указывает на время окончания функционирования комплекса, но не на его начало.

В разрезе ямы 2010-15, тоже расположенной в пределах обводной канавки, также виден развал камней и два колышка, расположенные под наклоном друг к другу. К сожалению, яма уходит в стенку раскопа и осталась не доследованной. Характер ее заполнения не вполне точно отражен на чертеже (что легко устанавливается при сравнении с фотографией) (Кирпичников 2011А: Альбом, рис. 40, 2).

Из ямы 2010-14 на ^{14}C анализ был отобран образец сохранившихся семян конопли с примесью древесного угля. Угольки выбраны непосредственно из скопления семян, поэтому тут следует говорить, в сущности, об одном образце и двух видах анализируемого материала. Из описания следует, что материал был взят из северной части ямы (кв. 3 XIII), на 0,3 м выше ее дна (нив. отм. -153). К сожалению, точное место отбора на полевом чертеже не обозначено. По такому описанию можно заключить, что образец происходил из слоя черного гумуса, перекрывшего нижнее нагревательное сооружение. Конечно, его можно связывать с какой-то ямкой, вырытой сверху, с уровня глинобитной печи, и, скорее всего, не замеченной при разборке. Но возможно и другое: остатки относятся к нижнему уровню.

К примеру, они могли находиться в постройке, завал которой над ямой с «очагом», собственно, и привел к образованию отложений перегнившей органики (черного гумуса), залегающих непосредственно над остатками нижнего

Рис. 4.13. Раскоп 4 (2010 г.). Разборка нижнего комплекса нагревательных сооружений в кв. 3-И XIII-XIV (яма 2010-14). Вид с севера

Рис. 4.14. Раскоп 4 (2010 г.). Разборка нижнего комплекса нагревательных сооружений в кв. 3-И XIII-XIV (яма 2010-14). Вид с запада

Это не позволяет всерьез ставить вопросы о конструктивных особенностях сооружения в яме 2010-15 и ее действительном соотношении с комплексом 2010-14.

По результатам ^{14}C анализа образцов из ямы 2010-14 получены даты:

Ki-18575 (уголь). 1360 ± 70 л. н. С вероятностью 90,2 %: 563–778 *calAD*; 4,6 %: 787–829 *calAD*; 0,7 %: 859–870 *calAD* (табл. 4.1, № 1/37);

Ki-18583 (семена конопли). 1560 ± 110 л. н. С вероятностью 90,8 %: 310–661 *calAD*; 1,5 %: 789–824 *calAD*; 1,0 %: 260–279 *calAD* (табл. 4.1, № 1/55).

Если допустить, что образец связан с нижним комплексом, это означает, что от *terminus ante quem* (870–880-е гг.) его отделяют три временных отрезка:

- период между появлением здесь постройки 2 и прекращением функционирования глинобитной печи;
- период собственно функционирования печи;
- период, протекший со времени разрушения нижнего комплекса до возникновения верхнего (т. е. глинобитной печи).

Продолжительность каждого периода могла измеряться десятилетиями, а в целом они, скорее всего, составляли длительный срок. В таком контексте дата по углю выглядит вполне правдоподобной и приемлемой. Заметный разрыв между результатами, полученными по углю и семенам конопли, возможно, связан с какими-то входящими обстоятельствами (например, с условиями хранения растительного материала?). Однозначного ответа на вопрос о его причинах пока нет. Возможно, имел место технический сбой. Требуется дополнительные комментарии специалистов.

Если допустить, что образец связан с верхним комплексом, доверительная интерпретация становится проблематичной и оказывается на грани логически допустимого. Разумеется, следует помнить, что хронологический интервал обеих дат включает и более поздние отрезки, однако статистическая вероятность их составляет от 1 % до четырех с небольшим (табл. 4.1, № 1/37, 1/55).

В целом связь образца с нижним комплексом кажется наиболее вероятной.

Яма 2013-15 — углубленная часть постройки (?)

Наибольшее количество образцов из ям было взято на ^{14}C анализ в 2013 г. — в ходе разборки нижних горизонтов в раскопе 5. Здесь зафиксированы ямы больших размеров, которые можно трактовать как углубленные части построек, вероятно, хозяйственного назначения. Яма 2013-15, расположенная в кв. Р–С XIV–XV, имела размеры 2,70 × 3,05 м. Глубина местами достигает 0,30–0,35 м (рис. 4.6; 4.7). Форма ямы в ее глубокой части подпрямоугольная; с запада у нее имеется более мелкий боковой выступ. Стенки крутые, дно неровное. Заполнение — темно-серый суглинок с включением золы, крупного угля и древесного тлена (Кирпичников 2014А: 18; Альбом, рис. 19; 22; 25). В другом месте в отчете сказано: «В основании культурных напластований лежит слой черного суглинка толщиной от 0,12 м в кв. Т/ХХ до 0,20 м в кв. П/ХХ. В яме № 15 мощность черного суглинка увеличивается до 0,35 м. Выше этого предматерикового слоя располагаются слои темно-коричневого гумуса, включающего навоз, щепу и уголь...» (Там же: 21). Таким образом «темно-серый» и «черный» суглинок суть одно и то же. Это горизонт Ж, предматерик.

Расположенная рядом с ямой № 2013-15 постройка 10 (середины — второй половины IX в.) не перекрывает ее, хотя края обоих комплексов почти соприкасаются (Там же: Альбом, рис. 14). Зато своим южным краем яма 2013-15 прорезает верхнюю часть соседней округлой ямы 2013-18 (рис. 4.7; 4.15).

Рассмотрение фотографий разрезов ямы 2013-15 (к сожалению, невысокого качества) и одного зачерченного профиля (З-В), попавшего в отчет (Там же: Альбом, рис. 27, 1) показывает, что ее заполнение — это именно темно-серый предматериковый суглинок разных оттенков, с небольшой примесью гравия. Причем заполнение разделено на верхнюю и нижнюю части тонкой прослойкой древесного тлена (рис. 4.16, 1). Внимательное изучение разреза ямы на увеличенной фотографии (рис. 4.6) убеждает, что заполнение верхней части ямы окрашено более интенсивно, чем нижней, а в глубокой ее части вдобавок заметно проседание слоев вниз к центру (это видно даже по характерному положению камней). На месте бокового выступа ямы слои идут более полого (Там же: Альбом, рис. 25). К сожалению, разобраться, в каких еще частях заполнения присутствовали указанные в описании включения «золы, крупного угля и древесного тлена» и насколько они существенны, не представляется возможным. На разрезе они не обозначены (кроме прослойки тлена, разделяющей верхнюю и нижнюю части), а на фотографиях их невозможно отличить от пятен и включений иной природы. Тем не менее данные об их присутствии следует иметь в виду. Отметим также, что в южной части ямы, по периметру ее, на некотором расстоянии от края, среди мелких камней фиксируются отдельные фрагменты карбонизированного дерева, величиной примерно с гальку среднего размера (Там же: 19).

Вещевые материалы из ямы 2013-15, к сожалению, не помогают уточнить ее датировку. В заполнении найдено два костяных изделия, из которых одно, вероятно, предназначалось для развязывания ремней и веревок (рис. 4.17, 1), а второе может быть обломком костяной обкладки или напершия (рис. 4.17, 2).

По результатам ¹⁴C анализа образцов из ямы 2010-15 получены следующие даты:

SPb_3248 (уголь) 1724±25 л. н. Карбонизированная древесина на краю ямы, в заполнении из черного гумуса. Кв. С XV, нив. отм. -124. С вероятностью 29,5 %: 250–295 *calAD*; 65,9 %: 311–409 *calAD* (табл. 4.1, № 1/60);

SPb_3246 (уголь) 1470±25 л. н. Кв. Р XV, восточная часть пятна черного гумуса со щепой и углем. С вероятностью 95,4 %: 563–645 *calAD* (табл. 4.1, № 1/51);

SPb_3243 (уголь) 1460±25 л. н. Кв. Р–С XIV–XV, нив. отм. -111/-122. С вероятностью 95,4 %: 571–647 *calAD* (табл. 4.1, № 1/49);

SPb_3245 (уголь) 1464±25 л. н. Северная часть заполнения ямы 2013-15. С вероятностью 95,4 %: 568–646 *calAD* (табл. 4.1, № 1/50);

Ki-18445 (уголь) 1480±40 л. н. Кв. С XIV. С вероятностью 94,5 %: 536–654 *calAD*; 1 %: 482–492 *calAD* (табл. 4.1, № 1/54);

SPb_3249 (уголь) 1200±25 л. н. Кв. С XV, карбонизированное дерево в заполнении ямы 2013-15, черный гумус, нив. отм. -132. С вероятностью 94,0 %: 771–891 *calAD*; 1,4 %: 709–719 *calAD* (табл. 4.1, № 1/26);

SPb_3247 (уголь) 1147±30 л. н. Кв. Р XV, древесина на краю ямы 2013-15, в заполнении черного гумуса, нив. отм. -120/-122. С вероятностью 88,9 %: 826–989 *calAD*; 6,5 %: 774–788 *calAD* (табл. 4.1, № 1/18);

SPb_3251 (уголь) 1170±25 л. н. Кв. С XV. С вероятностью 77,4 %: 772–900 *calAD*; 17,1 %: 918–960 *calAD*; 0,9 %: 967–972 *calAD* (табл. 4.1, № 1/23).

Приведенная серия отчетливо разделяется на две группы. Первые пять образцов списка (табл. 4.1, №1/49, 1/50, 1/51, 1/54, 1/60) дают стабильно древние даты, причем четыре из них — с единообразным наиболее вероятным интервалом

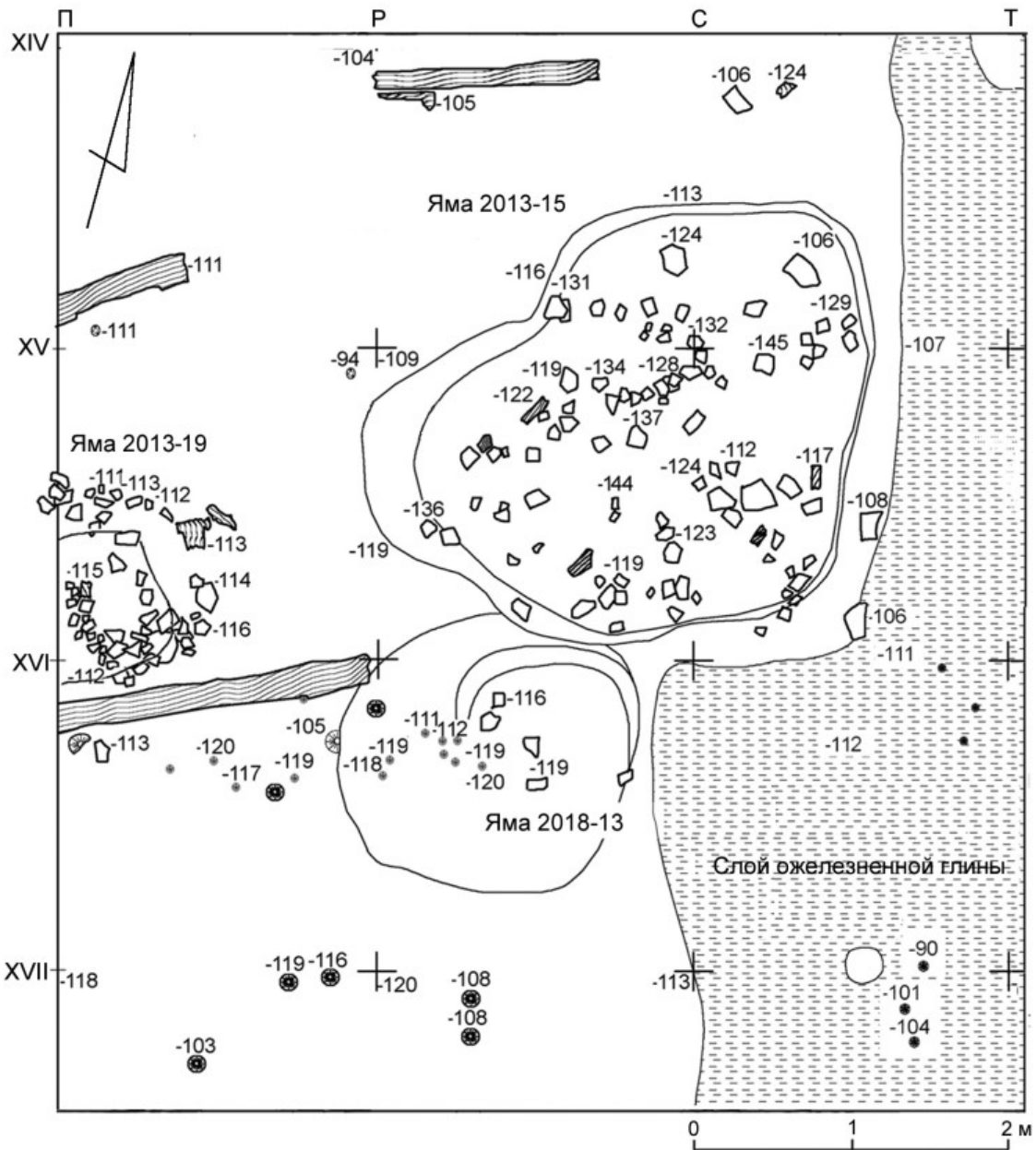

Рис. 4.15. Раскоп 5 (2013 г.), деталь. Ямы 2013-15, 2013-18 и 2013-19: разборка на уровне материка

с середины VI до середины VII в. Лишь один древний образец (№ 1/60) резко выпадает из общего ряда: значение даты ограничено интервалом с середины III до начала V в.

Пробы № 1/49, 1/50 и 1/51 локализируются в центре ямы, однако не в нижней ее части, а в верхней, выше прослойки не горелого древесного тлена. Об этом свидетельствуют нивелировочные данные (-111/-122) и указание на связь образцов с «пятном черного гумуса с углем и щепой». Из наблюдений, которые можно сделать по фотографиям, также следует, что верхняя часть заполнения ямы действительно имеет более интенсивный окрас. Последнее говорит о большей насыщенности ее углем, причем слои эти локально просели сверху и в плане, вероятно, не занимали всей площади ямы (что, видимо, и создало в ходе разборки видимость «пятна»).

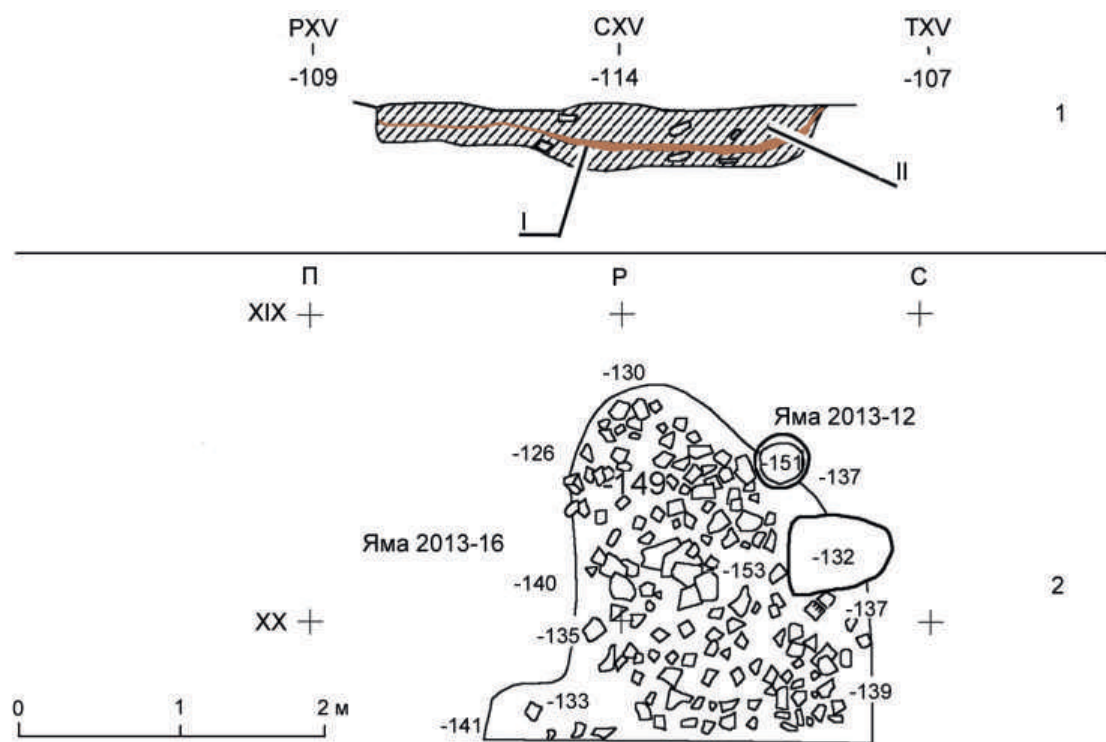

Рис. 4.16. Раскоп 5 (2013 г.), детали: 1 — схематичный частный профиль ямы 2013-15 по линии P–T/15 (I — прослойка древесного тлена; II — темно-серый гумус); 2 — ямы 2013-12 и 2013-16: разборка на уровне материка

Как уже говорилось, эти три даты, полученные в лаборатории РГПУ им. А. И. Герцена, показывают очень близкие значения. Совершенно аналогичное значение даты получено и в Киевской лаборатории по образцу № 1/54, взятому ближе к северо-восточному углу ямы.

Вторая, условно «поздняя» группа проб, показавших значения в интервале с последней трети VIII до конца IX в. или X в., локализуется на плане вдоль южной границы ямы, практически у самого ее края, — частью с внутренней стороны материкового углубления, частью за его пределами. В заполнении в этой части ямы находились довольно крупные фрагменты карбонизированного дерева, обозначенные в описи как «древесина у края ямы» (в качестве материала для анализа указан все-таки «древесный уголь»).

Один образец такой «древесины» (№ 1/26) показал после калибровки вероятный результат от последней трети VIII до конца IX в., а вот локализованный рядом с ним № 1/60 имеет очень древнюю дату: от середины III до начала V в. Учитывая, что образцы не различаются ни топографически, ни по материалу, здесь можно заподозрить сбой, причины которого предстоит еще проанализировать. Третий образец, взятый из почвы в непосредственной близости от двух предыдущих, но уже за пределами ямы (№ 1/23), показал значение, близкое первому (№ 1/26) — с последней трети VIII до конца IX в.

Образец угля № 1/18, отобранный в юго-западной части ямы, из черного заполнения у самого ее края, также показал наиболее вероятное значение в пределах второй четверти IX — третьей четверти X в. Однако верхняя часть интервалов этой

Рис. 4.17. Костяные предметы из ямы 2013-15

По мнению А. Л. Александровского, высказанному ранее в публикации, яма 2013-15 была впущена в материк, предположительно в VIII в., на месте старопахотного участка. Спустя какое-то время она была искусственно засытана, и в VIII–IX вв. над ней вновь образовался пахотный слой (Александровский 2012: 61).

Ныне можно скорректировать эту гипотезу, основываясь на изложенных выше наблюдениях. Наличие в материалах ямы двух разновременных компактных серий дат и закономерность, выявляемая в топографической привязке соответствующих образцов, позволяют предположить, что наиболее интенсивно окрашенные отложения в центре ямы содержали *просевшие и рухнувшие туда сверху остатки обгоревших деревянных перекрытий* постройки. О наличии здесь деревянной конструкции свидетельствует и прослойка древесного тлена, по-видимому, от нижнего перекрытия — не сгоревшего, а плавно осевшего вниз, в пустоту. Именно из верхней части ямы, выше прослойки истлевшего дерева, была отобрана первая (древняя) компактная серия образцов. Все четыре образца показали даты в пределах второй половины VI — первой половины VII в.

группы дат, начиная с последней четверти IX в., вероятно, должна быть отброшена как недопустимая, так как не позднее середины IX в. на данном участке уже начинает активно откладываться слой бурого гумуса со щепой — строительный горизонт. Существует также небольшая (6,5 %) вероятность, что данная проба датируется второй половиной VIII в.

За пределами ямы 2013-15, вблизи ее юго-западного края, из погребенной почвы (черного гумуса с примесью щепы) был отобран еще один образец — № 1/21. Он дал результат, практически идентичный описанным выше:

SPb_3241 (*уголь*) 1159±25 л. н. Кв. П–Р XVI. С вероятностью 84,6 %: 821–978 *calAD*; 10,8 %: 772–790 *calAD* (табл. 4.1, № 1/21).

Таким образом, налицо две группы проб, образующие две компактные серии с близкими значениями дат. Лишь один результат выпадает из общего ряда. Прослеживается топографическая закономерность в локализации этих проб на плане. Конечно, интерпретация может быть только предположительной, с учетом того, что многое было упущено в ходе полевого исследования, и ряд предположений уже невозможно проверить. Тем не менее допустимы несколько вариантов.

Как это обычно бывает, в процессе проседания перекрытий в ямы как по краям углублений, так и внутри остаются полости, в которые с течением времени заплывает культурный слой. Это заполнение, забивающее пустоты, вполне может содержать остатки более позднего времени (а иногда и переотложенные ранние материалы). Видимо, в ходе такого процесса в слое заполнения вдоль южного края ямы отложились угли, составившие вторую, более молодую группу образцов. Часть их могла попасть туда в процессе каких-то работ по выравниванию площади, с целью использования ее в сельскохозяйственных целях и т. д. Следы копков лопаты в материке зафиксированы А. Л. Александровским в непосредственной близости от ямы, что вроде бы указывает на дальнейшую разработку участка под огород. При этом основная часть заполнения ямы явно не была ни переотложена, ни перемешана.

В «сухом остатке» остается следующее: в заполнении ямы 2013-15, близком по составу и структуре почве 1, а также в самой этой почве вблизи ямы фиксируются угли и карбонизированное дерево, анализ которых выявляет определенные закономерности. Получена серия из четырех дат, наиболее вероятным интервалом которых является середина VI — середина VII в. Вторая серия, также из четырех дат, демонстрирует наиболее вероятный интервал в пределах второй половины VIII — последней четверти IX в. (более поздняя часть интервалов отбрасывается, ибо в это время на участке уже накапливался бурый гумус с навозом и щепой). Можно сделать вывод: в рамках обоих указанных временных интервалов на данном участке, как минимум, имела место хозяйственная активность человека. Разрушенная постройка относится, предположительно, к периоду не позднее середины VII в. Наблюдаемый хронологический разрыв между двумя сериями вполне может означать реальный перерыв в использовании участка.

Яма 2013-18

Южный край описанной выше ямы 2013-15 прорезает край примыкающей к ней ямы 2013-18 в кв. P XV–XVI (рис. 4.4; 4.7; 4.15). Из нее также было взято два образца на ^{14}C анализ. В отчете комплекс описан как «...овальная яма № 18, примыкавшая к яме № 15. Её размеры 1,85 × 1,8 м, с пологими стенками и дном. В заполнении встречены мелкие камни гранитных пород...» (Кирпичников 2014А: 19).

Из восточной части заполнения этой неглубокой ямы взят образец древесного угля (№ 1/47). Второй образец взят над южным краем ямы, не из заполнения, а из перекрывающего яму почвенного слоя (№ 1/15).

SPb_3244 (*уголь*) 1450±30 л. н. Кв. P XVI. Заполнение ямы 2013-18, пятно черного гумуса, восточная часть. Нив. отм. -120. С вероятностью 95,4 %: 571–651 *calAD* (таблица 4.1, 1/47).

SPb_3242 (*уголь*) 1100±30 л. н. Кв. П–Р XVI. Уголь из погребенной почвы, выше ямы 2013-18. С вероятностью 95,4 %: 892–994 *calAD* (табл. 4.1, № 1/15).

Как видим, дата самой ямы, стратиграфически более ранней, чем соседний комплекс 2013-15, также укладывается в рамки второй половины VI — середины VII в. (№ 1/47). А вот уголь из почвы, перекрывающей ее, по-видимому, попал туда в более позднее время, когда рядом уже функционировала постройка 10. Дендродаты, полученные для нее, с равной вероятностью могут относиться к 830–850-м гг. или к концу 870-х — 880-м гг.

Яма 2013-19

В отчете 2013 г. сказано: «В кв. П XV–XVI изучена овальная яма № 19, размерами 1,4 × 1,0 м, частично уходящая в западную стенку раскопа. В заполнении ямы также были колотые камни гранитных пород и фрагменты керамики, в т. ч. миниатюрный сосуд баночной формы» (Там же: 19; Альбом, рис. 70, 1).

Никакой другой информации об этой яме в тексте отчета нет. На общем плане раскопа 5 (объектов на уровне материка) на ее месте показан неправильный овал из камней, перекрывающий небольшое углубление (т. е. собственно яму) (рис. 4.15). Геометрические центры каменной конструкции и ямы не совпадают, но их взаимосвязь не подлежит сомнению.

Яма целиком перекрыта постройкой 10, датируемой второй половиной IX в. Камни, зафиксированные частично в заполнении, частично идущие по краю углубления, залегают примерно на 0,3 м глубже, чем нижний венец этой постройки. В слое, подстилающем последнюю, выявлены неопределенные остатки деревянных конструкций, возможно, связанных с более ранним строением. Но сохранились они мало и плохо.

В северо-восточной части ямы, на скате в нее, был отобран образец № 1/52. В описании к нему указано: «Возможно, очаг». Никакими более подробными данными мы не располагаем.

SPb_3250 (*уголь*) 1470±30. Кв. П XV. Пятно черного гумуса со щепой и углем (возможно, очаг), нив. отм. -120. С вероятностью 95,4 %: 559–647 *calAD* (табл. 4.1, № 1/52).

Как можно видеть, образец из комплекса 2013-19 по своему калиброванному значению примыкает к серии, в которую входят «древние» даты соседней ямы 2013-15 и ямы 2013-18, — вторая половина VI — середина VII в.

Находки из ямы 2013-19 представлены лепной керамикой — археологически целым миниатюрным сосудиком и верхней частью крупного мисковидного сосуда с высокой шейкой, слегка изогнутой и наклоненной внутрь, и четко выделенными плечиками (рис. 4.18, 1, 2). Аналогии обоим типам керамики представлены как в самой Ладоге, так и на других памятниках лесной зоны.

Миниатюрный сосудик можно классифицировать (по Т. Б. Сениченковой) как округлобокий горшочек (точнее, чашечку) типа Ф_м II, 6А. Это сосуд с загнутой внутрь шейкой, округлым туловом и подрезанным краем венчика. Плечико не выделено, орнамент отсутствует. Край доньшка ровный (тип А). Диаметр венчика 5 см, дна — 4 см. Максимальный диаметр (6,25 см) несколько превышает высоту (4,21 см). Черепок светло-коричневого цвета, обжиг восстановительный.

Эта миниатюрная чашечка относится в Ладоге к числу единичных форм. Точно-го подобия на Земляном городище она не имеет. Наиболее близкие аналогии имеются в раскопе на Варяжской улице (см. ил. 21, 20, 22). Эта миниатюрная чашечка относится в Ладоге к числу единичных форм. Точно-го подобия на Земляном городище она не имеет. Наиболее близкие аналогии имеются в раскопе на Варяжской улице (см. ил. 22, 5, 10).

Нередко считают, что тип сосуда с загнутым внутрь венчиком привнесен на Русь из Скандинавии (Седых 2001: 153). Но, если анализировать его возможные истоки в Ладоге, то следует прежде всего отметить наличие сходных форм на памятниках второй и третьей четвертей I тыс. н. э. в Верхнем Поволжье и Верхнем Подвинье.

Вероятно, функционирование данного типа в культурах Восточной и Северной Европы шло параллельно и совершенно независимо (см. наст. изд., с. 433–435).

В Поволжье соответствующие формы обнаружены на целом ряде памятников, включая Попадьянское селище (VI–VII вв.), Безводнинский могильник (V — первая половина VIII в.) и др. (Краснов 1980: 113, 218, рис. 52, 3; 57, 5, 6; 73). В дьяковской культуре аналогии типу 6А, представленному в яме 2013-19, датируются III–VI вв., а типу 6Б — V–VI вв. (Розенфельдт И. 1971: 13, 25, рис. 1, 24, рис. 10, 12а, 13а). В Верхнем Подвинье перспективным направлением поиска аналогий представляются памятники круга Заозерье–Узмень, где обнаружен очень сходный по форме сосуд (Лопатин, Фурасьев 2007: 146, рис. 64, б).

На том же высотном уровне, что и описанная чашечка (нив. отм. -113), по-видимому рядом с ней, в яме 2013-19 встречен обломок верхней части ребристого сосуда с наклоненной внутрь шейкой и усеченно-коническим туловом. Его можно определить как мискообразный горшок типа ФVII или ФIII по классификации Т. Б. Сениченковой. Диаметр сосуда по венчику около 34 см. О форме днища нельзя судить определенно. Черепок черный, с копотью. Обжиг восстановительный (рис. 4.18, 2).

Данный сосуд близок по форме реберчатым лощеным мискам и так называемым горшкам улучшенной выделки типа Р-1, по Н. В. Лопатину (Лопатин, Фурасьев 2007: рис. 22, 9, 14). Скорее всего, он является упрощенной модификацией этих форм, изготовленной из более грубого теста с примесью дресвы, без следов лощения. Такие экземпляры встречаются и в более поздних горизонтах Земляного городища. находка из ямы 2013-19 обнаруживает близость мискообразным сосудам с оформлением верха по типам 9 и, возможно, 8 (по Т. Б. Сениченковой), представленным в старолadoжской коллекции единичными формами (см. ч. III, ил. 80, 8; 84, 6; и др.). Довольно часто встречаются обломки верхних частей сосудов типа 1 (с ребром), также сходные по оформлению с находкой из ямы 2013-19. Подобные модификации типа 1 встречены на Земляном городище практически на всех уровнях, вплоть до горизонта Д (наст. изд., ч. III, ил. 39, 6; 49, 7; 56, 2; 57, 3, 4; 59, 7; 63, 2; 71, 1; 77, 1; 83, 6; и др.), а также на Посаде, в раскопе на Варяжской улице (ил. 102, 4; 104, 3, 6; и др.). Отметим, что Н. В. Лопатин описал аналогичные местные модификации лощеных прототипов на материалах Изборска (Лопатин 2021: 212).

Лощеные и подлощенные образцы подобных грубых модификаций столовой посуды нигде не являлись массовой категорией материала, но они регулярно встречались на памятниках Восточной Европы самых разных культурных традиций в течение длительного времени. Наличие такой керамики в лесной зоне во второй половине I тыс. н. э. связывается одними исследователями с наследием культуры каменных могильников Юго-Восточной Эстонии, другими — с мощинской, дьяковской, постзарубинецкой культурами (Шмидт 2014: 198, рис. 20; 24, 8, 9; Исланова 2019а: 148, 153; Лопатин, Фурасьев 2007: рис. 22, 9, 14; Еремеев, Дзюба 2010: 114, 115; и др.).

Можно предположить, что перед нами именно группа столовой посуды, сравнительно немногочисленной, в силу специфики своего функционала, но традиционно укорененной в самых разных культурах Восточной Европы. Изначальным ее эталоном, исходным для всех, являлась, по-видимому, столовая посуда римского времени, образцы и подражания которой в начале I тыс. н. э. регулярно попадали и в Прибалтику, и в восточноевропейскую лесостепь (культуры «римской

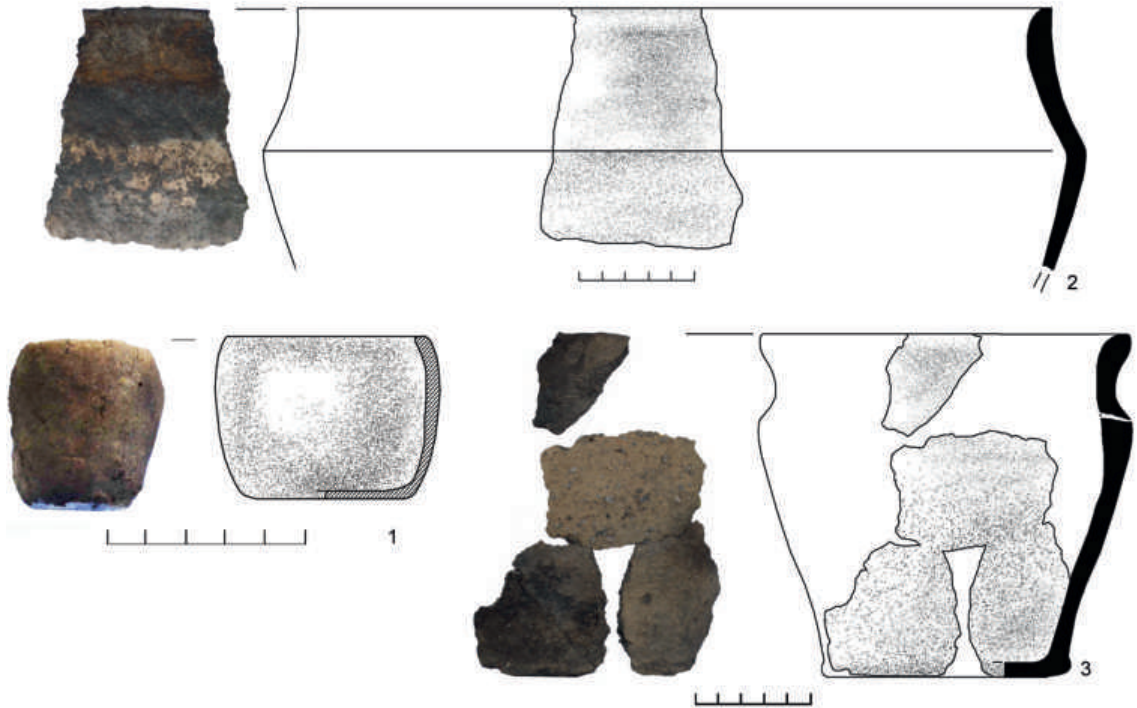

Рис. 4.18. Лепная керамика из ям: 1, 2 — яма 2013-19; 3 — яма 2013-16

вуали» или «полей погребений»). В дальнейшем в ряде культурных сообществ лесной зоны выделка местных аналогов этой посуды достигла большого совершенства и стала одним из признаков собственной локальной традиции. В других социумах продолжали изготавливаться исключительно грубые подражания этим аналогам. Датируются они так же широко, как и их привозные образцы — начиная со второй четверти I тыс. н. э. до начала II тыс. н. э. В Поволховье и Приильменье лощеные и подлощенные ребристые формы встречаются на раннесредневековых памятниках единично, но повсеместно, и датируются от V–VII вв. (Городок на Маяте, Сельцо на Ларинке, селище Заполье-3 и др.) до древнерусского времени.

Таким образом можно констатировать, что в яме 2013-19, представлявшей собой скорее всего остатки очага, перекрытого более поздней постройкой IX в., среди камней были найдены обломки двух типов столовой посуды — маленькой чашечки и большого низкого мискообразного горшка, изготовленного в подражание лощеному сосуду. В обоих случаях есть основания считать эту посуду местной, восточноевропейской, имеющей на данной территории достаточно глубокие корни. Обе находки имеют широкие даты и не могут использоваться для уточнения хронологии комплекса. Но важно, что их датировка не вступает в противоречие с радиоуглеродной датой, полученной для данного очага по углю — с середины VI до середины VII в. Оба типа имеют прямое продолжение в более поздней керамической традиции Ладоги.

Яма 2013-16 — углубленная часть постройки (?) и столбовая ямка 2013-12

Данный углубленный комплекс выделяется на общем фоне, ибо отсюда происходят как лепная керамика, так и вещевые находки — роговой гребень, бронзовое височное кольцо, кремешок и пр. (Кирпичников 2014А: 62, 63).

В отчете 2013 г. комплекс описан так: «...крупная яма занимала кв. П-Р/ХІХ-ХХ. Яма неправильной формы, размером 2,35 × 2,50 м, в заполнении — развал мелких камней гранитных пород, размерами до 0,20 × 0,20 м, фрагменты костей животных, в т. ч. челюсть лошади (?), фрагменты лепной керамики. В развале сохранилась полная форма сосуда. Здесь же встречен полностью сохранившийся двусторонний роговой гребень с чехлами, покрывающими зубцы. Гребень найден в нижней части заполнения ямы, под развалом камней, что позволяет определенно связывать его со временем функционирования ямы. Предмет относится к кругу средневропейских изделий эпохи Меровингов и по разработанной типологии определяется как *меровингский гребень типа 324*. Данный тип распространен практически по всей континентальной Европе, в т. ч. в области Дуная и на Балканах. Такие гребни известны и на славянских поселениях, например, в Словакии. Датируются они в интервале от 470/480 гг. до 630/640 гг., иногда позже... Следы стертости и залощенности на его поверхности, а также в отверстии для его подвешивания к поясу показывают, что предмет был в употреблении и его носили на поясе» (Там же: 18).

Практически по всей площади ямы 2013-16 фиксируется развал камней (рис. 4.16, 2). Вкупе с находками угля это позволяет предполагать тут остатки развала отопительного сооружения, сохранившиеся в материковой западине. К сожалению, судить о стратиграфии и характере заполнения ямы по приведенному описанию довольно затруднительно. Отдельного разреза комплекса в отчете нет — вероятно, потому, что в раскоп вошла лишь часть его, и разрез имеется на общем чертеже южной стенки раскопа. По нему видно, что глубина ямы 2013-16 от поверхности материка (в самой углубленной части) составляла не более 0,40–42 м. А. Л. Александровским в поле было отмечено, что яму перекрывает слой погребенной почвы (пахоты?). На разрезе отчетливо видна прослойка черного гумуса над ямой, хотя стоит ли однозначно трактовать его как пахоту — не до конца понятно. Тем не менее можно предполагать некоторый перерыв между временем функционирования этой древней постройки и новым освоением участка под застройку во второй половине IX в.

К сожалению, уточнить более тонкие детали и особенности стратиграфии данного комплекса по чертежам и фотографиям невозможно. Разрез его на чертеже южной стенки раскопа выполнен очень схематично: заполнение ямы показано как единый монотонный слой черного гумуса. Между тем на этикетках образцов, отобранных из ямы 2013-16, отмечено, что в верхней части заполнения присутствовал гумус с углем и щепой, а в нижней — собственно черный гумус.

Из ямы 2013-16 на радиоуглеродный анализ было взято два образца. Еще одна проба угля отобрана из столбовой ямки, прорезавшей ее северо-восточный край и, возможно, синхронной комплексу на позднем этапе его функционирования.

SPb_3238 (*уголь*) 1164±25. Заполнение ямы 2013-16, верхняя часть, уголь и щепа. Кв. П-Р XIX–XX. С вероятностью 95,4 %: 772–975 *calAD* (772(12,5 %)792; 803(1,6 %)812; 819(54,1 %)903; 915(27,3 %)975) (табл. 4.1, № 1/22).

SPb_3239 (*уголь*) 1200±25. Заполнение ямы 2013-16, нижняя часть, черный гумус. Кв. П-Р XIX–XX. С вероятностью 95,4 %: 709–891 *calAD* (709(1,4 %)719; 771(94,0 %)891) (табл. 4.1, № 1/25).

SPb_3240 (*уголь*) 1150±25. Заполнение столбовой ямы 2013-12, врезанной в яму 2013-16, уголь. Кв. Р XIX. С вероятностью 95,4 %: 773–979 *calAD* (773(7,4 %)788; 826(88,0 %)979) (табл. 4.1, № 1/19).

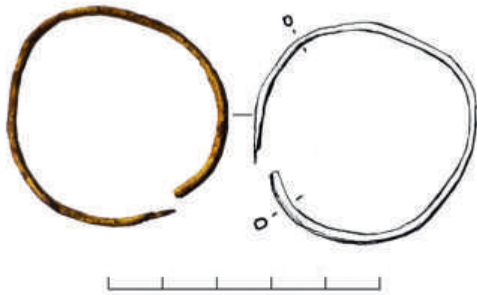

Рис. 4.19. Височное кольцо (серьга) из ямы 2013-16 (сплав цветных металлов)

В верхней части заполнения, в слое «серого гумуса на скоплении угля» (нив. отм. -134) найдено колечко (серьга) из медно-го сплава, несомкнутое, с приостренным концом (рис. 4.19). Диаметр 40 мм, сечение 2 мм. Оговорим сразу, что локализация в верхней части заполнения вовсе не означает автоматически более позднего попадания в слой по сравнению с предметами из низов ямы. Следует учитывать особенности накопления отложений в углубленных частях построек, когда туда

одномоментно или постепенно проседали и рушились большие массы органических остатков (деревянных перекрытий, где на разных уровнях могли находиться разные предметы, и пр.).

Проволочные височные кольца/серьги из серебра и меди (браслетообразные и перстнеобразные), с различным оформлением концов, встречаются в лесной зоне начиная с позднееримского времени — от Прибалтики и Белоруссии до Среднего Поволжья (Седов 1994: 56–67). В них периодически пытались усматривать — уже на этом раннем этапе — некий стойкий признак, свойственный определенной этнокультурной общности — славянской (В. В. Седов) или летто-литовской (М. М. Казанский) (Казанский 1999: 407). На наш взгляд, это вряд ли правомерно. Раннесредневековый убор Восточной Европы строился на переработке и упрощении высоких позднеантичных образцов, которые разными путями, зачастую совершенно независимо, попадали в разные уголки лесной зоны. По окончании периода «культурной турбулентности» эти образцы, заимствованные у старой Империи, преломлялись в новых этнокультурных общностях по-новому, становясь там уже «своими» и «этноопределяющими». В настоящий момент мы не можем делать никаких ответственных выводов на основании отдельных находок проволочных колец, периодически встречающихся на памятниках различных культур лесной зоны, тем более что материал этот, по большому счету, не собран и не проанализирован источниковедчески, а разновременные рисунки, попадающие в публикации, далеко не всегда точны¹².

Кольцо, найденное в яме 2013-16, имеет один приостренный конец. Второй конец не приострен и, по-видимому, обрублен. Отметим в связи с этим наблюдение А. М. Обломского, который, со ссылкой на А. М. Медведева (Медведев 2011: 231), утверждает, что кольца с одним или двумя заостренными концами (иногда один конец заострен, а другой свит в колечко) распространены в первую очередь на памятниках типа Банцеровщины в Белоруссии и на территории Литвы. В колочинской культуре и в «антских кладах» Среднего Поднепровья обнаруживаются исключительно кольца с расширенными концами или со спиральным завитком

¹² Например, в некоторых публикациях приводятся рисунки проволочных колец с приостренным концом из слоя городища Отмичи в Верхнем Поволжье (Розенфельдт И. 1982: 13, 14, рис. 1, 12, 13; Казанский 1999: 406, рис. 2, 7). Однако визуальный осмотр артефактов показал, что концы колец на самом деле не приострены (Исланова 2008: 22).

Рис. 4.20. Двусторонний орнаментированный гребень в чехле из ямы 2013-16, номер полевой описи 547 (кость, рог): 1 — фотография (по: Кирпичников 2014А: Альбом, рис. 49); 2 — прорисовка (по: Кирпичников, Курбатов 2014: 132, рис. 2)

(Обломский 2016: 51). Эта информация, возможно, будет полезной в ходе дальнейших исследований древнейшего вещевого комплекса Ладоги.

В нижней части заполнения ямы 2013-16, в слое черного гумуса, под развалом камней, был обнаружен роговой гребень с костяными накладками, орнаментированными косой решеткой и параллельными линиями, в чехле. Чехол также украшен накладками, сплошь покрытыми орнаментальной композицией — «чешуей» из полуциркульных фигур и параллельных линий на концах (рис. 4.20). Типология таких гребней на Западе прекрасно разработана, поскольку там это массовые находки. Экземпляр из Ладоги относится к типу 324 меровингских гребней, датированному на основании европейских аналогий в интервале 470/480–630/640 гг. Правда, в отдельных случаях данный тип обнаруживается и в более поздних комплексах (Legoux et al. 2009: Taf. 56; Кирпичников, Курбатов 2014: 132, рис. 1; 2).

Возвращаясь к радиоуглеродным датам, полученным для данного комплекса, следует констатировать, что калибровочные интервалы всех трех дат (табл. 4.1, № 1/19, 1/22, 1/25) исключают принадлежность комплекса третьей четверти I тыс. н. э. В случае SPb_3239 (нижняя часть заполнения ямы) вероятность датировки началом VIII в. оценивается в 1,4 %. В двух других случаях нижний интервал ограничен последней четвертью VIII в. (таков же наиболее вероятный нижний интервал даты SPb_3239). Таким образом, налицо очередная компактная мини-серия, позволяющая предположить, что в данном случае меровингский гребень находился в комплексе, датированном, самое раннее, последними десятилетиями VIII в. Возможно, эта вещь действительно долго находилась в использовании. Правда, нахождение гребня практически на «полу» ямы оставляет некоторую вероятность, что он был потерян еще в период функционирования постройки, в то время как угли, возможно, фиксируют момент ее окончательного разрушения. Однако обосновать это без детального изучения микростратиграфии невозможно.

В настоящий момент яма 2013-16 исследована лишь частично. Большая часть ее уходит в южную стенку раскопа 5. Поэтому есть вероятность, что данный комплекс когда-нибудь окажется доследован. Задачу осложняет то, что нижние отложения перекрыты в этом месте мощной насыпью южной куртины Земляного города.

Помимо описанных предметов, в яме найдены черепки лепной керамики, по которым реконструирована археологически целая форма (рис. 4.18, 3). Это небольшой горшок диаметром ≈ 16 см по венчику и ≈ 10 см по дну. Реконструированная высота на 2–3 см меньше диаметра верха. Сосуд можно, с некоторыми оговорками, отнести к типу ФІА, по Т. Б. Сениченковой (см. наст изд., ч. III, ил. 49, 6; 54, 2; 116, 10). Горшки типа ФІА являются распространенной формой: они изготавливались в Ладогe на протяжении всего периода использования в быту лепной керамики. Тем не менее можно заметить, что сочетание в одном сосуде таких признаков, как сравнительно высокие плечики, низкая шейка и очень заметный S-видный отгиб венчика, встречается в Ладогe крайне редко. Возможно, в дальнейшем возникнут вопросы к точности реконструкции, приведенной в отчете. По рисунку видно, что верхняя часть горшка надежно не стыкуется с нижней, а диаметр венчика восстановлен по одному маленькому фрагменту.

Яма 2010-17

Яма 2010-17 расположена в непосредственной близости от ямы 2013-16, однако между ними прошла граница раскопов 4 и 5, что не позволило точно проследить соотношение между ними. Первоначальное впечатление о том, что обе они составляли единый комплекс, не подтверждается материалами разрезов. В отличие от ямы 2013-16, заполненной и частично перекрытой черным гумусом, идентичным почве 1, округлая яма 2010-17 была впущена в материк из горизонта бурого гумуса с навозом и щепой, с уровня на $\approx 0,30$ – $0,35$ м выше почвы 1. Это отчетливо видно на профиле южной стенки раскопа 4 по линии XX, где разрез ямы 2010-17 зафиксирован в юго-восточном углу раскопа (П–Н XX) (рис. 4.21).

В отчете яма описана так: «...предположительно овальная в плане, развернута в направлении З–В, занимает кв. О/XX, большей частью осталась за границами раскопа (рис. 34). Раскрытая площадь составляет $1,7 \times 0,55$ м, заглубление в материк $0,36$ – $0,43$ м. Имеет наклонные стенки и скругляющееся дно. Заполнена навозом и щепой...» (Кирпичников 2011А: 19). Сведений о находках нет. Вероятно, из верха заполнения ямы происходит придонная часть лепного сосуда № 116 полевой описи (нив. отм. -142).

Из профиля ямы 2010-17 на глубине -174 был взят образец, включавший в себя угли и семена конопли.

Ki-18581 (*семена конопли*) 1150 ± 50 . Заполнение ямы 2010-17, из южного профиля, нив. отм. -174. Кв. ОХХ. С вероятностью 94,6 %: 771–995 calAD (710(0,4 %)714; 1008(0,5%)1014) (таблица 4.1, № 1/20).

Ki-18582 (*уголь*) 1330 ± 40 . Заполнение ямы 2010-17, из южного профиля, нив. отм. -174. Кв. ОХХ. Выборка из образца конопли. С вероятностью 95,4 %: 664–775 calAD (таблица 4.1, № 1/35).

Как можно видеть, результат анализа содержит в себе противоречие. Семена конопли в данном случае дают широкую, но вполне правдоподобную дату. Начальный период накопления бурого гумуса со щепой и навозом, действительно, датируется в указанном интервале, однако никаких хронологических уточнений

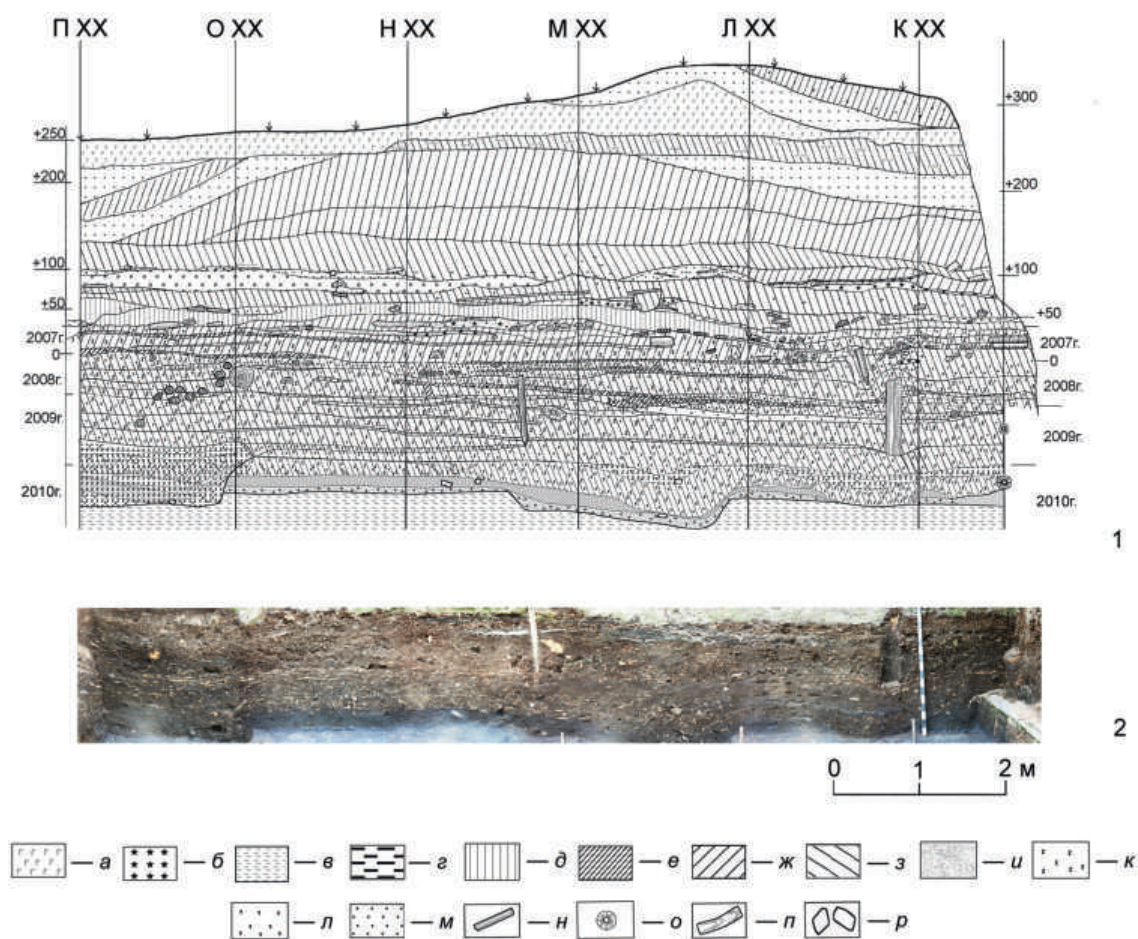

Рис. 4.21. Профиль южного борта раскопа 4. Кв. П XX – К XX. 1 — полный профиль (раскопки 2008–2010 гг.); 2 — фотография нижней части профиля (раскопки 2010 г.). Условные обозначения: *а* — дерн и верхний почвенный слой; *б* — зола; *в* — глина; *г* — древесный тлен; *д* — мешаный слой темно-серого цвета; *е* — черный гумус; *ж* — серый гумус; *з* — бурый гумус; *и* — песок; *к* — навоз; *л* — щепка; *м* — щебень; *н* — бревно; *о* — бревно в разрезе; *п* — доска; *р* — камни

на основании этой даты сделать нельзя. И наиболее раннюю, и самую позднюю части интервала, скорее всего, следует отбросить.

Древняя дата, полученная по углю, несомненно является сбоем, причины которого должны выясняться. Стратиграфически яма никак не может быть датирована ранее конца IX в. Но можно предположить, что в месте, где более поздние ямы прорезали тут и там более ранние, не исключено попадание в поздний комплекс древнего угля из какого-то случайного скопления.

Радиоуглеродное датирование органических образцов из раскопок памятников Староладожского комплекса

Радиоуглеродный анализ для определения хронологии памятников Староладожского археологического комплекса был выполнен радиометрическим

(сцинтилляционным) и УМС (ускорительной масс-спектрометрии) методами датирования органических остатков (угля, древесины, гуминовых вытяжек из почв, костных остатков из раскопок). Результаты анализов представлены в таблице 4.1.

Для радиометрического и УМС методов образцы предварительно проходили химическую пробоподготовку: обрабатывались 3 %-ным раствором соляной кислотой (HCl) для удаления древних карбонатных загрязнений, затем 1 %-ным раствором щелочи (NaOH) для удаления молодых гумусовых остатков, и после этого снова соляной кислотой (метод АВА — acid-base-acid protocol). После предварительной обработки для УМС из образцов выделяли CO₂. Образцы помещали в трубку из кварцевого стекла, длиной 350 мм и внешним диаметром 9 мм, содержащую 500 мг CuO. Затем из трубки откачивали воздух до образования вакуума и запаивали до длины трубки 300 мм. Трубка нагревалась до температуры 900 °С в течение двух часов, для того чтобы полностью перевести весь углерод в CO₂. Полученный CO₂ очищался криогенно в вакуумной линии и восстанавливался до графита на катализаторе из пудры чистого железа, около 2 мг, в присутствии водорода. После графитизации образцы измерялись с помощью техники УМС. Графитовые пробы помещались в алюминиевую мишень для УМС ¹⁴C датирования. Датирование большинства костных остатков из Успенского могильника и образцов угля, маленьких по весу, было проведено с помощью ускорительной масс-спектрометрии (УМС-датирование).

Датирование большей части образцов древесины, угля, костей и гумуса из почв было проведено радиометрическим способом (Кулькова 2011). Из костной ткани химическими методами выделялся коллаген, из образцов почв — гумусовые кислоты. В результате процесса карбидизации угля при температуре 750 °С происходит образование карбида лития. Бензол синтезируется при разложении карбида лития, образуя ацетилен, который затем полимеризуется с образованием бензола на ванадиевом катализаторе. Измерение активности радиоуглерода проводилось с использованием низкофонового сцинтилляционного счетчика Quantulus 1220.

Обработка результатов датирования, калибровка дат была проведена методом Байесовой статистики с использованием программы OxCal 4.4 (Bronk Ramsey 2017).

Далее было проведено обобщение материалов, включающее определение комбинированных дат для ряда объектов, их сравнение и анализ. Такому исследованию подверглись к настоящему времени материалы Земляного городища, для которого получено наибольшее количество дат, а также нескольких древнерусских памятников на территории Старой Ладogi. Древнерусское время является наименее изученным периодом для данного района, и вопрос датировки этих памятников, в том числе новых объектов, выявленных в ходе шурфовки 2021 г. (Успенский древнерусский могильник, посадская застройка в районе этого могильника и т. д.), стоит очень остро. Поэтому они попали в поле внимания исследователей в первую очередь, наряду с Земляным городищем.

Хронология структурных «ям» на площади раскопа Земляного городища Старой Ладogi

Образцы угля для радиоуглеродного датирования были отобраны из ям на площади раскопов 3–5 Земляного городища. Для установления хронологической последовательности комплексов в «ямах» были рассчитаны комбинированные калиброванные даты по каждой из «ям» (рис. 4.22).

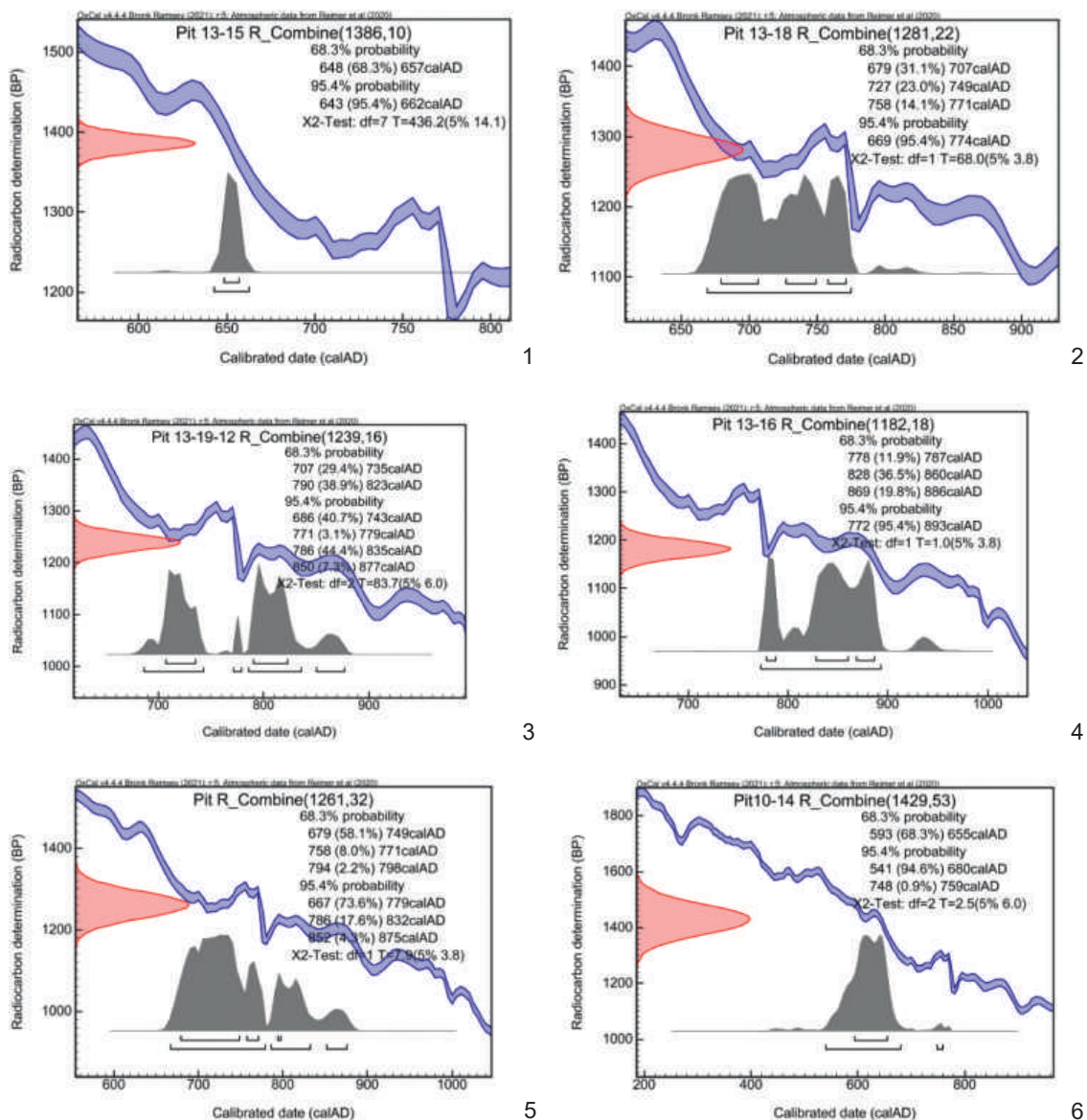

Рис. 4.22. Комбинированные даты углубленных в материк комплексов древнейшего горизонта Ж Земляного городища Старой Ладоги. 1 — яма 2013-15, нив. отм. -144, комбинированная дата (2σ) 643–662 calAD (VII в.); 2 — яма 2013-18, нив. отм. -120; комбинированная дата (2σ) 669–774 calAD (VII–VIII вв.); 3 — яма 2013-19, нив. отм. -115, комбинированная дата (2σ) 669–774 calAD (VII–VIII вв.); 4 — яма 2013-16, нив. отм. -153, комбинированная дата (2σ) 772–893 calAD (VIII–IX вв.); 5 — яма 2010-17, нив. отм. -141, комбинированная дата (2σ) 667–875 calAD (VII–IX вв.); 6 — яма 2010-14, нив. отм. -183, комбинированная дата (2σ) 541–759 calAD (VI–VIII вв.)

Методом Байесовой статистики была установлена хронологическая последовательность распределения структур на площади раскопов 3–5 (рис. 4.23). Период формирования основных структур на площади Земляного городища охватывает период от VI до IX вв.

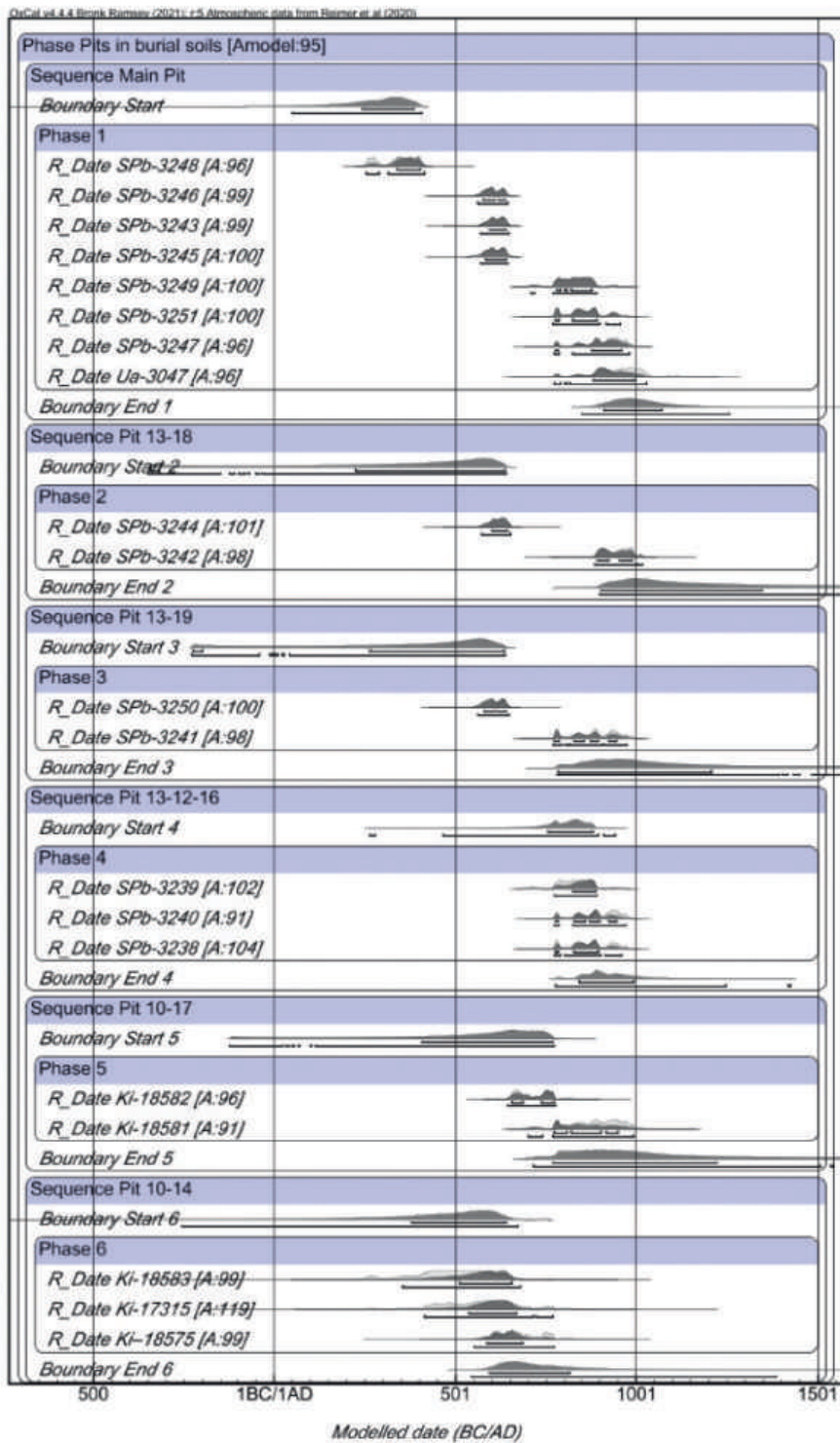

Рис. 4.23. Распределение радиоуглеродных дат, полученных по углю из древнейшего горизонта (почвы 1) в раскопах 3–5 Земляного городища

Радиоуглеродная хронология древнерусских памятников Староладожского комплекса: древнерусский могильник на Земляном городище; Успенский могильник; Посад (шурф 2021 г. с остатками постройки)

Для установления последовательности различных объектов, относящихся к древнерусскому времени, было проведено сравнение радиоуглеродных комбинированных дат, полученных: а) по костным остаткам и углю для погребений из раскопок Успенского древнерусского могильника; б) по костным остаткам из могильника на Земляном городище; в) по древесине из постройки на Посаде (рис. 4.24; 4.25).

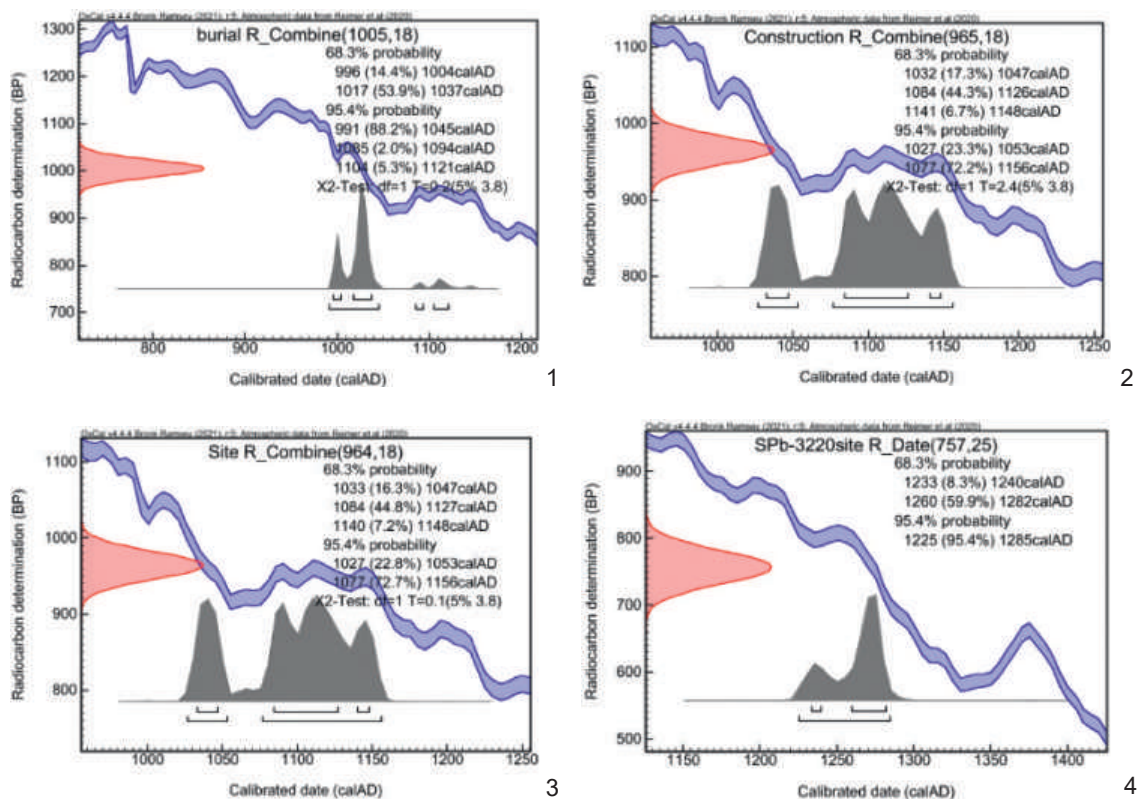

Рис. 4.24. Комбинированные даты древнерусских памятников Староладожского комплекса: 1 — по погребениям Успенского могильника (2σ) 88,2 % 991–1094 гг. calAD (X–XI вв.); 2 — по постройке на Посаде (шурф 2021 г.) (2σ) 95,4 % 1027–1156 гг. calAD (XI–XII вв.); 3 — по древнерусскому могильнику на Земляном городище, фаза 1 (2σ) 95,4 % 1027–1156 гг. calAD (XI–XII вв.); 4 — по древнерусскому могильнику на Земляном городище, фаза 2 (2σ) 95,4 % 1225–1285 гг. calAD (XIII в.)

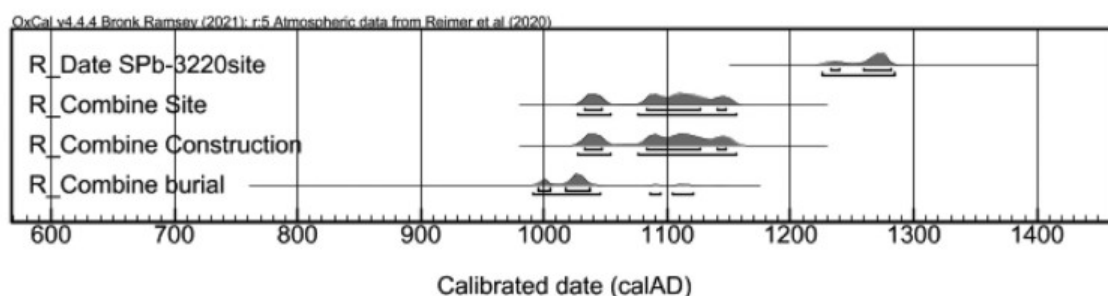

Рис. 4.25. Хронология по датам, полученным для древнерусского культурного слоя на городище, Успенского могильника и постройки на Посаде

Наиболее ранние фазы формирования отмечены для Успенского могильника, захоронения которого относятся к периоду X–XI вв. Постройка на Посаде появилась в XI–XII вв. Одновременно с этим формируется культурный слой на городище в XI–XII вв., вторая фаза формирования относится к XIII в.

Хронология культурного слоя Земляного городища (по борту от нижнего горизонта до верхнего органического горизонта)

Хронологически радиоуглеродные даты, полученные по разным органическим материалам для разных слоев культурного горизонта из разреза Земляного городища, были распределены на основании обработки групп дат, полученных для каждого из стратиграфических подразделений (рис. 4.26).

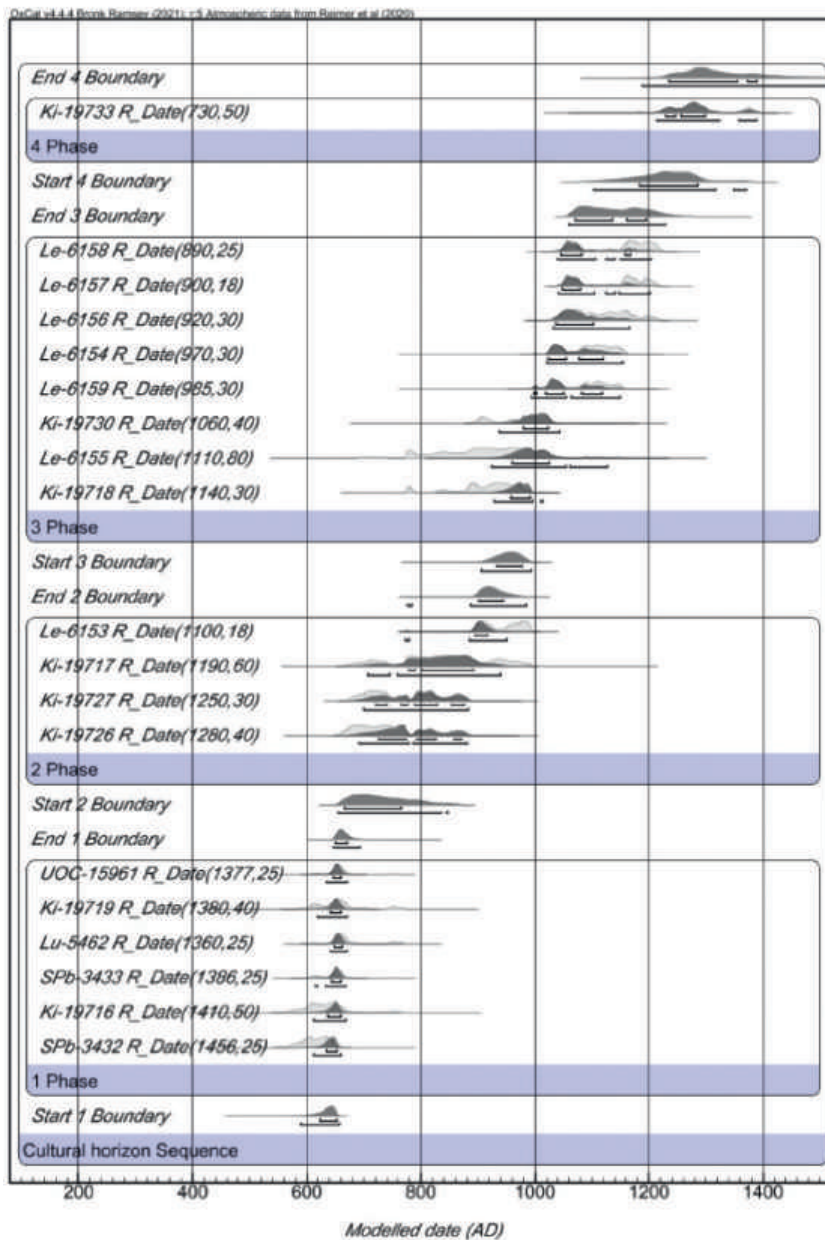

Рис. 4.26. Распределение радиоуглеродных дат по разрезу культурного слоя

Из их анализа можно сделать следующие выводы:

- нижняя часть культурного горизонта Земляного городища сформировалась в период около 623–670 гг. (середина VII в.);
- средняя часть культурного слоя относится к периоду около 746–936 гг. (VIII–X вв.);
- верхняя часть культурного слоя датируется около 950–1145 гг. (X–XII вв.), органическая часть верхнего культурного слоя — 1200–1360 гг. (XII–XIV вв.).

Заключение

В настоящий момент археолого-стратиграфическое исследование контекстов радиоуглеродных дат Земляного городища в комплексе с естественнонаучным анализом этих дат произведено только для горизонта Ж (погребенной почвы 1) в раскопах в южной части площадки. Полученные результаты можно считать обнадеживающими, так как выводы, полученные с использованием традиционных археологических и естественнонаучных методов, в основных пунктах совпадают.

Массив культурного слоя Земляного городища, перекрывающий горизонт Ж, пока ждет своего комплексного анализа, с опорой на имеющиеся радиоуглеродные даты, систематизированные и представленные в таблице 4.1. То же следует сказать о других памятниках Староладожского археологического комплекса.

Представленный в последнем разделе главы вариант радиоуглеродной хронологии, выстроенной естественнонаучными методами для более поздних древнерусских отложений Земляного городища и древнерусских могильников Старой Ладogi, в дальнейшем требуется сопроводить детальной разработкой вещевого материала и стратиграфии на основе полевой документации. В настоящее время произведенные нами сбор и систематизация материалов по радиометрическому датированию памятников Староладожского археологического комплекса открывают широкие возможности для дальнейших углубленных исследований их хронологии и хроностратиграфии.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Радиометрические даты Староладожского комплекса

Таблица 4.1.

I №	II Слой, контекст (СК); материал (М.); индекс (И.), дата (лет назад, ВР) (Д.)	III График	IV Калиброванное значение (calBC; calAD) 1σ: 68,2% probability 2σ: 95,4% probability	V Ис- точ- ник
1. Земляное городище. Южная часть площадки. Раскопы А. Н. Кирпичникова (1999–2013 гг.), Н. В. Григорьевой (2016–2019 гг.)				
1/1	СК: Раскоп 3. 2000 г. Кв. 3 XIX. Постройка 1. М.: Древесный уголь. И.: Le-6161. Д.: 300±18		2σ (95,4%) calAD 1515 (71,6%) 1591 1620 (23,8%) 1649	Не публ.
1/2	СК: Раскоп 3. 2000 г. Кв. Г XVII. Постройка 2. Бревно у основания печи. М.: Древесный уголь. И.: Le-6160. Д.: 305±16		2σ (95,4%) calAD 1515 (74,5%) 1591 1620 (21,0%) 1645	Не публ.
1/3	СК: Раскоп 3. 2005 г. 170–175 см выше уровня погребенной почвы. МС¹. М.: Общая масса (уголь и горелая кора). И.: Ki-19733. Д.: 730±50		2σ (95,4%) calAD 1217 (81,8%) 1321 1358 (13,6%) 1390	Не публ.
1/4	СК: Раскоп 4. 2007 г. Постройка 3. Бревно сруба на границе кв. К XVII–XVIII. +27. Образец 16. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3220. Д.: 757±25		1σ (68,2%) calAD 1250 (68,2%) 1280 2σ (95,4%) calAD 1224 (95,4%) 1283	Не публ.
1/5	СК: Раскоп 3. 2001 г. Второй горелый горизонт. Венец постройки в кв. Г XVI. Образец 6. М.: Дерево. И.: Le-6158. Д.: 890±25		2σ (95,4%) calAD 1046 (21,6%) 1085 1095 (1,1%) 1103 1124 (72,7%) 1222	Не публ.

Таблица 4.1, продолжение

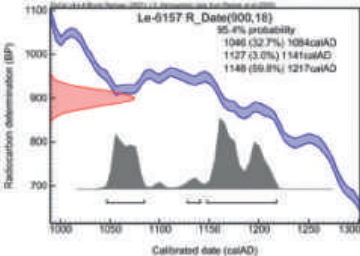
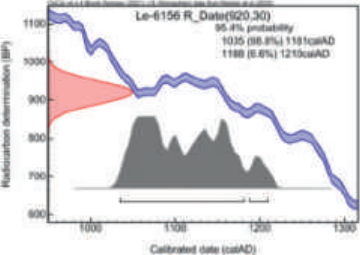
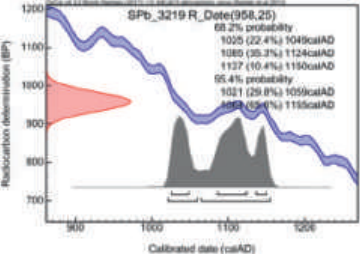
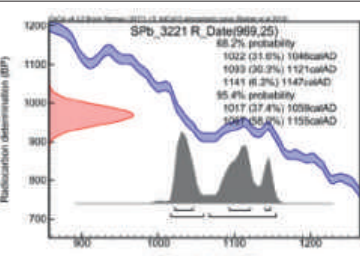
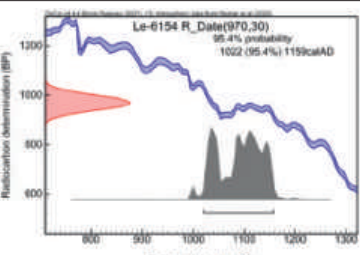
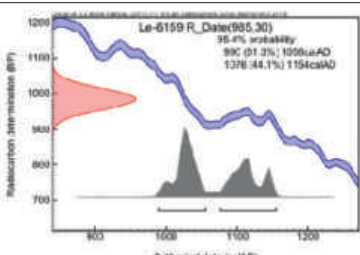
I	II	III	IV	V
1/6	СК: Раскоп 3. 2001 г. Второй горелый горизонт. Настил внутри постройки в кв. Г XVI. Образец 5. М.: Дерево. И.: Le-6157. Д.: 900±18	Le-6157 R_Date(900,18) 35.4% probability 1046 (32.7%) 1084 1127 (3.0%) 1141 1148 (59.8%) 1217	2σ (95,4%) calAD 1046 (32,7%) 1084 1127 (3,0%) 1141 1148 (59,8%) 1217	Не публ.
1/7	СК: Раскоп 3. 2001 г. Бревно сруба. Горелый слой. Линия кв. XVI. Образец 3. М.: Дерево. И.: Le-6156. Д.: 920±30	Le-6156 R_Date(920,30) 35.4% probability 1035 (88.8%) 1181 1188 (6.6%) 1210	2σ (95,4%) calAD 1035 (88,8%) 1181 1188 (6,6%) 1210	Не публ.
1/8	СК: Раскоп 4. 2007 г. Сгоревшая доска настила в постройке 1 (с остатками печи). Нив. отм. +5, кв. И XV. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3219. Д.: 958±25	SPb_3219 R_Date(958,25) 68.2% probability 1025 (22.4%) 1049 1085 (35.3%) 1124 1137 (10.4%) 1150 1021 (29.8%) 1059 1064 (65.6%) 1155	1σ (68,2%) calAD 1025 (22,4%) 1049 1085 (35,3%) 1124 1137 (10,4%) 1150 2σ (95,4%) calAD 1021 (29,8%) 1059 1064 (65,6%) 1155	Не публ.
1/9	СК: Раскоп 4. 2007 г. Кв. Л XVI. Нив. отм. +34. Образец 17, взят из ост. печи от застройки предшествующего периода, по сравн. с обр. 16 (см. № 1/4). М.: Древесный уголь. И.: SPb_3221. Д.: 969±25	SPb_3221 R_Date(969,25) 68.2% probability 1022 (31.6%) 1046 1093 (30.3%) 1121 1141 (6.2%) 1147 1017 (37.4%) 1059 1067 (58.0%) 1155	1σ (68,2%) calAD 1022 (31,6%) 1046 1093 (30,3%) 1121 1141 (6,2%) 1147 2σ (95,4%) calAD 1017 (37,4%) 1059 1067 (58,0%) 1155	Не публ.
1/10	СК: Раскоп 3. 2000 г. Кв. И XVIII. Лага настила. Образец 2. М.: Дерево. И.: Le-6154. Д.: 970±30	Le-6154 R_Date(970,30) 95.4% probability 1022 (95.4%) 1159	2σ (95,4%) calAD 1022 (95,4%) 1159	Не публ.
1/11	СК: Раскоп 3. 2001 г. Кв. 3 XVI. Лага настила. М.: Дерево. И.: Le-6159. Д.: 985±30	Le-6159 R_Date(985,30) 35.4% probability 990 (51.3%) 1056 1076 (44.1%) 1054	2σ (95,4%) calAD 990 (51,3%) 1056 1076 (44,1%) 1054	Не публ.

Таблица 4.1, продолжение

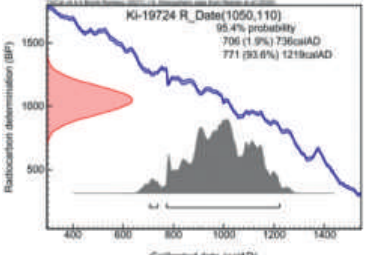
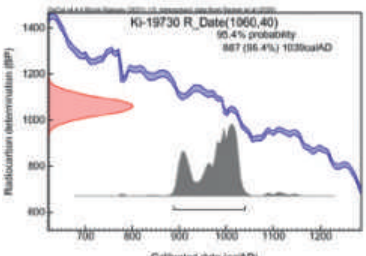
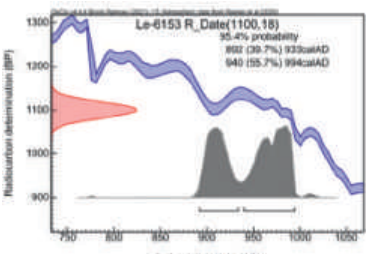
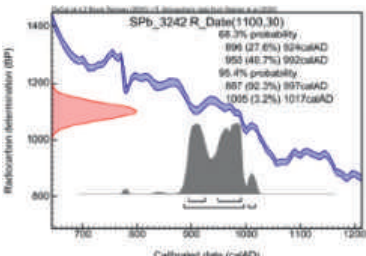
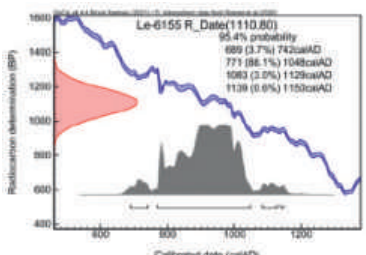
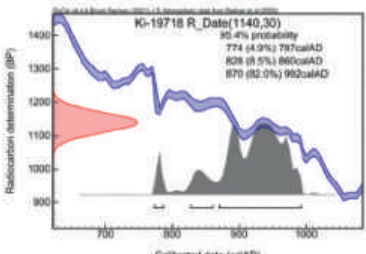
I	II	III	IV	V
1/12	СК: Раскоп 6. 2019 г. ОС ¹ . Щепа. М.: Дерево. И.: Ki-19724 микро. Д.: 1050±110		2σ (95,4%) calAD 706 (1,9%) 736 771 (93,6%) 1219	Не публ. ²
1/13	СК: Раскоп 3. 2005 г. 140 см выше уровня погребенной почвы. ОМС ¹ . М.: Общая масса (уголь и горелая кора). И.: Ki-19730. Д.: 1060±40		2σ (95,4%) calAD 887 (95,4%) 1039	Не публ.
1/14	СК: Раскоп 3. 2000 г. Кв. И XIX, столб частокола. Образец 1. М.: Древесный уголь. И.: Le-6153. Д.: 1100±18		2σ (95,4%) calAD 892 (39,7%) 933 940 (55,7%) 994	Не публ.
1/15	СК: Раскоп 5. 2013 г. Уголь из погребенной почвы, выше ямы 2013-18 в кв. П-Р XVI. Образец 5. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3242. Д.: 1100±30		1σ (68,3%) calAD 896 (27,6%) 924 950 (40,7%) 992 2σ (95,4%) calAD 887 (92,3%) 997 1005 (3,2%) 1017	Не публ.
1/16	СК: Раскоп 3. 2000 г. Кв. В XVII. Обкладка венца сруба. Образец 4. М.: Дерево. И.: Le-6155. Д.: 1110±80		2σ (95,4%) calAD 689 (3,7%) 742 771 (88,1%) 1048 1139 (0,6%) 1150	Не публ.
1/17	СК: Раскоп 3. 2005 г. ОС ¹ . 110 см выше уровня погребенной почвы. Щепа? М.: Дерево. И.: Ki-19718. Д.: 1140±30		2σ calAD (95,4%) 774 (4,9%) 787 828 (8,5%) 860 870 (82,0%) 992	Не публ.

Таблица 4.1, продолжение

I	II	III	IV	V
1/18	СК: Раскоп 5. 2013 г. Древесина на краю ямы 2013-15, в заполнении черного гумуса, кв. Р XV. Нив. отг. -120/-122. Образец 10. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3247. Д.: 1147±30		1σ (68,3 %) calAD 777 (4,1 %) 784 878 (18,3 %) 903 914 (45,9 %) 976 2σ (95,4 %) calAD 774 (6,5 %) 788 826 (88,9 %) 989	Не публ.
1/19	СК: Раскоп 5. 2013 г. Заполнение столбовой ямы 2013-12, врезанной в яму 2013-16 (с гребнем). Кв. Р XIX, уголь. Образец 3. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3240. Д.: 1150±25		1σ (68,3 %) calAD 777 (4,9 %) 784 838 (1,8 %) 842 878 (18,7 %) 900 917 (42,9 %) 973 2σ (95,4 %) calAD 773 (7,4 %) 788 826 (88,0 %) 979	Не публ.
1/20	СК: Раскоп 4. 2010 г. Кв. О XX, яма 10–17, из профиля. Нив. отг. -174. М.: Семена конопли (cannabis). И.: Ki-18581. Д.: 1150±50		2σ (95,4 %) calAD 710 (0,4 %) 714 771 (94,6 %) 995 1008 (0,5 %) 1014	Не публ.
1/21	СК: Раскоп 5. 2013 г. Черный гумус со щепой. Кв. П-Р XVI, уголь и щеп. Образец 4. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3241. Д.: 1159±25		1σ (68,3 %) calAD 776 (8,4 %) 786 830 (15,1 %) 854 873 (20,7 %) 897 922 (24,1 %) 953 2σ calAD (95,4 %) 772 (10,8 %) 790 821 (84,6 %) 978	Не публ.
1/22	СК: Раскоп 5. 2013 г. Заполнение ямы 2013-16, верх. Кв. П-Р XIX-XX, уголь и щеп. Образец 1. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3238. Д.: 1164±25		1σ (68,3 %) calAD 776 (9,6 %) 787 828 (21,2 %) 860 876 (21,1 %) 895 925 (16,4 %) 949 2σ (95,4 %) calAD 772 (12,5 %) 792 803 (1,6 %) 812 819 (54,1 %) 903 915 (27,3 %) 975	Не публ.
1/23	СК: Раскоп 5. 2013 г. Кв. С XV. Образец 14. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3251. Д.: 1170±25		1σ (68,3 %) calAD 776 (10,9 %) 788 827 (52,3 %) 893 932 (5,1 %) 941 2σ (95,4 %) calAD 772 (77,4 %) 900 918 (17,1 %) 960 967 (0,9 %) 972	Не публ.

Таблица 4.1, продолжение

I	II	III	IV	V
1/24	СК: Раскоп 6. 2019 г. Стенка раскопа в кв. У XVII. Над верхней зольной прослойкой. М.: Древесный уголь. И.: Ki-19717. Д.: 1190±60		2σ (95,4%) calAD 681 (14,0%) 745 760 (95,4%) 990	Не публ.
1/25	СК: Раскоп 5. 2013 г. Заполнение ямы 2013-16, нижняя часть. Кв. П-Р XIX-XX, черный гумус. Образец 2. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3239. Д.: 1200±25		1σ (68,3%) calAD 783 (8,0%) 792 803 (4,8%) 809 820 (55,5%) 880 2σ (95,4%) calAD 709 (1,4%) 719 771 (94,0%) 891	Не публ.
1/26	СК: Раскоп 5. 2013 г. Дерево в заполнении ямы 2013-15, черный гумус. Кв. С XV. Нив. отм. -132. Образец 12. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3249. Д.: 1200±25		1σ (68,3%) calAD 783 (8,0%) 792 803 (4,8%) 809 820 (55,5%) 880 2σ (95,4%) calAD 709 (1,4%) 719 771 (94,0%) 891	Не публ.
1/27	СК: Раскоп 4. 2010 г. 110 см над почвой 1 (слой пожара). М.: Кора (Bark). И.: UOC-13937 (AMS). Д.: 1201±27		1σ (68,2%) calAD 783 (68,3%) 880 2σ (95,4%) calAD 707 (3,2%) 727 771 (91,9%) 893 934 (0,4%) 938	Не публ.
1/28	СК: Раскоп 4. 2010 г. SL-85-100. М.: Кора (Bark). И.: UOC-13939 (AMS). Д.: 1237±26		1σ (68,2%) calAD 704 (68,3%) 869 2σ (95,4%) calAD 682 (36,0%) 745 761 (59,5%) 881	Не публ.
1/29	СК: Раскоп 3. 2005 г. Профиль по линии Г-Д 15. 80 см выше уровня погребенной почвы. Щепа? М.: Дерево. И.: Ki-19727. Д.: 1250±30		2σ (95,4%) calAD 674 (61,3%) 779 785 (26,0%) 837 846 (8,1%) 877	Не публ.

Таблица 4.1, продолжение

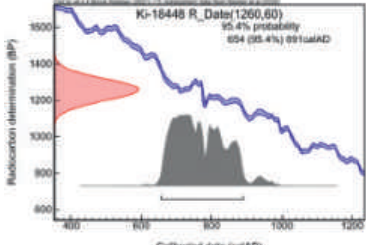
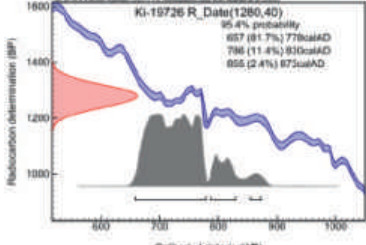
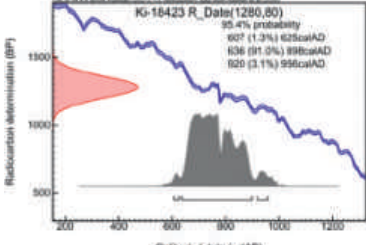
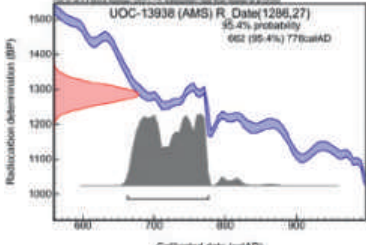
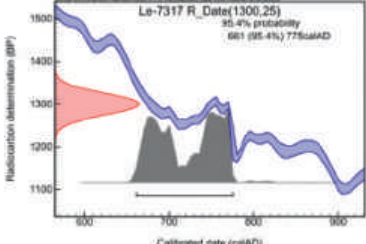
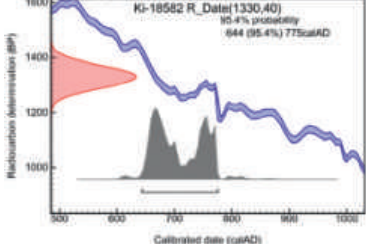
I	II	III	IV	V
1/30	СК: Раскоп 5. 2013 г. Кв. Т XVI, профиль по линии У 16–17. Погребенная почва 1 под культурным слоем, пахотный горизонт. М.: Древесный уголь. И.: Ki-18448. Д.: 1260±60	Ki-18448 R_Date(1260,60) 95.4% probability 894 (95.4%) 891calAD	2σ (95,4%) calAD 654 (95,4%) 891	Не публ.
1/31	СК: Раскоп 3. 2005 г. 40 см выше уровня погребенной почвы. Щепка? М.: Дерево. И.: Ki-19726. Д.: 1280±40	Ki-19726 R_Date(1280,40) 95.4% probability 857 (81.7%) 778calAD 786 (11.4%) 830calAD 855 (2.4%) 873calAD	2σ (95,4%) calAD 657 (81,7%) 778 786 (11,4%) 830 855 (2,4%) 873	Не публ.
1/32	СК: Раскоп 5. 2013 г. Кв. Т XVI, профиль по линии У 16–17. Погребенная почва 1 под культурным слоем, пахотный горизонт. М.: Древесный уголь. И.: Ki-18423. Д.: 1280±80	Ki-18423 R_Date(1280,80) 95.4% probability 607 (1.3%) 625calAD 636 (91.0%) 898calAD 920 (3.1%) 956calAD	2σ calAD (95,4%) 607 (1,3%) 625 636 (91,0%) 898 920 (3,1%) 956	Не публ.
1/33	СК: Раскоп 4. 2010 г. SL-85-Lar, нижняя часть культурного слоя, в 10–15 см над почвой 1. М.: Лиственница (Larix). И.: UOC-13938 (AMS). Д.: 1286±27	UOC-13938 (AMS) R_Date(1286,27) 95.4% probability 662 (95.4%) 776calAD	1σ (68,2%) calAD 675 (68,3%) 771 2σ (95,4%) calAD 662 (95,4%) 776	Не публ.
1/34	СК: Раскоп 3. 2005 г. Основание культурного слоя. М.: Древесина. И.: Le-7317. Д.: 1300±25	Le-7317 R_Date(1300,25) 95.4% probability 661 (95.4%) 775calAD	2σ (95,4%) calAD 661 (95,4%) 775	1: 685
1/35	СК: Раскоп 4. 2010 г. Кв. О XX, яма 2010-17, из профиля. Нив. отм. -174. М.: Древесный уголь (из образца семян cannabis № 2). И.: Ki-18582. Д.: 1330±40	Ki-18582 R_Date(1330,40) 95.4% probability 644 (95.4%) 775calAD	2σ (95,4%) calAD 664 (95,4%) 775	Не публ.

Таблица 4.1, продолжение

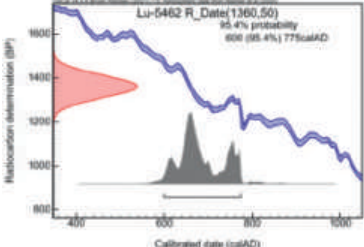
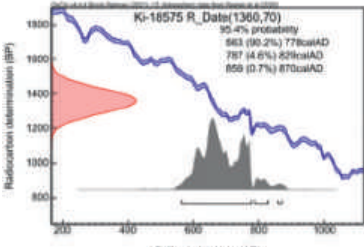
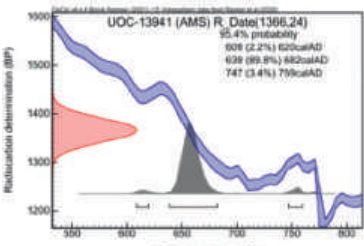
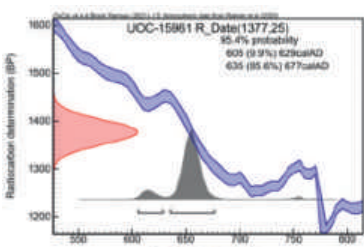
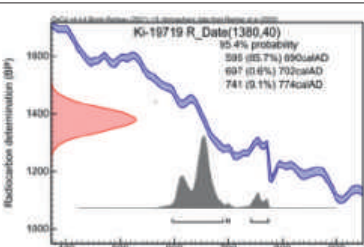
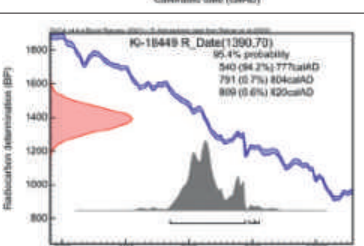
I	II	III	IV	V
1/36	СК: Раскоп 3. 2005 г. Основание культурного слоя. М.: Древесина. И.: ЛУ-5462. Д.: 1360±50		2σ (95,4%) calAD 600 (95,4%) 775	1: 685
1/37	СК: Раскоп 4. 2010 г. Кв. 3 XIII, в заполнении ямы 2010-14, на 30 см выше дна ямы. Нив. отм. -153. М.: Древесный уголь (из образца семян <i>sannabis</i>). И.: Ки-18575. Д.: 1360±70		2σ (95,4%) calAD 563 (90,2%) 778 787 (4,6%) 829 859 (0,7%) 870	Не публ.
1/38	СК: Раскоп 4. 2010 г. SL-60-80, нижняя часть культурного слоя, в 30 см над почвой 1. М.: Хвойные (<i>Coniferous</i>). И.: UOC-13941 (AMS). Д.: 1366±24		1σ (68,2%) calAD 609 (68,3%) 759 2σ (95,4%) calAD 609 (2,2%) 620 639 (89,8%) 682 747 (3,4%) 759	Не публ.
1/39	СК: Раскоп 6. 2019 г. Низ культурного слоя. 10 см выше уровня погребенной почвы. М.: Древесный уголь. И.: UOC-15961. Д.: 1377±25		2σ (95,4%) calAD 605 (9,9%) 629 635 (85,6%) 677	Не публ.
1/40	СК: Раскоп 6. 2019 г. Профиль по линии У-Ф 16. 50 см выше уровня погребенной почвы. М.: Углистая масса. И.: Ки-19719. Д.: 1380±40		2σ (95,4%) calAD 595 (85,7%) 690 697 (0,6%) 702 741 (9,1%) 774	Не публ.
1/41	СК: Раскоп 5. 2013 г. Кв. Т XVI, профиль по линии У-Ф 16. Погребенная почва 1 под культурным слоем, выше пахотного горизонта Ар. М.: Древесина. И.: Ки-18449. Д.: 1390±70		2σ (95,4%) calAD 540 (94,2%) 777 791 (0,7%) 804 809 (0,6%) 820	Не публ.

Таблица 4.1, продолжение

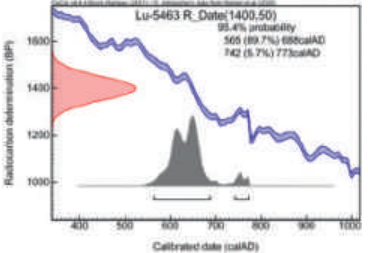
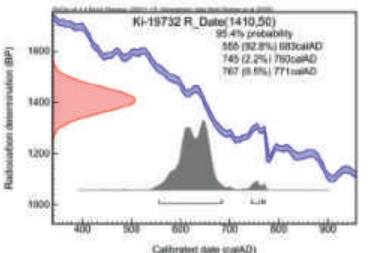
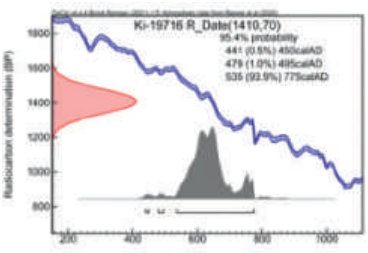
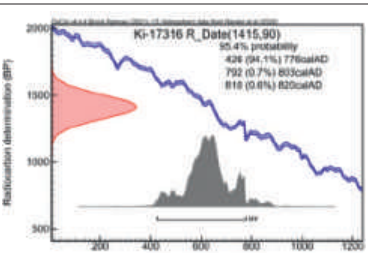
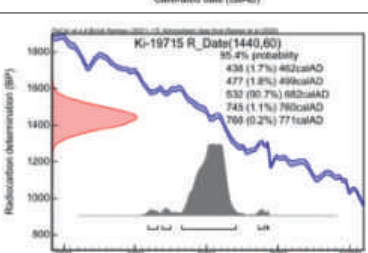
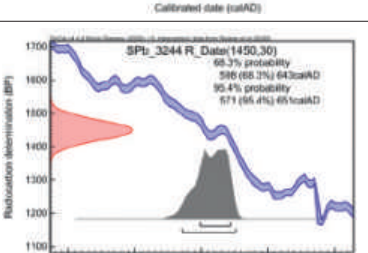
I	II	III	IV	V
1/42	СК: Раскоп 3. Погребенная почва 1 под культурным слоем, пахотный горизонт. М.: Древесный уголь. И.: Lu-5463. Д.: 1400±50	Lu-5463 R_Date(1400,50) 95.4% probability 565 (89.7%) 688calAD 742 (5.7%) 773calAD	2σ (95,4%) calAD 565 (89,7%) 688 742 (5,7%) 773	1: 685
1/43	СК: Раскоп 3. 2005 г. Профиль по линии Г–Д 15. 10 см выше уровня погребенной почвы. Щепка. М.: Дерево. И.: Ki-19732. Д.: 1410±50	Ki-19732 R_Date(1410,50) 95.4% probability 555 (82.8%) 683calAD 745 (2.2%) 760calAD 767 (8.5%) 771calAD	2σ (95,4%) calAD 555 (92,8%) 683 745 (2,2%) 760 767 (0,5%) 771	Не публ.
1/44	СК: Раскоп 6. 2019 г. Профиль по линии У–Ф 16. Между золой 1 и 2. М.: Древесный уголь. И.: Ki-19716. Д.: 1410±70	Ki-19716 R_Date(1410,70) 95.4% probability 441 (0.5%) 450calAD 479 (1.0%) 495calAD 535 (93.9%) 775calAD	2σ (95,4%) calAD 441 (0,5%) 450 479 (1,0%) 495 535 (93,9%) 775	Не публ. ³
1/45	СК: Раскоп 4. 2010 г. Кв. К XX. Погребенная почва 1, верх пахотного горизонта (профиль 1). М.: Древесный уголь. И.: Ki-17316. Д.: 1415±90	Ki-17316 R_Date(1415,90) 95.4% probability 426 (94.1%) 776calAD 792 (0.7%) 803calAD 810 (0.6%) 820calAD	2σ (95,4%) calAD 426 (94,1%) 776 792 (0,7%) 803 810 (0,6%) 820	3: 60
1/46	СК: Раскоп 6. 2019 г. Профиль по линии У–Ф 16. -50 над почвой 1. М.: Древесный уголь. И.: Ki-19715. Д.: 1440±60	Ki-19715 R_Date(1440,60) 95.4% probability 438 (1.7%) 462calAD 477 (1.8%) 499calAD 532 (90.7%) 682calAD 745 (1.1%) 760calAD 768 (0.2%) 771calAD	2σ (95,4%) calAD 438 (1,7%) 462 477 (1,8%) 499 532 (90,7%) 682 745 (1,1%) 760 768 (0,2%) 771	Не публ. ³
1/47	СК: Раскоп 5. 2013 г. Пятно черного гумуса, восточная часть. Кв. Р XVI. -120. Образец 7: уголь и щепка. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3244. Д.: 1450±30	SPb_3244 R_Date(1450,30) 68.3% probability 598 (68.3%) 643calAD 95.4% probability 571 (65.4%) 651calAD	1σ (68,3%) calAD 598 (68,3%) 643 2σ (95,4%) calAD 571 (95,4%) 651	Не публ.

Таблица 4.1, продолжение

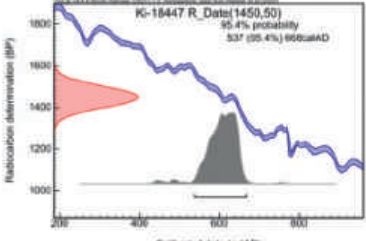
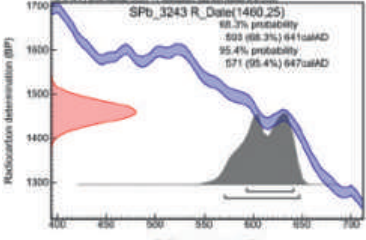
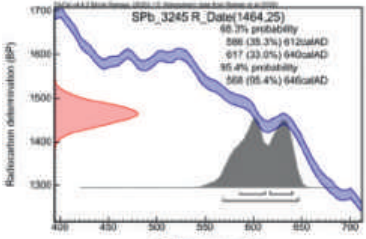
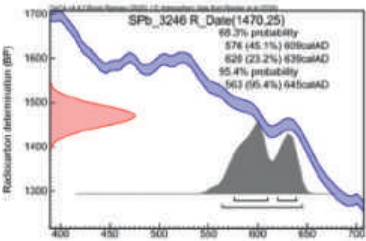
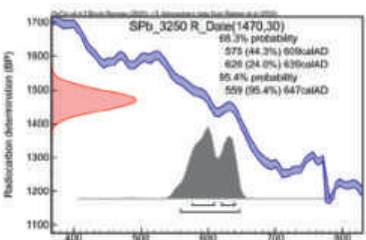
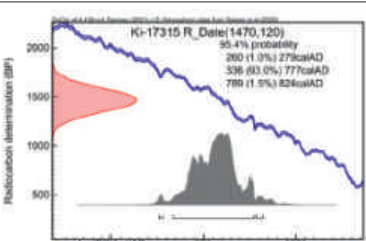
I	II	III	IV	V
1/48	СК: Раскоп 5. 2013 г. Погребенная почва 1 под культурным слоем, пахотный горизонт Ap (низ). Кв. Т XV. М.: Древесный уголь. И.: Ki-18447. Д.: 1450±50		2σ (95,4%) calAD 537 (95,4%) 668	Не публ.
1/49	СК: Раскоп 5. 2013 г. Пятно черного гумуса со щепой и углем. Кв. Р-С XIV-XV. Нив. отм. -111/-122. Образец 6. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3243. Д.: 1460±25		1σ (68,3%) calAD 593 (68,3%) 641 2σ (95,4%) calAD 571 (95,4%) 647	Не публ.
1/50	СК: Раскоп 5. 2013 г. Северная часть заполнения ямы 2013-15. Образец 8. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3245. Д.: 1464±25		1σ (68,3%) calAD 586 (35,3%) 612 617 (33,0%) 640 2σ (95,4%) calAD 568 (95,4%) 646	Не публ.
1/51	СК: Раскоп 5. 2013 г. Восточная часть пятна черного гумуса со щепой и углем. Кв. Р XV. Образец 9. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3246. Д.: 1470±25		1σ (68,3%) calAD 576 (45,1%) 609 620 (23,2%) 639 2σ (95,4%) calAD 563 (95,4%) 645	Не публ.
1/52	СК: Раскоп 5. 2013 г. Пятно черного гумуса со щепой и углем (возможно, очаг), кв. П XV. Нив. отм. -120. Образец 13. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3250. Д.: 1470±30		1σ (68,3%) calAD 575 (44,3%) 609 620 (24,0%) 639 2σ (95,4%) calAD 559 (95,4%) 647	Не публ.
1/53	СК: Раскоп 4. 2010 г. Погребенная почва 1, низ пахотного горизонта (профиль 3). Кв. Ж XV. М.: Древесный уголь. И.: Ki-17315. Д.: 1470±120		2σ (95,4%) calAD 260 (1,0%) 279 336 (93,0%) 777 789 (1,5%) 824	3: 60

Таблица 4.1, продолжение

I	II	III	IV	V
1/54	СК: Раскоп 5. 2013 г. Яма в погребенной почве 2013-15. Кв. С XIV. М.: Древесный уголь. И.: Ki-18445. Д.: 1480±40		2σ (95,4%) calAD 482 (1,0%) 492 536 (94,5%) 654	Не публ.
1/55	СК: Раскоп 5. 2013 г. Яма в погребенной почве 2013-15. Кв. С XIV. М.: Древесный уголь. И.: Ki-17317. Д.: 1490±140		2σ (95,4%) calAD 260 (1,0%) 279 336 (93,0%) 777 789 (1,5%) 824	3: 60
1/56	СК: Раскоп 5. 2019 г. Кв. О-С 6-12. Щепа. Образец 7. М.: Древесный уголь. И.: Ki-19725. Д.: 1540±90		2σ (95,4%) calAD 264 (0,8%) 274 348 (94,7%) 658	Не публ.
1/57	СК: Раскоп 4. 2010 г. Кв. 3 XIII. В заполнении ямы 2010-14, на 30 см выше дна ямы. Нив. отм. -153. М.: Семена конопли (cannabis). И.: Ki-18583. Д.: 1560±110		2σ (95,4%) calAD 250 (4,6%) 295 310 (90,8%) 661	Не публ.
1/58	СК: Раскоп 4. 2010 г. Погребенная почва 1. Кв. 3 XII, профиль. Пахотный слой. М.: Гумус. И.: Ki-16931. Д.: 1600±80		2σ (95,4%) calAD 255 (4,6%) 286 325 (90,8%) 608 624 (90,8%) 637	3: 60
1/59	СК: Раскоп 4. 2010 г. SL-Ар, нижняя часть па- хотного горизонта почвы 1 (105-115 см). М.: сосна (Pinus). И.: UOC-13943 (AMS). Д.: 1685±27		1σ (68,2%) calAD 267 (68,3%) 414 2σ (95,4%) calAD 258 (13,6%) 280 332 (81,8%) 421	Не публ.

Таблица 4.1, продолжение

I	II	III	IV	V
1/60	СК: Раскоп 5. 2013 г. Древесина на краю ямы, в заполнении из черного гумуса. Кв. С XV, нив. отм. -124. Образец 11. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3248. Д.: 1724±25		1σ (68,3%) calAD 257 (22,3%) 282 329 (46,0%) 380 2σ (95,4%) calAD 250 (29,5%) 295 311 (65,9%) 409	Не публ.
1/61	СК: Раскоп 3. Погребенная почва 1 под культурным слоем, верхняя часть подпахотного горизонта. М.: Древесный уголь. И.: Lu-5464. Д.: 1800±60		2σ (95,4%) calAD 121 (95,4%) 405	1: 685
1/62	СК: Раскоп 3. 2005 г. Погребенная почва 1 под культурным слоем, верхняя часть подпахотного горизонта. М.: Горячие гумыны. И.: Le-7315в. Д.: 1880±50		2σ (95,4%) calAD 23 (94,0%) 250 295 (1,4%) 310	1: 685
1/62a	СК: Раскоп 3. 2005 г. Погребенная почва 1 под культурным слоем, верхняя часть подпахотного горизонта. М.: Тот же образец. Холодные гумыны. И.: Le-7315с. Д.: 2510±170		2σ (95,4%) calBC 1045 (0,3%) 1031 1019 (95,3%) 197	1: 685
1/63	СК: Раскоп 3. 2005 г. Погребенная почва 1, нижняя часть профиля. Гор. Авг (сапропель). Начальный этап накопления гумусированных озерных глин (?). М.: Гумус. И.: Ki-13033. Д.: 2650±60		2σ (95,4%) calBC 976 (1,2%) 952 935 (89,8%) 750 685 (2,8%) 588 636 (2,8%) 588 579 (0,3%) 571	1: 685; 2: 47
1/64	СК: Раскоп 5. 2013 г. Погребенная почва 2. М.: Гумус. И.: Ki-18450. Д.: 3400±80		2σ (95,4%) calBC 1893 (95,4%) 1506	Не публ.

Таблица 4.1, продолжение

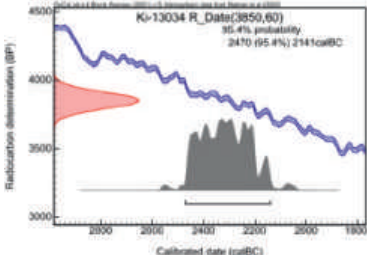
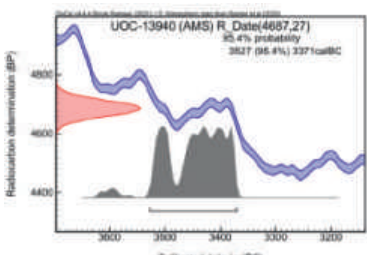
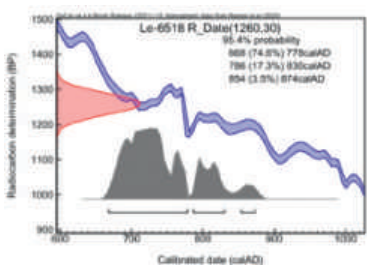
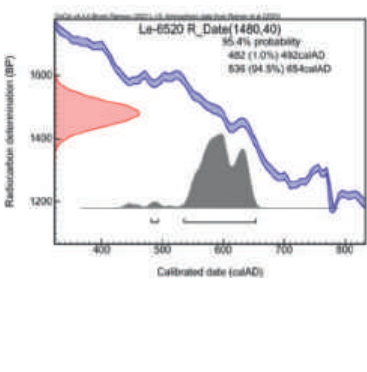
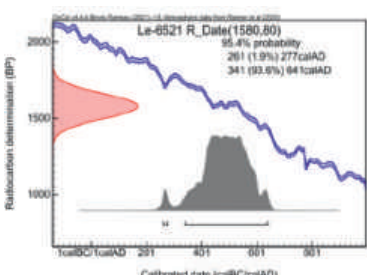
I	II	III	IV	V
1/65	СК: Раскоп 3. 2005 г. Погребенная почва 2, верхний горизонт (под сапропелем). М.: Гумус. И.: Ki-13034. Д.: 3850±60		2σ (95,4%) calBC 2470 (95,4%) 2141	1: 685; 2: 47
1/66	СК: Раскоп 4. 2010 г. М.: Ясень (Fraxinus), уголь. И.: UOC-13940 (AMS). Д.: 4687±27		1σ (68,2%) calAD 3516 (68,3%) 3378 2σ (95,4%) calAD 3516 (95,4%) 3371	Не публ.
1а. Старая Ладога. Земляное городище. Юго-западная часть площадки. Данные бурения М. В. Шитова (2002 г.) на месте раскопов А. Н. Кирпичникова (2002 г.) и В. И. Равдоникаса (1957 г.)				
1а/1	СК: Погребенный торфяник мощностью 25–30 см в основании культурного слоя. Кровля торфяника. Раскоп 3. 2002 г. Северо-западный угол. Сквжина 1. М.: Торф. И.: Le-6518. Д.: 1260±30		2σ (68,3%) calAD 668 (74,6%) 778 786 (17,3%) 830 854 (3,5%) 874	8: 6, 8
1а/2	СК: Шурф 2002 г. на месте раскопа 1957 г., в 7 м к северо-западу от раскопа 3. Сквжина 2 (продолжение шурфа). Погребенный торфяник мощностью 25–30 см в основании культурного слоя. Кровля торфяника. М.: Торф. И.: Le-6520. Д.: 1480±40		2σ (95,4%) calAD 482 (1,0%) 492 536 (94,5%) 654	8: 8
1а/3	СК: То же. Сквжина 2. Подошва торфяника. М.: Торф. И.: Le-6521. Д.: 1580±80		2σ (95,4%) calAD 261 (1,9%) 277 341 (93,6%) 641	7: 7; 8: 8

Таблица 4.1, продолжение

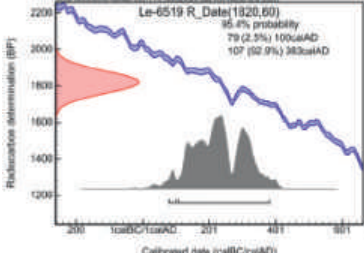
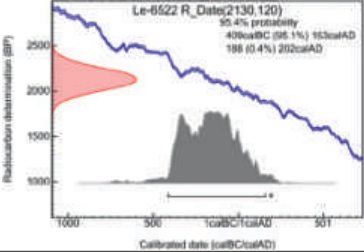
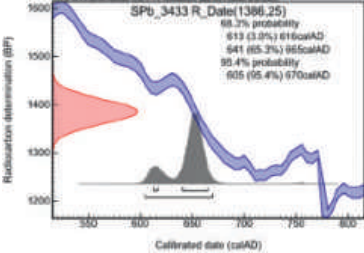
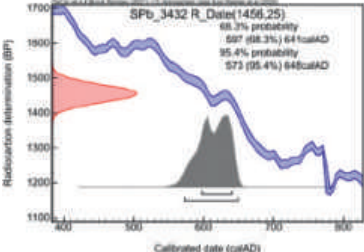
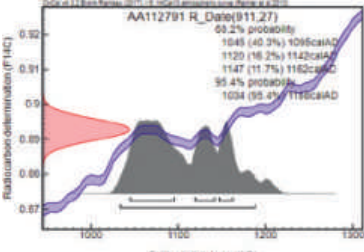
I	II	III	IV	V
1a/4	СК: Раскоп 3. 2002 г. Северо-западный угол. Скважина 1. Подошва торфяника. М.: Торф. И.: Le-6519. Д.: 1820±60		2σ (95,4%) <i>calAD</i> 79 (2,5%) 100 107 (92,9%) 383	7: 7; 8: 8
1a/5	СК: Скважина 2. Глинистая гиттия, подстилающая торфяник (болотная почва). М.: Гиттия. И.: Le-6522. Д.: 2130±120		2σ (95,4%) <i>calBC</i>; <i>calAD</i> 409 <i>calBC</i> (95,1%) 163 <i>calAD</i> 188 (0,4%) 202 <i>calAD</i>	7: 7; 8: 8
2. Старая Ладога. Земляное городище. Западная часть площадки. Раскопки Е. А. Рябины (1984 г.)				
2/1	СК: Раскоп Е. А. Рябина. 1984 г. Горизонт E ₃ , черный гумус ⁷ . Кв. М 9. Нив. отм. -190. М.: Семена малины. И.: SPb_3433. Д.: 1386±25		1σ (68,3%) <i>calAD</i> 613 (3,0%) 616 641(65,3%) 665 2σ (95,4%) <i>calAD</i> 605 (95,4%) 670	Не публ.
2/2	СК: Раскоп Е. А. Рябина. 1984 г. Горизонт E ₃ , бурый гумус II (нижний) ⁸ . Кв. Я 2 (в канавке). Нив. отм. -241/-261. М.: Семена мари белой. И.: SPb_3432. Д.: 1456±25		1σ (68,3%) <i>calAD</i> 597 (68,3%) 641 2σ (95,4%) <i>calAD</i> 573 (95,4%) 648	Не публ.
3. Старая Ладога. Земляное городище. Центральная часть площадки: грунтовый могильник у церкви св. Климента. Раскопки В. И. Равдоникаса (1938 г.)				
3/1	СК: Раскоп 1938 г. «Горизонт могильника», перекрывающий горизонт Д-верхнее. Погребение 16 (5680-14) ⁶ . М.: Кость (зуб). И.: AA112791. Д.: 911±27		1σ (68,2%) <i>calAD</i> 1045 (40,3%) 1095 1120 (16,2%) 1142 1147 (11,2%) 1162 2σ (95,4%) <i>calAD</i> 1034 (95,4%) 1188	Не публ.

Таблица 4.1, продолжение

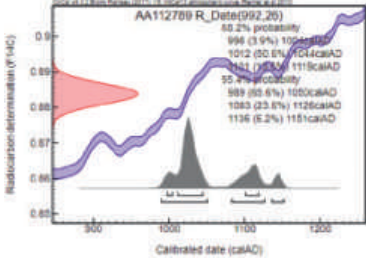
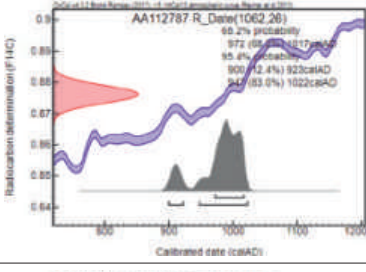
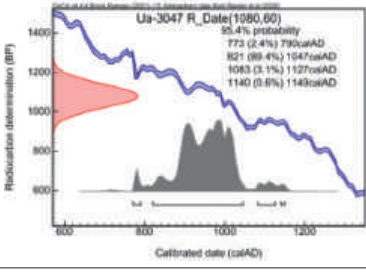
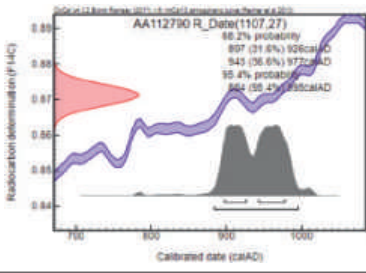
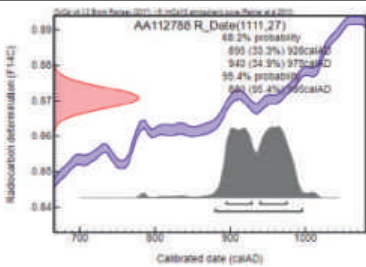
I	II	III	IV	V
3/2	СК: То же. Погребение 11 (5680-10). М.: Кость (зуб). И.: AA112789. Д.: 992±26		1σ (68,2%) calAD 998 (3,9%) 1004 1012 (50,6%) 1044 1101 (13,6%) 1119 2σ (95,4%) calAD 989 (65,6%) 1050 1083 (23,6%) 1126 1136 (6,2%) 1151	Не публ.
3/3	СК: То же. Погребение 1 (5680-1). М.: Кость (зуб). И.: AA112787. Д.: 1062±26		1σ (68,2%) calAD 972 (68,2%) 1017 2σ (95,4%) calAD 900 (12,4%) 923 947 (83,0%) 1022	Не публ.
3/4	СК: То же. Погребение 10 (5680-9). М.: Кость (зуб). И.: Ua-3047. Д.: 1080±60		2σ (95,4%) calAD 773 (2,4%) 790 821 (89,4%) 1047 1083 (3,1%) 1127 1140 (0,6%) 1149	5: 4; 6: 95
3/5	СК: То же. Погребение 17 (5680-15). М.: Кость (зуб). И.: AA112790. Д.: 1107±27		1σ (68,2%) calAD 897 (31,6%) 926 943 (36,6%) 977 2σ (95,4%) calAD 884 (95,4%) 995	Не публ.
3/6	СК: То же. Погребение 2 (5680-2). М.: Кость (зуб). И.: AA112788. Д.: 1111±27		1σ (68,2%) calAD 895 (33,3%) 928 940 (34,9%) 975 2σ (95,4%) calAD 880 (95,4%) 995	Не публ.

Таблица 4.1, продолжение

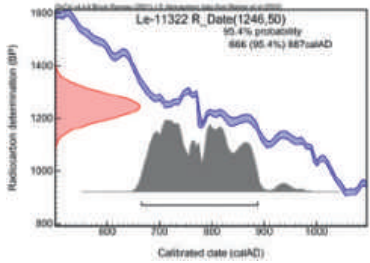
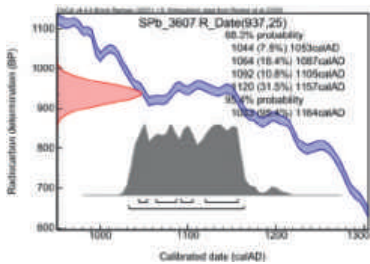
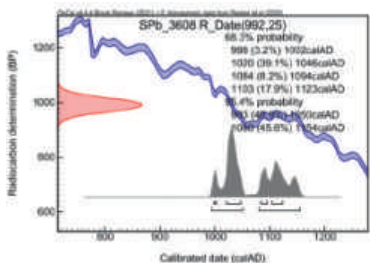
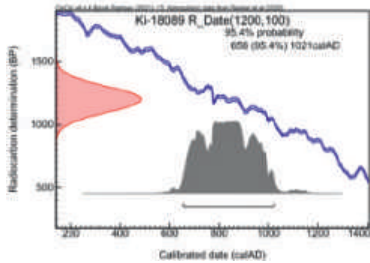
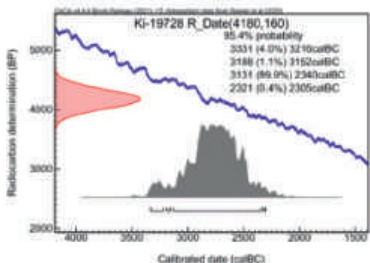
I	II	III	IV	V
4. Старая Ладога. Каменная крепость. Раскопки Н. В. Григорьевой (2015 г.)				
4/1	СК: Раскоп у Раскатной башни. 2017 г. Слой пожара ниже слоя разрушения стены. Сгоревшая деревянная конструкция (бревно). М.: Древесный уголь. И.: Le-11322. Д.: 1246±50		2σ (95,4%) calAD 666 (95,4%) 887	5: 145, 147
5. Старая Ладога. Посад, левый берег р. Ладожки. Раскопки В. А. Лапшина (2014, 2015, 2019 гг.), Н. В. Григорьевой (2021 г.)				
5/1	СК: Посад. Шурф 2021 г. Постройка, пятое бревно настила, № 2. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3607. Д.: 937±25		1σ (68,2%) calAD 1044 (7,5%) 1053 1064 (18,4%) 1087 1092 (10,8%) 1105 1120 (31,5%) 1157 2σ (95,4%) calAD 1033 (95,4%) 1164	Не публ.
5/2	СК: Посад. Шурф 2021 г. Постройка, первое бревно настила, № 1. М.: Древесный уголь. И.: SPb_3608. Д.: 992±25		1σ (68,2%) calAD 998 (3,2%) 1002 1020 (39,1%) 1046 1084 (8,2%) 1094 1103 (17,9%) 1123 2σ (95,4%) calAD 993 (49,9%) 1050 1080 (45,6%) 1154	Не публ.
5/3	СК: Раскоп 2014 г. Пахотный горизонт: верхняя часть погребенной почвы 1, на контакте с культурным слоем. М.: Древесный уголь. И.: Ki-18089. Д.: 1200±100		2σ (95,4%) calAD 656 (95,4%) 1021	6: 172
5/4	СК: Шурф 2019 г. почва 2, уг. 1. М.: Гумус. И.: Ki-19728 микро. Д.: 4180±160		2σ (95,4%) calBC 3331 (4,0%) 3216 3188 (1,1%) 3152 3131 (89,9%) 2340 2321 (0,4%) 2305	Не публ.

Таблица 4.1, продолжение

I	II	III	IV	V
5/5	СК: Шурф 2019 г. Профиль 2, почва 2. М.: Гумус. И.: Ki-19721. Д.: 4240±70		2σ (95,4%) calBC 3018 (95,4%) 2622 2597 (0,8%) 2585	Не публ.
5/6	СК: Раскоп 2015 г., запад- ный участок. Погребенная почва 2. Кв. 262 (-200 см). М.: Погребенная почва, гумус. И.: Ki-18100. Д.: 4560±70		2σ (95,4%) calBC 3516 (92,5 %) 3078 3064 (3,0%) 3027	6: 144; 172
5/7	СК: Раскоп 2015 г., запад- ный участок. Погребен- ная почва 2. Кв. 202, очаг (яма б). М.: Древесный уголь. И.: Le-11283. Д.: 4670±90		2σ (95,4%) calBC 3643 (85,9%) 3316 3293 (0,2%) 3289 3239 (9,3%) 3104	6: 144; 172
5/8	СК: Шурф 2019 г. на Ва- ряжской ул. Почва 2. М.: Древесный уголь. И.: UOC-13940. Д.: 4687±27		2σ (95,4%) calBC 3527(95,4%) 3371	Не публ.
5/9	СК: Шурф 2019 г. на Ва- ряжской ул. Почва 2. 110 (А). М.: Древесный уголь. И.: UOC-15953. Д.: 4845±41		2σ (95,4%) calBC 3737 (11,2%) 3672 3660 (84,3%) 3526	Не публ.
5/10	СК: Раскоп 2015 г., запад- ный участок. Погребенная почва 2. Кв. 202, очаг (яма б). М.: Древесный уголь. И.: Le-11285. Д.: 4990 ±100		2σ (95,4%) calBC 4034 (0,2%) 4028 3987 (94,1%) 3628 3558 (1,2%) 3536	6: 144; 172

Таблица 4.1, продолжение

I	II	III	IV	V
5/11	СК: Шурф 2019 г. на Варяжской ул. Почва 2. 112 (АВ). М.: Древесный уголь. И.: UOC-15954. Д.: 5005±45		2σ (95,4%) calBC 3946 (88,3%) 3700 3684 (7,1%) 3655	Не публ.
5/12	СК: Раскоп 2015 г., западный участок. Погребенная почва 2. Кв. 202, очаг (яма 6). М.: Древесный уголь. И.: Le-11284. Д.: 5100 ±70		2σ (95,4%) calBC 4045 (95,4%) 3709	6: 144; 172
5/13	СК: Раскоп 2015 г. Погребенная почва 2. М.: Древесный уголь. И.: IGAN _{AMS} -6002. Д.: 5130±25		2σ (95,4%) calBC 4035 (1,0%) 4027 3988 (58,2%) 3928 3876 (36,3%) 3804	Не публ.
6. Северная граница Староладожского комплекса. Городище Любша. Раскопки Е. А. Рябинина (1997–2001 гг.) и данные бурения М. В. Шитова (2004 г.)				
6/1	СК: Раскоп I, уч. 4. 1998 г. У раскопа 1970–1972 гг., слой пожара с napольной стороны вала. М.: Древесный уголь. И.: Le-5483. Д.: 1235±25		2σ (95,4%) calAD 684 (33,0%) 744 771 (62,5%) 881	Не публ.
6/2	СК: Раскоп II. 1998 г. ⁵ Кв. 3'. Траншея с napольной стороны. Каменно-земляная крепость: горелые бревна в основании вала. Нив. отм. -185/-192 (образец 7). М.: Древесный уголь. И.: Le-5489. Д.: 1240±30		2σ (95,4%) calAD 679 (39,6%) 747 758 (55,0%) 880	6: 224

Таблица 4.1, продолжение

I	II	III	IV	V
6/3	СК: Раскоп II, 1998 г. Горелый слой, верх. уровень, кв. 6–8. М.: Древесный уголь. И.: Le-5484. Д.: 1270±20		2σ (95,4%) calAD 670 (94,7%) 777 794 (0,7%) 798	4: 55, 56
6/4	СК: Раскоп II. 1998 г. Уч. 1, кв. 6–8, горелый слой. М.: Уголь. И.: Le-5490. Д.: 1270±70		2σ (95,4%) calAD 645 (93,4%) 895 925 (2,0%) 950	Не публ.
6/5	СК: Раскоп II. 1998 г. Кв. 7–8, постройка (легкая, столбовая?), разборка очага, комплекс 3. М.: Древесный уголь. И.: Le-5486. Д.: 1280±80		2σ (95,4%) calAD 607 (1,3%) 625 636 (91%) 898 920 (3,1%) 956	6: 227
6/6	СК: Раскоп II. 1998 г. Кв. 6–8, низ слоя. Погребенная почва (на контакте с культурным слоем, с остатками кострищ в верхней части). М.: Древесный уголь. И.: Le-5485. Д.: 1314±22		2σ (95,4%) calAD 656 (49,8%) 708 730 (45%) 775	4: 55, 56
6/7	СК: Раскоп I, уч. 4. 1998 г. В теле вала, с napольной стороны. М.: Древесный уголь. И.: Le-5487. Д.: 1320±60		2σ (95,4%) calAD 606 (2,6%) 628 635 (81%) 779 786 (8,8%) 835 848 (3,1%) 877	4: 56 ⁴ 6: 215
6/8	СК: Раскоп II, уч. 3. 1999 г. Без кв., под основанием развала камней, поверх гумусир. супеси, перекрывающей материк (не погребенная почва). Образец 8. М.: Древесный уголь. И.: Le-5662. Д.: 1370±65		2σ (95,4%) calAD 562 (93,8%) 777 792 (0,9%) 803 809 (0,8%) 820	Не публ.

Таблица 4.1, продолжение

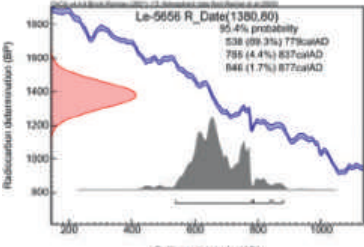
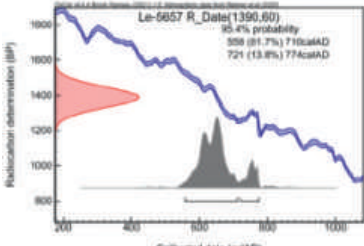
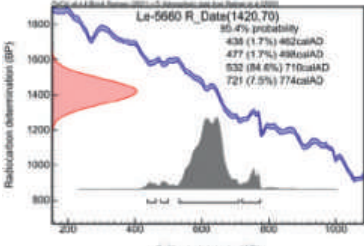
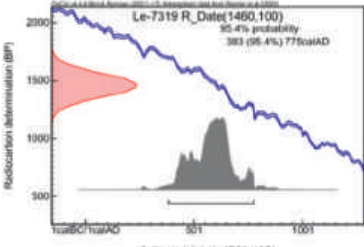
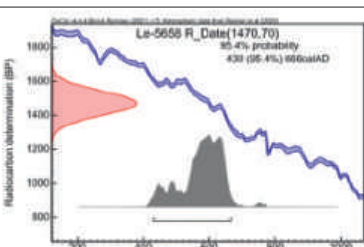
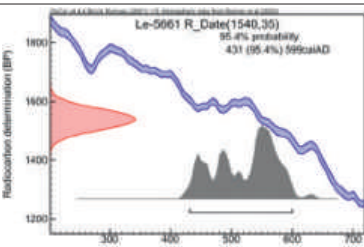
I	II	III	IV	V
6/9	СК: Раскоп II, кв. 21. 1999 г. Культурный слой в погребенной почве под насыпью вала. Гл. -150/-156. Образец 1. М.: Древесный уголь. И.: Le-5656. Д.: 1380±80		2σ (95,4%) calAD 538–779 (89,3%) 785–837 (4,4%) 846–877 (1,7%)	4: 55, 56
6/10	СК: Раскоп II, уч. 1. 1999 г. Кв. 19–21, нижний углистый слой, образец 3. М.: Древесный уголь. И.: Le-5657. Д.: 1390±60		2σ (95,4%) calAD 558 (81,7%) 710 721 (13,8%) 774	Не публ.
6/11	СК: Раскоп II, уч. 1. 1999 г. Кв. 10–12, углистая прослойка на предматерике, образец 6. М.: Древесный уголь. И.: Le-5660. Д.: 1420±70		2σ (95,4%) calAD 438 (1,7%) 462 477 (1,7%) 498 532 (84,6%) 710 721 (7,5%) 774	Не публ.
6/12	СК: Раскоп I. Траншея разреза южного вала (с напольной стороны). Зачистка восточной стенки. Глубина -202 от репера 2004 г. М.: Древесный уголь. И.: Le-7319. Д.: 1460±100		2σ (95,4%) calAD 383 (95,4%) 775	9: 55
6/13	СК: Раскоп II, уч. 1, кв. 19–21, перемешанный супесчаный слой. Образец 3. М.: Древесный уголь. И.: Le-5658. Д.: 1470±70		2σ (95,4%) calAD 430 (95,4%) 666	4: 55, 56
6/14	СК: Раскоп II, уч. 2. 1999 г. Прирезка в сторону р. Волхов, у основания вала. Основание деревянной конструкции вала (?). Образец 7. М.: Древесный уголь. И.: Le-5661. Д.: 1540±35		2σ (95,4%) calAD 431 (95,4%) 599	4: 56

Таблица 4.1, продолжение

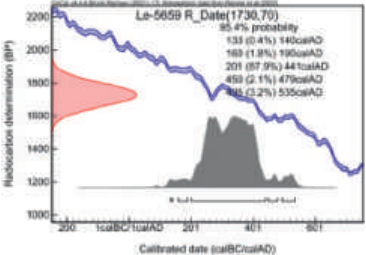
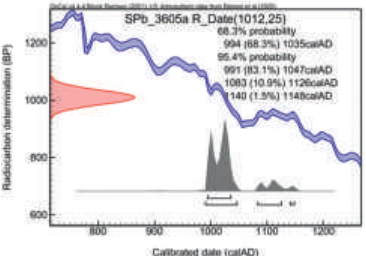
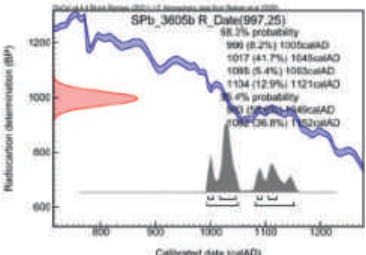
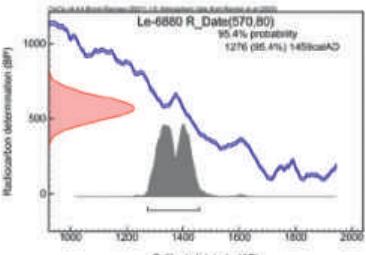
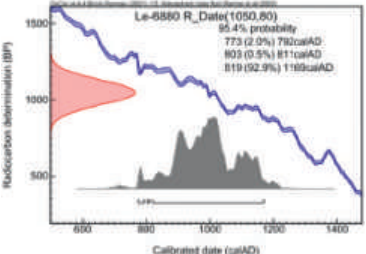
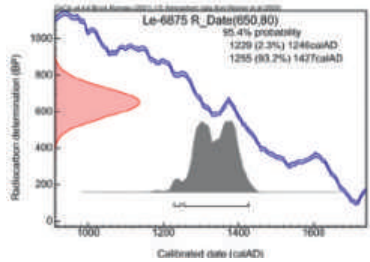
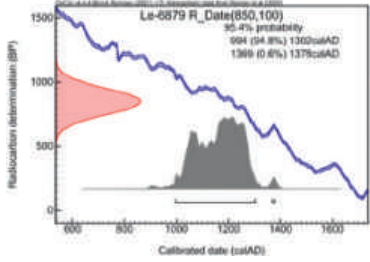
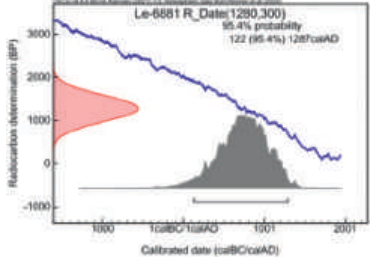
I	II	III	IV	V
6/15	СК: Раскоп II, уч. 1. 1999 г. Кв. 19–21, угли из-под камней, горелый слой, западина (культурный слой, перекрытый валом). М.: Древесный уголь. И.: Le-5659. Д.: 1730±70		2σ (95,4%) calAD 133–140 (0,4%) 160–190 (1,8%) 201–441 (87,9%) 450–479 (2,1%) 495–535 (3,2%)	4: 55, 56
7. Старая Ладога. Северная граница поселения. Успенский древнерусский могильник. Раскопки Н. В. Григорьевой (2021 г.)				
7/1	СК: Успенский могильник. 2021 г. Шурф 2, пр. 1, № 1. М.: Кость человека. И.: SPb_3605a. Д.: 1012±25		1σ (68,2%) calAD 994 (68,3%) 1035 2σ (95,4%) calAD 991 (83,1%) 1047 1083 (10,9%) 1126 1140 (1,5%) 1148	Не публ.
7/2	СК: Успенский могильник. 2021 г. Шурф 2, пр. 1, № 2. М.: Кость человека. И.: SPb_3605b. Д.: 997±25		1σ (68,2%) calAD 996 (8,2%) 1005 1017 (41,7%) 1045 1085 (5,4%) 1093 1104 (12,9%) 1121 2σ (95,4%) calAD 993 (58,6%) 1049 1082 (36,8%) 1152	Не публ.
8. Старая Ладога. Чернавинская терраса (правый берег р. Волхов, уроч. Плакун). Данные бурения М. В. Шитова (2004 г.)				
8/1	СК: Шурф 1. 2004 г. Ископаемая почва. М.: Гумус, горячая фракция гуминов. кислот. И.: Le-6880. Д.: 570±80		2σ (95,4%) calAD 1276 (95,4%) 1459	8: 8
8/1a	СК: То же. М.: Тот же образец, холодная фракция. И.: Le-6880. Д.: 1050±80		2σ (95,4%) calAD 773 (2%) 792 803 (0,5%) 811 819 (92,9%) 1169	8: 8

Таблица 4.1, окончание

I	II	III	IV	V
8/2	СК: Шурф 2. 2004 г. Ископаемая почва. М.: Гумус. И.: Le-6875. Д.: 650±80		2σ (95,4%) calAD 1229 (2,3%) 1246 1255 (93,2%) 1427	8: 8
8/3	СК: Шурф 2. 2004 г. Ископаемая болотная почва. М.: Гиттия? И.: Le-6879. Д.: 850±100		2σ (95,4%) calAD 994 (94,8%) 1302 1369 (0,6%) 1378	8: 8
8/4	СК: Шурф 1. 2004 г. Ископаемая болотная почва. М.: Гиттия? И.: Le-6881. Д.: 1280±300		2σ (95,4%) calAD 122 (95,4%) 1287	8: 8

¹ ОС — органический слой, ОМС — органо-минеральный слой, МС — минеральный слой.

² Дата омоложена (?) (по А. Л. Александровскому).

³ Дата удревнена (?) (по А. Л. Александровскому).

⁴ В источнике 6 значение даты ошибочно указано как 1303±33 л. н.

⁵ В полевой документации противоречие, имеется другое указание: кв. 2, глуб. -130.

⁶ Нумерация погребений по описи в архиве отдела антропологии МАЭ РАН.

⁷ Дендродаты слоя в диапазоне: 780-е — начало 800-х гг.

⁸ Дендродаты слоя в диапазоне: 750–770-е гг.

Источники: 1 — Александровский и др. 2009; 2 — Александровский и др. 2010;

3 — Александровский 2012; 4 — Алещукин и др. 2003; 5 — Григорьева 2020; 6 — Новое в

археологии... 2018; 7 — Шитов и др. 2004; 8 — Шитов и др. 2005; 9 — Шитов и др. 2007.

Сведения опубликованных источников о топографии образцов уточнялись по данным полевой и архивной документации, а также лабораторного журнала Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН.

ЧАСТЬ III
Керамика Ладоги VIII–X вв.
в контексте раннесредневековых древностей
(к реконструкции историко-культурных процессов
на Северо-Западе Руси)

История изучения Ладоги и окружающих ее памятников насчитывает более ста лет. Начало ее масштабным исследованиям было положено в конце XIX в. Н. Е. Бранденбургом (Бранденбург 1896) и в 1911–1913 гг. Н. И. Репниковым (Репников 1948). В советское время раскопки были продолжены В. И. Равдоникасом и Г. П. Гроздиловым. Материалы, полученные в результате работ Староладожской экспедиции в 1938–1959 гг., выявили богатую и своеобразную культуру поселения, относящегося к периоду формирования Древнерусского государства. Мощный культурный слой сохранил остатки деревянных сооружений и предметы из органических материалов, что придало ладожским находкам уникальный характер. Уже в первые послевоенные десятилетия материалы Ладоги, введенные в научный оборот (Равдоникас 1945; 1949; 1950; 1951; Равдоникас, Лаушкин 1959; Гроздилов 1950; 1960; Станкевич 1950; 1951; Орлов 1941; 1954; 1955; Гуревич 1950 и т. д.), заняли видное место в разработке проблем ранней истории Древнерусского государства и Балтийского региона в целом. Вне зависимости от своих общеисторических взглядов исследователи так или иначе не могли обойти молчанием ладожские материалы (Греков 2004: 150–152 и сл.; Артамонов 1967: 67–69; Ляпушкин 1968: 90, 91; Седов 1970: 71, 72; 1982: 65; Третьяков 1970: 149).

Детальное изучение и систематизация отдельных категорий находок Ладожского поселения и материалов округа, проведенные в 1960–1970-х гг. Г. Ф. Корзухиной, О. И. Давидан, З. А. Львовой, Е. И. Оятевой и др., заставили усомниться в правильности точки зрения В. И. Равдоникаса на раннюю Ладогу как поселение славянской общины, основными занятиями которой были земледелие и скотоводство. К 1970-м гг. в научном сообществе сложилось представление о Ладоге как открытом торгово-ремесленном поселении, подобном североевропейским викам, возникновение и развитие которого было связано с международной торговлей (Давидан 1971; Булкин, Лебедев 1974; Булкин и др. 1978: 85–90; Лебедев 1977: 164–193).

В начале 1970-х гг. ЛОИА АН СССР (ныне — ИИМК РАН) приступило к новому циклу исследований Ладоги силами Староладожской экспедиции под руководством А. Н. Кирпичникова. Продолжились раскопки Земляного городища (Е. А. Рябинин), Каменной крепости (А. Н. Кирпичников), сопки Северного Поволховья (В. П. Петренко, Е. Н. Носов, В. А. Назаренко). Впервые была исследована территория так называемого посада — открытой части Староладожского поселения за пределами средневековых укреплений. Исследования производились В. П. Петренко на левом берегу р. Ладожки в районе Варяжской улицы. Материал из этих раскопок позволил уточнить представления о начальной истории Ладоги. Получил видимое подтверждение тезис одного из первых ее исследователей — Н. Е. Бранденбурга — о «смешанности древнейшего состава ее обывателей, которая

необходимо должна была вытекать из общих условий движения тогдашнего населения» (Бранденбург 1896: 18).

Важнейшим результатом работ 1970–1980-х гг. стало создание дендрохронологической шкалы Ладоги. Материалы этого цикла исследований освещены в конкретных разработках и серии публикаций сводного характера (Средневековая Ладога 1985; Рябинин 1980; 1982; 1983; 1994; 1994а; 1995; 1997; 1999, 2002; Петренко 1983; 1984; 1985). Они широко использовались в обобщающих трудах, где делалась попытка определить роль и место Ладоги в эпоху образования Древнерусского государства (Кирпичников 1979; 1985; 1988; 1997; Кирпичников и др. 1980; 1981; 1985; Лебедев 1985; Мачинский, Мачинская 1988; Кирпичников, Сарабьянов 2013; Носов 2012: 102–107 и др.). Большой интерес к новым исследованиям Ладоги проявили европейские ученые (Łosiński 1980; Stalsberg 1982; Vierck 1983; Jansson 1987; Франклин, Шепард 2000; и др.).

Большинство исследователей и ныне придерживается точки зрения, что с момента своего возникновения Ладожское поселение приобрело своеобразный ярко выраженный торгово-ремесленный характер, чему способствовало его расположение на магистральных путях международной торговли: «В свете археологических данных Ладога VIII–IX вв. рисуется как крупный центр с целым комплексом производств, продукция которого шла не только на удовлетворение нужд обитателей поселка, но и на широкий внешний рынок» (Кирпичников и др. 1985: 49).

С. Л. Кузьмин, проанализировав имевшийся на тот момент материал, пришел к выводу, что «считать изначальную Ладогу торгово-ремесленным поселением на трансевразийской артерии нет никаких оснований» (Кузьмин 1997а: 232). Он предложил «эскизную, но не лишенную конкретности» картину развития Ладоги, состоящую из трех периодов: от небольшой колонии скандинавов, обосновавшихся в низовьях Волхова до начала эпохи викингов и сложения торговых путей из Скандинавии на Восток, через торгово-ремесленный поселок типа североевропейских вигов до древнерусского города (Кузьмин 2008: 71, 88–92).

Х. Шерман предлагает считать Ладогу VIII–IX вв. так называемой общиной-форпостом на периферии скандинавской, а позже и славянской зоны освоения с нестабильным населением и производством, которая функционировала на начальном этапе как оптовый рынок. Только в X в. Ладога становится эмпорием, «подобным каролингским и англо-саксонским эмпориям двухсотлетней давности» (Sherman 2012: 57–59).

Новые материалы, полученные в результате последнего цикла работ, и подробный анализ письменных источников позволили группе исследователей выдвинуть тезис о Ладоге как первой столице Руси (Кирпичников 1985а: 25; 2003: 19; Кирпичников, Сарабьянов 2013: 54, 84; Лебедев 1985: 217; Мачинский 2002; 2003). Но такая постановка вопроса убедила далеко не всех (см., например, Толочко 1999; 2005: 82–98; Носов 2005: 32; Носов, Янин 2011; Носов и др. 2017: 23).

Создание подробной истории Ладожского поселения с определением его роли в сложении Древнерусского государства, опирающейся на археологические, нумизматические, письменные и другие виды источников, остается ныне насущной задачей. На современном этапе назрела острая необходимость обобщения и публикации материалов за весь период раскопок в Старой Ладоге.

На рубеже XX и XXI вв. Староладожская археологическая экспедиция ИИМК РАН под руководством А. Н. Кирпичникова начала новый цикл исследований в разных частях поселения (в настоящее время ее возглавляет В. А. Лапшин). Полученные материалы постепенно вводятся в научный оборот. Практически исчерпывающий список публикаций ладожских материалов до 2018 г. включительно см. в работе: Новое в археологии Старой Ладogi 2018: 433–470.

Как справедливо отметил в свое время Е. А. Рябинин, при характеристике раннесредневековой Ладogi особый акцент делается обычно на неординарных признаках (ярких свидетельствах производственной деятельности, широких международных связях), в то время как данные о повседневной жизни ладожан остаются в тени. Между тем для понимания характера памятника и сложных процессов, происходивших в Нижнем Поволжье в последней четверти I тыс. н. э., необходимо на паритетных началах учитывать и эти материалы, отражающие рядовой культурно-хозяйственный комплекс поселения (Рябинин 1997: 45, 48; 1999: 190, 191). По мнению ряда коллег, решению указанных вопросов препятствуют, в частности, неразработанность проблемы развития ладожского домостроительства и отсутствие всестороннего исследования керамики этого уникального памятника (Давидан 1986: 104; Носов 1977а: 10; Петренко 1994: 110).

При обращении к вопросам домостроительства археологи долгое время опирались на схему его развития, предложенную В. И. Равдоникасом. Согласно ей, для нижнего горизонта Е характерны прямоугольные в плане постройки большой площади с печью посередине, а для горизонта Д — небольшие квадратные в плане дома с печью в углу. В. И. Равдоникас и его коллеги — Г. П. Гроздилов, К. Д. Лаушкин и др. — считали, что смена типов жилищ обусловлена социально-экономическими изменениями в славянском обществе (Равдоникас 1949; 1950; Гроздилов 1950: 160, 161; Лаушкин 1960: 74). Такое объяснение удовлетворило не всех исследователей. Так, Г. Ф. Корзухина считала «большие дома» нижнего горизонта финскими (Корзухина 1965). Не исключал этого и В. В. Седов (Седов 1970а: 32, 33). Х. Арбман писал о финском или норманском происхождении «больших домов» (Arbman 1961: 90–93). Критический анализ схемы В. И. Равдоникаса, проведенный Е. Н. Носовым, показал, что квадратные дома с печью в углу, являющиеся по мнению большинства исследователей славянским типом жилища, прослежены в Ладoge уже в горизонте Е₃, а к IX в. становятся господствующими в застройке поселения. В связи с этим вывод Г. Ф. Корзухиной о возможной смене этнического состава населения, произошедшей во второй половине IX в. или на рубеже IX–X вв., лишился одного из важнейших аргументов (Корзухина 1961: 84; 1965; Носов 1977а). Дискуссионность проблемы генезиса домостроительных традиций привела к тому, что П. А. Раппопорт в обобщающей работе по древнерусскому жилищу исключил ладожские постройки из рассмотрения в связи с тем, что «этническая принадлежность их вызывает сомнения» (Раппопорт 1975а: 6).

Раскопками Е. А. Рябина было убедительно показано, что картина развития раннего ладожского домостроительства на участке Земляного городища, исследованном в 1973–1985 гг., в целом является обратной по сравнению с традиционной схемой В. И. Равдоникаса: в горизонте Е₃ открыты небольшие квадратные в плане избы с печью в углу, а дома горизонтов Е₁ и Д представлены обширными жилищами с печью в центре (Рябинин 1983; 1985: 74; Рябинин, Черных 1988: 98, 99).

Вопросам изменения конструкции ладожских жилищ, а также приемам домостроительства на различных этапах жизни поселения уделяли внимание Ю. П. Спегальский (Спегальский 1972), А. Н. Кирпичников (Кирпичников 1985а; Кирпичников, Назаренко 1992; 1997; Кирпичников и др. 2018), С. Л. Кузьмин (Кузьмин 1987; 1989; Кузьмин, Петров 1990), А. А. Шенников (Шенников 1988; 1992: 64–82), А. И. Волковицкий и А. А. Селин (Волковицкий, Селин 2012). С. Л. Кузьмин показал, что так называемый славянский тип жилища (срубные подквадратные в плане постройки с печью-каменкой в углу) появляется около середины I тыс. н. э. на поселениях разных культур лесной зоны Центральной и Восточной Европы; связывать его исключительно со славянами не представляется возможным (Кузьмин 1987: 24, 25). Что касается Ладоги, то С. Л. Кузьминым среди малых домов были выделены две группы, различающиеся по конструкции опечка. Одна из этих групп предположительно связывается автором с носителями культуры смоленских длинных курганов (далее — КСДК) (Кузьмин 1989: 35). В результате последнего цикла работ на Земляном городище было установлено, что в конструкции так называемых больших домов сочетались каркасно-столбовая и срубная домостроительные традиции (Кирпичников 2004: 96; Волковицкий, Селин 2012), а также выявлены подквадратные в плане постройки с отопительными сооружениями в центре, что сближает их с «большими домами» (Кирпичников и др. 2018).

По мнению Е. А. Рябина, при современном состоянии изученности материала каждый из исследованных жилых комплексов Ладоги нуждается в отдельном специальном анализе на предмет происхождения строительных традиций и приемов (Рябинин 1985: 74). Большая тема ладожского домостроительства еще ждет детальной проработки.

Одной из важнейших составляющих бытового хозяйственного комплекса является глиняная посуда. В середине XX в. увидела свет работа Я. В. Станкевич, посвященная ладожской керамике (Станкевич 1950; 1951). Исследовательница опиралась на материалы раскопок 1947–1949 гг.; ей принадлежат ценные наблюдения в области технологии изготовления керамики, которые до сих пор не утратили своего значения. Однако детальная классификация ладожской посуды так и не была выстроена; верного представления о наборе имеющихся форм не сложилось (Лебедев 1977: 173). Тем не менее долгие годы работа Я. В. Станкевич оставалась единственным руководством, на которое опирались исследователи Ладоги, и широко использовалась в различных историко-культурных построениях.

Многokrатно возросший объем источниковой базы, обилие нерешенных вопросов ранней истории Ладоги и формирующейся Верхней Руси настоятельно требовали вновь обратиться к этой теме. Многие исследователи осознавали острую необходимость изучения ладожской керамики на современном методическом уровне. Одни хотели бы иметь полное представление о наборе имеющихся форм и выделить в нем славянские, финские и иные типы посуды, чтобы использовать этот материал для культурно-исторических построений (Булкин и др. 1978: 87; Давидан 1986: 103). Для других важна была датировка лепной керамики не в целом, а по типам в пределах VIII–IX вв., поскольку только в Ладоге имеются слои, четко датированные начиная с середины VIII в. (Носов 1990: 150). Для третьих, стремившихся выявить истоки культуры сопков, камнем преткновения оставался вопрос о происхождении керамики с ребром, названной в литературе керамикой ладожского типа (Кузьмин 2001: 68).

В 1998 г. была защищена в качестве кандидатской диссертации работа автора «Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси» (Сениченкова 1998; 1998а). К сожалению, опубликовать ее тогда в виде монографии не удалось, вышла только серия статей, посвященных отдельным сюжетам (Сениченкова 1995; 1997; 1998б; 2002; 2002а; 2005; 2011; 2012; 2014). В основу настоящей работы положен текст диссертации, переработанный и дополненный в соответствии с появившимися за это время новыми материалами.

Исследование базируется на коллекциях керамики из раскопок 1938–1959 гг. и 1973–1985 гг. на Земляном городище Старой Ладоги (рис. III.1), хранящихся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. Это керамика, полученная в ходе работ экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса в 1938 г. (опись 13), в 1947 г. (опись 7 /202/, шифр «Л»), в 1948 г. (опись 8, шифр «СЛ»), в 1949 г. (опись 9, шифр «ЛА»), в 1950 г. (опись 10, шифр «ЛС»), в 1957 г. (опись 68, шифр «ЛГ»), в 1958 г. (опись 71, шифр «ЛД»), в 1957–1959 гг. (опись 85, шифр «ЛДГ»)¹. Она насчитывает около 5000 фрагментов, относящихся к интересующему нас периоду.

Четко стратифицированная и имеющая точные дендродаты коллекция керамики VIII–X вв. из раскопок Е. А. Рябикина 1973–1985 гг. является опорной при стратиграфическом членении материала. Она насчитывает около 3250 фрагментов, часть которых хранится в ОАВЕС Государственного Эрмитажа (описи 336/1-3).

Материал из раскопок Н. И. Репникова 1909–1913 гг. (коллекции 2082, 2425, 3793), В. И. Равдоникаса 1939–1940 гг. (коллекции 16 и 17) и 1945 г. (коллекция 18) был просмотрен, но в статистических подсчетах распределения типов сосудов не учитывался как частично депаспортизованный (Станкевич 1951: 219; Давидан 1994: 39).

В работе частично использованы также материалы из раскопок 1999–2010 гг. на Земляном городище экспедиции под руководством А. Н. Кирпичникова (в статистических подсчетах не учитывались, так как в настоящее время находятся в стадии обработки), хранящиеся в Староладожском историко-архитектурном и археологическом музее-заповеднике.

Керамический материал из раскопок В. П. Петренко 1973–1976 гг. на так называемом посаде Ладоги (участок левого берега р. Ладожки в районе Варяжской улицы), относящийся к рассматриваемому периоду, насчитывает около 4500 фрагментов. Он был передан на хранение в Объединенный музейный центр (ныне Музейное агентство) Ленинградской области. К сожалению, керамическая коллекция оказалась разрозненной и распределенной по разным региональным музеям. Часть её хранится в Староладожском историко-архитектурном и археологическом музее-заповеднике, часть — в Музейном агентстве. Судьбу большей части материала в настоящее время установить не удалось. Коллекция была полностью зарисована в ходе раскопок и сохранилась в рисунках в личном архиве автора.

¹ В публикации для керамики из раскопок 1909–1959 гг., хранящейся в Эрмитаже, используются номера музейного хранения, из раскопок 1973–1985 гг. — номера по полевым описям и номера музейного хранения. Материал, хранящийся в Староладожском историко-архитектурном и археологическом музее-заповеднике, дается по полевым описям и, частично, по номерам музейного хранения.

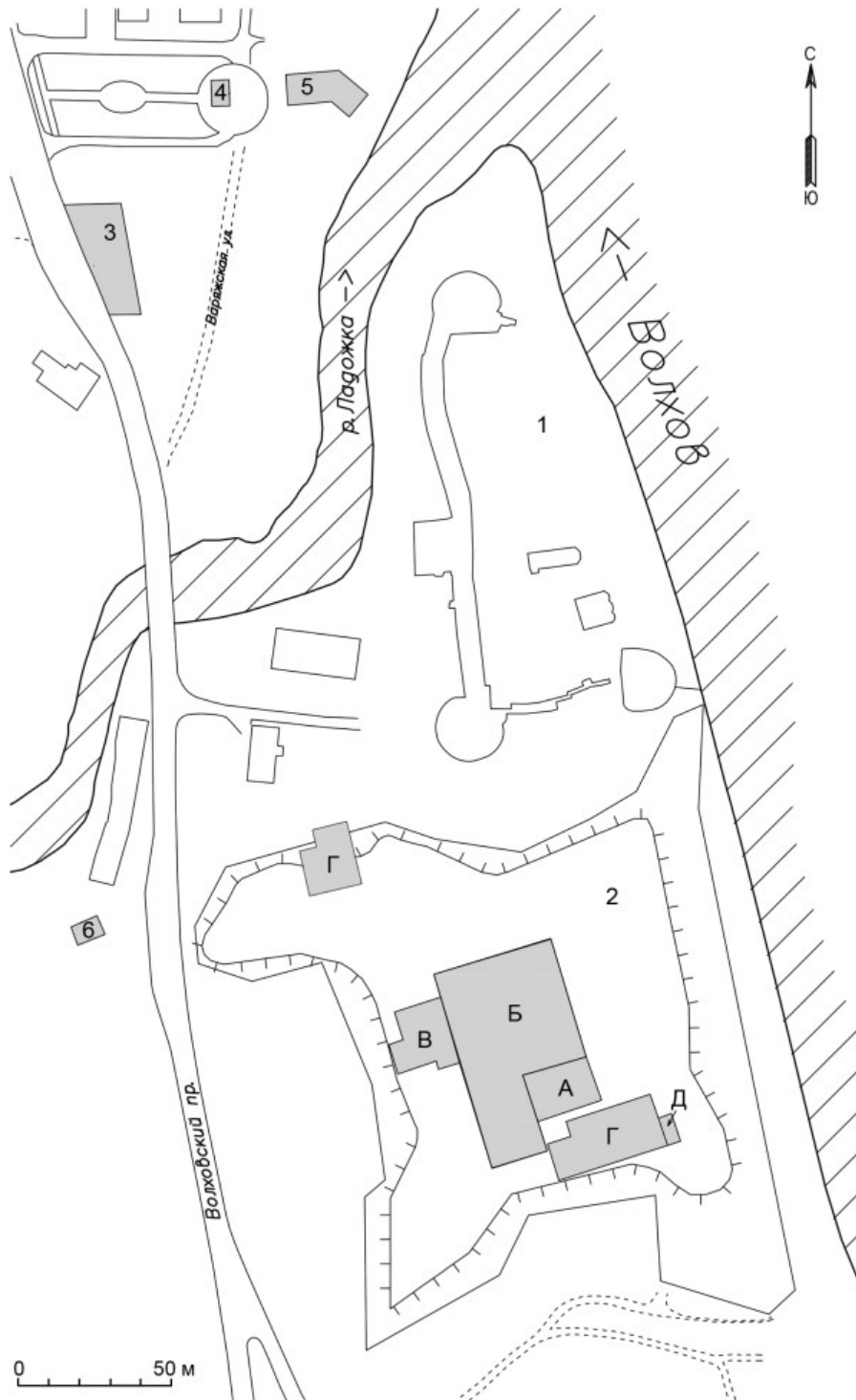

Рис. III.1. Ситуационный план расположения раскопов в Старой Ладоге за пределами Каменной крепости (по: Новое в археологии... 2018; Лапшин, Миляев 2018, с дополнениями): 1 — Каменная крепость; 2 — Земляное городище (А — раскопы Н. И. Репникова 1911–1913 гг.; Б — раскопы В. И. Равдоникаса 1938–1959 гг.; В — раскопы Е. А. Рябина 1973–1985 гг.; Г — раскопы А. Н. Кирпичникова 1984–2013 гг.; Д — раскоп В. А. Лапшина 2016 г.); 3 — раскоп В. П. Петренко на Варяжской ул. 1973–1977 гг.; 4 — раскоп В. А. Лапшина на месте установки памятника князьям Рюрику и Олегу 2014 г.; 5 — раскоп В. А. Лапшина на Варяжской ул. 2015 г.; 6 — раскоп 2004 г. на Волховском пр. (Волковицкий и др. 2007)

Таким образом, источниковая база настоящей работы составляет около 13 000 фрагментов керамики, то есть примерно в пять раз больше того, чем располагала Я. В. Станкевич. Однако следует заметить, что в зависимости от поставленных задач исследования для анализа мог использоваться как весь материал, так и его определенная часть. Например, при характеристике технологии производства ладожской посуды или её орнаментации использовался весь имеющийся в распоряжении керамический материал. При классификации керамики — только определяемые фрагменты, достаточно крупные для того, чтобы по ним можно было судить о форме сосуда, и имеющие в то же время более или менее четкую стратиграфическую привязку. При характеристике сосудов по объему или по соотношению основных пропорций использовались только целые сосуды.

Хронологические рамки работы охватывают древнейший, наиболее «темный», период в истории Ладоги. Это материал из горизонтов Е и Д, датируемых по последним данным второй половиной VIII — X в.² Во второй четверти X в. в керамическом производстве начинает использоваться новая технология — появляется гончарный крут.

Керамический материал рассматривается на широком археологическом фоне, охватывающем Северо-Запад Восточной Европы эпохи раннего средневековья. Это регион, ограниченный на севере Ладожским и Белым озерами и Финским заливом, на западе — р. Нарвой, Чудским озером и бассейном р. Велюгой, на юге — Верхним Поднепровьем и Подвиньем, на востоке — Верхним Поволжьем и бассейном р. Мологи. Через эту территорию проходили водные пути из Балтийского моря на Волгу и Днепр. В эпоху сложения Древнерусского государства — в конце I тыс. н. э. — здесь существовали две основные археологические культуры: культура длинных курганов и культура сопок, носители которых составили ядро формирующейся древнерусской народности на Северо-Западе.

Благодарности

Я приношу глубокую благодарность моим учителям — В. П. Петренко и Е. А. Рябинину, с которыми мне посчастливилось работать в Старой Ладоге.

Моя искренняя признательность всем коллегам и друзьям по Отделу археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа и Отделу славяно-финской археологии ИИМК РАН, оказывавшим большую помощь в период моей работы с ладожской керамикой.

Особо хочу отметить хранителей эрмитажных ладожских коллекций О. И. Давидан, фактически благословившую эту работу, и Б. С. Короткевича, чье дружеское участие было большим подспорьем, а также коллег-музейщиков из Старой Ладоги — Л. А. Губчевскую, Ю. В. Удалову, А. А. Залогину, чьи доброжелательность, поддержка и многочисленные консультации неоднократно выручали меня во время работы в фондах музея-заповедника.

² В работе принята датировка горизонтов Земляного городища на основе дендрохронологии (Черных 1985; Рябинин, Черных 1988).

Я благодарна недавно ушедшему С. Л. Кузьмину за неоценимую помощь в работе с ладожской стратиграфией; руководителю Староладожской экспедиции В. А. Лапшину и научному сотруднику Н. В. Григорьевой — за заинтересованное участие и неоднократные консультации по вопросам стратиграфии и хронологии раскопов А. Н. Кирпичникова.

Особая благодарность моему редактору — Н. И. Платоновой, чья глубокая заинтересованность, профессионализм и настойчивость сделали возможной эту публикацию, а также М. С. Павловой и П. А. Миляеву, взявшим на себя труд подготовки иллюстративного материала.

РАЗДЕЛ I

Значение керамики для изучения культурных процессов на Северо-Западе Руси (основные проблемы и методика исследования)

Керамика является наиболее массовой категорией археологических источников. В керамических изделиях фиксируется целый ряд особенностей, определяемых спецификой и уровнем хозяйственного развития древних обществ, а также этническими и культурными традициями (Кожин 1989: 54–69; Бобринский 1978: 3). Именно это обстоятельство позволяет считать керамику «одним из наиболее доброкачественных источников, позволяющих без особых погрешностей сравнивать между собой как различные области, так и различные эпохи» (Рыбаков 1948: 163). Представление о том, что керамика является чутким этническим индикатором, основано, в конечном счете, на том, что приемы керамического производства передавались из поколения в поколение в среде кровнородственного населения (Бобринский 1978: 163, 164).

Изучение керамики конца I тыс. н. э. на Северо-Западе Руси тесно связано с теоретическими и методологическими положениями, сложившимися в современной археологии, и вытекающими отсюда представлениями об этнокультурной истории этого региона.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РУСИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Изучение истоков и начальных этапов формирования Северо-Западной Руси (называемой в литературе также Верхней или Северной Русью) (Лебедев 1977а: 90; Мачинский 1986: 3; Мачинский, Мачинская 1988: 44, 45) имеет свои особенности. Г. С. Лебедев считал, что ни одна из гипотез, обсуждаемых в литературе, пока не может объяснить историю этого региона исчерпывающим образом (Лебедев 1990: 18). До сих пор не получила однозначного решения проблема выделения достоверно славянских памятников на этой территории, поставленная еще И. И. Ляпушкиным (Ляпушкин 1968: 89–118), не выделены памятники финно-угорского населения, непосредственно предшествующие времени появления здесь славян (Конецкий и др. 1984: 161). Особенностью изучения культурной стратиграфии этого региона является наличие хронологических лакун (например, между энеолитом и ранним железным веком, между началом и последней четвертью I тыс. н. э.) и неравноценность характеристик отдельных периодов по данным погребальных памятников и поселений (Лебедев 1984: 46). В этой ситуации керамика, по справедливому замечанию Е. Н. Носова, является наиболее массовым и часто единственным источником, пригодным для хронологических и культурных построений (Носов 1991: 9).

Памятники раннего железного века

В. В. Седов полагал, что в раннем железном веке регион, занятый прибалтийско-финскими племенами, можно разделить на две части, различающиеся по типам погребальных сооружений (Седов 1979: 74). Для западной части (южное и западное побережье Финляндии, Эстония, северная часть Латвии) характерны каменные могильники с оградками. К этому кругу древностей относится раннее поселение с сетчатой керамикой на территории Псковского городища (Псков А), датированное первой половиной I тыс. н. э. (Белецкий 1996: 36). В последнее время памятники, относимые к культуре каменных могильников, обнаружены и восточнее — на территории Ижорского плато в Ленинградской области: Валговицы, Великино, Удосолово, Керстово-1, Малли, Ратчино и др. (см., напр.: Хаврин и др. 2011; Юшкова 2015). Данных для характеристики материальной культуры восточной части региона пока чрезвычайно мало, но, как предполагал В. В. Седов, развитие финских племен здесь шло иным путем (Седов 1990: 17–22).

Г. С. Лебедев, говоря о культурной стратиграфии Северо-Запада, также писал, что на протяжении тысячелетий эта территория «выступает как место соприкосновения каких-то двух неясных, неустойчивых и, видимо, родственных этнокультурных массивов, представленных в западной и восточной частях региона. Граница между ними проходит с севера на юг от Ладожского озера примерно по линии Волхов–Ловать, иногда смещаясь несколько восточнее или западнее» (Лебедев 1984: 47).

Н. Н. Гурина выделила в древнейшей истории Северо-Запада период, названный ею «эпохой раннего металла» и датированный концом II тыс. до н. э. — I тыс. до н. э. К этому периоду относятся памятники эпохи бронзы и раннего железа. В это время на Северо-Западе появляется «раннетекстильная» керамика, которая, по мнению исследовательницы, «зародившись в недрах неолита и пройдя определенный путь развития, превратилась в керамику городищ дьякова типа» (Гурина 1961: 100). Начало собственно эпохи железа Н. Н. Гурина датировала последними веками I тыс. до н. э. — первыми веками новой эры. Следует отметить, что указанные периоды были выделены в известной мере условно: они определялись лишь по нечетко выраженным отличиям в профилировке, толщине, орнаментации и цвете керамики (Гурина 1961: 108, 109, 113–119).

Культура текстильной керамики распространена довольно широко и связывается многими исследователями с финскими племенами (Моора 1956; Гурина 1961: 114, 115). Дьяковская культура (вариант культуры текстильной керамики, занимающий Волго-Окское междуречье) генетически увязывается с раннесредневековыми древностями одного из поволжских финских племен — мери (Горюнова Е. 1961: 38–154). В. В. Седов считал, что «культуру текстильной керамики в целом, по видимому, следует отождествить с поволжско-финской эпохой, когда будущие прибалтийско-финские племена составляли еще единую этноязыковую группировку» (Седов 1990: 13). Изучение текстильной керамики памятников эпохи раннего железа, расположенных в Прибалтийском регионе, привело исследователя к выводу, что для нее, в общем, характерны те же признаки, что и для поволжской текстильной керамики (Седов 1990: 14). В одной из последних своих работ В. В. Седов выделил в бассейнах озер Псковского и Ильмень (включая Поволховье) некую ильменскую культуру, принадлежащую, по его мнению, финно-угорским племенам (Седов 1999: 114, 117, рис. 23), но никакой характеристики ей не дал.

Характерной особенностью памятников раннего железного века (РЖВ) на Северо-Западе является сосуществование глиняной посуды с текстильными отпечатками и штрихованной керамики (Моора 1955: 89; Вассар 1955: 123, табл. XXIV, 8, 12; Граудонис 1967: 103–113). Последняя считается характерным признаком культуры штрихованной керамики (хотя встречается и в других культурах РЖВ) и связывается большинством исследователей с племенами балтов (Митрофанов 1955; Седов 1970: 18–25)³. Распространение такой керамики среди финноязычного населения Прибалтийского региона отражает, по мнению В. В. Седова, инфильтрацию балтов в эти земли (Седов 1990: 14).

Две группы памятников РЖВ в Приильменье и Поволховье выделил и С. Н. Орлов: одну, восточную, с текстильной керамикой и грузиками «дьякова типа», он связывал с финно-угорскими племенами, оставившими позднедьяковские памятники Верхней Волги и Валдайской возвышенности, а другую, западную, со штрихованной керамикой, — с балтами. Обе группы он датировал от середины I тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э. (Орлов 1984: 83, 84).

По результатам разведок и раскопок в Нижнем Поволховье, проведенных Н. Н. Гуриной, С. Н. Орловым, В. П. Петренко, Е. Н. Носовым, Е. А. Рябининым, С. Л. Кузьминым и др., было установлено, что на месте средневековых памятников часто фиксируются слои, относящиеся к эпохе раннего металла с керамикой с отпечатками грубой ткани, со штриховкой снаружи и изнутри, иногда с редкими ямками на поверхности и с отпечатками зубчатого штампа по краю (Гурина 1961: 117, 118; Орлов 1982; Петренко, Шитова 1985: 94–97; Носов 1991: 8, 9; Плохов 1987: 8; 1988: 10; Носов, Плохов 2002; Юшкова 2011; Сениченкова 2010). На рубеже XX–XXI вв. были выявлены и частично исследованы новые памятники, относящиеся к эпохе раннего металла (сводку см.: Юшкова 2011). Отмеченная исследователями топографическая соотнесенность поселений этого времени и средневековых дала основание В. П. Петренко предположить, что сохранение традиции расселения, возможно, говорит о том, что хронологический разрыв между двумя периодами был невелик (Петренко 1984: 88–90; Петренко, Шитова 1985: 190).

В 2011 г. М. А. Юшковой (Раззак) была предпринята попытка создать культурно-хронологическую схему развития Северо-Запада России в эпоху бронзы и РЖВ (от III тыс. до н. э. до первых веков новой эры) и заполнить имеющиеся хронологические лакуны. Ею был обобщен материал, накопленный к концу XX — началу XXI в., касающийся древностей региона и соседних территорий. В Поволховье и Приильменье выделена особая группа памятников финала эпохи бронзы — начала РЖВ: памятники волховского типа. Для отдельных памятников были получены радиоуглеродные даты. По мнению исследовательницы, в раннем железном веке регионы Приильменья, Поволховья, Южного Приладожья и Полужья оказываются в окружении нескольких культур, оказывавших определенное воздействие на древности этого региона: каменных могильников с оградками, дьяковской, лууконсаари, днепро-двинской. В керамическом комплексе раннего периода РЖВ наблюдается сходство с материалами днепро-двинской культуры, а в комплексе позднего периода РЖВ (датируемого по керамике I в. до н. э. — III–IV вв. н. э.) — параллели с позднедьяковской культурой (Юшкова 2011: 20, 21).

³ Д. А. Мачинский высказал гипотезу о праславянской принадлежности культуры штрихованной керамики (Мачинский 1981: 34–37).

К сожалению, в силу объективных причин четкого представления о развитии археологических культур на интересующей нас территории Приильменя и Поволжья в первой половине I тыс. н. э. получить не удастся. Верхняя хронологическая граница РЖВ остается очень неопределенной, непонятно, какие памятники непосредственно предшествуют появлению культур длинных курганов и сопок. В последние десятилетия на Северо-Западе выявлена целая серия находок, относящихся к римскому времени (см., напр.: Сорокин 2008; Сорокин, Шаров 2008), однако большинство их найдено либо вне контекста, либо в слоях средневековых памятников, явно во вторичном залегании. В. В. Седов предположил, что это следы расселения среднеевропейского населения в лесной зоне Восточно-Европейской равнины (Седов 1999: 91–117). В последние годы здесь стали обнаруживаться, пока в единичных случаях, отдельные памятники (поселения и погребения) РЖВ и эпохи Великого переселения народов (ВПН). Вероятно, по мере расширения источниковой базы они смогут прояснить историко-культурную ситуацию в регионе (Сорокин и др. 2011; Юшкова 2015; Герасимов и др. 2017; Стасюк 2017; Федоров, Мурзенков 2017; Михайлова 2017).

Памятники второй половины I тыс. н. э.

Примерно с середины I тыс. н. э. на Северо-Западе появляются курганные захоронения по обряду трупосожжения, которые обычно связываются с приходом нового населения. Параллельно с этим на смену керамике с текстильной и штрихованной поверхностью приходит лепная неорнаментированная посуда.

Долгое время споры о времени и характере сложения древнерусской культуры в этом регионе велись вокруг двух основных археологических культур, известных, главным образом, по характерным погребальным памятникам: культуры длинных курганов (КДК) и культуры сопок (КС). Исследование их началось еще в начале прошлого века; библиография по этой теме весьма обширна. В отечественной историографии долго господствовала точка зрения, что ареалы сопок и длинных курганов различны, а сами памятники оставлены двумя восточнославянскими племенами: словенами новгородскими и кривичами (Седов 1970а; 1974).

Е. Н. Носов предложил концепцию двух волн славянского расселения: более ранней, «приведшей в сложном процессе взаимодействия с различными группами балтского и финно-угорского населения к формированию культуры длинных курганов, характеризующейся достаточно разнородными компонентами материальной культуры», и более поздней, «несколько иной по составу... связанной в конечном итоге с населением, соорудившим сопки» (Носов 1982: 65). С этим положением согласился и В. В. Седов (Седов 1990а: 29).

Культура длинных курганов

Планомерные исследования КДК показали, что территория, занимаемая ими, охватывает почти всю лесную зону Восточной Европы от Псковского озера до бассейна Мологи и Мсты и от Полужья до верховьев Западной Двины и Волги и не вполне соответствует области, занимаемой летописными кривичами (Носов 1982: 57). Среди исследователей утвердилось мнение, что под общим названием

«культура длинных курганов» скрываются как минимум две археологические культуры, объединяемые по наличию погребений в насыпях удлиненной формы: южная, связанная с Верхним Поднепровьем, — так называемая культура смоленских длинных курганов (КСДК), и северная, занимающая пространство от юго-восточной Эстонии до юго-западного Белозерья, обычно именуемая «культурой псковских длинных курганов» (КПДК). Отметим, однако, что разные исследователи называли эти курганы «псковско-новгородскими» (Булкин и др. 1978: 63), «псковско-боровичскими» (Мачинский 1986: 11) и «псковско-вологодскими» (Лебедев 1990: 21). Вопросы происхождения, хронологии, этнической принадлежности этих культур остаются по-прежнему предметом дискуссий. КСДК датируют в настоящее время от первой половины — середины VIII в. до X–XI вв. (Енуков 1990: 75; Исланова 1997). КПДК формируется в конце V — середине VI в., а заканчивает своё существование в IX — начале XI в., когда на смену кремациям приходят ингумации (Михайлова 2009: 12–15). В. В. Енуков, сравнив по особенностям погребального обряда и характеру инвентаря памятники КПДК и КСДК, пришел к выводу о независимом происхождении этих двух культур (Енуков 1992).

Е. Р. Михайлова выделила три области КПДК, подчеркнув, что локальные различия между ними выражаются, скорее, в тенденции и не носят характера изолированных комплексов вещевого материала. По ее мнению, КПДК формируется одновременно в нескольких очагах: в Двинско-Ловатском междуречье, на побережье Псковского и Чудского озер и в бассейнах р. Мологи и Мсты (Михайлова 2014а: 191–199). Отмечая несомненный вклад населения КПДК в формирование древнерусской культуры, Е. Р. Михайлова пришла к выводу, что «сложный комплекс погребальной обрядности КПДК, распространившийся по огромной территории, следует трактовать, скорее, как явление духовной жизни и религиозных практик древнего населения, чем как отражение неких социальных или этнических структур» (Михайлова 2009: 12–15). Для реконструкции историко-культурных процессов в лесной зоне Восточной Европы в раннем средневековье, по мнению исследовательницы, нужно еще много работать над созданием надежной источниковой базы.

Е. Р. Михайлова фактически подтвердила вывод Е. А. Шмидта, который писал: «длинные курганы, видимо, нужно рассматривать как особую форму погребальных сооружений, возникшую в I тыс. н. э. у целого ряда племен и отражающую одинаковый уровень их социально-экономического развития, причем эти племена этнически могут и отличаться друг от друга» (Шмидт 1968: 225).

Керамический комплекс культуры длинных курганов. Керамику КДК впервые проанализировал В. В. Седов. Он рассматривал материалы псковской и смоленской групп совместно и считал их славянскими на основании того, что керамика длинных курганов генетически увязывается с посудой из славянских (кривичских, по его мнению) круглых курганов IX–X вв. (Седов 1970: 99–101; 1974: 24, 25; 1982: табл. XVII). В сводной работе по длинным курганам В. В. Седов выделил два типа сосудов.

Тип 1 — «сосуды баночной или слабопрофилированной усеченно-конической формы», встреченные почти исключительно в бассейне р. Великой и Псковского озера. По наблюдениям В. В. Седова, они имеют сходство с грубой керамикой Псковских городищ (Камно, Псков) середины — второй половины I тыс. н. э.,

но более всего аналогий прослеживается с глиняными урнами новгородских сопок. Исследователь отметил, что цилиндрические сосуды встречены в нижних слоях Староладожского городища, и предположил, что в сложении описываемого типа глиняных сосудов из длинных курганов отразилось влияние местных керамических форм.

Тип 2 — «профилированные горшкообразные сосуды. От дна к верху тулова сосуды всегда расширяются, имеют круглые плечики и несколько отогнутый, реже прямой венчик. Большая часть таких сосудов не орнаментирована. Глиняные урны с узором в верхней трети в виде наклонных гребенчатых вдавлений, нанесенных зубчатым чеканом или имеющих насечки по верхнему краю венчика, найдены в смоленских длинных курганах» (Седов 1974: 26, 27).

Вне этих типов, по мнению исследователя, остаются всего несколько единичных форм и гончарные сосуды, датируемые X в. (Там же).

По поводу атрибуции керамического комплекса КДК существуют разные точки зрения. Еще И. И. Ляпушкин отмечал, что часто памятники используются не как источник для реконструкции исторического процесса, а как иллюстрация для умозрительных концепций (Ляпушкин 1968: 92). Тогда он видел основную причину в недостаточной изученности памятников. Сам В. В. Седов несколько раз менял свою точку зрения на ее керамический комплекс (ср.: Седов 1960: 60; 1974: 39; 1982: 51; 1990а: 26). В последних работах В. В. Седов высказал критическое отношение к своим прежним разработкам по керамике КПДК и попыткам коллег предложить региональные схемы, отметив, что «целостного представления о кривичской керамике V–VII вв.» пока не получается (цит. по: Лопатин 2009: 31).

Причина такого положения дел кроется, несомненно, в специфических особенностях раннесредневековой керамики Северо-Запада: ее невыразительности, фрагментарности, почти полном отсутствии орнаментации. Кроме того, материал раскопанных памятников очень медленно вводится в научный оборот.

Многими исследователями в той или иной форме делались попытки выделить из общей массы длинных курганов Псковщины наиболее раннюю группу и связать ее генетически с древностями типа Тушемли–Банцеровщины или их вариантами (атокинским, типа Заозерье и др.) (Перхавко 1978: 10, 11, 19; Митрофанов 1980: 108, 109). Р. С. Минасян проанализировал погребальный обряд и инвентарь (в том числе керамику) памятников типа Тушемли–Акатова и КПДК и пришел к выводу, что в материальной культуре обеих групп древностей «имеется больше общего, чем различий». На этом основании он выдвинул предположение о генетической преемственности памятников типа Тушемли–Акатова и КПДК (Минасян 1979: 182–184). С. В. Белецкий также отметил сходство керамического комплекса псковских длинных курганов (района Повеличья и Причудья) и памятников типа Тушемли–Акатова, но подчеркнул, что для выведения КПДК из тушемлинского круга древностей препятствием является синхронность этих групп памятников (Белецкий 1979: 10). Он предложил считать культуру длинных курганов «стадиально более поздней, чем банцеровская» (Белецкий 1996: 42, 43). Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев, заново рассмотрев материалы типа Тушемли–Банцеровщины и псковских длинных курганов, подтвердили тезис об отсутствии между ними серьезных отличий (Лопатин 1987: 52, 53; Фурасьев 1992: 106). Они пришли к заключению, что в первой половине I тыс. в Верхнее Поднепровье, Подвинье и Повеличье проникают традиции

киевской культуры, где в результате смешения с местными (днепро-двинскими) традициями формируются древности круга Заозерья–Узмень, на основе которых впоследствии развиваются памятники типа Тушемли–Банцеровщины и псковских длинных курганов (Лопатин 2003: 55, 56; Лопатин, Фурасьев 1994: 136–140; 2007: 104, 105).

Керамикой КПДК в настоящее время активно занимается Н. В. Лопатин. Им выделены керамические наборы третьей четверти I тыс. н. э., характерные для отдельных регионов КПДК. Различия между этими наборами, по его мнению, выявляются только на уровне тенденции. Автором учтен материал около 20 памятников, выделено 13 типов, но, к большому сожалению, статистика не приводится. Однако уже сейчас можно констатировать, что керамический набор КПДК неоднороден. Вывод автора о происхождении всех вариантов керамических наборов КПДК от памятников круга Заозерье–Узмень, являющихся развитием традиций киевской культуры (Лопатин 2003: 55, 56), несомненно, заслуживает внимания, но, учитывая обширную территорию, которую занимает культура, не стоит сбрасывать со счета возможность выявления и других истоков.

Эстонские археологи С. Лаул, Э. Тыниссон и др. считали, что керамический комплекс КПДК имеет сходство с керамикой каменных могильников с оградками на территории Эстонии (первая половина I тыс. н. э.), что, с учетом параллелей в погребальном обряде и отдельных категориях инвентаря, дало им основание считать курганы псковской группы памятниками финского населения (Лаул 1971: 323, 324; Тыниссон 1976а). М. Аун также придерживается мнения об их неславянской атрибуции и считает, что до возведения курганной насыпи захоронения совершались в грунтовых ямках на специальных погребальных площадках (Аун 1980; 1981; 1992).

Раскопками А. Н. Башенькина в бассейне р. Мологи, Чагодоши и Кабожи были открыты длинные курганы, относящиеся к первым векам новой эры. По некоторым особенностям погребального инвентаря (включая керамику) и отдельным деталям обряда автор приписывал их финно-угорскому населению, а их появление связывал с импульсом с юго-востока, из Поволжья (Башенькин 1993: 138–140).

В 1990 г. вышла в свет работа В. В. Енукова, посвященная анализу погребальных памятников последней четверти I тыс. н. э., расположенных на территории смоленских и полоцких кривичей русских летописей. Это, фактически, первая работа, где специально исследовалась керамика КСДК. В диссертации Е. В. Каменецкой, защищенной еще в 1977 г., основное внимание уделялось материалам Гнёздовского комплекса, Смоленска и ряда других поселений; керамика КСДК вошла в поле зрения автора лишь частично (Каменецкая 1977; 2019).

В. В. Енуковым были выделены две традиции в погребальном обряде КСДК. К первой, более древней, относятся захоронения в материковых ямках с сосудом вверх дном. У сосудов, характерных для первой традиции, диаметр дна приближается к диаметру горла, что придает им менее профилированный, приземистый вид. В. В. Енуков считает, что такая керамика имеет аналогии в древностях Литвы V–VIII вв. (Енуков 1990: 90). Для второй традиции характерны погребения на площадках, с сосудами или без них. Сосуды второй традиции — это «довольно стройные, хорошо профилированные сосуды, среди которых немало относительно высоких. Близкая им керамика известна на более южных, достоверно славянских памятниках — лука-райковецких и роменско-боршевских» (Енуков 1990: 89). В. В. Енуков

связывает первую традицию погребальной обрядности КСДК с балтским элементом, а вторую — со славянским, появившимся в Смоленском Поднепровье с притоком нового населения (Там же: 93). Автор выделяет отдельные регионы КСДК, имеющие собственный темп развития: Смоленское Поднепровье и Витебское Подвинье, и показывает ее отличие от КПДК. Анализ погребального инвентаря (в том числе и керамики) привел его к выводу о приходе южной группы славян на Смоленщину через район Гомельско-Могилевского Поднепровья (Там же: 173, 178, 179).

Культура сопок

Вторая раннесредневековая археологическая культура на территории Северо-Запада — это культура сопок (КС). Исследователи долго рассматривали её в качестве древнейшего пласта славянских памятников на этой территории (В. В. Седов, Е. Н. Носов, В. Я. Конецкий); в последние десятилетия чаще стала высказываться точка зрения, что это была, скорее, основа формирующейся культуры Верхней Руси (С. Л. Кузьмин, И. В. Исланова, Н. И. Платонова и др.).

Отметим, что в материалах Северо-Запада выделяется группа памятников, объединяющих в себе черты КДК и КС. Их называют в литературе памятниками смешанного типа, курганами на стыке ландшафтов, сопками в борах. К этой группе относятся такие памятники, как Славенка, Репьи и Которск на северо-западе Новгородской земли; Нестеровичи и Любытино в бассейне р. Мсты и др. (Конецкий 1991; Конецкий, Носов 1989). Однако в настоящее время исследователи склонны связывать «сопковидные» насыпи на стыке ландшафтов с культурой длинных курганов (Кузьмин 1990: 54, 55; Исланова 2015: 37).

В. В. Седов, считая, что сопки оставлены словенскими новгородскими, подчеркивал, однако, что на территории славян первой половины — середины I тыс. н. э. неизвестны памятники, с которыми их можно было бы связать генетически. Все более или менее поддающиеся определению детали конструкции и погребального обряда (каменные кучи и вымостки, зольные прослойки в подошве, кости животных — с одной стороны; каменные круговые обкладки, сплошное мощение камнем основания насыпи, захоронения коней, а также сам обычай сооружать курган — с другой) связывают их, по мнению автора, с финскими и балтскими древностями (Седов 1970а: 13–33). В работах 1990-х гг. В. В. Седов писал, что сопки, как и длинные курганы северной группы, являются памятниками смешанного славяно-прибалтийско-финского населения (Седов 1990а: 29, 30).

Общепринятой датировки КС пока не существует. В. В. Седов сначала датировал сопки VII–IX вв., основываясь на материалах из низовьев Волхова, и считал, что эту дату можно распространить на весь ареал этих памятников (Седов 1970а: 27). Впоследствии он писал, что основная масса сопок датируется VIII–IX вв. (Седов 1982: 64, 66). По мнению В. П. Петренко, среди сопок Северного Поволжья нет комплексов VII в.; их датировка может быть определена в пределах VIII–X вв. (Петренко 1985а: 143).

А. Н. Башенькиным были раскопаны сопковидные погребальные насыпи в Вологодской области, датированные V — первой половиной VI в. и относящиеся, по мнению автора, к дославянскому населению (Башенькин, Васенина 1989: 30, 31). Однако стоит отметить, что по целому ряду признаков они отличаются от «классических» сопок Северного Поволжья и Приильменя.

С. Л. Кузьмин пришел к выводу, что «классические» сопки в Нижнем Поволжье появляются «не ранее второй половины или даже конца IX в.», а насыпи VIII — начала IX в. отсутствуют. Между тем поселения с материальной «сопочной» культурой существуют и в VIII, и в начале IX в., что дало ему основание выделить так называемый досопочный этап культуры сопки (Кузьмин 1998: 10; 1999: 16). Автор датировал высокие погребальные насыпи КС концом IX — X в., допуская существование части из них и в XI в. (Кузьмин 1997б: 111).

Сходные выводы о хронологии сопки были сделаны Н. И. Платоновой на материалах Верхнего Полужья и смежных с ним территорий. Анализ погребального обряда и устройства насыпей этого региона привел исследовательницу к выводу, что они «являют черты исключительной близости — и конструктивной, и типологической» (Платонова 2002: 185), за которыми, вероятно, стояли единые закономерности развития культуры, обусловившие сложение тут более-менее единой региональной сопочной традиции» не позднее второй половины X в. При этом ни одна из сопок на северо-западе Новгородской земли, по её мнению, в настоящее время не может быть датирована ранее последней четверти IX в. (Платонова 2002; 2021).

Вопрос происхождения КС в настоящее время остаётся дискуссионным. Г. С. Лебедев предлагал разделить все сопки на три типохронологических пласта и связывал их появление с финскими племенами (Лебедев 1977а: 91), но поддержки эта гипотеза не получила (Петренко 1985а: 128; Носов 1982: 60). Н. В. Тухтина связала появление сопочного обряда со скандинавами, жившими в Старой Ладогe (Тухтина 1968).

В. Я. Конецкий попытался выделить наиболее общие признаки этого типа погребальных сооружений. По его мнению, «...такowymi, кроме значительной высоты, являются ярусность насыпей, наличие каменных венцов или других видов ограждений, ограничивающих основание насыпей, каменные конструкции в них, наличие, кроме погребений по обряду трупосожжения, костей животных и птиц и, наконец, столбы, являющиеся вертикальными осями сопки» (Конецкий 1989: 144). Исследователь предложил свою гипотезу происхождения сопочного обряда. По его мнению, самыми ранними памятниками ильменских словен являются грунтовые могильники с трупосожжением (типа грунтового могильника близ Никольского монастыря в Старой Ладогe, раскопанного С. Н. Орловым) и соответствующие им поселения. Продвинувшись в район Старой Ладоги, славяне вступают в тесные контакты с выходцами из Скандинавии. Во второй половине VIII в. в Ладогe складывается крупный торгово-ремесленный центр с широкими международными связями и зарождается ядро древнего этносоциума, носящего имя Русь. В этих условиях в среде разноэтничного населения под влиянием контактов со скандинавами происходит сложение сопочного обряда, который становится характерным для социальной верхушки раннеклассового общества. Возникнув в Ладогe, мода на монументальные погребальные памятники проникла на коренные территории ильменских словен — в район Поозерья и Южного Поволжья (Конецкий 1989: 145–150). Д. А. Мачинский также не исключал появления обычая сооружать сопки под влиянием скандинавов (Мачинский 1986: 25). Такой же точки зрения придерживается ныне И. И. Еремеев (Еремеев 2007).

В. П. Петренко, напротив, считал эту гипотезу не подтвержденной археологическим материалом. По его мнению, со скандинавскими погребальными традициями

пока может быть связана только одна сопка в урочище Плакун (IV тип, по его классификации) (Петренко 1994: 34, 35). В ходе тщательного исследования сопок в низовьях Волхова В. П. Петренко выделил несколько типов высоких погребальных насыпей, которые представляют собой скорее некоторые тенденции погребальной обрядности, чем строго разграниченные типы (Петренко 1985а: 143, 146; 1985б: 28; 1985в: 85). Их сравнительный анализ свидетельствует о существовании разных погребальных традиций, отражающих, по мнению автора, неоднородность среды, где эти традиции бытовали. По его словам, «...выявленная неоднотипность сопок, не составляющая последовательных звеньев одной типологической линии развития обряда, заставляет отказаться от моноцентричной схемы происхождения крупногабаритных погребальных сооружений Северо-Запада. Многокомпонентная структура сопок отражает не только процесс взаимодействия разных этнических групп, но и, возможно, показывает неодинаковую социальную организацию некоторых из них... и, может быть, свидетельствует об отличных судьбах человеческих коллективов... в разное время и в разных условиях, возводивших величественные памятники...» (Петренко 1985а: 146).

С. Л. Кузьмин, основываясь на собственных раскопках сопок и анализе результатов работ предшественников, подверг критике некоторые выводы В. П. Петренко. Он считал, что из всех типов насыпей, выделенных им, только один тип III может рассматриваться «как ядро культурного явления, именуемого сопками» (Кузьмин 1997б: 112); остальные типы вряд ли стоит соотносить с сопками как таковыми (Кузьмин 1999а: 92).

Керамический комплекс культуры сопок. Сопочная керамика была разделена В. В. Седовым на две группы: «Самыми распространенными были слабопрофилированные приземистые (низкие, но широкие) горшки с отогнутым наружу венчиком. Наиболее близки к сосудам этого типа горшки из нижнего слоя Старой Ладоги и из ярославских курганов. Приземистые сосуды весьма характерны для финских древностей Восточной Европы. Поэтому можно полагать, что в сложении описываемого типа сосудов отразилось влияние местных керамических форм. Сосуды из сопок отличаются от последних тем, что имеют отчетливо выраженную усеченно-коническую нижнюю часть. Это сближает их с лепной посудой славянских курганов IX–X вв.

Второй тип керамики включает широкогорлые биконические сосуды с резким переломом в плечиках и чуть отогнутым венчиком. Такие сосуды широко представлены в материалах нижнего горизонта Старой Ладоги. В дославянских памятниках Новгородской земли (?! — *Примеч. Т. С.*) прототипы этих сосудов не встречены. Нет аналогий им и среди ранних славянских древностей Верхнего и Среднего Поднепровья. Зато сосуды биконических и ребристых форм составляют характерную особенность культуры славян междуречья нижней Вислы и Эльбы. Это обстоятельство еще не может служить поводом для предположения о расселении славян в Приильменье из региона балтийских славян. Можно предположительно говорить лишь о том, что характеризующая керамика ильменских славян и глиняная посуда балтийских славян имели одну основу. Не исключено, что эти отдаленные территориально группировки раннесредневековых славян вышли из одного древнего региона славянства, определить который затруднительно» (Седов 1982: 63, 64).

И. П. Русанова нашла сходство между «низкими сосудами с ребристым переломом плечика из новгородских сопок и западнобалтскими древностями VI в. и более раннего времени» (Русанова 1976: 200, 201).

В. П. Петренко на материалах сопки Северного Поволжья выделил пять групп лепной керамики. «Первую группу составляют широкогорлые сосуды вытянутых очертаний. К днищу заметно резкое сужение. Венчик короткий отогнутый, иногда с оборванным краем. Плечико округлое. Диаметр по плечикам примерно равен или чуть больше высоты сосуда... Вторая группа включает толстостенные сосуды с высоким венчиком и округлым плечиком. Диаметр по тулову примерно равен высоте. К дну сосуда заметно сужаются. <...> Третья группа состоит из приземистой керамики с высоким слегка отогнутым венчиком и резким переломом на плечике, часто переходящим в ребро. К дну заметно сужение. Диаметр по тулову обычно больше высоты... В четвертую группу объединены приземистые мискообразные сосуды, весьма напоминающие по особенностям теста, технологическим признакам, фактуре и характеру верхней части сосуда третьей группы. Диаметр по тулову заметно больше высоты. В пятую группу выделены два миниатюрных сосуда. Венчик короткий, слегка отогнутый. Высота меньше диаметра. Туловище почти прямое или немного сужается книзу» (Петренко 1994: 71, рис. 29). По заключению исследователя, типы сосудов не удастся устойчиво соотнести с определенными типами высоких насыпей (Петренко 1994: 110).

Начиная с 1970-х гг. было открыто и исследовано значительное количество поселений в Приильменье и Поволжье, относящихся к культуре сопки; анализ их материалов (в том числе керамического комплекса) был произведен Е. Н. Носовым (Носов 1977). Традиционно характерной для культуры сопки считается реберчатая керамика, называемая в литературе керамикой «ладожского типа».

Целенаправленным сбором и систематизацией керамического материала этой культуры занимается А. В. Плохов (Носов, Плохов 1989; 1991; 1997; Плохов 1992; 2002; 2005). Исследование поселений КС, проведенное в последние годы, привело его к выводу, что на некоторых из них реберчатая керамика либо отсутствует, либо встречена в незначительном количестве (Сельцо, Княжая Гора, Губинская Лука) и что она в целом «не характерна для древностей 3-й четверти I тыс. н. э. центрального Приильменья» (Плохов 2005: 79). Исследователь также поставил вопрос о существовании двух различных керамических традиций в культуре сопки на территории Приильменья в последней четверти I тыс. н. э. (Плохов 1992: 122). Одна из них имеет аналогии в материалах памятников Верхней Волги, Западной Двины и Днепра, а другая («ребристые» сосуды) зародилась в середине VIII в. в Нижнем Поволжье и отсюда распространилась на значительную территорию будущей Северной Руси (Плохов 2002: 148, 152; 2005: 78, 81).

Распространение реберчатой керамики, по мнению А. В. Плохова и В. Я. Конецкого, связано с западнославянским компонентом населения, а появление в керамическом комплексе слабопрофилированных, баночных и S-овидных горшков фиксирует приток славян с юга, из Смоленского Поднепровья (Плохов 1992: 121, 122; Конецкий 1992а: 20). Следует отметить, что, хотя типологическая шкала керамики культуры сопки не разработана, уже сейчас можно констатировать, что в керамическом комплексе этой культуры присутствуют разные типы керамики, а не только реберчатая «керамика ладожского типа».

Между тем остается актуальной проблема выделения памятников, предшествующих появлению на Северо-Западе КДК и КС. Г. С. Лебедев в свое время предположил, что до появления курганного обряда захоронения здесь существовала некая

гипотетическая «предкурганная культура», которая по основным археологическим характеристикам была близка дяковской и тушемлинской и, по его мнению, не могла быть связана со славянами, а соответствовала «чуди» Иордана⁴, то есть финно-угорскому, возможно с балтскими элементами, населению (Булкин и др. 1978: 62–64; Лебедев 1982а: 33).

«Предсопочные» памятники

Ещё в конце прошлого века многими исследователями осознавалась необходимость уйти от рассмотрения дихотомии «длинные курганы — сопки» и заняться поисками «третьих и четвертых» типов памятников (Носов, Плохов 1991: 131). В 1990–2000-х гг., в связи с открытием в «сопочном» ареале нового типа древностей третьей четверти I тыс. н. э. (так называемые памятники удомельского типа и типа Заполье) (Исланова 1996; 1997; Платонова 1996), предшествующих появлению высоких погребальных насыпей, а также благодаря выявлению памятников третьей четверти I тыс. н. э. в Приильменье (И. И. Еремеев, Е. Н. Носов, А. В. Плохов), вопрос о происхождении сопочного обряда впервые из умозрительной плоскости переместился в конкретную.

Среди исследователей долгое время не было единого мнения, связывать ли удомельский тип с культурой длинных курганов (Казанский 2010: 90–92), видеть в нем третий тип памятников, равно удаленный и от сопочных древностей, и от КПДК (Конецкий 1999), или рассматривать его в качестве собственно «предсопочной» культурной традиции, преемственно связанной с КС (Исланова 2016; 2019; 2021; Платонова 2021; Платонова, Жеглова 2021).

В. Я. Конецкий предложил вернуться к гипотезе Г. С. Лебедева о «предкурганной культуре» с учетом материалов, накопленных за последние десятилетия. На смену гипотезе «двух волн» славянского расселения он выдвинул гипотезу существования на Северо-Западе в I тыс. н. э. «двух культурных традиций». Первая из них восходит к позднедяковским древностям, вобравшим в себя верхне- и среднеднепровские, а также восточнолитовские импульсы, а вторая связана с так называемой предсопочной культурой, под которой он понимает памятники удомельского типа (Конецкий 2007: 263–267).

Население, оставившее эти памятники, практиковало бескурганый погребальный обряд. Памятники локализуются на территориях, в дальнейшем плотно освоенных «сопочным» населением; для них характерна та же ландшафтная приуроченность, что и для сопок, а именно холмисто-моренный ландшафт, «где сосредоточены относительно плодородные (благоприятные для земледелия) аллювиальные или лессовидные почвы» (Исланова 2016: 152). Опорным памятником этого типа на востоке Новгородской земли (бассейн верховьев р. Мсты) стал археологический комплекс Юрьевская Горка (поселение и могильник).

⁴ Интерпретация *thiudos* Иордана как «чуди» активно использовалась археологами конца XX в. для смелых этноисторических реконструкций. При этом вовсе не учитывалось, что термин «чудь» возник в славянской среде и никак не мог являться древним самоназванием финно-угорского племени. Существуют значительно более правдоподобные варианты прочтения данного слова. В частности, заслуживают внимания трактовка *thiudos* как искаженного готского *Piuda* (народ) и предложенный В. фон Гринбергером (V. Grienberger) еще в 1985 г. перевод начала списка народов Эрманариха как «скифские народы» (Ярцев 2014: 42) (Примеч. ред.).

И. В. Ислановой был выдвинут тезис о близости памятников удомельского типа к достоверно славянским древностям Восточной Европы, с одной стороны, и к культуре сопкок — с другой. Аргументами она считает общие элементы в домостроительстве, вещевом и керамическом комплексах «предсопочных» и сопочных селищ на востоке Новгородской земли (Исланова 1997: 126–129).

В дальнейшем этот пласт древностей был включен И. В. Ислановой в более обширную группу «предсопочных памятников», представленных не только на водоразделе Верхней Волги и Мсты, но и в Среднем Помостье, Приильменье, Полужье (Исланова 2016: 151–159; 2019: 184–219; 2021: 153–157). На сегодняшний день их насчитывается более двух десятков. Вопрос о культурных характеристиках «предсопочных» памятников на разных территориях и степени их генетической близости в настоящее время еще далек от разрешения и требует дальнейшей разработки. Например, памятники типа Подол, выделенные исследовательницей в Верхневолжье, отличаются от удомельского типа главным образом тем, что на территории их распространения отсутствуют сопки. По сути наиболее бесспорными признаками, объединяющими «предсопочный» пласт древностей воедино, являются хронология, ландшафтная приуроченность и отсутствие обычая насыпать курганы.

В Приильменье материалы третьей четверти I тыс. н. э. были впервые выявлены в «сопочном» ландшафте Е. Н. Носовым и А. В. Плоховым на рубеже 1990–2000-х гг. — на поселении Прость близ истока р. Волхов. Там были зафиксированы остатки углубленных в материк сооружений и ям, различных по форме и глубине. По набору вещевого инвентаря (детали поясного набора, так называемые крапчатые бусы и т. д.), подкрепленному радиоуглеродными датами (от V до IX в.), часть их была отнесена к третьей четверти I тыс. н. э. Керамика этого периода, по мнению Е. Н. Носова и А. В. Плохова, представлена слабопрофилированными и баночными формами (Носов, Плохов 2005: 142, 144, 339, табл. 167; Плохов 2005: 79).

В юго-восточном Приильменье слои, относящиеся к третьей четверти I тыс. н. э., исследованы И. И. Еремеевым на городищах Городок на Маяте, Сельцо (датировки по ^{14}C , вещевому инвентарю, технологии возведения укреплений) (Еремеев, Дзюба 2010: 71, 84, 123, 127). По мнению И. И. Еремеева, для этого периода характерна слабопрофилированная кухонная керамика, хотя встречаются единичные обломки лощеных сосудов с ребром и/или с резким переломом плечиков (Еремеев, Дзюба 2010: 71, 114, 123, рис. 211, 1, 3, 5–7).

В Верхнем Полужье, к северо-западу от озера Ильмень, Н. И. Платоновой были раскопаны грунтовый могильник и селище (Заполье 2–3), перекрытые сопочной насыпью. По данным автора, они функционировали синхронно в VI–VII вв. (даты по ^{14}C); непосредственная связь их с сопкой, достоверно датированной концом IX — X в., исключена (Платонова 1996: 11; Платонова, Жеглова 2021: 182, 183, рис. 3).

Керамика Заполья сильно фрагментирована. Судя по сохранившимся определенным фрагментам и реконструированной целой форме, значительная часть сосудов имела S-овидный профиль, с наибольшим расширением в верхней трети (Платонова, Жеглова 2021: 189–191, рис. 6). Присутствуют также обломки слабопрофилированных горшков и единичные фрагменты столовой посуды, в том числе фрагменты подлощенного сосуда геометрически правильной формы с заметным наклоном венчика внутрь (реберчатой миски?) (Там же: рис. 7, 1). Аналогии этим типам керамики имеются в Городке на Маяте, на удомельских памятниках,

на памятниках КПДК восточного ареала (оз. Съезжее и др.). В то же время анализ керамики Заполя в контексте древностей второй половины I тыс. н. э. привел исследователей к выводу о преемственности форм VII в. и более позднего времени: «Наблюдаемое сходство позволяет поставить вопрос об отсутствии резкого перелома в развитии керамической традиции в регионе при переходе от третьей четверти I тыс. н. э. к периоду ранней Древней Руси... Можно предположить, что по крайней мере некоторые варианты горшков VII в. очень мало отличались от тех, что использовались 100–150 лет спустя...» (Там же: 192)⁵.

Интересные данные для реконструкции культурных процессов первой половины — середины I тыс. н. э. на Северо-Западе были получены В. Я. Конецким при исследовании селища Заозерье под Окуловкой. Датируя материалы РЖВ второй четвертью I тыс. н. э. и отмечая их близость к позднедьяковским древностям типа Варварина Гора (по И. В. Ислановой), В. Я. Конецкий фиксирует на этом памятнике несколько культурных импульсов, имевших место в первых веках новой эры и исходивших от: 1) днепро-двинской культуры; 2) памятников типа «среднего слоя Тушемли»; 3) древностей круга Заозерье–Узмень (Конецкий 2011: 130, 131). Некоторые категории находок, по его мнению, могут выходить за рамки РЖВ и относиться к древностям уже следующего этапа — КДК. Отмечая связи с памятниками Верхнего Поднепровья, Подвинья и Валдайского региона, автор совершенно справедливо подчеркивает, что «многие типы бытового инвентаря, а отчасти и украшений были общими для ряда культур лесной зоны Восточной Европы» (Конецкий 2011: 131).

Ситуация с материалами третьей четверти I тыс. н. э. в Нижнем Поволжье не вполне ясна; имеющиеся данные не позволяют пока делать какие-либо категоричные заключения. В 1997–2001 гг. Е. А. Рябининым был проведен очередной цикл исследований городища Любша, расположенного примерно в 1,5 км к северо-востоку от Старой Ладоги ниже по течению р. Волхов (Рябинин 2002; Рябинин, Дубашинский 2002). В нижнем горизонте культурного слоя, насыщенном рыбьими костями и чешуей, выявлены очаги из обожженных и покрытых углистым нагаром булыжных камней. С этим горизонтом автор связывает функционирование первых земляных укреплений городища, датируемых, по его мнению, VI — первой половиной VIII в. (имеется серия ¹⁴C дат). К сожалению, среди очажных камней были обнаружены только фрагменты стенок сосудов, поэтому о типологической принадлежности говорить не приходится. Отмечу только, что по основным характеристикам (качество теста, характер примесей, толщина стенок, цвет черепка и др.) эта керамика визуально не отличается от керамики последней четверти I тыс. н. э. Е. А. Рябинин отметил ряд отличий в материальной культуре Любши по сравнению с Ладогой: более архаичная техника изготовления железных изделий; находка серии бронзовых украшений, датируемых третьей четвертью I тыс. н. э. и не встречающихся в Ладоге; иной набор бус (Рябинин, Дубашинский 2002: 200; Львова 2010).

Основная масса материалов Любшанского городища относится к последней четверти I тыс. н. э. При сравнении любшанской и ладожской керамики удалось установить, что типы посуды и их процентное соотношение совпадают практически полностью. Однако и в керамике прослеживаются более архаичные черты.

⁵ Благодарю Н. И. Платонову и Т. А. Жеглову за подробную консультацию и предоставленную возможность ознакомиться с материалами раскопок.

Здесь на порядок чаще, чем в Ладогe, встречается характерный способ соединения глиняных лент при лепке сосуда (а именно соединение по так называемому желобчатому торцу), известный на Северо-Западе еще с эпохи неолита (нарвская культура) (Гурина 1967: 34)⁶. Найден реберчатый широкодонный горшок, который конструировался с помощью лоскутного налепа (Сениченкова 2010: рис. 5, 1). Такая форма имеет аналогии на памятниках Северо-Запада, как в Приильменьe, так и в Приладожье и Белозерье. Н. А. Макаров отметил находки подобных сосудов в комплексах середины — третьей четверти I тыс. н. э. в Прионежье и на р. Сухоне и отнес их к архаичным западно-финским формам (Макаров 1986: 31; 1991: 136). Проведенный цикл исследований не дал однозначного ответа на целый ряд вопросов, но имеющиеся на сегодня данные не исключают того, что керамика, обычно относимая к последней четверти I тыс. н. э., появляется в регионе в более раннее время.

В последние годы детальный анализ полевой документации, в первую очередь стратиграфии и планиграфии Любши, был осуществлен П. А. Миляевым. Благодаря его работе выделенные Е. А. Рябининым этапы существования памятника получили четкое документальное подтверждение, а их характеристики были уточнены. На Любшанском городище зафиксированы:

1) горизонт эпохи палеометалла — РЖВ, с культурными остатками типа Шкурин Горка, представленный прослойкой темно-серой гомогенной супеси в основании культурного слоя и комплексом № 1 под насыпью вала (остатки наземного сооружения с круглым очагом);

2) горизонт открытого поселения третьей четверти I тыс. н. э. (комплекс № 3 под полой насыпью вала — остатки постройки предположительно каркасно-столбовой конструкции, с печью-каменкой); к этому периоду, возможно, относятся обнаруженные следы пахоты; достоверных следов укреплений не выявлено;

3) горизонт каменно-земляной крепости VIII — середины IX в. (постройка в раскопе В. П. Петренко; комплексы № 2, 4–6 в раскопе Е. А. Рябинина); присутствуют срубные наземные постройки, с прямоугольными котлованами и остатками отопительных сооружений; в слое зафиксированы отходы процесса металлообработки; данный горизонт включал слой разрушения крепости и непосредственно перекрывался позднейшими отложениями XV–XVII вв. (Новое в археологии... 2018: 230–232).

Соотношение различных типов памятников второй половины I тыс. н. э.

И. И. Ляпушкин не считал сопки и длинные курганы памятниками летописных славянских племен (словен новгородских и кривичей). Он высказал предположение, что достоверно славянскими могильными памятниками времени образования Древнерусского государства VIII–IX вв. следует считать круглые курганы с трупосожжениями (Ляпушкин 1968: 96, 117). Эта точка зрения была поддержана М. И. Артамоновым (Артамонов 1967: 67). Однако дальнейшие исследования

⁶ По мнению Н. Н. Гуриной, территория Нижнего Поволжья в III — первой половине II тыс. до н. э. была занята нарвской культурой (Гурина 1967: 197, рис. 107). Здесь «перекрещивались два типа керамики — карельская и прибалтийская», а на стоянках Южного Приладожья зафиксирован особый тип керамики, получивший название нарвского (Гурина 1961: 77, 78, рис. 14).

показали, что большинство памятников, вошедших в каталог И. И. Ляпушкина как полусферические курганы, на самом деле относятся к культуре длинных курганов, носители которой сооружали насыпи различной формы (Носов 1981б: 44; 1982: 52; Минасян 1979: 182–183; Александров 1982).

Изучение микротопографии памятников КДК и КС позволило говорить о различиях в хозяйственном укладе оставившего их населения. Как правило, сопки располагаются на берегах рек и озер в непосредственной близости от воды, на суглинистых почвах. Памятники КДК тяготеют к супесчаным почвам, занятым сейчас сосновыми лесами, в стороне от водоемов. Большинство исследователей сходятся на том, что носителям КДК было свойственно подсечное земледелие в сочетании с лесными промыслами, а экономика КС базировалась на сочетании животноводства и пашенного земледелия (Конецкий 1989а: 3–9; Платонова 1988: 8–10; Носов 1982: 63; Долуханов, Носов 1985; Кузьмин 1989а: 24; История крестьянства... 1994: 10–18).

Основываясь на существовании в Приильменье двух типов хозяйственного уклада, В. Я. Конецкий поставил вопрос об этнической неоднородности их носителей: «При современном состоянии источниковой базы более правомерным будет отождествлять носителей культуры сопок с основным славянским элементом, а длинных курганов — прежде всего с местным субстратным населением, несомненно финно-угорским в своей основе...» (Конецкий 1989а: 18). Исследователь высказал оригинальную точку зрения: ведущий признак, характеризующий культуру сопок, — это хозяйственно-культурный тип, основанный на пашенном земледелии; в связи с этим сам термин «культура сопок» считается условным, а сопки (высокие погребальные насыпи) не являются характерным признаком этой культуры. Мнение В. Я. Конецкого поддержал Н. И. Петров: «Сопки недопустимо рассматривать в качестве определяющего показателя археологической культуры сопок» (Петров 1997: 21).

Здесь налицо ситуация, когда противоречия, не разрешимые в рамках традиционных представлений, заставляют исследователей обращаться к пересмотру существующих теоретических положений. В данном случае решение вряд ли можно признать удачным: понятие «хозяйственно-культурный тип» заимствовано археологами из аппарата другой науки. Возможно, КС действительно связана с иным хозяйственным укладом, нежели КДК. Однако не совсем понятно, по каким признакам археолог, исследующий конкретный памятник, должен относить его к тому или иному хозяйственно-культурному типу, минуя даже этап соотнесения с археологической культурой. Между тем исследования С. Л. Кузьмина, выделившего так называемый досопочный этап культуры сопок или «бессопочные памятники культуры сопок», имея в виду, что высокие погребальные насыпи появляются на определенном этапе развития КС (Кузьмин 1999: 16), кажется, дают основания для такого вывода.

Исследования последних десятилетий внесли серьезные коррективы в вопрос о соотношении разных типов памятников с различиями в хозяйственном укладе оставившего их населения (Носов 1988; Фурасев 2002). Как показали скрупулезные исследования И. В. Ислановой в Верхневолжье, в древности памятники КДК располагались по берегам небольших рек и ручьев, ныне пересохших (Исланова 2019: 17, 18). И. И. Еремеев выделил в Приильменье несколько пиков земледельческой активности и пришел к выводу, что «важнейшие формы социальной и хозяйственной организации (городки и пойменное земледелие), присущие обитателям

Приильменья во второй половине I тыс. н. э., зарождаются на берегах озера в среде прибалтийско-финского (?) населения задолго до появления славян» (Еремеев, Дзюба 2010: 63) и что «при реконструкции системы землепользования середины I тыс. н. э. следует отдать предпочтение пашенному земледелию. Подсека в пойменных ландшафтах как основной тип ведения хозяйства маловероятна» (Там же: 47). К сходному выводу пришел и Д. Н. Григорьев, исследовавший селище Мшага в бассейне Нижней Шелони (Григорьев 2011: 139, 140).

Таким образом, наблюдения И. В. Ислановой, И. И. Еремеева, Д. Н. Григорьева показывают, что тема реконструкции хозяйственного уклада древнего населения еще далека от разрешения и требует дальнейшей разработки.

Вероятно, причиной, заставившей исследователей говорить о «досопочном этапе» КС, является некоторое несовпадение хронологии сопочных насыпей и культурно близких им поселений. Например, в материалах древнейших слоев Ладоги, которые на сегодняшний день датируются серединой VIII в., встречены артефакты, аналогичные найденным в сопках. Между тем сопки в основном фиксируются не ранее второй половины IX — начала X в., а их функционирование как мест погребения и/или святилищ продолжалось по меньшей мере до XI в. (Кузьмин 1992: 24; 1997б: 111; 1999а: 98, 99; 2001: 59, 60; Платонова 2017: 16). С. Л. Кузьмин и Н. И. Платонова склонны рассматривать культуру сопки (включая ее «досопочный этап») в контексте сложения древнерусской культуры, а сами сопки — как памятники уже древнерусского населения Новгородской земли (Кузьмин 1995: 15; Платонова 2017: 16, 17).

Сложность этнокультурных процессов, происходивших на территории Северо-Запада Восточной Европы в конце I тыс. н. э., и дискуссионность многих аспектов этих процессов привели к тому, что начиная с последних десятилетий XX в. работа многих археологов сконцентрировалась на изучении материалов отдельных регионов, имеющих свои особенности развития (см. напр.: Основания регионалистики 1999).

Благодаря этой работе значительно усложнилась картина соотношения памятников второй половины I — первой половины II тыс. н. э., например, Н. В. Хвоцинской было установлено, что в западных районах Новгородской земли (бассейны рек Желчи и Чёрной) курганы с трупоположениями древнерусского времени находятся в одних могильниках с насыпями культуры длинных курганов (Хвоцинская 1978: 14, 15). В центральных районах Новгородской земли — в Приильменье — был выявлен пласт ранних жальников XI–XII вв., находящихся в непосредственной близости с сопками и синхронных позднему захоронениям в них (Носов 1982: 68; Лебедев 1981: 24). Грунтово-жальничные погребения того же времени (в каменных оградках и без них) исследованы Н. И. Платоновой в Верхнем Полужье при раскопках 1981 и 1983 гг. на древнерусском могильнике Удрай 2, по соседству с сопочной группой⁷.

В. Я. Конечким и В. П. Петренко была выделена серия грунтовых могильников с трупоположениями, расположенных при сопках и синхронных древнерусским курганам и ранним жальникам (Петренко 1975: 32; 1994: 95, 97; Конечкий 1981; 1981а). Кроме того, В. П. Петренко при раскопках ряда сопки в Северном Поволжье с внешней стороны каменных обкладок были открыты погребения по обряду трупосожжения. Это дало ему возможность предположить, что обычай совершать грунтовые трупоположения при сопках восходит к более раннему времени

⁷ Сообщение Н. И. Платоновой.

(Петренко 1980: 75). В. Я. Конецкий, развивая «вглубь» гипотезу Рериха–Спицына о прямом переходе от сопок к жальникам (Рерих 1899: 351, 352; Спицын 1905: 1–5), предложил схему развития погребальных памятников от грунтовых могильников с трупосожжениями к сопкам, затем — к грунтовым могильникам с трупоположениями и жальникам (Конецкий 1984; 1989: 147, 148).

В. П. Петренко критически отнесся к схеме В. Я. Конецкого и отметил, что этот процесс можно считать одним из возможных путей сложения грунтовых могильников Новгородчины, но он не является универсальным даже для центральных районов Новгородской земли (Петренко 1994: 97, 99). Показав разнотипность высоких сооружений, условно включаемых в культуру сопок, и наметив своеобразные топографические и культурные блоки между отдельными типами сопок и другими средневековыми памятниками (например, сопки I типа — победищенские курганы, сопки III типа — грунтовые могильники, сопки IV типа — плакунские курганы), В. П. Петренко пришел к выводу, что «соотнесенность рассмотренных памятников отражает сложную картину развития и взаимодействия различных погребальных традиций населения, втянутого в этносоциальные процессы, обусловленные становлением раннегородского общества» (Петренко 1994: 99). Впоследствии и В. Я. Конецкий согласился с тем, что «указанный вариант связи сопок с жальниками и грунтовыми могильниками ныне может восприниматься лишь в качестве одного из возможных» (Конецкий 2014: 199).

Интереснейшие находки были сделаны С. Л. Кузьминым в 1988 г. и Н. И. Платоновой в 1995 г. при исследовании сопок в группах Сквородка и Заполье 1 на северо-западе Новгородской земли. В обоих случаях в верхней части насыпи были обнаружены остатки деревянных ящиков с остатками нескольких одновременных захоронений по обряду трупосожжения. В Сквородке эти комплексы датированы концом X — XI в. (дата подтверждена радиоуглеродным анализом) (Кузьмин 1991: 93; 2001a: 59, 60). На этом основании С. Л. Кузьмин предложил рассматривать россыпи кальцинированных костей вокруг насыпей, зафиксированные В. П. Петренко и интерпретированные как грунтовые захоронения, в качестве остатков захоронений на/над поверхностью земли (так называемые поверхностные ТПС или ссыпные погребения) (Кузьмин 1999: 17).

В Заполье 1 деревянная конструкция, по-видимому, перекрытая крышкой, держала почти два десятка индивидуальных захоронений — в основном безурновых (в органических емкостях), а также в плитняковых ящиках и одно — в керамической урне. По инвентарю погребения датировались первой половиной — третьей четвертью X в. Кроме того, дерн в вершине сопки был чрезвычайно насыщен кальцинированными костями, что позволило говорить о захоронениях россыпью, которые совершались здесь и позднее (Платонова 1995: 28, 29; 2002: 186–194).

Таким образом, благодаря раскопкам сопок в 1980–1990-х гг. были зафиксированы разные варианты размещения поверхностных ТПС: в урнах или в каменном ящике на вершине насыпи, в деревянном коробе, россыпи кремированных остатков на вершине насыпи и на её склонах (Михайлова 2014: 331).

Близ дер. Которск в Псковской области был открыт новый для Северо-Запада тип памятников: бескурганые могильники с ТПС, помещенными на поверхности земли (или над нею) (Которск IX, XV, XVI, III, XI), датирующиеся от рубежа IX–X вв. до начала XI в., которые авторы раскопок связывают с «археологически

неуловимым» обрядом погребения, известным по письменным источникам, и интерпретируют как «дохристианские захоронения формирующейся Новгородской земли» (Кузьмин, Михайлова 2002: 104, 112).

Описанные находки позволяют под новым углом зрения рассматривать вопрос о соотношении различных типов памятников и еще раз свидетельствуют о сложности и непрямолинейности культурных процессов, происходивших в эпоху сложения Северной Руси. Следует согласиться с выводами С. Л. Кузьмина и Е. Р. Михайловой о том, что при реконструкции процесса формирования древнерусской культуры «поиск однозначных вариантов вообще вряд ли оправдан» (Кузьмин, Михайлова 2002: 112).

СМЕНА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СТРАТЕГИИ

В середине XX в. в советской археологической науке утвердился тезис о соответствии археологической культуры этносу, которым определялись цели и задачи исследования: выделение этноопределяющих признаков (типов украшений, керамики, приемов домостроительства, деталей погребального обряда) и поиск их в материалах памятников, различавшихся хронологически и территориально (Артамонов 1967). Такой подход в сочетании с ретроспективным методом дал целый ряд положительных результатов. Были выделены достоверно славянские памятники VI–VIII вв. в лесостепной зоне на Днепровском Правобережье и к востоку от Днепра (Ляпушкин 1968: 25–89), определены характерные черты материальной культуры раннесредневековых славян и ее отличия от культур других народов. При этом роль важнейшего культуродиагностирующего признака славян стала играть керамика так называемого пражского типа. В отличие от погребального обряда и традиций домостроительства, имеющих свои региональные, в том числе и географические, особенности, она оказалась довольно однообразной на очень широких территориях (Русанова 1976: 196–215).

Тем не менее правомерность применения ретроспективного метода была справедливо поставлена под сомнение, когда речь зашла о выделении достоверно славянских памятников лесной зоны. Данные гидронимии свидетельствовали, что территория Северо-Запада Руси в древности была заселена племенами финно-угорской языковой группы (Аристе 1956). Однако в силу значительной трудности соотнесения лингвистической хронологии с данными археологии и календарной шкалой ответ на вопрос о времени появления славян в этом регионе оставался спорным. Исследователи отвечали на него по-разному, в зависимости от собственных представлений о культурном процессе в Восточной Европе в I тыс. н. э. (Артамонов 1967; Ляпушкин 1968; Третьяков 1941; 1966; 1970; Седов 1960; 1970).

И. И. Ляпушкин впервые высказал предположение о возможном делении славянства на ранних этапах его истории на две группы — южную, расселившуюся в лесостепной зоне Восточной Европы и в бассейне Дуная, и северную, занимавшую лесную зону вплоть до южного берега Балтийского моря (Ляпушкин 1968: 21, 120). Исследования второй половины XX в. подтвердили тезис о возможном существовании особой северославянской культурной зоны, характеризующейся сходством многих элементов материальной культуры (Лебедев 1985а: 46). Эта зона

являлась частью более широкого ареала, названного Г. С. Лебедевым «Балтийским культурным сообществом» или «Балтийской субконтинентальной цивилизацией раннего средневековья» (VIII–XI вв.) (Лебедев 1985а: 47; 1986).

Работа по выделению этноопределяющих признаков значительно обогатила представления археологов о многообразии и сложности этнокультурных процессов и остро поставила вопрос о вкладе различных этнических групп в древнерусскую культуру. Но одновременно все большую дискуссионность приобретал вопрос о правомерности выделения этносов на основе отдельных элементов культуры (будь то погребальный обряд, форма орудий труда или тип керамики). Многочисленные данные этнографии свидетельствовали, что на практике те или иные элементы культуры либо не охватывают полностью территорию, занятую этнической общностью, либо, напротив, распространяются за ее пределы (Арутюнов, Хазанов 1979: 84; Арутюнов 1989: 45). Так получила новый импульс дискуссия о содержании понятия «археологическая культура» (АК) (см., напр.: Каменецкий 1970; Клейн 1970; Лебедев 1975; Захарук 1976; Генинг 1976).

В последние десятилетия теоретические споры на эту тему как будто утихли, однако представления об АК как инструменте археологического исследования резко поляризовались. Одни исследователи рассматривают ее в своих практических разработках исключительно как средство систематизации источников, другие — как отражение некоей реальной общности, существовавшей в древности (Аникович 1989; 2003–2004; Клейн 1991; 1995; Археологические культуры... 1991). В рамках второй (интерпретационной) модели АК ученые склоняются к выводу, что характер культуродиагностирующих признаков может заметно различаться для разных эпох, причем отдельным периодам свойственна и географическая (региональная) специфика (Ганжа 1991; Бобров 1991: 54; Аникович 1992).

На рубеже XX–XXI вв. в российской археологии было разработано представление об АК как *системе культурных традиций*, раскрываемой посредством анализа археологических источников. Понятие АК рассматривается как динамичное развивающееся явление в соответствии с принципами структурного анализа. В этом понятии отражается некое единство материальной культуры и в то же время сохраняется возможность её развития во времени. В предложенном определении снимается территориальный показатель и подразумевается, что на одном памятнике могут прослеживаться разные культурные традиции (фактически — разные АК) (Аникович 2014: 17, 18).

На этом пути археологов поджидают немалые сложности. К примеру выделение АК в археологии железного века — средневековья является неизбежным этапом исследовательской работы, однако интерпретация социальных границ, которые они отражают, представляет собой отдельную задачу. Видимо, «...в одних случаях археологическая культура может отражать целый хозяйственно-культурный тип, в других — его локальные варианты, в третьих — быть связанной преимущественно с историко-культурной общностью, сформировавшейся в рамках древней историко-этнографической области или отдельных районов такой ИЭО» (Арутюнов, Хазанов 1979: 81; Арутюнов 1989: 42). Иными словами, универсального способа интерпретации АК быть не может (Колпаков 1991: 51–53).

Даже для эпох, от которых сохранились письменные свидетельства, бывает довольно проблематично соотнести АК с этническими наименованиями, упоминаемыми

в источниках. Нельзя быть уверенным, что за этими наименованиями стоит именно этническая общность, а не какая-либо иная (социальная, конфессиональная, политическая и пр.) (Арутюнов, Хазанов 1979: 87; Арутюнов 1989: 47; Шнирельман 1993). Проблема определения археологических критериев этноса по-прежнему далека от своего разрешения (Арутюнов, Хазанов 1979; Арутюнов 1989: 41–50; Крадин 2009). В настоящее время считается, что главным признаком этнической общности служит, в конечном счете, этническое самосознание — признак, не отражающийся напрямую в археологическом материале. Очевидно, что изучение этногенеза — это сложнейшая междисциплинарная проблема, решаемая, в той или иной степени, только путем взаимодействия различных наук — этнографии, археологии, лингвистики, антропологии, историко-филологического анализа письменных источников и т. д. (Арутюнов 1989; Герд 1989; Лесман 1989; 1993), причем в разных группах источников этот процесс отражается по-разному (Лесман 1993: 100).

Подход, предложенный Ю. М. Лесманом в рамках Межфакультетского семинара по проблемам этногенеза и этнической истории, действовавшего на кафедре археологии ЛГУ на протяжении почти 10 лет (с 1982 г.), подразумевает приложение к археологическому материалу информационной модели, впервые сформулированной в отечественной этнографии в 1972 г. (Арутюнов, Чебоксаров 1972). Ю. М. Лесман предположил, что важнейшим условием сложения в древности этнической общности является ее *информационная проницаемость* (то есть наличие устойчивой и представляющей весьма актуальной информации о «своих» и «чужих»). При исчезновении она еще некоторое время компенсируется «этнической памятью — проницаемостью в асинхронном аспекте» (Лесман 1989: 13, 14).

Такая проницаемость, по мнению исследователя, весьма проблематична в условиях континентальной лесной зоны и островной системы расселения. Ее появление возможно лишь при условии быстрой миграции или повышенной мобильности населения, периодически возникающей в эпохи, переходные к раннеклассовому обществу. В условиях пестроты ландшафтов, а также в степи или на побережье информационная проницаемость резко возрастает. Однако новые миграции зачастую прерывают здесь процесс этногенеза, не давая ему завершиться. Именно это объясняет, с точки зрения автора, «более раннее возникновение этносов в ландшафтно пестрой Западной Европе и быстрое формирование неустойчивых, часто незавершенных этносов в степях» (Лесман 1989: 15).

Ю. М. Лесман предположил, что появление на определенной территории серии импортов и следов влияния чуждых культур свидетельствует о проницаемости самой общности и ее территории для чуждых явлений и служат признаком начала процесса этногенеза. Формирование этноса приводит к заметной консолидации общности и унификации ее культуры. Именно с таких позиций Ю. М. Лесман предлагал рассматривать этногенез славян, сопоставлявшийся им с периодом консолидации пражской культуры (V в.), и этногенез древнерусской народности (VIII–X вв.) (Лесман 1989: 17).

Участниками Межфакультетского семинара был сформулирован подход к интерпретации этнокультурного процесса в Восточной Европе через понятие «историко-культурной зоны» (ИКЗ) — ареального единства, определяемого целым комплексом факторов в их взаимосвязи (физико-географических, климатических, исторических, хозяйственных, языковых, собственно этнографических и т. д.).

В трактовке авторов концепции — А. С. Герда и Г. С. Лебедева — «...определяющим фактором истории таких зон выступают медленная эволюция, смешение, трансформация и билингвизм в языке и культуре. Старое и новое население веками продолжает жить рядом, вместе и через длинную цепь трансформаций переходит в новое языковое и культурное состояние в тех же исторических границах... Происходящая время от времени миграция извне... — всегда толчок к новой трансформации...» (Очерки исторической географии... 2001: 8).

Анализ этих начинаний и их оценка с позиций науки сегодняшнего дня были недавно даны в публикациях Н. И. Платоновой, специально обратившейся к изучению идейного наследия Межфакультетского семинара (Платонова 20176).

Очерченный выше новый подход к исследованиям в области этногенеза народов Восточной Европы эпохи железа — средневековья Г. С. Лебедев назвал «системно-культурным», в противоположность прежнему «этнологическому». Он подчеркивал, что в центре внимания специалиста, работающего с археологическими источниками, находится именно *культурный* процесс, отражающийся в смене генетически связанных (или не связанных!) АК. Вовсе необязательно каждое звено этой цепочки должно соответствовать определенному этапу этнического процесса. Однако результаты такого системно-культурного исследования, рассмотренные в контексте данных других дисциплин, помогают реконструировать этнокультурную историю конкретных регионов (Лебедев 1981: 25, 26; Славяне... 1989; Основания регионалистики 1999; Очерки исторической географии... 2001).

В настоящее время, когда информация об археологических памятниках эпохи железа — средневековья в Восточной Европе уже на порядок превысила по объему ту, которой располагали ученые в последней четверти XX в., первоочередной задачей становится изучение и переосмысление накопленного материала с точки зрения современных представлений о развитии культурного процесса. В ходе создания новых моделей большое значение имеет теоретическое наследие отечественной науки второй половины XX в., значение которого со временем не умалется, а скорее, возрастает.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКИ

Примерно до середины 1970-х гг. изучение древностей последней четверти I тыс. н. э. на Северо-Западе базировалось почти всецело на материалах погребальных памятников. Поселения этого времени почти не были известны и не привлекали к себе внимания, за исключением ряда крупных городов с отложениями X в. и ранее. Целенаправленный поиск и раскопки селищ на территории Северной Руси начались со второй половины 1970-х гг.

В последующие десятилетия одна за другой стали появляться работы, посвященные керамике Смоленского Поднепровья (Каменецкая 1977, 2019; Енуков 1990), памятников Ярославского и Костромского Поволжья (Седых 1982; 1988; Смирнова 1987; Рябинин 1989; Самойлович 1989), Суздаля и поселений в его округе (Лапшин 1990; 1991; 1991а; 1992; 1992а; Лапшин, Мухина 1988), Новгорода (Смирнова 1974; 1976; 1978; Плохов 2009), Рюрикова городища и поселений Поозерья (Носов 1977;

1977б; 1981а; 1990: 133–138; Горюнова 1995; 1997; Носов и др. 2005; 2017; Носов, Плохов 1989; 1997), поселения Золотое Колено (Носов, Плохов 1991), селища Нестеровичи (Конецкий 1991), Городка на Ловати (Горюнова 1977; 1982; 1991; 2016), Изборска (Седов 1978; Белецкий 1975; Лопатин 2006; 2007; 2009; 2021), городища Камно (Белецкий 1977) и др. Интересные выводы о развитии культурных процессов на Псковщине сделал С. В. Белецкий, исследовавший керамику этого региона. Он показал сложный и непрямолинейный процесс возникновения средневекового города Пскова, в котором большую роль играли иммиграционные потоки (Белецкий 1979; 1980; 1983; 1996).

Благодаря исследованиям Л. А. Голубевой (Голубева 1973; Голубева, Кочкуркина 1991), С. И. Кочкуркиной (Кочкуркина 1973; 1986А), В. А. Назаренко (Назаренко 1979; 1980; 1983), А. Н. Башенькина (Башенькин 1986), О. И. Богуславского (Богуславский 1992А; 1993), Н. А. Макарова (Макаров 1997), С. Д. Захарова (Захаров 2004), М. Л. Мокрушина (Мокрушин 2008), И. М. Сумманен (Сумманен 2016) в настоящее время обобщены и введены в научный оборот материалы памятников Приладжья, Прионежья и Белозерья. Выявлены специфические особенности керамических наборов отдельных регионов, отражающие сложный процесс формирования древнерусской культуры на местной финно-угорской основе (Макаров 1982; 1983; 1985; 1986; 1989; 1991). Классифицирована керамика приладожской курганной культуры X–XII вв. (Спиридонов 1985; 1986; 1989) — самобытной группы памятников, оставленной местным финским населением, происхождение которого остается неясным, и, по-видимому, переселившимися сюда скандинавами (Назаренко 1979; 1980). Этнокультурные процессы в Верхнем Поволжье и Мстинско-Моложском междуречье в середине — второй половине I тыс. н. э. проанализированы в работах И. В. Ислановой — в значительной степени на основании керамических материалов (Исланова 1990; 1991а; 1997; 2006; 2008; 2016; 2019).

Работая с керамикой, многие из перечисленных авторов были вынуждены разрабатывать собственную методику, исходя из особенностей конкретных памятников. Поэтому говорить о единых принципах классификации керамических материалов пока не приходится (см.: Кренке 2020: 4–6). Впрочем, нельзя не отметить, что для территории верхнего Поволжья (Суздальского Ополя) на практике показала свою универсальность (в региональном масштабе) керамическая шкала, разработанная В. А. Лапшиным на рубеже 1980–1990-х гг. (Лапшин 1991а; 1992). Ныне она применяется для классификации и датировки материалов многочисленных сельских и городских поселений конца I — начала II тыс. н. э. на этой территории.

Современные исследования лепной керамики второй–третьей четвертей I тыс. н. э. на Северо-Западе, как правило, имеют в основе типологическую схему, разработанную Н. В. Лопатиным в 2000-х гг. (Лопатин 2002; 2003; 2005; Лопатин, Фурасьев 2007), к которой делаются добавления и уточнения, отражающие локальные особенности керамических наборов отдельных памятников или регионов.

Особую проблему представляет соотнесение между собой материалов, происходящих из рядовых сельских поселений и крупных центров, названных П. Н. Третьяковым «лабораториями формирования народности» (Третьяков 1970: 8). В материальной культуре Ладоги выявлены разнокультурные компоненты, свидетельствующие о широких связях этого поселения со славянским, финским и скандинавским миром, а также со средневековым Востоком. Характер отдельных находок

позволяет говорить о том, что они попали в Ладогу не в результате торговых операций или случайных контактов, а принадлежали постоянно живущим здесь представителям разных этнических групп (Давидан 1986: 103, 104). Это дало основания характеризовать культуру Ладоги середины VIII — конца X в. как полиэтничную (Давидан 1981: 25). Однако, по мнению ряда специалистов, «международный облик Ладоги VIII–IX вв. не отрицает определенного этнического адреса основной части местных жителей», каковыми являлись славяне (Кирпичников 1985а: 19).

В качестве доказательства славянства ведущего этноса поселения чаще всего используется самая массовая категория находок — лепная керамика так называемого ладожского типа (Рябинин 1985: 75). Приведу ход рассуждений одного из наиболее серьезных исследователей — Е. Н. Носова: «...лепная керамика Ладоги VIII–X вв. оказалась тождественной лепной посуде поселений истока Волхова, в том числе нижних слоев Новгорода, и Поозерья. Тем самым, основную часть жителей Ладоги составило то же население, что обитало в конце I тыс. н. э. в самом центре Новгородской земли и оставило такие погребальные памятники, как сопки» (Носов 1984а: 102; 1981: 22, 23). По мнению Е. Н. Носова, «это были ильменские словене» (Носов 1990: 164). Исследователь присоединился к точке зрения В. В. Седова о сходстве профилированной керамики Приильменя и профилированных сосудов IX–X вв. из западнославянских земель южного побережья Балтийского моря (Там же).

Анализ новейшей литературы, посвященной Ладоге, ясно показывает различия в степени изученности отдельных категорий артефактов. Если стеклянные бусы, предметы из кости, рога и янтаря, кожаные изделия, свинцовые печати, находки, связанные с бронзолитейным делом, и т. д., по большей части систематизированы и опубликованы на современном методическом уровне (см.: Новое в археологии Старой Ладоги 2018: 235–418), то состояние изученности керамики оставляет желать много лучшего.

Ладога — полиэтничное поселение, где бок о бок живут представители разных культур и присутствует высокоразвитое ремесло, связанное с местной и дальней торговлей (Минасян 1996). Ремесленники явно учитывали запросы своих потребителей: ими создавались своеобразные произведения, получившие название гибридных (Давидан 1973: 116; 1980: 67; Горлов, Григорьева 2017: 144). На фоне высокой мобильности населения, интеграции различных культур и их взаимного обогащения только керамическое производство выглядит чем-то застывшим и неизменным.

В литературе широко распространено утверждение, что лепная посуда изготовлялась в каждом доме для собственных нужд, в отличие от круговой керамики, являвшейся продуктом ремесленного производства. Отсюда следует, что, подсчитав процентное соотношение посуды различных типов, характерных, предположительно, для разных этнических групп, можно сделать вывод о составе древнего населения. Однако многочисленные примеры этнографии свидетельствуют, что лепную посуду могли делать вовсе не в каждом доме, а поручали это нескольким наиболее умелым гончарам в деревне (Бобринский 1978: 33).

Некоторые археологические наблюдения не противоречат этому утверждению. Например, Н. А. Макаров, исследуя керамические наборы, связанные с отдельными группами построек торгово-ремесленного поселения Крутик IX–X вв. (бассейн р. Шексны), установил, что процентное соотношение сосудов различных типов и

различных видов орнамента на разных участках поселения примерно одинаково. Данный факт позволил автору предположить, что гончарством на Крутике занимались лишь в нескольких домах, где производилась продукция, предназначенная не только для собственного обихода, но и для обмена (Макаров 1991: 160). Сходный вывод был сделан П.-Л. Лехтосало-Хиландер на материалах эпохи викингов из могильника Луистари в Финляндии (Lehtosalo-Hilander 1982, v. 82.3: 70).

«Этнологический» подход предполагает некое статическое состояние общества, что выглядит по меньшей мере странным для эпохи раннего средневековья — переломного периода, характеризуемого социально-политическими инновациями и сложными процессами этнокультурного синтеза. Быть может, этот принцип в какой-то степени мог бы быть применим к деятельности первооселенцев на коротком хронологическом отрезке, определяемом жизнью одного-двух поколений, но когда речь заходит об «этническом адресе» жителей последующего периода в условиях совместного проживания представителей разных этнических групп, тут остро встает вопрос о границах возможностей археологического материала.

Сложность проблемы соотношения керамических ареалов и некой социальной реальности очень убедительно, на мой взгляд, показал В. А. Шнирельман, используя методы этноархеологии (Шнирельман 1993). На примере изучения обществ с отсталыми формами земледельческого или земледельческо-скотоводческого хозяйства, находящихся на стадии разложения первобытнообщинных отношений, он продемонстрировал, что характер передачи навыков гончарства из поколения в поколение зависит от многих факторов, которые археолог далеко не всегда способен учесть. Здесь имеют значение матрилинейность или патрилинейность рода, возраст обучающихся, организация самого процесса, характер межэтнических контактов и т. д. В результате исследователь пришел к выводу, что «керамические ареалы нельзя считать достаточными для выявления отдельных этнических общностей по археологическим данным» (Там же: 14).

Керамическое производство является более консервативной областью человеческой деятельности, чем, скажем, производство ювелирных украшений, подверженное сильному влиянию моды. Однако и здесь отдельные ступени процесса (подготовка формовочной массы, технологические приемы конструирования полого тела, форма посуды, характер и приемы орнаментации) различаются по своей способности реагировать на внешние изменения.

При классификации керамики исследователи обычно уделяют особое внимание форме сосуда и орнаментации (при ее наличии), ограничиваясь лишь некоторыми замечаниями о технологии изготовления посуды. Это объясняется тем, что далеко не всегда есть возможность осуществить естественнонаучные исследования, определяющие состав глиняного теста, качество обжига и т. п., то есть детально определить характеристики, которые визуальным образом различимы. Кроме того, признаки, характеризующие способы конструирования сосуда, в разной степени поддаются определению на археологическом материале, ибо многие из них уничтожаются при последующей обработке — в отличие от формы сосуда, которую можно наблюдать непосредственно.

Безусловно, в «живой» культуре именно форма является основополагающей характеристикой сосуда. Именно в ней находит выражение некая социокультурная норма, выработанная создателями этой культуры (Клейн 1979: 52; Лебедев 1979: 76).

Однако изменение форм керамики, орудий труда, типов жилищ может быть обусловлено хозяйственными и/или социальными изменениями, внешними воздействиями и т. д. Оно вовсе необязательно означает смену этнической общности на определенной территории (Бобров 1991: 54; Лебедев 1981: 26).

Исследователи раннесредневековых АК, отмечая происходящую в ту эпоху нивелировку материально-предметного комплекса, выраженную в заимствовании отдельных элементов, появлении вещей-гибридов и пр., делают вывод о многокомпонентности археологической культуры средневековья (Арутюнов 1989; Савинов 1990: 152). В этих условиях особое значение приобретает комплекс элементов, связанных с идеологическими представлениями (погребальный обряд, элементы и композиции орнамента), так как именно он может послужить основой выделения отдельных слагаемых средневековой АК (Савинов 1990: 154).

На разных этапах развития общества между навыками гончарства и историей носителей этих навыков устанавливаются разные по своему характеру связи. Э. В. Сайко выделила три этапа в развитии технологии гончарного ремесла. На раннем этапе, когда приемы гончарства только формируются и процесс их освоения протекает эмпирически, технологические схемы для замкнутых коллективов отличаются устойчивостью и передаются из поколения в поколение, становясь для коллектива культурной нормой.

В дальнейшем, когда контакты между отдельными группами населения расширяются, при сохранении собственных приемов всё большее значение начинают играть те навыки, которые обеспечивают прогрессивное развитие ремесла. Именно они получают широкое распространение, постепенно вытесняя архаичные технологические схемы.

Наконец, на последнем этапе осваивается новая технологическая система, кардинально преобразующая все производственные возможности мастера, — появляется гончарный круг (Сайко 1989: 8, 9).

Интерпретация данных, полученных при изучении раннесредневековой керамики, имеет свои особенности по отношению к керамике других эпох, так как раннесредневековая материальная культура по сути гетерогенна. В случае с материалами Ладоги весьма существенное значение имеет невыясненность культурной стратиграфии региона и отсутствие четкой характеристики керамических комплексов первой половины и третьей четверти I тыс. н. э. на этой территории. Керамика Ладоги, рассматриваемая в данной работе, занимает место на границе второго и третьего этапов, выделенных Э. В. Сайко: технология лепки сосудов в «предкруговой» период аккумулирует наиболее качественные, прогрессивные приемы.

Кроме того, на протяжении рассматриваемого нами хронологического периода протяженностью примерно в 200 лет — от середины VIII в. (времени возникновения поселения) до первой трети X в., когда начинает использоваться качественно новая технология изготовления керамики (гончарный круг), достаточно трудно уловить какие-либо существенные инновации в традиционно консервативном гончарном производстве.

Именно в указанный период на Северо-Западе складывается ситуация, характеризующаяся сложным переплетением этнокультурных и социально-политических процессов (Лебедев 1981: 26; 1985а: 44–47; Конецкий 1991: 89; 1999: 228, 229; Мачинский, Мачинская 1988; Булкин, Лебедев 1974: 17). Данный факт необходимо учитывать при интерпретации изменений, фиксируемых в археологическом материале.

СТРАТИГРАФИЯ ПАМЯТНИКА И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ МАТЕРИАЛА

В конце XX в. была проведена большая работа по уточнению стратиграфии Старо-ладожского поселения, во многом изменившая первоначальные представления. Один из первых исследователей Ладоги, Н. И. Репников, разделял всю толщу культурных напластований на три слоя, связав нижний с финнами, средний — с норманнами, а верхний — со славянами (Гроздилов, Третьяков 1948: 78). В результате многолетних работ экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса (1938–1959 гг.) сложилась иная схема, которая, в общих чертах, была принята всеми исследователями: нижний слой с хорошо сохранившимися остатками деревянных построек был разделен на горизонты, обозначенные литерами Д, Е₁, Е₂, Е₃. Считалось, что каждый горизонт соответствует ярусу синхронных построек (Равдоникас 1949; 1950; Гроздилов 1950). В 1949 г. «было установлено стратиграфическое членение горизонта Д на два одновременных слоя» (Равдоникас, Гроздилов 1949А: 15). Таким образом, горизонт Д был разделен на Д-верхнее и Д-нижнее. В 1959 г. был выделен промежуточный горизонт Е₂₋₃, залегающий над постройками горизонта Е₃, но ниже слоя пожара Е₂ (Равдоникас 1959А: 21–23).

О. И. Давидан в результате тщательных исследований полевой документации экспедиции В. И. Равдоникаса показала, что горизонт Е₃ представляет собой скопление остатков одновременных построек и может быть разделен на несколько пластов: Е₃₋₁, Е₃₋₂, Е₃₋₃ (Давидан 1976). Независимо от неё к таким же результатам пришла и Г. Ф. Корзухина⁸. Очень важным является тот факт, что выводы обеих исследовательниц практически совпали (Новое в археологии... 2018: 53). Е. А. Рябинину во время цикла исследований на Земляном городище в 1973–1975 гг. удалось впервые в полевых условиях расчленить напластования горизонта Е₃ и выделить не менее трех строительных этапов в жизни первоначальной Ладоги (Рябинин 1985). Полученные дендродаты дали возможность уточнить хронологию отдельных строительных горизонтов (Черных 1985; Рябинин, Черных 1988; Черных 1989).

С. Л. Кузьминым и А. Д. Мачинской на основе материалов раскопок Е. А. Рябинина и В. И. Равдоникаса была проделана работа по синхронизации построек Земляного городища с середины VIII до конца X в. Ими было выделено 11 ярусов (пластов) синхронных построек (Кузьмин, Мачинская 1989; 1989а).

⁸ Эта работа не была опубликована и сохранилась в Рукописном отделе НА ИИМК (Щеглова 2010: 39, 52). Предложенные Г. Ф. Корзухиной датировки слоев Земляного городища без подробной аргументации были опубликованы в статьях 1961 и 1966 гг. (Корзухина 1961: 83, 84; 1966).

В 1986 г. предложенная схема была проверена в полевых условиях в ходе исследования постройки из раскопа В. И. Равдоникаса 1947 г. и нижележащих горизонтов, а затем расширена путем сопоставления ярусов Земляного городища и строительных горизонтов раскопа на Варяжской улице (Кузьмин 1997: 343, 344; 1997а; 2008).

Работы перечисленных исследователей на сегодняшний день дают довольно полное представление о стратиграфии Земляного городища и существенно облегчают работу любого специалиста, обратившегося к материалу этого памятника.

Однако существуют трудности, связанные с особенностями культурных напластований Ладоги. Как известно, площадка, использованная для первичного заселения, не была ровной: всеми исследователями отмечается понижение поверхности в западном направлении (Давидан 1976: 102; Рябинин, Черных 1988: 74). Мощность культурного слоя на разных участках различна; отдельные микрогоризонты выделяются не на всей площади поселения. Отсюда следует, что только по абсолютным нивелировочным отметкам достоверно распределить находки невозможно, надо учитывать соотношение микрогоризонтов и построек на каждом отдельном участке. Однако исследуемые постройки очень часто представляют собой остатки нескольких одновременных сооружений. В этом случае при отсутствии настилов полов, остатков печей и т. п. распределить вещевой инвентарь по комплексам затруднительно даже в полевых условиях.

На это обстоятельство указывал еще В. И. Равдоникас: «Если трудно было расчленил строительные комплексы, то еще трудней, а в подавляющем большинстве случаев и вообще невозможно было приурочить к тому или другому строительному комплексу отдельные находки. Что касается керамики, то вряд ли имеет смысл описывать ее в связи с отдельными постройками. Обломки керамики фиксировались точно по квадратам и глубинам» (Равдоникас 1958А: 4, 5).

Специфика ладожского домостроительства обусловила отсутствие закрытых комплексов. Постройки Ладоги — наземные. От них сохраняются, как правило, несколько бревен, иногда не составляющих даже полного венца. Часто пришедшие в негодность постройки разбирались еще в древности, а их детали (бревна, доски) использовались вторично. В ряде случаев полы в постройках (или их остатки) вообще не прослежены. Это касается, в первую очередь, тех построек, где полы были деревянными, а не земляными или комбинированными. Ю. П. Спегальский объяснял отсутствие настилов полов вместе с лагами тем, что, не будучи врубленными в стены (а этот прием он считал обычным для Ладоги X в.), лаги легко могли быть вытянуты вместе с настилом (Спегальский 1972: 60).

Важно отметить, что ладожские дома (особенно ранние) строились на сыром, низменном участке. Для защиты их от сырости жители сооружали подсыпку из песка, глины, а чаще всего — из культурного слоя, в котором, естественно, попадались и фрагменты керамики. На протяжении довольно длительного времени шло постепенное выравнивание площадки, на которой поселились первые ладожане. Оно закончилось примерно к концу IX в. (горизонт E₁) (Рябинин 1985: 48). Интересными в этой связи представляются наблюдения за планиграфическим распределением керамического материала.

Рассмотрим распределение фрагментов керамики из горизонта E₃₋₃ (раскопки Е. А. Рябина на Земляном городище в 1973–1985 гг.). Керамики здесь найдено

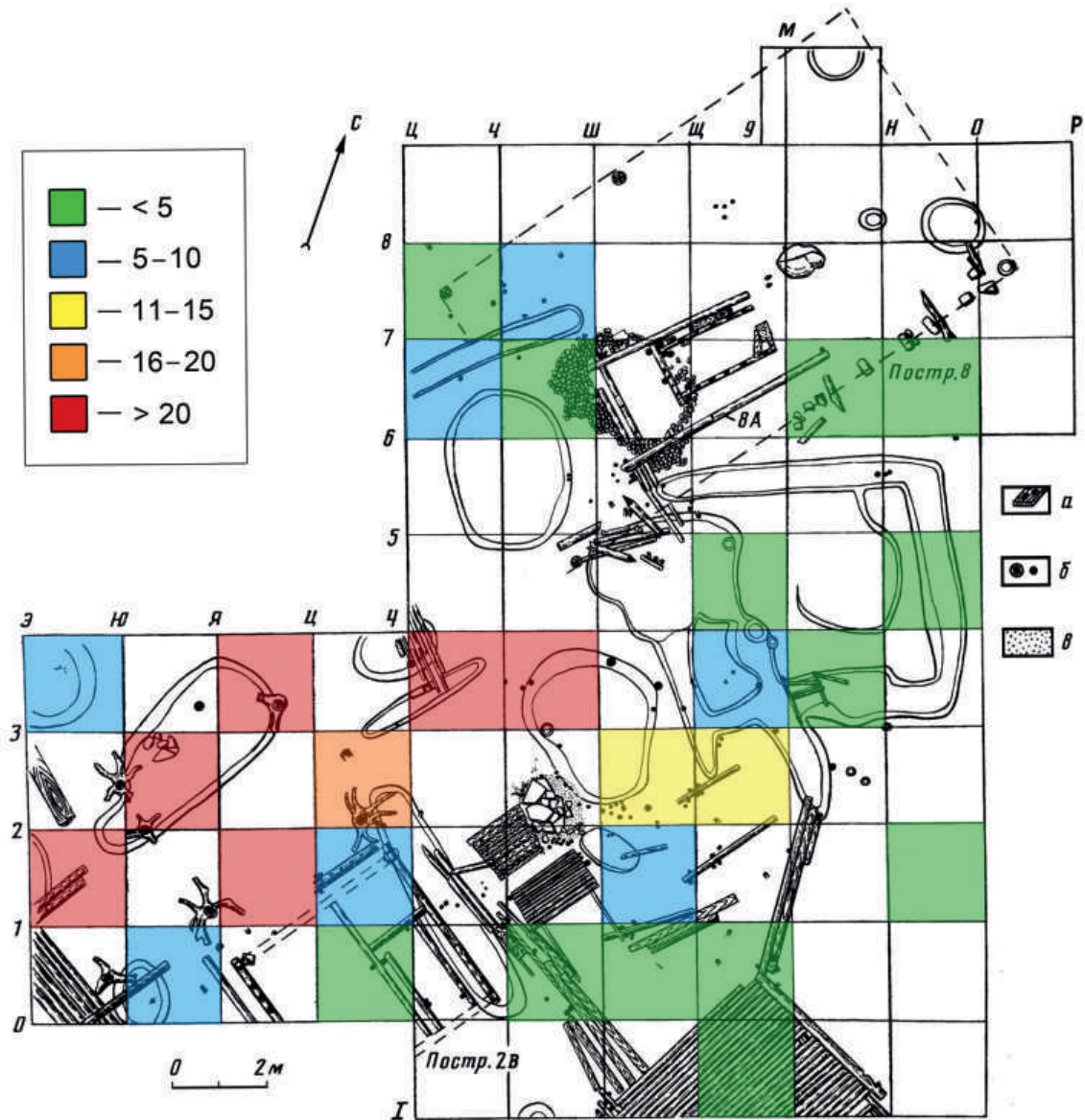

Рис. III.2. Распределение по количеству фрагментов керамики в горизонте $E_{3,3}$ раскопа Е. А. Рябинина 1973–1985 гг. Условные обозначения: *а* — обугленное дерево; *б* — столбы и колья; *в* — песок (по: Рябинин, Черных 1988: 75, рис. 2, с дополнениями)

немного, так как исследованный участок представлял собой производственную зону поселения. В указанном горизонте («бурый гумус II» по полевой терминологии) был обнаружен обширный ремесленный комплекс, состоящий из наземной постройки (постройка 8)⁹, служившей мастерской, вымостки из плитнякового камня, представлявшей собой остатки металлоплавильной печи, жилища (постройка 2В) с примыкающим к нему амбаром «на стульях» и настила в южной части раскопа. Рядом с этими сооружениями располагались канавообразные углубления и ямы, имевшие, видимо, производственное или дренажное назначение (Рябинин, Черных 1988: 75–80) (рис. III.2).

⁹ Нумерация построек соответствует той, что дана в сводной публикации материалов раскопок (Рябинин, Черных 1988).

По наблюдению автора раскопок Е. А. Рябинина, первоначально постройка 2В не имела пристройки «на стульях». При возведении жилища была сделана подсыпка под его основание и вырыты канавы, предназначенные для осушения площадки для строительства. Позже появилась пристройка «на стульях», при сооружении которой западная дренажная канава была засыпана (Рябинин, Черных 1988: 80). Именно в ней сконцентрированы фрагменты керамики.

Скопление керамики зафиксировано также в канаве, проходящей рядом с постройкой 8. Впоследствии она, видимо, тоже была засыпана, так как в вышележащем горизонте E_{3-2} (или «черном гумусе») над ней располагались остатки двух построек: постройки 3Б и связанного с ней сооружения из тонких бревен и жердей (Рябинин, Черных 1988: 82). Этот факт подтверждает вывод о том, что керамика попала в заполнение канавы в начальный период жизни поселения.

Еще одно скопление керамики зафиксировано в яме, расположенной рядом со скоплением камней, интерпретированным автором как остатки металлоплавильной печи (кв. $Ч_{2-3}$ – $Ш_{2-3}$).

Фрагменты керамики, эпизодически встречавшиеся в культурном слое на всей площади раскопа, в основном концентрировались в заполнении ям.

Такая же закономерность в распределении керамики прослеживается и в вышележащих горизонтах Земляного городища (но только в тех случаях, когда это можно определить, например, по скоплению керамики, развалам отдельных сосудов и т. п.).

Аналогичная картина наблюдается и на левом берегу р. Ладожки. Здесь от постройки 5 (VII строительный горизонт, по В. П. Петренко) к берегу реки была проложена мостовая, верхнюю часть которой составили доски корабельного борта (Петренко 1985: 84, 87, 93, рис. 4) (рис. III.3, А). В квадрате Д-5 рядом с мостовой было найдено частично перекрытое ею скопление керамики, в котором обнаружена, в частности, верхняя часть лепного сосуда (шифр САЭ-1976/ЛП-764, 809, 1550 и т. д., ил. 106, 1), расколовшаяся на множество мелких фрагментов, а также фрагменты керамики с росписью люстром (ил. 19, 1) (Шитова 1980; Сениченкова 1997).

Характер залегания керамики позволяет предположить, что она служила своеобразной подсыпкой под деревянную мостовую. Интересно, что в нижележащих горизонтах почти точно по трассе мостовой зафиксированы две ямы, дно которых углублено в материковую глину (рис. III.3, Б). Трудно сказать, функционировали эти ямы только на начальном этапе существования поселения или еще некоторое время, так как их верхние края не прослежены, однако можно предположить, что именно они стали причиной неудобства, заставившего древних ладожан впоследствии соорудить в этом месте деревянную мостовую.

Таким образом, битые горшки вместе со строительным мусором (щепой, плахами и т. п.) служили для засыпки низменных участков поселения — ям, канав и т. д., а также для подсыпки под различные сооружения. Вероятно, сугубо практическое назначение имела и вымостка из фрагментов примерно десяти разбитых сосудов, обнаруженная в 1959 г. близ северной пристройки к сооружению, открытому Н. И. Репниковым в 1913 г. (так называемый «горизонт давленных сосудов», согласно описи) (Равдоникас 1959А).

В редких случаях фрагменты керамики могут быть связаны с комплексами построек. Например, сосуды из заполнения большой постройки с остатками настила

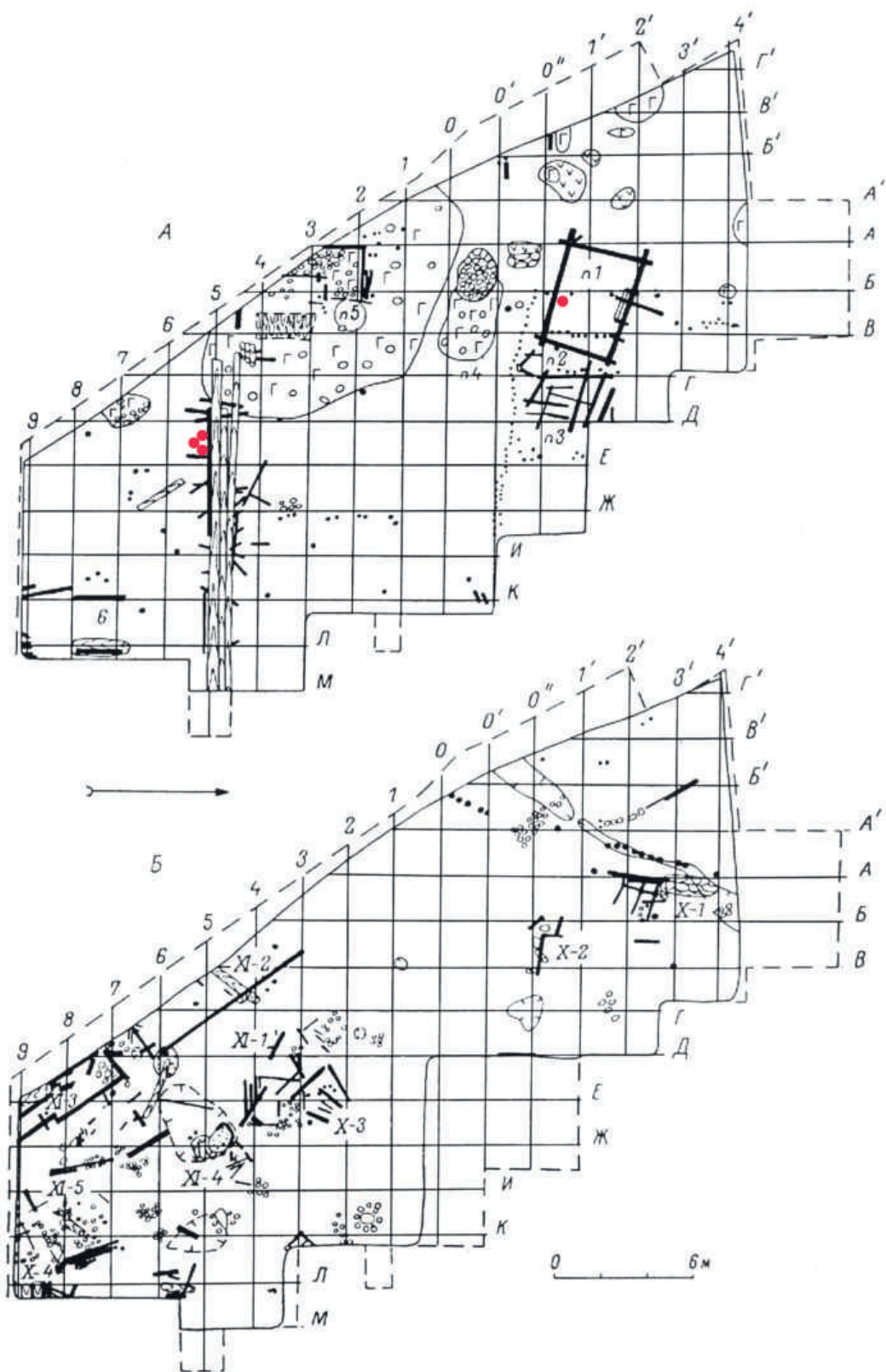

Рис. III.3. Места находок керамики (красные кружочки) с росписью люстром в раскопе на Варяжской ул. (по: Петренко 1985: 87, рис. 4, с дополнениями)

у крыльца (горизонт E_2), в том числе фрагменты двух горшков, стоящих у устья печи (Равдоникас 1950: 16; Станкевич 1951: 226, 227, рис. 3). Однако эти случаи являются исключением, а не правилом.

Такую особенность распределения керамического материала отметила еще Я. В. Станкевич. В частности относительно упоминавшейся постройки из горизонта E_2 она писала: «Скопления битых сосудов самых разнообразных типов и форм были отмечены как на задворках двора, так и под мостками, ведущими к... жилому дому, и в закоулках, представляющих, очевидно, места, куда выбрасывалась вышедшая из употребления посуда» (Станкевич 1951: 226, 227).

Неоднократно было зафиксировано рассеивание фрагментов одного сосуда на довольно значительной площади. Например, упоминавшиеся выше мелкие фрагменты сосуда-чашечки с росписью люстром (взяты все вместе они едва ли составят четверть целого сосуда) были найдены на расстоянии 17 м друг от друга.

При обращении к керамике возникают некоторые трудности, связанные с характером самого источника. Во-первых, это материал массовый, фиксировался он по глубинам и квадратам (иногда по участкам) раскопа. «Черепки инвентаризировались не в отдельности, а группами», — писал В. И. Равдоникас (Равдоникас 1950: 35). В отчетах и публикациях характеристика керамики дается в самом общем виде (Равдоникас 1949: 41, 42; 1958А: 22, 27; 1959А: 4; Равдоникас, Гроздилов 1949А: 16; Гроздилов 1950: 164–166; Отчет... 1957А: 7; Лаушкин 1960: 74). Во-вторых, необходимо учитывать, что он получен в ходе многолетних работ Староладожской экспедиции. Тщательность фиксации массового материала в разные сезоны различается; по-разному складывалась и судьба коллекций довоенных и послевоенных лет (см.: Новое в археологии Старой Ладоги 2018: 35–37). Исследования 1957–1959 гг. документированы лучше, чем предыдущие. Опорной для всего материала является коллекция керамики из раскопок Е. А. Рябилина, которая благодаря разработанной автором методике раскопок уже в полевых условиях фиксировалась по отдельным микрогорizontам.

Учитывая все вышеизложенное, правильным, на мой взгляд, будет «привязывать» керамику не к отдельным постройкам, а к комплексам синхронных сооружений, составляющих отдельный микрогорizont. Но и при таком подходе не всегда удастся четко соотнести фрагменты сосудов с конкретным слоем. Иногда можно установить принадлежность сосуда, например, только к «горизонту E_3 в целом» либо к слою «ниже E_{3-1} » и т. п. Все эти моменты приходилось учитывать при стратиграфическом распределении керамики.

В работе использованы дендродаты, полученные по материалам раскопок Е. А. Рябилина 1973–1985 гг. Сам автор отмечал, что синхронность построек, даже подтвержденная дендрохронологическими данными, является относительной (Рябинин 1985: 54). Наблюдения за стратиграфией позволяют утверждать, что одни сооружения могли перекрывать другие, что по мере старения и износа одни постройки подновлялись быстрее, чем соседние, и т. д. То есть можно поставить под сомнение правомерность распространения абсолютных дат, полученных для отдельного участка, на все поселение в целом. Однако если сравнить датировку горизонтов Земляного городища, уточненную на основании анализа всего комплекса материалов поселения Г. Ф. Корзухиной, а затем О. И. Давидан (Корзухина 1961: 83; 1966; Давидан 1976: 116), с дендрохронологической шкалой Е. А. Рябилина и Н. Б. Черных (Рябинин, Черных 1988: 98), то окажется, что расхождения не так значительны (табл. III.1).

Таблица III.1. Датировка горизонтов Старой Ладоги по работам Г. Ф. Корзухиной (1961, 1966), О. И. Давидан (1976), Е. А. Рябинина, Н. Б. Черных (1988)

Горизонт	Г. Ф. Корзухина	О. И. Давидан	Е. А. Рябинин, Н. Б. Черных
Д	X — начало XI в.	Конец IX в. — ...	930-е гг. — ...
E ₁	2-я половина IX в.	3-я четверть IX в.	Конец 860-х — 920-е гг.
E ₂	1-я половина IX в.	2-я четверть IX в.	840–860-е гг.
E ₃	VIII в.	Середина VIII — 1-я четверть IX в.	Середина VIII в. — 830-е гг.

Как видим, датировки горизонтов E₃ и E₂ по О. И. Давидан и Е. А. Рябинину — Н. Б. Черных практически совпадают. Различия касаются верхней границы горизонта E₁ и горизонта Д.

Горизонт E₁ в раскопе Е. А. Рябинина представлен «большим домом» — обширной постройкой с печью в центре (его дендродата — 894 г.) — и хозяйственным сооружением, датированном 870-ми гг. (Рябинин, Черных 1988: 93, 98, рис. 8). Этот комплекс был частично раскрыт В. И. Равдоникасом во время раскопок 1950 г. и оставлен на месте. Таким образом постройки участков поселения, исследованных в разные годы, оказались связанными планиграфически. Над «большим домом» горизонта E₁ был сооружен типологически сходный, но значительно хуже сохранившийся комплекс горизонта Д, начало строительства которого датируется 920–930 гг. Он состоял из срубного отапливаемого помещения и примыкавшего к нему с южной стороны настила (Рябинин, Черных 1988: 93–97, рис. 9, 10). После пожара, случившегося около 954 г., нижний ярус настила был переделан. Время смены ярусов настила Д₁ и Д₂ служит у Е. А. Рябинина границей между двумя этапами функционирования горизонта Д. Эти этапы нельзя сопоставлять с делением горизонта на Д-верхнее и Д-нижнее у В. И. Равдоникаса, которое проведено в значительной степени условно. По данным дендрохронологического анализа, проведенного Н. Б. Черных, нижнюю границу горизонта Д можно отнести к началу 30-х гг. X в., а верхняя дата пока остается открытой (постройки горизонта Д ещё существовали в конце 60-х — начале 70-х гг. X в.) (Черных 1989: 213). Вопросы выделения отдельных этапов функционирования горизонта Д и определения его верхней границы пока остаются открытыми.

Конечно, распространение абсолютных дат, полученных для раскопа Е. А. Рябинина и состыкованной с ним части раскопа В. И. Равдоникаса, на все поселение не может считаться истиной в последней инстанции. На это обстоятельство уже обращалось внимание в литературе (Волковицкий, Селин 2012: 175–177). Сложность заключается в том, что не всегда можно уловить планиграфическую и стратиграфическую соотнесенность построек, имеющих дендродаты, с теми, у которых они отсутствуют. И все же попытка, предпринятая С. Л. Кузьминым и А. Д. Мачинской, несмотря на высказанную критику (Волковицкий, Селин 2012: 176; Новое в археологии... 2018: 58–61), имеет полное право на существование (я имею в виду собственно выделение ярусов синхронных построек; историческая же интерпретация вызывает ряд возражений, прежде всего методических).

Предложенная авторами ярусная стратиграфия основана на тщательной проработке всей полевой документации из раскопок Н. И. Репникова, В. И. Равдоникаса и Е. А. Рябина, материалов О. И. Давидан и подтверждена в полевых условиях в процессе исследования постройки из раскопок 1947 г. Тем не менее и она может быть оспорена будущими исследователями, которые возьмутся за решение этой задачи. Тут уместно вспомнить слова Г. Ф. Корзухиной, процитированные Е. Н. Носовым: «Мы предлагаем свой вариант... планировки, не считая его окончательным и единственно возможным» (Новое в археологии... 2018: 56). Коллеги справедливо высказывали скептическое отношение к возможности разделить материал в кабинетных условиях, опираясь только на нивелировочные отметки, особенно на тех участках, где не зафиксированы остатки построек (Давидан 1976: 102; Рябинин, Черных 1988: 80, 81), и «привязать» его к микрогоризонтам или ярусам, которые «при полевых работах никто не видел» (Новое в археологии... 2018: 60; Носов 2019: 162). Эти выводы напрямую касаются и предпринятого в данном исследовании разделения керамики по стратиграфическим горизонтам. Однако возникающие при этом некоторые стратиграфические неувязки вполне компенсируются массовостью материала, используемого в статистических подсчетах.

Что касается применения абсолютных дат для уточнения времени существования отдельных типов керамики, то оно представляется вполне правомерным, поскольку этот массовый материал не имеет узких датировок.

Е. Н. Носов в работе, посвященной стратиграфии Земляного городища, справедливо привлек внимание к нерешенным проблемам и болевым точкам (Новое в археологии Старой Ладоги 2018: 45–65). Надо признать, что многие из них являются методическими проблемами не только Ладоги, но и других памятников Северо-Запада, имеющих «мокрый» культурный слой, — таких как Новгород, Псков, Тверь, Рюриково городище и т. д. На мой взгляд, автор излишне критически отозвался о работах некоторых исследователей Ладоги: даже считая горизонты В. И. Равдоникаса «не стратиграфическими и хронологическими в современном понимании... а, скорее, отложениями целых исторических периодов», он, тем не менее, признает, что «скрупулезные исследования Е. А. Рябина продемонстрировали возможность увязки этих подразделений с реальной стратиграфией» (Там же: 52, 65).

Керамический материал из раскопок В. П. Петренко на Варяжской улице фиксировался по пластам, или штыкам, — принятой автором единице вертикальной таксономии (Петренко 1985: 84). В результате мы располагаем не распределением керамики по реальным слоям, а разделением ее по искусственным пластам.

В. П. Петренко были выделены 11 строительных горизонтов (два из них — условно), объединяющих группы построек, «выделяющихся стратиграфически, связанных между собой планиграфически и хронологически» (Там же: 84). Сложность заключается в том, что материал, собранный и зафиксированный по горизонтальным пластам, трудно соотнести со строительными горизонтами, имеющими значительный перепад нивелировочных отметок. Например, перепад глубины залегания материка по линии северо-запад–юго-восток (к берегу р. Ладожки) составляет более 2 м (Там же: 83).

Н. Б. Черных, исследуя коллекцию спилов из раскопа на Варяжской улице, выделила восемь строительных периодов на данном участке продолжительностью примерно 20–30 лет каждый. Например, к пятому строительному периоду, датируемому исследовательницей второй четвертью X в., можно отнести постройки

штыков 9–11, к седьмому строительному периоду (960-е — середина 980-х гг.) — постройки штыков 8–9 (Черных 1985а: 122).

Древнейшие постройки на Варяжской улице, датированные дендрохронологически, относятся к 840–850 гг. (Там же: 122). Автор раскопок отметил, что постройки самого нижнего, XI, строительного горизонта возведены на культурном слое мощностью 0,2–0,3 м. Этот факт дал ему возможность определить время освоения участка на Варяжской улице «не позднее 1-й половины IX в.» (Петренко 1985: 114).

Видимо, работа по уточнению стратиграфии участка на Варяжской улице еще впереди, а на современном этапе, учитывая данные В. П. Петренко (глубину залегания построек отдельных строительных горизонтов, уровень материка в разных частях раскопа, характер вещевых находок и т. п.) и даты, полученные Н. Б. Черных, можно принять такую схему (помня о ее условности):

штыки 1–4 — перекопанный аморфный слой;

штык 5 — I строительный горизонт, включающий остатки построек XI–XIV вв.;

штыки 6–13 — II–VIII строительные горизонты, содержащие остатки построек X в.;

штыки 14–19 — IX–XI строительные горизонты, датирующиеся 2-й половиной IX в.

При стратиграфическом членении керамики использованы материалы отчетов и дневниковые записи соответствующих лет раскопок экспедиции В. И. Равдоникаса; данные О. И. Давидан, Е. А. Рябилина и С. Л. Кузьмина о стратиграфии Земляного городища, а также собственные наблюдения автора, сделанные в полевых условиях — для материалов раскопок В. П. Петренко на Варяжской улице в 1973–1976 гг. и раскопок Е. А. Рябилина на Земляном городище в 1982–1985 гг. (Гроздилов 1938Аа; 1947А; 1948А; 1950А; Давидан 1958А; Дневники... 1957А; Лаушкин 1959А; Отчет... 1950А; 1957А; Петренко 1976А; Равдоникас 1940А; 1947А; 1958А; Равдоникас, Гроздилов 1949А; Штакельберг 1959А).

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ

В Приильменье и Поволховье в слоях средневековых поселений и в основании сопочных насыпей отмечено присутствие материалов, относящихся к «эпохе раннего металла» (см. с. 340–342). На территории Ладоги и в её округе также зафиксированы находки, датировка которых значительно древнее нижней даты поселения, установленной путем дендрохронологического анализа. Есть среди них и фрагменты керамики.

На Земляном городище в единичных случаях встречены фрагменты с примесью талька. Это уже упоминавшийся Я. В. Станкевич фрагмент венчика сосуда с горизонтально срезанным утолщенным краем, поверхность которого покрыта лощением (Станкевич 1950: 195, 197, рис. 4, 7) (ил. 1, 8а, 8б). Кроме талька в качестве примеси присутствует асбест. Исследовательница отмечала, что посуда с аналогичными примесями известна в эпоху неолита и бронзы в Прикамье, Западном Приуралье, Карелии, Польше, на Скандинавском полуострове. Керамика с примесью асбеста на территории Северо-Запада Европейской части СССР и Финляндии уходит своими корнями в более древний период истории (Гурина 1961: 163; Жульников 2006: 330). Мною встречен еще один фрагмент керамики с примесью талька в материалах раскопок 1958 г. (шифр ЛД-14). М. А. Юшкова (Раззак) относит такую керамику к культуре лууконсаари (конец эпохи бронзы — начало РЖВ) (Юшкова 2011А: рис. 90, 16).

В Каменной крепости Ладоги найдены фрагменты керамики с сетчатыми (текстильными) отпечатками, украшенные ямочным орнаментом и отпечатками гребенчатого штампа (Юшкова 2011А: рис. 67, 1–6) (ил. 1, 1–6). Небольшой фрагмент керамики с ямочными вдавлениями найден в 1985 г. на Земляном городище в раскопе Е. А. Рябина в горизонте E_{3-3} (ил. 1, 7). По мнению М. А. Юшковой, они могут относиться к эпохе бронзы и раннего железного века (Юшкова 2011: 12–16). Известны находки керамики РЖВ на территории Никольского монастыря и прилегающем поле (Бессарабова 1995; 1998).

Приступая к характеристике ладожской керамики интересующего нас времени, необходимо остановиться на некоторых ее технологических особенностях. Ценные наблюдения в этой области сделала Я. В. Станкевич (Станкевич 1950; 1951). Не повторяя выводов исследовательницы, ограничусь некоторыми замечаниями, представляющими интерес для данной работы. Все данные были получены путем визуального наблюдения.

По составу формовочных масс керамику Ладоги можно отнести, согласно классификации А. А. Бобринского, к третьему направлению в развитии навыков их составления. Оно связано с получением желаемых свойств при помощи органических или минеральных добавок (Бобринский 1978: 84–113). Почти вся посуда изготовлена из глины с добавлением толченых гранито-гнейсовых пород (дресвы). По данным А. А. Бобринского, дресва в качестве компонента формовочной массы широко известна на территории лесной зоны Восточной Европы как по археологическим, так и по этнографическим материалам (Бобринский 1978: 70, 90, 105). Зерна дресвы имеют размеры от 0,1 до 0,5–0,7 см в поперечнике и, несмотря на заглаживание сосуда на заключительном этапе его обработки, часто выступают на поверхности, придавая ей шероховатость. Использовался в качестве примеси и песок. Я. В. Станкевич отмечала выходы белых стекольных песков из кембрийских отложений в береговых разрезах рек Волхова и Ладожки как в районе Старой Ладоги, так и в 3–4 км ниже ее по течению Волхова. Однако она справедливо считала, что примесь песка может быть естественного происхождения (Станкевич 1950: 206).

В древнейших горизонтах Старой Ладоги Я. В. Станкевич отметила наличие единичных экземпляров керамики с растительными примесями (Там же: 208). Можно отнести сюда фрагмент сосуда из горизонта E_{3-1} , обнаруженный при раскопках 1959 г. (ЛДГ-36), два фрагмента из раскопок 1982 г.: из горизонта E_2-E_{3-1} (ЗГ-1019) и из горизонта $E_{3-1}-E_{3-2}$ (ЗГ-1247). Один фрагмент керамики с растительными примесями найден в раскопе 1 в районе Варяжской улицы в слоях второй половины X в. (САЭ-1973/ЛП2-16391; ил. 119, 8).

Растительные добавки нехарактерны для ладожской посуды. По наблюдениям Я. В. Станкевич и В. А. Петрова, замешивание глины производилось на какой-то органической жидкости (видимо, навозной жиже), что придавало ей большую прочность. Косвенным признаком этой органической добавки они считали черный цвет посуды и характерный углистый блеск в изломе черепка (Станкевич 1950: 205, 206). Действительно, такой способ уменьшения усадки изделий широко известен по этнографическим материалам (Бобринский 1978: 89–99; Станкевич 1950: 207–216). Если принять указанные авторами признаки, то следует отметить, что доля керамики, тесто которой замешано на органической жидкости, не превышает 7 % от общего количества фрагментов. К этой группе относится также фрагмент сосуда

из горизонта E_2 , у которого в качестве компонента формовочной массы помимо дресвы использовался птичий помет (раскопки 1957–1959 гг., шифр ЛДГ-32).

Я. В. Станкевич выделила три группы «местной» ладожской посуды и четвертую группу «привозной» посуды из тонкой глины хорошего обжига (Станкевич 1950: 205). Как видно из описания этих групп, в основу их выделения было положено качество обжига и связанная с этим «грубость» посуды (видимо, правильнее говорить о рыхлости и плотности получившегося глиняного теста).

В настоящей работе предлагается следующая классификация керамики по характеру теста: 1) с рыхлым тестом и крупными или средними (диаметр 0,3–0,7 см) примесями дресвы; 2) с плотным тестом и крупными или средними (диаметр 0,3–0,7 см) примесями дресвы; 3) с очень хорошо промешанным плотным тестом с мелкими (диаметр 0,1–0,3 см) примесями дресвы или песка.

Произведен статистический подсчет фрагментов, относящихся к этим группам, на материалах раскопок Е. А. Рябина на Земляном городище 1981–1985 гг. (учитывались фрагменты венчиков и донышек) (табл. III.2). Большинство составляют сосуды, изготовленные из плотного теста с крупными или средними примесями (группа 2). Однако следует отметить: границы между группами 1 и 2 зачастую размыты. Имеется много фрагментов, занимающих по качеству глиняного теста как бы промежуточное положение. Есть отдельные фрагменты (ЛДГ-92, 94 и др.), где глиняное тесто у дна рыхлое, крошащееся, с крупными примесями дресвы, а на трети или середине высоты сосуда (ближе к венчику) — довольно плотное и даже содержащее иногда более мелкие включения дресвы. Такой технологический прием широко известен у различных народов (Глушков 1996: 22, 23) и имеет чисто функциональное значение: он применяется для придания глиняному тесту необходимых свойств, с целью повышения прочности сосуда при формовке и обжиге.

Таблица III.2. Соотношение различных по качеству теста групп керамики (по материалам раскопок на Земляном городище в 1981–1985 гг.)

Группа посуды	Тесто рыхлое, крупные и средние примеси дресвы		Тесто плотное, крупные и средние примеси дресвы		Тесто очень хорошо промешанное, примеси — очень мелкая дресва и песок		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Горизонт								
D_1	4	15	20	77	2	8	26	100
D_2	–	–	17	94	1	6	18	100
$D-E_1$	1	2	30	75	9	23	40	100
E_1	20	20	74	73	8	7	102	100
E_2	4	50	4	50	–	–	8	100
E_2-E_{3-1}	8	19	29	52	6	29	43	100
E_{3-1}	19	12	125	81	9	7	153	100
E_{3-2}	32	24	81	60	20	16	133	100
$E_{3-2}-E_{3-3}$	17	50	15	44	2	6	34	100
E_{3-3}	21	22	69	72	6	6	96	100
Всего (%)	126 (19)		464 (71)		63 (10)		653 (100)	

Керамика группы 3 четко выделяется по хорошо промешанному тесту, но считать ее привозной нет оснований, так как по другим показателям (толщина стенок, качество обжига, форма сосуда) она не отличается от остальной.

Я. В. Станкевич предприняла попытку разделить посуду по функциональному назначению на основании толщины стенок, качества обжига, а также наличия / отсутствия нагара на стенках сосуда. Ею были выделены группа кухонной, или очажной, посуды, сосуды для хранения сухих запасов и столовая посуда (Станкевич 1950: 192, 193, 205, 206). Если предположить, что такое деление имело место в «живой» культуре, то критерии деления вызывают сомнения. Можно привести целый ряд примеров, когда на посуде, относимой по качеству теста к категории сосудов для хранения (например, ИЭ-84/ЗГ-489, 502, 506, 600 и др.) или к столовой (ЛДГ-46 и др.), имеется характерный нагар на стенках. Нельзя говорить также и о корреляции размеров сосудов и качества глиняного теста. Как показывают наблюдения, в жизни древних ладожан, видимо, не существовало строгого разделения посуды по функциональному назначению. К подобному выводу пришла и Е. В. Каменецкая, исследовавшая керамику Смоленского Поднепровья: исследовательница считает, что связь между типом теста и категорией посуды (кухонная или столовая) не замечена (Каменецкая 2019: 78). Несколько найденных фрагментов днищ с двумя-тремя отверстиями, сделанными до обжига (в Ладоге их единицы, и принадлежат они исключительно круговой керамике), могут быть интерпретированы как части сосудов, использовавшихся, например, для приготовления творога (ил. 2).

В объяснении причин сосуществования различной по качеству посуды необходимо учитывать не только «неумелость гончара», как об этом писала Я. В. Станкевич (Станкевич 1950: 207), но и попытаться определить причину такой неумелости. В качестве одного из предположений можно назвать изготовление посуды из различных сортов глины. На территории Старой Ладоги известны выходы как минимум двух видов глины. Один из них происходит из кембрийских отложений и имеет серо-голубой цвет; эта глина лежит в основании культурного слоя и представляет собой материк. Она достаточно пластична, однако, как показывает опыт, при подсушивании быстро трескается и рассыпается. Второй вид — это глина красноватого оттенка, в которой даже визуально можно определить наличие некоторого количества песка. Выходы ее имеются, например, в районе Иоанновского монастыря на Малышевой горе.

Как известно, рецепты формовочных масс достаточно быстро меняются. Например, гончары, переселившиеся в новое место, часто вынуждены пользоваться местными рецептами, а не своими, традиционными, приспособившись к свойствам местных глин (Бобринский 1978: 93–96). Если допустить, что в середине VIII в. в низовья Волхова продвинулось новое население (Мачинский 1981: 49, 50), то наличие именно в нижних слоях незначительного количества керамики с очень рыхлым, крошащимся тестом можно объяснить попытками приспособиться к исходному сырью, которое внешне могло быть похоже на то, к чему привык гончар, но при обжиге давало иной эффект. Конечно, это объяснение следует рассматривать только как одно из возможных, ведь в нижних слоях встречено небольшое количество керамики очень хорошего качества с гладкой, даже подлощенной поверхностью.

Надо четко представлять себе возможность интерпретации данных, полученных при анализе рецептов формовочных масс. Только косвенным образом,

в сочетании с другими признаками, различия в рецептах формовочных масс могут указывать на усложненный состав населения конкретного памятника (Бобринский 1978: 89, 99; Третьяков 1972: 16; Глушков 1996: 15–34).

Наличие в материалах Ладоги незначительного количества керамики, где помимо дресвы использовалась растительная примесь (солома) или другие органические добавки, можно рассматривать как отголоски иных технологических традиций, которые по каким-то причинам «не привились» и уступили место наиболее распространенной традиции использования в качестве отошителей легкодоступных гранитов и гнейсов. Нельзя исключать и возможности случайного попадания растительных примесей в формовочную массу.

Большой интерес представляют наблюдения за способами конструирования керамики. Я. В. Станкевич подробно описала технологию изготовления ладожской посуды. Она внимательно изучила отпечатки на днищах глиняных сосудов и обнаружила, что «формовка их производилась или на мягкой основе в виде ткани или рогожи, или, что наблюдается чаще, на твердой основе (простой доске), причем для легкого отставания сосуда от основы на доску подсыпали песок» (Станкевич 1950: 215). Действительно, следы от подсыпки песка часто встречаются на днищах лепных сосудов, происходящих из разных горизонтов поселения (ил. 3, 4) (также ЛД-25; ЛД-81; ЛД-20,72; СЛ-1064; СЛ-1416; ЛДГ-2; ЛДГ-7; ЛДГ-34; ЛДГ-160; ЛДГ-19; ЛД-4; ЛД-11 и т. д.). В единичных случаях в качестве такой подсыпки использовалась дресва (ил. 3, 1) (также ЛД-89,25; ЛД-47). Немногочисленные фрагменты сосудов с отпечатками ткани или рогожи на днище встречены в нижних горизонтах Земляного городища (ил. 3, 2, 3): E₃ (ЛДГ-51, также ЛДГ-41; ЛДГ-109) и E₂ (также ЛДГ-32).

На днище маленького сосудика (ил. 4, 1а, 1б) обнаружены отпечатки двух перекрещивающихся прутиков или стеблей травы. Я считала это случайностью, пока не обратила внимание на опубликованный М. Парчевским фрагмент днища лепного сосуда из Кракова — Новой Гуты, на котором имеются похожие отпечатки (Parczewski 1988: tab. XIX, 5) (ил. 4, 2). Их появление автор также объясняет случайностью. Рискну высказать предположение, что, возможно, мы имеем свидетельство специального приема лепки, когда для лучшего отставания днища от поверхности под него подкладывали перекрещивающиеся тонкие прутики (отмечу, что в обоих случаях речь идет о небольших сосудах).

Анализ многочисленных фрагментов керамики из раскопок 1940–1950-х и 1970–1980-х гг. подтвердил многие выводы и наблюдения Я. В. Станкевич и одновременно показал, что их можно дополнить, благодаря развитию наших представлений о гончарном производстве. Так, Я. В. Станкевич писала, что «на большинстве сосудов прослеживается... первоначальная лепка дна и основания стенок будущего сосуда из цельного куска глины, к верхнему краю которого прилеплялась изнутри первая кольцевидная полоса с помощью короткого нажима пальцев руки, передвигающейся вдоль стенок» (Станкевич 1950: 210). Действительно, такой способ лепки широко представлен среди материалов горизонтов E и Д (ЛДГ-119; ЛДГ-30; ЛС-453; ИЭ-84/ЗГ-243 и др.). Это так называемый донно-емкостный начин (Бобринский 1978: 114–152)¹⁰ (ил. 5; 6). В то же время среди керамического

¹⁰ Методика и признаки выявления различных программ конструирования начин см.: Бобринский 1978: 114–152.

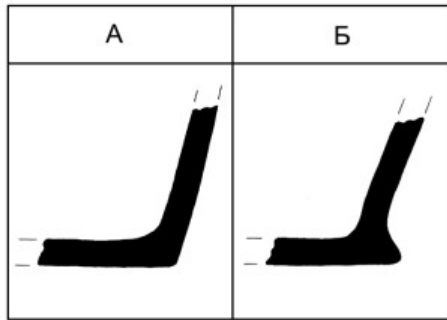

Рис. III.4. Типы дниц лепных сосудов

материала Ладоги удастся выделить группу фрагментов сосудов, изготовленных с помощью донного начина (ил. 3, 3; 7, 1а, 1б) (также ЛГ-204; САЭ-1976/ЛП-1588; САЭ-1976/ЛП-2833, 2839, 2846 и др.; ЛС-930, 931). Некоторые сосуды изготавливались путем вытягивания из одного куска глины (ил. 5, 1, 2) (также САЭ-1976/ЛП-2904 и др.).

А. А. Бобринский отметил в качестве одного из признаков донной программы наличие днища в форме «сапожка» (Бобринский 1978: 131).

Однако этот признак, хотя и говорит о каком-то особом способе формовки сосуда, но, видимо, не является определяющим для выделения донного начина, так как придонные части некоторых сосудов, изготовленных по донно-емкостной программе, также имеют такую форму (Бобринский 1978: 133, рис. 44, 2, 3). В табл. III.3 показано распределение керамики, имеющей ровную придонную часть (тип А) (рис. III.4) и небольшой выступ по внешнему краю днища, что придает последнему форму «сапожка» (тип Б). Как видно из табл. III.3, керамика с «сапожком» составляет примерно 26 % от всей керамики Земляного городища и 31 % от керамики, найденной в раскопе на Варяжской улице.

С учетом всего комплекса признаков, характерных, по мнению А. А. Бобринского, для донной и донно-емкостной программ, была предпринята попытка подсчитать соотношение керамики, изготовленной тем и другим способами (табл. III.4). К сожалению, многие признаки программ, важнейшим из которых является направление микрочастиц формовочной массы в изломе черепка, при последующей обработке сосуда исчезают, и их определение крайне затруднено (Глушков 1996: 38). Следует, однако, отметить, что обе программы сосуществуют на протяжении интересующего нас промежутка времени существования поселения и ни одну из них нельзя считать более древней по отношению к керамическому материалу данного памятника.

А. А. Бобринский на основании этнографических наблюдений отметил, что способ конструирования начина является очень консервативной ступенью производства керамики. Он не изменяется даже, когда в данной среде происходит изменение состава населения за счет притока носителей иных культурных традиций, а в процессе смешения технологических навыков или их совершенствования изменяется в последнюю очередь (Бобринский 1978: 124–130).

Факт наличия минимум двух программ в технологии изготовления ладожской посуды представляется очень интересным. Видимо, можно говорить о присутствии среди населения Ладоги носителей разных традиций гончарства (Там же: 129, 130). Надо отметить также, что единой схемы у ладожских мастеров не существовало, и они, что называется, шли за материалом, приспособляясь к свойствам местных глин. Иногда можно проследить, как к днищу внутри примазывался пласт глины, края которого загибались на стенку сосуда, то есть мастер как будто усиливал придонную часть, показавшуюся ему первоначально ослабленной.

А. А. Бобринский отмечал, что минимальное время для перерождения начинов измеряется жизнью не менее двух поколений гончаров, хотя известны случаи

Таблица III.3. Распределение типов днищ лепных сосудов

Для Земляного городища			
Горизонт	Тип А, кол-во (доля, %)	Тип Б, кол-во (доля, %)	Всего, 100 %
Д	97 (78,2)	27 (21,8)	124
Д-Е ₁	10 (76,9)	3 (23,1)	13
Е ₁	33 (82,5)	7 (17,5)	40
Е ₂	28 (73,7)	10 (26,3)	38
Е ₂ -Е ₃₋₁	7 (77,7)	1 (22,3)	8
Е ₃₋₁	29 (65,9)	15 (34,1)	44
Е ₃₋₁ – Е ₃₋₂	4 (100)	–	4
Е ₃₋₂	30 (68,2)	14 (31,8)	44
Е ₃₋₂ – Е ₃₋₃	5 (62,5)	3 (37,5)	8
Е ₃₋₃	25 (60,9)	16 (39,1)	41
Е ₃	10 (88,9)	1 (11,1)	11
Всего	278 (74,1)	97 (25,9)	375
Для раскопа на Варяжской улице			
Штык	Тип А, кол-во (доля, %)	Тип Б, кол-во (доля, %)	Всего, 100 %
6	10 (83,0)	2 (17,0)	12
7	6 (54,5)	5 (45,5)	11
8	9 (81,8)	2 (18,2)	11
9	7 (77,8)	2 (22,2)	9
10	8 (61,5)	5 (38,5)	13
11	9 (90,0)	1 (10,0)	10
12	8 (80,0)	2 (20,0)	10
13	16 (80,0)	4 (20,0)	20
14	9 (64,2)	5 (35,8)	14
15	6 (54,5)	5 (45,5)	11
16	15 (68,8)	13 (34,2)	28
17	5 (62,5)	3 (37,5)	8
18	15 (65,2)	8 (34,8)	23
19	1 (33,3)	2 (66,7)	3
Всего (%)	124 (67,8)	59 (32,2)	183

Таблица III.4. Соотношение керамики, изготовленной по донно-емкостной и донной программам (по материалам Земляного городища)

Горизонт		Вид начина, количество (доля, %)			Всего, 100 %
		Донно-емкостный	Донный	Неопределимый	
Д	Д ₁	7 (23)	1 (3)	23 (74)	31
	Д ₂	4 (17)	–	19 (83)	23
	Д(в целом)	15 (47)	–	17 (53)	32
Д–Е ₁		–	–	9 (100)	9
Е ₁		7 (27)	4 (15)	15 (58)	26
Е ₂		6 (26)	2 (9)	15 (65)	23
Е ₂ –Е ₃₋₁		1 (11)	–	8 (89)	9
Е ₃₋₁		9 (32)	1 (4)	18 (64)	28
Е ₃₋₁ –Е ₃₋₂		–	–	3 (100)	3
Е ₃₋₂		8 (28)	3 (10)	18 (62)	29
Е ₃₋₂ –Е ₃₋₃		1 (8)	–	11 (92)	12
Е ₃₋₃		4 (13)	–	27 (87)	31
Е ₃ (в целом)		2 (40)	–	3 (60)	5
Всего (%)		64 (25)	11 (4)	186 (71)	261 (100)

перерождения этих навыков в течение четырех-пяти поколений (Там же: 129). Установлено, что донно-емкостные начинны являются давней технологической традицией, сохранившейся до настоящего времени. На территории лесной зоны Восточной Европы они использовались практически непрерывно с эпохи неолита (Там же: 115, 117). Донные начинны также широко известны у различных народов. По наблюдениям А. А. Бобринского, «в лесной и лесостепной зонах в эпоху раннего железа они известны в разных культурах, но в качестве массового явления отмечаются лишь по материалам отдельных поселений дьяковской, днепродвинской культур и белорусской группы культуры штрихованной керамики... В конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. донный начин появляется в материалах зарубинецкой культуры. Но и здесь он представлен немногочисленными экземплярами... В памятниках I — начала II тыс. н. э. донный начин также отсутствует как явление массовое внутри какой-либо археологической культуры» (Там же: 117). На этом основании А. А. Бобринский делает вывод, что появление донных начиннов в среде восточноевропейского населения следует рассматривать как результат усложнения его состава за счет перемещения и смешения разных групп населения внутри лесной зоны (Там же).

Подобно способам конструирования начиннов, способы конструирования полого тела, по А. А. Бобринскому, также относятся к субстратным, то есть наиболее устойчивым в системе приемов труда, которыми пользуются гончары

(Там же: 169–184). Я. В. Станкевич показала, подтвердив свои выводы этнографическими наблюдениями, что в материалах нижнего горизонта культурного слоя Старой Ладоги широко представлена техника кольцевого налепа, опровергнув тем самым бытовавшее до выхода в свет ее работы мнение о господстве спиралевидного налепа в лесной зоне Восточной Европы (Станкевич 1950: 208–216).

Сосуды лепились из глиняных лент шириной от 3–4 до 5–7 см, которые соединялись между собой по ровному (так называемому желобчатому) торцу или, что встречается гораздо чаще, по скошенному краю, о чем свидетельствуют характерные следы от распавшихся по швам и стыкам полос глины (Станкевич 1950: 210; Бобринский 1978: 174–184). Способ соединения лент по «желобчатому» торцу, когда одна лента как бы вдавливается в другую, является достаточно архаичным. Н. Н. Гурина отметила такой технологический прием на неолитической керамике нарвского типа (Гурина 1967: 34) (с. 352–353). Встречен такой прием и на раннесредневековой керамике соседнего с Ладогой городища Любша (см. там же). Нарвская культура датируется VI–IV тыс. до н. э. Однозначно интерпретировать факт существования такой архаичной технологии на раннесредневековых поселениях, учитывая неясность культурной стратиграфии региона, пока не представляется возможным.

На некоторых сосудах удается проследить распадение полос (лент) глины почти по всей окружности сосуда. Явные следы кольцевого способа лепки прослежены не только по материалам древнейшего горизонта E_3 (ИЭ-82/ЗГ-1477; ИЭ-82/ЗГ-1504; ИЭ-84/ЗГ-93,95 — все из горизонта $E_{3,2}$; ИЭ-84/ЗГ-958,959,966 и др.; ИЭ-84/ЗГ-1034-1048 — все из горизонта $E_{3,3}$), но и на раннегончарном сосуде из раскопа на Варяжской улице (САЭ-1973/ЛП2-12085). Этот сосуд сделан при помощи кольцевого налепа из лент шириной 7–9 см, а затем подправлен на гончарном круге. Возможно, что формирование полого тела происходило с помощью круга или поворотной подставки, так как сосуд имеет внушительные размеры: диаметр венчика 42 см, высота 53 см (ил. 122, 1). Из этнографии известно множество примеров, когда при конструировании сосудов больших размеров используются архаичные навыки лепки (Бобринский 1962а: 42 и сл.; 1978: 171).

На материалах Ладоги удалось с достоверностью выделить только один способ конструирования полого тела сосуда: наращивание стенок путем прилепливания друг к другу глиняных лент способом кольцевого налепа. Говорить с уверенностью о существовании других способов пока нет оснований. По данным А. А. Бобринского, связь кольцевого налепа преимущественно с какой-нибудь определенной культурной группой населения по материалам I тыс. н. э. уже не прослеживается. Кольцевой налеп известен в это время очень широко на памятниках различных культур (так же, как и спиральный) и уже не может служить отличительным признаком. В эпоху раннего железа кольцевой налеп в наибольшей степени был распространен у племен культуры штрихованной керамики. После ее исчезновения он оставался одним из традиционных элементов технологии гончарства у населения Средней Белоруссии — вплоть до древнерусского времени, а в отдельных очагах деревенского ремесла практически до современности (Бобринский 1978: 163).

Я. В. Станкевич, характеризуя способы обработки поверхности ладожской посуды, выделила группу сосудов, у которых стенки были заглажены «пучком травы

или куском грубой ткани, как об этом свидетельствуют идущие в разных направлениях штрихи на наружных стенках» (Станкевич 1950: 212) (ил. 7, 3). Вторая группа сосудов, выделенная исследовательницей, характеризуется более гладкой поверхностью, которая «получалась при ее заравнивании деревянной лопаточкой», следы чего можно наблюдать на поверхности сосуда (Там же).

Указанными способами не исчерпывается все многообразие обработки поверхности сосудов. Гладкая поверхность получалась также путем заглаживания сосуда пальцами, о чем свидетельствуют отпечатки папиллярных узоров на поверхности сосудов (ЛС-1850; ЛС-1419; ЛДГ-128; ЛДГ-131; Л-735; Л-1020; СЛ-1125; ЛД-103; ИЭ-82/ЗГ-1292 и др.). На некоторых сосудах видны следы от заглаживания поверхности пальцами, идущие строго в вертикальном направлении, что придает поверхности легкую волнистость (ил. 7, 2а, 2б; 102, 1, 2) (ИЭ-84/ЗГ-779,780 из горизонта $E_{3,2}$; САЭ-75/ЛП2-4386; САЭ-75/ЛП2-4639,4647 и др.; САЭ-1976/ЛП-323,325 и др.; САЭ-1976/ЛП-3576 — все из штыков 9–17).

В единичных случаях встречены отпечатки деревянной лопатки или ножа, использовавшихся при обработке поверхности сосуда. Обычно они фиксируются как на наружной, так и на внутренней поверхности (ИЭ-84/ЗГ-1478 из горизонта $E_{3,2}$; СЛ-1046 из горизонта Д; отпечатки на фрагменте сковороды из горизонта Д — СЛ-1054 — и на баночном слабопрофилированном сосуде из штыка 9 в раскопе на Варяжской улице: САЭ-1976/ЛП-1584). Следы деревянной лопатки зафиксированы и на раннегончарном сосуде из горизонта Д (ЛГ-152).

Как в нижних, так и в верхних горизонтах поселения встречены фрагменты сосудов, поверхность которых имеет характерные следы от заглаживания пучком травы в вертикальном направлении (САЭ-74/ЛП2-7842,7860,7864; САЭ-73/ЛП2-17328,17337,17341) или беспорядочно (САЭ-74/ЛП2-1587,1589 и др.; ЛДГ-149; ЛС-1842; Л-1935; ЛД-18). Травой обычно заглаживался не весь сосуд, а нижние 2/3 высоты (придонная часть); шейка и плечико оставались гладкими. Такой способ обработки поверхности иногда рассматривается как подражание штрихованной керамике РЖВ, давшей название археологической культуре. Там также штриховка покрывала нижние 2/3 сосуда, а шейка и плечико оставались гладкими, но наносилась она щепкой, острием или пучком соломы (Митрофанов 1967: 250, 251; Зверуго, Медведев 2003: 99, рис. 11). Посуда со штрихованной поверхностью встречается и в других культурах РЖВ: днепро-двинской, милоградской, дьяковской (Бобринский 1978: 221; Розенфельдт И. 1974: 117, 120, табл. 2). Следы заглаживания травой встречены на слабопрофилированных сосудах, сосудах баночных форм, а также на приземистых сосудах с ребром «обычной здесь широкогорлой биконической формы», по описанию Я. В. Станкевич (Станкевич 1950: 191).

Большинство фрагментов керамики заглажено рукой, смоченной в воде. Интересно, что на некоторых сосудах, чья внешняя поверхность хорошо заглажена указанным способом, внутри имеются следы от заглаживания пучком травы (САЭ-1976/ЛП-3544; САЭ-1976/ЛП-1550,1552,1557; САЭ-1976/ЛП-140 и др.). Такие случаи единичны, но имеют аналогии в материалах памятников РЖВ Северо-Запада (Гурина 1961: 113; Плохов 1987: 9; 1988: 10, 11), а также культуры штрихованной керамики и дьяковской культуры (Митрофанов 1967: 248, 249; Розенфельдт И. 1974: 163).

Имеются также немногочисленные фрагменты сосудов с очень хорошо заглаженной (почти подлощенной) поверхностью (ЛД-103) (ил. 6, 2а, 2б).

В табл. III.5 показано распределение керамики (учитывались фрагменты придонных частей сосудов) со следами обработки поверхности: а) деревянной лопаткой; б) пучком травы; в) руками (в эту группу входит гладкостенная керамика, хорошо заглаженная пальцами, мокрой рукой и т. п.). Как видно из табл. III.5, подавляющее большинство составляет гладкостенная керамика. Следы обработки деревянной лопаткой фиксируются примерно на 1 % керамики Земляного городища и 0,5 % из раскопа на Варяжской улице; 10 % сосудов Земляного городища и 12,5 % сосудов из раскопа на Варяжской улице имеют следы заглаживания травой.

В табл. III.6 и III.7 представлена совстречаемость указанных способов обработки поверхности и выделенных типов днищ (см. с. 378, рис. III.4). На основании приведенных данных можно сделать вывод, что у сосудов, имеющих дно в форме «сапожка» (тип Б), на поверхности чаще встречаются следы от заглаживания травой, чем у сосудов, дно которых ровное (тип А). Следы обработки поверхности деревянной лопаткой встречены на сосудах, имеющих днище типа А.

Приемы обработки поверхности, в отличие от способов конструирования полого тела, относятся к приспособительным навыкам. К ним, по мнению А. А. Бобринского, «в какой-то степени приложимо понятие моды, но моды, отягченной традиционными нормами культуры...» (Бобринский 1978: 221). В отличие от приемов конструирования начина или полого тела, способы обработки поверхности сосудов могут изменяться довольно быстро, причем без всяких перемен в составе самого населения. Кроме того, выявляя общие закономерности в изменении навыков обработки поверхностей, он отметил, что в течение I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. некоторые способы отмирают, и происходит «распространение одного из способов обработки поверхностей, который становится чуть ли не интернациональным для населения лесной и лесостепной зон, — простого заглаживания» (Там же: 219). На материалах Ладоги мы имеем возможность наблюдать признаки постепенного исчезновения одного из способов (а именно — заглаживания травой).

Я. В. Станкевич отмечала, что даже крупные ладожские кухонные корчаги, изготовленные из теста, содержащего значительные включения крупных зерен кварца или дресвы, «относительно хорошо обожжены», не говоря уже о группе настольной и парадной посуды (Станкевич 1950: 192, 193).

Среди керамики группы 1 по качеству теста (с рыхлым тестом и крупными или средними — диаметром 0,3–0,7 см — примесями дресвы) имеются фрагменты сосудов, очень сильно крошащиеся, которые невозможно было не только склеить, но и собрать в полевых условиях. Таких фрагментов немного (не более 0,1 % от общего количества керамики), и связаны они, в основном, с горизонтом E_{3.3} Земляного городища и штыками 18–19 раскопа на Варяжской улице. Возможно, на состояние керамики повлияло её нахождение в нижних, сильно увлажненных слоях. Особенностью такой керамики является также «пятнистая» внешняя поверхность: она состоит из неправильной формы пятен различных оттенков — от темно-серого и бурого до песочного. Можно предположить, что такими пятнами различного цвета могла проявиться органическая примесь в глиняном тесте (Глушков 1996: 20). Черепок в изломе, как правило, однотонный. Б. А. Рыбаков в свое время предложил по характерному цвету излома керамического черепка определять костровой, печной и горновой обжиг (Рыбаков 1948: 171, 172). По мнению исследователей, методика анализа различных приемов ведения обжига, отражающихся, в частности,

Таблица III.5. Соотношение керамики с различными способами обработки поверхности (учитываются фрагменты придонных частей сосудов)

Для Земляного городища				
Горизонт	Способ обработки поверхности, количество (доля, %)			Всего, 100 %
	Деревянной лопаткой	Пучком травы	Руками	
Д	2 (2)	8 (6)	114 (92)	124
Д-Е ₁	–	–	13 (100)	13
Е ₁	–	2 (5)	38 (95)	40
Е ₂	–	5 (13)	33 (87)	38
Е ₂ -Е ₃₋₁	–	1 (13)	7 (87)	8
Е ₃₋₁	–	5 (11)	39 (89)	44
Е ₃₋₁ -Е ₃₋₂	–	–	4 (100)	4
Е ₃₋₂	1 (2)	6 (14)	37 (84)	44
Е ₃₋₂ -Е ₃₋₃	–	2 (25)	6 (75)	8
Е ₃₋₃	–	5 (12)	36 (88)	41
Е ₃	–	3 (27)	8 (73)	11
Всего (%)	3 (1)	37 (10)	335 (89)	375
Для раскопа на Варяжской улице				
Штык	Способ обработки поверхности, количество (доля, %)			Всего, 100 %
	Деревянной лопаткой	Пучком травы	Руками	
6	–	1 (8)	11 (92)	12
7	–	2 (18)	9 (82)	11
8	–	1 (9)	10 (91)	11
9	1(11)	1 (11)	7 (78)	9
10	–	2 (15)	11 (85)	13
11	–	1 (10)	9 (90)	10
12	–	–	10 (100)	10
13	–	2 (10)	18 (90)	20
14	–	3 (21)	11 (79)	14
15	–	2 (18)	9 (82)	11
16	–	6 (16)	32 (84)	38
17	–	1 (12)	7 (88)	8
18	–	1 (4)	22 (96)	23
19	–	1 (33)	2 (67)	3
Всего (%)	1 (0,5)	24 (12,5)	168 (87,0)	193

Таблица III.6. Соотношение типов дниц и способов обработки поверхности лепных сосудов (по материалам Земляного городища)

Горизонт	Тип А				Тип Б			
	Способ обработки поверхности, количество (доля, %)			Всего, 100 %	Способ обработки поверхности, количество (доля, %)			Всего, 100 %
	Деревянной лопаткой	Пучком травы	Руками		Деревянной лопаткой	Пучком травы	Руками	
Д	2 (2)	5 (5,2)	90 (92,8)	97	–	3 (11,1)	24 (88,9)	27
Д-Е ₁	–	–	10 (100)	10	–	–	3 (100)	3
Е ₁	–	1 (3,0)	32 (97)	33	–	1 (14,3)	6 (85,7)	7
Е ₂	–	2 (7,1)	26 (92,9)	28	–	3 (30,5)	7 (70)	10
Е ₂ –Е ₃₋₁	–	1 (14,3)	6 (85,7)	7	–	–	1 (100)	1
Е ₃₋₁	–	2 (6,9)	27 (93,1)	29	–	3 (20,0)	12 (80)	15
Е ₃₋₁ –Е ₃₋₂	–	–	4 (100)	4	–	–	–	–
Е ₃₋₂	1 (3,3)	3 (10,0)	26 (86,7)	30	–	3 (21,4)	11 (78,6)	14
Е ₃₋₂ –Е ₃₋₃	–	1 (20,0)	4 (80)	5	–	1 (33,3)	2 (66,7)	3
Е ₃₋₃	–	3 (12,0)	22 (88)	25	–	2 (12,5)	14 (87,5)	16
Е ₃	–	2 (20,0)	8 (80)	10	–	1 (100,0)	–	1
Всего (%)	3 (1)	20 (7,3)	255 (91,7)	278	–	17 (17,6)	80 (82,4)	97

в особенностях окрашенности изломов черепка, еще слабо разработана (Бобринский 1989: 33; Глушков 1996: 81–83). Учитывая характер вышеописанной керамики, можно предположить, что такой слабый и неравномерный обжиг получался в результате использования в качестве теплотехнического устройства костра или открытого очага.

Известно, что для получения керамического черепка необходима температура 500–800 °С. Замеры температуры в кострах, где обжигалась керамика, показали, что она достигает 700–750 °С, хотя локальные температуры могли быть и выше, и ниже. Это зависит от того, в какой части костра находится сосуд (Сайко 1982: 139, 140; Бобринский 1990: 31; Глушков 1996: 76–83).

Видимо, подавляющая часть лепной посуды, а также раннегончарная обжигалась в печах. В ладожских домах найдены отопительные устройства двух типов: 1) прямоугольные в плане, сложенные из валунов, плит, глины и песка, окруженные по краю деревянными конструкциями и расположенные в центре жилого помещения; 2) прямоугольные в плане сооружения из камней и плит, расположенные в одном из углов помещения. Первые, видимо, правильнее называть очагами (ср.: Равдоникас 1949: 20–22; 1950: 14, 24, 29; Гроздилов 1950: 161; Репников 1948: 39; Петренко 1985: 95–99; Шенников 1988: 101–106; 1992: 66), а вторые, по общему мнению,

Таблица III.7. Соотношение типов днищ и способов обработки поверхности лепных сосудов (по материалам раскопа на Варяжской ул.)

Штык	Тип А				Тип Б			
	Способ обработки поверхности, количество (доля, %)			Всего, 100 %	Способ обработки поверхности, количество (доля, %)			Всего, 100 %
	Деревянной лопаткой	Пучком травы	Руками		Деревянной лопаткой	Пучком травы	Руками	
6	–	–	10 (100,0)	10	–	1 (50,0)	1 (50,0)	2
7	–	1 (16,7)	5 (83,3)	6	–	1 (20,0)	4 (80,0)	5
8	–	1 (11,1)	8 (88,8)	9	–	–	2 (100,0)	2
9	1 (14,3)	1 (14,3)	5 (71,4)	7	–	–	2 (100,0)	2
10	–	1 (12,5)	7 (87,5)	8	–	1 (20,0)	4 (80,0)	5
11	–	1 (11,1)	8 (88,9)	9	–	–	1 (100,0)	1
12	–	–	8 (100,0)	8	–	–	2 (100)	2
13	–	1 (6,3)	15 (93,7)	16	–	1 (25,0)	3 (75,0)	4
14	–	2 (22,2)	7 (77,8)	9	–	1 (20,0)	4 (80,0)	5
15	–	1 (16,7)	5 (83,3)	6	–	1 (20,0)	4 (80,0)	5
16	–	3 (12,0)	22 (88,0)	25	–	3 (23,0)	10 (77,0)	13
17	–	–	5 (100,0)	5	–	1 (33,0)	2 (67,0)	3
18	–	–	15 (100,0)	15	–	1 (12,0)	7 (88,0)	8
19	–	–	1 (100,0)	1	–	1 (50,0)	1 (50,0)	2
Всего (%)	1 (0,8)	12 (8,9)	121 (90,3)	134	–	12 (20,0)	47 (80,0)	59

являются печами-каменками (Раппопорт 1975: 126). Видимо, очаги, которые находились в деревянных домах, следует сразу исключить из рассматриваемого сюжета. Если костровой обжиг действительно имел место, то производился он, конечно, в стороне от поселения, прежде всего в целях противопожарной безопасности. В Ладоге не найдено ни гончарных горнов, ни остатков печей, по которым можно было бы с достоверностью судить, что данное бытовое теплоустройство использовалось также для производственных нужд. Однако многочисленные данные этнографии говорят о том, что часто для обжига посуды деревенские гончары использовали обыкновенную печь, служившую для обогрева и приготовления пищи, или печь с увеличенным полезным объемом (Бобринский 1989: 13).

Например, в деревне Никольское Архангельской области до 1960-х гг. местная горшечница обжигала посуду в бытовой печи, находившейся в жилой избе

(Бобринский 1991: 31, 32). Бытовые печи увеличенного объема использовались и в Новгородской области (дер. Княжое Село, Тимошкино, Белец и Голино (Бобринский 1989: 18)). Этнографические сведения можно подкрепить данными археологии: в Пскове в слое второй половины X — начала XI в. и в Изборске в слое XIII в. найдены печи с поставленными в них для обжига сосудами (Белецкий 1979: 6).

В 2009 г. на Земляном городище был найден горшок с деформированным, как бы волнистым дном. Видимо, эта деформация появилась в результате зеркального отражения какой-то конструктивной особенности устройства для обжига керамики (ил. 8).

Среди исследователей широко распространено мнение, что в роли специализированного теплоустройства для обжига керамики могут выступать только гончарные горны. А. А. Бобринский показал, что такое представление является ошибочным (Бобринский 1989: 14–16). Наряду с упомянутыми печами с увеличенным полезным объемом в качестве специализированного теплоустройства могли служить массивные печи для выпечки хлеба. Мысль о возможной связи между выпечкой хлеба и обжигом керамики была высказана Р. Амираном (Amiran 1965: 240) и нашла свое подтверждение в материалах многих памятников Ближнего Востока и Средней Азии (Сайко 1982: 140, 141). На территории Восточной Европы для целей гончарного производства служили вышедшие из употребления черные, или так называемые овинные, печи, которые располагались в хозяйственных постройках или в жилом доме, но в отдельном помещении (Бобринский 1991: 47, 100).

Я. В. Станкевич также высказала предположение, что «специальных приспособлений для обжига посуды ладожане не знали, и он производился в черных печах избы, аналогично тому, как это практиковалось до наших дней многими кустарями в ряде районов севера» (Станкевич 1950: 212).

В Ладоге (в раскопе на Варяжской улице) и на Рюриковом городище найден особый тип печей, который авторами раскопок, Е. Н. Носовым и В. П. Петренко, интерпретирован как печи для выпечки хлеба (Носов, Петренко 1986: 13). Авторы подчеркивают обособленность этих глинобитных печей в застройке поселений: в Ладоге печь находилась на незастроенной в то время периферийной части двора, рядом с оградой, а на Рюриковом городище — за пределами густонаселенной части поселения, в сырой ложбине. Отмечаются также их конструктивные особенности по сравнению с печами, находящимися в домах (Там же: 9, 10). Ладожская печь датируется второй–третьей четвертями X в., но служила довольно длительное время, периодически подновляясь; печи на Рюриковом городище (их найдено уже не менее семи) функционировали в течение X в., самая ранняя была сооружена на рубеже IX–X вв. (Носов, Петренко 1986: 9, 12; Носов, Хвоцинская 2019: 122, 123; Плохов 2021: 51).

Отметив, что раскопки не дали прямых свидетельств функциональной принадлежности глинобитных печей, Е. Н. Носов и В. П. Петренко предположили, что помимо выпечки хлеба они могли использоваться и для других нужд (Носов, Петренко 1986: 12). Не исключено, что подобные печи могли использоваться и для обжига глиняной посуды, но археологические доказательства этого предположения отсутствуют. Возможно, косвенным подтверждением тому может служить находка в раскопе на Варяжской улице в синхронных с печью слоях массивного раннегончарного сосуда высотой 53 см. Для обжига подобных сосудов требовался значительный объем камеры. Реконструируемые автором раскопок габариты печи (высота около 1,0–1,5 м, ширина устья 0,5–0,6 м) (Там же: 9), кажется, не противоречат этому предположению.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛАДОЖСКОЙ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ: ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ КЕРАМИКИ «ЛАДОЖСКОГО ТИПА»

После выхода в свет работы Я. В. Станкевич одна из выделенных ею групп керамики, а именно «биконическая форма сосудов с резким переломом профиля» (Станкевич 1950: 189), вошла в литературу как керамика «ладожского типа». Она стала широко использоваться для аналогий и культурно-исторических построений, став для многих исследователей признаком появления славянского населения (Носов 1977б: 11, 19, 24, 25; 1984а: 102; 1990: 134, 135, 164; 1991: 10; Макаров 1991: 137; Смирнова 1978: 165, 169, 170; Финно-угры и балты... 1987: 63, 64).

Если проанализировать работы, в которых характеризуется керамика «ладожского типа», оказывается, что основным (и часто единственным) критерием для выделения этой керамики является так называемое «ребро», под которым понимается более или менее резкий перелом тулова в верхней трети или четверти сосуда; иногда отмечают также «стройность пропорций». Г. П. Смирнова, например, описывала подобную керамику так: «...ребристые сосуды, у которых высокая выгнутая шейка переходит в конусовидное тулово через утолщенное ребро» (Смирнова 1976: 4). А. М. Спиридонов относит к горшкам «ладожского типа» «горшки с ребристыми очертаниями плечиков. <...> По различиям в пропорциях они разделены на два вида. Вид А... объединяет сосуды высоких пропорций с ребристыми плечиками, располагающимися в верхней четверти их высоты... Вид Б — ...сосуды со слегка ребристыми плечиками, располагающимися в верхней трети их высоты» (Спиридонов 1989: 306). В. Я. Конецкий считает, что «ладожский тип» представлен «сравнительно высокими усеченно-коническими широкогорлыми горшками с резким переломом в верхней трети высоты и слегка отогнутым венчиком» (Конецкий 1989а: 5). Более подробную характеристику дает В. Н. Седых: «Горшки с максимальным расширением тулова, приходящимся на плечики (в верхней четверти емкости), оформленные переломом стенок в виде ребра. Придонная часть отчетливо коническая, высота меньше либо равна максимальному диаметру. Диаметр дна составляет половину диаметра венчика» (Седых 1982: 194). Похожее определение находим у Н. А. Макарова: «Горшки стройных пропорций с усеченно-коническим туловом, значительно сужающимся книзу, и резким перегибом, иногда оформленным в виде ребра, приходящимся на верхнюю треть, а чаще — на верхнюю четверть высоты сосуда» (Макаров 1991: 137).

Большое внимание керамике «ладожского типа» уделил Е. Н. Носов, исследовавший значительное количество памятников в Приильменье и Поволховье. По его определению, такая керамика «представлена профилированными лепными горшками, в основном с четко выраженными плечиками, часто ребрами при переходе к конически сужающемуся тулову. Пропорции сосудов обычно вытянутые, орнаментация крайне редка» (Носов 1984а: 96, 97). В более поздних работах Е. Н. Носов убирает «вытянутые пропорции» из признаков керамики «ладожского типа», оставляя «четко выраженное плечико, ребро при переходе от горловины к тулову и выделенную шейку... Отдельные сосуды, различаясь некоторыми элементами, сохраняют общий объединяющий принцип» (Носов 1990: 134). Автор выделяет на основании различия в общих пропорциях шесть подвидов керамики «ладожского типа». В эту группу попадают и сосуды, диаметр венчика которых равен высоте, и сосуды, у которых высота составляет 60 % диаметра венчика (Там же: 135, 136, рис. 55).

Важным, на мой взгляд, является замечание Е. Н. Носова о том, что «лепные сосуды очень индивидуальны в деталях, нередко у одного и того же сосуда профилировка венчика с противоположных сторон различна» (Там же: 135). (Здесь следует подчеркнуть, что это явление вообще характерно для раннесредневековой лепной керамики лесной зоны, что уже отмечалось специалистами (см., напр.: Лопатин 2018: 57).) Иными словами, и степень «ребристости» при взгляде на один сосуд с разных сторон может показаться различной. Неслучайно в литературе все чаще выделяются сосуды с ярко выраженным и сглаженным ребром (Носов 1976: 77; Исланова 1991а: 47; Кирпичников, Назаренко 1997: 78). Анализ всего керамического материала памятника позволяет утверждать, что керамика с резко выраженным ребром составляет не более 20 % от общего количества сосудов с четким переходом от шейки к плечу.

Необходимо констатировать, что главный признак, по которому выделяется керамика «ладожского типа», — так называемое ребро — не всегда может быть четко выделен даже на одном сосуде, а что касается пропорций, то при их характеристике, имея в распоряжении в основном фрагментированный материал, многие исследователи полагаются скорее на интуицию, чем на объективные данные.

Я. В. Станкевич, характеризуя древнейшую группу лепной керамики Ладоги, писала, что в ней встречены не только ребристые биконические сосуды, но и сосуды цилиндрической и других форм (Станкевич 1950: 189). Например, как «специфически местная форма» ею были выделены сосуды, характеризующиеся наличием на плечиках горизонтального желобка (Станкевич 1951: 222). Позже, после раскопок в Городце под Лугой, Г. С. Лебедев назвал такую керамику с каннелюрами сосудами «городецкого типа» (Лебедев 1985а: 45). В небольшом количестве она встречается и на других поселениях Верхнего Полужья (Передольский погост) (Платонова и др., 2007: 164, рис. 10, 3).

Наиболее распространенная, по определению Я. В. Станкевич, «биконическая форма с резким переломом профиля» была разделена ею на две группы:

- 1) сосуды с ребром, у которых отношение высоты к ширине 1,5–2,0:1 (эти сосуды, предположительно, явились прототипом «сосудов стройных пропорций»);
- 2) сосуды с ребром, у которых это соотношение 2:3, то есть «обычной здесь широкогорлой биконической формы» (Станкевич 1950: 191).

Среди материалов построек 1 и 2 на материке (раскопки В. И. Равдоникаса 1947–1948 гг.) исследовательница выделила четыре сосуда первой группы и три сосуда второй группы, причем если сосуды первой группы, по ее мнению, в вышележащих горизонтах не встречались, то сосуды второй группы «развивались» и далее, давая переходные формы (Там же: 191). Хотя Я. В. Станкевич не приводит статистических данных о распределении сосудов различных типов по горизонтам поселения, но из данного ею описания можно сделать вывод, что на звание керамики «ладожского типа», скорее, могли бы претендовать именно сосуды второй группы.

В результате обработки материала из раскопок разных лет на Земляном городище¹¹ и в районе Варяжской улицы удалось реконструировать 80 целых форм сосудов (сюда вошли только те сосуды, которые были склеены полностью

¹¹ Большую трудоёмкую работу по подбору и склейке керамики Земляного городища, хранящейся в ОАВЕС ГЭ, провела научный сотрудник Староладожского музея-заповедника З. Д. Бессарабова (1943–2005), которой я искренне признательна.

или графическая реконструкция которых практически не вызывает сомнений), не считая трех фрагментов сковородок, формы которых также можно установить. Эта выборка не очень велика (целые формы составляют примерно 6 % от общего количества определимой керамики), но все же достаточно репрезентативна. В нее вошли сосуды из горизонтов от E_{3,3} до Д включительно, датируемых VIII–X вв. (для Земляного городища) и из штыков 6–19, датируемых серединой IX — концом X в. (для раскопа на Варяжской улице). Среди них имеются как лепные, так и сделанные приемами скульптурной лепки, но с использованием ручного круга или простейшей поворотной подставки для окончательной обработки или нанесения орнамента, то есть раннегончарные сосуды (табл. III.8 и III.9). Еще примерно два десятка целых форм происходят из раскопок А. Н. Кирпичникова 1999–2012 гг. на Земляном городище. В настоящую статистическую сводку они не вошли.

Характерной особенностью данной выборки является присутствие в ней значительного количества так называемых миниатюрных сосудов. Это связано с процессом археологизации керамики. Многие исследователи на различных памятниках выделяют серии таких сосудов, не всегда оговаривая критерии выделения. Очевидно, что главным признаком служат их малые размеры, что, в свою очередь, является следствием их функционального назначения. По этому поводу в литературе высказывались различные предположения. А. Стубавс считал, что миниатюрные сосуды могли использоваться в примитивной медицине для изготовления лекарств или для хранения косметики (Стубавс 1959: 207). И. Г. Розенфельдт считала их игрушками или культовыми предметами (Розенфельдт И. 1971: 29), Г. П. Смирнова предположила, что они предназначались для хранения небольшого количества молока или масла (Смирнова 1956: 233). Скорее всего, однозначно ответить на этот вопрос невозможно.

Видимо, размытость критериев выделения позволила С. В. Белецкому наряду с миниатюрными сосудами выделить группу маломерных горшочков (Белецкий 1979: 6). Я отношу к данной группе сосуды, имеющие объем до 1 л¹². Условность такого деления хорошо видна из табл. III.10, где в порядке возрастания расположены абсолютные значения объемов целых сосудов ладожской коллекции. В эту группу входят сосуды, которые ввиду своей малой величины вряд ли могли использоваться для приготовления или приема пищи (например, сосуд объемом 0,027 л), а также сосуды, которые могли использоваться в быту именно в качестве посуды. Один из таких горшков (САЭ-1976/ЛП-1588), объемом 0,591 л, с остатками пищи (каши?) внутри, был найден в раскопе на Варяжской улице, в постройке, датирующейся началом X в. Я. В. Станкевич отмечала также наличие следов нагара на миниатюрном сосудике из комплекса посуды, связанной с постройкой 2 Земляного городища, расположенной на материке (раскопки 1947 г.). По ее мнению, это свидетельствует об использовании этого сосудика для варки пищи (Станкевич 1950: 192).

¹² Объемы сосудов вычислялись по формуле:

$$V = \pi \int_0^{h_{\max}} F^2(h) dh.$$

Понятно, что полезный объем был меньше, так как рассчитывалась емкость до краев, не учитывалась толщина стенок и пр.

Таблица III.8. Распределение целых форм лепных сосудов по горизонтам Земляного городища

Горизонт	Все сосуды		В том числе сосуды «удлиненных пропорций»			
			Н : D ₂ = 0,85–0,99		Н : D ₂ ≥ 1	
	Кол-во, шт.	Доля от общего числа целых сосудов, %	Кол-во, шт.	Доля от кол-ва целых сосудов каждого горизонта, %	Кол-во, шт.	Доля от кол-ва целых сосудов каждого горизонта, %
Д	15	27	7	46,6	2	18,2
Д-Е ₁	3	5	–	–	2	66,6
Е ₁	8	16	1	12,5	2	25,0
Е ₂	4	7	1	25	–	–
Е ₂ –Е ₃₋₁	2	4	–	–	–	–
Е ₃₋₁	4	7	2	50	–	–
Е ₃₋₂	3	5	1	33,3	–	–
Е ₃₋₂ –Е ₃₋₃	4	7	1	25	1	25,0
Е ₃₋₃	7	13	3	42,8	–	–
Е ₃ (в целом)	5	9	2	40	–	–
Всего	55	100	18	32,7	7	12,7

Таблица III.9. Распределение целых форм лепных сосудов для раскопа на Варяжской улице

Дата	Все сосуды		В том числе сосуды «удлиненных пропорций»			
			Н : D ₂ = 0,85–0,99		Н : D ₂ ≥ 1	
	Кол-во, шт.	Доля от общего числа целых сосудов, %	Кол-во, шт.	Доля от кол-ва целых сосудов каждого горизонта, %	Кол-во, шт.	Доля от кол-ва целых сосудов каждого горизонта, %
X в.	5 (р/гонч.)	20	4 (р/гонч.)	80	1 (р/гонч.)	20
	10	40	3	30	–	–
2-я пол. IX в.	10	40	1	10	1	10
Всего	25	100	8	32	2	8

Таблица III.10. Абсолютные значения объемов целых сосудов ладожской коллекции

№ п/п	Объем, л	№ п/п	Объем, л	№ п/п	Объем, л	№ п/п	Объем, л
1	0,12	21	0,55	41	1,10	61	2,79
2	0,14	22	0,57	42	1,14	62	2,91
3	0,21	23	0,58	43	1,28	63	3,30
4	0,25	24	0,59	44	1,35	64	3,32
5	0,25	25	0,59	45	1,36	65	3,42
6	0,27	26	0,60	46	1,38	66	3,82
7	0,27	27	0,62	47	1,38	67	4,05
8	0,27	28	0,66	48	1,38	68	4,21
9	0,28	29	0,69	49	1,39	69	4,49
10	0,29	30	0,71	50	1,57	70	4,50
11	0,30	31	0,76	51	1,60	71	4,66
12	0,34	32	0,79	52	1,73	72	4,71
13	0,35	33	0,79	53	1,79	73	4,87
14	0,35	34	0,86	54	1,93	74	5,60
15	0,36	35	0,86	55	1,96	75	5,65
16	0,36	36	0,89	56	1,97	76	5,96
17	0,41	37	0,94	57	2,24	77	11,1
18	0,44	38	0,95	58	2,34	78	22,3
19	0,49	39	1,00	59	2,41	79	24,8
20	0,50	40	1,00	60	2,55	80	36,4

Определяющим в данном случае является то, что миниатюрные сосуды дают нам представление о форме и пропорциях больших сосудов. В литературе неоднократно отмечалось, что они повторяют их форму (Аун 1976а: 192; Шмидехельм 1959: 165; Розенфельдт И. 1974: 134; Седых 1988: 6, 7; Носов, Плохов 1989: 38; Носов 1990: 181).

На рис. III.5 показано распределение целых сосудов по объему. В данной выборке присутствуют сосуды объемом от 0,027 л (27 см³) до 36 л. Как видно из гистограммы, выделяется компактная группа сосудов с объемом до 6 л. Преобладание в ней сосудов объемом до 1 л объясняется наличием значительного количества миниатюрных сосудов. Если рассмотреть отдельно распределение сосудов объемом до 1 л (рис. III.6), то видно, что внутри этой выборки не выделяются какие-либо группы. Большинство целых сосудов ладожской коллекции имеют объем до 6 л (рис. III.7). Однако, учитывая специфику данной выборки (целые/реконструированные сосуды), следует иметь в виду, что количественное соотношение сосудов разных объемов внутри этой группы в реальности может быть иным.

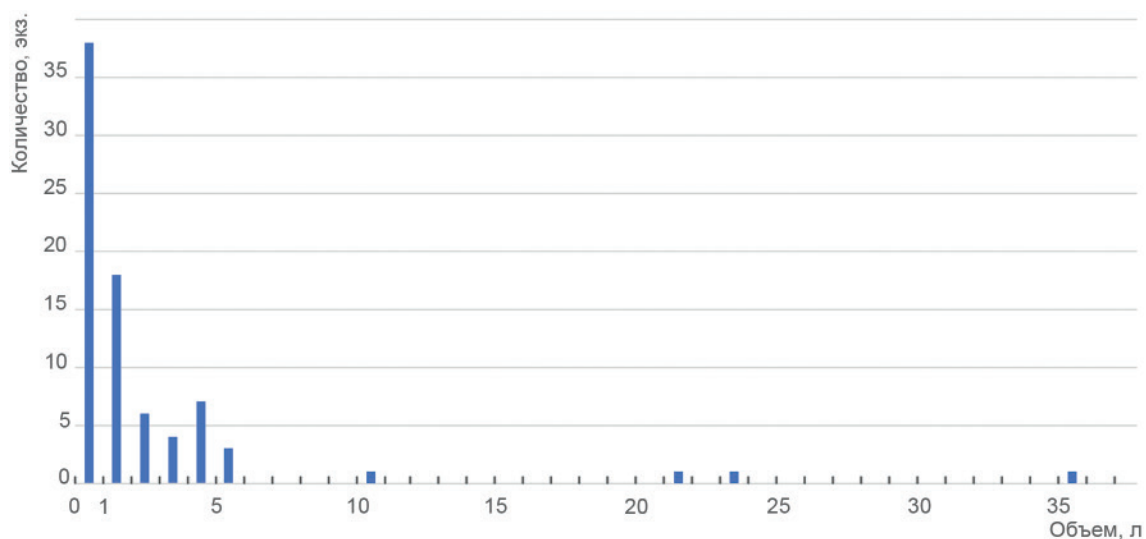

Рис. III.5. Распределение коллекции целых сосудов по объему

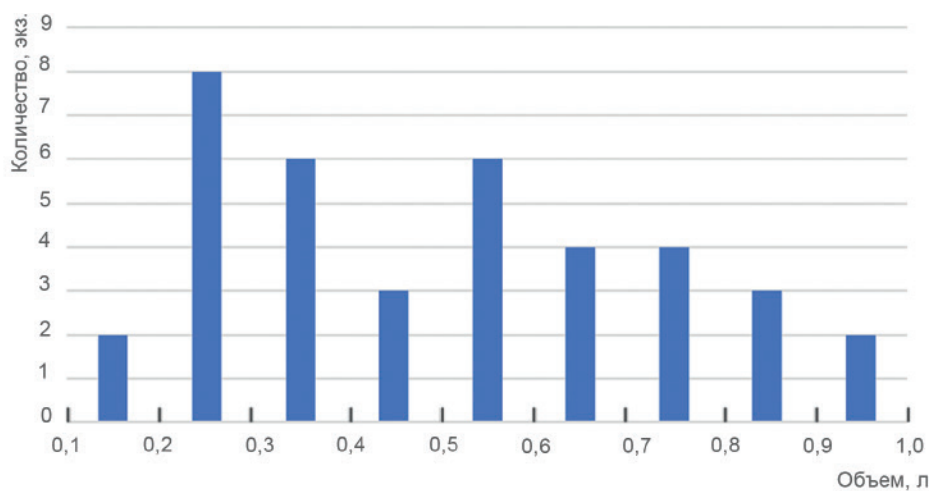

Рис. III.6. Распределение целых сосудов объемом до 1 л

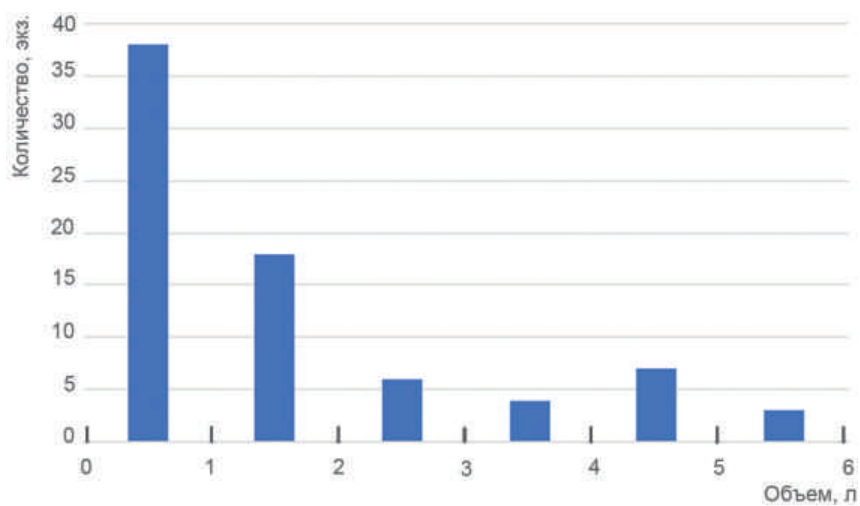

Рис. III.7. Распределение целых сосудов объемом до 6 л

На рис. III.9 показано распределение целых сосудов, а на рис. III.10 — фрагментов верхних частей сосудов по величине диаметра венчика D_1 (основные параметры сосуда показаны на рис. III.8). Если сравнить эти две гистограммы, то видно, что средняя на рис. 10 несколько смещена в сторону сосудов с бóльшим диаметром. Так как величина диаметра венчика косвенно связана с объемом сосуда, то можно предположить, что средняя для гистограммы объемов сосудов всей коллекции (если бы таковую можно было бы построить) тоже будет смещена в сторону сосудов с бóльшим объемом (количество и процентное соотношение фрагментов сосудов по величине диаметра венчика при распределении их по горизонтам Земляного городища см. в табл. III.11).

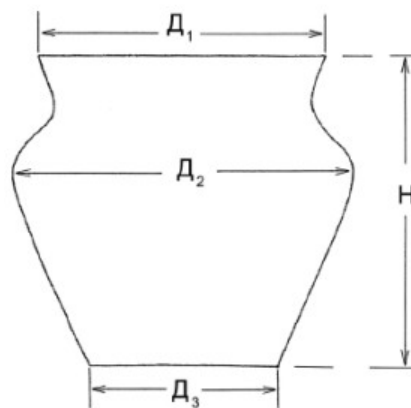

Рис. III.8. Основные параметры сосуда: D_1 — диаметр венчика; D_2 — диаметр максимального расширения; D_3 — диаметр дна; H — высота сосуда

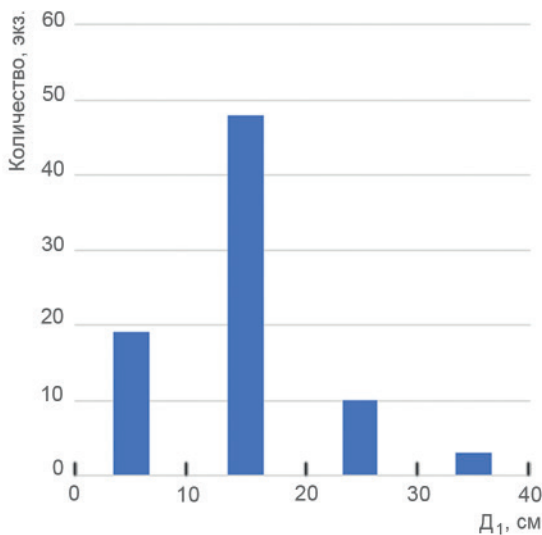

Рис. III.9. Распределение целых сосудов по величине диаметра венчика D_1

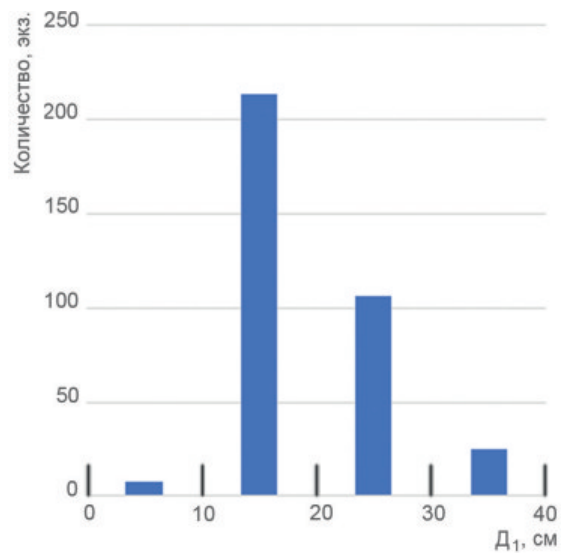

Рис. III.10. Распределение фрагментов сосудов по величине диаметра венчика D_1 (по материалам раскопок на Земляном городище 1973–1975 и 1981–1985 гг.)

Таблица III.11. Распределение фрагментов сосудов по величине диаметра венчика D_1 (по материалам раскопок 1973–1975 и 1981–1985 гг. на Земляном городище)

	Диаметр венчика сосуда, см										Всего
	До 10		10–15		16–20		21–30		Более 30		
	Кол-во, шт.	Доля*, %	Кол-во, шт.	Доля*, %	Кол-во, шт.	Доля*, %	Кол-во, шт.	Доля*, %	Кол-во, шт.	Доля*, %	Кол-во
D_1	2	22,0	2	22,0	2	22,0	3	34,0	–	–	9
D_2	–	–	2	29,0	4	57,0	1	14,0	–	–	7
$D-E_1$	–	–	1	25,0	1	25,0	–	–	2	50,0	4
E_1	1	4,5	5	23,0	9	41,0	6	27,0	1	4,5	22
E_2	–	–	5	56,0	1	11,0	3	33,0	–	–	9
E_2-E_{3-1}	–	–	5	24,0	10	48,0	6	28,0	–	–	21
E_{3-1}	1	1,6	12	19,4	21	34,0	23	37,0	5	8,0	62
$E_{3-1}-E_{3-2}$	1	3,0	10	28,0	10	28,0	12	35,0	2	6,0	35
E_{3-2}	2	3,0	15	20,0	36	50,0	16	22,0	4	5,0	73
$E_{3-2}-E_{3-3}$	–	–	1	5,0	6	32,0	8	42,0	4	21,0	19
E_{3-3}	1	1,0	27	29,0	28	31,0	28	31,0	7	8,0	91
Всего (%)	8 (2,3)		85 (24,1)		128 (36,4)		106 (30,1)		25 (7,1)		352 (100,0)

* Доля от общего числа фрагментов сосудов, у которых можно определить диаметр..

Для характеристики основных пропорций сосудов исследователи пользуются различными показателями; наиболее известны указатели формы, предложенные В. Ф. Генингом (Генинг 1973), и показатели пропорций, предложенные И. П. Русановой (Русанова 1976: 10, 11). Для наших целей достаточно сравнить сосуды по отношению высоты H и диаметра максимального расширения D_2 , которое характеризует вытянутость или приземистость сосудов, и по отношению диаметра дна D_3 и диаметра максимального расширения D_2 , характеризующему форму тулова сосуда, его «развалистость», то есть по тем параметрам, на которые обычно обращают внимание, характеризую керамику «ладожского типа».

На рис. III.11 приведена гистограмма распределения целых сосудов коллекции по отношению $H : D_2$, а на рис. III.12 — по отношению $D_3 : D_2$. Как видно из гистограммы, характеризующей вытянутость или приземистость сосудов, у большинства из них отношение $H : D_2$ лежит в пределах 0,5–0,9. Сосуды, у которых это соотношение больше 1, составляют примерно 10 % коллекции. Необходимо отметить, что в нашей выборке максимальное значение $H : D_2 = 1,18$ (отмечу, что это сосуд, реконструированный и догипсованный в лаборатории Гос. Эрмитажа). Ни у одного сосуда не встречено соотношение 1,5–2,0 : 1, как об этом писала Я. В. Станкевич (Станкевич 1950: 191). В табл. III.8 показано, как сосуды, у которых $H : D_2 \geq 1$, распределяются стратиграфически (для Земляного городища): почти все они (за одним исключением)

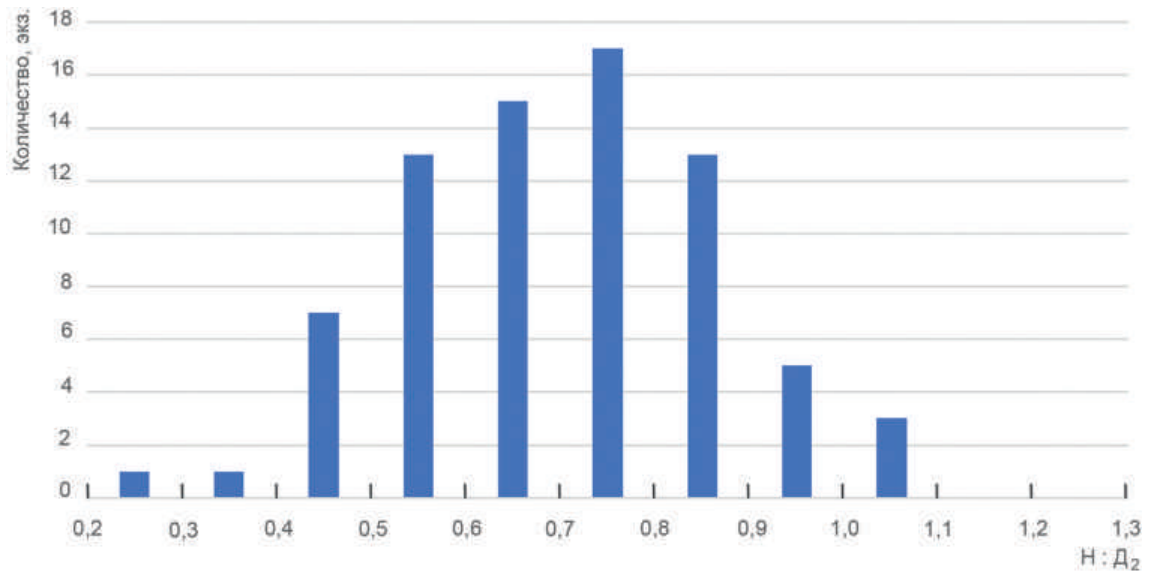

Рис. III.11. Распределение целых сосудов по значению соотношения H (высота) : D_2 (диаметр максимального расширения)

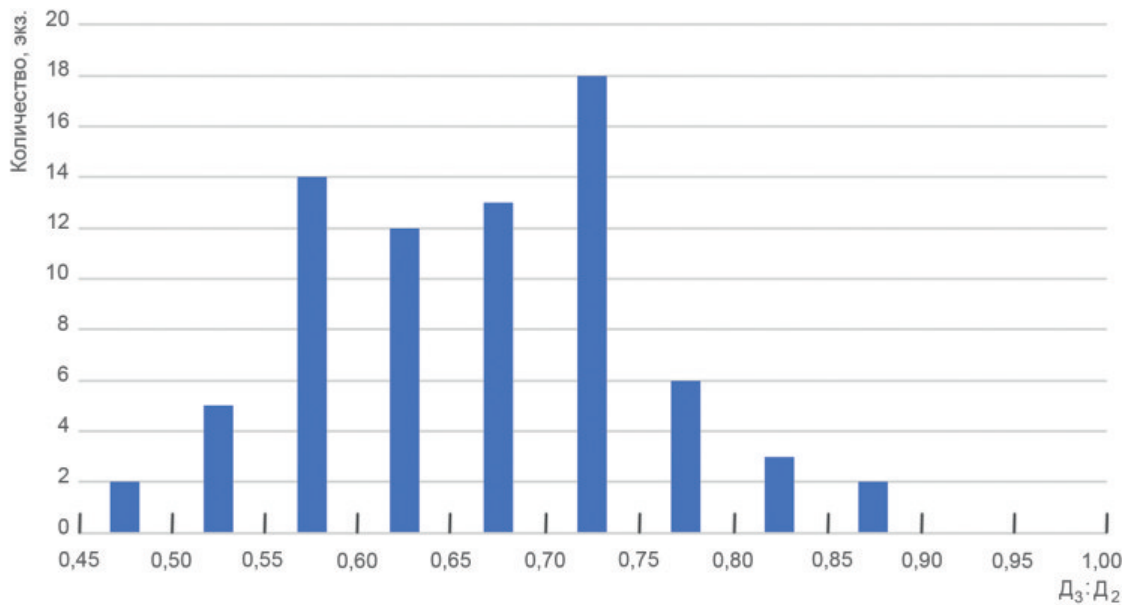

Рис. III.12. Распределение целых сосудов по значению соотношения D_3 (диаметр дна) : D_2 (диаметр максимального расширения)

встречены в горизонтах E_1 и D и составляют примерно 13 % от общего количества целых сосудов. Сходная картина наблюдается и для раскопа на Варяжской улице (табл. III.9).

Многие исследователи, характеризуя керамику «ладожского типа», отмечали, что у этих сосудов высота чуть меньше максимального расширения. В табл. III.8 и 9 показано отдельно распределение сосудов, у которых $H : D_2 = 0,85–0,99$. При рассмотрении этой группы сосудов видно, что они довольно равномерно распределяются по всей толще культурных напластований (больше всего в горизонтах E_{3-1} и D). Из табл. III.8 и 9 нетрудно определить, что сосуды с соотношением $H : D_2 = 0,85–1,18$

(то есть 0,85–1 и больше 1) составляют 41–45 % от общего количества целых сосудов. В эту группу попадают пять раннегончарных сосудов из раскопа на Варяжской улице.

Как видно из гистограммы на рис. III.12, у большинства сосудов коллекции отношение $D_3 : D_2$ лежит в пределах 0,55–0,75 (76 %). Возможно, имеет смысл выделять два пика распределения: в интервалах 0,55–0,60 и 0,70–0,75. Сосуды, у которых $D_3 : D_2 = 0,75–0,90$ составляют примерно 15 % коллекции (можно назвать их сосудами с подцилиндрическим туловом — «баночными»?). Сосуды с развалистым туловом ($D_3 : D_2 = 0,45–0,55$) составляют примерно 9 %.

Приведенные на основании имеющейся выборки подсчеты показывают, что сосуды, у которых высота превышает максимальное расширение $H : D_2 = 1,01–1,18$, в Ладоге составляют около 10 %. При анализе их стратиграфического распределения получается картина, противоположная той, о которой писала Я. В. Станкевич: подавляющее большинство их зафиксировано не в нижних горизонтах Земляного городища, а в горизонтах E₁ и D. Можно говорить о том, что примерно 33 % ладожской керамики составляют сосуды, у которых высота чуть меньше максимального расширения. Процент такой керамики колеблется при рассмотрении ее по отдельным горизонтам. Примерно 57 % керамики составляют приземистые сосуды ($H : D_2 = 0,3–0,8$). Как показывает характер гистограмм, построенных на основании измерения основных пропорций сосудов, скорее всего, мы имеем дело с так называемым нормальным распределением (Корн Г., Корн Т. 1968: 535–570).

КЛАССИФИКАЦИЯ И ДАТИРОВКА ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ

Классификация целых форм

Имеющаяся в нашем распоряжении серия целых / реконструированных лепных сосудов позволяет составить представление о керамическом наборе Ладоги VIII–X вв. В основу классификации положены основные пропорции сосудов (соотношение высоты и диаметра максимального расширения и диаметра дна с максимальным расширением), которые характеризуют степень вытянутости / приземистости сосудов и форму их тулова, а также характер профилировки их верхних частей. По высоте и наклону шейки выделяются виды, а по оформлению края венчика — варианты сосудов.

Обычно изменения в оформлении края венчика рассматриваются как надежный хронологический показатель (особенно для круговой керамики). Именно этот признак послужил для Я. В. Станкевич одним из основных критериев, на которых строилась классификация ладожских материалов (Станкевич 1951: 219). Однако применительно к лепной посуде не стоит придавать этому признаку решающее значение. Все многообразие способов оформления края венчика может быть сведено к трем вариантам (рис. III.13):

а — край венчика оформлялся руками гончара без применения каких-либо инструментов; вследствие этого даже если мастер пытался уflattenить верх, все равно последний имеет мягкие заглаженные очертания¹³;

¹³ Лишь в пяти случаях встречены венчики, оформленные вручную, края которых не уплощены, а чуть заострены. Из-за малочисленности они не выделены в отдельный вариант и рассматриваются в рамках варианта *а*.

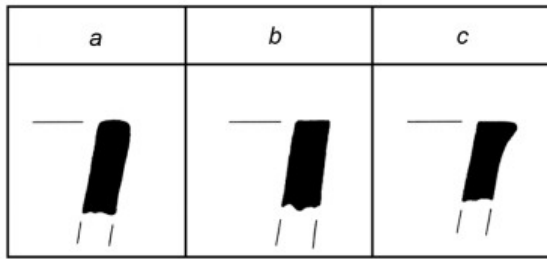

Рис. III.13. Варианты оформления края венчика сосуда

лял. Такие сосуды имеют небольшие «карнизики» из напльвишей глины по венчику, правда, не по всему диаметру.

При работе с керамикой выяснилось, что при одинаковой профилировке верхних частей сосуда могут иметь разные пропорции, так что, основываясь только на форме венчика, достаточно трудно судить о форме всего сосуда. Выделенные в результате классификации наборы форм для удобства и простоты описания названы типами (горшки обозначены литерой Φ и римскими цифрами; миски — литерой Φ_m и римскими цифрами; сковороды — литерой Φ_c и римскими цифрами). Классификация, выполненная на основе целых форм, сознательно сделана очень дробной¹⁴.

Горшки (рис. III.14, 1)

Тип ΦI . Сосуды «стройных пропорций», соотношение $H : D_2 = 0,85-1,18$. Разделяется на два подтипа: ΦIA ($H : D_2 = 0,85-0,99$) и ΦIB ($H : D_2 = 1,00-1,18$).

Максимальное расширение приходится на верхнюю четверть высоты. Тулово усеченно-коническое, равномерно сужается ко дну, стенки прямые, $D_3 : D_2 = 0,53-0,73$. Плечики высокие, переход их в тулово подчеркнут более или менее резко выраженным перегибом стенок, иногда — явным ребром. Шейка высокая (вид А) или более низкая (вид Б). Край венчика заглажен (вариант *a*), подрезан (вариант *b*) или слегка оттянут, образуя небольшой «карнизик» (вариант *c*). Край доньшка обычно ровный (тип А), иногда имеет форму «сапожка» (тип Б). Орнамент обычно отсутствует, он не является характерным для горшков этого типа. Иногда (в слоях первой половины X в.) встречаются сосуды этого типа, украшенные пальцевыми вдавлениями или отпечатками штампа. Сосуды изготовлены по донно-емкостной программе; поверхность заглажена руками, иногда в нижней части видны следы расчесов травой. Соотношение выделенных типов горшков и способов обработки поверхности представлено в табл. III.12.

¹⁴ Совместно со специалистами по математическому моделированию Санкт-Петербургского государственного технического университета (ныне Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого) была предпринята попытка использовать ЭВМ для выделения типов керамических сосудов (Сениченкова, Сениченков 1996). Разрабатываемая методика основывалась на описании кривой, характеризующей профиль сосуда. Хотя она не была доведена до уровня распознавания «плавности» и «ребристости» профиля, тем не менее показала обнадеживающие результаты. Методика была апробирована на коллекции сосудов из Старой Ладоги. Наряду с выделением нескольких хорошо опознаваемых археологами групп значительное количество сосудов составило так называемый фон. Наличие его говорит об особенностях данной коллекции, в которой имеется много «переходных» форм, затрудняющих однозначное отнесение их к тому или другому типу.

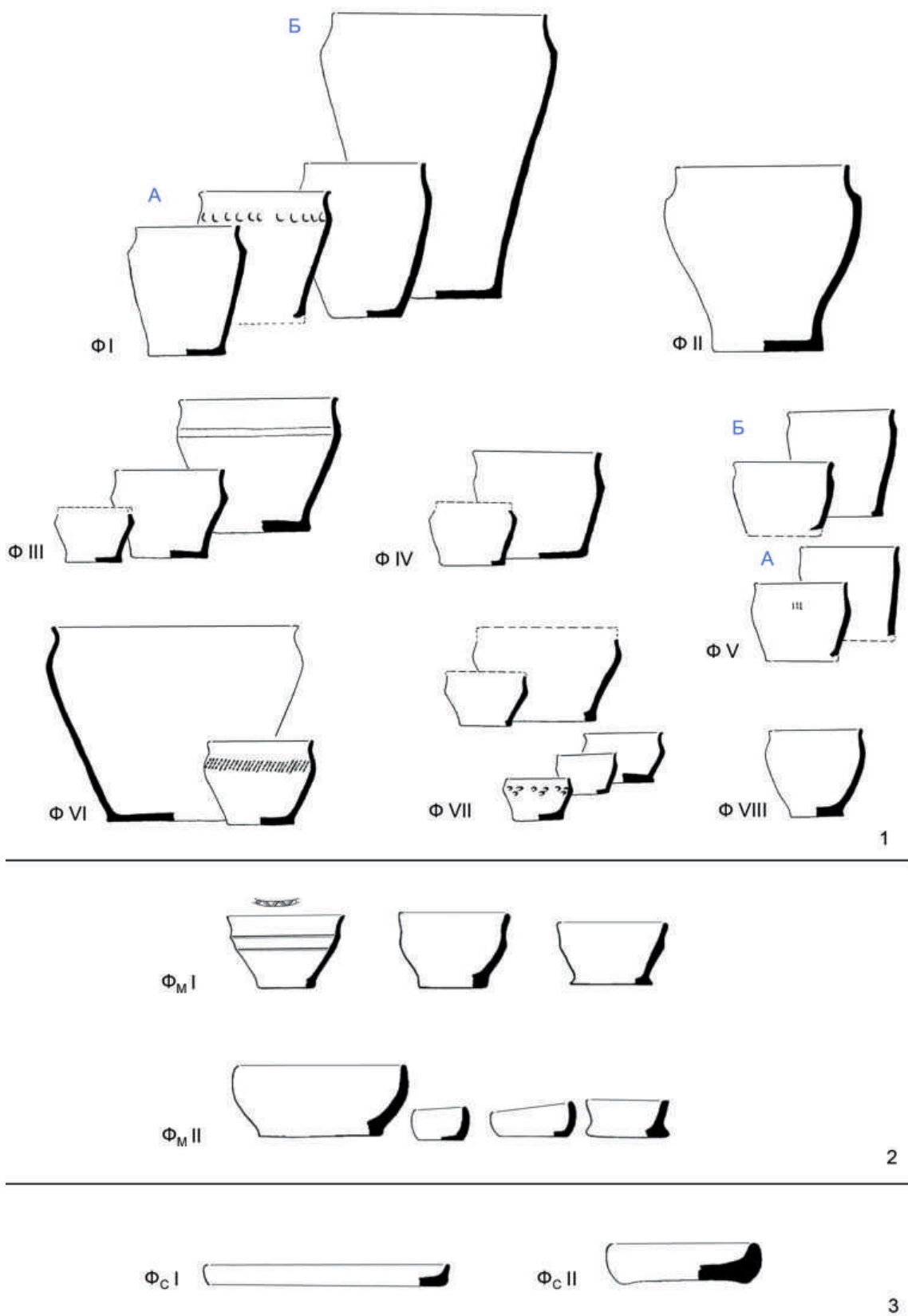

Рис. III.14. Типы лепных сосудов: 1— горшки; 2 — миски; 3 — сковороды

Таблица III.12. Способы обработки поверхности у выделенных типов горшков и мисок

Тип	Способ обработки поверхности			Всего
	Деревянной лопаткой	Пучком травы	Руками	
Горшки				
ФI	–	2	16	18
ФII	–	–	2	2
ФIII	–	2	6	8
ФIV	–	2	7	9
ФV	–	1	14	15
ФVI	–	–	2	2
ФVII	–	–	11	11
ФVIII	–	–	1	1
Всего	–	7	59	66
Миски				
Ф _м I		–	5	5
Ф _м II		–	4	4
Всего		–	9	9

К типу ФI относятся сосуды самых различных размеров: высота их 7–40 см, диаметр венчика 6–31 см, объем 0,21–25,00 л.

Тип ФII. Сосуды типа ФII близки по своим пропорциям к сосудам типа ФI: соотношение $H : D_2 = 0,85–1,00$, максимальное расширение приходится на верхнюю четверть высоты, $D_3 : D_2 = 0,54–0,60$. Отличает их от сосудов типа ФI более или менее четко выраженный характерный изгиб стенок тулова, который придает верхней части округлую форму, а нижней — усеченно-коническую или почти цилиндрическую. Плечико у таких сосудов высокое, четко выделенное, переход его в тулово плавный (иногда в литературе называемый сглаженным ребром). Край доньшка ровный (тип А). Сосуды изготовлены по донно-емкостной программе; поверхность заглажена мокрой рукой.

По оформлению края венчика выделяется вариант *a* (с заглаженным краем) и вариант *b* (с подрезанным краем). Сосуды типа ФII имеют объем от 3,8 до 29,0 л, высоту — от 19 до 32 см, диаметр венчика — 18–33 см.

Тип ФIII. К типу ФIII относятся сосуды приземистые, соотношение $H : D_2 = 0,70–0,79$. Максимальное расширение приходится на верхнюю треть высоты. Тулово усеченно-коническое, $D_3 : D_2 = 0,65–0,70$. Плечико высокое, переходящее в тулово через четко выраженное ребро. Шейка высокая, прямая, иногда с небольшим изгибом. Край венчика заглажен или подрезан (варианты *a* и *b*). Край доньшка ровный (тип А). Орнамент обычно отсутствует (к типу ФIII относятся сосуды, украшенные каннелурой по плечико (шифр Л-500; САЭ-1976/ ЛП 2791, 2792, 3470, 3472, 3474) (ил. 72, 5; 101, 4).

В тех случаях, где это определимо, наблюдается донно-емкостная программа; поверхность заглажена рукой или пучком травы.

К типу ФIII относятся сосуды невысокие: высота — от 7–8 до 17 см, диаметр венчика — от 9 до 20 см, объем — от 0,5 до 4,0 л.

Тип ФIV. Сосуды приземистые ($H : D_2 = 0,7-0,82$), с широким дном ($D_3 : D_2 = 0,73-0,82$), четко выделенными высокими плечиками и слегка раздутым туловом. Переход плечиков в тулово часто подчеркнут ребром. Шейка высокая (вид А) или более низкая (вид Б), прямая или с небольшим изгибом. По оформлению края венчика можно выделить те же варианты, что и у типов ФI и ФII, то есть варианты *a*, *b*, *c*. Максимальное расширение сосудов типа ФIV приходится на верхнюю треть высоты. Край доньшка ровный (тип А) или имеет форму «сапожка» (тип Б). Орнамент отсутствует. Начин донно-емкостный или неопределимый; поверхность заглажена мокрой рукой или пучком травы.

К типу ФIV относятся сосуды небольших размеров: высота — от 8 до 15 см, диаметр венчика — от 10 до 18 см, объем — от 0,66 до 3,00 л.

Тип ФV. Сосуды баночных форм. Соотношение $H : D_2 = 0,7-1,0$, то есть встречаются сосуды удлиненные и приземистые. Соотношение $D_3 : D_2 = 0,8-0,9$, стенки почти цилиндрические. Некоторые сосуды имеют едва намеченную шейку и очень низкие плечики, плавно переходящие в тулово (тип ФVA), но встречены банки, имеющие четко выделенную шейку и высокие плечики (тип ФVB), переход которых в тулово иногда подчеркнут ребром, что сближает их по профилю верхней части сосуда с горшками типов ФI и ФIV. Максимальное расширение приходится на верхнюю треть или четверть высоты. По оформлению верхнего края венчика можно выделить варианты *a* и *c*. Край доньшка ровный (тип А) или имеет форму «сапожка» (тип Б). Один сосуд орнаментирован строеными отпечатками мелкозубчатого штампа. Начин донно-емкостный или неопределимый; поверхность заглажена руками или пучком травы.

К типу ФV относятся сосуды высотой от 6–7 до 13–15 см, диаметром венчика — от 5–7 до 14–15 см, объемом 0,12–2,30 л.

Тип ФVI. Горшки с плавным S-образным профилем, выпуклыми плечиками, невысокой шейкой, слегка отогнутой наружу. Соотношение $H : D_2 = 0,7$; $D_3 : D_2 = 0,5-0,6$. Максимальное расширение приходится на верхнюю треть высоты. По оформлению края венчика можно выделить варианты *a* и *c*. Край доньшка ровный (тип А). Орнамент встречается редко (гребенчатый штамп). Начин донно-емкостный; поверхность заглажена мокрой рукой.

К типу ФVI относятся сосуды различной величины: высота — 11–28 см, диаметр венчика — 15,0–36,5 см, объем — 1,7–22,0 л.

Тип ФVII. К типу ФVII относятся мискообразные сосуды, у которых соотношение $H : D_2 = 0,68-0,77$. Среди них встречаются как сосуды с высокой прямой или слегка отогнутой наружу шейкой и низкими плечиками, плавно переходящими в тулово, так и сосуды с высокой шейкой, четко выделенными плечиками, переход которых в усеченно-коническое тулово иногда оформлен в виде ребра.

Край венчика заглажен (вариант *a*) или чуть оттянут наружу (вариант *c*). Край доньшка ровный (тип А) или имеет форму «сапожка» (тип Б). Один из сосудов этого типа украшен орнаментом из строенных ямочных вдавлений. Начин донно-емкостный и донный; поверхность заглажена мокрой рукой.

Сосуды типа ФVII обычно небольшие: высота — 5–7 см, диаметр венчика — 8–11 см, объем — 0,26–0,59 л. Один сосуд (шифр ЛС-1788, ил. 55, 1) имеет иные параметры: высота его 13 см, диаметр венчика — 20 см, объем — около 1 л.

Тип ФVIII. К этому типу относится один сосуд (шифр ЛД-77, 88, 6, 7, ил. 5, 1а, 1б; 72, 1), отличающийся по своей профилировке от остальной керамики.

Он имеет короткую шейку, слегка отогнутую наружу. Края венчика заглажены. Плечико низкое, плавно переходящее в усеченно-коническое тулово. $H : D_2 = 0,9$; $D_3 : D_2 = 0,5$, то есть этот сосуд имеет стройные пропорции. Диаметр венчика 13 см, высота — 12,5 см, объем — около 1,4 л. Начин донно-емкостный (донышко и стенки как бы вытягивались из одного куска глины); поверхность заглажена мокрой рукой.

Миски (рис. III.14, 2)

К мискам относятся сосуды, у которых $H : D_2 = 0,38–0,60$. Обычно максимальное расширение у них приходится на устье, то есть совпадает с диаметром венчика. Можно выделить миски двух типов.

Тип $\Phi_m I$. Миски с выделенной шейкой и плечиками, переходящими в усеченно-коническое тулово. Переход может быть образован изломом стенок или подчеркнут ребром. У одной миски (шифр Л-331, ил. 70, 5) по плечу проходит горизонтальная каннелюра. Миска с каннелюрой украшена гребенчатым орнаментом по краю венчика.

Край донышка ровный (тип А) или имеет форму «сапожка» (тип Б). По оформлению края венчика можно выделить варианты *a* и *b*. Начин донно-емкостный; поверхность заглажена мокрой рукой. Соотношение выделенных типов мисок и способов обработки поверхности см. в табл. III.12.

Миски типа $\Phi_m I$ — небольшие по объему (от 0,30 до 0,95 л), высота их 5–8 см, диаметр венчика — 9–15 см.

Тип $\Phi_m II$. Миски с прямой или чуть загнутой внутрь шейкой и округлым туловом. Край венчика заглажен (вариант *a*) или подрезан (вариант *b*). Край донышка ровный (тип А) или имеет форму «сапожка» (тип Б). Плечико не выделено. Орнамент отсутствует. Начин неопределимый; поверхность заглажена руками.

К типу $\Phi_m II$ относятся миски различной величины: высота — от 3,5 до 8,0 см, диаметр венчика — от 6,5 до 20,0 см, объем — от 0,13 до 2,40 л.

Сковороды (рис. III.14, 3)

За все годы раскопок в Ладоге найдено лишь три фрагмента глиняных сковородок: два — на Земляном городище, один — в раскопе на Варяжской улице¹⁵. Судя по фрагментам, найденным на Земляном городище, сковородки представляли собой плоские глиняные диски толщиной около 1,5 см с небольшим бортиком (тип $\Phi_c I$), диаметром 20–25 см; по составу теста они не отличаются от основной массы керамики. Фрагмент сковороды из раскопа на Варяжской улице имеет диаметр 15 см, толщину днища — около 2 см, высоту бортика — около 3 см (тип $\Phi_c II$), а в тесте — большое количество растительной примеси (соломы?).

Распределение целых сосудов различных типов показано в табл. III.13. Почти все типы горшков достаточно равномерно распределяются по горизонтам поселения. Немногочисленные фрагменты сковородок относятся к горизонту Д; миски встречаются в слоях, относящихся ко второй половине IX — X в.

¹⁵ В горизонте E_3 была найдена железная сковородка, подобная сковородам из приладожских курганов (Давидан 1986: 103).

Таблица III.13. Распределение типов целых лепных сосудов по горизонтам Земляного городища и по штыкам раскопа на Варяжской улице

	Тип											
	Горшки								Миски		Сковороды	
	ФI	ФII	ФIII	ФIV	ФV	ФVI	ФVII	ФVIII	Ф _м I	Ф _м II	Ф _с I	Ф _с II
Горизонт	Земляное городище											
Д	6	–	1	2	5	–	2	–	–	–	2	–
Д–Е ₁	3	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–
Е ₁	1	–	1	1	–	–	–	1	1	–	–	–
Е ₂	–	1	2	–	–	–	–	–	1	–	–	–
Е ₂ –Е ₃₋₁	–	–	–	–	–	–	1	–	1	1	–	–
Е ₃₋₁	–	1	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–
Е ₃₋₂	1	–	1	–	2	–	–	–	–	–	–	–
Е ₃₋₂ –Е ₃₋₃	1	–	–	–	1	1	1	–	–	–	–	–
Е ₃₋₃	2	–	1	2	1	–	1	–	–	–	–	–
Е ₃ (в целом)	1	–	1	1	–	–	1	–	–	–	–	–
Всего по типам	15	2	8	6	12	1	6	1	3	1	2	
Всего (%)	51 (89,5)								4 (7)		2 (3,5)	
Штык	Раскоп на Варяжской улице											
6–13	2	–	–	1	2	1	3	–	–	2	–	1
14–19	1	–	–	2	1	–	2	–	2	1	–	–
Всего по типам	3	–	–	3	3	1	5	–	2	3	–	1
Всего (%)	15 (71)								5 (24)		1 (5)	

На рис. III.15 представлена гистограмма, на которой в порядке убывания показано количество горшков различных типов (для Земляного городища и Варяжской улицы совместно). Как явствует из гистограммы, количественно преобладают горшки типа ФI (то есть у которых $H : D_2$ или чуть меньше, или чуть больше единицы). В значительном количестве представлены сосуды типов ФV, ФVII, ФIII, ФIV. Каждый из них встречен в количестве, превышающем 10% от общей суммы горшков. Сосуды типов ФII, ФVI, ФVIII встречаются редко: они не выходят за уровень 5%¹⁶.

¹⁶ В 1999–2013 гг. на Земляном городище были вскрыты значительные площади. Древнейшие постройки, открытые в его южной части, датируются не ранее середины IX в. (Кирпичников, Курбатов 2014: 131). Благодаря работе сотрудников Староладожской экспедиции (В. И. Кильдюшевского, А. В. Курбатова, Л. В. Соколовой и др.) склеено или реконструировано около 20 целых форм, в том числе и имеющих «стройные пропорции». Эти сосуды не включены в статистические подсчеты, поскольку данные о стратиграфии и датировке выделенных горизонтов ещё находятся в стадии обработки.

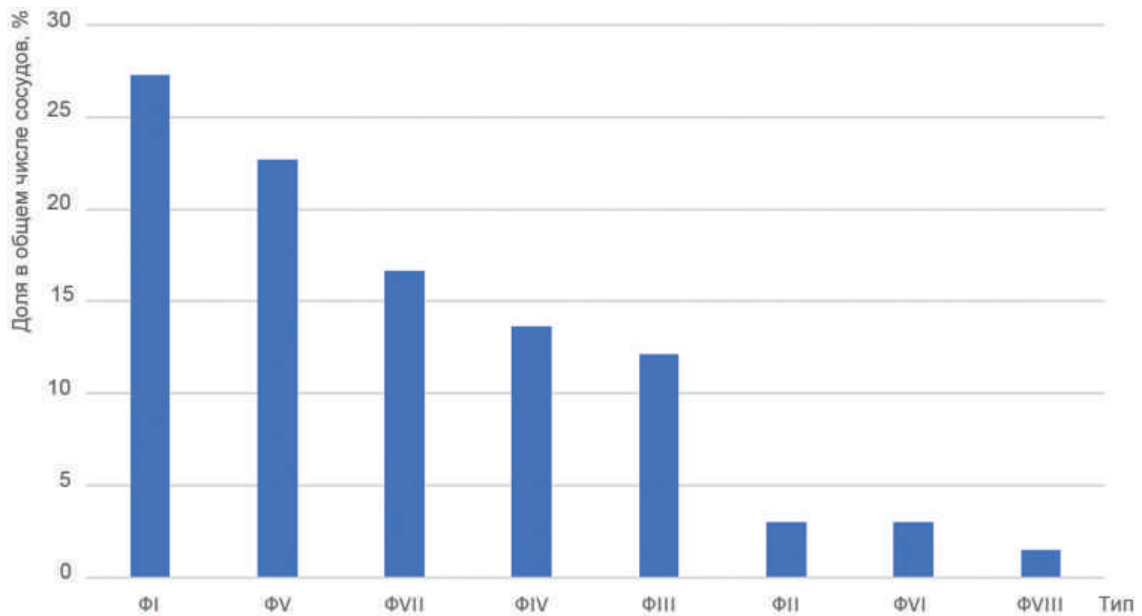

Рис. III.15. Распределение типов лепных горшков (%) для Земляного городища и раскопа на Варяжской улице совместно

Классификация определимых фрагментов

Представленная классификационная схема, базирующаяся на целых формах сосудов, не в полной мере представляет имевшийся в действительности набор посуды, так как целые формы составляют 0,6 % от общего количества керамики и примерно 6 % от керамики, поддающейся определению (значения даны для Земляного городища). Вследствие этого была разработана параллельная классификация, основанная на определимых фрагментах керамики, и сделана попытка соотнести выделенные типы (обозначены арабскими цифрами) (рис. III.16) с типами целых сосудов.

Тип 1. Фрагменты с высокой прямой (вид А), чуть отогнутой наружу (вид Б) или слегка загнутой внутрь (вид В) шейкой, четко выраженными плечиками, переходящими в коническое тулово через более или менее резко выраженное ребро. Край венчика может быть округлен (вариант *a*) или подрезан (вариант *b*), иногда имеется небольшое утолщение с внешней стороны, образующее «карнизик» (вариант *c*). Фрагменты типа 1 могут быть соотнесены с типами ФI, ФIII, ФIV, ФVII, выделенными на основании целых форм, а также с баночными сосудами типа ФV (вид Б), имеющими выделенные плечики и шейку.

Тип 2. Сосуды с высокой, иногда слегка наклоненной внутрь шейкой, четко выделенными высокими плечиками и раздутым туловом. Насколько можно представить по сохранившимся фрагментам, они имели широкое дно. Фрагменты типа 2 могут быть соотнесены с сосудами типа ФIV — приземистыми широкодонными, с максимальным расширением, приходящимся на верхнюю треть высоты.

Тип 3. Фрагменты сосудов с S-образным профилем. Плечико высокое, плавно переходящее в округлое тулово. Вид А — шейка короткая, прямая; вид Б — шейка высокая, иногда чуть отогнута наружу. Фрагменты типа 3 близки сосудам типов ФVI и ФII.

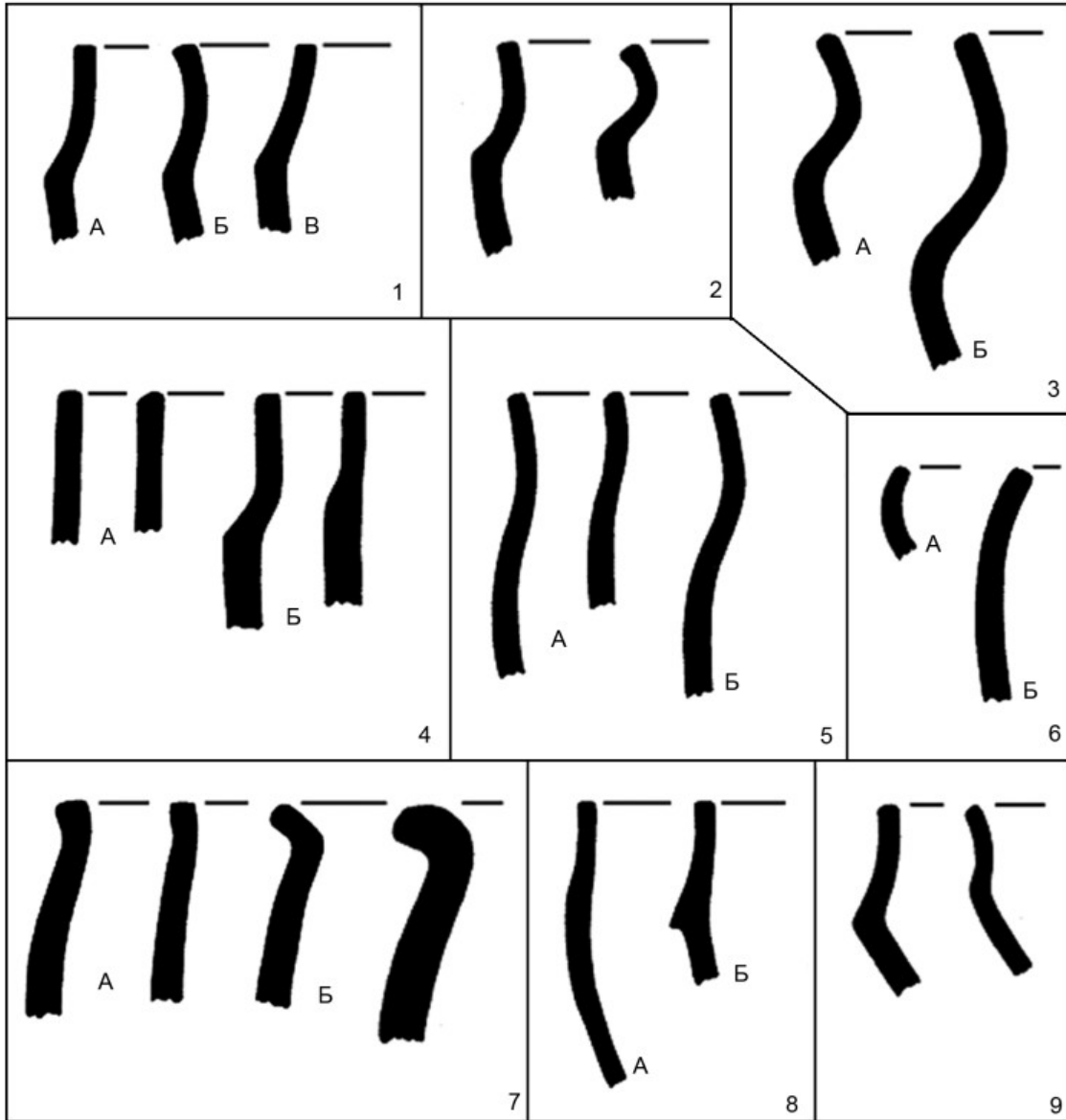

Рис. III.16. Типы верхних частей лепных сосудов

Тип 4. Сосуды баночных форм. Вид А — с прямыми, почти непрофилированными стенками, шейка и плечико не выделены (может быть соотнесен с сосудами типа ФVА); вид Б — с выделенными шейкой и плечиками (может быть соотнесен с сосудами типа ФVБ).

Нельзя также исключать возможность, что фрагменты типа 4А могут относиться к другим типам (слабопрофилированным или так называемым тюльпановидным).

Тип 5. Слабопрофилированные сосуды с высокой прямой (вид А) или чуть отогнутой наружу (вид Б) шейкой. Плечико низкое, едва намеченное. Среди целых сосудов не выделено типа, с которым могли бы быть соотнесены подобные фрагменты. Возможно, они близки типу ФVА (баночным сосудам с почти прямыми непрофилированными стенками) или ФVIII.

Тип 6. Сосуды с округлым туловом. Они отличаются отсутствием выраженной шейки и загнутым внутрь венчиком. Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, это были небольшие мисочки (вид А) или округлобокие горшки (вид Б). Фрагменты типа 6 (вид А) могут быть соотнесены с мисками типа ФII; целых сосудов, аналогичных типу 6 (вид Б), не встречено.

Тип 7. Сосуды с очень короткой прямой (вид А) или отогнутой наружу (вид Б) шейкой, покатыми, почти невыделенными плечиками, плавно переходящими в тулово. Край венчика может быть заглажен (вариант *a*), подрезан (вариант *b*) или чуть оттянут наружу (вариант *c*). Среди имеющихся целых форм сложно подобрать тип, с которым могли бы быть соотнесены фрагменты типа 7, возможно, ему наиболее близок тип ФVIII. Найден один раннегончарный сосуд (шифр САЭ-1976/ЛП2-12085) (ил. 122, 1), с которым могут быть соотнесены фрагменты типа 7.

Тип 8. Широкогорлые сосуды с почти невыделенной верхней частью. Иногда шейка и плечико чуть-чуть намечены. Тулово плавно сужается ко дну (вид А). У некоторых сосудов имеется характерный наплыв-ребро (вид Б), который, возможно, представляет собой технологическую деталь. Я. В. Станкевич объясняла его происхождение лепкой сосуда в мискообразной деревянной подставке (Станкевич 1951: 234). Выделенные варианты объединены в один тип вследствие своей малочисленности; в противном случае они должны были бы выделяться в самостоятельные типы.

Целых сосудов, с которыми можно соотнести фрагменты типа 8, не встречено. Они наиболее близки мискообразным сосудам типа ФVII или мискам типа Ф_мI.

Тип 9. Мискообразные сосуды с максимальным расширением, приходящимся на венчик или плечики (в последнем случае обычно диаметр венчика равен диаметру плечиков). Плечики низкие, переход их в тулово подчеркнут изгибом стенки. На некоторых экземплярах встречается более или менее четко выраженное ребро. Фрагменты типа 9 могут быть соотнесены с сосудами типа ФVII (мискообразными) или мисками типа Ф_мI.

В табл. III.14 показано распределение фрагментов лепной керамики различных типов в количественном и процентном отношении по отдельным микрогоризонтам поселения (для Земляного городища).

На рис. III.17 и III.18 представлено распределение выделенных девяти типов верхних частей сосудов. Отсюда следует, что на Земляном городище количественно преобладают сосуды типа 1. Типы 1, 3, 5 можно считать ведущими, так как каждый из них встречен в количестве, превышающем 10 %. Близок к ним тип 4, который представлен в количестве 9,3 %. Типы 7, 2, 8, 9 встречаются гораздо реже (не превышают 5 %-ного уровня), а фрагменты типа 6 единичны (встречены в верхнем слое горизонта E₃ и в горизонте E₁).

В табл. III.15 и на рис. III.19–III.25 приведено распределение типов верхних частей лепных сосудов по основным горизонтам Земляного городища. Отмечу, что и в каждом отдельно рассматриваемом горизонте типы 1, 3, 5 постоянно занимают ведущее место. Интересно, что тип 4 (сосуды баночных форм), начиная с горизонта E₂, преодолевает 10 %-ный уровень и в вышележащих напластованиях количественно не уступает типам 5 и 3¹⁷. Тип 7, начиная с горизонта E₁, устойчиво занимает пятое место, приближаясь к 10 %-ному уровню.

¹⁷ Необходимо отметить, что увеличение количества сосудов типа 4 происходит за счет вида 4А. Поскольку мы имеем дело с фрагментами, то не исключено, что в эту группу могли попасть и слабопрофилированные сосуды типа 5.

Таблица III.14. Распределение керамики по типам и видам верхних частей лепных сосудов (для Земляного городища), количество, экз. (доля, %)

Дата, гг.	Гори-зонт	Тип																		Всего	
		1		2		3		4		5		6		7		8		9			
		А	Б	В	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А		Б
920-е — ...	Д (в целом)	9	-	1	5	3	4	-	7	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	31
		(29,03)	(3,22)	(16,12)	(9,67)	(12,9)	(22,58)	(3,22)	(3,22)	(3,22)	(3,22)	(3,22)	(3,22)	(3,22)	(3,22)	(3,22)	(3,22)	(3,22)	(3,22)	(3,22)	(100)
940-960	Д ₁	45	1	3	6	12	12	1	15	5	-	-	4	2	4	-	-	-	4	-	114
		(39,47)	(0,88)	(2,63)	(5,26)	(10,53)	(0,88)	(10,53)	(0,88)	(13,16)	(4,39)	-	-	(3,51)	(1,75)	(3,51)	-	-	(3,51)	-	(100)
920-930	Д ₂	51	5	4	20	4	16	5	18	3	-	-	5	7	1	1	1	2	1	2	144
		(35,42)	(3,47)	(2,78)	(13,89)	(2,78)	(11,11)	(3,47)	(12,5)	(2,08)	-	-	-	(3,47)	(4,86)	(0,69)	(0,69)	(1,39)	(1,39)	(1,39)	(100)
860-920	Д ₂ -Е ₁	8	3	3	3	3	3	1	8	1	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	38
		(21,05)	(7,89)	(7,89)	(7,89)	(7,89)	(7,89)	(2,63)	(21,05)	(2,63)	-	-	-	(13,16)	-	-	-	-	-	-	-
840-860	Е ₁	34	8	1	7	10	11	3	16	2	1	-	10	1	3	1	3	1	5	5	114
		(29,80)	(7,02)	(0,88)	(6,14)	(8,77)	(12,36)	(2,63)	(14,03)	(1,75)	(0,88)	-	-	(8,77)	(0,88)	(2,63)	(0,88)	(2,63)	(0,88)	(4,39)	(100)
810-830	Е ₂	33	9	-	5	10	7	3	12	2	-	-	1	-	4	-	-	-	1	-	89
		(37,08)	(10,11)	-	(2,25)	(5,62)	(11,24)	(7,86)	(3,37)	(13,48)	(2,25)	-	-	(1,12)	-	(4,49)	-	-	(1,12)	-	(100)
Сер. VIII в. — 830-е	Е ₂ -Е ₃₋₁	5	3	1	3	3	1	-	3	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	22
		(22,72)	(13,63)	(4,54)	(13,63)	(13,63)	(4,54)	-	(13,63)	-	-	-	-	(4,54)	-	(4,54)	-	-	(4,54)	-	(100)
810-830	Е ₃	8	-	1	2	4	2	-	2	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	22
		(36,36)	-	(4,54)	(9,09)	(18,18)	(4,54)	(9,09)	-	(9,09)	-	-	-	(4,54)	-	-	-	-	-	-	-
780-810	Е ₃₋₁	45	7	2	4	8	2	2	8	1	1	-	4	-	3	-	-	-	3	-	90
		(50,00)	(7,78)	(2,22)	(4,44)	(8,88)	(2,22)	(2,22)	(1,11)	(8,88)	(1,11)	-	-	(4,44)	-	(3,33)	-	-	(3,33)	-	(3,33)
760-770	Е ₃₋₂	3	2	-	5	3	1	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	19
		(15,79)	(10,53)	-	26,31	15,79	5,26	-	-	-	-	-	-	(5,26)	(5,26)	-	-	-	-	-	-
760-770	Е ₃₋₂ -Е ₃₋₃	39	16	2	6	18	5	4	9	2	-	-	5	2	1	1	1	1	1	1	108
		(36,11)	(14,81)	(1,85)	(5,55)	(16,67)	(4,63)	(3,70)	(3,70)	(8,33)	(1,85)	-	-	(0,96)	(0,96)	(0,96)	(0,96)	(0,96)	(0,96)	(0,96)	(0,96)
Итого по видам	Е ₃₋₂ -Е ₃₋₃	8	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	10
		(80,00)	(10,00)	-	-	-	-	-	-	(10,00)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого по типам	Е ₃₋₃	25	8	3	4	15	4	2	19	4	-	-	-	-	2	-	-	-	2	-	87
		(28,70)	(9,20)	(3,50)	(4,60)	(17,20)	(4,60)	(2,30)	(21,80)	(4,60)	-	-	-	-	-	(2,30)	-	-	(2,30)	-	(1,10)
Итого по типам	Итого по видам	313	63	20	99	60	65	18	118	21	3	1	32	12	19	2	18	888	(2,03)	(2,03)	(100)
		(35,25)	(7,09)	(2,25)	(2,70)	(11,15)	(6,76)	(7,32)	(2,03)	(13,29)	(2,36)	(0,34)	(0,11)	(3,60)	(1,35)	(2,14)	(0,23)	(2,03)	(2,03)	(2,03)	(100)
Итого по типам	Итого по видам	396	83	83	159	83	83	139	139	4	4	44	44	44	21	21	21	888	(2,00)	(2,00)	(100)
		(44,60)	(9,30)	(9,30)	(17,90)	(17,90)	(9,30)	(9,30)	(15,70)	(15,70)	(0,50)	(0,50)	(5,00)	(5,00)	(2,30)	(2,30)	(2,30)	(2,00)	(2,00)	(2,00)	(100)

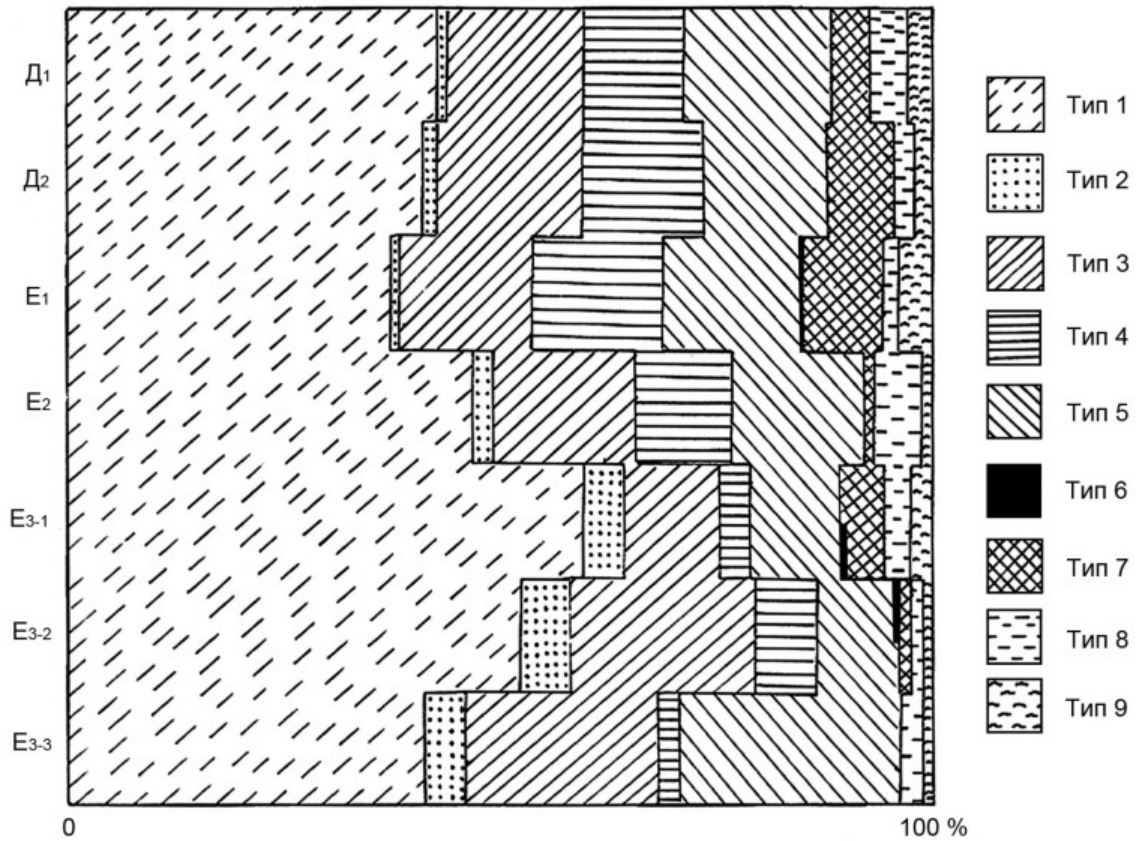

Рис. III.17. Распределение типов верхних частей лепных сосудов по горизонтам Земляного городища

Таблица III.15. Сводная таблица распределения типов венчиков лепных сосудов по отдельным горизонтам и по всем слоям в целом для Земляного городища

Горизонт	Позиция по частоте встречаемости								
	1-я	2-я	3-я	4-я	5-я	6-я	7-я	8-я	9-я
	Тип								
Д ₁	1	5	3	4	7	8	9	2	–
Д ₂	1	3	5	4	7	2	9	8	–
Е ₁	1	5	3	4	7	9	8	2	6
Е ₂	1	3	5	4	8	2	7	9	–
Е ₃₋₁	1	3	5	7	2	4	9	8	–
Е ₃₋₂	1	3	5	4	2	7	8	9	–
Е ₃₋₃	1	5	3	2	4	8	9	–	–
По всем слоям	1	3	5	4	7	2	9	8	6
Доля от общего количества, %	> 10			< 10					

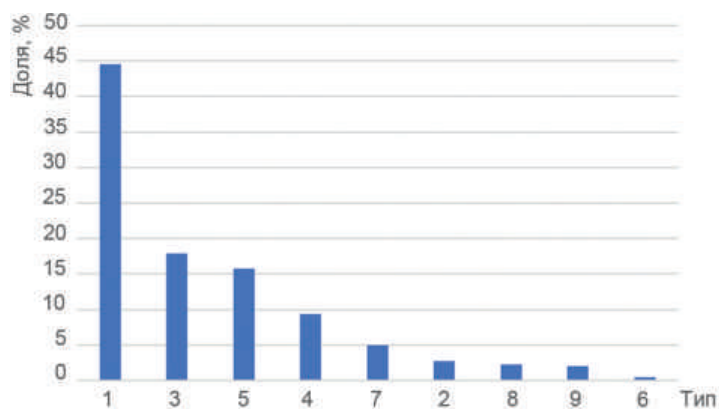

Рис. III.18. Процентное соотношение типов верхних частей лепных сосудов по горизонтам Земляного городища

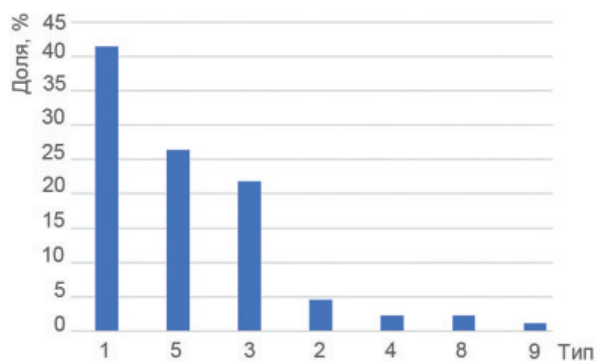

Рис. III.19. Распределение типов верхних частей в горизонте E_{3.3}

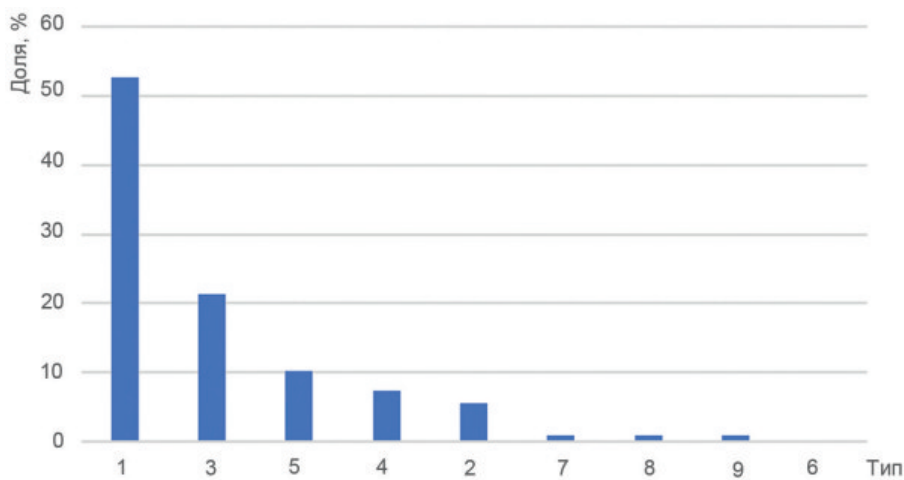

Рис. III.20. Распределение типов верхних частей в горизонте E_{3.2}

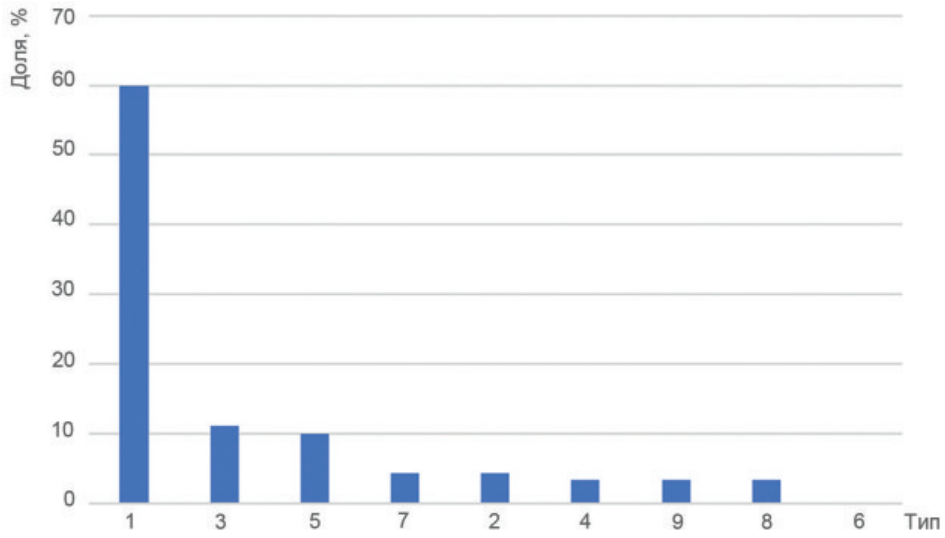

Рис. III.21. Распределение типов верхних частей в горизонте $E_{3.1}$

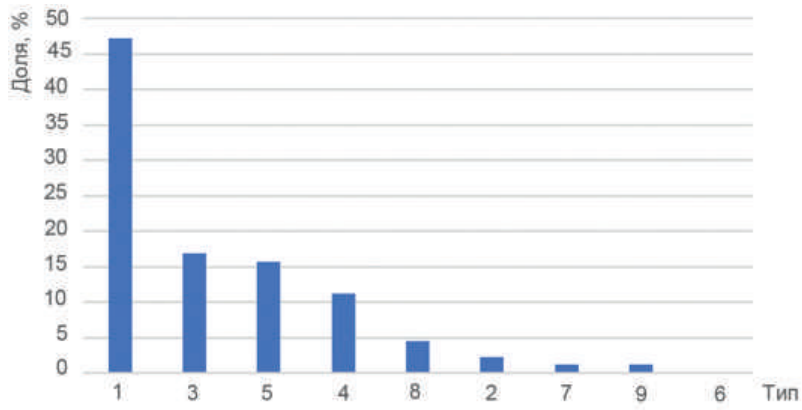

Рис. III.22. Распределение типов верхних частей в горизонте E_2

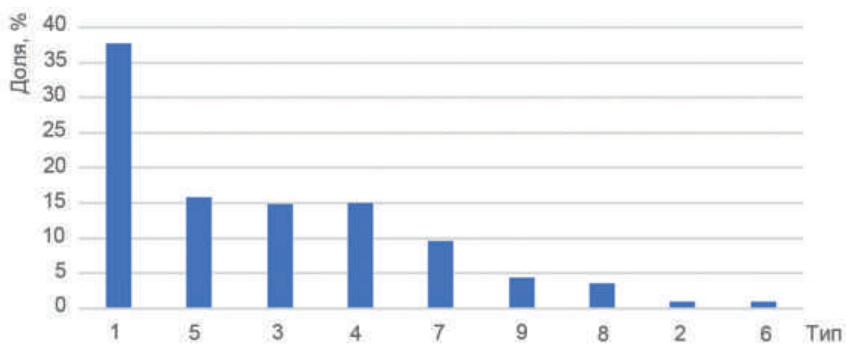

Рис. III.23. Распределение типов верхних частей в горизонте E_1

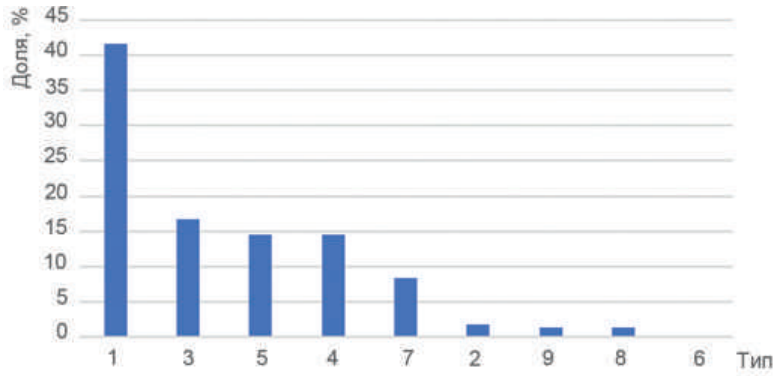

Рис. III.24. Распределение типов верхних частей в горизонте D_2

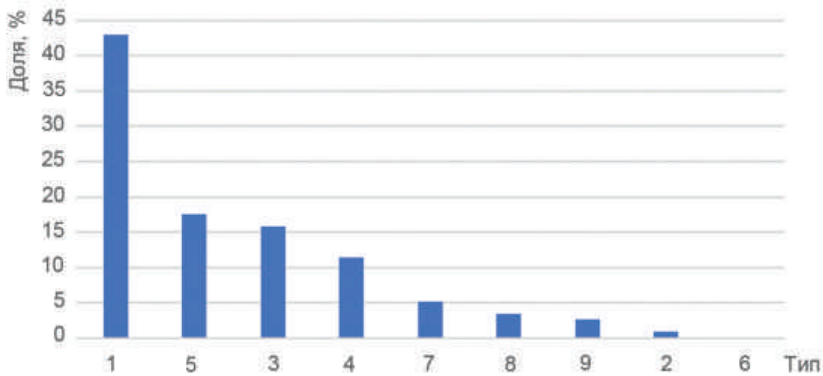

Рис. III.25. Распределение типов верхних частей в горизонте D_1

Типы 1, 3, 5, на долю которых приходится 78,2 %, представлены несколькими видами. Графики, приведенные на рис. III.26–III.32, показывают, как изменяется их количество с течением времени. Судя по характеру изменения, устанавливается лишь некоторая тенденция увеличения (для фрагментов типов 1А, 1В, 3Б, 5А, 5Б) или уменьшения (для фрагментов типов 1Б и 3А) их количества с течением времени.

На рис. III.33А показано распределение выделенных трех вариантов оформления края венчика во времени для Земляного городища. Количественно преобладают венчики варианта *a* (с заглаженным краем). На протяжении всего интересующего нас периода наблюдается устойчивая тенденция к увеличению числа венчиков этого варианта. Количество венчиков варианта *b* (с подрезанным краем) уменьшается от горизонта $E_{3,3}$ (22,9 %) к горизонту E_2 (11,7 %), а затем в E_1 вновь увеличивается, достигая примерно того же значения, что и в горизонте $E_{3,3}$ (21,2 %). Видимо, можно говорить о том, что количество венчиков варианта *b*, составляя примерно 17–18 % от общего числа, остается постоянным на протяжении исследуемого промежутка времени. Количество венчиков варианта *c* уменьшается от горизонта E_3 к горизонту D (максимальное значение — 20,5 % — приходится на горизонт $E_{3,1}$).

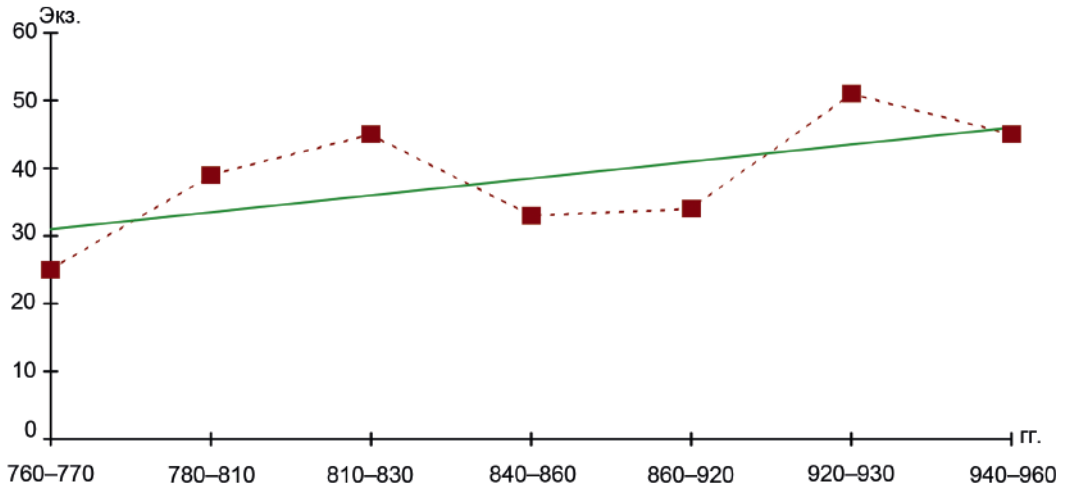

Рис. III.26. Характер изменения во времени количества сосудов типа 1А

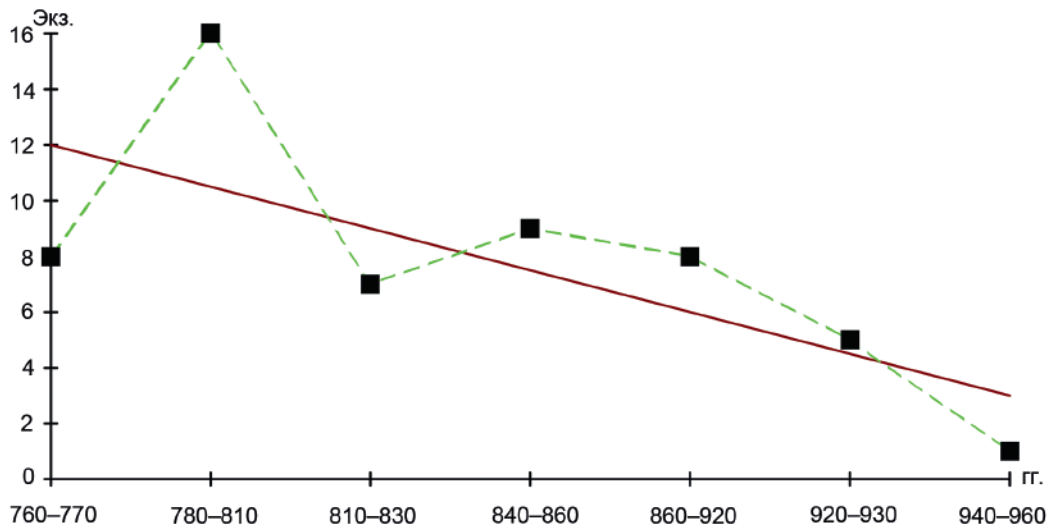

Рис. III.27. Характер изменения во времени количества сосудов типа 1Б

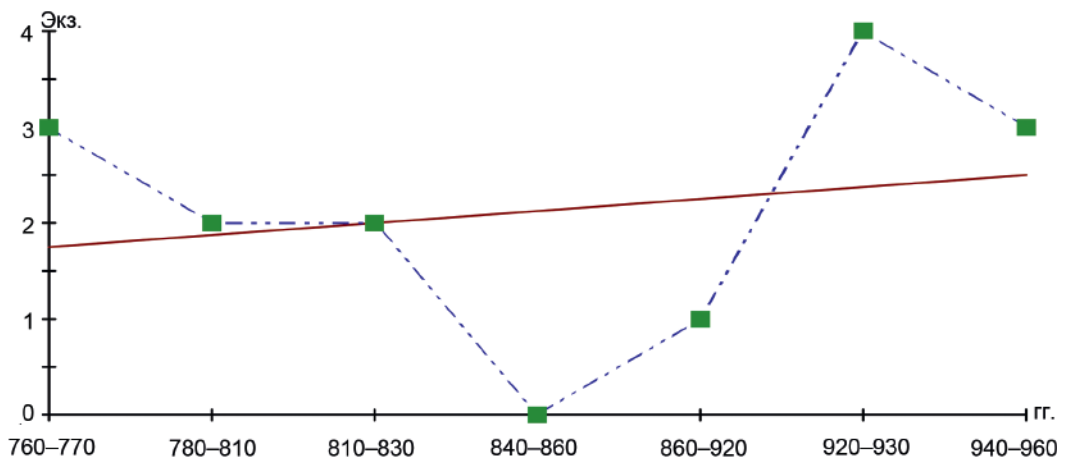

Рис. III.28. Характер изменения во времени количества сосудов типа 1В

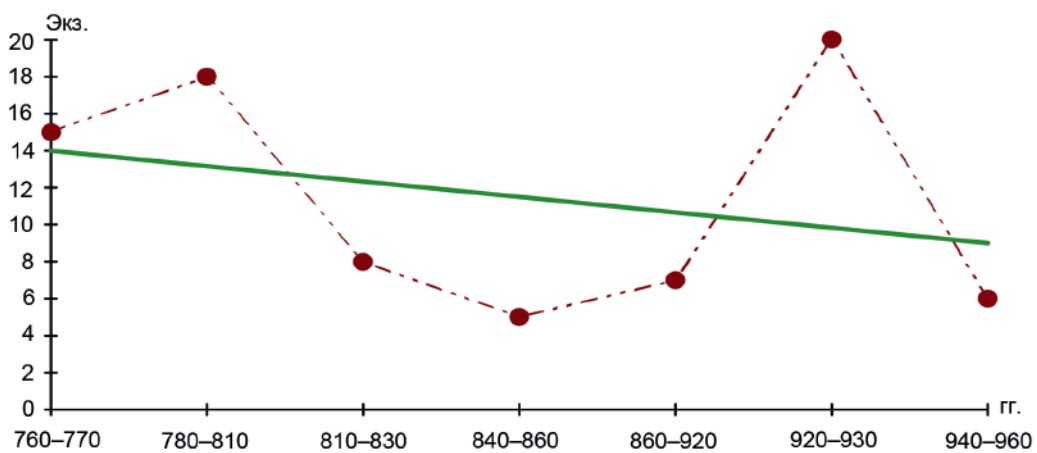

Рис. III.29. Характер изменения во времени количества сосудов типа 3А

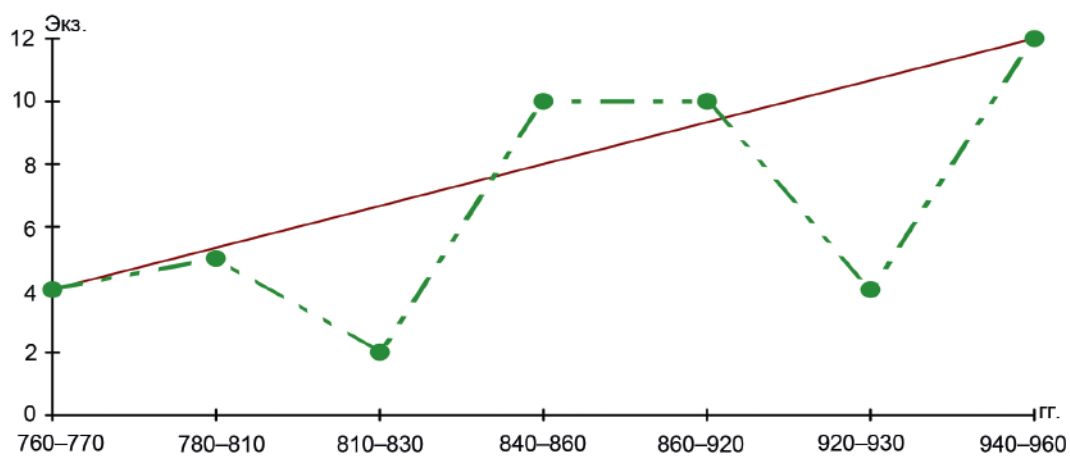

Рис. III.30. Характер изменения во времени количества сосудов типа 3Б

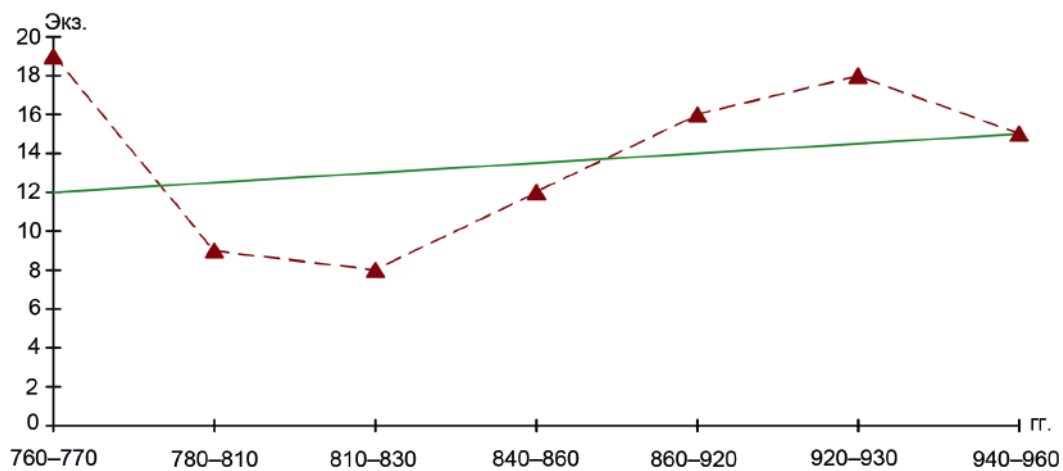

Рис. III.31. Характер изменения во времени количества сосудов типа 5А

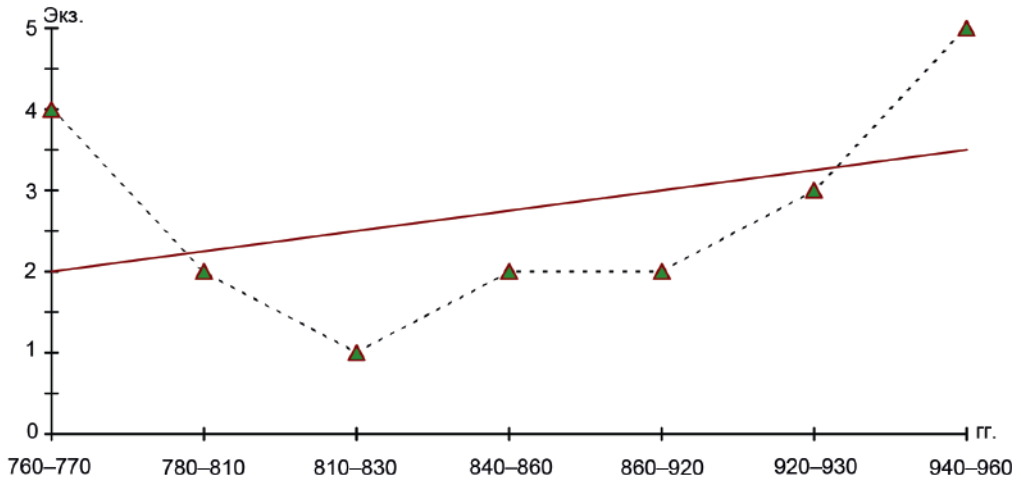

Рис. III.32. Характер изменения во времени количества сосудов типа 5Б

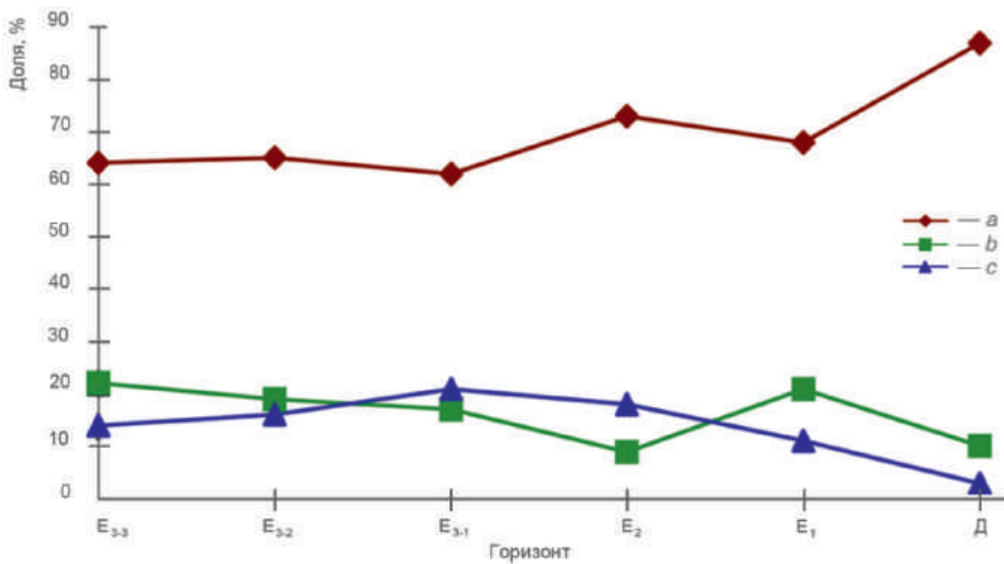

Рис. III.33А. Распределение вариантов оформления края венчика лепных сосудов для Земляного городища (a, b, c — варианты)

Для раскопа на Варяжской улице наблюдается следующая картина. Здесь так же, как и на Земляном городище, преобладают фрагменты сосудов типа 1 (табл. III.16; рис. III.34; III.35). Типы 1 и 5 можно считать ведущими для данного участка поселения, их доля составляет 74,4 % от общего количества определимых фрагментов керамики. Фрагменты типа 3 на данном участке суммарно не превышают 10 %-ного уровня. Доля фрагментов типа 7 составляет 7,2 %, а фрагментов типов 4, 9, 6, 2, 8 в сумме составляет 10,2 %.

На рис. III.33Б показано распределение выделенных вариантов оформления края венчика для раскопа на Варяжской улице. Количественно здесь также преобладают венчики варианта a. Характер изменения во времени венчиков всех выделенных вариантов говорит о том, что они не могут служить хронологическим индикатором. Этот вывод касается как Земляного городища, так и раскопа на Варяжской улице.

Таблица III.16. Распределение керамики по типам и видам верхних частей лепных сосудов (для раскопа на Варяжской улице), количество, экз. (доля, %)

Дата, в.	Штык	Тип																		Всего
		1		2		3		4		5		6		7		8		9		
		А	Б	В	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б		
X	6	19 (24,67)	3 (3,89)	1 (1,29)	6 (7,79)	3 (3,89)	3 (3,89)	3 (3,89)	–	12 (15,58)	1 (1,29)	–	1 (1,29)	8 (10,38)	–	–	–	1 (1,29)	77 (100)	
	7	6 (16,21)	2 (5,40)	–	2 (5,40)	1 (2,70)	6 (16,21)	6 (16,21)	–	4 (10,81)	1 (2,70)	1 (2,70)	–	6 (16,21)	–	–	–	1 (2,70)	37 (100)	
	8	2 (5,00)	–	1 (5,00)	1 (5,00)	1 (5,00)	–	–	–	3 (15,00)	–	1 (5,00)	–	3 (15,00)	–	–	–	1 (5,00)	20 (100)	
	9	4 (38,46)	1 (7,69)	–	–	–	–	–	–	1 (7,69)	1 (7,69)	–	–	1 (7,69)	–	–	–	–	13 (100)	
	10	5 (18,75)	–	–	1 (6,25)	–	1 (6,25)	1 (6,25)	1 (6,25)	1 (6,25)	1 (6,25)	1 (6,25)	1 (6,25)	1 (6,25)	–	–	–	–	16 (100)	
	11	2 (28,57)	1 (14,28)	1 (14,28)	2 (14,28)	1 (7,14)	1 (7,14)	1 (7,14)	–	2 (14,28)	–	–	–	1 (7,14)	–	–	–	–	14 (100)	
	12	6 (20,00)	–	–	1 (6,66)	–	–	–	1 (6,66)	4 (26,66)	–	–	–	–	–	–	–	–	15 (100)	
	13	4 (36,36)	1 (12,12)	–	1 (3,03)	–	–	–	–	8 (24,24)	–	–	–	–	1 (3,03)	–	–	–	33 (100)	
	14	6 (20,83)	2 (8,33)	–	1 (4,16)	–	–	–	–	7 (29,16)	3 (12,5)	–	–	–	–	–	–	–	24 (100)	
	15	5 (38,88)	–	–	1 (5,55)	1 (5,55)	1 (5,55)	1 (5,55)	–	1 (5,55)	1 (5,55)	–	–	–	–	–	–	–	18 (100)	
	16	8 (33,33)	–	–	3 (5,55)	2 (3,70)	1 (1,85)	1 (1,85)	1 (1,85)	16 (29,62)	1 (1,85)	–	–	1 (1,85)	1 (1,85)	–	–	–	54 (100)	
	17	2 (42,85)	1 (14,28)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	7 (100)	
	18	4 (38,46)	–	–	–	–	–	–	–	2 (15,38)	1 (7,69)	–	–	–	–	–	–	–	13 (100)	
19	2 (50,00)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4 (100)		
Итого по видам	99 (28,69)	75 (21,74)	11 (3,19)	2 (0,58)	19 (5,51)	10 (2,89)	14 (4,07)	3 (0,87)	61 (17,69)	10 (2,89)	4 (1,16)	–	4 (1,16)	21 (6,09)	2 (0,58)	–	–	10 (2,89)	345 (100)	
Итого по типам	185 (53,60)	–	–	2 (0,60)	29 (8,40)	17 (4,90)	17 (4,90)	17 (4,90)	71 (20,50)	71 (20,50)	4 (1,20)	–	25 (7,30)	2 (0,60)	–	–	–	10 (2,90)	345 (100)	

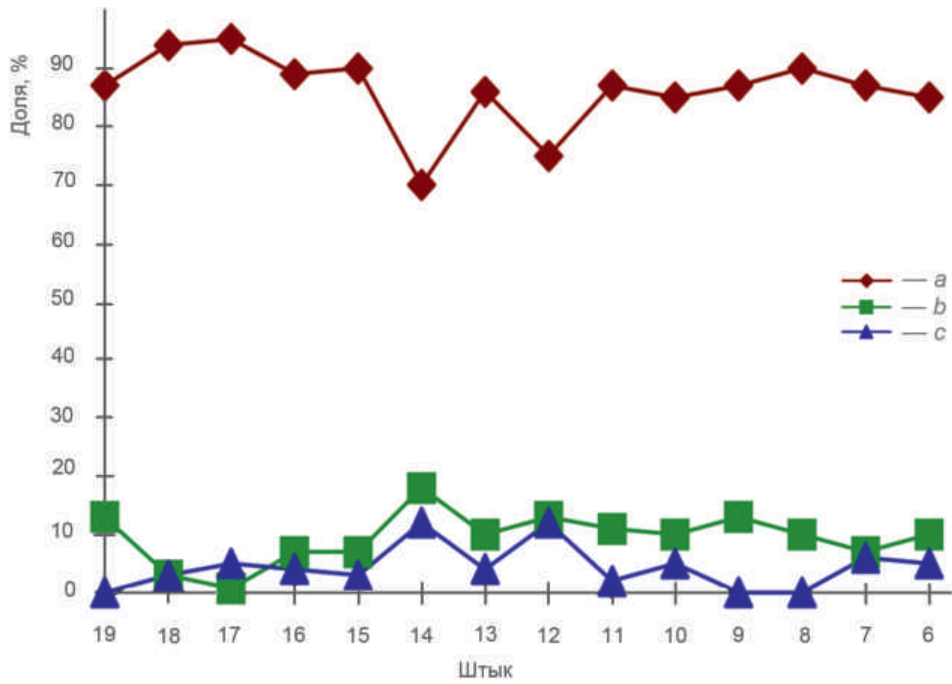

Рис. III.33Б. Распределение вариантов оформления края венчика лепных сосудов для раскопа на Варяжской улице (a, b, c — варианты)

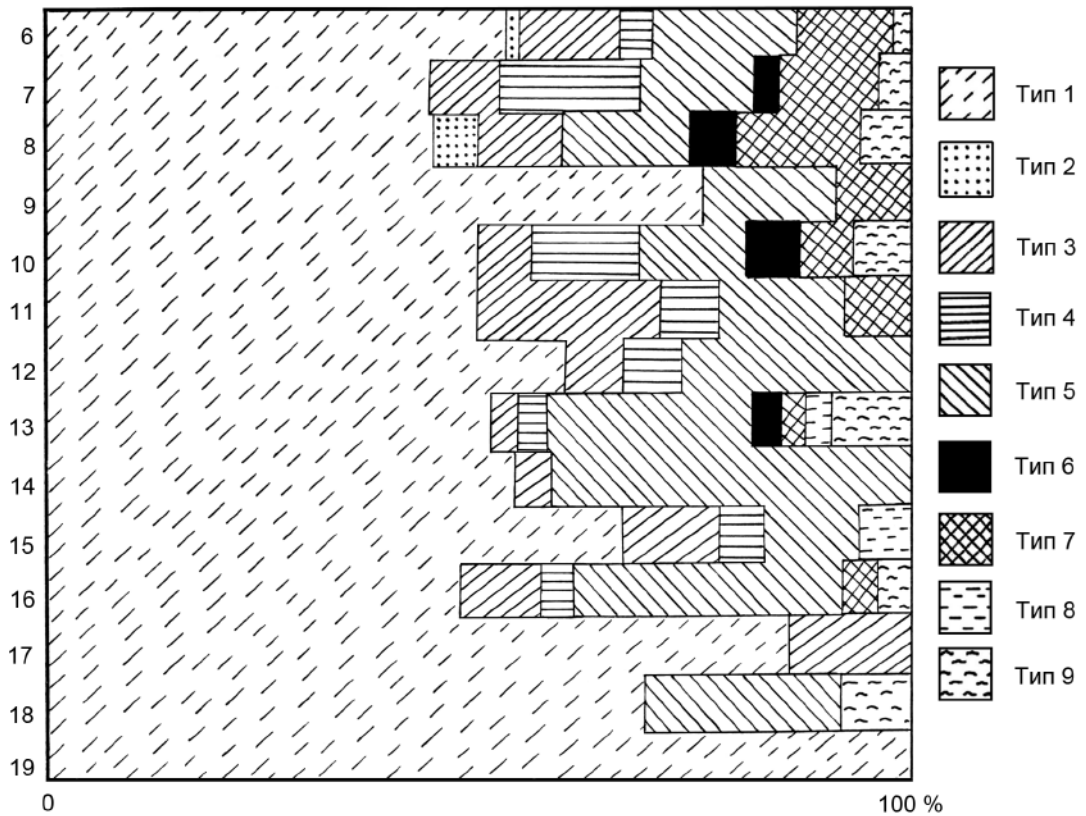

Рис. III.34. Распределение типов верхних частей лепных сосудов по штыкам раскопа на Варяжской улице

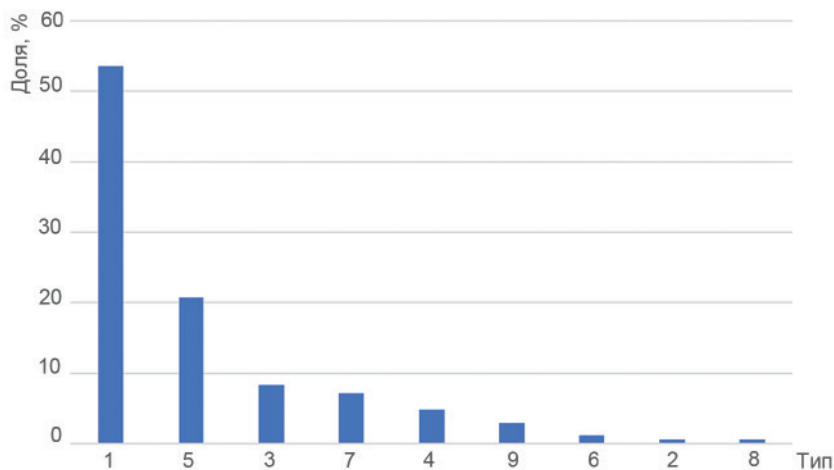

Рис. III.35. Распределение типов верхних частей лепных сосудов в раскопе на Варяжской улице

При рассмотрении выделенных типов по отдельным штыкам картина получается менее четкой, чем для Земляного городища (табл. III.17 и рис. III.36–III.49), вследствие неразработанности четкой стратиграфии данного участка, однако и в этом случае типы 1 и 5 являются ведущими: в каждом пласте они встречаются в количестве, превышающем 10 %.

Преобладание в обеих частях поселения фрагментов керамики типа 1 (сосудов с высокой прямой или слегка отогнутой шейкой, четко выраженными плечиками, переходящими в тулово через более или менее резко выраженное ребро) связано с тем, что одинаковую профилировку верхних частей имеют сосуды различных пропорций и разных форм тулова, относящиеся к разным типам («стройных пропорций», приземистые с коническим туловом, приземистые широкодонные, баночные и мискообразные) (см. типологию целых форм).

При попытке планиграфического распределения типов керамики на Земляном городище оказалось, что невозможно выделить не только комплексы, но даже участки раскопа, где преобладала бы керамика того или иного типа. Подобная картина наблюдается и по материалам раскопа на Варяжской улице.

Аналогии выделенным типам лепной керамики

Аналогии сосудам с выделенной шейкой и выраженными плечиками, часто оформленными в виде ребра (тип 1) (рис. III.16), известны довольно широко. Они встречаются на памятниках последней четверти I тыс. н. э., расположенных в непосредственной близости от Старой Ладоги. Это поселения Любша (Сениченкова 2010: 84–87, рис. 5, 1–3, 8; 6; 7; 8, 1–3, 6), Горчаковщина (Петренко, Шитова 1985: 186, 187, рис. 3, 22–24), Новые Дубовики (Там же: рис. 3, 33, 39, 40; Носов 1976: 77, 78, рис. 1, 2, 3, 6, 7), сопки в урочище Победище (Петренко и др. 1977: 88, рис. 3; Петренко 1977: 56, рис. 1, 8; 1994: 71, рис. 29, 3), курган 7 в урочище Плакун (Корзухина 1971: 61, рис. 18, 3).

Наиболее многочисленную группу составляет такая керамика среди лепной посуды Новгорода (X в.) (Смирнова 1976: рис. 2, II, III; 3; Плохов 2009: 413, рис. 4, 4–6; 11; 415, рис. 5, 3, 4, 14; 6, 1–3, 12). По данным Е. Н. Носова и А. В. Плохова подобные сосуды составляют «основу керамического комплекса» целого ряда

Таблица III.17. Сводная таблица распределения типов верхних частей лепных сосудов по отдельным штыкам и по всему слою в целом для раскопа на Варяжской улице

Штык	Позиция по частоте встречаемости								
	1-я	2-я	3-я	4-я	5-я	6-я	7-я	8-я	9-я
	Тип								
6	1	5	3	7	4	2	9	–	–
7	1	7	4	5	3	6	9	–	–
8	1	5	7	3	2	7	9	–	–
9	1	5	7	–	–	–	–	–	–
10	1	5	4	3	6	7	9	–	–
11	1	5	3	4	7	–	–	–	–
12	1	5	3	4	–	–	–	–	–
13	1	5	9	3	4	6	7	8	–
14	1	5	3	–	–	–	–	–	–
15	1	3	5	4	8	–	–	–	–
16	1	5	3	4	7	9	–	–	–
17	1	5	–	–	–	–	–	–	–
18	1	5	9	–	–	–	–	–	–
19+яма	1	–	–	–	–	–	–	–	–
По всем слоям	1	5	3	4	7	6	9	8	2
Доля от общего количества	> 10 %		< 10 %						

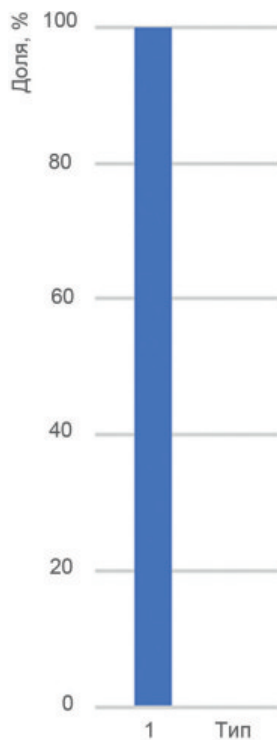

Рис. III.36. Распределение типов верхних частей лепных сосудов в штыке 19 (раскоп на Варяжской улице)

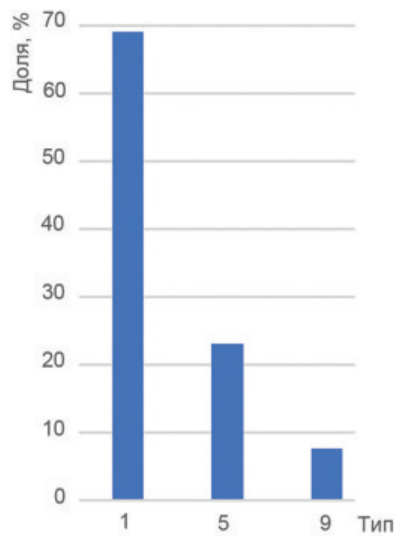

Рис. III.37. Распределение типов верхних частей лепных сосудов в штыке 18 (раскоп на Варяжской улице)

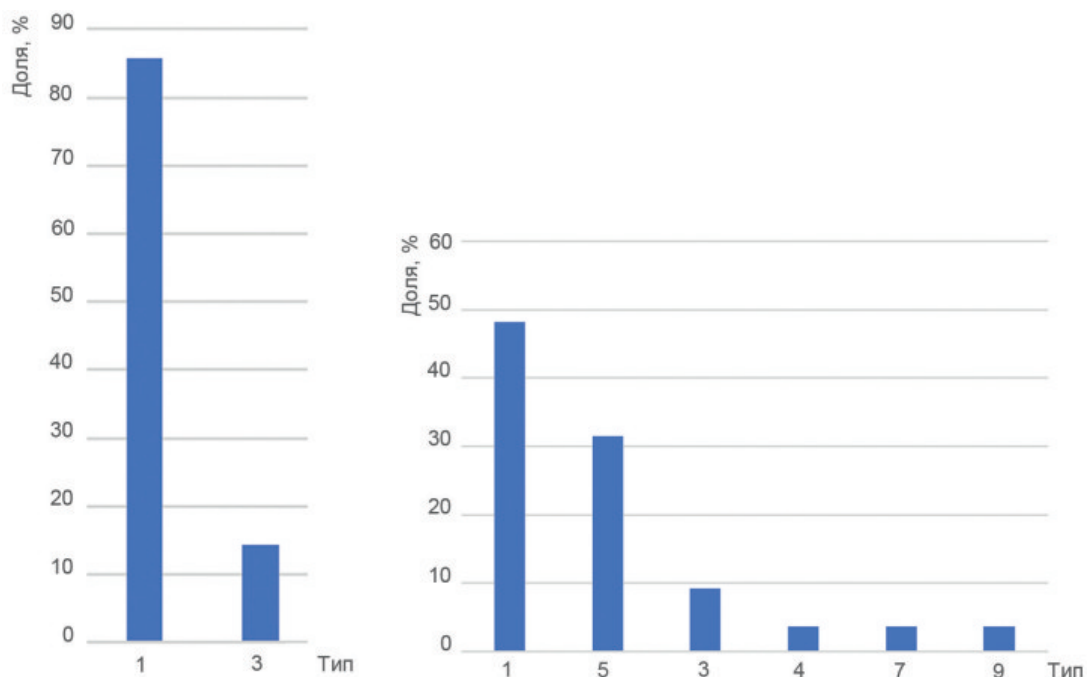

Рис. III.38 (слева). Распределение типов верхних частей лепных сосудов в штыке 17 (раскоп на Варяжской улице)

Рис. III.39 (справа). Распределение типов верхних частей лепных сосудов в штыке 16 (раскоп на Варяжской улице)

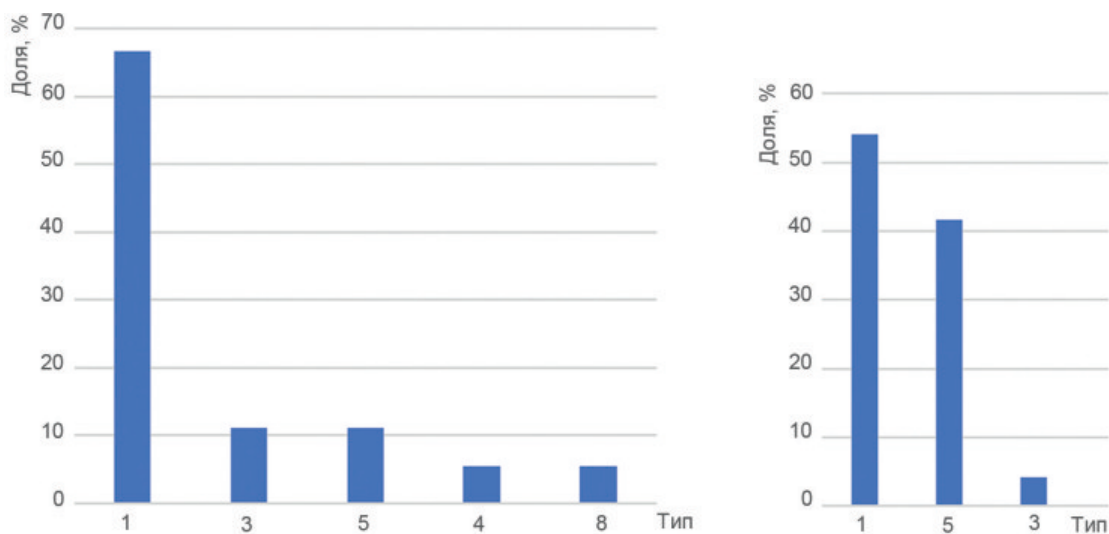

Рис. III.40 (слева). Распределение типов верхних частей лепных сосудов в штыке 15 (раскоп на Варяжской улице)

Рис. III.41 (справа). Распределение типов верхних частей лепных сосудов в штыке 14 (раскоп на Варяжской улице)

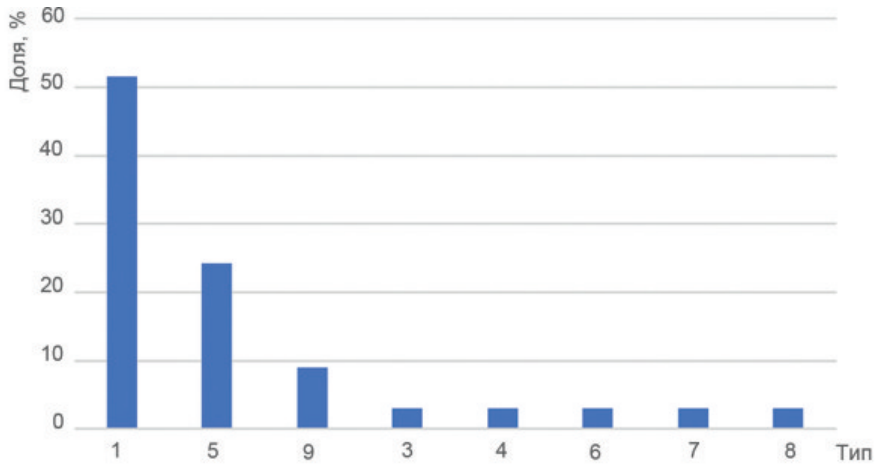

Рис. III.42. Распределение типов верхних частей лепных сосудов в штыке 13 (раскоп на Варяжской улице)

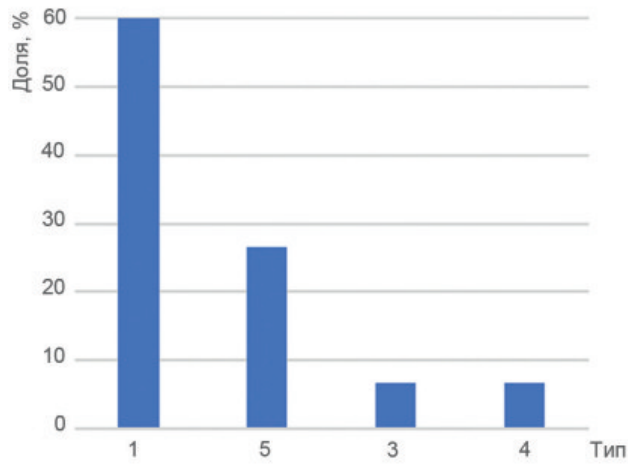

Рис. III.43. Распределение типов верхних частей лепных сосудов в штыке 12 (раскоп на Варяжской улице)

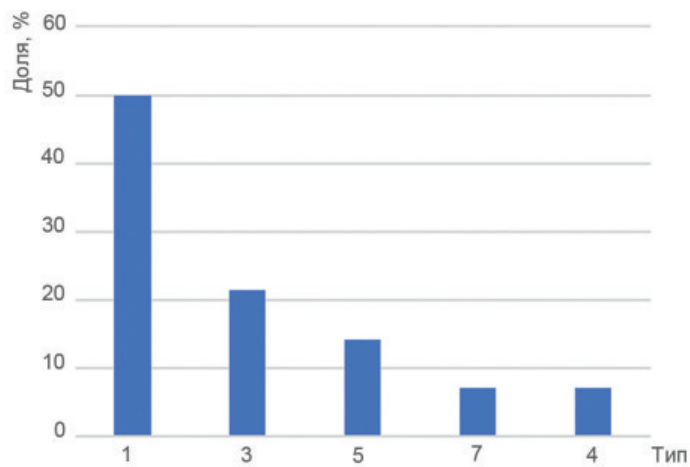

Рис. III.44. Распределение типов верхних частей лепных сосудов в штыке 11 (раскоп на Варяжской улице)

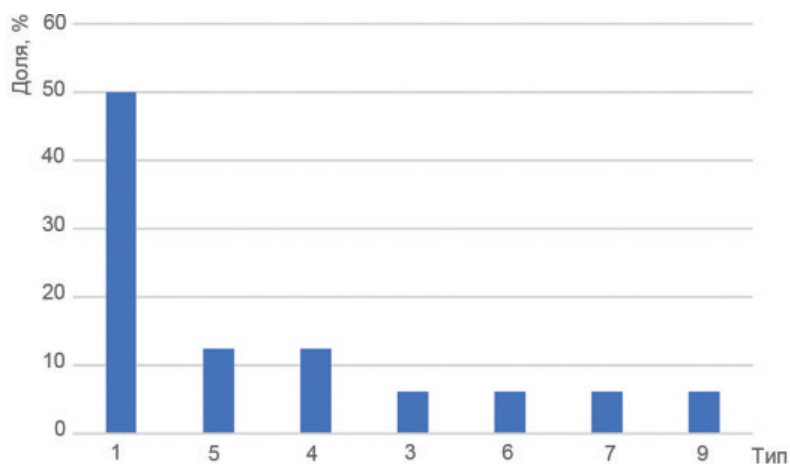

Рис. III.45. Распределение типов верхних частей лепных сосудов в штыке 10 (раскоп на Варяжской улице)

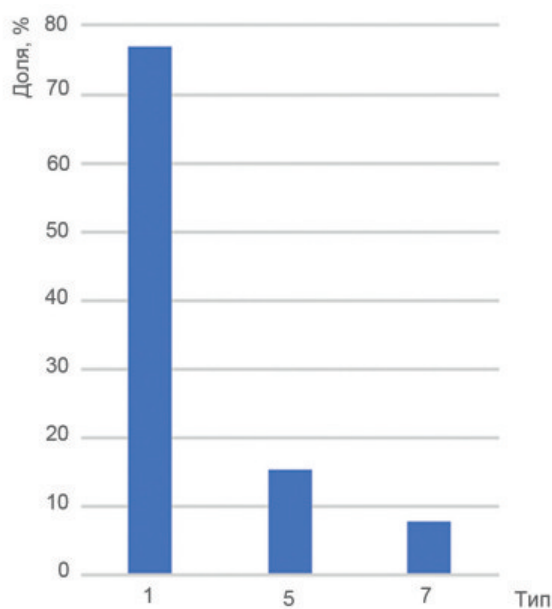

Рис. III.46. Распределение типов верхних частей лепных сосудов в штыке 9 (раскоп на Варяжской улице)

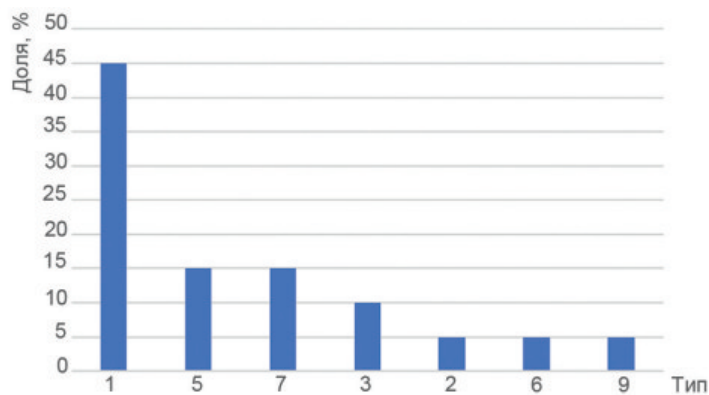

Рис. III.47. Распределение типов верхних частей лепных сосудов в штыке 8 (раскоп на Варяжской улице)

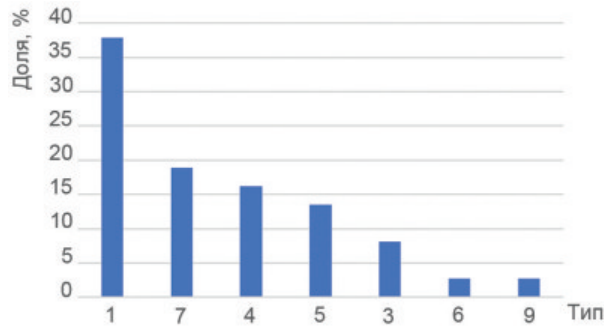

Рис. III.48. Распределение типов верхних частей лепных сосудов в штывке 7 (раскоп на Варяжской улице)

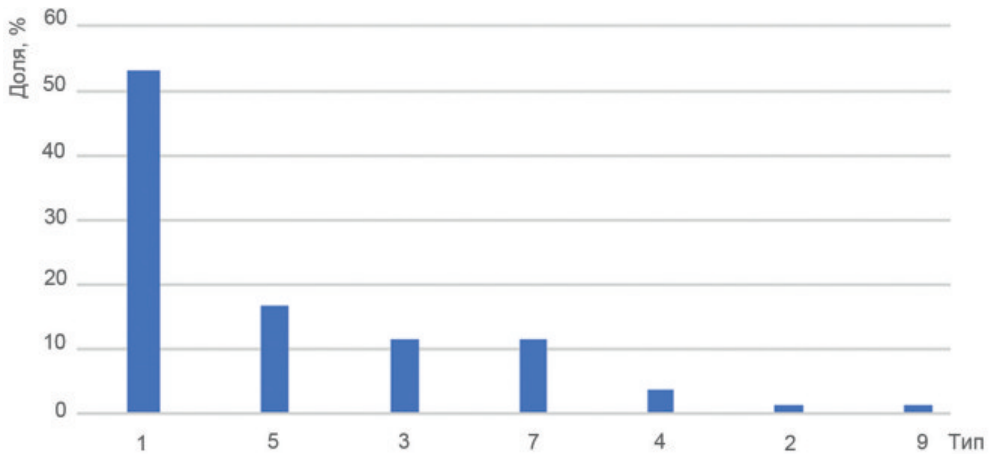

Рис. III.49. Распределение типов верхних частей лепных сосудов в штывке 6 (раскоп на Варяжской улице)

памятников последней четверти I тыс. н. э. Приильменя, бассейнов Волхова, Шелони, Мсты (Носов, Плохов 1991: 128). Они найдены на Рюриковом городище (Носов 1977б: 96, рис. 4, 6; 1990: 134, рис. 54; 136, рис. 55, I–V), в Холопьем городке (Носов 1990: 182, рис. 70, 1–12, 14, 15; Носов, Плохов 1989: рис. 2, 1–5, 9–13, 15; 1997: 136, 138–140, рис. 5, 1–3, 9–15; 6, 1, 3, 5; 7, 3, 5, 9, 12; 8, 1–3; 12), Городке на Шелони (Носов, Плохов 1991: 128), на поселениях Прость (Орлов 1972: 130, рис. 3; Носов 1990: 177, рис. 66), Георгий (Орлов, Аксенов 1962: рис. 3; Носов, Плохов 2002: 164, рис. 3, 4, 5), Золотое Колено (и в слое, и в сопке, находящейся рядом) (Носов, Плохов 1991: 139, рис. 2, 7, 8; 144, рис. 7, 1, 4, 8–10; 145, рис. 8, 1, 2, 8, 9; 147, рис. 10, 1, 2, 5, 7; 149, рис. 12, 3, 4, 15), Васильевское (Носов, Плохов 2002: 164, рис. 3, 1, 3), на селище Нестеровичи (вторая половина X — начало XI в.) (Конецкий 1991: рис. 7, 1–4, 7, 14). По данным А. В. Плохова, реберчатая керамика составляет примерно 60 % на селище Васильевское (Плохов 1992: 120), датирующемся концом IX — началом X в. (Носов 1990: 176).

Реберчатая керамика встречена на памятниках конца I — начала II тыс. н. э. Полужья и Поплюсья: Городец под Лугой (Фонды ГМИ СПб.; Ефимова 1977: 100, рис. 2), селище Передольский погост (Платонова 1991: рис. 4; Платонова и др. 2007: рис. 10, 4–5, 8–11; 12, 1, 2, 5), Которск, Сквородка (Кузьмин 1989б: 37; 1991а: 156).

Если на селище Передольский погост среди лепной керамики преобладает реберчатая (Жеглова 1995: 31), то в Городце под Лугой, Которске (Михайлова 1994: 51; Mikhaylova 2014: fig. 13, 14, 15) и Сквородке (Кузьмин 1991: 92) она сосуществует с другими типами посуды, составляя иногда незначительный процент.

Около 15 % составляет такая керамика на поселении у дер. Коровитчино (долина р. Ловати), относящемся к культуре сопок (Конецкий, Клубова 1989: 13). А вот в Городке на Ловати (X — начало XI в.), по данным В. М. Горюновой, ее не более 3 % (Горюнова 1974: 76, рис. 24, 1, 2, 4, 5, 8, 9; 1991: 43; 2016: 28).

В Повеличье и Причудье реберчатая керамика количественно заметно уступает слабопрофилированным и S-овидным сосудам. Так, в Пскове, по данным С. В. Белецкого, она представлена «немногочисленными фрагментами» (1,9 %) (Белецкий 1979А: 237, приложение 2, табл. 9; Белецкий 1980: 6, рис. 3, 5, 7; 1983: 56, рис. 9, 8). В Изборске (VIII–X вв.), по подсчетам С. В. Белецкого, реберчатая керамика составляет 4,2 % (Белецкий 1979А: 109). На городище Камно (последняя четверть I тыс. н. э.), судя по материалам К. М. Плоткина, её не более 5 % (Фонды ГМИ СПб., раскопки К. М. Плоткина 1973–1975 гг.), а по данным С. В. Белецкого — 2,3 % (Белецкий 1979А: 123).

Для территории Смоленского Поднепровья подобная керамика также нехарактерна: в Гнёздове (IX–XI вв.) она представлена единичными фрагментами (Камеицкая 1977: 9; 2019: 30, рис. 14, 2; 69, 2). Редко встречаются реберчатые сосуды и в керамических комплексах тушемлинской культуры (середина — третья четверть I тыс. н. э.), хронологически предшествующей КСДК на территории Верхнего Поднепровья (Шмидт 1982: 100, рис. б/н, тип 7). На селище Узмень в Верхнем Подвинье, по мнению Р. С. Минасяна (автор относит его к кругу памятников типа Тушемли–Акатова), найдено семь фрагментов реберчатых сосудов (0,17 %) (Минасян 1972: 116, рис. 3, 19–21; 1979: 175, рис. 3, 8, 9), а по данным А. Г. Фурасьева на этом памятнике (относящемся, по его мнению, к типу Заозерье–Узмень) насчитывается около 17 % биконических и реберчатых сосудов (Фурасьев 2001: 9).

В незначительном количестве реберчатая керамика встречена в восточнолитовских курганах (вторая половина I тыс. н. э.) (Гуревич 1962: 61, рис. 48, 8).

Подобные сосуды (нередко с подлощенной поверхностью) (группа 2, тип 1, по М. Аун) встречаются на городищах и селищах Юго-Восточной Эстонии, датированных второй половиной I тыс. н. э.: Рыуге, Отепя, Пеэду, Тарту, Унипиха и др. (Аун 1976а: 353, рис. 4, 1–4; Шмидехельм 1959: табл. III, 6). Они имеют прототипы в керамике культуры каменных могильников первой половины I тыс. н. э. (Белецкий 1996: 36, 50–52, рис. 17, 4, 5; Лаул 1971: 323).

Сосуды с ребром, иногда имеющие лощеную поверхность, встречены на многих памятниках Латвии середины — второй половины I тыс. н. э.: городищах Кентескалнс (VI–VIII вв.) (Стубавс 1959: табл. VII, 9, 10, 13; табл. VIII, 2, 5), Дигная (вторая половина I тыс. н. э.) (Latvijas PSR... 1974: tab. 46, 4), селище Кивты¹⁸ (середина — третья четверть I тыс. н. э.), куршском могильнике Гейстауты (V–IX вв.) (Urtāns 1970: 63, рис. 2).

И. И. Еремеевым в Городке на Маяте в насыпи вала была найдена лощеная лепная миска с ребром, которая попала в насыпь, по мнению автора, из культурного

¹⁸ Я искренне признательна И. Р. Циммермане за подробную консультацию и возможность ознакомиться с материалом.

слоя предшествующего времени, то есть середины V — середины VI в. (Еремеев, Дзюба 2010: 87, рис 74, 2; 76, 1). Известна такая керамика и на расположенном рядом селище в нижней части культурного слоя (Там же: 114).

В курганах Юго-Восточного Приладожья (X–XII вв.) «сосуды с ребристым профилем... встречены в сравнительно небольшом числе экземпляров» (Спиридонов 1985: 93, рис. 38, 2; 1986: 24, рис. 1, 1, 12, 13; 1989: 304, 305, рис. 1, 2; 2, 4, 6) (не более 20 %). А. М. Спиридонов считает, что «в целом реберчатую форму сосудов следует рассматривать как свидетельство тесных связей населения, оставившего курганы, с Северной Русью и, прежде всего, со Старой Ладогой» (Спиридонов 1986: 26).

Сосуды с ребром зафиксированы среди керамического материала Городища на р. Сясь (последняя четверть I тыс. н. э.) (Богуславский, Мачинская 1993: 118; Богуславский 2006: 38, рис. 1), раннесредневекового селища Карасенка в бассейне р. Лидь (материалы раскопок Е. А. Рябикина 1988 г. в хранилище ИИМК), курганный группы Галично II (курган 3) (X в.) (раскопки В. А. Назаренко 1974 г.; Фонды ГМИ СПб.), погребального сооружения Гонгиничи-III (X в.) (Фонды ГМИ СПб., раскопки Е. М. Колпакова 1994 г.).

Найдена реберчатая керамика и в Белоозере (Голубева 1973: 146, рис. 53, 8, 9, 11, 20, 32). Большую часть ее (примерно 29 % от общего количества плоскодонных сосудов) Л. А. Голубева относит к типам IV, V и XI, которые, по ее мнению, близки к формам славянской посуды и встречаются с конца X — начала XI до XIII в. (Голубева 1973: 149, 155, табл. 23). Однако сосуды с характерным переломом профиля составляют также тип III, по ее классификации, который относится уже к местным формам и имеет аналогии среди лепной посуды приладожских и челмужских курганов (X–XII вв.), курганов с северной ориентировкой у дер. Бустрьгино на р. Сорогоже (X–XI вв.), а также в веских погребениях XI в. на р. Кабоже, в курганах XII в. на р. Суде, погребениях на р. Свири с комплексом веских и скандинавских вещей X в. (Голубева 1973: 156). Кроме того, Л. А. Голубева отмечает, что тип V «известен в Приладожье IX–X вв. еще до массового переселения славян в этот район» (Там же: 155).

Горшки с максимальным расширением в верхней трети высоты и переломом стенок, оформленным в виде ребра, составляют около 8 % на поселении Крутик (IX–X вв.) (тип III, по Н. А. Макарову) (Макаров 1991: 135, табл. I). При этом очень близкая по профилировке посуда отнесена исследователем к типу I, который составляет 55 % всей керамики памятника (Там же: 130–132, ср. рис. 1 и рис. 3, 1–6; 135, табл. 1). Вероятно, процент интересующей нас керамики на поселении Крутик можно считать несколько большим, чем указывает автор. По мнению исследователей этого памятника, «веская принадлежность... четко выражается во всем облике материальной культуры — лепной керамике, украшениях женского костюма, орудиях труда и быта... Славянский элемент ощутим еще очень слабо... Поселение прекращает свое существование в третьей четверти X в., когда проникновение славян в Белоозерье только начиналось» (Голубева, Кочкуркина 1991: 8).

Подобная керамика встречена и на других поселениях Белоозерья IX–X вв. — Васютино, Никольское I, V, VI, VII (Макаров 1991: 135, табл. I; Башенькин 1986А: т. 2, рис. 43, 3, 4, 12–14).

Горшки, аналогичные типу 1, найдены на памятниках второй половины I тыс. н. э. в верховьях Мсты и бассейне Мологи — как на поселениях (Иловец 1, 2;

Курово 2; Бежицы I; Еськи; Узмень; Белый Городок; Бережок), так и в сопках (Спас-Преображенское; Бежицы; Мерлугино, сопка 2) (Исланова 1984: 85, рис. 1, 18; 1986: 72, рис. 3, 1, 4, 6, 9, 10; 1991а: рис. 1, 6–9; 3, 2–4, 9–11; Леонтьев, Пронин 1978: 281, рис. 6, 4, 7). Следует отметить, что если на селищах Бережок (Исланова 1997: 233, 235–237, 242, 258, 259, 261, 262, рис. 98, 1–4, 7–9, 14–16; 100, 1, 2, 4, 10; 101, 1, 3, 5, 7; 102, 1–8; 104, 1; 107, 1; 1306, 1, 2; 131, 1, 5, 9, 12; 133а, 1, 2, 4; 133б, 2; 134, 3, 5), Курово 3 (Там же: 288–290, рис. 161, 1, 2, 5, 6; 162, 2, 4, 6; 163, 9), Иловец 2, Бежицы I, а также в сопке в Бежицах такой керамики довольно много, то на селищах Узмень, Иловец I, в сопках Спас-Преображенское и Мерлугино обнаружены лишь единичные находки (Исланова 1991а: 50). По классификации И. В. Ислановой, это типы IV и VI, которые, по мнению исследовательницы, имеют прототипы на памятниках третьей четверти I тыс. н. э. этого региона (селище Юрьевская Горка) (Исланова 1997: 25, 26, табл. 38, 1, 11–17).

Профилированные горшки с высокими, четко выраженными плечиками, переход которых в тулово часто подчеркнут ребром, встречены на городище Попово (Ухтубужское) на р. Унже, датируемом VII–IX вв., которое было заселено одним из финно-угорских племен Поволжья (Леонтьев 1989; Самойлович 1989: рис. 2, 3, 6, 7, 15, 16), а также на открытом вблизи городища селище (VI–VII вв.) (Рябинин 1989: рис. 11, 1, 2, 5, 6, 11–13).

Керамика с ребристым профилем найдена в древнем культурном слое Ярославля (IX–X вв.) (Воронин 1949: рис. 8, 4; Горюнова Е. 1961: 94, рис. 38: В) и на поселении Тимерёво (3,5 %) (Седых 1988А: 122, 123; Седых 1982: рис. 49, 13, 15), где она датируется в пределах X в. (Седых 1988А: 133, 134), а также в Тимерёвском могильнике (Мальм 1963: рис. 25, 1, 3) в двух комплексах, датирующихся X — началом XI в. По мнению В. Н. Седых, она носит пережиточный характер (Седых 1988А: 142, 152) (как можно судить по данным автора, количество таких сосудов не превышает 0,8 %) (Там же: 149–152). Она встречена на Сарском городище (от VI–VII до X — начала XI в.) (Леонтьев 1984а: рис. 2, 5), на поселении Угодичи (VIII–XI вв.) (Там же: рис. 2, 22), селище Шурскол II в слоях X–XII вв. (Исланова 1982: рис. 4, 3, 7, 24), а также среди керамического материала верхних горизонтов городищ Березняки (с конца III — IV в. до начала VI в.) и Синьково (III–V вв.), на Попадьинском (VI–VII вв.) и Тумовском (IX — начало XI в.) селищах, на Дурасовском городище IX в. в Костромском Поволжье (Горюнова Е. 1961: 94, 180, рис. 38; 52, 2, 5; 79, 14, 19).

Подобные сосуды найдены также в Швеции эпохи викингов — как среди керамики, имеющей, по мнению Д. Селлинг, связи с южными областями Балтийского моря (группа AII, по её классификации), так и в группе местной посуды (группа AIV) (Selling 1955: 13, abb. 1 (AII, 2b; AIV, 1c; AIV, 2b; AIV, 2c); 226, abb. 63; tab. 5, 5–8). В это же время они известны на Аландских островах (Kivikoski 1963: t. 22: 1; 53: 2; 60: 6), в могильнике Луистари (Финляндия) (Lehtosalo-Hilander 1982, v. 82.1: 375, pl. 13, gr. 28). А. В. Плохов, проанализировав коллекции керамики из памятников Швеции, хранящиеся в Историческом музее Стокгольма, пришел к выводу, что подобной посуды там встречено немного (около двух десятков) и что «появление „ребристых“ горшков в раннесредневековых памятниках Скандинавии явилось следствием их широкого бытования в Северной Руси» (Плохов 2002а).

Необходимо обратить внимание на один существенный факт. Сосуды с ребром, у которых высота превышает максимальное расширение (аналогичные типу ФИБ,

так называемых стройных пропорций), встречены на памятниках Приладожья и Приильменя среди материалов второй половины IX — X в. и даже первой половины XI в. Они найдены на Рюриковом городище в слоях, датируемых второй половиной IX — X в. (Носов 1977б: 96, рис. 4; 1990: 134, 149, 150, рис. 54), на поселении Новые Дубовики, которое, по мнению автора раскопок Е. Н. Носова, «возникло еще в IX в.» (Носов 1976: 78, 80, рис. 1, 1–4, 7). Встречены они также на поселении Золотое Колено, датируемом IX–X вв. (Носов, Плохов 1991: 125, 128, 147, рис. 10, 1), на селище Нестеровичи, слой которого относится ко второй половине X — XI в. (Конецкий 1991: 102, 103, 116, рис. 7, 1). Однако следует подчеркнуть, что на всех этих памятниках слои VIII в. и даже первой половины IX в. достоверно не зафиксированы.

Исключением, возможно, является поселение Прость, где в последние десятилетия было выявлено несколько углубленных в материк сооружений, отнесенных авторами раскопок к третьей четверти I тыс. н. э. (Носов, Плохов 2005: 142–144). Именно в этих комплексах, по данным А. В. Плохова, керамика с «реберчатым профилем» вообще не встречается (Там же: 142), хотя обломки таких сосудов на поселении найдены (Носов 1990: 177, рис. 66; Носов, Плохов 2005: 338, табл. 166, 1, 6, 15).

В приладожских курганах подобные сосуды встречены в курганной группе у дер. Новосельск (курган 6; первая половина XI в.) (Спиридонов 1989: 304, рис. 1, 2; Кочкуркина 1989: 64, 65).

В погребальных памятниках Швеции керамика такого типа (группа АII:2b, по Д. Селлингу) датируется X–XI вв. (Selling 1955: 13, 226, abb. 1, 63). В погребениях Бирки подобные сосуды встречены в комплексах второй половины IX — X в.¹⁹ (gr. 779, 894, 11C, 103, по Х. Арбману) (Arbman 1940: taf. 244, 1–3, 6–7).

В настоящее время у нас явно недостаточно данных, чтобы судить, насколько широко высокие сосуды стройных пропорций были распространены в VIII — начале IX в. Факт широкого распространения этих форм начиная со второй половины IX — начала X в. косвенно подтверждает прослеживаемое по материалам Ладоги увеличение их количества с течением времени (почти все подобные сосуды встречены в горизонтах E₁ и D).

Аналогии горшкам типа ФII (стройных пропорций, с характерным изгибом тулова) (рис. III.14, 1) известны среди материалов КСДК в Верхнем Поднепровье и Подвинье: в могильниках Слобода Глушица; Забожье; Черневичи II, курган 2; Рудня; Цурковка (Седов 1970: 100, рис. 25, 3, 4; 1974: табл. 22, 3, 5; 1982: табл. 17, 8; Шмидт 1958: рис. 5, 2; 1963: 96, 119, рис. 8, 3; 14, 2; 1963а: 184, рис. 4, 1, 2, 8; Енуков 1990: рис. 30, 11–13; 40, 8, 11, 12).

Высокие горшки стройных пропорций с расширением в верхней трети высоты появляются в третьей четверти I тыс. н. э. на памятниках западной части Мстинско-Моложского междуречья: в погребениях культуры длинных курганов, на селище Юрьевская Горка, причем на последнем они преобладают (44 % всей керамики), — и бытуют до конца X в., распространяясь восточнее (Бережок, Узмень, Еськи, Иловец 1 и 2), но уменьшаясь количественно (Исланова 1990: 11–13; 1991а: 46–48, 52–54, рис. 1, 10; 2, 1, 2). Аналогичные сосуды встречены в могильниках КПДК

¹⁹ Датировка указанных погребений произведена Г. С. Лебедевым, которому я глубоко признательна.

«восточного ареала» Шихино и Пуйга (Исланова 1991а: 47). Известны они также в круглых курганах с трупосожжениями IX–X вв. в Повеличье (Седов 1969: 96, рис. 41, 10), на памятниках Полоцкой земли VIII — начала X в. (городище и селище Лукомль, городище Полоцк) (Штыхов 1978: 8, рис. 2, 2–5). Встречены на Тимерёвском поселении (Седых 1982: рис. 49, 4, 5; 1982а: 114, рис. б/н, тип 2).

Аналогии некоторым горшкам типа ФII имеются в материалах роменской (Ляпушкин 1958: 35, 40–41, рис. 19, 6, 9, 12; 22, 5; 23, 2, 5) и боршевской (Седов 1982: табл. XI, 15) культур VIII–X вв.

В целом ладожские сосуды типа ФII, видимо, правомерно связывать с керамикой культуры смоленских длинных курганов, причем с сосудами второй традиции, по В. В. Енукову, имеющими аналогии «на более южных, достоверно славянских памятниках — лука-райковецких и роменско-боршевских» (Енуков 1990: 89). Е. А. Шмидт писал, что «только кривичи изготавливали особые сосуды, у которых на цилиндрическом основании надстраивался горшкообразный сосуд» (Шмидт 1994: 34). На памятниках КСДК они нередко украшены по плечу отпечатками веревочки, намотанной на палочку. То же наблюдается для некоторой части их ладожских аналогий.

Сосуды типа 2 по классификации верхних частей сосудов (или типа ФIV) — приземистые широкодонные, с четко выделенным плечиком и слегка раздутым туловом (рис. III.14, 1; III.16) — имеют аналогии на памятниках Северо-Запада: на Рюриковом городище (IX–X вв.) (Носов 1990: 136, рис. 55, VI), поселении Холопий городок (IX–X вв.) (Носов 1990: 182, рис. 70, 15; Носов, Плохов 1997: 136, рис. 6, 1), во Пскове (VIII–X вв.) (Белецкий 1983: 56, рис. 7, 5; 1996: рис. 45, 5). На городище Любша найден целый широкодонный горшок, изготовленный с помощью архаичной техники лоскутного налепа (см. с. 353). Довольно широко они представлены в материалах Приладожской курганной культуры (X–XII вв.) (Спиридонов 1985: рис. 1, 2, 4–6; 1986: рис. 1, 9–11; 2, 7; 1989: рис. 2, 3; 3, 4, 5; 4, 3; Кочкуркина 1972: 108, рис. 6). Они встречены на поселении Крутик IX–X вв. (тип II, по Н. А. Макарову) (Макаров 1991: 132, рис. 2, 6–11), а также в предматериковом слое (Макаров 1986: 23) и в горизонте X — начала XI в. Белоозера (Голубева 1973: 146, 147, рис. 53, 9). Известны такие сосуды и в курганах юго-западного Белозерья X–XII вв. (Новинки III, Стан, Ярцево) (Голубева 1973: 54, рис. 8, 4; Макаров 1991: 136). Аналогичная керамика встречена в Латвии на городище Кентескалнс (VI–VIII вв.) (Стубавс 1959: табл. VII, 9; VIII, 2), на ливских памятниках в бассейне р. Гауи (XI — начало XIII в.) (Tõnisson 1974: 156, abb. 30, 6), в Бирке (gr. 151) (Arbman 1940: taf. 242, 2, 3, 7; 245, 2, 6, 7), в могильниках эпохи викингов в Юго-Западной Финляндии: Луистари (Lehtosalo-Nilander 1982, v. 82.1: 371, pl. 9, 17; 404, pl. 42, 6; 426, pl. 64, 2; 439, pl. 77, 4; 470, pl. 108, 11) и Кьюлохолм (Gleve 1978: 14, 217). На основании аналогий, а также находок широкодонных сосудов в комплексах середины — третьей четверти I тыс. н. э. в Прионежье и на р. Сухоне (Клыжово, Гостиный Берег) Н. А. Макаров выдвинул предположение, что этот тип керамики можно считать архаичным западнофинским (Макаров 1986: 31; 1991: 136).

Широкодонные сосуды с раздутым туловом встречены также среди материалов Тимерёвского могильника IX–XI вв. (Мальм 1963: 45, рис. 24, 4), городища Попово на р. Унже (VII–IX вв.) (Самойлович 1989: рис. 1, 3, 4; 2, 5). В Волго-Окском междуречье подобные сосуды («кубовастые», по терминологии Е. И. Горюновой)

связываются с местной финской керамикой предшествующего времени (Горюнова Е. 1961: 73–75, 85, 87, 91, 94, 131, рис. 59, 4, 6, 7, 8).

Приземистые сосуды с широким дном свойственны для первой, более древней, традиции сооружения смоленских длинных курганов (по В. В. Енукову), характеризующейся захоронениями в материковых ямках с сосудом вверх дном и комплексом украшений балтских типов (Енуков 1990: 42, 92, 129). Керамика из погребений первой традиции имеет меньшую разницу между диаметром дна и диаметром наибольшего расширения; отношение $D_3 : D_2 = 0,74$ (Там же: 87).

Аналогии *сосудам типа ФIII (приземистым с коническим туловом)* (рис. III.14, 1) известны очень широко (обычно их рассматривают совместно с керамикой типов ФI и ФIV, не выделяя в самостоятельный тип). В. В. Седов, отмечая, что «приземистые сосуды весьма характерны для финских древностей Восточной Европы», предложил рассматривать их как переходную форму между сосудами приземистыми широкодонными и сосудами «стройных пропорций» (Седов 1982: 63, 64), которые, по его мнению, принадлежат славянскому населению.

Аналогии *баночным сосудам типа 4 по классификации верхних частей сосудов (или типа ФV)* (рис. III.14, 1; III.16) весьма многочисленны. Р. С. Минасян отмечал, что сосуды так называемых «баночных форм» широко распространены в лесной зоне Восточной Европы, но «типология их до сих пор окончательно не разработана и не выделено твердых признаков, позволяющих отличать их от посуды других типов» (Минасян 1972: 115). К сожалению, подобная ситуация сохраняется до настоящего времени (Макаров 1991: 162, 163, сноска 31).

Баночные сосуды встречены в сопочных и курганных погребениях — в кургане 5 в урочище Плакун (IX–X вв.) (Назаренко 1985: 167, рис. 7, 1–3), сопке 140 в урочище Победище (VIII–IX вв.) (Седов 1970: табл. XIII, 7), погребении 1 сопки IV у дер. Новые Дубовики (IX в.) (Петренко 1984: 88, рис. 3, 5), сопке у дер. Репьи (погребения на вершине и у склона первоначальной насыпи, IX в.) (Лебедев 1978: 95, рис. 1, X).

Присутствуют они и на поселениях культуры сопков: Золотое Колено (IX–X вв.) (Носов, Плохов 1991: 144, 148, рис. 7, 10; 11, 6; Седов 1982: табл. XXII, 6), Нестеровичи (вторая половина X — XI в.) (Конецкий 1991: 116, рис. 7, 19), Которск (рубеж I–II тыс. н. э.) (Кузьмин 1991а: 167, рис. 3, 11), а также на Рюриковом городище (IX–X вв.) (Носов 1990: 137, рис. 56, 13; Плохов 2005: 225, табл. 53, 1, 2), в Новых Дубовиках (Носов 1976: рис. 1, 7) и в Новгороде X в. (Смирнова 1976: рис. 3, IV).

Подобные сосуды найдены также на поселениях Мстинско-Моложского междуречья второй половины I тыс. н. э. (Исланова 1991а: 46, рис. 1, 3–5; 1997: 232, рис. 97, 3–8).

Баночные сосуды с прямыми, почти непрофилированными стенками (тип 4А) известны на памятниках КПДК, как западного, так и восточного ареалов — на поселении у оз. Съезжее (вторая половина I тыс. н. э.) (Носов 1981а: 68, рис. 3, 4, 5; 1984: 13, рис. 3), в длинных курганах Обинисте (Седов 1974: табл. 19, 6), Лезги (курганы 3 и 9) (VI–VII вв., по В. В. Седову) (Седов 1974: табл. 22, 10, 11; 20, 2; Гроздилов 1965: 82, 84, рис. 16, 18), Казиха (курганы 8 и 21, VII–VIII вв. по В. В. Седову) (Седов 1969: 94, рис. 41, 8, 9; 1974: табл. 19, 3, 24), на поселении Засобье в среднем течении р. Луги (Михайлова 2010: рис. 5, 6, 2, 4), в курганных могильниках, городищах и селищах второй половины I тыс. н. э. в Юго-Восточной Эстонии: Козеский лес, Лавосинна, Кынну, Отепя, Рыуге, Тарту, Унипиха, Кививаре и др. (Аун 1980: 78, рис. 16,

1, 3–5, 7; Аун 1976а: 347, 348, рис. 2, 2, 3; 3, 1–6; Аун 1976: табл. VII, 2; Шмидехельм 1959: табл. II, 2; Тыниссон 1976: рис. 2, 1–3). На этих же памятниках встречаются баночные сосуды с выделенной шейкой, иногда имеющие более или менее четко выраженное ребро по плечу (тип 4Б) (Аун 1976а: 353, рис. 4, 4).

Подобная керамика (как с прямыми стенками, так и с выделенной шейкой) найдена на территории Латвии в ливских курганах (XI — начала XIII в.) (Tõnisson 1974: 133, abb. 25, 1, 3), в скандинавском могильнике Гробиня на территории Латвии (VII–IX вв., Смукуми, погребение 1) (Urtāns 1970: 80, tab. 14, 17), на городище Кентескалнс (VI–VIII вв.) (Стубавс 1959: табл. VII, 5, 6, 9, 10, 12; VIII, 2, 6), в удлиненном кургане Латышонки (вторая половина I тыс. н. э.) (Urtāns 1968: 70, tab. 8, 1), а также в восточнолитовских курганах (вторая половина I тыс. н. э.) (Гуревич 1962: 61, рис. 48, 3, 7, 8).

В западных регионах Северной Руси баночные сосуды обнаружены во Пскове — Псков Б и В, соответственно, VI–VIII и VIII–IX вв. по С. В. Белецкому (Белецкий 1980: 6, 55, рис. 3, 6, 15, 16, 19, 27; 6; 17, 1, 2; 26), в Изборске (VIII–X вв.) (Седов 1978: 65, рис. 2А), на городище Камно Псковской области (последняя четверть I тыс. н. э.) (Белецкий 1977: рис. 1, 1, 2; 2), в Городке на Ловати (X — начало XI в.) (Горюнова 1974: 76, рис. 24, 6, 8; 1991: 62, 66, рис. 7, 1, 8; 11, 2; 2016: рис. 9, 1, 4; 11, 1, 2), на селище Узмень в Псковской области (середина — третья четверть I тыс. н. э.) (Минасян 1972: рис. 2, 2).

На северо-востоке — в Приладожье и Прионежье — такая керамика встречена в Белоозере X–XII вв. (Голубева 1973: 146, рис. 53, 15, 16, 32) и на памятниках Белоозерья IX–XII вв. (Крутик, Васютино, Никольское I, V, VI, курганы у хутора Стан и у с. Бустрыгино) (Макаров 1989: табл. 2, 3, рис. 2, 7–23; 1991: 133, рис. 3, 7–13; Голубева 1973: 54, рис. 8, 3, 5; Башенькин 1986А: т. 2, рис. 43, 10). Нередки они и в материалах Приладожской курганной культуры X–XII вв. (Шангеничи-лес, Гайгово-1, Нюбиничи, челмужские курганы побережья Онежского озера) (Спиридонов 1989: 305, 307, рис. 2, 5; 3, 5; 4, 1, 6; 1985: рис. 1, 1; 1986: рис. 1, 4, 10; 2, 7; Кочкуркина 1972: 108, рис. 5; Кочкуркина, Линецкий 1985: 128, рис. 55, 4).

На территории Верхнего Поволжья, включая Суздальское Ополе, баночные сосуды встречены на Тимерёвском поселении IX–XI вв. (Седых 1982: рис. 49, 1–3, 8) и в погребениях X — начала XI в. Тимерёвского могильника. Исследователи интерпретируют их по-разному — и как славянские, и как финские или скандинавские (Мальм 1963: рис. 24, 5; Смирнова 1987: рис. 1, 1, 10, 11; 2, 8, 13, 14; 4, 6; 5, 1, 15, 16; Дубов, Седых 1992: 118, рис. 2, 5). Известны они также на мерянских и славянских селищах второй половины I — начала II тыс. н. э. в районе оз. Неро (Леонтьев 1984а: рис. 2, 7, 19; Исланова 1982: рис. 4, 7–9), на селище Гнездилово X — начала XII вв. под Суздаlem (Лапшин 1991: рис. 1, 2, 7), в самом Суздаle в слоях X в. (Лапшин 1991а: рис. 1, 11, 8; 2, 6).

На территории Финляндии баночные сосуды известны на протяжении всей эпохи викингов (Gleve 1978: pl. 13, 203, 217; 16, 226; 18, 289, 290; Lehtosalo-Hilander 1982, v. 82.1: 378, 408, 414, 421, 426, 430, 479, pl. 16, gr. 35; 46, gr. 118; 56, gr. 155; 59, gr. 183; 64, gr. 225; 59, gr. 280; 117, gr. 389). На Аландских островах они встречены в курганах VII–XI в. (Kivikoski 1963: 134). Они широко представлены в материалах Швеции эпохи викингов (группы AIII:2, AIV:2b, AIV:2c, AIV:4a, по Д. Селлинг) (Selling 1955: 13), в частности, среди погребений Бирки (gr. 9, 155, 214, 306, 335, 370, 644, 807, 845, 906, по Х. Арбману) (Arbman 1940: taf. 228, 2, 3, 5; 241, 3; 245, 1–5; abb. 50, gr. 306).

Как видим, баночные сосуды имеют очень широкий круг аналогий на памятниках Северо-Западной Руси, Юго-Восточной Эстонии и Финляндии. В меньшем количестве они известны на Северо-Востоке Руси. Некоторые исследователи связывают их с финно-угорскими древностями, преимущественно прибалтийско-финскими (Седов 1974: 26; 1982: 50). Однако необходимо отметить, что сосуды так называемых баночных форм имеют специфические особенности, характерные для отдельных регионов. Например, баночные сосуды удлиненных пропорций с вертикальными или слабопрофилированными стенками чаще встречаются в КПДК, керамический комплекс которой, по мнению одних археологов, близок памятникам типа Тушемли–Акатова (Минасян 1979; Белецкий 1979: 10), а по мнению других, имеет аналогии в синхронных прибалтийско-финских древностях Юго-Восточной Эстонии (Шмидехельм 1959: 164, табл. II, 1, 2; Лаул 1971: 323, 324).

Баночные сосуды Белозерья отличаются от аналогичных сосудов Эстонии и северо-западных областей России своими пропорциями (Макаров 1991: 162, 163, сноска 31). В Северо-Восточной Руси они более приземисты, часто имеют выделенную шейку и слабовыпуклые плечики. Прототипы их имеются на памятниках позднего железного века этой территории (в частности, в материалах дьяковской культуры) (Лапшин 1991а: 130, 131).

При таком состоянии изученности материала и многообразии аналогий необходимо идти по пути определения особенностей, характерных для керамики отдельных регионов, указывая характерное для них соотношение выделенных типов и вариантов и возможную связь с памятниками предшествующего времени. Сравнение баночной керамики различных регионов даст возможность подойти к выводам культурного порядка.

В Ладогe, как можно наблюдать, встречены баночные сосуды с вертикальными стенками (тип 4А) и с выделенной шейкой (тип 4Б). У последних отмечено как слабовыпуклое плечико, так и четко выраженное, иногда оформленное в виде ребра. Известны сосуды вытянутых пропорций и приземистые (см. тип ФV). Они объединены в один тип по соотношению $D_3 : D_2$, а если положить в основу классификации только оформление верхней части сосуда, то они могли бы быть отнесены и к слабопрофилированным (подтип 4А), и к реберчатым (подтип 4Б) сосудам. Это указывает на то, что происхождение данного типа вряд ли может быть интерпретировано однозначно.

Следует отметить, что с середины IX в. (горизонт E₂) количество баночных сосудов в Ладогe увеличивается (за счет подтипа 4А), однако в целом этот тип не является преобладающим (14,99 % в горизонте E₁ в начале X в. — максимальное количество) (табл. III.13). Н. А. Макаров отметил увеличение количества сосудов этого типа в Белоозере начиная со второй половины X в. (Макаров 1989: 88, табл. 3), а их массовые находки по всему Белозерью, совпадающие с широким распространением украшений прибалтийско-финских типов — с рубежа X–XI вв. (Макаров 1991: 162). Им было высказано предположение о продвижении в Белозерье в конце X в. части носителей культуры псковско-новгородских длинных курганов, которое могло способствовать развитию западных форм в посуде этого региона (Там же: 163).

Раскопками А. Н. Башенькина на территории Вологодской области оказался выявлен целый пласт памятников, относящихся к культуре псковско-новгородских длинных курганов (могильники Усть-Белая IV, Любахин I, Варшавский Шлюз I, II,

Куреваниха III, поселение Варшавский Шлюз III) и датирующихся V–VI вв. (Башенькин 1993: 136–139). Эти данные вступили в противоречие с общепринятой схемой распространения КДК с запада. Они дали основание для важного вывода о том, что эта культура сформировалась, видимо, одновременно в нескольких регионах, что и было подтверждено исследованием Е. Р. Михайловой (Михайлова 2009: 14, 15; 2014).

Сосуды типа 5 (слабопрофилированные) (рис. III.16) широко распространены на памятниках Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. Ближайшие аналогии известны в погребениях и на поселениях культуры псковско-новгородских длинных курганов V/VI–IX вв. (Седов 1974: табл. 20, 1, 5; Носов 1981a: рис. 3, 1–3; Попов 1987: рис. 2, 8–12, 13–18; Исланова 1991: рис. 3, 5, 7; Исланова 1991a: рис. 1, 3, 4). Встречена подобная посуда и в материале КСДК VIII — начала XI в. (Цурковка, Гнёздово) (Шмидт 1958: 167, рис. 5, 1 (курган 2, погребение 1); Пушкина 1973: 88, табл., гр. I, тип 1). Имеются аналогии в керамике памятников типа Тушемли–Банцеровщины (третья четверть I тыс. н. э.) (Третьяков 1963: 69, рис. 29, 5, 6; Минасян 1972: рис. 2, 1; Шмидт 1963: рис. 11, 1, 2; Лопатин 2018: 55, 58, рис. 1, 5–9; 4).

Слабопрофилированные сосуды встречены в могильниках КПДК Юго-Восточной Эстонии (вторая половина I тыс. н. э.) (Аун 1980: 78, рис. 16, 8, 10), в восточнолитовских курганах второй половины I тыс. н. э. и на синхронных им поселениях (Гуревич 1962: 58, 61, рис. 45, 2, 4, 6; 48, 4, 6). Известны они и в материалах культуры сопков (VIII–X вв.) (Седов 1970: табл. XIII, 4; Петренко 1977: 56, рис. 1, 6; Носов, Плохов 1989: рис. 2, 16–18; 1991: 144, 147, 148, рис. 7, 3; 10, 8–11; 11, 1–3, 6–13; 1994: рис. 4, 1; Концевский 1991: 116, рис. 7, 16, 17; Орлов, Аксенов 1962: 167, рис. 3 (нижн.); 4), а также в Новгороде X в. (Смирнова 1976: рис. 2, VI; 3, IV, A, B; Плохов 2009: рис. 7, 9) и на Рюриковом городище IX–X вв. (Носов 1977b: 96, рис. б/н, 1; 1990: 137, рис. 56, 6, 8, 10; Плохов 2005: табл. 54, 4; 55, 4; 56, 16).

Слабопрофилированные сосуды встречены среди керамического материала Городка на Ловати (X — начало XI в.) (Горюнова 1974: 76, рис. 24, 10; 1991: 64, 66, рис. 9, 1; 11, 1; 2016: рис. 11, 1, 2), Пскова Б и В, по С. В. Белецкому (здесь 18,8 % составляет группа слабопрофилированных, тюльпановидных и баночных сосудов) (Белецкий 1980: 6, рис. 3, 12–14, 19, 20; 1983: 55, рис. 6), Камно (последняя четверть I тыс. н. э.) (Белецкий 1977: 93, рис. 1, 1), Изборска (VIII(?)–X вв.) (23 %, по В. В. Седову) (Седов 1978: 65, рис. 1B; Белецкий 1996: 25, рис. 2, 2, 4; 3, 1, 2, 4, 6; Лопатин 2007: 220, 221, рис. 3, 5; 4, 5, 6), Городца под Лугой (IX(?)–XII вв.) (Лебедев 1973: 75, рис. 24).

В Мстинско-Моложском междуречье слабопрофилированные сосуды встречены не только на памятниках последней четверти I тыс. н. э. — поселениях Бережок (Исланова 1997: 232–240, рис. 97, 19; 100, 7, 9; 101, 5, 8; 105, 9, 10, 12), Иловец 2, Еськи, Узмень, Белый городок (Исланова 1991a: 47), но и в предшествующее время — на селище Юрьевская Горка, датируемом третьей четвертью I тыс. н. э., в материалах которого (в том числе и в керамике) прослеживается раннеславянский компонент (Исланова 1997: 90, 127, 178, 179, рис. 36; 37, 1–7, 9, 10). Известна подобная посуда также в длинных курганах и в курганах с кремацией и ингумацией: Шихино, Мотыли, Усть-Кеза. Она доживает на водоразделе Мсты и Волги до XII в. (Исланова 1991a: 47).

В небольшом количестве подобная керамика встречается на памятниках Северо-Востока: в Гнездилово (X — начало XII в.) (Лапшин 1991: 128, рис. 1, 1, 3),

Суздале (в слоях X в.) (Лапшин 1991а: 137, 138, рис. 1, 1, 2; 2, 9–11), в Тимерёвском могильнике (X в.) (Смирнова 1987: 97, рис. 5, 7, 8, 13), на селище Шурскол II (X–XII вв.) (Исланова 1982: 189, рис. 4, 27; Леонтьев 1984а: 27, рис. 2, 19), Сарском городище (от VI–VII до X — начала XI в.) (Леонтьев 1984а: 27, рис. 2, 7) (здесь она связывается с пришлым, славянским, компонентом).

В. В. Седов относит слабопрофилированную керамику к пражскому типу, на основании чего делает вывод о расселении славян на Северо-Западе в середине I тыс. н. э. (Седов 1978: 64; 1982: 51). Возможно, часть слабопрофилированных сосудов, действительно, относится к пражскому типу. Но когда в распоряжении археологов чаще всего имеются фрагменты, по которым восстановить форму всего сосуда можно только с некоторой степенью вероятности, то к слабопрофилированным могут быть отнесены и сосуды других типов. Например, С. В. Белецкий выделил в керамическом материале Пскова керамику «строительных пропорций», куда вошли сосуды пражского типа, баночные и тюльпановидные (Белецкий 1980: 3–6), и связал ее с носителями культуры длинных курганов, которая в третьей четверти I тыс. н. э. представлена в нижнем Повеличье и Причудье характерными погребальными памятниками (Белецкий 1996: 37–43).

Горшки с S-образным профилем типа 3 по классификации фрагментов сосудов (могут быть сопоставлены с типом ФVI) (рис. III.14, 1; III.16) известны в длинных и круглых курганах Смоленского Поднепровья, в Верхнем Подвинье и Повеличье (Шмидт 1958: 167, рис. 5, 2; 1963: 184, рис. 4; Пушкина 1973: 88, табл., гр. II; Каменецкая 1977: 9; 2019: 198, рис. 67, 3; Седов 1969: 94, рис. 41, 10; 1974: табл. 22, 3, 7, 8; Ширинский 1970: 116, рис. 2, 2–4; Соловьева 1970: 99, рис. 1, 1, 3), в восточнолитовских курганах (вторая половина I тыс. н. э.) (Гуревич 1962: 61, рис. 48, 2) и на синхронных памятниках Юго-Восточной Эстонии (Аун 1976а: рис. 3, 12, 13).

Подобные сосуды найдены в слоях многих древнерусских городов: Полоцка (IX — начало X в.) (Штыхов 1975: 30, рис. 16, 8, 9; Еремеев 2015: 86, рис. 55; 100, 66, 2, 3), Лукомля (Еремеев 2015: 51, рис. 31, 2), Витебска (VIII–IX вв.) (Штыхов 1978: 38, рис. 14, 2–4; Еремеев 2015: 31, рис. 9, 2, 5), Городка на Ловати (X — начало XI в.) (Горюнова 1974: рис. 24, 3–5; 1991: рис. 7, 3, 4, 6, 7), Городца под Лугой (IX(?)–XII вв.) (Лебедев 1973: 75, рис. 24), Пскова (конец IX — начало XI в.) (Белецкий 1983: 55, рис. 5, 1, 3, 5, 7), Изборска (VIII–X вв.) (Седов 1978: 65, рис. 1, А; Белецкий 1977: рис. 1, 2, 4; 2, 2; Лопатин 2007: рис. 3, 1, 2; 4, 4), Новгорода X в. (Смирнова 1976: 6, рис. 3, V, VII; Плохов 2009: рис. 1, 1, 8; 3, 1, 6, 8). Известны они на Рюриковом городище (IX–X вв.) (Носов 1990: 137, рис. 56, 14–16; Плохов 2005: табл. 56, 2–4, 6, 7), в Новых Дубовиках (IX–X вв.) (Носов 1976: 78, рис. 1, 5), на селище Узмень в бассейне Мологи в слоях X–XI вв. (Леонтьев, Пронин 1978: 281, рис. 6, 3, 6, 7), в Тимерёве (поселение и могильник, IX–XI вв.) (Седых 1982: 246, рис. 49, 4, 5; Дубов, Седых 1992: 119, рис. 4, 10, 11; Дубов 1976: рис. 2, 35), селище Шурскол II (X–XII вв.) (Исланова 1982: 189, рис. 4, 1, 2, 4, 5, 21), в челмужских курганах на побережье Онежского озера (X–XI вв.) (Спиридонов 1989: 307, рис. 4, 2), на Белоозере в слоях конца X — начала XI вв. (типы IV и V, по Л. А. Голубевой, — славянские) (Голубева 1973: 146, рис. 53, 20, 23). Подобная керамика широко распространена в конце I тыс. н. э. не только на Северо-Западе, но и в других регионах Восточной Европы. Горшки с S-овидной верхней частью составляют основу керамического комплекса роменско-боршевской культуры (Ляпушкин 1958: 32, 33, рис. 18, 1–3, 5).

Аналогии типу ФVII — мискообразным сосудам (рис. III.14, 1) — встречаются широко, но на отдельных памятниках их количество обычно невелико. Подобные сосуды найдены в кургане ухутора Стан на р. Суде (XII в.) (Голубева 1973: 54, рис. 8, 1, 2), в челмужских курганах X–XI вв. (Спиридонов 1989: 307, рис. 4, 3), на пос. Крутик в Белозерье (вторая половина IX — X в.) (Макаров 1991: рис. 5, 5, 6, 9, 12), в курганах с трупосожжением у с. Нестеровичи в бассейне р. Мсты (вторая половина I тыс. н. э.) (Конецкий 1991: 116, рис. 7, 19, 20), в Городке на Ловати (Горюнова 2016: рис. 74, 6; 75, 3; 92, 7), в длинном кургане у дер. Гурки в бассейне р. Вилии (Седов 1974: табл. 21, 10), в сопке, исследованной Н. Н. Гуриной в 1952 г. близ Волховстроя (фонды ГЭ, кол. 852). В более раннее время они известны на селище Юрьевская Горка, где составляют не более 5 % (Исланова 1995: 184, рис. 1, 6, 7). Встречены они также в материалах дьяковской культуры в слоях III–VI вв. (Розенфельдт И. 1971: 25, рис. 10, 16). И. В. Исланова связывает наличие таких сосудов в материалах третьей четверти I тыс. н. э. с развитием местных дьяковских традиций (Исланова 1995: 184).

Аналогии единственному сосуду, отнесенному к типу ФVIII (рис. III.14, 1) (найден в горизонте E₁) встречены в керамике пражско-корчакского типа, в частности, в материалах верхнего слоя городища Хотомель, датировемого VIII–X вв. (Русанова 1976: 17–19, рис. 6, 7, 12). Похожая керамика составляет примерно 23 % на селище Юрьевская Горка (тип III, по И. В. Ислановой) (Исланова 1995: рис. 3, 7, 10), где связывается со славянским компонентом. В единичных экземплярах аналогии можно встретить среди материалов Бирки²⁰.

Сосуды, аналогичные типу б (с загнутым внутрь венчиком) (рис. III.16) и мискам типа Ф_м II (рис. III.14, 2), встречены в Ладоге в небольшом количестве: четыре фрагмента (0,5 % от числа определимых верхних частей сосудов) и один миниатюрный сосудик найдены на Земляном городище; четыре фрагмента (1,2 %) и два целых сосуда — в раскопе на Варяжской улице. На Земляном городище такая керамика встречена в горизонтах E₃₋₁ (первая треть IX в.) и E₁ (вторая половина IX — первая четверть X в.), в раскопе на Варяжской улице — в слоях первой половины и третьей четверти X в. (штыки 13, 10, 8, 7). Зафиксировано два вида таких сосудов: вид А — небольшие мисочки, вид Б — округлобокие горшки.

В литературе керамика с загнутым внутрь венчиком часто считается скандинавской. Д. Селлинг, подробно проанализировав керамику памятников Швеции, отнесла такие сосуды к группе местной керамики (группа AIV), которая составляет значительный процент на памятниках Швеции и существует на протяжении всей эпохи викингов, то есть в пределах 800–1200 гг. (наибольшее количество приходится на период с 875 по 1000 г.). Автор прослеживает истоки данной формы на памятниках более раннего времени (Selling 1955: 13, abb. 1, gr. AIV, 3a1; 166–174, taf. 49, 6; 50, 4). Подобная керамика встречена также на Аландских островах (Kivikoski 1963: taf. 38, 11; 1980: pl. 3, 3).

На территории Восточной Европы аналогичная керамика встречена в кургане Гайгово-1 на р. Ояти (женское трупосожжение) (Спиридонов 1985: 199, рис. 2, 8; 1986: 26, рис. 2, 3), поселении Крутик IX–X вв. (Макаров 1991: 143, рис. 6, 1–4), на Сарском городище (с VI–VIII по X — начало XI в.) (Эдинг 1928: 47, рис. 10, А),

²⁰ Благодарю Н. И. Платонову за возможность ознакомиться с рисунками керамики, хранящейся в Историческом музее Швеции (Стокгольм).

в Суздале в слое X в. (Лапшин 1991а: 137, рис. 1, б), на селище Шурскол II (X–XII вв.) (Исланова 1982: 189, рис. 4, 10), городище Попово на р. Унже (VII–IX вв.) (Самойлович 1989: 108, рис. 1, 1), городище Гурья-Кар в бассейне р. Чепцы (IX–XIII вв.) (Иванова 1982: 21, рис. 12, 9), в Тимерёве (поселение и могильник, IX–X вв.) (Седых 1982: 246, рис. 49, 16, 17; Мальм 1963: 50, рис. 24, 8; Смирнова Л. 1987: 93, рис. 2, 2–5).

В Тимерёвском могильнике (так же, как и в кургане Гайгово-1) подобная керамика встречена в погребениях, в инвентаре и погребальном обряде которых прослеживаются скандинавские черты (Смирнова Л. 1987: 95; Спиридонов 1986: 26). Погребения с такими сосудами из Тимерёвского могильника датируются, по Л. И. Смирновой, «X в., чаще второй половиной X в.» (Смирнова 1987: 95), по В. Н. Седых — с IX по начало XI в. (Седых 1988А: 143). На поселении они встречены в комплексах середины — третьей четверти X в. или X в. в целом (Седых 1985: 69, 71, рис. 14, 5). Исследователи этого памятника по-разному определяют количество в нем скандинавских захоронений (ср.: Фехнер 1963; Дубов 1982). По мнению И. В. Дубова, к середине X в. «происходит сильное размывание этнических черт обрядности — погребальный ритуал становится стандартным, но объединяющим в себе разноэтнические черты», и даже если в погребении находятся предметы материальной скандинавской культуры, нельзя однозначно утверждать, что здесь погребен норманн (Дубов 1982: 54, 55).

Кроме того, по справедливому замечанию Л. И. Смирновой, «безоговорочно признать сосуды с загнутым внутрь венчиком скандинавскими мешает тот факт, что эта форма весьма распространена и среди волго-окских древностей, как примерно синхронных тимерёвским, так и несколько более ранних» (Смирнова Л. 1987: 95). Действительно, в Поволжье подобная посуда встречена на памятниках мери (Попадьинское селище, VI–VII вв.) и муромы — Подболотьевский (VI–XI вв.) и Максимовский (IX–X вв.) могильники, Тумовское селище (IX — начало XI в.) (Горюнова Е. 1961: 86, 110, 180, рис. 32, 2; 79, 21), а также в Безводнинском могильнике (V — первая половина VIII в.) (Краснов 1980: 113, 218, рис. 52, 3; 57, 5, 6; 73). В дьяковской культуре можно найти аналогии обоим выделенным вариантам (А и Б) типа 6 (Розенфельдт И. 1971: 13, 25, рис. 1, 24 (аналогичен типу 6Б, датируется V–VI вв.; рис. 10, 12а, 13а (аналогичны типу 6А, датируются III–VI вв.)).

В. Н. Седых относит к собственно скандинавским формам найденные в Тимерёвском комплексе округлобокие горшки, у которых диаметр дна приблизительно равен диаметру венчика, а максимальный диаметр превышает высоту (Седых 1982: 194, 246, рис. 49, 16, 17), то есть аналогичные типу 6Б ладожской керамики (единственный фрагмент из горизонта E_{3-1} ; шифр ЛДГ-87). Такие сосуды на территории Восточной Европы встречены также на селище Шурскол II, городище Гурья-Кар и в материалах дьяковской культуры (например, на городище Орлов Городок (Исланова 2011а: 83, рис. 1, 11–19).

В. Н. Седых подчеркивает, что скандинавскими следует считать сосуды «определенных пропорций, происходящих из комплексов определенного времени и определенного круга древностей» (Седых 2001: 153). Сосуд, идеально подходящий под указанные В. Н. Седых пропорции, найденный на городище Орлов Городок, имеет сетчатую поверхность и относится к стилю А, по И. В. Ислановой, который в основном распространен в V–III вв. до н. э., хотя иногда встречается и позднее (Исланова 2011а: 62, 65, рис. 2, 3). В Ладoge, как уже упоминалось, под такие

пропорции может подходить только один фрагмент керамики. Учитывая это обстоятельство, необходимо отметить, что очень похожие сосуды найдены в материалах круга Заозерье–Узмень: Ермошино (Лопатин, Фурасьев 2007: 146, рис. 64, б) и Тушемле (Там же: 99, рис. 50, 14), относящихся к IV–V вв. н. э. Что касается контекста, то в Ладогe, на Рюриковом городище, в Гнёздове, где скандинавский компонент в культуре прослеживается достаточно четко и не вызывает сомнений у исследователей, такие сосуды встречены в единичных экземплярах (Носов и др. 2005: 80, табл. 58, 5; 2017: 236, рис. 136, 1; Каменецкая 2019: 145, 200, рис. 14, 4; 69, 1). Даже в скандинавском могильнике Плакун сосуд, который В. Н. Седых приводит в качестве аналогии (Назаренко 1985: 167, рис. 7, 1), не совсем подходит под его собственное описание керамики этого типа. В. Н. Седых не указывает точное количество «скандинавских» сосудов из Тимерёвского комплекса, Петровского и Михайловского могильников. Создается впечатление, что в Ярославском Поволжье (а возможно, шире — на территориях, где подобные формы известны с более раннего времени) керамика с загнутым внутрь венчиком встречается чаще, чем на памятниках Северо-Запада, связанных с важнейшими трансъевропейскими торговыми путями последней четверти I тыс. н. э.

На сегодняшний день связь такой керамики исключительно со скандинавами неочевидна. Надо учитывать также неоднородность посуды: в этой группе присутствуют и миски, и округлобокие горшки. Фрагментированность и малочисленность такой керамики не позволяют определить соотношение отдельных её видов. Как в Швеции, так и на территории Восточной Европы сосуды с загнутым внутрь венчиком имеют прототипы на памятниках первой половины I тыс. н. э. и более ранних.

Аналогии *сосудам типа 7* (рис. III.16) встречены во Пскове: здесь подобная керамика относится к предкруговой и примитивно-круговой (Белецкий 1981: 59, рис. 24; 1983: 57, рис. 10, 1, 3–5, 9). В Суздале аналогичные сосуды найдены во рвах вместе с раннегончарной керамикой X — первой трети XI в. (Лапшин 1991а: 137–139, рис. 1, 3, 9; 2, 12, 13; 3, б). Целых форм, с которыми можно было бы сопоставить керамику типа 7, в Ладогe не найдено; количество ее здесь невелико: 5 %. В основном она встречена в слоях второй половины IX — X в. (табл. III.14; III.16).

Похожие сосуды известны на памятниках последней четверти I тыс. н. э. в Приильменье и бассейне р. Мсты: на поселениях Георгий (Орлов, Аксенов 1962: 165, рис. 3, нижн.), Золотое Колено (Носов, Плохов 1991: 147, рис. 10, 8; 11, 4, 5), на Рюриковом городище (Носов 1990: 137, рис. 56, 2), а также на городище Камно (Фонды ГМИ СПб., раскопки К. М. Плоткина 1975 г.). Если судить по оформлению верхней части сосудов, то аналогии можно найти и в материалах более раннего времени, например, на городище Банцеровщина (Лопатин 2018: 60, рис. 6, 3, 6, 8, 11) или на селище Юрьевская Горка (Исланова 2019А: рис. 254: 6, 10; 255, 11; 257, 12, 13).

Аналогии *сосудам типа 8 (вид А)* встречаются на поселении Крутик (IX–X вв.), где они отнесены к редким типам (Макаров 1991: 140, 141, рис. 5, 7–9). Н. А. Макаров отметил, что найти точные аналогии подобным сосудам среди синхронных керамических наборов лесной зоны Восточной Европы очень трудно, и высказал предположение, что их «следует рассматривать как древнюю местную форму, бытовавшую вплоть до X–XI вв.» (Там же: 141). В единичных экземплярах сосуды типа 8Б известны на поселении Новые Дубовики IX–X вв. (раскопки Е. Н. Носова 1972 г., СЭ-72/НД-252, хранилище ИИМК РАН), в Холопьем городке (Носов,

Плохов 2005: 349, табл. 177, 10), в Изборске VIII–X вв. (здесь они имеют лощеную поверхность) (Седов 1978: 65, рис. 2В), в приладожских курганах X–XII вв. (Спиридонов 1986: 26, 131, рис. 2, 1, 2; 73, табл. 59, 8, 9).

Чаши, найденные на Псковщине, находят аналогии в подлощенной керамике типа Рыуге и в прибалтийско-финских древностях (Белецкий 1980: 7; Аун 1976а: 353, рис. 4, 5–11; Финно-угры и балты... 1987: 255, табл. VII, 29). Е. И. Горюнова относилась к сосудам, подобные виду Б, происходящие из Волго-Окского междуречья, к мерянско-камскому типу (Горюнова Е. 1961: 131). Я. В. Станкевич считала так называемый наплыв-ребро деталью, характерной для гончарного производства финского населения Приладожья (Станкевич 1951: 234). По мнению Д. Селлинг, чаши с уступчатым профилем, в незначительном количестве встреченные в Швеции, происходят из Финляндии (Selling 1955: 204–208, тип AIV:4с).

Аналогии *мискообразным сосудам типа 9* (соотносимым с сосудами типа ФVII по типологии целых форм или с мисками типа Ф_м I) (рис. III.14, 1, 2; III.16) известны довольно широко, хотя на отдельных памятниках они чаще всего представлены незначительным количеством экземпляров. В Приильменье они датируются последней четвертью I — началом II тыс. н. э. (Рюриково городище, Холопий городок, Васильевское, Нестеровичи) (Носов 1990: 182, рис. 70, 14; Носов, Плохов 1997: 136, рис. 5, 6; 2005: табл. 57, 1–5; 151, 3; 154, 9; 185, 5; Конецкий 1991: 116, рис. 7, 12), а на памятниках Мстинско-Моложского междуречья — второй половиной I — началом II тыс. н. э. (Исланова 1991а: 51, рис. 3, 8–11). В бассейне р. Великой такая керамика встречена в слоях последней четверти I тыс. н. э.: во Пскове (Белецкий 1983: 56, рис. 7, 8, 10; 9, 6, 9, 10), Изборске (Седов 1978: 65, рис. 2Б; Белецкий 1996: 25, рис. 4, 5, 9, 10; 5, 2), на городище Камно (Белецкий 1977: 94, рис. 2, 3, 4; Фонды ГМИ СПб., раскопки К. М. Плоткина 1974 г., К-74/93). В Городке на Ловати и на прилегающем к нему селище она происходит из слоя X — начала XI в. (Горюнова 2016: рис. 38, 4; 39, 1; 40, 2; 74, 6; 75, 3; 92, 7; 77, 7; 127, 1).

Подобные же сосуды найдены в курганах с трупосожжением у с. Нестеровичи в бассейне р. Мсты (вторая половина I тыс. н. э.) (Конецкий 1991: 116, рис. 7, 19, 20), в длинном кургане у дер. Гурки в бассейне р. Вилии (Седов 1974: табл. 21, 10), в сопке, исследованной Н. Н. Гуриной в 1952 г. близ Волховстроя (Фонды Гос. Эрмижа, кол. 852). В более раннее время они известны на селище Юрьевская Горка, где составляют не более 5 % (Исланова 1995: 184, рис. 1, 6, 7; исследовательница связывает наличие таких сосудов с развитием местных дьяковских традиций III–VI вв.).

Подлощенную поверхность имеют аналогичные сосуды, происходящие из памятников Латвии: могильников Боки (V–IX вв.), Леясбитены, 2-й Калниешский (конец VII — начало IX в.), городищ Кентескалнс (VI–VIII вв.) (Latvijas PSR... 1974: 54, табл. 53, 2; Стубавс 1959: табл. VII, 8, 11; Urtāns 1962: tab. XII, 6) и Дигная (Vasks 2006: 115, att. 5, 2, 3).

Подобные сосуды имеются среди материалов поселения Крутик IX–X вв. (Макаров 1991: 140, рис. 5, 4–6, 9, 12), Белоозера X–XI вв. (Голубева 1973: 146, 147, рис. 53, 21, 36), курганов Приладожья X в. (Гайгово, Заозерье) (Спиридонов 1985: 197, рис. 2, 2, 7; 1986: 26, рис. 2, 5) и Костромского Поволжья XI–XII вв. (Леонтьев 1984: рис. 7, 13), в кургане у хутора Стан на р. Суде (XII в.) (Голубева 1973: 54, рис. 8, 1, 2), в челмужских курганах X–XI вв. (Спиридонов 1989: 307, рис. 4, 3), на городище Попово на р. Унже VII–IX вв. (Самойлович 1989: 108, 111, рис. 1, 2, 6, 8, 18; 2, 2),

в Безводнинском могильнике (V — первая половина VIII в.), в Горьковском Поволжье (Краснов 1980: 217, рис. 54, 1), на Попадьянском селище VI–VII вв. (Горюнова Е. 1961: 86, рис. 32, 3), в Елизавет-Михайловском могильнике на р. Цне (IX–XI вв.) (Финно-угры и балты... 1987: 296, табл. XLVIII, 7).

Н. А. Макаров считает мискообразные сосуды широко распространенной формой, бытовавшей в различных этнических средах (Макаров 1991: 141), однако поиск аналогий позволяет прийти к выводу, что их можно связывать как с прибалтийско-финским, так и с восточно-финским кругом древностей.

Глиняные сковородки встречаются на раннесредневековых памятниках Северо-Запада в незначительном количестве. Аналогии сковородкам типа Ф_с I (рис. III.14, 3) обнаружены во Пскове (Псков Б, по С. В. Белецкому, датируемый третьей четвертью I тыс. н. э.) (Белецкий 1980: 6, рис. 3, 23; Белецкий 1983: 54, рис. 4, 11, 12), на городище Сторожинец (Попов 1987: 50, рис. 2, 21), на Рюриковом городище (IX–X вв.) (Носов 1990: 135; Плохов 2005: табл. 58, 1, 2), в Гнёздове (IX–XI вв.) (Пушкина 1973: 88, табл., III гр.), на некоторых поселениях второй половины I тыс. н. э. в междуречье Мологи и Мсты (Исланова 1991а: 45), во Владимире (Воронин 1954: рис. 1, 12–14), на Сарском городище (от VI–VII до X — начала XI в.) (Эдинг 1928: 47, рис. 10, Д), Тимерёвском поселении IX–XI вв. (1,75 %) (Седых 1982: 193; 1988А: 124). Они представляют собой плоские диски разного диаметра с небольшим бортиком.

Значительный процент среди всей керамики составляют сковородки на городище Новотроицком (Ляпушкин 1958: 42). Как было отмечено выше, в раскопе на Варяжской улице найден фрагмент сковороды, имеющей сравнительно высокий бортик (тип Ф_с II, рис. III.14, 3). Он аналогичен по форме и размеру некоторым сковородкам городища Новотроицкого (Ляпушкин 1958: 33, 42, 43, рис. 18, 6; 24, 7, 8). Один фрагмент сковороды с высоким бортиком найден в Новгороде (Смирнова 1976: 3, 5, рис. 2).

Аналогии сковородкам из Ладоги встречены в верхних слоях ряда дьяковских и городецких городищ середины — второй половины I тыс. н. э. (Щербинское, Старая Рязань, Казарское и др.). Здесь известны как глубокие сковородки с высоким бортиком, так и со слегка приподнятым краем, но в целом их количество невелико (Розенфельдт И. 1974: 131–133).

Появление сковородок в керамическом комплексе памятников Северо-Запада некоторыми исследователями связывается с приходом славянского населения (Плохов 1992: 122; Конечский 1992: 19; 1995: 35).

КЛАССИФИКАЦИЯ И ДАТИРОВКА РАННЕГОНЧАРНОЙ КЕРАМИКИ

После выхода в свет фундаментальной монографии Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси» среди исследователей утвердилось мнение, что появление круговой керамики на Северо-Западе Руси относится к середине X в. (Рыбаков 1948: 97). Долгое время все вопросы, связанные с этим сюжетом, решались на материалах Ладоги, Новгорода и Пскова. В последние десятилетия в связи с исследованием целого ряда памятников, имеющих слои IX–X вв., содержащие представительный набор раннегончарной керамики, наиболее значительными из которых являются Рюриково городище (ценность этого памятника значительно возросла после получения серии дендродат) и Городок на Ловати, источниковая база существенно расширилась.

Е. Н. Носов, исходя из материалов Новгорода, Ладоги, Рюрикова городища и небольших поселений Приильменя и Поволховья, отнес процесс вытеснения лепной керамики круговой к первой половине X в., а первое появление гончарной керамики — к рубежу IX–X вв. (Носов 1977: 11, 12; 1990: 149).

Изучением раннекруговой керамики Северо-Запада Руси плодотворно много лет занимается В. М. Горюнова. Исследовательница впервые предприняла попытку выявить особенности комплекса раннекруговой посуды Северо-Запада, провести сравнительный анализ материалов отдельных памятников и проследить генезис основных форм. На материалах Земляного городища Старой Ладоги (раскопки 1940–1950-х гг.) ею были выделены три формы «горшков с отчетливыми следами подправки на гончарном круге» (Горюнова 1982: 40, 41). Исследуя материалы Рюрикова городища, В. М. Горюнова пришла к выводу, что «единичные, невыразительные фрагменты стенок раннегончарных сосудов» появляются в 8–10 пластах, датированных по дендрохронологии рубежом IX–X вв. В 5–7 пластах (даты: 910 и 944–947 гг.) «появляется раннегончарная керамика 1-й и отдельные типы 2-й группы» (Горюнова 1995: 100). Исследовательница уделила много внимания влиянию западнославянской керамики на формирование раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси. Ею были выделены как импорты, так и подражания, а также местные гибридные формы (Горюнова 1982; 1994; 2007; 2011; 2016: 32). Она также определила типы посуды и характерные признаки профилировки венчиков в качестве хронологических индикаторов X — первой половины XI в. (Горюнова 2009).

А. Н. Кирпичников и В. А. Назаренко по материалам раскопок в Ладоге на Земляном городище в 1984–1991 гг. сделали заключение о появлении гончарной керамики в первой половине X в. (900–940 гг.) (Кирпичников, Назаренко 1997: 78).

Следует отметить, что в литературе термин «раннегончарная керамика» используется в двух значениях: хронологическом и технологическом. В первом случае имеется в виду керамика, представленная типами, «характерными для X в.» (Конецкий 1991: 102). В качестве эталона берется подробная классификационная схема керамики Новгорода, разработанная Г. П. Смирновой (Смирнова 1956), а также материал погребальных памятников. Во втором случае подразумевается, что сосуд изготавливался с помощью приемов скульптурной лепки, а круг использовался для частичного профилирования верхней части, заглаживания поверхности или нанесения орнамента.

В настоящей работе термин «раннегончарная керамика» используется во втором, технологическом, значении. Производство такой керамики соответствует второму или третьему этапу в развитии функций гончарного круга (РФК-2 и РФК-3, по А. А. Бобринскому) (Бобринский 1978: 27).

Подобная посуда в Ладоге встречена в очень незначительном количестве: 49 фрагментов (в том числе 34 венчика) и пять целых сосудов в раскопе на Варяжской улице и 27 фрагментов (в том числе 19 венчиков) на Земляном городище, где все они относятся к горизонту Д. Очень быстро такая керамика сменяется развитой круговой посудой, при изготовлении которой гончарный круг использовался для конструирования и профилирования сосуда (РФК-6 и РФК-7, по А. А. Бобринскому) (Бобринский 1978: 27).

На то, что гончарная керамика на Севере Руси появляется внезапно, без промежуточных стадий, обратил внимание еще Б. А. Рыбаков (Рыбаков 1948: 165).

Для Ладоги эту особенность отметили А. Н. Кирпичников и В. А. Назаренко (Кирпичников, Назаренко 1997: 79). Такая быстрота обусловлена, скорее всего, естественным ходом развития гончарного производства: появление простейшей поворотной подставки или круга сразу резко повышает производительность труда. При подсчете времени, затрачиваемого на производство одинакового количества сходных по форме и объему изделий гончаром, работающим на круге, и гончаром, изготовлявшим их от руки, было отмечено, что в первом случае выигрыш во времени составляет 6–8 раз (Сайко 1982: 97, 98).

Сказать с определенностью, на каком гончарном круге изготовлена керамика, не представляется возможным. А. А. Бобринский вынужден был признать, что не всегда можно твердо установить, где, как и когда была изготовлена керамика, и что признаки, характерные для ручного круга легкого и тяжелого типов и ножного гончарного круга, выделенные М. В. Воеводским (Воеводский 1930: 57, 58), ненадежны (Бобринский 1962а: 39, 40; 1978: 37–44). Изучение археологического и этнографического материала позволило А. А. Бобринскому предположить, что одной из наиболее ранних конструкций гончарных кругов, появившихся на Северо-Западе, был ручной круг легкого типа с грибовидной формой диска (Бобринский 1961: 68, 69). Детали от дисков грибовидной формы найдены в Новгороде в слоях XI–XII вв.; диски от поворотных столиков найдены в Новгороде и Пскове в слоях XI в.; детали от ножного круга с подпятником известны по находкам в Новгороде (X–XI вв.) и Пскове (XII в.) (Бобринский 1962: 48–52). В Старой Ладоге, по определению А. А. Бобринского, найдена керамика со следами формовки на ручном круге с грибовидным диском, на ручном круге с плоским диском (так называемом поворотном столике) и на ножном круге со спицами (в слоях XI–XII вв.) (Бобринский 1962: 46, 47, рис. 16а). Однако следует отметить, что все эти конструкции гончарных кругов оставляют одинаковые отпечатки на днищах сосудов (Там же: 39, 40, 46, 47, рис. 7; 9).

Я. В. Станкевич на основании анализа изменений в технике изготовления ладожской керамики пришла к выводу, что «признаки применения простейшей, еще не совершенной центрированной подставки мы улавливаем частично уже в горизонте E_2 . Более отчетливо это выступает на материале вышележащего горизонта E_1 » (Станкевич 1951: 231). По принятой в то время хронологии В. И. Равдоникаса — Г. П. Гроздилова горизонт E_2 датировался VIII–IX вв., а горизонт E_1 — IX в. (Равдоникас 1951: 34; Гроздилов 1950: 162–166). Более подробно этот сюжет рассмотрен Я. В. Станкевич в специальной статье «К вопросу о появлении гончарного круга у северо-восточных славян» (Станкевич 1962). Автор, используя наблюдения за отпечатками на наружной стороне поверхности днищ сосудов, приходит к выводу, что население Ладоги познакомилось с этим простейшим приспособлением (центрированной подставкой. — *Примеч. Т. С.*) уже в VIII в., но в то же время указывает, что «прибор не получил широкого распространения в домашнем производстве» и что еще долго сохранялись старые традиции (Там же: 440, 441).

Заключение Я. В. Станкевич о появлении круговой керамики в Ладоге в VIII в. нуждается в серьезной корректировке. Во-первых, согласно принятой в настоящее время хронологии напластований Земляного городища, горизонт E_2 датируется 840–860-ми гг. (Рябинин, Черных 1988: 98). Во-вторых, в основе этого заключения лежит находка донца миниатюрного сосудика диаметром 5 см из горизонта E_2 (рас-

копки 1947 г., шифр Л-1399; ил. 9, 1а, 1б)²¹. В центре доньшка имеется углубление в 0,4 см диаметром 3,4 см (Станкевич 1962: 435, рис. 6, 1). В-третьих, этот сосудик изготовлен вручную. Хотя сохранился только фрагмент доньшка, можно сказать, что поверхность сосуда хорошо заглажена, возможно, даже подлощена. Аналогии этому миниатюрному сосудику имеются среди лощенной посуды Троицкого городища (Розенфельдт И. 1971: рис. 10, 25, 26).

Вызывает сомнение, что именно миниатюрный сосуд был одним из первых, изготовленных с помощью поворотной подставки, а затем наступил длительный перерыв более чем на полстолетия, в течение которого керамику продолжали изготавливать ручным способом. Вопреки мнению Я. В. Станкевич, рассматривавшей бортик по краю днища как след диска, наглухо посаженного на ось (Станкевич 1962: 440), А. А. Бобринский считает более правильным связывать появление подобной закраины у круговых сосудов с особенностями укрепления сосудов на плоскости и способами обработки бокового придонного участка (Бобринский 1978: 39). В коллекции из раскопок Н. И. Репникова в 1911 г. имеется фрагмент придонной части сосуда (№ 2082-281) (ил. 3, 5), который был изготовлен на подставке в виде деревянного круга (на днище видны следы волокон дерева). Донце имеет небольшие «наплывы» глины по краю, что придает ему немного вогнутый вид.

Среди керамики, найденной в раскопе 1 на Варяжской улице, обнаружен фрагмент миниатюрного сосудика (штык 10, вторая четверть X в.; шифр САЭ-1976/ЛП-227) высотой примерно 5–6 см, диаметром дна 5 см, причем последнее имеет в центре углубление в 0,3 см диаметром 2 см, которое заманчиво было бы рассматривать как отпечаток оси круга (ил. 112, 5). Однако этот сосудик изготовлен от руки и напоминает небольшие миско- и чашеобразные сосуды, широко встречаемые на памятниках Эстонии (Рыуге, Иру, Асва) (Аун 1976а: 353–355, рис. 4, 12; Lõugas 1967: 87, рис. 5, 5) и имеющие на днищах ямки диаметром 2 см. Они бывают чаще всего округлодонные, но встречаются и плоскодонные. Рассматриваемый сосудик немного меньше по размеру, но имеет такое же углубление на днище.

Анализируя керамику с отпечатками оси круга на днищах, Я. В. Станкевич отметила, что на территории Польши и Чехии она появляется в первой половине X в., в Бирке известна в погребениях конца IX — начала X в. (очень редко — в погребениях начала IX в.) (Станкевич 1962: 422, 423). В Ладоге (раскоп на Варяжской улице) в слоях второй половины X в. (штыки 7 и 8) найдены два фрагмента днищ с отпечатками оси круга, один из которых имеет тройные, частично наложившиеся друг на друга отпечатки (ил. 12). Отмечая присутствие аналогичных следов на дне сосудов из Кёнигсвальда и Бирки (погребение 420), Я. В. Станкевич считала их результатом неправильной центровки сосуда, когда возникающие при вращательном движении круга центробежные силы могли выкинуть его с диска (Станкевич 1962: 428).

Е. А. Рябинин, проследив распределение лепной и гончарной керамики на участке поселения, где горизонт Д стратиграфически четко мог быть разделен на три последовательно сменяющих друг друга уровня, пришел к выводу, что «появление гончарного круга в Ладоге относится... к периоду между 900 и 930 гг. (очевидно,

²¹ В публикации (Сениченкова 2002: 39) по моей вине была допущена ошибка: в действительности Я. В. Станкевич указала шифр сосуда, это именно Л-1399.

ближе к последней дате)» (Рябинин 1985: 36, 37). Что касается раскопа на Варяжской улице, то единичные фрагменты гончарной керамики встречены уже на уровне штыка 13 (рубеж IX–X вв. — начало X в.). Соотношение лепной и гончарной керамики представлено в табл. III.18 и на рис. III.50. Е. Н. Носов и В. М. Горюнова датируют появление гончарной посуды на Рюриковом городище временем, когда в слое фиксируются первые единичные фрагменты такой керамики (Носов 1990: 149; Горюнова 1995: 100; 1997: 168, 174). Однако В. М. Горюнова постоянно отмечает, что даже в культурных напластованиях, не нарушенных перекопами, керамический материал дает некоторую «примесь» от предшествующего или последующего этапа, что может объясняться, в частности, механическими перемещениями слоя, которые археологи не в состоянии зафиксировать (Горюнова 1995: 101; 1997: 174). Видимо, можно с уверенностью говорить о появлении гончарной керамики в раскопе на Варяжской улице в пределах штыков 9–11, когда ее количество достигает 25 %.

Таблица III.18. Соотношение фрагментов лепной и гончарной керамики для раскопа на Варяжской улице (учитывались фрагменты венчиков)

Штык	Лепная		Гончарная	
	Количество, фрагм.	Доля от количества керамики в штыке, %	Количество, фрагм.	Доля от количества керамики в штыке, %
5	28	2,00	1385	98,00
6	116	11,90	854	88,10
7	88	36,70	152	63,30
8	54	50,00	54	50,00
9	29	74,40	10	25,60
10	54	88,50	7	11,50
11	30	90,00	3	10,00
12	44	95,60	1	4,30
13	102	99,03	1	0,97
14	139	100,00	–	—

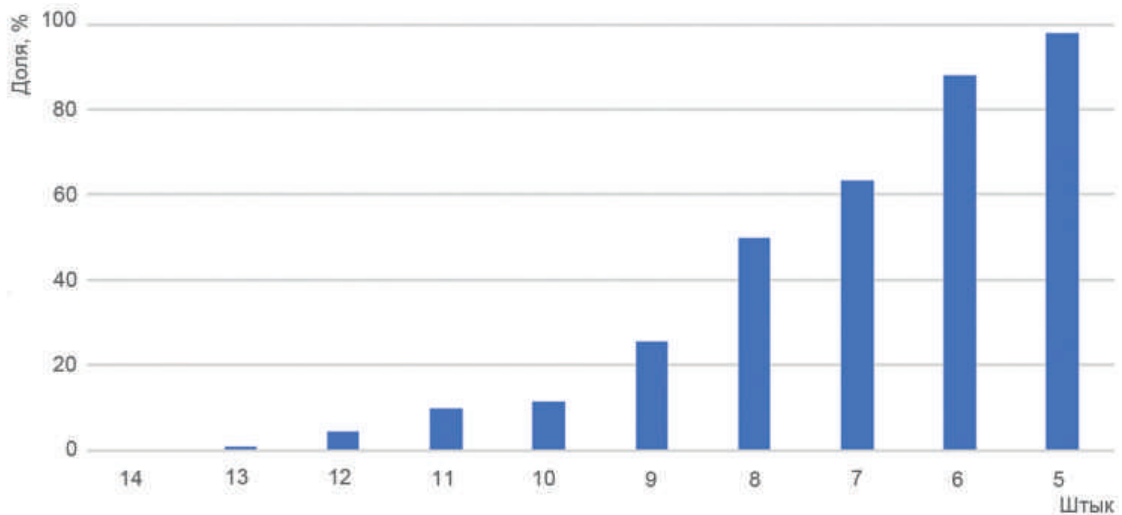

Рис. III.50. Распределение количества гончарной керамики по штыкам раскопа на Варяжской улице

Труднее определить абсолютную дату. Н. Б. Черных датирует постройки штыков 9–11 в пределах второй четверти X в. (Черных 1985а: 122). По данным В. П. Петренко, некоторые постройки штыков 9–11 могут быть датированы первой четвертью X в. (Петренко 1985: 93). На сегодняшний день можно утверждать, что появление гончарной керамики, судя по материалам раскопа на Варяжской улице, следует отнести ко второй четверти X в.

Малочисленность и фрагментарность раннегончарной керамики не позволяют разработать ее детальную типологию. На имеющемся материале можно выделить несколько групп сосудов (рис. III.51).

Группа 1: слабопрофилированные сосуды с выделенной шейкой. Венчик прямой или слегка отогнут наружу. Плечико покатое, плавно переходящее в тулово. Край венчика заглажен или подрезан горизонтально, иногда имеется подтреугольный выступ. Орнамент располагается по плечу. Обычно это ряды параллельных линий или многорядная волна. Реже встречается орнамент по краю венчика (многорядная волна). Встречено шесть фрагментов венчиков. Прототипы этой посуды представлены среди лепной керамики типов 5А и 5Б.

Аналогии сосудам группы 1 известны среди раннекруговой керамики Новгорода (Смирнова 1956: 235, табл. 5, тип IV-А, IV-Б) и Рюрикова городища, где подобные сосуды относятся, по В. М. Горюновой, к группе керамики, переходной от лепной к круговой (группа 1, датируется первой половиной X в.) (Орлов 1973: 79, рис. 26, 4, 7; Горюнова 1997: 158, 160, рис. 1, 1, 3; 5, 1, 9; 7, 1, 7; 2005: табл. 59, 1, 3–5, 8–9). Имеются они также во Пскове (Белецкий 1983: 57, табл. 10, 2, 4, 6), Городке на Ловати (Горюнова 1974: 76, рис. 24, 14; 1982: 42, рис. 2, 1, 3; 1991: 62, 66, рис. 7: 13; 11, 7, 16; 2016: рис. 15, 1), на селище Передольский погост (тип 4, по Т. А. Жегловой, представлен единичными экземплярами) (Платонова 1991: 86, рис. 5, 2; Платонова и др. 2007: 168, 169, рис. 13, 9).

Группа 2: сосуды с четко выделенной шейкой. Венчик прямой или чуть отогнут наружу, край его заглажен или имеет подтреугольный выступ. Плечико высокое, переходящее в тулово через более или менее четко выраженное ребро. Орнамент (гребенчатый штамп, ногтевые насечки, линии, многорядная волна) располагается как по плечу, так и по всему тулову сосуда. Встречено 15 фрагментов венчиков и три целых сосуда. Сосуды группы 2 имеют прототипы среди лепной керамики типов ФI, ФIII, 1, 9.

Аналогии раннегончарным сосудам группы 2 (с четко выраженным изломом плечиков) обычно находят в западнославянских памятниках Польши и восточной Германии (тип D группы Менкендорф, по Е. Шульдту) (Schuldt 1956: abb. 10, g; 5, f; g; 11, g; 12, f; g; Snotliwy et al. 1986: 90, 91, рис. 6, 7; Snotliwy 1986: 162, 163, рис. 3; Łosiński, Rogosz 1986: 32, 33, рис. 4). Подобная керамика встречается в Городке на Ловати (Горюнова 1982: 42, рис. 2, 9; 1991: 62, 64, рис. 7, 15; 9, 10, 14; 2016: рис. 29, 13, 14), на Рюриковом городище (Горюнова 1982: 40, рис. 1, 8; 1997: 155, рис. 2, *gr.* 2, *тип II*; 2005: 234, табл. 62).

В Ладoge один из сосудов этой группы отличается широко раскрытой шейкой (ил. 126, 2). Подобные сосуды очень редко встречаются на памятниках Северо-Запада: известны они на Рюриковом городище и в материалах Городка на Ловати (Горюнова 1982: 41). В. М. Горюнова сравнивает их с торновской и торновско-фрезендорфской группами раннесредневековой славянской керамики, однако не исключает

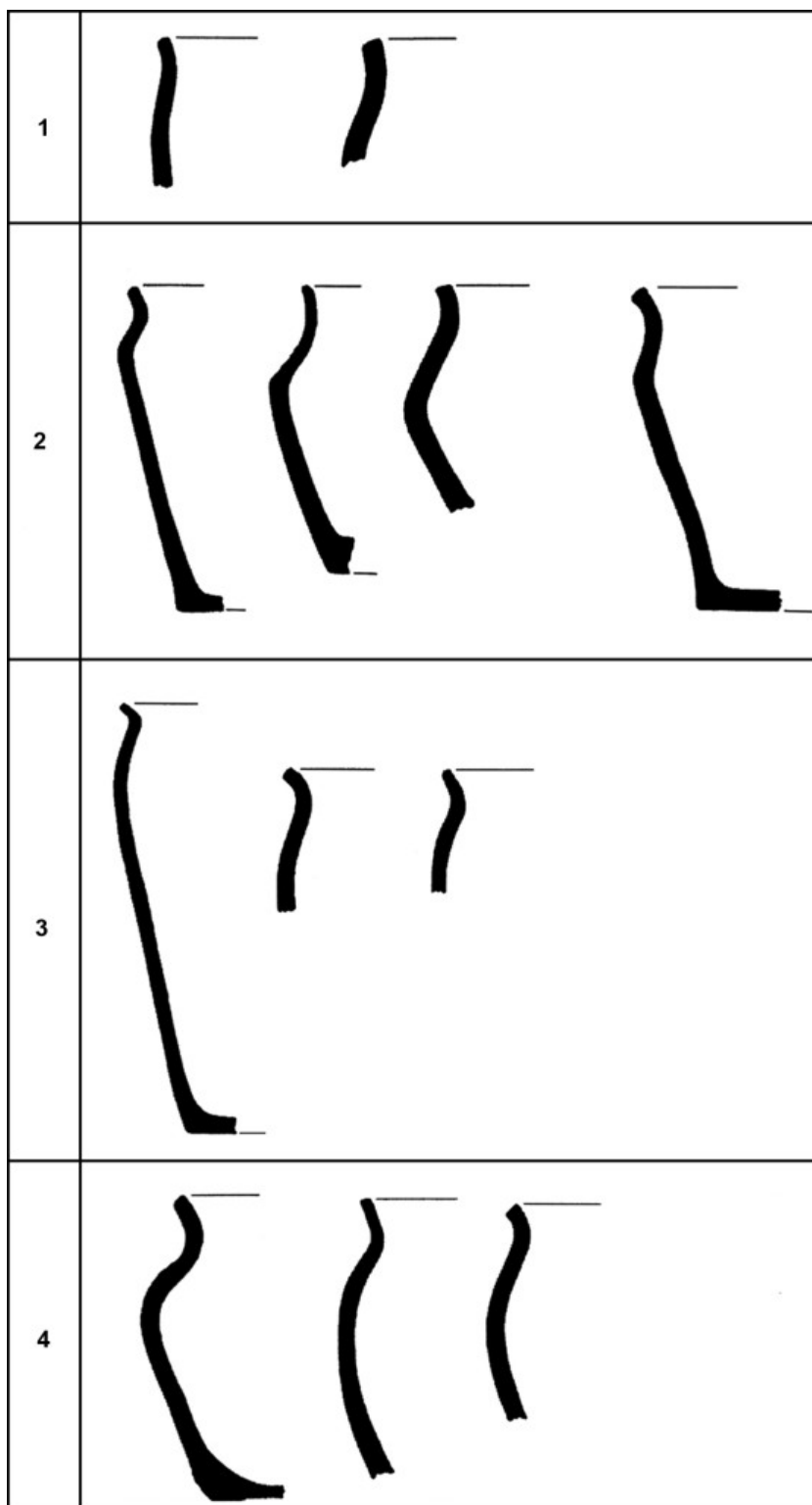

Рис. III.51. Группы раннегончарной керамики

того, что появление такой посуды на Северо-Западе может быть связано с местной традицией. Выделяя три этапа в развитии раннегончарной посуды Рюрикова городища, исследовательница отметила обязательное присутствие широко раскрытых реберчатых сосудов на самом раннем этапе (первая половина X в.); к концу X в. они исчезают (Горюнова 1977: 54, рис. 1, 2, 3; 1982: 44, 45; 1995: 100; 2005: 85, 86).

Группа 3: сосуды с невысокой отогнутой наружу шейкой, покатым плечиком, плавно переходящим в тулово. Край венчика заглажен или подрезан горизонтально. Орнамент — пояски многорядных волн по плечу сосуда, иногда — по краю венчика. Встречено 14 фрагментов венчиков и один целый сосуд.

Прототипы сосудам группы 3 имеются среди лепной керамики типа 7. Аналогии — среди предкруговой и примитивно-круговой керамики Пскова (Белецкий 1983: 57, рис. 10, 1–5), раннегончарной керамики Городка на Ловати (Горюнова 1982: 40, рис. 1, 9; 1991: 62, рис. 7, 11; 9, 11; 11, 15, 16; 1997: рис. 7, 2, 10; 2016: рис. 55, керамика из постройки 1; 61, 2) и Рюрикова городища (Горюнова 2005: табл. 60, 1–3; табл. 70, 1, 8), а также развитой круговой керамики X в. Городца под Лугой (Залевская 1982: 51, рис. 1, 10), селища Передольский погост (Платонова и др. 2007: 168–171, рис. 13, 4, 6, 12).

Группа 4: сосуды с S-образным профилем. Шейка слегка отогнута наружу, плечико высокое, плавно переходящее в округлое тулово. Край венчика заглажен или подрезан горизонтально, иногда имеется небольшой подтреугольный выступ с внешней стороны. Орнамент покрывает почти все тулово сосуда: многорядная волна, линии, отпечатки штампа. Встречено 18 фрагментов венчиков и один целый сосуд. Прототипы сосудов группы 4 имеются среди лепной керамики типов FVI и 3.

Надо отметить, что подобная керамика распространена очень широко, как в материалах древнерусских поселений, так и в курганных древностях. Они встречаются в культурных слоях крупных городов — Новгорода (Смирнова 1956: 235, табл. 2, 3), Пскова (Горюнова 1982: 42; Белецкий 1979А: 316, 362, приложение 5, рис. 14, 2; 59, 1–3; Горюнова, Малышева 2012: 222, табл. VIII, 1, 2; XIII, А, Б), Полоцка (Штыхов 1975: 30, рис. 16, 12, 13; Еремеев 2015: 91, рис. 59, 4), Витебска (Штыхов 1978: 38, рис. 14, 5–8).

На Рюриковом городище такая керамика известна начиная с рубежа IX–X вв. или начала X в., то есть с первого этапа в развитии раннегончарной керамики, по В. М. Горюновой (Горюнова 1997: 159, 174; 2005: табл. 72, 3–6). Встречена она и в ряде крупных локальных центров Новгородской земли — в Городце под Лугой (Горюнова 1982: 43; Фонды ГМИ СПб.); на селище Передольский погост (Платонова 1991: 86, рис. 5, 3–5; Платонова и др. 2007: 168–171, рис. 13, 1, 7); в Городке на Ловати (Горюнова 1982: 41, 42, рис. 2, 11, 12; 1997: рис. 12, 10; 2016: табл. 58, 5; 69, 7, 9, 12).

Сосуды, аналогичные представленным в группе 4, но изготовленные полностью на гончарном круге, достаточно часто обнаруживаются в погребениях периода ранней Древней Руси (до первой половины XII в.). В этой связи можно указать керамику из приладожских курганов X–XII вв. (Спиридонов 1989: 307, рис. 5, 1, 4, 7), из камерных и грунтовых погребений могильников Новгородской земли XI–XII вв. — Удрай 2 (Платонова 2017а: рис. 4), Конезерье (Прусакова 1982: 58, рис. 2, 10) и др.

Говоря о появлении гончарной керамики в Ладоге, можно сделать следующие выводы: во-первых, появление гончарной посуды уверенно датируется второй четвертью X в., причем происходит это одновременно (насколько можно уловить археологически) в обеих частях поселения — на Земляном городище и на левом

берегу р. Ладожки в районе Варяжской улицы; во-вторых, все выделенные группы раннегончарной керамики имеют четкие прототипы среди лепной посуды. Такой же вывод сделала В. М. Горюнова для Рюрикова городища (Горюнова 1995: 99; 1997: 154; 2005: 84). Это свидетельствует о преемственности керамического производства и подтверждает вывод Я. В. Станкевич о непрерывности развития материальной культуры ладожского поселения (Станкевич 1950: 203).

Здесь нужно особо подчеркнуть, что после опубликования даты появления раннегончарной керамики в Ладоге наличие или отсутствие на каком-либо из исследуемых памятников круговой посуды стало четким хронологическим репером. Если встречена только лепная посуда — значит, дата «до 930-х гг.» и т. п. Но так ли было на самом деле?

Я полностью согласна с В. М. Горюновой, посвятившей этой проблеме специальную работу: круговая керамика появлялась на разных памятниках в разное время. Это зависело от многих факторов: от территориального расположения, от характера памятника (рядовое или военно-административное поселение), от наличия связи с крупными центрами и даже от того, какая часть поселения (центр, периферия) затронута раскопками (Горюнова 2009: 138). Механически переносить дату появления круговой керамики в Ладоге на другие памятники нельзя.

Неожиданно интересные дополнения к вопросу о появлении гончарной керамики дает рассмотрение орнамента ладожской посуды.

ОРНАМЕНТАЦИЯ

Орнамент на ладожской керамике специально никогда не исследовался. В. И. Равдоникас, характеризуя в общих чертах керамику горизонта Д (раскопки 1938–1947 гг.), отмечал, что «кроме лепной гладкостенной керамики встречено много орнаментированных (в верхней части) сосудов. Элементы орнамента — отпечатки гребенчатого штампа, вдавления или ямки, черточки» (Равдоникас 1949: 41, 42). Г. П. Гроздилов в работе, посвященной раскопкам в Старой Ладоге в 1948 г., так описывал керамику из горизонта Е: «орнамент на горшках встречается крайне редко и по своему оформлению однообразен. Это косые оттиски гребенчатого штампа, иногда образующие ломаную линию преимущественно на плечиках горшков или по верхнему бортику. Характерные крупные прочерченные волнистые линии типа роменских орнаментов встречены лишь в горизонте Д. Подобный орнамент на керамике толщи Е₂ не встречен. Керамика нижнего горизонта Е₃ орнамента вовсе не имеет» (Гроздилов 1950: 164–166).

Я. В. Станкевич, описывая керамику древнего культурного слоя Старой Ладоги, отмечала, что «при ее изучении бросается в глаза почти полное отсутствие орнамента» (Станкевич 1950: 188). Ею же был установлен «весьма существенный факт появления впервые в горизонте Е₁ Старой Ладоги достаточно разнообразной орнаментации в виде отпечатков гребенчатого штампа, насечек, ямочных вдавлений и т. п., особенно характерной для более развитых форм сосудов с высокими плечиками столь обычных среди раннеславянских памятников» (Станкевич 1951: 235). Исследовательница упоминает также наличие таких элементов орнамента, как ногтевые вдавления и кружки (Там же: 238).

Как видим, характеристика орнаментов дается в обобщенном виде, без их количественной оценки, анализа совстречаемости различных элементов и т. п., но, тем не менее, для авторов она служит одним из доказательств связи ладожской керамики с широким кругом памятников IX — начала X в. лесной зоны Восточной Европы, принадлежащих, по их мнению, славянам, а также с керамикой роменско-боршевского типа (Станкевич 1951: 236, 237; Равдоникас 1949: 41, 42).

За годы, прошедшие после выхода работы Я. В. Станкевич, было открыто и исследовано большое количество памятников на Северо-Западе и в смежных регионах, подробно изучены разнообразные и выразительные орнаменты на керамике финно-угорских народов (Мальм 1963; Голубева 1973; Макаров 1985; Буров 1967; Савельева 1971). Выяснено, что орнамент в виде отпечатков палочки, обмотанной веревочкой, является, во-первых, далеко не единственным способом орнаментации роменско-боршевской керамики (и не всегда преобладающим) (Винников 1978: 55), и, во-вторых, как показал еще И. И. Ляпушкин, он широко распространен в Восточной Европе «от Старой Ладоги до берега Азовского моря, от Дона до Днестра» (Ляпушкин 1958: 34).

В настоящее время орнаментация ладожской керамики оказалась практически вычеркнутой из списка полноценных источников, прежде всего из-за малого количества лепной керамики с орнаментом: последняя составляет примерно 1,3 % от общего количества фрагментов (0,87 % для раскопа на Земляном городище и 1,75 % для раскопа на Варяжской улице)²² (табл. III.19). Однако рассмотрение этого материала на современном уровне представляет интерес с точки зрения его возможностей для реконструкции истории Ладожского поселения и культурных процессов в регионе.

При анализе орнаментации мною была взята за основу классификационная схема, предложенная Н. А. Макаровым для керамики Белозерья (Макаров 1985), в которую были внесены необходимые коррективы.

Отпечатки, оставленные на поверхности сосуда, различаются по способу их нанесения, форме и характеру поверхности орудия, которым они нанесены. На основании этих признаков выделены элементы орнамента. По месту расположения на поверхности сосуда и сочетанию отдельных элементов выделены композиции орнамента.

Чаще всего узоры выполнены в технике штамповки, для чего использовались либо специально изготовленные штампы, либо просто палочка, трубчатая кость, палец и т. п. Значительно реже встречены узоры, выполненные в технике резьбы или прочерчивания. Они наносились ножом или острой палочкой. В единичных случаях встречены зацепной и наклепной орнаменты (см. с. 474–476).

²² За единицу при подсчетах принимался каждый орнаментированный черепок; в том случае, когда удавалось установить принадлежность нескольких черепков одному сосуду, — развал сосуда. Различие в процентах обусловлено еще и тем, что в раскопе на Варяжской улице хорошо сохранились слои X в., которые дают наибольшее количество орнаментированной керамики, в отличие от Земляного городища, где верхняя толща горизонта Д на ряде участков практически уничтожена.

Таблица III.19. Распределение фрагментов лепной орнаментированной керамики, экз.

Земляное городище					Варяжская улица	
Горизонт	Годы раскопок			Всего	Дата	Годы раскопок
	1938–1959	1973–1975	1981–1985			1973–1976
Д	26	1	–	27	X в.	67
Д ₁	2	–	–	2		
Д ₂	5	1	2	8		
Д–Е ₁	4	–	–	4	IX в.	12
Е ₁	9	–	2	11		
Е ₂	1	–	–	1		
Е ₂ –Е ₃₋₁	–	–	2	2		
Е ₃	1	–	–	1		
Е ₃₋₁	1	3	6	10		
Е ₃₋₁ –Е ₃₋₂	–	–	3	3		
Е ₃₋₂	1	–	1	2		
Е ₃₋₂ –Е ₃₋₃	–	–	–	–		
Е ₃₋₃	1	–	–	1		
Всего	51	5	16	72		
Общее количество фрагментов керамики	5000	1193	2054	8247		4500
Доля лепной керамики, %	1,02	0,42	0,78	0,87		1,75

Элементы орнамента

1. Штампованные орнаменты (рис. III.52, 1–12).

1. Отпечаток гребенки — отпечаток гребенчатого штампа, изготовленного из дерева или из длинной узкой кости (реберной), на которую наносился ряд зубцов нужной формы. Зубцы могут иметь прямоугольную или квадратную форму или быть просто заостренными (рис. III.52, 1).

2. Отпечаток мелкозубчатой гребенки наносился штампом с острыми плотно прилегающими друг к другу зубцами, вероятно, изготовленными из кости (рис. III.52, 2).

3. Отпечаток палочки, обмотанной веревочкой (рис. III.52, 3).

4. Вдавления с плоским дном нанесены плоским штампом, торцом или боковой стороной плоской палочки. Они имеют, как правило, вытянутый контур (рис. III.52, 4).

5. Глубокие вдавления наносились концом острой палочки. В зависимости от того, какую форму имел конец, отпечатки могут быть различными: треугольными, округлыми или, если заостренный конец уплощен, — треугольными плоскими и т. п. (рис. III.52, 5).

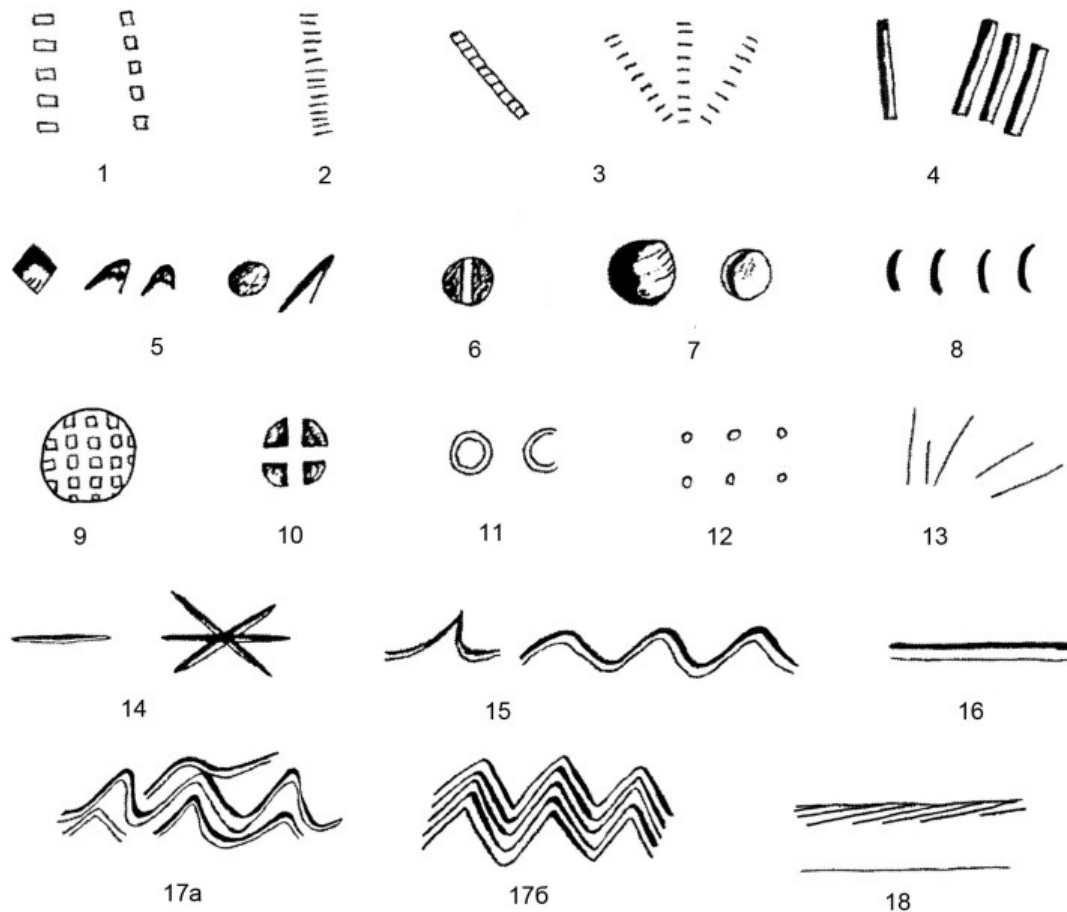

Рис. III.52. Элементы орнамента на лепной и раннегончарной керамике: 1 — гребенчатый штамп; 2 — мелкозубчатый штамп; 3 — палочка, обмотанная веревочкой; 4 — вдавления с плоским дном; 5 — глубокие вдавления; 6 — двудольный штамп; 7 — пальцевые вдавления; 8 — ногтевые насечки; 9 — решетчатый штамп; 10 — фигурный штамп; 11 — кольцевидные отпечатки; 12 — накольчатый орнамент; 13 — короткие насечки; 14 — нарезной орнамент; 15 — волнистый орнамент; 16 — линейный орнамент; 17а, 17б — многорядная волна (вид а и б); 18 — каннелюра

6. Двудольный орнамент — характерный отпечаток, который наносился круглым в сечении штампом с глубоким пропилом посередине. При его оттиске остается след в виде углубленных сегментовидных долек с перегородкой (рис. III.52, 6).

7. Пальцевые вдавления (рис. III.52, 7).

8. Ногтевые насечки (рис. III.52, 8).

9. Отпечатки решетчатого штампа, то есть штампа, поверхность которого покрыта частыми перекрестными вдавлениями (рис. III.52, 9).

10. Отпечатки фигурного штампа (рис. III.52, 10).

11. Кольцевидные отпечатки — нанесены торцом трубчатой кости (рис. III.52, 11).

12. Накольчатый орнамент наносился на поверхность сосуда тонкой заостренной палочкой или шилом (рис. III.52, 12).

II. Прочерченные орнаменты (рис. III.52, 13–18).

13. Короткие насечки — обычно это 2–3 или более линий, расположенных вертикально или наклонно. Наносились концом деревянной палочки (рис. III.52, 13).

14. Нарезной орнамент — неглубокие бороздки, которые наносились острым, видимо, металлическим предметом. Иногда они образуют законченные фигуры, типа изображенных на рис. III.52, 14.

15. Волнистый орнамент (рис. III.52, 15).

16. Линейный орнамент (рис. III.52, 16).

17. Многорядная волна. Она может быть двух видов: а) беспорядочная волна, нанесенная каким-то острым предметом, скорее всего просто палочкой (рис. III.52, 17а); б) очень четкая, «регулярная» волнистая линия, нанесенная, возможно, с помощью гребенчатого штампа (рис. III.52, 17б).

18. Каннелюра — горизонтальный желобок, проходящий по плечу сосуда. Нанесен, скорее всего, пальцем (рис. III.52, 18).

Как видно из табл. III.20, среди различных элементов орнамента на лепной керамике Земляного городища наиболее часто встречаются ногтевые насечки (13 фрагм.), отпечатки гребенчатого штампа (12 фрагм.), пальцевые вдавления (10 фрагм.), глубокие вдавления (9 фрагм.) и отпечатки палочки, обмотанной веревочкой (7 фрагм.). Эти элементы орнаментации очень просты и, видимо, вследствие этого распространены довольно широко, хотя на отдельных памятниках представлены часто единичными экземплярами. В древнейшем горизонте $E_{3.3}$ встречен один фрагмент сосуда с каннелюрой.

Следует отметить, что в горизонтах E_2 и E_3 керамики с орнаментом очень мало (в E_3 — 18 фрагм., в E_2 — 2 фрагм.). Большинство лепной орнаментированной керамики приходится на горизонты E_1 и D — 52 фрагм. (табл. III.19, III.20).

Для раннекруговой керамики наиболее характерными элементами орнамента являются линейный (6 фрагм.) и многорядная волна (17 фрагм.) (табл. III.20).

В табл. III.21 показано распределение элементов орнамента на лепной и раннегончарной керамике из раскопа на Варяжской улице. Чаще всего на лепной керамике встречаются пальцевые вдавления (19 фрагм.), глубокие вдавления (15 фрагм.), линейный орнамент (14 фрагм.), вдавления с плоским дном (7 фрагм.). На раннегончарной — линейный орнамент (12 фрагм.) и однорядная волна (9 фрагм.).

Орнамент в виде ногтевых насечек (рис. III.52, 8) встречен в единичных экземплярах на керамике городища Любша (последняя четверть I тыс. н. э.) (Петренко, Шитова 1985: 186, рис. 3, 17), Рюрикова городища (IX–X вв.) (Носов 1977б: 97; 1990: 134; Орлов 1973: 79, рис. 26, 2), Суздаля (в слоях начала XI в.) (Лапшин 1991а: рис. 1, 2; 2, 9–11; 3, 1–2), Тимерёвского поселения (IX–XI вв.) (Седых 1982а: 116; 1988А: 109, 110; приложение 6, рис. 8), Гнёздова (IX–XI вв.) (Каменецкая 1977: 17), городищ Юго-Восточной Эстонии второй половины I тыс. н. э. (Аун 1976а: 351, рис. IV, 5).

В Белоозере этот орнамент является характерным для первой половины X в. (Голубева 1973: 152, табл. 26). Часто встречается он на памятниках боршевской культуры (VIII–X вв.), например, на городище Титчиха (Воронежская обл.) он занимает второе место после веревочного орнамента (Винников 1978: 57, табл. 1; Москаленко 1965: 98–109).

Отпечатки гребенчатого штампа (рис. III.52, 1) также распространены довольно широко. Они встречены в бассейне Верхней Оки (Никольская 1959: 67) и Верхнем Поволжье (включая Суздальское Ополье). Керамика с гребенчатым орнаментом обнаружена на Тумовском селище (IX–XI вв.) (Горюнова Е. 1961: 180, рис. 79), Тимерёвском поселении (IX–X вв.) (Седых 1982: 193; 1988А: 272, приложение 6, рис. 8, Б-1-3), селище Шурскол II под Ростовом (X–XII вв.) (Исланова 1982: 189, рис. 4, 24), в ярославских могильниках (IX–XIII вв.) (Седых 1988А: 272, приложение 6, рис. 8, Б-1-3).

Таблица III.20. Распределение элементов орнамента на керамике Земляного городища

Гори- зонт	Элементы орнамента																		Все- го	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17			18
																	а	б		
Лепная керамика																				
Д	2	-	1	-	6	-	6	7	-	-	-	1	2	3	1	1	-	-	2	32
Д ₁	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Д ₂	1	1	1	-	2	-	-	2	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	8
Д ₂ -Е ₁	-	-	-	1	1	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	4
Е ₁	4	-	2	1	-	-	2	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	2	13
Е ₂	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Е ₂ -Е ₃₋₁	1	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3
Е ₃	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Е ₃₋₁	2	1	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	2	-	-	-	-	8
Е ₃₋₁ -Е ₃₋₂	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	3
Е ₃₋₂	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Е ₃₋₂ -Е ₃₋₃	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Е ₃₋₃	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
Всего	12	2	5	5	10	-	10	13	-	-	-	1	6	3	5	1	-	-	5	78
Доля, %	15,4	2,6	6,4	6,4	12,8	-	12,8	16,7	-	-	-	1,3	7,7	3,8	6,4	1,3	-	-	6,4	100
Раннегончарная керамика																				
Д	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	6	17	-	-	26
Д ₁	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Д ₂	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Д ₂ -Е ₁	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	6	17	-	-	27
Доля, %	7,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7,4	22,2	63,0	-	-	100

Находки керамики с такой орнаментацией имеются в Эстонии на памятниках типа Рыуге (вторая половина I тыс. н. э.) (Аун 1976а: табл. IV, 9), на Северо-Востоке в челмужских курганах (X–XI вв.) (Кочкуркина 1972: 108, рис. 4) и в курганах на р. Суде (XII в.) (Голубева 1973: 54, рис. 8, 1). Более половины всей орнаментированной керамики составляют сосуды с отпечатками гребенчатого штампа в Белозере X–XI вв. (61,8 %) и почти половину — на поселении Крутик IX–X вв. (40,9 %) (Голубева 1973: 151, 152, табл. 25, 26; Макаров 1991: 145). Широко распространен этот элемент орнаментации и на керамике других поселений и погребальных памятников Белозерья (Макаров 1985: 82). Н. А. Макаров считает районом широкого распространения гребенчатых штампов Камско-Вычегодский край (Там же: 82).

Таблица III.21. Распределение элементов орнамента на керамике из раскопа на Варяжской улице

Штык	Элементы орнамента																		18	Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17			
																	а	б		
Лепная керамика																				
6–13	4	–	1	7	15	1	18	5	1	–	2	–	2	3	5	13	–	4	–	81
14–19	–	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–	1	–	1	1	–	–	2	7
Всего	4	–	1	7	15	1	19	6	1	–	2	–	3	3	6	14	–	4	2	88
Доля, %	5	–	1	8	17	1	22	7	1	–	2	–	3	3	7	16	–	5	2	100
Раннегончарная керамика																				
6–13	1	–	–	–	1	–	–	1	–	1	–	–	1	–	9	11	5	1	–	31
14–19	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1
Всего	1	–	–	–	1	–	–	1	–	1	–	–	1	–	9	12	5	1	–	32
Доля, %	3	–	–	–	3	–	–	3	–	3	–	–	3	–	28	38	16	3	–	100

Л. А. Голубева отмечает, что в конце I тыс. н. э. этот вид орнамента получил очень широкое распространение и утратил свою этническую принадлежность, но считает бесспорным его финское происхождение (Голубева 1973: 156).

Орнамент в виде пальцевых вдавлений (рис. III.52, 7) встречен в единичных экземплярах на лепной керамике Новгорода (X в.) (Смирнова 1976: 2), Пскова (VIII–X вв.) (Белецкий 1979: 7), Рюрикова городища (IX–X вв.) (Носов 1990: 134, рис. 56, 15), Гнёздова (IX–XI вв.) (Сизов 1902: 104, рис. 76; Каменецкая 1977: 17; 2019: 75, рис. 36, 1). Найден он также на поселениях Новгородской земли, включая ее дальние северо-восточные окраины — на городище Княжая Гора (последняя четверть I тыс. н. э.) (Орлов 1976А: рис. 21, 7), поселении Золотое Колено (IX–X вв.) (Носов, Плохов 1991: 128), в Белоозере (преимущественно в слоях второй половины X — начала XI в.) (Голубева 1973: 151, 152, табл. 25, 26), на поселении Крутик (IX–X вв.) (Макаров 1991: 149), в курганах на р. Суде и Сорогоже (X–XII вв.) (Голубева 1973: 54, рис. 8, 2, 5), в Приладожских курганах (X–XII вв.) (Спиридонов 1989: 305, 306, рис. 3, 1).

Присутствует он также на памятниках Ярославского Поволжья (IX–XIII вв.) (Седых 1988А: 272, приложение 6, рис. 8) и Мстинско-Моложского междуречья конца I — начала II тыс. н. э. (Исланова 1991а: 46, рис. 1, 7; 3, 1, 4). Н. А. Макаров считает местом наибольшей концентрации этих орнаментов именно бассейн верхней Мологи (Макаров 1985: 84).

Орнаментация в виде отпечатков палочки, обмотанной веревочкой (рис. III.52, 3), обычно считается наиболее характерной для памятников роменской и боршевской культур (VIII–X вв.). Действительно, керамика с таким орнаментом представлена на этих памятниках весьма значительным количеством экземпляров (Винников 1978: 55). Однако, как отметил И. И. Ляпушкин, отпечатки палочки, обмотанной веревочкой, и гребенчатого штампа иногда бывают трудноразличимы, а сосуды с подобной орнаментацией встречаются и на памятниках других культур (Ляпушкин 1958: 34).

Доля орнаментированной керамики в КСДК (с VIII по X — начало XI в.) невелика (Шмидт 1970: 232; Енуков 1990: 88), но орнаментация «веревочка на палочке» среди неё преобладает, располагаясь по плечу и краю венчика (Шмидт 1958: 167, рис. 5; 1963: 184, рис. 4, 1, 8, 9; Енуков 1990: 221, рис. 30, 2, 4, 13, 16; 40, 8, 9, 11).

Присутствует она и в слоях ранних городов — Рюрикова городища (IX–X вв.) (Носов 1977б: 96, 97, рис. 2; 1990: 32, рис. 7, 2), Пскова VIII–X вв. (Материалы архива С. В. Белецкого²³, Пс. № 2203/1335), Изборска (VIII–X вв.) (Седов 1978: 63, 64), Белоозера (X–XI вв.) (Голубева 1973: 151, табл. 25), поселения Крутик (IX–X вв.) (Макаров 1991: 149, рис. 8, 4, 7, 10) и погребальных памятников Белозерья (Макаров 1985: 83), а также на поселениях Мстинско-Моложского междуречья конца I — начала II тыс. н. э. (Исланова 1991а: 47) и в ярославских могильниках (IX–XIII вв.) (Седых 1988А: 272, приложение 6, рис. 8, А-1, А-2).

На Новгородской земле аналогичные орнаменты встречены в материалах городища Княжая Гора (последняя четверть I тыс. н. э.) (Орлов 1976А: 96; 1978А: 79), на поселении Золотое Колено (IX–X вв.) (Носов, Плохов 1991: 128), в Городке на Ловати (X — начало XI в.) (Горюнова 1991: 62, рис. 7, 7; 11, 10).

В единичных экземплярах они известны среди керамики типа Рыуге (вторая половина I тыс. н. э.) (Аун 1976а: табл. IV, 2, 3), на памятниках Латвии среднего и позднего железного века (вторая половина I тыс. н. э.) (Циммермане 1977), в Бирке VIII–X вв. (Arbman 1940: taf. 254, 4, 5).

Глубокие вдавления (рис. III.52, 5), нанесенные палочкой с четырехугольным, треугольным плоским, заостренным или округлым концом, известны на керамике Белозерья конца I — начала II тыс. н. э. (Крутик, Белоозеро, селище Монастырёк, курганы на р. Колпи) (Макаров 1985: 82; 1991: 145, рис. 8, 6; 9, 5; Голубева 1973: 153, рис. 55), в курганах нижней Мологи (Исланова 1991а: 46, рис. 1, 7 (тип IV); Исланова 1990: 11–13), в ярославских могильниках (IX–XIII вв.) (Седых 1988А: 272, приложение 6, рис. 8, 2), на Тимерёвском поселении IX–XI вв. (Там же: 272, приложение 6, рис. 8, 1-В).

В бассейне верхней Оки они известны на памятниках середины I тыс. н. э. (мощинская культура) (Никольская 1959: 44, рис. 16, 10), но везде встречаются в малом количестве. В большом количестве глубокие вдавления в виде ямок встречены в Камско-Вычегодском крае (Смирнов 1952: 196, табл. XLVIII, 17, 19). Ямочный орнамент (с округлой или овальной формой ямок) встречается на керамике городищ и селищ Юго-Восточной Эстонии второй половины I тыс. н. э. (II группа, по М. Э. Аун) (Аун 1976а: 356).

На довольно обширной территории распространен *орнамент в виде коротких насечек* (рис. III.52, 13), хотя не везде представлен в значительном количестве. Около 14 % керамики поселения Крутик (IX–X вв.) орнаментировано короткими насечками (Макаров 1991: 149, рис. 8, 2, 8). Подобный орнамент встречен на поселении Луковец (Макаров 1985: 83). На керамике Белоозера он присутствует, в основном, в слоях X — начала XI в. (Голубева 1973: 152, табл. 26). Известен он также в Прикамье (Смирнов 1952: 197, табл. XLIX, 6, 8).

Единичные фрагменты с таким орнаментом найдены на Рюриковом городище (IX–X вв.) (Носов 1990: 134), в Городце под Лугой (IX–XII вв.) (Ефимова 1977: 100, рис. 2), на городищах Юго-Восточной Эстонии второй половины I тыс. н. э.

²³ Благодарю С. В. Белецкого за любезно предоставленную возможность ознакомиться с материалами его личного архива.

(Аун 1976а: 357), в ярославских курганах IX–XIII вв. (Седых 1988А: 272, приложение 6, рис. 8, А-2).

Кольцевидный орнамент (рис. III.52, 11) эпизодически встречается на керамике Новгорода X в. (Смирнова 1976: 7, рис. 4, 3), в Юго-Восточном Приладожье (X–XII вв.) (Спиридонов 1985: рис. 1, 2), на поселении КПДК на оз. Съезжем (Носов 1981а: 68). На памятниках Белозерья — например, на поселении Крутик (IX–X вв.) — керамика с подобным орнаментом встречена в 0,7 % от количества всей орнаментированной керамики (Макаров 1991: 146, рис. 7, 9), в Белоозере — 3,9 % (наиболее распространена в X–XI вв.) (Голубева 1973: 151, 158–160, табл. 25). Известна такая орнаментация в материалах Корбальского могильника на р. Ваге (XI–XII вв.) (Финно-угры и балты... 1987: 272, табл. XXIV, 3), в курганах на р. Суде (X–XII вв.) (Башенькин 1985: 79), в Тимерёвских курганах IX–XI вв. (Седых 1988А: 272, приложение 6, рис. 8, I-Г), на городище Попово (Ухтубужское) VII–IX вв. (Самойлович 1989: рис. 3, 12). Л. А. Голубева считает, что в Белозерском крае этот орнамент восходит к позднекаргопольской керамике, а наиболее распространен он в родановской культуре Верхнего Прикамья в IX–XII вв. (Голубева 1973: 160).

Отдельные находки керамики с таким орнаментом имеются в юго-восточной Эстонии (вторая половина I тыс. н. э.) (Аун 1976а: табл. VIII, 3) и в погребениях X в. Бирки (Arbman 1940: taf. 238, 1–7).

Отпечатки вдавлений с плоским дном (рис. III.52, 4) встречены в Большом Тимерёвском могильнике на посуде, относящейся, по мнению Е. И. Горюновой, к «мерянско-камскому типу» (Горюнова Е. 1961: 131, рис. 59, 1, 2). Известны они на керамике Суздаля (только по краю венчика) (Макаров 1985: 82), селища Шурскол II под Ростовом (в слоях X в.) (Исланова 1982: 193), в кургане Никольское V на р. Суде (X–XI вв.) (Башенькин 1985: 79, рис. 2, 3, 6), на поселении Крутик IX–X вв. (Макаров 1991: 145, рис. 7, 4), в Белоозере X–XI вв. (Голубева 1973: 151, табл. 25, 26). Н. А. Макаров считает этот элемент «собственно белозерским», очень редко встречающимся за пределами бассейна Белого озера и р. Шексны (Макаров 1991: 149). Следует отметить наличие такой орнаментации на раннегончарной керамике Городка на Ловати (Горюнова 1991: 66, рис. 11, 14).

Сосуды с каннелюрой (рис. III.52, 18) встречены на многих памятниках Северо-Запада, относящихся к культуре сопок, однако очень небольшими сериями: один фрагмент найден на Рюриковом городище (IX–X вв.) (Носов 1990: 134), восемь — на поселении Золотое Колено (IX–X вв.) (Носов, Плохов 1991: 128, рис. 8, 7), два — на поселении Холопий городок (последняя четверть I тыс. н. э.) (Носов 1990: 181, 182, рис. 70, 20), один — на селище Передольский погост (X–XII вв.) (Платонова и др. 2007: 167, рис. 10, 3).

Известны они в материалах сопок бассейнов Луги и Плюссы (вторая половина / конец IX — первая половина XI в.) (Кузьмин 1991: 92), на городище Камно (последняя четверть I тыс. н. э.) (Белецкий 1977: 93, 94, рис. 3, 1). «Значительный процент» составляет такая керамика на селище Которск (IX–XII вв.) (Кузьмин 1989б: 37; 1991а: рис. 3, 11) и в Городце под Лугой (IX–XII вв.). Здесь, как считают авторы, часть таких сосудов была подправлена на гончарном круге (Лебедев 1973: 76; Ефимова 1977: 101, рис. 2).

Горшки с каннелюрой найдены также во Пскове VIII–X вв. (Белецкий 1983: 56, рис. 7, 1, 2, 4, 6), Изборске (VIII–X вв.) (Гроздилов 1965: 71), на селище Нестеровичи

в бассейне Мсты (вторая половина X — XI в.) (Конечский 1991: 116, рис. 7, 13), а также на востоке Новгородской земли — в кургане Курово (Исланова 1991а: 50).

На р. Ояти орнамент в виде каннелюры найден в курганах X–XII вв.: Шангеничи-село-1 (на округлодонном сосуде) и в Нюбиничах-1, где он считается привозным (Спиридонов 1985: рис. 2, 1, 4).

В единичных экземплярах в Ладоге встречены сосуды, украшенные *нарезным* (рис. III.52, 14) и *накольчатый орнаментом* (рис. III.52, 12), *мелкозубчатым* (рис. III.52, 2), *двудольным* (рис. III.52, 6), *решетчатым* (рис. III.52, 9) и *фигурным* (рис. III.52, 10) *штампами*. Один фрагмент сосуда, украшенный наколами по шейке и плечу (подшлакован), обнаружен на Земляном городище в горизонте Д-нижнее (шифр ЛА-605) (ил. 82, 2). В качестве аналогии можно назвать миниатюрный сосудик из Холопьево городка (IX — начало X в.), украшенный рядом наколов по шейке (Носов 1990: 181, 182, рис. 70, 6), и мискообразный сосуд, найденный на поселении Золотое Колено, орнаментированный по краю венчика насечками и наколами (Носов, Плохов 1991: 128, рис. 9, 9).

Сосуды, украшенные нарезным орнаментом, встречены в незначительном количестве на поселении Крутик IX–X вв. (0,1 %) (Макаров 1991: 149), а также в Ярославском Поволжье (на поселениях и в погребениях IX–XIII вв.) (Седых 1988А: 109, 272, приложение 6, рис. 8, II-1-3).

Мелкозубчатый орнамент известен в очень небольшом количестве на керамике поселения Крутик IX–X вв. (0,3 %) (Макаров 1991: 145, 146, рис. 7, 2), Белоозера (Голубева 1973: 158), Тимерёвских курганов IX–XI вв. (Макаров 1985: 82). Встречается он в материалах чепецкой культуры (бассейн р. Чепца, верховья Камы), особенно на первом ее этапе (IX — начало XIII в.) (Макаров 1985: 82; Финно-угры и балты... 1987: 142). Л. А. Голубева считает орнаментацию из строенных отпечатков мелкозубчатого штампа, подобную той, которая была встречена на сосуде из горизонта Д-нижнее Земляного городища (ил. 85, 6), характерной для памятников веси (Голубева 1973: 156–158). Н. А. Макаров связывает происхождение этого вида орнамента с Камско-Вычегодским краем и отмечает, что за пределами этого региона он встречается крайне редко (Макаров 1991: 149).

Отпечатки фигурного и решетчатого штампов встречены на керамике из слоев второй половины X в. раскопа на Варяжской улице (решетчатый штамп — на лепной керамике, фигурный штамп в сочетании с линейным орнаментом — на раннегончарной керамике). Подобным же фигурным штампом украшены некоторые глиняные диски из Ладоги (материал раскопок В. П. Петренко 1973–1976 гг. на Варяжской улице).

Аналогичный орнамент встречен на керамике поселений Крутик (IX–X вв.) в Белоозерье (Макаров 1991: 146, рис. 7, 8) и Тимерёво (IX–XI вв.) под Ярославлем (Дубов, Седых 1984: 114). На Тимерёвском поселении встречены два фрагмента глиняных дисков, орнаментированных при помощи подобного фигурного штампа (Дубов, Седых 1984: 112, рис. ж, з). Керамика, украшенная решетчатым штампом, известна на поселении Крутик (Макаров 1991: 150, рис. 10, 2), в Белоозере (Голубева 1973: 151, табл. 25, 26), но особенно много ее в бассейне р. Чепцы (Смирнов 1952: 196, табл. XLVIII, 7, 10; Иванова 1979: табл. X, 3; XI, 1–4, 8; 1982: 24, рис. 3, 5; 1985: 48; Семенов 1980: 135, табл. XXIV, 8–13, 25, 28б; Генинг 1979: 105, табл. VII, 1–3, 10).

Н. А. Макаров относит орнаментацию фигурными и решетчатыми штампами к элементам Камско-Вычегодского происхождения, «спорадически встречающимся

за пределами этой культурной области» (Макаров 1991: 149). В связи с этим интересно отметить находку сосудов, украшенных решетчатым и фигурным штампами, в сочетании с другими элементами орнамента, в Самлинге и Рибе в Дании и Треллеборге в Швеции (Liebgott 1978: 9, 11), а также в Финляндии в эпоху викингов (Gleve 1943: 49, t. XLIV). Фигурным штампом украшены некоторые глиняные диски, происходящие с Аландских островов (Ibid.: pl. 15, 6).

В раскопе на Варяжской улице, в тех же пластах, что и фрагменты с решетчатым и фигурным штампами, встречены фрагменты лепного сосуда с двудольным орнаментом (рис. III.52, б). Двудольный орнамент был распространен в I тыс. до н. э. на широкой территории: Прибалтика, Верхнее Поволжье, бассейн Москвы-реки (Розенфельдт И. 1974: 145). И. Г. Розенфельдт отметила, что он был «по-видимому, наиболее распространен в Верхнем Поволжье», где встречается и в материалах первых веков новой эры (Розенфельдт И. 1971: 49; 1974: 137–138, 144, рис. 26, 34). В III–V вв. он встречен в материалах селища Пески 1 на керамике, относимой к «типу Варварина Гора», по И. В. Ислановой (Волкова, Исланова 2011: 161, рис. 7, 15), а также на ряде памятников типа Заозерье–Узмень (Лопатин, Фурасьев 2007: 83, 84, рис. 42, 3).

Для интересующего нас времени мне известна только одна аналогия — это орнамент на двух глиняных дисках из построек 12 и 17 Тимерёвского поселения (раскопки И. В. Дубова). Двудольные отпечатки располагались, вероятно, по одному в каждой четверти диска (Дубов, Седых 1984: 113, рис. е).

Композиции орнамента

Прежде чем приступить к анализу композиций орнамента, необходимо сделать несколько замечаний. Так как орнаментированная керамика составляет очень небольшую часть всего материала, для получения исчерпывающего представления о характере орнамента учитывались все, даже самые мелкие фрагменты. Иногда это были только фрагменты венчиков, а иногда — только часть плечика или стенки сосуда и т. д. Следовательно, в первом случае, фрагмент попадает в группу сосудов, орнаментированных только по венчику, во втором — только по плечу и т. п. Понятно, что такое деление в некотором смысле условно, но оно определено состоянием материала.

Группа А

Орнамент украшает только торец или наружный край венчика (17 фрагм. на Земляном городище, 3 фрагм. в раскопе на Варяжской улице). Это могут быть ногтевые насечки, пальцевые вдавления, вдавления с плоским дном, отпечатки гребенчатого штампа, отпечатки палочки, обмотанной веревочкой, расположенные наклонно или в виде зигзагообразной линии, прочерченный волнистый орнамент (рис. III.53, 1–8).

Аналогии орнаментальным композициям группы А известны в материалах Рюрикова городища IX–X вв. (Носов 1990: 134, 137, рис. 56, 7, 9), Пскова VIII–IX вв. (Белецкий 1979А; ПСК-2207/1335) (Белецкий 1983: 56, рис. 7, 7), Городка на Ловати (X — начало XI в.) (Горюнова 1991: 62, рис. 7, 7), поселения Золотое Колено IX–X вв. (Носов, Плохов 1991: 128, рис. 8, 9), городища Камно (последняя четверть I тыс. н. э.) (Белецкий 1977: 94, рис. 3, 2).

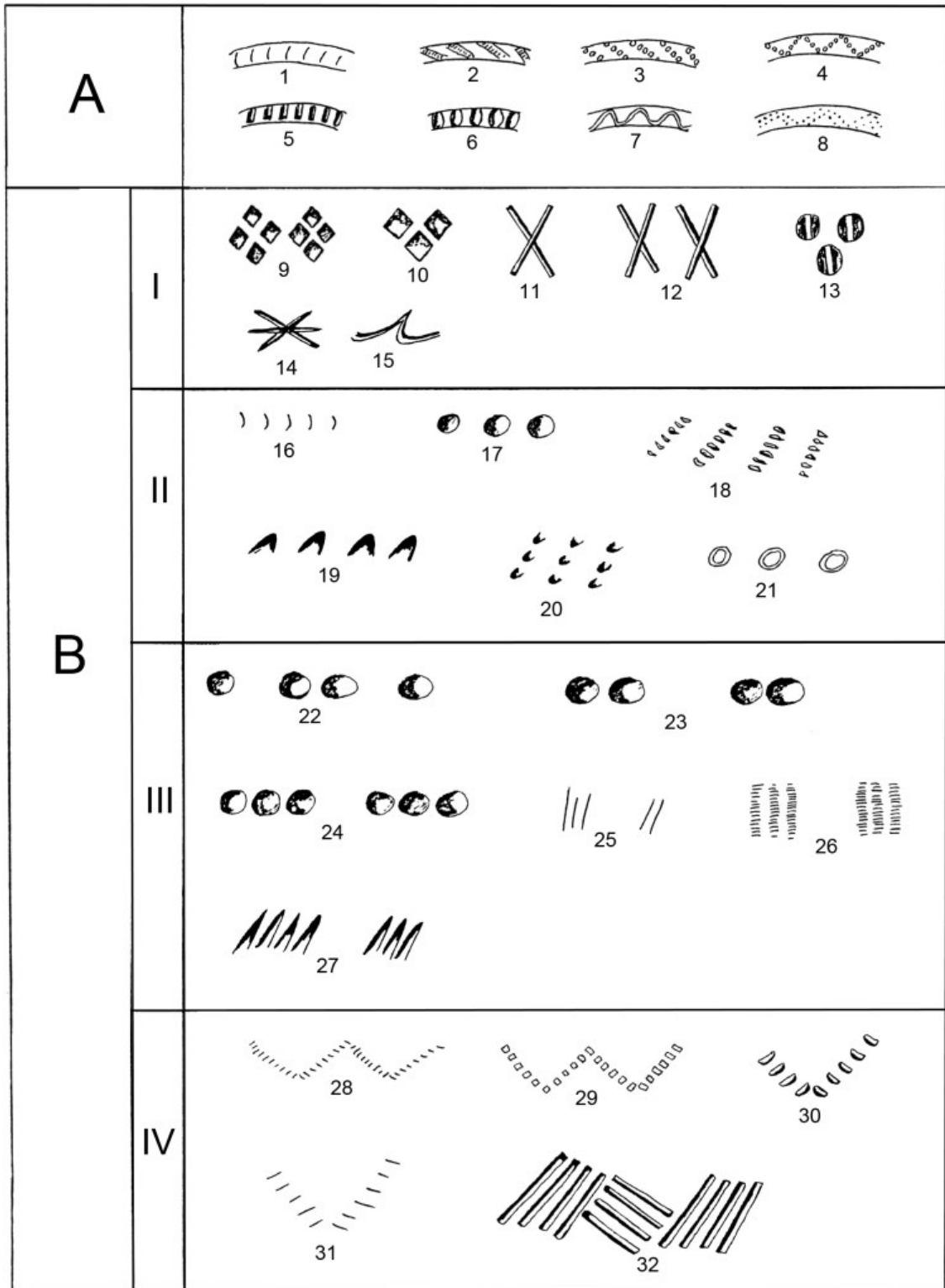
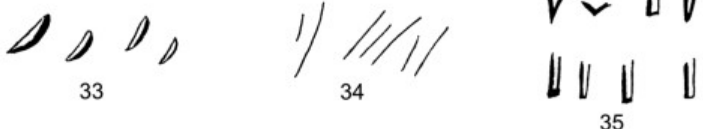
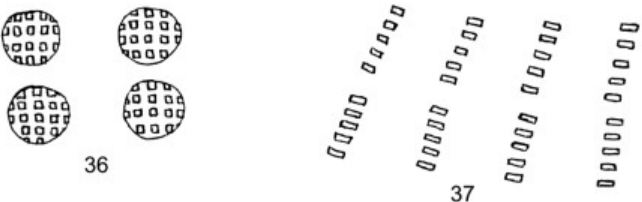

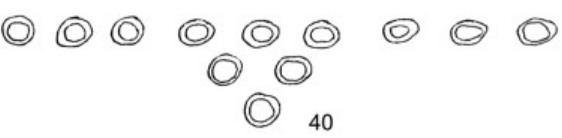
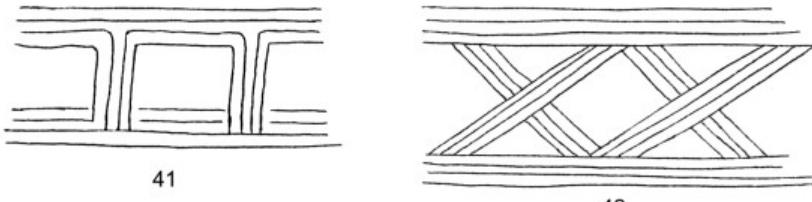
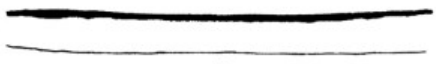
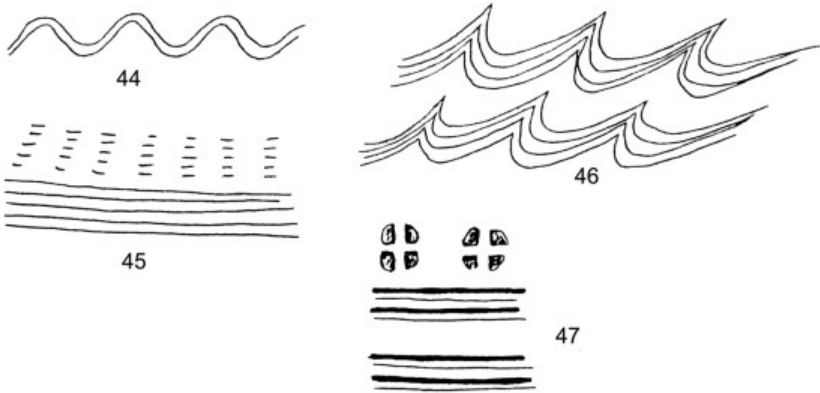
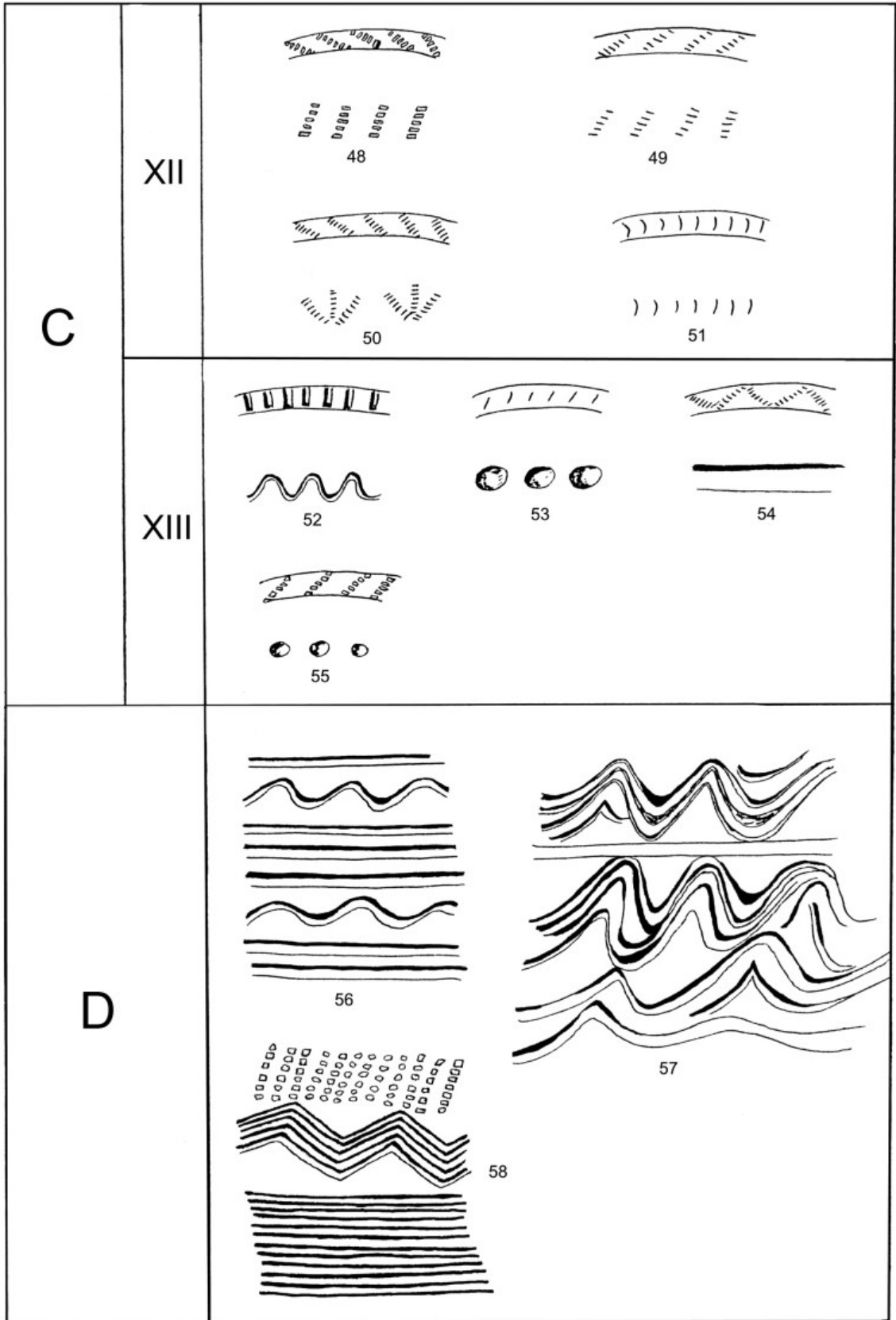

Рис. III.53. Композиции орнамента на лепной и раннегончарной керамике (с. 456–458)

B	V	33 34 35
	VI	36 37
	VII	38 39
	VIII	40
	IX	41 42
	X	43
	XI	44 46 45 47

Встречены они также в Белоозере X–XI вв. (Макаров 1989: 85, рис. 1, 5; 2, 2), на поселении Крутик IX–X вв. (Макаров 1991: 131, рис. 1, 4; 4, 2), в челмужских курганах (X–XII вв.) (Спиридонов 1989: 307, рис. 4, 5), в курганах у хутора Стан (X–XII вв.) (Макаров 1985: 85), на селищах верхней Мологи конца I — начала II тыс. н. э. (Исланова 1991а: 50).

В Верхнем Поволжье аналогичные композиции известны в Суздале (X в., типы I и VI, по В. А. Лапшину) (Лапшин 1991а: 137, рис. 1, 2, 9, 10, 19), на селище Шурскол II (X–XII вв.) (Исланова 1982: 189, рис. 4, 14; 24, 5, 56), в ярославских курганах IX–XIII вв. (Седых 1982: рис. 49, 14; 1988А: 279, приложение 6, рис. 14, 17, 38, 45, 65, 69).

В Верхнем Поднепровье композиции группы А обнаруживаются на памятниках КСДК VIII — X/начала XI в. (Цурковка, Арефино, Новосёлки, Белкино, Василевщина, Ярцево) (Третьяков 1963: 115; Седов 1970: 100, рис. 25, 4; Шмидт 1958: 167, рис. 5, 2).

На всех перечисленных памятниках подобные композиции встречены в очень небольшом количестве, за исключением ярославских курганов, где они, видимо, преимущественно связаны с позднедьяковской керамикой, для которой характерна орнаментация только по краю венчика (Розенфельдт И. 1971: 20, 78).

Группа В

Объединяет орнаменты, украшающие плечико сосуда (53 фрагм. на Земляном городище, 81 — на Варяжской улице).

Тип I (2 фрагм. — на Земляном городище, 5 фрагм. — в раскопе на Варяжской улице). Орнамент располагается в одном месте наподобие клейма. Из-за отсутствия целых форм сосудов трудно сказать, повторяется ли этот узор. Поэтому выделение данного типа в некоторой степени условно (рис. III.53, 9–15).

Можно выделить различные варианты, например, знак из четырехугольных отпечатков, сгруппированных в виде ромба, повторяющегося дважды. Он нанесен, видимо, плоским торцом деревянной палочки (встречен на сосуде типа I из раскопа на Варяжской улице). Аналогичный орнамент встречен на Земляном городище на глиняном диске (раскопки 1958 г.): ромбические отпечатки повторяются четыре раза, по одному в каждой четверти диска (Равдоникас 1958А: табл. VIII, рис. 2). В. И. Равдоникас, на основании «постоянно выдерживающихся расстояний между углублениями в этом орнаментальном мотиве», считал, что подобный орнамент нанесен специальным штампом (Равдоникас 1958А: 14). Косвенным подтверждением тому, что орнамент мог быть нанесен торцом деревянной палочки, служит находка фрагмента сосуда, на котором подобные четырехугольные отпечатки расположены не в виде ромба, а в виде треугольника, обращенного вершиной вниз (раскоп на Варяжской улице) (рис. III.53, 10). Сходная композиция известна по материалам Белоозера, однако там четырехугольные отпечатки расположены под другим углом (Голубева 1973: 153, рис. 55, 33).

Подобная орнаментация из строенных отпечатков двудольного штампа встречена на фрагменте сосуда, относящегося к типу I, из раскопа на Варяжской улице (рис. III.53, 13).

Орнамент в виде своеобразной «птички» (рис. III.53, 15) встречен на фрагменте сосуда, найденного на Земляном городище в горизонте Д (шифр: СЛ-611, рис. 98, 1). Подобная орнаментация («углообразные нарезки», по Е. А. Шмидту, «галочки» или разорванная волна, по Е. В. Каменецкой) в единичных случаях известны на керамике КСДК (Шмидт 2012: приложение, рис. 15, 13; Каменецкая 2019: 77).

На фрагменте сосуда, относящегося к типу 2 (раскоп на Варяжской улице), встречен знак в виде трех перекрещивающихся коротких насечек, нанесенных острым предметом, скорее всего ножом (рис. III.53, 14).

Два фрагмента сосудов отмечены знаком в виде косоугольного креста. На одном из них (из раскопа на Варяжской улице) нанесен один крест; на другом — из раскопок на Земляном городище — два креста, расположенные рядом. В обоих случаях они выполнены в технике вдавлений с плоским дном (рис. III.53, 11, 12). Знаки в виде косых крестов, выполненные в технике прочерчивания или отпечатков веревочки, известны в незначительном количестве на керамике памятников железного века (IV–VII вв.) Верхней Оки, относящихся к дьяковской и мощинской культурам (городища Троицкое, Щербинское, Дьяково, Кузнечики, Тушемля, Надежда, Дуна, Орлов Городок) (Никольская 1959: 17, рис. 3, 8; 8, 3; Розенфельдт И. 1974: 149, рис. 33, 1, 3; Третьяков 1963: рис. 19, 2, сн. 11; Исланова 2011а: 95, рис. 13, 7).

Отметим, что подобные знаки встречаются не только на керамических сосудах, но и на глиняных льячках, кресалах, деталях колчанов. Так, например, косым крестом, выполненным в технике вдавлений с плоским дном, аналогичной ладожским находкам, украшена глиняная льячка, найденная на селище Золотое Колено (Носов, Плохов 1991: 142, рис. 5, 22).

Аналогичные знаки известны на керамике роменско-боршевской культуры (Москаленко 1965: 31, рис. 55), в дорусском слое Ярославля (VIII–IX вв.) (Горюнова Е. 1961: 93, рис. 37, 6), на селище Шурскол II (X–XII вв.) (Исланова 1982: 189, рис. 4, 24). Обычно они рассматриваются как тамги. И. Г. Розенфельдт вслед за А. К. Амброзом относил их к символам культового характера, подчеркивая, что это знаки, связанные с поклонением солнцу и огню и способствующие благополучию (Розенфельдт И. 1974: 150).

Знаки в виде косоугольного креста известны на глиняных льячках из поселения Крутик IX–X вв. (выполнены в технике прочерчивания и оттиска веревочки) (Голубева 1991: 163, рис. 4, 6, 7; Голубева, Кочкуркина 1991: 73, рис. 33, 13). Л. А. Голубева считала, что орнаментация на глиняных льячках служит одним из доказательств участия женщин в литейном деле, отмечая, что некоторые виды орнаментов (в том числе и косые кресты) встречаются и на другой продукции женского ремесла — глиняных и роговых пряслицах и керамике. Исследовательница полагала, что женщины придавали орнаменту не только значение знака собственности, но и охранительные (магические) функции (Голубева, Кочкуркина 1991: 71, 72). Возможно, такое же значение имели и знаки на ладожской керамике.

Тип II (19 фрагм. на Земляном городище, 24 фрагм. на Варяжской улице). Орнаментальная композиция образована простым повторением элементов (рис. III.53, 16–21). Это могут быть ногтевые насечки, ямочные вдавления, отпечатки гребенчатого штампа, глубокие вдавления. Вследствие своей простоты эта орнаментальная композиция очень широко распространена. В небольшом количестве она известна в Новгороде X в. (Смирнова 1976: 6, рис. 3, *IIВ*, *III*, *III2*, *IVВ*, *IVВ*), на Рюриковом городище (IX–X вв.) (Носов 1990: 134, рис. 56, 15), в Холопьем городке (последняя четверть I тыс. н. э.) (Там же: 182, рис. 70, 6), во Пскове VIII–X вв. (Белецкий 1983: 56, рис. 7, 9), на памятниках типа Рыуге (очень редко) (Шмидехельм 1959: 165; Аун 1976а: 355).

Известна она также в Мстинско-Моложском междуречье (вторая половина I тыс. н. э.) (Исланова 1991а: 46, рис. 1, 7; 3, 1, 4, 9, 11), в Белозерье (Голубева 1973: 54,

рис. 8, 2, 5; 53, 18; 55; Макаров 1991: рис. 1, 5, 6, 11; 2, 5; 3, 4; 5, 5; 8, 4, 7; 9, 2, 5), на селище Шурскол II (X–XII вв.) (Исланова 1982: 189, рис. 4, 8). В Верхнем Поднепровье такая композиция встречена в материалах КСДК (Седов 1970: 100, рис. 25, 2).

Тип III (5 фрагм. на Земляном городище, 3 фрагм. на Варяжской улице). Орнаментальная композиция представляет собой поясок, в котором несколько одинаковых элементов, сгруппированных по два, три или четыре, повторяются с определенным интервалом (рис. III.53, 22–27).

Керамика с подобной орнаментацией встречается на поселении Крутик (IX–X вв.) (Макаров 1991: рис. 4, 3; 9, 3), в Белоозере (X–XI вв.) (Голубева 1973: 153, рис. 55, 3; 56, 7). Н. А. Макаров отмечает наличие (в единичных случаях) таких композиций в курганах на р. Кеме, в бежецких и ярославских курганах (X–XIII вв.). По его мнению, подобные композиции характерны для памятников Белозерья и редко встречаются за его пределами (Макаров 1985: 87).

Тип IV (5 фрагм. на Земляном городище, 4 фрагм. на Варяжской улице). Орнаментальная композиция в виде зигзагообразной ломаной линии, образованной отпечатками палочки, гребенчатого штампа, палочки, перевитой веревочкой, пальцевыми вдавлениями, ногтевыми насечками (рис. III.53, 28–31). Сюда же можно отнести зигзагообразную линию, состоящую из отпечатков вдавлений с плоским дном, сгруппированных по четыре (рис. III.53, 32). Подобные орнаментальные композиции распространены широко, но на каждом отдельном памятнике встречены лишь единичные образцы.

Подобный орнамент имеется на раннегончарном сосуде из Городка на Ловати (Горюнова 1991: 66, рис. 11, 10). Встречается он в Приильменье на памятниках последней четверти I тыс. н. э. (Рюриково городище, городище Княжая Гора) (Носов 1977б: 96, рис. 2; Орлов 1978А: рис. 17, 8), в Верхнем Поднепровье, на памятниках КСДК (Слобода Глушица, VIII–IX вв.) (Седов 1974: табл. 21, 1–3; 1970: 100, рис. 25, 3; Шмидт 1963а: 184, рис. 4, 1, 8, 9), в Белозерье IX–XII вв. (Белоозеро, Крутик, курганы по р. Суде, Колпи, Кеме, Кабоже) (Голубева 1973: 54, рис. 8, 1; 57, 9, 14, 16, 19, 21, 26–28; 53, 6; Макаров 1991: 133, рис. 3, 1; 1985: 87), на поселениях второй половины I тыс. н. э. в верхнем течении р. Мологи (Исланова 1991а: 51, рис. 3, 8), в ярославских курганах (IX–XIII вв.) (Седых 1988А: 272, приложение 6, рис. 8, I-A-4, I-B-3, II-A-3).

Тип V (7 фрагм. на Земляном городище, 6 фрагм. на Варяжской улице). Орнамент образован путем неупорядоченного повторения элементов (рис. III.53, 33–35).

Эта композиция эпизодически встречается на различных памятниках Новгородской земли и Северо-Востока. Она зафиксирована в Городце под Лугой (IX–XII вв.) (Ефимова 1977: 100, рис. 2), в Белоозере (X–XI вв.) (Голубева 1973: 153, рис. 55, 7), на поселении Крутик (IX–X вв.) (Макаров 1991: 133, рис. 3, 10), в Суздале (в слое начала XI в.) (Лапшин 1991а: 138, рис. 2, 11, 15). Н. А. Макаров отметил наличие композиций такого типа (в единичных случаях) на керамике из курганов Юго-Восточного Приладожья по р. Кеме и Колпи (X–XII вв.) (Макаров 1985: 85, 87).

Тип VI (на Земляном городище отсутствует; 3 фрагм. на Варяжской улице). Орнаментальная композиция состоит из повторяющихся одинаковых элементов, расположенных в два яруса и стоящих друг под другом (рис. III.53, 36, 37).

Подобная композиция известна в Юго-Восточном Приладожье (X–XII вв.) (Кочуркина 1973: табл. 5), в Белозерье IX–XII вв. (Белоозеро, Крутик, курганы Колпи и Кабожи) (Голубева 1973: 157, рис. 56, 34; Макаров 1991: 132, рис. 2, 6; 6, 12; Макаров 1985: 88), часто встречается в материалах ломоватовской и чепецкой культур

(Генинг, Голдина 1970: 44, табл. 31; Иванова 1979: табл. XI, 15, 16; Генинг 1962: табл. XV, 8–10; Семенов 1980: табл. XXIX, 30А).

Тип VII (1 фрагм. на Земляном городище, 3 фрагм. на Варяжской улице). Орнаментальная композиция состоит из двух ярусов, элементы которых стоят в шахматном порядке (рис. III.53, 38, 39).

Как и тип VI, подобная композиция встречается в Белоозере и на пос. Крутик IX–XI вв. (Голубева 1973: 157, рис. 56, 1; Макаров 1991: 140, рис. 5, 4; 1985: 88), в Тимерёво (IX–XI вв.) (Макаров 1985: 88), в материалах полемской (VI–IX вв.) и чепецкой (IX–XIII вв.) культур бассейна р. Чепцы (Иванова 1979: 64, табл. XI, 11; Семенов 1980: табл. XXIX, 26; Генинг 1962: табл. XV, 6; Макаров 1985: 88).

Тип VIII (на Земляном городище не встречен; 1 фрагм. найден в раскопе на Варяжской улице). Композиция представлена узором с вертикальной осью симметрии (треугольником, обращенным вершиной вниз, состоящим из отпечатков трубчатой кости). Подобные треугольники соединены между собой пояском из повторяющихся элементов (отпечатков трубчатой кости) (рис. III.53, 40).

Кольцевидные отпечатки широко распространены в Верхнем Прикамье. В Белоозере две орнаментальные композиции, а именно поясок из повторяющихся кольцевидных отпечатков и составленные из последних треугольники, обращенные вершиной вверх, являются характерными (Голубева 1973: 159, 160). Орнамент из чередующихся треугольников, обращенных вершиной вниз (треугольники образованы ямочными вдавлениями), встречен также на керамике городища Камно в Причудье (Фонды ГМИ СПб., шифр К-74/93).

Тип IX (3 фрагм. на Земляном городище, 3 фрагм. на Варяжской улице). Орнамент в виде поясков параллельных линий (сгруппированы по две, три и четыре), между которыми проходят перекрещивающиеся пояски таких же линий, образующие фигуры, подобные ромбам или прямоугольникам (рис. III.53, 41, 42).

Аналогичные композиции широко представлены на керамике городища Новотроицкое (от рубежа VIII–IX вв. до конца IX — начала X в.) (Ляпушкин 1958: 36, рис. 20, 9, 10; 21, 1; 23, 2). Помимо роменской культуры они встречены на обширной территории, хотя и в единичных экземплярах: в Латвии (городища Даугмале и Талси — вторая половина I тыс. н. э.)²⁴, во Пскове VIII–X в. (ПСК-395), Новгороде X в. (Смирнова 1976: 6, рис. 3, 1), на о-ве Сааремаа (Kustin 1962: t. XV, 3–7, 10), в Южной Финляндии IX–XI вв. (Lehtosalo-Hilander 1982, v. 82.1: 371, pl. 9, 16; 374, pl. 12, 28; Kivikoski 1939: 199; Hirviluoto 1960: 50, f. 9, a), на о-ве Готланд (Luoto 1984: 82; Selling 1955: tab. 5, 5), в Бирке (Arbman 1940: taf. 253, 2, 3, 8, gr. 607).

На памятниках земли Мекленбург на южном побережье Балтийского моря подобные композиции связываются со славянским населением 1050–1150 гг. (Schuldt 1956: 42, 43). В небольшом количестве они встречены на круговой керамике польского Поморья IX–XIII вв. (Cnotliwy et al. 1986: 87, r. 3, 16; 90, r. 6, 6; 97, r. 15, 9, 11; 99, r. 17, 6, 8; 110, r. 33, 4, 8; Cnotliwy 1986: 160, 161, r. 2, VI, X; 162, 163, r. 3, XIV, XXI, XXVIII; Szczecin... 1983: 22, r. 12, 11; 27, r. 17, 4; 36, r. 26, 5; 41, r. 30, 2, 5, 7 ect.). В Волине они встречены на сосудах типа Менкендорф (Stanislawski 2012: 200, r. 38, C) и типа

²⁴ Благодарю И. Р. Циммермане за возможность ознакомиться с керамикой из фондов Музея истории Латвии. Необходимо отметить, что орнаментальная композиция на сосуде из городища Талси немного отличается от ладожской.

Вейсдин (Ibid.: 216, r. 60, C). Интересен сосуд из Треллеборга, датируемый 900 г., который относится к типу Менкендорф. На нем описываемый орнамент сочетается с отпечатками фигурного штампа (Kivikoski 1939: 11). На одном фрагменте из Ладоги (горизонт Д) сходная композиция образована не прочерченными линиями, а рядами наколов (шифр ЛА-605) (ил. 82, 2). Двойная ломаная линия из таких же наколов проходит на этом сосуде и по краю венчика, а перекрещивающиеся пояски образуют треугольники.

Тип X (4 фрагм. на Земляном городище, 2 фрагм. на Варяжской улице). Орнаментальная композиция в виде каннелюр (рис. III.53, 43).

Тип XI (на Земляном городище: 3 фрагм. лепной керамики, 4 фрагм. раннегончарной; на Варяжской улице: 11 фрагм. лепной керамики, 16 фрагм. раннегончарной). Композиция, в основе которой лежат опоясывающие весь сосуд прямые и волнистые линии и их разнообразные сочетания. Особенность заключается в том, что орнамент располагается зоной в верхней трети или четверти сосуда (в районе плечика). Сюда относятся одинарная волна и линия, а также их сочетания; поясok, образованный многорядной волной; сочетания линейного орнамента с гребенчатым штампом, вдавлениями с плоским дном, фигурным штампом (рис. III.53, 44–47).

Орнаментация из параллельных прямых и волнистых линий считается самым характерным и широко распространенным элементом славянской и древнерусской керамической традиции, начиная с момента освоения гончарного круга. Она распространена на огромных территориях. Если обратиться к материалам памятников, территориально и хронологически близких раннесредневековой Ладоге, то аналогии данному типу орнаментации широко представлены на раннекруговой керамике Новгорода X в. (Смирнова 1956: 235, табл.), во Пскове конца IX — первой половины X в. (Белецкий 1980: 6, рис. 3, 1, 2; 1983: 57, рис. 10, 2–6), в Городке на Ловати (X–XI вв.) (Горюнова 1977: 54, рис. 1; 1982: 42, рис. 2, 1, 3, 5, 7, 9–11, 13; 1991: 62, рис. 7, 9–13, 15, 16; 9, 6–8, 11, 12, 14, 17, 18), на памятниках польского Поморья (первая половина IX — X в.) (Cnotliwy et al. 1986: 86, r. 2, 8, 11, 14, 18, 19; 87, r. 3, 11–14, 17, 19; 88, r. 4, 3, 5, 6, 8 etc.; Cnotliwy 1986: 160, 161, r. 2, II, III, VII–X; 162, 163, r. 3, I, VI, VIII–XI, XXIII etc.; Szczecin... 1983: 17, r. 7, 5, 8–11; 23, r. 13, 1, 6, 11, 14, 15 etc.; Białecka 1961: t. I, 5; II, 2, 5, 10, 11; III, 1, 3, 9; IV, 1, 3; V, 1–4, 7, 9; VI, 3, 10 etc.).

Группа С

Объединяет орнаменты, украшающие венчик и плечико сосуда (17 фрагм. лепной керамики на Земляном городище; на Варяжской улице не встречены).

Тип XII (7 фрагм. лепной керамики, 5 фрагм. раннегончарной). Орнаментальная композиция состоит из одинаковых элементов (рис. III.53, 48–51).

Тип XIII (5 фрагм. лепной керамики; на раннегончарной не встречен). Орнаментальная композиция состоит из сочетаний различных элементов, иногда выполненных в различной технике, например, отпечатки штампа и линейный орнамент; палочка, обмотанная веревочкой и каннелюра; ногтевые насечки и пальцевые вдавления; гребенчатый штамп и глубокие вдавления (рис. III.53, 52–55).

Группа D

Орнамент покрывает широкой полосой почти все тулово сосуда (на Земляном городище: 14 фрагм. раннегончарной керамики, лепной нет; на Варяжской улице:

1 фрагм. раннегончарной керамики, лепной нет). Элементы орнамента: однорядная и многорядная волна, линейный орнамент, отпечатки гребенки (рис. III.53, 56–58).

В табл. III.22 и III.23 представлено количественное распределение орнаментальных композиций для лепной и раннегончарной керамики Земляного городища и раскопа на Варяжской улице.

Таблица III.22. Распределение орнаментальных композиций на керамике Земляного городища

Горизонт		Композиция орнамента															
		A	B											C		D	Всего
			I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII		
Д	р/гонч.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4	5	–	14	23
	лепная	9	1	11	1	2	3	–	1	–	3	2	2	3	1	–	39
Д–E ₁		–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	4
E ₁		4	–	3	–	2	1	–	–	–	–	1	–	2	2	–	15
E ₂		–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
E ₂ –E ₃₋₁		–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	2
E ₃₋₁		4	–	3	1	–	2	–	–	–	–	–	1	–	–	–	11
E ₃₋₁ –E ₃₋₂		–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	1	–	–	–	–	3
E ₃₋₂		–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2
E ₃₋₂ –E ₃₋₃		–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
E ₃₋₃		–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Всего		17	2	19	5	5	7	–	1	–	3	4	7	12	5	14	101
Доля, %		17	2	18	5	5	7	–	1	–	3	4	7	12	5	14	100

Выводы

В результате анализа совстречаемости и распределения элементов орнамента и орнаментальных композиций установлено следующее.

Для раннего этапа существования Ладожского поселения (вторая половина VIII — первая половина IX в., горизонты E₃ и E₂) характерна лепная неорнаментированная керамика; отдельные орнаментированные фрагменты крайне малочисленны; орнамент фиксируется, в основном, по краю венчика. В горизонтах E₁ и Д количество лепной орнаментированной керамики увеличивается в 2,5 раза.

Несмотря на то что доля орнаментированной керамики составляет всего 1,3 % от общего ее количества (около 10 % от числа верхних частей сосудов: 6 % — для Земляного городища, 14 % — для раскопа на Варяжской улице), количество выделенных элементов орнамента довольно велико (18). За немногими исключениями, все они имеют широкий ареал распространения. Большинство составляют простейшие элементы: пальцевые вдавления, ногтевые насечки, отпечатки гребенчатого штампа и палочки, обмотанной веревочкой, глубокие вдавления, короткие

насечки, нарезной орнамент — то есть элементы, представленные в той или иной степени в самых различных культурах и регионах Восточной Европы.

Наряду с ними встречены элементы, связывающие керамику Ладоги с финно-угорским миром. Это мелкозубчатый, двудольный, решетчатый и фигурный штампы, а также вдавления с плоским дном.

Отпечатки мелкозубчатого штампа фиксируются на Земляном городище в горизонтах E_{3-1} и Д, а вдавления с плоским дном — начиная с горизонта E_{3-1} до горизонта Д. На Варяжской улице вдавления с плоским дном встречены в слоях второй половины X в. То же можно сказать об отпечатках решетчатого, фигурного и двудольного штампов.

При анализе композиций наблюдается аналогичная картина. Если композиции группы А, группы В (типы I, II, IV, V, X) и группы С являются довольно простыми и вследствие этого широко распространены и не могут служить надежным культурным индикатором, то типы III, VI, VII, VIII группы В, видимо, следует связывать с традициями Белозерского и Камско-Вычегодского регионов, а типы IX, XI (группа В) — со славянским миром. Почти все эти типы фиксируются в горизонте Д Земляного городища и слоях второй половины X в. из раскопа на Варяжской улице. Только композиции типа III зафиксированы впервые в горизонте E_{3-1} .

Распространение элементов и композиций орнамента, связанных с финским миром, подтверждает вывод о существовании контактов между населением Ладоги и областями Поволжья и Прикамья. Эти контакты документированы наличием в материалах Ладоги и ее округи находок финно-угорского происхождения (Давидан 1962; 1980; 1986), а также находками Северо-Западного круга древностей в Камско-Вычегодском регионе, в Костромском и Ярославском Поволжье (Рябинин 1992: 153–157; Дубов 1982: 126, 128, 129; Корзухина 1976; Янин 1956: 84, 85). Характер отдельных находок как в Ладоге, так и на памятниках Поволжья (полуфабрикаты, литейные формы, бракованные изделия) говорит о том, что они появились не в результате торговых операций, а могли изготавливаться на месте (Петренко 1984: 87; Рябинин 1992: 155).

При этом О. И. Давидан констатировала, что находки, достоверно связанные с финским кругом древностей, «выделить в материальной культуре древнейшей Ладоги очень сложно, несмотря на то что Ладога возникла на территории, издавна заселенной финскими племенами» (Давидан 1986: 103). По наблюдениям О. И. Давидан, в древнейшем горизонте E_3 найден фрагмент железной сковороды, подобной сковородкам из приладожских курганов (Давидан 1986: 103). К финскому кругу древностей, вероятно, можно отнести и некоторые типы односторонних гребней с фигурной спинкой (Давидан 1962: 101, 102). Приведенные аналогии в орнаментации керамики могут служить еще одним подтверждением существования контактов с финским миром не позднее середины IX в. К сожалению, в настоящее время нельзя интерпретировать их однозначно. Сочетание на одном сосуде элементов и композиций орнамента, принадлежащих к разным «культурным кодам», видимо, говорит о том, что в интересующий нас период даже орнаментация иногда утрачивает этническую характеристику: на уже упоминавшемся сосуде из Треллеборга «славянский» орнамент (композиция группы В, тип IX) сочетается с «финским» фигурным штампом; на сосуде из Ладоги в одном случае фигурный штамп сочетается с линейным орнаментом (композиция XI, 47), а в другом — «славянская» композиция (группа В, тип IX) выполнена в «финской» технике (наколами) (ил. 82, 2).

В IX–X вв. функционирует Сухоно-Вычегодский торговый путь, «имевший решающее значение в культурных связях Севера, Прибалтики и Волго-Окского междуречья с Прикамьем...» (Иванова 1987: 77, 78; Горюнова Е. 1961: 9, 148–152, рис. 1). Большая часть элементов и приемов орнаментации керамики, связанных с Белозерским и Камско-Вычегодским регионами, фиксируется в Ладоге во второй половине — конце X в. По данным О. И. Богуславского, для периода 950–980 гг. отмечается увеличение интенсивности связей Ладоги и Приладожья. В это же время в погребальных комплексах Приладожья ведущим становится пласт вещей, связанных с финской культурной традицией (Богуславский 1993: 147). Именно в IX–X вв. активно функционирует отрезок Волжского пути, проходящий через Юго-Восточное Приладожье, который к концу X в. перемещается в бассейн Волхова и Ильменя (Там же: 148).

Аналогичная картина наблюдается и при анализе так называемых славянских композиций орнамента (группа В, тип IX). Нанесение на карту пунктов, где была найдена керамика с таким орнаментом, не оставляет сомнения в их связи с торговыми путями — как морскими, так и сухопутными, известными еще с IX в. (рис. III.54).

Для лепной посуды Ладоги характерными являются штампованные орнаменты, для гончарной — прочерченные. Однако линейный и волнистый орнаменты встречаются уже на лепной керамике, иногда сочетаясь с различными штампами, короткими насечками, вдавлениями с плоским дном. Кроме того, на раннегончарной керамике наряду с прочерченными (линейным и волнистым) присутствуют всевозможные штампованные орнаменты. Подобное обстоятельство было отмечено В. А. Мальм для круговой керамики Ярославского и Угличского Поволжья, на основании чего она сделала вывод о том, что «употребление штампованного орнамента на круговой посуде Северо-Западной и Северо-Восточной Руси является одной из отличительных особенностей этой керамики» (Мальм 1959: 132). Л. А. Голубева считает, что здесь сказывается влияние местной финской керамики, а отсутствие на Белоозере лепной керамики с линейным и волнистым орнаментами служит для исследовательницы одним из доказательств того, что гончарный круг «был привнесен извне вместе с разнообразными и вполне развитыми типами круговой посуды, характерными для северных славян» (Голубева 1973: 160). А. А. Бобринский, изучив археологические и этнографические материалы, пришел к выводу, что с точки зрения развития гончарной техники появление круга на Северо-Западе не может рассматриваться как местное изобретение, а «связано с освоением новых технических навыков в гончарстве, вызванных славянской колонизацией этих земель» (Бобринский 1961: 68, 69).

Для Ладоги вырисовывается неоднозначная картина, в связи с чем интересно рассмотреть комплекс раннегончарной керамики из горизонта Д Земляного городища (раскопки 1948, 1950, 1957–1958 и 1973–1974 гг.). Это керамика, связанная с постройками 2, 3, 4 (раскопки 1957–1958 гг.), системой настилов большого дома горизонта Д (раскопки 1950 и 1973 гг.) и синхронных комплексов.

Керамика здесь представлена различными формами — как слабопрофилированными, так и с четко выраженными плечиками (ил. 123; 124; 125, 1, 4, 5; 126, 4). Объединяет ее наличие характерной орнаментации из многорядных волн, часто беспорядочных, сочетающихся с линейным орнаментом и покрывающих плечики и тулово сосудов почти до самого дна (орнаментальная композиция группы D). У некоторых фрагментов многорядной волной украшен торец венчика. Очень

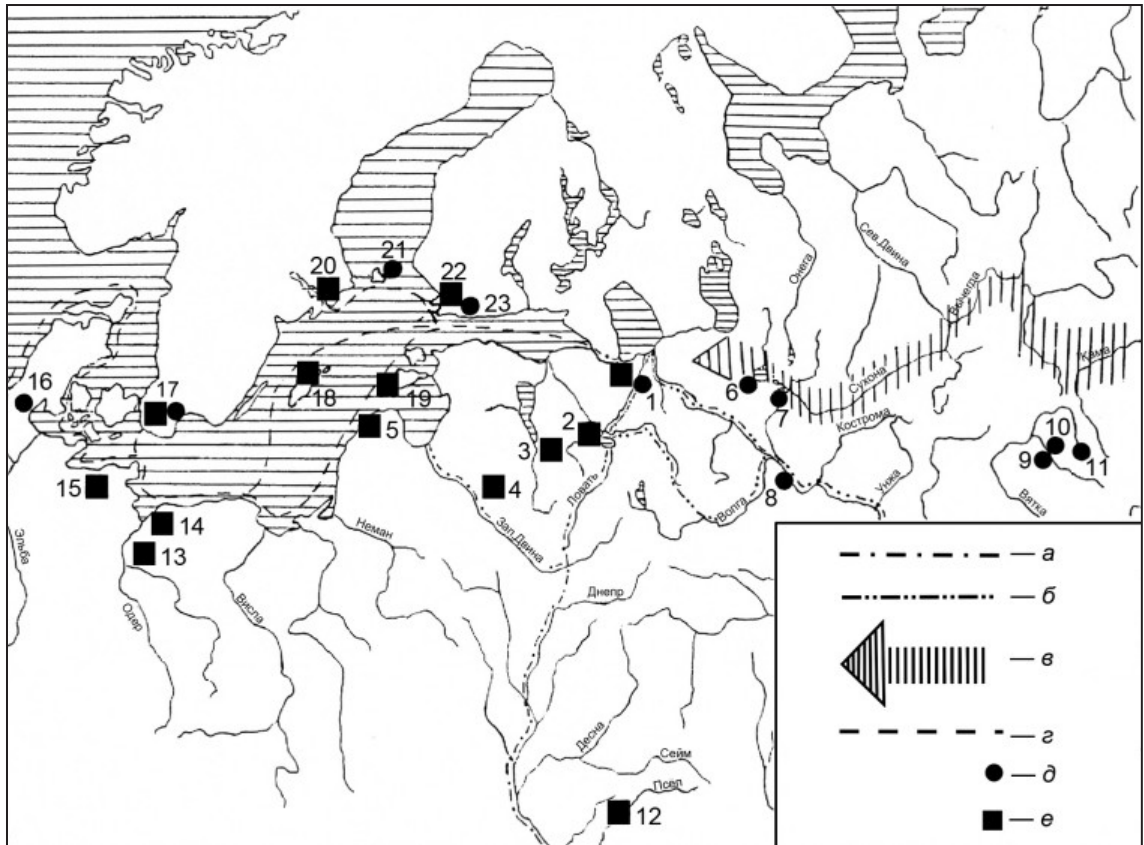

Рис. III.54. Торговые пути Восточной и Северной Европы в последней четверти I тыс. н. э. — начале II тыс. н. э. и распространение некоторых элементов орнамента: *a* — путь «из варяг в греки»; *b* — Балтийско-Волжский путь; *c* — Сухоно-Вычегодский путь; *g* — морские пути по Балтике; *d* — находки сосудов, орнаментированных решетчатым и фигурным штампами; *e* — находки сосудов с орнаментом в виде поясков перекрещивающихся линий (композиции типа IX); 1 — Ладога; 2 — Новгород; 3 — Псков; 4 — Даугмаля; 5 — Талси; 6 — Белоозеро; 7 — Крутик; 8 — Тимерёво; 9 — Гурья-Кар; 10 — Мыдлань-Шай; 11 — Варнинский могильник; 12 — Новотроицкое; 13 — Щецин; 14 — Волин; 15 — Мекленбург; 16 — Рибе; 17 — Треллеборг; 18 — о. Готланд; 19 — о-в Сааремаа; 20 — Бирка; 21 — Аландские о-ва; 22 — округ Турку; 23 — Луистари

большое разнообразие керамики дает постройка 2 (она представляет собой комплекс из трех разновременных сооружений, перекрывавших друг друга). Создается впечатление, что вся продукция вышла из одной мастерской. Важно отметить, что эта керамика несет на себе следы недостаточной квалификации мастеров: скорее всего, она изготовлялась здесь, в Ладоге, гончарами, которые только осваивали новую технологию. Интересно, что подобная орнаментация практически не представлена на керамике из раскопа на Варяжской улице. Там встречен раннегончарный сосуд, который орнаментирован от плечика почти до самого дна, но все элементы орнамента (отпечатки гребенки, многорядная волна, линии) нанесены одним инструментом — гребенчатым штампом. В данном случае композиционные схемы орнамента сосудов Земляного городища и Варяжской улицы одинакова, но стилистически они различаются, что, видимо, может говорить не только

Рис. III.55. Места находок (синие кружочки) фрагментов раннегончарной керамики с волнистым орнаментом в горизонте Д Земляного городища: (по: Рябинин, Черных 1988: 97, рис. 11; Давидан 1977: 102, рис. 1, с дополнениями)

о разных пристрастиях мастеров, изготовивших эти сосуды, но, вероятно, и о разных культурных традициях.

Особо следует отметить, что рассматриваемая группа раннегончарной керамики горизонта Д связана с комплексами, входящими в состав выделенного О. И. Давидан ремесленного квартала, жители которого занимались резьбой по кости, обработкой янтаря, а подчас выступали и как торговцы (Давидан 1977: 102, рис. 1). По мнению О. И. Давидан, косторезы, скорее всего, жили в северо-восточной части исследованной площади города (Там же: 104).

Картографирование фрагментов раннегончарной керамики показывает, что наибольшая их концентрация приходится на юго-западную часть (рис. III.55). Видимо, среди ремесленников, живших в Ладоге периода горизонта Д, были и гончары. В жилищах, где найдено больше всего фрагментов такой керамики (№ 2 и 3) встречены также заготовки гребней, полуфабрикаты предметов из рога, кусочки янтаря и изделия из него, тигли (Там же: 102, рис. 1), хотя в значительно меньшем количестве, чем в северо-восточной части участка. Появление данного типа керамики можно предположительно датировать 930-ми гг.: аналогичные фрагменты были зафиксированы Е. А. Рябининым на настиле большого дома горизонта Д, имеющем дендродаты 927 и 932 гг. (Рябинин 1985: 37) (см. с. 440, 441).

Сочетание различных ремесел в рамках одного хозяйства широко известно по материалам городов Руси (Рыбаков 1948: 507). Факт появления гончарной посуды

на территории, занятой ремесленниками и торговцами-воинами (Давидан 1977: 104; Рябинин 1985: 46, 47; Рябинин, Черных 1988: 98, 99), рассмотренный в связи с уже упоминавшимися выше выводами о внезапности появления гончарной посуды на Северо-Западе (Рыбаков 1948: 165; Бобринский 1961: 68, 69) и явной привнесенностью сюда этого технического новшества, позволяет поставить вопрос о возможных путях появления круга в Ладоге.

Подобная керамика (с орнаментом в виде многорядных линий и так называемых путаных волн, покрывающих почти весь сосуд) известна и в других городах Северной Руси: Новгороде (в слоях X–XI вв.) (Бобринский 1961: 63), Пскове и Изборске (вторая половина X в.) (Белецкий 1979: 10). На Рюриковом городище, по данным В. М. Горюновой, подобная керамика является переходной от лепной к круговой (Горюнова 1997: 154; 2007). По мнению А. А. Бобринского, орнаментация из беспорядочных волн, перекрывающих друг друга, и линий характерна для «ранних образцов древней керамики, относящихся к начальному этапу освоения вращательного движения круга» (Бобринский 1961: 63). Керамика сходных форм, орнаментированная в таком же стиле, широко известна на памятниках южного побережья Балтийского моря: в Щецине (Szczecin... 1983: 22, рис. 12, 12, 13, 15; 32, рис. 22, 16; 37, рис. 27, 5, 8, 13, 15), Волине (Cnotliwy et al. 1986: 86, рис. 2, 11; 90, рис. 6, 3; 101, рис. 19, 3, 4), Бялогарде (Cnotliwy 1986: 162, 163, рис. 3, X–XII, XXX). Сходство некоторых типов раннегончарной керамики Северо-Западной Руси и посуды балтийских славян междуречья Эльбы и Вислы уже было отмечено в литературе (Смирнова 1974: 17–22; Горюнова 1982: 44, 45).

В. М. Горюнова пришла к выводу, что аналогий таким сосудам на памятниках других территорий Древней Руси немного, а в Северной Польше и Северной Германии они довольно широко представлены среди посуды типа Менкендорф (Горюнова 1977: 165). Однако, по мнению исследовательницы, очень трудно однозначно ответить на вопрос, является ли это сходство инновацией или результатом спонтанного развития (Горюнова 1994: 68, 69). С. В. Белецкий считал одну из культурных групп, выделенных им для Повеличья и Причудья, — а именно культурную группу 5 (с керамикой предкруговой, примитивно-круговой и круговой стилия 1, или так называемого роскошного) — чужеродной для этого региона. Он также сопоставляет её с памятниками южного побережья Балтийского моря (Белецкий 1979: 7, 10, 11).

Связи Северной Руси с южным побережьем Балтики в X в. прослежены также по находкам западноевропейских монет (Потин 1961: 9, 10), янтаря (Давидан 1986), единого типа хлебных печей (Носов, Петренко 1986: 8–15; Носов 1990: 51–61), а также по сходной технике оборонительных укреплений (Lebedev 1982). В литературе уже неоднократно отмечалось развитие в VIII — начале XI в. северной торговли и связанных с нею раннегородских образований в Скандинавии, на южном побережье Балтики и в Восточной Европе (Лебедев 1985: 100–119). Рассмотрение общих условий развития ремесла в это время позволило исследователям высказать вполне обоснованное предположение, что деятельность свободных странствующих ремесленников была одной из основ обмена опытом. Для этой группы населения особую притягательность имели раннегородские центры типа Ладоги, где находились стационарные мастерские, обслуживающие широкий рынок (Горюнова 1977: 57; Херрман 1978: 191–196; Лецевич 1993: 146–150; Кирпичников 1985а: 19–22; Капелле 1989: 138–140; Рябинин 1994: 51–55; 1994а). В результате тесного общения

представителей разных культурных групп происходит нивелировка материально-предметного комплекса, появляются так называемые вещи-гибриды, которые являются отражением интеграционных процессов. Видимо, в этом русле следует рассматривать появление сосудов, на которых сочетаются орнаментальные приемы, характерные для разных культурных (этнических?) групп населения.

То обстоятельство, что раннегончарная ладожская керамика повторяет форму лепной (см. с. 444–445) и на нее переносятся элементы и композиционные приемы орнаментации (в частности, зонное расположение орнамента), свойственные последней, говорит о том, что появление гончарного круга не нарушило последовательного развития местного керамического производства, хотя и принесло некоторые новации. Вместе с новой технологией изготовления посуды появляется новый прием орнаментации: композиция группы D, встреченная только на раннегончарной керамике, когда орнамент покрывает почти все тулово сосуда до самого дна.

Выделенные в Ладоге, на Рюриковом городище (Горюнова 1994; 1995), в Новгороде (Смирнова 1974), в Городке на Ловати (Горюнова 1977: 54–56; 1991: 44), во Пскове (Белецкий 1980: 7, 10, 11) серии раннегончарных сосудов, аналогии которым прослеживаются в материалах памятников южного побережья Балтийского моря, дали основание некоторым исследователям рассматривать эту территорию как исходную не только для распространения технического новшества, но и как регион, откуда осуществлялась миграция населения на Северо-Запад (Фомин 2009; Романчук 2013).

Если первое утверждение, основанное на изучении раннегончарных комплексов памятников Северо-Западной Руси (Горюнова 1994: 65–77; 2011), имеет под собой доказательную базу и может объясняться следствием интеграционных процессов, складывающихся в раннем средневековье, то второе не имеет достаточных оснований. В. М. Горюнова недвусмысленно указывает: «...незначительное число западнославянских сосудов не могло... отражать массовый исход южнобалтийского населения на Северо-Запад Руси с целью основания раннегородских центров... Большая часть этих единичных экземпляров связана с разного рода бытовыми случайностями» (Горюнова 2011: 236). Появление раннегончарной керамики, орнаментированной так называемой путаной волной (первой, наиболее ранней, группы, по В. М. Горюновой) в Ладоге в квартале мастеров-косторезов, также говорит о том, что оно связано, скорее всего, с деятельностью свободных странствующих ремесленников²⁵.

²⁵ Миграцию отдельных групп западнославянской военно-торгово-ремесленной элиты на Русь на рубеже 920–930-х гг. вполне можно трактовать как бегство в результате жестокого поражения в борьбе с королем Восточной Саксонии Генрихом I Птицеловом. После ряда его успешных походов на восток в 929 г. произошла битва близ Ленцена в долине р. Эльбы. В ходе ее, по сообщениям современников, славян было убито 120 тысяч. Это число, возможно, преувеличено, однако славянские городища в этом районе оказались сожжены и частично заброшены именно в указанный период (Шнеевайс 2017: 57–62). Городище Менкендорф, ставшее эпонимным при выделении керамического типа, имеющего аналогии на Северо-Западе, располагалось на правом берегу Эльбы, в довольно близком соседстве с территорией указанных событий (*Примеч. ред.*).

РЕДКИЕ ФОРМЫ И ИМПОРТНАЯ КЕРАМИКА

В многотысячной коллекции ладожской керамики имеются фрагменты сосудов, которые по ряду характерных признаков выделяются из общей массы.

Лощеная посуда

На фоне керамики, изготовленной из довольно грубого теста с примесями дресвы, выступающей на поверхности сосудов, внимание привлекают немногочисленные фрагменты керамики более высокого качества с лощеной поверхностью.

Я. В. Станкевич выявила среди керамики горизонта E_3 фрагменты лощеного сосуда, орнаментированного в верхней части косыми перекрещивающимися линиями (Л-1123, Л-1351). От общей массы керамики Земляного городища они отличались хорошим качеством теста, тщательностью отделки и отсутствием нагара на стенках (Станкевич 1950: 193–195). Исследовательница отнесла данную находку к категории привозной парадной столовой посуды. Происходит она из «жилого комплекса большого дома на материке» (раскопки 1947 г.), который можно идентифицировать с постройкой 9 по описанию О. И. Давидан и отнести к микрогоризонту E_{3-2} (конец VIII — начало IX в.) (Давидан 1976: 104, 110).

Согласно реконструкции Я. В. Станкевич, это был лепной, резко профилированный биконический плоскодонный сосуд чашеобразной формы (Станкевич 1950: 193, 194, рис. 3, 3). А. В. Плохов реконструировал его иначе — как круглодонную ребристую миску (Плохов 2010: 167, 168, рис. 1, 7). Но поскольку фрагменты донца сосуда отсутствуют, а в материалах лесной зоны Восточной Европы второй половины I тыс. н. э. представлены и плоскодонные, и круглодонные миски, решить этот вопрос однозначно не представляется возможным²⁶.

Сосуд изготовлен из хорошо промешанной глины с мелкими примесями дресвы. Черепки в изломе трехслойные: внутренняя поверхность имеет светло-коричневую окраску, середина — красновато-песочного оттенка, а внешняя сторона — темно-коричневого цвета. Поверхность сосуда тщательно заглажена и залощена, на венчике хорошо видны горизонтальные, иногда пересекающиеся, полосы лощения, сделанные каким-то узким лощилом (ил. 13).

Данный сосуд выделяется даже среди других лощеных сосудов, найденных в Ладоге. По качеству глиняного теста, цвету и другим признакам обломки сосуда, найденного в Ладоге в 1947 г., напоминают находку на селище Заполье-3 в Верхнем Полужье из комплекса ямы 1, узко датируемой VII в. (Платонова, Жеглова 2021: 184–193, рис. 7, 1). Добавим, что лощеная и подлощенная посуда различных форм, в том числе с реберчатым профилем, встречена в последние годы на ряде памятников Приильменья, относимых к более раннему времени, чем последняя четверть — конец I тыс. н. э. В частности, она выявлена на городище Сельцо на р. Ларинке (Еремеев, Дзюба 2010: 124, рис. 112, 13, 14), на городище Городок на Маяте — в насыпи вала, сооруженного в первой половине VII в. из культурного слоя предшествующего времени,

²⁶ Например, миска, близкая по форме ладожской, но без лощения, с орнаментом «веревочка на палочке» по краю венчика и плечу имеет поддон (найдена в сопке 1 поселения Золотое Колено IX–X вв. (Носов, Плохов 1991: рис. 2, 12)).

на одноименном селище у подножия городища (середина V — начало VI в.) (Там же: 84, 87, рис. 66, 1; 76, 1, 10).

Лощеная и подлощенная керамика хорошо известна на памятниках второй и третьей четвертей I тыс. н. э. на соседних территориях — в Беларуси (культура штрихованной керамики) (Медведев 1996: 192, рис. 88); Верхнем Поднепровье и Подвинье (тушемлинская культура) (Шмидт 2003: табл. 29, 16; 43, 2–4), а также в материалах дьяковской культуры Верхневолжья (см., напр.: Исланова 2008: 33, табл. 7, группа 5, рис. 103, 5) и Москворечья (Розенфельдт И. 1974: 114, табл. 3, рис. 9, 1–7; 14). Н. В. Лопатиным и А. Г. Фурасевым в материалах памятников Днепро-Двинского региона III–V вв. выделена серия лощеных мисок стиля IV (так называемый зарубинецкий лощеный), который для этой группы не является характерным и увязывается по происхождению с позднезарубинецкими древностями (Лопатин, Фурасев 2007: 27). По профилировке и способу обработки поверхности эти миски аналогичны миске из Ладоги (Л-1123, Л-1351) (Там же: рис. 8, 11; 23, 1). Я. В. Станкевич при описании этого сосуда также привела аналогии ему в памятниках «полей погребений» Верхнего Поднепровья (зарубинецких древностях), отметив, что, хотя он и выделяется из общей массы лепной керамики Ладоги, «нет оснований считать его случайным элементом в её составе» (Станкевич 1950: 193–195). К сожалению, на современном уровне знаний вряд ли возможно однозначно определить происхождение такой керамики в Ладоге. А. В. Плохов считает, что сосуд имеет аналогии «в древностях прибалтийских финнов» (Плохов 2010: 167, 168).

Остальная лощеная керамика в Ладоге представлена фрагментами тонкостенной посуды из хорошо отмученной глины, имеющей блестящую поверхность черного цвета. По профилировке верхней части они напоминают лощеные и подлощенные лепные мискообразные сосуды, широко представленные на памятниках Юго-Восточной Эстонии второй половины I тыс. н. э.: группа 2, типы 3 и 4, по М. Аун (Аун 1976а: 353, рис. 46, 11). В. Ланг отметил, что ребристые формы характерны для лощеной и подлощенной керамики Юго-Западной Финляндии, а в Северной Эстонии встречаются в единичных случаях (Ланг 1992: 82). В качестве примера можно привести материалы могильника эпохи викингов Луистари (Lehtosalo-Hilander 1982, v. 82.1: 395, pl. 23, 8; 398, pl. 36, 9; 404, pl. 42, 2; 408, pl. 46, 5).

Лепная подлощенная чаша, орнаментированная косыми перекрещивающимися линиями (однако не ребристая, а округлобокая), найдена в культурном слое Пскова — в горизонте Е (конец X — начало XI в.) (Белецкий 1996: 63; рис. 55, 8)²⁷. Встречены фрагменты лощеных и подлощенных мисок на Труворовом городище (Лопатин 2021). С. В. Белецкий и Н. В. Лопатин связывают такую посуду по происхождению с прибалтийско-финскими древностями, в частности с памятниками типа Камно-Рыуге (Белецкий 1996: 24, 26; Лопатин 2021: 214).

Лощеная и подлощенная керамика присутствует, пусть в незначительном количестве, на многих памятниках последней четверти I тыс. н. э. в Поволховье, Приильменье, на Ижорском плато. Помимо могильников Финляндии она встречена в курганах Юго-Восточного Приладожья, в Восточном Причудье, в низовьях р. Великой, на памятниках Эстонии. Что касается Ладоги, то даже визуально можно определить, что качество выделки этих сосудов весьма различно. Изготавливали их из разных глин мастера различной квалификации.

²⁷ Благодаря С. В. Белецкого, обратившего мое внимание на эту аналогию.

А. В. Плохов, опубликовавший наиболее полную на сегодняшний день сводку лощеной и подлощенной керамики из Ладоги (Плохов 2010; там же список литературы), показал с помощью факторного анализа химического состава фрагментов, что тесто таких сосудов существенно различается даже в пределах этой небольшой выборки (Там же: 177, 178, рис. 4). По его данным, единичные фрагменты такой посуды встречаются в горизонтах E₃, E₂ и E₁, а наибольшее количество — в горизонте Д (Там же: 176, 177).

В Ладоге встречены местные подражания привозной лощеной посуде — как с лощением, так и без него: например, известны фрагменты мискообразных сосудов, близкие по форме реберчатым лощеным мискам, но изготовленные из грубого теста с крупными примесями дресвы, без следов лощения (типы ФVII, 8; ил. 14) (о форме днища в большинстве случаев нельзя судить определенно). К сходному выводу о наличии местных модификаций лощеных прототипов пришел Н. В. Лопатин на материалах Изборска (Лопатин 2021: 212).

Керамика с «рогожными» отпечатками

В раскопе на Варяжской улице встречен один фрагмент стенки сосуда с «рогожными отпечатками» на внешней стороне. Он найден в слое второй половины IX в. на левом берегу р. Ладозки (штык 17; шифр САЭ-1976/ЛП-3504) (ил. 24, 1). Такая керамика считается одним из характерных признаков городецкой культуры (Смирнов, Трубникова 1965: табл. 6, 11–14; 8, 11, 15, 22; 9, 3, 4, 6, 8, 12, 17, 18, 21; 10, 1–13).

В. А. Городцов, выделивший эту культуру, считал, что такие следы остаются от обертывания сосуда в рогожную плетенку (Городцов 1901; 1905: 41). Некоторые исследователи считают, что подобный рисунок наносился не с помощью ткани, а специальным штампом (Арзютов 1926: 79; Трубникова 1952: 125). Это предположение было экспериментально подтверждено А. А. Бобринским (Бобринский 1978: 231, 234, 235, рис. 98). Все исследователи единодушны в том, что памятники городецкой культуры оставлены финно-угорским населением, большинство датирует их с VII в. до н. э. по V в. н. э. (Смирнов, Трубникова 1965: 3; Монгайт 1961: 32). Распространены они в среднем и нижнем течении р. Оки, хотя керамика с «рогожными отпечатками» встречается шире, в том числе и на многих дьяковских памятниках (хотя в небольшом количестве) — в Верхнем и Среднем Поволжье, в верховьях Западной Двины (Финно-угры и балты... 1987: 67; Станкевич 1960: 32; Смирнов, Трубникова 1965: 9; Сыроватко 2009: 172). Исследователи по-разному датируют этапы развития дьяковской культуры. Некоторые выделяют позднедьяковскую культуру (или позднедьяковские памятники разных типов) и постдьяковские комплексы (Исланова 2007: 306; 2014; Кренке 2016: 282, 283) и считают, что она продолжает существовать до конца I тыс. н. э. (сводную хронологическую таблицу см.: Исланова 2002: 459, табл. 1). О материалах «позднедьяковского» круга памятников в Ладоге см. с. 492–495.

Керамика, орнаментированная «тычками» и «защипами»

Я. В. Станкевич опубликовала фрагменты сосуда (Л-640; ил. 15), найденного в 1947 г. на Земляном городище, в комплексе горелых построек горизонта E₂

(середина IX в.). Его отличительной особенностью была орнаментация по всему тулову рядами «горизонтально поставленных ячеек или углублений» (Станкевич 1951: 229, 230, рис. 6, 1). Углубления оставлены кончиками пальцев («тычками»). Часто в литературе не делается различий между отпечатками пальцевых вдавлений и защипами, хотя на самом деле техника нанесения узора различается.

«Защипная» керамика (то есть украшенная по всей внешней поверхности тулова именно пальцевыми защипами) известна на памятниках Латвии начиная с эпохи РЖВ (II–IV вв. н. э.) до эпохи «позднего железа» (X — начало XIII в.) (Latvijas PSR... 1974: 336, t. 46, 1; 74, 2), в том числе в ливских курганах (Laukskola, gr. 12) (Tõnisson 1974: t. XXXI, 2). Встречена она и в каменных могильниках Юго-Восточной Эстонии (Аун 1992: 47, 48, табл. VII, 1, 4, 6, 7). В Литве она была широко распространена уже в первой половине I тыс. н. э.

Й. Р. Циммермане считает её характерной для балтов и отмечает, что в других регионах она встречается очень редко. Интересно наблюдение исследовательницы о том, что защитная керамика даже на территории Латвии встречается почти повсеместно, но в небольшом количестве и обычно сопутствует облитой (хрופоватой) керамике (Циммермане 1980: 72, 73).

Сосудик из Ладоги украшен не защипами, а пальцевыми углублениями (тычками). Я. В. Станкевич реконструировала его как баночный на основании «фрагментов венчика, средней и придонной частей сосуда» (Станкевич 1951: 227, рис. 4, 3). Рассмотрев сохранившиеся четыре фрагмента этого сосуда, я не обнаружила среди них фрагмента венчика. Придонная часть тулова сосуда реконструируется не как баночная, а скорее как конусовидная.

Если искать аналогии именно «тычковому» орнаменту, то можно назвать отмеченные Я. В. Станкевич могильник Реголи в Венгрии (Станкевич 1951: 230; Hampel 1905: taf. 192, 24 gr.: a; тычки расположены горизонтально и вертикально) и могильник Бирка в Швеции (в погребениях IX — начала X в.) (Arbman 1940: taf. 256, 1; 1943: 421, gr. 1002; тычки расположены вертикально). Тычковым орнаментом украшен сосуд липицкой культуры I–II вв. (Подунавье; тычки расположены горизонтально) (Славяне и их соседи... 1993: 255, табл. XXXV, 16).

Наиболее близкими аналогиями такому орнаменту территориально и хронологически являются мискообразный сосуд из Изборска (IX–XI вв., считается там привозным и связывается с территорией латгалов) (Лопатин 2021: 210, 213, 214, рис. 2, 7) и сосуд из заполнения предгорновой ямы ремесленного сооружения 65 на Рюриковом городище (середина — последняя четверть X в.) (Носов и др. 2017: 69, 70, рис. 19, 7)²⁸. В могильнике Залахтове в погребении, датирующемся рубежом I–II тыс. н. э., найден сосуд, украшенный, по мнению автора раскопок, «вертикальными защипами», хотя, судя по рисунку, можно предположить, что это вертикально расположенные тычки (Хвоцинская 2004: 109, табл. XLI, 16).

В 2009 г. в раскопе А. Н. Кирпичникова был найден один сосуд с защитным орнаментом (САЭ-2009/147, найден в слое А, относящемся к 860–880 гг.)²⁹. Сосуд был в полевых условиях догипсован, поэтому о форме можно судить только

²⁸ Благодарю В. М. Горюнову за консультацию по технике нанесения орнамента.

²⁹ Благодарю науч. сотр. ИИМК РАН Н. В. Григорьеву за уточнение датировок керамики из раскопок А. Н. Кирпичникова.

по реконструкции. Скорее всего, она была баночной или близкой к ней. Сосуд украшен двумя рядами пальцевых защипов в верхней части и наклонными отпечатками гребенчатого штампа («веревочка на палочке»?) по краю венчика (ил. 16).

Защипной орнамент для керамики Ладоги нехарактерен. Он встречается на керамике более раннего времени соседних территорий. Например, фрагменты сосуда с защипами в верхней части найдены на селище рядом с Городком на Маяте, где датируются V–VI вв. (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 38, 3, 7), на селище Пески 1 на керамике позднедьяковских памятников типа Варварина Гора (Волкова, Исланова 2011: 161, рис. 7, 16). Защипами по тулову украшались некоторые сосуды, относимые ко второй четверти I тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье, например, на городище Полибино (Лопатин, Фурасьев 2007: 80, 83, рис. 41, 9). Вообще для памятников первой половины — середины I тыс. н. э. характерны защипы по краю венчика. Такую керамику связывают с кругом памятников «типа среднего/верхнего слоя Тушемли» (Третьяков 1963: 114, 117). Они встречены на городищах Тушемля, Демидовка, Церковище, Полибино, Назимово, Староселье (Лопатин, Фурасьев 2007: 79–88). Известны на дьяковских «классических» и позднедьяковских памятниках (Розефельдт 1974: 137), причем в разных регионах: верховья Оки, Верхневолжье, Помостье (Исланова 2011: 82; Конецкий 2011: 130). Круг аналогий достаточно обширен, поскольку орнаментация защипами и пальцевыми вдавлениями относится к простейшим видам. Соотнести сосуд, найденный в Ладоге, с каким-то определенным кругом древностей весьма проблематично.

Сосуды на поддонах

В слоях VIII–IX вв. на Земляном городище и в слоях IX–X вв. на Варяжской улице (САЭ-1976/ЛП-618; ЛП-1843) представлена небольшая серия сосудов, имеющих кольцевой поддон. Один из них, найденный в 1947 г. в горизонте E_3 , опубликовала Я. В. Станкевич (Станкевич 1950: 194, рис. 3, 5). В 1959 г. были найдены фрагменты ещё одного сосуда на поддоне в промежуточном горизонте E_{2-3} (ЛДГ-93)³⁰ (ил. 10, 1а, 1б). В настоящее время в материалах Ладоги насчитывается около десятка сосудов на поддонах различных размеров (ил. 9, 1а, 1б, 2а, 2б; 10, 1а, 1б, 2а, 2б; 11, 1а, 1б; 23; 34, 7; 47, 5, 6; 102, 5; 104, 5 и др.). К сожалению, форму сосудов не всегда удается восстановить; скорее всего, это были миски.

Диаметр днищ (поддонов) варьирует от 5 до 10 см; видимо, изделия различались по размерам. Что касается качества глиняного теста, то оно также изменяется от обычного для большинства ладожских сосудов, с более или менее крупными примесями дресвы, до очень хорошо промешанного, в котором крупные примеси отсутствуют. У некоторых сосудов на поддонах поверхность тщательно заглажена, возможно, даже слегка подлощена (ил. 9, 1а, 1б, 2а, 2б).

³⁰ Согласно полевому отчету, этот фрагмент найден в промежуточном горизонте E_{2-3} мощностью 25–40 см (ниже горелого слоя всеобщего пожара E_2 и выше слоя щепы с навозом и вкраплениями угольков, интерпретированного как слой локального пожара (Равдоникас 1959А)). По данным Е. А. Рябилина и Н. Б. Черных, пожар горизонта E_2 датируется примерно 863–871 гг., а время функционирования построек горизонта E_2 относится к 40–60 гг. IX в. (Рябинин, Черных 1988: 91, 98; Черных 1989: 212).

Аналогии им на Северо-Западе встречены в единичных случаях — на памятниках, связанных с культурой сопок. Известны они в Холопьем городке IX в. (Носов и др. 2005: 351, табл. 179, 3), на селище Васильевское в слоях X в., скорее всего, второй его половины (Там же: 135, 327, табл. 155, 2), в сопке 1 группы Золотое Колено (X в.) (Носов, Плохов 1991: 139, рис. 2, 12), на селище Которский погост (Mikhaylova 2014: 228, fig. 13, 11), на городище Курская Гора (Горюнова 2019: 171, сноска 5).

Для этого времени сосуды с поддоном известны на памятниках Литвы — могильник Курклюшило, погребение 3 (X–XI вв.) (Archeologiniai... 2002: 60–63), в Латвии (поселение Кенте; Latvijas PSR... 1974: tab. 46, 8), в Гнёздове (Каменецкая 2019: рис. 16, 1, 2), в Верхнем и Среднем Поволжье — на поселении Рождественская Горка в Тверской обл. (ТГОМЗ, шифр Б-613/970), в Тимерёвском могильнике (Финно-угры и балты... 1987: 280, табл. XXXII, 7), в Подболотьевском могильнике близ г. Мурома (погребения 101 и 110) (Кренке 2018: 311, рис. 3) (в последнем случае автор отмечает, что такая керамика не характерна для этого памятника).

В. М. Горюнова, опираясь на работы польских и немецких коллег, пришла к выводу, что появление сосудов на поддоне на памятниках Северо-Западной Руси в конце IX — X в. «связано с инфильтрацией балтских керамических форм» (в свою очередь появившихся у западнобалтских племен во II–V вв. под воздействием пшеворских и вельбаркских традиций). Исследовательница справедливо, на мой взгляд, указала на истоки этой традиции в материалах позднееримского времени и эпохи переселения народов (Горюнова 2019; там же список литературы). Отмечу, что в Ладоге ранние находки сосудов на поддоне относятся к горизонту E₃, то есть датируются не позднее первой четверти IX в.

На территории Восточной Европы подобные миски на поддонах имеют достаточно глубокие корни — они встречены в зарубинецкой культуре — как в полесском (Велемичи, Воронино), так и в верхнеднепровском (Чаплинский могильник) её вариантах (см., напр.: Археологія Беларусі... 1999: 281, мал. 76, 16–19; 21–24; 79, 10; Славяне и их соседи... 1993: 226, 227, 233, табл. VII, 11, 14; VIII, 50; XIV, 8). Присутствуют сосуды на поддонах и в дьяковской культуре, где И. Г. Розенфельдт выделила тонкие (плиточные) и толстые поддоны (Розенфельдт И. 1974: 135, рис. 25, 18–29; Кренке 2011: 519, рис. 221, № 885–84, 1138–84).

В Ладоге наряду с полыми поддонами имеются сосуды на «сплошном» поддоне (ил. 9, 1а, 1б; 47, 5, 6), которые встречены уже в горизонте E₃. Аналогии «сплошным» поддонам имеются в прибалтийских древностях II–IV вв. (см., напр.: Latvijas PSR... 1974: tab. 24, 18, 20), на Дьяковском городище (в нижнем и верхнем слоях, то есть от V в. до н. э. до IV–VII вв. (Кренке 2011: 135–145, 487, рис. 189, 251–81, 951–84; 519, рис. 221, 175–82, 82–82), в пеньковской культуре V–VII вв. (Горюнов 1981: 75, 77, рис. 27, Б, 28, 19).

В последней четверти I тыс. н. э. такие сосуды, по мнению В. М. Горюновой, уже являются реликтовым явлением и в ареале западного славянства, и на территории Северо-Западной Руси (Горюнова 2019: 172, 173). Сложно сказать однозначно, было ли их появление на памятниках Северо-Запада «инфильтрацией балтских форм» (условно западный путь), как считает В. М. Горюнова, или они являются отголоском древней восточноевропейской традиции, существовавшей в культурах, взаимодействовавших эту форму в ходе контактов с провинциально-римским культурным миром (условно южный путь).

В 2010 г. на Земляном городище в горизонте E₁ была найдена почти целая небольшая лепная миска на невысоком кольцевом полом поддоне. Тесто с крупными примесями дресвы, выступающими на поверхность, характерно для основной массы керамики Ладоги. Диаметр венчика 16 см, высота 5,6 см. Поддон диаметром 6 см имеет толщину 0,7 см (ил. 11, 1а, 1б). Миска сделана довольно небрежно. По пропорциям сосуд напоминает точёные деревянные миски, найденные в Ладоге (например, ЛС-1954 из горизонта E_{3.3} (Давидан 1970: рис. 1, 10; 2, 1) (ил. 11, 2а, 2б) или Новгороде (Колчин 1968: 112–115, табл. 15–18).

Возможно, именно деревянная посуда качественной выделки играла в Ладоге роль «столовых сервизов», являвшихся дорогими предметами обихода, доступными далеко не всем жителям. О том, что подобные изделия ценились высоко, свидетельствуют сохранившиеся на них следы ремонта, сделанного в древности (Давидан 1991: 131). Может быть, описанная выше глиняная миска на поддоне являлась подражанием дорогим и престижным аналогам, выточенным из дерева³¹?

Сосуды «с оттянутым валиком»

На Земляном городище в 2003–2004 гг. в слое, датированном 860–890 гг., найдены три фрагмента керамики (возможно, от одного сосуда) с небольшим валиком на плечике, сформованным из теста сосуда (ил. 35). Это явно не технологическая деталь, не так называемый «наплыв-ребро». Скорее всего, это декоративный элемент. Они близки типу Р-4 (сосуды с оттянутым валиком), выделенному Н. В. Лопатиным для территории Верхнего Поднепровья и Подвинья V–VIII вв. (Лопатин 2003: 45, рис. 1). Встречаются такие сосуды в Двинско-Ловатском (Жабино, Узмень, Субовщина) и Псковско-Чудском (Кынну, Дорохи, Жеребятино, Грядище) регионах распространения КПДК (Лопатин 2003: рис. 3, 4; 4, 6, 8; 5, 3; 6, 1, 5; 7, 4, 5). Н. В. Лопатин считает этот тип «собственной формой КДК» (Лопатин 2003: 55), хотя отмечает, что сосуды с оттянутым валиком (как сделанным из теста сосуда, так и налепным; как расположенным на изгибе тулова, так и имитирующим несуществующий перегиб) известны на памятниках поздней киевской, колочинской и пеньковской культур (Лопатин, Фурасьев 2007: 41). Сосуды с оттянутым валиком (или имитацией его, поскольку так же, как и в Ладоге, валик там нечетко акцентирован) встречены в третьей четверти I тыс. н. э. на памятниках КДК в верховьях Мсты: селище Городок-1 (Исланова 2006: рис. 78, 5, 11), селище Леонтьево-1 (Там же; рис. 79, 11), могильнике Яблонька-3(?) (Там же: рис. 93, 1).

Сосуд со «своеобразным ребром на середине высоты» найден на Лахтеевском городище среди керамики, аналогичной посуде верхнего слоя Тушемли (Третьяков

³¹ К такому же выводу пришел П. Р. Холошин, изучая сосуды на поддонах из муромских могильников (Холошин 2021). Он считает, что некоторые из них по своим пропорциям имеют сходство с деревянными мисками, найденными в Новгороде и на других памятниках. Истоки традиции появления глиняных сосудов на поддонах у муромы автор видит на Северо-Западе, где они известны с конца IX — X в. (ссылается на В. М. Горюнову), но в эту гипотезу, как он считает, не вписываются три сосуда из комплексов VIII–IX вв. В Ладоге, как мы видим, подобные сосуды известны уже не позднее первой четверти IX в., а деревянные точеные миски, которые могли служить их прообразом, — с середины VIII в.

1963: рис. 63, 1). П. Н. Третьяков считал такую деталь оформления сосуда «характерной для более южных областей» (Там же: 25). Этот орнаментальный элемент присутствует, правда, на сосудах иных форм, например в могильнике колочинской культуры у села Картамышево (VI–VII вв.) (Горюнова 2004: рис. 12, 3; 13, 3; 14, V).

Фризские кувшины

Направления международных связей древней Ладоги (Скандинавия, Прибалтика, страны Западной Европы и Ближнего Востока, Причерноморье) неоднократно становились предметом исследований. Наиболее подробно тема этнокультурных контактов освещена в работах О. И. Давидан (Давидан 1971; 1981; 1986; 1994а). Среди предметов импорта указывалось и наличие различных категорий привозной посуды.

На Земляном городище Ладоги в слоях IX — начала X в. и при раскопках кургана 7 в урочище Плакун были найдены фрагменты сосудов, изготовленных на гончарном круге, из хорошо отмученной глины, со следами орнамента в виде слегка выпуклых фигур геометрического характера: полос, сетки, креста (ил. 18). Как убедительно показала Г. Ф. Корзухина, изучив находки из кургана 7, это обломки так называемого фризского кувшина IX в. (Корзухина 1971: 61–63). Сводку находок такой керамики составил А. В. Плохов. По его данным, «фризские», или, как их ещё называют, татингские, кувшины на сегодняшний день известны по находкам более чем в 50 пунктах в регионе Балтийского и Северного морей, где датируются от третьей четверти VIII до первой половины X в. Как показали исследования, изготавливались они в разных центрах (Плохов 2007: 26; там же список литературы; Плохов, Кулькова 2010; Плохов, Хаврин 2011). На территории Восточной Европы на сегодняшний день такие сосуды известны только в Ладоге — на Земляном городище и в урочище Плакун. На Земляном городище найдено 12 обломков, принадлежащих, по мнению автора, не менее чем двум сосудам такого типа (Плохов 2007: 25; Плохов, Кулькова 2010: 527; Горюнова, Плохов 2011: 265), и обломки одного сосуда (по другим данным — двух) в кургане 7 Плакуна (Назаренко 1985: 165; Плохов 2007: 19).

Распространение по крайней мере части таких сосудов на территории, непосредственно связываемой с миссионерской деятельностью св. Ангария, подтверждает высказанную Д. Селлинг и поддержанную многими исследователями точку зрения об их литургическом назначении (Мусин 1988: 44; 2002: 122–124; Плохов 2007: 36–37).

«Болгарская» и ближневосточная керамика

Заслуживает упоминания найденный в раскопе на Варяжской улице в штыке 9 (середина X в.) небольшой фрагмент стенки сосуда песочного цвета, украшенный перекрестными и горизонтально расположенными полосками лощения (ил. 19, 3). Так как фрагмент очень мал, то восстановить по нему форму сосуда и достоверно определить его культурную принадлежность не представляется возможным. По характеру орнаментации он близок к салтовской керамике (Плетнева 1959: 272),

а по качеству теста имеет сходство с болгарской посудой (Хлебникова 1962: 144–152). Датировать аналогии этому фрагменту можно очень широко: с IX по XII в.³²

Особый интерес представляют обнаруженные на Варяжской улице в слоях начала X в. фрагменты гончарной керамики с росписью люстром (ил. 19, 1). Один фрагмент найден в заполнении постройки VII-1 (штук 12, VII строительный горизонт) (Петренко 1985: 114). Дендродат постройка не имеет. По мнению В. П. Петренко, это было хозяйственное сооружение: отопительное устройство отсутствовало; пол был земляной, посыпанный сверху песком и покрытый берестой (Петренко 1985: 93, 99). Шесть других фрагментов лежали ниже уровня мостовой из корабельных досок, уложенных на поперечные лаги-подкладки (мостовая также относится к VII строительному горизонту) (Петренко 1985: 93, 112). Три бревна из верхнего яруса этой мостовой имеют порубочные даты 885, 910 и 925 гг. По мнению Н. Б. Черных, «этот ярус был настлан не ранее 925 г.» (Черных 1985: 121). В. П. Петренко датировал VII строительный горизонт 920–930 гг. (Петренко 1985: 114). Видимо, можно считать, что керамика с росписью люстром выпала в слой в пределах первой четверти X в.

Форму сосуда восстановить трудно, но, судя по имеющимся обломкам венчика и части кольцевого поддона, можно предположить, что это было небольшое блюдо или чашечка на поддоне. Такие формы широко представлены среди люстровой посуды Ирака, Египта, Сирии, Ирана (Lane 1947). Сосуд изготовлен из плотной, хорошо обожженной глины и расписан полихромным люстром с преобладанием желто-коричневых тонов. Анализ теста и состава глазури, проведенный В. Ю. Ковалем, показал, что данный сосуд относится к классу майолик и в технологическом плане является предшественником египетских и сирийских люстровых фаянсов и полуфаянсов X–XII вв. (Коваль 2010: 25, сноска 19; 214, № 80).

Керамика с росписью люстром известна и в других городах Древней Руси (сводка и подробная классификация такой керамики дана в монографии В. Ю. Ковалья (Коваль 2010). Фрагменты из Ладоги относятся к раннему, так называемому месопотамскому (или самаррскому), этапу производства такой керамики, датируемому IX в.³³ Для этого времени характерен орнамент в виде полупальметок, елочек, точек. Внешняя сторона сосуда расписана зелеными листочками. Аналогии ладожскому сосуду находятся среди керамики Самарры, бывшей резиденцией халифов с 836 по 883 г. (Lane 1947: 14–16, pl. 10, 11). Один черепок из Самарры хранится в Отделе Востока Гос. Эрмитажа (шифр ЕГ-995).

В европейской части России известны еще два фрагмента, аналогичные керамике Самарры: это часть бортика блюда из Саркела, найденная в слое второй половины X в. (Шелковников 1959: 303, 304, рис. 16, 1; Макарова 1967: 32), и очень маленький фрагмент из переотложенного слоя Рюрикова городища, который В. Ю. Коваль относит также к месопотамскому этапу (Коваль 2010: 187). Однако по результатам спектрального анализа глазури фрагмент из Рюрикова городища отличается

³² Культурная принадлежность этого фрагмента была определена д-ром ист. наук А. В. Гадло, которому я глубоко признательна.

³³ Неоценимую помощь в определении керамики и возможность ознакомиться с аналогиями, хранящимися в Эрмитаже, мне предоставили сотрудники Отдела Востока Гос. Эрмитажа Б. И. Маршак и А. А. Иванов, которым я искренне благодарна.

от ладожского (Там же: 214, 215). Сам автор явно не вполне уверен, что данный фрагмент относится к IX в.: на с. 214 своего труда он приводит дату «IX–X вв.». Несомненно, по стилю и характеру росписи ладожский образец является самым ранним (Там же: 102).

Для X–XII вв. характерна роспись люстром с преобладанием кобальтового тона. Полупальметки, елочки и т. п. все чаще выступают в качестве фона для изображения людей, птиц, животных. Эти же черты характерны и для последующего времени, однако цветовая гамма упрощается, постепенно становясь монохромной (Lane 1947: 15, 16). В Отделе Востока Гос. Эрмитажа хранятся несколько черепков с росписью люстром, происходящих из Египта (X–XII вв), но все это случайные находки (шифры ЕГ-134, ЕГ-123, ЕГ-199).

Фрагменты сосуда с росписью люстром из Ладоги являются самой северной находкой посуды подобного рода. Известна полихромная поливная кружка, найденная в приходе Гемсе на о-в Готланд, которую Т. Арне отнес ко времени около 900 г., но ее иранское происхождение под вопросом: дело в том, что кружка, совершенно аналогичная по форме готландской, но сделанная из бронзы, была найдена на р. Оби недалеко от Сургута и рассматривалась некоторыми исследователями как произведение китайского искусства (Arne 1914: 197, 198, fig. 331, 332).

Т. И. Макарова, рассмотрев известные находки поливной керамики на территории Древней Руси, пришла к выводу, что «в так называемый восточный период торговых связей Руси керамика не входила в число товаров, ввозимых с Востока». Исследовательница опиралась на «отсутствие ближневосточной посуды IX–X вв. в городах Руси, в Приднепровье» (Макарова 1967: 34).

Поливная посуда, наряду со стеклянной, а также серебряной утварью, шелковыми и парчовыми тканями относилась к предметам роскоши. Такие вещи вывозились с Востока в Европу не для последующей перепродажи, а как маркеры социального статуса своих владельцев и их окружения. Они могли попадать на Русь в результате обменных операций, осуществлявшихся воинской элитой, а также как военная добыча, в числе посольских даров и т. п. (Даркевич 1976: 143). Благодаря составленному В. Ю. Ковалем каталогу восточной керамики (в том числе и поливной), поступавшей на территорию Руси с IX до рубежа XVII–XVIII вв., мы имеем довольно полное представление об этой яркой категории археологического материала.

Самаррский этап производства люстровой посуды охватывает около 50 лет, приходящихся на третью четверть — конец IX в. В это время большую роль в товарообмене Северной и Восточной Европы со странами Востока играл Волжский торговый путь. Описание этого пути приведено в Повести временных лет: «Из этого же леса (Оковского) течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалиское. Так и из Руси можно плыть по Волге в Болгары и Хвалиссы и дальше на восток пройти в удел Сима...» (ПВЛ 1983: 126). Балтийско-Волжский путь маркирован наличием кладов куфических монет, предметов художественного импорта, находками восточных бус, раковин каури и др. (Корзухина 1954; Янин 1956: 86–110, 157; Макарова 1967; Даркевич 1976; Мугуревич 1965; Носов 1976а). По арабским источникам IX в. (Ибн-Хордадбех, «Книга путей и стран» — сочинение, написанное не позднее 880-х гг.) можно реконструировать путь, по которому славянские и русские купцы «из самых отдаленных частей страны славян» привозят свои товары

в Джурджан, откуда они попадают в Рей и Багдад: Румское (Черное) море — Тмутаракань — Меотийское озеро (Азовское море) — Дон (крепость Саркел) — Итиль (Волга) — Джурджанское (Каспийское) море — Рей — Хамадан — Багдад (Новосельцев 1965: 384, 385, 408). Был известен и сухопутный вариант отрезка пути, проходивший по западному побережью Каспийского моря через Закавказье: Итиль — Семендер — Гилян — Дейлем — Табаристан — Джурджан (Даркевич 1976: 145, 146, табл. 50, II).

А. П. Новосельцев отметил, что под славянами у Ибн-Хордадбеха следует понимать южную часть восточнославянского мира (район Киева и Прикарпатья), а русы, видимо, представляют «какую-то часть населения северной части славянских и угро-финских областей Восточной Европы» (Новосельцев 1965: 408). Предположение, что Ибн-Хордадбех и его последователь Ибн-ал-Факих знали славян, живущих на Севере, возможно, в районе Балтийского моря и Финского залива, разделяется и другими исследователями (Калинина 1986: 70, 75). Д. А. Мачинский прямо связывал «отдаленнейшие части» страны славян арабских источников с Приильменем и Поволховьем (Мачинский 1988: 124).

На Земляном городище, как показала О. И. Давидан, найдена целая серия вещей восточного происхождения: арабские дирхемы, включая наиболее ранний не только в Ладоге, но и во всей Северной и Восточной Европе — 699–700 гг. (Давидан 1994: 19), весовая гирька, раковины каури, бусы из горного хрусталя и сердолика, а также вещи салтовского типа, фиксирующие торговые пути, по которым осуществлялись связи с Востоком (Давидан 1986; 1988; Рябинин, Сениченкова 2010).

Раскопками Е. А. Рябининой в горизонте E₃ обнаружены остатки двух последовательно сменявших друг друга стеклодельных мастерских, владельцы которых использовали в качестве сырья золу солончаковых растений, ввозившуюся с Ближнего и Среднего Востока (Rjabinin, Galibin 1994; Рябинин 1994а). В раскопе на Варяжской улице рядом с так называемой большой постройкой II-V-5, «в слое, отложившемся за время существования этого комплекса», то есть в пределах 940–986 гг., были найдены два арабских дирхема чеканки 914–943 и 944–945 гг. (Петренко 1985: 92, 115; Черных 1985: 121). Все эти находки связаны с активным функционированием балтийско-волжского (Давидан 1981: 25, 26) и, возможно, доно-окского путей (Булкин, Мачинский 1986; Рябинин, Сениченкова 2010). Они свидетельствуют о наличии контактов с Востоком уже с начального этапа существования поселения в низовьях Волхова. Появление люстровой керамики в Ладоге не могло быть случайным. Однако о том, каким образом она оказалась на далеком Севере, мы можем только догадываться.

В сочинении персидского автора XIII в. Мухаммеда аль-Хасана Ибн-Исфендияра упоминается о разбойничьем нападении русов на Абесгун на юго-восточном побережье Каспийского моря, якобы имевшем место во время правления Хасана Ибн-Зайда где-то между 864 и 884 гг. (Dorn 1875: 4, 5; Артамонов 1962: 370). Ни точная дата этого нападения, ни какие-либо его подробности неизвестны. Многие исследователи скептически относятся к этому сочинению и достоверности сообщаемых им сведений. Однако время, когда люстровая керамика изготавливалась в Самарре, коррелируется с возможной датой упоминаемого Ибн-Исфендияром похода.

Находки восточных импортов не только на территории Северной Руси, но и в Скандинавии (Ambrosiani et al. 1973; Лебедев 1985: 249–254) вызывают в воображении «классическую для эпохи фигуру норманна, вооруженного с ног до головы

профессионального воина и в то же время столь же профессионального и при этом расторопного, расчетливого купца» (Равдоникас 1934: 122). Совмещение в одном лице нескольких «профессий», видимо, было обычным явлением (Артамонов 1962: 369–372; Гуревич 1968: 36).

М. И. Артамонов рассматривал выступление русов на Каспийском море во второй половине IX в. как нападение небольшой полукупеческой-полуразбойничьей шайки. Подобные акции, организованные на свой страх и риск небольшими вооруженными отрядами, имели место и позже, в 909–910 гг. (Артамонов 1962: 370). А. Н. Сахаров, напротив, предположил, что поход русов на Абесгун надо рассматривать как государственную акцию, предпринятую Древнерусским (славянским) государством на Днепре, возможно, в рамках военно-союзного договора с греками, заключенного русами после осады Константинополя в 860 гг. (Сахаров 1976: 45–48). Он даже попытался сузить дату похода до 860-х гг., ссылаясь на сложную политическую ситуацию, сложившуюся на Руси в конце 870-х и в 880-е гг. (Сахаров 1986: 82). Вызывает сомнение, что договор об этом «государственном предприятии» (если оно таковым являлось) вовсе не нашел отражения в источниках, как восточных и византийских, так и древнерусских. Думается, что отношение к этому походу как к «частному предприятию» дружины воинов-купцов более правомерно.

А. П. Новосельцев, изучая письменные источники, касающиеся взаимоотношений Древнерусского государства и Хазарии, коснулся и темы походов русов в Закавказье (Новосельцев 2017: 184–192; 255, сноска 1279). По его мнению, упоминаемые ал-Масуди и Ибн-Исфендияром походы 909–910 и 912 гг. совпадают по многим деталям, и, возможно, речь в их сочинениях идет об одном походе, имевшем место где-то между 909 и 914 гг. (Там же: 186, 187).

Исследователь высказал интересную гипотезу: согласно Новгородской летописи, воевода князя Игоря Олег после успешного похода на Византию возвращается в Новгород и Ладогу («Друзии же скажутъ, яко идущу ему за море, и уклюну змиа в ногу, и с того умре; есть могила его в Ладозе»). Датой его смерти в летописи указан 922 г. А. П. Новосельцев пишет: «эта дата считается неверной, но, может быть, не стоит её игнорировать?» (Там же: 188)³⁴. Конечно, сведения древних авторов неопределенны и противоречивы, хронология описываемых событий достаточно условна. Как справедливо отметил автор, доверие к содержащейся в них информации — «вопрос сложный и требует специального рассмотрения с учетом всего материала и всей фактуры источников, в том числе и иностранных» (Там же: 188). Так или иначе, люстровая керамика попала в культурный слой Ладоги не позднее 925 г., что вполне увязывается с предполагаемой датой похода на Каспий.

Анализируя динамику поступления восточного серебра и находок восточноевропейского происхождения в Скандинавию, Г. С. Лебедев реконструировал маршруты варяжских воинских отрядов, наметившийся в конце IX — начале X в.: по пути «из варяг в греки» они отправлялись на юг, в Киев, откуда в составе наемных дружин шли на Византию или принимали участие в арабо-византийской борьбе. Часть

³⁴ Вопрос об интерпретации летописных известий и их соответствии археологическим реалиям имеет давнюю историографическую традицию и вряд ли когда-то может быть решен однозначно. Для В. Я. Петрухина, например, в реальности могилы Олега в Киеве «нет оснований сомневаться», а возвратился ли Олег из восточного похода в Ладогу, «можно только предполагать» (Петрухин 2019: 327).

этих воинов, возможно, переходила на свободный промысел и нападала на богатые города Закаспия, после чего с добычей возвращалась домой по волжскому пути (Лебедев 1985: 254, 255). Время попадания люстровой керамики в культурный слой Ладоги коррелируется с одним из выделенных Г. С. Лебедевым периодов активного поступления монетного серебра в некрополь Бирки (907–913 гг.), связанным с очередной фазой движения викингов «на Восток, в Гарды» (Там же: 252–254).

Перечисленные возможные версии не дают однозначного ответа на вопрос, при каких обстоятельствах керамика из Ближнего Востока попала в Ладогу. Однако при всей их гипотетичности нельзя игнорировать факт соответствия сведений письменных источников о походе некой северной дружины в Закаспийские области в первой четверти X в. археологическим находкам из Ладоги и их контексту.

Амфорная тара

Наиболее многочисленную группу импортной керамики Ладоги составляют обломки «амфор южного происхождения, имеющие аналогии в Маяцком городище, в Саркеле, в Среднем Поднепровье», которые начинают появляться на Земляном городище начиная с горизонта Д (Равдоникас 1949: 422). Найдены они также и в Каменной крепости, и в раскопе на Варяжской улице. К концу XX в. в Ладоге встречено около 200 фрагментов амфор (Смирнов 1980). По сравнению с материалом других древнерусских городов, прежде всего Новгорода, где подобные находки исчисляются тысячами, ладожская коллекция невелика. Это, вероятно, можно объяснить тем, что начиная с X в. Ладога уступает Новгороду экономическое и политическое первенство.

Подробный анализ данной категории импортной посуды не входит в задачу моей работы, однако следует упомянуть о находке в раскопе на Варяжской улице в штыках 5–6 (1974 г.) единственной почти целой амфоры красно-коричневого цвета (ил. 20), датируемой по типологии А. Л. Якобсона XI–XII вв. (Якобсон 1951). Аналогичная амфора (совпадающая даже по абсолютным размерам³⁵) была найдена в Тмутаракани (Плетнева 1963: 56, рис. 34, 1). По мнению В. Н. Смирнова (устное сообщение) можно предположить, что появление этой амфоры в Ладоге как-то связано с Таманским полуостровом.

³⁵ Благодарю канд. ист. наук В. Н. Смирнова, обратившего мое внимание на эту аналогию, за помощь в реконструкции и датировке амфоры.

Раздел III

КЕРАМИКА ЛАДОГИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНИЯ И КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РУСИ

Непрерывающаяся дискуссия о характере первоначального Ладожского поселения, различия в интерпретации этапов его развития — все это нормальное состояние исследовательского процесса. Изучение керамического материала — наиболее массовой категории археологических источников, характеризующей быт постоянных жителей, — позволяет сделать скромные, но всё же важные выводы для реконструкции прошлого Ладоги. Рассмотрение их в контексте современных представлений о ходе культурного процесса на Северо-Западе во второй половине I тыс. н. э. и о развитии гончарного ремесла может служить более или менее надежной основой для выводов исторического порядка.

НАХОДКИ КЕРАМИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Необходимо, на мой взгляд, высказать несколько замечаний об этапности освоения территории, где возникает Ладожское поселение. О. И. Давидан, изучая материалы раннесредневековой Ладоги, пришла к выводу, что Ладожское поселение возникло на необитаемом месте (Давидан 1994б: 165). Это заключение верно в том смысле, что мы до сих пор не знаем пласта памятников предшествующего времени и хронологический разрыв между РЖВ и ранним средневековьем до сих пор не преодолен. Однако найденные на Северо-Западе и непосредственно в Нижнем Поволховье артефакты все настойчивее подводят к выводу о заселенности этой территории в более раннее время.

Как показывают последние изыскания, люди освоили территорию при впадении Ладожки в Волхов ещё в неолите: следы неолитических стоянок зафиксированы на крепостном мысу, на левом берегу Ладожки, на Земляном городище (Тимофеев, Стеценко 1997; Стеценко 1997: 174; Новое в археологии... 2018: 135–161).

Находки, пока немногочисленные, керамики, относящейся к эпохе раннего металла (см. с. 373–374), на территории Земляного городища, Никольского монастыря, в Каменной крепости дают основание предполагать наличие здесь населения и в РЖВ.

Что касается топографии ладожского раннесредневекового поселения, то она, что отмечалось исследователями (Петренко 1977а; Носов 2000: 166–168), кардинально отличается от топографии поселений РЖВ в Нижнем Поволховье. Последние обычно располагаются на крутых берегах, на возвышенных участках ландшафта. Ладожское поселение возникает на низменном, затопляемом во время паводков берегу при впадении Ладожки в Волхов, в очень удобном месте для стоянки и ремонта судов. Эта топографическая особенность послужила одним из аргументов

для интерпретации ранней Ладоги как перевалочного пункта на важнейшей трансъевропейской магистрали (Равдоникас 1949: 7). Находки здесь керамики РЖВ, казалось бы, противоречат устоявшимся представлениям. Однако если обратиться к топографии раннесредневековых поселений в районе истока Волхова, то мы увидим, что некоторое сходство между ними и Ладогой все-таки имеется.

Раннесредневековые поселения в Поозерье располагались на пологих песчаных холмах при впадении в озеро маленьких речек с небольшой, заливаемой во время весенних паводков поймой. Эти всхолмления были окружены заболоченными низинами, которые также заливались весной и превращали поселки в острова. Характер расселения был тесно связан с гидрологическим режимом оз. Ильмень и сохранялся в течение веков. На этих всхолмлениях обнаружены следы населения РЖВ, раннего и позднего средневековья (Носов, Плохов 2005: 122, 123). Что привлекало сюда первых поселенцев? Может быть, периодически заливаемая пойма, пригодная для земледелия?

Геоморфологические исследования территории древнейшей Ладоги находятся на начальном этапе. Пока специалисты не могут прийти к единому мнению о причинах изменения гидрологического режима, о времени и характере Ладожской трансгрессии, об этапах и характере формирования палеопочв (Алещукин и др. 2003; Шитов и др. 2004; 2005; Александровский и др. 2009; Платонова и др. 2020). Однако археологами уже были сделаны некоторые наблюдения о палеоландшафте этого участка (Кузьмин 1997а: 229, 230; Сорокин 1997: 48, 49). С. Л. Кузьмин, обобщив наблюдения за стратиграфией раскопов на Земляном городище и в Каменной крепости, характером отложений, подстилающих культурный слой, видами деформаций бастионов Земляного города, предложил свою реконструкцию топографии древнего поселения. Он выделил три возвышения-останца (на территории будущей крепости, на территории будущего Земляного городища и южнее последнего), между которыми находились протоки, связывавшие Ладожку с Волховом. Их русла служили естественными преградами для освоения площадки, а впоследствии были засыпаны при нивелировочных и строительных работах (Кузьмин 1997а: 230).

Подход С. Л. Кузьмина представляется очень важным. Необходимо иметь четкое представление о палеоландшафте местности, где появляется раннесредневековое поселение, чтобы реконструировать историю его формирования. В. А. Назаренко так же, как и С. Л. Кузьмин, обратил внимание на отсутствие застройки на значительной части исследованной площади Земляного городища, в том числе и в древнейших горизонтах, и предположил, что одной из причин этого могли быть масштабные перепланировки, проводимые в древности (Назаренко 1997).

В 2017 г. территория Ладожской крепости была исследована с помощью геофизических методов: применение высокоточной гравиметрии позволило получить новые данные о палеорельефе крепостного двора и определить конфигурацию древнего мыса, что, в свою очередь, позволило реконструировать характер и последовательность тех или иных строительных работ (Григорьева и др. 2018).

Накопление информации, несомненно, приблизит к пониманию этапности заселения территории при впадении Ладожки в Волхов. Анализируя данные геоморфологов и почвоведов, надо иметь в виду, что появление «островков жизни» на территории вокруг устья Ладожки и возникновение собственно раннесредневекового поселения могут не совпадать.

ИСТОКИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Изучение особенностей изготовления керамики Ладоги VIII–X вв. позволяет утверждать, что здесь прослеживаются разные технологические традиции. Если преобладание одних (например, использование дресвы или песка в качестве отошителей) можно объяснить локальными географическими особенностями, то наличие разных программ конструирования сосудов (донной и донно-емкостной), одного способа лепки полого тела (кольцевой налеп) в сочетании с различными способами обработки поверхности указывает на то, что ладожские гончары пользовались различными приемами при изготовлении глиняной посуды.

Учитывая состояние источника и современный уровень наших представлений о развитии гончарства, мы не можем проследить истоки того или иного ремесленного приема, а также восстановить ход этого процесса и состав участвовавших в нем групп населения. Можно только констатировать, что местные гончары использовали приемы, известные по археологическим материалам в культурах Восточной Европы раннего железного века. Такой же вывод был сделан и Я. В. Станкевич, которая писала, что ладожские гончары сохранили более древние технологические традиции, известные еще по памятникам городецкого и позднедыяковского типа (Станкевич 1950: 211–216).

Характер изменения выявленных особенностей — там, где его было возможно уловить, — укладывается в разработанную А. А. Бобринским схему развития навыков гончарного ремесла у населения лесной зоны Восточной Европы в I–II тыс. н. э. Конкретизировать временные рамки этого процесса не представляется возможным. Скорее всего, они выходят далеко за пределы рассматриваемого периода истории данного памятника.

Использование здесь ретроспективного метода для выделения истоков того или иного технологического приема не только не представляется возможным, в силу отсутствия объективных данных для сопоставления, но и было бы методически неправильно, так как с одной стороны рассматриваемый период характеризуется значительной подвижностью населения и широкими культурными взаимодействиями, а с другой — характер процессов, о которых идет речь, таков, что их трудно ограничить какими-то хронологическими рамками.

ИСТОКИ ТИПОВ КЕРАМИКИ

Изучение гончарного ремесла показывает, что при взаимодействии представителей разных культурных групп населения технологические приёмы будут долго оставаться стабильными, а изменения в первую очередь коснутся набора керамических форм (Бобринский 1978: 169, 170).

Наблюдение за ладожскими формами показывает, что как на Земляном городище, так и в раскопе на Варяжской улице ведущими являются типы 1, 3, 5. На их долю приходится 78,2 % (для Земляного городища) и 82,8 % (для раскопа на Варяжской улице) всей керамики. На долю оставшихся шести типов (типы 2, 4, 6, 7, 8 и 9) приходится 21,8 % и 17,2 % керамики соответственно.

Типы, составляющие незначительный процент по отношению к основному массиву керамики, опираясь на аналогии, можно считать тяготеющими к кругу

памятников, обычно связываемых с балтскими и финскими древностями (кроме типа 6, который часто считается скандинавским)³⁶.

Что же собой представляют ведущие типы керамики — типы 1, 3, 5?

Тип 5 — слабопрофилированные сосуды. Они составляют 15,7 % всей керамики Земляного городища, встречаются во всех слоях, начиная с горизонта $E_{3,3}$. На Варяжской улице их количество составляет 20,6 %. Слабопрофилированные сосуды типа 5 в третьей четверти I тыс. н. э. часто встречаются в КПДК, причем, по классификации Н. В. Лопатина, они наиболее характерны для Псковско-Чудского и Двинско-Ловатского регионов (Лопатин 2003: 54, 55, рис. 3, 3; 4, 3, 9; 6, 3, 4, 6). Они встречены также в «предсопочных» памятниках (Исланова 1997: рис. 35, 3, 8, 9, 18; 36, 3, 4, 7, 9, 10; 39), а в более поздний период — в культуре сопок (Петренко, 1994: 71, рис. 29, 1).

Тип 3 — сосуды с S-овидным профилем. В раскопе на Варяжской улице они составляют 8,4 % от всей керамики и, хотя количественно занимают 3-е место, явно не являются преобладающими. На Земляном городище сосуды типа 3 составляют 17,9 %, они встречаются уже в горизонте $E_{3,3}$ (21,8 %). Сосуды типа 3 являются широко распространенной формой. Они встречаются в третьей четверти I тыс. н. э. в КПДК (по Н. В. Лопатину, чаще в Мстинско-Валдайском регионе (Лопатин 2003: 55, рис. 8, 2, 3; 9, 7, 9), на «предсопочных» памятниках — как Удомельского поозерья (Исланова, 1997: 179, рис. 37, 3, 8–10), так и центральных районов Новгородской земли (Платонова, Жеглова 2021: 1–5, 7). В последней четверти I тыс. н. э. они фиксируются в культуре сопок (Петренко 1994: 71, рис. 29, 2) и в смоленских длинных курганах второй традиции, по В. В. Енукову, имеющих сходство в керамическом комплексе с более южными, достоверно славянскими памятниками (Енуков 1990: 89, рис. 40, 7–16).

Тип 1 — сосуды с выделенной шейкой и выраженными плечиками, переходящими в тулово через более или менее четко выраженное ребро. В керамическом комплексе Ладоги они составляют подавляющее большинство: 44,6 % на Земляном городище и 53,6 % на Варяжской улице. Анализ материала показал, что при одинаковой профилировке верхних частей изделия имеют разные пропорции и соотносятся с различными типами целых сосудов (см. Классификация и датировка лепной керамики, Классификация целых форм, с. 397–417).

Попытка проследить динамику изменения пропорций сосудов с ребристым профилем во времени позволяет представить следующую картину.

В горизонте $E_{3,3}$ встречены приземистые широкодонные горшки (тип ФIV) и банки с выделенной шейкой (тип ФV), имеющие аналогии как среди финских древностей, так и в КСДК среди сосудов «первой традиции», по В. В. Енукову, — более ранней, связанной с балтским компонентом. Она появляется, по его мнению, в начале–середине VIII в., однако следует отметить, что датировки автор уточняет

³⁶ Стоит отметить, что любые этнические маркеры, присвоенные в XX в. культурам бесписьменного периода (с эпохи неолита до раннего средневековья) на территории Северо-Запада, требуют критического отношения к себе. С методической точки зрения все они неправомерны или, в лучшем случае, преждевременны. Природа единств, стоящих за ареалами распространения тех или иных категорий древностей, еще требует дальнейшего исследования, как и культурно-антропологические механизмы возникавших в них инноваций (*Примеч. ред.*).

по материалам Ладоги (Енуков 1990: 75, 128, 129). В горизонте E_{3-3} представлены также сосуды типов ФІБ («стройных пропорций», соотношение $H : D_2$ чуть меньше 1), ФІІІ, ФVІІ.

Сходная картина наблюдается и в вышележащих горизонтах толщи E_3-E_{3-2} и E_{3-1} . Здесь встречаются банки со слабо или, напротив, четко выделенными шейкой и плечиком (тип ФV); приземистые сосуды с коническим туловом (тип ФІІІ); приземистые широкодонные (тип ФІV); «стройных пропорций» (тип ФІ); мискообразные (тип ФVІІ).

В горизонте E_2 фиксируются сосуды типа ФІІ, имеющие аналогии в керамике второй традиции КСДК (по В. В. Енукову); некоторые из них орнаментированы по венчику и плечу отпечатками палочки, обмотанной веревочкой. В. В. Енуков считает появление такого орнамента характерным признаком второй традиции, связываемой им со славянским компонентом (Енуков 1990: 42, 89, 92–93, 129). С середины IX в. увеличивается количество баночных сосудов типа 4А.

В горизонте E_1 встречены сосуды типа ФІА («стройных пропорций», у которых высота превышает максимальное расширение). Учитывая состояние материала, нельзя утверждать, что подобных сосудов не могло быть в нижних горизонтах, относящихся к VIII — началу IX в., но «стройность» сосудов увеличивается с течением времени (с. 425, 426)³⁷. Может быть, в это время появляется некий «гибрид» типов ФІА и ФІІ, доказательством чему служит наличие у некоторых сосудов типа ФІА изгиба на середине тулова, напоминающего характерные формы сосудов культуры смоленских длинных курганов (Слобода Глушица, Цурковка и др.). В горизонте Д фиксируется новая категория посуды — сковородки.

Можно ли попытаться определить культурную принадлежность сосудов с «ребристым» профилем? В литературе высказывались различные мнения о происхождении ладожского керамического комплекса, характерной особенностью которого являются сосуды с так называемым ребром.

Я. В. Станкевич отмечала аналогии ладожским «широкогорлым биконическим сосудам» в материалах памятников верховьев Днепра, в частности, Банцеровского городища (Станкевич 1950: 198–200, 202, 203).

В настоящее время установлено, что нижний слой Банцеровского городища относится к культуре штрихованной керамики и датируется III–II вв. до н. э. — II–III вв. н. э. (Митрофанов 1967: 260, 261). Господствующей формой керамики здесь являются ребристые сосуды с прямым венчиком, четко выраженным плечиком, под острым углом переходящим в тулово, конически сужающееся к плоскому дну. Поверхность многих из них покрыта штриховкой, некоторые имеют хроповатую поверхность (см., напр.: Митрофанов 1967: 249, 250; 1978; Васк 1987: 77, 78; Ушинскас 1989: 64; Егарэйчанка 1999: 164, мал. 42, 2, 4, 6, 7).

Для верхнего слоя (датируется VI–VIII вв., относится к культуре Тушемли–Банцеровщины³⁸) характерной является гладкостенная слабопрофилированная

³⁷ В раскопах А. Н. Кирпичникова такие сосуды встречены в слоях, относящихся, по сегодняшним данным, ко времени не ранее середины IX в. (датировка слоев любезно предоставлена науч. сотр. ИИМК РАН Н. В. Григорьевой).

³⁸ Н. В. Лопатин рассмотрел керамические наборы двух эталонных памятников — городищ Тушемля и Банцеровщина — и показал, что при общем сходстве они имеют и различия. Главное — для обоих памятников характерна слабопрофилированная керамика, сосуды с так называемым ребром немногочисленны (Лопатин 2018).

керамика; сосудов, напоминающих острореберные из нижнего слоя, найдено единицы (не более 4–5 экз.) (Митрофанов 1967: 258–260). Исследователи другого памятника банцеровской культуры — селища Микольцы — также считают найденные в небольшом количестве ребристые горшки «наследием культуры штрихованной керамики» (Зверуго, Медведев 2003: 88).

Определенные черты сходства с керамикой позднего этапа КШК (или культуры поздней штрихованной керамики, по А. А. Егорейченко (Егорейченко 2006)) обнаруживаются у ладожской посуды как в формах (сосуды с коническим туловом и четко выраженным ребром в верхней трети высоты), способе лепки (кольцевой налеп), так и в характере обработки поверхности (следы заглаживания травой, покрывающие нижнюю часть некоторых ладожских сосудов от ребра до дна). Однако между временем, когда эта культура прекращает свое существование (на разных территориях в разное время, но не позднее второй половины IV — первой половины V в.) (Митрофанов 1978: 15 и сл.; Ушинкас 1989: 65; Егарэйчанка 1999: 151–158), и начальной датой Ладожского поселения (середина VIII в.) существует значительный хронологический разрыв.

Керамику тушемлинской культуры специально изучал Е. А. Шмидт. Наиболее близкая ладожским форма — тип 7, по его классификации, — встречена в единичных случаях только в бассейне Западной Двины (Шмидт 1982: 100, рис. б/н; 2003: 48, табл. 27, 7).

Н. В. Лопатин разработал типологию сосудов Верхнего Поднепровья и Подвinya для III–VIII вв. (Лопатин, Фурасьев 2007: 33, 101, 102, рис. 11, 51, 52), где присутствуют и сосуды с резким переломом профиля. Автор включает в эту группу и так называемые сосуды с оттянутым валиком (Там же: рис. 11, тип Р-4). На селище Узмень, в отложениях второй четверти I тыс. н. э., по данным А. Г. Фурасьева, биконическая и ребристая посуда составляет около 17 % (Фурасьев 2001: 34).

Н. В. Лопатиным были выделены керамические наборы третьей четверти I тыс. н. э., характерные для отдельных регионов КПДК. Различия в керамике между регионами выявляются только на уровне тенденции. Автор отметил, что профилированная керамика наиболее характерна для Мстинско-Валдайского региона (Лопатин 2003: 55). Можно констатировать, что керамический набор КПДК неоднороден и что реберчатая керамика для него в целом не характерна.

Для керамики КСДК, синхронной ранней Ладоге (датируется от середины VIII до рубежа X–XI вв.) (Шмидт 2012: 60, 61), ребристые формы также не являются характерными. Есть приземистые профилированные сосуды с выделенным плечиком, относимые В. В. Енуковым к первой, более древней, традиции их сооружения и связываемые с балтским компонентом в культуре. Подобные сосуды есть и в Ладоге (типы ФIII, ФIV). Изделия, аналогичные керамике второй традиции КСДК — тип ФII — четко фиксируются в Ладоге, начиная с горизонта E₂ (после 860-х гг.). Е. А. Шмидт писал, что такая форма («на цилиндрическом основании надстраивался горшкообразный сосуд») является характерной для смоленских кривичей (Шмидт 1994: 34).

В. В. Седов высказал точку зрения о западнославянских истоках реберчатой керамики (Седов 1970: 25, 26; 1970а: 71), опираясь, в частности, на мнение Я. В. Станкевич, указавшую аналогии ладожским реберчатым сосудам на славянских памятниках Польского и Германского Поморья (Станкевич 1950: 195, 196). Между тем, говоря о происхождении такой керамики на южном берегу Балтийского моря, Я. В. Станкевич

ссылалась на В. Ленга, который связывал ее появление там с культурами поздне римского времени (Станкевич 1950: 196). Она отмечала широкое распространение в середине I тыс. н. э. биконической формы сосудов с более или менее выраженным изломом плечиков на обширной территории, включающей памятники Германии, Польши, Чехии и других стран, но подчеркивала, что без учета остальных признаков археологических культур это не имеет решающего значения (Станкевич 1950: 195, 196).

Гипотезу В. В. Седова поддержали Е. Н. Носов, В. Я. Конецкий, А. В. Плохов. Последний считает, что «в настоящее время западнославянский вариант выглядит наиболее вероятным, несмотря на различия в способе изготовления и орнаментации горшков» (Плохов 2002: 152). Н. И. Петров предложил версию скандинавского посредничества в распространении данной керамической традиции (Петров 1996: 26, 27). Эту попытку можно рассматривать как курьез: во-первых, автор сам с керамикой не работал; во-вторых, он не учел вывод А. В. Плохова о том, что реберчатая керамика в Скандинавии встречается в единичных экземплярах (Плохов 2002а).

Уже в те годы, когда В. В. Седов впервые озвучил свою точку зрения, большинство немецких и польских археологов связывали со славянами слабопрофилированные сосуды так называемого пражского типа или S-образные горшки (Schmidt 1961: 41; Krüger 1967: 65; Łosiński, Rogosz 1986: 13, 27, r. 1; Cnotliwy et al. 1986: 159, r. 1). На славянском поселении VI–VII вв. Дзедзице (территория Западного Поморья, Польша) найдена исключительно лепная керамика очень хорошего качества. А. Пожезиньский выделяет несколько типов сосудов, среди которых есть и профилированные. Хотя керамика дзедзицкого типа отличается стилистически и по технологическим особенностям от керамики II–VI вв. на этой территории, исследователь считает «вполне реальной» возможность контакта населения эпохи переселения народов с продвинувшимися сюда славянами (Пожезиньский 2009: 568, 575).

Немецкие археологи, исследовавшие славянские памятники в бассейне Эльбы, отмечают, что археологические материалы поздних германцев и ранних славян (последние проникают на эту территорию, предположительно, в конце VII — начале VIII в.) невозможно узко датировать. И у тех, и у других в это время использовалась простая неорнаментированная керамика, причем славянские формы VIII–IX вв. — слабопрофилированные (Шнеевайс 2009: 247, 259, рис. 12, 11, 12). «Реберчатая» керамика на славянских памятниках южного побережья Балтики появляется, видимо, не ранее VIII в., и изготовлена она на гончарном круге. В низовьях Одера (Щецин) в середине VIII в. распространяется круговая керамика суковского, фельдбергского и других типов (Dworaczuk 2011: 244). Очевидно, что представления о западнославянских истоках реберчатой керамики Новгородской земли нуждаются в подробном обосновании.

И. И. Еремеев, проведя серьезные исследования памятников Приильменя середины — второй половины I тыс. н. э., обратился и к вопросу о происхождении реберчатой керамики. По его мнению, «...показательно, что происхождение керамики „ладожского типа“ ...осталось неразрешенной проблемой даже после исследования на селище Прость и в Городке на Маяте напластований V–VII вв. ... Надо полагать, что груболепная керамика 4-й группы («ладожский тип». — *Примеч. Т. С.*) появляется в Приильменье не ранее второй половины VII в. ... и не позднее середины VIII в. (верхнюю границу определяют находки этой керамики в ранних слоях Старой Ладоги)» (Еремеев, Дзюба 2010: 230).

КЕРАМИКА ЛАДОГИ И МАТЕРИАЛЫ ПРЕДСОПОЧНЫХ И «ПОЗДНЕДЬЯКОВСКИХ» ПАМЯТНИКОВ

Интересными и, на мой взгляд, перспективными для понимания механизма культурных процессов на Северо-Западе представляются исследования так называемых позднедьяковских памятников в регионе Верхнего Поволжья, Валдая, Верхнего Помостья и Молого-Шекснинского междуречья, проведенные в последние годы целой группой исследователей — А. Н. Башенькиным, В. А. Буровым, В. И. Вишневым, И. В. Ислановой, А. Д. Максимовым, А. С. Сыроватко и др. Термин «позднедьяковские» не совсем удачен, что уже неоднократно отмечалось (Исланова 2007: 306; 2008, 45, сноска), может быть, правильнее было бы их называть «постдьяковскими». На этих памятниках представлена не «классическая» дьяковская культура, а культурное сообщество, прошедшее через целый ряд трансформаций, связанных, в том числе, с неоднократными притоками нового населения.

Упомянутый регион в начале I тыс. н. э. входит в ареал дьяковской культуры. В середине I тыс. н. э. там происходят существенные изменения в материально-предметном комплексе: позднедьяковские памятники типа Варварина Гора сменяются в бассейне Верхней Мсты Мстинско-Моложской группой памятников, а в Верхнем Поволжье — поселениями с керамикой мощинского круга (Исланова 2019А: 15–17). Для третьей четверти I тыс. н. э. И. В. Исланова выделяет три раннесредневековые группы памятников для региона Верхней Волги и Верхней Мсты, приуроченные к различным ландшафтам, расположенные чересполосно и отличающиеся по погребальному обряду и отдельным элементам материальной культуры (в основном, по керамическим наборам): КПДК, предсопочные и памятники типа Подол (Там же: 25–33).

Исследовательница отмечает достаточно многочисленные культурные импульсы с разных территорий, которые, накладываясь на местные традиции (различающиеся в отдельных микрорегионах), дают довольно сложную, мозаичную картину расселения (Исланова 2011; 2019А). И. В. Ислановой удалось показать, что «несмотря на смену культурно-хронологических групп памятников на протяжении I тыс. н. э. по археологическим источникам постоянно фиксируются „следы“ местной (прибалтийско-финской) подосновы...» (Исланова 2019А: 37). Это, на мой взгляд, один из важнейших выводов, сделанных автором.

И. В. Исланова объясняет возникновение новых культурных групп притоками нового населения из близлежащих регионов. Это, несомненно, имело место, но, как отмечает она сама, «нельзя исключать, что в разные ландшафтные микрорегионы могли переселяться одни и те же в культурном плане группы населения, а формирование на определенных участках хозяйственно-культурного типа и неодинаковое взаимоотношение с местными жителями приводили к появлению разных групп памятников (КПДК, типа Подол, предсопочных)» (Исланова 2019А: 38). Это второй важнейший вывод, который, так же, как и первый, касается методического подхода к изучению раннесредневековых древностей.

В материалах селища Юрьевская Горка, являющегося опорным для удомельской группы предсопочных памятников, заполняющих хронологическую лакуну между поселениями железного века и культурой сопков конца I тыс. н. э., реберчатая керамика составляет 11 % от всей керамики. По мнению И. В. Ислановой, она имеет

прототипы в дьяковских древностях. На основе памятников удомельской группы в конце I тыс. в Верхнемстинском регионе формируется культура сопков, и керамика с ребром вполне может служить прототипом керамики «ладожского типа» (Исланова 1996: 14; 1997: 25, 26, 63; 2019: 40). Исследовательница высказала заслуживающее внимания предположение, что «ребристые горшки распространены в древностях, в основном, с прибалтийско-финской подосновой и не характерны для Волго-Окской территории (с поволжско-финским субстратом)» (Исланова 1997: 63). Отмечу, что, несмотря на асинхронность и территориальную удаленность, аналогии большинству типов сосудов селища Юрьевская Горка имеются среди керамики горизонта E_3 Ладоги, хотя их процентное соотношение там иное³⁹.

Истоки реберчатой керамики, найденной на селище Рогово-2 (третья четверть I тыс. н. э.; Ржевский район), И. В. Исланова и Е. М. Черных находят в памятниках мощинского круга (Исланова, Черных 2008: 171).

По мере проведения новых исследований и расширения источниковой базы ситуация, несомненно, будет уточняться. С точки зрения интересующего нас сюжета важным является установление факта существования реберчатой керамики на памятниках этого региона по меньшей мере с третьей четверти I тыс. н. э. и нахождения ее прототипов в древностях более раннего времени.

В Ладоге имеются материалы, которые, возможно, указывают на юго-восточное направление культурных связей. В раскопе на Варяжской улице в предматериковых слоях обнаружено несколько находок, имеющих аналогии в позднедьяковской культуре. Помимо уже упоминавшегося фрагмента керамики с рогожными отпечатками (штык 17) (см. Редкие формы и импортная керамика, с. 474) в штыках 17 и 18 найдены две глиняные поделки, по форме напоминающие таблетки, диаметром 2,5–3,0 см и толщиной около 1 см (ил. 24, 2, 3). Они изготовлены из плохо обожженной или, возможно, только подсушенной глины. Назначение их неизвестно, но аналогии имеются в дьяковских и городецких древностях (Гусаков, Кузьминых 2008: 106; Монгайт 1961: 52, рис. 5, 5). На Земляном городище найдена бронзовая очковидная подвеска со спиралевидными закрученными внутрь концами, также напоминающая позднедьяковские⁴⁰ (Давидан 1986: 102, 103, рис. 2, 1) (ил. 24, 4). О. И. Давидан, впервые опубликовавшая эту подвеску, отнесла ее к горизонту E_3 и рассматривала как восточнофинский импорт (Давидан 1986: 103). На мой взгляд, отнесение подвески к горизонту E_3 не бесспорно: она найдена в 1940 г. на глубине 0,73–0,89 см от R в гумусном аморфном слое, сильно испорченном перекопами (Равдоникас 1940А). Многочисленные перепланировки, произведенные еще в древности на этом участке поселения при строительстве церкви Св. Климента, и наличие рядом с ней христианских захоронений

³⁹ Выражаю глубокую благодарность д-ру ист. наук И. В. Ислановой за многократные консультации, а также сотрудникам ТГОМ и лично заместителю директора по археологии И. Н. Черных за предоставленную возможность ознакомиться с материалами.

⁴⁰ А. А. Егорейченко, проанализировав распространение очковидных подвесок (Егорейченко 1991), показал, что они встречаются на обширной территории от эпохи бронзы до рубежа I и II тыс. н. э. в различных культурах (ладожская подвеска в его сводке отсутствует). Он же отметил, что в первой половине I тыс. н. э. подобные подвески появляются в бассейне средней Оки, и связал их появление в финно-угорских древностях с балтскими контактами (Там же: 177, 178). Учитывая рассматриваемый круг аналогий, соотнесение ладожской подвески с кругом позднедьяковских древностей представляется правомерным.

привели к тому, что находки их разных горизонтов оказались перемешанными. Раскопы В. И. Равдоникаса в 1938–1945 гг. были вскрыты только до горизонта IX–X вв. (Равдоникас 1949: 11). Наиболее близки типологически ладожскому экземпляру очковидные подвески типа IX, по И. Г. Розенфельдт, которые датируются по аналогиям VIII–XI вв. и встречены на позднедьяковских памятниках и в финно-угорских могильниках (Розенфельдт И. 1982: 31, 32, рис. 5, 16, 17, 18–22, 26–28). Однако аналогия неполная: у подвесок IX типа дужка перевитая (два таких экземпляра — серебряный и бронзовый — найдены на городище Отмичи, где датируются концом I тыс. до н. э. — первой половиной I тыс. н. э., см.: Исланова 2008: 21, 22, рис. 62, 8, 9), а у ладожской — витя нет и дужка не округлая, а подпрямоугольная, сечением примерно 1,0–1,5 мм.

Параллели с позднедьяковскими древностями можно наблюдать и в керамических материалах Ладоги. Некоторые типы больших сосудов этой культуры обнаруживают сходство с ладожскими (Розенфельдт И. 1974: 118, рис. 12, 12–15). В нижних горизонтах раскопа на Варяжской улице (в основном, в штыках 16–19) найдены обломки целой серии сосудов (23 экз.) небольшого размера (диаметр венчика 7–8 см; высота 5–6 см) (ил. 21), имеющих аналогии на памятниках дьяковской культуры — Троицком городище (Розенфельдт И. 1971: 13, 25, 28, рис. 1, 23, 24, 29; 10, 12а, 14, 16, 19а, 20, 21; 11, 12, 23, 26, 29), Щербинском городище (Розенфельдт И. 1974: 132, рис. 25, 24, 28, 29, 36, 37, 40), Попадьянском селище (Финно-угры и балты... 1987: табл. XXVI, 24) (ил. 22), на городище Отмичи в Верхневолжье (Исланова 2008: 152, рис. 109, 11). Отдельные типы таких сосудиков встречаются в единичных случаях и в других культурах РЖВ, например, в верхнеднепровском варианте киевской культуры (типа Абидня) (Ильютик, Дубицкая 2016: 206, рис. 8, 6, 7, 9, 10).

На Земляном городище найдено почти три десятка миниатюрных сосудиков, в том числе аналогичных типу 3, по классификации И. Г. Розенфельдт (так называемые рюмочки или бокаловидные) (Розенфельдт И. 1974: 132, 135, рис. 25, 19) (ил. 21; 23). Отмечу, что в Ладоге миниатюрные сосудики, аналогичные дьяковским, зафиксированы в слоях середины — второй половины IX в. Отличие ладожских сосудов от дьяковских заключается в том, что все они гладкостенные и по качеству теста ничем не отличаются от остальной посуды.

По наблюдениям исследователей, изучавших памятники позднедьяковской культуры в Верхнем Поволжье, на территории Тверской, Ярославской, частично Московской, Вологодской, Костромской и Ивановской областей (Леонтьев 1983; Вишневецкий 1991; Смирнов 1994; Исланова 2002; Кренке 2011), дьяковская культура доживает до VI–VII вв., а на окраинах её ареала — до конца I тыс. н. э.

Особо стоит отметить, что на ряде позднедьяковских поселений встречены серии находок, датированных не ранее VIII–IX вв. В. И. Вишневецкий признает, что ответить на вопрос, связаны ли эти находки с позднедьяковскими слоями или относятся уже к древнерусским комплексам, не представляется возможным (Вишневецкий 1991: 14). И. Г. Розенфельдт писала, что находки лепных горшков позднедьяковского облика известны в славянских курганах в бассейне Москвы-реки, что говорит о длительном сохранении традиций в изготовлении посуды (Розенфельдт И. 1974: 191). Такой же вывод был сделан В. А. Лапшиным и Т. В. Мухиной по материалам археологического комплекса у с. Васильково под Суздаlem: здесь зафиксировано сосуществование вещей древнерусского времени с гладкостенной керамикой железного века, в том числе миниатюрных сосудов (Лапшин, Мухина 1988: 140).

По моему мнению, по керамическим материалам связь Ладоги с кругом «позд-недьяковских» памятников Верхневолжья и Помостья прослеживается довольно четко. Какова роль последних в сложении ладожского керамического комплекса — покажут дальнейшие исследования, но оставлять эти факты без внимания нельзя. Если для территории Помостья середины — третьей четверти I тыс. н. э. культурная стратиграфия уже начинает вырисовываться, то для Нижнего Поволжья такой ясности пока нет.

Перечисленные аналогии между керамикой Ладоги и материалами некоторых культур РЖВ ещё не дают ответа на вопрос об истоках ладожского керамического комплекса. Можно лишь указать, что все попытки ответить на него без учета материалов третьей четверти I тыс. н. э., которые на Северо-Западе только-только начинают выявляться, нельзя считать обоснованными. Выявленные аналогии ладожской посуде (и в технологических приемах, и в формах сосудов) среди керамики культур лесной зоны Восточной Европы говорят о том, что надо рассматривать как приоритетную восточноевропейскую версию ее происхождения.

КЕРАМИКА С НАЛЕПАМИ

В 1982 г. на Земляном городище в районе церкви Св. Климента, к сожалению, в переотложенных слоях, был найден фрагмент лепного сосуда, украшенный в верхней части (на плечике) налепом в виде овала с выемкой посередине, расположенного горизонтально (Фонды СЛМ, КП-63437/А-10180) (ил. 25).

В 1984 г. в южной части с. Старая Ладога, при рытье траншеи для устройства водозаборной колонки для жителей ул. Никольской, в яме 5 (Бессарабова 1995) был найден фрагмент верхней части сосуда с налепами-«шишечками» на плечике (Фонды СЛМ, КП-94767/ А4-599) (ил. 26). По характеру находок З. Д. Бессарабова сделала вывод, что эта яма имела производственный характер, связана с бронзолитейным делом и «относится ко времени древней Ладоги» (Там же: 63).

На Северо-Западе подобный вид орнамента практически неизвестен (можно назвать сосуд с луновидным налепом из бескурганного могильника Которск XI (Михайлова 2014: рис. 9, 1)), хотя налепы различных форм встречаются на керамике как синхронных Ладоге, так и более ранних памятников других территорий.

Орнамент в виде луновидных налепов на тулове сосуда в единичных случаях зафиксирован на сосудах из Лукомля (придонная часть) (Еремеев, Дзюба 2010: 477, рис. 374) и Витебска (на плечике), на селище Хачево (на плечике) (X–XI вв.) (Там же: 289, рис. 265, 2). Луновидные и шишковидные налепы редко, но встречаются в курганах КСДК VIII–IX вв.: Ярцево, (Там же: 424, рис. 337), Скрабы (курган 1) (Там же: 427, рис. 340, 3), Русанова Гора (курган 31) (Станкевич 1950: рис. 5, 8).

Небольшие продолговатые налепы встречены на памятниках типа Подол (середины — третья четверть I тыс. н. э.) в верховьях Волги: селище Свёклино (Исланова 2019А: альбом, рис. 318, 1) и Пески 1 (Там же: альбом, рис. 343, 3). И. В. Исланова, выделившая эту группу памятников, прослеживает в её материалах связи с более южными регионами (Исланова 2019: 31, 32). Известны такие налепы и на ряде памятников круга Заозерье–Узмень III–V вв.: Фролы, Подосинки, Узмень (Лопатин, Фурасьев 2007: 162, рис. 80, 9; 182, 183, рис. 100, 2; 101, 6; 196, рис. 114, 1, 2). Здесь

также примерно в III в. н. э. наблюдается приток населения из области киевской КИО, что подтверждается, в частности, появлением керамики с расчесами, сделанными черняховскими гребнями (Лопатин 2003; Лопатин, Фурасев 2007: 17–25).

Традиция украшать сосуды налепами, видимо, исходит из более южных территорий. Как продолговатые, так и луновидные налепы известны на посуде селища Хитцы в Подесенье (культура типа Пеньковка, середина — третья четверть I тыс. н. э.) (Горюнов 1981: 77, 78, рис. 28, 16, 22, 28). Встречены продолговатые налепы на пос. Сенча (IV–V вв.; ранний этап колочинской культуры) (Терпиловский 2004: 135, рис. 1, 1, 2, 4), продолговатые и луновидные — в материалах культуры карпатских курганов (могильник Иза, III–V вв.) (Вакуленко 2004: 103, рис. 3, 2, 4, 5).

Налепы, в том числе и луновидные («псевдоушки–„подковки“», по Е. В. Максиму (Славяне и их соседи... 1993: 27)), встречаются на рубеже эр и в начале I тыс. н. э. на многих памятниках зарубинецкой культуры — Отвержичи, Велемичи, Пирогов и др. (Славяне и их соседи... 1993: табл. VIII, 23, 28; VII, 8), на поселении Городище Пинского района Беларуси (Иов, Вергей 2012: 38, рис. 24, 1, 2). Аналогии округлым «шишечкам» (одиночным или чередующимся через определенный промежуток) также присутствуют в зарубинецкой культуре Полесья (Отвержичи) (Славяне и их соседи... 1993: табл. VIII, 16) и в липицкой культуре I–II вв. н. э. в Верхнем Поднестровье (Верхняя Липица) (Там же: табл. XXXV, 7, 8, 9; Цигилик 1975: рис. 20, 6), а также в культуре Поянешти–Лукашевка II в. до н. э. — II в. н. э., занимавшей территорию от восточных склонов Карпат до Днестра (Славяне и их соседи... 1993: табл. XXXI, 48, 49, 51; Babeş 1993: taf. 14, 4, 6, 8). Здесь же, среди грубой посуды липицкой культуры, располагавшейся от Верхнего Днестра до низовьев Дуная (Черепин, середина I — конец II в. н. э.) (Славяне и их соседи... 1993: 99, табл. XXXV, 12; Цигилик 1975: рис. 20, 4), удалось, как это ни странно, найти наиболее близкую аналогию овальному налепу из Ладоги.

Как видим, аналогии керамике с налепами из Ладоги прослеживаются в памятниках и культурах, довольно далеких территориально и хронологически. Сложно сделать серьезные выводы на основании двух черепков, один из которых найден случайно в отвале на Земляном городище, а второй — на периферии поселения, культурный слой которого может быть предварительно датирован IX–X вв. Видимо, можно только наметить направления поисков...

Действительно, налепы (продолговатые, шишковидные, луновидные) встречаются нечасто, но на довольно обширной территории. Аналогии уводят с Северо-Запада на юг, углубляясь хронологически вплоть до рубежа эр, а территориально — до Подунавья. И. И. Еремеев обнаружил в Городке на Маяте (Юго-Восточное Приильмень) в слое третьей четверти I тыс. н. э. фрагменты сосуда, украшенные орнаментированным треугольным налепным валиком под венчиком (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 110). Поиски аналогий привели его к древностям тушемлинско-банцеровского круга и далее, к более южным памятникам колочинской, пеньковской и пражской культур (Там же: 115, 123).

По отношению к Ладоге в этих элементах орнаментации, включая и сосуды с оттянутым валиком, явно прослеживается южный след. Особый интерес, конечно, представляет уникальный фрагмент керамики с овальным налепом с выемкой посередине.

Многими исследователями для середины I тыс. н. э. отмечалось влияние центральноевропейских культур на древности Восточной Европы (Седов 1999: 91–117; Казанский 1999; Каргапольцев, Щукин 2002; Михайлова 2018). В это время обостряется ситуация на Среднем Дунае (разгром гуннов, войны между германскими племенами), что вызвало передвижение масс населения в разных направлениях. В V–VI вв. в Южной Прибалтике фиксируются фибулы дунайских типов, а на керамике — так называемые сосковидные налепы: такие налепы (одиночные и спаренные) встречены в судавской культуре (Szymański 2018: tab. VIII, 1; XVIII, 1; XXV, 1; XXVI, 1) и самбийско-натангинской (Skvorzov 2007: 160, tab. 14, 2). Их появление там связывается с Подунавьем (Скворцов 2010: 134), а что касается орнаментации на керамике — с гепидской керамикой VI в. (Кулаков 1990: 34). Убедительно прослежены связи между Подунавьем и Северо-Западом, в том числе и со Старой Ладогой, по распространению ювелирных украшений из оловянистых сплавов и формочек для их отливки (Щеглова 2009). В Ладого типах таких украшений встречаются с древнейших слоев до начала X в. (Там же: 54). В этом контексте находка фрагмента керамики с овальным налепом приобретает особое звучание. Представляется, что она также маркирует направление культурных связей через территорию Восточной Европы в середине — второй половине I тыс. н. э.

КЕРАМИКА ЛАДОГИ И КЕРАМИКА КУЛЬТУРЫ СОПОК

В литературе появление реберчатой посуды обычно связывается с приходом славян на Северо-Запад. Такая керамика считается характерной для культуры сопок, часто ассоциируемой со словами новгородскими (Седов 1970: 29–33; 1979: 74, 75; 1982: 64; Носов 1974: 212–241; 1982: 52, 53, 65; История крестьянства... 1994: 16, 17; Конечкий 1989: 140–150; 1989а: 18; 1992: 124–133; 1995: 31–40). Исследования второй половины XX в. показали, что сопочный массив неоднороден, в нем проявляются разные погребальные традиции (Петренко 1985а; 1994).

В. В. Седов, давая характеристику керамике сопок, располагал довольно скудным материалом, но и тогда он смог выделить два типа сосудов (см. с. 348). После раскопок В. П. Петренко в Северном Поволжье коллекция керамики значительно пополнилась, однако по-прежнему в подавляющем большинстве это были отдельные небольшие фрагменты. Целых или реконструированных графически форм найдено «чуть более 20» (Петренко 1994: 70, 71, рис. 29). Керамика сопок различается по своим технологическим особенностям: составу глины, величине и характеру отощающих примесей, степени обжига, характеру обработки поверхности. Видимо, эти отличия как-то связаны с характером использования посуды (для помещения собственно остатков кремации или для ритуальных действий). Возможно, использовалась посуда бытовая и специально изготовленная для погребальных целей (Там же: 70, 71).

На сегодняшний день все выделенные типы ладожской керамики, за исключением типов ФVI и ФVIII (последний представлен одним сосудом), встречены также в сопках Северного Поволжья. Типы керамики не удалось соотнести с выделенными В. П. Петренко типами погребальных насыпей, что подтвердило вывод исследователя (Петренко 1994: 110). Например, сосуды с ребром, напоминающие типы

ФI и ФIII ладожской посуды, найдены в сопке 15-III (I тип насыпей, по В. П. Петренко) и в сопке 15-I (III тип, по В. П. Петренко). Важно отметить, что подобные сосуды обнаружены не только в сопках, но и в курганах 5 и 7 могильника в урочище Плакун (Назаренко 1985: 167, рис. 7, 4, 5).

В сопке 15-III (I тип) помимо горшка с реберчатым профилем найден фрагмент слабопрофилированного сосуда (обнаружен на камнях обкладки и с погребениями не связан (Петренко 1977: 57, рис. 1, 6)). Такая ситуация (когда типы сосудов не коррелируются с типами памятников) в раннем средневековье вовсе не является исключительной. И. В. Исланова отметила, что сосуды разных групп и форм встречаются даже в одном погребальном (закрытом) комплексе (Исланова 2006: 97).

Подробное исследование погребального обряда сопок, который является достаточно чутким индикатором для решения вопросов происхождения отдельных групп населения, позволило В. П. Петренко прийти к заключению о невозможности связать возникновение этих памятников с культурным импульсом из какого-то одного центра или волной славянской колонизации. Выявленные различия в погребальном обряде сопок говорят о сложном и непрямолинейном пути формирования этой культуры.

Эти выводы обусловлены состоянием источников и, в первую очередь, отсутствием в регионе исследованного пласта древностей первой половины и третьей четверти I тыс. н. э. Последнее обстоятельство затрудняет поиск истоков как сопочного погребального обряда, так и ладожского керамического комплекса. Кроме этого, следует учитывать такие специфические особенности раннесредневековой керамики Северо-Запада, как фрагментированность, аморфность, а также различную степень изученности разных регионов и отсутствие равноценных данных для сопоставления погребальных и поселенческих памятников (Петренко 1994: 113–115).

Тем не менее уже сейчас ясно, что погребальный обряд культуры сопок отражает начало сложения новой, ещё не устоявшейся традиции (Носов 1994: 3), развитие которой, вероятно, «началось уже в рамках формирующегося древнерусского социума» (Платонова 2017: 17). Видимо, данный процесс затронул не только погребальный обряд, но и гончарное ремесло, так как выводы, полученные при изучении этих двух важнейших археологических источников, совпадают.

Ладожский керамический комплекс, с одной стороны, является многокомпонентным, с другой — он достаточно однороден. Это отметила еще Я. В. Станкевич: «...на первый взгляд, весь этот материал кажется весьма однообразным и однотипным, и лишь при более глубоком изучении выявляются те или другие характерные черты...» (Станкевич 1951: 219). Эта однородность заключается не только в том, что налицо большое количество так называемых переходных форм, затрудняющих отнесение сосуда к тому или другому типу, но также в том, что на протяжении VIII–X вв. невозможно выделить периоды, характеризующиеся абсолютным преобладанием того или иного типа керамики. Можно отметить только более или менее четко выраженные тенденции изменения, например, увеличение высоты сосудов, появление орнамента на лепной посуде, «гибридных» форм, новой категории посуды — сковородок. Учитывая выявленную эклектичность керамического комплекса Ладоги VIII–X вв., фиксируемую уже на самом раннем этапе существования поселения (в горизонте E_{3.3}), можно предположить, что сложился он не в последней четверти I тыс. н. э., а в более раннее время. Тип 1 («ладожский») не удаётся

однозначно связать с каким-либо кругом древностей. Причина этого заключается в том, что к нему относятся реберчатые сосуды, различающиеся по своим пропорциям, но имеющие сходное оформление верхней части. Этот ведущий тип является таким же эклектичным, как и весь керамический комплекс Ладоги.

О КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ НА ОСНОВЕ КЕРАМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Исследование ладожской керамики (технологических приемов, характера их изменения, набора форм посуды) позволяет сделать вывод, что в середине VIII в. (750-е гг.) население поселка в культурном отношении было тесно связано с территорией лесной зоны Восточной Европы. Судя по керамическим параллелям и находкам отдельных вещей, имеющих аналогии в культурах псковских и смоленских длинных курганов, латгальских могильников, предположение об имевшем место культурном импульсе из Верхнего Поднепровья, юга Псковщины и севера Беларуси можно считать вполне правдоподобным (Плоткин 1972: 40, 41; Давидан 1986: 103, 104; 1994: 166; Давидан и др. 1985: 57, 58; Мачинская 1989: 17, 18; 1990: 56, 57; Кузьмин, Мачинская 1989; Кузьмин 1989б: 34, 35; Булкин и др. 1994: 37, 38). Выявленное сходство ладожского керамического комплекса с аналогичными материалами позднедьяковских памятников и удомельской группы предсочных памятников дает основание предполагать наличие культурного импульса также и с территории Верхневолжья и Мстинско-Моложского междуречья. Дальнейшие исследования прольют свет на эту проблему.

Находки небольшой серии сосудов, украшенных специфической орнаментацией (налепы, «оттянутый валик»), позволяют наметить культурные влияния от южных памятников, расположенных в Подунавье и Приднестровье. Они хорошо вписываются в реконструируемые по другим категориям находок (предметам вооружения, конского снаряжения, ювелирным украшениям) направления культурных связей середины — второй половины I тыс. н. э. К сожалению, контекст находок не позволяет говорить более определенно ни о времени, ни о путях проникновения южных керамических традиций в Ладогу.

Дискуссионным остается вопрос о характере ранней Ладоги, которую разные исследователи рассматривают как поселение скандинавской общины, некий эмпориум, как славянский поселок и даже столицу первого русского протогосударства (см. Введение, с. 331–337). Не претендуя на решение этого сложнейшего вопроса, считаю необходимым прокомментировать точку зрения глубокоуважаемого исследователя С. Л. Кузьмина (Кузьмин 1997; 2003; 2008).

Автор пришел к выводу, что Ладога возникла «как колония скандинавов, достигших восточных пределов Балтики до начала эпохи викингов» и что её ранняя история представляет собой цепь катаклизмов, сопровождавшихся многократной полной сменой населения (Кузьмин 2008: 76). Не отрицая присутствия скандинавов среди древнейшего населения Ладоги, хочу подчеркнуть, что археологический материал не дает основания рассматривать только этот культурный компонент в качестве исключительного и древнейшего.

По мнению С. Л. Кузьмина, в 750–760 гг. (I ярус построек) в Ладоге обитала «немногочисленная, но достаточно монолитная» группа норманнов, в составе которой

были не только мужчины, но также женщины и дети. В 760–770 гг. (II ярус построек) скандинавская колония прекращает свое существование в связи с появлением в Нижнем Поволховье носителей культурных традиций лесной зоны Восточной Европы (Кузьмин 2008: 76).

На основании изучения керамики этот вывод подтвердить нельзя: керамический комплекс древнейшего горизонта Ладоги изначально связан с археологическими культурами лесной зоны Восточной Европы. По материалам горизонта E_{3,3} (I и II яруса, по С. Л. Кузьмину) каких-либо кардинальных изменений не наблюдается, как, впрочем, и по керамике вышележащих горизонтов. Объяснения этого противоречия могут быть различны. Если предположить, что скандинавы, обитавшие в Ладоге в 750–760 гг., принесли с собой характерный тип жилища, инвентарий и технологию кузнечно-ювелирного производства (элементы мужской субкультуры), то керамика, которую традиционно относят к женской субкультуре, показывает, что население было, по крайней мере, смешанным. Если скандинавские «колонисты» («мужчины, женщины и дети», по С. Л. Кузьмину) жили своей общиной, но пользовались керамикой, которую изготавливали «представители культур лесной зоны», то и в этом случае следует признать, что последние уже проживали в Нижнем Поволховье в середине VIII в. Видимо, скандинавы пришли не на пустое место. Конечно, эти объяснения гипотетичны, но керамический материал четко показывает, что помимо скандинавского компонента в ранней Ладоге несомненно присутствует и местный, восточноевропейский.

Говорить о неоднократной «резкой смене» населения также не стоит. В истории Ладоги было все — и вражеские набеги, и пожары, после которых жизнь начиналась заново. Выявленные С. Л. Кузьминым этапы жизни поселения, характеризующиеся соотношением разнородных компонентов в материальной культуре, скорее можно объяснить, пользуясь его же выражением, «направлением военных ветров», чем кардинальной ломкой всего жизненного уклада.

С вопросом о «смене населения», якобы имевшей место, тесно связана и другая проблема: сложилась ли древнерусская культура Ладоги X–XII вв. в результате развития культуры первых поселенцев или на основе иных культурных традиций? Исследователи Ладоги Н. Е. Бранденбург, Н. И. Репников, В. И. Равдоникас отвечали на него по-разному. Г. Ф. Корзухина, опираясь на известные в то время факты, писала об историческом рубеже, проходящем по границе горизонтов E₂ и E₁, то есть в пределах от середины IX до рубежа IX–X вв. Она объясняла изменения в материальной культуре Ладоги появлением новых групп населения, но не исключала, что они могли быть связаны с «начавшимся процессом феодализации» (Корзухина 1961: 84). О. И. Давидан выделяла два периода в истории древней Ладоги: первый — с середины VIII до конца X в., когда в материальной культуре четко фиксируются скандинавские, балто-славянские, восточные группы находок, и второй — с конца X до XIII в., когда появляются вещи из металла, кости, стекла, шифера, характерные для уже сложившейся древнерусской культуры, печати новгородских князей и посадников (Давидан 1981: 25, 26). Г. Ф. Корзухина и О. И. Давидан, будучи scrupulous исследователями, довольно точно уловили происходившие изменения в материальной культуре.

Имеющиеся на сегодняшний день материалы позволяют говорить о том, что примерно в середине IX в. в Нижнем Поволховье происходят существенные изменения, отразившиеся в археологическом материале. Заметно увеличивается

площадь Ладожского поселения (застройка выходит далеко за пределы Земляного городища); в округе массово распространяются сопки (большинство их датируется второй половиной IX — X в.) (Конечкий 1995: 34; Кузьмин 1999: 97–99); появляются захоронения в урочище Плакун (Корзухина 1971; Назаренко 1985). На Земляном городище между 863 и 870 гг. фиксируется мощный пожар (Рябинин, Черных 1988: 91); разрушаются укрепления на соседнем с Ладогой городище Любша (Рябинин, Дубашинский 2002: 203). Начиная со второй половины IX в. на Земляном городище постепенно уменьшается количество находок украшений, связанных с КСДК (Мачинский, Мачинская 1988: 49–51; Давидан и др. 1985: 58; Мачинская 1990: 56), и вещей из оловянистых сплавов, имеющих аналогии на обширной территории лесной и лесостепной зон — в колочинской и пеньковской культурах Поднепровья третьей четверти I тыс. н. э., на городищах Псковщины, в длинных курганах Юго-Восточной Эстонии и т. д. (Мачинская 1989: 17, 18; Щеглова 2001; 2002; 2003; 2009); в это же время исчезает домостроительная традиция, связываемая С. Л. Кузьминым с КСДК (Кузьмин 1989: 35); начинается строительство Каменной крепости, относимое А. Н. Кирпичниковым к концу IX — началу X в. (Кирпичников 1984: 23–42; 1985: 23) и подтверждённое современными исследованиями (Григорьева 2020).

По мнению Д. А. Мачинского, основанному на изучении письменных источников, именно в третьей четверти IX в. начинается массовое проникновение словен в Нижнее Поволжье (Мачинский 1981: 45). В. Я. Конечкий также считает, что распространение на широкой территории Северо-Запада во второй половине IX в. высоких погребальных насыпей (сопок) связано с неоднократным притоком новых групп населения (славянского) (Конечкий 1992: 126, 127).

Все эти изменения не нарушили последовательного развития ладожского керамического комплекса, хотя некоторые новации удалось зафиксировать (с. 487–489). В керамике, как и других категориях археологического материала, отразился процесс формирования новой культуры.

Вопрос о хронологии ладожских древностей и во многом опирающейся на нее хронологии памятников лесной зоны требует особого рассмотрения. Конечно, лепная керамика не может служить основой для так называемых узких датировок. В последнее время в литературе вновь стал подниматься вопрос о начальной дате Ладоги (см., напр.: Кирпичников, Сарабьянов 2013: 16, 152, 153; Кирпичников, Курбатов 2014; Лапшин 2019; Платонова 2021а), хотя после создания дендрохронологической шкалы его можно было бы считать решенным. Этому способствовали, с одной стороны, обнаружение пахотного горизонта под культурным слоем Земляного городища, датированного по ^{14}C второй половиной VI — VII в. (Александровский 2012: 60), с другой — выявление на Северо-Западе целой серии находок римского времени (см., напр.: Сорокин и др. 2008). Известны находки, относящиеся к более раннему периоду, чем древнейшие напластования Земляного городища, и в самой Ладоге, и в ее ближайшей округе (Петренко, 1984: 89, 90; Рябинин, Дубашинский 2002; Кирпичников, Сарабьянов 2013: 146–153; Кирпичников, Курбатов 2014). Какой будет дата возникновения раннесредневекового поселка на месте будущего Земляного города покажут дальнейшие исследования, хотя вопрос о существовании «островков жизни» на этом месте в более раннее время остается открытым. Находки Е. А. Рябининой на городище Любша подтверждают предположения исследователей о существовании так называемой ладожской агломерации (Мачинский,

Мачинская 1988: 46, 54; Мачинский 1997: 73; 2009: 483–485; Кирпичников 1997а: 40; Носов 1997: 51; Кузьмин 1998: 12, 13).

Некоторые факты, фиксируемые в археологическом материале Ладоги, находят подтверждение на страницах письменных источников. Многими исследователями пожар 860-х гг. сопоставляется с летописными известиями о внутренних междоусобицах, следствием которых явилось «призвание варягов» (Рябинин 1985: 47, 48; Лебедев 1985: 212–214; Кирпичников 1988: 44–47, 50–54; Рябинин, Черных 1988: 91; Носов 1992: 104). Возможно, отсюда Олег начал свой поход 882 г. к Киеву, в результате которого произошло объединение Северной и Южной Руси (Кирпичников 1988: 54, 55). По некоторым данным, он и вернулся сюда в 922 г. из успешного похода в Закавказье (Новосельцев 2017: 188).

«Большие дома», количество которых на Земляном городище к сегодняшнему дню приближается к двум десяткам, вызывают у исследователей ассоциации с описанным Ибн-Фадланом рубленным домом торговцев-русов (Рябинин 1985: 46, 47; Кирпичников 2007а: 213, 214; Кирпичников, Сарабьянов 2013: 72, 73).

«Большая постройка», найденная в раскопе на Варяжской улице, по своим конструктивным особенностям и связанным с ней находкам напоминает описанное Саксоном Грамматиком языческое святилище западных славян на о-ве Рюген (Петренко 1985: 111, 112). Она была разрушена и сожжена, видимо, во время христианизации края (дата её гибели практически совпадает с датой, когда Добрыня и Путята «огнем и мечом» крестили новгородцев (Янин 1983; 1983а; 2008; Петренко 1985: 107; Лебедев 1997: 11; Мусин 2002: 99). Один из пожаров, следы которых зафиксированы на уровне II и III основных горизонтов на Варяжской улице, связывается с набегом ярла Эйрика, захватившего и сжегшего Альдейгьюборг в 997 г. (Петренко 1985: 115; Рыдзевская 1978: 51, 64).

Изучение ладожской керамики также привело к некоторым выводам, имеющим подтверждение в письменных свидетельствах. Упоминание в Саге о Стурлауге Трудолюбивом наличия в Альдейгьюборге «хорошего лекаря» подтверждается находкой в одном из глиняных горшков остатков древнейшего лекарственного средства (Сениченкова, Урюпов 2017). В другом горшке были найдены остатки термически обработанной смолы хвойных деревьев (живицы), которая могла использоваться для герметизации швов древних судов (химический состав вещества из горшка совпадает с составом, обнаруженным на деревянных лопатках, служивших инструментами для смоления). Это подтверждает сведения саг о Ладоге как стоянке для ремонта и перегрузки судов, а поскольку исследованные образцы происходят из разных частей поселения и хронологически отстоят друг от друга не менее чем на столетие, то этот факт даёт основание предполагать наличие устойчивой технологии, выработанной опытным путем и использовавшейся на протяжении длительного отрезка времени (Там же).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытки написать историю раннесредневековой Ладogi, предпринимаемые в настоящее время, имеют одну серьезную погрешность: они основываются на найденных в культурном слое разнородных по происхождению изделиях, которые насчитываются единицами, в лучшем случае — десятками (кроме стеклянных бус). В то же время массовый материал, в частности, керамика, не столь будоражащий воображение, как правило, остается в стороне.

Появление в культурном слое эффектных находок, имеющих четкую культурную «прописку», может быть объяснено различными причинами: торговыми контактами, присутствием выходцев из других стран, производством на месте по привозным образцам и т. п. Выводы, полученные при изучении ладожской керамики, разительно отличаются от тех, которые сделаны исследователями на основании иных категорий археологических источников (украшений, орудий труда, домостроительной традиции и т. д.). История Ладogi, реконструируемая на базе этих категорий и дополненная сведениями письменных источников, предстает бурной и богатой всевозможными потрясениями. Если бы в нашем распоряжении оказался только керамический материал, то впечатление было бы прямо противоположным.

Изучение ладожской керамики не дает оснований для выделения каких-либо рубежей в истории поселения. Оно свидетельствует о непрерывном развитии керамического производства, показывая в то же время и появление некоторых новаций. Мы наблюдаем, как постепенно, с течением времени гончарное ремесло, рассматриваемое как один из элементов материальной культуры, реагирует на новые культурные импульсы.

Изучение керамического комплекса Ладogi показало, что наряду с реберчатыми сосудами («ладожский тип»), он включает и другие типы посуды, что говорит о его неоднородности и позволяет соотносить с различными культурными пластами древностей (см. с. 417–437, 487–491). Сам «ладожский тип» является, как удалось показать, довольно эклектичным соединением сосудов, различных по своим пропорциям, но при этом имеющих сходное оформление верхней части. Пользоваться термином «керамика ладожского типа» в его современном понимании (для характеристики славянского компонента в материальной культуре памятников Северо-Запада последней четверти I тыс. н. э.), строго говоря, некорректно. Учитывая его широкую распространенность и прочное вхождение в литературу, возможно, стоит использовать этот термин только в качестве рабочего инструмента исследователя, понимая под ним характерный профиль верхней части сосуда. Что же касается выводов культурного порядка, то здесь надо быть крайне осторожным, особенно когда в распоряжении имеются только фрагменты (см.: Петренко, Шитова 1985: 188, сноска 17; Петренко 1994: 110; Сениченкова 1995).

О. И. Богуславский, используя мою классификацию ладожской керамики, сравнил керамические комплексы ряда раннесредневековых памятников Северо-Запада (Любша, Рюриково городище, городище Георгий, Холопий городок, Прость, Псков, Камно, Труворово городище, Городище на р. Сясь, курганы Юго-Восточного Приладожья) и пришел к важному выводу об их принципиальной близости. Типы керамики, выделенные для Ладоги, встречены и на этих памятниках, но в различных сочетаниях и пропорциях, что отражает региональные различия (например, в керамическом комплексе памятников Причудья имеются аналогии с материалами Юго-Восточной Эстонии, а материалы Юго-Восточного Приладожья обнаруживают соответствия на памятниках Белозерья). Это говорит, с одной стороны, о различных культурных компонентах, формировавших облик поселений разных регионов, а с другой — характеризует складывающуюся единую культуру (Богуславский 2006: 33, 34).

На протяжении второй половины I тыс. н. э. на Северо-Западе происходит сложение древнерусской культуры на основе многих слагаемых. Не все из них на сегодняшний день можно четко определить. Несомненным представляется участие в этом процессе носителей КПДК и КСДК, а также сообществ, оставивших предсопочные и сопочные памятники (Носов, Плохов 1991: 131; Исланова 2016; 2019). В вопросах о характере предсопочных древностей остается еще много неясного. Дальнейшие исследования и поиск памятников первой половины — третьей четверти I тыс. н. э., скорее всего, внесут немало нового в современные представления о ходе культурных процессов в регионе.

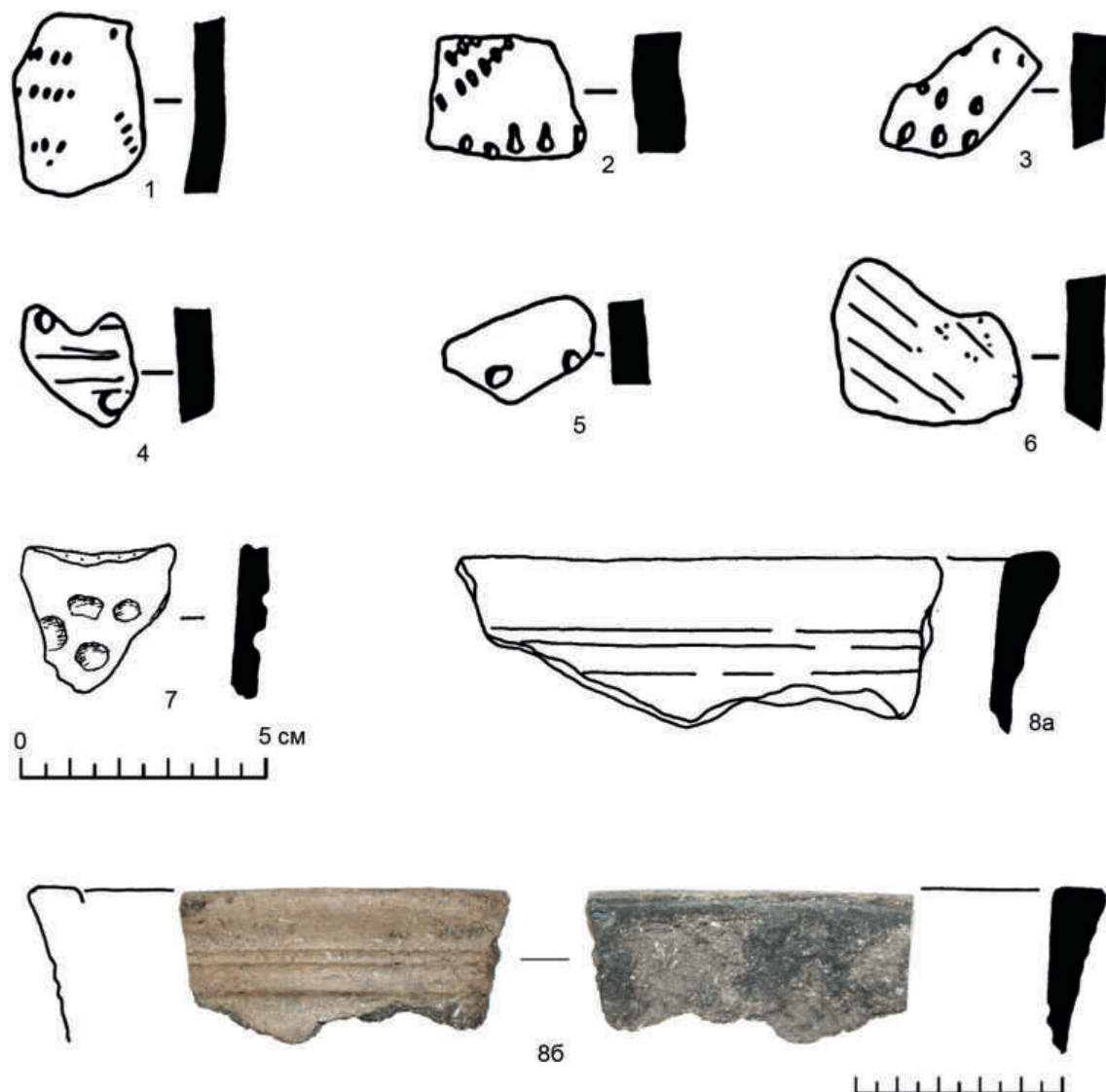
Полученные выводы заставляют вновь обратиться к проблеме соотношения археологической культуры и этноса, затронутой в историографическом обзоре (с. 357–364). Археологическая культура эпохи средневековья может быть сопоставлена с данными письменных источников и, таким образом, получить конкретное историческое содержание. Однако случаи, когда археологическую культуру можно приравнять к этнографической культуре, сопоставимой с определенной этнической общностью, очень редки (Савинов 1981: 96). С одной стороны, это обусловлено многокомпонентностью, полиэтничностью раннесредневековой культуры, а с другой — тем, что в указанный период этнос включает подразделения различного таксономического уровня, характеризующиеся различными дифференцирующими признаками (например, этнографическую группу, этнокультурную общность, этносоциальную общность) (Там же: 97).

По материалам Ладоги VIII–X вв. можно наблюдать начало процесса сложения государственной древнерусской культуры на основе традиций структурообразующего, господствующего этноса и параллельно развивающихся культурных традиций других групп населения, постепенно занимающих в этой системе подчиненное положение. Конкретизировать ход этого процесса довольно сложно. Ладожан VIII–X вв. никак нельзя квалифицировать как коллектив людей, живущих изолированно. Характер этого поселения и его расположение на одном из магистральных торговых путей предполагают наличие не только культурных взаимодействий, но и активное движение населения, в частности, ремесленников и торговцев. Контакты со странами Балтийского региона и различными племенами лесной зоны сделали возможным изготовление здесь, на месте, изделий, вобравших в себя элементы разных культурных традиций. Это касается резьбы по кости, изготовления

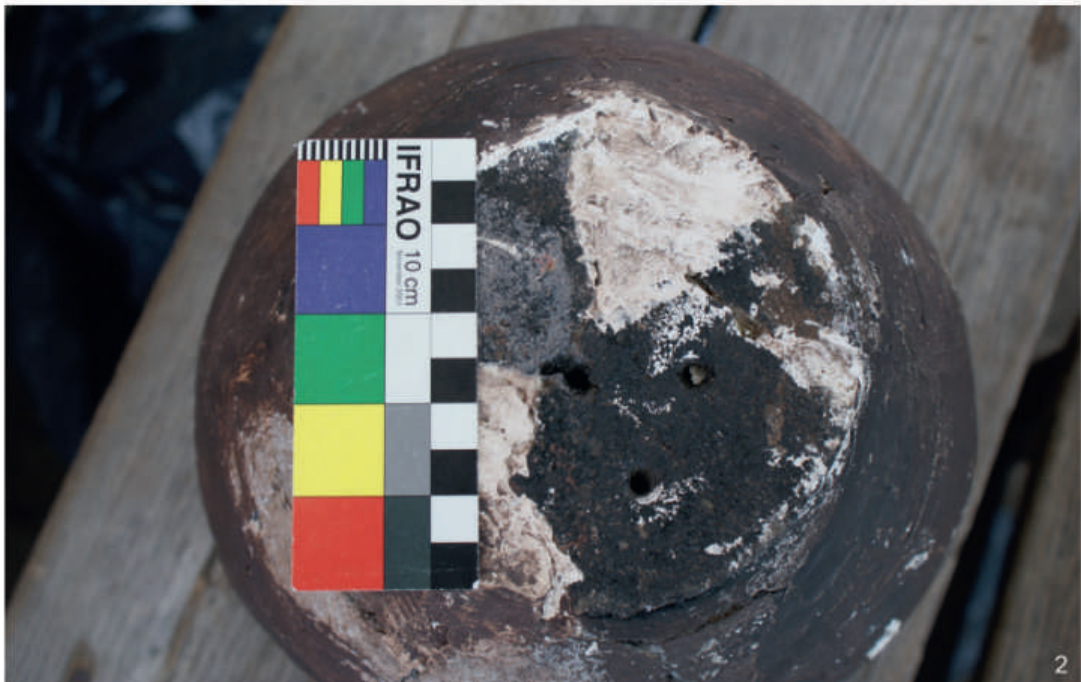
ювелирных украшений, антропоморфных скульптур и др. (Давидан 1973: 116; Назаренко 1985: 165; Капелле 1989: 140). Заимствование отдельных элементов культуры и появление качественно новых, возникновение так называемых вещей-гибридов и т. п. требуют особой осторожности при интерпретации происходящих изменений материально-предметного комплекса. Керамическое производство также не оставалось в стороне от этих процессов.

В условиях концентрации полиэтничного населения, находящегося в стадии формирования раннегородского общества, когда преодолевается племенная замкнутость и вырабатываются качественно новые социальные ориентиры, такой археологический источник, как керамика, уже несет не традиционную «этническую» информацию, а характеризует качественно новое явление — формирующуюся на основе многих слагаемых древнерусскую культуру.

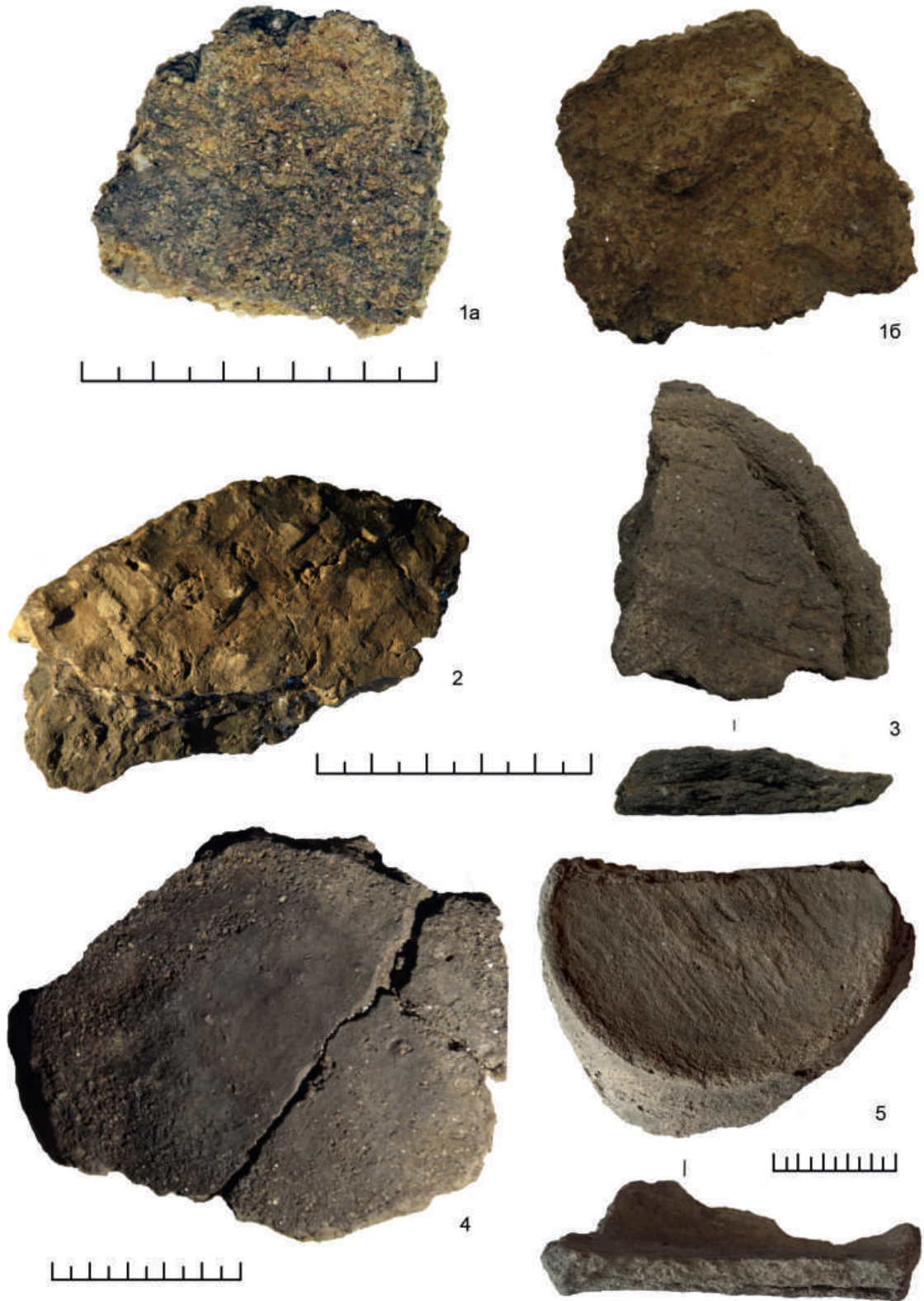
ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ III

Ил. 1. Керамика РЖВ из раскопок в Каменной крепости (1–6) и на Земляном городище (7–8): 1–6 — по: Юшкова 2011: рис. 72, 1–6; 7 — ИЭ-1985/46, горизонт E_{3.3}; 8а, 8б — с примесью асбеста и талька: Л-1840, горизонт E_{3.1} (8а — по: Станкевич 1950: рис. 4, 7)

Ил. 2. Круговой сосуд из раскопок на Земляном городище в 2012 г. с тремя отверстиями на днище, фото: 1 — сосуд; 2 — днище

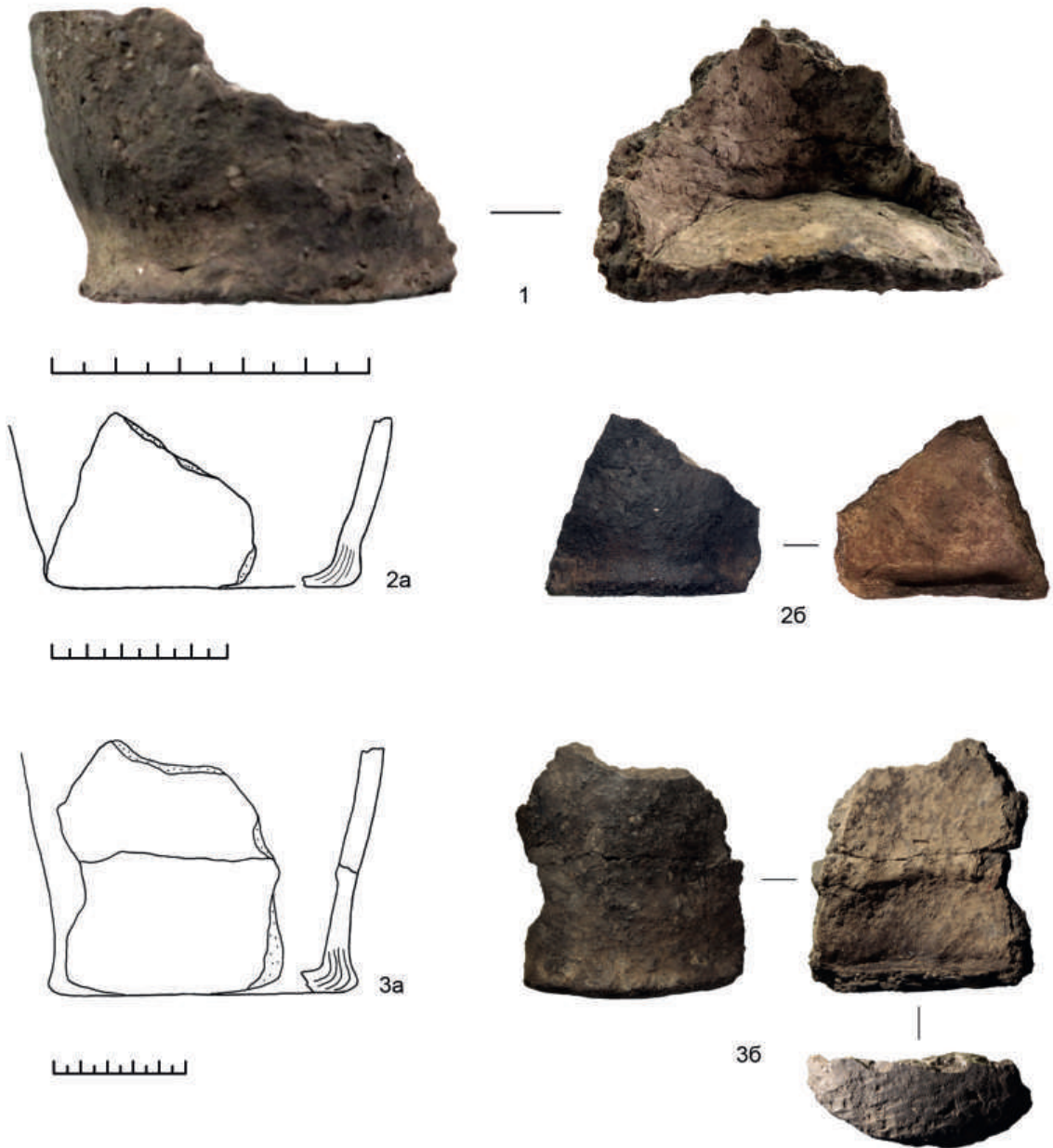
Ил. 3. Образцы керамики: 1а, 1б — САЭ-2009/100 (с подсыпкой дресвы на днище (1а) и прочерченным крестом на внутренней стороне (1б)); с отпечатками рогожи на днище: 2 — ЛДГ-51; 3 — САЭ-2009/8 (изготовлен при помощи донного начина); 4 — с подсыпкой песка на днище; 5 — образец круговой керамики с отпечатками древесных волокон на днище

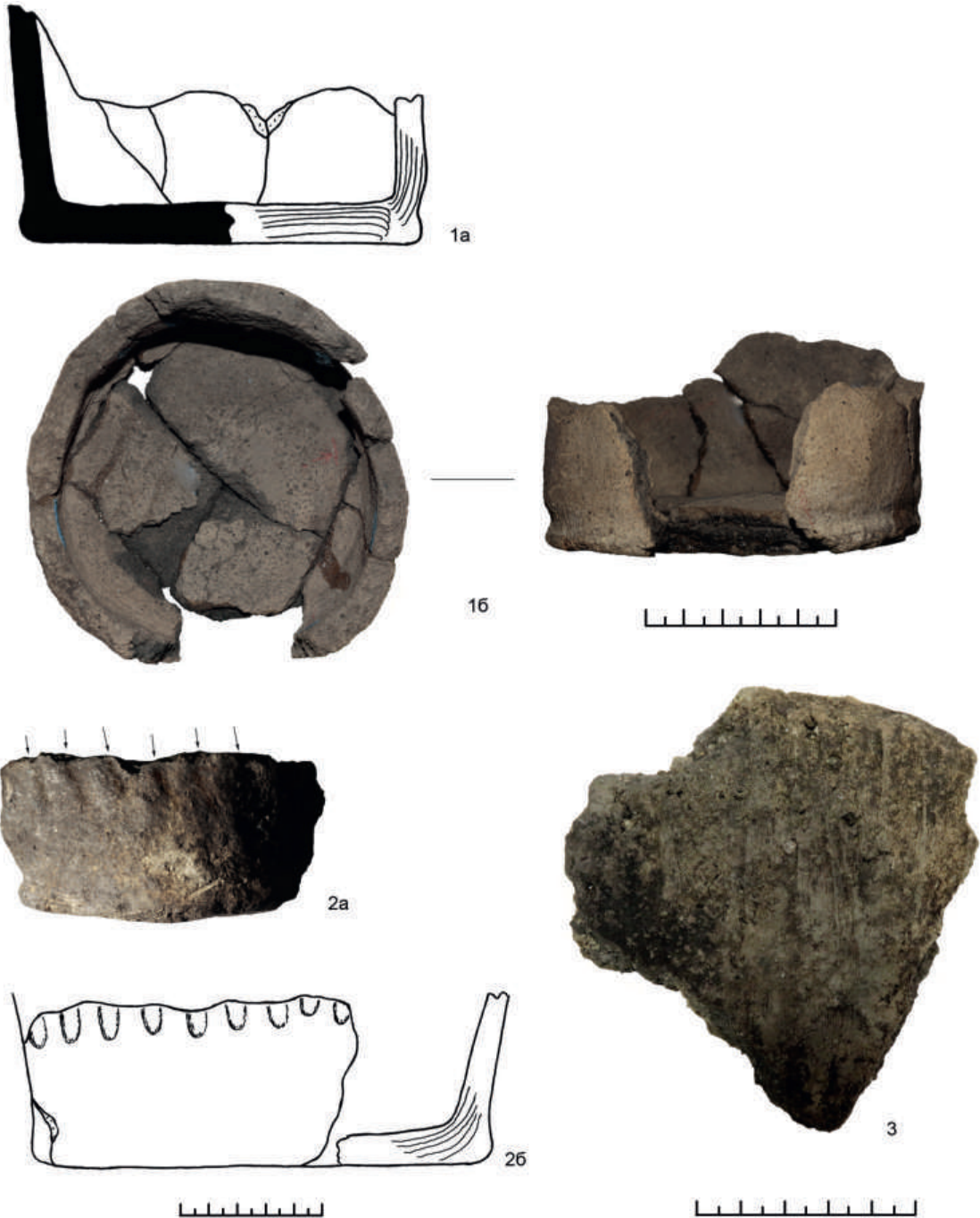
Ил. 4. Сосуды с отпечатками перекрещивающихся прутиков (стеблей травы?) на днище: 1а, 1б — ЛДГ-20, Ладога; 2 — Краков — Нова Гута 1 (по: Parczewski 1988: tab. XIX, 5)

Ил. 5. Фрагменты сосудов, изготовленных с помощью донно-емкостного начина (как бы вытянуты из одного куска глины): 1а, 1б — ЛД-77, 78, ЛДГ-6; 2 — САЭ-2003/22

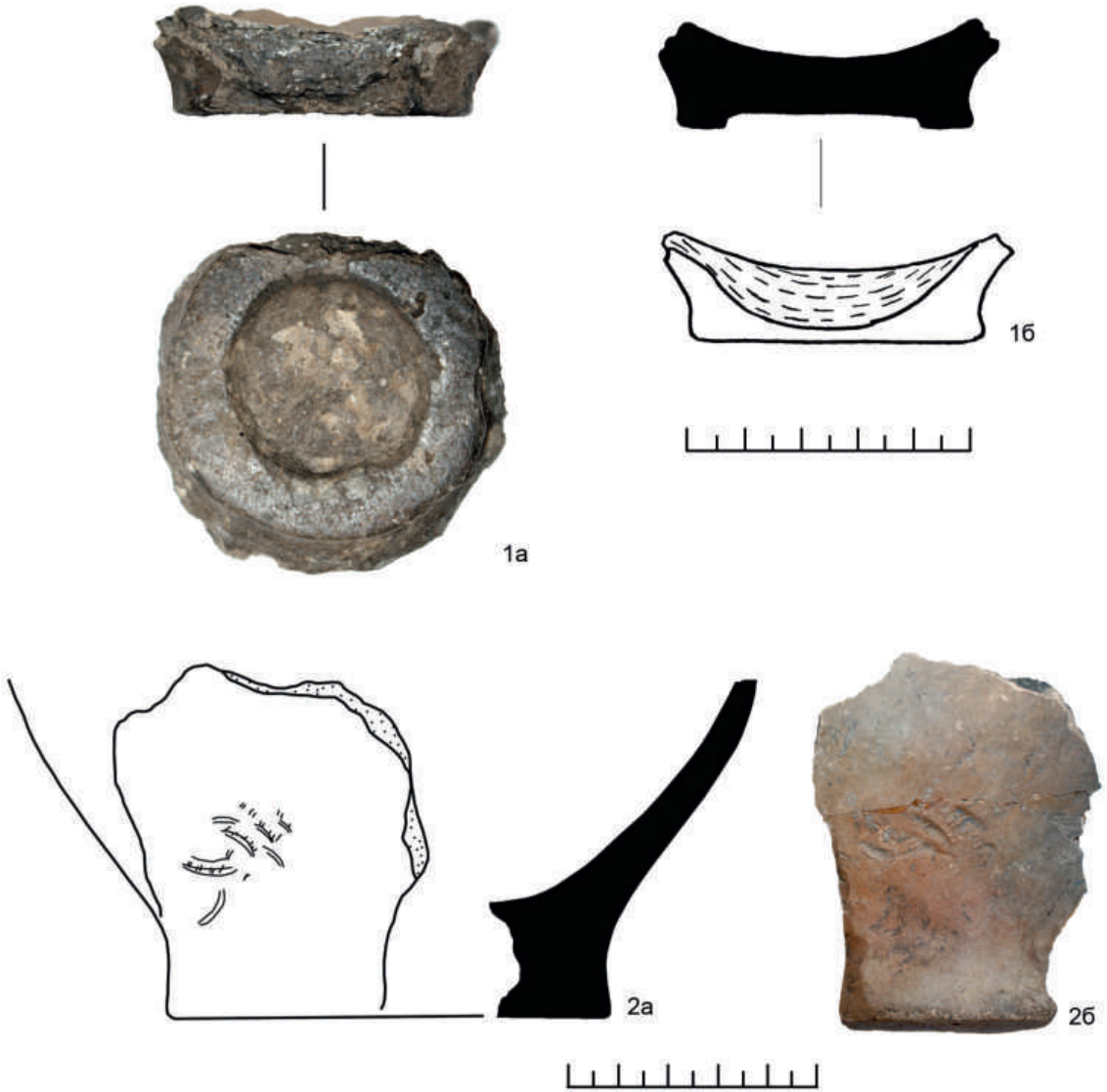
Ил. 6. Фрагменты сосудов, изготовленных с помощью донно-емкостного начина:
1 — САЭ-2008/86; 2а, 2б — ЛД-103; 3а, 3б — ЛДГ-109 (на дне — отпечатки рогожи, виден след ленточного налепа)

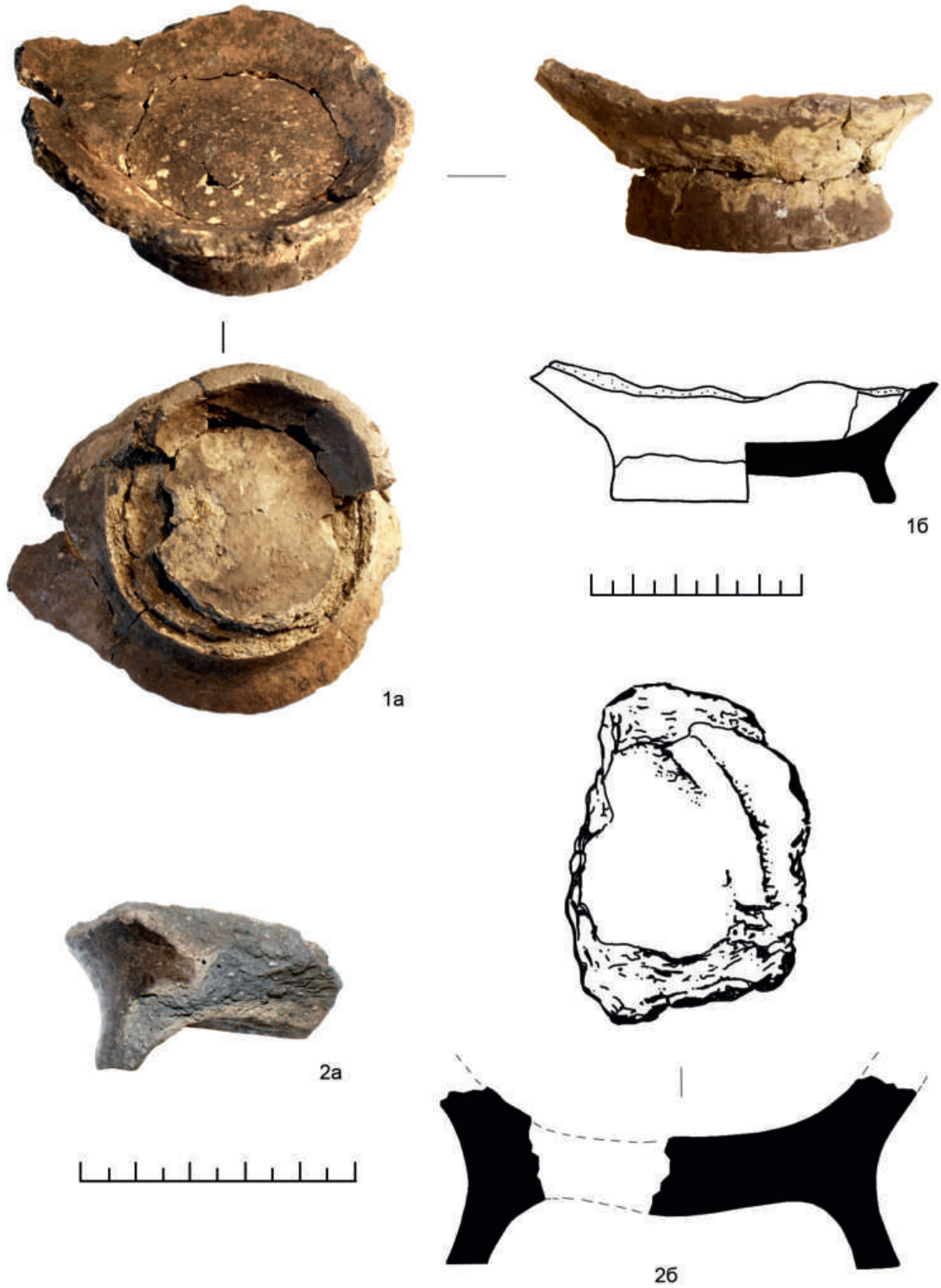
Ил. 7. Фрагменты сосудов, изготовленных с помощью донного начина:
 1а, 1б — ЛДГ-157 (внутри видны следы обработки деревянной лопаткой);
 2а, 2б — ИЭ-84/ ЗГ-780 (на поверхности следы от заглаживания пальцами в вертикальном направлении); 3 — САЭ-2009/47 (фрагмент стенки со следами заглаживания травой на поверхности)

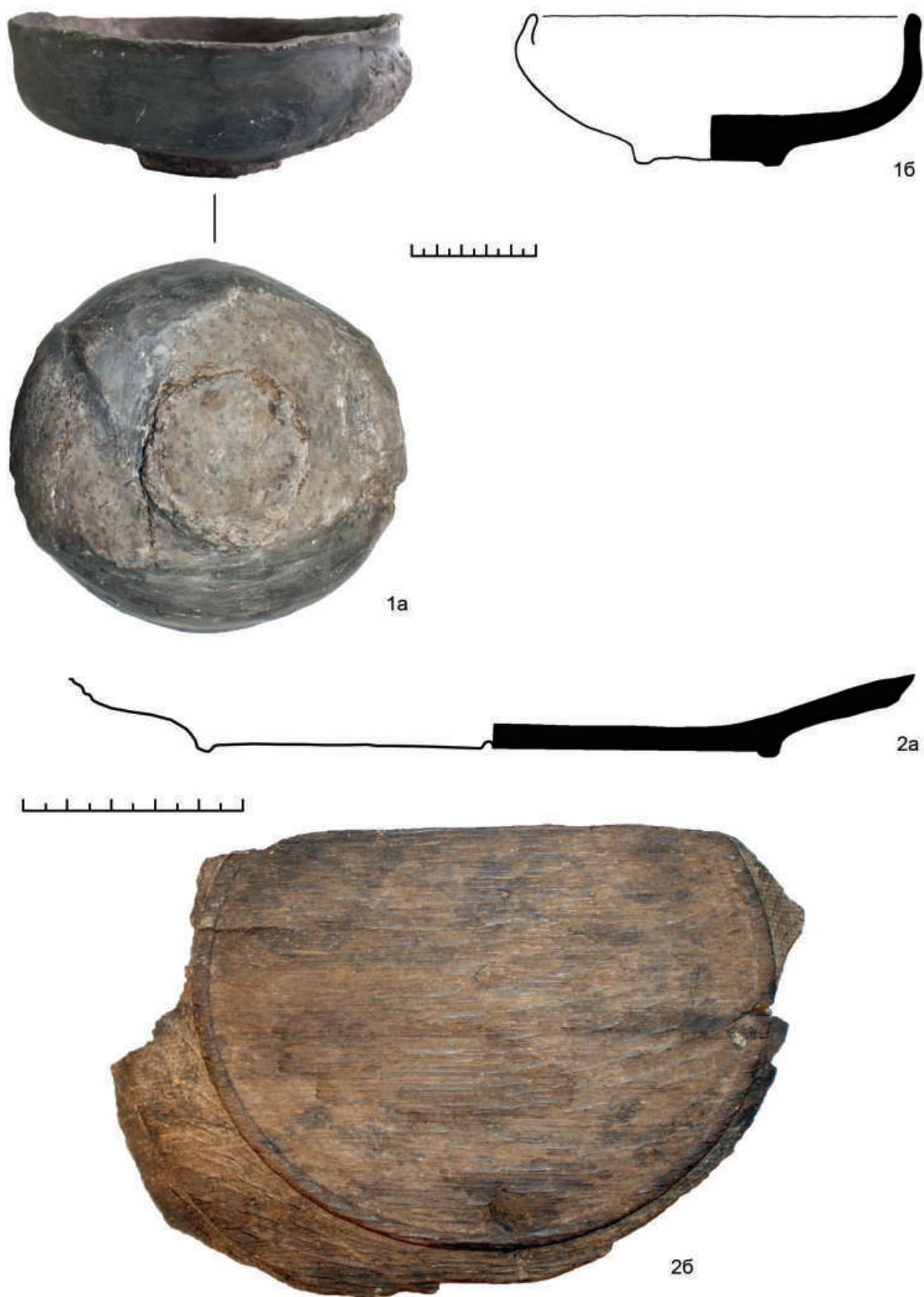
Ил. 8. Горшок (САЭ-2009/45) с деформированным дном (1а, 1б) и фрагмент дна (2)

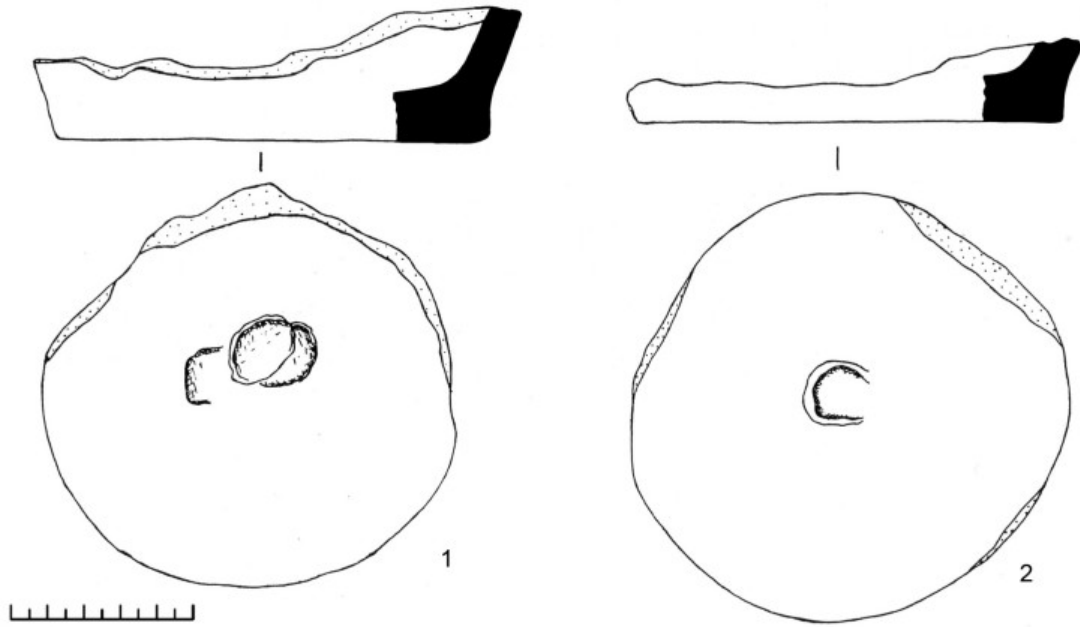
Ил. 9. Фрагменты: 1а, 1б — днища миниатюрного сосудика на невысоком поддоне (Л-1399) (виден след прилепливания поддона); 2а, 2б — придонной части сосуда на сплошном поддоне (ЛДГ-70), с хорошо заглаженной (подлощенной?) поверхностью

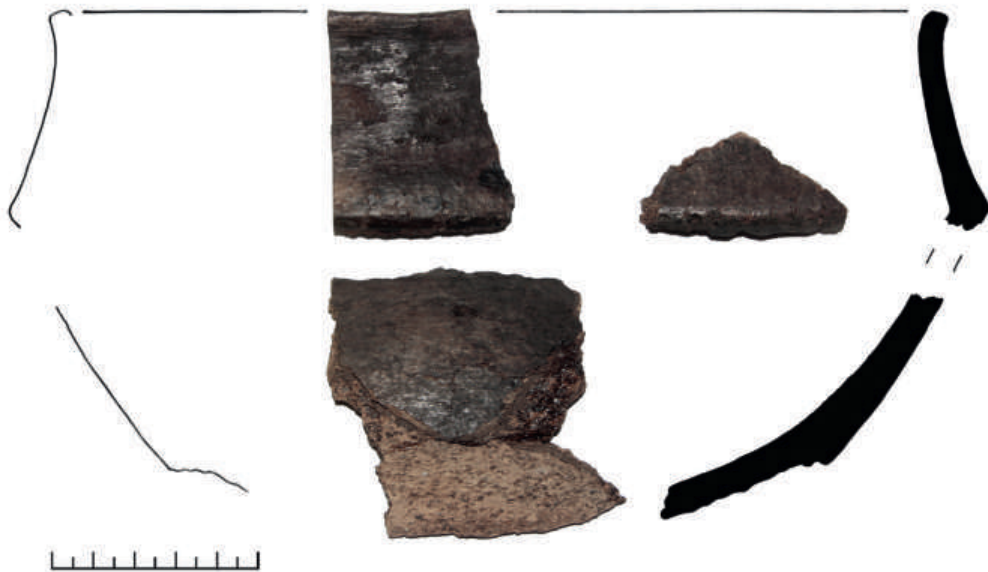
Ил. 10. Фрагменты придонных частей сосудов на поддоне: 1а, 1б — ЛДГ-93; 2а, 2б — Л-1556 (2б — реконструкция Я. В. Станкевич (по: Станкевич 1950: рис. 3, 5)

Ил. 11. 1a, 1б — миска на поддоне из раскопок на Земляном городище 2010 г. (САЭ-2010/17); 2a, 2б — точеная деревянная чаша из раскопок 1950 г. (ЛС-1954)

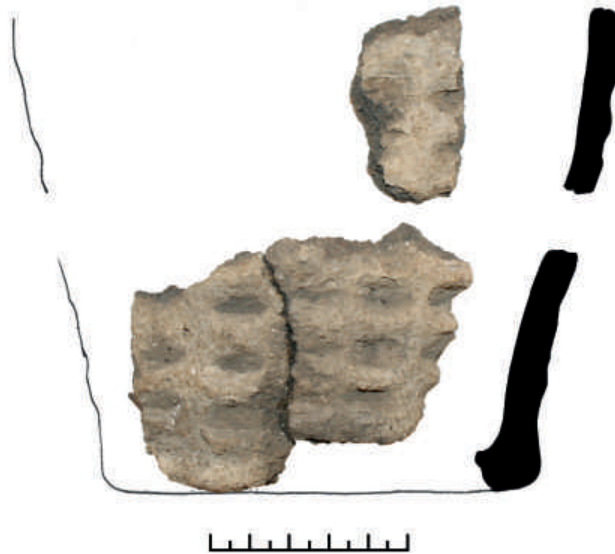
Ил. 12. Фрагменты дниц сосудов (1, 2) с отпечатками оси гончарного круга (раскоп на Варяжской ул., штыки 7–8, САЭ-75/ 6/н)

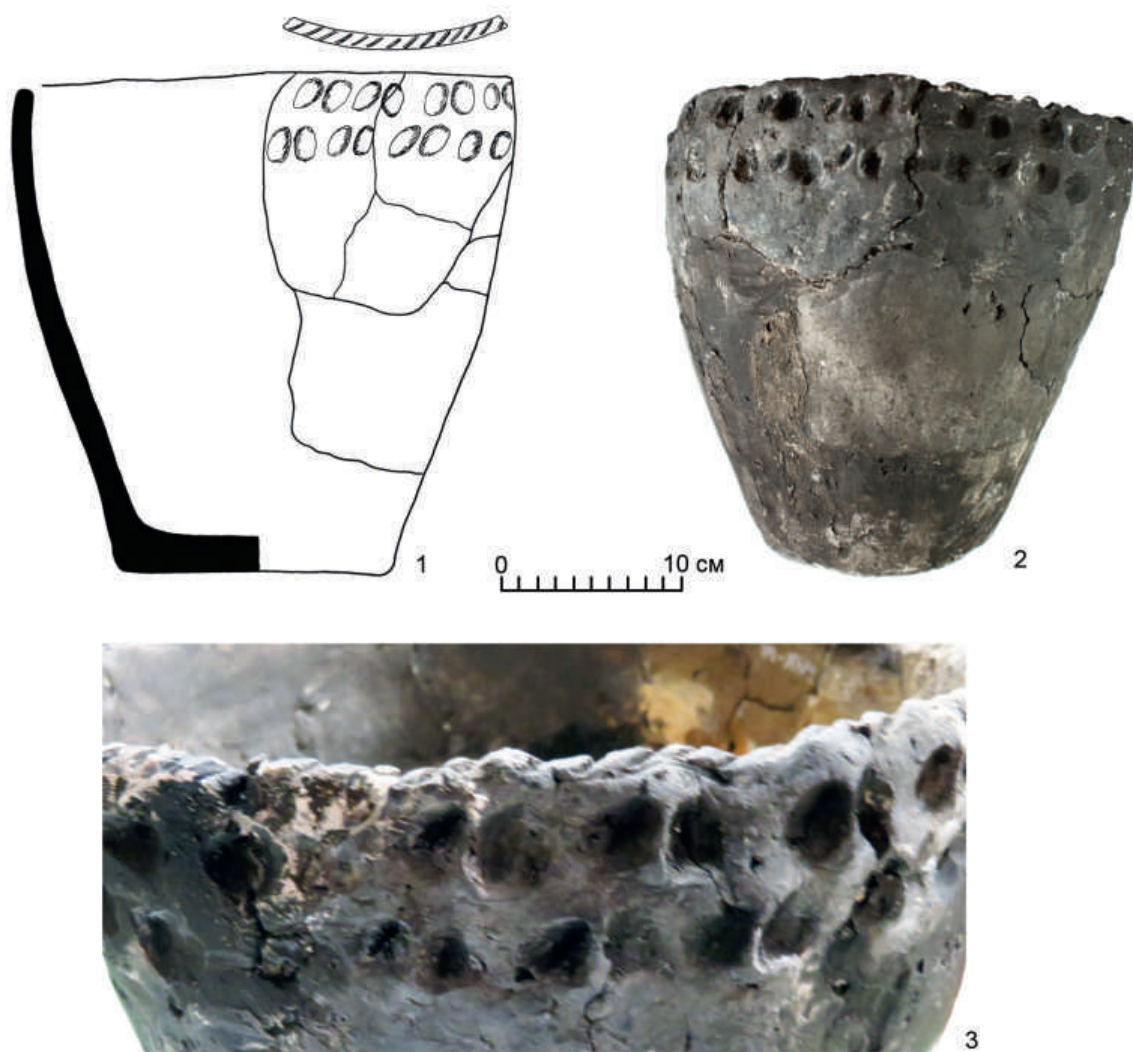
Ил. 13. Фрагменты лощеного сосуда-чаши, найденного в 1947 г. на Земляном городище (Л-1123, Л-1351)

Ил. 14. Фрагменты сосудов с «напльвом-ребром» (местное подражание импортным чернолощеным мискам?): 1 — ИЭ-82/3Г-1220 (336-2/472); 2 — ЛД-106

Ил. 15. Фрагмент сосуда с тычковым орнаментом (Л-640)

Ил. 16. Горшок (САЭ-2009/147) с защитным орнаментом (1, 2) и его фрагмент (3)

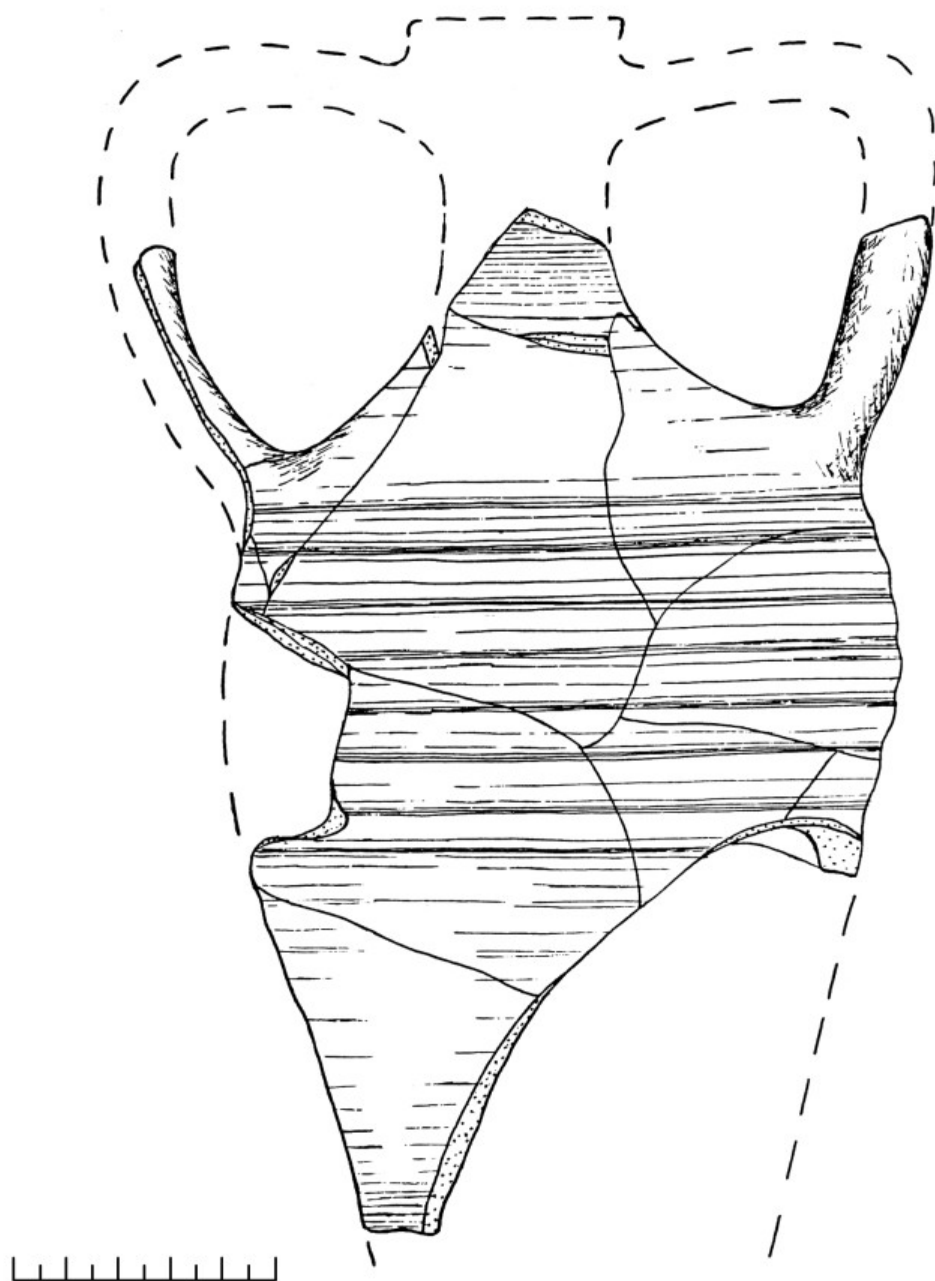
Ил. 17. Фрагменты с так называемым оттянутым валиком (один сосуд?):
 1 — САЭ-2004/117; 2 — САЭ-2003/93; 3 — САЭ-2004/ 92

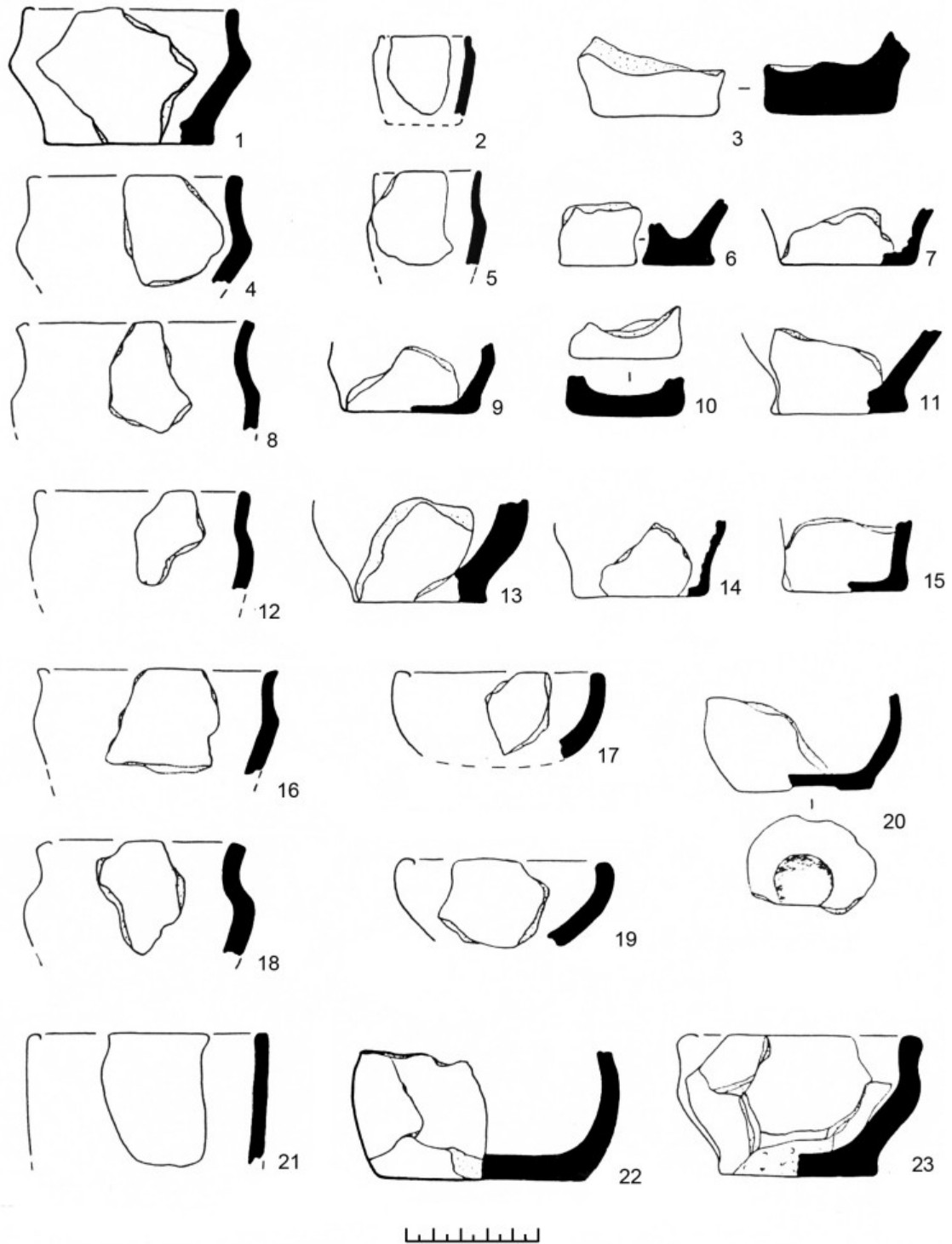
Ил. 18. Фрагмент придонной части фризского (татингского) сосуда (ЛД-39)

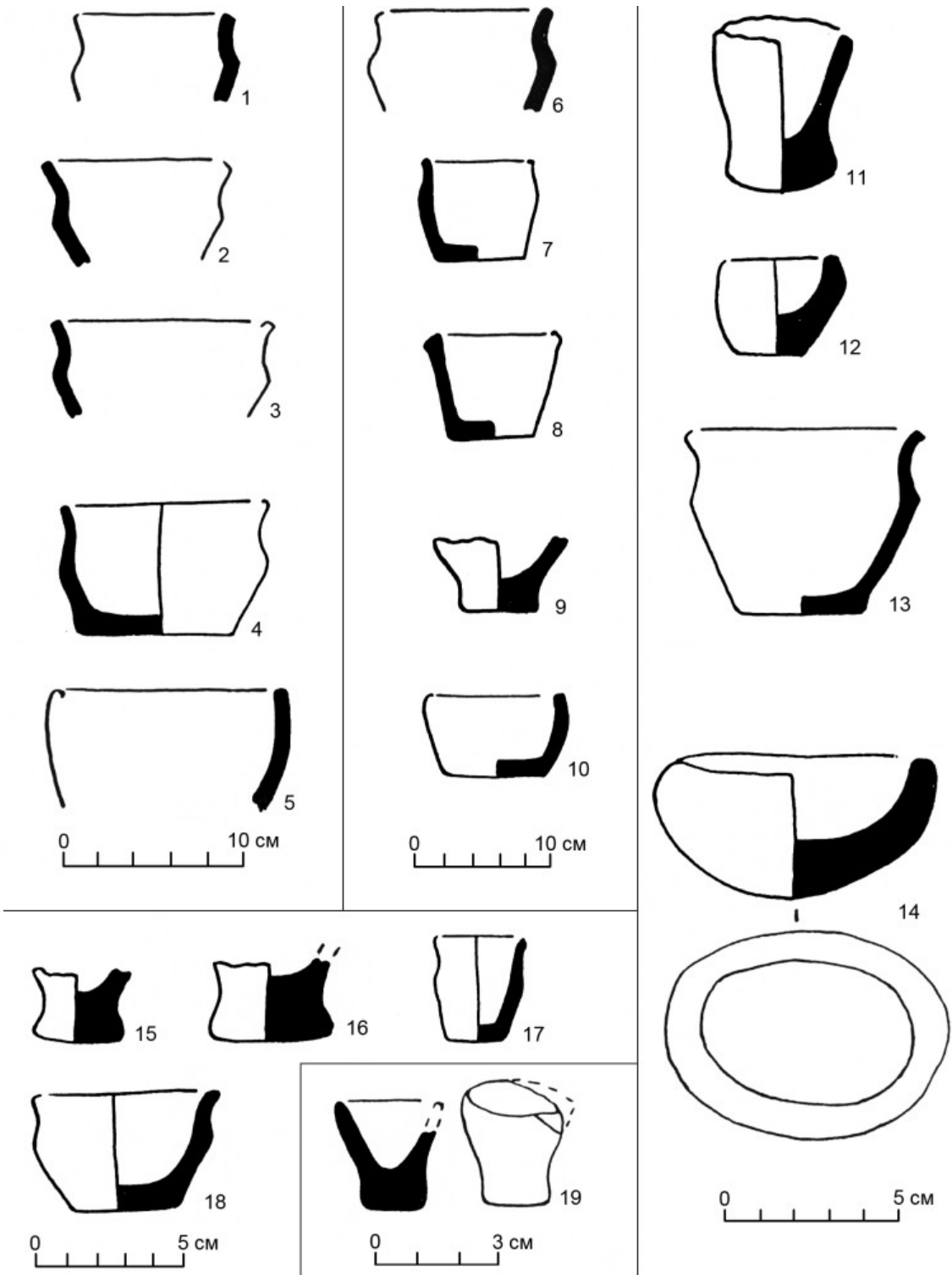
Ил. 19. 1 — фрагменты ближневосточной керамики с росписью люстром (СЛМ КП-99041/59, А7-142); 2 — фрагмент чернлощеного сосуда с прочерченным орнаментом (САЭ-1975/ЛП2-4536); 3 — фрагмент салтовского (?) сосуда песочного цвета с полосками лощения (САЭ-1976/ЛП-100)

Ил. 20. Амфора XI–XII вв. из раскопа на Варяжской ул. (САЭ-74/ЛП2-2040)

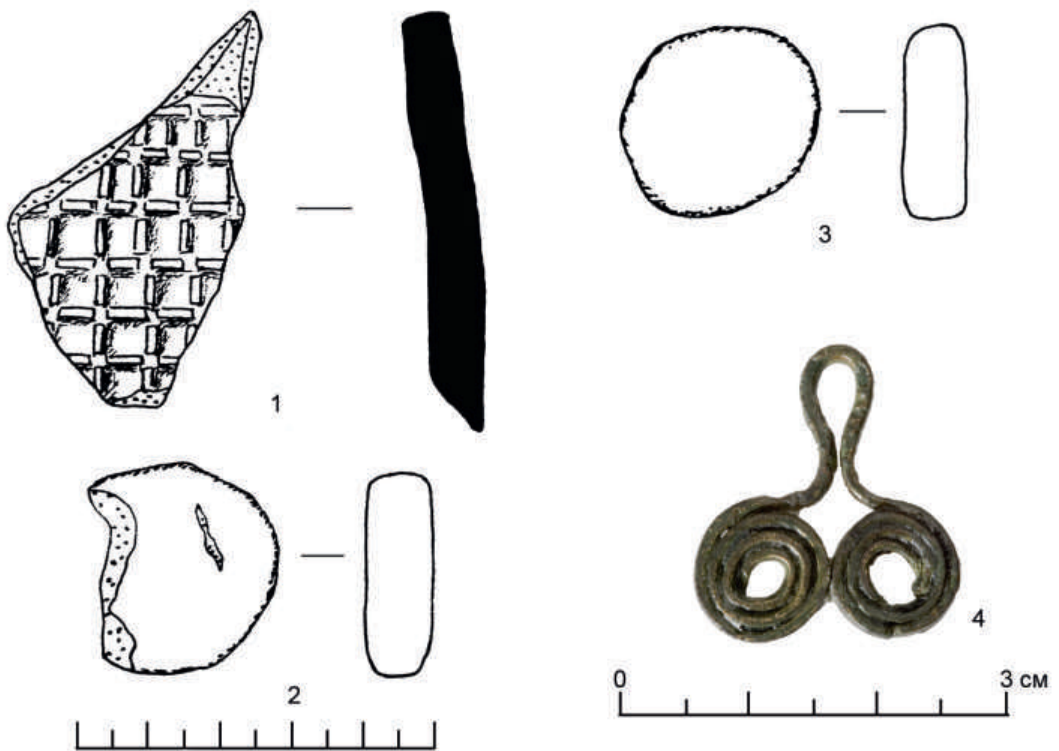
Ил. 21. Миниатюрные сосудики из раскопа на Варяжской ул. (штыки 16–19) : 1 — САЭ-1976/ЛП-1381; 2 — САЭ-1976/ЛП-2330; 3 — САЭ-1976/ЛП-3298; 4 — САЭ-1976/ЛП-1967; 5 — САЭ-1976/ЛП-2364; 6 — САЭ-1976/ЛП-2904; 7 — САЭ-1976/ЛП-1781; 8 — САЭ-1976/ЛП-868; 9 — САЭ-1976/ЛП-3420; 10 — САЭ-1976/ЛП-3394; 11 — САЭ-1976/ЛП-3754; 12 — САЭ-1976/ЛП-1836; 13 — САЭ-1976/ЛП-3614; 14 — САЭ-1976/ЛП-3761; 15 — САЭ-1976/ЛП-545; 16 — САЭ-1976/ЛП-2467; 17 — САЭ-1976/ЛП-2296; 18 — САЭ-1976/ЛП-4506; 19 — САЭ-1976/ЛП-4105; 20 — САЭ-1976/ЛП-227; 21 — САЭ-1976/ЛП-2647; 22 — САЭ-1976/ЛП-554, 557, 558; 23 — САЭ-1976/ЛП-3614, 3617, 3619, 3621, 3628

Ил. 22. Миниатюрные сосудики, найденные на памятниках дьяковской культуры:
 1-14 — Троицкое городище (по: Розенфельдт И. 1971: рис. 10, 4, 12а, 16, 19а, 20, 26;
 11, 12, 20-24, 26, 29); 15-18 — Щербинское городище (по: Розенфельдт И. 1974: рис. 25, 28,
 29, 37, 40); 19 — Попадьинское селище (по: Финно-угры и балты... 1987: табл. XXVI, 24)

Ил. 23. Миниатюрный сосудик (САЭ-2010/147), найденный на Земляном городище (тип 3, по классификации И. Г. Розенфельдт), середина IX в.

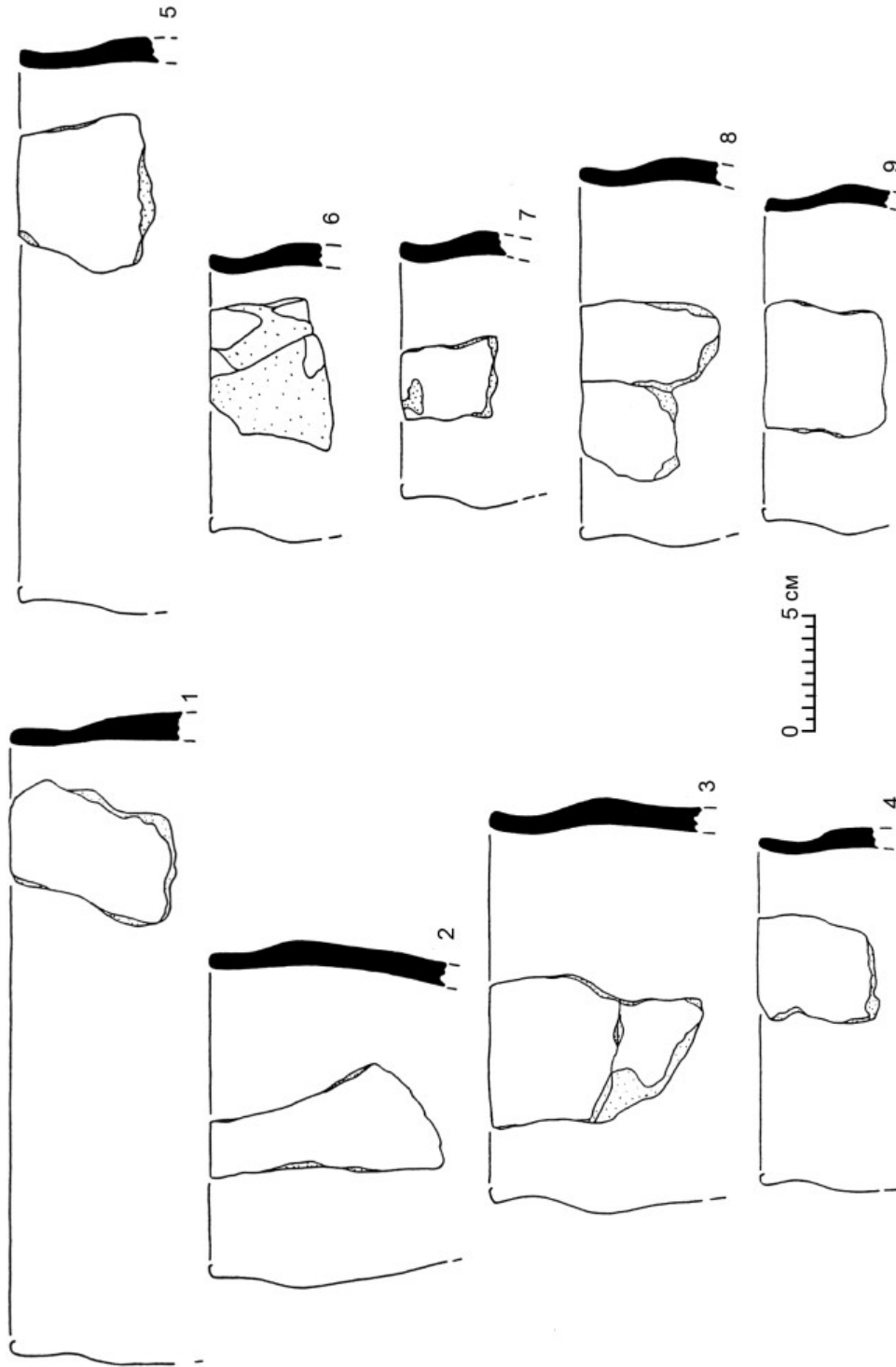
Ил. 24. Находки «позднеладского» круга древностей: 1 — фрагмент стенки сосуда с рогожными отпечатками (САЭ-1976/ЛП-3504); 2, 3 — глиняные поделки-«таблетки» (САЭ-1976/ЛП-3356; САЭ-1976/ ЛП-3740); 4 — бронзовая очковидная подвеска (2753/58)

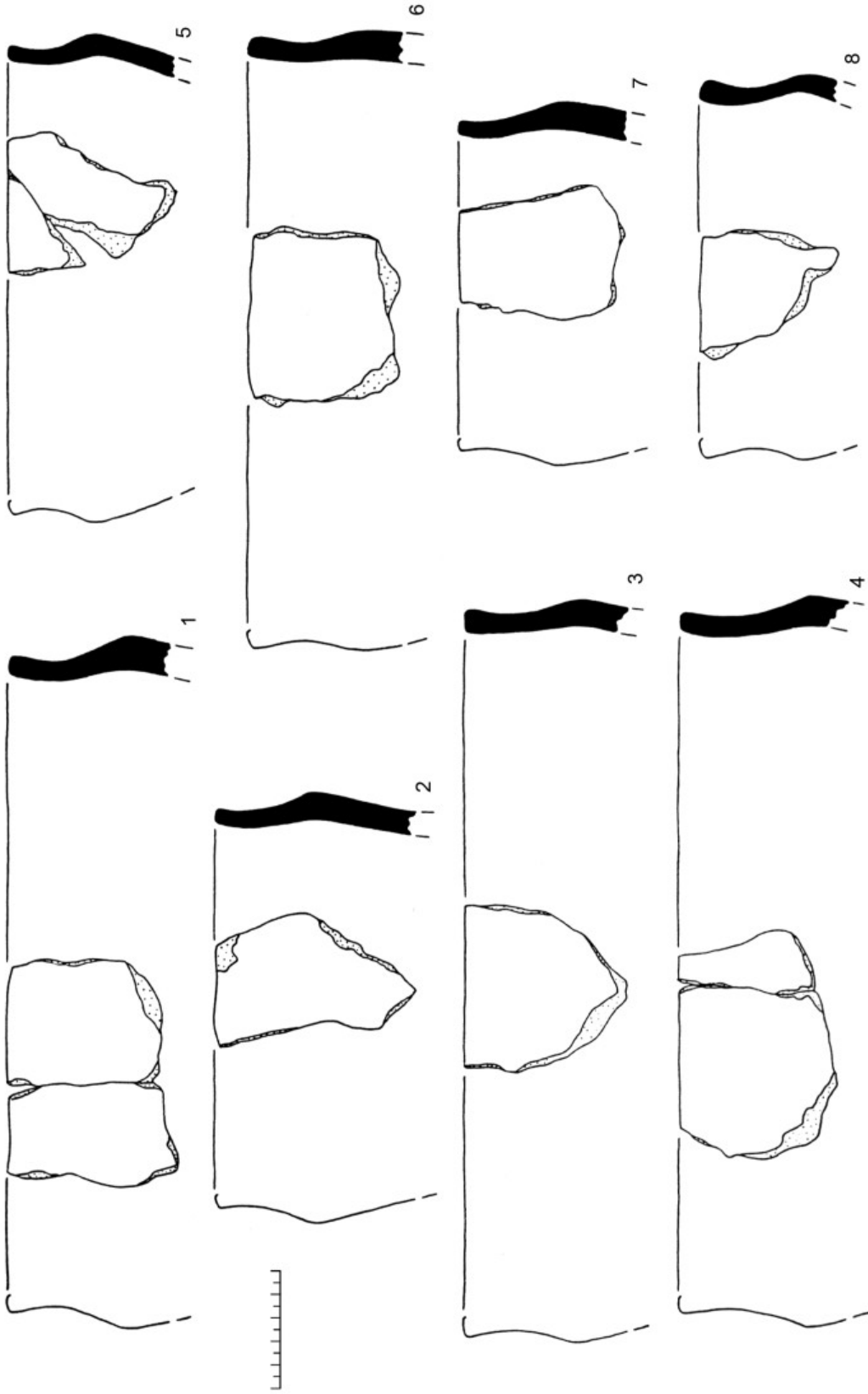
Ил. 25. Фрагмент сосуда с овальным налепом, найденный в 1982 г. в районе церкви Св. Климента на Земляном городище (СЛМ-1982 КП-63437/А-10180)

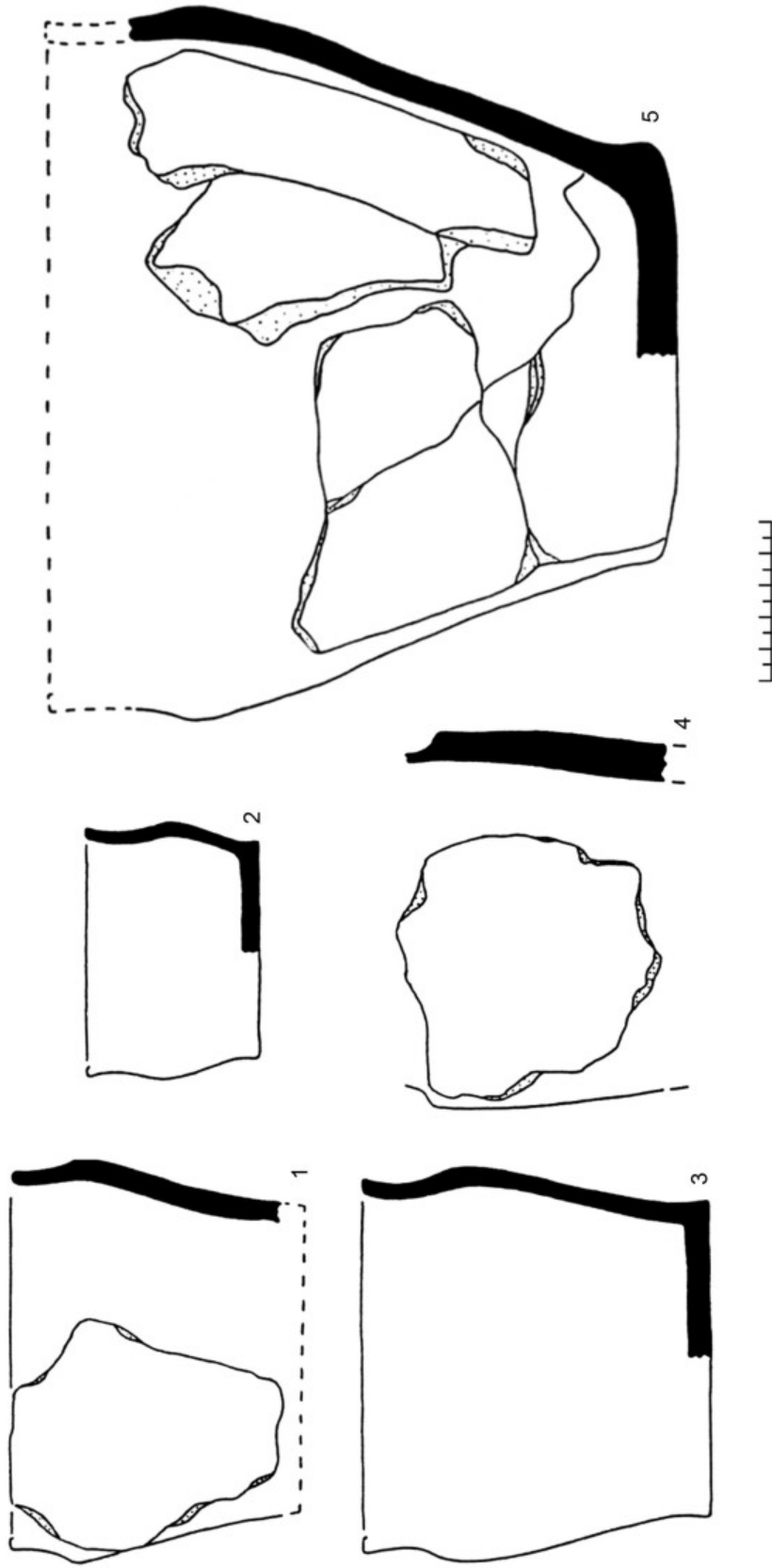
Ил. 26. Фрагмент сосуда с «шишковидными» налепами, найденный в 1984 г. в траншее XI около Никольской ул. в Старой Ладоге (СЛМ-1984 КП-94767/А4-599)

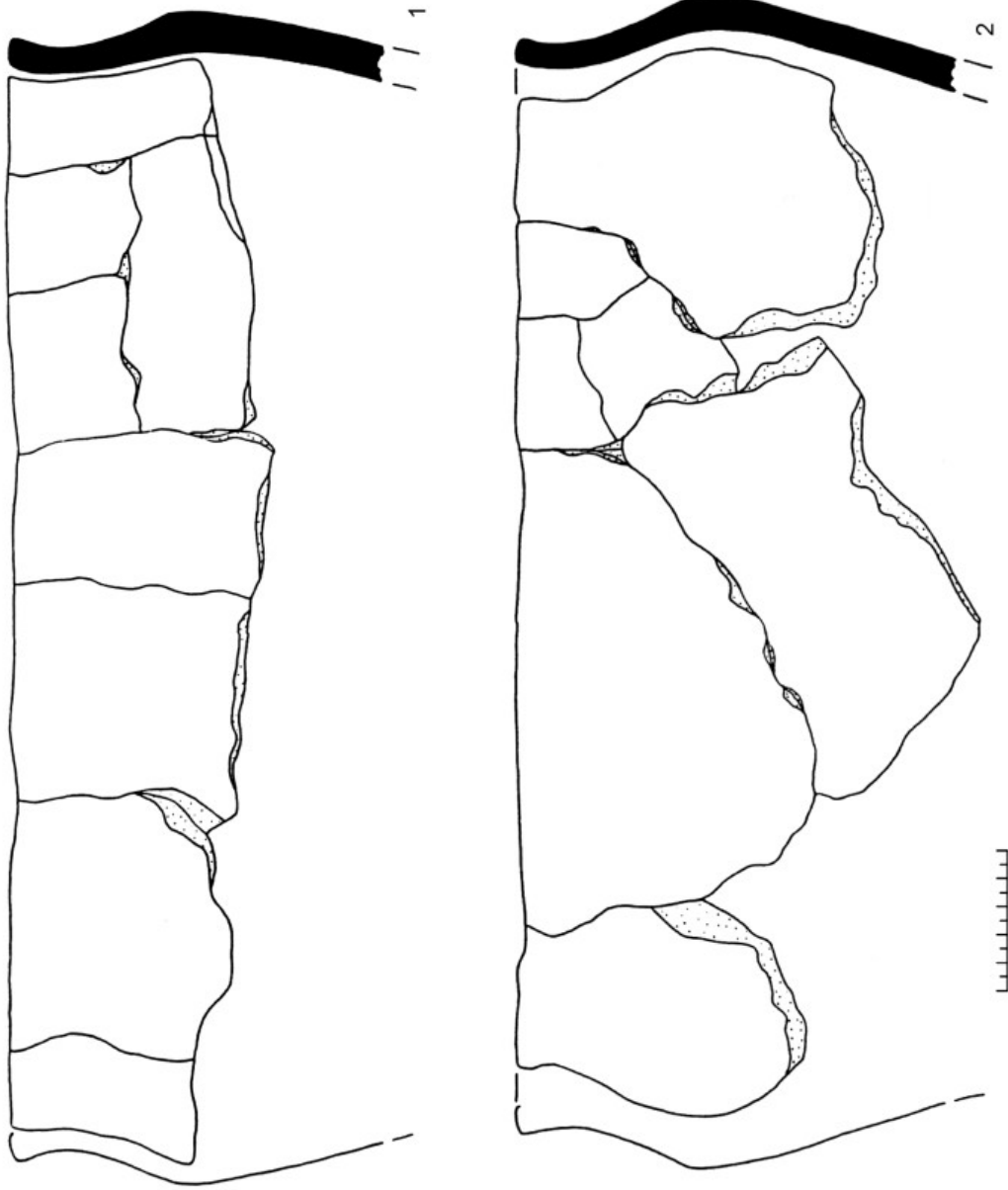
Ил. 27. Земляное городище. Керамика горизонта E₃₋₃: ИЭ-1984/ЗГ-432; 2 — ИЭ-1985/ЗГ-130; 3 — ИЭ-1985/ЗГ-76, 78; 4 — ИЭ-1984/ЗГ-461; 5 — ИЭ-1984/ЗГ-415, 419; 6 — ИЭ-1984/ЗГ-407; 7 — ИЭ-1984/ЗГ-826; 8 — ИЭ-1984/ЗГ-843, 844; 9 — ИЭ-1985/ЗГ-110. 1, 2, 5 — тип 4; 3, 4, 6–9 — тип 5

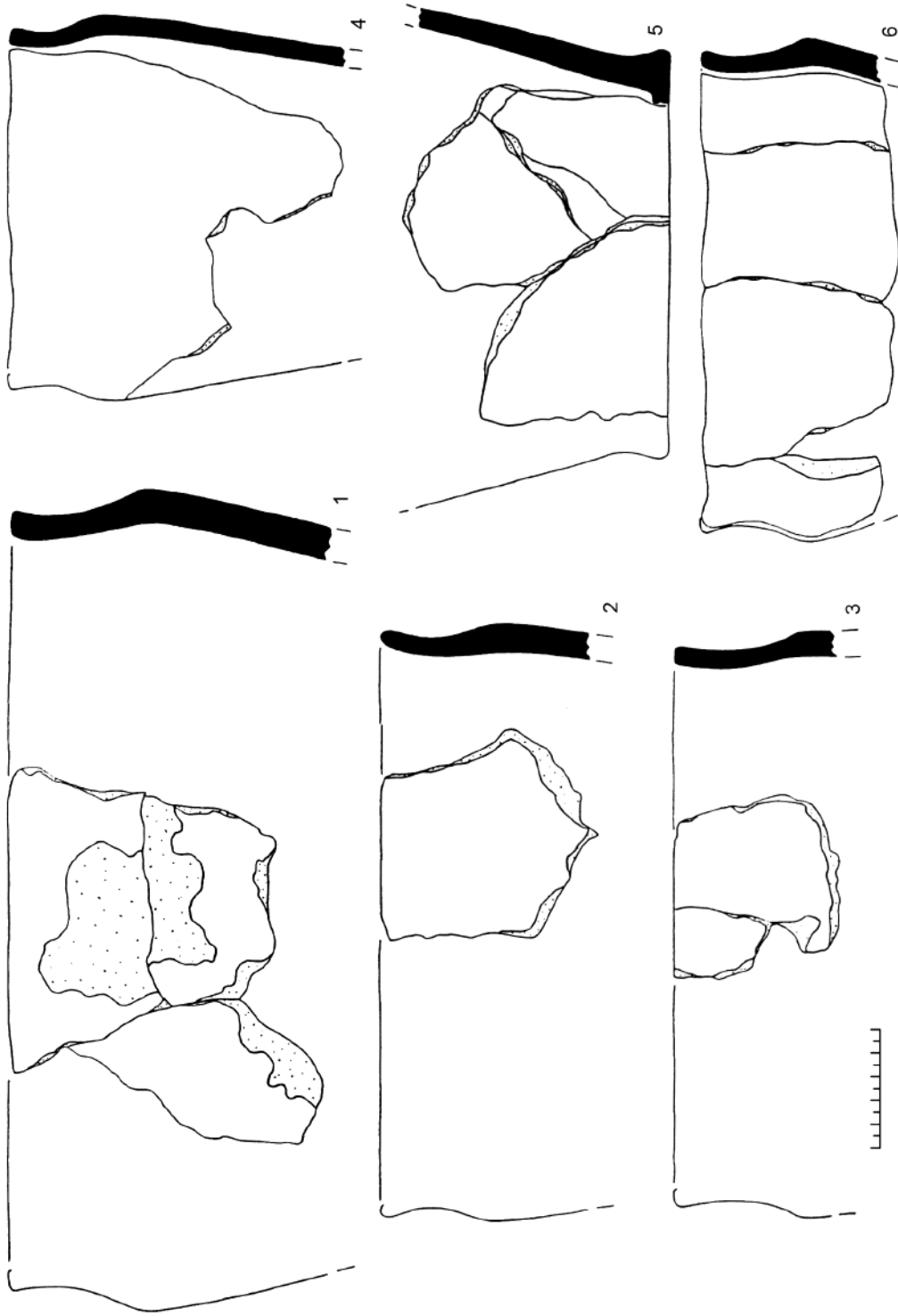
Ил. 28. Земляное городище. Керамика горизонта E₃₃: 1 — ИЭ-1984/ЗГ-968, 970; 2 — ИЭ-1984/ЗГ-971; 3 — ИЭ-1985/ЗГ-31; 4 — ИЭ-1985/ЗГ-32, 33; 5 — ИЭ-1984/ЗГ-968; 6 — ИЭ-1984/ЗГ-966; 7 — ИЭ-1984/ЗГ-965; 8 — ИЭ-1984/ЗГ-967. 1-5, 7, 8 — тип 1; 6 — тип 5

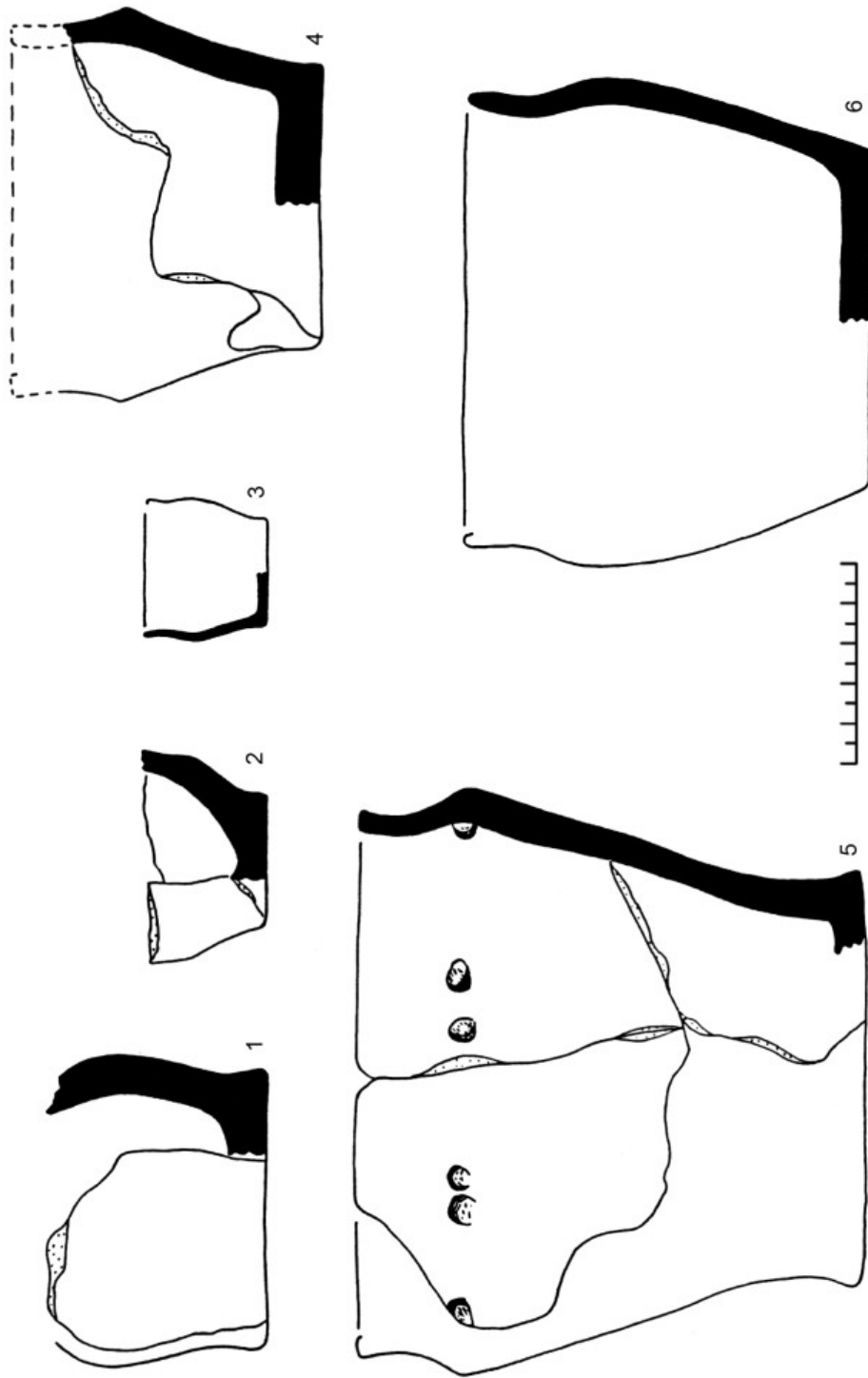
Ил. 29. Земляное городище. Керамика горизонта E_{3,3}; 1 — ИЭ-84/ЗГ-468; 2 — СЛАЭ-75/ЗГ-1480; 3 — СЛАЭ-75/ЗГ-1210, 1211, 1217, 1225, 1226; 4 — ИЭ-84/ЗГ-1022; 5 — ИЭ-85/ЗГ-129. 1 — тип ФIV; 2 — тип ФV; 3 — тип ФV; 4 — тип ФV; 5 — тип ФV

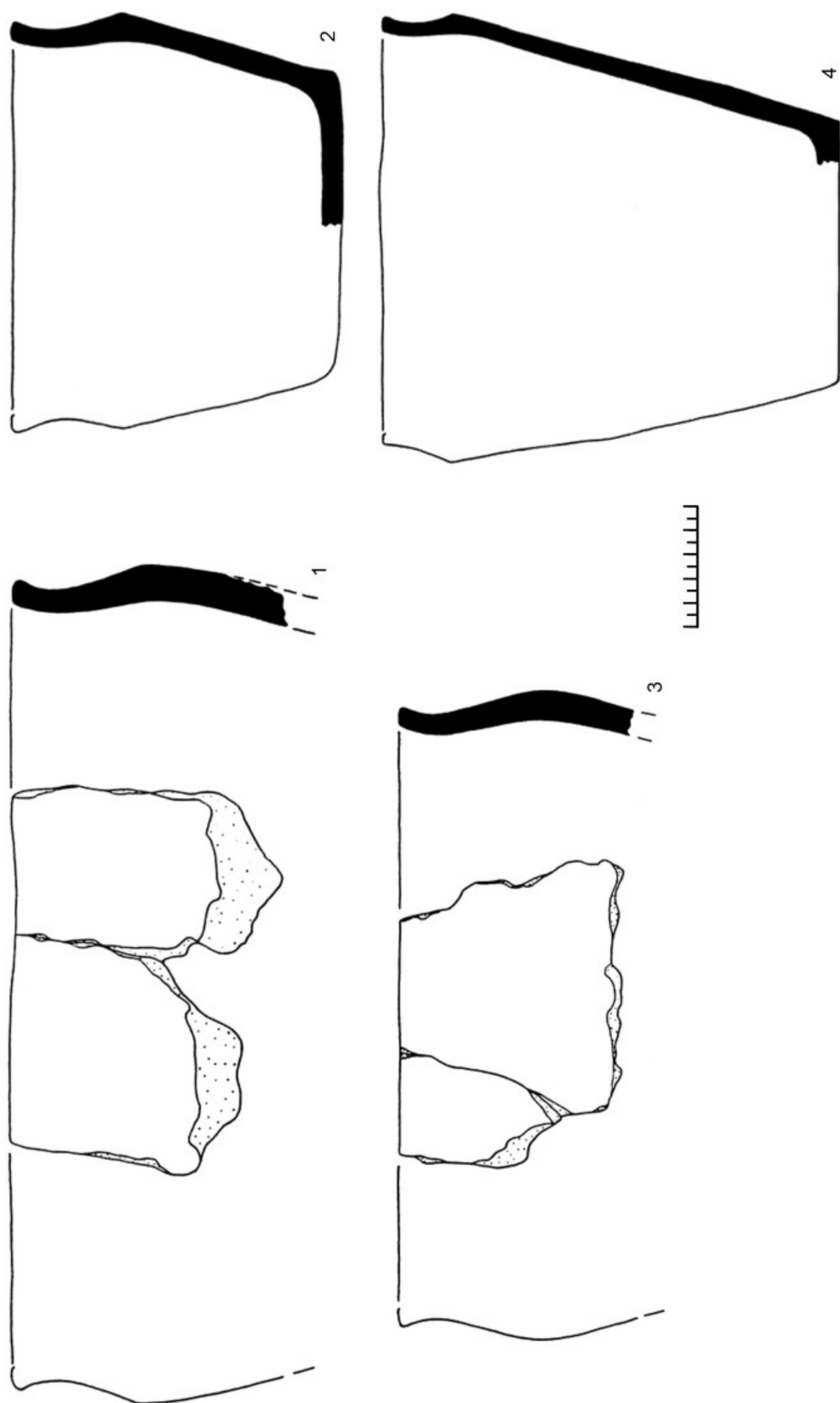
Ил. 30. Земляное городище. Керамика горизонта E_{3,3} (1 — ИЭ-1984/ЗГ-257, 263, 273, 280, 665, 675, 676, 958, 966) и границы E_{3,3} — E_{3,2} (2 — ИЭ-1984/ЗГ-481, 482, 485, 487, 489, 501, 503, 562). 1, 2 — тип 1

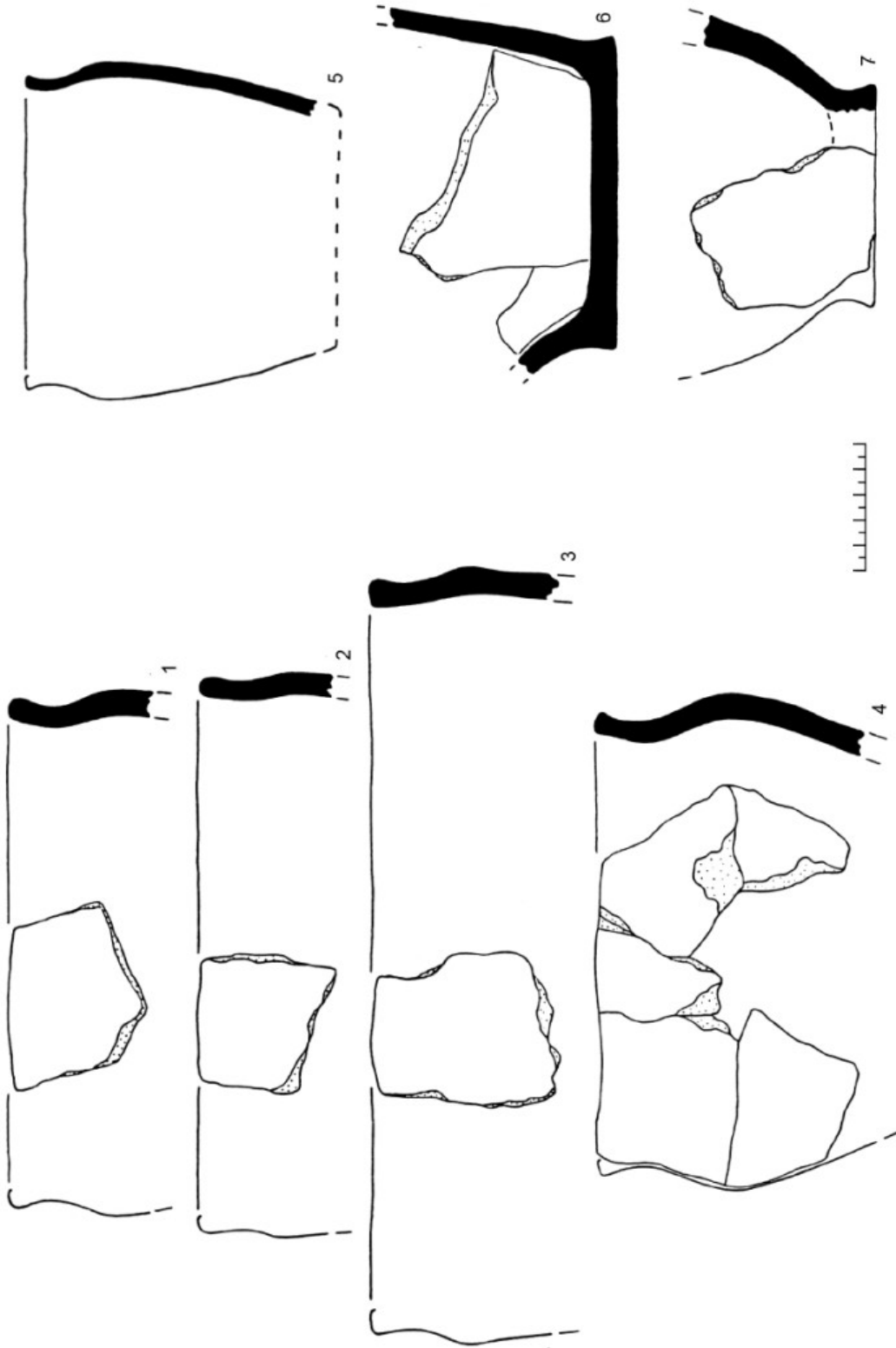
Ил. 31. Земляное городище. Керамика горизонтов E_{3,3} — E_{3,2}: 1 — ИЭ-1984/ЗГ-752, 753, 757; 2 — ИЭ-1984/ЗГ-210; 3 — ИЭ-1984/ЗГ-669, 670; 4 — ИЭ-1982/ЗГ-1292; 5 — ИЭ-1984/ЗГ-217, 219, 234; 6 — ИЭ-1984/ЗГ-205, 209, 211, 215. 1, 6 — тип 1; 2 — тип 5; 3, 4 — тип 4

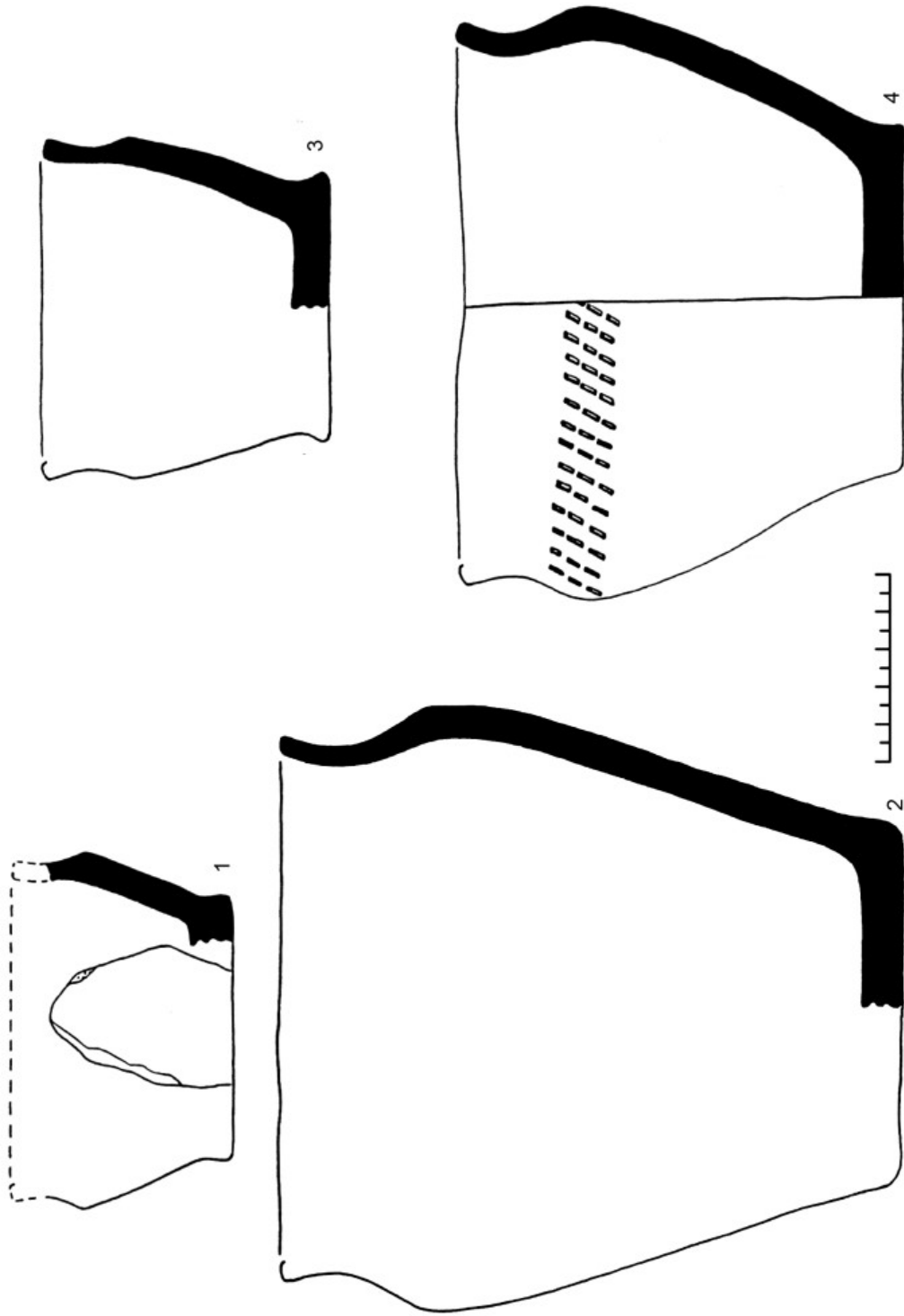
Ил. 32. Земляное городище. Керамика горизонта E_{3,2}: 1 — ЛДГ-131; 2 — ЛДГ-120; 3 — ИЭ-1975/ЗГ-566; 4 — ЛС-1419; 5 — ИЭ-1982/ЗГ-1478; 6 — СЛАЭ-1974/ЗГ-988-1004. 1 — тип 4 (?); 2 — тип 9; 3, 6 — тип 4; 4, 5 — тип 1

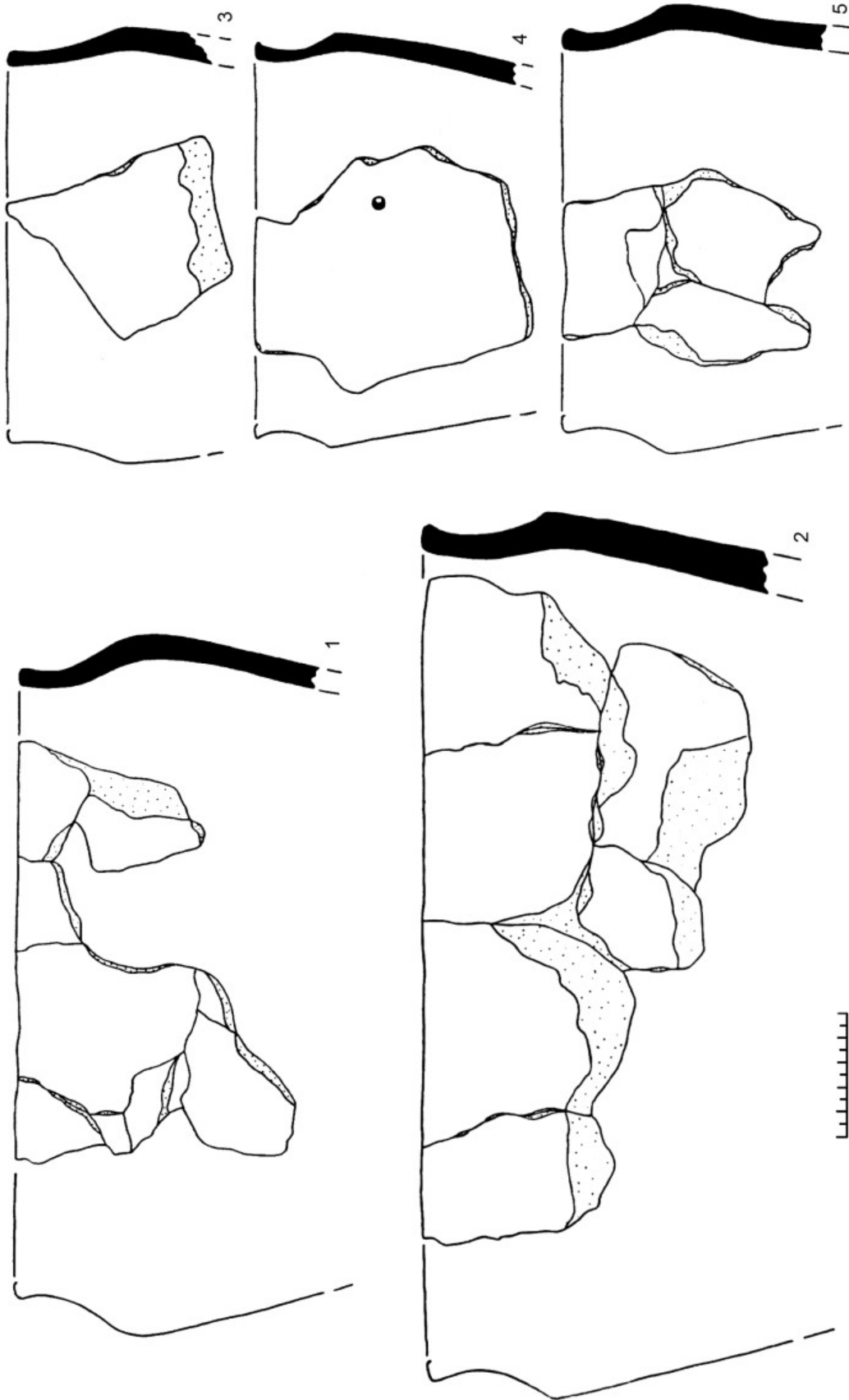
Ил. 33. Земляное городище. Керамика горизонта E₃: 1 — ЛДГ-106,128; 2 — 6/н; 3 — ЛС-1852; 4 — ЛДГ-153.
1 — тип 1; 2 — тип ФIV; 3 — тип 5; 4 — тип ФI

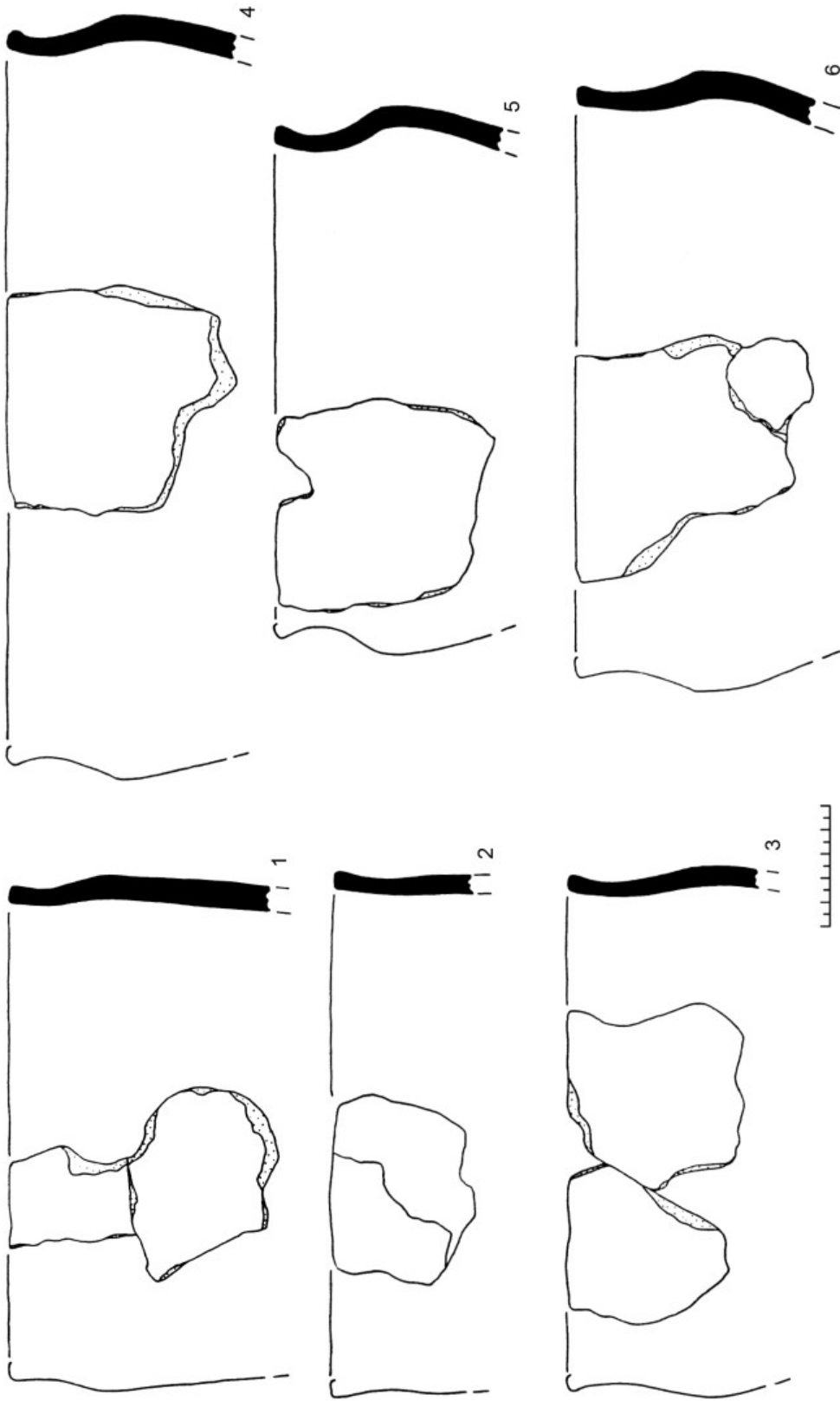
Ил. 34. Земляное городище. Керамика горизонта E_3 ($E_{3,3}$): 1, 2 — ЛС-1780; 3 — ЛС-1763; 4 — ЛС-1228, 1229; 5 — ЛДГ-129; 6 — ЛДГ-156, 161, 163; 7 — ЛС-1328. 1, 2 — тип 5; 3, 5 — тип 4; 4 — тип 3

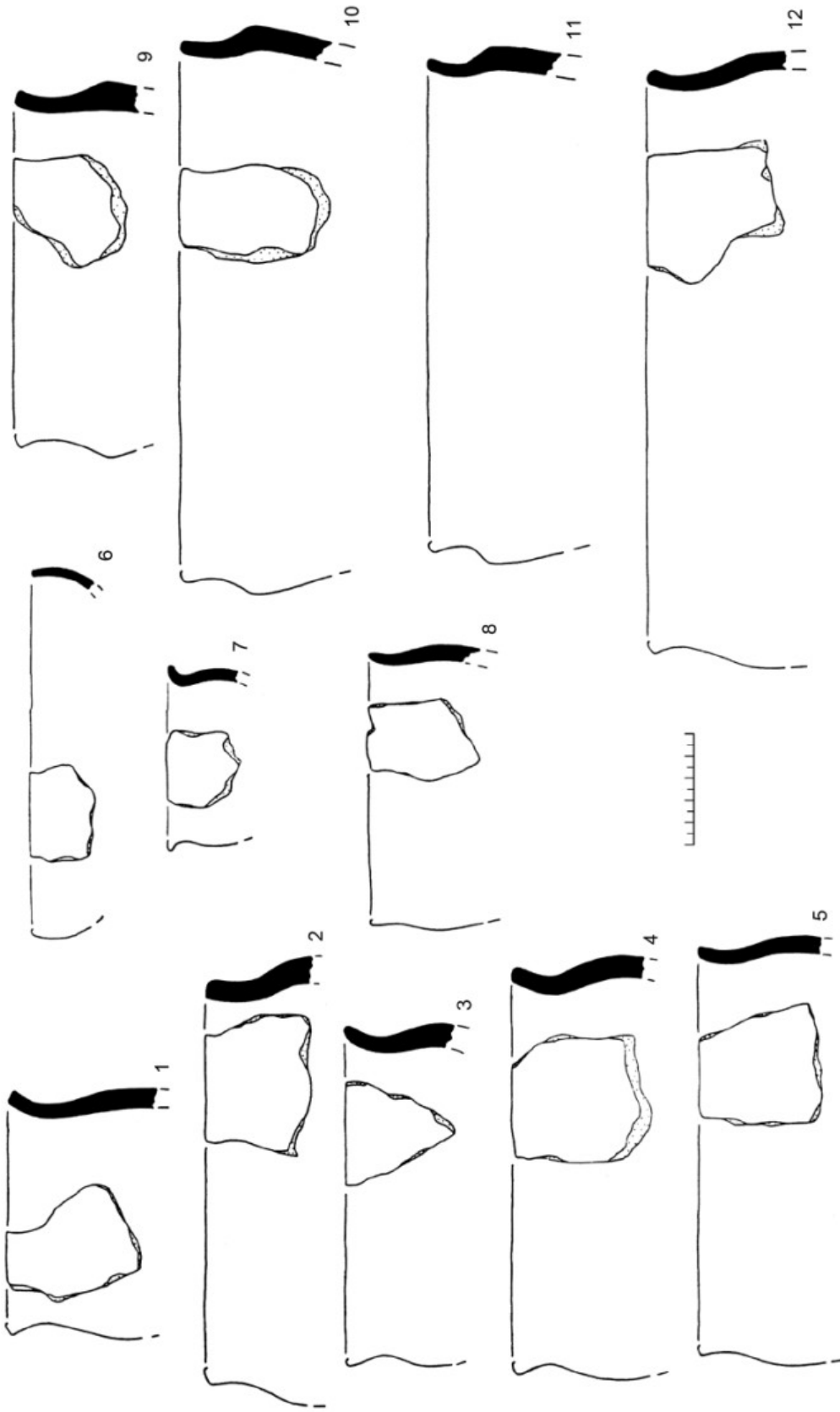
Ил. 35. Земляное городище. Керамика горизонтов E₃₋₂ — E₃₋₃; 1 — ЛДГ-128; 2 — ЛС-1850; 3 — ИЭ-1984/ЗГ-243; 4 — ЛС-1850.
1 — тип Ф VIЦ; 2 — тип Ф I; 3 — тип Ф V; 4 — тип Ф VI

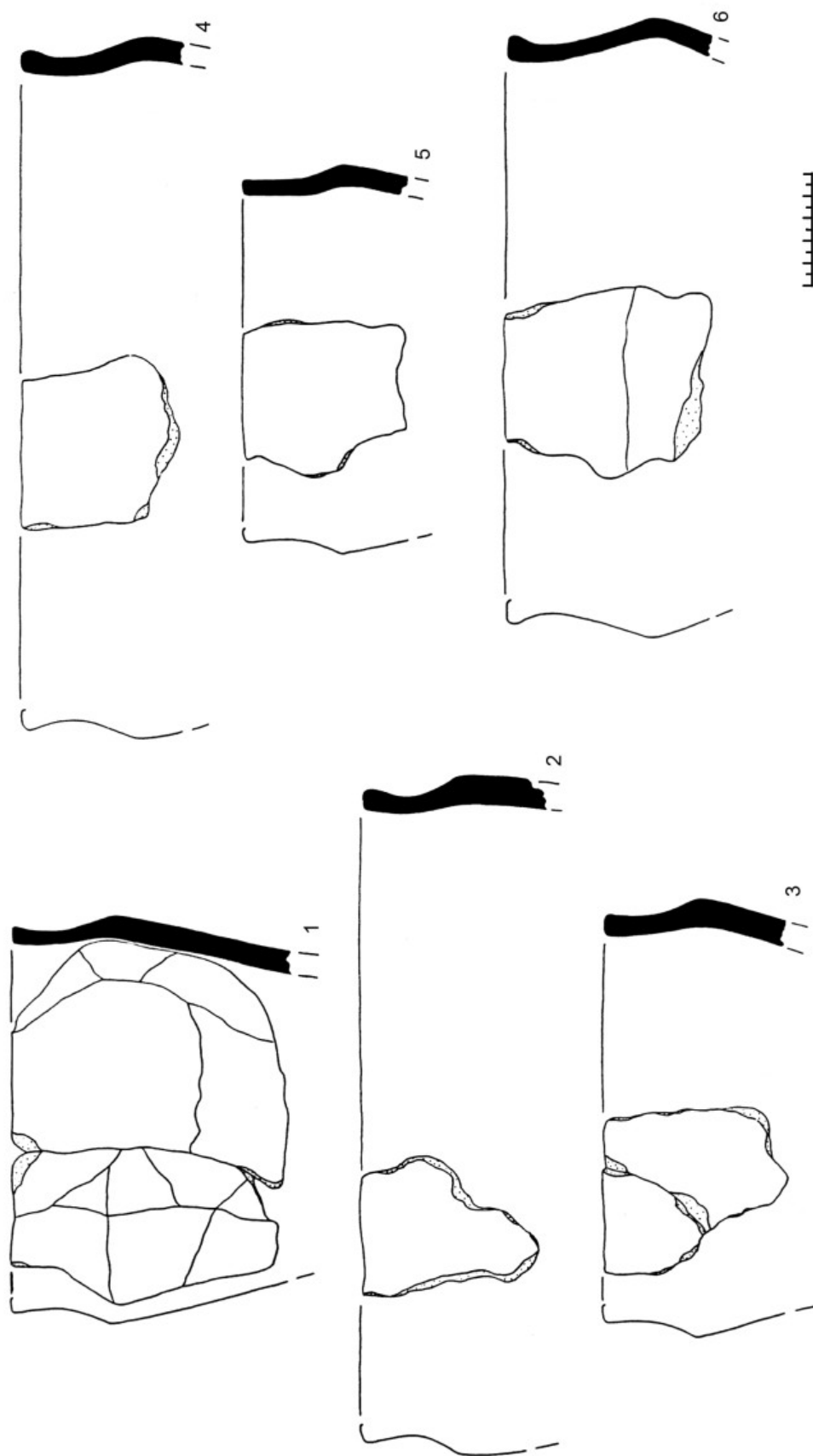
Ил. 36. Земляное городище. Керамика горизонта E_3 ($E_{3,3}$): 1 — ЛДГ-105; 2 — ЛДГ-127, 134, 136, 146, 150, 164; 3 — ЛДГ-108; 4 — ЛДГ-156; 5 — ЛДГ-163. 1 — тип 3; 2-5 — тип 1

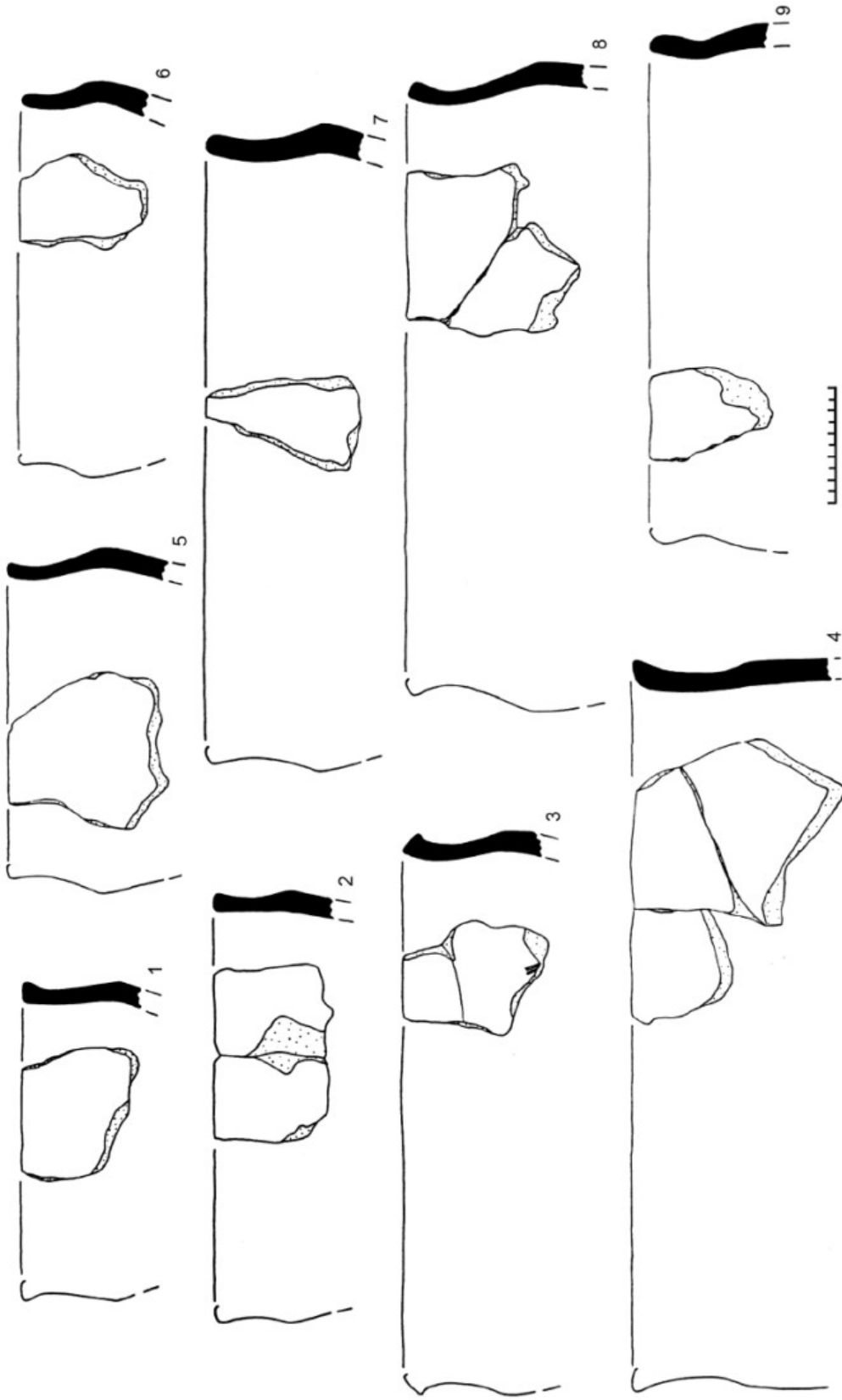
Ил. 37. Земляное городище. Керамика горизонта E_3 ($E_{3,2}$): 1 — ЛДГ-135, 138, 142; 2 — ЛДГ-160; 3 — ЛДГ-96; 4 — ЛДГ-103; 5 — ЛС-1842, 1849; 6 — ЛДГ-135, 142, 143, 146, 151. 1 — тип 4; 2, 3 — тип 5; 4, 6 — тип 1; 5 — тип 3

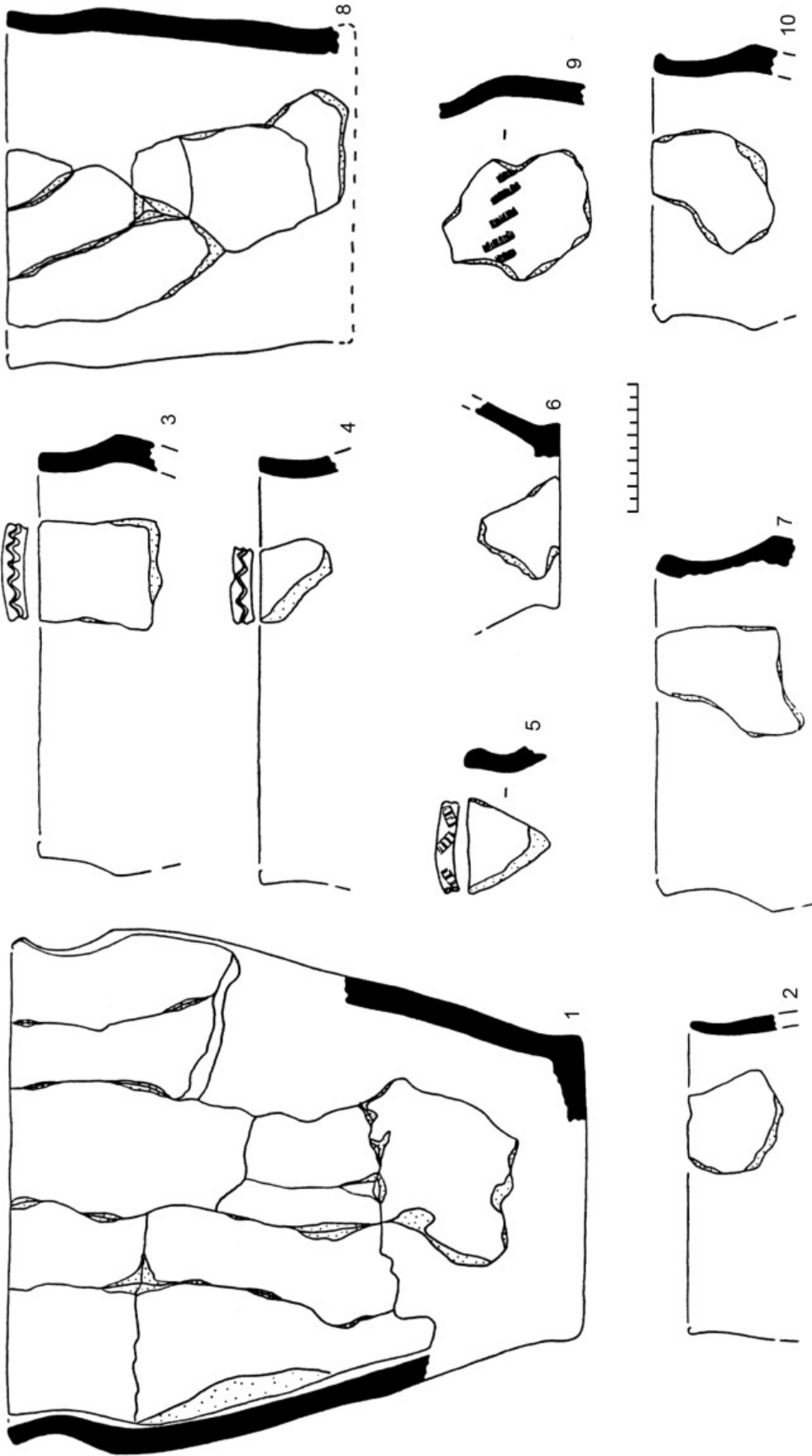
Ил. 38. Земляное городище. Керамика на границе горизонтов $E_{3,1}$ — $E_{3,2}$; 1 — ИЭ-1984/ЗГ-10; 2 — ИЭ-1984/ЗГ-13; 3 — ИЭ-1984/ЗГ-11; 4 — ИЭ-1982/ЗГ-1201; 5 — ИЭ-1982/ЗГ-1190; 6 — ИЭ-1982/ЗГ-1480; 7 — ИЭ-1982/ЗГ-1243; 8 — ИЭ-1982/ЗГ-1496; 9 — ИЭ-1982/ЗГ-1481; 10 — ИЭ-1982/ЗГ-1505; 11 — ИЭ-1982/ЗГ-1480; 12 — ИЭ-1982/ЗГ-1460. 1, 8 — тип 5; 2-5 — тип 3; 6 — тип 6; 7 — тип 7; 9-12 — тип 1

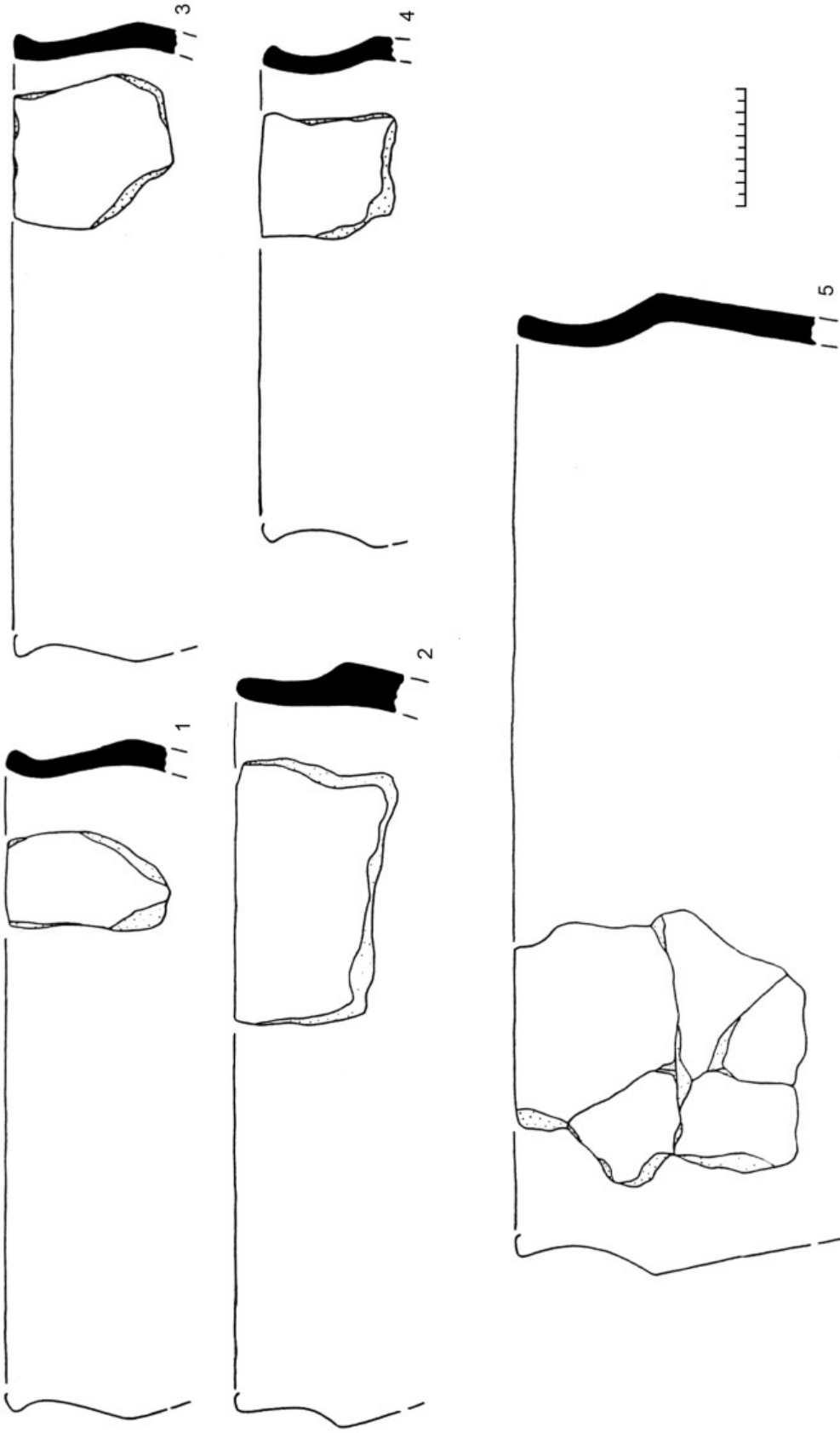
Ил. 39. Земляное городище. Керамика горизонта E₃₋₁: 1 — ЛС-1049, 1050, 1058; 2, 3 — ЛС-1006; 4, 5 — ЛС-791; 6 — ЛС-792. 1-6 — тип 1

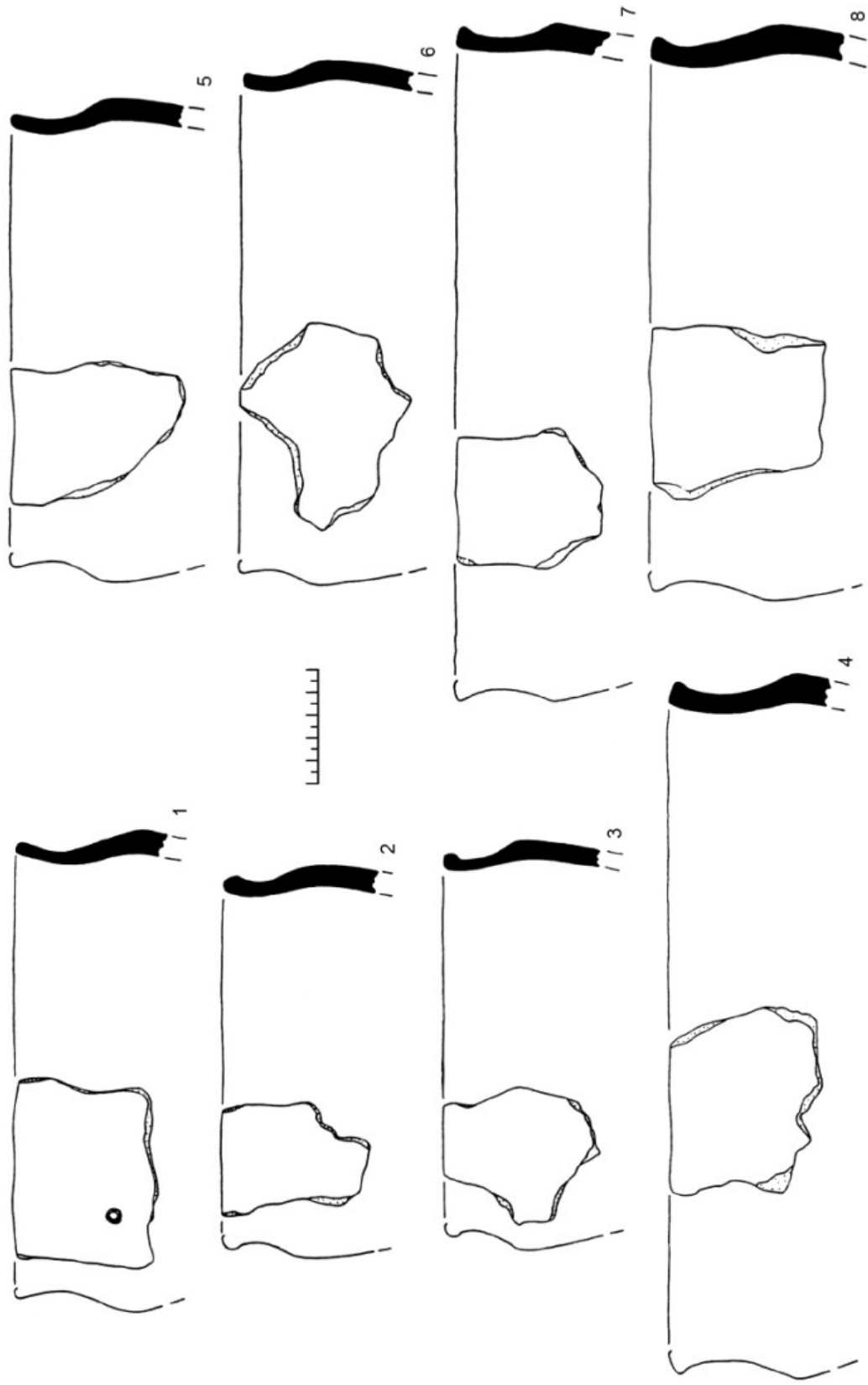
Илл. 40. Земляное городище. Керамика горизонта E₃₋₁: 1 — ИЭ-1982/ЗГ-1309; 2 — ИЭ-1982/ЗГ-1308, 1310; 3 — ИЭ-1982/ЗГ-1385; 4 — ИЭ-1982/ЗГ-1219; 5 — ИЭ-1982/ЗГ-1240; 6 — ИЭ-1982/ЗГ-1388; 7 — ИЭ-1982/ЗГ-1259; 8 — ИЭ-1982/ЗГ-1381, 1382; 9 — ИЭ-1982/ЗГ-1007. 1-3, 5, 7, 8 — тип 1; 4 — тип 4; 6 — тип 3; 9 — тип 5

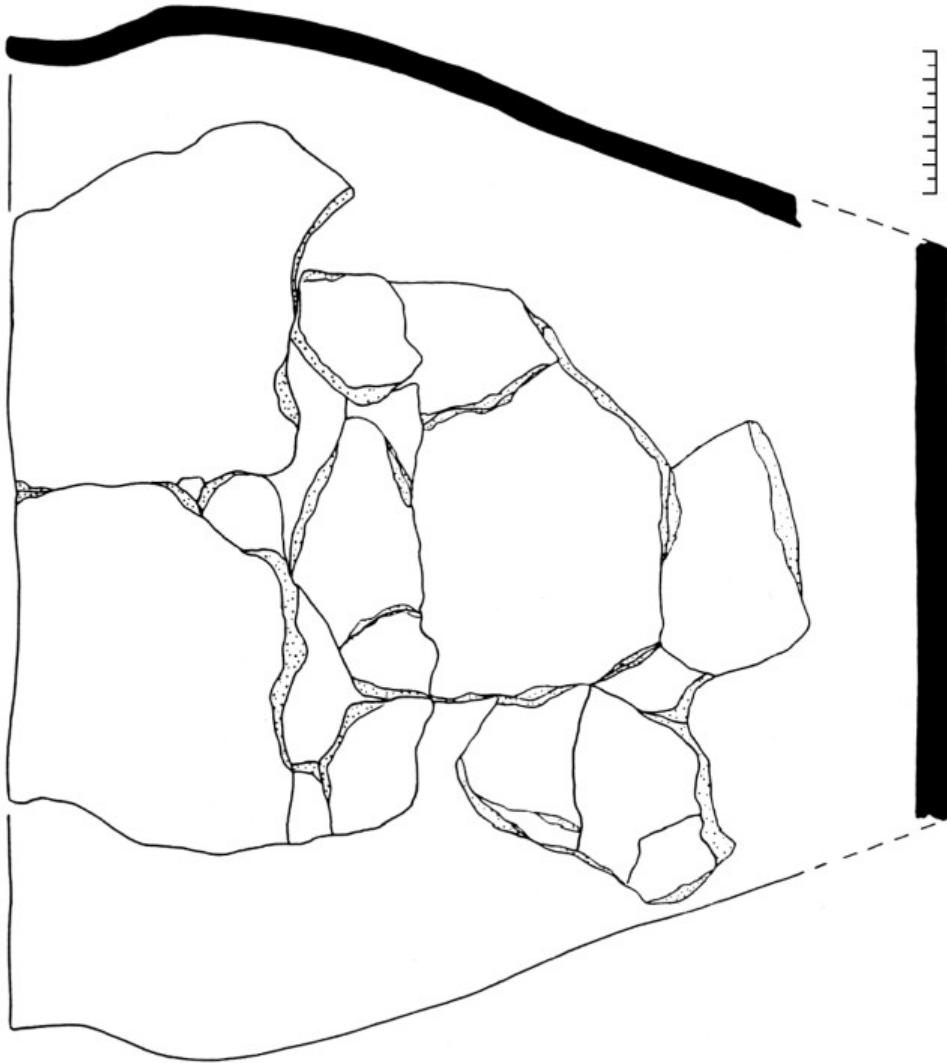
Ил. 41. Земляное городище. Керамика горизонта E_{3,1}; 1 — ИЭ-1982/ЗГ-1150; 2 — б/шифра; 3 — ИЭ-1982/ЗГ-1255; 4 — б/шифра; 5 — ИЭ-1982/ЗГ-1013; 6 — ИЭ-1982/ЗГ-1216; 7 — б/шифра; 8 — ИЭ-1982/ЗГ-1162, 1167; 9 — ИЭ-1982/ЗГ-1238; 10 — ИЭ-1982/ЗГ-1254. 1, 3, 7, 10 — тип 1; 2 — тип 5; 8 — тип 4

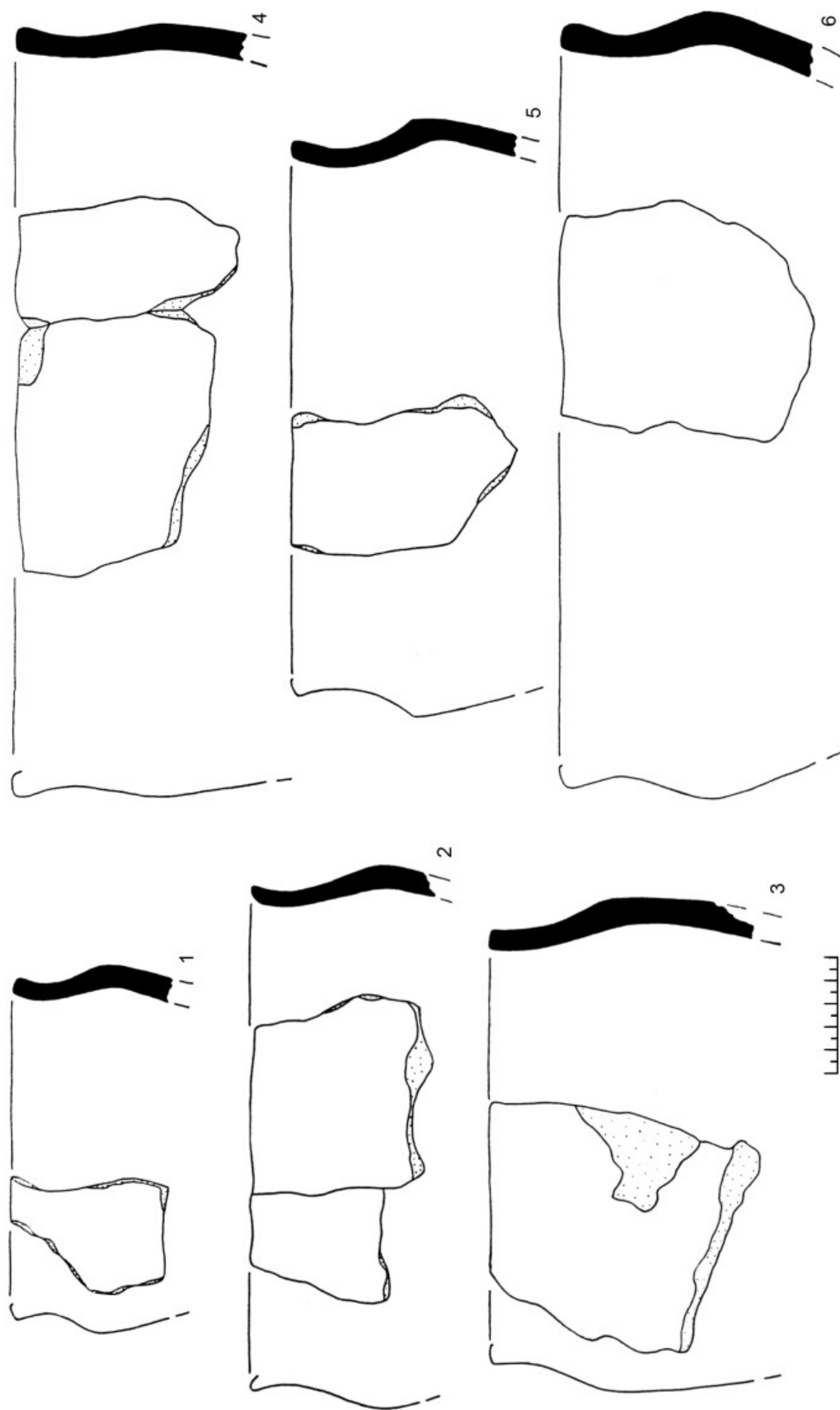
Ил. 42. Земляное городище. Керамика горизонта $E_{3,1}$ (1-3) и $E_{3,2}$ (4, 5): 1 — ИЭ-1982/ЗГ-1246; 2 — ИЭ-1982/ЗГ-1160; 3 — ИЭ-1982/ЗГ-1309; 4 — ИЭ-1982/ЗГ-1354; 5 — ИЭ-1982/ЗГ-1479. 1-5 — тип 1

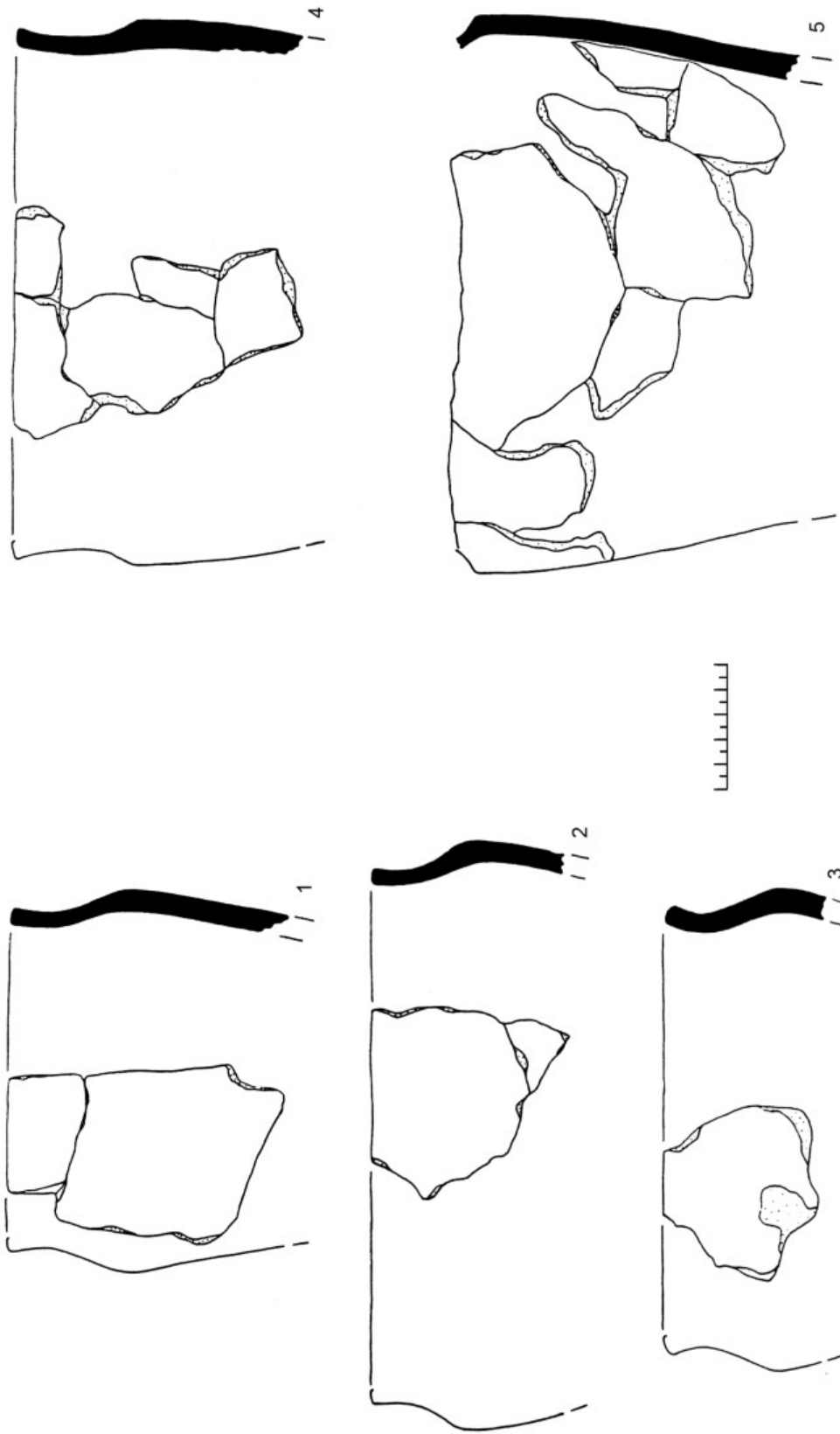
Ил. 43. Земляное городище. Керамика горизонта E_{3-1} (1–3, 5, 6, 8) и границы E_2 и E_{3-1} (4, 7): 1 — ЛС-1484; 2 — ЛС-791; 3 — ЛС-983; 4 — ЛС-1486; 5 — ЛС-791; 6 — ЛС-1487; 7 — ЛС-1049; 8 — ЛС-1857. 1, 3–8 — тип 1; 2 — тип 3

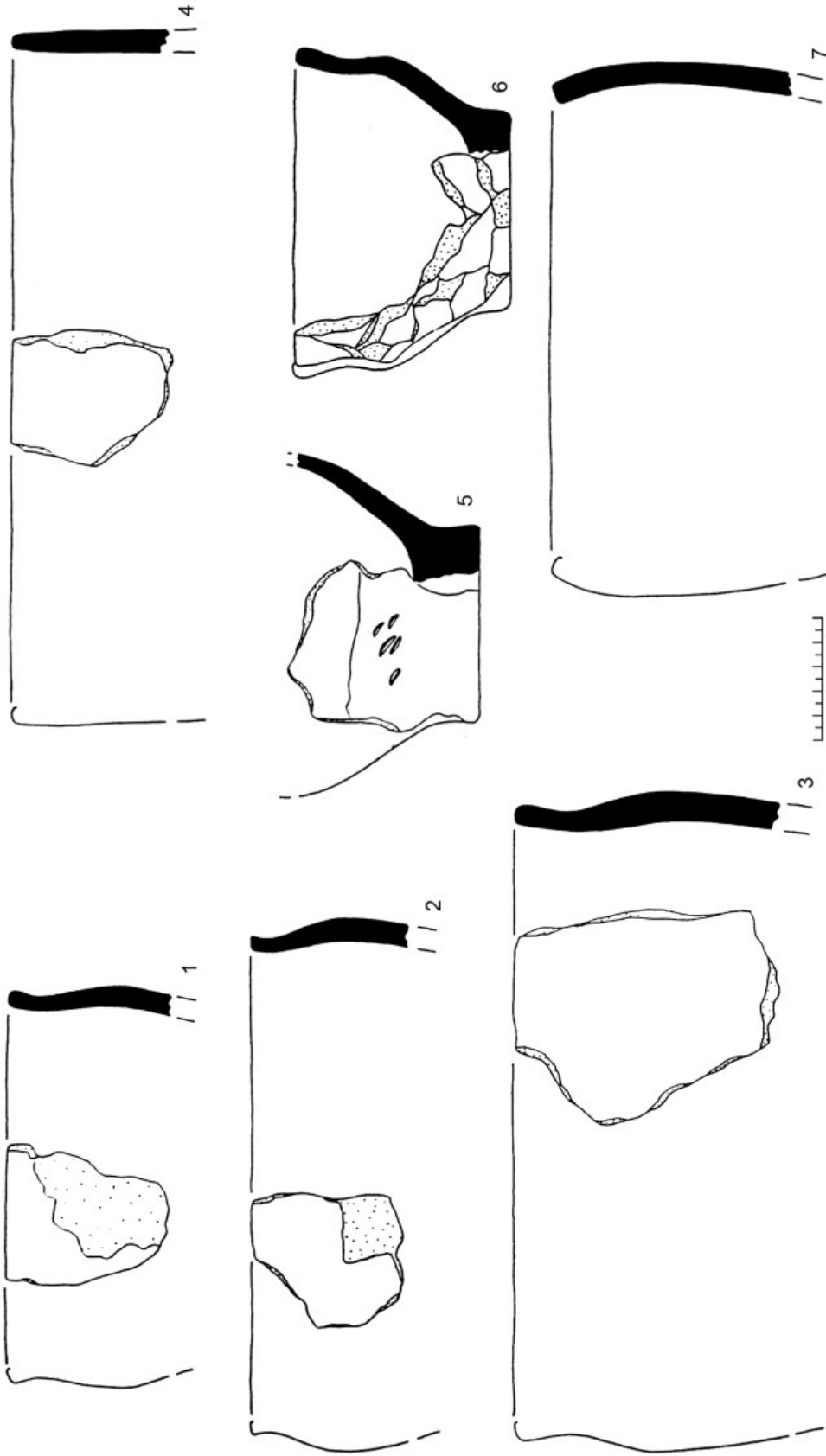
Ил. 44. Земляное городище. Керамика горизонта $E_{3,1}$; ЛДГ-33. Тип ФП

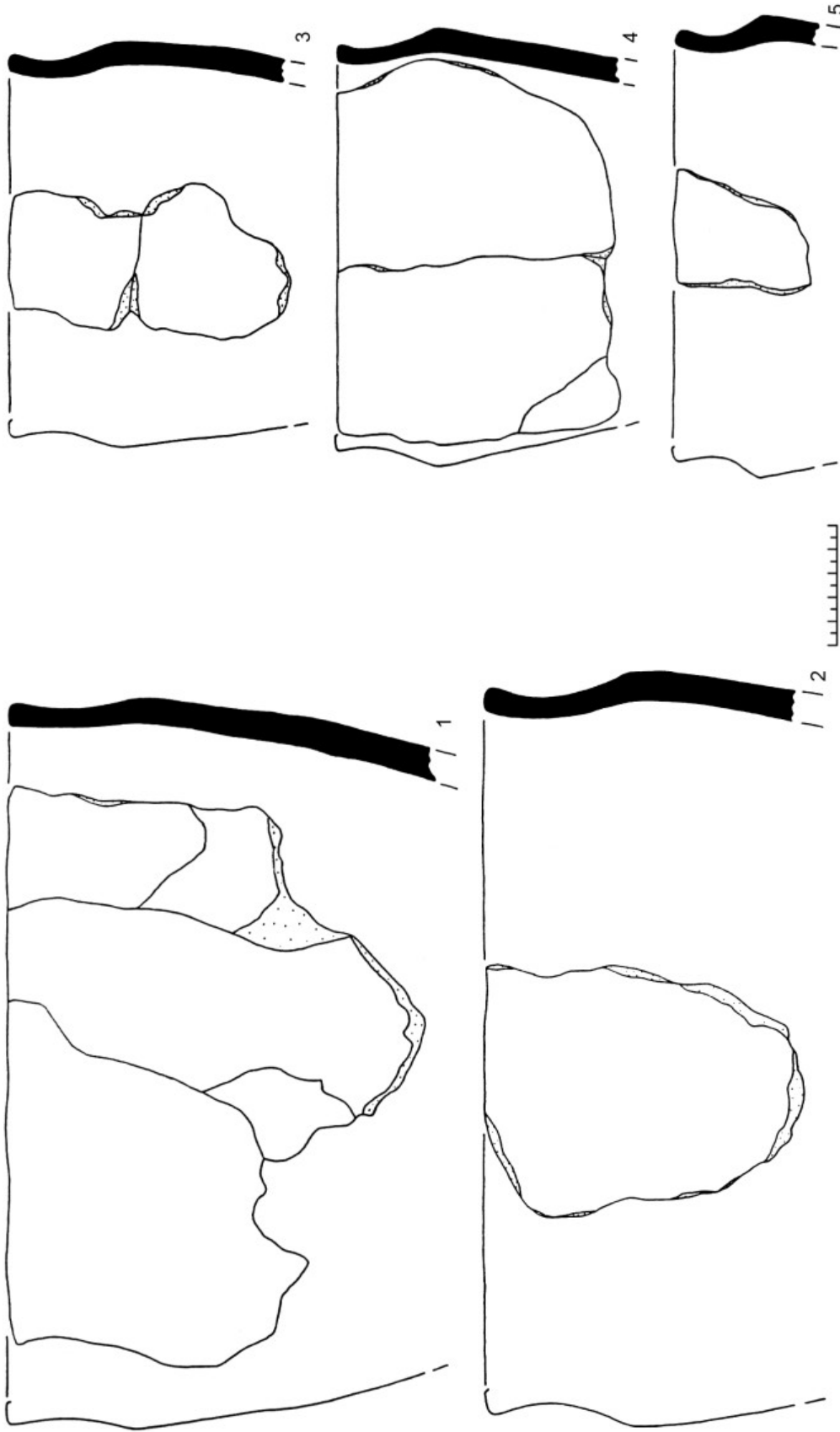
Ил. 45. Земляное городище. Керамика горизонта E₂-E_{3,1}: 1 — ЛС-1726; 2 — ЛС-1499; 3 — ЛС-1859; 4 — ЛС-1823; 5 — Л-1966; 6 — ЛС-1876. 1, 2, 5, 6 — тип 1; 3 — тип 2; 4 — тип 5

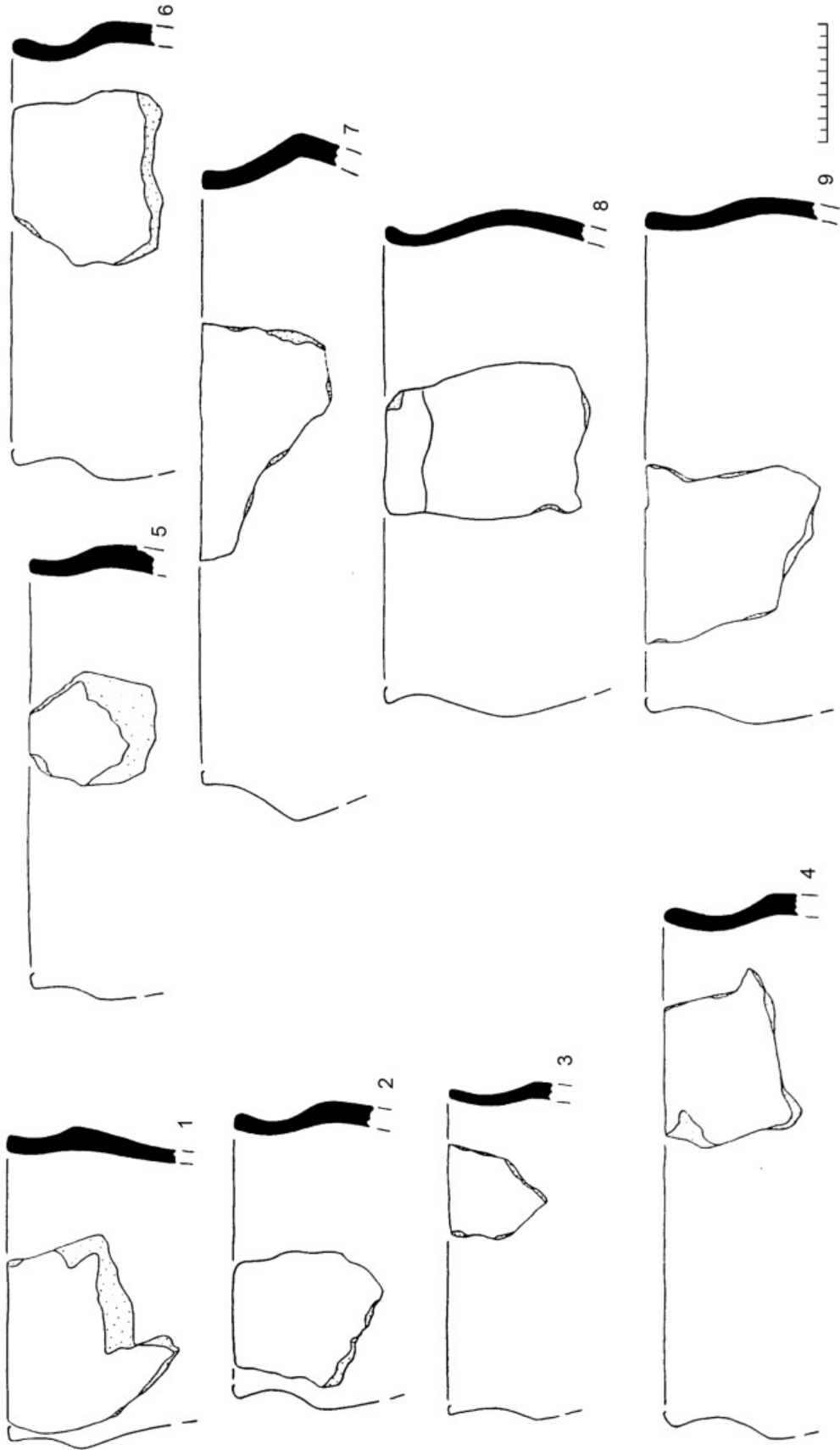
Илл. 46. Земляное городище. Керамика горизонтов E_2 - $E_{3,1}$ ($E_{2,3}$): 1 — ЛДГ-36; 2 — ЛДГ-92; 3 — ЛДГ-15; 4 — ЛДГ-35; 5 — ЛДГ-16, 17, 113. 1-3, 5 — тип 1; 4 — тип 4

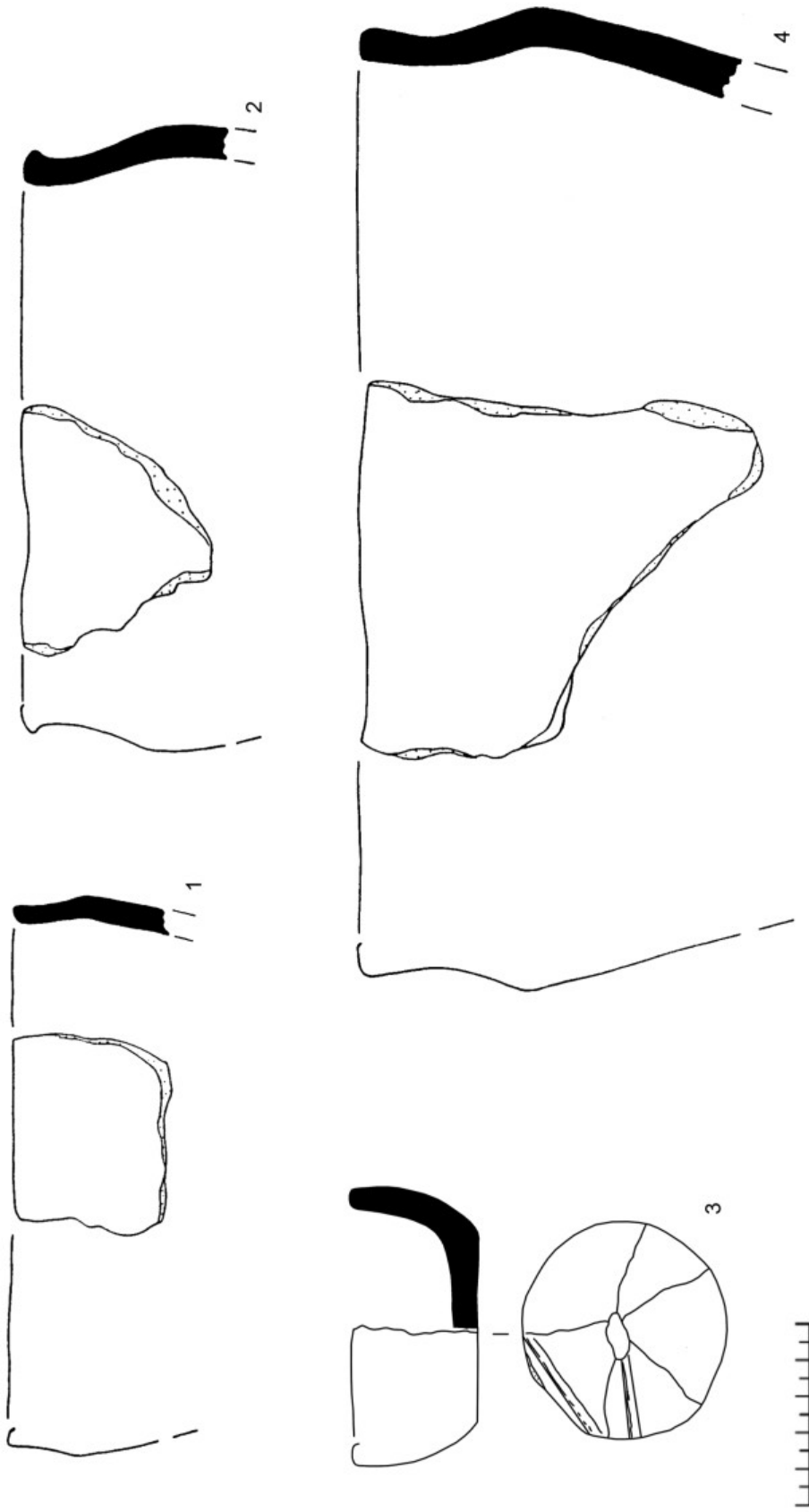
Ил. 47. Земляное городище. Керамика горизонтов E_2-E_{3-1} (E_{2-3}): 1 — ЛДГ-87; 2 — ЛДГ-35; 3 — ЛДГ-97; 4 — ЛДГ-92; 5 — ЛДГ-70; 6 — ЛДГ-94; 7 — ЛДГ-87. 1-3 — тип 5; 4 — тип 4; 5, 6 — миски типа Φ_M ; 7 — тип 6

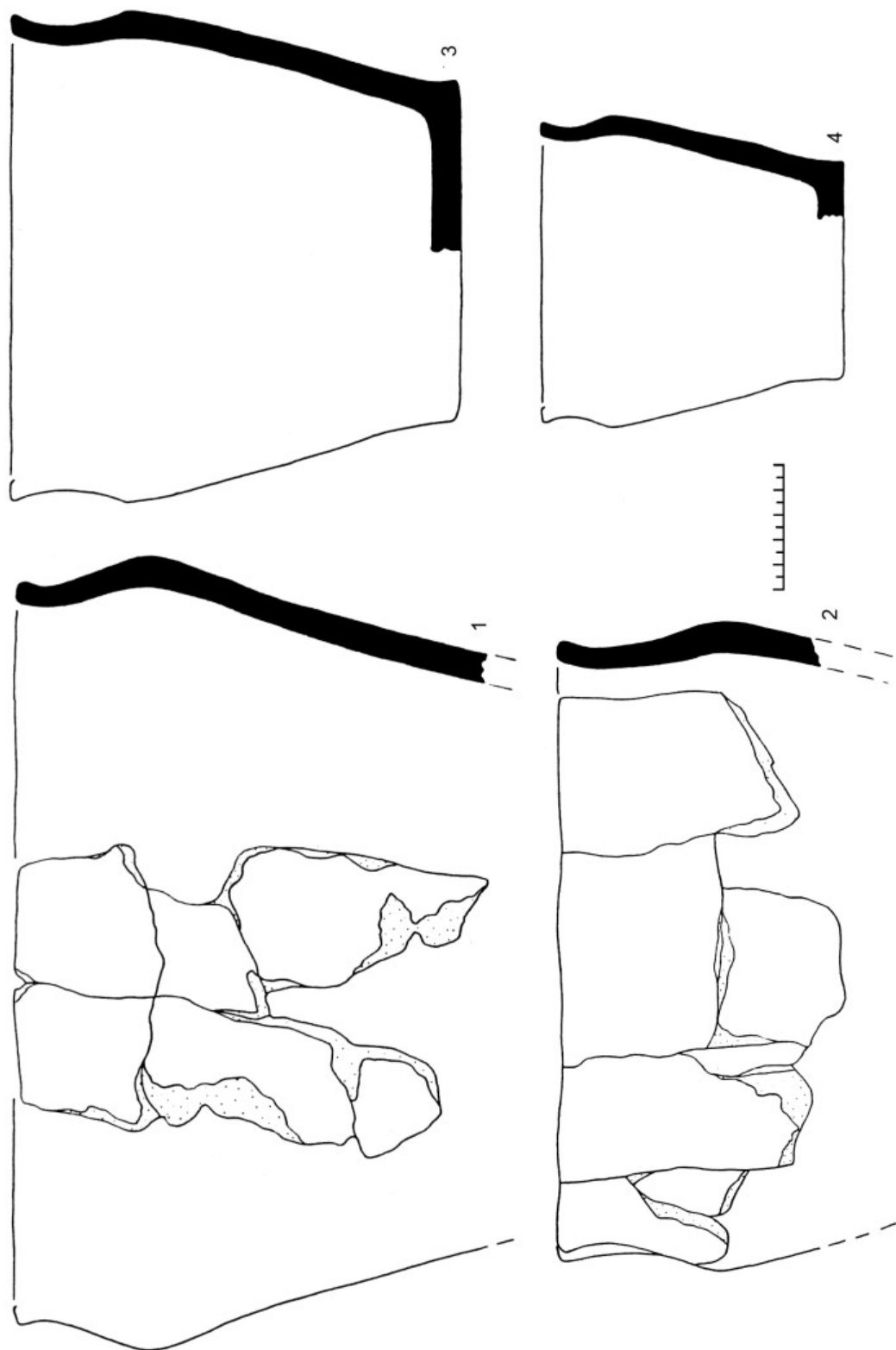
Ил. 48. Земляное городище. Керамика горизонтов E_2-E_{3-1} ($E_{2,3}$): 1 — ЛС-1024; 2 — ЛС-1023; 3 — 1083, 1084; 4 — ЛС-1023, 1025; 5 — ЛДГ-71.
1 — тип 8; 2, 4, 5 — тип 1; 3 — тип 4

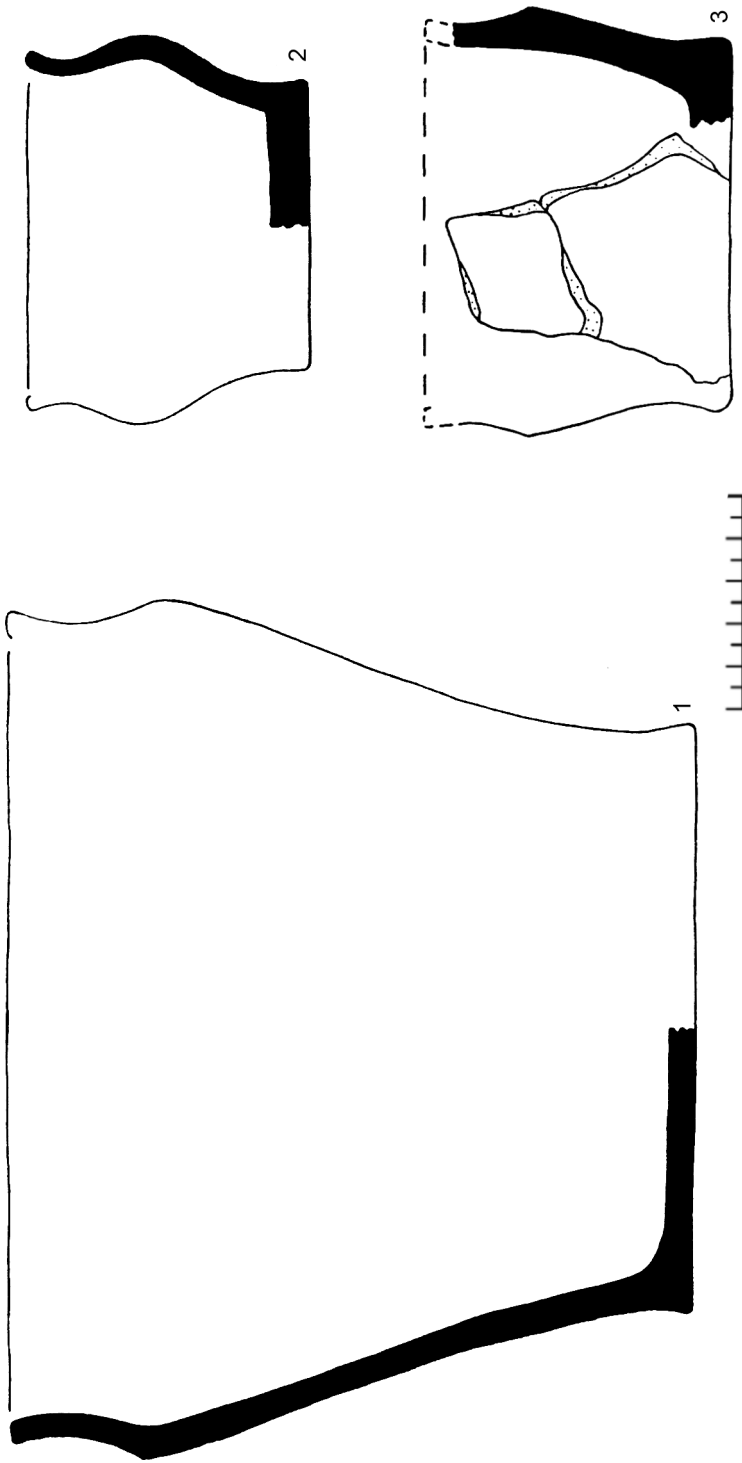
Ил. 49. Земляное городище. Керамика горизонтов $E_2-E_{3,1}$ ($E_{2,3}$): 1 — ИЭ-1982/ЗГ-996; 2 — ИЭ-1982/ЗГ-999; 3 — ИЭ-1982/ЗГ-1002; 4 — ИЭ-1982/ЗГ-1003; 5 — ИЭ-1982/ЗГ-1068; 6 — ИЭ-1982/ЗГ-1055; 7 — ИЭ-1982/ЗГ-1034; 8 — ИЭ-1982/ЗГ-1024; 9 — ИЭ-1982/ЗГ-1114. 1–7 — тип 1; 8, 9 — тип 5

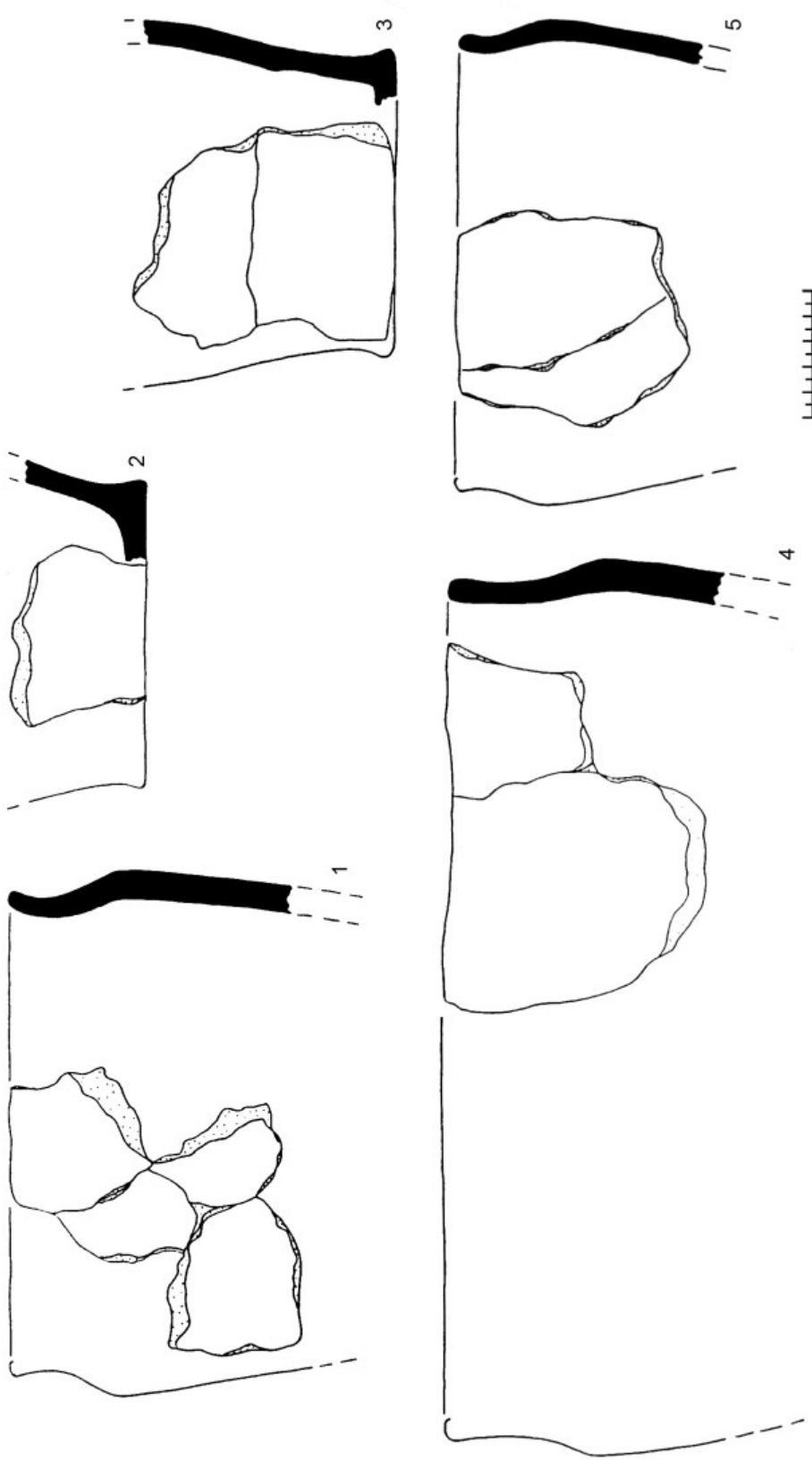
Ил. 50. Земляное городище. Керамика горизонтов E_2 — E_{3-1} ($E_{2,3}$) (1, 3) и E_2 (2, 4): 1 — ЛДГ-46; 2 — ЛС-694; 3 — ЛДГ-20; 4 — ЛС-592.
1, 4 — тип 1; 2 — тип 7; 3 — миска типа $\Phi_{\text{нП}}$

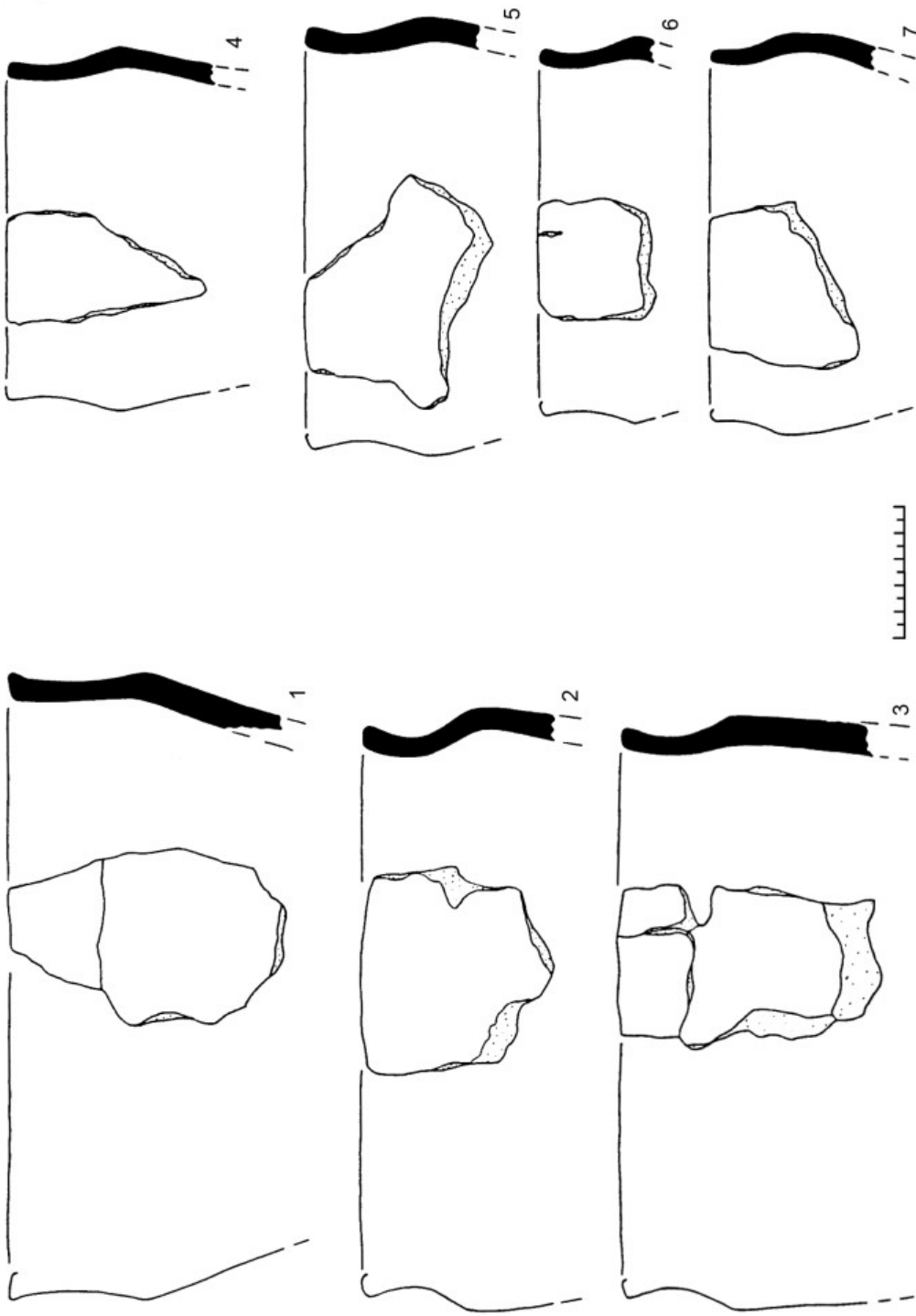
Ил. 51. Земляное городище. Керамика горизонта E_3 (?): 1 — ЛДГ-148, 149; 2 — ЛДГ-48; 3 — ЛС-2022; 4 — ЛДГ-137, 140. 1-4 — тип 1

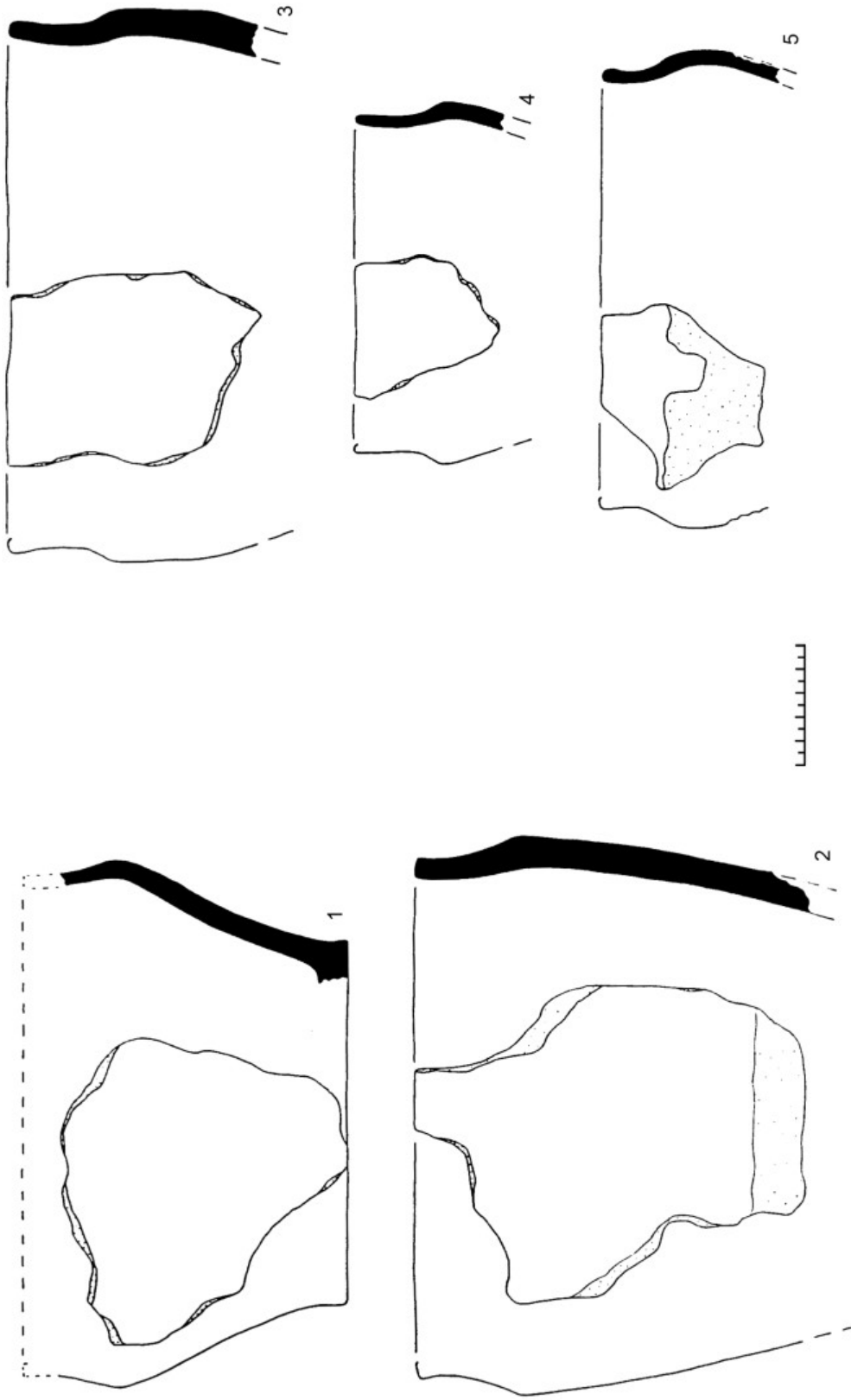
Ил. 52. Земляное городище. Керамика горизонта E₃; 1 — САЭ-74/ЗГ-70-78; 2 — ЛДГ-144; 3 — ЛДГ-111, 134.
1 — тип ФП; 2, 3 — тип ФВП

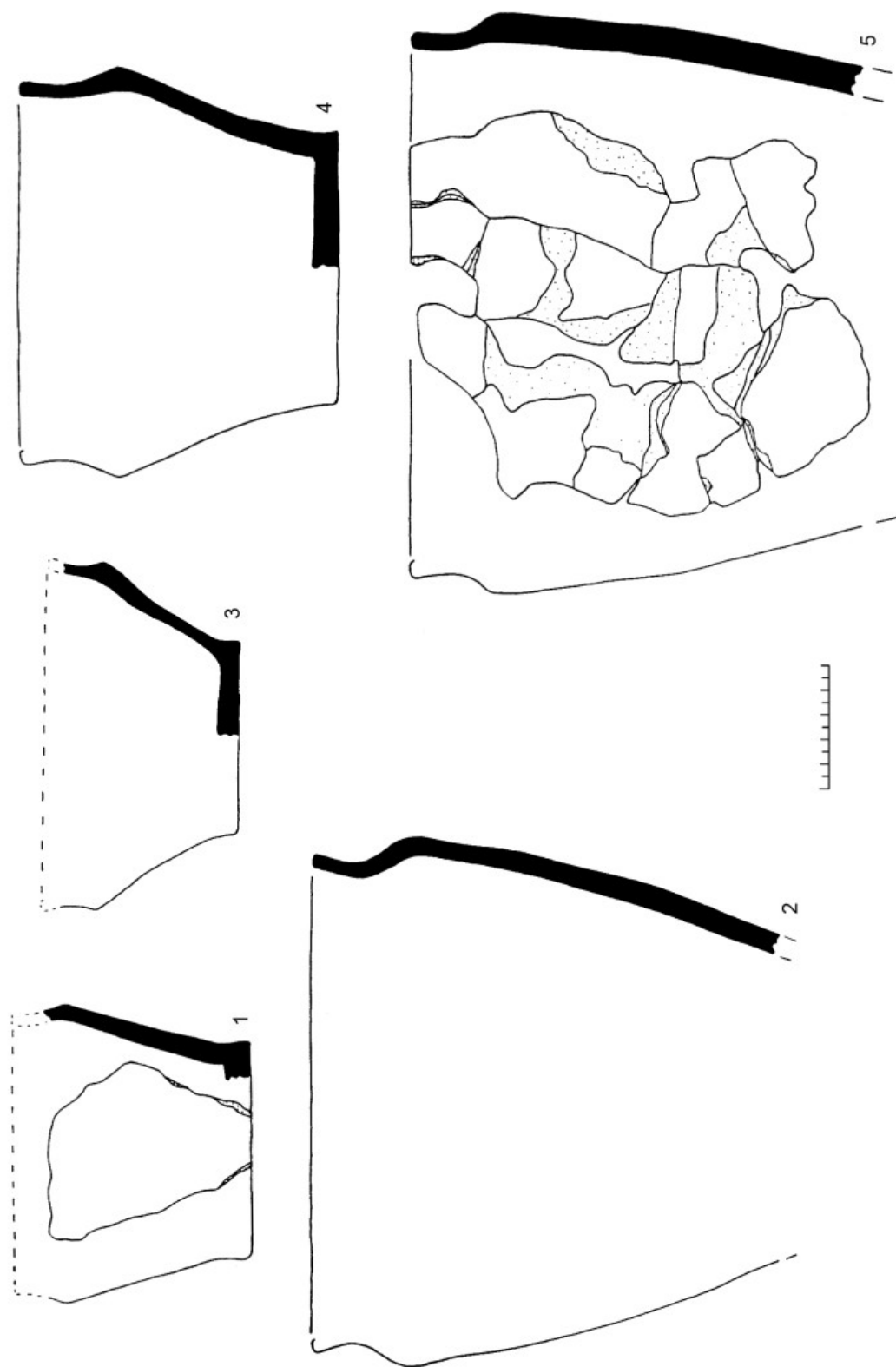
Ил. 53. Земляное городище. Керамика горизонта E₃: 1 — ЛДГ-155; 2 — ЛДГ-198; 3 — ЛДГ-109; 4 — ЛДГ-123; 5 — ЛДГ-140.
1-4 — тип 1; 5 — тип 5

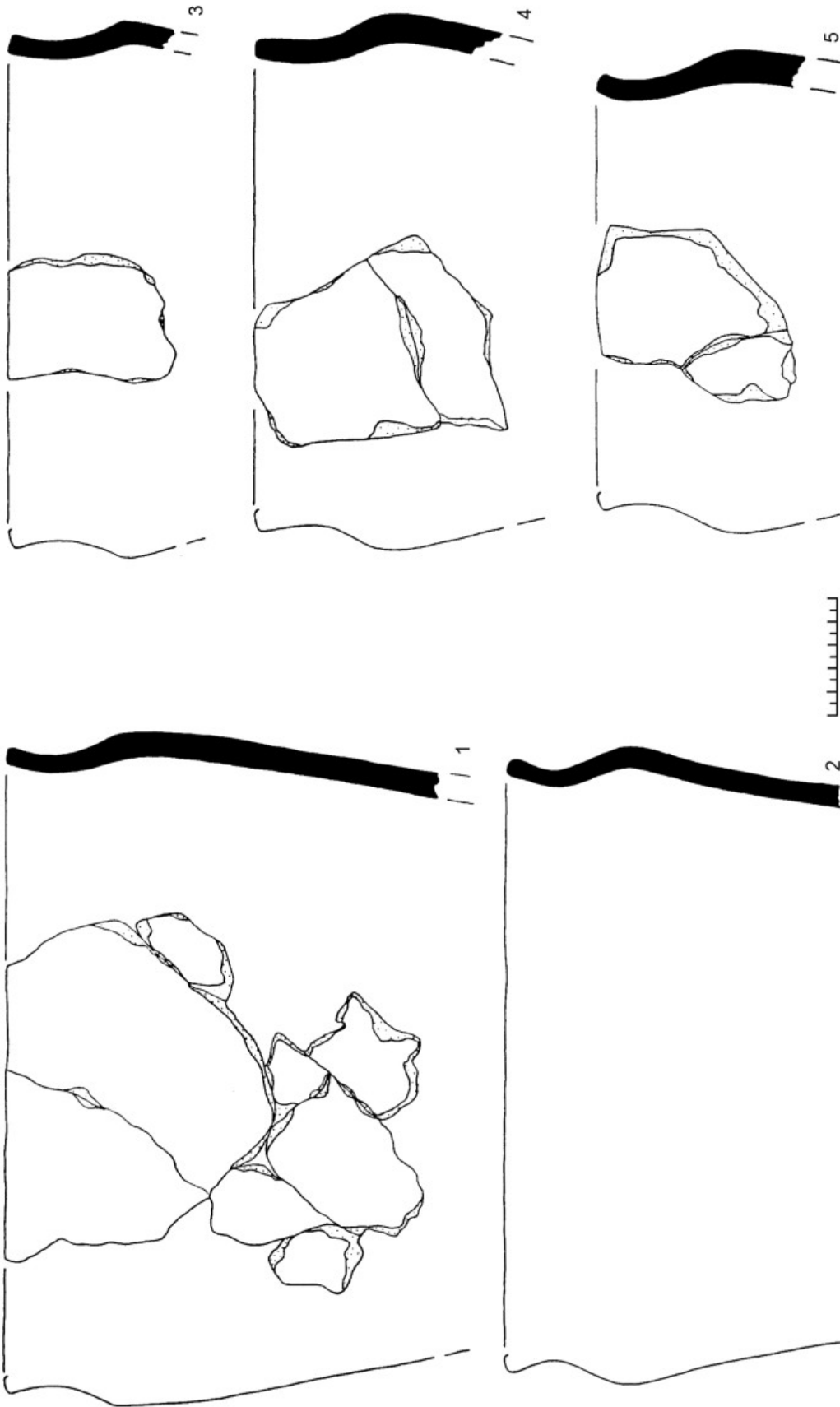
Ил. 54. Земляное городище. Керамика горизонта E_3 : 1 — ЛДГ-124; 2 — ЛДГ-113, 116; 3 — ЛДГ-112; 4 — ЛДГ-51; 5 — ЛДГ-145; 6 — ЛДГ-140; 7 — ЛДГ-114. 1 — тип 9; 2, 6, 7 — тип 3; 3 — тип 4; 4 — тип 1; 5 — тип 5

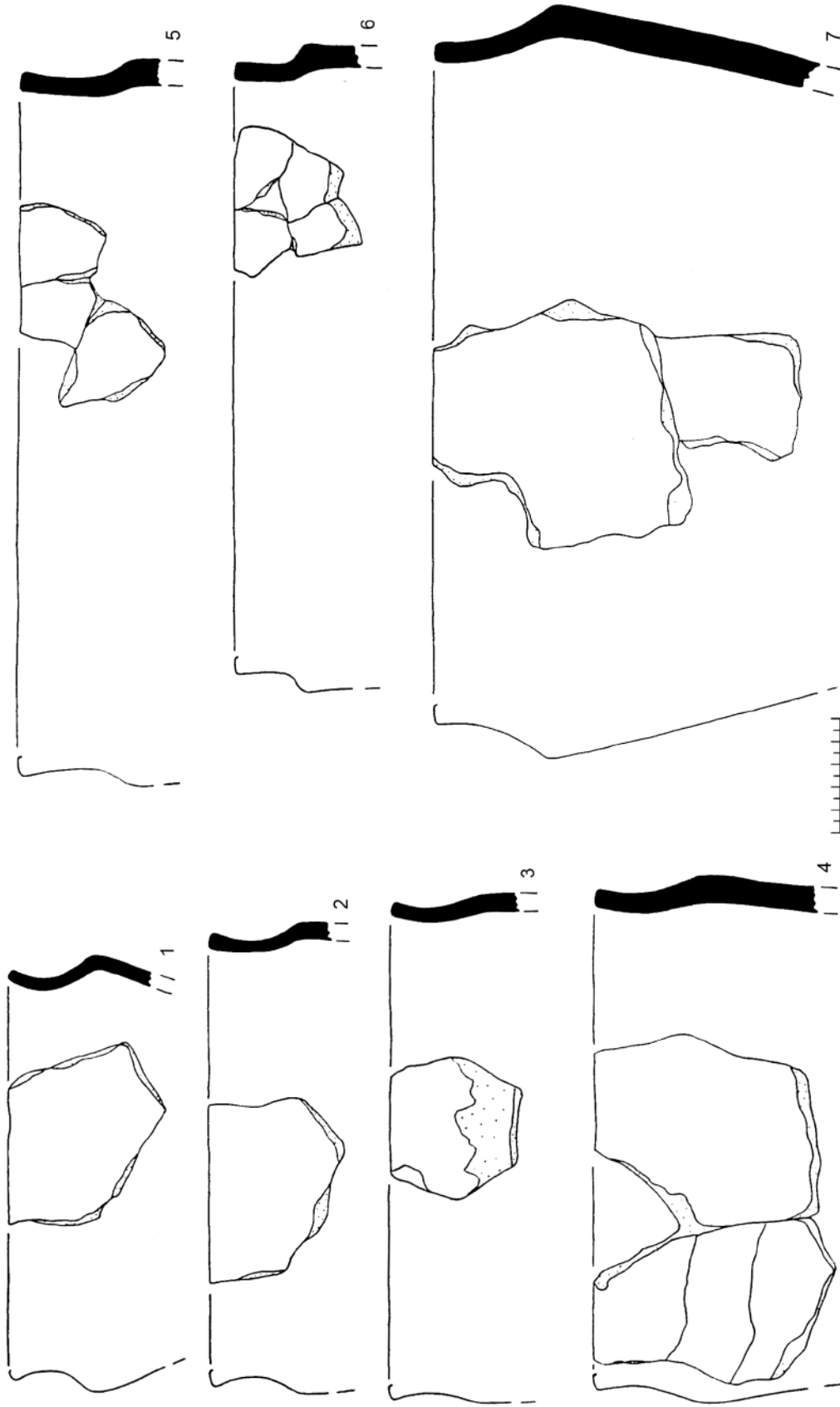
Ил. 55. Земляное городище. Керамика горизонта E₂ (E₂₋₃?): 1 — ЛС-1788; 2 — ЛДГ-99; 3 — ЛДГ-91; 4, 5 — ЛС-652.
1 — тип ФVII; 2 — тип 4; 3, 4 — тип 1; 5 — тип 3

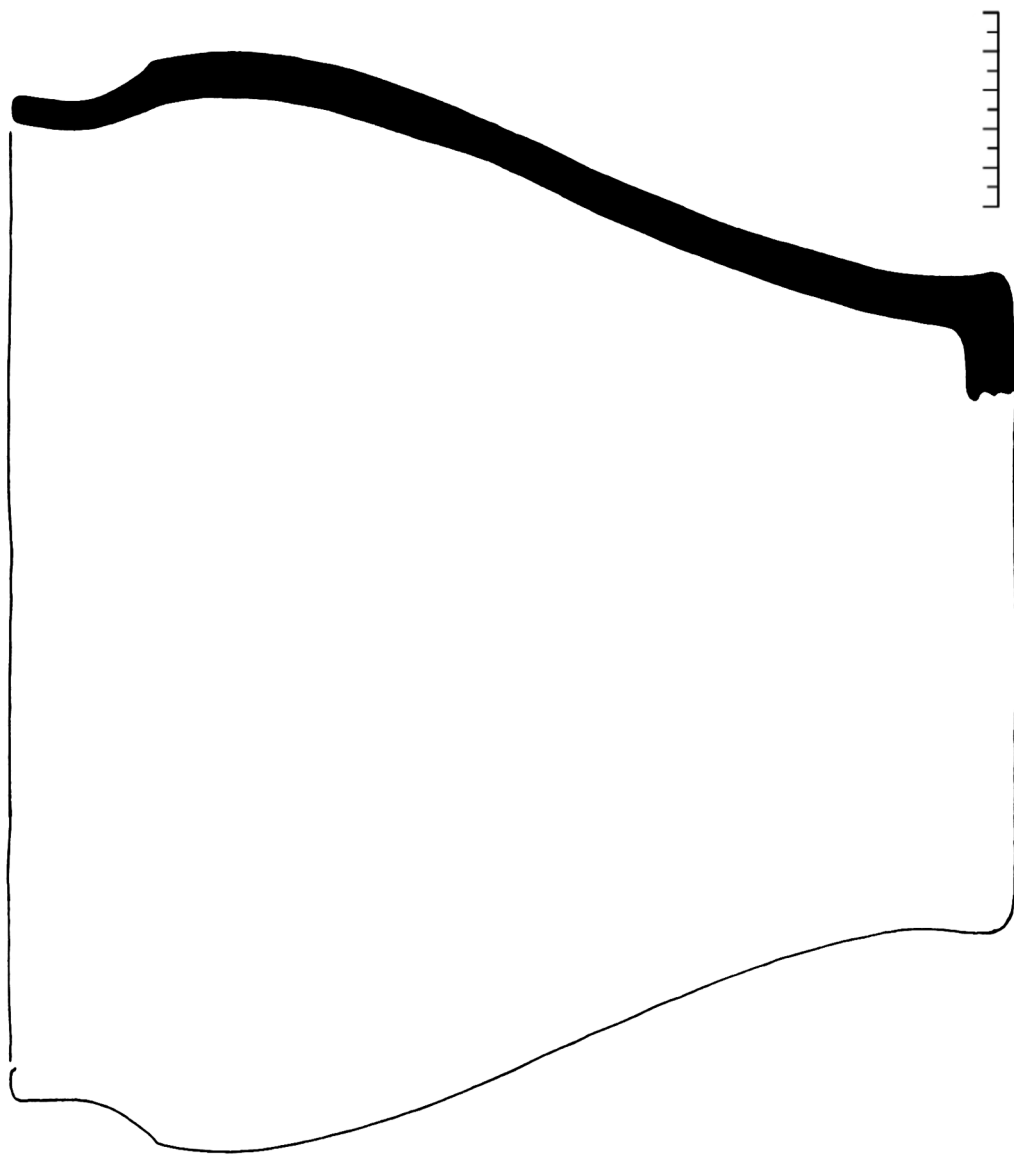
Ил. 57. Земляное городище. Керамика горизонта E₂: 1 — ЛДГ-85; 2 — ЛДГ-28, 32; 3 — ЛДГ-13; 4 — ЛДГ-23, 26; 5 — ЛДГ-30. 1, 4 — тип ФП; 3 — миска типа Ф_М; 2, 5 — тип 1

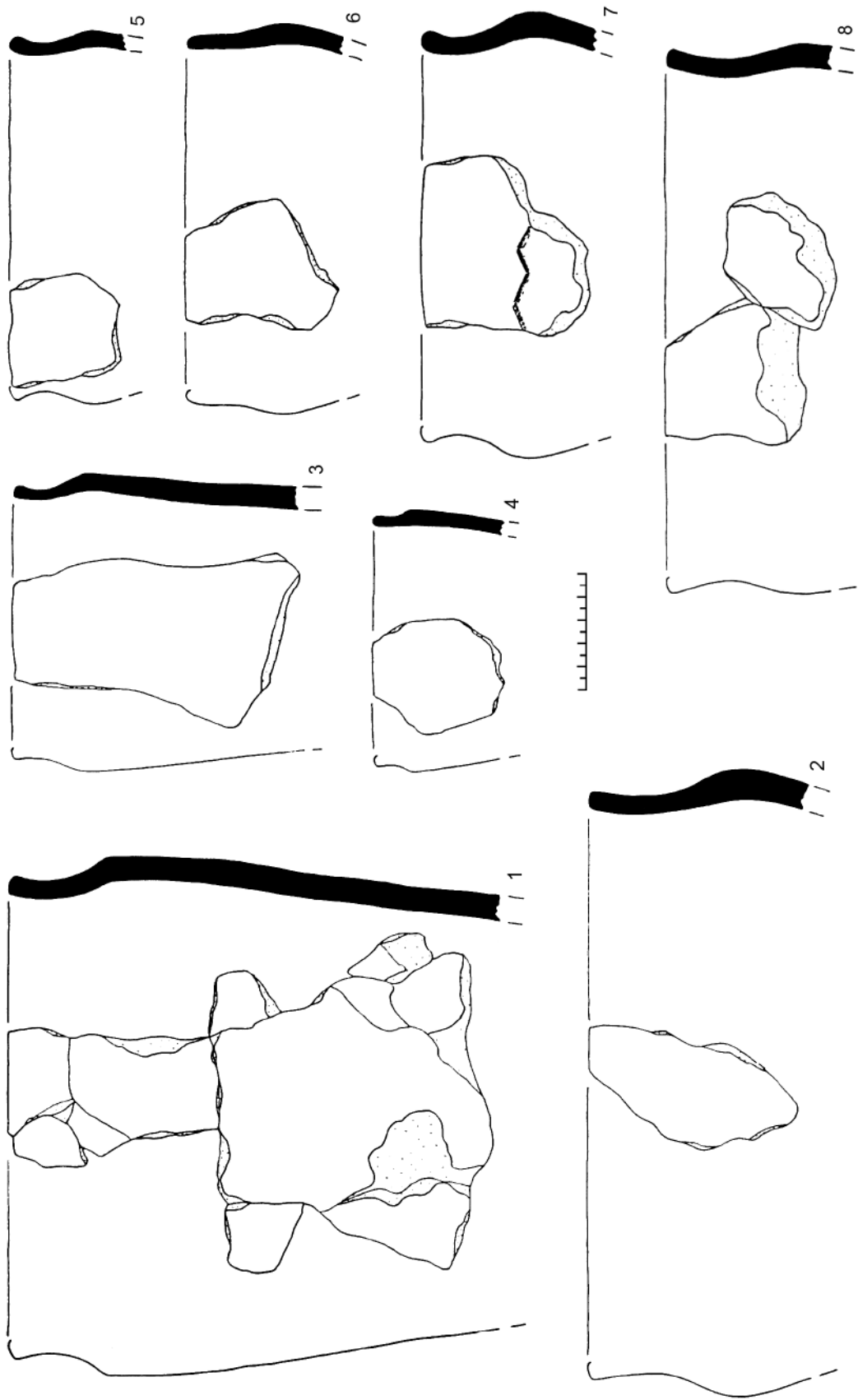
Ил. 58. Земляное городище. Керамика горизонта E_2 : 1 — ЛДГ-35; 2 — ЛДГ-32; 3 — ЛДГ-45; 4 — ЛДГ-49; 5 — ЛДГ-63.
1-3 — тип 1; 4, 5 — тип 3

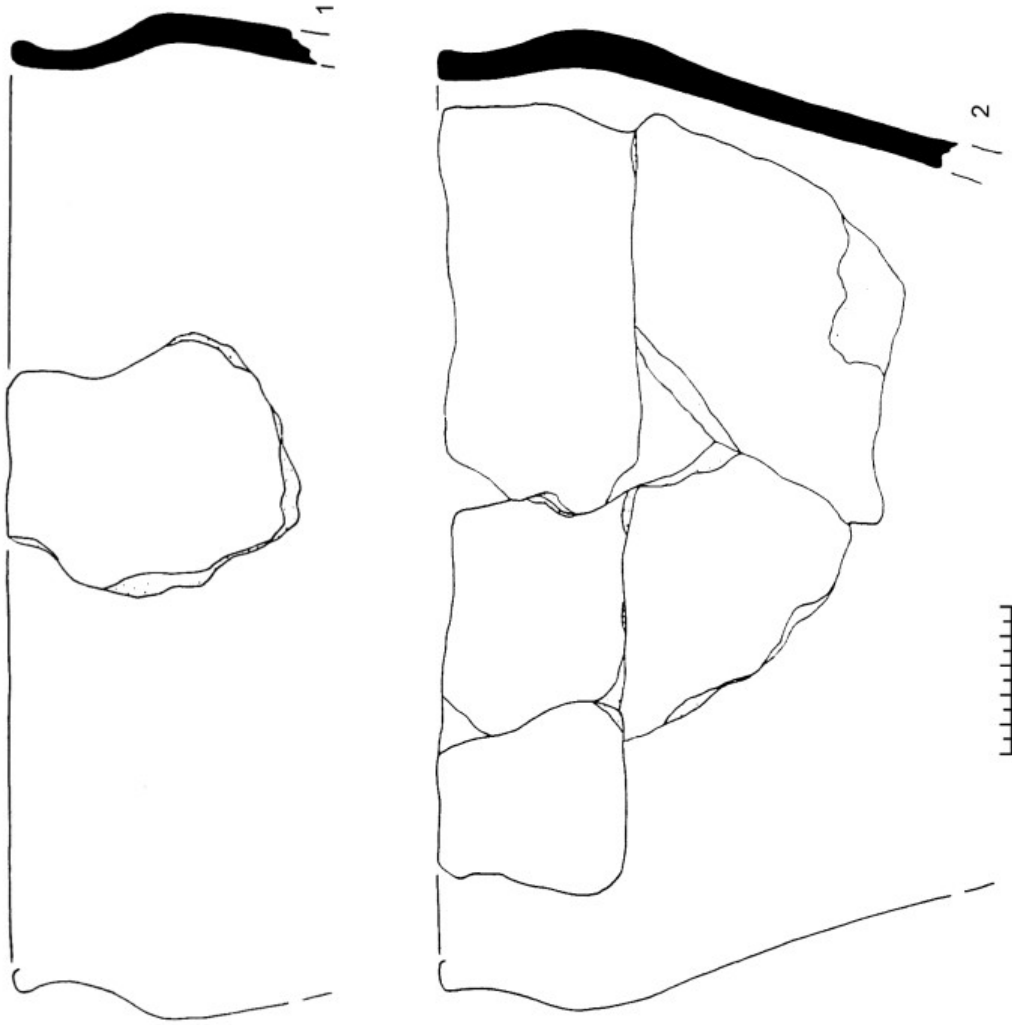
Ил. 59. Земляное городище. Керамика горизонта E₂: 1 — ЛДГ-75; 2 — ЛДГ-85; 3 — ЛДГ-68; 4 — ЛДГ-2, 29; 5 — ЛДГ-28, 30; 6 — ЛДГ-38; 7 — ЛДГ-33. 1, 7 — тип 1; 2-6 — тип 4

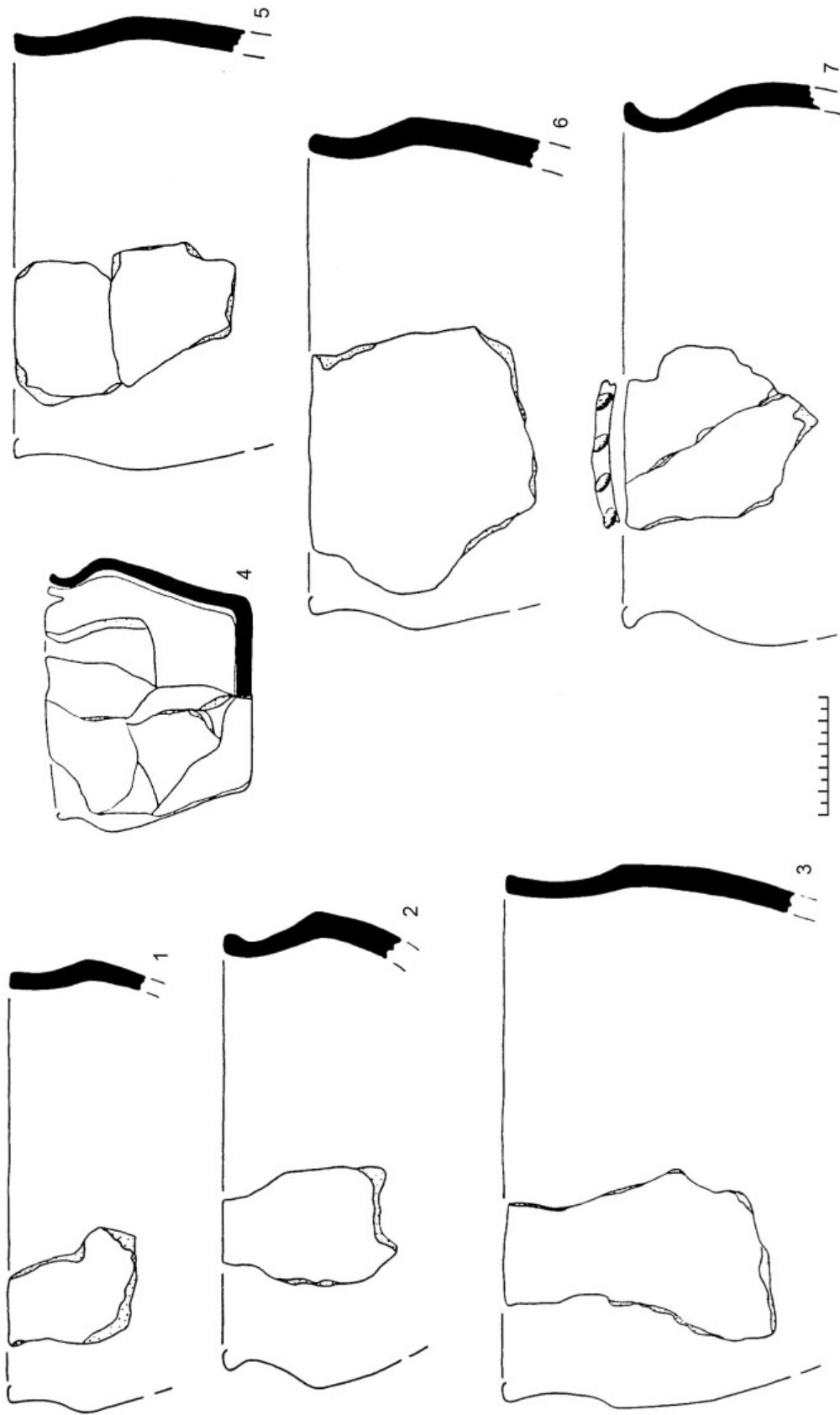
Ил. 60. Земляное городище. Керамика горизонта E₂; ЛДГ-31. Тип ФП

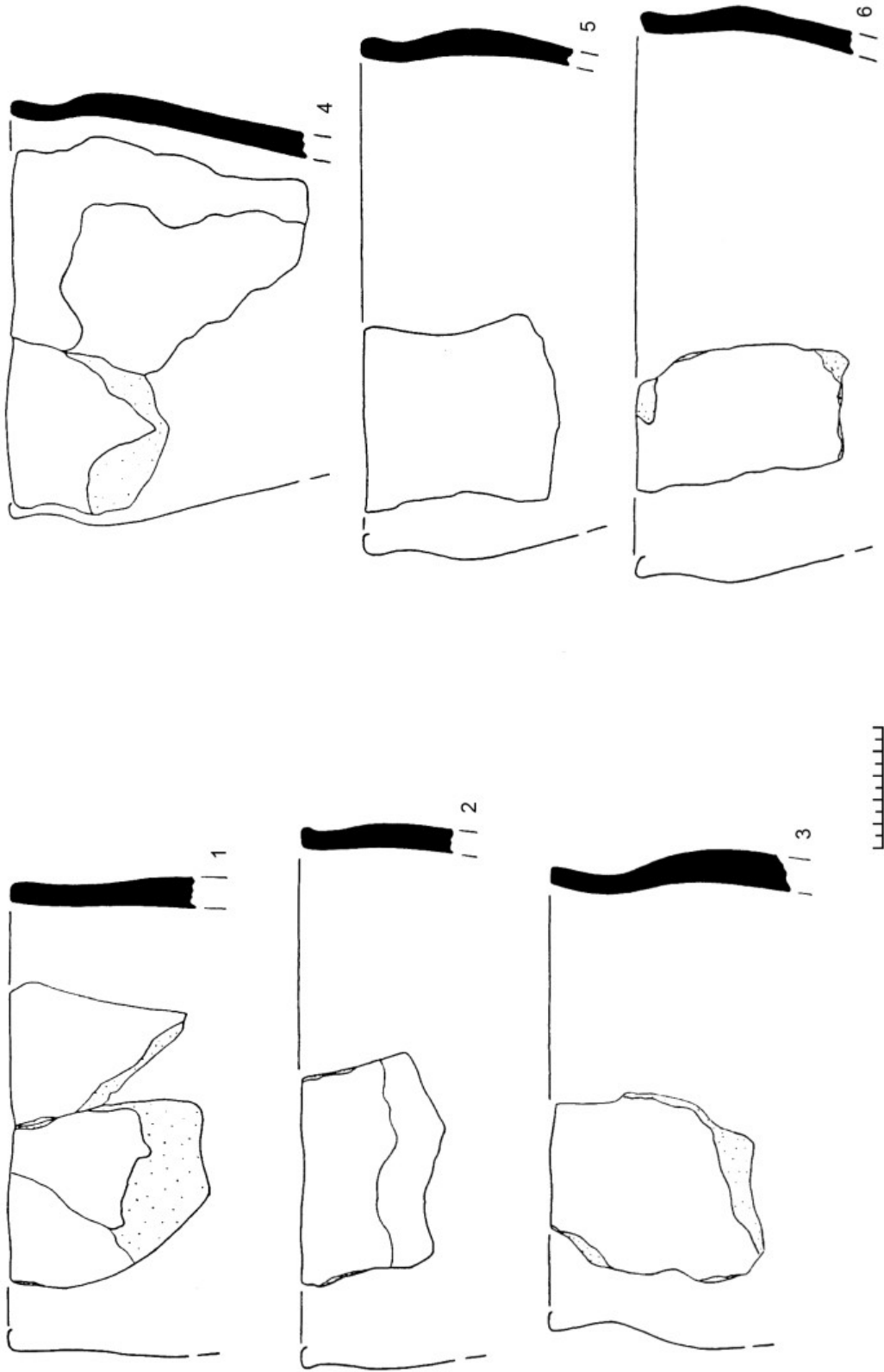
Ил. 61. Земляное городище. Керамика горизонта E₂: 1 — ЛДГ-32; 2 — ЛДГ-32; 3 — ЛДГ-25; 4 — ЛС-486; 5, 6 — ЛДГ-32; 7 — ЛС-501; 8 — ИЭ-1982/ЗГ-958, 964. 1, 3, 4 — тип 4; 2, 5-7 — тип 3; 8 — тип 5

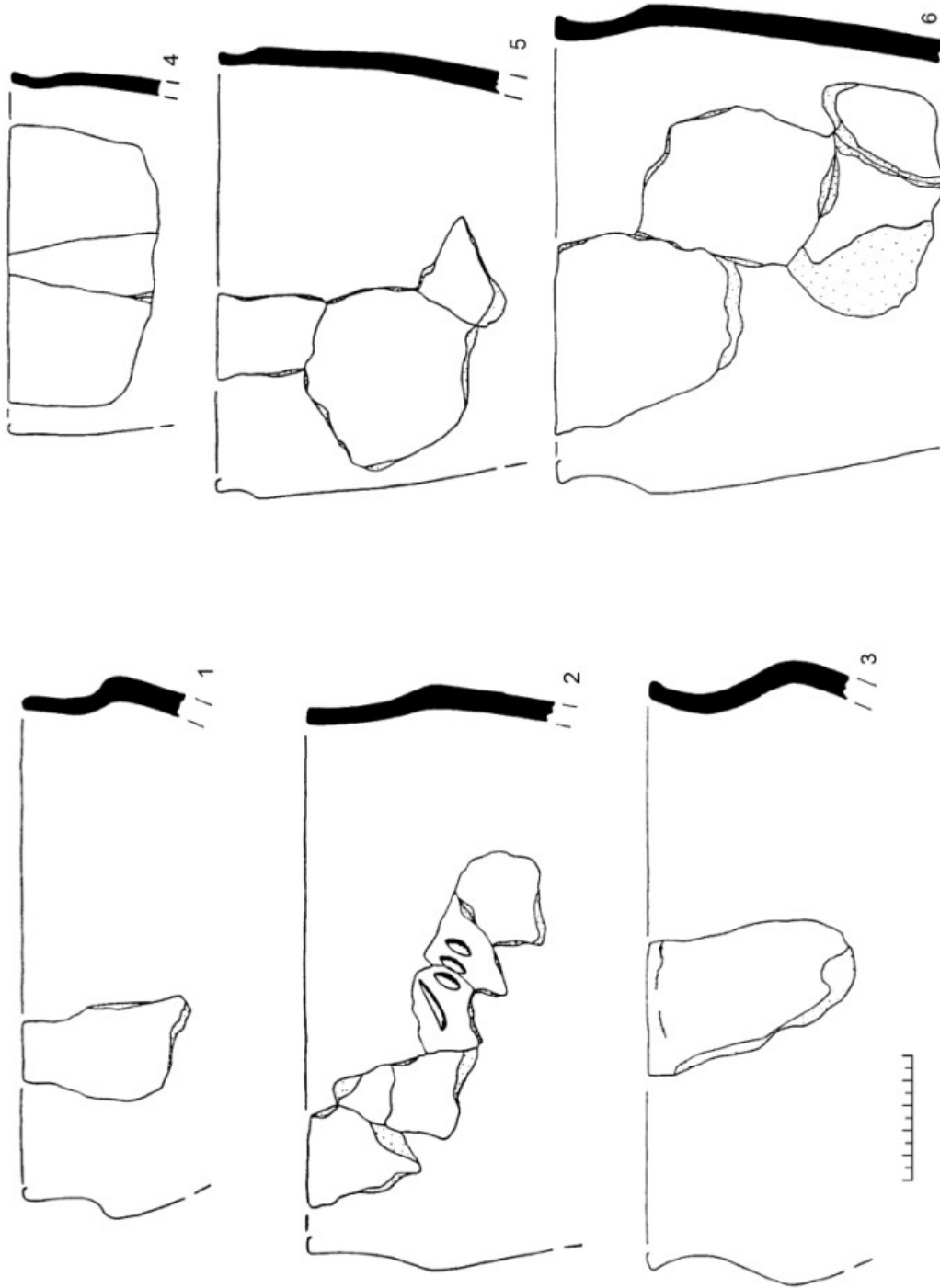
Ил. 62. Земляное городище. Керамика горизонта E_2 ; 1 — Л-1964; 2 — Л-999, 1003, 1935. 1, 2 — тип 1

Ил. 63. Земляное городище. Керамика горизонта E₁ — E₂ (1–4) и E₂ (5–7): 1 — Л-670; 2 — Л-541; 3 — Л-737; 4 — Л-925; 5 — Л-1575; 6 — Л-993; 7 — Л-1051. 1, 2 — тип 9; 3, 6 — тип 1; 4 — тип ФIV; 5 — тип 5; 7 — тип 3

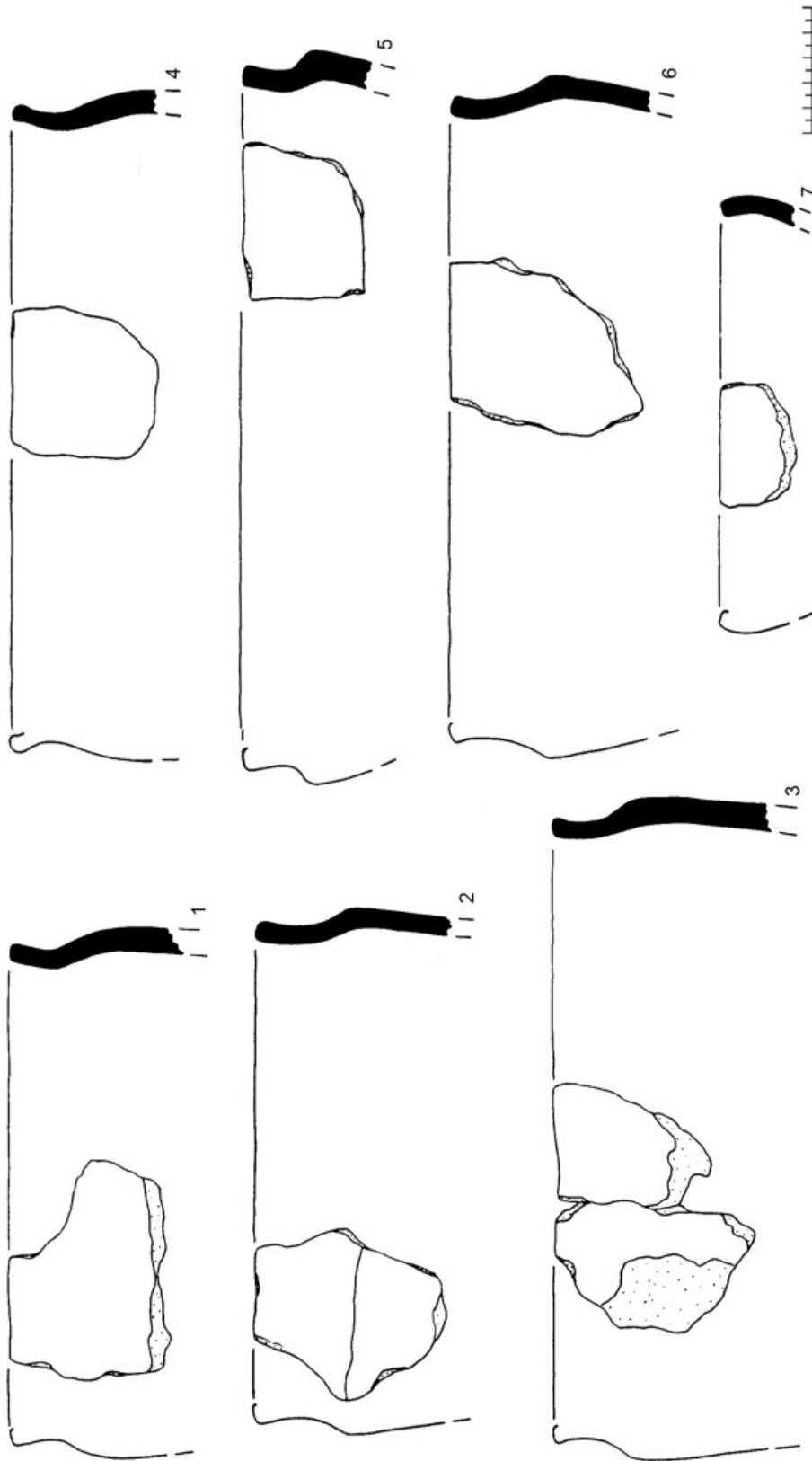
Ил. 64. Земляное городище. Керамика горизонта E₁ — E₂: 1 — Л-860; 2 — Л-701; 3 — Л-523; 4 — Л-518, 519; 5 — Л-860; 6 — Л-529.
1, 4 — тип 4; 3 — тип 5; 2, 5 — тип 7; 6 — тип 8

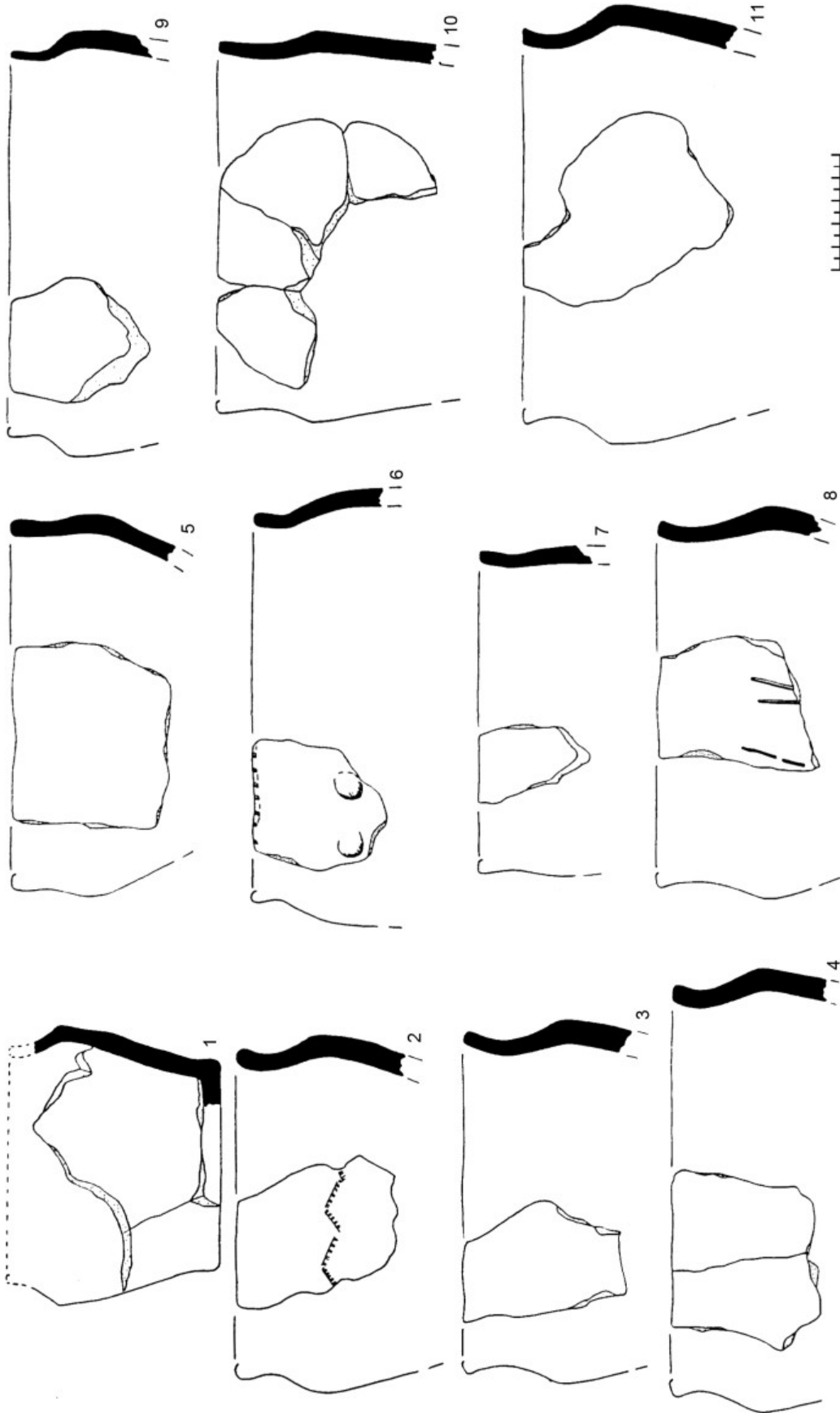
Ил. 65. Земляное городище. Керамика горизонта E₁: 1 — ЛД-86; 2 — ЛД-53,93; 3 — ЛД-115; 4 — ЛД-43, 85, 126; 5 — ЛД-98, 126; 6 — ЛД-76, 77, 78, 81, 88. 1, 2, 6 — тип 1; 3 — тип 3; 4, 5 — тип 4

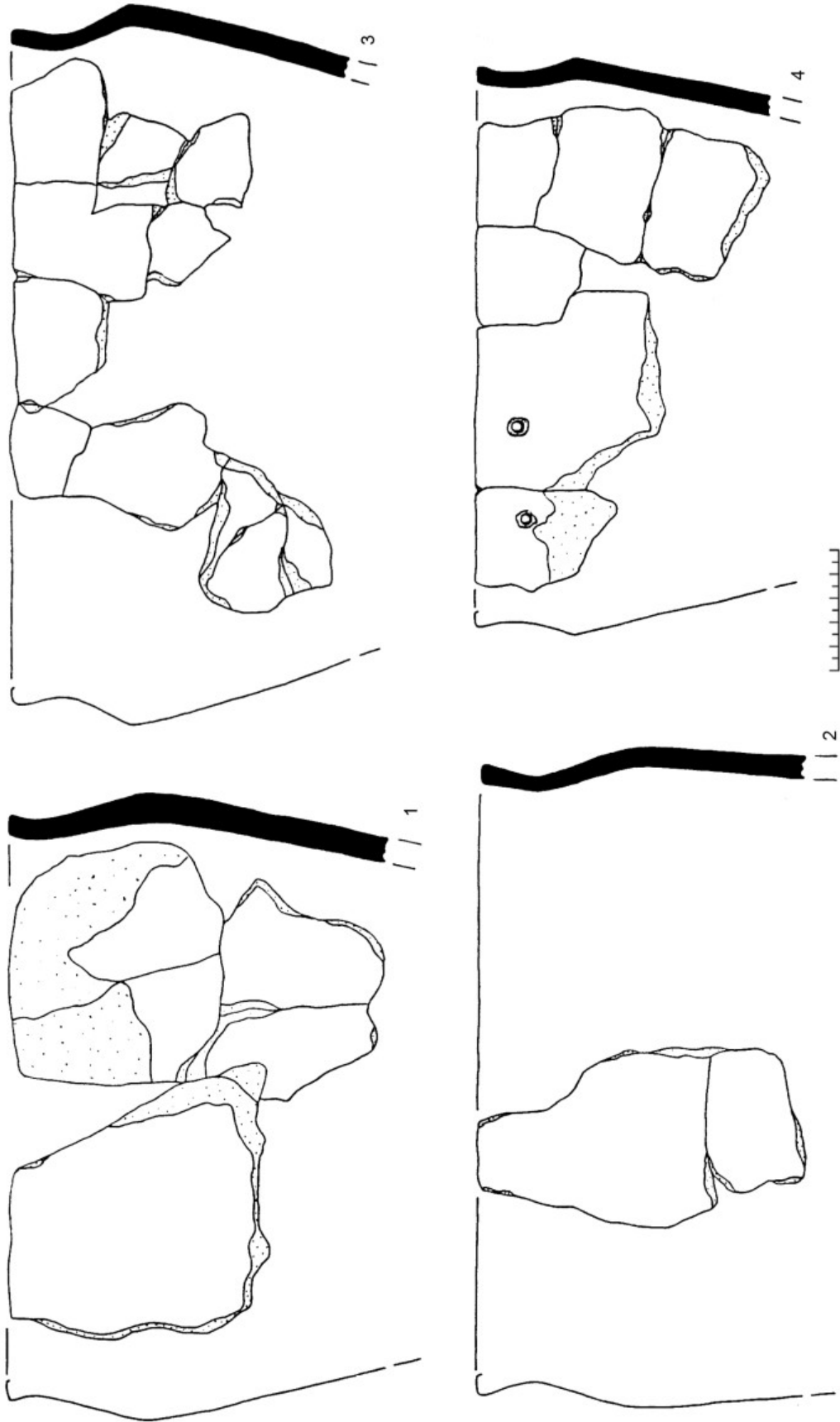
Ил. 66. Земляное городище. Керамика горизонта E₁: 1 — ИЭ-1981/ЗГ-2045, 2046, 2048, 2049, 2110; 2 — ЛД-75, 79, 81, 84; 3 — ЛД-97; 4 — ИЭ-1982/ЗГ-969-975. 1 — тип 3; 2 — тип Ф1; 3 — тип Ф1; 4 — тип 4; 4 — тип 8

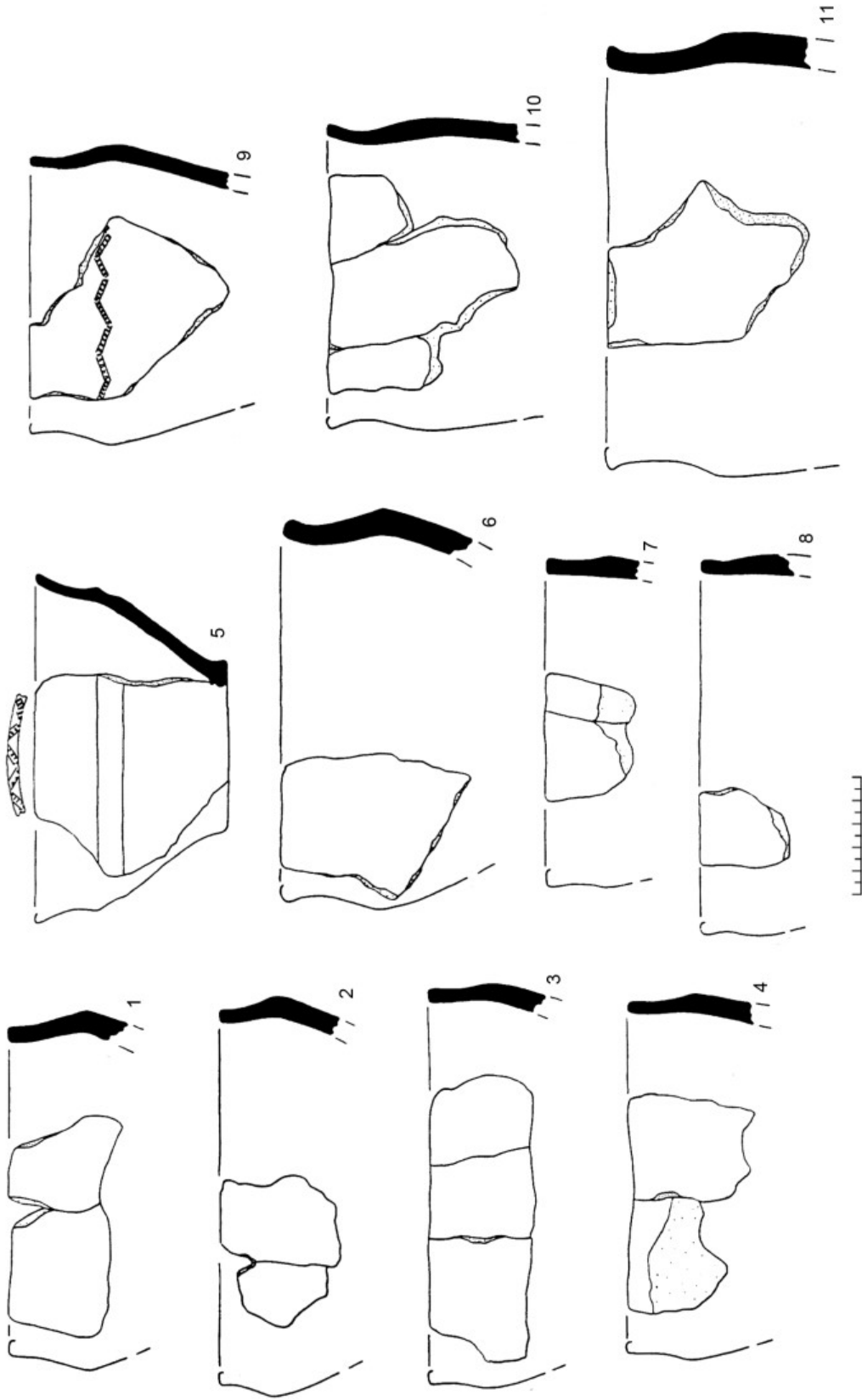
Ил. 67. Земляное городище. Керамика горизонта Е; 1 — Л-431; 2 — Л-692; 3-5 — Л-317; 6 — ЛДГ-6; 7 — ЛДГ-8. 1 — тип 7; 2, 3 — тип 4; 4 — тип 5; 5, 6 — тип 1; 7 — тип 6

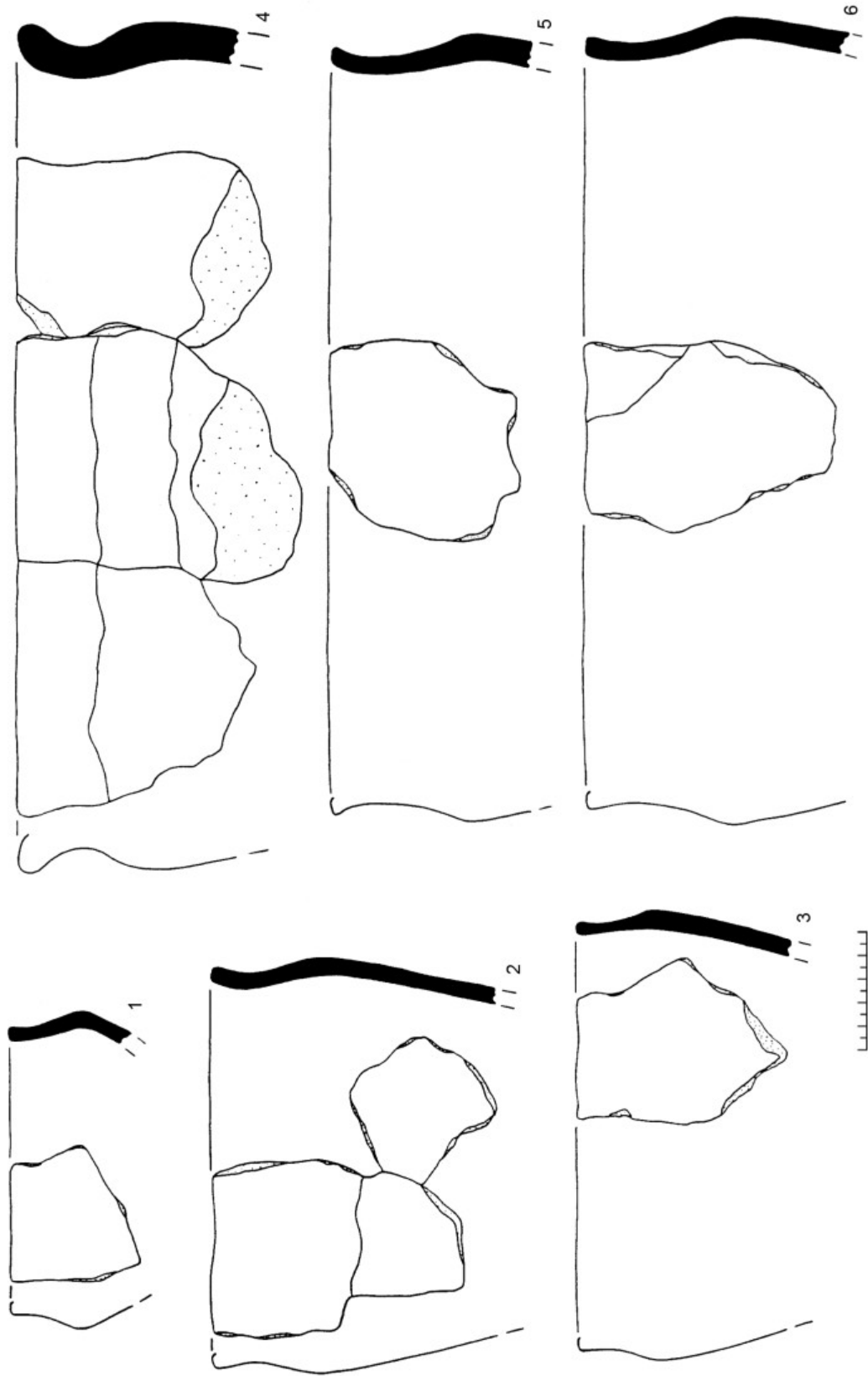
Ил. 68. Земляное городище. Керамика горизонта E₁: 1 — ЛС-371; 2, 3 — ЛС-362; 4 — ЛС-311; 5 — ЛС-932; 6 — ЛС-140; 7 — ЛД-81; 8 — ЛД-22; 9 — ЛС-140; 10 — ЛД-77, 81; 11 — ЛС-276. 1 — тип ФIV; 2 — тип 3; 3, 4, 9, 11 — тип 1; 5 — тип 9; 6 — тип 7; 7, 8 — тип 5; 10 — тип 4

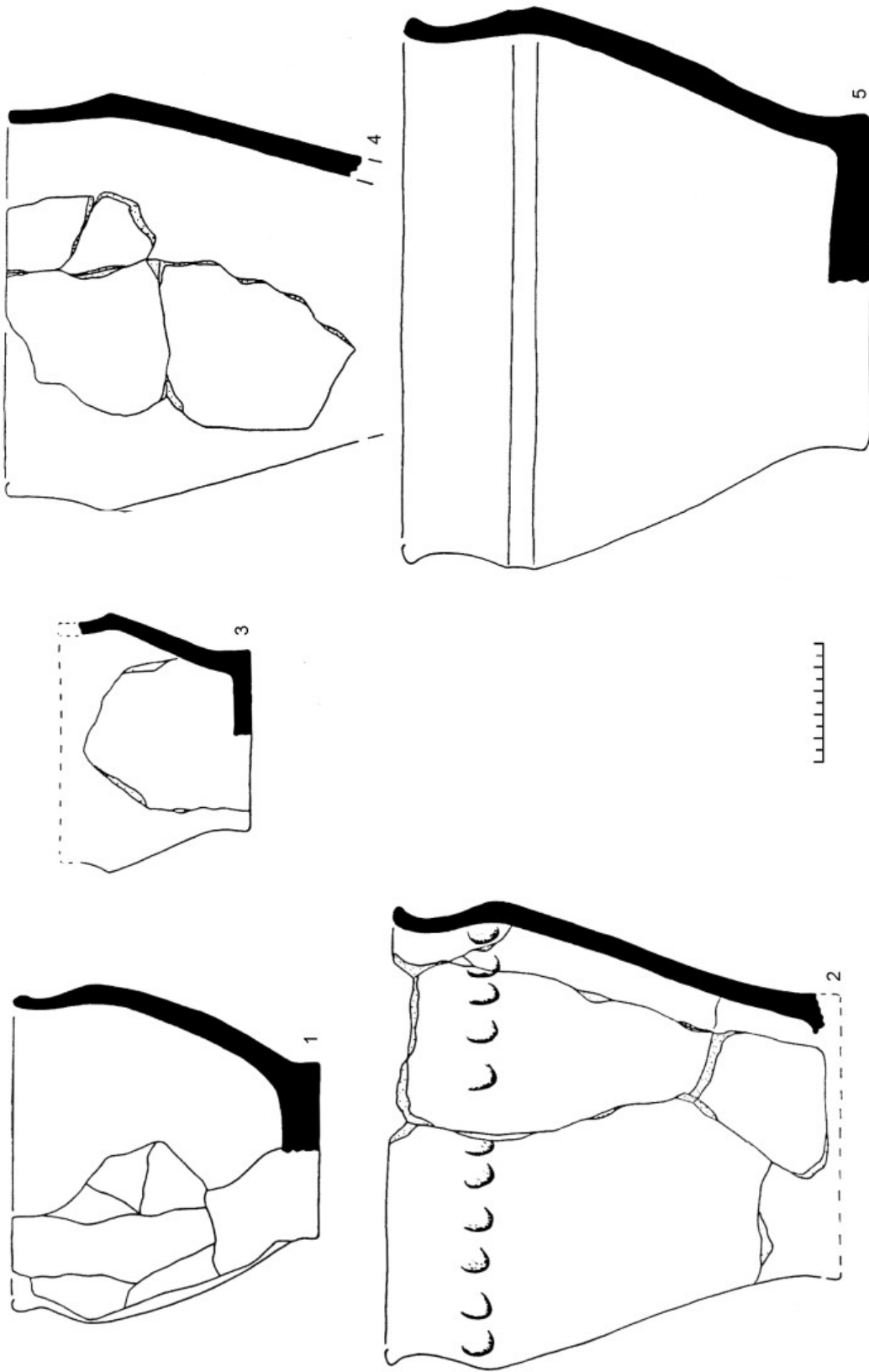
Ил. 69. Земляное городище. Керамика горизонта E₁: 1 — ЛС-453, 454; 2 — ЛС-334, 335; 3 — ЛД-98, 129, 133, 136; 4 — ЛД-76, 88, ЛДГ-7, 13.
1 — тип 5; 2 — тип 7; 3, 4 — тип 1

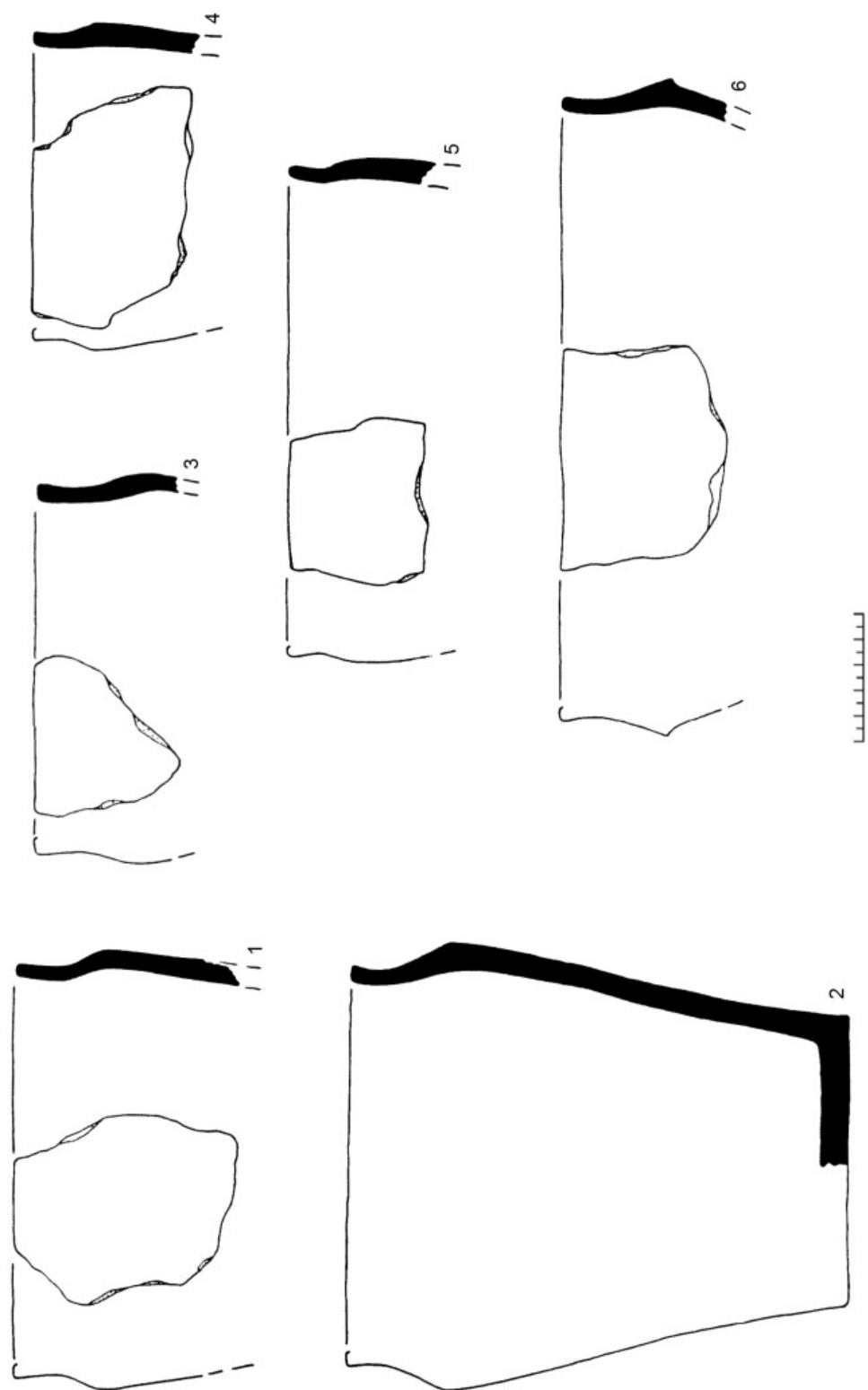
Ил. 70. Земляное городище. Керамика горизонта E_1 : 1 — Л-440; 2 — Л-728; 3 — Л-325, 310; 4 — Л-325; 5 — Л-331; 6 — Л-304; 7, 8 — Л-816; 9 — Л-515; 10 — Л-381; 11 — Л-317. 1, 2 — тип 9; 3 — тип 9; 3 — тип 8; 4, 6, 9, 11 — тип 1; 7 — тип 4; 5 — миска типа $\Phi_{нI}$; 8 — тип 7; 10 — тип 5

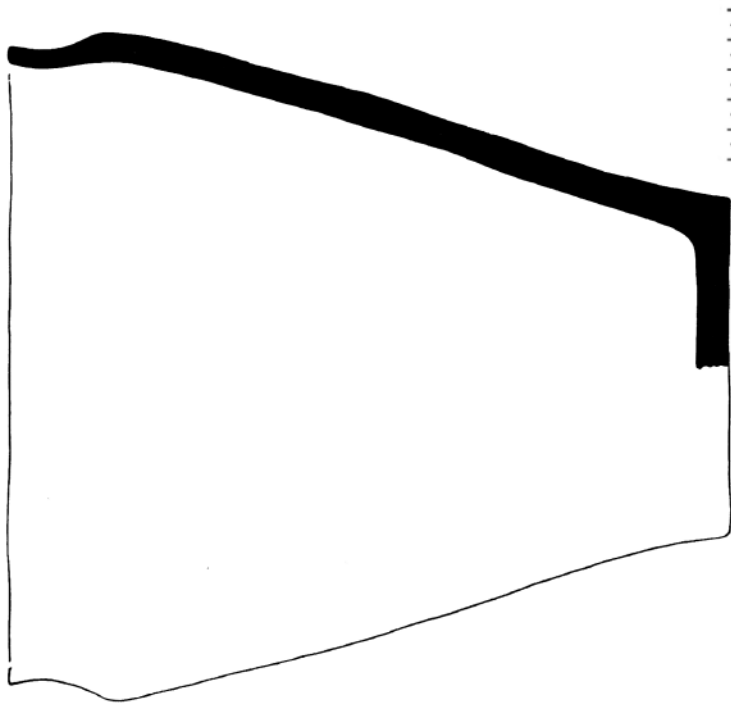
Ил. 71. Земляное городище. Керамика горизонта E₁: 1 — ЛДГ-7; 2 — ЛДГ 6, 7, 77, ЛД-88; 3 — ЛДГ-12; 4 — Л-316; 5 — ЛС-1248; 6 — ЛС-144.
1 — тип 9; 2 — тип 5; 3, 5, 6 — тип 1; 4 — тип 7

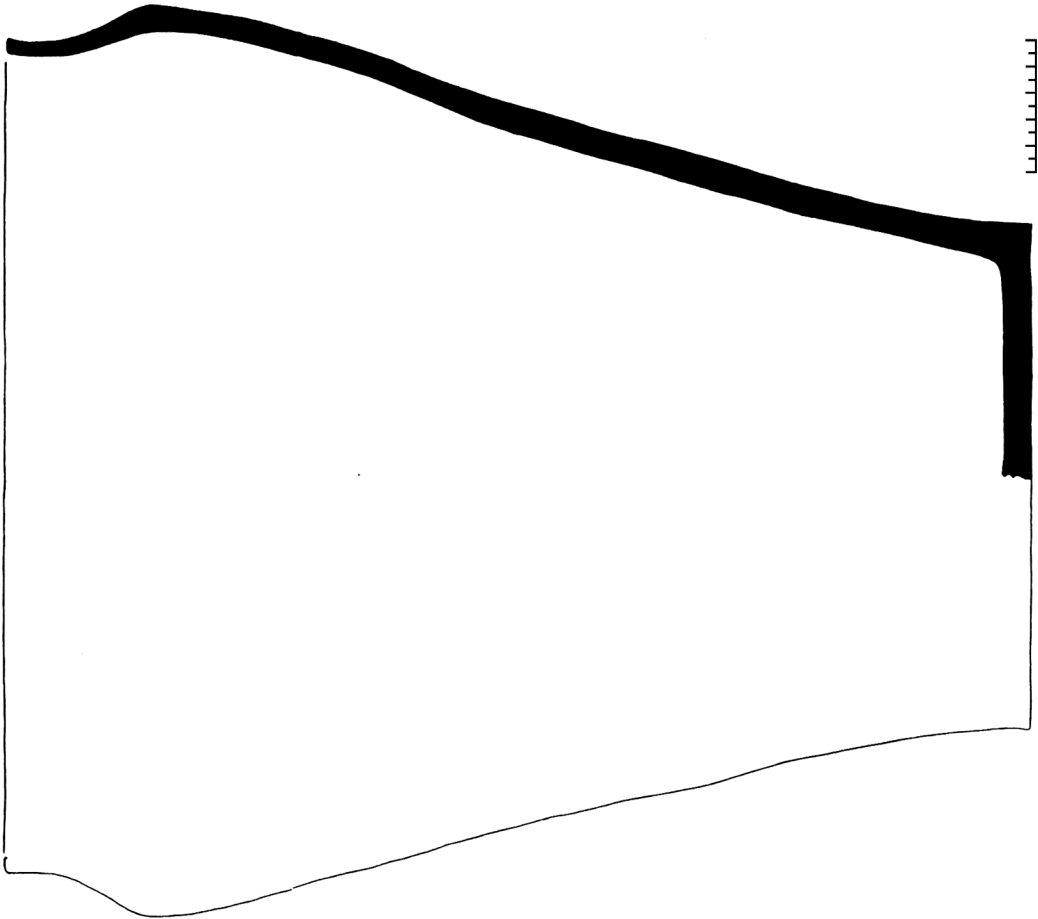
Ил. 72. Земляное городище. Керамика горизонта E₁: 1 — ЛД-6, 7, 77, 88; 2 — ЛД-78, 87, 88, 120, 121, ЛДГ-64; 3 — ЛД-127; 4 — ЛД-124; 5 — Л-500. 1 — тип ФVШ; 2 — тип ФVШ; 3, 5 — тип ФI; 4 — тип ФII

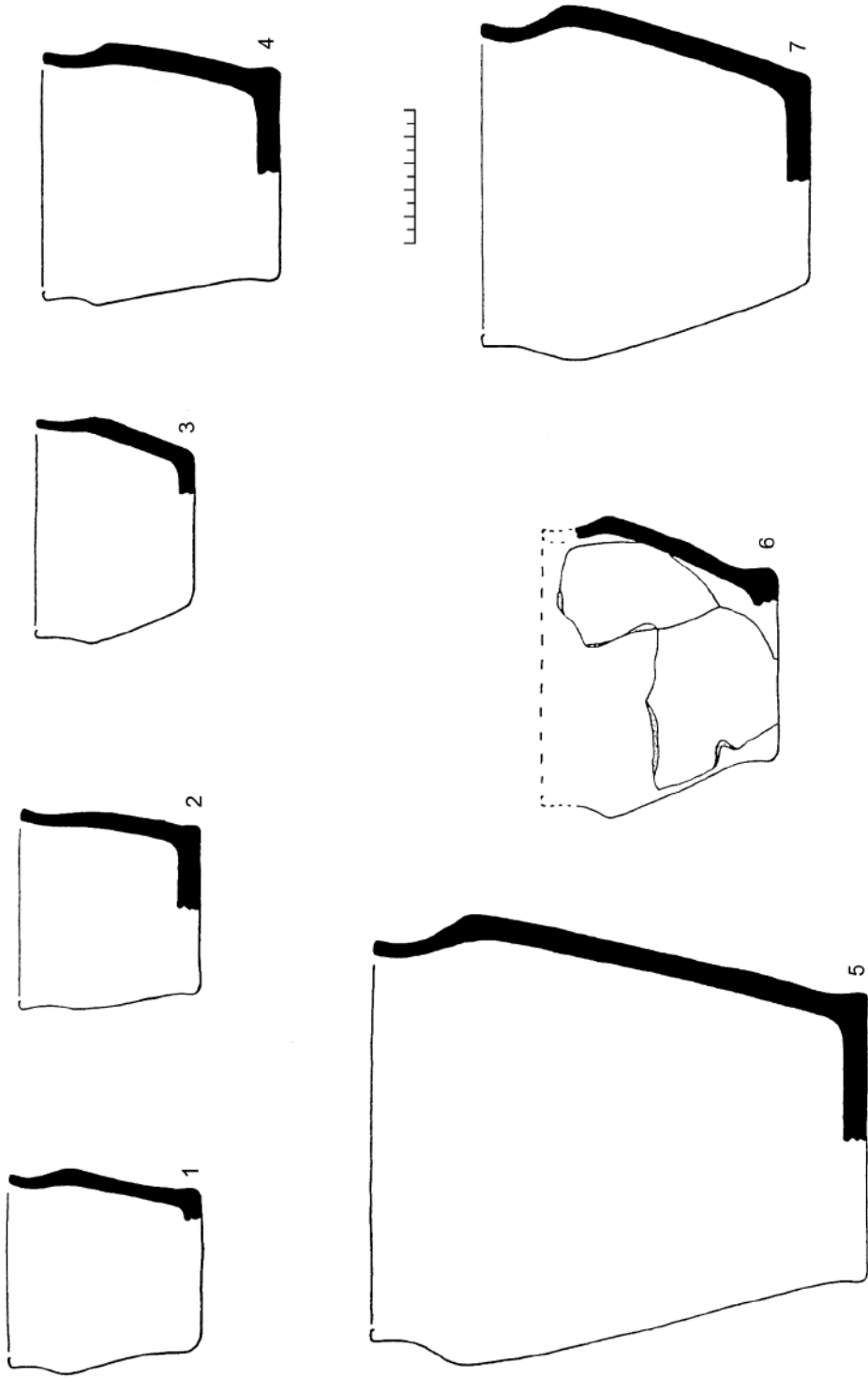
Ил. 73. Земляное городище. Керамика горизонта E₁: 1 — ЛД-93; 2 — ЛД-58, 65, 128; 3 — ЛД-74; 4 — ЛД-132; 5 — ЛД-110; 6 — ЛД-106.
1, 2 — тип 1; 3 — тип 5; 4 — тип 4; 5 — тип 7; 6 — тип 8

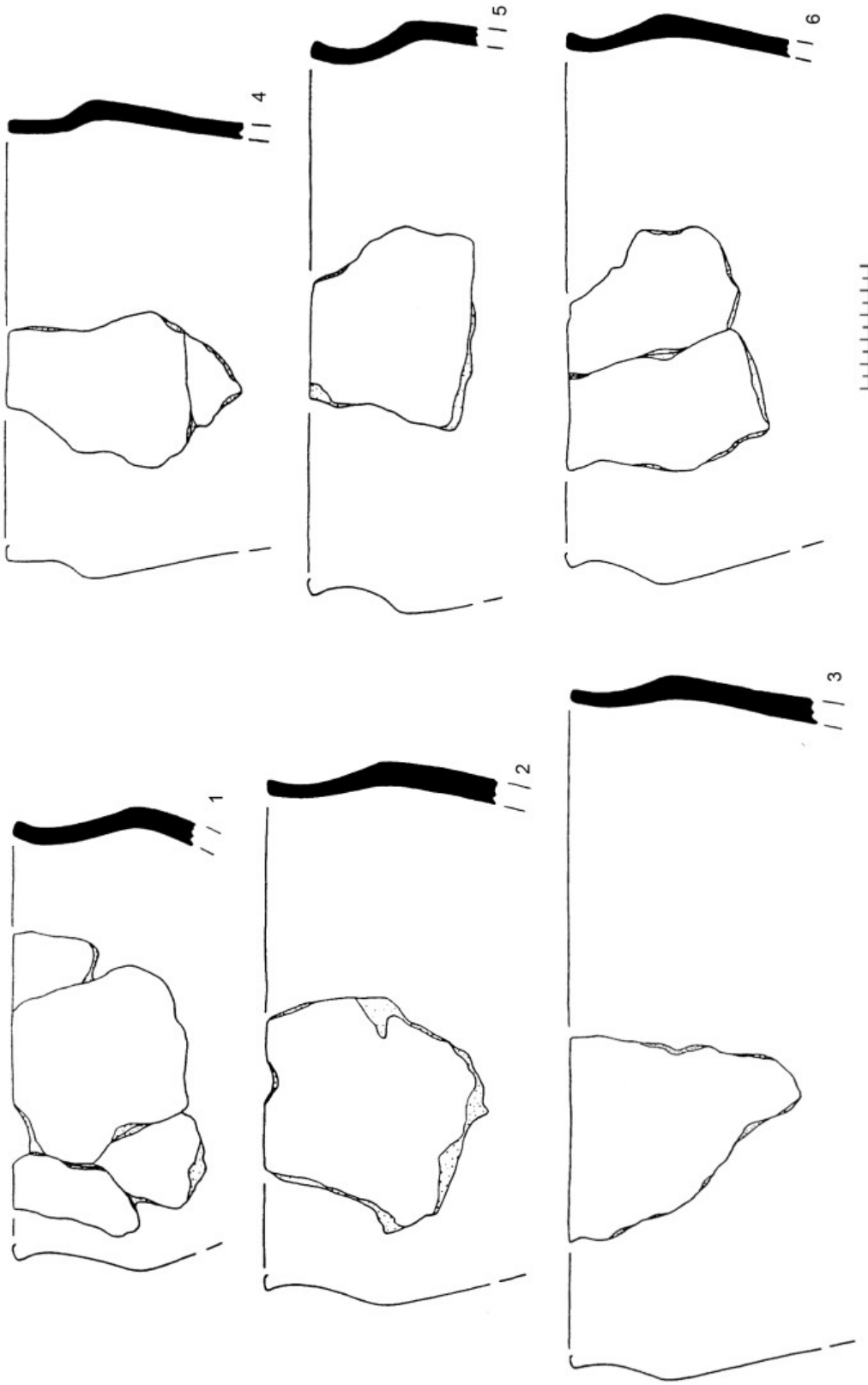
Ил. 75. Земляное городище. Керамика горизонтов Д_{нижнее} —
Е₁: ЛД- 29, 30, 75, 84, 89, 91, 102, 107. Тип Ф1

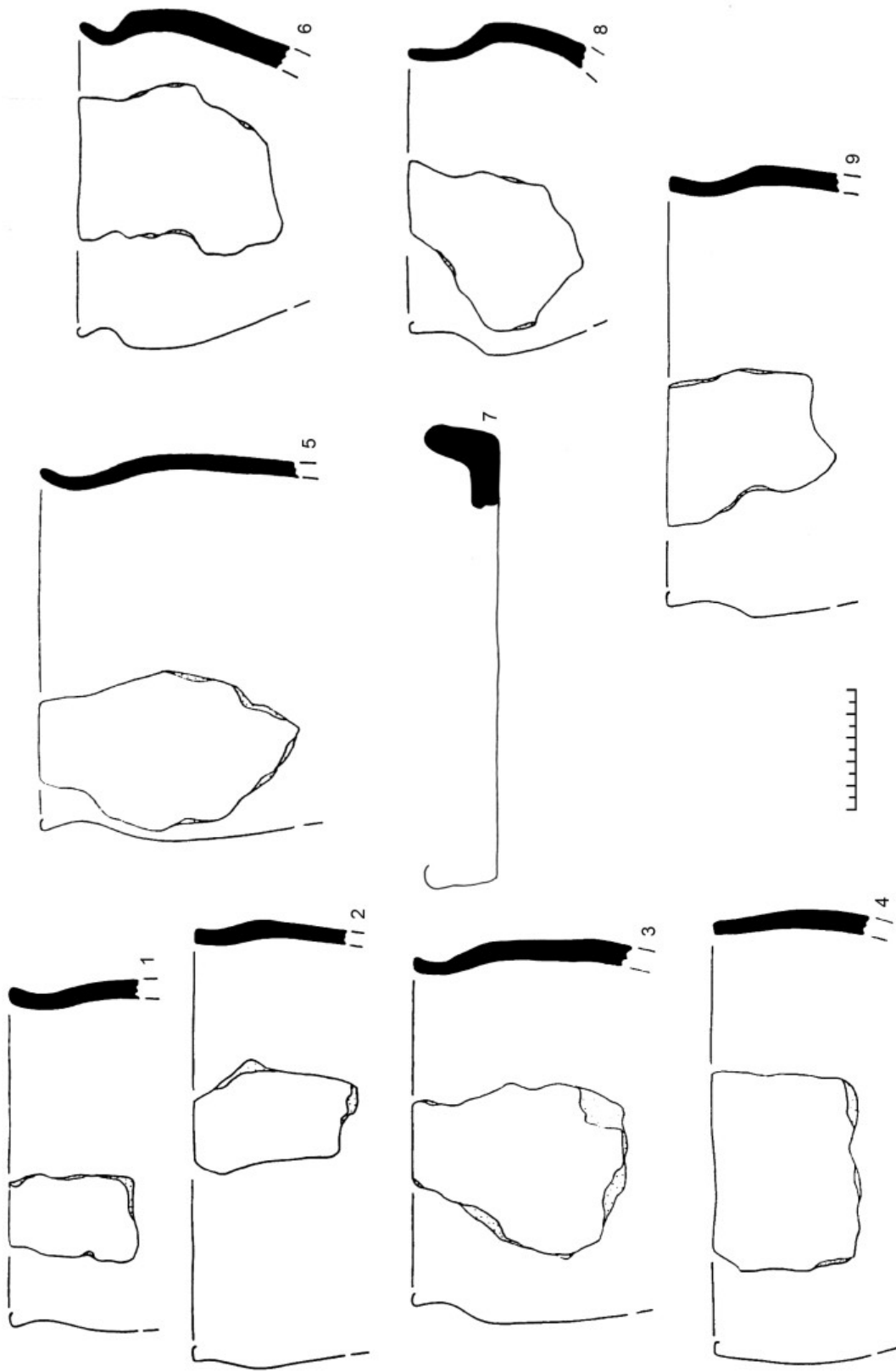
Ил. 74. Земляное городище. Керамика горизонта Е₁: ЛД-131. Тип Ф1Б

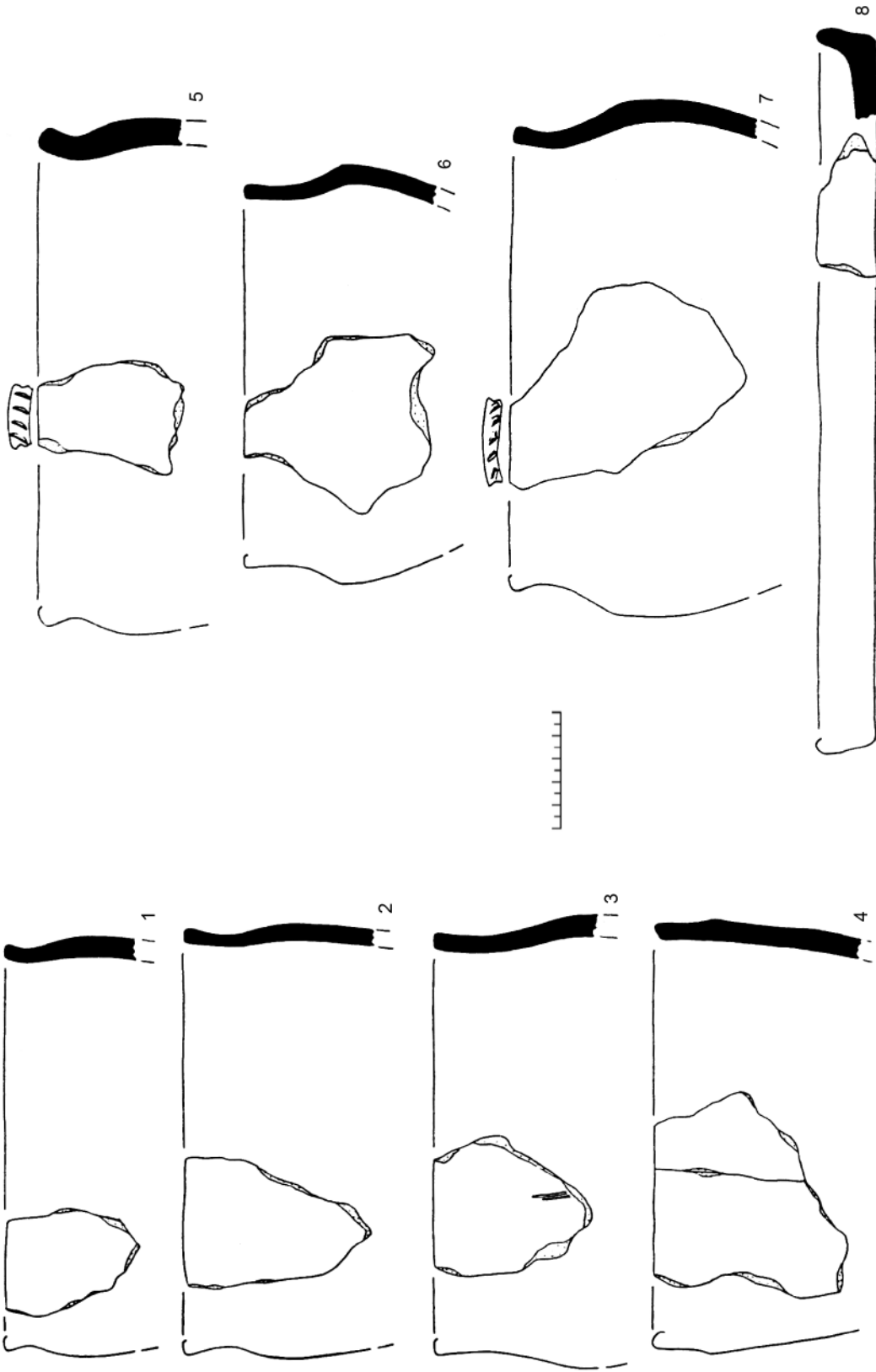
Ил. 76. Земляное городище. Керамика горизонта Д: 1 — ЛГ-219; 2 — ЛД-47; 3 — ЛД-3; 4 — ЛДГ-3; 5 — ЛД-66; 6 — ЛД-8, 10, 31, 55; 7 — ЛГ-218. 1, 2, 4 — тип 4; 3 — тип ФВ; 5 — тип ФVШ; 6 — тип ФШ; 7 — тип ФIA

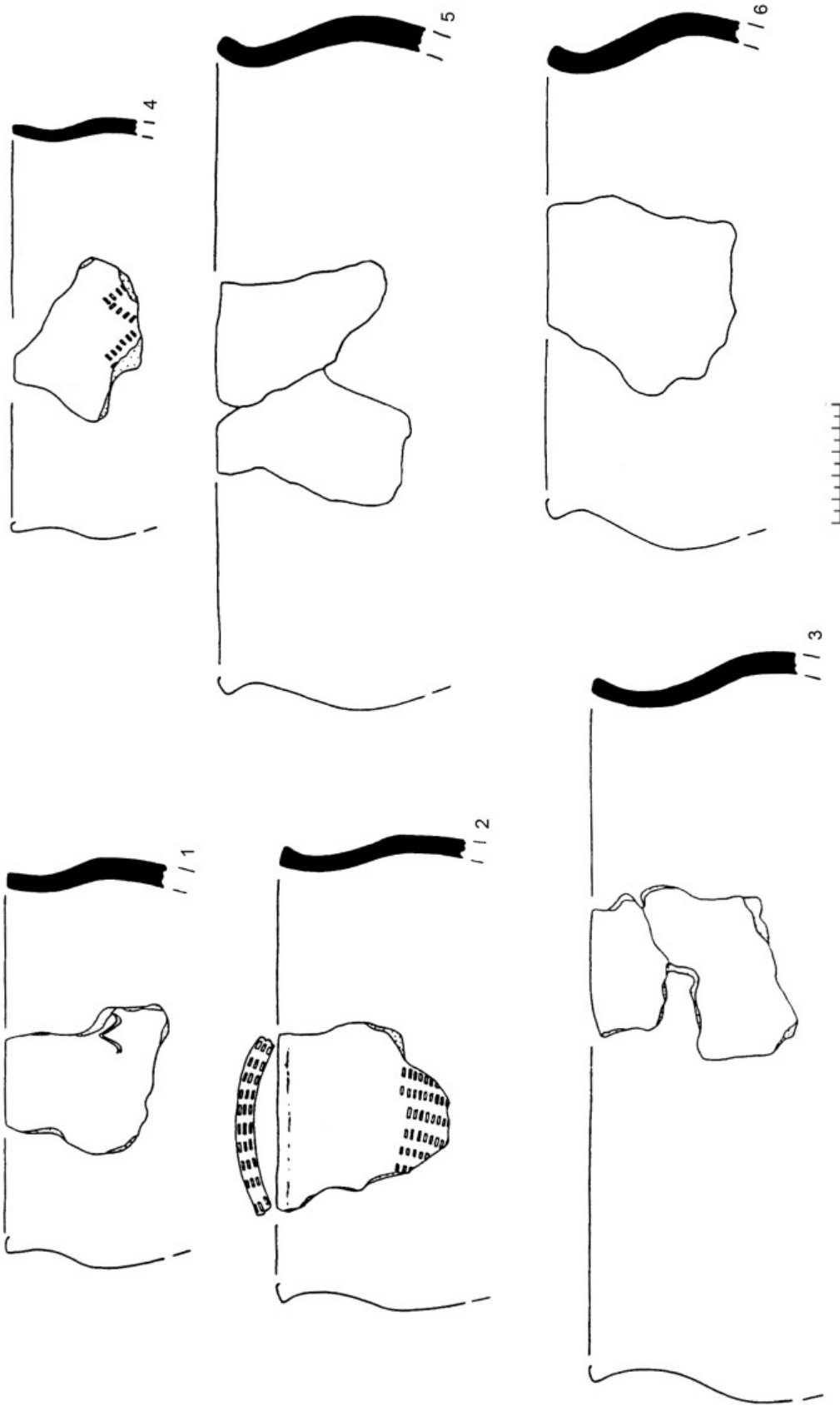
Ил. 77. Земляное городище. Керамика горизонта Д: 1 — ЛГ-218; 2 — ЛГ-156; 3 — ЛГ-185; 4 — ЛГ-203; 5 — ЛД-58; 6 — ЛГ-185. 1-6 — тип 1

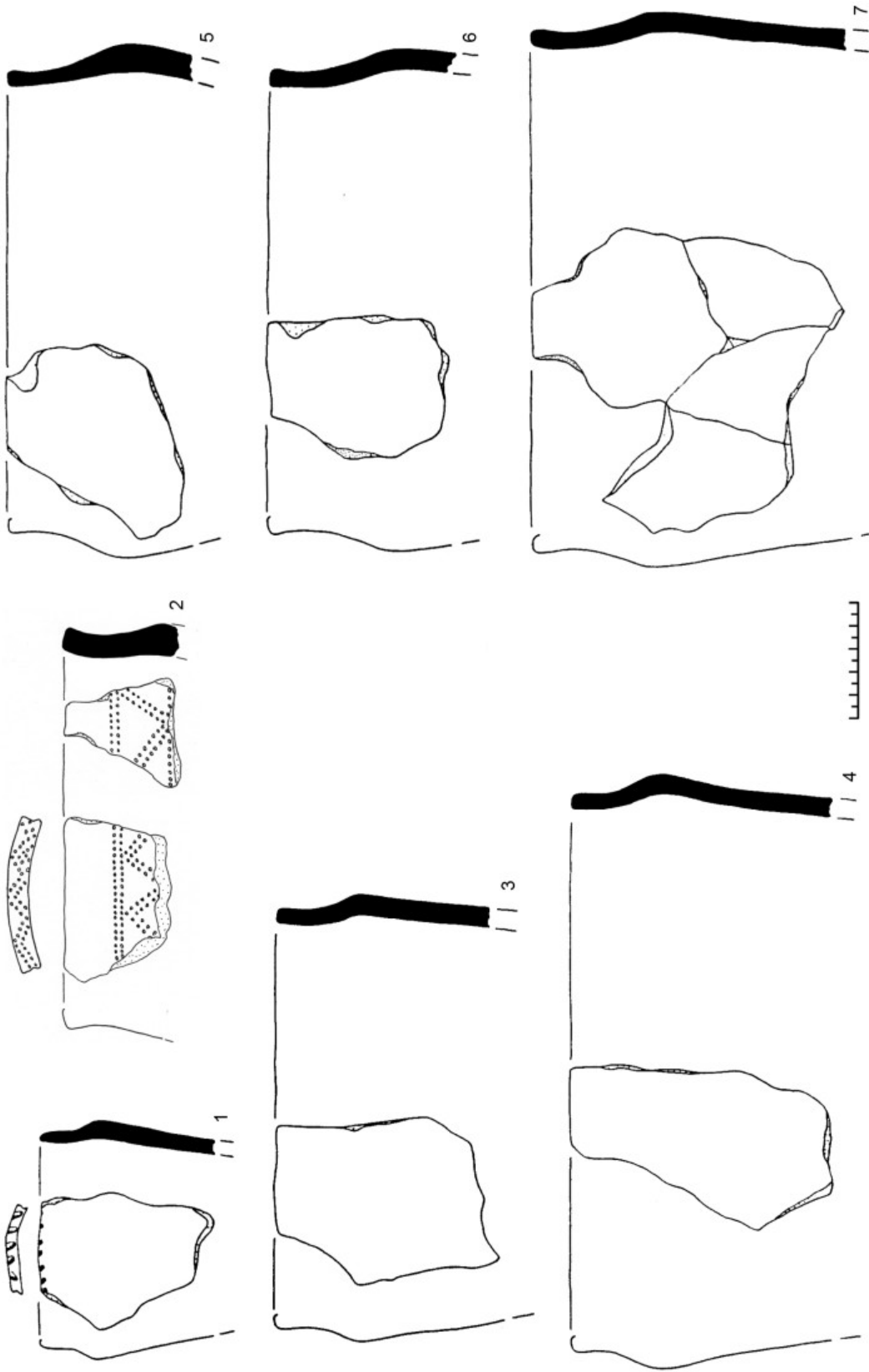
Ил. 78. Земляное городище. Керамика горизонта Д: 1 — ЛС-97; 2 — ЛС-60; 3 — ЛС-73; 4-6 — ЛС-5; 7 — ИЭ-81/ЗГ-1599 (336-1/50); 8 — ЛС-32; 9 — ЛС-5. 1, 5 — тип 5; 2, 3 — тип 7; 4 — тип 6; 6, 8 — тип 3; 7 — сковорода типа Ф.І; 9 — тип 1

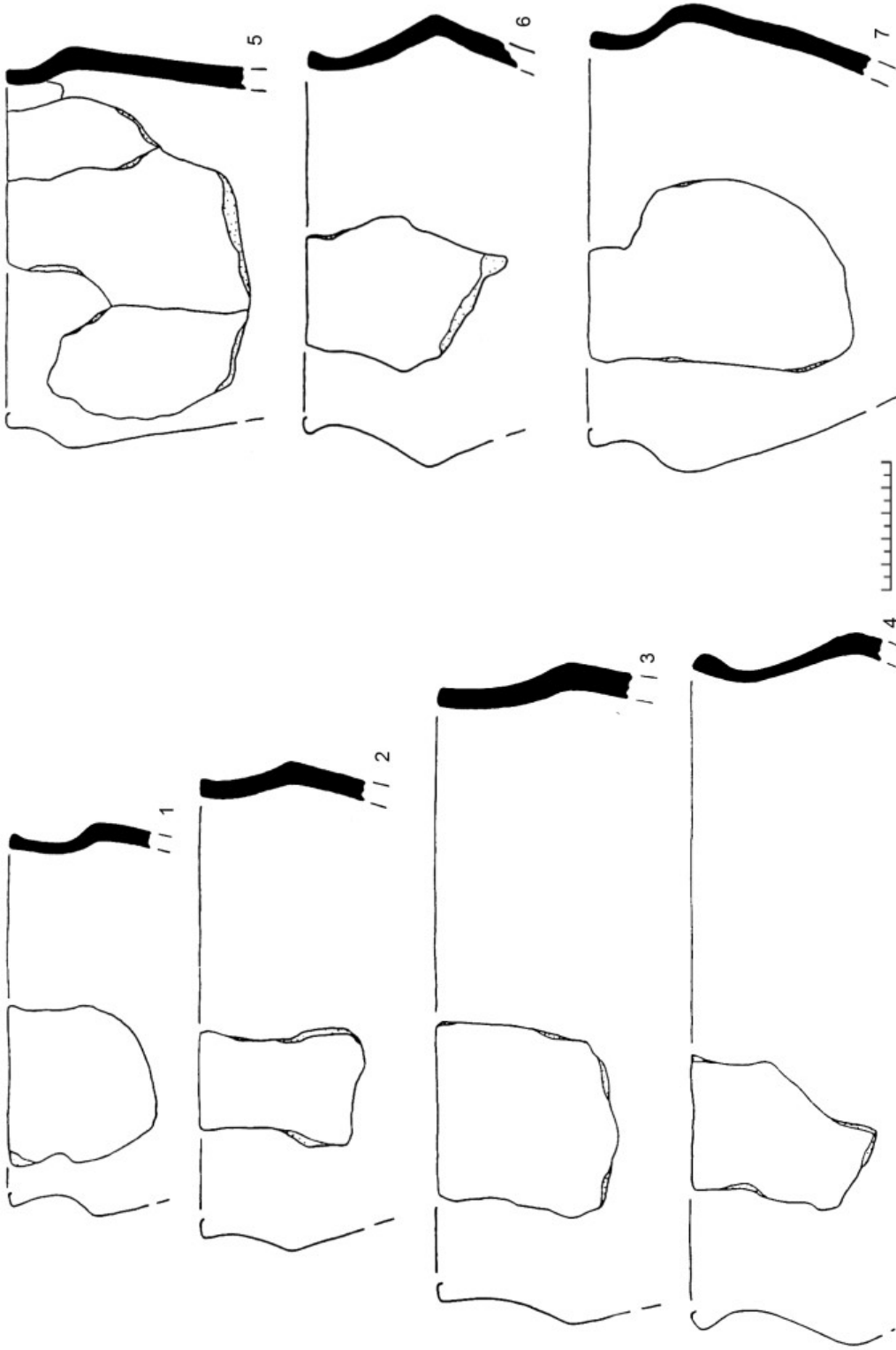
Ил. 79. Земляное городище. Керамика горизонта Д: 1 — СЛ-1025; 2 — СЛ-1284; 3 — СЛ-1504; 4 — СЛ-1125; 5 — СЛ-1413; 6 — СЛ-1414; 7, 8 — СЛ-1541. 1, 5 — тип 7; 2, 3 — тип 5; 4 — тип 4; 6 — тип 1; 7 — тип 3; 8 — скорода типа ФД

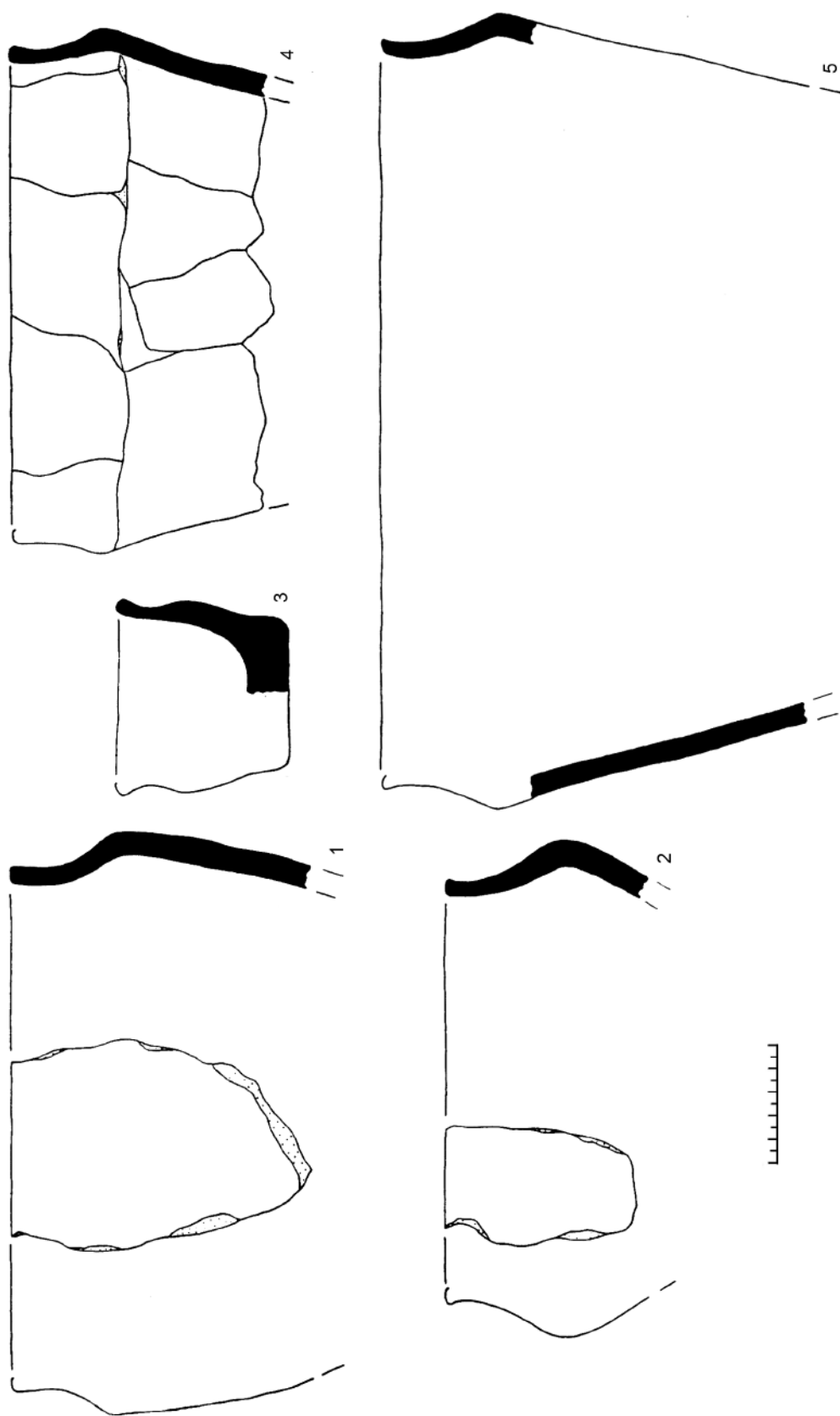
Ил. 81. Земляное городище. Керамика горизонта Д: 1 — СЛ-611; 2 — СЛ-1042; 3 — СЛ-504; 4 — СЛ-1080; 5 — СЛ-1317; 6 — СЛ-1311.
1, 2 — тип I; 3, 5, 6 — тип 3; 4 — тип 5

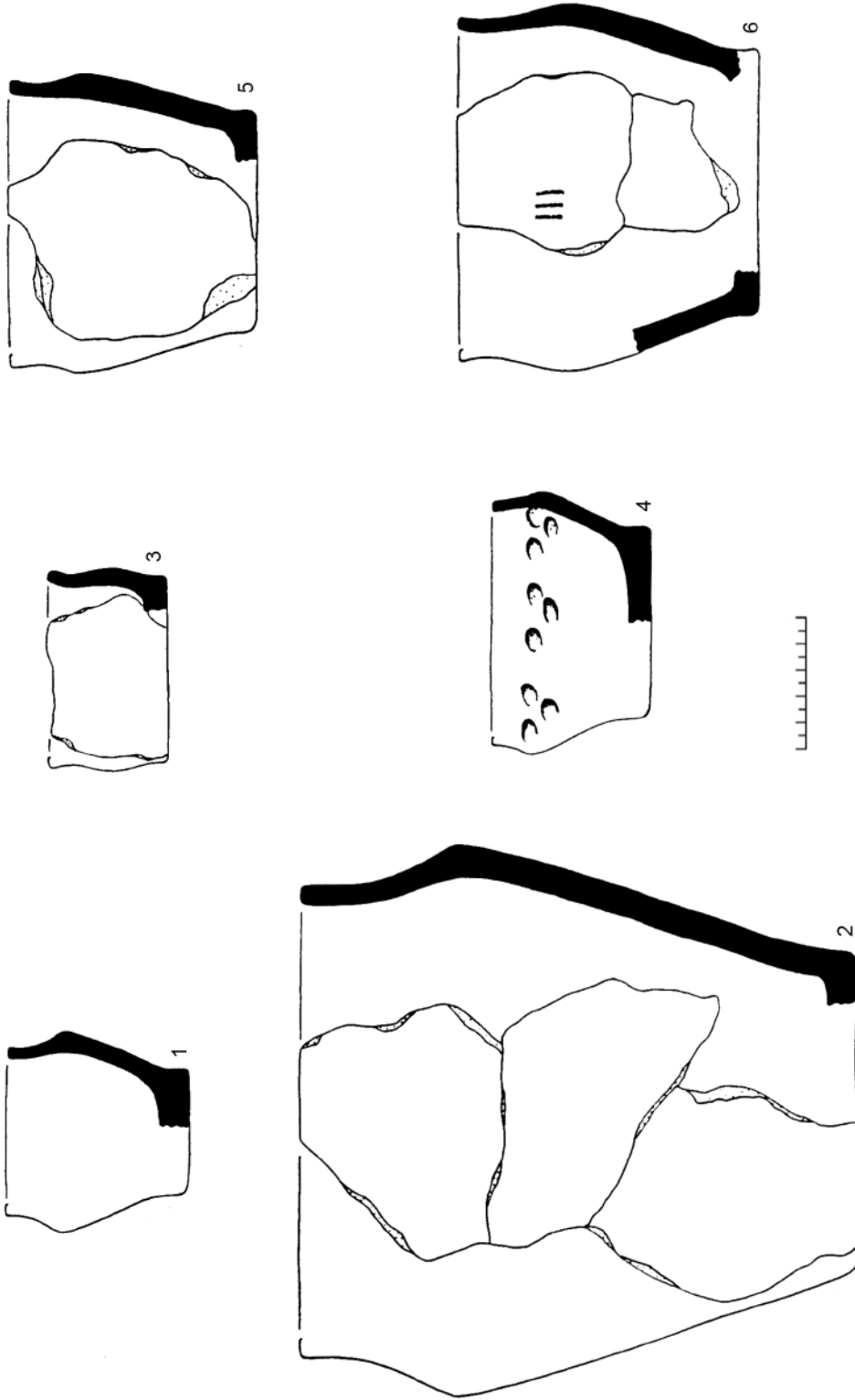
Ил. 82. Земляное городище. Керамика горизонта Д: 1 — СЛ-132; 2 — ЛА-605; 3 — СЛ-1164; 4 — СЛ-943; 5 — СЛ-508; 6 — СЛ-543; 7 — СЛ-589. 1–4, 7 — тип 4; 5, 6 — тип 5

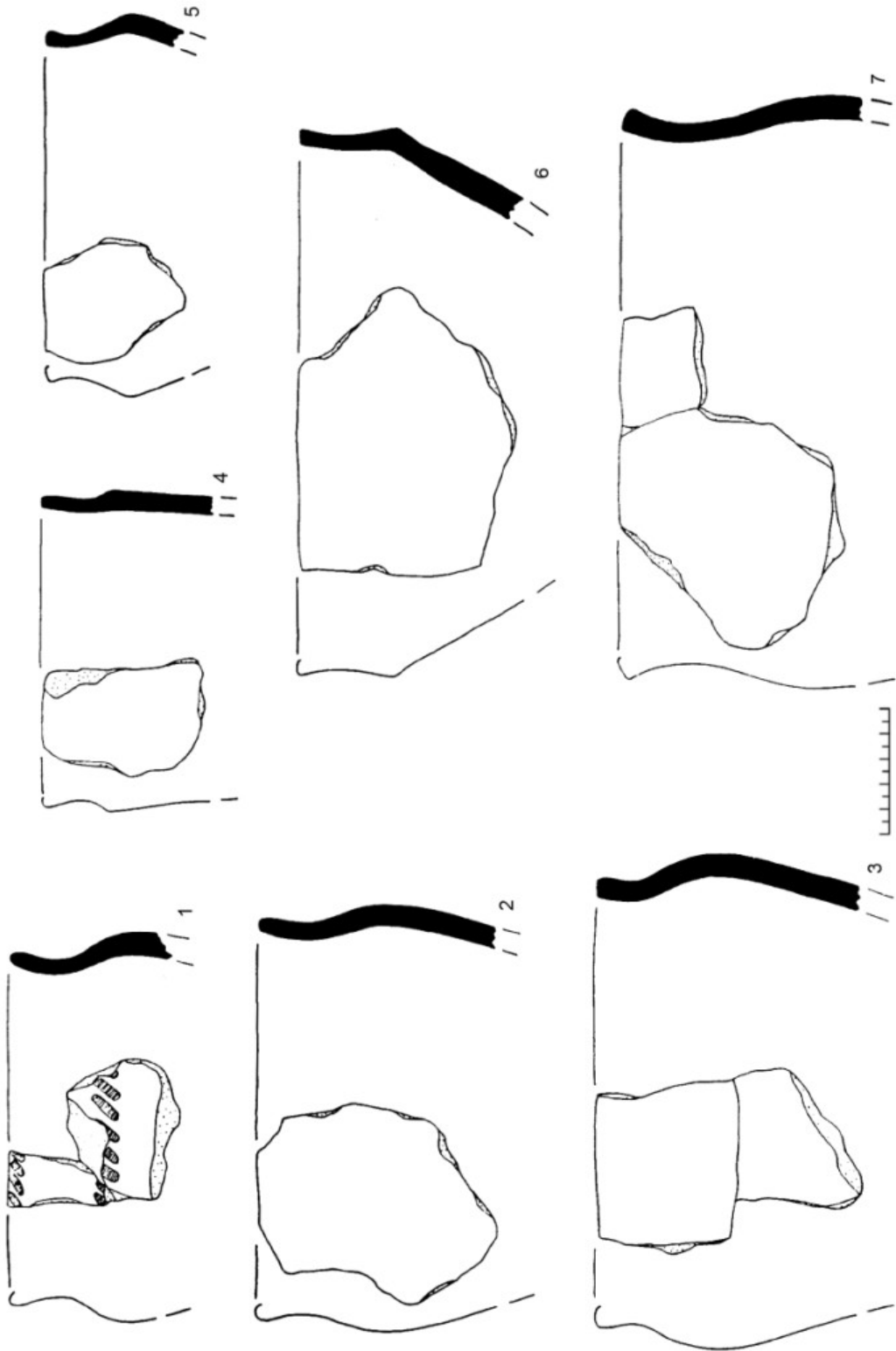
Ил. 83. Земляное городище. Керамика горизонта Д: 1 — СЛ-1045; 2 — СЛ-1182; 3 — СЛ-378; 4 — СЛ-1482; 5 — СЛ-1169, 1170; 6 — СЛ-1284; 7 — СЛ-1066. 1-4, 6, 7 — тип 1; 5 — тип 4

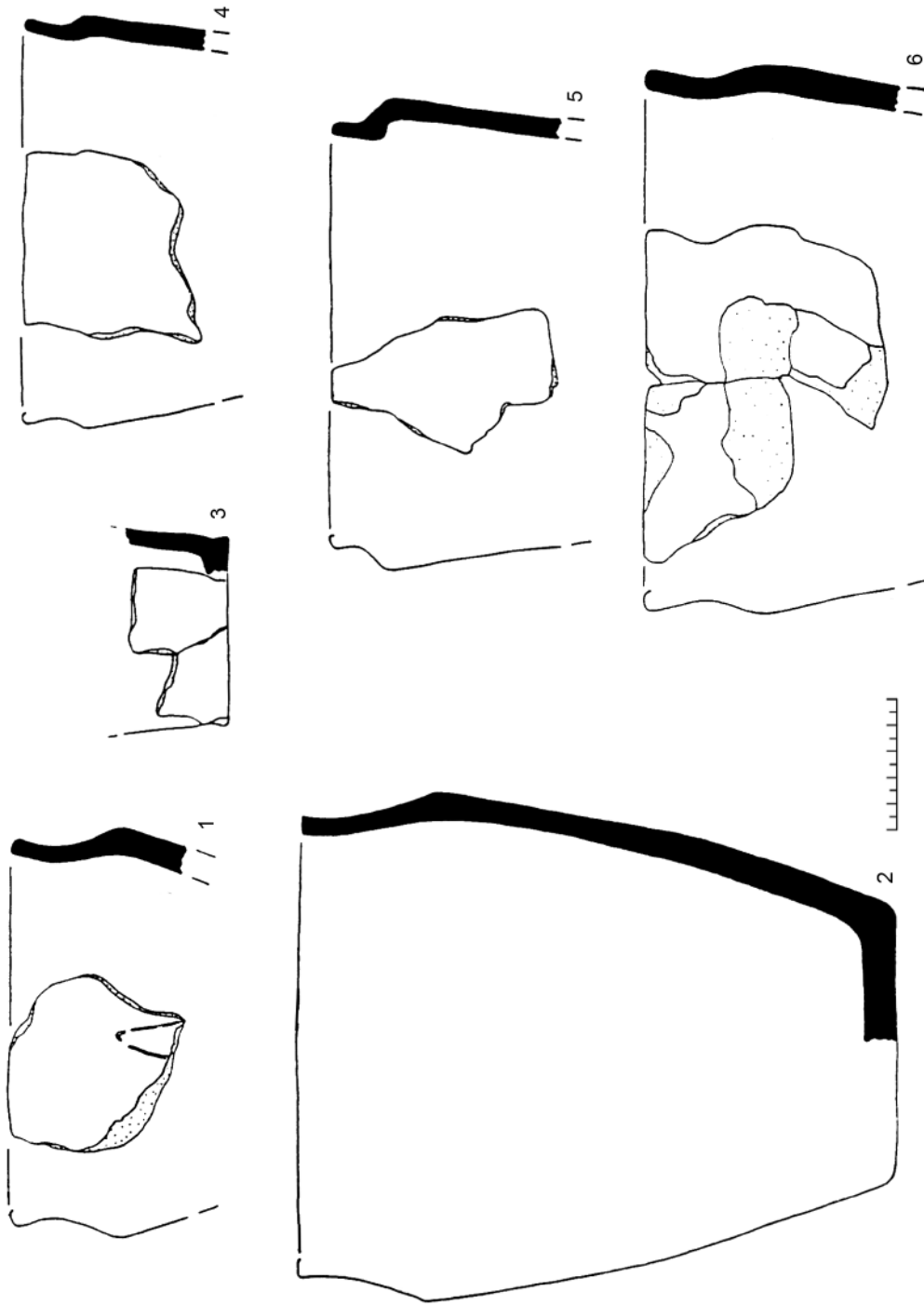
Ил. 84. Земляное городище. Керамика горизонта Д (Д-Е₁?): 1 — ИЭ-1981/ЗГ-1579; 2 — СЛ-525; 3 — Л-1020; 4 — Л-558; 5 — ИЭ-1982/ЗГ-1155. 1, 4, 5 — тип 1; 2 — тип 3; 3 — тип 4

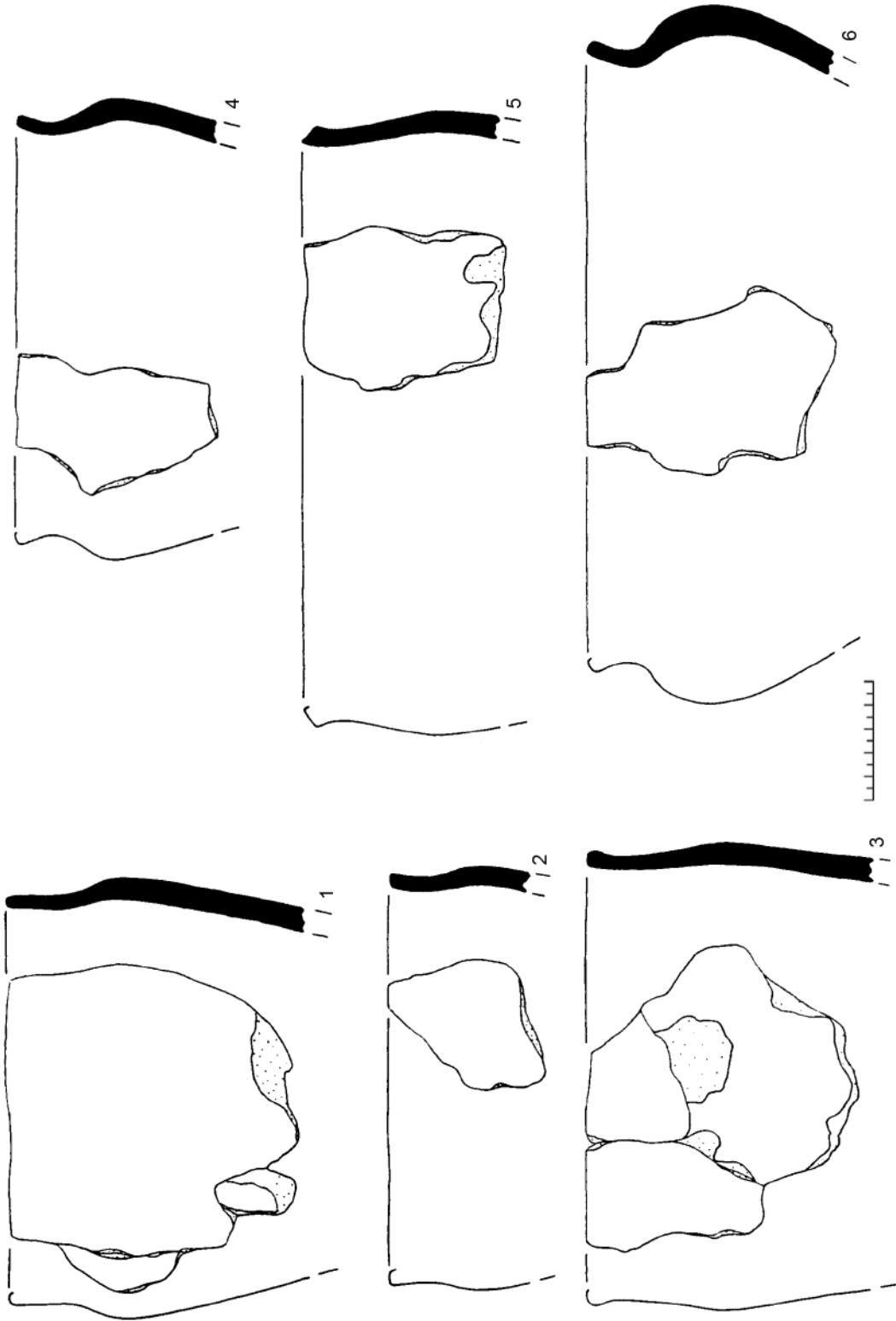
Ил. 85. Земляное городище. Керамика горизонта Д: 1 — СЛ-1084; 2 — СЛ-444, 464; 3 — СЛ-1299; 4 — СЛ-1416; 5 — СЛ-905; 6 — СЛ-1462, 1480. 1, 2 — тип ФІА; 3, 6 — тип ФV; 4 — тип ФVІ; 5 — тип ФVІІ

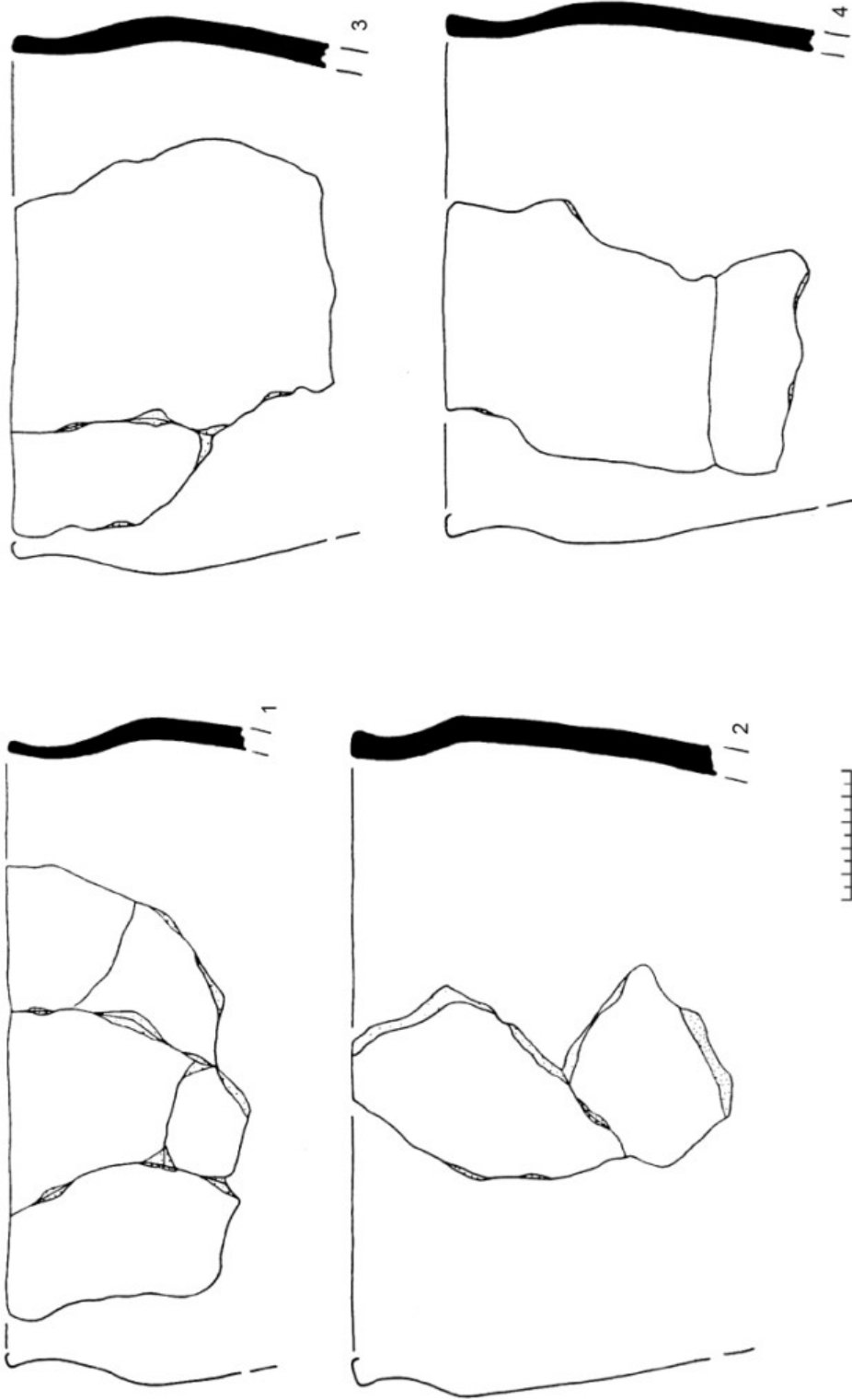
Илл. 86. Земляное городище. Керамика горизонта Д: 1 — ЛД-23, 26; 2 — ЛД-206; 3, 4 — ЛГ-203; 5 — ЛГ-185; 6 — ЛГ-166; 7 — ЛГ-175. 1, 3 — тип 3; 2, 7 — тип 5; 4 — тип 4; 5 — тип 1; 6 — тип 9

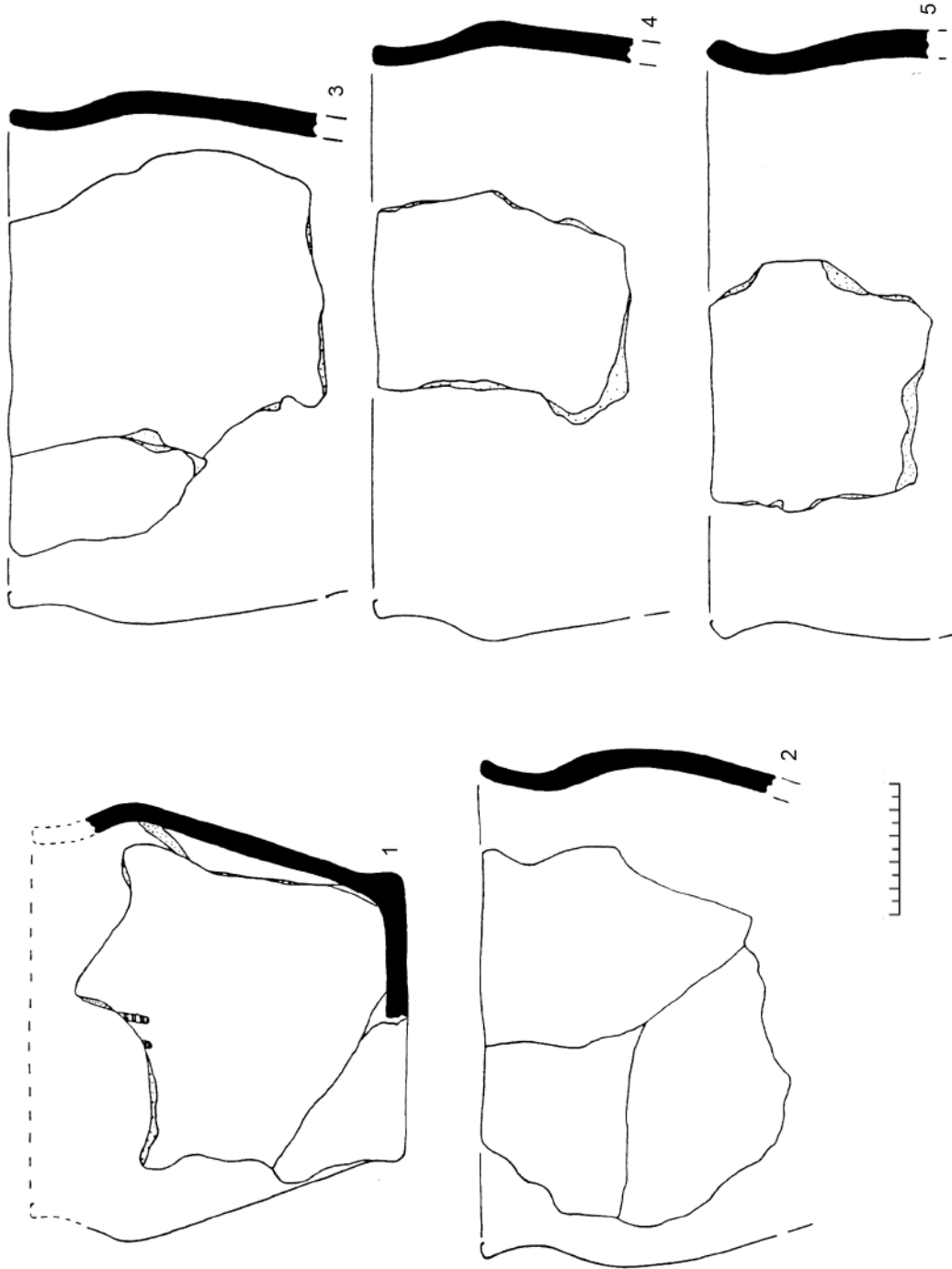
Ил. 87. Земляное городище. Керамика горизонта Д (жилище 1, раскопки 1957–1958 гг.): 1 — ЛГ-145; 2 — ЛГ-221; 3 — ЛД-46; 4 — ЛД-5; 5 — ЛГ-208; 6 — ЛД-3, 4. 1, 4, 6 — тип 1; 2 — тип ФБ; 5 — тип 4

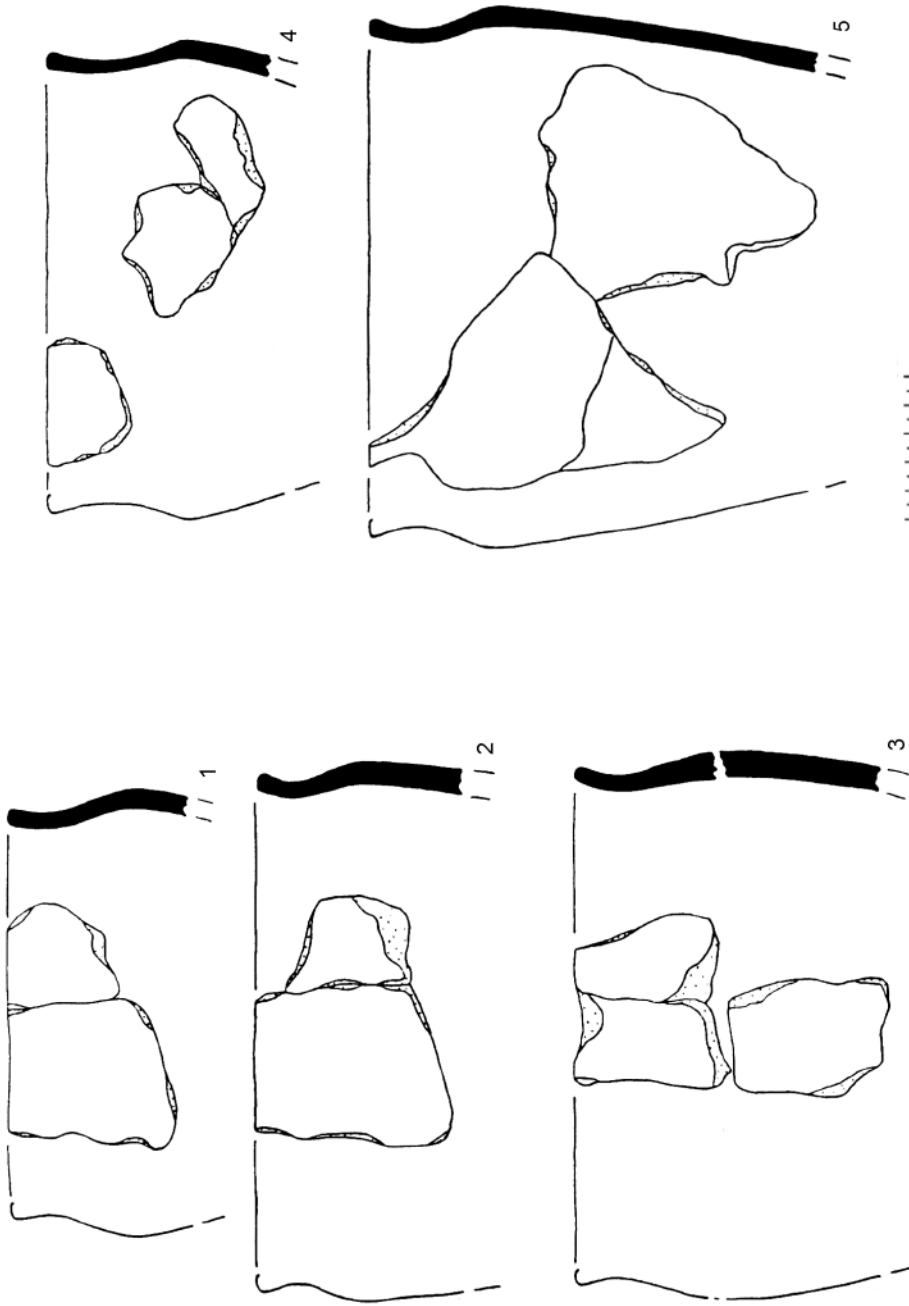
Ил. 88. Земляное городище. Керамика горизонта Д (жилище 1, раскопки 1957–1958 гг.): 1 — ЛД-45; 2 — ЛГ-221; 3 — ЛД-4, 6; 4 — ЛГ-175; 5 — ЛД-3; 6 — ЛГ-145. 1–3, 5 — тип 5; 4, 6 — тип 3

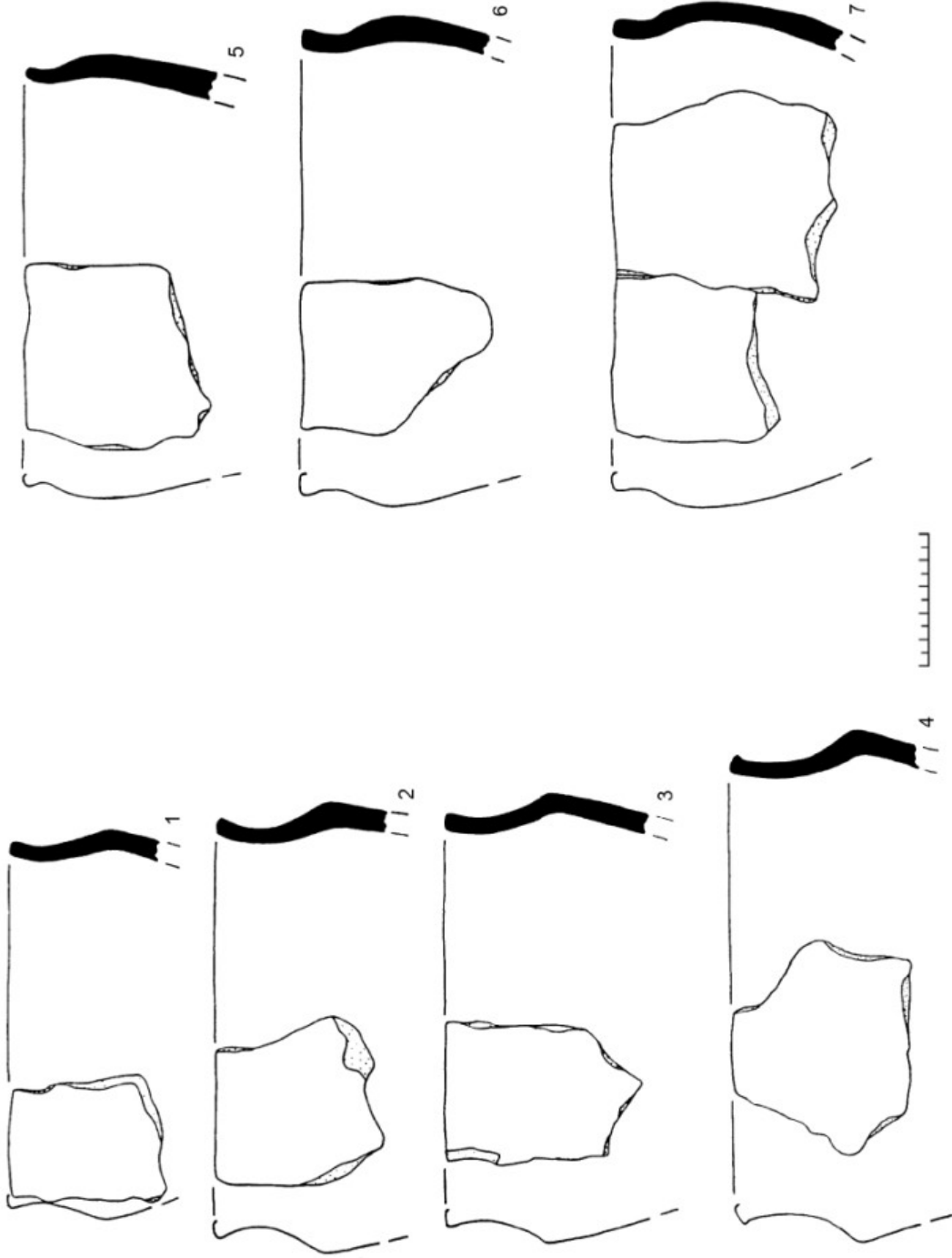
Ил. 89. Земляное городище. Керамика горизонта Д (жилище 2, раскопки 1957 г.): 1, 3, 4 — ЛГ-204; 2 — ЛГ-208. 1, 3, 4 — тип 5; 2 — тип 4

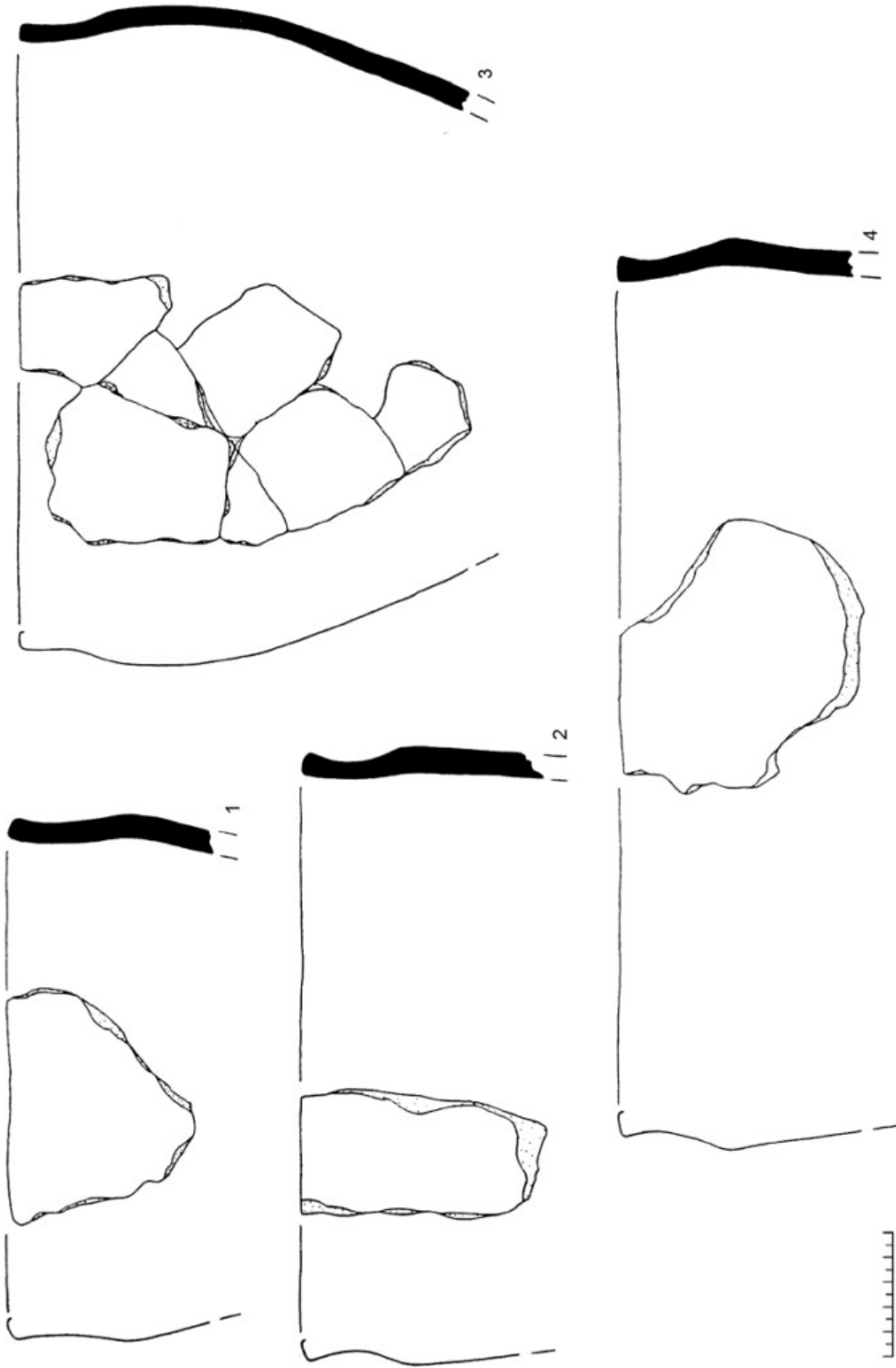
Ил. 90. Земляное городище. Керамика горизонта Д (жилище 2, раскопки 1957 г.): 1, 3, 4 — ЛГ-204; 2 — ЛГ-154; 5 — ЛГ-153. 1 — тип ФШ; 2 — тип 3; 3, 5 — тип 5; 4 — тип 4

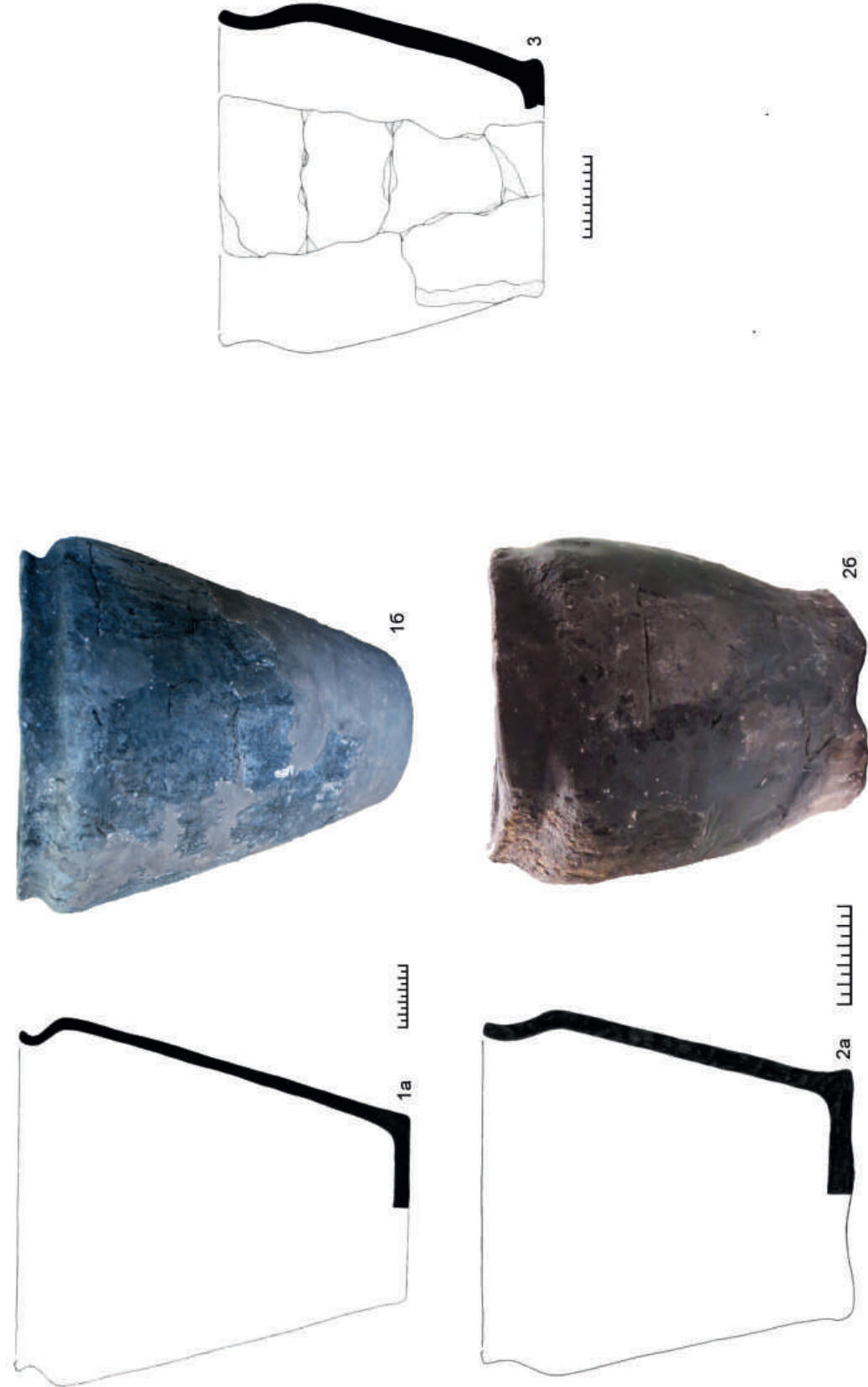
Ил. 91. Земляное городище. Керамика горизонта Д (жилище 2, раскопки 1958 г.): 1, 2 — ЛД-10, 11; 3, 4 — ЛД-8; 5 — ЛД-12. 1 — тип 3; 2 — тип 4; 3 — тип 5; 4, 5 — тип 1

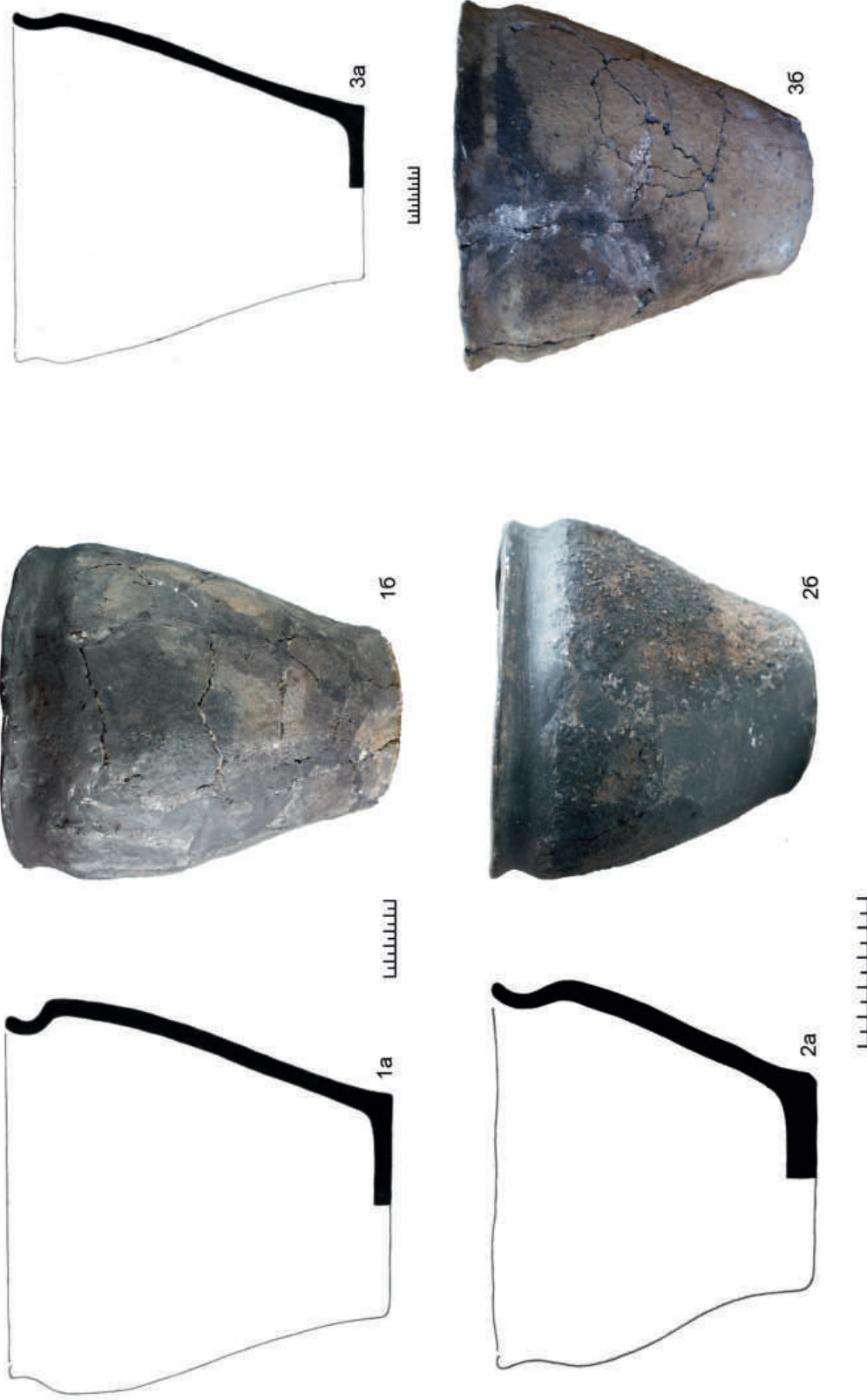
Ил. 92. Земляное городище. Керамика горизонта Д (жилище 3, раскопки 1957 г.): 1 — ЛГ-211; 2 — ЛГ-128; 3 — ЛД-23, 121; 4 — ЛГ-139; 5, 6 — ЛГ-220; 7 — ЛГ-152. 1–4 — тип 1; 5–7 — тип 7

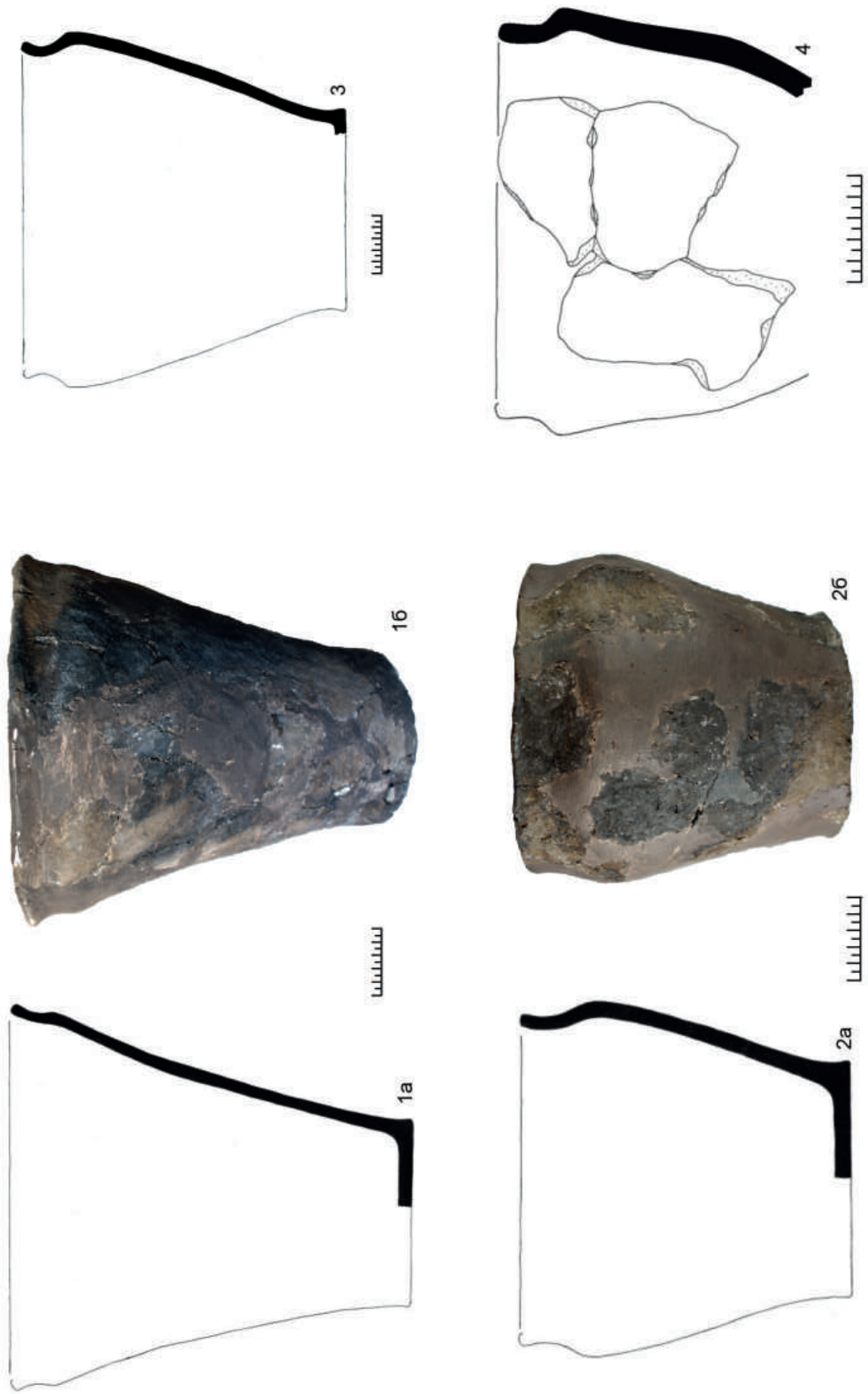
Ил. 93. Земляное городище. Керамика горизонта Д (жилище 3, раскопки 1957-1958 гг.): 1 — ЛГ-129; 2 — ЛД-18; 3 — ЛД-24, 89; 4 — ЛГ-174.
1, 3 — тип 8; 2, 4 — тип 4

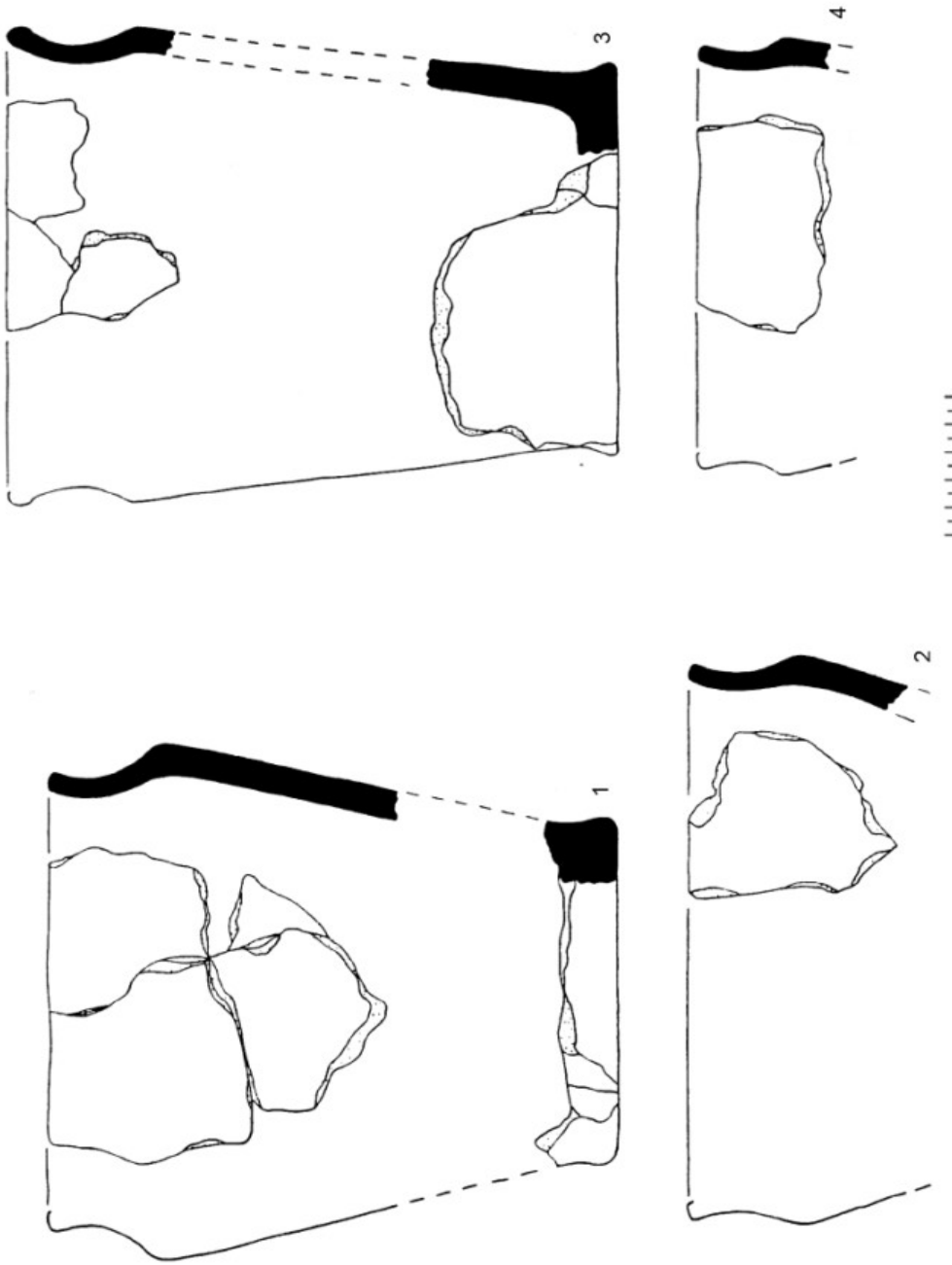
Ил. 94. Керамика из раскопок на Земляном городище в 2003–2005 и 2009 гг. (вторая половина IX в.): 1а, 1б — САЭ-2004/107, 108; 2а, 2б — САЭ-2009/45; 3 — САЭ-2005/16

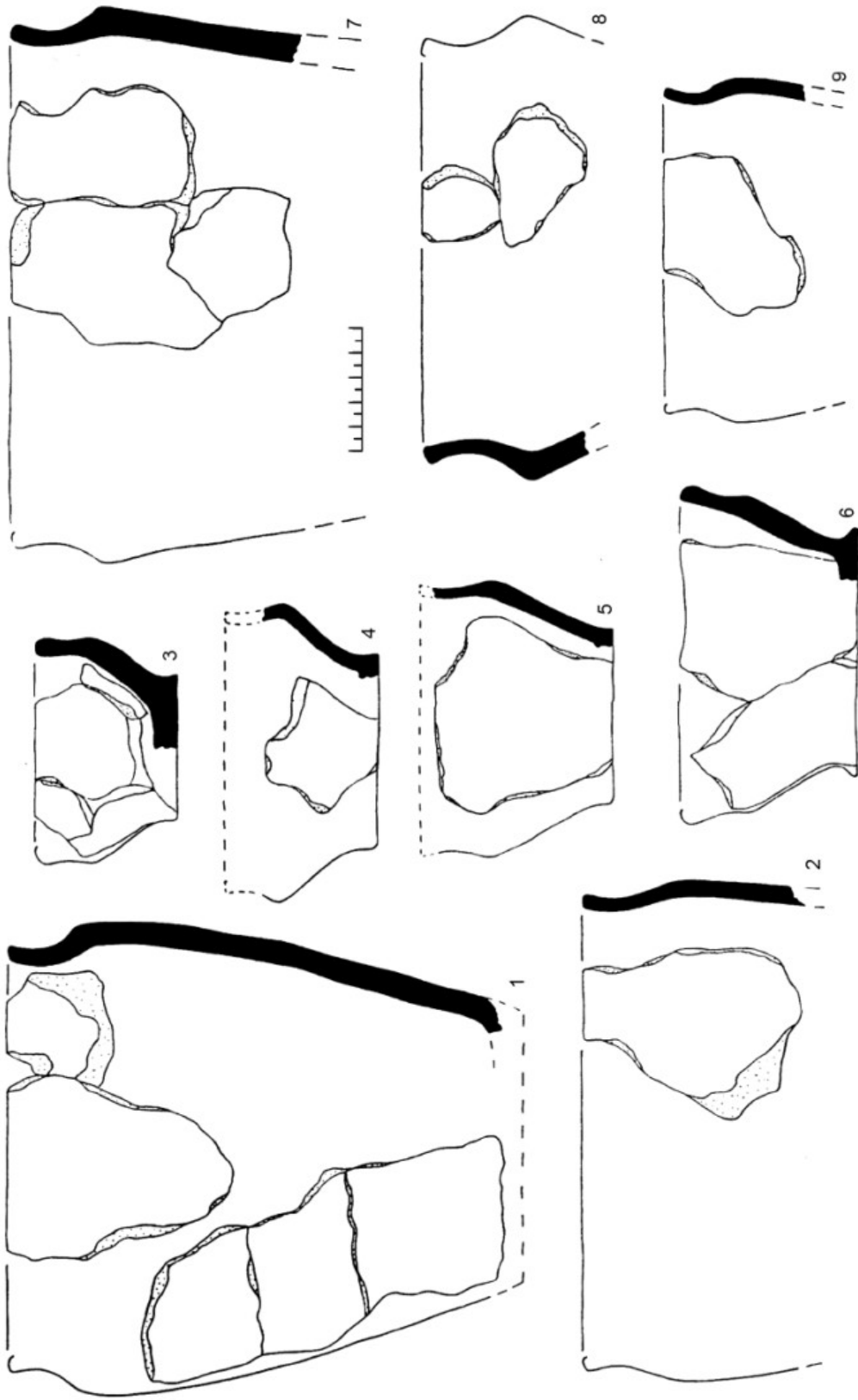
Ил. 95. Керамика из раскопок на Земляном городище в 2003–2005 и 2009 гг. (вторая половина IX в.): 1а, 1б — САЭ-2009/44 (СЛМ КП-99405/312 А-11/1677); 2а, 2б — САЭ-2009/96 (СЛМ КП-99405/315 А-11/1680); 3а, 3б — САЭ-2009/85,99 (СЛМ КП-99405/314 А-11/1679)

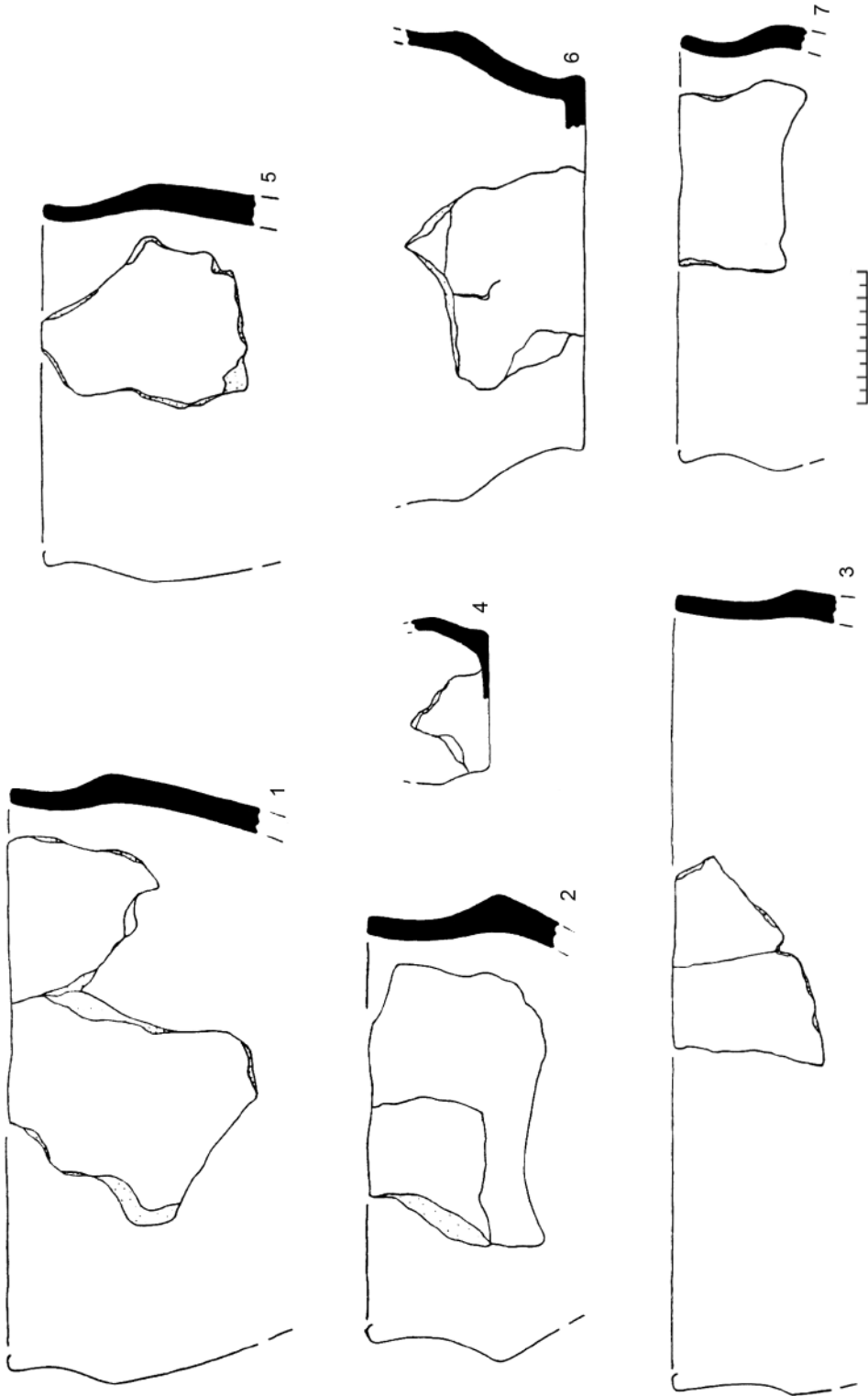
Ил. 96. Керамика из раскопок на Земляном городище в 2003–2005 и 2009 гг. (вторая половина IX в.): 1а, 1б — САЭ-2005/34; 2а, 2б — САЭ-2004/201, 261, 268; 3 — САЭ-2009/71; 4 — САЭ-2004/71

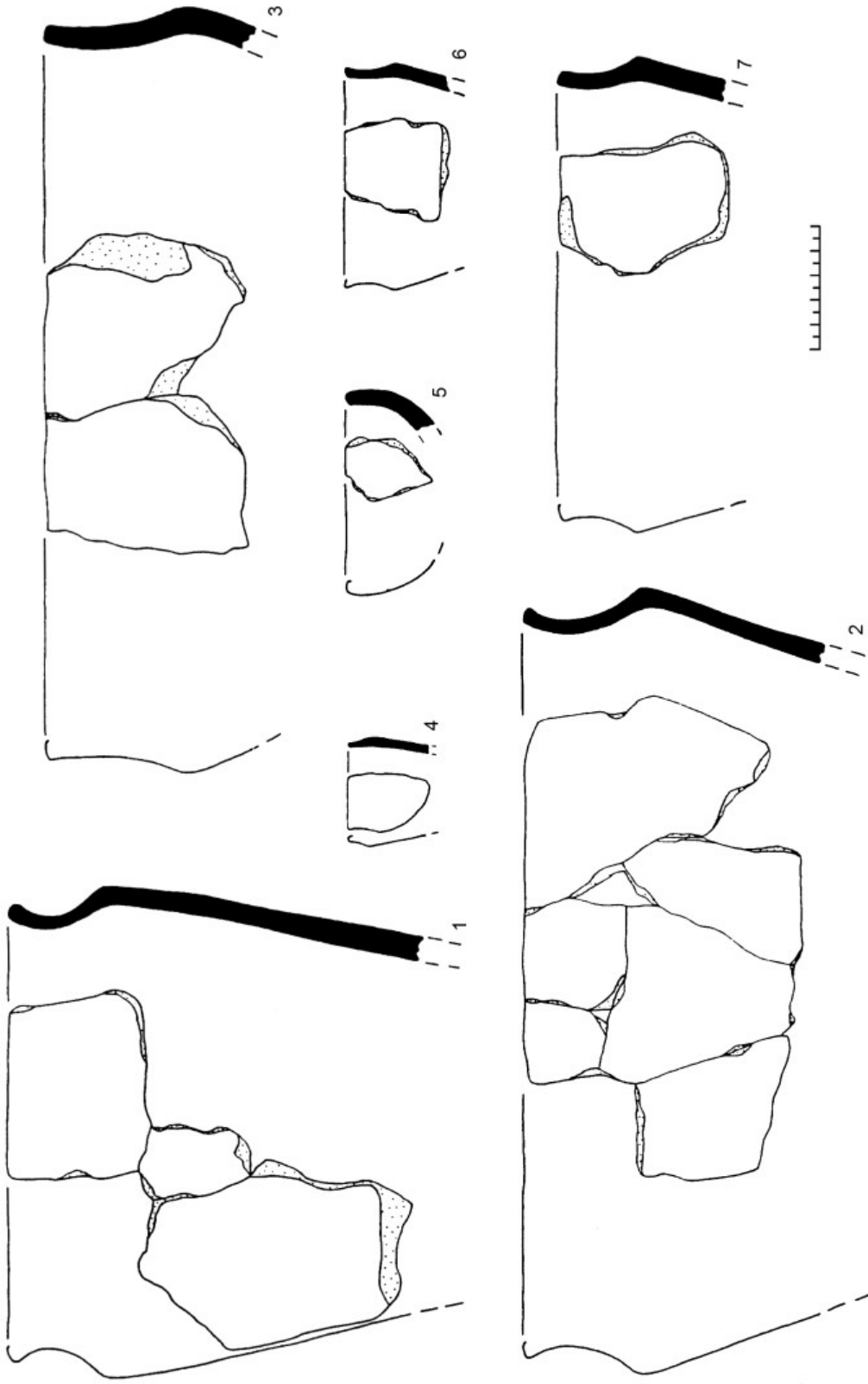
Ил. 97. Раскоп на Варяжской ул.: 1 — САЭ-1976/ЛП-3800, 3896, 3899; 2 — САЭ-1976/ЛП-4421 (1, 2 — штык 19 (пласт)); 3, 4 — САЭ-1976/б/шифра (яма в материке). 1-4 — тип 1

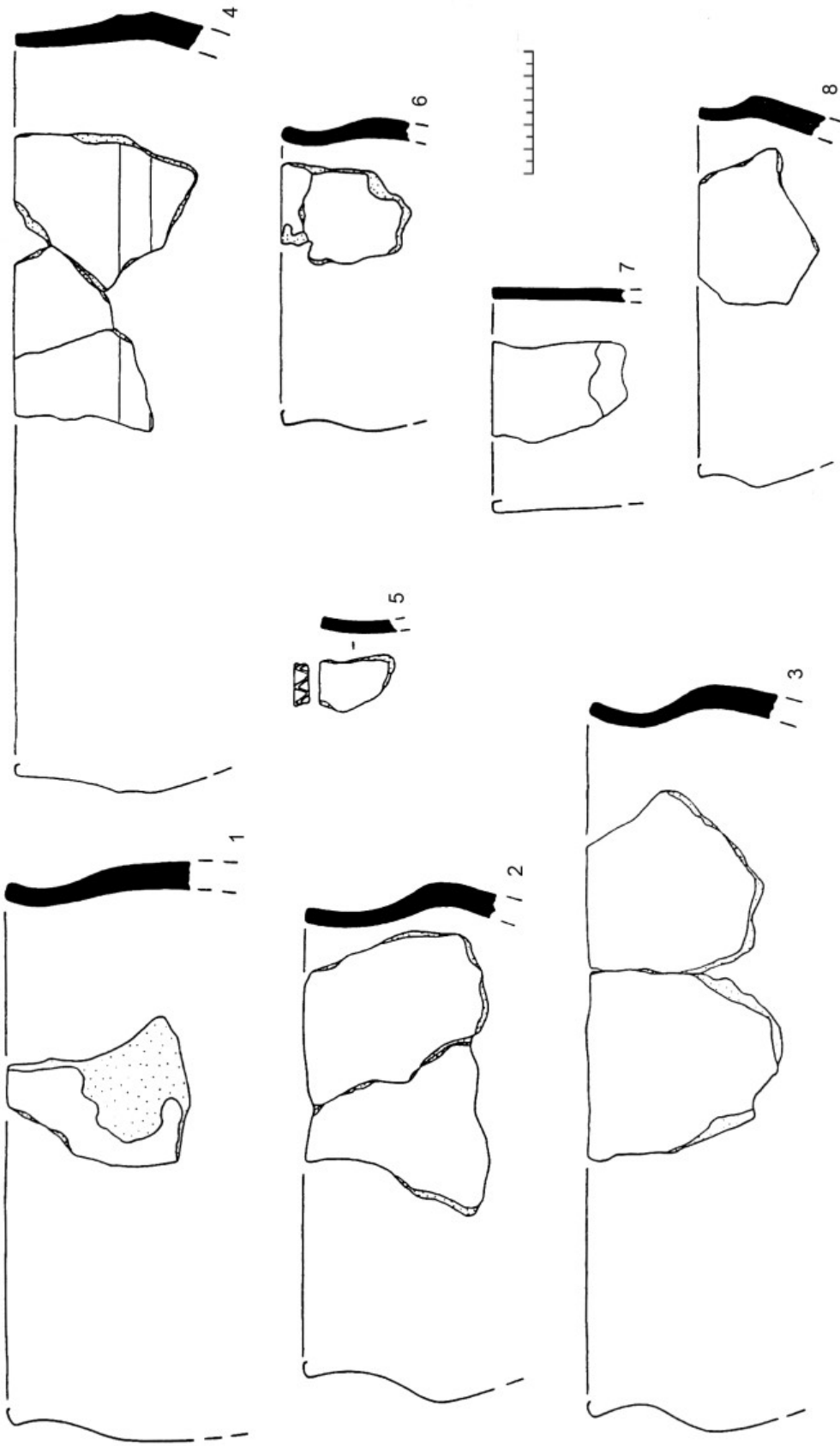
Ил. 98. Раскоп на Варяжской ул., штык 18: 1 — САЭ-1976/ЛП-3908, 4004, 4009, 4021, 3421; 2 — САЭ-1976/ б/шифра; 3 — САЭ-1976/ЛП-3614, 3617, 3621, 3628; 4 — САЭ-1976/ЛП-3658; 5 — САЭ-1976/ЛП-3905; 6 — САЭ-1976/ЛП-3204, 3537; 7 — САЭ-1976/ЛП-3655, 3678; 8 — САЭ-1976/ЛП-3921; 9 — САЭ-1976/ЛП-3652. 1 — тип Ф; 2 — тип 5; 3, 6 — миски типа Ф_М; 4, 5 — тип ФVП; 7, 8 — тип I; 9 — тип 3

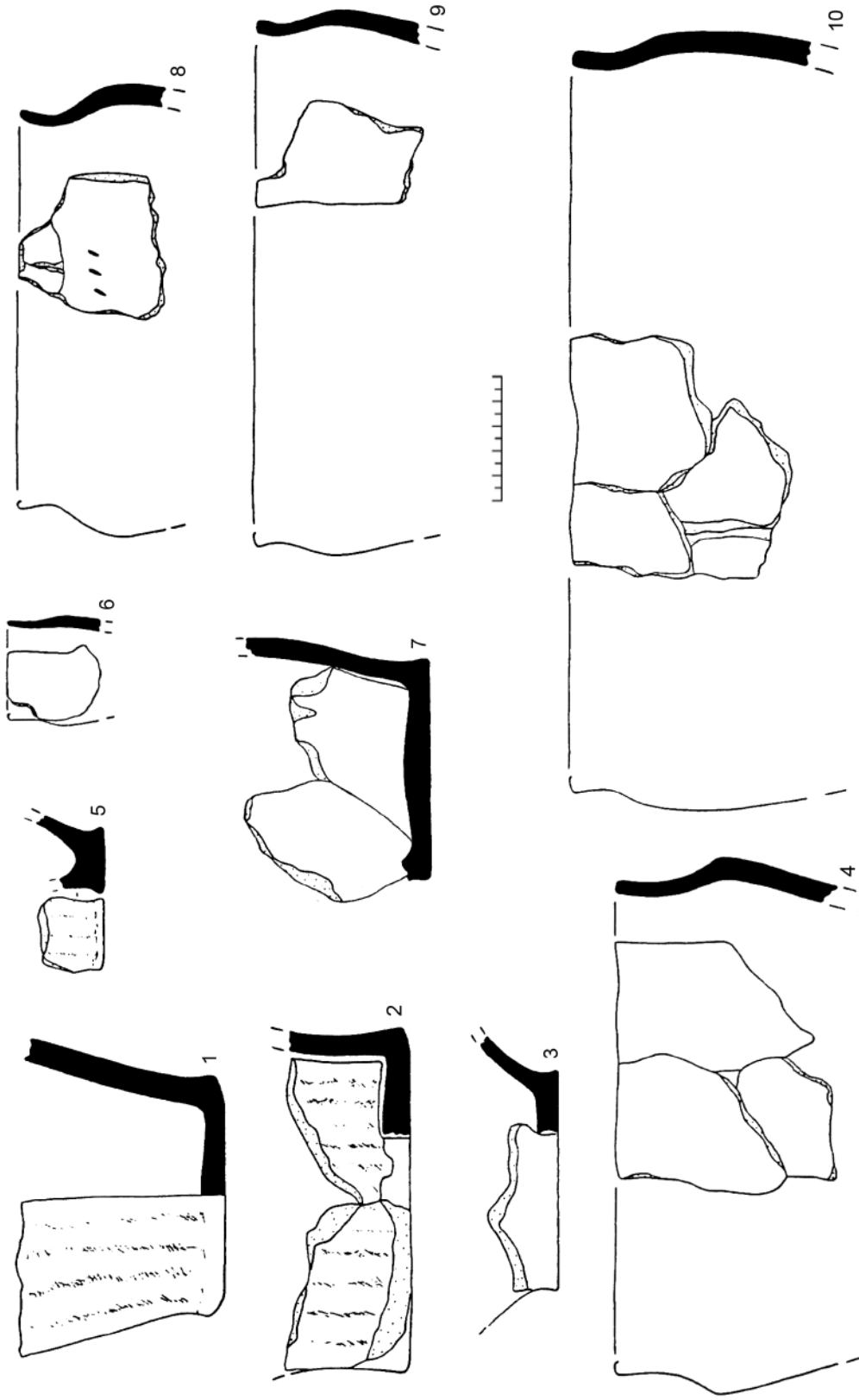
Ил. 99. Раскоп на Варяжской ул., штык 17: 1 — САЭ-1976/ЛП-3372; 2 — САЭ-1976/б/шифра; 3 — САЭ-1976/ЛП-3471, 3472; 4 — САЭ-1976/ЛП-3420; 5 — САЭ-1976/ЛП-3576; 6 — САЭ-1976/ЛП-3537; 7 — САЭ-1976/ЛП-3462. 1-3 — тип 1; 4 — тип 4; 5 — тип 5; 6 — миска типа Ф_м1; 7 — тип 3

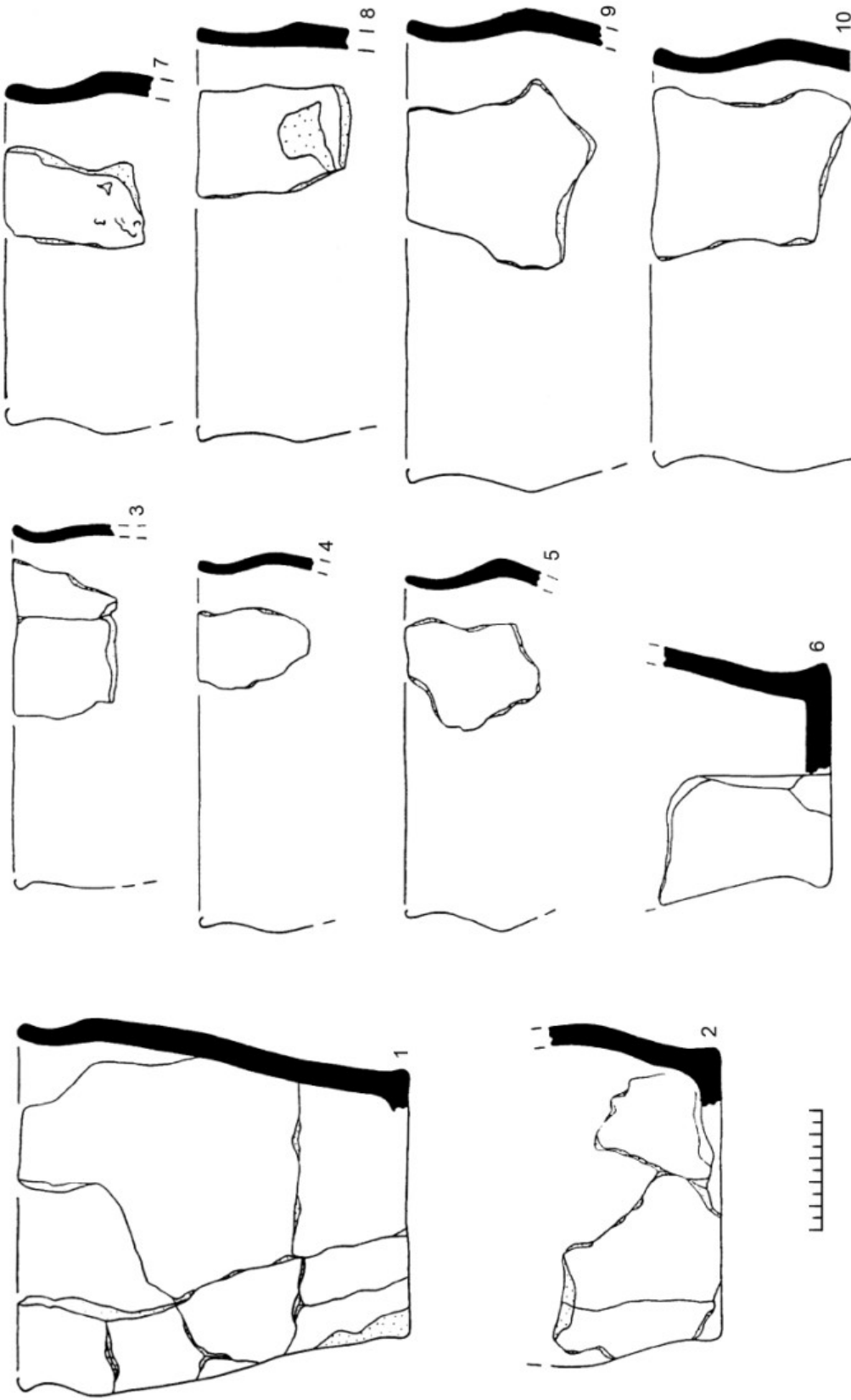
Ил. 100. Раскоп на Варяжской ул., штык 16: 1 — САЭ-1976/ЛП-2258, 2268, 2269; 2 — САЭ-1976/ЛП-2231, 2243; 3 — САЭ-1976/ЛП-3131, 3776; 4 — САЭ-1976/ЛП-2330; 5 — САЭ-1976/ЛП-2296; 6 — САЭ-1976/ЛП-2457; 7 — САЭ-1976/ЛП-2714. 1, 6, 7 — тип 1; 2 — тип 2; 3 — тип 8; 4 — тип 4; 5 — тип 6

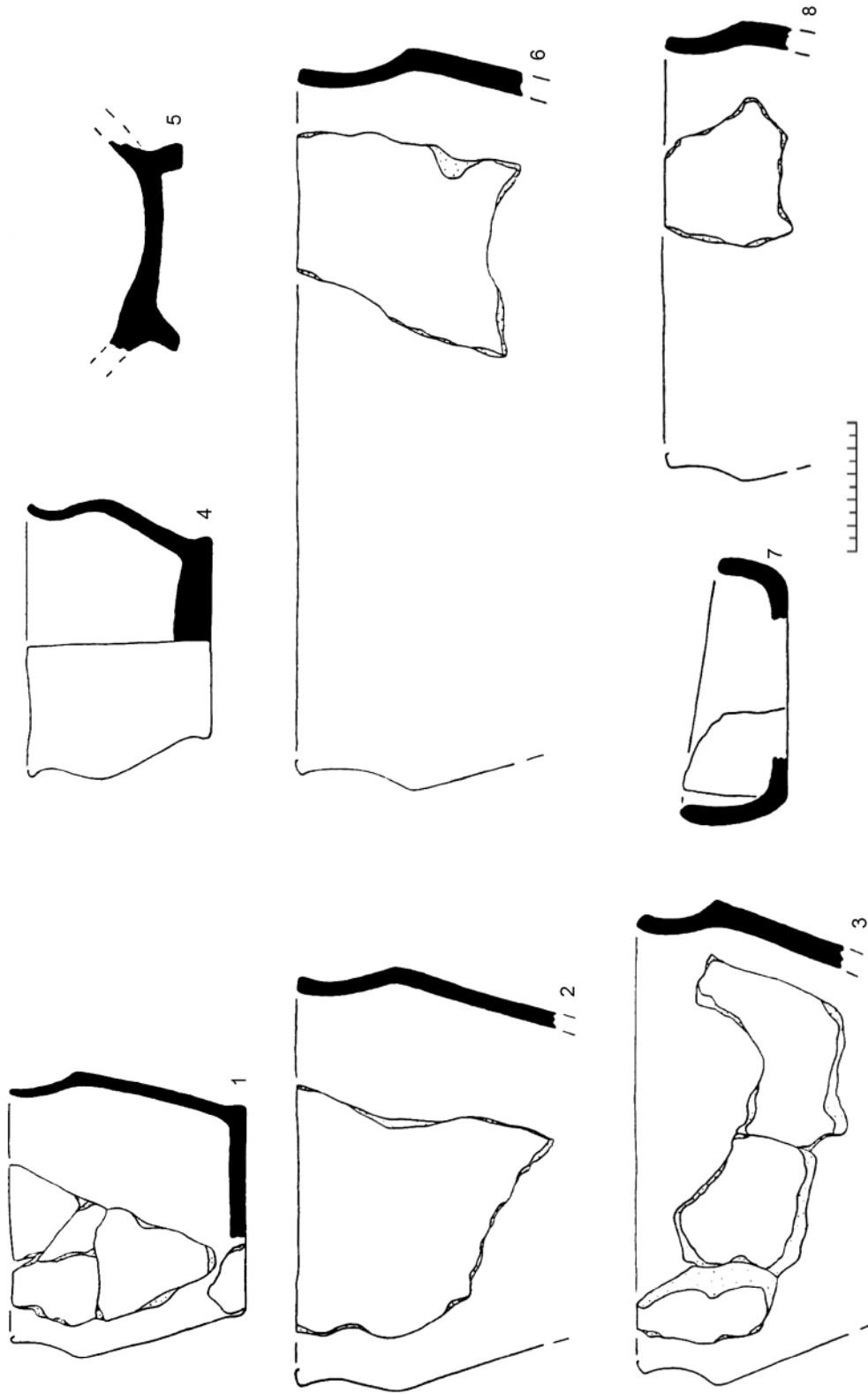
Ил. 101. Раскол на Варяжской ул., штык 16: 1 — САЭ-1976/ЛП-2299; 2 — САЭ-1976/ЛП-3209, 3210; 3 — САЭ-1976/ЛП-4001; 4 — САЭ-1976/ЛП-2791, 2792, 3470, 3472, 3474; 5 — САЭ-1976/ЛП-2257; 6 — САЭ-1976/ЛП-2646, 2650; 7 — САЭ-1976/ЛП-2647; 8 — САЭ-1976/ЛП-2464.
1, 6 — тип 5; 2, 3 — тип 3; 4, 8 — тип 1; 7 — тип 4

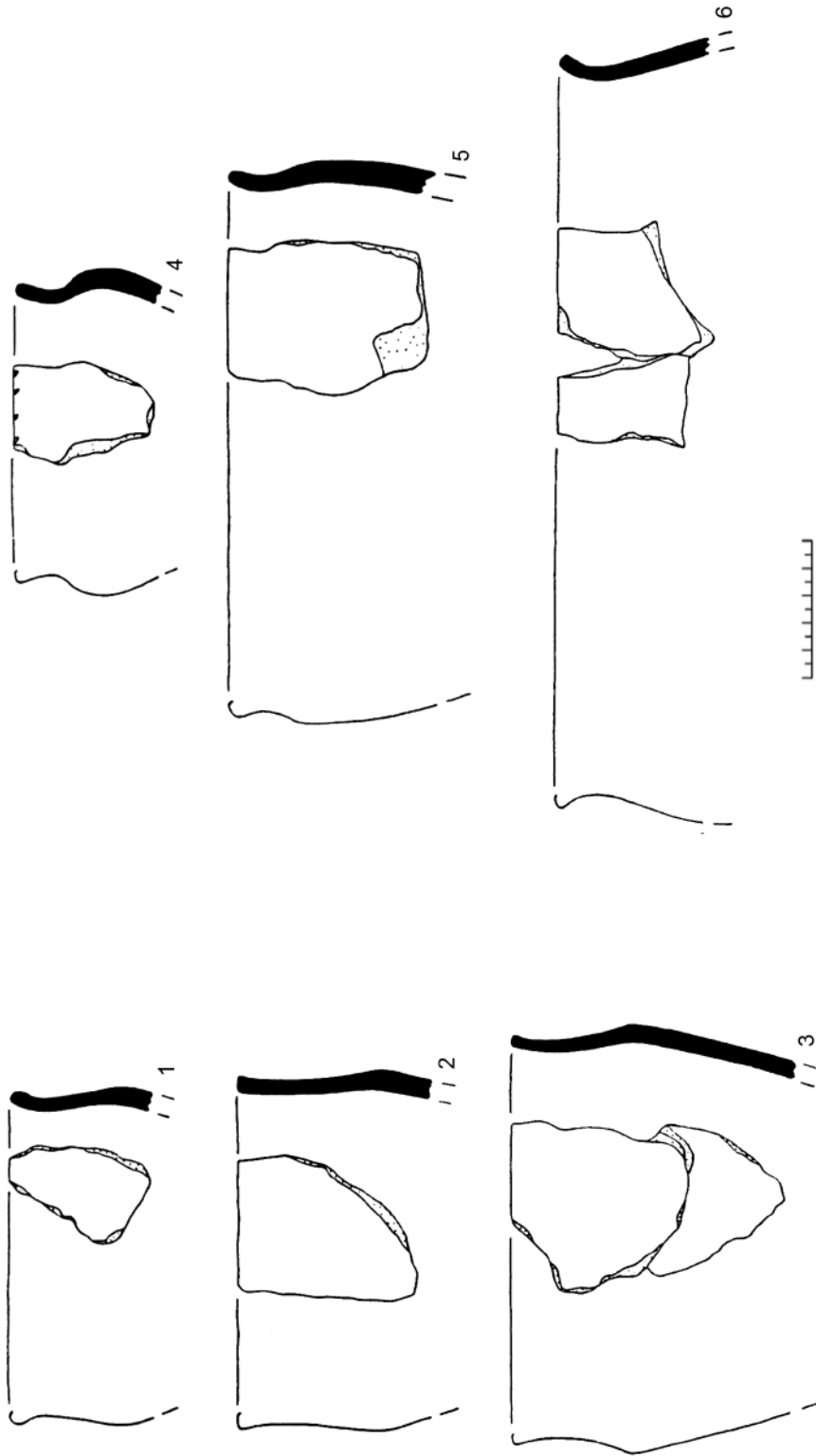
Ил. 102. Раскоп на Варяжской ул., штык 16: 1 — САЭ-1976/б/шифра; 2 — САЭ-1976/ЛП-2534, 2833, 2836, 2838, 2839, 2842, 2846; 3 — САЭ-1976/ЛП-2483; 4 — САЭ-1976/ЛП-3069, 3074, 3191; 5 — САЭ-1976/ЛП-2904; 6 — САЭ-1976/ЛП-2364; 7 — САЭ-1976/ЛП-2959, 2960, 2969; 8 — САЭ-1976/ЛП-3019; 9 — САЭ-1976/ЛП-3042; 10 — САЭ-1976/ЛП-2355, 2357-2359. 4 — тип 1; 8 — тип 3; 9-10 — тип 5

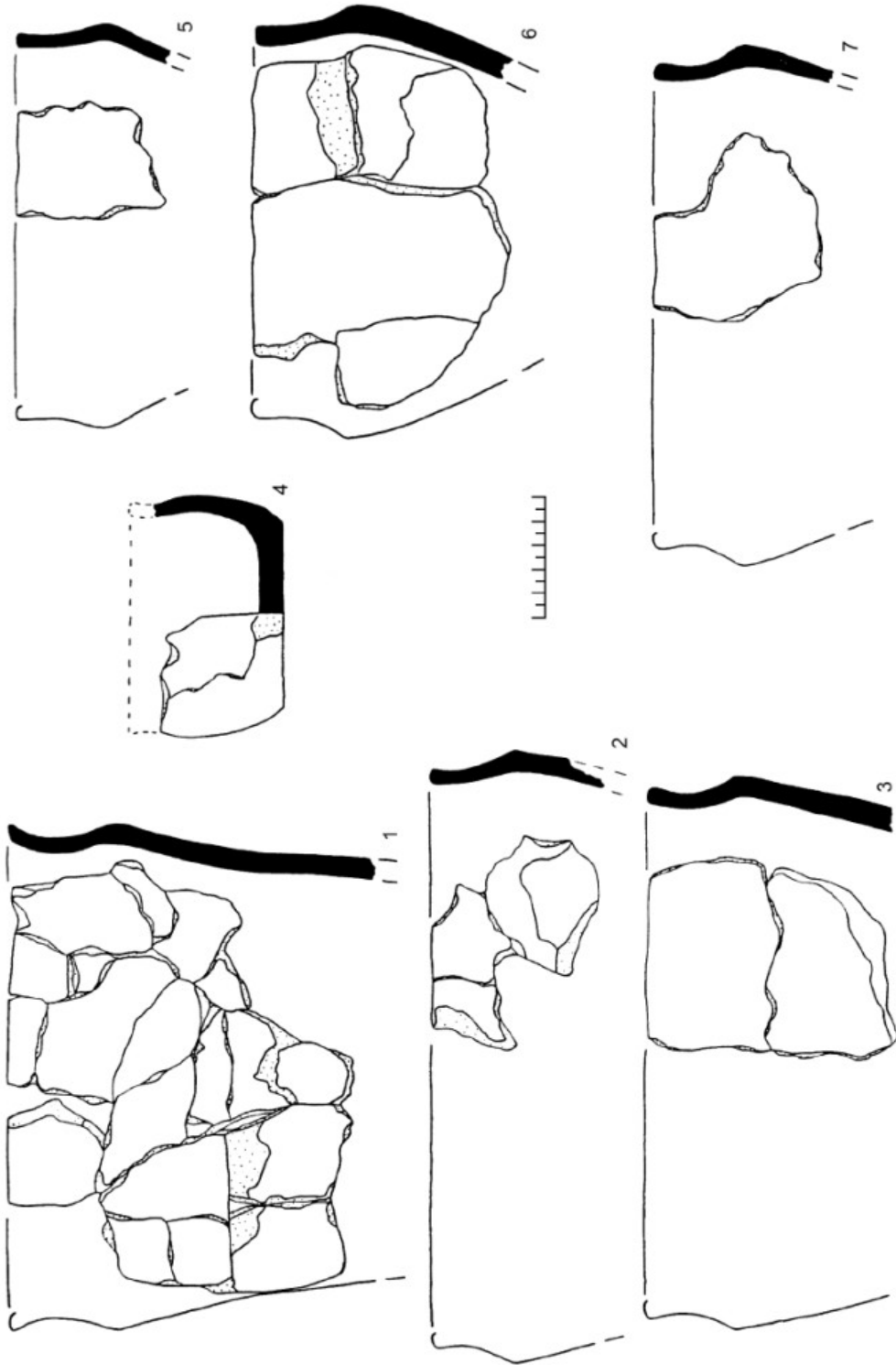
Ил. 103. Раскол на Воряжской ул., штык 15: 1 — САЭ-1976/ЛП-1445; 2 — САЭ-1976/ЛП-1081-1083; 3 — САЭ-1976/ЛП-1921, 1922; 4 — САЭ-1976/ЛП-1810; 5 — САЭ-1976/ЛП-1981; 6 — САЭ-1976/6/н; 7 — САЭ-1976/ЛП-1710; 8 — САЭ-1976/ЛП-1987; 9 — САЭ-1976/ЛП-1903; 10 — САЭ-1976/ЛП-1965. 1 — тип ФV; 2 — тип ФVП; 3 — тип 5; 4 — тип 3; 5, 7, 9, 10 — тип 1; 8 — тип 4

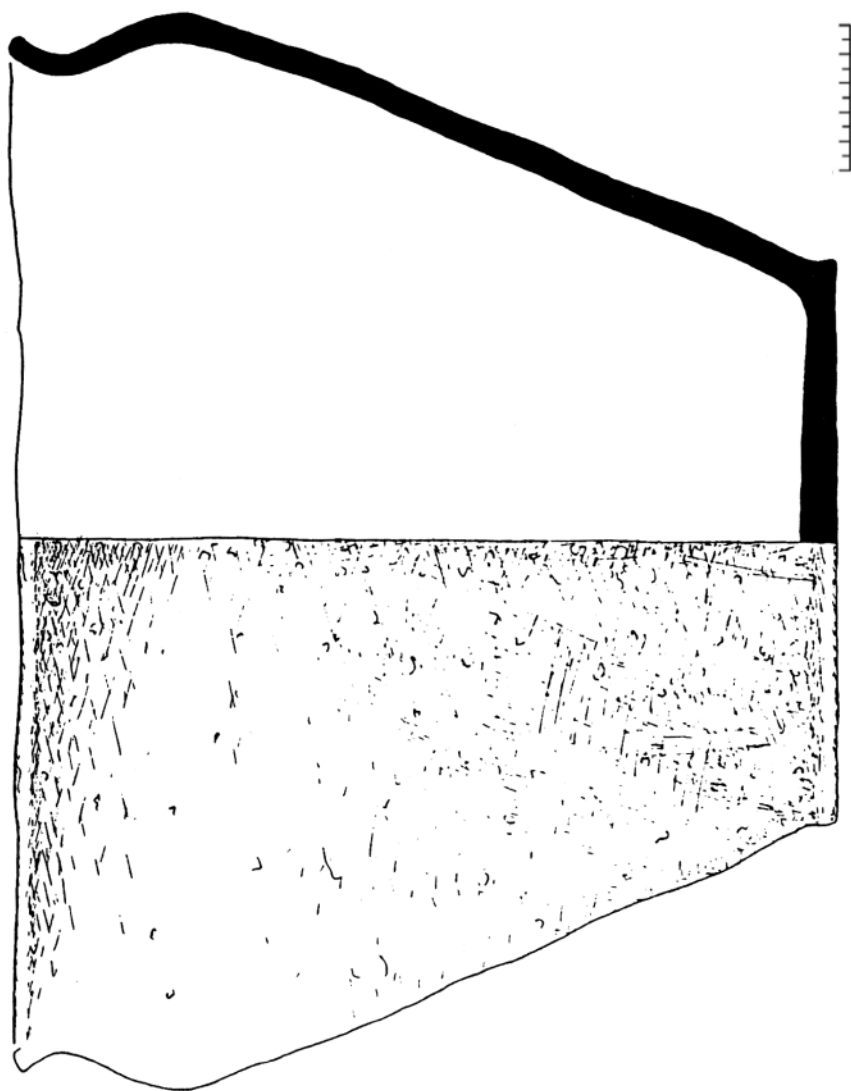
Ил. 104. Раскоп на Варяжской ул., штык 14: 1 — САЭ-1976/ЛП-1597, 1600, 1610; 2 — САЭ-1976/ЛП-540, 542, 961, 962; 3 — САЭ-1976/ЛП-849, 869, 877, 878, 979, 2714; 4 — САЭ-1976/ЛП-1588; 5 — САЭ-1976/ЛП-1843; 6 — САЭ-1976/ЛП-988; 7 — САЭ-1976/ЛП-1484; 8 — САЭ-1976/ЛП-1019. 1 — тип ФIV; 2, 3, 6, 8 — тип I; 4 — тип ФVII; 7 — миска типа Ф_мII

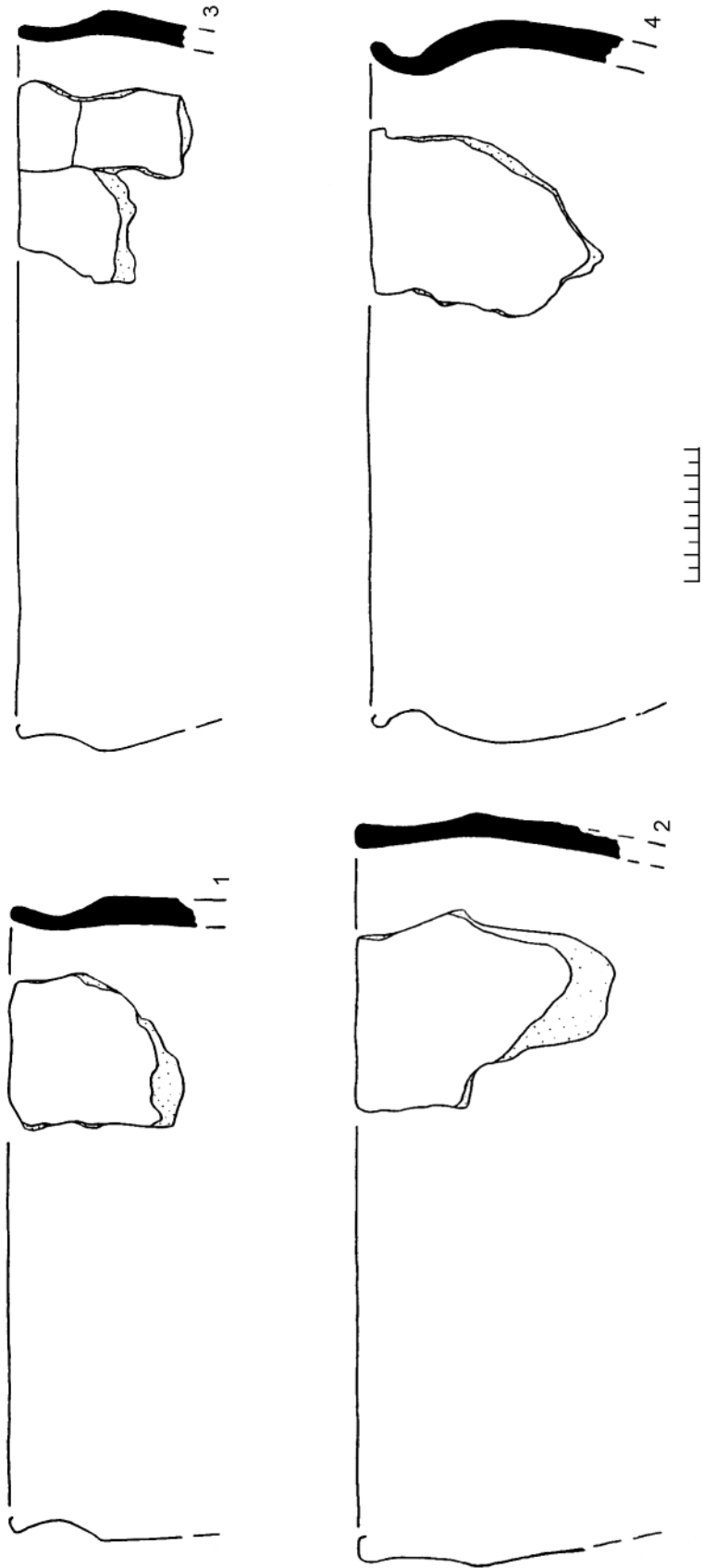
Ил. 105. Раскоп на Варяжской ул., штык 14: 1 — САЭ-1976/ЛП-930; 2 — САЭ-1976/ЛП-878; 3 — САЭ-1976/ЛП-796; 4 — САЭ-1976/ЛП-1626; 5 — САЭ-1976/ЛП-894, 896; 6 — САЭ-1976/ЛП-970, 971. 1, 5, 6 — тип 5; 2, 3 — тип 1; 4 — тип 3

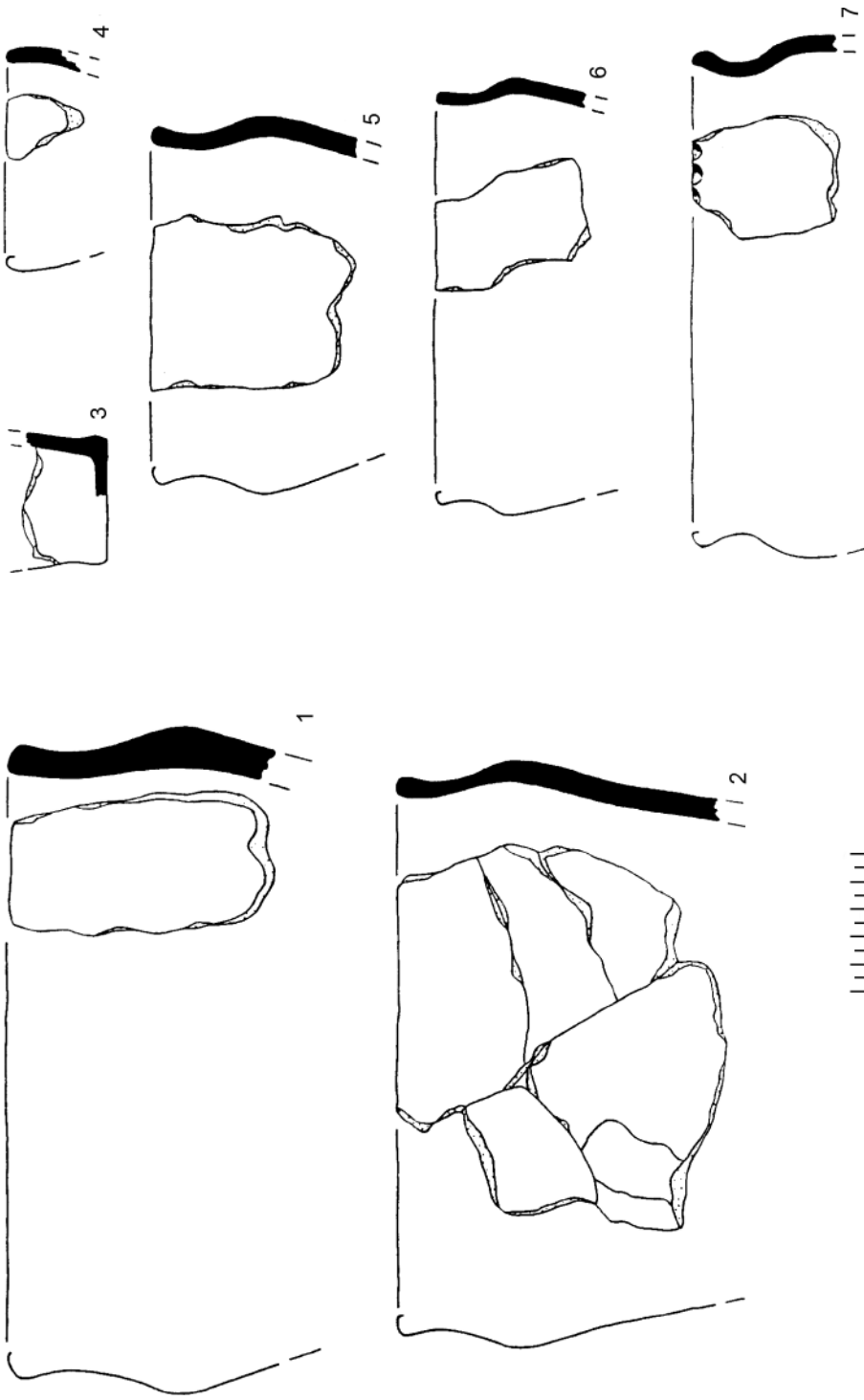
Ил. 106. Раскол на Воряжской ул., штык 13: 1 — САЭ-1976/ЛП-764, 809, 1550-1552, 1556-1559, 1565-1569, 1571-1574; 2 — САЭ-1976/ЛП-1117, 1143, 1164; 3 — САЭ-1976/ЛП-595; 4 — САЭ-1976/ЛП-554, 557, 558; 5 — САЭ-1976/ЛП-547; 6 — САЭ-1976/ЛП-560, 562, 600, 1620; 7 — САЭ-1976/ЛП-655. 1-3, 7 — тип I; 4 — тип ФVП; 5, 6 — тип 9

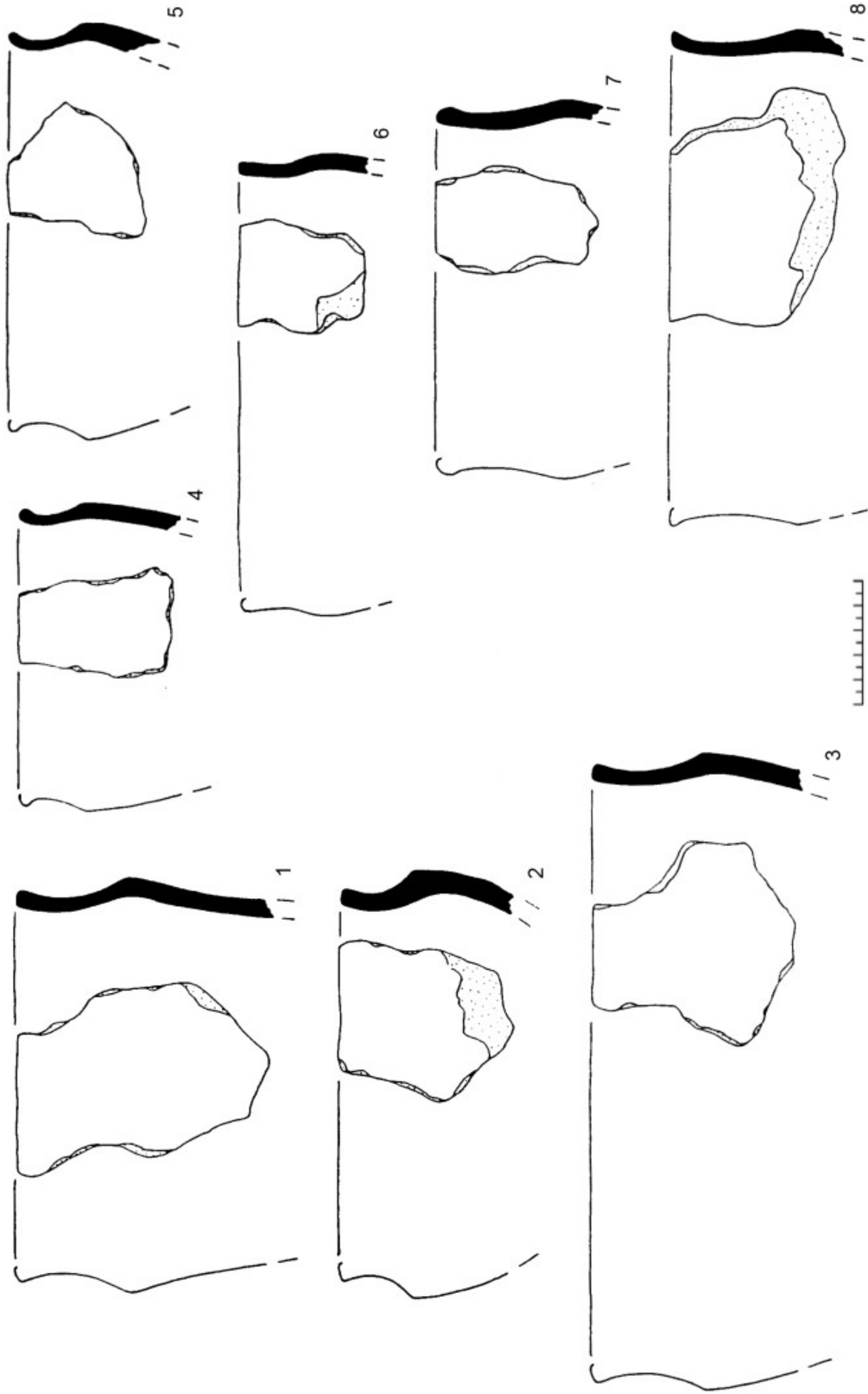
Ил. 107. Раскоп на Варяжской ул., штык 13: САЭ-1976/ПП-1663. Тип ФVI

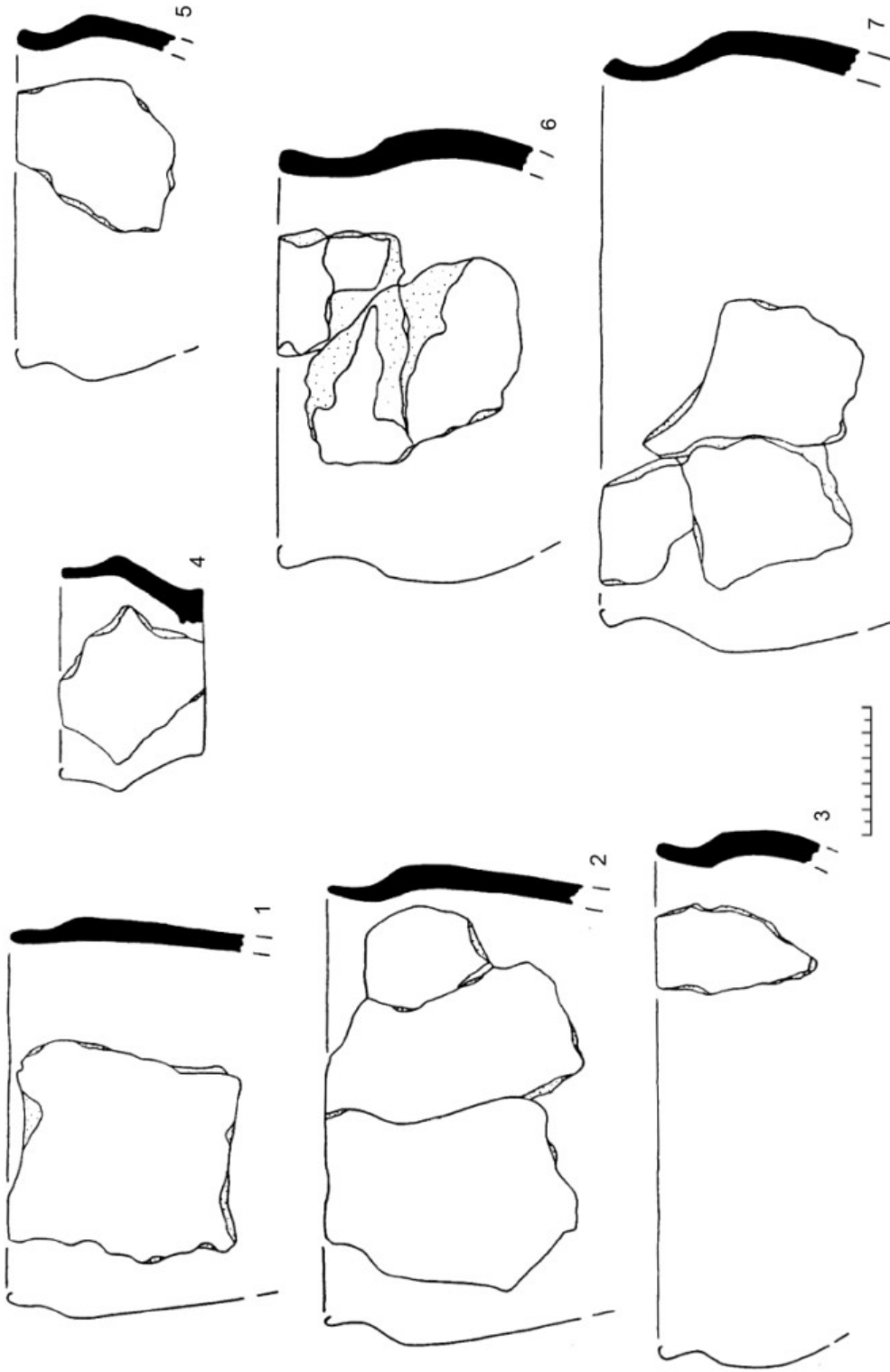
Ил. 108. Раскоп на Варяжской ул., штык 13: 1 — САЭ-1976/ЛП-1453; 2 — САЭ-1976/ЛП-1200, 1202, 1208, 1211; 4 — САЭ-1976/ЛП-483. 1, 2 — тип 4; 3 — тип 1; 4 — тип 3

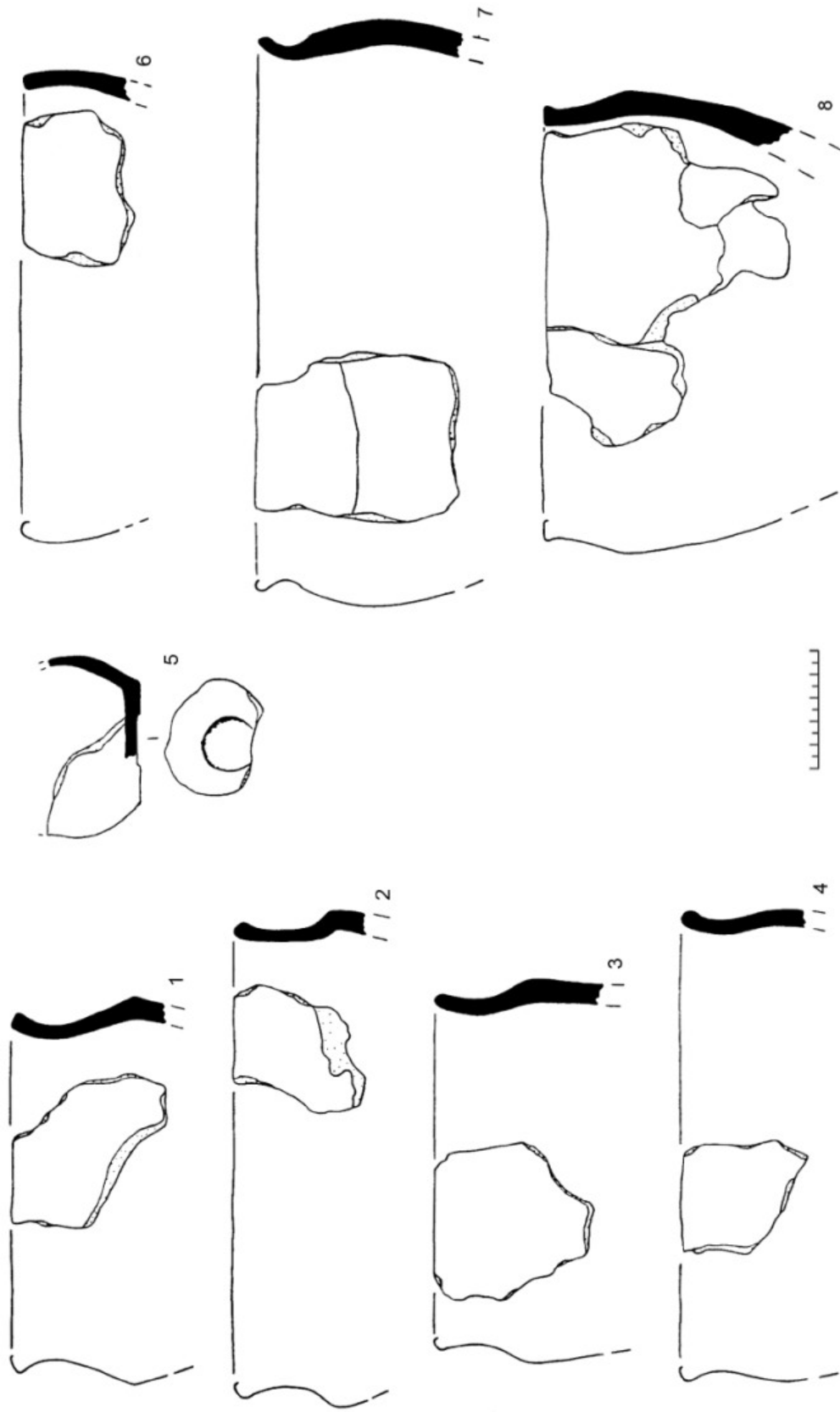
Ил. 109. Раскоп на Варяжской ул., штык 13: 1 — САЭ-1976/ЛП-1292; 2 — САЭ-1976/ЛП-1250; 3 — САЭ-1976/ЛП-545; 4 — САЭ-1976/ЛП-1267; 5 — САЭ-1976/ЛП-540; 6 — САЭ-1976/ЛП-1686; 7 — САЭ-1976/ЛП-533. 1, 2, 5, 6 — тип 1; 4 — тип 6; 7 — тип 3

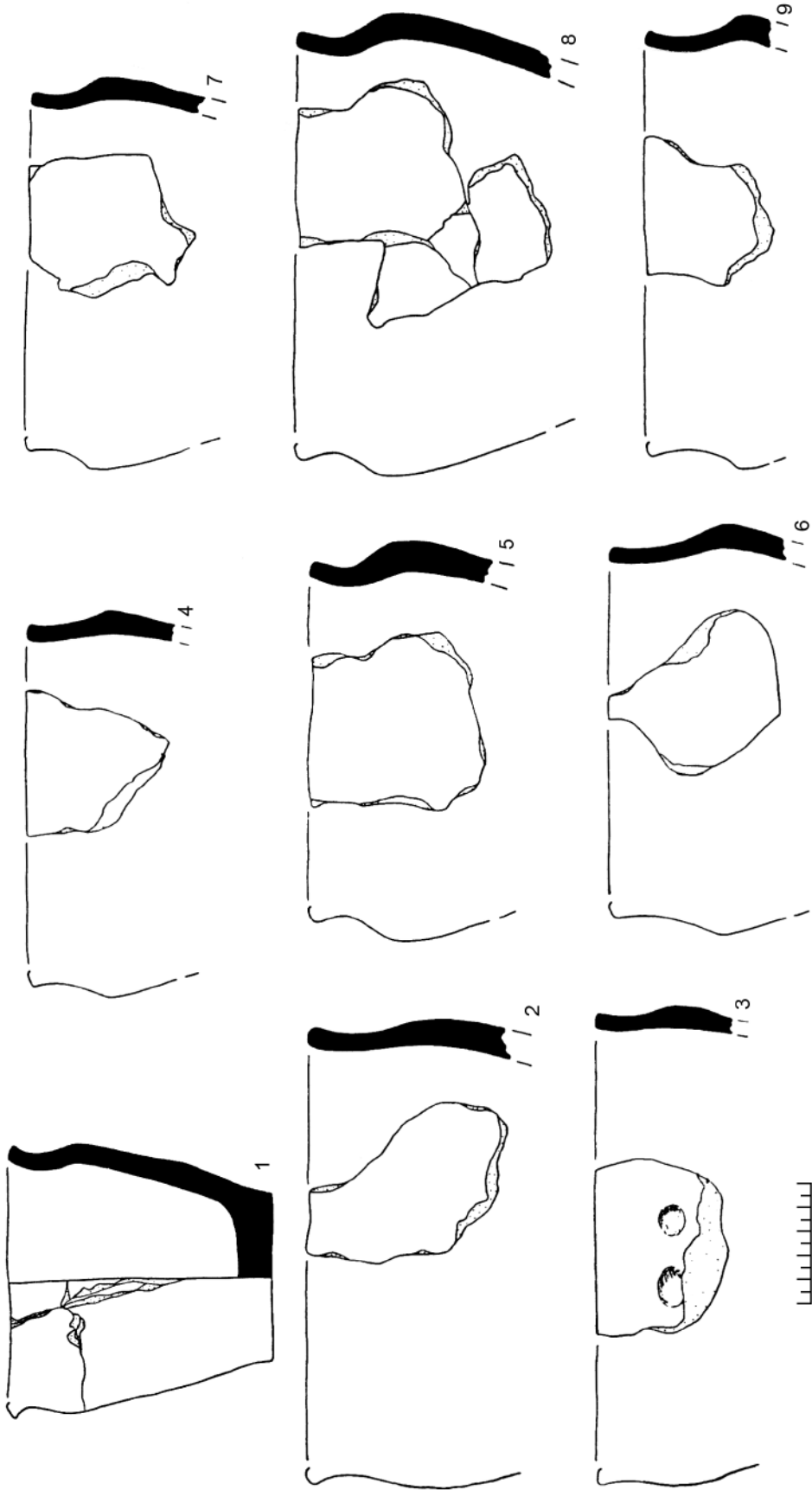
Ил. 110. Раскоп на Варяжской ул., штык 12: 1 — САЭ-1976/ЛП-663; 2 — САЭ-1976/ЛП-701; 3 — САЭ-1976/ЛП-765; 4 — САЭ-1976/ЛП-596; 5 — САЭ-1976/ЛП-599; 6 — САЭ-1976/ЛП-1315; 7 — САЭ-1976/ЛП-1287; 8 — САЭ-1975/ЛП2-4743. 1, 3, 4, 8 — тип 1; 2, 5 — тип 2; 6, 7 — тип 5

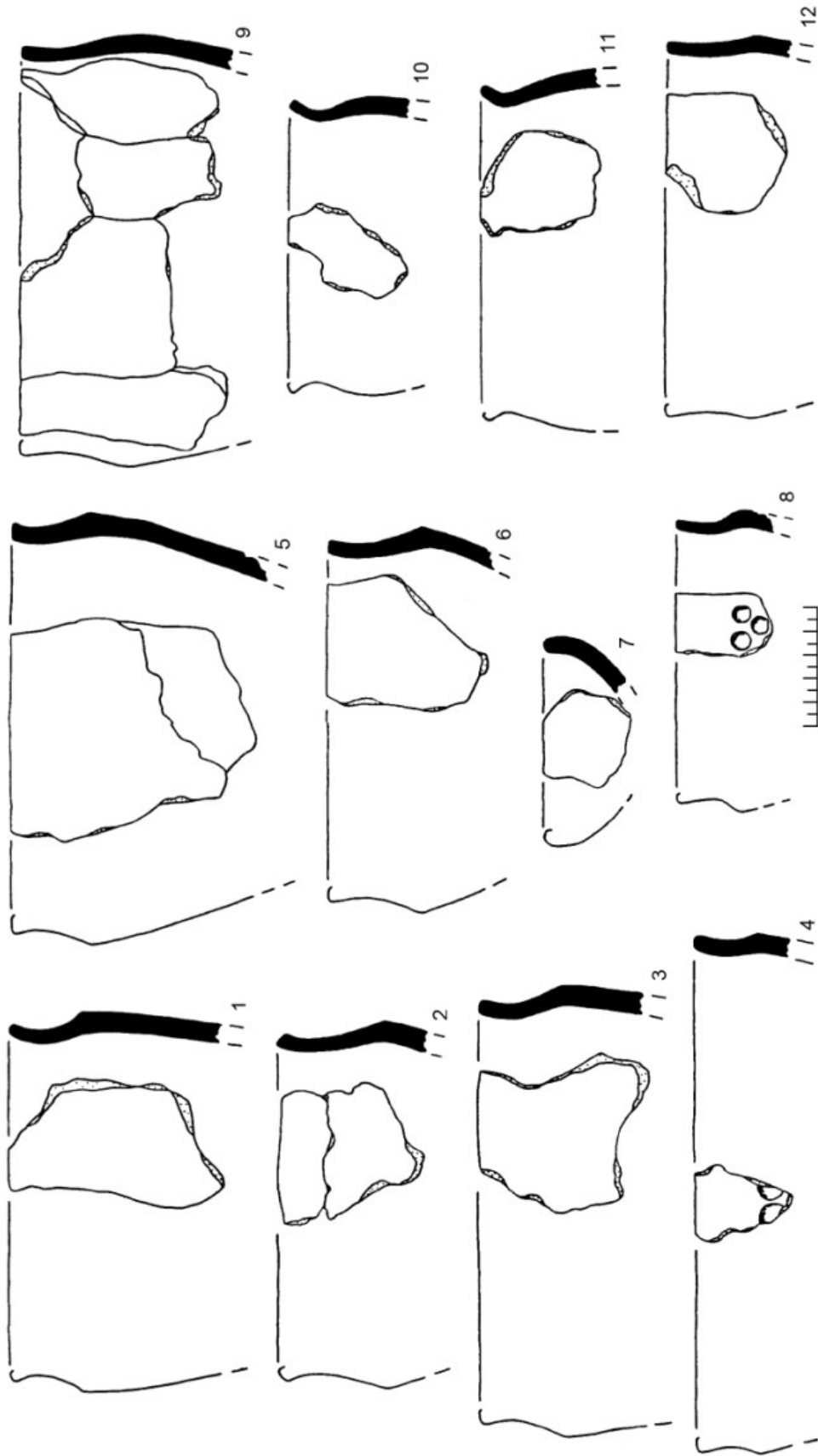
Ил. 111. Раскол на Воряжской ул., штык 11: 1 — САЭ-1975/ЛП2-4684; 2 — САЭ-1976/ЛП-205; 3 — САЭ-1976/ЛП-385; 4 — САЭ-1976/ЛП-381; 5 — САЭ-1975/ЛП2-4703; 6 — САЭ-1976/ЛП-323, 325, 327; 7 — САЭ-1976/ЛП-4639, 4647, 4673. 1, 2 — тип 4; 3, 6 — тип 3; 4 — тип ФVII; 5, 7 — тип 1

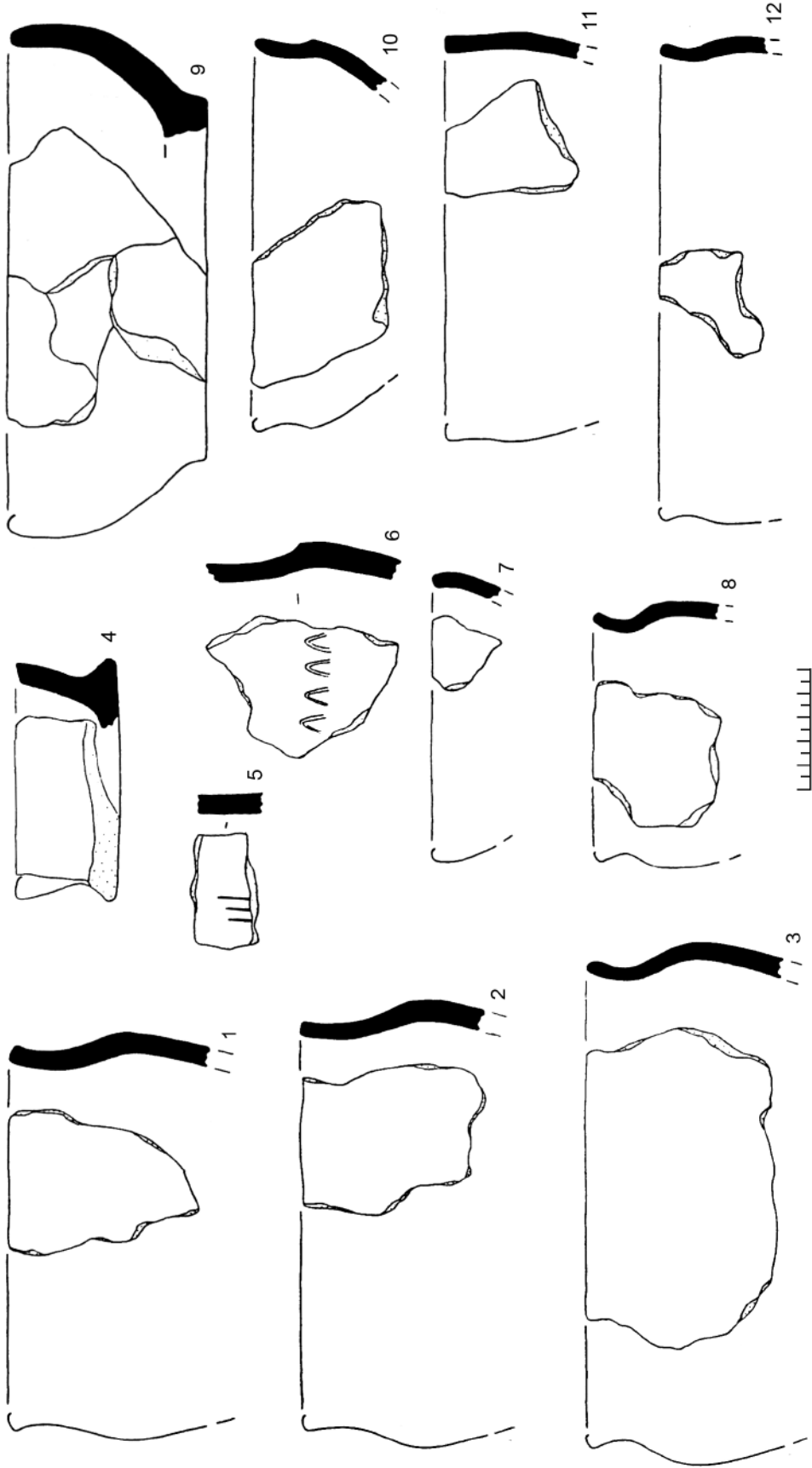
Ил. 112. Раскол на Варяжской ул., штык 10: 1 — САЭ-1976/ЛП-422; 2 — САЭ-1976/ЛП-160; 3 — САЭ-1975/ЛП2-4587; 4 — САЭ-1976/ЛП-128; 5 — САЭ-1976/ЛП-227; 6 — САЭ-1975/ЛП2-4580; 7 — САЭ-1976/ЛП-158; 8 — САЭ-1975/ЛП2-4596-4600. 1, 2 — тип 1; 3 — тип 4; 4 — тип 5; 5 — тип ФVII (?); 6 — тип 6; 7 — тип 7; 8 — тип 9

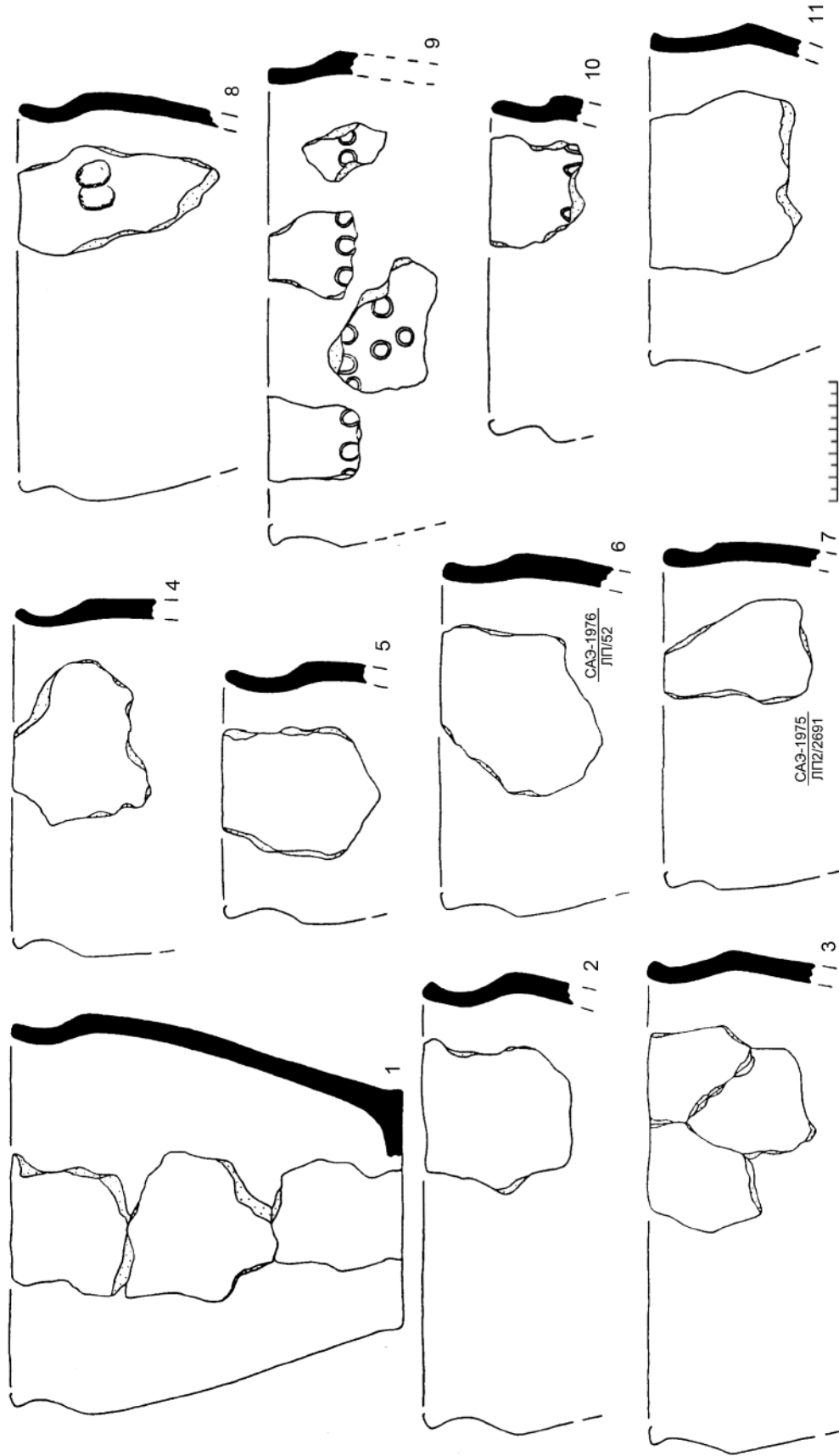
Ил. 113. Раскол на Воряжской ул., штык 9: 1 — САЭ-1976/ЛП-1584; 2 — САЭ-1976/ЛП-140; 3 — САЭ-1975/ЛП2-4440; 4 — САЭ-1975/ЛП2-4502; 5 — САЭ-1976/ЛП-без/н; 6 — САЭ-1975/ЛП2-4432; 7 — САЭ-1975/ЛП2-4501; 8 — САЭ-1976/ЛП-без/н; 9 — САЭ-1976/ЛП-102.
 1 — тип ФІВ; 2, 3 — тип 5; 4, 6, 7, 9 — тип 1; 5, 8 — тип 3

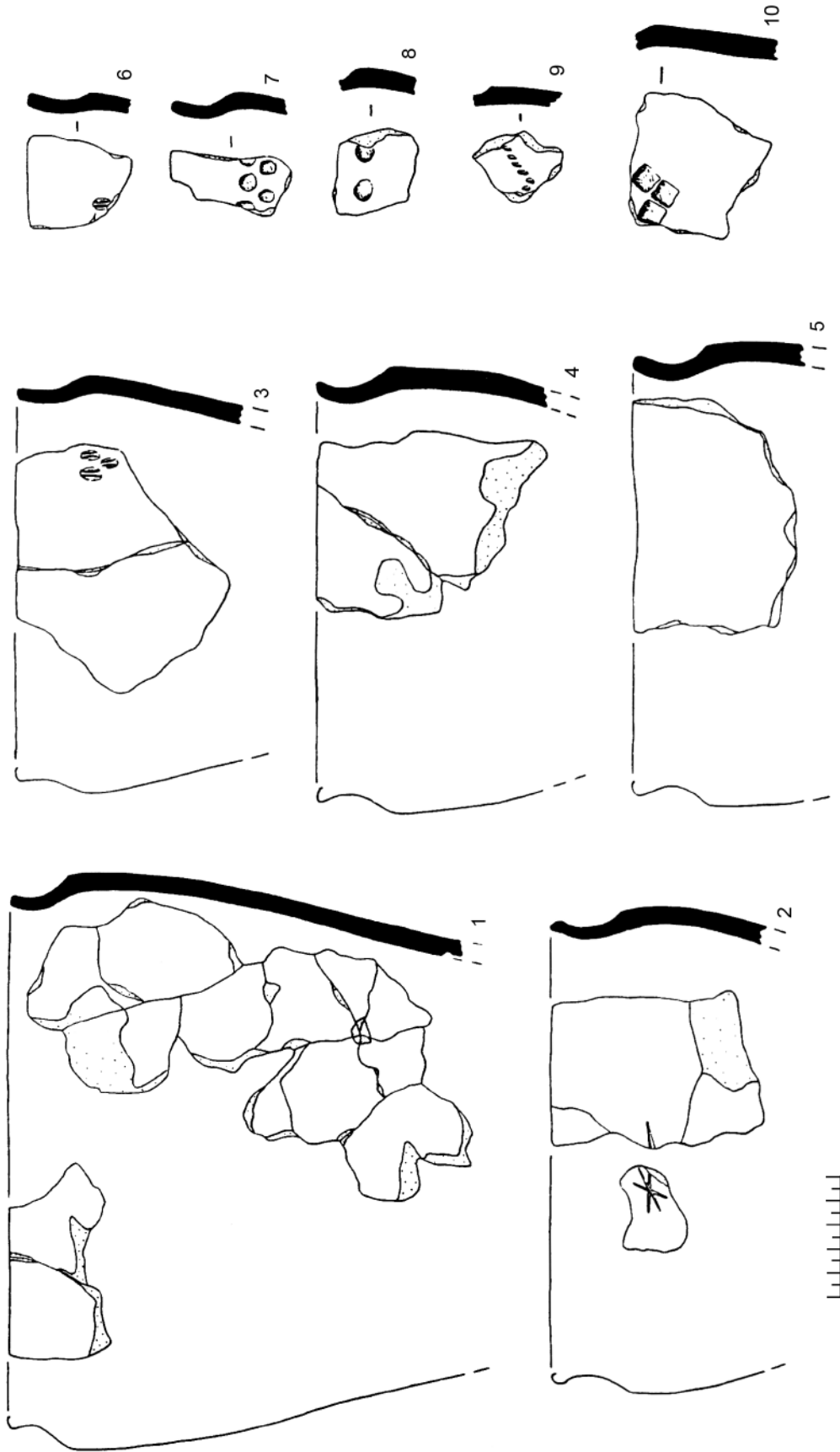
Ил. 114. Раскол на Варяжской ул., штык 8: 1 — САЭ-1975/ЛП2-4125; 2 — САЭ-1976/ЛП-76; 3 — САЭ-1976/ЛП-47; 4 — САЭ-1975/ЛП2-4254; 5 — САЭ-1975/ЛП2-4093; 6 — САЭ-1976/ЛП-4154; 7 — САЭ-1975/ЛП2-4105; 8 — САЭ-1975/ЛП2-4253; 9 — САЭ-1975/ЛП2-4333, 4344, 4345; 10 — САЭ-1975/ЛП2-4288; 11 — САЭ-1975/ЛП2-4147; 12 — САЭ-1975/ЛП2-4331. 1-4, 6, 8 — тип 1; 5 — тип 9; 7 — тип 6; 9 — тип 5; 10, 11 — тип 7; 12 — тип 4

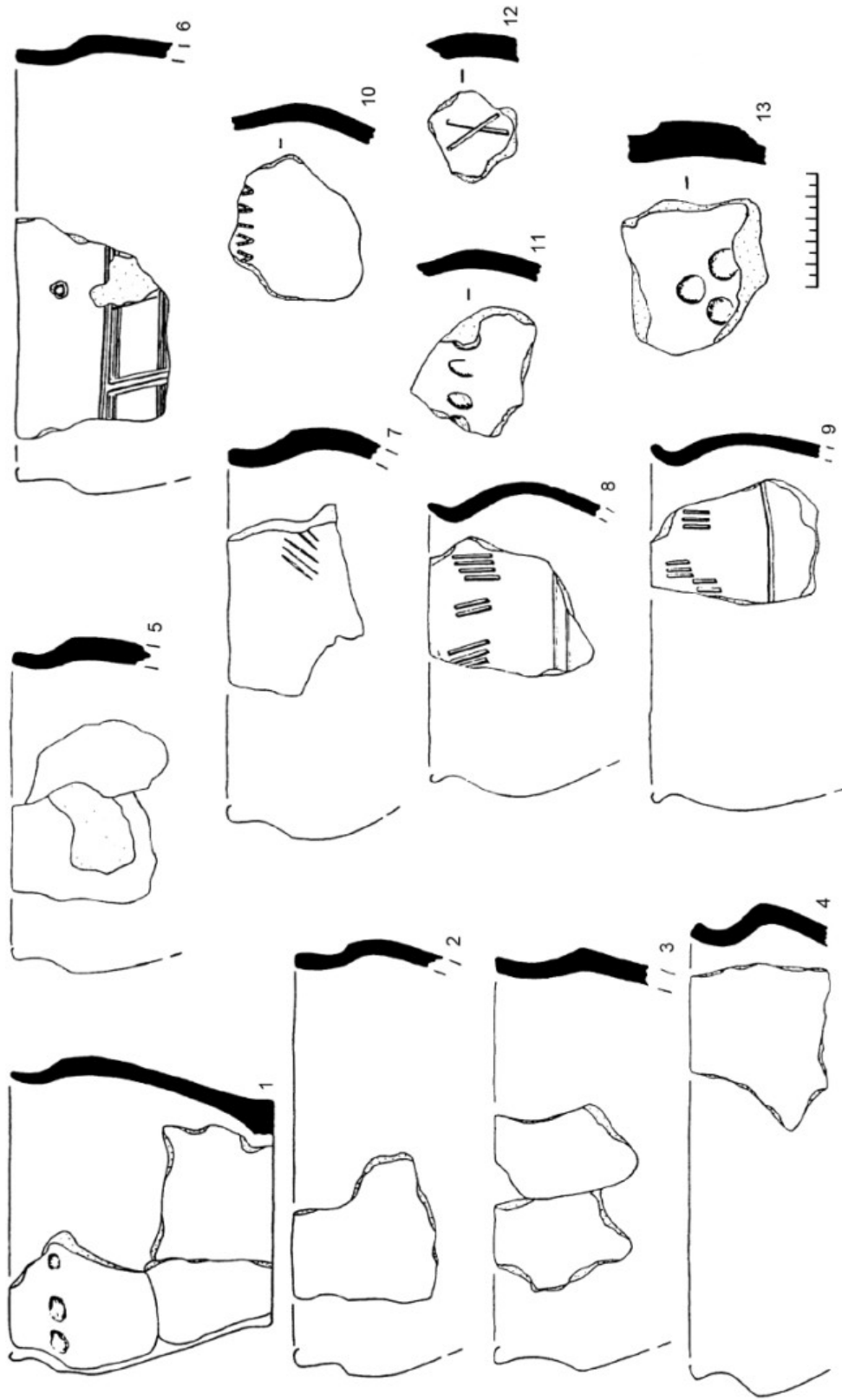
Ил. 115. Раскол на Воряжской ул., штык 7: 1 — САЭ-1976/ЛП-1425; 2 — САЭ-1976/ЛП-1429; 3 — САЭ-1973/ЛП2-17222; 4 — САЭ-1975/ЛП2-2717, 2719; 5 — САЭ-1975/ЛП2-2709; 6 — САЭ-1975/ЛП2-2712; 7 — САЭ-1974/ЛП2-8311; 8 — САЭ-1973/ЛП2-17338; 9 — САЭ-1974/ЛП2-6/шифра; 10 — САЭ-1975/ЛП2-2636; 11 — САЭ-1975/ЛП2-2700; 12 — САЭ-1975/ЛП2-6/шифра. 1, 2 — тип 5; 3, 8 — тип 3; 4, 9 — миски типа Ф₃Ц; 7 — тип 6; 10 — тип 9; 11 — тип 4

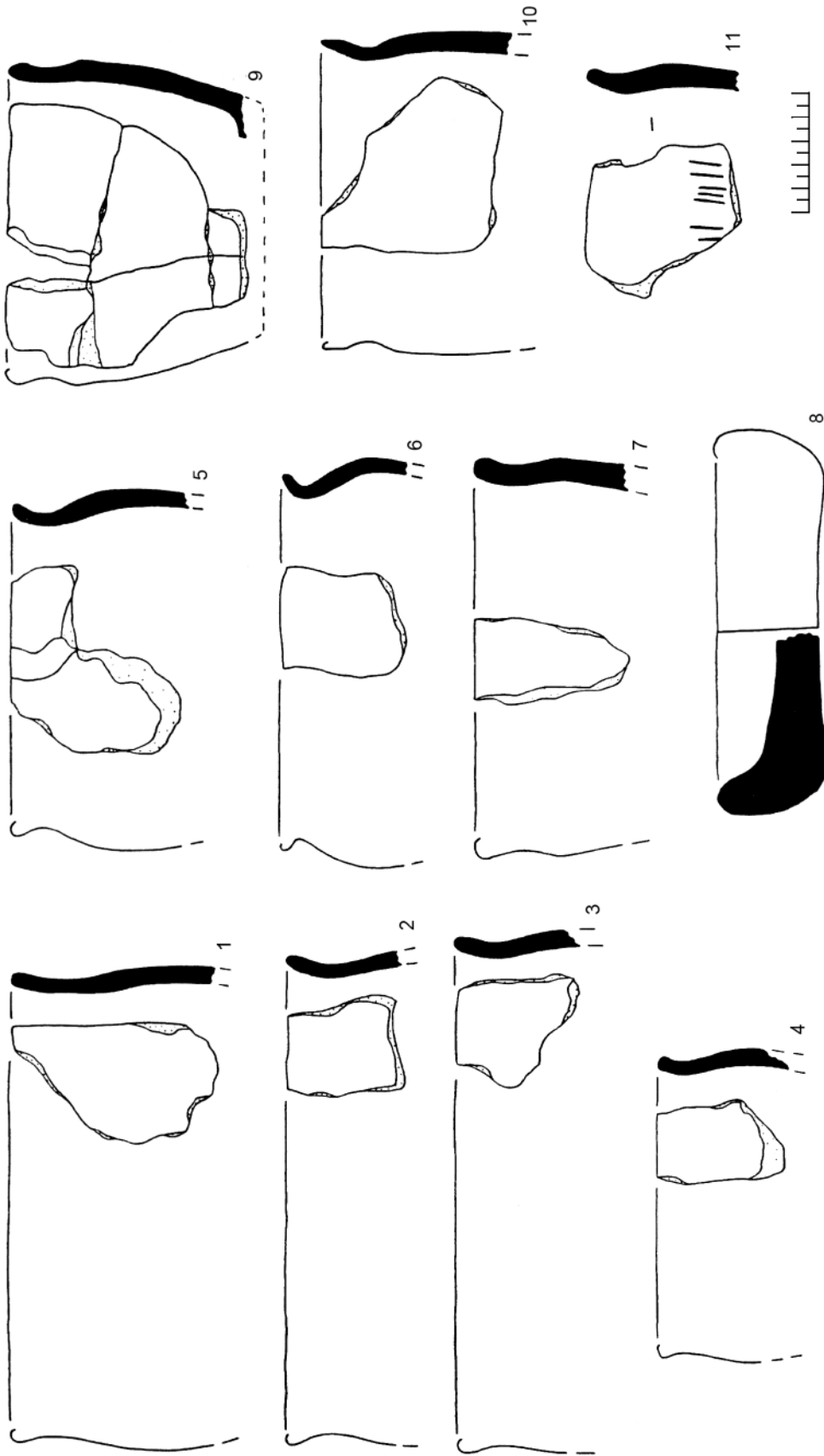
Ил. 116. Раскоп на Варяжской ул., штык 7: 1 — САЭ-1976/ЛП-17328, 17337, 17341; 2 — САЭ-1976/ЛП-50; 3 — САЭ-1976/ЛП-51; 4 — САЭ-1976/ЛП-1344; 5 — САЭ-1975/ЛП2-2325; 6 — САЭ-1976/ЛП-52; 7 — САЭ-1975/ЛП2-2691; 8 — САЭ-1973/ЛП2-17336; 9 — САЭ-1974/ЛП2-8304, 8345, 8352, 8703; 10 — САЭ-1975/ЛП2-2647; 11 — САЭ-1975/ЛП2-4439. 1 — тип Ф1А; 2, 3, 5, 6, 8, 9, 11 — тип 1; 4, 7, 10 — тип 4

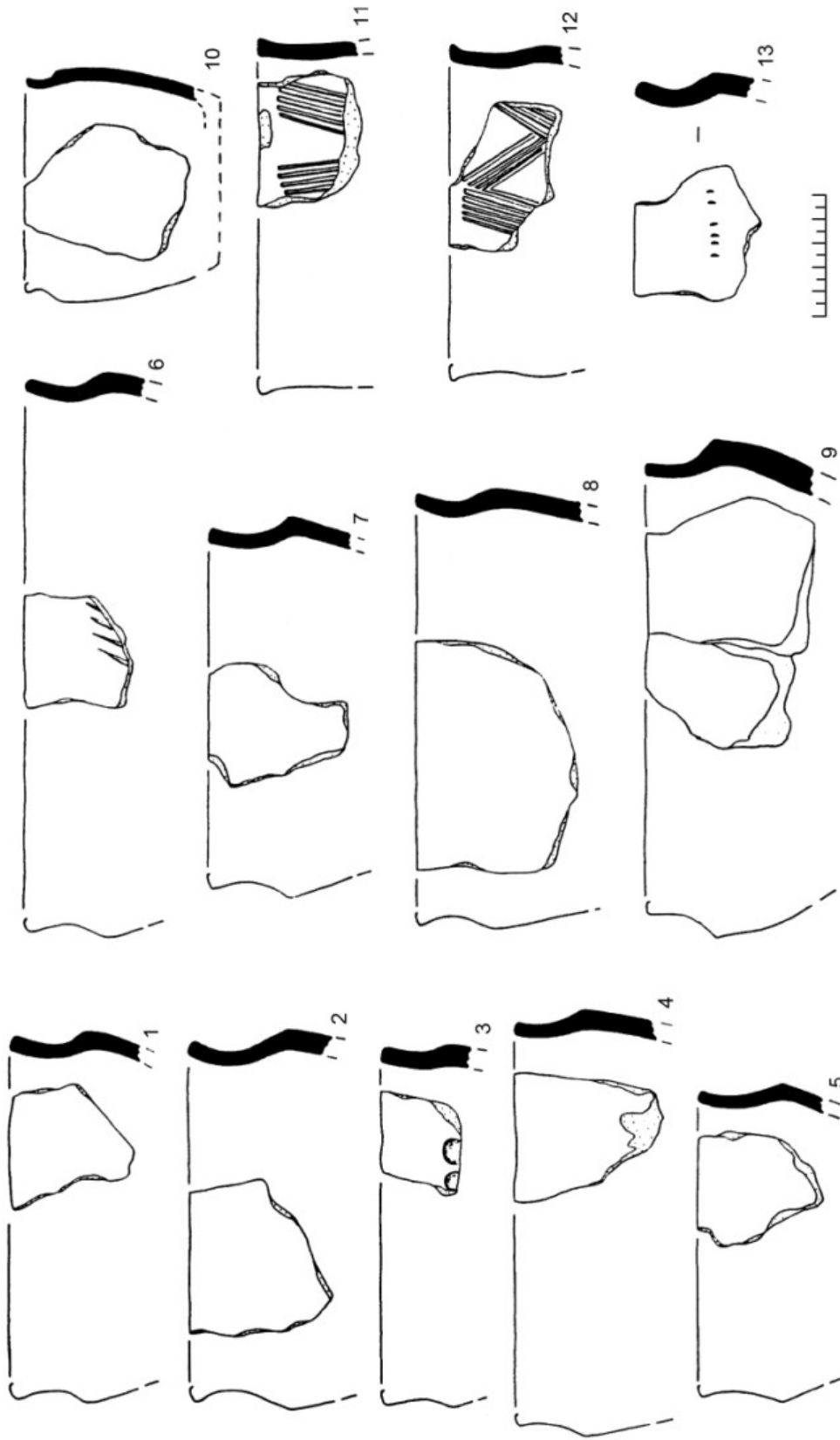
Ил. 117. Раскол на Воряжской ул., штык 6: 1 — САЭ-1974/ЛП2-1587, 1599; 2 — САЭ-1974/ЛП-1772, 1773; 3 — САЭ-1973/ЛП2-16833; 4 — САЭ-1974/ЛП2-9080; 5 — САЭ-1974/ЛП2-9226; 6 — САЭ-1974/ЛП2-6973; 7 — САЭ-1974/ЛП2-6996; 8 — САЭ-1974/ЛП2-6969; 9 — САЭ-1975/ЛП2-3947; 10 — САЭ-1974/ЛП2-9050. 1, 3-7 — тип 1; 2 — тип 2

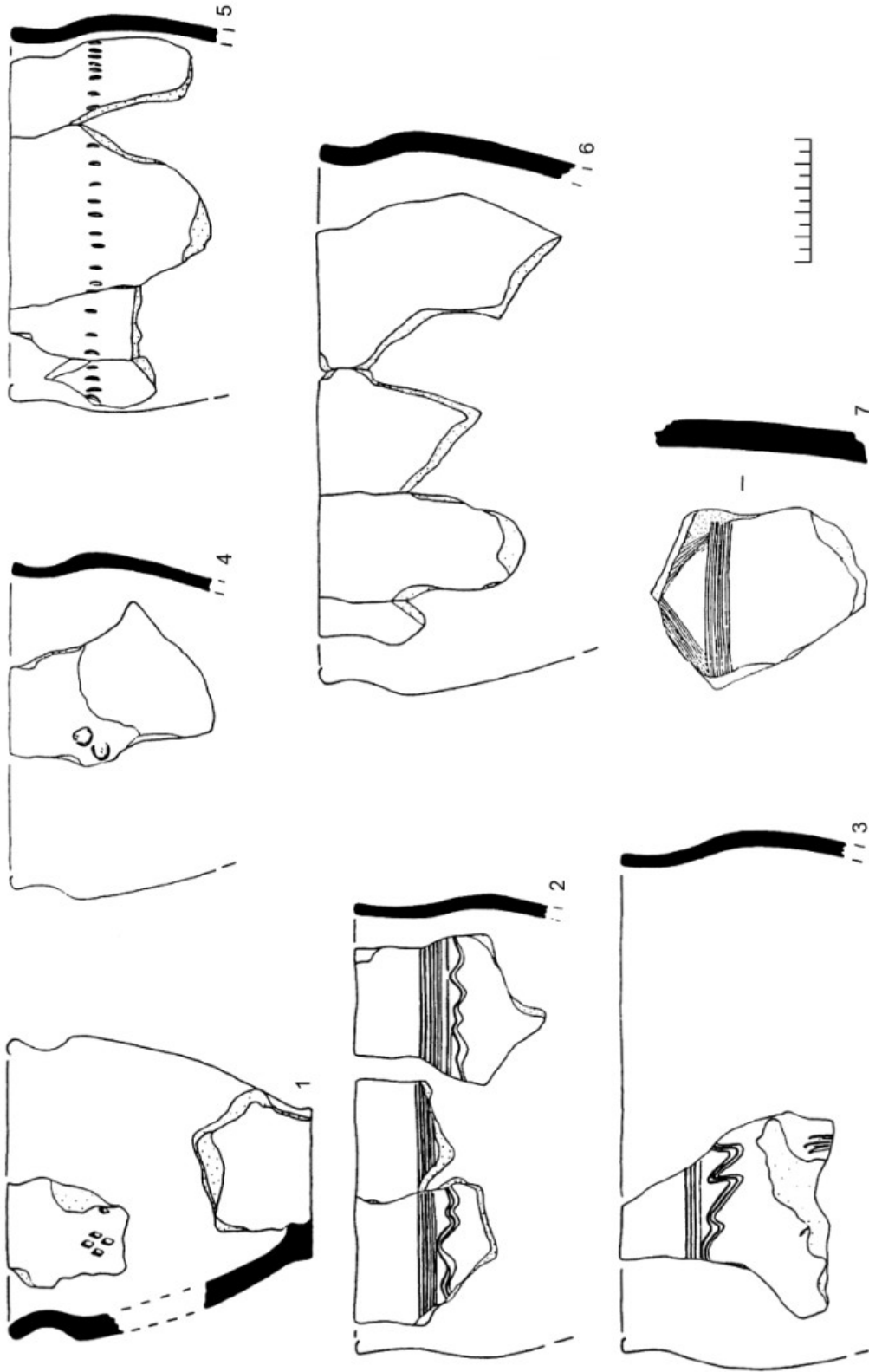
Ил. 118. Раскол на Варяжской ул., штык 6: 1 — САЭ-1974/ЛП2-7842, 7860, 7864; 2, 3 — САЭ-1974/ЛП2-6/шифра; 4 — САЭ-1975/ЛП2-6/шифра; 5 — САЭ-1974/ЛП2-899, 904; 6 — САЭ-1975/ЛП2-3848; 7 — САЭ-1975/ЛП2-3206; 8 — САЭ-1974/ЛП2-5985; 9 — САЭ-1976/ЛП-8997; 10 — САЭ-1975/ЛП2-3850; 11 — САЭ-1974/ЛП2-8180; 12 — САЭ-1975/ЛП2-6/шифра; 13 — САЭ-1973/ЛП2-16999. 1 — тип ФП; 2, 7 — тип 2; 3-6 — тип 1; 8, 9 — тип 7

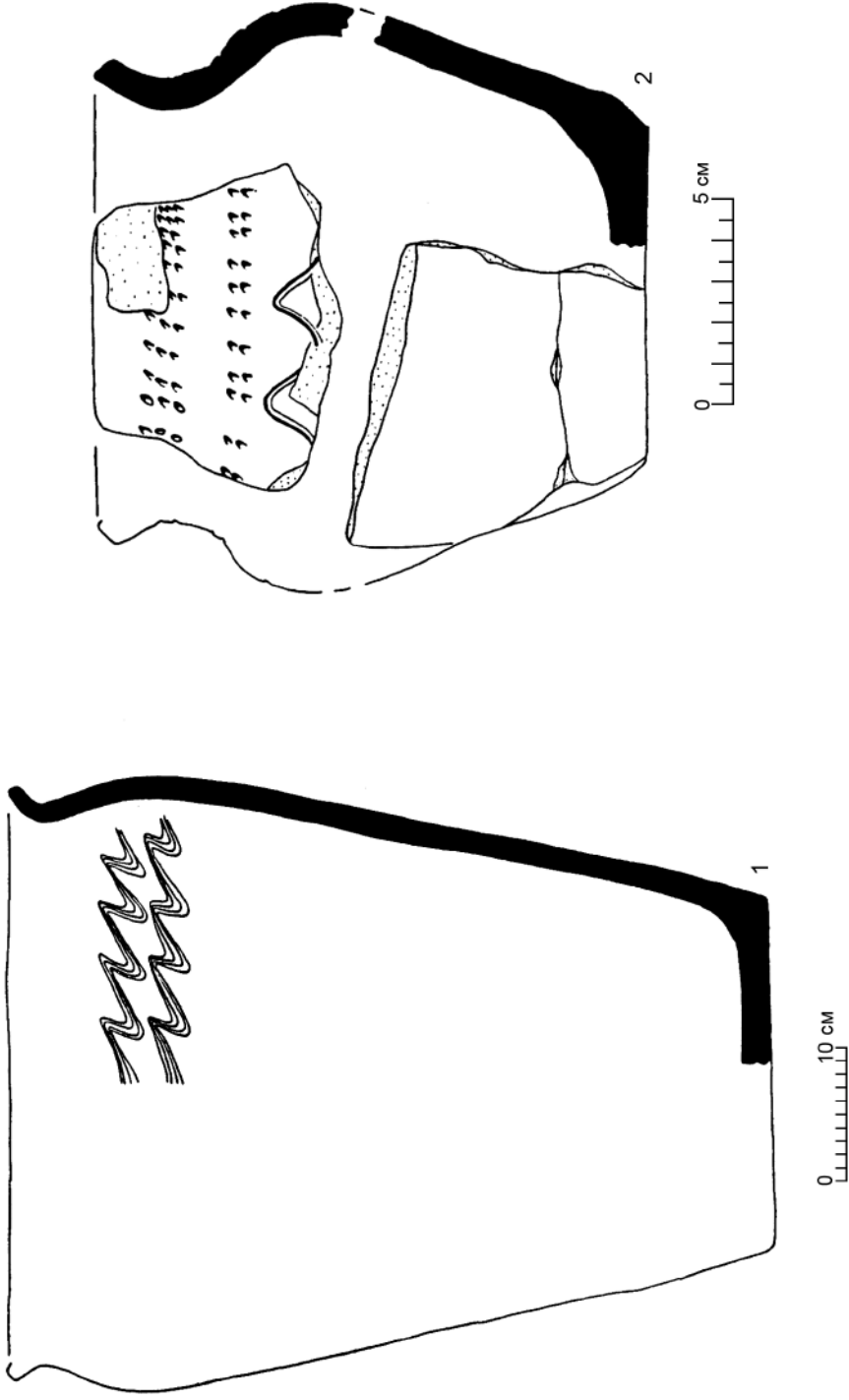
Ил. 119. Раскоп на Варяжской ул., штык 6: 1 — САЭ-1974/ЛП2-9306; 2 — САЭ-1973/ЛП2-17168; 3 — САЭ-1973/ЛП2-17167; 4 — САЭ-1974/ЛП2-8881; 5 — САЭ-1974/ЛП2-437; 6 — САЭ-1974/ЛП2-8174; 7 — САЭ-1973/ЛП2-16494; 8 — САЭ-1973/ЛП2-16391; 9 — САЭ-1974/ЛП2-2036; 10 — САЭ-1975/ЛП2-3287; 11 — САЭ-1974/ЛП2-8704. 1-4, 11 — тип 5; 5, 6 — тип 7; 7, 10 — тип 4; 8 — сковорода типа Ф₂И; 9 — тип ФУ

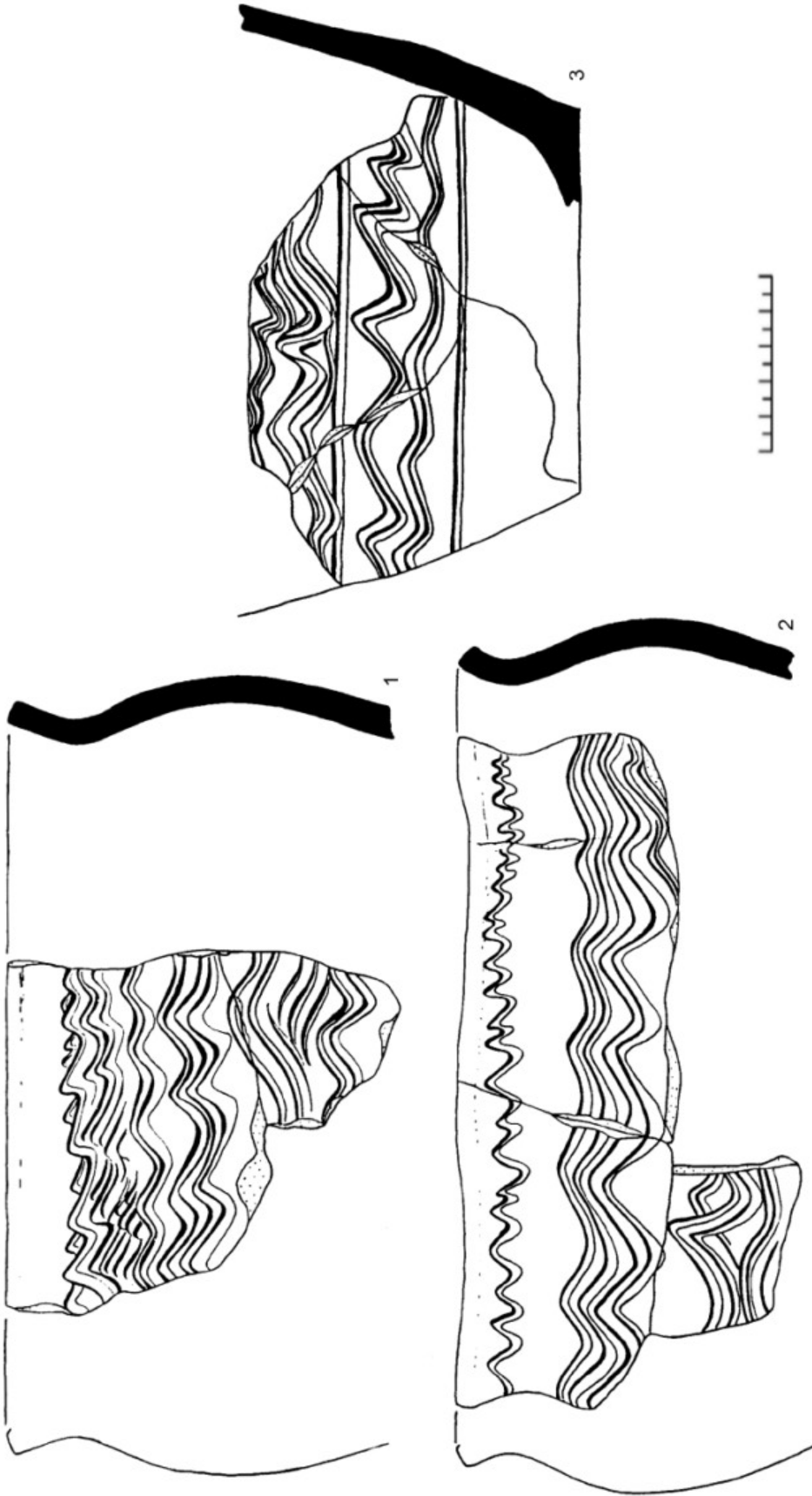
Ил. 120. Раскоп на Варяжской ул., штык 6: 1 — САЭ-1974/ЛП2-7237; 2 — САЭ-1974/ЛП2-422; 3 — САЭ-1975/ЛП2-3557; 4 — САЭ-1975/ЛП2-1559; 5 — САЭ-1975/ЛП2-2875; 6 — САЭ-1975/ЛП2-3091; 7 — САЭ-1974/ЛП2-6791; 8 — САЭ-1974/ЛП2-9226; 9 — САЭ-1974/ЛП2-9073, 9074; 10 — САЭ-1974/ЛП2-6792; 11 — САЭ-1974/ЛП2-6783; 12 — САЭ-1975/ЛП2-3330; 13 — САЭ-1975/ЛП2-3437. 1-8, 13 — тип 1; 9 — тип 9; 10 — тип ФV; 11, 12 — тип 5 (?)

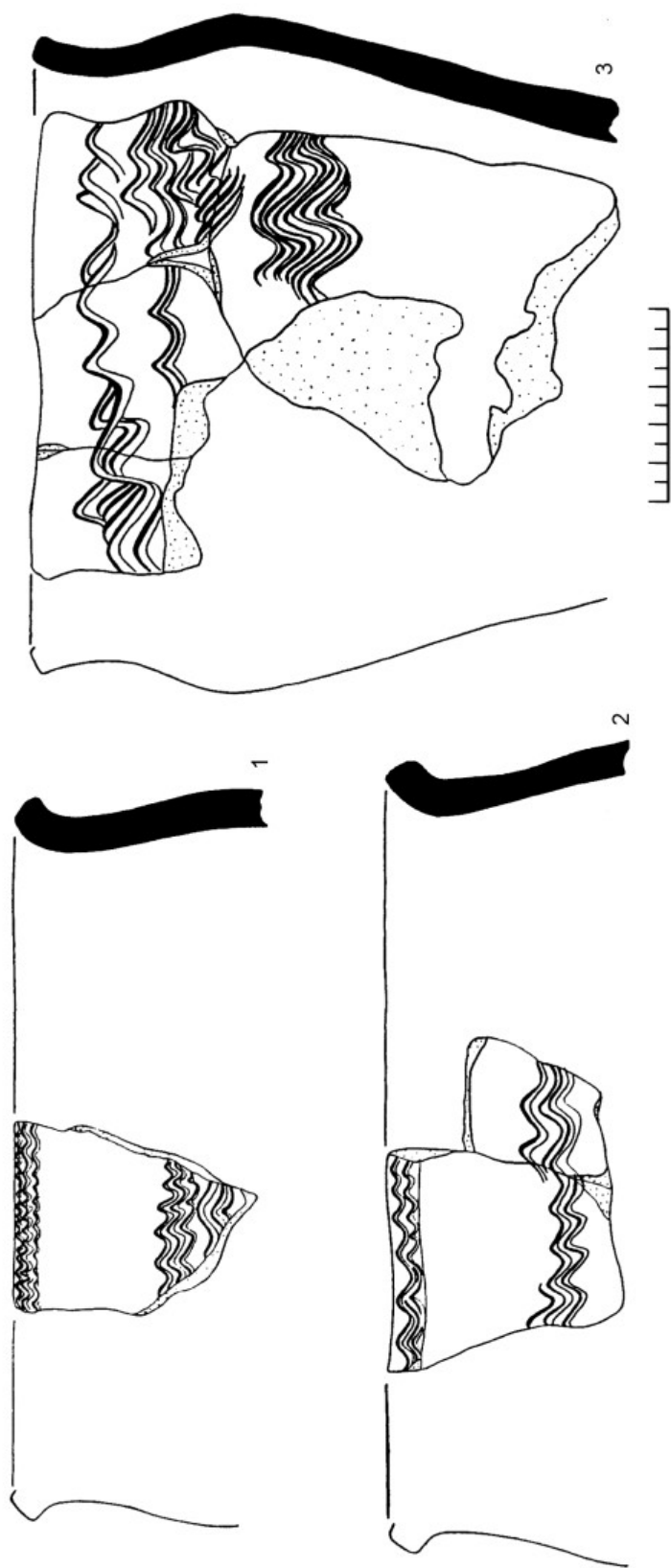
Ил. 121. Раскол на Воряжской ул., штык 5-6: 1 — САЭ-1973/ЛП2-17422, 17423; 2 — САЭ-1974/ЛП2-6284, 7131, 8162, 8617, 9010, 9012; 3 — САЭ-1973/ЛП2-14316; 4 — САЭ-1974/ЛП2-1967; 5 — САЭ-1973/ЛП2-12871; 6 — САЭ-1973/ЛП2-14158; 7 — САЭ-1974/ЛП2-9045. 1 — тип ФІВ; 2, 3, 5 — тип 5; 4, 6 — тип 1

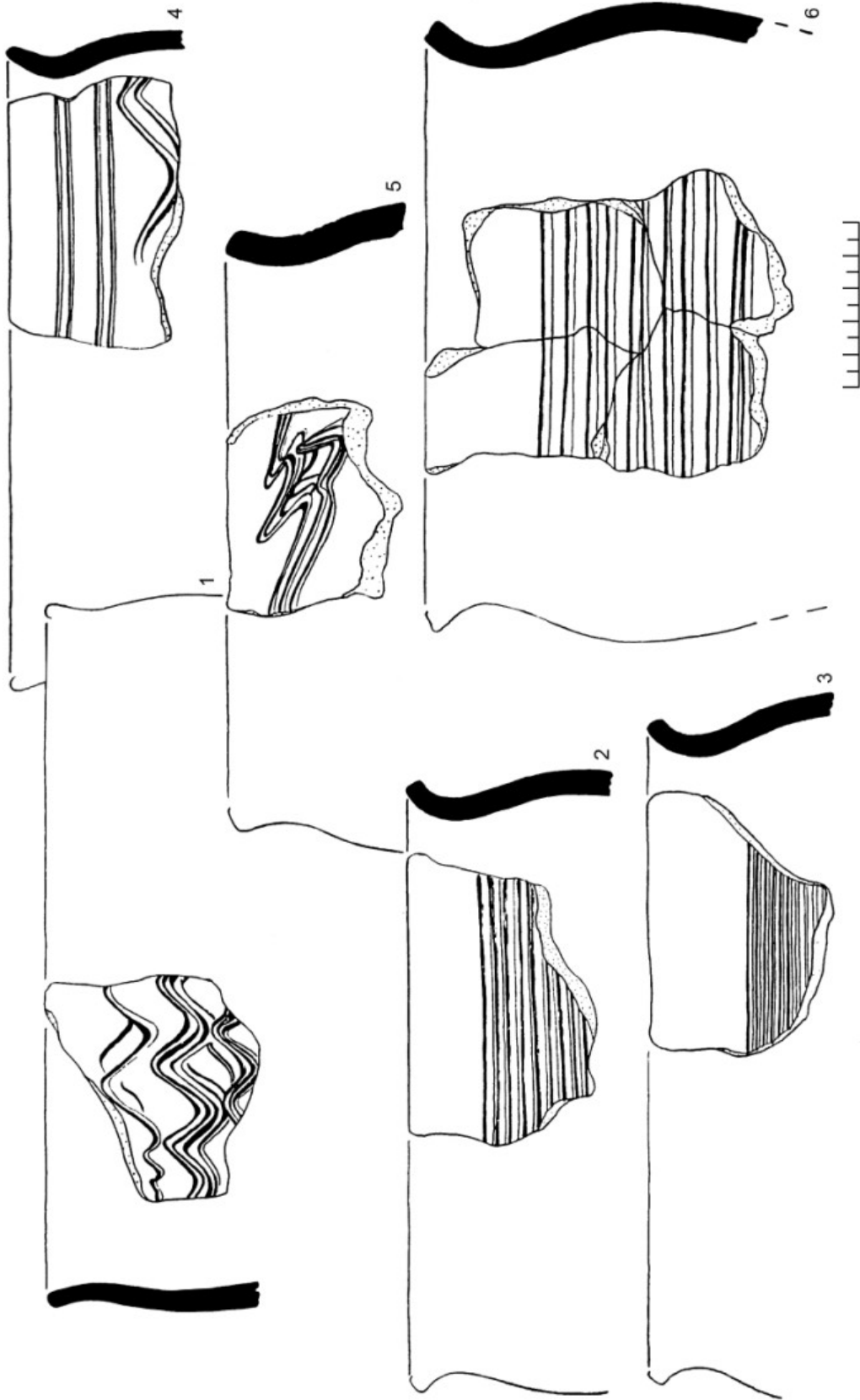
Ил. 122. Раннегончарная керамика, раскоп на Варяжской ул.: 1 — САЭ-1973/ЛП2-12085; 2 — САЭ-1976/ЛП-32, 34.
1 — группа 3; 2 — группа 4

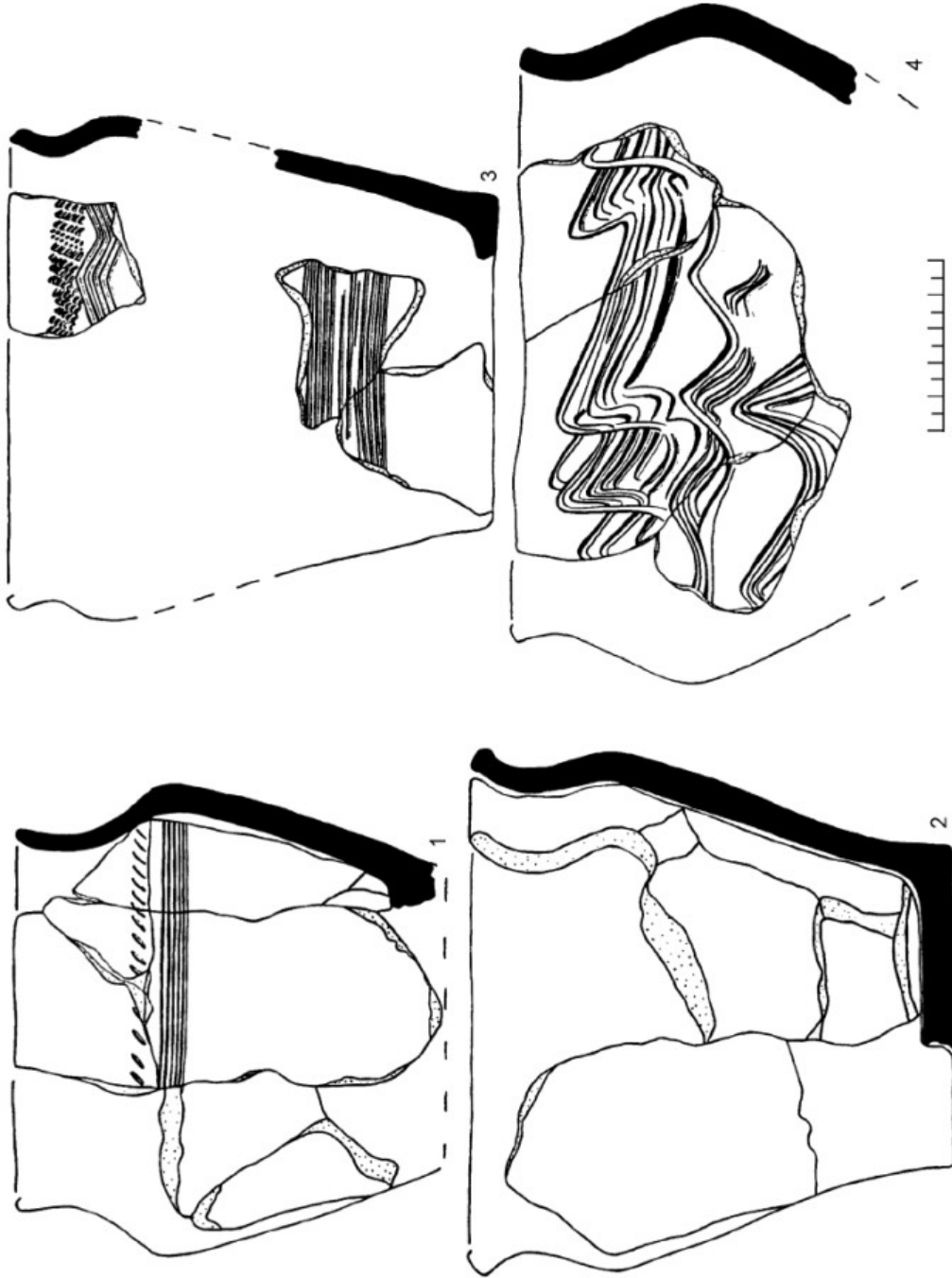
Ил. 123. Раннегончарная керамика, горизонт Д Земляного городища: 1, 3 — ЛГ-154, 204. 1, 2 — группа 4

Ил. 124. Раннегончарная керамика, горизонт Д Земляного городища: 1 — ЛГ-204; 2 — ЛГ-203, 206; 3 — ЛГ-152. 1, 2 — группа 3; 3 — группа 2

Ил. 125. Раннегончарная керамика, горизонт Д Земляного городища (1, 4, 5) и раскоп на Варяжской ул. (2, 3, 6): 1 — ЛГ-140; 2 — САЭ-1975/ЛП2-4159; 3 — САЭ-1975/ЛП2-4399; 4 — ЛГ-169; 5 — ЛДГ-2; 6 — САЭ-1975/ЛП2-4403, 4407, 4396, 4397. 1, 5 — группа 1; 2-4, 6 — группа 3

Ил. 126. Раннегончарная керамика, горизонт Д Земляного городища (4) и раскоп на Варяжской ул. (1–3): 1 — САЭ-1976/ЛП-4206, 4210, 4211, 4214, 4456; 2 — САЭ-1973/ЛП2-17576, 17580, 14251, 14257; 3 — САЭ-1976/ЛП-1338, 1343, 1527; 4 — ЛП-154. 1, 2, 4 — группа 2; 3 — группа 3

КРАТКИЕ ИТОГИ

*Как всегда в подлинной науке, по этой дороге можно только идти.
Дойти до конца по ней нельзя. Но это недостаток только в глазах тех,
кто не понимает, что такое знание.*

Ю. М. Лотман¹

Уже неоднократно говорилось и писалось о том, что масштабные раскопки, проводившиеся в Старой Ладогe на протяжении XX в., в силу разных причин издавались фрагментарно, а многие разработки их материалов остались неизданными и хранятся в архивах. Исключение составляет, пожалуй, только серия статей О. И. Давидан, посвященных отдельным категориям находок из раскопок Староладожской экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса. Но поскольку Ольга Ивановна опиралась исключительно на неизданные полевые материалы, ее исследовательская «кухня» осталась недоступной читателю.

Тем временем росло количество гипотез и интерпретаций, основанных, как правило, на выборочно изданных наиболее эффектных находках. В результате сформировался миф о Старой Ладогe, лишь отчасти опирающийся на разработки конкретного археологического материала. Миф в свою очередь породил нигилистические оценки самого памятника как чего-то заурядного.

Подспудно растущая неудовлетворенность сложившейся ситуацией переросла в уверенность, что дальнейшие полевые исследования малоэффективны без переосмысления всего накопленного за последнее столетие материала. Таким образом, идея создания Ладожского Корпуса археологических источников витала в воздухе. В то же время ясно, что систематическое издание всего археологического материала в силу его объема и разнообразия в настоящее время вряд ли возможно. Не следует забывать и о необходимости оперативного введения в научный оборот результатов новейших исследований. Современная Старая Ладога — хотя и небольшое (около 2000 жителей), но динамично развивающееся поселение, что заставляет периодически обращаться к внеочередным спасательным раскопкам.

В задуманной (и осуществляемой) серии коллективных монографий сочетаются материалы новейших полевых исследований с изданием архивных, неизвестных или прочно забытых, источников. Во главу угла при этом ставится археологическое источниковедение. Два первых выпуска «Новое в археологии Старой Ладогe» (2018 г. и настоящий — 2022 г.) выходят при финансовой поддержке РФФИ («Древности», проект № 18-09-40111). Из этого же источника финансировалась монография, которая содержит полный каталог находок археологического текстиля, войлока и меха в культурном слое Старой Ладогe за период с 1911 по 2013 г. (Орфинская, Михайлов 2020).

Благодаря этим изданиям несколько важных тем ладожской археологии можно считать «закрытыми» на обозримое будущее. Это прежде всего выполненное С. В. Белецким (1953–2022) издание сфрагистической коллекции средневековой Ладогe (Новое в археологии... 2018: 335–418). В очерке политической истории Ладогe XI–XV вв., написанном С. В. Белецким, много гипотетичного, и он без сомнения вызовет

¹ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука, 2016. С. 105.

споры, но дискуссии будут вестись на базе данного свода, который сохранит значение археологического источника на многие годы.

Исследование лепной и раннегончарной керамики Ладоги Т. Б. Сениченковой, публикуемое в данном, втором, выпуске «Новое в археологии Старой Ладоги», ценно не только исчерпывающей сводкой материала (в том числе и утраченного к настоящему времени), но и тем, что ладожская керамика анализируется на широком фоне новейших исследований памятников лесной зоны Восточной Европы рубежа I–II тыс. н. э. Значение этой работы далеко выходит за рамки собственно ладожской тематики.

Уже упомянутая монография О. В. Орфинской и К. А. Михайлова (Орфинская, Михайлов 2020) уникальна по охвату материала и никогда не устареет как археологический источник.

Следует отметить публикацию Н. В. Григорьевой и С. В. Лалазаровым архивных материалов раскопок Н. К. Стеценко в Ладожской крепости. Впервые представлена убедительная реконструкция плана первой каменной крепости X в.

Наряду с темами, нашедшими удовлетворительное разрешение на современном уровне наших знаний, наметились только первые подступы к изданию массива информации, связанной с раскопками экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса в центральной части Земляного городища. В 2018–2020 гг. в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде» была осуществлена оцифровка чертежей Староладожской экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса на Земляном городище в Старой Ладоге (1938–1940, 1945–1950, 1957–1959 гг.) из фондов Научного архива ИИМК РАН.

В рамках этой темы исследована стратиграфия верхних горизонтов Земляного городища и соотношение с ней грунтового могильника у церкви св. Климента по материалам раскопок 1938–1940 гг. (Новое в археологии... 2018: 66–134). В главе 3 настоящего издания, написанной П. А. Миляевым, впервые ярусы построек второй половины XVI — начала XVII в. на участках в центральной и южной частях Земляного городища доказательно увязаны между собой. Проведена стратиграфическая граница между Ладогой средневековой (улица XV — первой половиной XVI в., проходившая с юга на север через территорию будущего городища) и Ладогой нового времени (насыпка бастионов в конце XVI в. и пожар 1611 г.). Представленная в данном выпуске публикация радиоуглеродных дат, полученных по Ладожскому комплексу, ставит вопрос о существовании Ладожского поселения ранее середины VIII в. — даты, установленной методом дендроанализа. Тема требует дальнейшей проработки.

В результате мониторинга 2021 г. все памятники Ладожского комплекса получили точные координаты. В настоящее время впервые выполнена точная топографическая привязка границ раскопов Н. И. Репникова, В. И. Равдоникаса, Е. А. Рябины и А. Н. Кирпичникова на Земляном городище. Стратиграфическая увязка всех частей раскопанной с 1909 по 2013 г. площади городища — назревшая необходимость. Среди прочих актуальной задачей остается подготовка к печати рукописи Г. Ф. Корзухиной «Ладожские постройки горизонта E₃», хранящейся более 50 лет в Научном архиве ИИМК РАН. Обновленная хроностратиграфия Земляного городища даст импульс к возвращению на новом источниковедческом уровне к таким темам, как общая хронология находок, раннесредневековое домостроительство, и многим другим, материалы к которым содержит уникальный археологический комплекс Старой Ладоги.

В. А. Лапшин

Архивные источники, коллекции, литература

Архивные источники

- Башенькин 1986А — *Башенькин А. Н.* Юго-Западное Белозерье во 2-й половине I — начале II тыс. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986 // Научная библиотека им. М. Горького СПбГУ. Д/13113 (текст, с. 1–193); Д/13113-2 (приложение, с. 194–374).
- Белецкий 1979А — *Белецкий С. В.* Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тысячелетия н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1979 // НОА ИА РАН. Р-2. № 2259. 456 с.
- Богуславский 1992А — *Богуславский О. И.* Южное Приладожье во второй половине I — начале II тысячелетия н. э. (опыт историко-культурной периодизации): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992 // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2-д. Д. 507. 305 с.
- Григорьева 2015А — *Григорьева Н. В.* Отчет о научно-исследовательских работах Георгиевского отряда Староладожской археологической экспедиции на территории объекта культурного наследия федерального значения «Крепость „Старая Ладога“» в селе Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2014 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 42025.
- Григорьева 2019А — *Григорьева Н. В.* Отчет о научно-исследовательских раскопках Георгиевского отряда Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН на территории двора Ладожской крепости около Раскатной башни в с. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2015 г. ИИМК РАН. СПб., 2019 // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 61540.
- Григорьева 2020Аа — *Григорьева Н. В.* Отчет об археологических разведывательных работах на объекте культурного наследия федерального значения «Крепость „Старая Ладога“», основана в XII в., перестроена в XV–XVI вв. в Волховском районе Ленинградской области в 2019 г. Шурфы №№ 6 и 7 // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 65750.
- Григорьева 2020Аб — *Григорьева Н. В.* Отчет о разведывательных работах (археологические наблюдения) на объекте культурного наследия федерального значения «Крепость „Старая Ладога“», основана в XII в., перестроена в XV–XVI вв. в Волховском районе Ленинградской области в 2019 г. Шурфы №№ 1–5 // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 65751.
- Гроздилов 1938А — *Гроздилов Г. П.* Черновой отчет о раскопках в Старой Ладоге в 1938 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 199.
- Гроздилов 1938Аа — Отчет Г. П. Гроздилова о работе Староладожской экспедиции истфака ЛГУ за 1938 г. (Земляное городище) // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1938 г. Д. 235.
- Гроздилов 1947А — Дневник полевых работ Староладожской экспедиции за 1947 г. (дневник Г. П. Гроздилова) // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1947 г. Д. 3–7.
- Гроздилов 1948А — *Гроздилов Г. П.* Отчет о раскопках в Старой Ладоге в 1948 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1948 г. Д. 83.
- Гроздилов 1949А — *Гроздилов Г. П.* Дневник № 3 археологических работ в Старой Ладоге в 1949 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1949 г. Д. 136.
- Гроздилов 1950А — *Гроздилов Г. П.* Дневник раскопок Староладожской экспедиции 1950 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1950 г. Д. 12, 13.
- Давидан 1958А — *Давидан О. И.* Дневник Староладожской экспедиции 1958 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1958 г. Д. 14.

- Дневники... 1957А — Дневники Староладожской экспедиции за 1957 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 53. Оп. 1. 1957 г. Ед. хр. 1–3.
- Исланова 2019А — *Исланова И. В.* Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты: Дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИА РАН, 2019. 338 с. // НОА ИА РАН. Р-2. № 2879 (текст, с. 1–359), № 2880 (приложения и иллюстрации, с. 360–697).
- Кирпичников 1969А — *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках древнего Орешка в 1969 г. Иллюстрации к отчету // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1969 г. Д. 149.
- Кирпичников 1971А — *Кирпичников А. Н.* Рисунки находок оружия в Оружейной палате и остроге Кирилло-Белозерского монастыря в 1971 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. 1971 г. Оп. 1. Д. 146.
- Кирпичников 2000А — *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции в июле–августе 1999 г. в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области // НОА ИА РАН. Р-1. № 22713. 2000.
- Кирпичников 2001А — *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции в пос. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2000 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 33756. 2001.
- Кирпичников 2011А — *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2010 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп.1. 2010 г. Д. 16–17.
- Кирпичников 2014А — *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН в с. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2013 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. 2013 г. Д. 36.
- Кирпичников, Овсянников 1976А — *Кирпичников А. Н., Овсянников О. В.* Крепость Старая Ладога. Историческое и архитектурно-археологическое исследование Ладожской каменной и земляной крепостей. ЛО СНРПМ. Л., 1976 // Архив ОАО «НИИ Спецпроект-реставрация». № 641, 655.
- Корзухина 1969А — *Корзухина Г. Ф.* Ладожские постройки горизонта Е₃ // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 77. № 69.
- Лалазаров 2019А — *Лалазаров С. В.* Тайничная башня, Юго-Восточное прясло, Северо-Восточное прясло Ладожской крепости. Архитектурно-археологические обмеры конструкций памятника в границах археологических шурфов. Научно-проектная документация. Раздел «Комплексные научные исследования». Шифр 03-25-102/2019-ОЧ1. СПб., 2019 // Архив Комитета по охране памятников Ленинградской области.
- Лаушкин 1959А — *Лаушкин К. Д.* Дневник раскопок в Ладоге в 1959 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1959 г. Д. 9, 10.
- Орлов 1976А — *Орлов С. Н.* Отчет об археологических исследованиях на территории Новгородской области в 1976 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 6153-а.
- Орлов 1978А — *Орлов С. Н.* Отчет об археологических исследованиях в Демянском районе Новгородской области и на городище Княжая Гора в 1978 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 7166-а.
- Отчет... 1950А — Отчет о работах Староладожской экспедиции за 1950 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1950 г. Д. 41.
- Отчет... 1957А — Отчет о работах Староладожской экспедиции 1957 г. (под руководством В. И. Равдоникаса) // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1957 г. Д. 10.
- Петренко 1976А — *Петренко В. П.* Отчет о работах Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1976 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1976 г. Д. 46.
- Равдоникас 1940А — *Равдоникас В. И.* Дневник раскопок Староладожской экспедиции исторического ф-та ЛГУ в 1940 г. (копия Г. Ф. Корзухиной) // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 118.
- Равдоникас 1947А — *Равдоникас В. И.* Отчет о раскопках в Старой Ладоге в 1947 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1947 г. Д. 60.
- Равдоникас 1949А — *Равдоникас В. И.* Раскопки в Старой Ладоге в 1949 г. Отчет с иллюстрациями // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1949 г. Д. 133.

- Равдоникас 1958А — *Равдоникас В. И.* Раскопки в Старой Ладоге в 1958 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1958 г. Д. 2.
- Равдоникас 1959А — *Равдоникас В. И.* Отчет Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР 1959 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1959 г. Д. 45.
- Равдоникас, Гроздилов 1949А — *Равдоникас В. И., Гроздилов Г. П.* Отчет о раскопках в Старой Ладоге в 1949 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1949 г. Д. 48.
- Рябинин 1981Аа — *Рябинин Е. А.* Отчет о полевых исследованиях Староладожского Земляного городища в 1981 году под руководством Е. А. Рябина // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1981 г. Д. 31.
- Рябинин 1981Аб — *Рябинин Е. А.* Отчет о полевых исследованиях Староладожского Земляного городища в 1981 году под руководством Е. А. Рябина. Альбом иллюстраций // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1981 г. Д. 32.
- Седых 1988А — *Седых В. Н.* Керамическое производство Ярославского Поволжья IX–XIII вв: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988 // Научная библиотека им. М. Горького СПбГУ. Д/15624. 358 с.
- Стеценко 1981А — *Стеценко Н. К.* Отчет об архитектурно-археологических исследованиях Ладожской крепости. 1980 г. Л., 1981 // Архив ЛФИ «Спецпроектреставрация». № 1801.
- Стеценко 1983А — *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1982 г. Л., 1983 // Архив Староладожского историко-архитектурного и археологического музея заповедника. Входящий № 150 / НА НИИ «Спецпроектреставрация». Раб. № 2318.
- Стеценко 1984Аа — *Стеценко Н. К.* Отчет об архитектурно археологических исследованиях 1983 г. В 2 т. Т. I. Текст отчета, фотоиллюстрации. Л., 1984 // НА НИИ «Спецпроектреставрация». Раб. № 2739. 1984 г.
- Стеценко 1984Аб — *Стеценко Н. К.* Отчет об архитектурно археологических исследованиях 1983 г. В 2 т. Т. II. Рисунки находок из раскопов 1979–83 гг. Л., 1984 // Архив НИИ «Спецпроектреставрация». Раб. № 2740. 1984 г.
- Стеценко 1985А — *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Церковь Георгия. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1984 г. Т. I. Текст отчета. Иллюстрации. Л., 1985 // НА Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника. № 445.
- Стеценко 1986А — *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1985 г. Т. I. Текст отчета, иллюстрации. Л., 1986 // НА Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника. № 151.
- Стеценко и др. 1991А — *Стеценко Н. К., Лалазаров С. В., Воинова И. Л.* Ладожская крепость. Материалы натурных исследований восточной линии укреплений. Отчет ЛФИ «Спецпроектреставрация». 1991 г. // НА НИИ «Спецпроектреставрация». № 5200, 5201.
- Стеценко и др. 1992А — *Стеценко Н. К., Лалазаров С. В., Воинова И. Л.* Ладожская крепость. Материалы натурных исследований восточной линии укреплений. Отчет ЛФИ «Спецпроектреставрация». 1992 г. // НА НИИ «Спецпроектреставрация». № 5265, 5266.
- Стеценко и др. 1994А — *Стеценко Н. К., Лалазаров С. В., Воинова И. Л.* Ладожская крепость. Материалы натурных исследований восточной линии укреплений за 1993 г. Отчет ЛФИ «Спецпроектреставрация». 1994 г. // НА НИИ «Спецпроектреставрация». № 8677, 8678.
- Стеценко и др. 1995А — *Стеценко Н. К., Лалазаров С. В.* Ладожская крепость. Восточная линия укреплений. Материалы натурных исследований за 1994 г. Отчет ЛФИ «Спецпроектреставрация». 1995 // НА НИИ «Спецпроектреставрация». № 5521, 5522.
- Хаустова 1977А — *Хаустова И. А.* Северо-западное прясло. Материалы обследований. Обмеры шурфы. Л., 1977 // Архив НИИ «Спецпроектреставрация». Арх. № 923.
- Хаустова 1978Аа — *Хаустова И. А.* Старая Ладога. Крепость. Северо-западное прясло. Материалы исследований. Обмер, шурфы. Дополнение (после расчисток в процессе производства работ). Л., 1978 // Архив НИИ «Спецпроектреставрация». Арх. № 1064.
- Хаустова 1978Аб — *Хаустова И. А.* Старая Ладога. Крепость. Северо-западное прясло. Материалы исследований. Фотофиксация. Л., 1978 // Архив НИИ «Спецпроектреставрация». Арх. № 1251.

- Штакельберг 1959А — *Штакельберг Ю. И.* Дневник раскопок в Старой Ладогe в 1959 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1959 г. Д. 11.
- Юшкова 2011А — *Юшкова М. А.* Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011 // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2-д. Д. 713. 386 с.

Коллекции

1. Государственный Эрмитаж

ОАВЕС. Коллекции 7–10, 13, 16–18, 68, 71, 85, 852, 2082, 2425, 3793.

Керамический материал из раскопок Е. А. Рябина на Земляном городище Старой Ладоги в 1981–1985 гг. (кол. 336-1, 336-2, 336-3).

2. Фонды Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Материалы раскопок К. М. Плоткина на городище Камно Псковской области в 1973–1975 гг. Материалы раскопок С. Л. Кузьмина на пос. Засобье в Лужском районе Ленинградской области в 1990 г.

Материалы раскопок Е. М. Колпакова могильника Гонгиничи в Лодейнопольском районе Ленинградской области в 1994 г.

Материалы раскопок В. А. Назаренко курганного могильника Галично II в Бокситогорском районе Ленинградской области в 1974 г.

3. Институт истории материальной культуры РАН

Материалы раскопок Е. Н. Носова на пос. Новые Дубовики в Волховском районе Ленинградской области в 1972 г.

Материалы раскопок Е. А. Рябина на селище Карасенка в бассейне р. Лидь в Бокситогорском районе Ленинградской области в 1988 г.

Материалы из раскопок О. И. Богуславского и А. Д. Мачинской Городища на р. Сясь Ленинградской обл. в 1992, 1996–1997 гг.

Материалы раскопок Е. М. Колпакова могильника Гонгиничи Ленинградской обл. в 1996 г.

4. Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник

Керамический материал из раскопок В. П. Петренко в Старой Ладогe в районе Варяжской улицы в 1973–1976 гг.

5. Фонды Тверского государственного объединенного музея

Материалы из раскопок И. В. Ислановой (Юрьевская Горка, Подол, Рогово, Осечен, Поминово, Шитовичи, Мердугино, Яблонька, Курово).

6. Институт истории НАН Беларуси

Материалы могильников Гуры, Рудня, Сосенка, селища Турилово, городища Тясты, Прудники, Засвирь, пос. Микольцы.

7. Национальный музей Литвы

Материалы курганных групп в Куркляушилос, Кармазиная, Памушис, Кретуонис, Неравай.

Литература

Александров 1982 — *Александров А. А.* Полусферические курганы с трупосожжениями на Псковщине // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 136–142.

Александровский 2012 — *Александровский А. Л.* Радиоуглеродный возраст пахотного горизонта под культурным слоем Земляного городища Старой Ладоги // Ладoga и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 3 / Кирпичников А. Н. (ред.). СПб., 2012. С. 58–61.

Александровский 2020 — *Александровский А. Л.* Раскоп 6 на Земляном городище и шурф 2019 г. на Варяжской ул.: стратиграфия, хронология, погребенные почвы // АВ. 2020. Вып. 30. С. 186–189.

- Александровский и др. 2009 — Александровский А. Л., Арсланов Х. А., Давыдова Н. Н., Долуханов П. М., Зайцева Г. И., Кирпичников А. Н., Кузнецов Д. Д., Лавенто М., Лудикова А. В., Носов Е. Н., Савельева Л. А., Сапелко Т. В., Субетто Д. А. Новые данные относительно трансгрессии Ладожского озера, образования реки Невы и земледельческого освоения Северо-Запада России // Доклады РАН. Т. 424, № 5. М.: Изд-во РАН, 2009. С. 682–687.
- Александровский и др. 2010 — Александровский А. Л., Кренке Н. А., Нефёдов В. С. Исследования почв и отложений под культурным слоем Земляного городища Старой Ладоги // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1 / Под ред. Е. Н. Носова, С. В. Белецкого. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 43–61.
- Александровский и др. 2018 — Александровский А. Л., Лапшин В. А., Григорьева Н. В., Александровская Е. И., Скрипкин В. В. Почвообразование на территории Старой Ладоги в неолите и раннем средневековье // ЗИИМК. 2018. № 18. С. 99–104.
- Алексеев 1999 — Алексеев А. Путешествие по России 1809 года. Десять писем к А. Н. Оленину // Источник. Документы русской истории. М., 1999. Вып. 5 (41).
- Алещукин и др. 2003 — Алещукин Л. В., Рябинин Е. А., Шитов М. В. Палеопочвы Любши — свидетельство ландшафтно-геохимических условий Нижнего Поволжья в раннем средневековье // Вестник СПбГУ. Серия 7. Геология. 2003. Вып. 2. С. 52–63.
- Амвросий 1812 — Амвросий, архим. История российской иерархии. Ч. IV. М.: Синод. типогр., 1812. 837 с.
- Андрианова 2014 — Андрианова Л. С. Охранные раскопки в исторической части Вологды в 2011 году // Археология Севера: Материалы V археологических чтений памяти С. Т. Еремеева. Вып. 5. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2014. С. 200–217.
- Аникович 1989 — Аникович М. В. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // СА. 1989. № 4. С. 115–127.
- Аникович 1992 — Аникович М. В. К определению понятия «археологическая эпоха» // РА. 1992. № 1. С. 85–94.
- Аникович 2003–2004 — Аникович М. В. Принципы археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // Stratum plus. 2003–2004. № 1. С. 487–505.
- Аникович 2014 — Аникович М. В. Археологическая культура эпохи верхнего палеолита в контексте дискретного и структурного анализа // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции / Васильев С. А., Ткач Е. С. (отв. ред.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. С. 15–28.
- Арзютов 1926 — Арзютов Н. К вопросу о так называемой «рогожной» керамике // Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения. Вып. 35, ч. 1. Саратов, 1926. С. 79–84.
- Аристе 1956 — Аристе П. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Т. 1. Таллин, 1956. С. 5–11.
- Арсланов и др. 2020 — Арсланов Х. А., Новенко Е. Ю., Сапелко Т. В., Дергачев В. А., Носевич Е. С., Максимов Ф. Е., Петров А. Ю., Григорьев В. А., Денисенков В. П., Левченко С. Б. Короткопериодные изменения климата на Северо-Западе России за последние 2300 лет и их корреляция с изменениями солнечной активности // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. Н. Д. Буровой, А. А. Выборнова, М. А. Кульковой. СПб.; Самара: Порто-Принт, 2020. С. 12–14.
- Артамонов 1962 — Артамонов М. И. История хазар / Гумилев Л. Н. (ред. и прим.). Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
- Артамонов 1967 — Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Л.: ЛГУ, 1967. С. 29–69.
- Артемьев 2005 — Артемьев А. Р. Археологические исследования русских памятников Нового времени в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье // РА. 2005. № 1. С. 155–166.
- Арутюнов 1989 — Арутюнов С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 248 с.

- Арутюнов, Хазанов 1979 — Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Проблема археологических критериев этнической специфики // Советская этнография. 1979. № 6. С. 79–89.
- Арутюнов, Чебоксаров 1972 — Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп // Расы и народы. 1972. Вып. 2. С. 8–30.
- Археалогія Беларусі... 1999 — Археалогія Беларусі. У 4 т. Т. 2: Жалезны век і ранняе сяреднявечча / Шадыра В. І., Вяргей В. С. (рэд.). Мінск: Бел. навука, 1999. 502 с.
- Археологические культуры... 1991 — Археологические культуры и культурная трансформация: Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Массон В. М., Боряз В. Н., Аникович М. В. (отв. ред.). Л.: МГПП «Курс», 1991. 162 с. (Археологические изыскания. Вып. 1).
- Аун 1976 — Аун М. Исследование курганов в Пыльварском районе // Известия АН ЭССР. 1976. Т. 25. Общественные науки. № 1. С. 58–63.
- Аун 1976а — Аун М. Лепная керамика городищ и селищ юго-восточной Эстонии во 2-й половине I тыс. н. э. // Известия АН ЭССР. 1976. Т. 25. Общественные науки. № 4. С. 343–363.
- Аун 1980 — Аун М. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры / Селиранд Ю. (отв. ред.). Таллин: Валгус, 1980. 137 с.
- Аун 1981 — Аун М. Э. Развитие курганного обряда в юго-восточной Эстонии во второй половине I тыс. н. э. // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 17–22.
- Аун 1992 — Аун М. Э. Археологические памятники второй половины 1-го тыс. н. э. в Юго-Восточной Эстонии / Седов В. В. (ред.). Таллинн: Олион, 1992. 198 с.
- Балюнов 2013 — Балюнов И. В. Ручное огнестрельное оружие конца XVI–XVII вв. (по материалам фондов ТИАМЗ) // Реликвариум. Тобольск: ТИАМЗ, 2013. № 4. С. 49–51.
- Барышев и др. 2014 — Барышев И. Б., Кулиев А. Н., Умняшов А. Б. Археологические исследования Пустозерского городища в 2013 г. // Культурологический журнал: Электронное периодическое рецензируемое научное издание. 2014. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/260.html&j_id=19 (дата обращения: 01.05.2022).
- Башенькин 1985 — Башенькин А. Н. Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Носов Е. Н., Массон В. М. (отв. ред.). Л.: Наука, 1985. С. 77–81.
- Башенькин 1986 — Башенькин А. Н. Юго-Западное Белозерье во 2-й половине I — начале II тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 18 с.
- Башенькин 1993 — Башенькин А. Н. Сопки и длинные курганы в Юго-Западном Белозерье // Славянская археология. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян / Седов В. В., Чернецов А. В. (отв. ред.). М.: Наука; Восточная литература, 1993. С. 135–143 (Материалы по археологии России. Вып. 1).
- Башенькин, Васенина 1989 — Башенькин А. Н., Васенина М. Г. Нижняя дата высоких погребальных насыпей Новгородской земли // ННЗИА. Вып. 2 / Янин В. Л. (отв. ред.). Новгород: НМЗ, 1989. С. 28–31.
- Белецкий 1975 — Белецкий С. В. Миска с налепным валиком из Старого Изборска // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 106–108.
- Белецкий 1977 — Белецкий С. В. Керамика городища Камно Псковской области // КСИА. 1977. Вып. 150. С. 92–95.
- Белецкий 1979 — Белецкий С. В. Керамика Псковской земли 2-й половины I — начала II тыс. н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. 17 с.
- Белецкий 1980 — Белецкий С. В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. 1980. Вып. 160. С. 3–18.
- Белецкий 1981 — Белецкий С. В. Раскопки Псковского городища в 1977–1978 гг. // Древнерусские города / Седов В. В. (отв. ред.). М.: Наука, 1981. С. 40–62.
- Белецкий 1983 — Белецкий С. В. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова / Седов В. В. (отв. ред.). М.: Наука, 1983. С. 46–80.
- Белецкий 1996 — Белецкий С. В. Начало Пскова / Лебедев Г. С. (отв. ред.). СПб.: Госкомстат, 1996. 110 с. (Археологические изыскания. Вып. 30).

- Белов и др. 1981 — *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. II. М.: Наука, 1981. 152 с.
- Бессарабова 1995 — *Бессарабова З. Д.* Новые сведения о древнем Ладожском поселении (по материалам археологического досмотра траншей IX и XI) // ННЗИА. Вып. 9 / Янин В. Л. (отв. ред.). Новгород, 1995. С. 54–65.
- Бессарабова 1998 — *Бессарабова З. Д.* Итоги археологического досмотра водопроводной траншеи VII на территории Никольского монастыря в 1982 г. // Староладожский сборник / Селин А. А. (ред.). СПб.; Старая Ладога, 1998. С. 50–60.
- Бломквист 1956 — *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. / Токарев С. А. (отв. ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 5–458.
- Бобринский 1961 — *Бобринский А. А.* Древнерусский гончарный круг легкого типа на территории северо-западных областей РСФСР // Вестник МГУ. Серия IX. История. 1961. № 4. С. 54–69.
- Бобринский 1962 — *Бобринский А. А.* Древнерусский гончарный круг // СА. 1962. № 3. С. 33–52.
- Бобринский 1962a — *Бобринский А. А.* К изучению техники древнерусского гончарства // Вестник МГУ. Серия IX. История. 1962. № 2. С. 39–54.
- Бобринский 1978 — *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения / Плетнева С. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский 1989 — *Бобринский А. А.* Методика изучения организационных форм гончарных производств // Керамика как исторический источник: Сб. ст. / Молодин В. И. (отв. ред.). Новосибирск: Наука, 1989. С. 10–43.
- Бобринский 1990 — *Бобринский А. А.* О некоторых признаках конвергентного формирования гончарных горнов // КСИА. 1990. Вып. 201. С. 31–39.
- Бобринский 1991 — *Бобринский А. А.* Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв. н. э.) / Седов В. В. (отв. ред.). М.: Наука, 1991. 215 с.
- Бобров 1991 — *Бобров В. В.* О понятии «археологическая культура» // Археологические культуры и культурная трансформация: Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Массон В. М., Боряз В. Н., Аникович М. В. (отв. ред.). Л.: Курс, 1991. С. 52–55.
- Богуславский 1993 — *Богуславский О. И.* Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX–XII вв. // Древности Северо-Запада: славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики / Массон В. М., Носов Е. Н., Рябинин Е. А. (ред.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. С. 132–157.
- Богуславский 2006 — *Богуславский О. И.* Комплекс памятников у деревни Городище на р. Сяси в системе синхронных древностей (вопросы анализа керамического комплекса) // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур / Кирпичников А. Н., Носов Е. Н., Сакса А. И. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2006. С. 16–40.
- Богуславский, Мачинская 1993 — *Богуславский О. И., Мачинская А. Д.* Сясьское городище и поселения нижнего Поволжья (опыт сопоставления) // ПАВ. № 6: Скифы. Сарматы. Славяне. Русь / Зуев В. Ю. и др. (отв. ред.). СПб.: ФАРН, 1993. С. 117–122.
- Бодэ и др. 2019 — *Бодэ А. Б., Зинина О. А., Косенков А. Ю., Попов В. А.* Традиционное строительство из дерева и плотницкое мастерство. М.: Институт наследия, 2019. 316 с.
- Бойцов 1995 — *Бойцов И. А.* Производственное сооружение середины XVII в. на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. / Рыбаков Б. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1995. С. 256–269.
- [Бороздин] 1805 — [Бороздин К. М.]. Начертание жизни князя Якова Федоровича Долгорукова. СПб., 1805. 83 с.
- Бранденбург 1896 — *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1896. 323 с.

- Булкин, Лебедев 1974 — *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка (к проблеме становления города) // *Культура средневековой Руси / Кирпичников А. Н., Раппопорт П. А.* (отв. ред.). Л.: Наука, 1974. С. 11–17.
- Булкин, Мачинский 1986 — *Булкин В. А., Мачинский Д. А.* Русь конца VIII — начала X в. на балто-волжском и балто-донском путях // *Финно-угры и славяне. Проблемы историко-культурных контактов / Савельева Э. А.* (отв. ред.). Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1986. С. 13–26.
- Булкин и др. 1978 — *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. / *Мавродин В. В.* (ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 152 с.
- Булкин и др. 1994 — *Булкин В. А., Мачинская А. Д., Мачинский Д. А.* Древняя Ладога: истоки славяно-балтского компонента // *Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса: Тез. докл. / Столяр А. Д.* (отв. ред.). СПб.: Гос. Эрмитаж, 1994. С. 37–38.
- Буров 1967 — *Буров Г. М.* Древний Синдор / *Канивец В. И.* (отв. ред.). М.: Наука, 1967. 220 с.
- Вакуленко 2004 — *Вакуленко Л. В.* Взаимосвязи культур позднеримского времени Карпатского и Днепро-Днестровского регионов // *Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: Доклады науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова / Горюнова В. М., Щеглова О. А.* (ред.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 96–107.
- Васильев 2013 — *Васильев М. А.* Кожаная сумка из Петровского XI раскопа в Пскове // *АИППЗ. Вып. 29.* М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 75–81.
- Васильев и др. 2022 — *Васильев С. А., Григорьева Н. В., Павлова М. С., Семенов С. А., Семенов К. В.* Результаты ландшафтно-археологических наблюдений на территории Земляного городища и перспективы дальнейших исследований // *АВ. 2022. Вып. 36.* С. 264–271.
- Васильева 2012 — *Васильева Н. Б.* Костяные и роговые изделия позднесредневековой Вологды (по материалам раскопок 2007–2008 гг. в исторической части города) // *Археология Севера: Материалы IV археологических чтений памяти С. Т. Еремеева. Вып. 4. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2012.* С. 92–98.
- Васк 1987 — *Васк А.* К вопросу о культуре штрихованной керамики и ее ареале // *АИППЗ / Седов В. В.* (отв. ред.). Псков, 1987. С. 76–78.
- Вассар 1955 — *Вассар А. К.* Укрепленное поселение Асва на о. Сааремаа // *Древние поселения и городища: Археологический сборник 1 / Моора Х. А., Янитс Л. Ю.* (ред.). Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1955. С. 113–133.
- Вдовиченко, Кудрявцев 2020 — *Вдовиченко М. В., Кудрявцев А. А.* Раскопки на территории Ситецкого монастыря под Новгородом в 2018 г. // *ННЗИА. Вып. 33. Великий Новгород: НМЗ, 2020.* С. 90–99.
- Векслер 2009 — *Векслер А. Г.* Раскопки на Великом посаде. Теплые торговые ряды. М.: ИД «Триумф принт», 2009. 224 с.
- Векслер 2015 — *Векслер А. Г.* Москва. Раскопки на Великом посаде. Улица Ильинка, Биржевая площадь, Старый Гостиный двор. Материалы исследований. М.: ТМ Продакшн, 2015. 456 с.
- Векслер, Беркович 2008 — *Векслер А. Г., Беркович В. А.* Московские печатки XVI–XVII вв. По материалам раскопок Центра археологических исследований г. Москвы 1994–2004 гг. // *РА. 2008. № 2.* С. 118–127.
- Векслер, Лихтер 2001 — *Векслер А. Г., Лихтер Ю. А.* Об одном типе стеклянных находок из культурного слоя Москвы XVII в. // *Древние ремесленники Приуралья: Труды конф. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ Уральского отделения РАН, 2001.* С. 365–375.
- Векслер, Петухов 2012 — *Векслер А. Г., Петухов С. П.* Памятники сфрагистики XIII–XVII вв. из раскопок в Москве // *Археология Москвы — линия жизни: Сб. статей и материалов в связи с 80-летием академика архитектуры А. Г. Векслера и к 20-летию крупномасштабных археологических исследований Манежной площади, проводившихся под его руководством. М.: Т-Принт Групп, 2012.* С. 68–90.
- Вивлиофика... 1788 — *Древняя русская вивлиофика, изданная Николаем Новиковым.* 2-е изд. Ч. 1. М., 1788. 446 с.
- Визгалов, Пархимович 2008 — *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.

- Винников 1978 — *Винников А. З.* Орнаментация боршевской керамики // Древняя Русь и славяне / Николаева Т. В. (отв. ред.). М.: Наука, 1978. С. 55–61.
- Винокурова 1999 — *Винокурова Э. П.* Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век: Сб. / Беляев Л. А. и др. (авт.-сост.). М.: Наука, 1999. С. 326–360.
- Вишневецкий 1991 — *Вишневецкий В. И.* Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII–VII вв. до н. э. — VII–VIII вв. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 9 с.
- Воеводский 1930 — *Воеводский М. В.* К истории гончарной техники народов СССР // Этнография. 1930. № 4. С. 55–70.
- Волкова, Исланова 2011 — *Волкова М. В., Исланова И. В.* Исследования городища Пески 1 на озере Селигер // ТАС. Вып. 8, т. II. Тверь: Триада, 2011. С. 154–163.
- Волковицкий, Селин 2012 — *Волковицкий А. И., Селин А. А.* Большие дома Старой Ладogi. Предварительные наблюдения // Староладожский сборник. Вып. 9 / Селин А. А. (отв. ред.-сост.). СПб.: Нестор-История, 2012. С. 172–187.
- Волковицкий и др. 2007 — *Волковицкий А. И., Селин А. А., Френкель Я. В.* Охранные раскопки в Старой Ладoge в 2004 г. (предварительное сообщение) // АИППЗ. Материалы III заседания, посвящ. памяти А. Р. Артемьева / Лабутина И. К. (отв. ред.). Псков, 2007. С. 288–298.
- Воронин 1949 — *Воронин Н. Н.* Раскопки в Ярославле // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1 / Воронин Н. Н. (отв. ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 177–192 (МИА. № 11).
- Воронин 1954 — *Воронин Н. Н.* Из ранней истории Владимира и его округа // СА. 1954. № 4. С. 74–81.
- Воронова 1981 — *Воронова Т. П.* П. П. Дубровский — первый хранитель «Депо манускриптов» Публичной библиотеки // Археографический ежегодник за 1980 г. М., 1981. С. 123–130.
- Гайдуков 1992 — *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: Наука, 1992. 198 с.
- Гайдуков, Коньков 1993 — *Гайдуков П. Г., Коньков Ю. П.* Славенский клад русских монет конца XV–XVI вв. // Всероссийская нумизматическая конф.: Тез. докл. и сообщ. Вологда: ЛиС, 1993. С. 42–45.
- Гайдуков, Олейников 2019 — *Гайдуков П. Г., Олейников О. М.* Западноевропейские текстильные пломбы из раскопок в Великом Новгороде // Ученые записки Новгородского гос. унта им. Ярослава Мудрого. 2019. № 5 (23). С. 1–8. URL: <https://portal.novsu.ru/file/1571594> (дата обращения: 10.04.2022).
- Ганжа 1991 — *Ганжа А. И.* Понятие «археологическая культура»: многообразие подходов и возможность однозначного определения // Археологические культуры и культурная трансформация: Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Массон В. М., Боряз В. Н., Аникович М. В. (отв. ред.). Л.: Курс, 1991. С. 60–64.
- Генинг 1962 — *Генинг В. Ф.* Мыдлань-Шай — удмуртский могильник VIII–IX вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 3. Ижевск, 1962. С. 7–111.
- Генинг 1973 — *Генинг В. Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–135.
- Генинг 1976 — *Генинг В. Ф.* Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 3–37.
- Генинг 1979 — *Генинг В. Ф.* Могильник чепецкой культуры у дер. Весья-кар (IX–XII вв.) // Северные удмурты в начале II тыс. н. э. / Генинг В. Ф. (отв. ред.). Ижевск, 1979. С. 87–106.
- Генинг, Голдина 1970 — *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // Вопросы археологии Урала. Вып. 9 / Генинг В. Ф. (отв. ред.). Свердловск, 1970. С. 30–56.
- Геннади 1876 — *Геннади Г.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 гг. Берлин, 1876. 352 с.
- Герасимов и др. 2017 — *Герасимов Д. В., Михайлова Е. Р., Шмелев К. В.* Новый погребальный памятник эпохи Великого переселения народов в междуречье Луги и Нарвы // Ранний

- железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства: Материалы IV науч. конф. «Археологические источники и культурогенез» (14–18 ноября 2017 г.) / Савинов Д. Г. (отв. ред.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. С. 42–43.
- Герд 1989 — *Герд А. С.* О некоторых вопросах теории этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования) / Герд А. С., Лебедев Г. С. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 5–12.
- Глушков 1996 — *Глушков И. Г.* Керамика как археологический источник / Молодин В. И. (ред.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.
- Голубева 1973 — *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. / Седов В. В. (отв. ред.). М.: Наука, 1973. 216 с.
- Голубева 1991 — *Голубева Л. А.* Литейное дело на поселении Крутик в Белозерье // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси / Седова М. В. (отв. ред.). М.: ИА РАН, 1991. С. 148–164.
- Голубева, Кочкуркина 1991 — *Голубева Л. А., Кочкуркина С. И.* Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.) / Седов В. В. (отв. ред.). Петрозаводск: Карельский НЦ АН СССР, 1991. 198 с.
- Голубева 1988 — *Голубева О. Д.* Хранители мудрости. М.: Книжная палата, 1988. С. 196–213.
- Горлов, Григорьева 2017 — *Горлов К. В., Григорьева Н. В.* Серебряные перстни с чернью из могильника Удрай-2 (погребение КН-1) и Старой Ладоги / Приложение к статье: Платонова Н. И. К вопросу об интерпретации «богатых погребений» на древнерусских могильниках 2-й половины XI — начала XII в. // *Élite ou Égalite... Северная Русь и культурные трансформации в Европе V–XII вв.* / Платонова Н. И. (отв. ред.-сост.). СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. С. 141–146.
- Городцов 1901 — *Городцов В. А.* Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 г. Т. 1. М., 1901. С. 576–672.
- Городцов 1905 — *Городцов В. А.* Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки // Труды XII Археологического съезда в Харькове в 1902 г. Т. 1. М., 1905. С. 515–672.
- Горюнов 1981 — *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья / Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Л.: Наука. 1981. 136 с.
- Горюнова 1974 — *Горюнова В. М.* Новое в исследовании «Городка» на Ловати // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 74–80.
- Горюнова 1977 — *Горюнова В. М.* О западных связях «Городка» на Ловати (по керамическому материалу) // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1 / Артамонов М. И., Итс Р. Ф. (ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 52–57.
- Горюнова 1982 — *Горюнова В. М.* О раннекруговой керамике на Северо-Западе Руси // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Столяр А. Д. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 39–45.
- Горюнова 1991 — *Горюнова В. М.* Начальная история Древних Лук (X–XI вв.) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 / Янин В. Л., Носов Е. Н., Гайдуков П. Г. (ред.). М.: Новгородская археологическая экспедиция, 1991. С. 38–67.
- Горюнова 1994 — *Горюнова В. М.* Проблема происхождения западнославянской керамики в Приильменье // ННЗИА. Вып. 8 / Янин В. Л. (отв. ред.). Новгород: НМЗ, 1994. С. 65–77.
- Горюнова 1994а — *Горюнова В. М.* Некоторые аспекты ювелирного дела раннегородских центров Северной Руси (тигли) // Новые источники по археологии Северо-Запада / Массон В. М., Носов Е. Н. (ред.). СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 60–73.
- Горюнова 1995 — *Горюнова В. М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища // ННЗИА. Вып. 9 / Янин В. Л. (отв. ред.). Новгород, 1995. С. 98–101.
- Горюнова 1997 — *Горюнова В. М.* Развитие раннегончарного комплекса и дендрохронология Рюрикова городища // Древности Поволховья / Кирпичников А. Н., Носов Е. Н. (отв. ред.). СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 153–175.
- Горюнова 2004 — *Горюнова В. М.* Могильник VI–VII вв. у с. Картамышево Обоянского района Курской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском

- регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: Доклады научной конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова / Горюнова В. М., Щеглова О. А. (ред.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 18–42.
- Горюнова 2005 — *Горюнова В. М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X — начала XI в. // *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 82–121 (Труды ИИМК РАН. Т. XVIII).
- Горюнова 2007 — *Горюнова В. М.* Роль западнославянского элемента в формировании раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси // *Северная Русь и народы Балтики / Носов Е. Н.* (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 45–89.
- Горюнова 2009 — *Горюнова В. М.* Датировочные возможности раннегончарной керамики X — начала XI в. // РА. 2009. № 4. С. 132–140.
- Горюнова 2011 — *Горюнова В. М.* О западнославянских формах керамики в Северной Руси первой половины X в. (время и причины появления) // АИППЗ. Материалы 56-го заседания, посвящ. 130-летию Псковского археологического общества (7–9 апреля 2010 г.) / *Лабутина И. К.* (отв. ред.). М.; Псков, 2011. С. 228–237.
- Горюнова 2016 — *Горюнова В. М.* Городок на Ловати X–XII вв. (к проблеме становления города в Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 351 с. (Труды ИИМК. Т. XLVII).
- Горюнова 2019 — *Горюнова В. М.* Реликтовая чаша из Гнездова // АВ. 2019. Вып. 25. С. 169–184.
- Горюнова, Малышева 2012 — *Горюнова В. М., Малышева Н. Н.* Керамический комплекс древнерусского некрополя Пскова // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI в. Т. I: Раннегородской некрополь древнего Пскова. По материалам раскопок на территории Среднего города / *Лабутина И. К.* (отв. ред.). СПб.: Нестор-История, 2012. С. 91–110, 213–261 (ил.).
- Горюнова, Плохов 2011 — *Горюнова В. М., Плохов А. В.* Контакты населения Приильменья и Поволховья с народами Балтики в IX–X вв. по керамическим материалам // АВ. 2011. Вып. 17. С. 259–280.
- Горюнова Е. 1961 — *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья / *Смирнов А. П.* (отв. ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1961. 264 с. (МИА. № 94).
- Грамота... 1647 — Грамота ладожского воеводы Василия Михайловича Оничкова царю Алексею Михайловичу // *Мильчик М. И.* Старая Ладога. Очерк градостроительной истории. Приложение VI.5. СПб.: Лики России, 2021. С. 282–336.
- Граудонис 1967 — *Граудонис Я. Я.* Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Начало разложения первобытнообщинного строя. Рига: Зинатне, 1967. 165 с.
- Греков 2004 — *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.: Изд-во АСТ, 2004. 671 с.
- Григорьев 2011 — *Григорьев Д. Н.* Ранний железный век на Нижней Шелони. Новые данные // ТАС. Вып. 8, т. II / *Черных И. Н.* (ред.). Тверь: Изд-во ТГОМ, 2011. С. 134–141.
- Григорьева 2020 — *Григорьева Н. В.* Древнейшая Ладожская крепость: хронология и стратиграфия (по итогам раскопок у Раскатной башни) // АВ. 2020. Вып. 30. С. 134–153.
- Григорьева, Горлов 2016 — *Григорьева Н. В., Горлов К. В.* Монеты XVI–XVII вв. с территории Земляного города в Старой Ладоге (по материалам раскопок 1999–2013 гг.) // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных: Тезисы Международной научной конференции молодых ученых. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 249–255.
- Григорьева и др. 2018 — *Григорьева Н. В., Кошевой В. В., Медведев О. Ю.* Археолого-геофизические исследования на территории Ладожской крепости (опыт применения метода высокочастотной гравиметрии для получения данных о рельефе местности) // АВ. 2018. Вып. 24. С. 190–197.
- Григорьева и др. 2021 — *Григорьева Н. В., Рентцель Ф., Шнеевайс Й.* Новый взгляд на старые слои: геоархеологические исследования микростратиграфии Земляного городища Старой Ладоги // ЗИИМК. 2021. № 25. С. 66–82.
- Гроздилов 1950 — *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // СА. 1950. Вып. XIV. С. 139–169.

- Гроздилов 1960 — *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Старой Ладоге // КСИИМК. 1960. Вып. 81. С. 72–76.
- Гроздилов 1965 — *Гроздилов Г. П.* Археологические памятники Старого Изборска // АСГЭ. Вып. 7 / Под ред. М. И. Артамонова. Л.; М.: Советский художник, 1965. С. 65–88.
- Гроздилов, Третьяков 1948 — *Гроздилов Г. П., Третьяков П. Н.* Описание находок из раскопок в Старой Ладоге, произведенных Н. И. Репниковым в 1909–1913 гг. // Старая Ладога: Материалы археологических экспедиций / Равдоникас В. И. (отв. ред.). Л.: Гос. музей этнографии, 1948. С. 71–107.
- Громов 1955 — *Громов Г. Г.* Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища // Советская этнография. 1955. Вып. 1. С. 164–171.
- Громов 1979 — *Громов Г. Г.* Жилище // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1: Сб. / Гл. ред. А. В. Арциховский. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 184–201.
- Гуревич 1950 — *Гуревич Ф. Д.* Древнейшие бусы Старой Ладоги // СА. 1950. Вып. XIV. С. 170–186.
- Гуревич 1962 — *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья / Третьяков П. Н. (отв. ред.). М.; Л.: АН СССР, 1962. 222 с.
- Гуревич 1968 — *Гуревич Ф. Д.* Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии // Славяне и Русь. К шестидесятилетию академика Б. А. Рыбакова / Крупнов Е. И. (отв. ред.). М.: Наука, 1968. С. 34–36.
- Гуревич 1981 — *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок: Посад — окольный город. Л.: Наука, 1981. 159 с.
- Гурина 1961 — *Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР / Борисковский П. П. (отв. ред.). М.; Л.: АН СССР, 1961. 588 с. (МИА. № 87).
- Гурина 1967 — *Гурина Н. Н.* Из истории древних племен западных областей СССР (по материалам Нарвской экспедиции). Л.: Наука, ЛО, 1967. 207 с. (МИА. № 144).
- Гусаков, Кузьминых 2008 — *Гусаков М. Г., Кузьминых С. В.* К вопросу о роли носителей «сетчатой» и «штрихованной» керамики в формировании культур лесной полосы Восточной Европы в раннем железном веке // КСИА. 2008. Вып. 222. С. 105–116.
- Давидан 1962 — *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 4. Л.: Искусство, 1962. С. 95–108.
- Давидан 1968 — *Давидан О. И.* К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 10. Л.: Искусство, 1968. С. 54–63.
- Давидан 1970 — *Давидан О. И.* О времени появления токарного станка в Старой Ладоге // АСГЭ. Вып. 12. Л.: Аврора, 1970. С. 81–88.
- Давидан 1971 — *Давидан О. И.* К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией (по материалам нижнего слоя Староладожского городища) // Скандинавский сборник / Мосберг Х. (председатель редколлегии). Вып. XVI. Таллин: Ээсти раамат, 1971. С. 134–144.
- Давидан 1973 — *Давидан О. И.* Антропоморфные и зооморфные изображения из Старой Ладоги // Тез. докл. VI Всесоюзной конф. по изучению скандинавских стран и Финляндии. Таллин: АН Эст. ССР, 1973. С. 116.
- Давидан 1976 — *Давидан О. И.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. Вып. 17 / Шукин М. Б. (отв. ред.). Л.: Аврора, 1976. С. 101–118.
- Давидан 1977 — *Давидан О. И.* К вопросу об организации косторезного ремесла в древней Ладоге // АСГЭ. Вып. 18 / Доманский Я. В. (отв. ред.). Л.: Аврора, 1977. С. 101–105.
- Давидан 1980 — *Давидан О. И.* Бронзолитейное дело в Ладоге // АСГЭ. Вып. 21 / Доманский Я. В. (отв. ред.) Л.: Искусство, ЛО, 1980. С. 59–67.
- Давидан 1981 — *Давидан О. И.* Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII–XIII вв. (по материалам Земляного городища) // Контакты и взаимодействие древних культур: Тез. докл. науч. конф., посвящ. 50-летию Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа / Доманский Я. В., Засецкая И. П., Шукин М. Б. (ред.). Л.: Гос. Эрмитаж, 1981. С. 25–26.
- Давидан 1986 — *Давидан О. И.* Этнокультурные контакты Старой Ладоги в VIII–IX вв. // АСГЭ. Вып. 27 / Доманский Я. В. (отв. ред.). Л.: Искусство, ЛО, 1986. С. 99–105.

- Давидан 1987 — *Давидан О. И.* Весовые гири Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 28. Л.: Искусство, 1987. С. 119–126.
- Давидан 1988 — *Давидан О. И.* Скарабей из Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 29 / Щукин М. Б. (отв. ред.). Л.: Искусство, ЛО, 1988. С. 112–116.
- Давидан 1991 — *Давидан О. И.* Деревянная посуда Старой Ладogi VIII–IX вв. // АСГЭ. Вып. 31 / Микляев А. Н. (отв. ред.). Л.: Искусство, ЛО, 1991. С. 131–135.
- Давидан 1994 — *Давидан О. И.* Ладoga в исследованиях В. И. Равдоникаса // Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса: Тез. докл. / Столяр А. Д. (отв. ред.). СПб.: Гос. Эрмитаж, 1994. С. 38–42.
- Давидан 1994а — *Давидан О. И.* Еще раз об арабском дирхеме 699/700 г. из Старой Ладogi // Древности лесной зоны Восточной Европы: Тез. докл. к заседанию Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа, посвящ. 60-летию А. М. Микляева / Давидан О. И., Мазуркевич А. Н. (науч. ред.). СПб.: Гос. Эрмитаж, 1994. С. 19–21.
- Давидан 1994б — *Давидан О. И.* Материальная культура первых поселенцев древней Ладogi (из коллекции Государственного Эрмитажа) // ПАВ. 1994. № 9 / Короткевич Б. С., Мазуркевич А. Н. (отв. ред.). С. 156–167.
- Давидан 1999 — *Давидан О. И.* Новые находки гребней в Старой Ладoge // РА. 1999. № 1. С. 167–174.
- Давидан и др. 1985 — *Давидан О. И., Мачинская А. Д., Мачинский Д. А.* О роли балтов в формировании культуры Северной Руси VIII–X вв. (по данным летописей и археологии) // Проблемы этнической истории балтов / Ронис И. Э. (отв. ред.). Рига: Зинатне, 1985. С. 57–58.
- Даркевич 1976 — *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока. VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья / Никольская Т. В. (отв. ред.). М.: Наука, 1976. 199 с.
- Двуреченский 2004 — *Двуреченский О. В.* Средства и приемыковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // Археология Подмоскoвья: Материалы науч. семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2004. С. 238–244.
- Двуреченский 2005 — *Двуреченский О. В.* Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV — начала XVIII в. // Археология Подмоскoвья: Материалы науч. семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2005. С. 264–295.
- Двуреченский 2007 — *Двуреченский О. В.* Наконечники стрел Московской Руси и Московского государства XV–XVII вв. // Археология Подмоскoвья: Материалы науч. семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2007. С. 277–331.
- Двуреченский 2015 — *Двуреченский О. В.* Холодное оружие Московского государства XV–XVII вв. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2015. 498 с.
- Двуреченский 2018 — *Двуреченский О. В.* Тушинский лагерь (Публикация коллекции В. А. Политковского из собрания ГИМ). М.: ИА РАН, 2018. 196 с.
- Доленга-Ходаковский 1838 — *Доленга-Ходаковский З.* Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник, издаваемый Императорским обществом истории и древностей российских / проф. Погодин (ред.). М., 1838. Т. I, кн. 3. С. 1–109.
- Долуханов, Носов 1985 — *Долуханов П. М., Носов Е. Н.* Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI–X вв. // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Носов Е. Н., Массон В. М. (отв. ред.). Л.: Наука, 1985. С. 19–23.
- Дорофеева, Полигаев 2020 — *Дорофеева Т. С., Полигаев В. Л.* Глиняные игрушки Рюрикова городища // АВ. 2020. Вып. 28. С. 124–133.
- Древности... 2006 — Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I. В 6 отд. и доп. к отд. III: Репринтное издание 1849–1853 гг. СПб.: Альфарет, 2006.
- Дубов 1976 — *Дубов И. В.* Новые раскопки Тимерёвского могильника // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 82–86.
- Дубов 1982 — *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 248 с.

- Дубов, Седых 1984 — *Дубов И. В., Седых В. Н.* К вопросу о хронологии и назначении глиняных дисков // *Археологическое исследование Новгородской земли / Лебедев Г. С.* (ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 111–118.
- Дубов, Седых 1992 — *Дубов И. В., Седых В. Н.* Новые исследования Тимеревского могильника // *Древности славян и финно-угров / Кирпичников А. Н.* (отв. ред.). СПб.: Наука, 1992. С. 115–123.
- Дубровин 2000 — *Дубровин Г. Е.* Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. по археологическим данным. Т. 2. М.: ИА РАН, 2000. 445 с.
- Дубровин 2018 — *Дубровин Г. Е.* Об эволюции приема рубки «в обло» в древнерусском срубном строительстве // *Нескончаемое лето: Сб. ст. в честь Е. А. Рыбиной / Сингх В. К.* (отв. ред.-сост.). М.; Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2018. С. 43–51.
- Егарэйчанка 1999 — *Егарэйчанка А. А.* Культура штрываванай керамікі // *Археалогія Беларусі. Жалезны век і раньняе сярэднявечча / Шадыра В. І., Вяргей В. С.* (наук. рэд.). Мінск: Беларуская навука, 1999. С. 113–173.
- Егорейченко 1991 — *Егорейченко А. А.* Очковидные подвески на территории СССР // *СА.* 1991. № 2. С. 171–181.
- Егорейченко 2006 — *Егорейченко А. А.* Культуры штрихованной керамики. Минск: Белорусский ГУ, 2006. 207 с.
- Екимов 2007 — *Екимов Ю. Г.* Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999–2000 гг. (раскоп 1) // *Позднесредневековый город: археология и история: Материалы Всероссийского семинара 18–20 ноября 2005 г. В 2 ч. Ч. 1: Изучение позднесредневековой Тулы. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2007. С. 66–77.*
- Енуков 1990 — *Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей / *Пряхин А. Д.* (отв. ред.). М.: Курский пед. ин-т, 1990. 262 с.
- Енуков 1992 — *Енуков В. В.* Псковские и смоленские длинные курганы (по данным погребального обряда) // *СА.* 1992. № 1. С. 57–66.
- Еремеев 2007 — *Еремеев И. И.* Новгородские сопки и большие курганы Средней Швеции: проблемы сравнительного исследования // *У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной экспедиции / Носов Е. Н., Мусин А. Е.* (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 240–255.
- Еремеев 2015 — *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 696 с.
- Еремеев 2018 — *Еремеев И. И.* Новые археологические данные о динамике увлажненности Северо-Запада России во II тыс. до н. э. — I тыс. н. э. (по материалам поселений Ильмень-Волховского региона) // *Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. Вып. 8 / Под ред. Н. А. Макарова. М., 2018. С. 39–58.*
- Еремеев, Дзюба 2010 — *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из Варяг в Греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.
- Ефимова 1977 — *Ефимова Н. А.* Лепная керамика из полуземлянок Городца под Лугой // *Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР / Мавродин В. В.* (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 98–101.
- Жеглова 1995 — *Жеглова Т. А.* Керамика городища Передольский погост // *Ладога и Северная Русь. Чтения памяти А. Мачинской: Материалы к чтениям / Мачинский Д. А.* (науч. ред.). СПб.: СЛИААМЗ, 1995. С. 29–31.
- Жилина 2019 — *Жилина Н. В.* Пуговицы в костюме Московской Руси второй половины XIII — начала XVII века // *Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. Вып. 15. М.: ИА РАН, 2019. С. 214–226.*
- Жилина 2020 — *Жилина Н. В.* Пуговицы в костюме Московской Руси XVII — начала XVIII века // *Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. Вып. 16. М.: ИА РАН, 2020. С. 297–311.*

- Жуковский 2018 — Жуковский М. О. Весы и гирьки Гнездова // Гнездовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1. М.: ГИМ, 2018. С. 128–179 (Труды ГИМ. Вып. 210).
- Жульников 2006 — Жульников А. М. Асбест как показатель связей древнего населения Карелии // ТАС. Вып. 6, т. 1. Тверь: ТГОМ, 2006. С. 330–333.
- Закревский 1868 — Закревский Н. Описание Киева. Т. 2. М., 1868. 950 с.
- Залевская 1982 — Залевская [Платонова] Н. И. К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Столяр А. Д. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 49–54.
- Засурцев 1959 — Засурцев П. И. Постройки средневекового Новгорода (Предварительная характеристика по материалам Неревского раскопа 1951–1955 гг.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 262–298 (МИА. № 65).
- Засурцев 1963 — Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Жилища древнего Новгорода: Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–165 (МИА. № 123).
- Захаров 2004 — Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро / Макаров Н. А., Ениосова Н. В. (ред.). М.: Индрик, 2004. 592 с.
- Захаров, Адаменко 2008 — Захаров С. Д., Адаменко О. Н. Изделия из железа. Вещевой материал Мининского археологического комплекса. Глава первая // Археология северорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. В 3 т. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2008. С. 7–52.
- Захарук 1976 — Захарук Ю. Н. Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы / Кольцов Л. В., Зимина М. П., Гадзяцкая О. С. (отв. ред.). М.: Наука, 1976. С. 3–10.
- Зверуго, Медведев 2003 — Зверуго Я. Г., Медведев А. М. Микольское селище (исследования 1981–1982 гг.) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 6 / Мядзведзеў А. М. (наук. рэд.). Мінск: ННАЦ імя Ф. Скарыны, 2003. С. 85–100.
- Зубов 2014 — Зубов К. А. Новые археологические памятники Устюженского района Вологодской области, открытые в 2010–2011 гг. // Археология Севера: Материалы V археологических чтений памяти С. Т. Еремеева. Вып. 5. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2014. С. 110–119.
- Зыков и др. 2017 — Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В. Город Сибир — городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Наука; Восточная литература, 2017. 559 с.
- Иванова 1979 — Иванова М. Г. Хозяйство северных удмуртов в конце IX — начале XIII в. н. э. // Северные удмурты в начале II тыс. н. э. / Генинг В. Ф. (науч. ред.). Ижевск: НИИ при Совете министров Удмуртской АССР, 1979. С. 6–68.
- Иванова 1982 — Иванова М. Г. Городище Гурья-Кар. Результаты исследования в 1979 г. // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Иванова М. Г. (отв. ред.). Ижевск: НИИ при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. С. 3–26.
- Иванова 1985 — Иванова М. Г. Чепецкие древности / Оборин В. А. (рец.). Устинов: Удмуртия, 1985. 116 с.
- Иванова 1987 — Иванова М. Г. Некоторые проблемы этнокультурной истории удмуртов в к. I — нач. II тыс. н. э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии / Наговицын Л. А. (отв. ред.). Ижевск: НИИ при Совете министров Удмуртской АССР, 1987. С. 70–83.
- Ильютик, Дубицкая 2016 — Ильютик А. В., Дубицкая Н. Н. Могилевское Поднепровье в римское время // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: Сб. к 90-летию проф. Л. Д. Поболя. В 2 кн. Кн. 1. Минск: Белорусская наука, 2016. С. 198–247.
- Иов, Вергей 2012 — Юу А. В., Вяргей В. С. Старажытнае паселішча на Ясельдзе. Мінск: Беларуская навука, 2012. 175 с.
- Исланова 1982 — Исланова И. В. Селище Шурскол II близ Ростова Великого // СА. 1982. № 2. С. 185–195.

- Исланова 1984 — *Исланова И. В.* Археологические памятники конца I — начала II тыс. н. э. при слиянии рек Полонуха и Поповка // КСИА. 1984. Вып. 174. С. 84–88.
- Исланова 1986 — *Исланова И. В.* Сопки бассейна Мологи и верхней Мсты // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 65–74.
- Исланова 1990 — *Исланова И. В.* Население бассейна верхней и средней Мологи и верховьев Мсты в VI–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1990. 19 с.
- Исланова 1991 — *Исланова И. В.* Население бассейна Сарагожи в раннем средневековье // Археология Верхнего Поволжья: Материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Вып. 1 / Васильев В. Ф. (отв. ред.). Нижний Новгород: Нежегородский ГУ, НИП «Этнос», 1991. С. 100–117.
- Исланова 1991a — *Исланова И. В.* Сравнительный анализ наборов лепной посуды Мстинско-Моложского междуречья // Керамика раннего железного века и средневековья верхневолжских и соседних территорий / Седов В. В. (отв. ред.). Тверь: Тверской ГУ, 1991. С. 44–55.
- Исланова 1995 — *Исланова И. В.* Керамика селища Юрьевская Горка // РА. № 2 .1995. С. 178–187.
- Исланова 1996 — *Исланова И. В.* О новом типе памятников 3-й четверти I тыс. н. э. // ТАС. Вып. 1. Тверь: ТНИИР-центр, 1996. С. 11–17.
- Исланова 1997 — *Исланова И. В.* Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 302 с.
- Исланова 2002 — *Исланова И. В.* О локальных группах дьяковских памятников // ТАС. Вып. 5 / Черных И. Н. (отв. ред.). Тверь: Триада, 2002. С. 451–460.
- Исланова 2006 — *Исланова И. В.* Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.: Тверской ГУ, 2006. 288 с.
- Исланова 2007 — *Исланова И. В.* Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. / Гавритухин И. О., Обломский А. М. (отв. ред.). М.: ИА РАН, 2007. С. 301–332 (РСМ. Вып. 9).
- Исланова 2008 — *Исланова И. В.* Городище Отмичи / Кренке Н. А. (отв. ред.). М.: ИА РАН, 2008 (РСМ. Вып. 11).
- Исланова 2011 — *Исланова И. В.* Культурные группы середины — третьей четверти I тыс. н. э. лесной зоны Восточной Европы (по материалам Верхневолжья и Валдая) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II / Макаров Н. А., Носов Е. Н. (отв. ред.). СПб.; М.; Великий Новгород: Новгородский технопарк, 2011. С. 41–42.
- Исланова 2011a — *Исланова И. В.* Керамика городища Орлов Городок (Молоковский район Тверской области) // ТАС. Вып. 8. Т. II / Черных И. Н. (отв. ред.). Тверь: Триада, 2011. С. 81–120.
- Исланова 2014 — *Исланова И. В.* Вопросы изучения дьяковских древностей Верхневолжья и Валдая // РА. 2014. № 1. С. 14–19.
- Исланова 2015 — *Исланова И. В.* Словене между Лугой и Мологой (эволюция взглядов В. В. Седова на новгородские сопки) // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 35–43.
- Исланова 2016 — *Исланова И. В.* Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Обломский А. М., Исланова И. В. (отв. ред.). М.: ИА РАН, 2016. С. 136–220 (РСМ. Вып. 17).
- Исланова 2019 — *Исланова И. В.* Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н.э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2019. 51 с.
- Исланова 2019a — *Исланова И. В.* Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты: Дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИА РАН, 2019. 338 с.
- Исланова 2021 — *Исланова И. В.* Некоторые актуальные вопросы изучения раннесредневековых древностей (Валдай — Волго-Балтийский водораздел — Верхневолжье) // ЗИИМК. 2021. № 25. С. 149–159.
- Исланова, Черных 2008 — *Исланова И. В., Черных Е. М.* Лепная керамика селища Рогово-2 в Верхневолжье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских

- влияний и великого переселения народов. Вып. 1 / Наумов А. Н. (отв. ред.). Тула: ГМЗ «Куликово Поле», 2008. С. 169–179.
- История крестьянства... 1994 — История крестьянства Северо-Запада России / Копанев А. И. (отв. ред.). СПб.: Наука, 1994. 331 с.
- Казанский 1999 — *Казанский М. М.* О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // АВ. 1999. Вып. 6. С. 404–419.
- Казанский 2010 — *Казанский М. М.* Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // *Stratum plus*. 2010. № 4. С. 17–130.
- Калинина 1986 — *Калинина Т. М.* Торговые пути Восточной Европы IX в. (по данным Ибн-Хордадбега и Ибн-ал-Факиха) // История СССР. 1986. № 4. С. 68–82.
- Каменецкая 1977 — *Каменецкая Е. В.* Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. 29 с.
- Каменецкая 2019 — *Каменецкая Е. В.* Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья / Кренке Н. А. (отв. ред.). М.; Смоленск: КДУ, Университетская книга, 2019. 244 с.
- Каменецкий 1970 — *Каменецкий И. С.* Археологическая культура - ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 18–36.
- Капелле 1989 — *Капелле Т.* Славяно-скандинавское художественное ремесло эпохи викингов // Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования) / Герд А. С., Лебедев Г. С. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 135–140.
- Карамзин 1964 — *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения в двух томах. Т. 1. М.; Л.: Художественная литература, 1984. 810 с.
- Каргапольцев, Шукин 2002 — *Каргапольцев С. Ю., Шукин М. Б.* Новая находка оружия позднеримского времени на западе Ленинградской области // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси: Сб. ст. памяти О. И. Давидан / Носов Е. Н., Смирнова Г. И. (отв. ред.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 76–90.
- Кёппен 1822 — *Кёппен П.* Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств. М., 1822. 120 с.
- Кёппен 1926 — *Кёппен П. И.* Материалы для истории просвещения в России. № 2. Библиографические листы 1925 года. СПб., 1926. 719 стб.
- Кильдюшевский 1986 — *Кильдюшевский В. И.* Средневековые печати и торговые пломбы из раскопок крепости Орешек // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 110–114.
- Кильдюшевский 2002 — *Кильдюшевский В. И.* Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 5–33.
- Кирпичников 1973 — *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 138 с. (САИ. Вып. Е1-36).
- Кирпичников 1979 — *Кирпичников А. Н.* Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь / Баран В. Д. (отв. ред.). Киев: Наукова думка, 1979. С. 92–106.
- Кирпичников 1979а — *Кирпичников А. Н.* Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник 1978 г. / Д. С. Лихачев и др. (редколлегия). Л.: Наука, 1979. С. 471–499.
- Кирпичников 1980 — *Кирпичников А. Н.* Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л.: Наука, 1980. 126 с.
- Кирпичников 1984 — *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли / Раппопорт П. А. (отв. ред.). Л.: Наука, ЛО, 1984. 275 с.
- Кирпичников 1985 — *Кирпичников А. Н.* Посад средневековой Ладоги // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 170–180.
- Кирпичников 1985а — *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Седов В. В. (отв. ред.). Л.: Наука, 1985. С. 3–26.
- Кирпичников 1988 — *Кирпичников А. Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Славяно-русские древности. Вып. 1: Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы / Дубов И. В. (ред.). Л.: Изд-во ЛГУ. 1988. С. 38–79.

- Кирпичников 1997 — *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога по данным новых историко-археологических исследований // Древности Поволховья / Кирпичников А. Н., Носов Е. Н. (отв. ред.). СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 5–25.
- Кирпичников 1997а — *Кирпичников А. Н.* Старая Ладога в свете новых историко-археологических изысканий. К итогам работ Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в 1972–1997 гг. // Современность и археология: Международные чтения, посвящ. 25-летию Староладожской археологической экспедиции / Климов В. Н., Кирпичников А. Н., Пономарёв В. С. (ред.). СПб.: ИПК «Вести», 1997. С. 37–45.
- Кирпичников 2002 — *Кирпичников А. Н.* Производственный комплекс IX в. из раскопок Старой Ладоги // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья: Сб. ст. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 227–250.
- Кирпичников 2003 — *Кирпичников А. Н.* Новые историко-археологические исследования Старой Ладоги // Ладога и истоки Российской государственности и культуры: Межд. науч.-практ. конф. (Старая Ладога, 30 июня — 2 июля 2003 г.) / Кирпичников А. Н. (отв. ред.). СПб.: ИПК «Вести», 2003. С. 17–22.
- Кирпичников 2004 — *Кирпичников А. Н.* Археологические неожиданности в Старой Ладоге // Новгородские археологические чтения – 2: Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского / Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А. (ред.). Великий Новгород, 2004. С. 94–98.
- Кирпичников 2006 — *Кирпичников А. Н.* Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2005 году // Санкт-Петербургский междунар. летний культурно-исторический ун-т. 2006. Реформы в России. XVI — начало XX в. СПб.: Европейский дом, 2006. С. 222–262.
- Кирпичников 2007 — *Кирпичников А. Н.* Новые данные о позднесредневековой Ладоге (по материалам раскопок в 2006 г.) // Санкт-Петербургский междунар. летний культурно-исторический ун-т. 2007. Территориальное расширение России и земельный вопрос. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 190–213.
- Кирпичников 2007а — *Кирпичников А. Н.* Новые материалы о международных связях средневековой Ладоги // Северная Русь и народы Балтики / Носов Е. Н. (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 195–220.
- Кирпичников 2012 — *Кирпичников А. Н.* Старая Ладога — первая столица Руси. СПб.: Славия, 2012. 215 с.
- Кирпичников, Курбатов 2014 — *Кирпичников А. Н., Курбатов А. В.* Новые данные о ладожском поселении и о появлении славян в Поволховье // Stratum plus. 2014. № 5. С. 129–136.
- Кирпичников, Назаренко 1992 — *Кирпичников А. Н., Назаренко В. А.* Археологические открытия в Старой Ладоге. Черты сходства средневековых городов региона Балтики // АВ. 1992. Вып. 1. С. 141–151.
- Кирпичников, Назаренко 1997 — *Кирпичников А. Н., Назаренко В. А.* Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопкам 1984–1991 гг. // Древности Поволховья / Кирпичников А. Н., Носов Е. Н. (отв. ред.). СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 63–82.
- Кирпичников, Сарабьянов 2013 — *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога — первая столица Руси. СПб.: Славия, 2013. 215 с.
- Кирпичников, Сорокин 2001 — *Кирпичников А. Н., Сорокин П. Е.* Археологические раскопки в Старой Ладоге в 2000 г. // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в I тысячелетии христианской эры: V чтения памяти А. Мачинской. СПб.: СЛИААМЗ, 2001. С. 137–142.
- Кирпичников, Сорокин 2002 — *Кирпичников А. Н., Сорокин П. Е.* Исследования староладожского «Земляного городища» в 2000 г. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья: Сб. ст. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 151–158.
- Кирпичников, Хлопин 1972 — *Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н.* Великая Государева крепость. Л.: Художник РСФСР, 1972. 253 с.
- Кирпичников и др. 1980 — *Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А.* Русско-скандинавские связи в эпоху образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. 1980. Вып. 160. С. 24–38.

- Кирпичников и др. 1981 — *Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Дубов И. В.* Северная Русь (некоторые итоги археологических исследований) // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 3–10.
- Кирпичников и др. 1985 — *Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А., Петренко В. П.* Некоторые итоги изучения средневековой Ладоги // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Носов Е. Н., Массон В. М. (отв. ред.). Л.: Наука, 1985. С. 48–51.
- Кирпичников и др. 2018 — *Кирпичников А. Н., Лапшин В. А., Григорьева Н. В.* Об одном типе построек раннесредневековой Ладоги // ЗИИМК. 2018. № 19. С. 148–156.
- Киселев 1986 — *Киселев И. А.* Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальной характеристике: Методические рекомендации. Разд. II: Историко-архивные, археологические и другие исследования. М.: Росреставрация; Спецпроектреставрация, 1986. 39 с.
- Клейн 1970 — *Клейн Л. С.* Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2. С. 37–51.
- Клейн 1979 — *Клейн Л. С.* Понятие типа в современной археологии // Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках / Клейн Л. С. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 50–74.
- Клейн 1991 — *Клейн Л. С.* Археологическая типология. Л.: Ленинградский филиал Центра науч.-техн. деятельности, исследовательских и социальных инициатив, Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение, 1991. 448 с.
- Клейн 1995 — *Клейн Л. С.* Археологические источники. 2-е изд. / Пиотровский Ю. Ю. (ред.). СПб.: ФАРН, 1995. 352 с. (Классика археологии).
- Коваль 2010 — *Коваль В. Ю.* Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. / Беляев Л. А. (отв. ред.). М.: Наука, 2010. 269 с.
- Коваль 2022 — *Коваль В. Ю.* Снова о фортификации Смоленска в XVI веке // Археология Подмоскovie. Материалы науч. семинара. Вып. 18. М.: ИА РАН, 2022. С. 164–173.
- Кожин 1989 — *Кожин П. М.* Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник / Молодин В. И. (отв. ред.). Новосибирск: Наука, СО, 1989. С. 54–70.
- Козлов 1988 — *Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М.: Наука, 1988. 272 с.
- Кокорина и др. 2015 — *Кокорина Н. А., Денисова А. Н., Князева Н. А.* Пуговицы XI–XVIII веков из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир: Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2015. 88 с.
- Колпаков 1991 — *Колпаков Е. М.* Теория археологической классификации. СПб., 1991. 112 с.
- Колпакова 2020 — *Колпакова Ю. В.* Нательные кресты с надписями, вписанными в круг: особенности и возможные истоки традиции // Ученые записки Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2020. № 7 (32). С. 1–5. URL: <https://portal.novsu.ru/file/1681329> (дата обращения: 10.04.2022).
- Колпакова, Костючук 2018 — *Колпакова Ю. В., Костючук Л. Я.* Хронология псковских нательных крестов с изображением Голгофы // АИППЗ. Вып. 32. М.: ИА РАН, 2018. С. 36–56.
- Колчин 1959 — *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Производство, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120 (МИА. № 65).
- Колчин 1968 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия / Воронин Н. Н. (отв. ред.). М.: Наука, 1968. 184 с. (САИ. Вып. Е1-55).
- Колчин 1982 — *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Под общ. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М.: Наука, 1982. С. 156–177.
- Коненкова 2017 — *Коненкова А. К.* Русская культура в XIX веке: Константин Матвеевич Бороздин — штрихи к портрету // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2017. Т. 12. С. 294–301.
- Конецкий 1981 — *Конецкий В. Я.* Нередицкий могильник // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 83–86.
- Конецкий 1981a — *Конецкий В. Я.* Хронология и этапы формирования Федовского могильника // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 89–98.

- Конецкий 1984 — *Конецкий В. Я.* Некоторые итоги исследования грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологическое исследование Новгородской земли / Лебедев Г. С. (ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 154–172.
- Конецкий 1989 — *Конецкий В. Я.* Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменя в VIII–X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования) / Герд А. С., Лебедев Г. С. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 140–150.
- Конецкий 1989а — *Конецкий В. Я.* Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // НИС / Янин В. Л. (отв. ред.). Л.: Наука, 1989. № 3 (13). С. 3–19.
- Конецкий 1991 — *Конецкий В. Я.* Комплекс памятников у д. Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I — начала II тыс. н. э. в бассейне р. Мсты) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 / Янин В. Л., Носов Е. Н., Гайдуков П. Г. (ред.). М., 1991. С. 89–116.
- Конецкий 1992 — *Конецкий В. Я.* К изучению социальных структур славянского населения Приильменя в конце I тыс. н. э. // ННЗИА. Вып. 5. Новгород: НМЗ, 1992. С. 124–133.
- Конецкий 1992а — *Конецкий В. Я.* Исследования селища в урочище Губинская Лука на р. Ловать // ННЗИА. Вып. 5. Новгород: НМЗ, 1992. С. 16–21.
- Конецкий 1995 — *Конецкий В. Я.* Социальная организация населения Приильменя и формирование коренной территории Новгородской земли в конце I тыс. н. э. // ННЗИА. Вып. 9 / Янин В. Л. (отв. ред.). Новгород: НМЗ, 1995. С. 31–40.
- Конецкий 1999 — *Конецкий В. Я.* Раннеславянская культура Северо-Запада: опыт построения теоретической модели // ННЗИА. Вып. 13 / Янин В. Л. (отв. ред.). Новгород: НМЗ, 1999. С. 218–235.
- Конецкий 2007 — *Конецкий В. Я.* Этнокультурные процессы второй половины I тыс. н. э. на Северо-Западе: итоги и перспективы изучения // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрика города и Новгородской областной экспедиции / Носов Е. Н., Мусин А. Е. (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 256–267.
- Конецкий 2011 — *Конецкий В. Я.* Древности раннего железного века на селище Заозерье под Окуловкой // ТАС. Вып. 8 / Черных И. Н. (ред.-сост.). Т. II. Тверь: Триада, 2011. С. 121–133.
- Конецкий 2014 — *Конецкий В. Я.* Древнерусские погребальные памятники центральных районов Новгородской земли (к генезису бескурганых форм – грунтовых могильников и жальников) // ННЗИА. Вып. 28. Великий Новгород: НМЗ, 2014. С. 190–203.
- Конецкий, Клубова 1989 — *Конецкий В. Я., Клубова О. В.* Работы областной экспедиции Новгородского музея // ННЗИА. Вып. 2 / Янин В. Л. (отв. ред.). Новгород: НМЗ, 1989. С. 11–14.
- Конецкий, Носов 1989 — *Конецкий В. Я., Носов Е. Н.* Бельский археологический комплекс — древний административный центр Помостья // ННЗИА. Вып. 2 / Янин В. Л. (отв. ред.). Новгород: НМЗ, 1989. С. 76–81.
- Конецкий и др. 1984 — *Конецкий В. Я., Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* О финно-угорском и славянском населении центральных районов Новгородской земли // Новое в археологии СССР и Финляндии / Рыбаков Б. А. (отв. ред.). Л.: Наука. 1984. С. 161–167.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. / Каргер М. К. (отв. ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 156 с.
- Корзухина 1961 — *Корзухина Г. Ф.* О времени появления укрепленного поселения в Ладоге // СА. 1961. № 3. С. 76–84.
- Корзухина 1965 — *Корзухина Г. Ф.* Этнический состав населения древнейшей Ладоги // Тез. докл. 2-й науч. конф. по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. М.: б. и., 1965. С. 12–14.
- Корзухина 1966 — *Корзухина Г. Ф.* К уточнению датировки древнейших слоев Ладоги // Тез. докл. 3-й науч. конф. по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. Тарту: Тартуский ун-т, 1966. С. 61–63.

- Корзухина 1971 — *Корзухина Г. Ф.* Курган в урочище Плакун близ Старой Ладogi // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 59–64.
- Корзухина 1976 — *Корзухина Г. Ф.* Об Одино и кресалах Прикамья // Средневековая Русь: Сб. ст. / Вагнер Г. К., Лихачев Д. С. (председатель), Раппопорт П. А. (редкол.). М.: Наука, 1976. С. 135–140.
- Корн Г., Корн Т. 1968 — *Корн Г., Корн Т.* Справочник по математике для научных работников и инженеров. Определения, теоремы, формулы / Пер. с англ. под общ. ред. И. Г. Арама-новича. М.: Наука, 1968. 720 с.
- Коробова 2005 — *Коробова Е.* Бороздин К. М.: археолог, историк, сенатор. URL: <https://sites.google.com/site/insocin/home/titular-isi/szp/szp-ladoga-ekologia-i-arheol-safarov-16-08-05/korobova-e-borozdin-k-m-arheolog-istorik-senator> (дата обращения: 25.11.2021).
- Королева 1996 — Королева Э. В. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Т. 1. Псков: Псковский гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова; Псковский гос. науч.-исслед. археологический центр; Псковский гос. историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, 1996. С. 229–300.
- Кочкуркина 1972 — *Кочкуркина С. И.* Курганы северного побережья Онежского озера // Археологические исследования в Карелии / Панкрушев Г. А. (отв. ред.). Л.: Наука, ЛО, 1972. С. 103–112.
- Кочкуркина 1973 — *Кочкуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. / Смирнов А. П. (отв. ред.). Л.: Наука, ЛО, 1973. 150 с.
- Кочкуркина 1989 — *Кочкуркина С. И.* Памятники юго-восточного Приладожья и Прионезья / Седов В. В. (отв. ред.). Петрозаводск: Карелия, 1989. 347 с.
- Кочкуркина, Линевский 1985 — *Кочкуркина С. И., Линевский А. М.* Курганы летописной веси / Седов В. В. (отв. ред.). Петрозаводск: Карелия, 1985. 223 с.
- Крадин 2009 — *Крадин Н. Н.* Археологические культуры и этнические общности // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2009. Вып. 5. С. 9–19.
- Краснов 1980 — *Краснов Ю. А.* Безводнинский могильник (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.
- Кренке 2009 — *Кренке Н. А.* Комплексы второй половины XVI века: Опричный двор // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Беляев Л. А. (отв. ред.). М.: ИА РАН, 2009. С. 67–76.
- Кренке 2011 — *Кренке Н. А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. / Макаров Н. А. (отв. ред.). М.: ИА РАН, 2011. 546 с.
- Кренке 2016 — *Кренке Н. А.* Позднелдыжковская культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Обломский А. М., Исланова И. В. (отв. ред.). М.: ИА РАН, 2016. С. 261–332 (РСМ. Вып. 17).
- Кренке 2018 — *Кренке Н. А.* Керамика Подболотьевского могильника из раскопок В. А. Городцова // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А. Е. Леонтьева / Чернецов А. В. (отв. ред.). М.: ИА РАН, 2018. С. 310–313.
- Кренке 2020 — *Кренке Н. А.* Подходы к типологии древнерусской керамики. Смоленский «частный случай» // Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции / Беляев Л. А. (отв. ред.). Смоленск: Свиток, 2020. С. 4–17.
- Кудрявцев 2014 — *Кудрявцев А. А.* Замки и ключи в материальной культуре средневекового Новгорода. Т. I: Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06 – Археология. М., 2014. 253 с.
- Кузьмин 1987 — *Кузьмин С. Л.* Об одном типе жилища в лесной зоне Центральной и Восточной Европы в раннем средневековье // История и археология Новгородской земли: Тезисы науч.-практ. конф. / Янин В. Л. (отв. ред.). Новгород, 1987. С. 23–25.
- Кузьмин 1989 — *Кузьмин С. Л.* Малые дома Старой Ладogi VIII–IX вв. (культурная принадлежность домостроительной традиции) // АИППЗ, 1988 / Седов В. В. (отв. ред.). Псков, 1989. С. 34–35.

- Кузьмин 1989а — *Кузьмин С. Л.* Археологическая карта Поплюсья и проблемы истории заселения Северо-Запада Новгородской земли // ННЗИА. Вып. 1 / Янин В. Л. (отв. ред.). Новгород: НМЗ, 1989. С. 22–26.
- Кузьмин 1989б — *Кузьмин С. Л.* Культура сопок в Верхнем Поплюсье // ННЗИА. Вып. 2 / Янин В. Л. (отв. ред.). Новгород: НМЗ, 1989. С. 36–40.
- Кузьмин 1990 — *Кузьмин С. Л.* Высокие погребальные сооружения Северо-Запада Новгородской земли 2-й половины I тыс. н. э. // ННЗИА. Вып. 3. Новгород: НМЗ, 1990. С. 53–56.
- Кузьмин 1991 — *Кузьмин С. Л.* О хронологическом соотношении сопок и длинных курганов (по материалам западных районов Новгородской земли) // Проблемы хронологии и периодизации в археологии: Сб. трудов молодых ученых / Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Л., 1991. С. 87–98.
- Кузьмин 1991а — *Кузьмин С. Л.* Которский погост – локальный центр конца I – начала II тыс. н. э. в верховьях Плюсы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 / Янин В. Л., Носов Е. Н., Гайдуков П. Г. (ред.). М., 1991. С. 153–168.
- Кузьмин 1992 — *Кузьмин С. Л.* Оредежские сопки // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре / Фишман О. М. (отв. ред.). СПб.: Леноблгостат, 1992. С. 16–26.
- Кузьмин 1995 — *Кузьмин С. Л.* Ладога и некоторые проблемы Северо-Западной Руси // Ладога и Северная Русь. Чтения памяти А. Мачинской. Материалы к чтениям / Мачинский Д. А. (ред.). СПб.: СЛИААМЗ, 1995. С. 12–15.
- Кузьмин 1997 — *Кузьмин С. Л.* Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого, 1919–1997. Т. I / Кирпичников А. Н. (отв. ред.). СПб.; Псков: б. и., 1997. С. 343–358.
- Кузьмин 1997а — *Кузьмин С. Л.* Первые десятилетия истории Ладожского поселения // Stratum + Петербургский археологический вестник / Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. (отв. ред.). СПб.; Кишинев, 1997. С. 228–235.
- Кузьмин 1997б — *Кузьмин С. Л.* Волховские сопки на современном этапе археологического изучения // Ладога и религиозное сознание: III чтения памяти А. Мачинской. Материалы к чтениям / Мачинский Д. А. (науч. ред.). СПб.: СЛИААМЗ, 1997. С. 108–112.
- Кузьмин 1998 — *Кузьмин С. Л.* О времени, характере и обстоятельствах славянского расселения на Северо-Западе // Ладога и эпоха викингов: IV чтения памяти А. Мачинской. Материалы к чтениям / Мачинский Д. А. (науч. ред.). СПб.: СЛИААМЗ, 1998. С. 8–15.
- Кузьмин 1999 — *Кузьмин С. Л.* О погребальной обрядности населения Верхней Руси на рубеже I и II тысячелетий н. э. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы науч. конф. 11–13 ноября / Андреев В. Ф. (сост.). Великий Новгород: Изд-во Новгородского ГУ, 1999. Ч. 1. С. 14–20.
- Кузьмин 1999а — *Кузьмин С. Л.* Сопки Нижнего Поволжья: взгляд на проблему на исходе XX в. // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей / Носов Е. Н. (отв. ред.). СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 89–99.
- Кузьмин 2001 — *Кузьмин С. Л.* Рождение Северо-Западной Руси: демогенез и культурогенез // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в I тыс. христианской эры: V чтения памяти А. Мачинской. Материалы к чтениям / Мачинский Д. А. (науч. ред.). СПб.: СЛИААМЗ, 2001. С. 63–73.
- Кузьмин 2001а — *Кузьмин С. Л.* Комплекс памятников в урочище Миложь у д. Сквородка в контексте древностей Верхнего Поплюсья рубежа I и II тыс. н. э. // Вестник молодых ученых. Серия Исторические науки. Спец. выпуск: Археология. 2001. Вып. 1. С. 56–62.
- Кузьмин 2003 — *Кузьмин С. Л.* Пожары и катастрофы в Ладоге: 250 лет непрерывной жизни? // Ладога — первая столица Руси: VII чтения памяти А. Мачинской. Материалы к чтениям / Мачинский Д. А. (науч. ред.). СПб.: СЛИААМЗ, 2003. С. 45–57.
- Кузьмин 2008 — *Кузьмин С. Л.* Ладога в эпоху раннего Средневековья (середина VIII – начало XII в.) // Исследование археологических памятников эпохи Средневековья / Виноградов А. В. (отв. ред.). СПб.: Нестор-История, 2008. С. 69–94.

- Кузьмин 2015 — *Кузьмин С. Л.* Ладога и Воронежга. Оборона и победа. 1164 год. Кириши, 2015. 153 с.
- Кузьмин, Мачинская 1989 — *Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д.* Культурная стратиграфия Ладоги VIII–X вв. // АИППЗ. 1988. Вып. 10 / Седов В. В. (отв. ред.). Псков, 1989. С. 29–30.
- Кузьмин, Мачинская 1989а — *Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д.* Ладога и ее округа в VIII–X вв. // Тез. докл. 11-й Всесоюзной конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М.: Ин-т истории СССР, 1989. С. 142–143.
- Кузьмин, Михайлова 2002 — *Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р.* Новый тип погребальных памятников и проблема славянской колонизации Северной Руси // У истоков Новгородской земли: Любытинский археологический сборник. Вып. 1 / Янин В. Л. (отв. ред.). Любытино: б. и., 2002. С. 94–115.
- Кузьмин, Петров 1990 — *Кузьмин С. Л., Петров Н. И.* Большие дома Северо-Западной Руси VIII–XI вв. // ННЗИА. Вып. 3. Новгород: НМЗ, 1990. С. 61–64.
- Кулаков 1990 — *Кулаков В. И.* Древности пруссов VI–XIII вв./ Седов В. В. (отв. ред.). М.: Наука, 1990. 168 с. (САИ. Вып. 4.Г1-9).
- Кулькова 2011 — *Кулькова М. А.* Радиоуглерод (¹⁴C) в окружающей среде и метод радиоуглеродного датирования: Учебно-методическое пособие; Российский гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. 40 с.
- Курбатов 2013 — *Курбатов А. В.* Неизвестные мастера прошлого // Староладожский сборник. Вып. 10. СПб.: Каламос, 2013. С. 122–127.
- Лазарев 1960 — *Лазарев В. Н.* Фрески Старой Ладоги. М.: Искусство, 1960. 100 с.
- Лалазаров 2002 — *Лалазаров С. В.* Два этапа строительства церкви Георгия в Старой Ладоге // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира XII в. СПб: Дмитрий Буланин, 2002. С. 297–313.
- Лалазаров 2003 — *Лалазаров С. В.* Перспектива натуральных исследований Ладожской крепости // Ладога — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни: VII чтения памяти А. Мачинской / Мачинский Д. А. (ред.). СПб.: б. и. 2003. С. 136–155.
- Лалазаров 2012 — *Лалазаров С. В.* Последняя реконструкция Ладожской крепости во второй половине XVII в. // Староладожский сборник. Вып. 9. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 255–265.
- Лалазаров 2014 — *Лалазаров С. В.* Последняя реконструкция Ладожской крепости во второй половине XVII в. // Старая Ладога. Очерк градостроительной истории. Графические реконструкции и документы. СПб.: Сохранение природы и культурного наследия, 2014. С. 246–260.
- Лалазаров 2017 — *Лалазаров С. В.* Крепость посадника Павла. Новые открытия // Староладожский сборник. Вып. 11: Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Культурно-исторические ценности Старой Ладоги», посвящ. 900-летию Ладожской крепости и 900-летию Успенского собора Свято-Успенского девичьего монастыря Волховского района Ленинградской области / Губчевская Л. А. (отв. ред.). Старая Ладога: СЛИАМЗ, 2017. С. 73–94.
- Ланг 1992 — *Ланг В.* О финских влияниях на Северо-Западе Эстонии в I тыс. н. э. // Древности славян и финно-угров: Доклады 4-го Советско-Финляндского симпозиума по вопросам археологии (16–22 мая 1986 г.) / Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А. (ред.). СПб.: Наука, 1992. С. 80–85.
- Лапшин 1990 — *Лапшин В. А.* Лепная керамика поселений Суздальской округи (к вопросу о формировании древнерусского населения на территории Суздальского Ополя) // Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья: Тез. докл. I региональной науч. конф. / Васильев Ф. В. (отв. ред.). Горький: б. и., 1990. С. 225–228.
- Лапшин 1991 — *Лапшин В. А.* Лепная керамика Гнездиловского поселения // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси / Седова М. В. (отв. ред.). М.: ИА, 1991. С. 120–129.
- Лапшин 1991а — *Лапшин В. А.* Лепная керамика Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси / Седова М. В. (отв. ред.). М.: ИА, 1991. С. 130–139.

- Лапшин 1992 — *Лапшин В. А.* Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика / Плетнева С. А. (отв. ред.). М.: ИА РАН, 1992. С. 90–102.
- Лапшин 1992а — *Лапшин В. А.* К вопросу о длительности сосуществования лепной и круглой керамики на древнерусских памятниках Суздальского Ополя // Городецкие чтения: Материалы науч. конф. (Городец, 24–26 апреля 1991 г.) / Гусева Т. В. (сост.). Городец: б. и., 1992. С. 53–56.
- Лапшин 2019 — *Лапшин В. А.* Ладога до Ладоги // ЗИИМК. 2019. № 20. СПб., 2019. С. 112–120.
- Лапшин, Миляев 2018 — *Лапшин В. А., Миляев П. А.* Новые исследования на Варяжской улице в Старой Ладоге // ЗИИМК. 2018. № 19. С. 157–164.
- Лапшин, Мухина 1988 — *Лапшин В. А., Мухина Т. В.* Раннесредневековый археологический комплекс у с. Васильково под Суздалем // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси) / Седова М. В. (отв. ред.). М.: ИА, 1988. С. 132–149.
- Лаул 1971 — *Лаул С. К.* Об этнической принадлежности длинных и круглых курганов в юго-восточной Эстонии // Известия АН ЭССР. 1971. Т. 20, № 3: Общественные науки. С. 319–329.
- Лаушкин 1960 — *Лаушкин К. Д.* Раскопки в Старой Ладоге // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 72–76.
- Лебедев 1973 — *Лебедев Г. С.* Городец под Лугой (предварительное сообщение) // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 72–76.
- Лебедев 1975 — *Лебедев Г. С.* Системное описание археологической культуры // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований: Материалы методического семинара ЛОИА АН СССР. Апрель 1975 г. / Борзяк В. Н. (отв. ред.). Л.: Наука, ЛО, 1975. С. 56–58.
- Лебедев 1977 — *Лебедев Г. С.* Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1977. 232 с.
- Лебедев 1977а — *Лебедев Г. С.* Начало Верхней Руси по данным археологии // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР / Мавродин В. В. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 90–95.
- Лебедев 1978 — *Лебедев Г. С.* Сопка у дер. Репьи в Верхнем Полужье // КСИА. 1978. Вып. 155. С. 93–99.
- Лебедев 1979 — *Лебедев Г. С.* Археологический тип как система признаков // Типы в культуре: Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках (материалы конференций) / Клейн Л. С. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 74–88.
- Лебедев 1981 — *Лебедев Г. С.* Проблема генезиса древнерусской курганной культуры // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 22–27.
- Лебедев 1982 — *Лебедев Г. С.* Археологическое изучение Новгородской земли // НИС. № 1 (11). Л.: Наука, 1982. С. 15–42.
- Лебедев 1982а — *Лебедев Г. С.* О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Столяр А. Д. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 29–39.
- Лебедев 1984 — *Лебедев Г. С.* Культурная стратиграфия Северо-Запада Европейской части России и проблемы формирования Новгородской земли // Археологическое исследование Новгородской земли / Лебедев Г. С. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 46–54.
- Лебедев 1985 — *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки / Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 286 с.
- Лебедев 1985а — *Лебедев Г. С.* Северные восточнославянские племена (к постановке вопроса о связях внутри славянского мира) // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Носов Е. Н., Массон В. М. (отв. ред.). Л.: Наука, ЛО, 1985. С. 44–48.
- Лебедев 1986 — *Лебедев Г. С.* Балтийская субконтинентальная цивилизация раннего средневековья (к постановке проблемы) // Тез. докл. 10-й Всесоюзной конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Ч. 1. М.: б. и., 1986. С. 158–160.

- Лебедев 1990 — *Лебедев Г. С.* Археологическое изучение средневековых древностей Ленинградской области (1968–1988 гг.) // Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы / Фишман О. М. (отв. ред.). Л.: Гос. музей этнографии, 1990. С. 15–21.
- Лебедев 1992 — *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700–1917. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.
- Лебедев 1997 — *Лебедев Г. С.* В. П. Петренко и его место в исследовании Старой Ладogi // Дивинец Староладожский: междисциплинарные исследования / Лебедев Г. С. (отв. ред.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 5–14.
- Леонтьев 1983 — *Леонтьев А. Е.* Древнерусские поселения Верхней Мологи // Археологические исследования в Верхневолжье / Янин В. Л. (отв. ред.). Калинин: Калининский ГУ, 1983. С. 56–70.
- Леонтьев 1984 — *Леонтьев А. Е.* Новые данные о костромских курганах // СА. 1984. № 4. С. 176–196.
- Леонтьев 1984а — *Леонтьев А. Е.* Поселения мери и славян на оз. Неро // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 26–32.
- Леонтьев 1989 — *Леонтьев А. Е.* Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: Материалы работ Волго-Окской экспедиции / Седов В. В. (отв. ред.) М.: ИА, 1989. С. 5–105.
- Леонтьев, Пронин 1978 — *Леонтьев А. Е., Пронин Г. Н.* Древнерусские памятники района озера Верестово // СА. 1978. № 2. С. 272–282.
- Лесман 1989 — *Лесман Ю. М.* К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов // Славяне: Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования) / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 12–18.
- Лесман 1993 — *Лесман Ю. М.* К теории этногенеза: этногенез древнерусской народности // ПАВ. № 6: Скифы. Сарматы. Славяне. Русь / Зуев В. Ю. и др. (ред.). СПб.: ФАРН, 1993. С. 98–104.
- Лецевич 1993 — *Лецевич Л.* Балтийские славяне и Северная Русь в раннем средневековье. Несколько дискуссионных замечаний // Славянская археология, 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян / Седов В. В., Чернецов А. В. (отв. ред.). М.: Наука; Восточная литература, 1993. С. 144–152.
- Лихтер 2015 — *Лихтер Ю. А.* Новые находки стеклянных изделий в Москве (Замоскворечье) // Археология Подмоскoвья: Материалы науч. семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН, 2015. С. 501–525.
- Лихтер 2016 — *Лихтер Ю. А.* Стекло façon de venise из раскопок в Москве и других городах (Вязьма, Мангазея) // Вестник Томского гос. ун-та. История. Томск: Томский ГУ, 2016. № 5 (43). С. 51–55.
- Лопатин 1987 — *Лопатин Н. В.* Параллели в керамике культуры длинных курганов и древностей типа Тушемли — Банцеровщины // АИППЗ. Псков, 1987. С. 52–53.
- Лопатин 2002 — *Лопатин Н. В.* Памятники верховьев Березины и Вилии в контексте культурогенеза середины I тыс. н. э. // Гістарычна-археалагічны зборник. Минск, 2002. № 17. С. 123–130.
- Лопатин 2003 — *Лопатин Н. В.* О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА. 2003. Вып. 214. С. 43–58.
- Лопатин 2005 — *Лопатин Н. В.* Группы древностей V–VIII вв. н. э. в Верхнем Поднепровье и на Северо-Западе России (по керамическим материалам) // Archeologia o początkach Słowian / Pod red. P. Kaczanowskiego, I. M. Parczewskiego, Kraków, 2005. S. 463–478.
- Лопатин 2006 — *Лопатин Н. В.* О различных концепциях культурно-хронологического определения лепной керамики Труворова городища // Изборск и его округа: Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / Воронкова Е. Е., Шеин С. А. (ред.). Изборск: б. и., 2006. С. 101–108.
- Лопатин 2007 — *Лопатин Н. В.* Проблемы изучения керамики Изборска // АИППЗ. Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы III заседания, посвящ. памяти профессора А. Р. Артемьева / Лабутина И. К. (отв. ред.). Псков, 2007. С. 217–231.

- Лопатин 2009 — Лопатин Н. В. К соотношению керамики культуры длинных курганов и нижнего слоя Изборска // *Stratum plus*. 2005–2009. № 5. С. 31–33.
- Лопатин 2018 — Лопатин Н. В. Керамика городищ Тушемля и Банцеровщина: к вопросу о тушемлинско-банцеровской культуре // *РА*. 2018. № 4. С. 53–65.
- Лопатин 2021 — Лопатин Н. В. Мисковидные формы лепной керамики Труворова городища // *АВ*. 2021. Вып. 31. С. 208–218.
- Лопатин, Фурасьев 1994 — Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. О роли памятников III–V вв. н. э. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли–Банцеровщины // *ПАВ*. 1994. № 9 / Короткевич Б. С., Мазуркевич А. Н. (отв. ред.). С. 136–142.
- Лопатин, Фурасьев 2007 — Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. Северные рубежи восточнославянского мира в III–V вв. / М.: ИА РАН, 2007. 252 с. (ПСМ. № 8).
- Луото 1984 — Луото Ю. Вопросы хронологии конца железного века северных районов Прибалтики // *Новое в археологии СССР и Финляндии: Доклады Третьего Советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии (11–15 мая 1981 г.)* / Рыбаков Б. А. (отв. ред.). Л.: Наука, ЛО, 1984. С. 78–82.
- Лысенко 1985 — Лысенко П. Ф. Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 399 с.
- Львова 2010 — Львова З. А. Стекланные бусы Любши // *Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. К 80-летию А. Н. Кирпичникова* / Носов Е. Н., Белецкий С. В. (отв. ред.). М.: Ломоносов, 2010. Т. 1. С. 467–478.
- Ляпушкин 1958 — Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства / Артамонов М. И. (отв. ред.). М.; Л., 1958. 328 с. (МИА. № 74).
- Ляпушкин 1968 — Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.) / Артамонов М. И. (отв. ред.). Л.: Наука, ЛО, 1968. 192 с. (МИА. № 152).
- Мазуров 2000 — Мазуров А. Б. Оборонительные сооружения Коломны XIV–XV вв. // *Археологические памятники Москвы и Подмосковья*. Ч. 3. М.: Музей истории города Москвы, 2000. С. 56–72 (*Труды Музея истории города Москвы*. Вып. 10).
- Макаров 1982 — Макаров Н. А. Камско-Вычегодская керамика на Шексне // *Средневековые памятники бассейна р. Чепцы* / Иванова М. Г. (отв. ред.). Ижевск: Удмуртский НИИ, 1982. С. 125–131.
- Макаров 1983 — Макаров Н. А. Чашевидные сосуды средневековых памятников Волго-Шекснинского района // *КСИА*. 1983. Вып. 175. С. 18–25.
- Макаров 1985 — Макаров Н. А. Орнаментака белозерской лепной керамики X–XI вв. // *СА*. 1985. № 2. С. 79–100.
- Макаров 1986 — Макаров Н. А. О некоторых комплексах середины — 3-й четверти I тыс. н. э. в Юго-Восточном Прионежье и на р. Сухоне // *КСИА*. 1986. Вып. 183. С. 23–32.
- Макаров 1989 — Макаров Н. А. Лепная керамика Восточного Прионежья IX–XII вв. // *КСИА*. 1989. Вып. 196. С. 83–93.
- Макаров 1991 — Макаров Н. А. Лепная керамика поселения Крутик // Голубева Л. А., Кочкуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.) / Седов В. В. (ред.). Петрозаводск: Карельский НЦ АН СССР, 1991. С. 129–165.
- Макаров 1997 — Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: НИЦ «Скрипторий», 1997. 386 с.
- Макарова 1967 — Макарова Т. И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси / Рыбаков Б. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1967. 128 с. (САИ. Е1-38).
- Маковская 1992 — Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV — XVIII в.: Определитель. М.: Военное изд-во, 1992. 200 с.
- Малов 2006 — Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006. 624 с.
- Мальм 1959 — Мальм В. А. Производство глиняных изделий // *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.* / Рыбаков Б. А. (отв. ред.). М.: Советская Россия, 1959. С. 123–148. (*Труды ГИМ*. Вып. 33).

- Мальм 1963 — *Мальм В. А.* Культовая и бытовая посуда из Ярославских могильников // Ярославское Поволжье в X–XI вв.: по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Смирнов А. П. (отв. ред.). М.: Советская Россия, 1963. С. 43–50.
- Матехина 2009 — *Матехина Т. С.* Кожаные изделия средневекового Новгорода. Чехлы, футляры, сумки. Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. – Археология. М.: б. и., 2009. 204 с.
- Мачинская 1989 — *Мачинская А. Д.* Украшения из оловянистых сплавов из Старой Ладogi // ННЗИА. Вып. 2 / Янин В. Л. (отв. ред.). Новгород: НМЗ, 1989. С. 17–19.
- Мачинская 1990 — *Мачинская А. Д.* Ладога и культура смоленских длинных курганов: проблемы хронологии // ННЗИА. Вып. 3. Новгород: НМЗ, 1990. С. 56–57.
- Мачинский 1981 — *Мачинский Д. А.* Миграция славян в I тыс. н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей / Королюк В. Д. (отв. ред.). М.: Наука, 1981. С. 31–52.
- Мачинский 1986 — *Мачинский Д. А.* Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии и фольклористики / Чистов К. В., Бернштам Т. А. (отв. ред.). Л.: Наука, ЛО, 1986. С. 3–29.
- Мачинский 1988 — *Мачинский Д. А.* Некоторые географические и исторические предпосылки возникновения севернорусского протогосударства // АСГЭ. Вып. 29 / Шукин М. Б. (ред.). Л.: Искусство, 1988. С. 117–128.
- Мачинский 1997 — *Мачинский Д. А.* Волховская Русь (VIII–IX вв.) // Современность и археология: Междунар. чтения, посв. 25-летию Староладожской археологической экспедиции / Климов В. Н., Кирпичников А. Н., Пономарев В. С. (ред.). СПб.: ИПК «Вести», 1997. С. 71–75.
- Мачинский 2002 — *Мачинский Д. А.* Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры: VI чтения памяти А. Мачинской. Материалы к чтениям / Мачинский Д. А. (науч. ред.). СПб.: СЛИААМЗ, 2002. С. 5–38.
- Мачинский 2003 — *Мачинский Д. А.* Ладога — древнейшая столица Руси и ее ворота в Европу // Старая Ладога. Древняя столица Руси: Каталог выставки / Короткевич Б. С. (ред.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 11–35.
- Мачинский 2009 — *Мачинский Д. А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: Материалы Междунар. конф., состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Гос. Эрмитаже / Короткевич Б. С., Мачинский Д. А., Сениченкова Т. Б. (ред.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 460–538. (Труды Гос. Эрмитажа. Вып. XLIX).
- Мачинский, Мачинская 1988 — *Мачинский Д. А., Мачинская А. Д.* Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера / Чистов К. В. (отв. ред.). Л.: Наука, ЛО, 1988. С. 44–58.
- Медведев 1959 — *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 121–191 (МИА. № 65).
- Медведев 1996 — *Медведев А. М.* Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетие до н. э. — 5 в. н. э.). Минск: б. и., 1996. 200 с.
- Медведев 2011 — *Медведев А. М.* Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск: Беларуская навука, 2011. 350 с.
- Меснянкина 2008 — *Меснянкина С. В.* Изделия из кости и рога. Вещевой материал Мининского археологического комплекса // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. В 3 т. Т. 2: Материальная культура и хронология / Макаров Н. А. (отв. ред.). М.: Наука, 2008. С. 215–252.
- Мильчик 2014 — *Мильчик М. И.* Старая Ладога. Очерк градостроительной истории: Графические реконструкции и документы. СПб.: Сохранение природы и культурного наследия, 2014. 352 с.

- Мильчик 2021 — *Мильчик М. И.* Город камен Копорье. Историко-архитектурный очерк о второй каменной крепости Новгородской земли. Графические реконструкции и документы. СПб.: Коло, 2021. 256 с.
- Миляев 2015 — *Миляев П. А.* Городище Любша в Нижнем Поволжье (по материалам архивов ИИМК РАН и ИА РАН) // Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. Вып. 5 / Кирпичников А. Н. (отв. ред.). СПб.: Ленинградское областное отделение Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры», ООО «Социальная пропаганда», 2015. С. 108–134.
- Миляев 2018 — *Миляев П. А.* Находки деталей ручного огнестрельного вооружения второй половины XV–XVI вв. из Старой Ладоги и крепости Орешек в свете восточно- и западноевропейских аналогий // АВ. 2018. Вып. 24. С. 218–238.
- Миляев 2019 — *Миляев П. А.* Клинковое оружие XVI–XVII вв. из раскопок в Старой Ладоге // ННЗИА. Вып. 32. Великий Новгород: НМЗ, 2019. С. 269–281.
- Миляев 2019а — *Миляев П. А.* Роговые матрицы для оттиска восково-мастичных печатей из Старой Ладоги // Новгородский архивный вестник. Вып. 15. Великий Новгород, 2019. С. 72–78.
- Миляев 2019б — *Миляев П. А.* Детали ручного огнестрельного вооружения конца XVI–XVII вв. из Старой Ладоги // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 12. Тверь: 2019. С. 447–471.
- Миляев 2020 — *Миляев П. А.* Костяные и роговые элементы декора ручного огнестрельного оружия конца XVI – начала XVII вв. из Старой Ладоги. Новые данные о комплексе вооружения европейских воинских контингентов на Северо-Западе Московского государства в Смутное время // АВ. 2020. Вып. 27. С. 232–252.
- Миляев 2020а — *Миляев П. А.* Европейские воинские контингенты в Ладоге и их вооружение по данным археологии и письменных источников (1610–1617 гг.). Оружейный семинар Гос. Эрмитажа. Заседание 30 апреля 2020 г. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2020. 56 с.
- Миляев 2021 — *Миляев П. А.* Копья в комплексе вооружения воинов Ладоги XV–XVII вв. // АВ. 2021. Вып. 31. С. 332–353.
- Миляев, Горлов 2020 — *Миляев П. А., Горлов К. В.* Постройки с золотыми голландскими дукатами начала XVII в. на Земляном городище в Старой Ладоге (по материалам раскопок Староладужской археологической экспедиции 1948–1949 гг.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 13. Тверь: ТНИИР Центр, 2020. С. 170–198.
- Минасян 1972 — *Минасян Р. С.* Селище Узмень // АСГЭ. Вып. 14. Л.: Аврора, 1972. С. 112–117.
- Минасян 1979 — *Минасян Р. С.* Поселение и могильник на берегу оз. Узмень // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XX / Микляев А. Н. (ред.). Л.: Искусство, ЛО, 1979. С. 169–185.
- Минасян 1980 — *Минасян Р. С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 21. Л.: Искусство, 1980. С. 68–74.
- Минасян 1996 — *Минасян Р. С.* Старая Ладога — крупнейший производственный центр VIII–X вв. в Восточной Европе // Ладога и Северная Европа: II чтения памяти А. Мачинской. Материалы к чтениям / Мачинский Д. А. (науч. ред.). СПб.: СЛИААМЗ, 1996. С. 21–22.
- Митрофанов 1955 — *Митрофанов А. Г.* К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1955. 18 с.
- Митрофанов 1967 — *Митрофанов А. Г.* Банцеровское городище // Белорусские древности: Доклады к конф. по археологии Белоруссии (январь–февраль 1968) / Будько В. Д. (отв. ред.). Минск, 1967. С. 231–261.
- Митрофанов 1978 — *Митрофанов А. Г.* Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. — VIII в. н. э.) / Штыхов Г. В. (отв. ред.). Минск: Наука и техника, 1978. 160 с.
- Митрофанов 1980 — *Митрофанов А. Г.* Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н. э. — I в. н. э.) // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии) / Мугуревич Э. С. (отв. ред.). Рига: Зинатне, 1980. С. 102–110.

- Михайлов 2002 — Михайлов К. А. Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья: Сб. ст. / Кирпичников А. Н. (отв. ред.). СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 63–68.
- Михайлова 1994 — Михайлова Е. Р. Керамический комплекс Которского поселения IX–X вв. // АИППЗ, 1993. Псков, 1994. С. 51–54.
- Михайлова 2009 — Михайлова Е. Р. Культура длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 17 с.
- Михайлова 2010 — Михайлова Е. Р. Комплекс памятников в урочище Колода близ дер. Забье (Лужский р-н Ленинградской обл.) // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли: Сб. науч. ст. / Михайлова Е. Р. (отв. ред.). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 81–108.
- Михайлова 2014 — Михайлова Е. Р. Бескурганные могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–XII вв. Общество, государство, культура / Макаров Н. А., Леонтьев А. Е. (отв. ред.). Москва; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 317–335.
- Михайлова 2014а — Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 427 с.
- Михайлова 2017 — Михайлова Е. Р. Городище на Втырке // Elite ou Egalite... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / Платонова Н. И. (отв. ред.). СПб.: Издательский дом «Бранко». 2017. С. 261–282.
- Михайлова 2018 — Михайлова Е. Р. «Балтский след» в культуре псковских длинных курганов? // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I — начале II тыс. н. э.: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию профессора Э. М. Загоруйского / Егорейченко А. А. (науч. ред.). Минск: Белорусский ГУ, 2018. С. 173–184.
- Мокрушин 2008 — Мокрушин М. Л. Керамика Мининского археологического комплекса // Археология северно-русской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. В 3 т. Т. 2: Материальная культура и хронология / Захаров С. Д. (отв. ред.). М.: Наука, 2008. С. 270–289.
- Монгайт 1961 — Монгайт А. Л. Старая Рязань / Воронин Н. Н. (отв. ред.). М., 1961. 400 с.
- Моора 1955 — Моора Х. А. О результатах исследования городищ в Эстонской ССР // Древние поселения и городища: Археологический сборник / Моора Х. А., Янитс Л. Ю. (отв. ред.). Таллин: Эстгосиздат, 1955. С. 46–94.
- Моора 1956 — Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа / Моора Х. А. (отв. ред.). Таллин: Эстгосиздат, 1956. С. 61–64.
- Москаленко 1965 — Москаленко А. Н. Городище Титчиха: Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1965. 310 с.
- Мугуревич 1965 — Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями: Пути сообщения. Рига: Зинатне, 1965. 145 с.
- Музеи... — Музеи Московского Кремля. Валуев Петр Степанович. URL: <https://www.kreml.ru/about-museums/museum-directors/valuev-petr-stepanovich-1801-1814/#> (дата обращения: 25.11.2021).
- Мусин 1988 — Мусин А. Е. Об особенностях христианизации Новгородской земли // ННЗИА / Янин В. Л. (отв. ред.). Новгород: НМЗ, 1988. С. 44–46.
- Мусин 2002 — Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности / Кирпичников А. Н. (отв. ред.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 272 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. V).
- Мусин, Степанов 2007 — Мусин А. Е., Степанов А. М. Ложка или лжица? Находка 2005 г. на Троицком раскопе в контексте европейской и византийской традиции // ННЗИА. Вып. 21. Новгород: НМЗ, 2007. С. 107–124.
- Мыльников 1981 — Мыльников А. С. А. И. Ермолаев — исследователь рукописной книги (опыт книговедческой характеристики) // Книга: исследования и материалы. Сб. 42 / Баканова И. П., Тарасенко И. Н. (ред.). М.: Книга, 1981. С. 74–93.

- Назаренко 1979 — Назаренко В. А. Исторические судьбы Приладожья и его связь с Ладогой // Славяне и Русь / Баран В. Д. (отв. ред.). Киев: Наукова думка, 1979. С. 106–115.
- Назаренко 1980 — Назаренко В. А. Об уровне социально-экономического развития населения Юго-Восточного Приладожья IX–X вв. // *Fenno-Ugri et Slavi*. 1978. Helsinki, 1980. P. 261–276.
- Назаренко 1983 — Назаренко В. А. Погребальная обрядность Приладожской чуди: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. 18 с.
- Назаренко 1985 — Назаренко В. А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования / Седов В. В. (отв. ред.). Л.: Наука, ЛО, 1985. С. 156–169.
- Назаренко 1997 — Назаренко В. А. Об одной особенности планировки ладожской застройки VIII–X вв. (по материалам «Земляного городища») // Ладога и религиозное сознание: III чтения памяти А. Мачинской. Материалы к чтениям / Мачинский Д. А. (науч. ред.). СПб.: СЛИААМЗ, 1997. С. 112–114.
- Нелюбов 2002 — Нелюбов С. Символика средневековых русских перстней // Цейхгауз: Российский военно-исторический журнал. № 17 (1/2002). М.: Изд. центр «Экспресс», 2002. С. 4–8.
- Никитин 1971 — Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. М.: Наука, 1971. 83 с. (САИ. Вып. Е1–34).
- Никольская 1959 — Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. / Тиханова М. А. (отв. ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1959. 152 с. (МИА. № 72).
- Новое в археологии... 2018 — Новое в археологии Старой Ладоги: Материалы и исследования / Платонова Н. И., Лапшин В. А. (отв. ред.). СПб.: Невская книжная типография, 2018. 536 с. (Труды ИИМК РАН. Т. LIII).
- Новосельцев 1965 — Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси // Древнерусское государство и его международное значение / Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. (отв. ред.). М.: Наука, 1965. С. 355–419.
- Новосельцев 2017 — Новосельцев А. П. Хазарский каганат. М.: Ломоносовъ, 2017. 261 с.
- Носов 1974 — Носов Е. Н. Источники по славянской колонизации Новгородской земли // ВИД. Вып. 6 / Валк С. Н. (отв. ред.). Л., 1974. С. 212–241.
- Носов 1976 — Носов Е. Н. Поселение у волховских порогов // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 76–81.
- Носов 1976а — Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII–X вв. // ВИД. 1976. Вып. 8 / Валк С. Н., Носов Е. Н. (ред.). С. 95–110.
- Носов 1977 — Носов Е. Н. Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977. 25 с.
- Носов 1977а — Носов Е. Н. Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладоги // КСИА. 1977. Вып. 150. С. 10–17.
- Носов 1977б — Носов Е. Н. Лепная керамика из раскопок на Рюриковом городище под Новгородом // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР / Мавродин В. В. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 95–98.
- Носов 1981 — Носов Е. Н. Волховский водный путь и поселения Приильменя конца I тыс. н. э. // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 18–24.
- Носов 1981а — Носов Е. Н. Поселение и могильник культуры длинных курганов на оз. Съезжее // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 64–69.
- Носов 1981б — Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тыс. н. э. в Приильменьи // СА. № 1. 1981. С. 42–56.
- Носов 1982 — Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // НИС. № 1(11) / Янин В. Л. (отв. ред.). Л.: Наука, 1982. С. 43–78.
- Носов 1984 — Носов Е. Н. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 11–19.
- Носов 1984а — Носов Е. Н. Археологические памятники Новгородской земли VIII–X вв. // Археологическое исследование Новгородской земли / Лебедев Г. С. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 85–107.

- Носов 1988 — *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // *Славяно-русские древности*. Вып. 1: Историко-археологическое изучение Древней Руси / Дубов И. В. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 21–38.
- Носов 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище / Кирпичников А. Н. (ред.). Л.: Наука, ЛО, 1990. 211 с.
- Носов 1991 — *Носов Е. Н.* Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тыс. н. э. (каталог памятников) // *Материалы по археологии Новгородской земли*. 1990 / Янин В. Л., Носов Е. Н., Гайдуков П. Г. (ред.). М., 1991. С. 5–37.
- Носов 1992 — *Носов Е. Н.* Происхождение легенды о призвании варягов и Балтийско-Волжский путь // *Древности славян и финно-угров: Доклады 4-го советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии, 16–22 мая 1986 г.* / Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А. (ред.). СПб.: Наука, 1992. С. 100–105.
- Носов 1994 — *Носов Е. Н.* Предисловие // *Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб.: Наука; Санкт-Петербургск. изд. фирма, 1994. С. 3–4.
- Носов 2000 — *Носов Е. Н.* К вопросу о типологии городов Поволжья // *Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Доклады междунар. науч. симпозиума по вопросам археологии и истории (11–14 мая 1999 г., Пушкинские Горы)* / Кирпичников А. Н. и др. (ред.). СПб.: ИПК «Вести», 2000. С. 162–171.
- Носов 2005 — *Носов Е. Н.* Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволжья // *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 8–32 (*Труды ИИМК РАН*. Т. XVIII).
- Носов 2012 — *Носов Е. Н.* Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволжье // *Русь в IX–X веках. Археологическая панорама* / Макаров Н. А. (отв. ред.). М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 93–119.
- Носов 2019 — *Носов Е. Н.* О культурно-хронологическом разделении слоев Старой Ладogi // *ННЗИА*. 2019. Вып. 32. С. 157–166.
- Носов, Петренко 1986 — *Носов Е. Н., Петренко В. П.* Об одном типе средневековых печей Поволжья // *КСИА*. 1986. Вып. 187. С. 8–15.
- Носов, Плохов 1989 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение Холопий городок под Новгородом // *КСИА*. 1989. Вып. 195. С. 34–42.
- Носов, Плохов 1991 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение Золотое Колено на средней Мсте // *Материалы по археологии Новгородской земли, 1990* / Янин В. Л., Носов Е. Н., Гайдуков П. Г. (ред.). М., 1991. С. 117–149.
- Носов, Плохов 1994 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Археологические исследования в Адреанопольском районе Тверской области в 1988 г. // *ТАС*. Вып. 1 / Черных И. Н. (ред.). Тверь, 1994. С. 145–151.
- Носов, Плохов 1997 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Холопий городок на Волхове // *Древности Поволжья* / Кирпичников А. Н., Носов Е. Н. (отв. ред.). СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 129–152.
- Носов, Плохов 2002 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Новые исследования в Ильменском Поозерье // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья* / А. Н. Кирпичников (отв. ред.). СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 159–180.
- Носов, Плохов 2005 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Новые раскопки поселений в Северном Приильменье // *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 122–154, 338, 339, 349 (*Труды ИИМК РАН*. Т. XVIII).
- Носов, Хвощинская 2019 — *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* Хлебные печи Рюрикова городища // *ЗИИМК*. 2019. № 20. С. 121–131.
- Носов, Янин 2011 — *Носов Е. Н., Янин В. Л.* К 1150-летию юбилею Российской государственности: источники и проблемы // *Труды III (XIX) Всероссийского археологического*

- съезда. Т. I / Макаров Н. А., Носов Е. Н. (отв. ред.). СПб.; М; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 9–11.
- Носов и др. 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (Новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 403 с. (Труды ИИМК РАН. Т. XVIII).
- Носов и др. 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с. (Труды ИИМК РАН. Т. XLIX).
- Обломский 2016 — *Обломский А. М.* Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Обломский А. М., Исланова И. В. (отв. ред.). М.: ИА РАН, 2016. С. 10–113 (ПСМ. № 17).
- Окладников 1951 — *Окладников А. П.* Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. М.; Л.: Главсевморпуть, 1951. С. 7–40.
- Олейников 2002 — *Олейников О. М.* Стекланные браслеты Великого Новгорода // РА. 2002. № 1. С. 51–73.
- Олейников 2014 — *Олейников О. М.* К вопросу о назначении свинцовых грузиков X–XV вв. // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 189–194.
- Олейников 2014а — *Олейников О. М.* Археологические исследования в северной части Неревского конца Великого Новгорода (раскоп Досланьский) // АИППЗ. Вып. 29. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 225–234.
- [Оленин] 1806 — А. О. [Оленин А. Н.]. Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмуроканском, найденном на острове Тамане в 1792 году. СПб., 1806. 51 с.
- Оленин 1814 — *Оленин А. Н.* Краткое рассуждение о издании полного собрания русских деесписателей // Сын отечества. 1814. № 7. С. 3–19.
- Орлов 1941 — *Орлов С. Н.* Могильник в Старой Ладогe (из материалов Староладожской экспедиции истфака ЛГУ) // Ученые записки ЛГУ. 1941. Вып. 10, № 80. С. 116–138.
- Орлов 1954 — *Орлов С. Н.* Деревянные изделия Старой Ладогe VII–X вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. 15 с.
- Орлов 1955 — *Орлов С. Н.* Сопки волховского типа около Старой Ладогe (из материалов Староладожской археологической экспедиции 1940 и 1948 гг.) // СА. 1955. Вып. XXII. С. 190–211.
- Орлов 1972 — *Орлов С. Н.* Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода // СА. 1972. № 2. С. 127–137.
- Орлов 1973 — *Орлов С. Н.* Археологические исследования на Рюриковом городище под Новгородом // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 77–79.
- Орлов 1982 — *Орлов С. Н.* Памятники эпохи раннего железного века и средневековья в долине р. Волхова // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Столяр А. Д. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 94–98.
- Орлов 1984 — *Орлов С. Н.* Памятники раннего железного века на территории Новгородской области // Археологические исследования Новгородской земли / Лебедев Г. С. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 70–84.
- Орлов, Аксенов 1962 — *Орлов С. Н., Аксенов М. М.* Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // НИС. Вып. 10 / Лихачев Д. С. (отв. ред.). Новгород, 1962. С. 161–168.
- Орфинская, Михайлов 2020 — *Орфинская О. В., Михайлов К. А.* Текстиль Старой Ладогe эпохи викингов. СПб.: Ars longa, 2020. 372 с.
- Осипов 2006 — *Осипов Д. О.* Обувь московской земли XII–XVIII вв. М.: ИА РАН, 2006. 202 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 7).
- Основания регионалистики 1999 — Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России / Герд А. С., Лебедев Г. С. (отв. ред.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 392 с.
- Отрывок... 1839 — Отрывок из путешествия Ходаковского по России. Ладога. Новгород // Русский исторический сборник, издаваемый Императорским обществом истории и древностей российских. Т. 3, кн. 2. М., 1839. С. 129–200.

- Очерки исторической географии... 2001 — Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / Герд А. С., Лебедев Г. С. (отв. ред.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 512 с.
- Павлова 2003 — Павлова Е. В. Атрибуция портрета первого русского палеографа А. И. Ермолаева // Памятники культуры. Новые открытия. 2002. М.: Наука, 2003. С. 367–371.
- Пархимович 2017 — Пархимович С. Г. «Питейное дело» в Мангазее // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. / Под ред. Л. В. Татауровой. Омск: Изд. дом «Наука», 2017. С. 438–450.
- ПВЛ 1983 — *Повесть временных лет* // Повести Древней Руси XI–XII века. Л.: Лениздат, 1983. С. 24–227.
- Перхавко 1978 — Перхавко В. Б. Раннесредневековые древности междуречья Днепра и Немана V–VIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. 22 с.
- Петренко 1975 — Петренко В. П. Исследования погребальных памятников Северного Поволжья // АО 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 32–33.
- Петренко 1977 — Петренко В. П. Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладogi // КСИА. 1977. Вып. 150. С. 55–62.
- Петренко 1977а — Петренко В. П. Топография Староладожского поселения // Древние города: Материалы к Всесоюзной конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья» / Массон В. М. (ред.). Л.: Наука, 1977. С. 73–74.
- Петренко 1980 — Петренко В. П. Сопка у с. Михаила-Архангела в юго-восточном Приладожье по раскопкам Н. Е. Бранденбурга в 1886 г. // КСИА. 1980. Вып. 160. С. 69–76.
- Петренко 1983 — Петренко В. П. Планировка и постройки Ладogi X в. // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в северо-западной части СССР: Тез. докл. Межреспубликанского симпозиума / Мугуревич Э. С. (отв. ред.). Рига: Зинатне, 1983. С. 32–36.
- Петренко 1984 — Петренко В. П. Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладogi // Новое в археологии СССР и Финляндии: Доклады Третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии (11–15 мая 1981 г.) / Рыбаков Б. А. (отв. ред.). Л.: Наука, ЛО, 1984. С. 83–90.
- Петренко 1985 — Петренко В. П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладoga. Новые археологические открытия и исследования / Седов В. В. (отв. ред.). Л.: Наука, ЛО, 1985. С. 81–116.
- Петренко 1985а — Петренко В. П. Классификация сопки Северного Поволжья // Средневековая Ладoga. Новые археологические открытия и исследования / Седов В. В. (отв. ред.). Л.: Наука, ЛО, 1985. С. 123–146.
- Петренко 1985б — Петренко В. П. Некоторые итоги изучения сопки Северного Поволжья // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Массон В. М. (отв. ред.). Л.: Наука, 1985. С. 23–26.
- Петренко 1985в — Петренко В. П. Сопки Северного Поволжья в свете балтских и финно-угорских параллелей // Проблемы этнической истории балтов: Тез. докл. межреспубликанской науч. конф. / Ронис И. Э. (отв. ред.). Рига: Зинатне, 1985. С. 83–85.
- Петренко 1994 — Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья / Носов Е. Н. (отв. ред.). СПб.: Наука, Санкт-Петербургск. изд. фирма, 1994. 137 с.
- Петренко, Шитова 1985 — Петренко В. П., Шитова Т. Б. Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладoga. Новые археологические открытия и исследования / Седов В. В. (отв. ред.). Л.: Наука, ЛО, 1985. С. 181–191.
- Петренко и др. 1977 — Петренко В. П., Конаков Н. Д., Рогачев М. Б. Некоторые сведения о сопках Северного Поволжья // Проблемы истории и культуры Северо-Запада / Мавродин В. В. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 85–90.
- Петренко и др. 2013 — Петренко В. П., Кильдюшевский В. И., Курбатов А. В. Ивангородская керамика конца XV–XVI вв. // Бюллетень ИИМК РАН. № 3 (Охранная археология). СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 253–268.

- Петров 1996 — *Петров Н. И.* Поволховье и Ильменское Поозерье в IX–X вв.: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 97 с.
- Петров 1997 — *Петров Н. И.* Сопки в контексте культурно-исторических процессов на Северо-Западе Руси (VIII–X вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. 24 с.
- Петрухин 2019 — *Петрухин В. Я.* Вещий Олег и «могила в Ладогe» // Земля наша велика и обильна: Сб. ст., посвящ. 90-летию А. Н. Кирпичникова / Белецкий С. В. (отв. ред.). СПб.: Невская типография, 2019. С. 322–331.
- План... 1902 — План путешествия по России для собирания древностей // Архив графов Мордвиновых. В 10 т. Т. 3. 1902. С. 588–614.
- Платонова 1988 — *Платонова Н. И.* Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе (по археологическим данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988. 21 с.
- Платонова 1991 — *Платонова Н. И.* Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 / Янин В. Л., Носов Е. Н., Гайдуков П. Г. (ред.). М., 1991. С. 68–88.
- Платонова 1995 — *Платонова Н. И.* Новое в исследованиях Передольского погоста // Ладога и Северная Русь: Чтения памяти А. Мачинской. Материалы к чтениям / Мачинский Д. А. (науч. ред.). СПб.: СЛИААМЗ, 1995. С. 27–29.
- Платонова 1996 — *Платонова Н. И.* О «белых пятнах» на археологической карте и новом типе памятников третьей четверти I тыс. н. э. на Северо-Западе // Ладога и Северная Европа: II чтения памяти А. Мачинской. Материалы к чтениям / Мачинский Д. А. (науч. ред.). СПб.: СЛИААМЗ, 1996. С. 9–12.
- Платонова 2002 — *Платонова Н. И.* О погребальном обряде верхнелужских сопков (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Кирпичников А. Н. (отв. ред.). СПб.: Нестор-История, 2002. С. 181–195.
- Платонова 2017 — *Платонова Н. И.* Древнерусская культура и древнерусская элита: проблемы и перспективы исследований // *Élite ou Égalite...* Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / Платонова Н. И. (отв. ред.-сост.). СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. С. 9–29.
- Платонова 2017а — *Платонова Н. И.* К вопросу об интерпретации «богатых погребений» на древнерусских могильниках второй половины XI — начала XII в. (по материалам Удрайского археологического комплекса) // *Élite ou Égalite...* Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / Платонова Н. И. (отв. ред.-сост.). СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. С. 124–140.
- Платонова 2017б — *Платонова Н. И.* Межфакультетский семинар по проблемам этногенеза и этнической истории (рук. А. С. Герд — Г. С. Лебедев): ключевые идеи и вклад в археологическую славистику // Университетская археология: прошлое и настоящее: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию первой в России кафедры археологии (19–21 октября 2016 г., Санкт-Петербург) / Тихонов И. Л. (отв. ред.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. С. 33–40.
- Платонова 2021 — *Платонова Н. И.* «Предсопочные» погребальные традиции в Верхнем Полужье (по материалам Передольского археологического комплекса) // ЗИИМК. 2021. № 25. С. 194–214.
- Платонова 2021а — *Платонова Н. И.* О хронологии древнейших культурных отложений Ладоги // *Dísablót*: Сборник статей коллег и учеников к юбилею Е. А. Мельниковой / Гимон Т. В. (отв. ред.). М.: Квадрига, 2021. С. 223–231.
- Платонова 2021б — *Платонова Н. И.* «Предсопочные» погребальные традиции в Верхнем Полужье (по материалам Передольского археологического комплекса) // ЗИИМК. 2021. № 25. С. 194–214.
- Платонова 2022 — *Платонова Н. И.* Старая Ладога // Православная энциклопедия. Т. 66. М.: НЦ «Православная энциклопедия», 2022. С. 29–41.
- Платонова, Жеглова 2021 — *Платонова Н. И., Жеглова Т. А.* Заполье-3 — местонахождение «предсопочной» культуры в верхнем Полужье // АВ. 2021. Вып. 31. С. 179–195.
- Платонова и др. 2007 — *Платонова Н. И., Жеглова Т. А., Лесман Ю. М.* Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики / Носов Е. Н. (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 142–194 (Труды ИИМК РАН. Т. XXIV).

- Платонова и др. 2020 — Платонова Н. И., Левковская Г. М., Брицкий Д. А., Карцева Л. А., Лапшин В. А., Григорьева Н. В., Миляев П. А., Збукова Д. В., Александровский А. Л., Шадрина С. Н., Балашова Н. Б., Киселев Г. А., Чавчавадзе Е. С. Старая Ладога: СЭМ-исследования растительных остатков из палеопочв, разделенных отложениями Ладожской трансгрессии. Новые материалы и старые проблемы // АВ. 2020. Вып. 30. С. 163–199.
- Платонова и др. 2022 — Платонова Н. И., Левковская Г. М., Тарасевич В. Ф., Лапшин В. А. Когда в Старой Ладоге складывались оптимальные условия для пойменного земледелия? // Материалы VI Всерос. науч. конф. (с международным участием) «Динамика экосистем в голоцене» (17–21 октября 2022 г., Санкт-Петербург). СПб. (в печати).
- Плетнева 1959 — Плетнева С. А. Керамика Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции / Артамонов М. И. (отв. ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 212–272 (МИА. № 75).
- Плетнева 1963 — Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло Древней Тмутаракани / Рыбаков Б. А. (отв. ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–72.
- Плоткин 1972 — Плоткин К. М. Балтские элементы в нижнем горизонте Старой Ладоги // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР / Итс Р. Ф. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. С. 40–41.
- Плохов 1987 — Плохов А. В. Поселение эпохи раннего металла на Рюриковом городище под Новгородом // История и археология Новгородской земли: Тезисы науч.-практ. конф. / Янин В. Л. (отв. ред.). Новгород, 1987. С. 8–10.
- Плохов 1988 — Плохов А. В. Памятники II — 1-й половины I тыс. до н. э. в Центральном Приильменья // ННЗИА / В. Л. Янин (отв. ред.). Новгород, 1988. С. 9–11.
- Плохов 1992 — Плохов А. В. Лепная керамика центрального Приильменья и славянское расселение (к постановке проблемы) // ННЗИА. Вып. 4. Новгород, 1992. С. 119–124.
- Плохов 2002 — Плохов А. В. Лепная керамика Рюрикова городища и Новгорода // АВ. 2002. Вып. 9. С. 141–154.
- Плохов 2002а — Плохов А. В. Керамика «ладожского типа» в Скандинавии // У истоков Новгородской земли: Любытинский археологический сборник. Вып. 1 / Янин В. Л. (отв. ред.). Любытино: б. и., 2002. С. 144–159.
- Плохов 2005 — Плохов А. В. Лепная керамика Рюрикова городища // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 74–81.
- Плохов 2007 — Плохов А. В. О связи нижнего Поволжья с Западной Европой по керамическим материалам // Северная Русь и народы Балтики / Носов Е. Н. (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 18–44 (Труды ИИМК РАН. Т. XXIV).
- Плохов 2009 — Плохов А. В. Лепная керамика из раскопок в Великом Новгороде // «Хорошие дни»: Сб. памяти А. С. Хорошева / Мусин А. Е. (ред.-сост.). Великий Новгород; СПб.; М.: ЛеопАрт, 2009. С. 409–423.
- Плохов 2010 — Плохов А. В. Контакты населения Старой Ладоги с финно-угорскими племенами в VIII–X вв. (по керамическим материалам) // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. К 80-летию А. Н. Кирпичникова / Носов Е. Н., Белецкий С. В. (отв. ред.). М.: Ломоносов, 2010. Т. 2. С. 165–187.
- Плохов 2021 — Плохов А. В. Новое в изучении «хлебных» печей Рюрикова городища // АВ. 2021. Вып. 31. С. 41–52.
- Плохов, Кулькова 2010 — Плохов А. В., Кулькова М. А. Новые данные о «фризских» кувшинах Нижнего Поволжья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной (СПб., 10–16 апреля 2006 г.) / Пескова А. А., Щеглова О. А., Мусин А. Е. (ред.-сост.). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 516–529.
- Плохов, Хаврин 2011 — Плохов А. В., Хаврин С. В. Результаты исследования декора «таинских» сосудов из нижнего Поволжья и Сен-Дени // Европейская Сарматия: Сб., посвящ. М. Б. Щукину: XIV чтения памяти А. Мачинской / Мачинский Д. А. (науч. ред.). СПб.: Нестор-История, 2011. С. 360–367.

- Поветкин 2002 — *Поветкин В. И.* Старое и новое в музыкальной археологии Северо-Запада России // ННЗИА. Вып. 16. Новгород: НМЗ, 2002. С. 69–77.
- Пожезинский 2009 — *Пожезинский А.* Заселение Западного Поморья в эпоху переселения народов и начальной фазы раннего средневековья // *Stratum plus*. 2009. № 5. С. 560–576.
- Поленов 1871 — *Поленов Д. В.* Описание Бороздинского собрания рисунков к его археологическому путешествию по России с гг. Ермолаевым и Ивановым в 1809–1810 гг. // Труды I Археологического съезда в Москве. 1869. Т. I / Под ред. гр. А. С. Уварова. М.: Синодальная типография, 1871. С. 62–74.
- Половцов 1908 — *Русский биографический словарь / Издание под наблюдением председателя Императорского Российского Археологического общества А. А. Половцова. Т. 3.* СПб.: Императорское Российское археологическое общество, 1908. 699 с.
- Попов 1987 — *Попов С. Г.* Городище Сторожинец // КСИА. 1987. Вып. 198. С. 48–56.
- Потин 1961 — *Потин В. М.* Экономические связи Древней Руси по материалам кладов западноевропейских монет: Автореф. дис...канд. ист. наук. Л., 1961. 16 с.
- Прийма 1980 — *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л.: Наука, 1980. 253 с.
- Пронин, Соболев 2020 — *Пронин Г. Н., Соболев В. Е.* Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2020. 336 с.
- Пронин и др. 2011 — *Пронин Г. Н., Соболев В. Е., Гусаков М. Г.* Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск: ИА РАН, 2011. 208 с.
- Прусакова 1982 — *Прусакова З. В.* Топография могильников у д. Конезерье на о. Врево // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Столяр А. Д. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 55–60.
- Пушкина 1973 — *Пушкина Т. А.* Лепная керамика из Гнездовского селища // Вестник МГУ. 1973. № 3. С. 87–92.
- Равдоникас 1934 — *Равдоникас В. И.* О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. Пленум ГАИМК 20–22 июня 1933 г. // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. С. 102–129.
- Равдоникас 1945 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 30–41.
- Равдоникас 1949 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Ч. 1 // СА. 1949. Вып. XI. С. 5–54.
- Равдоникас 1950 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Ч. 2 // СА. 1950. Вып. XII. С. 7–40.
- Равдоникас 1951 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога в свете археологических исследований 1938–1950 гг. // КСИИМК. 1951. Вып. 41. С. 34–36.
- Равдоникас, Лаушкин 1959 — *Равдоникас В. И., Лаушкин К. Д.* Об открытии в Старой Ладоге рунической надписи на дереве в 1950 г. // Скандинавский сборник / Похлебкин В. В., Роотс Л. К. (отв. ред.). Таллин, 1959. Вып. IV. С. 23–44.
- Раппопорт 1975 — *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище // Древнее жилище народов Восточной Европы / Рабинович М. Г. (отв. ред.). М.: Наука, 1975. С. 104–155.
- Раппопорт 1975а — *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище / Под общ. ред. Б. А. Рыбакова. Л.: Наука, 1975. 179 с. (САИ. Е1-32).
- Решников 1948 — *Решников Н. И.* Раскопки в городище Старой Ладоги // Старая Ладога. Материалы археологических экспедиций / Равдоникас В. И. (отв. ред.). Л.: 21-я типография им. Ивана Федорова, 1948. С. 11–69 (Материалы археологических экспедиций. Гос. музей этнографии).
- Решников 1948 — *Решников Н. И.* Раскопки в городище Старой Ладоги. Отчет о работах 1909–1913 гг. // Старая Ладога. Материалы археологических экспедиций / Равдоникас В. И. (отв. ред.). Л.: Тип. им. Ивана Федорова, 1948. С. 11–70.
- Рерих 1899 — *Рерих Н. К.* Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого уезда // Записки Российского Археологического общества. 1899. Т. XI, вып. 1–2. С. 349–377.
- Розенфельдт И. 1971 — *Розенфельдт И. Г.* Керамика Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскovie / Краснов Ю. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1971. С. 6–79 (МИА. № 184).

- Розенфельдт И. 1974 — *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура / Краснов Ю. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1974. С. 90–197.
- Розенфельдт И. 1982 — *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. / Смирнов К. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1982. 179 с.
- Розенфельдт Р. 1968 — *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука, 1968. 124 с. (САИ. Е 1–39).
- Розенфельдт Р. 1971 — *Розенфельдт Р. Л.* Инструменты московских ремесленников // Древности Московского Кремля: Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. IV. М.: Наука, 1971. С. 253–267 (МИА. № 167).
- Романчук 2013 — *Романчук А. А.* Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 283–299.
- Русанова 1976 — *Русанова И. П.* Славянские древности VI–VII вв. (Культура пражского типа) / Амброз А. К. (отв. ред.). М.: Наука, 1976. 216 с.
- Русская живопись... — Русская живопись. Иванов Дмитрий Иванович. URL: <http://www.artsait.ru/art/i/ivanovDI/main.htm> (дата обращения: 25.11.2021).
- Рыбаков 1948 — *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: 2-я тип. Изд-ва АН СССР, 1948. 792 с.
- Рыбина 1991 — *Рыбина Е. А.* Из истории шахматных фигур // СА. 1991. № 4. С. 86–101.
- Рыбина 1997 — *Рыбина Е. А.* Шашки, «мельница», шахматы. Игры взрослых и детей // Древняя Русь. Быт и культура / Колчин Б. А., Макарова Т. И. (отв. ред.). М.: Наука, 1997. С. 110–114 (Археология СССР. Т. 16).
- Рыдзевская 1945 — *Рыдзевская Е. А.* Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 51–65.
- Рыдзевская 1978 — *Рыдзевская Е. А.* 1978 г. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (материалы и исследования) / Шаскольский И. П. (отв. ред.). М.: Наука, 1978. 240 с. (Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1978).
- Рябинин 1980 — *Рябинин Е. А.* Скандинавский производственный комплекс VIII в. из Старой Ладоги // Скандинавский сборник. Вып. XXV / Пийримяэ Х. (отв. ред.). Таллин, 1980. С. 161–177.
- Рябинин 1982 — *Рябинин Е. А.* Бусы Старой Ладоги // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Столяр А. Д. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 165–173.
- Рябинин 1983 — *Рябинин Е. А.* Новые данные о раннем ладожском домостроительстве // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в северо-западной части СССР: Тез. докл. межреспубликанского симпозиума / Мугуревич Э. С. (отв. ред.). Рига: Зинатне, 1983. С. 39–43.
- Рябинин 1985 — *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Седов В. В. (отв. ред.). Л.: Наука, 1985. С. 27–75.
- Рябинин 1989 — *Рябинин Е. А.* Могильник и селище у дер. Попово на р. Унже // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья (Материалы работ Волго-Окской экспедиции) / Седов В. В. (отв. ред.). М.: ИА, 1989. С. 127–170.
- Рябинин 1992 — *Рябинин Е. А.* Северный трансъевропейский путь X в. и мера (по материалам резной кости Костромского Заволжья) // Археологический вестник. 1992. Вып. 1. С. 152–162.
- Рябинин 1994 — *Рябинин Е. А.* У истоков ремесленного производства в Ладоге (к истории общепалтийских связей в предвикингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада / Массон В. М., Носов Е. Н. (ред.). СПб.: ИИМК, 1994. С. 5–59.
- Рябинин 1994а — *Рябинин Е. А.* Новые данные о раннем ладожском стеклоделии // Древности лесной зоны Восточной Европы: Тез. докл. к заседанию Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа, посвящ. 60-летию А. М. Микляева / Давидан О. И., Мазуркевич А. Н. (ред.). СПб.: Гос. Эрмитаж, 1994. С. 21–26.
- Рябинин 1995 — *Рябинин Е. А.* Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии):

- Чтения памяти А. Мачинской. Материалы к чтениям / Мачинский Д. А. (науч. ред.). СПб.: СЛИААМЗ, 1995. С. 56–61.
- Рябинин 1997 — *Рябинин Е. А.* Заметки о ладожских древностях (о «двух культурах» раннесредневековой Ладоги) // Современность и археология. Междунар. чтения, посвящ. 25-летию Староладожской археологической экспедиции: Тез. докл. / Климов В. Н. (ред.). СПб.: ИПК «Вести», 1997. С. 45–48.
- Рябинин 1997а — *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.
- Рябинин 1999 — *Рябинин Е. А.* «Деревянный мир» раннесредневековой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973–1985 гг.) / Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей / Носов Е. Н. (отв. ред.). СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 180–191.
- Рябинин 2002 — *Рябинин Е. А.* Раскопки Любшанского городища в Нижнем Поволжье (предварительные результаты археологических исследований) // Культура, тобразование, история Ленинградской области: Тез. докл. науч.-практ. конф. / А. Н. Кирпичников (отв. ред. и сост.). СПб.: ИПК «Вести», 2002. С. 53–57.
- Рябинин, Дубашинский 2002 — *Рябинин Е. А., Дубашинский А. В.* Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Кирпичников А. Н. (отв. ред.). СПб.: Нестор-История, 2002. С. 196–203.
- Рябинин, Сениченкова 2010 — *Рябинин Е. А., Сениченкова Т. Б.* «Хазарский след» в древнейшей Ладоге // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. К 80-летию А. Н. Кирпичникова / Носов Е. Н., Белецкий С. В. (отв. ред.). М.: Ломоносовъ, 2010. Т. 2. С. 226–237.
- Рябинин, Черных 1988 — *Рябинин Е. А., Черных Н. Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 72–100.
- Савельева 1971 — *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская / Смирнов А. П. (отв. ред.). М.: Наука, 1971. 223 с.
- Савинов 1981 — *Савинов Д. Г.* Об этническом определении археологических памятников в эпоху средневековья // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири / Плетнева Л. М. (ред.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. С. 96–99.
- Савинов 1990 — *Савинов Д. Г.* Археологические культуры и этнокультурные ареалы Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Археологические культуры и культурная трансформация: Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Массон В. М., Боряз В. Н., Аникович М. В. (отв. ред.). Л., 1990. С. 150–155.
- Сайко 1982 — *Сайко Э. В.* Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии / Колчин Б. А., Массон В. М. (отв. ред.). М.: Наука, 1982. 212 с.
- Сайко 1989 — *Сайко Э. В.* Специализация как фактор прогрессивного развития производства в древности // Керамика как исторический источник / Молодин В. И. (отв. ред.). Новосибирск: Наука, СО, 1989. С. 3–9.
- Сакса 2020 — *Сакса А. И.* Из истории одного Выборгского средневекового дома. Археологические исследования в Выборге у «Дома купеческой гильдии» в 2004–2012 годах. СПб.: Арка, 2020. 280 с.
- Салмина и др. 2016 — *Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г.* Археологическое исследование Нового Торга Пскова // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. М.; Вологда: Древности Севера, 2016. С. 51–62.
- Салмина и др. 2016а — *Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г., Михайлов А. В.* Особенности состава вещевого комплекса с территории Нового Торга Пскова (по материалам раскопок 2005–2013 гг.) // АИИПЗ. Вып. 31. М.: ИА РАН, 2016. С. 123–134.
- Самойлович 1989 — *Самойлович Н. Г.* Керамика Поповского городища // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья (Материалы работ Волго-Окской экспедиции) / Седов В. В. (отв. ред.). М.: ИА, 1989. С. 106–126.

- Сарабьянов 2016 — *Сарабьянов В. Д.* Церковь Святого Георгия в Старой Ладогe. Фрески. История. Архитектура. СПб.: БЛИЦ, 2016. 347 с.
- Сахаров 1976 — *Сахаров А. Н.* «Дипломатическое признание» Древней Руси (860 г.) // Вопросы истории. 1976. № 6. С. 33–64.
- Сахаров 1986 — *Сахаров А. Н.* «Мы от рода русского...»: Рождение русской дипломатии. Л.: Лениздат, 1986. 342 с.
- Свешников 1992 — *Свешников И. К.* Битва під Берестечком. Львів: Слово, 1992. 304 с.
- Седов 1960 — *Седов В. В.* Кривичи // СА.1960. № 1. С. 47–62.
- Седов 1969 — *Седов В. В.* Казихинские курганы на р. Великой // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 91–96.
- Седов 1970 — *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья / Монгайт А. Л. (ред.). М.: Наука, 1970. 200 с. (МИА. № 163).
- Седов 1970а — *Седов В. В.* Новгородские сопки. М.: Наука, 1970. 57 с. (САИ. Вып. Е1-8).
- Седов 1974 — *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей. М.: Наука, 1974. 67 с. (САИ. Е1-8).
- Седов 1978 — *Седов В. В.* Лепная керамика Изборского городища // КСИА. 1978. Вып. 155. С. 63–67.
- Седов 1979 — *Седов В. В.* Этнический состав населения Новгородской земли // Финно-угры и славяне: Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии (15–17 ноября 1976 г.) / Рыбаков Б. А. (отв. ред.). Л.: Наука, ЛО, 1979. С. 74–80.
- Седов 1982 — *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 327 с. (Археология СССР).
- Седов 1990 — *Седов В. В.* Прибалтийские финны // Финны в Европе VI–XV вв. Вып. I / Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А. (отв. ред.). М.: ИА, 1990. С. 8–26.
- Седов 1990а — *Седов В. В.* Древности Северо-Западной части Восточной Европы во 2-й половине I тыс. н. э. // Финны в Европе VI–XV вв. Вып. I / Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А. (отв. ред.). М.: ИА, 1990. С. 26–35.
- Седов 1994 — *Седов В. В.* Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э. // РА. 1994. № 2. С. 56–70.
- Седов 1999 — *Седов В. В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 316 с.
- Седова 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 193 с.
- Седых 1982 — *Седых В. Н.* Керамика Тимеревского поселения // Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Историко-археологические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 192–197.
- Седых 1982а — *Седых В. Н.* Керамика Тимеревского поселения (предварительное сообщение) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Столяр А. Д. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 111–116.
- Седых 1985 — *Седых В. Н.* К характеристике лепной керамики Ярославского Поволжья // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока: Межвузовский сб. науч. ст. / Столяр А. Д. (отв. ред.). Сыктывкар; Пермь: Пермский ун-т, 1985. С. 66–68.
- Седых 1988 — *Седых В. Н.* Керамическое производство Ярославского Поволжья IX–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988. 18 с.
- Седых 2001 — *Седых В. Н.* Об одной группе лепной керамики на памятниках Древней Руси // ТАС. Вып. 4, т. II. Тверь, 2001. С. 153–157.
- Селин 2008 — *Селин А. А.* Ладога при Московских царях. СПб.; Старая Ладога: Нестор-История, 2008. 196 с.
- Селин 2010 — *Селин А. А.* О времени строительства Земляного города в Ладогe // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. II / Под ред. Е. Н. Носова, С. В. Белецкого. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 334–349.
- Семенов 1980 — *Семенов В. А.* Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры / Генинг В. Ф. (науч. ред.). Ижевск: НИИ при Совете министров Удмуртской АССР, 1980. С. 5–135.

- Сениченкова 1995 — *Сениченкова Т. Б.* Керамика «ладожского типа» (замечания по поводу одного историографического мифа) // *Ладога и Северная Русь. Чтения, посвящ. памяти А. Мачинской: Материалы к чтениям / Мачинский Д. А. (науч. ред.).* СПб.: СЛИААМЗ, 1995. С. 19–22.
- Сениченкова 1997 — *Сениченкова Т. Б.* Еще раз о ближневосточной керамике из Старой Ладоги // *Ладога и религиозное сознание: III чтения памяти А. Мачинской. Материалы к чтениям / Мачинский Д. А. (науч. ред.).* СПб.: СЛИААМЗ, 1997. С. 114–118.
- Сениченкова 1998 — *Сениченкова Т. Б.* Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998 / НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2-д. Д. 586. 328 с.
- Сениченкова 1998а — *Сениченкова Т. Б.* Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси: Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1998. 29 с.
- Сениченкова 1998б — *Сениченкова Т. Б.* Об одном типе керамики из Старой Ладоги // *Ладога и эпоха викингов: IV чтения памяти А. Мачинской. Материалы к чтениям / Мачинский Д. А. (науч. ред.).* СПб.: СЛИААМЗ, 1998. С. 49–52.
- Сениченкова 2002 — *Сениченкова Т. Б.* Орнаментация ладожской керамики VIII–IX вв. // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Кирпичников А. Н. (отв. ред.).* СПб.: Нестор-История, 2002. С. 93–113.
- Сениченкова 2002а — *Сениченкова Т. Б.* О раннегончарной керамике из Старой Ладоги (по материалам Земляного городища и раскопа на Варяжской улице) // *Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси / Носов Е. Н., Смирнова Г. И. (отв. ред.).* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 38–49.
- Сениченкова 2005 — *Сениченкова Т. Б.* О некоторых технологических особенностях изготовления ладожской посуды VIII–X вв. // *АСГЭ. Вып. 37.* СПб., 2005. С. 116–130.
- Сениченкова 2010 — *Сениченкова Т. Б.* Керамика Любшанского городища // *Acta Archeologica Albaruthenica. V, VI / Уклад М. А. Плавінскі, В. М. Сідаровіч.* Мінск, 2010. С. 68–94.
- Сениченкова 2011 — *Сениченкова Т. Б.* Несколько замечаний о формировании ладожского керамического комплекса (середина VIII — начало X в.) // *АИППЗ. Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 56-го заседания, посвящ. 130-летию Псковского археологического общества (7–9 апреля 2010 г.) / Лабутина И. В. (отв. ред.).* М.: ИА РАН, 2011. С. 211–228.
- Сениченкова 2012 — *Сениченкова Т. Б.* Заметки о ладожских древностях-2 // *Stratum plus.* 2012. № 5. С. 33–41.
- Сениченкова 2014 — *Сениченкова Т. Б.* Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси // *Русь в IX–XII вв. Общество. Государство. Культура. Москва–Вологда / Макаров Н. А., Леонтьев А. Е. (ред.).* М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 346–362.
- Сениченкова, Сениченков 1996 — *Сениченкова Т. Б., Сениченков Ю. Б.* О возможности применения ЭВМ для выделения типов керамических сосудов // *Труды Ленинградского государственного технического университета.* 1996. № 462. С. 69–76.
- Сениченкова, Урюпов 2017 — *Сениченкова Т. Б., Урюпов С. О.* Горшок знахаря из Старой Ладоги // *Stratum plus.* 2017. № 5. С. 163–172.
- Сениченкова, Урюпов 2020 — *Сениченкова Т. Б., Урюпов С. О.* К вопросу о древней технологии смолварения // «На одно крыло — серебряная, на другое — золотая...»: Сб. ст. памяти Светланы Рябцевой / Рабинович Р. А., Тельнов Н. П. (ред.-сост.); Университет «Высшая антропологическая школа». Кишинэу: Stratum Plus, 2020. С. 389–394.
- Сизов 1902 — *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1902. 36 (Материалы по археологии России. № 28).
- Скворцов 2010 — *Скворцов К. Н.* Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область): Материалы исследований 2008 г. Ч. 1. М.: Тверская обл. тип., 2010. 302 с.
- Скрипчинская 2014 — *Скрипчинская Н. Ю.* Бастионная система Староладожской крепости (по письменным источникам и археологическим материалам) // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 4.* СПб.: Социальная пропаганда, 2014. С. 141–157.

- Скрипинская 2017 — *Скрипинская Н. Ю.* Бастионная система крепостей северо-западного региона России в свете европейской фортификации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06 — Археология. СПб.: б. и., 2017. 20 с.
- Славина 1983 — *Славина Т. А.* Исследователи русского зодчества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 192 с.
- Славяне и их соседи... 1993 — *Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — I-й пол. I тыс. н. э.* / Русанова И. П., Сымонович Э. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1993. 326 с. (Археология СССР).
- Славяне... 1989 — *Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования)* / Герд А. С., Лебедев Г. С. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 177 с.
- Смирнов 1952 — *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / Арциховский А. В. (отв. ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1952. 276 с. (МИА. № 28).
- Смирнов, Трубникова 1965 — *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Городецкая культура / Рыбаков Б. А. (ред.). М.: Наука, 1965 (САИ. Д1-14).
- Смирнов 1980 — *Смирнов В. Н.* Экономические связи древней Руси с Византией и Северным Причерноморьем в VIII–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980. 16 с.
- Смирнов 1994 — *Смирнов К. А.* Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // РА. 1994. № 4. С. 85–98.
- Смирнова 1956 — *Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // Труды Новгородской экспедиции. Т. I / Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 228–248 (МИА. № 55).
- Смирнова 1974 — *Смирнова Г. П.* О трех группах новгородской керамики X — начала XI в. // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 17–22.
- Смирнова 1976 — *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 3–10.
- Смирнова 1978 — *Смирнова Г. П.* К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа Новгорода // Древняя Русь и славяне / Николаева Т. В. (отв. ред.). М.: Наука, 1978. С. 157–171.
- Смирнова 1987 — *Смирнова Л. И.* Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции // СА. 1987. № 2. С. 90–102.
- Смирнова 1994 — *Смирнова Л. И.* Еще раз о тупых стрелах (к вопросу об охотничьем промысле в средневековом Новгороде) // ННЗИА. Вып. 8. Новгород: б. и., 1994. С. 143–156.
- Смирнова 2009 — *Смирнова Е. П.* Изделия из стекла XVII–XIX веков // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН, 2009. С. 144–150.
- Соловьева 1970 — *Соловьева Г. Ф.* Памятники конца I тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье // Древние славяне и их соседи / Кухаренко Ю. В. (отв. ред.). М.: Наука, 1970. С. 98–102 (МИА. № 176).
- Сорокин 1997 — *Сорокин П. Е.* Природные условия и судовое дело на Северо-Западе Руси // Древности Поволжья / Кирпичников А. Н., Носов Е. Н. (отв. ред.). СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 42–57.
- Сорокин 1997а — *Сорокин П. Е.* Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 208 с.
- Сорокин 2008 — *Сорокин П. Е.* Находки римского времени на Северо-Западе России // АИППЗ. Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы LIII заседания (10–13 апреля 2007 года). Псков: ИА РАН, 2008. С. 312–324.
- Сорокин, Шаров 2008 — *Сорокин П. Е., Шаров О. В.* О новых находках римской эпохи на Северо-Западе // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2: Древности Ижорской земли / Сорокин П. Е. (ред.-сост.). СПб.: ИИМК РАН; Северо-западный институт Наследия, 2008. С. 167–202.
- Сорокин и др. 2011 — *Сорокин П. Е., Короткевич Б. С., Гукин В. Д.* Находки эпохи бронзы — раннего средневековья на Охтинском мысу // Европейская Сарматия: Сб., посвящ. М. Б. Шукину: XIV чтения памяти А. Мачинской / Мачинский Д. А. (науч. ред.). СПб.: Нестор-История, 2011. С. 368–382.

- Сорокин и др. 2017 — *Сорокин П. Е., Гукин В. Д., Иванова А. В., Короткевич Б. С., Лазаретов И. П., Матвеев В. Н., Михайлов К. А., Поляков А. В., Попов С. Г.* Археологические исследования в устье реки Охты. Т. 1: Культурный слой и сооружения центральной части Охтинского мыса. СПб.: КультИнформПресс, 2017. 238 с. (Археологическое наследие СПб. Вып. 5).
- Спегальский 1972 — *Спегальский Ю. П.* Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. / Раппопорт П. А. (отв. ред.). Л.: Наука, ЛО, 1972. 275 с.
- Сперанская и др. 2017 — *Сперанская Н. Ю., Чухина И. Г., Григорьева Н. В., Соломонова М. Ю.* Итоги изучения фитолитов погребенной почвы Земляного городища Старой Ладogi // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: Сб. науч. тр. / Деревянко А. П., Тишкин А. А. (отв. ред.). Барнаул: Алтайский ГУ, 2017. С. 984–985.
- Спиридонов 1985 — *Спиридонов А. М.* Керамический материал из оятских курганов (по материалам раскопок А. М. Линевского) // Кочуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси X — начала XIII века / Седов В. В. (отв. ред.). Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 196–204.
- Спиридонов 1986 — *Спиридонов А. М.* Лепная керамика из курганов Юго-Восточного Приладожья // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 23–28.
- Спиридонов 1989 — *Спиридонов А. М.* Керамика Приладожской курганной культуры // Кочуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. / Седов В. В. (ред.). Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 303–315.
- Спиридонов 1995 — *Спиридонов А. М.* Толвуйская земская изба XVIII — середины XIX вв. // Вестник Карельского краеведческого музея: Сб. науч. трудов. Вып. 3. Петрозаводск: Мин-во культуры Республики Карелия; Карельский гос. краеведческий музей; Карельский НЦ РАН, 1995. С. 152–174.
- Спицын 1905 — *Спицын А. А.* Старейшие русские могильники в Новгородской области // Известия ИАК. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1905. Вып. 15. С. 1–5.
- Средневековая Ладога 1985 — *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Седов В. В. (отв. ред.).* Л.: Наука, 1985. 192 с.
- Станкевич 1950 — *Станкевич Я. В.* Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi // СА. 1950. Вып. XIV. С. 187–216.
- Станкевич 1951 — *Станкевич Я. В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi (по материалам раскопок 1947–1949 гг.) // СА. 1951. Вып. XV. С. 219–246.
- Станкевич 1960 — *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I — начале II тыс. н. э. // Древности Северо-Западных областей РСФСР в I тысячелетии нашей эры / Тиханова М. А. (отв. ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, ЛО, 1960. С. 7–327 (МИА. № 76).
- Станкевич 1962 — *Станкевич Я. В.* К вопросу о появлении гончарного круга у северо-восточных славян // Światowit. Rocznik katedry archeologii pierwotnej i wczesnośredniowiecznej uniwersytetu warszawskiego. Warszawa, 1962. Т. XXIV. Р. 421–441.
- Старков, Державин 2003 — *Старков В. Ф., Державин В. Л.* Экспедиция Виллема Баренца на Новой Земле (1596–1597 гг.). М.: Научный мир, 2003. 212 с.
- Стасюк 2017 — *Стасюк И. В.* Находки эпохи римских влияний на могильнике Ратчино I на Ижорском плато // Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства: Материалы IV науч. конф. «Археологические источники и культурогенез» (14–18 ноября 2017 г.) / Савинов Д. Г. (отв. ред.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. С. 143–146.
- Степанов А., Степанов М. 2021 — *Степанов А. В., Степанов М. А.* О судостроении древнего Новгорода // Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России. Т. 1 / Под общ. ред. А. В. Окорокова. М.: Институт Наследия, 2021. С. 110–132.
- Стеценко 1997 — *Стеценко Н. К.* История ладожской крепости и проблемы ее изучения // Дивинец Староладожский / Лебедев Г. С. (отв. ред.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 168–176.
- Стубавс 1959 — *Стубавс А. Я.* Раскопки городища Кентескалнс в 1954–1956 гг. // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. По данным археологии, этнографии и антропологии / Под ред. С. А. Таракановой, Л. Н. Терентьевой. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. I. С. 186–221 (Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции).

- Сумманен 2016 — *Сумманен И. М.* Гончарное ремесло средневековой Карелии (по материалам археологических памятников X–XV вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 27 с.
- Сыроватко 2009 — *Сыроватко А. С.* Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры / Григорян С. (науч. ред.). М.: Shebuk, 2009. 352 с. (Материалы и исследования по археологии Коломны и Коломенского края).
- Терпиловский 2004 — *Терпиловский Р. В.* Поселение Сенча и его место среди памятников Днепровского Левобережья // Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: Доклады науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова / Горюнова В. М., Щеглова О. А. (ред.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 131–143 (Труды ИИМК РАН. Т. XI).
- Тимофеев 1983 — *Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз. Дом Оленина А. Н. Л.: Лениздат, 1983. 287 с.
- Тимофеев 2006 — *Тимофеев Л. В.* Экспедиция К. М. Бороздина (1809–1810) в письмах А. И. Ермолаева и в других документах // Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология: Ежегодник, 2004. М.: Наука, 2006. С. 48–71.
- Тимофеев, Стеценко 1997 — *Тимофеев В. И., Стеценко Н. К.* Староладожская неолитическая стоянка // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии: Сб. памяти В. Д. Белецкого. Т. II / Кирпичников А. Н. (отв. ред.). СПб.; Псков: б. и., 1997. С. 331–334.
- Толочко 1999 — *Толочко П. П.* Ладога и ее округа в первые века русской истории // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей / Носов Н. Е. (отв. ред.). СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 216–220.
- Толочко 2005 — *Толочко П. П.* Древнерусская народность. Воображаемая или реальная. СПб.: Алетейя, 2005. 218 с.
- Третьяков 1972 — *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР / Столяр А. Д. (отв. ред.). Л.: Наука, ЛО, 1972. 136 с.
- Третьяков 1941 — *Третьяков П. Н.* Северные восточнославянские племена // Этногенез восточных славян. Т. 1 / Артамонов М. И. (ред.). М.; Л.: 1-я тип. Изд-ва АН СССР, 1941. С. 9–55 (МИА. № 6).
- Третьяков 1963 — *Третьяков П. Н.* Древние городища Смоленщины // Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины / Ляпушкин И. И. (отв. ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, ЛО, 1963. С. 3–140.
- Третьяков 1966 — *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, ЛО, 1966. 308 с.
- Третьяков 1970 — *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л.: Наука, ЛО, 1970. 156 с. (МИА. № 179).
- Трефолов 1888 — *Трефолов Л. Н.* Константин Матвеевич Бороздин — один из первых археологов в Ярославской Губернии. Ярославль: Тип. Губ. правл., [1888]. 16 с. (извлечено из Ярославских Губернских Ведомостей).
- Трубникова 1952 — *Трубникова Н. В.* О технике нанесения узоров на посуду городецких и дьяковских племен // КСИИМК. 1952. Вып. XLVII. С. 125–129.
- Тухтина 1968 — *Тухтина Н. В.* Об этнической принадлежности погребенных в сопках волховского типа // Славяне и Русь / Крупнов Е. И. (отв. ред.). М.: Наука, 1968. С. 188–193.
- Тыниссон 1976 — *Тыниссон Э. Ю.* Исследования городища Лоху // Известия АН ЭССР. 1976. Т. 25, № 1: Общественные науки. С. 66–71.
- Тыниссон 1976а — *Тыниссон Э. Ю.* Монография о длинных курганах (рецензия на книгу В. В. Седова «Длинные курганы кривичей» // Известия АН ЭССР. 1976. Т. 25, № 3: Общественные науки. С. 300–305.
- Ушинкас 1989 — *Ушинкас В. А.* Роль культуры штрихованной керамики в этногенезе балтов // Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования) / Герд А. С., Лебедев Г. С. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 62–67.
- Федоров, Мурзенков 2017 — *Федоров И. А., Мурзенков Д. Н.* Поселения раннего железного века на Ижорском плато и нижней Луге (к изучению систем расселения) // Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного

- пространства: Материалы IV науч. конф. «Археологические источники и культурогенез» (14–18 ноября 2017 г.) / Савинов Д. Г. (отв. ред.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. С. 159–160.
- Фехнер 1963 — *Фехнер М. В.* Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье в X–XI вв.: по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Смирнов А. П. (отв. ред.). М.: Советская Россия, 1963. С. 5–19.
- Финно-угры и балты... 1987 — Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Седов В. В. (отв. ред.). М.: Наука. 1987. 509 с. (Археология СССР).
- Фомин 2009 — *Фомин В. В.* Южнобалтийские варяги в Восточной Европе // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: Материалы международной конф. (14–18 мая 2007 г. в Гос. Эрмитаже) / Короткевич Б. С., Мачинский Д. А., Сениченкова Т. Б. (ред.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 107–125 (Труды Гос. Эрмитажа. Т. XLIX).
- Формозов 1986 — *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.
- Франклин, Шепард 2000 — *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси: 750–1200 / Буланин Д. М. (ред.), Буланин Д. М., Лужецкая Н. Л. (авториз. пер. с англ.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 624 с.
- Фурасьев 1992 — *Фурасьев А. Г.* Современное состояние проблемы соотношения древностей типа Тушемли–Банцеровщины и псковских длинных курганов // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза: Тэз. дак. канф., прысвечанай 80-годдзю з дня нараджэння А. Р. Мітрафанавы (10–12 снежня 1992 г.). Мінск, 1992. С. 104–107.
- Фурасьев 2001 — *Фурасьев А. Г.* Динамика культурного взаимодействия населения Подвинья и Верхнего Поднепровья в I–V вв. н. э. // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры: V чтения памяти А. Мачинской / Мачинский Д. А., Селин А. А. (науч. ред.). СПб.: СЛИААМЗ, 2001. С. 31–35.
- Фурасьев 2002 — *Фурасьев А. Г.* Климат Северо-Запада России в период славянской колонизации VIII–X вв. // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси / Кирпичников А. Н. (отв. ред.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 70–73.
- Хаврин и др. 2011 — *Хаврин С. В., Юшкова М. А., Кулешов В. С.* Металл эпохи римских влияний на Ижорской возвышенности // Европейская Сарматия: Сб., посвящ. М. Б. Шукину. XIV чтения памяти А. Мачинской / Мачинский Д. А. (науч. ред.). СПб.: Нестор-История, 2011. С. 208–224.
- Хворостова 2015 — *Хворостова Е. Л.* Специализированные печи XVI в. и конца XVI — начала XVII в. из раскопок Старицкого городища // ТАС. Вып. 10, т. II. Тверь: Триада, 2015. С. 348–359.
- Хвоцинская 1978 — *Хвоцинская Н. В.* Западные районы Новгородской земли в начале II тыс. н. э. (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978. 22 с.
- Хвоцинская 2004 — *Хвоцинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 428 с. (Труды ИИМК РАН. Т. VI).
- Херрман 1978 — *Херрман И.* Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // Древняя Русь и славяне / Николаева Т. В. (отв. ред.). М.: Наука, 1978. С. 191–196.
- Хлебникова 1962 — *Хлебникова Т. А.* Гончарное производство волжских болгар X — начала XIII вв. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV / Смирнов А. П. (отв. ред.). М.: 1962. С. 93–152 (МИА. № 111).
- Холошин 2021 — *Холошин П. Р.* Сосуды на кольцевом поддоне из муромских могильников // Финно-угорские древности второй половины I и начала II тыс. н. э.: Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований» / Зеленцова О. В. (ред.-сост.). М.: ИА РАН, 2021. С. 146–155.
- Цигилик 1975 — *Цигилик В. М.* Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери (племена липицької культури) / Смішко М. Ю. (ред.). Київ: Наукова думка, 1975. 175 с.

- Циммермане 1977 — *Циммермане И. Р.* Керамика Латвии I тыс. н. э. как источник для исследования этнической истории и культурных связей // Проблемы этнической истории балтов: Тез. докл. / Бирон А. К. (отв. ред.). Рига: Зинатне, 1977. С. 30–34.
- Циммермане 1980 — *Циммермане И. Р.* Керамика I тыс. н. э. как источник для исследования этнической истории и культурных взаимоотношений на территории Латвии // Из древнейшей истории балтийских народов (по данным археологии и антропологии) / Мугуревич Э. Д. (отв. ред.). Рига: Зинатне, 1980. С. 70–79.
- Черных 1985 — *Черных Н. Б.* Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Седов В. В. (отв. ред.). Л.: Наука, 1985. С. 76–80.
- Черных 1985а — *Черных Н. Б.* Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Седов В. В. (отв. ред.). Л.: Наука, 1985. С. 117–122.
- Черных 1985б — *Черных Н. Б.* Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам Земляного городища) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Седов В. В. (отв. ред.). Л.: Наука, 1985. С. 78–80.
- Черных 1989 — *Черных Н. Б.* Хронология и стратиграфия нижних горизонтов Староладожского Земляного городища по данным дендрохронологического анализа // Естественнонаучные методы в археологии. М.: Наука, 1989. С. 201–213.
- Чухина и др., 2014 — *Чухина И. Г., Радыш Д. А., Григорьева Н. В.* Предварительные результаты изучения растительных макроостатков по материалам раскопок 2010 года в Старой Ладоге // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии: Сб. ст. / Мусбахова В. Т. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 244–251.
- Чухина и др., 2015 — *Чухина И. Г., Радыш Д. А., Григорьева Н. В.* Опыт сопоставления результатов карпологических исследований Земляного городища Старой Ладоги и городища Камно // АИППЗ. 2015. Вып. 30 / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 221–230.
- Шакиров и др. 2012 — *Шакиров З. Г., Валиев Р. Р., Ситдиков А. Г.* О застройке посадской части Свияжска (по материалам раскопок 2008 г.) // Поволжская археология. № 2. Казань: АН Республики Татарстан, 2012. С. 184–210.
- Шелковников 1959 — *Шелковников Б. Ф.* Поливная керамика Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II / Артамонов М. А. (отв. ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 273–306 (МИА. № 75).
- Шенников 1988 — *Шенников А. А.* Средневековые жилые дома на Руси и в Скандинавии. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы / Дубов И. В. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 99–116 (Славяно-русские древности. Вып. 1).
- Шенников 1992 — *Шенников А. А.* Длинный дом и крытый двор. Из истории строительной культуры крестьян лесной зоны Европы до конца XIX — начала XX в. / Ушаков Ю. С. (ред.). СПб.: РАН; Географическое общество, 1992. 220 с.
- Ширинский 1970 — *Ширинский С. С.* Курганы IX — первой половины X вв. у пос. Новоселки // Древние славяне и их соседи / Кухаренко Ю. В. (отв. ред.). М.: Наука, 1970. С. 114–116 (МИА. № 176).
- Шитов и др. 2004 — *Шитов М. В., Бискэ Ю. С., Носов Е. Н., Плешивцева Э. С.* Природная среда и человек Нижнего Поволжья на финальной стадии Ладожской трансгрессии // Вестник СПбГУ. Серия 7. Геология, география. 2004. Вып. 3. С. 3–15.
- Шитов и др. 2005 — *Шитов М. В., Бискэ Ю. С., Плешивцева Э. С., Мараков А. Я.* Позднеголоценовые изменения уровня Волхова в районе Старой Ладоги // Вестник СПбГУ. Серия 7. Геология, география. 2005. Вып. 4. С. 3–16.
- Шитов и др. 2007 — *Шитов М. В., Константинова Т. А., Лоскутов И. Г., Плешивцева Э. С., Сумарева И. В., Чухина И. Г., Щеглова О. А.* Городская среда, землепользование и сельское хозяйство в средневековой Ладоге и ее округе (по палинологическим и карпологическим данным). Ч. II: середина I тыс. от Р. Х. — середина IX в. // Вестник СПбГУ. 2007. Серия 7. № 4. С. 3–16.

- Шитова 1980 — *Шитова Т. Б.* Ближневосточная керамика IX в. из Старой Ладogi // СА. 1980. № 2. С. 238–240.
- Шмелев 2001 — *Шмелев К. В.* Судовой руль XVI в. из Старой Ладogi // Миграции и оседлость от Дуная до Ладogi в I тысячелетии христианской эры: V чтения памяти А. Мачинской. СПб.: СЛИААМЗ, 2001. С. 142–144.
- Шмелев и др. 2018 — *Шмелев К. В., Бехтер А. В., Михайлова Е. Р.* Селище Слободка-3 на Южном берегу Лужской губы: об изучении и реконструкции позднесредневекового поселения // Культурное наследие Российского государства. Вып. VII. СПб.: ИИМК РАН; ЛО ВООПИК, 2018. С. 353–370.
- Шмидехельм 1959 — *Шмидехельм М. Х.* Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. По данным археологии, этнографии и антропологии / Под ред. С. А. Таракановой, Л. Н. Терентьевой. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. I. С. 154–185 (Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции).
- Шмидт 1958 — *Шмидт Е. А.* Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе // СА. 1958. № 3. С. 162–169.
- Шмидт 1963 — *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. на территории Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1963. Вып. 5. С. 93–114.
- Шмидт 1963а — *Шмидт Е. А.* Длинные курганы у дер. Слобода Глушица // Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины / Ляпушкин И. И. (отв. ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, ЛО, 1963. С. 177–192.
- Шмидт 1968 — *Шмидт Е. А.* О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. К 60-летию академика Б. А. Рыбакова / Крупнов Е. И. (отв. ред.). М., 1968. С. 224–229.
- Шмидт 1970 — *Шмидт Е. А.* К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1970. Вып. VII / Шкудо В. И. (ред.). С. 219–235.
- Шмидт 1982 — *Шмидт Е. А.* Тушемлинская культура на Верхнем Днепре и формирование смоленских кривичей // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Столяр А. Д. (отв. ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 98–103.
- Шмидт 1994 — *Шмидт Е. А.* Варяги и смоленские кривичи // Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса: Тез. докл. / Столяр А. Д. (отв. ред.). СПб.: Гос. Эрмитаж, 1994. С. 33–35.
- Шмидт 2003 — *Шмидт Е. А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. Тушемлинская культура / Модестов Ф. Э. (отв. ред.). Смоленск, 2003. 295 с.
- Шмидт 2012 — *Шмидт Е. А.* Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск: б. и., 2012. 167 с.
- Шмидт 2014 — *Шмидт Е. А.* Древности Смоленской земли. Материалы фондов Смоленского государственного музея-заповедника. Смоленск: Свиток, 2014. 204 с.
- Шнеевайс 2009 — *Шнеевайс Й.* «Полабские славяне» — исследовательский проект на периферии славянского мира // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: Материалы Междунар. конф., состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Гос. Эрмитаже / Короткевич Б. С., Мачинский Д. А., Сениченкова Т. Б. (ред.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 247–263 (Труды Гос. Эрмитажа. Вып. XLIX).
- Шнеевайс 2017 — *Шнеевайс Й.* К вопросу о влиянии исторических дат на археологическое исследование (три ключевые даты эпохи викингов 793, 862, 929) // *Élite ou Égalite...* Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / Платонова Н. И. (отв. ред.-сост.). СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. С. 40–68.
- Шнирельман 1993 — *Шнирельман В. А.* Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов): Препринт. Екатеринбург: Уральское отд. РАН, 1993. 40 с.
- Штакельберг 1965 — *Штакельберг Ю. И.* «Окончина слюдяная» из Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 7. Л.: Советский художник, 1965. С. 60–64.

- Штыхов 1975 — *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк (IX–XIII вв.) / Митрофанов А. Г. (ред.). Минск: Наука и техника, 1975. 136 с.
- Штыхов 1978 — *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Даркевич В. П. (ред.). Минск.: Наука и техника, 1978. 160 с.
- Шумова 1978 — *Шумова М. Н.* Русская живопись первой половины XIX века. М.: Искусство, 1978. 167 с.
- Шутова 1992 — *Шутова Н. И.* Удмурты XVI — первой половины XIX в. по данным могильников. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ Уральского отд. РАН, 1992. 264 с.
- Щеглова 2001 — *Щеглова О. А.* К вопросу о месте и времени формирования традиции изготовления свинцово-оловянных украшений в формочках «типа Камно-Рыуге» // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в I тыс. христианской эры: V чтения памяти А. Мачинской. Материалы к чтениям / Мачинский Д. А. (науч. ред.). СПб.: СЛИААМЗ, 2001. С. 46–55.
- Щеглова 2002 — *Щеглова О. А.* Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Кирпичников А. Н. (отв. ред.). СПб.: Нестор-История, 2002. С. 134–150.
- Щеглова 2003 — *Щеглова О. А.* Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. из Старой Ладоги и Любшанского городища и их восточноевропейские параллели // Ладога и истоки российской государственности и культуры: Междунар. науч.-практ. конф. проведена в Старой Ладоге Ленинградской обл. под эгидой Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (30 июня — 2 июля 2003 г.) / Кирпичников А. Н. (отв. ред.-сост.). СПб.: Вести, 2003. С. 38–47.
- Щеглова 2009 — *Щеглова О. А.* Волны распространения вещей из Подунавья на Северо-Восток в VI–VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: Материалы Междунар. конф., состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Гос. Эрмитаже / Короткевич Б. С., Мачинский Д. А., Сениченкова Т. Б. (ред.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 39–65 (Труды Гос. Эрмитажа. Вып. XLIX).
- Щеглова 2010 — *Щеглова О. А.* Научное наследие Г. Ф. Корзухиной в рукописном архиве НА ИИМК РАН // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.) / Пескова А. А., Щеглова О. А., Мусин А. Е. (ред.-сост.). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 31–62.
- Эдинг 1928 — *Эдинг Д. Н.* Сарское городище. Ростов Ярославский: Ростовский гос. музей, 1928. 107 с.
- Юшкова 2011 — *Юшкова М. А.* Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 24 с.
- Юшкова 2015 — *Юшкова М. А.* Новая группа памятников I–VII вв. на юго-западе Ленинградской области // АВ. 2015. Вып. 21. С. 187–198.
- Якобсон 1951 — *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. 1951. Вып. XV. С. 325–342.
- Янин 1956 — *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период / Под ред. А. В. Арциховского. М.: Изд-во МГУ, 1956. 207 с.
- Янин 1983 — *Янин В. Л.* Как и когда крестили новгородцев // Наука и религия. 1983. № 11. С. 28–31.
- Янин 1983а — *Янин В. Л.* День десятого века // Знание — сила. 1983. № 3. С. 15–18.
- Янин 2008 — *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 395 с.
- Ярцев 2014 — *Ярцев С. В.* Еще раз о списке народов Эрманариха // *Via in tempore*. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 21 (192), вып. 32. С. 35–42.
- Ambrosiani et al. 1973 — *Ambrosiani B., Arrhenius B., Danielsson K., Kyhlberg O.* Birka. Swarta jordens havnomrade. Stockholm, 1973. 251 p.
- Amiran 1965 — *Amiran R.* The Beginnings of Pottery-Making in the Near East // Viking Fund Publication in Anthropology. Chicago: Aldine Pub. Co, 1965. № 41. P. 240–247.

- Arbman 1940 — *Arbman H.* Birka I: Die Gräber. Tafeln. Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien, 1940. 560 s.
- Arbman 1943 — *Arbman H.* Birka I: Die Gräber. Text. Stockholm; Uppsala: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien, 1943. 283 s.
- Arbman 1961 — *Arbman H.* The Vikings. London: Thames and Hudson, 1961. 212 p.
- Archeologiniai... 2002 — *Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje.* Vilnius, 2002. 223 l.
- Arne 1914 — *Arne T.* La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914. 240 p.
- Babeş 1993 — *Babeş M.* Die Poieneşti-Lukaševka-kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt. / Dr. Rudolf Habelt. GMBH. Bonn, 1993. 248 s.
- Białęcka 1961 — *Białęcka F.* Ceramika ze stanowiska wycopaliskowego 4 w Wolinie // *Materiały zachodnio-pomorskie.* T. VII. Szczecin, 1961. S. 293–370.
- Bronk Ramsey 2017 — *Bronk Ramsey C.* Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets // *Radiocarbon.* 2017. 59 (2). P. 1809–1833.
- Cnotliwy 1986 — *Cnotliwy E.* Chronologia ceramiki i nawarstwień wczesnośredniowiecznego Białogardu // *Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu Zachodnim.* Warszawa, 1986. S. 146–175.
- Cnotliwy et al. 1986 — *Cnotliwy E., Łosinski W., Wojtasik J.* Rozwój przestrzenny wczesnośredniowiecznego Wolina w świetle analizy porównawczej struktur zespołów ceramicznych // *Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu Zachodnim.* Warszawa, 1986. S. 62–117.
- Dahlbäck 1983 — *Dahlbäck G.* Helgeandsholmen — 1000 år i Stockholms ström. Stockholm: Liber-Förlag, 1983. 504 s.
- Dorn 1875 — *Dorn B.* Caspia. Über die Einfälle der alten Russen in Tabaristan: nebst Zugaben über andere von ihnen auf dem Kaspischen Meere und in den anliegenden Ländern ausgeführte Unternehmungen // *Memoires de l'Académie imper. des Sciences de St. Petersbourg.* VII serie. T. XXIII, № 1. St. Petersbourg, 1875. 424 s.
- Dworaczyk 2011 — *Dworaczyk M.* Methods of analysis and a chronology of early medieval pottery from Szczecin // *АИППЗ. Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 56-го заседания (18–20 апреля 2011 г.).* М.; Псков: ИА РАН, 2011. С. 237–247.
- Gleve 1943 — *Gleve N.* Skeletgravfalten på Kjuloholm i Kjulo // *SMYA.* 1943. Vol. 44:1. P. 233.
- Gleve 1978 — *Gleve N.* Skelettgravfalten på Kjuloholm i Kjulo. II. Vikingatid och korstagtid. Gravfalten C. Helsingfors, 1978. 241 p. + 23 pl. (SMYA. Vol. XLIV:2).
- Hampel 1905 — *Hampel J.* Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. B. 3. Braunschweig, 1905. 539 t.
- Hirviluoto 1960 — *Hirviluoto A.-L.* Husgrunder från järnåldern på Ristimäki boplatz i Kurala invid Åbo // *FM.* 1960. V. LXVII. Helsingfors, 1962. S. 41–49.
- Hurst et al. 1986 — *Hurst J. G., Neal D. S., van Beuningen H. J. E.* Pottery produced and traded in north-west Europe 1350–1650. Rotterdam Papers VI. A contribution to medieval archaeology. Rotterdam: Dutch Domestic Utensils, 1986. 281 p.
- Jansson 1987 — *Jansson I.* Communications between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age. The archaeological evidence // *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa.* Teil IV. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen Philologisch-Historische Klasse. Dritte Folge. Nr 156. Göttingen, 1987. S. 773–807.
- Kivikoski 1939 — *Kivikoski E.* Die Einsenzeit im Auralflussgebiet // *SMYA.* 1939. № 43. 268 l.
- Kivikoski 1963 — *Kivikoski E.* Kvarnbacken. Helsinki, 1963. P. 143, taf. 60.
- Kivikoski 1980 — *Kivikoski E.* Langängsbacken. Ett gravfält från yngre järnåldern på Åland // *SMYA.* № 80. Helsingfors, 1980. P. 57, pl. 17.
- Krüger 1967 — *Krüger B.* Dessau-Mosigkau. Berlin, 1967. 192 s.
- Kustin 1962 — *Kustin A.* Randvere Kivikalmistu Saaremaal // *Muistsed Kalmed ja aarded.* Tallinn, 1962. L. 58–130.
- Lane 1947 — *Lane A.* Early Islamic Pottery. London, 1947. 167 p.

- Latvijas PSR... 1974 — Latvijas PSR Arheologija. Rīga: Zinātne, 1974. 373 l.
- Lebedev 1982 — *Lebedev G. S.* Der slawische Burgwall Gorodec bei Luga. Zum Problem der West- und ostslawischen Beziehungen // Beitrage zur Ur- und Fruhgeschichte. Bd. II. Berlin, 1982. S. 225–238.
- Lehtosalo-Hilander 1982 — *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Luistari I. The graves. Helsinki, 1982. 362 p., 128 pl. (SMYA. V. 82:1).
- Legoux et al. 2009 — *Legoux R., Périn P., Valet F.* Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. [Saint-Germain-en-Laye]: Association française d'archéologie mérovingienne, 2009. 65 p. (Bulletin de liaison de l'Association française d'Archéologie mérovingienne. Hors serie. No 3).
- Lehtosalo-Hilander 1982a — *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Luistari. III. The graves. Helsinki, 1982. 82 p. (SMYA. Vol. 82:3).
- Liebgott 1978 — *Liebgott N.-K.* Keramik fra vikingetid og middelalder. Nationalmuseet. Kobenhavn, 1978. 55 s.
- Łosiński 1980 — *Łosiński W.* Stara Ładoga w świetle ostatnicze badań archeologicznych // Przegląd Archeologiczny 28. Wrocławiu, 1980. S. 225–238.
- Łosiński, Rogosz 1986 — *Łosiński W., Rogosz R.* Metody synchronisacji warstw kulturowych wczesnosredniowiecznych obiektów wielowarstwowych na podstawie analizy ceramiki ze Szczecina // Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu Zachodnim. Warszawa, 1986. S. 9–50.
- Lõugas 1967 — *Lõugas V.* Asva linnuse dateerimisest // Известия АН ЭССР. 1967. Т. 16, № 1: Общественные науки. С. 81–94.
- Mikhaylova 2014 — *Mikhaylova E.* Kotorsky Pogost — a local Centre in the western Part of Novgorod Land // Strongholds and Power Centres East of the Baltic Sea in the 11th–13th Centuries. A collection of articles in memory of Evald Tonisson. Tartu, 2014. P. 209–237.
- Parczewski 1988 — *Parczewski M.* Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych / Prace komisji archeologicznej. Nr. 27 / Red. K. Godłowski, W. Szimański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Wydawnictwo PAN, 1988. S. 179.
- Rjabinin, Galibin 1994 — *Rjabinin E., Galibin V.* New data concerning early glass beadmaking in Ladoga (in the 8th to 10th centuries A. D.) // Glass Beads: Cultural History, Technology, Experiment and Analogy. Proceedings of the Nordic glass bead seminar, 16.–18. October 1992 at the Historical-Archaeological Experimental Centre in Lejre, Denmark. Lejre, 1995. P. 109–113 (Studies in Technology and Culture. Vol. 2).
- Schmidt 1961 — *Schmidt B.* Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland / Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte in Halle; Heft 18. Halle, 1961. 236 s.
- Schuldt 1956 — *Schuldt E.* Die slavische Keramik in Mecklenburg // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin: Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte. Bd. 5. Berlin, 1956. 74 s.
- Selling 1955 — *Selling D.* Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955. 244 s.
- Sherman 2012 — *Sherman Heidi M.* Старая Ладога и теория эмпориев // Староладожский сборник. Вып. 9 / Селин А. А. (ред.-сост.). СПб.: Нестор-История, 2012. С. 36–59.
- Skvorzov 2007 — *Skvorzov K.* Das Gräberfeld der römischen Keiserzeit von Bol'šoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg): Katalog der Funde aus Grabunden 1998 und 1999 // Offa. 2007. Bd. 61/62. 2004/2005. S. 111–219.
- Sorokin 2007 — *Sorokin A. N.* The use of Wood in Construction // Wood use in medieval Novgorod. Oxford: Oxbow Books, 2007. P. 37–61.
- Stalsberg 1982 — *Stalsberg A.* Scandinavian Relation with Northwestern Russia during the Viking Age: The Archaeological evidence // Journal of Baltic Studies. 1982. Vol. 13, № 3. P. 267–295.
- Stanislawski 2012 — *Stanislawski B. M.* Garncarstwo wczesnośredniowiecznego Wolina. Wrocław, 2012. 254 s.
- Szczecin ... 1983 — Szczecin we wczesnym średniowieczu. Wzgórze zamkowe (pod redakcja Cnotliwego E., Leciejewicza L. i Łosińskiego W.). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź; Ossolineum, 1983. 348 S.

- Szymański 2018 — *Szymański P.* Chronologia gołdapskiej grupy kulturowej w okresie wędrówek ludów. Warszawa: Institut für Archäologie Warschauer Universität, 2018 (Światowit Supplement Series P: Prehistory and Middle Ages. Vol. XX.). 210 s.
- Tõnisson 1974 — *Tõnisson E.* Die Gauja-liven und ihre materielle Kultur. 11 JH. — anfang 13 JH. Tallinn, 1974. 209 l.
- Urtāns 1962 — *Urtāns V.* Kalniešu otrais kapulauks // Труды Музея истории Латвийской ССР. Серия Археология. Рига, 1962. С. 37–82.
- Urtāns 1968 — *Urtāns V.* Latvijas iedzīvotāju sakari ar slavīņiem I gt. orrage Ruse // Arheologija un etnografija. VIII. Rīga, 1968. L. 65–85.
- Urtāns 1970 — *Urtāns V.* Etniskas atšķirības apbedīšanas tradīcijas un kapu inventāra Latvija 5–9 gs. // Arheologija un etnografija. IX. Rīga, 1970. L. 61–85.
- Vasks 2006 — *Vasks A.* Dignājas pilskana apmetne 1989. Un 1990. Gada izrakumu gaismā // Pētījumi sēlu senatnē: rakstu krājums. Rīga, 2006. L. 105–120.
- Vierck 1983 — *Vierck H.* Ein Schmiedeplatz aus Alt-Ladoga und der präurbane Handel zur Ostsee vor der Wikingerzeit: Zur frühmittelalterlichen Betriebseinheit von Produktion und Absatz im Metallhandwerk // Münstersche Beiträge zur antiken Handelsgeschichte. Bd. II: 2. Münster, 1983. S. 3–64.
- Zariņa 2006 — *Zariņa A.* Salaspils Laukskolas kapulauks 10.–13. gadsimts. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2006. 463 lpp.

SUMMARY

PART I

RESEARCH HISTORY

CHAPTER 1

The first researchers of Staraya Ladoga: the archaeological travel of K. M. Borozdin in 1809

(N. I. Platonova)

The study by N. I. Platonova introduces to science the little known materials collected during the first purposeful scientific investigation of Ladoga conducted in 1809. This “scientific travel” directed by K. M. Borozdin was in fact the first expedition organized with the goal to study “Russian antiquities” and the “old times” of the population of European Russia. It was planned to collect information on the historical geography, ethnography and archaeology of the northern, central and southern regions — from Petersburg and Vologda provinces to as far as Kiev and Crimea. In the course of the travel in 1809–1810, numerous monuments of the mediaeval defensive and church building were recorded (described, measured, drawn). The expedition collected and copied old manuscripts, re-drew frescoes and mosaics, as well as antique objects kept in monasteries and by private owners. Besides, selection of pieces for the Kremlin Armoury museum was carried out.

In archaeological literature, the scientific heritage of Borozdin has been underestimated for a long time. Meanwhile, during the five days of visiting Ladoga, the members of the expedition carried out: 1) description and drawing of the views of the Ladoga promontory (Stone Fortress) from three sides; 2) sketching of the view at the St. Nicholas monastery and Earthen Hillfort from the Raskatnaya Tower of the fortress; 3) measuring and drawing of sections of fortress towers and the church of St. George; and 4) drawing of the first instrumental topographic plan of the Stone Fortress. Even then, for the first time in the history of Russian science, there were made exact redrawings of Old-Russian graffiti-inscriptions (afterwards annihilated) of the 12th cen. from the church of St. George in Ladoga and a copy of an uncovered then fragment of the fresco painting of the second half of the 12th cen. from that church. An attempt at dating both of them through the evidence of palaeography turned to be very professional and close to the truth. According to the conclusion made by the member of the expedition A. I. Ermolaev (in the historical literature, he is called “the first Russian palaeographer”) both the inscriptions and the fresco are dated to “if not the 12th then, at least, to the 13th cen.”).

In this chapter, the history of the organization of the expedition of Borozdin is analyzed, as well as its scientific guidelines and the results of studies in Ladoga. The text of the diary description of these works belonging to K. M. Borozdin himself is published in an unedited version. It has been determined that this text which has survived for us in the composition of the manuscript entitled “Puteshestvie po Rossii 1809 g. Desyat' pisem k A. N. Oleninu” (“Travel through Russia. Ten letters to A. N. Olenin”: Division of Manuscripts of the Russian National Library. Archive 487. № Q394) was based not on real letters but on the itinerary register of the expedition. This work represented nothing other as a “progress report” about the first season of the expedition’s works intended for the emperor Alexander I who financed the trip by sums of money of his Cabinet. It is exactly for this reason that the report was designed in the form of a literature genre of “letters to a friend” in order to make its reading easier and more entertaining for the sovereign.

The published text devoted to Ladoga (three letters of the ten), as well as the plans and sections of the defensive towers and the Church of St. George thus for the first time are introduced into a wide scientific circulation. The same is true as the published copies of frescos and graffiti of the 12th cen. are concerned. The text is provided with detailed comments so that together with graphic materials (Division of Manuscripts of the Russian National Library. Archive 4. № 204/1) it presents a full-value historical and archaeological source of information.

PART II

The Staraya Ladoga complex: stratigraphy, chronology, interdisciplinary studies

CHAPTER 2

Old-Russian Stone Fortress of Ladoga in the early 9th–12th century: stratigraphy, chronology, building stages (*N. V. Grigoreva, S. V. Lalazarov*)

The excavations of the area of the Ladoga fortress conducted under N. K. Stetsenko by the Leningrad Branch of the Institute “Spetsproektrestavratsiya” (Special Restoration Projects) in the 1970s–1980s led to an important discovery: the remains of the stone walls of the initial Ladoga fortress were for the first time revealed from the eastern side of the Ladoga natural promontory. These works have allowed the researchers to trace the boundaries of the earliest fortress and to estimate its dimensions. N. K. Stetsenko was the first who proposed the hypothesis about the artificial character of the eastern section of the modern fortress courtyard and succeeded in proving these data through excavations (Fig. 2.1).

In the cultural layer investigated by N. K. Stetsenko near the foundations of the stone walls, like in the excavations by A. N. Kirpichnikov, there were uncovered fragments of handmade pottery that allowed the archaeologists to date the time of the construction of the fortifications to the period not later than the early 10th cen. An important discovery revealed the traces of repairs of the early defensive wall indicating the long-term character of the fortification. The fortress had stood for 200 years and was destroyed intentionally in the beginning of the 12th cen., immediately before the construction of another fortress by *posadnik* Pavel under the Novgorod prince Mstislav (1114 AD).

The described materials from N. K. Stetsenko’s excavations in the Staraya Ladoga Stone Fortress for a long time had remained unpublished despite their exceptional value for the present day understanding of the history of building and restoration of this site. A new cycle of works in the fortress in the course of which the authors return anew to the earliest pages of its history requires an integrated interpretation and detailed comparison with all the results obtained before. A. N. Kirpichnikov is the discoverer of the earliest Ladoga fortress. However precisely the investigations by N. K. Stetsenko have demonstrated the real scale of this building and were the first that allowed us to trace its boundaries.

Reports by N. K. Stetsenko on the conducted field works were prepared in several copies of which some unfortunately turned to be lost. The archives of the Institute “Spetsproektrestavratsiya” now non-existent were transferred to the archives of LLC “Restproekt” — the organization continuing research and planning works in Staraya Ladoga. There also all the Whatman papers with the original drawings executed over the entire period of archaeological explorations are kept. Presently all these materials are unavailable to researchers.

The complete set of the documents on the archaeological works in 1979–1996 directed by N. K. Stetsenko in the Ladoga fortress is kept in the archives of the Staraya Ladoga museum-preserve. The publication of reports of 1980–1984 in the present chapter where excavations of the earliest stone defences are described (Appendix 1) has the purpose to introduce into a comprehensive scientific circulation the field materials and conclusions by the untimely deceased talented Leningrad archaeologist Nina Kondrat’yevna Stetsenko (1947–2005).

In 2015, the Staraya Ladoga Archaeological Expedition of the Institute for the history of Material Culture RAS conducted excavations near the Raskatnaya Tower in the course of which were revealed fragments of early walls and the façade of the entrance to the territory of the fortress. These discoveries allow us to return, already at a new level, to the subject of the early fortifications on the Ladoga promontory. The obtained data were examined within the context of all the evidence accumulated during the previous period. A grounded conclusion was made that the stone walls probably had a wooden framework. From the upright wooden supports, large pillar pits were preserved which previously been incorrectly interpreted as “small ditches”. A chain of pits of this kind was revealed in 2017 also near the Taynichny Spusk (slope) along the remains of the foundation of a stone wall on the very edge of the riverine promontory.

In turn, the excavations of the last years (2017–2018) at the south-eastern fortress wall have yielded new surprising results for the history of the construction of the fortress of the 12th cen. For the first time the evidence was revealed that in the 12th cen. the fortress was reconstructed not once but twice. The initial wall of the early 12th cen. had a three-part structure. It completely survived under the later structures in the north-eastern part of the fortress. The ensemble of the entrance to the fortress was located from the side of the Volkhov River in the central part of the eastern wall (Fig. 2.21, 1; 2.23, 1). This entrance, together with the entire south-eastern section of the fortress wall was rebuilt in the second half of the 12th cen.

In the place of the former passage, a new wall of differing dimensions was built. From the side of the river, a building with an interior finish appeared in that period (Fig. 2.25, 6). A new stone addition was built after a brief period also from the side of the fortress courtyard (Fig. 2.21, 12–14; 2.22, 9). This structure was ruined together with the defensive wall, but when this did take place is not so far known.

In the middle of the 12th cen., during the period of the intensive activities of the Archbishop Nifont of Novgorod in Ladoga, the entrance to the fortress was made in the south-eastern section of the fortress courtyard immediately close to the Raskatnaya Tower. The Raskatnaya Tower of the modern look appeared in the firearm period of the reconstruction of the fortress but in its place there had been a building still earlier. Fragments of stone walls of the latter were reused and now are distinguishable in the masonry of the later tower. Exactly between that building and the defensive wall, the new entrance to the territory of the fortress of the mid-12th cen. was constructed. Near the entrance, the foundation of a temple of a cross-shaped plan with lowered corner segments was built. Two churches of this type are known built under the aegis of the Archbishop Nifont: the St. Climent Cathedral at Earthen Hillfort in Ladoga and the Church of the Transfiguration of the Saviour in Pskov.

However, upon the foundation built in the mid-12th cen., quite another building was constructed — a standard temple typical of the Ladoga school of the Novgorod church-building of the middle of the 12th cen. The exact date of the construction of the Church of St. George is unknown. Through the type of the building, the technique of the masonry of the foundations, walls and vaults, as well as through the evidence of palaeography, the programme, technique and nuances of the fresco painting, the experts date this church to the 1160–1180s.

One of the peculiarities of this church consists in a non-standard and asymmetrical manner of the positioning of window openings on the façades. The lower window for lighting the deacon's room is absent in the southern apse. Seemingly, it was “transferred” to the extremely narrow eastern wall of the southern façade (there is no such window on the northern façade). V. N. Lazarev explained this feature of the temple through the wish of the builders or the consumer to enlarge the area of the wall in the deacon's room in order to place there the fresco “The Miracle of St. George with the serpent” (Лазарев 1960: 32, note 2). V. D. Sarab'yanov strongly objected to this hypothesis maintaining that there must have been another reason for the unexpected placing of the window on the southern apse.

When in 2014 at the excavation near the Raskatnaya Tower, the lower section of the wall with the main entrance to the territory of the fortress was uncovered, the reasons of the described

transference of the window became obvious. The new entrance to the fortress was formed by the turn of wall “Г” and a stone building forerunning the Raskatnaya Tower. Thus the side of the building which was positioned only six metres from the southern apse completely barred the latter’s lower part from the sunlight. The transference of the window onto the southern façade resolved this problem (Сарабьянов 2016: 13). From this fact it follows that by the time of the construction of the walls and vaults of the church, i.e. by the second stage of its building in the 1160–1180s, the reconstruction of the stone walls in the south-western part of the fortress had already taken place.

It is of interest that the access road to the both entrances to the fortress passed probably not via the shortest route from south to north from the side of Earthen Hillfort but from north to south around the entire promontory. On that side, along the fortress, excavations of different years revealed parts of a stone platform over the surface of which the approach to the gate was realized.

CHAPTER 3

Planigraphy and stratigraphy of upper cultural strata in the southern part of Zemlyanoye Hillfort (Staraya Ladoga)

(P. A. Milyaev)

Chapter 3 discusses the planigraphy and stratigraphy of the upper deposits in the southern section of Earthen Hillfort (Earthen Hillfort) in Staraya Ladoga. It is based on the materials from A. N. Kirpichnikov’s excavation site No. 3 (1999–2000). In the course of this investigation the complex of finds at each object or structure in the upper section of the cultural layer was identified and described in detail (the work that nobody had carried out before). This allowed P. A. Milyaev to subdivide the deposits of the late Middle Ages — early Modern Period into three separate horizons of buildings and to characterize the material culture of the small fortress-town in the epoch of late Novgorod Rus’ and the Moscow period.

The stratigraphy of excavation No. 3 by A. N. Kirpichnikov was for the first time reliably merged (in the upper section) with the strata of the excavation by V. I. Raudonikas. At the two excavations both, complexes of mediaeval structures were distinguished, reliably synchronized and united into a single horizon. Thus for the first time it has been made possible to unite materials of the late 16th — early 17th cen. in the centre of Earthen Hillfort and in its southern area and to separate them stratigraphically from the lower deposits.

Beneath the structures of the end of the 16th cen. — beginning of the 17th cen. burnt during the Time of Trouble, at excavation No. 3 another horizon of late mediaeval buildings was revealed which almost in nothing differed from the one deposited above but had no traces of fire and war’s devastation. Most probably it is datable to the second half of the 16th century and was deposited in the end of the 16th cen. owing to the construction of new defences of the earthen town in this place. Before building of the earthen town this was an area of the Ladoga posad (unfortified suburb).

In the course of planigraphic analysis of the finds it became clear that all the diagnostic artefacts of the 16th–17th cen. were found either inside the buildings or in a direct closeness to them. In particular it is true as the houses burnt during the Time of Trouble are concerned. At the same time, in the space between the late buildings, mainly earlier artefacts were uncovered — Old-Russian objects re-deposited due to economic activities in the urban properties. This observation is of important methodical significance and must be taken in consideration when dating the earlier deposits.

Under the structures of the second half of the 16th cen. at excavation site No. 3, remains of a street decking were uncovered about four metres wide. There were preserved lengthwise ground joists 2–4 m long and some transversal wooden blocks. Evidently, the top of the planking was destroyed. The excavated object can be considered as a street which led via the Nikolsky Konets (Nickolas’ District) to the St. Symeon monastery and presented a central axis of the Ladoga settlement

in the Middle Ages. No other street planking at excavations of Ladoga is known to us. The street was directed towards the St. Clement' Church and further on to the left bank of the Ladozhka River.

At the level of the remains of the street, predominantly finds of the 13th–15th cen. were recorded in the cultural layer whereas no younger ones were present. In the section here, a distinct boundary between the epochs — late Novgorod Russian and Muscovite period was defined. This boundary was perceptibly distinguished also through the archaeological material. Of the late Novgorodian deposits, Old-Russian types of axes and knives are characteristic; there was found a horseshoe fibula and other ornaments known from that period.

It is noteworthy that during excavations of the layers of the Muscovite period at excavation No. 3, no traces of manufacture were revealed: all the tools were of an ordinary domestic character. It is typical that until the Time of Trouble, in the investigated area, any serious disturbances or large-scale changes of the surface of cultural deposits are absent.

Generally, excavation No. 3 must be considered as a standard for studies of planigraphy and stratigraphy of the layers of the younger parts of the Ladoga section in the southern area of Zemlyanoye Hillfort. The most important result of the work under consideration was represented by the successful synchronization of the strata in excavations by V. I. Raudonikas and A. N. Kirpichnikov at the levels of structures of the second half of the 16th — beginning of the 17th cen. At present, this is the first and only experience of such a synchronization of horizons of buildings at the central part of the Earthen Hillfort (excavations of the 1940s) and its southern area (1999–2000).

Planigraphic and stratigraphic analysis of the upper horizons of the Earthen Hillfort conducted on the basis of archive field documents in order to distinguish the horizons of buildings and to identify markers dividing deposits of the Modern Period, late Middle Ages and the Old-Russian period, is an essential step in the way to the correct understanding of the Ladoga stratigraphic section.

The defining of the correct sequence and chronological reference of the intercalations deposited as a result of repeated replannings and building of fortifications is a guarantee of success in construction of a new, as detailed as possible, chronostratigraphic scale of the Earthen Hillfort and the Ladoga settlement in general.

CHAPTER 4

Radiocarbon chronology of Staraya Ladoga: on the question of the lower date

*(N. I. Platonova, M. A. Kulkova, N. V. Grigoreva,
A. L. Aleksandrovsky, N. A. Burova, V. A. Lapshin, P. A. Milyaev,
E. V. Ponomarenko, D. T. Price, V. V. Skripkin, M. V. Shitov)*

Evgeniy Riabinin's excavations in the Earthen Hillfort in Staraya Ladoga seemed to have resolved the problem of the earliest date of the settlement. However, new discussion is now possible. The analysis of a big series of radio-carbon dates as well as of finds from the footing of the occupation earth of the southern, uphill part of the site leads to a conclusion that the site was inhabited even earlier than the mid-8th cen.

The chapter deals with the problems of stratigraphy and chronology of the lower horizon of Ladoga (Earthen Hillfort, horizon "Ж" (Zh) according to V. Raudonikas' scale or "buried soil 1" after A. Alexandrovskiy). It is based on the long-term work of a large team of authors — archaeologists, paleogeographers, radiocarbon scientists. Finding out the absolute chronology of the different parts and sites of Staraya Ladoga archaeological complex is an urgent problem. The lack of such developments serves as an obstacle in solving the problems of the early medieval archeology of Northern Russia. Without linking settlement complexes to calendar dates, it is often impossible to understand the historical connection of events and the functional features of different

settlements. However, the chronology of early medieval antiquities, based on the technical and typological analysis of artifacts and the use of analogies, often turns out to be inaccurate when applied to the Russian Northwest. The reason is the limited number of sites of this period in the region and the lack of full-fledged typological and chronological markers. Therefore, methods of natural science dating, primarily radiocarbon dating, acquire the greatest importance.

The chapter represents a conceptual generalization of modern ideas about the composition and development of the early medieval Ladoga agglomeration. At the same time, it discusses the stratigraphy and radiocarbon chronology of the most ancient complexes of the Earthen Hillfort — continental pits filled with a layer of buried soil containing cultural remains, — and includes the first experience in developing the chronology of the Staraya Ladoga archaeological complex based on radiometric data.

Table 4.1, given in the chapter, contains information on all radiocarbon dates obtained for the sites of Staraya Ladoga and its immediate environs in 1998–2021. The vast majority of dates have never been published before. The largest number of dates was obtained for the southern part of the Earthen Hillfort (excavations 3–5 by A. N. Kirpichnikov). However, there are small ^{14}C series (a little yen or a little over 10 dates) for Posad (Ladoga open settlement), Lyubsha Hillfort and the ground burial (11th–12th AD) near the church of St. Clement at the Earthen Hillfort. Only one date is available so far for the destroyed fortifications of the ancient wood-and-stone fortress on the cape, at the confluence of the Ladozhka River with the Volkhov. However, it is important to note that the upper date limit is no later than the 880s.

The traditional study of the archaeological contexts of ^{14}C dates obtained for the horizon “Ж” (Zh), was supplemented in this chapter by an independent analysis of this series of dates, with the help of natural science methods. Combined calibrated dates were calculated for each object from which the samples were taken and their comparative analysis was carried out. Using the Bayesian statistics method, the chronological sequence of the distribution of these objects in the excavated area was established. The traditional archaeological (stratigraphic) studies practically matched the results of the natural-science carried out in parallel.

According to the data obtained, human activity in the southern part of the Earthen Hillfort began no later than the middle 7th cen. The middle part of the horizon “Ж” (Zh) is widely dated according to ^{14}C : the middle 8th — the first third of the 10th cen. A.D. However, the study of stratigraphy allows us to discard the upper part of this interval, since the accumulation of the next horizon (brown humus with manure and wood chips) began, at the latest, in the second half of the 9th cen.

The chapter sharply raises the question whether the oldest period of the functioning of the Ladoga settlement is generally beyond the competence of the dendrochronological method? An analysis of the possible causes of the secular gap in the dating of the oldest wooden buildings in the western section of Earthen Hillfort, studied by E. A. Ryabinin, and the southern one, studied by A. N. Kirpichnikov, made it possible to suggest that they should be sought not in the different chronology of the oldest layers, but in the different structure of their lower deposits.

There is reason to believe that the oldest wooden structures on the Earthen Hillfort territory arose during the “dry” period. If so, then the earliest period of the functioning of the Earthen Hillfort is beyond the competence of the method of dendrochronology. The cultural deposits of this initial stage differed little in character from the “dry layer” of an ordinary medieval settlement, in which organic matter is practically not preserved. In such a situation, the presence of wooden buildings can only be judged by the presence of remnants of recessed parts of buildings and the collapse of heating structures.

The fact that the earliest buildings are discovered in the western part of the site (excavated by Riabinin) does not mean that the rest of the site was not inhabited in the 8th cen. The western part is downhill, so its soil earlier became wet enough for organic objects to remain. So, the interval of about a century between the earliest dendro-dates from the western and the southern parts of the site must be explained in terms of the character of the soil.

Part III

Ceramic ware of Ladoga 8th — first half of the 10th century (to reconstruction of the historico-cultural processes in North-Western Rus')

(*T. B. Senichenkova*)

The discussion concerning the character of the initial Ladoga settlement and different stages of its evolution has continued already for more than half a century. The ceramic evidence is the largest mass category of archaeological sources characterizing the everyday life of the constant residents, however until now it has not been fully employed in sociocultural reconstructions and development of models of the historical evolution of Ladoga. Meanwhile, analysis of pottery allows the researchers to obtain a number of observations which make the now employed models more precise. A consideration of these data in the context of modern concepts: a) on the development of pottery making, b) on the cultural process in the North-West in the second half of the 1st millennium AD, can constitute the basis for quite a series of historical conclusions.

Finds of pottery of the Early Iron Age (EIA)

O. I. Davidan, when studying the materials from Early Mediaeval Ladoga arrived to the conclusion that the Ladoga settlement arose in an uninhabited locality (Давидан 1994: 165). This assumption would be correct only if we take into account that until presently we do not know any deposits of the previous period so that the chronological gap between the EIA and the early Middle Ages still is not bridged. However, the artefacts revealed in the North-West and particularly in the Low Volkhov region insistently drive us ever more to the conclusion about the occupation of this territory also in the earlier period.

As shown by the last researches, people opened up the territory around the confluence of the Ladozhka and Volkhov rivers still as early as the Neolithic period: traces of Neolithic sites have been revealed on the fortress promontory, on the left bank of the Ladozhka River and at Earthen Hillfort (Тимофеев, Стеценко 1997; 1997: 174; Лапшин 2018: 135–161).

As to the topography of the Ladoga early mediaeval settlement, it differs cardinally, as has been noted by researchers (Петренко 1977; Носов 2000: pp. 166–168), from the topography of settlements of the EIA on the lower Volkhov River. The latter usually are situated on steep banks, i.e. in elevated areas of the landscape. The Ladoga settlement arose at the inflow of the Ladozhka creek into the Volkhov on a low bank inundated during the floods, and thus in a place very convenient for mooring and repairs of ships. The findings of the EIA pottery seemingly run contrary to the established notions. However, if we consider the topography of the early mediaeval sites in the area around the source of the Volkhov, we see that a certain similarity between them and Ladoga still is present.

The early mediaeval settlements in Poozerye (Lakeland) were located on sloping sandy hills near the inflow into a lake of tiny creeks with small floodplains inundated in spring. These hills were surrounded by marshy lowlands which also were submerged in spring and so turned the settlements into islands. The character of settlement was closely linked with the hydrological regime of Lake Ilmen and was preserved for centuries. On these hills there were discovered traces of the population of the EIA and early and late Middle Ages (Носов, Плохов 2005: 122, 123). What did attract the first settlers here? Possibly it was the periodically inundated flood plain propitious for agriculture?

Geomorphological investigations of the territory of the earliest Ladoga settlement are now at their initial stage. So far, the experts cannot come to a common opinion about the causes of the

change of the hydrological regime here, its time and character of the Ladoga transgression, and about the stages and features of the formation of palaeosoils (Алещукин et al. 2003; Шитов et al. 2004; 2005; Александровский et al. 2009; Платонова et al. 2020). Nevertheless, archaeologists already have made some observations on the palaeolandscape in this area (Кузьмин 1997: 229, 230; Сорокин 1997: 48, 49). S. L. Kuz'min, having summarized the observations on the stratigraphy of the excavations at Earthen Hillfort and the Stone Fortress, the types of the deposits underlying the cultural layer, and the character of the deformation of the bastions of the Earthen town, proposed his reconstruction of the topography of the early settlement. He identified three hills — residual ribs (in the area of the future fortress, future Earthen Hillfort and to the south of the latter) situated between the channels connecting the Ladozhka with the Volkhov. Their beds served as natural obstacles defending the area and subsequently they were buried under earth during the levelling and construction works (Кузьмин 1997: 230).

S. L. Kuz'min's approach seems very important. It is necessary to have a clear idea on the palaeolandscape of the locality where the early mediaeval settlement arose in order to reconstruct the history of its formation. V. A. Nazarenko, similarly to S. L. Kuz'min, paid attention to the absence of buildings over a considerable section of the studied area of Earthen Hillfort including its earliest horizons. He supposed that one of the causes of this fact can have been in large-scale replanning conducted in the early period (Назаренко 1997).

In 2017, the territory of the Ladoga Fortress was investigated by geophysical methods: the employment of the high-precision gravimetry has allowed the researchers to obtain new data on the palaeorelief of the fortress courtyard and define the configuration of the ancient promontory, enabling the researchers, in turn, to reconstruct the character and sequence of particular construction works (Григорьева, Кошевой, Медведев 2018).

The accumulation of information undoubtedly will bring us nearer to the understanding of the peculiarities of different stages of occupation of the territory near the inflow of the Ladozhka to the Volkhov. When analyzing the data of geomorphologists and soil scientists it must be remembered that the appearance of the “islets of life” in the area around the mouth of the Ladozhka River and the foundation of the early mediaeval settlement proper can have not been simultaneous.

The sources of the technological traditions

The studies of the peculiarities of pottery making in Ladoga of the 8th–10th cen. allow us to state that different technological traditions are here traceable. If the predominance of some of them (e.g. the use of crushed rock or sand as tempers) is explainable through the local geographic features then the presence of differing programmes of constructing the vessels (the bottom and bottom-capacity ones), a uniform technique of modelling of a hollow body (ring appliqués) combined with different ways of treatment of the surface indicate the fact that the Ladoga potters employed different techniques during manufacturing of the clay ware.

Taking into account the condition of the source and the present day level of our knowledge about the development of pottery making, we cannot trace the origins of particular manufacturing techniques nor reconstruct the course of this process and the composition of the populations participating in it. It is possible only to state that the local potters employed the techniques known through archaeological evidence in cultures of Eastern Europe of the Early Iron Age. The same conclusion was made by Ya. V. Stankevich who wrote that the Ladoga potters preserved the more ancient technological traditions known still at sites of the Gorodets and late Dyakovo type (Станкевич 1950: 211, 212, 215, 216).

The dynamics of the identified peculiarities corresponds well, where it is traceable, to the scheme developed by A. A. Bobrinskiy for the evolution of the practices of the pottery making handicraft among the populations of the forest zone of Eastern Europe in the 1st–2nd millennium AD. It seems impossible to define more particularly the chronological frame of this process. Most probably it passes far beyond the limits of the period under consideration in the history of this site.

Not only the application of the retrospective method for identifying the sources of that or other technological method seems impossible because of the non-availability of unbiased evidence for a comparison but also it would be methodically incorrect since, on the one hand, the period under consideration is characteristic of a considerable mobility of the population and wide cultural interactions and, on the other hand, the character of the considered processes is such that it is difficult to limit them to any chronological frames.

Types of the pottery and their origins

Studies of the potter's handicraft show that, notwithstanding the interactions of representatives of different cultural groups, the technological practices remain stable for long periods while the changes are concerned primarily with the set of ceramic forms (Бобринский 1978: 169, 170).

Examination of the Ladoga forms suggests that both at Earthen Hillfort and at the excavation site in Varyazhskaya ul., types 1, 3 and 5 are the leading ones. They comprise 78,2 % of the entire ceramics (at Earthen Hillfort) and 82,8 % (at the excavation site in Varyazhskaya ul.). The remaining six types (types 2, 4, 6, 7, 8 and 9) account for 21,8 % and 17,2 % of the ware correspondingly. A detailed discussion of the circle of their analogues is presented in Chapter II, Section 4. Below, brief conclusions based on this analysis are adduced.

Basing on analogies, the types constituting a low percentage as compared with the main mass of the ware can be considered as close to the circle of sites usually linked with the Baltic and Finnish antiquities (with the exclusion of type 6 which is often considered as a Scandinavian one).¹

What are the features of the leading types of the pottery, i.e. types 1, 3, and 5?

Type 5 comprises weakly profiled vessels. They constitute 15,7 % of the total ware from Earthen Hillfort and are encountered in all the layers beginning with horizon E_{3,3}. In the Varyazhskaya ul., their amount reaches 20,6 %. Indistinctly profiled vessels of type 5 of the third quarter of the 1st millennium AD are frequently encountered in the culture of the Pskov Long Kurgans (CPLK) and, in the classification by N. V. Lopatin, they are most characteristic of the Pskov-Chudskoye and Dvina-Lovat regions. They are typical also of the "pre-sopki" sites and later of the Culture of Sopki.

Type 3 includes vessels with an S-shaped profile. At the excavation site in the Varyazhskaya ul. they constitute 8,4 % of the total number of pottery and certainly are not the predominant ones although in their quantity they hold the third place. At Earthen Hillfort, vessels of type 3 amount to 17,9 %; they are found in the as early horizon as E_{3,3} (21,8 %). Pottery of type 3 (with an S-shaped profile) is a widespread form. It is found in the culture of the Pskov Long Kurgans (CPLK) of the third quarter of the 1st millennium AD and, according to N. V. Lopatin, mostly in the Msta-Valday region and at "pre-sopki" sites both in the Udomlya lakeland and in central regions of the Novgorod Land. In the last quarter of the 1st millennium AD they are noted in the Culture of Sopkas and in Smolensk long kurgans of the "second tradition" similar in their ceramic complex, according to V. V. Enukov, with more southern and reliably Slavic sites.

Type 1 is a type of vessels with a distinctly profiled neck and shoulder passing into the body through a rather accentuated rib. In the ceramic assemblage from Ladoga they constitute the predominant majority: 44,6 % at Earthen Hillfort and 53,6 % in the Varyazhskaya ul. Examination of the finds has shown that, with the same profile of the upper body, these vessels have differing proportions and correspond to different types of the complete vessels.

An attempt to trace the dynamics of the transformation of the proportions of vessels with a ribbed profile in time suggests a following situation.

¹ It is noteworthy that *any* ethnic markers "glued" in the 20th cen. to cultures of the unwritten period (from the Neolithic Age until the early Middle Ages) in the North-Western territory require a critical attitude toward them. From the methodological point of view they all are incorrect or, at best, premature. The nature of the communities corresponding to the areas of the distribution of particular categories of antiquities still needs further investigations, as well as the cultural-anthropological mechanisms of the innovations arising in them (editorial).

In horizon $E_{3,3}$, squat broad-bottomed pots (type ΦIV) and jars with an accentuated neck (type ΦV) have been found. They have parallels both among the Finnish antiquities and in the Culture of the Smolensk Long Kurgans of the “first tradition” which, according to V. V. Enukov, is the earliest one related with the Baltic component. This culture, in the opinion of Enukov, emerged in the beginning — middle of the 8th cen.; however it must be noted that the author specifies his dating on the basis of finds from Ladoga (Енуков 1990: 75, 128, 129). In horizon $E_{3,3}$, also vessels of types ΦIB (of “slim proportions” have been encountered with the ratio of $H:D/2$ slightly less than 1), ΦIII , and ΦVII .

A similar picture is observed also in the higher horizons $E_3-E_{3,2}$ and $E_{3,1}$. Here jars are encountered with weakly or, by contrast, distinctly expressed necks and shoulders (type ΦV); squat vessels with a conical body (type ΦIII); squat broad-bottomed jars (type ΦIV); vessels of “slim proportions” (type ΦI); and bowl-shaped examples (type ΦVII).

In horizon E_2 , vessels of the ΦII type are recorded finding parallels in the pottery of the second tradition of the Culture of Smolensk Long Kurgans (after V. V. Enukov); some of them are decorated on the rim and shoulder with imprints of a stick wound around with a cord. V. V. Enukov considers the appearance of the ornament of this type as a characteristic indication of the second tradition linked by him with a Slavic element (Енуков 1990: 42, 89, 92, 93, 129). Since the mid-9th cen., the quantity of jars of type 4A is increasing.

In horizon E_1 , vessels were encountered of type ΦIA (of “slim proportions” where the height exceeds the maximum diameter). Taking into consideration the condition of the sources, we cannot affirm that such vessels could not be present in the lower horizons datable to the 8th–early 9th cen., however the tendency was of an increase of the “slimness” of the vessels in time. Possibly, in that period some “hybrid” of types ΦIA and ΦII appears as is proved by the presence of a bend in the lower part of the body of vessels of type ΦIA which resembles the characteristic forms of vessels of the Culture of Smolensk Long Kurgans (villages of Sloboda Glushitsa, Tsurkovka, etc.). In horizon D , a new form of pottery is recordable — frying pans.

Is it possible to identify the cultural belonging of the pottery with a “ribbed” profile? In literature, different views on the origin of the Ladoga ceramic complex characterized by the so-called rib have been proposed.

Ya. V. Stankevich noted parallels to the Ladoga “broad necked biconical vessels” among the finds from the upper Dnieper River, in particular the Bantserovshchina fortified site (Станкевич 1950: 198–200, 202, 203).

Now it is defined that the lower layer of the Bantserovshchina townsite belongs to the Hatched Ware Culture and is dated from the 3rd–2nd cen. BC to the 2nd–3rd cen. AD (Митрофанов 1967: 260, 261). The predominant form of pottery here is composed by ribbed vessels with a straight rim, accentuated shoulder which merges at an acute angle into the body tapering conically towards the flat base. The surface of many of the examples is decorated with hatching, some have an intentionally roughened surface (see e.g., Митрофанов 1967: 249, 250; Митрофанов 1978; Васкс 1987: 77, 78; Ушинская 1989: 64; Егарэйчанка 1999: 164, мал. 42, 2, 4, 6, 7).

Of the upper layer (dated to the 6th–8th cen. and attributed to the culture of Tushemlya–Bantserovshchina)² characteristic are smooth-wall indistinctly profiled ceramics; of the vessels resembling the ribbed ones from the lower horizon, only single examples have been found (not more than 4–5 specs.) (Митрофанов 1967: 258–260). Researchers of another site of the Bantserovshchina culture, viz. the unfortified settlement of Mikoltsy, also consider the few ribbed pots as the “heritage of the culture of the hatched ceramics” (Зверуго, Медведев 2003: 88).

Certain similar features with the ceramics of the late stage of the Culture of Hatched Ware (CHW) (or the culture of the late hatched ceramics after A. A. Egoreychenko) (Егорейченко 2006)

² N. V. Lopatin has examined ceramic assemblages from two reference sites, unfortified settlements of Tushemlya and Bantserovshchina, and demonstrated that notwithstanding the general similarity they have also some differences. The main point is that the two sites both are characterized by an indistinctly profiled pottery while the vessels with the so-called “rib” are not numerous (Лопатин 2018).

are traceable in the Ladoga ware both in the forms (vessels with a conical body and a distinctly accentuated rib in the upper third of the height), the technique of the modelling (ring appliqué) and in the way of the treatment of the surface (traces of polishing with grass on the lower part of some Ladoga vessels from the rib downward to the base). However it would be wrong to derive the latter pottery directly from the CHW, *inter alia*, because between the time when this culture ceases its existence (in different periods at different territories but not later than the second half of the 4th — first half of the 5th cen.) (Митрофанов 1978: 15 ff.; Ушинская 1989: 65; Егарэйчанка 1999: 151–158) and the initial date of the Ladoga settlement (mid-8th cen.) there is a significant chronological gap.

The pottery of the Tushemlya culture was specially examined by E. A. Schmidt. The closest Ladoga form, type 7, according to his classification has been reported in single cases only from the basin of the Western Dvina River (Шмидт 1982: 100, Fig. without number; Шмидт 2003: 48, Pl. 27, 7).

N. V. Lopatin has developed a typology of pottery from the Upper Dnieper and Dvina regions of the 3rd–8th cen. (Лопатин, Фурасьев 2007: 33, 101, 102, Fig. 11, 51, 52) where vessels with a sharp turn of the profile also are present. The author includes the so-called vessels with an outturned cylinder also into this group (*Ibid.*: Fig. 11, type P-4). At the settlement of Uzmen, in the depositions of the second quarter of the 1st millennium AD, according to A. G. Furas'ev's information, the biconical and ribbed ware constitutes about 17 % (Фурасьев 2001: 9).

N. V. Lopatin described the ceramic assemblages of the third quarter of the 1st millennium AD typical of different areas of the Culture of Pskov Long Kurgans (CPLK). The differences between the ceramics from different regions are traceable only at the level of a tendency. The author noted that the profiled ware is mostly characteristic of the Msta-Valday region (Лопатин 2003: 55). It can be stated that the ceramic assemblage of CPLK is inhomogeneous and that the ribbed ware generally is not characteristic for it.

The ribbed forms also are not characteristic of the pottery of the Culture of Smolensk Long Kurgans (CSLK) synchronous with that from Ladoga (dated from the mid-8th to the turn between the 10th and 11th cen.) (Шмидт 2012: 60, 61). There are squat profiled forms with an accentuated shoulder attributed by V. V. Enukov to the first (the earlier) tradition of the building of the kurgans and linked with the Baltic component in the culture. Similar vessels are found also in Ladoga (types ФIII and ФIV2). The ware clearly analogous to the pottery of the second tradition of CSLK — type ФII, is reliably recorded in Ladoga beginning with horizon E₂ (dated to after the 860s). E. A. Schmidt wrote that this form (“where onto a cylindrical base a pot-like vessel was modelled”) was characteristic of the Smolensk Krivichi (Шмидт 1994: 34).

V. V. Sedov proposed a view on the West-Slavic origins of the ribbed pottery (Седов 1970: 25, 26; 1970a: 71) referring *inter alia* to Ya. V. Stankevich who noted the parallels to the Ladoga ribbed vessels from the Slavic sites of the Polish and German Pomorze/Померания (Станкевич 1950: 195, 196). Meanwhile, Ya. V. Stankevich, when considering the appearance of such pottery on the southern coast of the Baltic Sea, shared the views of W. Laeng who connected its origin with cultures of the Late Roman period (Станкевич 1950: 196).

V. V. Sedov's hypothesis was supported by E. N. Nosov, V. Ya. Konetskiy and A. V. Plokhov. The latter is of the opinion that “now the West-Slavic variant seems the most probable despite the differences in the technique of the manufacture and decoration of the pots” (Плохов 2002: 152). N. I. Petrov made an attempt to make “more profound” the supposition by A. V. Plokhov proposing a Scandinavian “mediation” in the distribution of this ceramic tradition (Петров 1996: 26, 27). This attempt seems rather curious: firstly, the author himself was not concerned with these ceramics, secondly, he had not taken into account A. V. Plokhov's conclusion that the “ribbed” ware was found in Scandinavia only as single examples (Плохов 2002a).

As early as in the years when V. V. Sedov first published his hypothesis, the majority of German and Polish archaeologists connected the weakly profiled vessels of the so-called Prague type or S-shaped pots with the Slavs (Schmidt 1961: 41; Kruger 1967: 65; Josinski, Rogosz 1986: 13, 27, r. 1; Cnotliwy et al. 1986: 159, r. 1). At a Slavic settlement of the 6th–7th cen. in Dziedzice (territory of the

Western Pomerania, Poland) exclusively handmade ware, although of a very good quality, has been found. A. Porzezinski distinguishes several types of vessels among which there are also profiled examples. Although the pottery of the Dziedzice type both stylistically and in terms of the technological features differs from the ware of the 2nd–6th cen. from this locality, the researcher considers as “quite real” the possibility of a contact between the population of the Great Migration Period with the Slavs moved here (Пожезиньский 2009: 568, 575).

German archaeologists who studied Slavic sites in the Elbe basin noted that it is impossible to date narrowly the archaeological materials of the late Germans and early Slavs (the latter penetrate this territory presumably in the late 7th — early 8th cen.). They both used plain undecorated ware in this period and moreover the Slavic forms of the 8th–9th cen. are indistinctly profiled (Шнеевайтс 2009: 247, 259, Fig. 12, 11, 12). The “ribbed” pottery at Slavic sites of the southern Baltic littoral appears apparently not earlier than in the 8th cen. and is modelled on potter’s wheel. At the lower reaches of the Oder (Szczecin) in the mid-8th cen. there is distributed wheelmade pottery of the Sukowo, Feldberg and other types (Dworczyk 2011: 244). Evidently, the notions on the West-Slavic origins of the ribbed pottery of the Novgorod Land need a detailed substantiation.

I. I. Eremeev, after having conducted serious investigations of sites of the Lake Ilmen region of the middle — second half of the 1st millennium AD, considered the question of the origin of the “ribbed” ceramics. In his opinion “...it is significant that the origin of the pottery of the “Ladoga type” ...has remained an unsolved problem even after the investigations of the layers of the 5th–7th century at the settlement of Prost and in Gorodok on the Mayata... It seems that the rough handmade pottery of the 4th group (“Ladoga type”, — T. S.) emerges in the Ilmen region not earlier than the second half of the 7th century ... and not later than the middle of the 8th century (the upper boundary defined through findings of this pottery in the early layers of Staraya Ladoga)” (Еремеев, Дзюба 2010: 230).

A. V. Plokhov, after an investigation of the finds from Rurik Gorodishche, unfortified site of Prost and other settlements in the Ilmen region, proposed a view (apparently it is the last one uttered by him concerning this question) that the ribbed ceramics (by contrast to the weakly profiled and jar-like examples) is not characteristic of the third quarter of the 1st millennium and that it appears only in the mid-8th century on the Lower Volkhov wherefrom it spread throughout the entire North-West (Плохов 2005: 78, 142). However, in my opinion, this supposition runs contrary to findings of the pottery with ribs among yet not numerous artefacts of an earlier period (for analogies see Chapter II).

Pottery from Ladoga and finds from pre-sopki and “Late Dyakovo” sites

Of interest and, in my opinion, promising for the understanding of the mechanism of cultural processes in the North-West are the investigations of the so-called Late Dyakovo sites in the regions of the Upper Volga, Valday, Upper Msta River and the Mologa and Sheksna interfluvium conducted during last years by quite a number of archaeologists — A. N. Bashen’kin, V. A. Burrov, V. I. Vishnevskiy, I. V. Islanova, A. D. Maksimov, A. S. Syrovatko, et al. The term of “Late Dyakovo” is not completely apt as has been noted not once (Исланова 2007: 306; 2008, 45, footnote). These sites represent not the “classical” Dyakovo culture but a cultural community which had suffered quite a number of transformations related, inter alia, with repeated inflows of new populations.

The mentioned region in the beginning of the 1st millennium AD was included into the area of the Dyakovo culture. In the middle of the 1st millennium AD essential transformations in the material complex took place there: the late Dyakovo sites of the Varvarina Gora type are replaced in the Upper Msta basin by the Msta-Mologa group of sites and in the Upper Volga region by settlements with pottery of the Moshchino circle (Исланова 2019: 15–17). For the third quarter of the 1st millennium AD, I. V. Islanova distinguishes three early mediaeval groups of sites in the Upper Volga and Upper Msta regions corresponding to different landscapes, located in a striped pattern and dif-

fering in the burial rite and particular elements of the material culture (mainly in the ceramic sets): CPLK, pre-sopki sites and sites of the Podol type (Исланова 2019: 25–33).

The researcher notes the fairly numerous cultural impulses from different territories which, overlapping the local traditions (differing in particular regions), had yielded a rather complicated “mosaic” picture of settlement (Исланова 2011; 2019). I. V. Islanova succeeded in demonstration that “despite the replacement of cultural and chronological groups of sites throughout the 1st millennium AD, continually “traces” of the local (Baltic-Finnish) sub-basis are recordable through archaeological sources...” (Исланова 2019: 37). In my opinion, this is one of the most important conclusions made by the author.

I. V. Islanova explains the appearance of the new cultural groups through inflows of new people from neighbouring regions. This fact undoubtedly was really taking place but, as she herself notes, “it cannot be excluded that the same cultural groups of population may have moved to different micro-regions while the formation of the economic and cultural type at particular areas and differing interrelation with the local people induced the emergence of different groups of sites (CPLK, of Podol type, pre-sopki)” (Исланова 2019: 38). This is a second very important conclusion which alike the first one is concerned with the methodological approach to the study of early mediaeval antiquities.

Among the materials from the unfortified settlement of Yuryevskaya Gorka which is a reference one for the Udomlya group of pre-sopki sites filling the chronological lacuna between the settlements of the Iron Age and the culture of sopki of the late 1st millennium AD, the ribbed pottery constitutes 11% of the total quantity of ceramics. In the opinion of I. V. Islanova this pottery has prototypes among the Dyakovo antiquities. On the basis of sites of the Udomlya group, in the end of the 1st millennium, the culture of sopki is established in the Upper Msta region and the ceramics with a rib can well be the prototypes of the ware of the “Ladoga type” (Исланова 1996: 14; 1997: 25, 26, 63; 2019: 40). The researcher proposed a very significant supposition that “ribbed pots are distributed among the antiquities of mainly Baltic-Finnish sub-basis and are not typical of the Volga-Oka area (with a Volga-Finnish substrate)” (Исланова 1997: 63). It is noteworthy that, despite the asynchrony and territorial remoteness, parallels to the majority of types of vessels from the settlement of Yuryevskaya Gorka are found among the ceramics of horizon E₃ in Ladoga although their percentage is different there.

I. V. Islanova and E. M. Chernykh find the origins of the ribbed ware revealed at the unfortified site of Rogovo-2 (third quarter of the 1st millennium A.D., Rzhev district) at sites of the Moshchino circle (Исланова, Черных 2008: 171).

In the course of new investigations and expansion of the source base, the situation undoubtedly will become more exact. In terms of the subject interesting for us, it is of importance to establish the fact of the existence of ribbed ceramics at sites of this region, at least from the third quarter of the 1st millennium AD and to discover their prototypes among antiquities of an earlier period.

At Ladoga there are materials which possibly suggest a south-eastern direction of the cultural relations. In the excavation in the Varyazhskaya ul. were found a number of objects having analogues in the late Dyakovo culture. In addition to the aforementioned ceramic fragment with matting imprints (17th spade’s depth) at the 17th and 18th spits there were found two clay artefacts resembling tablets in their shape with the diameter of 2,5–3,0 cm and about 1 cm thick (Pl. 59: 2, 3). They are made from slightly baked or just dried clay. Their purpose is unknown but their analogues are found among Dyakovo and Gorodets antiquities (Гусаков, Кузьминых 2008: 106; Монгайт 1961: 52, Fig. 5, 5). In horizon E₃ at Earthen Hillfort was found a bronze spectacle pendant also resembling the late Dyakovo examples (Давидан 1986: p. 103, Fig. 2, 1) (Pl 59: 1).

Parallels to late Dyakovo antiquities are found among ceramic finds at Ladoga. Some types of large vessels of this culture display similarity with the Ladoga ones (Розенфельдт 1974: 118, Fig. 12, 12–15). In the lower horizons of the excavation in the Varyazhskaya ul. (mostly at 16–19 spade’s depths) were found fragments of quite a series of pottery (23 specs.) of small sizes (rim diameter

7–8 cm; height 5–6 cm) (Pl. 60) having analogues at sites of the Dyakovo culture — Troitskoye unfortified site; Shcherbinskoye Gorodishche, Popadyino open settlement, and at the hillfort of Otmichi on the Upper Volga. Particular types of such small vessels are encountered in few cases also in other cultures of the Early Iron Age, e.g., in the Upper Dnieper variant of the Kiev culture (of Abidnya type).

At Earthen Hillfort were found almost three tens of miniature vessels, including the examples analogous to type 3 according to the classification by I. G. Rozenfeldt (the so-called jiggers or goblet-shaped) (Розенфельдт 1974: 132, 135, Fig. 25: 19). It is of note that in Ladoga, miniature vessels analogous to the Dyakovo ones have been reported from layers of the middle (perhaps first half) of the 9th cen. The difference of the Ladoga vessels from the Dyakovo finds is in the fact that they have smooth walls and in the quality of the clay differ in nothing from the other ware.

During last years, a considerable work has been carried out for studying sites of late Dyakovo culture in the Upper Volga region, in the areas of Tver and Yaroslavskaia oblasti, part of Moscow, Vologda, Kostroma and Ivanovo oblasti (Вишнеvский 1991). According to conclusions of the researchers (Леонтьев 1983; Вишнеvский 1991; Смирнов 1994; Исланова 2002; Кренке 2011), the Dyakovo culture survived up to the 6th–7th cen. and, at the outlying districts of its area, even until the end of the 1st millennium AD.

It is especially noteworthy that at a number of late Dyakovo settlements were found series of artefacts dated to a period not earlier than the 8th–9th cen. V. I. Vishnevskiy admits that it is impossible to answer the question whether these finds are related to late Dyakovo layers or must be attributed to Old-Russian complexes (Вишнеvский 1991: 14). I. G. Rozenfeldt wrote that the findings of handmade pots of the late Dyakovo type are known from Slavic barrows in the basin of the Moskva River suggesting a long preservation of these traditions in the pottery making (Розенфельдт 1974: 191). The same conclusion was made by V. A. Lapshin and T. V. Mukhina basing on materials of the archaeological complex from the neighbourhood of the village of Vasilkovo near Suzdal: there simultaneous use of objects of the Old-Russian time with smooth-wall ceramics of the Iron Age, including miniature vessels, is recorded (Лапшин, Мухина 1988: 140).

This direction of the connections of early Ladoga can so far only be guessed. While for the region of the Msta River of the middle — third quarter of the 1st millennium AD the situation already becomes more distinct, for the Lower Volkhov area there is no such clarity. Only the future will show what is the meaning of the above described observations, however these facts should not be disregarded.

The enumerated parallels between the pottery of Ladoga and finds from some cultures of the EIA still do not afford an answer to the question about the origins of the Ladoga ceramic complex. It can be only stated that all the attempts to answer this question without taking into account the materials of the third quarter of the 1st millennium AD which right now just begin to appear cannot be considered as grounded. The discovered analogues of the Ladoga ware (both in the manufacturing techniques and in the forms of the vessels) among the ceramics of the forest zone of Eastern Europe suggest that the East-European version of its origin must be considered as the one of priority.

Pottery with appliqué

In 1982 at Earthen Hillfort near the St. Climent's church, but unfortunately in remixed strata, was found a fragment of a handmade vessel decorated in its upper body (on the shoulder) with a horizontal appliqué of an oval form with a hollow in the middle, (Collections of Staraya Ladoga Museum, КП-63437/A-10180) (Fig. Photo).

In 1984, during digging of a trench for installation of a water pump for residents of the Nikol'skaya Str., in the southern part of Staraya Ladoga, in pit no. 5 (Бессарабова 1995) was found a fragment of the upper body of a vessel with "knob"-appliqués on the shoulder (Collections of СЛМ КП-94767/ A4-599) (Fig., Photo). On the basis of this find, Z. D. Bessarabova made the conclusion that this pit was of a manufacturing character related with bronze casting craft and "is dated to the time of early Ladoga" (Бессарабова 1995: 63).

In the North-West, this type of decoration is practically unknown although appliquéés are found on pottery both from synchronous to Ladoga and earlier sites in other territories.

Decoration in the form of lunate appliquéés on the body of a vessel was recorded in single cases on pottery (bottom part) from Lukoml (Еремеев, Дзюба 2010: 477, Fig. 374) and from Vitebsk (on the shoulder), and at the settlement of Khachevo (on the shoulder) (10th–11th cen.) (Ibid.: 289, Fig. 265, 2). Lunate and knob-like appliquéés, although rarely, are encountered in kurgans of the Culture of Long Smolensk Barrows of the 8th–9th cen.: Yartsevo (Еремеев, Дзюба 2010: 424, Fig. 337), Skrabby (Barrow 1) (Еремеев, Дзюба 2010: 427, Fig. 340, 3), Rusanova Gora (Barrow 31) (Станкевич 1950: Fig. 5, 8, Photo...).

Small elongated appliquéés have been reported from sites of the Podol type (middle – 3rd quarter of the 1st millennium AD) at the upper reaches of the Volga: settlement of Svekline (Исланова 2019: album, Fig. 318, 1) and Peski 1 (Исланова 2019: Album, Fig. 343, 3). I. V. Islanova, who identified this group of sites, traces among its materials links with more southern regions (Исланова 2019a: pp.31–32). Appliquéés of this type are known also at a series of sites of the Zaozerye-Uzmen circle of the 3rd–5th cen.: Froly, Podosinki, Uzmen (Лопатин, Фурасьев 2007: 162, Fig. 80, 9; 182, 183, Fig. 100, 2, Fig. 101, 6; 196, Fig. 114, 1, 2). Here, approximately in the 3rd century AD, an inflow of population from the Kiev cultural and historical community is observed as is supported inter alia by the emergence of ceramics with decorations made with Chernyakhov combs (Лопатин 2003; Лопатин, Фурасьев 2007: 17–25)

The tradition of decorating pottery with appliquéés apparently came from more southern territories. Both the elongated and lunate appliquéés are known on the ware from the settlement of Khittsy in the Desna region (culture of the Penkov type, middle — third quarter of the 1st millennium AD) (Горюнов 1981: 77–78, Fig. 28, 16, 22, 28). There have been found elongated appliquéés at the settlement of Sencha (4th–5th cen.; the early stage of the Kolochin culture) (Терпиловский 2004: 135, Fig. 1, 1, 2, 4), elongated and lunate examples were found among the finds of the Culture of Carpathian barrows (cemetery of Iza of the 3rd–5th cen.) (Вакуленко: 2004: 103, Fig. 3, 2, 4, 5).

Appliquéés, including the lunate ones (“pseudo-ears” or “horseshoes” after E. V. Maksimov, (Славяне... 1993 [The Slavs...1993]: 27)), are found at the turn of the eras and in the beginning of the 1st millennium AD at many sites of the Zarubintsy culture — Otverzhichi, Velemichi, Pirogov, etc. (Славяне... 1993: Pl. VIII, 23, 28; VII, 8), and at the settlement-site of Gorodishche in the Pinsk district of Belorussia (Июв, Вепрей 2012: 38. Fig. 24, 1, 2). Analogues of the rounded “knobs” (single or alternating with a certain interval) are present also in the Zarubintsy culture of Polesye (Otverzhichi) and in the Lipitsa culture of the 1st–2nd cen. AD in the Upper Dniester region (Verkhnyaya Lipitsa), as well as in the culture of Poianești-Lucașeuca of the 2nd cen. BC — 2nd cen. AD which occupied the territory from the eastern slopes of the Carpathian Mountains to as far as the Dniester. Here also, among the rough ware of the Lipitsa culture located in the area from the Upper Dniester to the lower reaches of the Danube (Cherepin, mid-1st — late 2nd cen. AD), it was possible, strange as it seems, to find the closest parallel with the oval appliquéé from Ladoga.

Thus we see that analogues to the pottery with appliquéés from Ladoga are traceable at sites and cultures which are fairly remote both territorially and chronologically. And indeed, what conclusions can be driven on the basis of a pair of sherds of which one was found at Earthen Hillfort by chance in a spoil heap and the second one — at the periphery of the settlement with the cultural layer only preliminarily datable to the 9th–10th cen.! Evidently these conclusions can be of a very ambiguous order.

Indeed, the appliquéés (elongated, knob-like, lunate) are encountered infrequently but throughout a fairly vast territory. The analogues lead us from the North-West to the south penetrating chronologically down to the turn of the eras, and territorially to as far as the Danube region. I. I. Eremeev discovered in Gorodok on the Mayata (south-eastern Ilmen area), in a layer of the third quarter of the 1st millennium AD, fragments of a vessel decorated with a triangular applied cylinder beneath the rim (Еремеев, Дзюба 2010: Fig. 110). A search for analogues led him to antiquities of the

Tushemlya-Bantserovshchina circle and further on to more southern sites of the Kolochin, Penkov and Prague cultures (Ibid.: 115, 123).

When compared with Ladoga, these elements of decoration distinctly demonstrate a “southern track” and moreover, the farther to the south is the site, the earlier date is attributed to the analogue. The same is valid concerning the vessels with an outturned cylinder. Of special interest is the unique ceramic fragment with an oval appliqué having parallels in the Lipitsa culture.

Many researchers noted the influence of Central-European cultures upon antiquities of Eastern Europe in the mid-1st millennium AD (Седов 1999: 91–117; Казанский 1999; Каргапольцев, Шүкин 2002; Михайлова 2018). In that period, the situation was aggravated on the middle Danube (defeat of the Huns, wars between German tribes) inducing movements of masses of the population in differing directions. In the 5th–6th cen., fibulae of Danubian types emerge in the southern Baltic region while on the pottery, the so-called nipple-shaped appliqués (single and paired) are found in the Sudavian culture and Sambian-Natangian culture. Their appearance is connected with the Danube region (Скворцов 2010: 134) whereas the ornamentation on the ceramics is tied with the Gepidic pottery of the 6th cen. (Кулаков 1990: 34). The links between the Danube region and the North-West including Staraya Ladoga are convincingly traced through the distribution of jewellery from tin alloys and moulds for its casting (Щеглова 2009). In Ladoga, the types of these ornaments are encountered beginning from the earliest layers before the 10th cen. (ibid, p. 54). In this context, the find of a ceramic fragment with an oval appliqué acquires a new significance. It seems that the decoration of pottery with appliqués also is a marker of the direction of cultural ties over the territory of Eastern Europe in the middle and the second half of the 1st millennium AD.

Ceramics of Ladoga and pottery of the Culture of Sopki (CS)

In literature, the emergence of the “ribbed” ware often is ascribed to the penetration of the North-West by the Slavs. This pottery is considered as characteristic of the Culture of Sopki often associated with the Novgorod Sloven). Researches of the second half of the 20th cen. have shown that the sopki assemblage itself is not homogeneous displaying different burial traditions (Петренко 1985a; 1994).

V. V. Sedov, when characterizing the sopki ware, availed of fairly scanty evidence but even then he succeeded in distinguishing two types of vessels. After V. P. Petrenko’s excavations in the Northern Volkhov area, the collection of pottery was supplemented but, as before, it comprised in the predominant majority only small fragments. The complete or graphically reconstructed forms found constituted only “slightly more than 20 items” (Петренко 1994: 70). The pottery of sopki is differing in its technological features: the composition of the clay, the size and type of the nonplastic tempers, the extent of firing, the character of the treatment of the surface. It seems that these differences somehow are related with the character of the use of the ware (intended for placing the cremated remains proper or for some ritual actions). Possibly, both vessels of everyday use and those specially made for funerary purposes were employed (Петренко 1994: 70–71).

In present days, all the identified types of Ladoga ceramics, excepting types ФVI and ФVIII (the latter is represented by only a single vessel), have also been encountered in sopki of the Northern Volkhov River. It is not possible to connect the types of the pottery with the types of funerary mounds distinguished by V. P. Petrenko. The vessels with a rib resembling types ФI and ФIII of the Ladoga ware have been found e.g. in sopka 15-III (type I of the mounds after V. P. Petrenko) and in sopka 15-I (type III after V. P. Petrenko). It is important to note that similar vessels have been discovered not only in sopki but also in barrows no. 5 and no. 7 at the cemetery in the urochishche (isolated tract of land) of Plakun (Назаренко 1985: 167, Fig. 7, 4, 5).

In sopka 15-III (type I), along with a pot with a ribbed profile, was found a fragment of an indistinctly profiled vessel. It was discovered upon the stones of the fence and was not related to the burials (Петренко 1977: 57, Fig. 1, 6). Such a situation (where the types of the pottery are not correlated with the types of the sites) in no way is exceptional for the early Middle Ages. I. V. Islanova

noted that vessels of different forms and groups are found sometimes even in a single funerary (closed) complex (Исланова 2006: 97).

A detailed examination of the burial rite of sopki being is a fairly responsive indication for solution of the questions about the origins of particular groups of population has allowed V. P. Petrenko to arrive at the conclusion on the impossibility to link the emergence of these sites with the cultural impulse from any particular centre or wave of Slavic colonization. The revealed differences in the burial rite of sopki manifest a complicated and non-linear way of the formation of this culture.

These conclusions are determined by the state of our sources and, primarily, by the absence of an investigated deposits of antiquities of the first half and third quarter of the 1st millennium. The latter circumstance complicates the search for the origins both of the sopki burial rite and of the Ladoga ceramic complex. In addition, we must take into consideration such specific features of the early mediaeval ceramics of the North-West as their fragmentary state and amorphous character, as well as the different extent of studies of different regions and the absence of equally valuable data for comparison of the burial and residential sites (Петренко 1994: 113–115).

Nevertheless, it is clear already now that the burial rite of the Culture of Sopki reflects the beginning of the formation of a new and not still established tradition (Носов 1994: 3), the evolution of which possibly “began already within the frame of the Old-Russian socium under formation” (Платонова 2017: 17). It seems that this process affected not only the burial rite but also the pottery making, because the conclusions made during studies of these two very important complexes of archaeological sources are coinciding.

The Ladoga ceramic complex, on the one hand, is a many-component one, on the other hand, it is fairly homogeneous. This fact was noted still by Ya. V. Stankevich: “...at first sight, this entire material seems to be very uniform and of a single type, and only through a deeper examination, these or other characteristic features are defined...” (Станкевич 1951: 219). This uniformity is not only in the fact that there are a great number of the so-called transitional forms complicating the attribution of a vessel to a particular type, but also in the impossibility to distinguish, during the 8th–10th cen., periods characterized by an absolute predominance of one or another type of pottery. Only more or less distinctly expressed tendencies are notable, e.g. the increase of the height of the vessels, the emergence of “hybrid” forms and a new category of ware — frying pans, as well as decoration on handmade pottery.

The eclectic character of the ceramic complex of Ladoga of the 8th–10th cen. discovered already for the earliest stage of occupation of the settlement (in horizon E_{3,3}) suggests that it arose not in the last quarter of the 1st millennium AD but in an earlier period. Type 1 (the “Ladoga type”) still cannot be explicitly tied with a particular circle of antiquities. The reason is in the fact that it includes ribbed vessels differing in their proportions but similar in the form of their upper body. This leading “type” is eclectic to the same extent as the whole ceramic complex of Ladoga.

At Earthen Hillfort, pottery made with the use of potter’s wheel is first recorded in the second quarter of the 10th cen. Some features of this group of ware (the presence of new compositions of ornamentation uncharacteristic of the Ladoga pottery) and its appearance exactly in the artisans’ quarter i.e. that of the most mobile part of the Ladoga residents, suggest that the tradition of manufacturing the early wheelmade pottery was brought from without. Possibly, the original territory of this innovation was that of the west Slavic lands where wheelmade ware is known from the 8th cen. However, even in this case, the fact of its emergence cannot be considered as an argument for proving the hypothesis about the mass movement of the West Slavic population to the east. It is more plausible to connect it with activities of some elite groups who arrived from the South-Baltic coast and settled on the Volkhov and particularly in Ladoga. Groups of this kind, in the Viking Age, were characterized by a high mobility and comprised at the same time traders, warriors and artisans.

Comparative analysis of the ceramic finds from the two parts of the settlement suggests that there are no principal differences between the pottery from Earthen Hillfort and from

the excavation in the Varyazhskaya ul. Some unlikeness may be sought only at a level of a tendency.

Cultural traditions identifiable through the ceramic finds

Studies of the Ladoga pottery (technology of manufacture, the character of the changes, and the set of forms of the vessels) allow us to make the conclusion that in the middle of the 8th cen. (750s AD) the population of the settlement was culturally closely tied with the territory of the forest zone of Eastern Europe. Judging through the ceramic analogues and finds of some objects finding parallels in cultures of the Pskov and Smolensk long barrows and Latgalian burial grounds, the supposition about the cultural impulse directed from the Upper Dnieper, southern Pskov area and northern Belorussia seems quite plausible (Плоткин 1972: 40, 41; Давидан 1986: 103, 104; Давидан 1994: 166; Давидан et al. 1985: 57, 58; Мачинская 1989: 17, 18; Мачинская 1990: 56, 57; Кузьмин, Мачинская 1989: 29, 30; Кузьмин 1989б: 34, 35; Булкин et al. 1994: 37, 38). The revealed similarity between the Ladoga complex and analogue materials from Late Dyakovo sites and the Udomlya group of pre-sopki sites gives us grounds to suppose the presence of a cultural impulse also from the territory of the Upper Volga and Msta-Mologa interfluve. The further investigations will shed light onto this problem.

Findings of few vessels decorated with a specific pattern (appliqués, “outturned cylinder”) allow us to suppose cultural influences from southern sites situated in the Danube and Dniester regions. They correspond well to the directions of cultural links of the middle – second half of the 1st millennium AD reconstructed on the basis of other categories of finds (items of armament, harnesses, jewellery). Unfortunately, the context of the finds does not allow us to state more particularly the time or the routes of the penetration of Ladoga by the southern ceramic objects to

Also the question of the character of early Ladoga is debatable and interpreted differently by different scholars as a settlement of a Scandinavian community, some emporium, or as a Slavic settlement, or even the capital of the Russian proto-state. Claiming for no solution of this very complicated question, I hold it necessary to comment the point of view of a very authoritative researcher S. L. Kuz'min (Кузьмин, Мачинская 1989; Кузьмин, 2003; 2008).

This author arrived at the conclusion that Ladoga arose as “a colony of Scandinavians who reached the eastern limits of the Baltics still before the beginning of the Viking's epoch” and that its early history presents a chain of cataclysms accompanied by repeated complete replacements of the population (Кузьмин 2008: 76). Although not negating the presence of the Scandinavians among the earliest residents of Ladoga, I want to stress that the archaeological evidence yields no grounds to consider this cultural component as the exclusive and the earliest one.

In the opinion of S. L. Kuz'min, in 750–760 AD (1st layer of buildings) there was in Ladoga “a not numerous but fairly monolithic” group of Normans which included not only males but also women and children. In 760–770 AD (2nd layer of buildings), the Scandinavian colony ceases its existence because in the Lower Volkhov region there appeared bearers of the cultural traditions of the forest zone of Eastern Europe (Кузьмин 2008: 76).

Basing on studies of pottery, this conclusion cannot be proved: the ceramic complex of the earliest horizon of Ladoga is related from its beginning with archaeological cultures of the forest zone of Eastern Europe. Through materials of horizon E_{3,3} (layers I and II after S. L. Kuz'min) no cardinal changes can be traced as also though, through the ceramics of the horizons deposited higher. If we presume that the Scandinavians inhabiting Ladoga in 750–760 AD brought with them the characteristic type of dwellings, set of tools and the technology of the blacksmith's and jewellery works (elements of the men's subculture) then the pottery, which traditionally is attributed to the female subculture, demonstrates that the population was at least a mixed one. If the Scandinavian “colonists” (“men, women and children” after S. L. Kuz'min) were living in their community but used pottery which was manufactured by “representatives of cultures of the forest zone” then in this case also we must recognize that the latter already lived on the Lower Volkhov in the mid-8th cen.

It seems that the Scandinavians came to the already occupied locality. Naturally, such explanations are only hypothetical but the ceramic evidence distinctly manifests that along with the undoubted Scandinavian component in early Ladoga there was a local East-European one.

Also it is not worth to speak about the repeated “sharp replacement” of the population. In the history of Ladoga there were very diverse episodes — both enemy attacks and fires after which the life began anew. The stages of the occupation of Ladoga identified by S. L. Kuz'min as characterized by ratios of variegated components in the material culture, can be explained, using his own expression by the “direction of military winds” rather than by the breakage of the entire way of life.

The now available evidence suggests that approximately in the middle of the 9th cen. essential changes took place on the Lower Volkhov as reflected in archaeological materials. The area of the Ladoga settlement was markedly increased (buildings grew far beyond Earthen Hillfort); in the surroundings, *sopki* became widely distributed (their majority are dated to the second half of the 9th and to 10th cen.) (Конечкий 1995: 34; Кузьмин 1999: 97–99); burials appeared in the *urochishche* of Plakun (Корзухина 1971; Назаренко 1985). At Earthen Hillfort, between 863 and 870 AD, a total conflagration took place (Рябинин, Черных 1988: 91); the fortifications were ruined at the fortified settlement of Lyubsha neighbouring Ladoga (Рябинин, Дубашинский 2002: 203). Beginning with the second half of the 9th cen., at Earthen Hillfort, the quantity of finds of ornaments related with the culture of Smolensk long barrows was gradually decreasing (Мачинский, Мачинская 1988: 49–51; Давидан et al. 1985: 58; Мачинская 1990: 56), as well as that of objects from tin alloys finding parallels throughout the vast territory of the forest and forest-steppe zones — in Kolochin and Penkov cultures of the Dnieper region of the third quarter of the 1st millennium AD, at sites of the Pskov district, in long barrows of the south-eastern Estonia, etc. (Мачинская 1989: 17, 18; Щеглова 2001; 2002; 2003; 2009); at the same time the house-building tradition connected by S. L. Kuz'min with the CSLK vanishes (Кузьмин 1989: 35); the construction of the Stone Fortress begins which A. N. Kirpichnikov dated to the late 9th — early 10th cen. (Кирпичников 1985: 23; Кирпичников 1984: 23–42) and as is confirmed by modern investigations (Григорьева 2020).

As D. A. Machinskiy supposes on the basis of studies of written sources, it is exactly in the third quarter of the 9th cen. that the mass penetration of the Lower Volkhov region by the Slovans begins (Мачинский 1981: 45). V. Ya. Konetskiy also believes that the spread of high funerary mounds (*sopki*) over the territory of North-West in the second half of the 9th cen. was caused by the repeated inflow of new groups of population (Slavic) (Конечкий 1992: 126, 127).

All these changes had not broken the sequential development of the Ladoga ceramic complex although certain innovations are recordable. Pottery, as well as other categories of archaeological materials, manifests the process of the formation of a new culture.

The question of the chronology of Ladoga antiquities and that of the chronology of sites of the forest zone to a large extent depending on it requires a special consideration. Undoubtedly, handmade pottery cannot serve as a basis for the so-called narrow dating. Recently the question about the initial date of Ladoga has been posed again (cf. e.g., Кирпичников, Сарабьянов 2013: 16; 152, 153; Кирпичников, Курбатов 2014; Лапшин 2019; Платонова 2021a) although after the developing of the dendrochronological scale it could have been considered as closed. The revision of the problem was stimulated firstly by the discovery under the cultural layer of Earthen Hillfort of a tilled horizon dated through ¹⁴C to the second half of the 6th – 7th cen. (Александровский 2012: 60), and secondly by revealing of quite a series of finds of the Roman period in the North-West (see e.g. Сорокин et al. 2008). Finds dated to an earlier period than the oldest deposits of Earthen Hillfort are known both in Ladoga itself and in its closest surroundings (Петренко, 1984: 89–90; Рябинин, Дубашинский 2002; Кирпичников, Сарабьянов 2013: 146–153; Кирпичников, Курбатов 2014). Time will show what is the date of the emergence of an early mediaeval settlement in the place of the future Earthen Hillfort (Earthen Town) although the question of the existence of “life islets” in this place remains open (finds of pottery of EIA in the area of Earthen Hillfort and the fortress). Also it is unknown whether the settlement on the right bank of the Ladozhka was the single one or other points of the so-called Ladoga agglomeration existed nearby.

Conclusion

The attempts presently initiated at writing a history of early mediaeval Ladoga have one serious “drawback”: they are based on objects of a heterogeneous origin found in the cultural layer and amounting to single examples, a few tens at best (not counting glass beads). At the same time, the mass material, particularly pottery, which is not exciting imagination to such an extent, is mostly disregarded.

The appearance of showy finds with a distinct cultural “residence” in the cultural layer can be explained through diverse causes: trade contacts, the presence of natives of foreign lands, local manufacturing after imported examples, etc. The conclusions obtained on the basis of the Ladoga pottery strikingly differ from those made by researchers examining other categories of archaeological sources (ornaments, tools, house-building tradition, etc.). The history of Ladoga reconstructed on the basis of the latter categories and supplemented through information from written sources presents itself as tumultuous and rich in diverse perturbations. If we availed only of the ceramic materials then the impression would have been quite contrary.

The investigation of Ladoga pottery yields no grounds for distinguishing any boundaries in the history of the settlement. It indicates a continuous development of the ceramic industry demonstrating at the same time the appearance of some innovations. We can observe how the ceramics which is considered as one of the elements of material culture gradually with time reacts to new cultural impulses.

The examination of the ceramic complex from Ladoga has demonstrated that along with the “ribbed” vessels (“Ladoga type”) it includes also other types of ware suggesting its non-homogeneity and allowing us to relate it with different categories of antiquities. The “Ladoga type” itself is, as it has been demonstrated, a rather eclectic combination of vessels differing in their proportions but nevertheless having similar shape of the upper body. It is, strictly speaking, incorrect to use the term “pottery of the Ladoga type” in its modern understanding (as a characteristic of the Slavic element in the material culture of sites of the South-West of the last quarter of the 1st millennium AD). Recognizing the wide employment of this term and its stable employment in literature, possibly it can be used as a working tool by a researcher implying the characteristic profile of the upper body of a vessel. As to conclusions of a cultural direction, we should be extremely cautious, especially when only some fragments of the ware are available (cf. Петренко, Шитова 1985: 188, note 17; Сениченкова 1995). It is pity, but some historians unacquainted directly with the material or not understanding the specifics of archaeological sources actively involve the Ladoga ceramics to prove far reaching historical conclusions.

O. I. Boguslavskiy, using my classification, considered ceramic complexes from a series of early mediaeval sites of the North-West (Lyubsha, Rurik Gorodishche, fortified site of Georgiy, Kholopiy Gorodok, Prost, Pskov, Kamno, Truvorovo Gorodishche, fortified settlement on the Syas River, and barrows of the south-eastern Ladoga region) and has arrived at an important conclusion about their principal similarity. Characteristic types of pottery identified in Ladoga are found at these sites in different combinations and ratios reflecting the regional differences (e.g., in the ceramic complex of the Lake Chud region there are parallels with materials from south-eastern Estonia, while the finds from the south-eastern Ladoga region show analogues at sites of Beloozero area). All these facts manifest that different cultural components formed the character of settlements in different regions (Богуславский 2006: 33, 34).

Throughout the second half of the 1st millennium AD in the North-West, the formation of the Old-Russian culture was taking place on the basis of many constituents. Not all of the latter now can be distinctly defined. Undoubtedly there participated bearers of CPLK and CSLK, as well as the unities which left the pre-sopki and sopki sites (Носов, Плохов 1991: 131; Исланова 2016; 2019). In the problems concerned with the character of the pre-sopki antiquities there still remain many obscurities. Further investigations and searches for sites of the first half – third quarter of the 1st millennium AD probably will introduce much new into the modern notions on the course of the cultural processes in the region under consideration.

The obtained conclusions make it necessary to reconsider the problem of the correlation between an archaeological culture and an ethnos as mentioned in the historiographic review. An archaeological culture of the Middle Ages can be compared with data of written sources and thus be filled with a particular historical content. However, the cases are extremely rare where an archaeological culture may be equalled to an ethnographic culture corresponding to a certain ethnic unity (Савинов 1981: 96). On the one hand, this fact is determined by the multicomponent character, “polyethnicity” of the early mediaeval culture, and on the other hand, by the fact that during the period under consideration, ethnos includes subdivisions of a different taxonomic level characterized by different distinguishing features, e.g.: ethnographic group, ethnocultural unity, ethnosocial unity) (Савинов 1981: 97).

The evidence from Ladoga of the 8th–10th cen. shows the beginning of the process of establishing of the state Old-Russian culture on the basis of traditions of the structure-forming “dominating” ethnos and developing parallel cultural traditions of other groups of population, gradually occupying within this system a secondary position. It is fairly difficult to define more particularly the course of this process. The Ladoga residents of the 8th–10th cen. in no way can be characterised as a collective of individuals living in isolation. The character of this settlement and its position on one of the main trade routes imply the presence of not only cultural interactions but also of an active movement of the population, in particular artisans and traders. Contacts with countries of the Baltic region and different tribes of the forest zone had enabled manufacturing here, in the locality, objects which imbibed elements of different cultural traditions. This is true concerning bone carving, jewellery making, anthropomorphic sculptures, etc. (Давидан 1973: 116; Назаренко 1985: 165; Капелле 1989: 140). Borrowing of particular elements of culture and the emergence of qualitatively new ones, appearance of the so-called hybrid objects, etc., require a special cautiousness in interpretation of the current changes in the material and cultural complex. It seems that the ceramic making also was not aside from these processes.

In the conditions of the concentration of a polyethnic population at the stage of the formation of an early urban society when the tribal seclusion is being overcome and qualitatively new social guidelines are being developed, such archaeological source as ceramic ware already bears not a traditional “ethnic” information but characterizes a qualitatively new phenomenon — the formation of the Old-Russian culture on the basis of many constituents. On the common social and economic basis, a unity of groups of population differing in ethnogenetic, linguistic, cultural and economic terms is formed. It is called an ethnosocial unity in the ethnographic terminology. In the historical notions it corresponds to the Old-Russian nation under formation.

List of illustrations

- Fig. 1.1. Konstantin Matveyevich Borozdin (1781–1848) (from open sources).
- Fig. 1.2. K. M. Borozdin in the Old Ladoga fortress (drawing by D. I. Ivanov, fragment). June 2, 1809.
- Fig. 1.3. P. A. Olenin. Portrait of Alexander Ivanovich Ermolaev (1780–1828). Color. paper. Pastel, black and light pencil (from open sources).
- Fig. 1.4. *D. I. Ivanov*. Marfa the Posadnitsa (the hermit Theodosius Boretsky presents the Ratmir's sword to Miroslav, the young leader of the Novgorod people, appointed by Marfa the Posadnitsa as the husband of her daughter Xenia). Canvas, oil. 1808 (from open sources).
- Fig. 1.5. Alexei Nikolaevich Olenin (1763–1843) (from open sources).
- Fig. 1.6. Pyotr Stepanovich Valuev (1743–1814) (from open sources).
- Fig. 1.7. *A. I. Ermolaev*. St. George Church: A — incision; B — fragment of wall painting; B — graffiti (OR RNB¹. OSRK. F. 4. No. 204/1. L. VIII).
- Fig. 1.8. *D. I. Ivanov*. View of the St. Nicholas' Monastery from the Stone Fortress. 1809 (in the foreground — the eastern bastion of the Earthen Hillfort, on the right in the background — a big barrow in the Pobedishche tract) (OR RNB. OSRK. F. 4. No. 204/1. L. IX).
- Fig. 1.9. *D. I. Ivanov*. View of the Stone Fortress from the east, from Volkhov. On the eastern facade from right to left see the towers: Strelchnaya (B), the remains of Taynichnaya (C), Kruglaya (G). On the left — Earthen Hillfort with the chapel of St. Clement's church (OR RNB. OSRK. F. 4. No. 204/1. L. IV).
- Fig. 1.10. *A. I. Ermolaev*. Plan of the Stone Fortress of Staraya Ladoga. 1809 (OR RNB. OSRK. F. 4. No. 204/1. L. I).
- Fig. 1.11. *D. I. Ivanov*. View of the Stone Fortress from the north-east, from the river Ladozhka. Western facade. From right to left see towers: Klimentovskaya (D), Gateway (A), Strelchnaya (B) (OR RNB. OSRK. F. 4. No. 204/1. L. III).
- Fig. 1.12. *D. I. Ivanov*. View of the Stone Fortress from the southeast. On the eastern facade from right to left see the towers: Klimentovskaya (D), Gateway (A). On the right — a ravine "Taynik" (Secret) that separated the Stone and Eathen towns (OR RNB. OSRK. F. 4. No. 204/1. L. V).
- Fig. 1.13. *D. I. Ivanov*. View of the Stone Fortress from inside the Rolling (Kruglaya) Tower (D). K. M. Borozdin working (OR RNB. OSRK. F. 4. No. 204/1. L. VI).
- Fig. 1.14. *A. I. Ermolaev*. Sections of the towers of the Old Ladoga Fortress. 1809 (OR RNB. OSRK. F. 4. No. 204/1. L. II).
- Fig. 1.15. *Ermolaev A. I.* Front view (A) and plan (B, C, D) of the St. George church in the Stone Fortress. 1809 (OR RNB. OSRK. F. 4. No. 204/1. L. VII).
- Fig. 2.1. Plan of the fortress with excavations of different years (compiled by S. V. Lalazarov, L. I. Riskova): 1–5 — towers. 1 — Vorotnaya (Gate), 2 — Strelchnaya (Arrow), 3 — Taynichnaya (Secret), 4 — Kruglaya (Rolling), 5 — Klimentovskaya (St. Clement's); 6–10 — curtains (6 — north-western, 7 — north-eastern, 8 — southeastern, 9 — southern, 10 — south-western); 11 — St. George's Church; 12 — Demetrius' of Thessalonica Church. Symbols: *a* — stone walls of the fortress of the 10th–11th cen.; *b* — fortress walls on lime mortar of the 12th cen.; *v* — archaeological excavations of 1893–2008; *z* — zones of architectural and archaeological research in 2014–2019.
- Fig. 2.2. Fibula from the excavations by N. K. Stetsenko near the Strelchnaya Tower (Кирпичников 2012: 151).

¹ OR RNB — Division of Manuscripts of the Russian National Library.

- Fig. 2.3. Staraya Ladoga, fortress, Strelochnaya tower. Pit No. 2, section 1-1 (Стеценко 1981А: fig. 10).
- Fig. 2.4. Staraya Ladoga, fortress, Strelochnaya tower. Pit No. 2, section 2-2, plan at leveling mark -200 (Стеценко 1983А: fig. 5).
- Photo 2.1. 1 — slab before clearing, view from the west (Стеценко 1981А: photo 52); 2 — a fragment of masonry from slabs (Ibid.: Photo 56); 3 — laying the wall after clearing (Ibid: photo 55); 4 — butt after dismantling its upper part, top view (ibid.: photo 58); 5 — a fragment of a partially dismantled lining leading into the wall of the excavation, view from the north (Ibid.: photo 61).
- Fig. 2.5. Staraya Ladoga, fortress. Archaeological research 1982, excavation 1 (Стеценко 1983А: fig. 4).
- Fig. 2.6. Staraya Ladoga, fortress. Archaeological research 1982, excavation 1, fragment of wall masonry, western facade (Стеценко 1983А: fig. 5).
- Photo 2.2. 1 — upper rows of wall masonry, view from the west (Стеценко 1983А: photo 1); 2 — upper rows of masonry walls, top view (Ibid.: photo 2); 3 — clearing the masonry from the eastern side of the wall (Ibid.: photo 3); 4 — a fragment of a wall from excavation 1 with a partially preserved lower row of facing slabs, view from the east (Ibid.: photo 4); 5 — the front part of the wall masonry on the western side (Ibid.: photo 5); 6 — clearing the masonry from the eastern side of the wall (Ibid.: photo 6); 7 — clearing the masonry from the eastern side of the wall, after partial dismantling of the slabs (Ibid: photo 7).
- Fig. 2.7. Staraya Ladoga, fortress. Archaeological research 1982, excavation 2 (Стеценко 1983А: fig. 6).
- Fig. 2.8. Staraya Ladoga, fortress. Archaeological research 1982, excavation 3, plan, section 1-1 (Стеценко 1983А: fig. 7).
- Fig. 2.9. Staraya Ladoga, fortress. Combined excavation plan 1982–1983 (Стеценко 1984Аа: Fig. 8).
- Fig. 2.10. Staraya Ladoga, fortress. Archaeological research 1983, excavation 1: section 1-1, northern wall of the excavation (Стеценко 1984Аа: fig. 9).
- Fig. 2.11. Staraya Ladoga, fortress. Archaeological research 1983, excavation 1: section 2-2, southern wall of the excavation (Стеценко 1984Аа: fig. 10).
- Fig. 2.12. Staraya Ladoga, fortress. Archaeological research 1983, excavation 1: excavation plan, horizon I (Стеценко 1984Аа: fig. 11).
- Fig. 2.13. Old Ladoga. Fortress. Archaeological research 1983, excavation 1: excavation plan, horizon II (Стеценко 1984Аа: fig. 16).
- Fig. 2.14. Staraya Ladoga, fortress. Archaeological research 1983, excavation 1: excavation plan, horizon III (Стеценко 1984Аа: fig. 19).
- Fig. 2.15. Staraya Ladoga, fortress. Archaeological research 1983, excavation 1: excavation plan, horizon IV (Стеценко 1984Аа: fig. 20).
- Fig. 2.16. Staraya Ladoga, fortress. Archaeological research 1983, excavation 1: section 3-3, fragment of the southern wall of the excavation; section 4-4, western wall of the excavation (Стеценко 1984Аа: fig. 23).
- Fig. 2.17. Staraya Ladoga, fortress. Archaeological research 1982–1983, section 7-7, southern wall of excavations in 1982–1983 (Стеценко 1984Аа: Fig. 26).
- Fig. 2.18. Staraya Ladoga, fortress. Archaeological research 1984, pits No. 2, 8 (Стеценко 1985А: fig. 4).
- Fig. 2.19. Staraya Ladoga, fortress. Combined research plan for the south-eastern part. *Symbols:* *a* — discovered fragments of stone structures of the 12th cen.; *b* — reconstruction of the wall of the 12th cen.; *в* — walls of the fortress of the end of the 15th cen.; *г* — stone butt of the middle of the 17th cen.; *д* — non-mortar slab cladding of an earthen wall of the 16th–17th cen.
- Fig. 2.20. Staraya Ladoga, fortress. Archaeological research of the south-eastern part. The numbers indicate: 1 — Taynichnaya (Secret) tower; 2 — Kruglaya (Rolling) tower; 3 — south-eastern span; 4 — southern curtain; 5 — St. George's Church; 6 — St. Demetrius' Solunsky Church. *Legend:* *a* — tracing of the fortress wall of the 10th–11th cen.; *b* — fortress walls of the fortress in 1114; *в* — fortress walls of the second half of the 12th cen.; *г* — archaeological excavations and pits in the 2014–2019.

- Fig. 2.20.** Staraya Ladoga, fortress. Archaeological research of the southeastern part. The numbers indicate: 1 — Taynichnaya tower; 2 — Kruglaya tower; 3 — south-eastern span; 4 — southern curtain; 5 — St. George's Church; 6 — St. Demetrius' Solunsky Church. *Legend:* *a* — tracing of the fortress wall of the 10th–11th cen.; *б* — fortress walls of the fortress in 1114; *в* — fortress walls of the second half of the 12th cen.; *г* — archaeological excavations and pits in the 2014–2019.
- Fig. 2.21.** Staraya Ladoga, fortress. Excavation plan 2017–2018. The numbers indicate: 1 — the gate opening in the three-part wall of 1114; 2 — a fragment of a wall on the lower terrace; 3 — preserved part of the “stone sole”; 4 — outer lining of the “stone sole”; 5 — fragment of the transverse wall; 6 — outer cladding of a three-part wall; 7 — foundation of the inner part of the wall in 1114; 8 — channels from rotten wooden ties; 9 — front masonry of the wall on the lower terrace; 10 — deformed blocks of the wall “G”; 11 — a fragment of a transverse wall with the remains of a doorway; 12 — walls of a stone extension; 13 — remains of a doorway; 14 — remains of a window opening; 15 — gap in the lining of the earthen wall of the 16th cen. *Legend:* *a* — boundaries of the excavation site in 2018–2019; *б* — fortress walls in 1114; *в* — fortress walls of the second half of the 12th cen.; *г* — stone cladding of an earthen wall of the 14th cen.; *д* — walls of crypts of the early 20th cen.
- Fig. 2.22.** Staraya Ladoga, fortress. Section along the excavations of 2017–2018, southern side. The numbers indicate: 1 — “stone sole” 1114; 2 — facing the outer part of the “stone sole”; 3 — a fragment of the wall of 1114 on the lower terrace; 4 — the inner part of the three-part wall of 1114; 5 — channels from wooden ties; 6 — backfilling of the gate opening with sand; 7 — stone wall of the second half of the 12th cen.; 8 — the front surface of the wall “G” with mortar coating; 9 — stone extension; 10 — window opening of a stone extension; 11 — a layer of rubble from the dismantling of the wall in 1114; 12 — front surface of the western wall of the extension. *Legend:* *a* — fortress walls in 1114; *б* — fortress walls of the second half of the 12th cen.; *в* — stone structures of crypts of the early 20th cen.; *г* — dimensions of the “stone sole” (reconstruction); *д* — reconstruction of the slope of the historical “road up”.
- Fig. 2.23.** Staraya Ladoga, fortress. Section along the 2017–2018 excavations, eastern side. The numbers indicate: 1 — the gate opening in the wall in 1114; 2 — the level of the bottom of the original opening; 3 — log; 4 — bottom of the foundation of the wall in 1114; 5 — ruined blocks of the wall “G”; 6 — additional boulder foundation of wall “G”; 7 — northern wall of the stone extension; 8 — the southern wall of the stone extension. *Legend:* *a* — fortress walls in 1114; *б* — fortress walls of the second half of the 12th cen.; *в* — backfilling the gate opening with sand.
- Fig. 2.24.** Staraya Ladoga, fortress. Combined section on the church of St. George and the south-eastern curtain. *Legend:* *a* — mainland; *б* — location of the stone fence of the 10th–11th cen.; *в* — “stone sole” and walls of the fortress in 1114; *г* — fortress walls of the second half of the 12th cen. (wall “G”); *д* — foundations and walls of the St. George church, 1st stage; *е* — the walls of the St. George's church, 2nd stage; *ж* — earthen wall of the 16th–17th cen.; *з* — stone cladding of an earthen wall; *и* — stratifications up to the 16th cen.; *к* — bedding of the 18th–20th cen.
- Fig. 2.25.** Staraya Ladoga, fortress. Excavation in the 2017–2018, facade, view from the east (from the side of the Volkhov River). The numbers indicate: 1 — a fragment of the wall of 1114 on the lower terrace and a “stone pillow”; 2 — a fragment of the transverse wall of 1114; 3 — channels from wooden ties; 4 — fallen block of the wall “G” with a transverse wall and a trace from the pole; 5 — a fragment of a doorway with a “quarter” and a fragment of a thrust bearing; 6 — the front masonry of the wall “G” with lime coating. *Legend:* *a* — fortress walls in 1114; *б* — fortress walls of the second half of the 12th cen.; *в* — pavement of slabs on clay mortar; *г* — rise from slabs on loose limestone mortar; *д* — filling the hollow space with earth with boulders and a slab; *е* — projection of the gate opening on the inner side of the wall in 1114.
- Fig. 2.26.** Staraya Ladoga, fortress. Periodization of the fortifications of the South-East fence. The numbers indicate: 1 — Taynichnaya tower; 2 — Kruglaya tower; 3 — south-eastern span; 4 — southern curtain; 5 — St. George's Church; 6 — St. Demetrius' of Thessalonica Church. *Legend:* *a* — tracing of the fortress wall of the 10th–11th cen.; *б* — fortress walls in 1114; *в* — fortress

walls of the second half of the 12th cen.; *z* — construction of the St. George Church (second half of the 12th cen.); *д* — construction of stone towers (1445); *e* — the construction of the Taynichnaya tower and stocks (1580s); *ж* — the construction of an earthen wall (1580s); *з* — archaeological excavations and pits in 2014–2019.

- Fig. 3.1.** The central part of Staraya Ladoga. Earthen Hillfort and Stone Fortress: *1* — fragment of a map of the first half of the 19th cen. (after: Milchik 2014); *2* — a fragment of the plan of the first half of the 19th cen. (after: Бранденбург 1896).
- Fig. 3.2.** Plan of the Earthen Hillfort in Staraya Ladoga with the designation of excavations of past years (compiled by N. V. Grigoreva). *Legend:* 1 — St. Clement's Church, excavated in 1912–1913, 1938–1939, 1979–1980; excavations: *a* — 1911–1913; *б* — 1938–1940, 1945–1950, 1957–1959; *в* — 1973–1975, 1981–1985; *z* — 1984–1991; *д* — 1992–1998; *e* — 1999–2005; *ж* — 2006–2010; *з* — 2011–2013; *u* — 2016–2021.
- Fig. 3.3.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999, excavation 3: *1* — location of the research site, view from the south; *2* — excavation area, working time, view from the north.
- Fig. 3.4.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999–2000 Profile of the southern wall of the excavation 3. *Symbols* (for Fig. 3.4–3.7): *a* — turf; *б* — sand; *в* — wood ashes; *z* — bricks; *д* — digging; *e* — gray humus; *ж* — clay; *з* — ash; *u* — crushed stone; *к* — brown humus; *л* — burning, coals; *м* — wood, logs, chopping blocks; *н* — sand with clay and limestone chips; *o* — black humus; *n* — stones.
- Fig. 3.5.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999–2000 Profile of the eastern wall of excavation 3. See fig. 3.4.
- Fig. 3.6.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999–2000. Profile of the western wall of excavation 3. See fig. 3.4.
- Fig. 3.7.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999–2000. Profile of the northern wall of excavation 3. See fig. 3.4.
- Fig. 3.8.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999, excavation 3: *1* — western wall, view from the northeast; *2* — southern wall, view from the north.
- Fig. 3.9.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999, excavation 3: *1* — eastern wall, view from the west; *2* — northern wall, view from the south-east.
- Fig. 3.10.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort: *1* — fragment of the southern wall of the excavation site by V. I. Raudonikas, 1949, view from the north; *2* — fragment of the northern wall of E. A. Ryabinin's excavation, 1981, view from the south-east.
- Fig. 3.11.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999, excavation 3. Planigraphy of individual finds from the embankment of the southern curtain wall and the upper mixed layers of gray humus adjoining it from the north.
- Fig. 3.12.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999. Planigraphy of finds from the 16th–17th cen. from mixed layers of gray humus and the upper part of the cultural layer under the southern clump. *Legend:* *a* — recesses; *б* — brick base of the furnace.
- Fig. 3.13.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999 Finds: 1–2 — rook rivets (No. 68, 136); 3 — key (No. 41); 4, 7–9 — fragments of knives (No. 111, 48, 148, 24); 5 — ring fragment (No. 152); 6 — fragment of the bow (No. 80); 10 — fragment of E-type lock (No. 142). *Everything is iron.*
- Fig. 3.14.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999. Finds: *1* — a fragment of a figured wood cutter (No. 7); *2* — fragment of a kalache-shaped flint (No. 263); *4* — fragment of chest loop (?) (No. 79); 3, 5–8 — fragments of a metal vessel (No. 127); 9 — fragment of a tripod vessel (No. 251); 10 — fishing sinker (No. 132). *1–2, 4 — iron; 3, 5–8, copper alloy; 9 — clay; 10 — stone.*
- Fig. 3.15.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999. Finds: *1* — buckle shield (No. 23); *2* — weight for scales (No. 97); *3* — plate of one-sided ridge (No. 102); *4* — glass fragment (No. 51); 5, 6, 8, 10 — whorl (No. 75, 144, 103, 107); *7* — fragment of a double-sided comb (No. 177); *9* — two-thorn arrowhead (No. 10); *11* — tomар (No. 120). *1–2 — copper alloy; 7, 9, 11 — bone/horn; 3 — horn, copper alloy; 4 — glass; 5, 8 — slate; 6, 10 — clay.*

- Fig. 3.16.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999 Finds: 1, 5 — needles (No. 8, 45); 2 — puncture (No. 40); 3 — fragment of a unilateral ridge (No. 84); 4, 9 — tomars (No. 26, 104); 6 — puncture/awl (?) (No. 58); 7, 8 — fragments of bilateral ridges (No. 93, 28); 10 — blank of a dart (?) (No. 199); 11 — ice drift spike (No. 173). 1, 2, 4–9 — *bone/horn*; 3 — *horn, iron*; 10, 11 — *iron*.
- Fig. 3.17.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999 Finds: 1 — fragment of a one-sided ridge (No. 234); 2 — one-sided comb (No. 172); 3, 8 — whetstones (No. 254, 56); 4 — fragment of a spoon (No. 119); 5, 7 — fragments of rims of metal vessels (No. 176, 161); 6 — fragment of the crucible rim (No. 256); 9 — puncture (No. 105); 10 — chess piece (No. 110). 1, 2 — *horn, copper alloy*; 3, 8 — *stone*; 4, 5, 7 — *copper alloy*; 6 — *clay*; 9 — *bone*; 10 — *horn*.
- Fig. 3.18.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999 Finds: 1 — button (No. 69); 2 — insert into the shield of the ring (No. 155); 3 — Western European textile filling (No. 202); 4 — defective casting of a pectoral cross (?) (No. 206); 5 — pectoral cross (No. 210); 6 — ring with a socket for insertion (No. 140); 7 — fragment of an overlay (?) (No. 99); 8, 9 — bullets (No. 125, 160); 10 — lock from a leather waist bag (No. 108); 11 — chopped bullet (13); 12 — damask cover (No. 253); 13 — gun flint (No. 184). 1 — *glass, copper alloy*; 2 — *glass*; 3, 8, 9, 11, 12 — *lead*; 4–6 — *copper alloy*; 7 — *iron, copper alloy*; 10 — *copper alloy, iron*.
- Fig. 3.19.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999. Plan of objects found in excavation 3 in the upper part of the untouched cultural layer under the southern curtain wall of the wood-and-earth fortress. *Legend: a* — stones; *b* — recesses; *v* — bricks; *z* — coals.
- Fig. 3.20.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999, excavation 3. The top of the collapse of the heating structure in un. 3–I XV–XVII. *Legend: a* — stones, bricks; *b* — coal.
- Fig. 3.21.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999, excavation 3: 1 — brick base of the furnace and collapse of the heating structure in un. Ж–И XV–XVII; 2 — brick base of the furnace in un. Ж–И XVI. *Legend: a* — stones; *b* — bricks; *v* — coals.
- Fig. 3.22.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999, excavation 3. Planigraphy of individual finds from the upper part of the untouched cultural layer under the southern curtain wall of the wood-and-earth fortress. *Legend: a* — recesses; *b* — brick base of the furnace.
- Fig. 3.23.** Finds and analogies: 1 — Western European textile filling; 2 — ring with a socket for insertion (1, 2 — Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2011); 3 — ring with a socket for insertion, Oreshek fortress, 1968; 4, 5 — locks from waist bags (3–5 — Staraya Ladoga, stone fortress, 2018; Rurik's settlement (after: Носов и др. 2017)); 6, 7 — lids from damask bottles (Staraya Ladoga, stone fortress, 2018; 8 — a fragment of the upper part of a damask with a lead throat, Mangazeya (according to: Белов и др. 1981). 1, 6–7 — *lead*; 2–5 — *copper alloy*; 8 — *glass, copper alloy*.
- Fig. 3.24.** Staraya Ladoga, Earthen settlement, 2000, excavation 3. Plan of the remains of buildings of the 16th–17th cen. the first (upper) building horizon. *Legend: a* — stones; *b* — deepening; *v* — bricks; *z* — burning; *d* — logs; *e* — boards.
- Fig. 3.25.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000, excavation 3. Separation of the remains of buildings of the 16th–17th cen. The first (upper) building horizon into different tiers of building. *Legend: a* — stones; *b* — deepening; *v* — bricks; *z* — burning; *d* — logs; *e* — boards; *ж* — bricks 1999; *з* — stones of 1999; fragments of structures: *u* — 1st tier of building; *к* — 2nd tier building.
- Fig. 3.26.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Plan of the remains of a residential building of the 1st tier of development in the northeastern part of excavation 3 (un. Ж–И XV–XVI). *Legend: a* — stones; *b* — bricks; *v* — burning; *z* — logs; *d* — boards; *e* — bricks 1999; *ж* — stones 1999.
- Fig. 3.26.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Plan of the remains of a residential building of the 1st tier of development in the northeastern part of excavation 3 (un. Ж–И XV–XVI). *Legend: a* — stones; *b* — bricks; *v* — burning; *z* — logs; *d* — boards; *e* — bricks 1999; *ж* — stones 1999.
- Fig. 3.27.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Plan of the remains of a residential building of the 1st tier of development in the western part of excavation 3 (un. Б–Д XVI–XVIII). *Legend: a* — stones; *b* — deepening; *v* — bricks; *z* — burning; *d* — logs; *e* — boards.

- Fig. 3.28.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Residential structure of the 1st tier of development in the western part of excavation 3 (un. В–Д XVI–XVIII): 1 — view from the northwest; 2 — view from the west.
- Fig. 3.29.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Residential structure of the 1st tier of development in the western part of excavation 3 (un. В–Д XVI–XVIII), fragments of the floor and chimneys: 1 — view from the west; 2 — view from the northwest, in the foreground is the depression of the utility pit.
- Fig. 3.30.** 1 — wooden latch of a portage window inside the stove of a residential building of the 1st tier of development in the western part of excavation 3, view from the north; 2 — portage window in the southern aisle of the Church of the Nativity of Virgin from the village (after: Бодэ и др. 2019).
- Fig. 3.31.** 1 — wooden window frame with binding and inserts made of mica (Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1957 (after: Штакельберг 1965)); 2–7 — fragments of mica inserts in window frames (No. 64, 132, 18, 412) (Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, excavation 3, 2000).
- Fig. 3.32.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort. Fragments of wooden structures that strengthened the inner slope of the southern curtain of Earthen Town in the late 16th cen.: 1 — excavation 3, 2000; 2 — excavation 4, 2006 (after: Кирпичников 2007). *Legend:* *a* — stones; *б* — bricks; *в* — burning; *г* — logs; *д* — boards; *е* — limestone slabs; *ж* — clay; *з* — wood ashes; *и* — animal bones.
- Fig. 3.33.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, excavation 3, 2000. Planigraphy of individual finds from a layer of brown humus and remains of buildings of the first (upper) building horizon.
- Fig. 3.34.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, excavation 3, 2000. Complexes of individual finds of the 16th–17th cen. from a layer of brown humus and the remains of buildings of the first (upper) building horizon. *Legend:* fragments of structures: *a* — 1st tier building; *б* — 2nd tier building.
- Fig. 3.35.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000, excavation 3. Planigraphy of finds of weapons, ammunition, horse and rider equipment. *Legend:* *a* — stones; *б* — deepening; *в* — bricks; *г* — burning; *д* — logs; *е* — boards; *ж* — iron cores / bullets from squeakers; *з* — lead bullets; *и* — decorative elements of firearms; *к* — edged weapons; *л* — horse and rider equipment.
- Fig. 3.36.** Finds: 1–5 — decorative elements of wheeled pistols (No. 30, 23); 6–8 — bullets (No. 236, 217, 243); 9 — a bullet from a squeaky squeak (No. 197); 10 — petiolate arrowhead (No. 297); 11, 11a — a pistol with a wheel lock (Dresden, Saxony, early 17th cen.) (after: Милев 2020). 1–4, 6–10 — Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000; 5 — Staraya Ladoga, stone fortress, 2014. 1–5, *bone*; 6–8 — *lead*; 9–10 — *iron*.
- Fig. 3.37.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Finds: 1 — shackle with a fragment of a shackle (No. 24); 2 — ring-sleeve (No. 48); 3 — fragment of a furniture handle (No. 128); 4, 7 — axes; 5 — chain fragment (No. 110); 6 — fragment of a horseshoe (No. 20). 1–2, 4–7 — *iron*; 3 — *copper alloy*.
- Fig. 3.38.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Finds: 1–3, 7 — buttons (No. 69, 49, 52, 319); 4 — fragment of a ring/earring (?) (No. 26); 5, 5a (drawing) — fragments of a pectoral cross (No. 50); 6 — ring (No. 252); 8 — pommel with a fragment of petiole (No. 29); 9 — whorl (No. 21); 10 — rod with pommel (No. 245). 1–3 — *glass*; 4–7 — *copper alloy*; 8–9 — *horn*, 10 — *bone*.
- Fig. 3.39.** Analogies: 1 — a fragment of a pectoral cross (Novgorod) (according to: Олейников 2014a); 2–5 — buttons (2–4 Mangazeya (according to: Визгалов, Пархимович 2008), 5 — Suzdal (according to: Кокорина, Денисова, Князева 2015)); 6–8, 11, 12 — details of belt bag fasteners (6 — Staraya Ladoga (after: Репников 1948), 7 — Oreshek fortress (after: Кирпичников 1969), 8 — Sims Bay (after: Окладников 1951), 11 — Smolensk (after: Пронин, Соболев 2020), 12 — Mangazeya (after: Визгалов, Пархимович 2008)); 9, 10 — tweezers (9 — Faddey Island (after: Окладников 1951), 10 — Mangazeya (after: Визгалов, Пархимович 2008)); 13, 13a — waist bag found on the battlefield near Berestechko in 1651 (after: Свешников 1992). 1, 9, 10 — *copper alloy*; 2–5 — *glass*; 6–8, 11–12 — *horn/bone*.

- Fig. 3.40. Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Finds: 1 — fragments of the throat of a black-polished egg-pod (No. 56); 2 — melted fragment of a glass vessel made using the technique of Venetian filigree (No. 65); 3 — a fragment of the wall of a flask with green watering (No. 51).
- Fig. 3.41. Finds: 1 — a fragment of the upper part of a damask with a lead throat; 2 — lead cover from damask; 3 — bottom of a damask (1, 3 — reconstructed form of the vessel, Moscow (after: Smirnova 2009)); 4 — a fragment of the upper part of a damask made in the technique of Venetian filigree with a lead neck and cork, Mangazeya (after: Белов, Овсянников, Старков 1981); 5 — reconstructed form of a damask made in the technique of Venetian filigree with a lead throat, Moscow (after: Лихтер 2016). 1, 4 — glass, lead; 2 — lead; 3 — glass.
- Fig. 3.42. Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Finds: 1 — weight (No. 71); 2, 6 — fragments of knives (No. 242, 301); 3 — breakdown (No. 172); 4 — bracket (No. 138); 5 — tow pin (No. 72); 7 — type E padlock (No. 206). 1 — lead; 2-7 — iron.
- Fig. 3.43. Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Finds: 1 — shackle and side wall of E-type padlock (No. 352); 2 — wedge from the handle of the tool (No. 190); 3 — lighting fixture (No. 108); 4 — chain link (No. 93); 5 — fragment of a spoon for pouring metal (No. 227); 6, 7 — horse-shoes (No. 338, 88). *Everything is iron.*
- Fig. 3.44. Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Finds: 1 — kochedyk (No. 392); 2 — plate (blank?) (No. 105); 3, 5 — axes (No. 198, 343); 4 — fragment of a chisel (No. 194); 6 — touchstone (No. 116). 1-5 — iron; 6 — stone.
- Fig. 3.45. Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000 Finds: 1 — ring insert (No. 223); 2 — bullet (No. 255); 3, 5, 6 — buttons (No. 137, 298, 173); 4 — detail of the fastener of the waist bag (No. 160); 7 — fragment of whorl (No. 261); 8 — buckle (No. 355); 9 — tweezers (No. 156). 1, 3 — glass; 2 — lead; 4 — horn/bone; 5 — white metal; 6, 9 — copper alloy; 7 — stone, 8 — iron.
- Fig. 3.46. Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Finds: 1, 4-6 — shoe forgings (No. 107, 244, 112, 305); 2 — bit fragment (No. 85); 3 — fragment of a furniture loop (No. 260); 7 — stirrup (No. 226). *Everything is iron.*
- Fig. 3.47. Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Finds: 1 - whistle (No. 136); 2 - game bit (No. 335/50); 3 — playing chip (bat?) (No. 133); 4 - a set for playing “grandmothers” (No. 335). 1 — clay; 2, 3 — stone.
- Fig. 3.48. Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Finds: 1 — a fragment of an egg-pod with green watering (No. 211); 2, 3 — fragments of flasks with green watering (No. 144, 286); 4 — fragment of a glass vessel made using the technique of Venetian filigree (No. 125).
- Fig. 3.49. Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000, excavation 3. Planigraphy of finds from organic materials. Legend: a — stones; б — deepening; в — bricks; г — burning; д — logs; e — boards; ж — textiles; з — leather products; u — birch bark products; к — felt.
- Fig. 3.50. Staraya Ladoga, Earthen Hillfort then settlement, 2000. Finds: 1, 2, 5 — fragments of bast shoes (No. 96, 98, 80); 3, 4 — floats (No. 184/1, 2); 6, 7 — barrel rims (No. 123, 393). 1-5 — birch bark; 6, 7 — tree.
- Fig. 3.51. Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Finds: 1 — fragment of woolen fabric (No. 79); 2 — a fragment of a braided cord made of woolen threads (No. 166); 3 — accumulation of woolen threads (No. 188); 4 — fragments of felt (No. 103) (after: Орфинская, Михайлов 2020).
- Fig. 3.52. Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Plan of the remains of structures of the 2nd tier of development in the eastern part of excavation 3 (un. Ж-И XVII-XX). Legend: a — stones; б — bricks; в — burning; г — logs; д — boards.
- Fig. 3.53. Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000: 1 — residential building of the 2nd tier of development in the eastern part of excavation 3 (un. Ж-И XVII-XXVIII), view from the west; 2 — part of the collapse of the furnace of the dwelling of the 2nd tier of buildings in the eastern part of excavation 3 (un. Ж-И XVII-XXVIII), view from the east.
- Fig. 3.54. Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000: 1 — remains of residential and utility buildings of the 2nd tier of development in the eastern part of excavation 3 (un. Ж-И XVII-XX), view from

the northwest; 2 — a fragment of a ship detail — lining under the lower crown of the dwelling of the 2nd tier of the building, view from the west.

- Fig. 3.55.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Finds: 1 — whorl (No. 15); 2 — fragment of damask (No. 74); 3, 5, 6 — knife blades (No. 4, 256, 158); 4 — breakdown fragment (No. 238); 7 — knife handle with a fragment of a blade (No. 75); 8 — spearhead (No. 240); 9 — chain fragment (No. 222); 10 — fragment of the bottom of a damask (No. 157). 1 — stone; 2, 10 — glass; 3–6, 8, 9 — iron; 7 — horn, iron.
- Fig. 3.56.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Finds: 1 — buckle (No. 346); 2, 4 — fragments of flasks with green watering (No. 230, 130); 3 — bullet (No. 241); 5 — rod (raw material/blank?) (No. 12); 6 — glass shard (No. 14); 7 — fragment of a ship part; 8, 8a — fragments of a white-clay jug (No. 308). 1, 5 — copper alloy; 3 — lead; 2, 4, 8 — clay; 7 — tree.
- Fig. 3.57.** Finds: 1 — a fragment of a stone chess figure (No. 63); 2 — touchstone (No. 90); 3 — fragment of a padlock cylinder (No. 202); 4 — fragment of a vessel with relief decoration and brown glaze (No. 148); 5 — white clay jug with a closed neck; 6 — a fragment of a birch bark item (No. 268); 7 — leg of a vessel (No. 463) (1–4, 6, 7 — Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000); 5 — Novgorod, underwater excavations of the Great Bridge (photo by A. V. Stepanov). 1, 2 — stone; 3 — iron; 4, 5, 7 — clay.
- Fig. 3.58.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Finds: 1, 2 — shoe forgings (No. 76, 100); 3 — fragment of a knife/sickle blade (?) (No. 66); 4 — candlestick (No. 94); 5 — horseshoe (No. 175); 6 — whorl (No. 253); 7 — fragment of a flask with green watering (No. 287); 8 — handle of a white-clay vessel (No. 354). 1–5 — iron; 6–8 — clay.
- Fig. 3.59.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Finds: 1 — fragment of an overlay on the back of a one-sided comb (No. 25); 2 — key (No. 316); 3, 4 — glass fragments (No. 1, 121); 5 — whorl (No. 161); 6 — fragment of a belt ring (No. 89); 7 — weight (No. 344); 8 — knife (No. 129); 9 — fragment of a rod with a ring (No. 16); 10 — cylindrical padlock (No. 78); 11 — stone tile with signs (No. 350); 12 — sawed off the horns (No. 248). 1, 5, 12 — horn; 2, 8, 10 — iron; 6, 9 — copper alloy; 7 — lead.
- Fig. 3.60.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 2000. Finds: 1, 1a — eye of a crescent moon or a coin-like pendant (No. 328); 2, 2a — leaf-shaped pendant (No. 266); 3 — knife handle with overlays and a fragment of a blade (No. 369); 4 — fragment of a knife (No. 419); 5 — fragment of a unilateral ridge (No. 249); 6 — ring (No. 251); 7 — weight (No. 235); 8 — fragment of a white-clay Aquarius (No. 228). 1, 2 — gold; 3 — iron, wood; 4, 6 — iron; 5 — horn; 7 — iron, copper alloy.
- Fig. 3.61.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999–2000. Profile of the eastern wall of excavation 3. Stratigraphic scheme of cultural strata of the 16th–20th cen. Symbols (for Fig. 3.61–3.64): *a* — turf; *b* — digging; *v* — clay; *z* — burning, coals; *d* — stones; *e* — bricks; *ж* — ash; *з* — wood, logs, chopping blocks; *u* — black humus; *κ* — wood ashes; *π* — upper layers of gray humus at the site of Earthen Hillfort; *м* — the embankment of the southern curtain of the Earthen Town; *н* — leveling bedding at the base of the curtain wall embankment; *o* — cultural strata of the 16th–17th cen.; *n* — the collapse of the stove of the dwelling of the 1st tier of the building at the beginning of the 17th cen.; *p* — fragments of structures of the upper building horizon of the late 16th — early 17th cen.; *c* — layers of modern and recent times at the base of the curtain wall mound.
- Fig. 3.62.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999–2000. Profile of the southern wall of excavation 3. Stratigraphic scheme of cultural strata of the 16th–20th cen.
- Fig. 3.63.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999–2000. Profile of the western wall of excavation 3. Stratigraphic scheme of cultural strata of the 16th–20th cen.
- Fig. 3.64.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, 1999–2000. Profile of the northern wall of excavation 3. Stratigraphic scheme of cultural strata of the 16th–20th cen.
- Fig. 3.65.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort. Plans of excavations by V. I. Raudonikas and A. N. Kirpichnikov, compiled at the level of the tier of structures of the early 17th cen. that burned down in the Time of Troubles. *Legend:* *a* — excavation by N. I. Repnikov, 1911–1913; *b* — excavation

- by V. I. Raudonikas 1938–1940, 1945–1950, 1957–1959; *в* — excavation 4 by A. N. Kirpichnikov, 2006–2010.
- Fig. 3.66.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort, excavation 3 (excavations by A. N. Kirpichnikov), 2000. Leather objects.
- Fig. 3.67.** Staraya Ladoga, Earthen Hillfort. Excavation 3 (excavations by A.N. Kirpichnikov, 2000): *1* — boot sole (No. 214); *2, 3* — woven birch bark soles (No. 117, 96) (excavations by E. A. Ryabinin, 1981); *4* — woven birch bark sole (No. 99).
- Fig. 4.1.** Staraya Ladoga archaeological complex. Sampling sites for radiocarbon dating.
1, 1a, 2–8 — groups of samples corresponding to sections of table 4.1 (see Appendix to chapter 4).
- Fig. 4.2.** Scheme-reconstruction of the residential area at the mouth of Ladozhka river (after: Kirpichnikov 1985: 178). *1* — excavation by E.A. Ryabinin in the western part of the Earthen Hillfort; *2* — A. N. Kirpichnikov's excavation in the southern part of the site of Earthen Hillfort; *3* — the place of the early medieval harbor on the Ladozhka river; *4* — St. Clement's Church at the Earthen Hillfort (XII cen.); *5* — St. George's Church in the Stone Fortress (XII cen.). *Legend:* *a* — boundary of the cultural layer of the 8th–11th cen.; *б* — late medieval fortifications of the Earthen Town; *в* — old channels of the Ladozhka and Zakljuka rivers; *г* — walls of the Stone Fortress.
- Fig. 4.3.** Section of the northern wall of excavation 6 at the Earthen Hillfort of Staraya Ladoga (excavations by V. A. Lapshin, 2019) and sampling sites from buried soil 1 for palynological and SEM analysis (drawing prepared by N. V. Grigoreva). *Legend:* *a* — dry black humus (late medieval cultural layer); *б* — brown humus; *в* — wet black humus (upper part of the early medieval cultural layer); *г* — manure; *д* — coals; *е* — bedding layer; *ж* — ash; *з* — blue clay; *и* — brown clay; *к* — wood chips; *л* — dark gray/black humus loam (buried soil); *м* — gray-brown sandy loam with crushed stone and pebbles (mainland); *н* — gray-whitish humus clay (deposits of the Ladoga transgression), Sample *1* — results of a comprehensive palynological and SEM study, see: Платонова и др. 2020; 2022; sample *2* — analysis performed by E. G. Ershova in 2021 (results not published).
- Fig. 4.4.** Excavations in the southern part of the Earthen Hillfort: *3–5* (excavations by A.N. Kirpichnikov, 1999–2013); *6* (excavations by V. A. Lapshin and N. V. Grigoreva, 2016–2019). Pits in the mainland and sampling sites for radiocarbon analysis. *Legend:* *a* — dark brown humus with clay; *б* — black humus; *в* — gray humus; *г* — manure; *д* — wood chips; *е* — traces of plowing; *ж* — mainland; *з* — depth mark; *и* — sample number in Table 4.1 and laboratory date index; *к* — excavation number.
- Fig. 4.5.** Pottery of jar forms (type of Prost') from the horizon Ж of the Earthen Hillfort and from some settlements near П'мен' lake (after: Лапшин 2019: 117, fig. 3). *1, 2* — Prost' settlement near Novgorod (after: Носов, Плохов 2005: 339, pl. 167); *3* — Earthen Hillfort, horizon Ж, ФV-A type pot (according to T. B. Senichenkova), un. P XV (reconstruction by V. M. Goryunova).
- Fig. 4.6.** Pit 2013-15 in the un. P-C XIV-XV (view from N) and the transverse balk of the excavation 5 (2013), northern side (un. Y-II XVI).
- Fig. 4.7.** The southern part of excavation 5 (2013) after removing the balk and the pits in the mainland. In the foreground are the pits 2013-15 and 2013-18. View from the north.
- Fig. 4.8.** Northwestern part of excavation 4 (2010). Excavation level "A" according to A. N. Kirpichnikov. The upper marker horizon of pits. In un. Ж-И XIV — arbitrary level of the upper heating structure (clay oven) in the pit 2010-14. *Legend:* *a* — ash; *б* — clay; *в* — sand; *г* — birch bark; *д* — plate; *е* — log; *ж* — log section; *з* — board; *и* — coal; *к* — stones; *л* — bench mark; *м* — find; *н* — pegs of the upper heating structure of the pit 2010-14 (clay oven).
- Fig. 4.9.** Northwestern part of excavation 4 (2010). The upper level of the remains of the clay oven in the pit 2010-14. View from the north.
- Fig. 4.10.** Excavation 4 (2010). Dismantling of the northern half of the remains of the clay oven in un. Ж-3 XIV (pit 2010-14). View from the north.

- Fig. 4.11.** Excavation 4 (2010). Cleaning the stones of the clay oven in un. Ж-3 XIV (pit 2010-14). View from the north.
- Fig. 4.12.** Excavation 4 (2010). The lower heating structure in un. Ж-3 XIII-XIV (pit 2010-14). 1 — plan; 2, south-north section. *Legend:* *a* — black humus; *б* — clay; *в* — brown humus with clay; *г* — clay mixed with sand.
- Fig. 4.13.** Excavation 4 (2010). Dismantling of the lower heating structures in un. Ж-3 XIII-XIV (pit 2010-14). View from the north.
- Fig. 4.14.** Excavation 4 (2010). Dismantling of the lower heating structures in un. Ж-3 XIII-XIV (pit 2010-14). View from the west.
- Fig. 4.15.** Excavation 5 (2013), detail. Pits 2013-15, 2013-18 and 2013-19: disassembly at the main-land level.
- Fig. 4.16.** Pit 5 (2013), details: 1 — partial profile of pit 2013-15 along the line P-T 15 (I — layer of wood decay; II — dark gray humus); 2 — pits 2013-12 and 2013-16: disassembly at the main-land level.
- Fig. 4.17.** Bone items from the pit 2013-15.
- Fig. 4.18.** Handmade ceramics from the pits: 1, 2 — pit 2013-19; 3 — pit 2013-16.
- Fig. 4.19.** Temporal ring (earring) from the pit 2013-16 (non-ferrous metal alloy).
- Fig. 4.20.** Double-sided ornamented comb in a case from a pit 2013-16, field inventory number 547 (bone, horn): 1 — photograph (after: Кирпичников 2014А: Album, fig. 49); 2 — drawing (after: Кирпичников, Курбатов 2014: 132, fig. 2).
- Fig. 4.21.** Profile of the southern side of excavation 4, apt. P XX — K XX. 1 — full profile (excavations in 2008–2010); 2 — photograph of the lower part of the profile (excavations in 2010). *Legend:* *a* — sod and upper soil layer; *б* — ash; *в* — clay; *г* — wood decay; *д* — mixed layer of dark gray color; *е* — black humus; *ж* — gray humus; *з* — brown humus; *и* — sand; *к* — manure; *л* — wood chips; *м* — crushed stone; *н* — log; *о* — log section; *п* — board; *р* — stones.
- Fig. 4.23.** Distribution of radiocarbon dates obtained from charcoal from the oldest level (soil 1) in excavations 3–5 at the Earthen Hillfort.
- Fig. 4.24.** Combined dates of the Old Russian sites of Staraya Ladoga complex: 1 — the burials of Uspenski (Assumption) burial ground (2σ 88.2% 991–1094 *calAD* (X–XI cent.); 2 — the building construction at Posad (prospecting excavation of the 2021) (2σ 95.4% 1027–1156 *calAD* (XI–XII cent. AD); 3 — the Old Russian burial ground at the Earthen Hillfort, phase 1 (2σ 95.4% 1027–1156 *calAD* (XI–XII cent.); 4 — the Old Russian burial ground at the Earthen Hillfort, phase 2 (2σ 95.4% 1225–1285 *calAD* (XIII cent.).
- Fig. 4.25.** The chronology according to the dates obtained for the Old Russian cultural layer on the settlement, Uspenski (Assumption) burial ground and the building structure on Posad.
- Fig. 4.26.** Distribution of radiocarbon dates along the section of the cultural layer.
- Fig. III.1.** Situational plan for the location of excavations in Staraya Ladoga outside the Stone Fortress (after: Новое в археологии Старой Ладogi... 2018; Лапшин, Миляев 2018, with additions): 1 — Stone Fortress; 2 — Earthen Hillfort (А — excavations by N. I. Repnikov, 1911–1913; Б — excavations by V. I. Raudonikas, 1938–1959; В — excavations by E.A. Ryabinin 1973–1985; Г — excavations A. N. Kirpichnikov, 1984–2013; Д — excavation by V. A. Lapshin, 2016); 3 — excavation by V. P. Petrenko on Varyazhskaya st. 1973–1977; 4 — excavation by V. A. Lapshin at the site of the installation of a monument to princes Rurik and Oleg in 2014; 5 — excavation by V. A. Lapshin on Varyazhskaya st., 2015; 6 — excavation on Volkhovsky prospect, 2004 (Волковицкий и др. 2007).
- Fig. III.2.** Distribution by the number of ceramic fragments in the E_{3,3} horizon of the excavation by E. A. Ryabinin (1973–1985). *Legend:* *a* — charred tree; *б* — poles and pegs; *в* — sand (after: Рябинин, Черных 1988: 75, fig. 2, with additions).
- Fig. III. 3.** Distribution of the finds of luster pottery in the excavation at Varyazhskaya st. (red circles) (after: Петренко 1985: 87, fig. 4, with additions).

- Fig. III.4. Types of the bottoms of handmade pottery.
- Fig. III.5. Distribution of the collection of whole vessels by volume.
- Fig. III.6. Distribution of whole vessels up to 1 L.
- Fig. III.7. Distribution of whole vessels up to 6 L.
- Fig. III.8. The main parameters of the vessel: Π_1 — the diameter of the rim; Π_2 — the maximum expansion diameter; Π_3 — bottom diameter; H — the height of the vessel.
- Fig. III.9. Distribution of whole vessels according to the diameter of the rim Π_1 .
- Fig. III.10. Distribution of vessel fragments according to the diameter of the rim Π_1 (according to the materials of excavations at Earthen Hillfort in 1973–1975 and 1981–1985).
- Fig. III.11. Distribution of the whole vessels according to the value of the ratio: H (height) / Π_2 (diameter of maximum expansion).
- Fig. III.12. Distribution of the whole vessels according to the value of the ratio: Π_3 (bottom diameter) / Π_2 (maximum expansion diameter).
- Fig. III.13. Options for decorating the edge of the vessel rim.
- Fig. III.14. Types of handmade vessels: 1 — pots; 2 — bowls; 3 — frying pans.
- Fig. III.15. Distribution of types of handmade vessels (%) from the excavations at the Earthen Hillfort and Varyazhskaya ul.
- Fig. III.16. Types of upper parts of handmade vessels.
- Fig. III.17. Distribution of types of upper parts of handmade vessels along the horizons of the Earthen Hillfort.
- Fig. III.18. Percentage of the types of the upper parts of handmade vessels according to the horizons of the Earthen Hillfort.
- Fig. III.19. Distribution of types of upper parts of handmade vessels in horizon E_{3-3} .
- Fig. III.20. Distribution of types of upper parts of handmade vessels in horizon E_{3-2} .
- Fig. III.21. Distribution of types of upper parts of handmade vessels in horizon E_{3-1} .
- Fig. III.22. Distribution of types of upper parts of handmade vessels in horizon E_2 .
- Fig. III.23. Distribution of types of upper parts of handmade vessels in horizon E_1 .
- Fig. III.24. Distribution of types of upper parts of handmade vessels in horizon Π_2 .
- Fig. III.25. Distribution of types of upper parts of handmade vessels in horizon Π_1 .
- Fig. III.26. The nature of the change over time in the number of type 1A vessels.
- Fig. III.27. The nature of the change over time in the number of type 1B vessels.
- Fig. III.28. The nature of the change over time in the number of type 1B vessels.
- Fig. III.29. The nature of the change over time in the number of type 3A vessels.
- Fig. III.30. The nature of the change over time in the number of type 3B vessels.
- Fig. III.31. The nature of the change over time in the number of type 5A vessels.
- Fig. III.32. The nature of the change over time in the number of type 5B vessels.
- Fig. III.33A. Distribution of options for decorating the edge of the rim of handmade vessels for Earthen Hillfort (*a*, *b*, *v* — options).
- Fig. III.33B. Distribution of options for decorating the edge of the rim of handmade vessels for the excavation at Varyazhskaya ul. (*a*, *b*, *v* — options).
- Fig. III.34. Distribution of types of the upper parts of handmade vessels according to the plasts of the excavation site on Varyazhskaya ul.
- Fig. III.35. Distribution of types of upper parts of handmade vessels in the excavation on Varyazhskaya ul.
- Fig. III.36. Distribution of types of upper parts of handmade vessels in plast² 19 (excavation on Varyazhskaya ul.).
- Fig. III.37. Distribution of types of upper parts of handmade vessels in plast 18 (excavation on Varyazhskaya ul.).
- Fig. III.38. Distribution of types of upper parts of handmade vessels in plast 17 (excavation on Varyazhskaya ul.).

² Plast (“shtykh”) means 20-sm horizontal layer.

- Fig. III.39.** Distribution of types of upper parts of handmade vessels in plast 16 (excavation on Varyazhskaya ul.).
- Fig. III.40.** Distribution of types of upper parts of handmade vessels in plast 15 (excavation on Varyazhskaya ul.).
- Fig. III.41.** Distribution of types of upper parts of handmade vessels in plast 14 (excavation on Varyazhskaya ul.).
- Fig. III.42.** Distribution of types of upper parts of handmade vessels in plast 13 (excavation on Varyazhskaya ul.).
- Fig. III.43.** Distribution of types of upper parts of handmade vessels in plast 12 (excavation on Varyazhskaya ul.).
- Fig. III.44.** Distribution of types of upper parts of handmade vessels in plast 11 (excavation on Varyazhskaya ul.).
- Fig. III.45.** Distribution of types of upper parts of handmade vessels in plast 10 (excavation on Varyazhskaya ul.).
- Fig. III.46.** Distribution of types of upper parts of handmade vessels in plast 9 (excavation on Varyazhskaya ul.).
- Fig. III.47.** Distribution of types of upper parts of handmade vessels in plast 8 (excavation on Varyazhskaya ul.).
- Fig. III.48.** Distribution of types of upper parts of handmade vessels in plast 7 (excavation on Varyazhskaya ul.).
- Fig. III.49.** Distribution of types of upper parts of handmade vessels in “plast” 20 cm layer “plast” 20 cm layer 6 (excavation on Varyazhskaya ul.).
- Fig. III.50.** Distribution of the amount of pottery on the plasts of the excavation on Varyazhskaya ul.
- Fig. III.51.** Groups of early wheel-made pottery.
- Fig. III.52.** Ornamental elements on the handmade and early wheel-made pottery: 1 — comb stamp; 2 — finely toothed stamp; 3 — a stick wrapped in a rope; 4 — impressions with a flat bottom; 5 — deep impressions; 6 — bipartite stamp; 7 — finger impressions; 8 — nail notches; 9 — lattice stamp; 10 — curly stamp; 11 — ring-shaped prints; 12 — pricked ornament; 13 — short notches; 14 — carved ornament; 15 — wavy ornament; 16 — linear ornament; 17a, 17b — multi-row wave (type a and b); 18 — flute.
- Fig. III.53.** Ornamental compositions on the handmade and early wheel-made pottery.
- Fig. III. 54.** Trade routes of Eastern and Northern Europe in the late Ist — early IInd millennium AD and the distribution of some elements of ornamentation: a — the path “from the Varangians to the Greeks”; b — Baltic-Volga route; v — Sukhono-Vycheгда route; z — sea routes in the Baltic; d — finds of vessels ornamented with lattice and figured stamps; e — finds of vessels with an ornament in the form of bands of intersecting lines (compositions of type IX); 1 — Ladoga; 2 — Novgorod; 3 — Pskov; 4 — Daugmale; 5 — Talsi; 6 — Beloozero; 7 — Krutik; 8 — Timerevo; 9 — Gurya-Kar; 10 — Mydlan-Shai; 11 — Varna burial ground; 12 — Novotroitskoe; 13 — Szczecin; 14 — Wolin; 15 — Mecklenburg; 16 — Ribe; 17 — Trelleborg; 18 — Gotland Island; 19 — Saaremaa Island; 20 — Birka; 21 — Aland Islands; 22 — Turku district; 23 — Luistari.
- Fig. III. 55.** Localization of finds of fragments of early wheel-made pottery with wavy ornaments in horizon Д of the Earthen Hillfort: (after: Рябинин, Черных 1988: 97, fig. 11; Давидан 1977: 102, fig. 1, with additions).
- II. 1.** Ceramics of the Early Iron Age from the excavations in the Stone Fortress (1–6) and at the Earthen Hillfort (7–8) (8a, 8б — with admixture of asbestos and talc). 1–6 — after: Юшкова 2011: fig. 72, 1–6; 7 — IE-1985/46, E_{3,3} horizon; 8a–8б — Л-1840, horizon E_{3,1}; 8a — after: Станкевич 1950: fig. 4, 7.
- II. 2.** The wheel-made vessel from excavations at the Earthen Hillfort in 2012 with three holes on the bottom, photo. 1 — vessel; 2 — bottom.
- II. 3.** Samples of ceramic products: 1a, 1б — САЭ-2009/100 (with grus filling on the bottom (1a) and a traced cross on the inside (1б)); with imprints of matting on the bottom: 2 — ЛДГ-51;

- 3 — САЭ-2009/8 (made using a bottom start); 4 — with sand filling on the bottom; 5 — a sample of circular ceramics with imprints of wood fibers on the bottom.
- II. 4. Vessels with imprints of crossed twigs (grass stalks?) on the bottom: 1*a*, 1*b* — ЛДГ-20, Ladoga; 2 — Krakow — Nowa Huta 1 (after: Parczewski 1988: tab. XIX, 5).
- II. 5. Fragments of vessels made with the help of a bottom-capacitive start (as if drawn from one piece of clay): 1*a*, 1*b* — ЛД-77, 78, ЛДГ-6; 2 — САЭ-2003/22.
- II. 6. Fragments of vessels made using the bottom-capacitive start: 1 — САЭ-2008/86; 2*a*, 2*b* — ЛД-103; 3*a*, 3*b* — ЛДГ-109 (at the bottom — the imprints of matting, a trace of tape molding is visible).
- II. 7. Fragments of vessels made using the bottom start: 1*a*, 1*b* — ЛДГ-157 (traces of processing with a wooden spatula are visible inside); 2*a*, 2*b* — ИЭ-84/ЗГ-780 (traces of smoothing with fingers in the vertical direction on the surface); 3 — САЭ-2009/47 (fragment of vessel wall with traces of smoothing with grass on the surface).
- II. 8. The pot (САЭ-2009/45) with a deformed bottom (1*a*, 1*b*) and a fragment of the bottom (2).
- II. 9. Fragments of ceramics: 1*a*, 1*b* — the bottom of a miniature vessel on a low base (Л-1399) (the trace of the base being stuck is visible); 2*a*, 2*b* — the bottom part of the vessel on a solid pallet (ЛДГ-70), with a well-smoothed (burnished?) surface.
- II. 10. Fragments of the bottom parts of the vessels on the pallet: 1*a*, 1*b* — ЛДГ-93; 2*a*, 2*b* — Л-1556 (2*b* — reconstruction by Ya. V. Stankevich (after: Станкевич 1950: Fig. 3, 5)).
- II. 11. 1*a*, 1*b* — bowl on a pallet from excavations at the Earthen Hillfort in 2010 (САЭ-2010/17); 2*a*, 2*b* — chiseled wooden bowl from excavations in 1950 (ЛС-1954).
- II. 12. Fragments of the bottoms of vessels (1, 2) with imprints of the axis of the potter's wheel (excavation at Varyazhskaya st., plasts 7–8, САЭ-75/without No).
- II. 13. Fragments of a polished vessel-bowl found in 1947 at the Earthen Hillfort (Л-1123, Л-1351).
- II. 14. Fragments of vessels with an “influx-edge” (local imitation of imported black-polished bowls?): 1 — ИЭ-82/ЗГ-1220 (336-2/472); 2 — ЛД-106.
- II. 15. Fragment of a vessel with poke ornament (Л-640).
- II. 16. The pot (САЭ-2009/147) with tuck ornament (1, 2) and its fragment (3).
- II. 17. Fragments with the so-called drawn roller (one vessel?): 1 — САЭ-2004/117; 2 — САЭ-2003/93; 3 — САЭ-2004/ 92.
- II. 18. Fragment of the bottom part of the Frisian (Tating) vessel 1 — САЭ-2004/117; 2 — САЭ-2003/93; 3 — САЭ-2004/ 92.
- II. 19. 1 — fragments of Middle Eastern painted luster ceramics (СЛМ КП-99041/59, А7-142); 2 — fragment of a black-polished vessel with an incised ornament (САЭ-1975/ЛП2-4536); 3 — a fragment of a Saltovo (?) sand-colored vessel with burnished stripes (САЭ-74/ЛП2-2040).
- II. 20. Amphora (XI-XII cent.) from the excavation at Varyazhskaya st. (САЭ-74/ЛП2-2040).
- II. 21. Miniature vessels from the excavation on Varyazhskaya st. (plasts 16–19): 1 — САЭ-1976/ЛП-1381; 2 — САЭ-1976/ЛП-2330; 3 — САЭ-1976/ЛП-3298; 4 — САЭ-1976/ЛП-1967; 5 — САЭ-1976/ЛП-2364; 6 — САЭ-1976/ЛП-2904; 7 — САЭ-1976/ЛП-1781; 8 — САЭ-1976/ЛП-868; 9 — САЭ-1976/ЛП-3420; 10 — САЭ-1976/ЛП-3394; 11 — САЭ-1976/ЛП-3754; 12 — САЭ-1976/ЛП-1836; 13 — САЭ-1976/ЛП-3614; 14 — САЭ-1976/ЛП-3761; 15 — САЭ-1976/ЛП-545; 16 — САЭ-1976/ЛП-2467; 17 — САЭ-1976/ЛП-2296; 18 — САЭ-1976/ЛП-4506; 19 — САЭ-1976/ЛП-4105; 20 — САЭ-1976/ЛП-227; 21 — САЭ-1976/ЛП-2647; 22 — САЭ-1976/ЛП-554, 557, 558; 23 — САЭ-1976/ЛП-3614, 3617, 3619, 3621, 3628.
- II. 22. Miniature vessels found at the sites of the Dyakovo culture: 1–14 — Troitskoye settlement (after: Розенфельдт 1971: fig. 10, 4, 12*a*, 16, 19*a*, 20, 26; 11, 12, 20–24, 26, 29); 15–18 — Shcherbinskoye settlement (after: Розенфельдт 1974: fig. 25, 28, 29, 37, 40); 19 — Popadyinskoye settlement (after: Финно-угры и балты... 1987: pl. XXVI, 24).
- II. 23. Miniature vessel (САЭ-2010/147) found at the Earthen Hillfort (type 3, according to the classification of I. G. Rosenfeldt), the middle 9th cen.

- II. 24. Finds of the “Late Dyakovo” cultural circle: 1 — a fragment of the wall of a vessel with bast prints (САЭ-1976/ЛП-3504); 2, 3 — clay crafts - “tablets” (САЭ-1976/ЛП-3356; САЭ-1976/ЛП-3740); 4 — bronze spectacle pendant (2753/58).
- II. 25. Fragment of a vessel with an oval molding, found in 1982 in the area of St. Clement’s Church at the Earthen Hillfort.
- II. 26. A fragment of a vessel with “cone-shaped” moldings, found in 1984 in the trench XI near Nikolskaya Street, in Staraya Ladoga (СЛИМ-1984 КП-94767/А-4-599).
- II. 27. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon $E_{3,3}$: 1 — ИЭ-1984/ЗГ-432; 2 — ИЭ-1985/ЗГ-130; 3 — ИЭ-1985/ЗГ-76, 78; 4 — ИЭ-1984/ЗГ-461; 5 — ИЭ-1984/ЗГ-415, 419; 6 — ИЭ-1984/ЗГ-407; 7 — ИЭ-1984/ЗГ-826; 8 — ИЭ-1984/ЗГ-843, 844; 9 — ИЭ-1985/ЗГ-110. 1, 2, 5 — type 4; 3, 4, 6-9 — type 5.
- II. 28. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon $E_{3,3}$: 1 — ИЭ-1984/ЗГ-968, 970; 2 — ИЭ-1984/ЗГ-971; 3 — ИЭ-1985/ЗГ-31; 4 — ИЭ-1985/ЗГ-32, 33; 5 — ИЭ-1984/ЗГ-968; 6 — ИЭ-1984/ЗГ-966; 7 — ИЭ-1984/ЗГ-965; 8 — ИЭ-1984/ЗГ-967. 1-5, 7, 8 — type 1; 6 — type 5.
- II. 29. Earthen Hillfort. The pottery of the Horizon $E_{3,3}$: 1 — ИЭ-84/ЗГ-468; 2 — СЛАЭ-75/ЗГ-1480; 3 — СЛАЭ-75/ЗГ-1210, 1211, 1217, 1225, 1226; 4 — ИЭ-84/ЗГ-1022; 5 — ИЭ-85/ЗГ-129. 1 — type ФIV; 2 — type ФVII; 3 — type ФV; 4 — type 4; 5 — type ФIII.
- II. 30. Earthen Hillfort. 1 — the pottery of the horizon $E_{3,3}$ (ИЭ-1984/ЗГ-257, 263, 273, 280, 665, 675, 676, 958, 966); 2 — the pottery from the border of horizons $E_{3,3}$ — $E_{3,2}$ (ИЭ-1984/ЗГ-481, 482, 485, 487, 489, 501, 503, 562). 1, 2 — type 1.
- II. 31. Earthen Hillfort. The pottery of the horizons $E_{3,3}$ — $E_{3,2}$: 1 — ИЭ-1984/ЗГ-752, 753, 757; 2 — ИЭ-1984/ЗГ-210; 3 — ИЭ-1984/ЗГ-669, 670; 4 — ИЭ-1982/ЗГ-1292; 5 — ИЭ-1984/ЗГ-217, 219, 234; 6 — ИЭ-1984/ЗГ-205, 209, 211, 215. 1, 6 — type 1; 2 — type 5; 3, 4 — type 4.
- II. 32. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon $E_{3,2}$: 1 — ЛДГ-131; 2 — ЛДГ-120; 3 — ИЭ-1975/ЗГ-566; 4 — ЛС-1419; 5 — ИЭ-1982/ЗГ-1478; 6 — СЛАЭ-1974/ЗГ-988-1004. 1 — type 4 (?); 2 — type 9; 3, 6 — type 4; 4, 5 — type 1.
- II. 33. Earthen Hillfort. The pottery of the Horizon E_3 : 1 — ЛДГ-106, 128; 2 — б/н; 3 — ЛС-1852; 4 — ЛДГ-153. 1 — type 1; 2 — type ФIV; 3 — type 5; 4 — type ФI.
- II. 34. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_3 ($E_{3,3}$?): 1, 2 — ЛС-1780; 3 — ЛС-1763; 4 — ЛС-1228, 1229; 5 — ЛДГ-129; 6 — ЛДГ-156, 161, 163; 7 — ЛС-1328. 1, 2 — type 5; 3, 5 — type 4; 4 — type 3.
- II. 35. Earthen Hillfort. The pottery of the horizons $E_{3,3}$ — $E_{3,2}$: 1 — ЛДГ-128; 2 — ЛС-1850; 3 — ИЭ-1984/ЗГ-243; 4 — ЛС-1850. 1 — type ФVII; 2 — type ФI; 3 — type ФV; 4 — type ФVI.
- II. 36. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_3 ($E_{3,3}$?): 1 — ЛДГ-105; 2 — ЛДГ-127, 134, 136, 146, 150, 164; 3 — ЛДГ-108; 4 — ЛДГ-156; 5 — ЛДГ-163. 1 — type 3; 2-5 — type 1.
- II. 37. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_3 ($E_{3,2}$?): 1 — ЛДГ-135, 138, 142; 2 — ЛДГ-160; 3 — ЛДГ-96; 4 — ЛДГ-103; 5 — ЛС-1842, 1849; 6 — ЛДГ-135, 142, 143, 146, 151. 1 — type 4; 2, 3 — type 5; 4, 6 — type 1; 5 — type 3.
- II. 38. Earthen Hillfort. The pottery from the border of horizons $E_{3,2}$ — $E_{3,1}$: 1 — ИЭ-1984/ЗГ-10; 2 — ИЭ-1984/ЗГ-13; 3 — ИЭ-1984/ЗГ-11; 4 — ИЭ-1982/ЗГ-1201; 5 — ИЭ-1982/ЗГ-1190; 6 — ИЭ-1982/ЗГ-1480; 7 — ИЭ-1982/ЗГ-1243; 8 — ИЭ-1982/ЗГ-1496; 9 — ИЭ-1982/ЗГ-1481; 10 — ИЭ-1982/ЗГ-1505; 11 — ИЭ-1982/ЗГ-1480; 12 — ИЭ-1982/ЗГ-1460. 1, 8 — type 5; 2-5 — type 3; 6 — type 6; 7 — type 7; 9-12 — type 1.
- II. 39. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon $E_{3,1}$: 1 — ЛС-1049, 1050, 1058; 2, 3 — ЛС-1006; 4, 5 — ЛС-791; 6 — ЛС-792. 1-6 — type 1.
- II. 40. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon $E_{3,1}$: 1 — ИЭ-1982/ЗГ-1309; 2 — ИЭ-1982/ЗГ-1308, 1310; 3 — ИЭ-1982/ЗГ-1385; 4 — ИЭ-1982/ЗГ-1219; 5 — ИЭ-1982/ЗГ-1240; 6 — ИЭ-1982/ЗГ-1388; 7 — ИЭ-1982/ЗГ-1259; 8 — ИЭ-1982/ЗГ-1381, 1382; 9 — ИЭ-1982/ЗГ-1007. 1-3, 5, 7, 8 — type 1; 4 — type 4; 6 — type 3; 9 — type 5.
- II. 41. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon $E_{3,1}$: 1 — ИЭ-1982/ЗГ-1150; 2 — without No; 3 — ИЭ-1982/ЗГ-1255; 4 — б/шифра; 5 — ИЭ-1982/ЗГ-1013; 6 — ИЭ-1982/ЗГ-1216; 7 —

- without No; 8 — ИЭ-1982/ЗГ-1162, 1167; 9 — ИЭ-1982/ЗГ-1238; 10 — ИЭ-1982/ЗГ-1254. 1, 3, 7, 10 — type 1; 2 — type 5; 8 — type 4.
- II. 42. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_{3-1} (1-3) and E_{3-2} (4, 5): 1 — ИЭ-1982/ЗГ-1246; 2 — ИЭ-1982/ЗГ-1160; 3 — ИЭ-1982/ЗГ-1309; 4 — ИЭ-1982/ЗГ-1354; 5 — ИЭ-1982/ЗГ-1479. 1-5 — type 1.
- II. 43. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_{3-1} (1-3, 5, 6, 8) and from the border of E_{3-1} and E_2 (4, 7): 1 — ЛС-1484; 2 — ЛС-791; 3 — ЛС-983; 4 — ЛС-1486; 5 — ЛС-791; 6 — ЛС-1487; 7 — ЛС-1049; 8 — ЛС-1857. 1, 3-8 — type 1; 2 — type 3.
- II. 44. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_{3-1} : ЛДГ-33. Type ФII.
- II. 45. Earthen Hillfort. The pottery of the horizons E_{3-1} and E_2 : 1 — ЛС-1726; 2 — ЛС-1499; 3 — ЛС-1859; 4 — ЛС-1823; 5 — Л-1966; 6 — ЛС-1876. 1, 2, 5, 6 — type 1; 3 — type 2; 4 — type 5.
- II. 46. Earthen Hillfort. The pottery of the horizons E_2 - E_{3-1} (E_{2-3})³: 1 — ЛДГ-36; 2 — ЛДГ-92; 3 — ЛДГ-15; 4 — ЛДГ-35; 5 — ЛДГ-16, 17, 113. 1-3, 5 — type 1; 4 — type 4.
- II. 47. Earthen Hillfort. The pottery of the horizons E_2 - E_{3-1} (E_{2-3}): 1 — ЛДГ-87; 2 — ЛДГ-35; 3 — ЛДГ-97; 4 — ЛДГ-92; 5 — ЛДГ-70; 6 — ЛДГ-94; 7 — ЛДГ-87. 1-3 — type 5; 4 — type 4; 5, 6 — bowls of the Φ I type; 7 — type 6.
- II. 48. Earthen Hillfort. The pottery of the horizons E_2 - E_{3-1} (E_{2-3}): 1 — ЛС-1024; 2 — ЛС-1023; 3 — 1083, 1084; 4 — ЛС-1023, 1025; 5 — ЛДГ-71. 1 — type 8; 2, 4, 5 — type 1; 3 — type 4.
- II. 49. Earthen Hillfort. The pottery of the horizons E_2 - E_{3-1} (E_{2-3}): 1 — ИЭ-1982/ЗГ-996; 2 — ИЭ-1982/ЗГ-999; 3 — ИЭ-1982/ЗГ-1002; 4 — ИЭ-1982/ЗГ-1003; 5 — ИЭ-1982/ЗГ-1068; 6 — ИЭ-1982/ЗГ-1055; 7 — ИЭ-1982/ЗГ-1034; 8 — ИЭ-1982/ЗГ-1024; 9 — ИЭ-1982/ЗГ-1114. 1-7 — type 1; 8, 9 — type 5.
- II. 50. Earthen Hillfort. The pottery of the horizons E_2 — E_{3-1} (E_{2-3}) (1, 3) and E_2 (2, 4): 1 — ЛДГ-46; 2 — ЛС-694; 3 — ЛДГ-20; 4 — ЛС-592. 1, 4 — type 1; 2 — type 7; 3 — bowl of the Φ I type.
- II. 51. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_3 (E_{3-1} ?): 1 — ЛДГ-148, 149; 2 — ЛДГ-48; 3 — ЛС-2022; 4 — ЛДГ-137, 140. 1-4 — type 1.
- II. 52. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_3 : 1 — САЭ-74/ЗГ-70-78; 2 — ЛДГ-144; 3 — ЛДГ-111, 134. 1 — type ФIII; 2, 3 — type ФVII.
- II. 53. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_3 : 1 — ЛДГ-155; 2 — ЛДГ-198; 3 — ЛДГ-109; 4 — ЛДГ-123; 5 — ЛДГ-140. 1-4 — type 1; 5 — type 5.
- II. 54. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_3 : 1 — ЛДГ-124; 2 — ЛДГ-113, 116; 3 — ЛДГ-112; 4 — ЛДГ-51; 5 — ЛДГ-145; 6 — ЛДГ-140; 7 — ЛДГ-114. 1 — type 9; 2, 6, 7 — type 3; 3 — type 4; 4 — type 1; 5 — type 5.
- II. 55. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_2 (E_{2-3} ?): 1 — ЛС-1788; 2 — ЛДГ-99; 3 — ЛДГ-91; 4, 5 — ЛС-652. 1 — type ФVII; 2 — type 4; 3, 4 — type 1; 5 — type 3.
- II. 56. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_2 : 1 — ЛС-508; 2 — ЛС-768; 3 — ЛС-653; 4 — ЛС-683; 5 — ЛС-1792; 6 — ЛС-665; 7 — ЛС-691. 1, 2, 4, 6, 7 — type 1; 3 — type 4; 5 — type 3.
- II. 57. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_2 : 1 — ЛДГ-85; 2 — ЛДГ-28, 32; 3 — ЛДГ-13; 4 — ЛДГ-23, 26; 5 — ЛДГ-30. 1, 4 — type ФIII; 3 — bowl of the Φ I type; 2, 5 — type 1.
- II. 58. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_2 : 1 — ЛДГ-35; 2 — ЛДГ-32; 3 — ЛДГ-45; 4 — ЛДГ-49; 5 — ЛДГ-63. 1-3 — type 1; 4, 5 — type 3.
- II. 59. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_2 : 1 — ЛДГ-75; 2 — ЛДГ-85; 3 — ЛДГ-68; 4 — ЛДГ-2, 29; 5 — ЛДГ-28, 30; 6 — ЛДГ-38; 7 — ЛДГ-33. 1, 7 — type 1; 2-6 — type 4.
- II. 60. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_2 : ЛДГ-31. Type ФII.
- II. 61. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_2 : 1 — ЛДГ-32; 2 — ЛС-486; 3 — ЛДГ-25; 4 — ЛС-729; 5, 6 — ЛДГ-32; 7 — ЛС-501; 8 — ИЭ-1982/ЗГ-958, 964. 1, 3, 4 — type 4; 2, 5-7 — type 3; 8 — type 5.
- II. 62. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_2 : 1 — Л-1964; 2 — Л-999, 1003, 1935. 1, 2 — type 1.

³ The intermediate stratigraphic horizon E_{2-3} was identified during the excavations by V. I. Raudonikas in 1959.

- II. 63. Earthen Hillfort. The pottery of the horizons $E_1 - E_2$ (1-4) and E_2 (5-7): 1 — Л-670; 2 — Л-737; 3 — Л-541; 4 — Л-925; 5 — Л-1575; 6 — Л-993; 7 — Л-1051. 1, 2 — type 9; 3, 6 — type 1; 4 — type ФIV; 5 — type 5; 7 — type 3.
- II. 64. Earthen Hillfort. The pottery of the horizons $E_1 - E_2$: 1 — Л-860; 2 — Л-701; 3 — Л-523; 4 — Л-518, 519; 5 — Л-860; 6 — Л-529. 1, 4 — type 4; 3 — type 5; 2, 5 — type 7; 6 — type 8.
- II. 65. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_1 : 1 — ЛД-86; 2 — ЛД-53,93; 3 — ЛД-115; 4 — ЛД-43, 85, 126; 5 — ЛД-98, 126; 6 — ЛД-76, 77, 78, 81, 88. 1, 2, 6 — type 1; 3 — type 3; 4, 5 — type 4.
- II. 66. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_1 : 1 — ИЭ-1981/3Г-2045, 2046, 2048, 2049, 2110; 2 — ЛД-75, 79, 81, 84; 3 — ЛД-97; 4 — ИЭ-1982/3Г-969-975. 1 — type 3; 2 — type ФI; 3 — type 4; 4 — type 8.
- II. 67. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_1 : 1 — Л-431; 2 — Л-692; 3-5 — Л-317; 6 — ЛДГ-6; 7 — ЛДГ-8. 1 — type 7; 2, 3 — type 4; 4 — type 5; 5, 6 — type 1; 7 — type 6.
- II. 68. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_1 : 1 — ЛС-371; 2, 3 — ЛС-362; 4 — ЛС-311; 5 — ЛС-932; 6 — ЛС-140; 7 — ЛД-81; 8 — ЛД-22; 9 — ЛС-140; 10 — ЛД-77, 81; 11 — ЛС-276. 1 — type ФIV; 2 — type 3; 3, 4, 9, 11 — type 1; 5 — type 9; 6 — type 7; 7, 8 — type 5; 10 — type 4.
- II. 69. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_1 : 1 — ЛС-453, 454; 2 — ЛС-334, 335; 3 — ЛД-98, 129, 133, 136; 4 — ЛД-76, 88, ЛДГ-7, 13. 1 — type 5; 2 — type 7; 3, 4 — type 1.
- II. 70. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_1 : 1 — Л-440; 2 — Л-728; 3 — Л-325, 310; 4 — Л-325; 5 — Л-331; 6 — Л-304; 7, 8 — Л-816; 9 — Л-515; 10 — Л-381; 11 — Л-317. 1, 2 — type 9; 3 — type 8; 4, 6, 9, 11 — type 1; 7 — type 4; 5 — bowl of the Φ_M I type; 8 — type 7; 10 — type 5.
- II. 71. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_1 : 1 — ЛДГ-7; 2 — ЛДГ 6, 7, 77, ЛД-88; 3 — ЛДГ-12; 4 — Л-316; 5 — ЛС-1248; 6 — ЛС-144. 1 — type 9; 2 — type 5; 3, 5, 6 — type 1; 4 — type 7.
- II. 72. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_1 : 1 — ЛД-6, 7, 77, 88; 2 — ЛД-78, 87, 88, 120, 121, ЛДГ-64; 3 — ЛД-127; 4 — ЛД-124; 5 — Л-500. 1 — type ФVIII; 2 — type ФI; 3, 5 — type ФIII; 4 — type 1.
- II. 73. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_1 : 1 — ЛД-93; 2 — ЛД-58, 65, 128; 3 — ЛД-74; 4 — ЛД-132; 5 — ЛД-110; 6 — ЛД-106. 1, 2 — type 1; 3 — type 5; 4 — type 4; 5 — type 7; 6 — type 8.
- II. 74. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon E_1 : ЛД-131. Type ФIB.
- II. 75. Earthen Hillfort. The pottery of the horizons $E_1 - D_{lower}$: ЛД-29, 30, 75, 84, 89, 91, 102, 107. Type ФI.
- II. 76. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д: 1 — ЛГ-219; 2 — ЛД-47; 3 — ЛД-3; 4 — ЛДГ-3; 5 — ЛД-66; 6 — ЛД-8, 10, 31, 55; 7 — ЛГ-218. 1, 2, 4 — type 4; 3 — type ФVII; 5 — type ФIB; 6 — type ФIII; 7 — type ФIA.
- II. 77. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д: 1 — ЛГ-218; 2 — ЛГ-156; 3 — ЛГ-185; 4 — ЛГ-203; 5 — ЛД-58; 6 — ЛГ-185. 1-6 — type 1.
- II. 78. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д: 1 — ЛС-97; 2 — ЛС-60; 3 — ЛС-73; 4-6 — ЛС-5; 7 — ИЭ-81/3Г-1599 (336-1/50); 8 — ЛС-32; 9 — ЛС-5. 1, 5 — type 5; 2, 3 — type 7; 4 — type 6; 6, 8 — type 3; 7 — Φ_c I-type frying pan; 9 — type 1.
- II. 79. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д: 1 — СЛ-1025; 2 — СЛ-1284; 3 — СЛ-1504; 4 — СЛ-1125; 5 — СЛ-1413; 6 — СЛ-1414; 7, 8 — СЛ-1541. 1, 5 — type 7; 2, 3 — type 5; 4 — type 4; 6 — type 1; 7 — type 3; 8 — Φ_c I-type frying pan.
- II. 80. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д: 1 — СЛ-1327; 2 — СЛ-1063; 3 — СЛ-1467; 4 — СЛ-465; 5 — СЛ-1065; 6 — СЛ-1272; 7 — СЛ-1069; 8 — СЛ-1063. 1-3, 6 — type 3; 4 — type 5; 5 — type 9; 7 — type 7; 8 — type 8.
- II. 81. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д: 1 — СЛ-611; 2 — СЛ-1042; 3 — СЛ-504; 4 — СЛ-1080; 5 — СЛ-1317; 6 — СЛ-1311. 1, 2 — type 1; 3, 5, 6 — type 3; 4 — type 5.
- II. 82. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д: 1 — СЛ-132; 2 — ЛА-605; 3 — СЛ-1164; 4 — СЛ-943; 5 — СЛ-508; 6 — СЛ-543; 7 — СЛ-589. 1-4, 7 — type 4; 5, 6 — type 5.

- II. 83. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д: 1 — СЛ-1045; 2 — СЛ-1182; 3 — СЛ-378; 4 — СЛ-1482; 5 — СЛ-1169, 1170; 6 — СЛ-1284; 7 — СЛ-1066. 1-4, 6, 7 — type 1; 5 — type 4.
- II. 84. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д: (Д-Е₁?): 1 — ИЭ-1981/3Г-1579; 2 — СЛ-525; 3 — Л-1020; 4 — Л-558; 5 — ИЭ-1982/3Г-1155. 1, 4, 5 — type 1; 2 — type 3; 3 — type 4.
- II. 85. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д: 1 — СЛ-1084; 2 — СЛ-444, 464; 3 — СЛ-1299; 4 — СЛ-1416; 5 — СЛ-905; 6 — СЛ-1462, 1480. 1, 2 — type ФIA; 3, 6 — type ФV; 4 — type ФVII; 5 — type ФIV.
- II. 86. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д: 1 — ЛД-23, 26; 2 — ЛД-206; 3, 4 — ЛГ-203; 5 — ЛГ-185; 6 — ЛГ-166; 7 — ЛГ-175. 1, 3 — type 3; 2, 7 — type 5; 4 — type 4; 5 — type 1; 6 — type 9.
- II. 87. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д (dwelling No 1, excavations of 1957–1958 гг.): 1 — ЛГ-145; 2 — ЛГ-221; 3 — ЛД-46; 4 — ЛД-5; 5 — ЛГ-208; 6 — ЛД-3, 4. 1, 4, 6 — type 1; 2 — type ФIB; 5 — type 4.
- II. 88. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д (dwelling No 1, excavations of 1957–1958 гг.): 1 — ЛД-45; 2 — ЛГ-221; 3 — ЛД-4, 6; 4 — ЛГ-175; 5 — ЛД-3; 6 — ЛГ-145. 1-3, 5 — type 5; 4, 6 — type 3.
- II. 89. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д (dwelling No 1, excavations of 1957): 1, 3, 4 — ЛГ-204; 2 — ЛГ-208. 1, 3, 4 — type 5; 2 — type 4.
- II. 90. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д (dwelling No 2, excavations of 1957): 1, 3, 4 — ЛГ-204; 2 — ЛГ-154; 5 — ЛГ-153. 1 — type ФIII; 2 — type 3; 3, 5 — type 5; 4 — type 4.
- II. 91. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д (dwelling No 2, excavations of 1958): 1, 2 — ЛД-10, 11; 3, 4 — ЛД-8; 5 — ЛД-12. 1 — type 3; 2 — type 4; 3 — type 5; 4, 5 — type 1.
- II. 92. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д (dwelling No 3, excavations of 1957 г.): 1 — ЛГ-211; 2 — ЛГ-128; 3 — ЛД-23, 121; 4 — ЛГ-139; 5, 6 — ЛГ-220; 7 — ЛГ-152. 1-4 — type 1; 5-7 — type 7.
- II. 93. Earthen Hillfort. The pottery of the horizon Д (dwelling No 3, excavations of 1957–1958 гг.): 1 — ЛГ-129; 2 — ЛД-18; 3 — ЛД-24, 89; 4 — ЛГ-174. 1, 3 — type 8; 2, 4 — type 4.
- II. 94. Earthen Hillfort. The pottery from the excavations of 2003–2005 and 2009 years. (the second half of the IX cent.): 1a, 1б — САЭ-2004/107, 108; 2a, 2б — САЭ-2009/45; 3 — САЭ-2005/16.
- II. 95. Earthen Hillfort. The pottery from the excavations of 2003–2005 and 2009 years (the second half of the IX cent.): 1a, 1б — САЭ-2009/44 (СЛИМ КП-99405/312 А-11/1677); 2a, 2б — САЭ-2009/96 (СЛИМ КП-99405/315 А-11/1680); 3a, 3б — САЭ-2009/85,99 (СЛИМ КП-99405/314 А-11/1679).
- II. 96. Earthen Hillfort. The pottery from the excavations of 2003–2005 and 2009 years. (the second half of the IX cent.): 1a, 1б — САЭ-2005/34; 2a, 2б — САЭ-2004/201, 261, 268; 3 — САЭ-2009/71; 4 — САЭ-2004/71.
- II. 97. Excavation on Varyazhskaya st.: 1 — САЭ-1976/ЛП-3800, 3896, 3899; 2 — САЭ-1976/ЛП-4421 (1, 2 — plast 19); 3, 4 — САЭ-1976/without No (pit in the mainland). 1-4 — type 1.
- II. 98. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 18: 1 — САЭ-1976/ЛП-3908, 4004, 4009, 4021, 3421; 2 — САЭ-1976/without No; 3 — САЭ-1976/ЛП-3614, 3617, 3621, 3628; 4 — САЭ-1976/ЛП-3658; 5 — САЭ-1976/ЛП-3905; 6 — САЭ-1976/ЛП-3204, 3537; 7 — САЭ-1976/ЛП-3655, 3678; 8 — САЭ-1976/ЛП-3921; 9 — САЭ-1976/ЛП-3652. 1 — type ФI; 2 — type 5; 3, 6 — bowls of the Ф_MI type; 4, 5 — type ФVII; 7, 8 — type 1; 9 — type 3.
- II. 99. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 17: 1 — САЭ-1976/ЛП-3372; 2 — САЭ-1976/without No; 3 — САЭ-1976/ЛП-3471, 3472; 4 — САЭ-1976/ЛП-3420; 5 — САЭ-1976/ЛП-3576; 6 — САЭ-1976/ЛП-3537; 7 — САЭ-1976/ЛП-3462. 1-3 — type 1; 4 — type 4; 5 — type 5; 6 — bowl of the Ф_MI type; 7 — type 3.
- II. 100. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 16: 1 — САЭ-1976/ЛП-2258, 2268, 2269; 2 — САЭ-1976/ЛП-2231, 2243; 3 — САЭ-1976/ЛП-3131, 3776; 4 — САЭ-1976/ЛП-2330; 5 — САЭ-1976/ЛП-2296; 6 — САЭ-1976/ЛП-2457; 7 — САЭ-1976/ЛП-2714. 1, 6, 7 — type 1; 2 — type 2; 3 — type 8; 4 — type 4; 5 — type 6.
- II. 101. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 16: 1 — САЭ-1976/ЛП-2299; 2 — САЭ-1976/ЛП-3209, 3210; 3 — САЭ-1976/ЛП-4001; 4 — САЭ-1976/ЛП-2791, 2792, 3470, 3472, 3474;

- 5 — САЭ-1976/ЛП-2257; 6 — САЭ-1976/ЛП-2646, 2650; 7 — САЭ-1976/ЛП-2647;
8 — САЭ-1976/ЛП-2464. 1, 6 — type 5; 2, 3 — type 3; 4, 8 — type 1; 7 — type 4.
- II. 102. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 16: 1 — САЭ-1976/6/шифра; 2 — САЭ-1976/ЛП-2534, 2833, 2836, 2838, 2839, 2842, 2846; 3 — САЭ-1976/ЛП-2483; 4 — САЭ-1976/ЛП-3069, 3074, 3191; 5 — САЭ-1976/ЛП-2904; 6 — САЭ-1976/ЛП-2364; 7 — САЭ-1976/ЛП-2959, 2960, 2969; 8 — САЭ-1976/ЛП-3019; 9 — САЭ-1976/ЛП-3042; 10 — САЭ-1976/ЛП-2355, 2357-2359. 4 — type 1; 8 — type 3; 9-10 — type 5.
- II. 103. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 15: 1 — САЭ-1976/ЛП-1445; 2 — САЭ-1976/ЛП-1081-1083; 3 — САЭ-1976/ЛП-1921, 1922; 4 — САЭ-1976/ЛП-1810; 5 — САЭ-1976/ЛП-1981; 6 — САЭ-1976/6/Н; 7 — САЭ-1976/ЛП-1710; 8 — САЭ-1976/ЛП-1987; 9 — САЭ-1976/ЛП-1903; 10 — САЭ-1976/ЛП-1965. 1 — type ФV; 2 — type ФVII(?); 3 — type 5; 4 — type 3; 5, 7, 9, 10 — type 1; 8 — type 4.
- II. 104. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 14: 1 — САЭ-1976/ЛП-1597, 1600, 1610; 2 — САЭ-1976/ЛП-540, 542, 961, 962; 3 — САЭ-1976/ЛП-849, 869, 877, 878, 979, 2714; 4 — САЭ-1976/ЛП-1588; 5 — САЭ-1976/ЛП-1843; 6 — САЭ-1976/ЛП-988; 7 — САЭ-1976/ЛП-1484; 8 — САЭ-1976/ЛП-1019. 1 — type ФIV; 2, 3, 6, 8 — type 1; 4 — type ФVII; 7 — bowl of the Ф_м II type.
- II. 105. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 14: 1 — САЭ-1976/ЛП-930; 2 — САЭ-1976/ЛП-878; 3 — САЭ-1976/ЛП-796; 4 — САЭ-1976/ЛП-1626; 5 — САЭ-1976/ЛП-894, 896; 6 — САЭ-1976/ЛП-970, 971. 1, 5, 6 — type 5; 2, 3 — type 1; 4 — type 3.
- II. 106. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 13: 1 — САЭ-1976/ЛП-764, 809, 1550-1552, 1556-1559, 1565-1569, 1571-1574; 2 — САЭ-1976/ЛП-1117, 1143, 1164; 3 — САЭ-1976/ЛП-595; 4 — САЭ-1976/ЛП-554, 557, 558; 5 — САЭ-1976/ЛП-547; 6 — САЭ-1976/ЛП-560, 562, 600, 1620; 7 — САЭ-1976/ЛП-655. 1-3, 7 — type 1; 4 — type ФVII; 5, 6 — type 9.
- II. 107. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 13: САЭ-1976/ЛП-1663. Type ФVI.
- II. 108. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 13: 1 — САЭ-1976/ЛП-1453; 2 — САЭ-1976/ЛП-462; 3 — САЭ-1976/ЛП-1200, 1202, 1208, 1211; 4 — САЭ-1976/ЛП-483. 1, 2 — type 4; 3 — type 1; 4 — type 3.
- II. 109. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 13: 1 — САЭ-1976/ЛП-1292; 2 — САЭ-1976/ЛП-1250; 3 — САЭ-1976/ЛП-545; 4 — САЭ-1976/ЛП-1267; 5 — САЭ-1976/ЛП-540; 6 — САЭ-1976/ЛП-1686; 7 — САЭ-1976/ЛП-533. 1, 2, 5, 6 — type 1; 4 — type 6; 7 — type 3.
- II. 110. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 12: 1 — САЭ-1976/ЛП-663; 2 — САЭ-1976/ЛП-701; 3 — САЭ-1976/ЛП-765; 4 — САЭ-1976/ЛП-596; 5 — САЭ-1976/ЛП-599; 6 — САЭ-1976/ЛП-1315; 7 — САЭ-1976/ЛП-1287; 8 — САЭ-1975/ЛП2-4743. 1, 3, 4, 8 — type 1; 2, 5 — type 2; 6, 7 — type 5.
- II. 111. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 11: 1 — САЭ-1975/ЛП2-4684; 2 — САЭ-1976/ЛП-205; 3 — САЭ-1976/ЛП-385; 4 — САЭ-1976/ЛП-381; 5 — САЭ-1975/ЛП2-4703; 6 — САЭ-1976/ЛП-323, 325, 327; 7 — САЭ-1976/ЛП-4639, 4647, 4673. 1, 2 — type 4; 3, 6 — type 3; 4 — type ФVII; 5, 7 — type 1.
- II. 112. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 10: 1 — САЭ-1976/ЛП-422; 2 — САЭ-1976/ЛП-160; 3 — САЭ-1975/ЛП2-4587; 4 — САЭ-1976/ЛП-128; 5 — САЭ-1976/ЛП-227; 6 — САЭ-1975/ЛП2-4580; 7 — САЭ-1976/ЛП-158; 8 — САЭ-1975/ЛП2-4596-4600. 1, 2 — type 1; 3 — type 4; 4 — type 5; 5 — type ФVII (?); 6 — type 6; 7 — type 7; 8 — type 9.
- II. 113. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 9: 1 — САЭ-1976/ЛП-1584; 2 — САЭ-1976/ЛП-140; 3 — САЭ-1975/ЛП2-4440; 4 — САЭ-1975/ЛП2-4502; 5 — САЭ-1976/ЛП/without No; 6 — САЭ-1975/ЛП2-4432; 7 — САЭ-1975/ЛП2-4501; 8 — САЭ-1976/ЛП/ without No; 9 — САЭ-1976/ЛП-102. 1 — type ФIB; 2, 3 — type 5; 4, 6, 7, 9 — type 1; 5, 8 — type 3.
- II. 114. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 8: 1 — САЭ-1975/ЛП2-4125; 2 — САЭ-1976/ЛП-76; 3 — САЭ-1976/ЛП-47; 4 — САЭ-1975/ЛП2-4254; 5 — САЭ-1975/ЛП2-4093; 6 — САЭ-1976/ЛП-4154; 7 — САЭ-1975/ЛП2-4105; 8 — САЭ-1975/ЛП2-4253; 9 — САЭ-1975/ЛП2-

- 4333, 4344, 4345; 10 — САЭ-1975/ЛП2-4288; 11 — САЭ-1975/ЛП2-4147; 12 — САЭ-1975/ЛП2-4331. 1-4, 6, 8 — type 1; 5 — type 9; 7 — type 6; 9 — type 5; 10, 11 — type 7; 12 — type 4.
- II. 115. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 7: 1 — САЭ-1976/ЛП-1425; 2 — САЭ-1976/ЛП-1429; 3 — САЭ-1973/ЛП2-17222; 4 — САЭ-1975/ЛП2-2717, 2719; 5 — САЭ-1975/ЛП2-2709; 6 — САЭ-1975/ЛП2-2712; 7 — САЭ-1974/ЛП2-8311; 8 — САЭ-1973/ЛП2-17338; 9 — САЭ-1974/ЛП2/ without No; 10 — САЭ-1975/ЛП2-2636; 11 — САЭ-1975/ЛП2-2700; 12 — САЭ-1975/ЛП2/ without No. 1, 2 — type 5; 3, 8 — type 3; 4, 9 — bowls of the $\Phi_{\text{м}}$ II type; 7 — type 6; 10 — type 9; 11 — type 4.
- II. 116. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 7: 1 — САЭ-1976/ЛП-17328, 17337, 17341; 2 — САЭ-1976/ЛП-50; 3 — САЭ-1976/ЛП-51; 4 — САЭ-1976/ЛП-1344; 5 — САЭ-1975/ЛП2-2325; 6 — САЭ-1976/ЛП-52; 7 — САЭ-1975/ЛП2-2691; 8 — САЭ-1973/ЛП2-17336; 9 — САЭ-1974/ЛП2-8304, 8345, 8352, 8703; 10 — САЭ-1975/ЛП2-2647; 11 — САЭ-1975/ЛП2-4439. 1 — type Φ IA; 2, 3, 5, 6, 8, 9, 11 — type 1; 4, 7, 10 — type 4.
- II. 117. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 6: 1 — САЭ-1974/ЛП2-1587, 1599; 2 — САЭ-1974/ЛП-1772, 1773; 3 — САЭ-1973/ЛП2-16833; 4 — САЭ-1974/ЛП2-9080; 5 — САЭ-1974/ЛП2-9226; 6 — САЭ-1974/ЛП2-6973; 7 — САЭ-1974/ЛП2-6996; 8 — САЭ-1974/ЛП2-6969; 9 — САЭ-1975/ЛП2-3947; 10 — САЭ-1974/ЛП2-9050. 1, 3-7 — type 1; 2 — type 2.
- II. 118. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 6: 1 — САЭ-1974/ЛП2-7842, 7860, 7864; 2, 3 — САЭ-1974/ЛП2/without No; 4 — САЭ-1975/ЛП2/without No; 5 — САЭ-1974/ЛП2-899, 904; 6 — САЭ-1975/ЛП2-3848; 7 — САЭ-1975/ЛП2-3206; 8 — САЭ-1974/ЛП2-5985; 9 — САЭ-1976/ЛП-8997; 10 — САЭ-1975/ЛП2-3850; 11 — САЭ-1974/ЛП2-8180; 12 — САЭ-1975/ЛП2/without No; 13 — САЭ-1973/ЛП2-16999. 1 — type Φ II; 2, 7 — type 2; 3-6 — type 1; 8, 9 — type 7.
- II. 119. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 6: 1 — САЭ-1974/ЛП2-9306; 2 — САЭ-1973/ЛП2-17168; 3 — САЭ-1973/ЛП2-17167; 4 — САЭ-1974/ЛП2-8881; 5 — САЭ-1974/ЛП2-437; 6 — САЭ-1974/ЛП2-8174; 7 — САЭ-1973/ЛП2-16494; 8 — САЭ-1973/ЛП2-16391; 9 — САЭ-1974/ЛП2-2036; 10 — САЭ-1975/ЛП2-3287; 11 — САЭ-1974/ЛП2-8704. 1-4, 11 — type 5; 5, 6 — type 7; 7, 10 — type 4; 8 — $\Phi_{\text{с}}$ II-type frying pan; 9 — type Φ V.
- II. 120. Excavation on Varyazhskaya ul., plast 6: 1 — САЭ-1974/ЛП2-7237; 2 — САЭ-1974/ЛП2-422; 3 — САЭ-1975/ЛП2-3557; 4 — САЭ-1975/ЛП2-1559; 5 — САЭ-1975/ЛП2-2875; 6 — САЭ-1975/ЛП2-3091; 7 — САЭ-1974/ЛП2-6791; 8 — САЭ-1974/ЛП2-9226; 9 — САЭ-1974/ЛП2-9073, 9074; 10 — САЭ-1974/ЛП2-6792; 11 — САЭ-1974/ЛП2-6783; 12 — САЭ-1975/ЛП2-3330; 13 — САЭ-1975/ЛП2-3437. 1-8, 13 — type 1; 9 — type 9; 10 — type Φ V; 11, 12 — type 5 (?).
- II. 121. Excavation on Varyazhskaya ul., plasts 5-6: 1 — САЭ-1973/ЛП2-17422, 17423; 2 — САЭ-1974/ЛП2-6284, 7131, 8162, 8617, 9010, 9012; 3 — САЭ-1973/ЛП2-14316; 4 — САЭ-1974/ЛП2-1967; 5 — САЭ-1973/ЛП2-12871; 6 — САЭ-1973/ЛП2-14158; 7 — САЭ-1974/ЛП2-9045. 1 — type Φ IB; 2, 3, 5 — type 5; 4, 6 — type 1.
- II. 122. Excavation on Varyazhskaya ul. Early wheel-made pottery: 1 — САЭ-1973/ЛП2-12085; 2 — САЭ-1976/ЛП-32, 34. 1 — group 3; 2 — group 4.
- II. 123. Earthen Hillfort. Horizon Д. Early wheel-made pottery: 1, 3 — ЛГ-154; 2 — ЛГ-154, 204. 1, 2 — group 4.
- II. 124. Earthen Hillfort. Horizon Д. Early wheel-made pottery: 1 — ЛГ-204; 2 — ЛГ-203, 206; 3 — ЛГ-152. 1, 2 — group 3; 3 — group 2.
- II. 125. Early wheel-made pottery from the Earthen Hillfort, horizon Д (1, 4, 5) and from the excavation on Varyazhskaya ul. (2, 3, 6): 1 — ЛГ-140; 2 — САЭ-1975/ЛП2-4159; 3 — САЭ-1975/ЛП2-4399; 4 — ЛГ-169; 5 — ЛДГ-2; 6 — САЭ-1975/ЛП2-4403, 4407, 4396, 4397. 1, 5 — group 1; 2-4, 6 — group 3.
- II. 126. Early wheel-made pottery from the Earthen Hillfort, horizon Д (4) and from the excavation on Varyazhskaya ul. (1-3): 1 — САЭ-1976/ЛП-4206, 4210, 4211, 4214, 4456; 2 — САЭ-1973/ЛП2-17576, 17580, 14251, 14257; 3 — САЭ-1976/ЛП-1338, 1343, 1527; 4 — ЛГ-154. 1, 2, 4 — group 2; 3 — group 3

Сокращения

- АВ — Археологические вести. СПб.: ИИМК РАН.
АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. М., Псков, СПб.
АК — археологическая культура.
АО — Археологические открытия. М.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВИ — Вопросы истории.
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Л.; СПб.
ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ГМЗ — государственный музей-заповедник.
ГМИ СПб — Государственный музей истории Санкт-Петербурга.
ГУ — государственный университет.
ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры РАН.
ИА РАН — Институт археологии РАН.
ИАЭт СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН.
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы.
ИЭО — историко-этнографическая область.
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории.
КПДК — культура псковских длинных курганов.
КСДК — культура смоленских длинных курганов.
КСИА — Краткие сообщения института археологии. М.: Наука.
КСИИМК — Краткие сообщения ИА РАН.
Л. — Ленинград.
л. н. — лет назад.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет. Л.
ЛО — Ленинградское отделение.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
М. — Москва.
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
НА ИИМК РАН. РО — Научный архив Института истории материальной культуры РАН.
Рукописный отдел.
НИС — Новгородский исторический сборник. Л./СПб.
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород.
НОА ИА РАН — Научно-отраслевой архив Института археологии РАН.

- НЦ — научный центр.
ОАВЕС — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
ПАВ — Петербургский археологический вестник.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РА — Российская археология.
РАН — Российская академия наук.
РЖВ — ранний железный век.
РСМ — Раннеславянский мир.
СА — Советская археология.
СА/РА — Советская археология / Российская археология. Л., М.
САИ — Свод археологических источников.
Сб. — сборник.
СЛИААМЗ — Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-запо-
СО — Сибирское отделение
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет.
СС — Скандинавский сборник. Таллин.
Сб. ст. — сборник статей
ТАС — Тверской археологический сборник.
ТГОМ — Тверской государственный объединенный музей.
ТИАМЗ — Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник.

Об авторах

Александр Леонтьевич АЛЕКСАНДРОВСКИЙ — Aleksandr Aleksandrovskiy, доктор географических наук. Институт географии РАН, отдел географии и эволюции почв, ведущий научный сотрудник. Москва 119017, Россия. E-mail: alexandrovski@igras.ru.

Наталья Дмитриевна БУРОВА — Natalia BUROVA. Институт истории материальной культуры РАН, лаборатория археологической технологии, научный сотрудник. Санкт-Петербург 191186, Россия. E-mail: ikb@mail.ru.

Наталья Владимировна ГРИГОРЬЕВА — Natalia GRIGOREVA, Институт истории материальной культуры РАН, отдел славяно-финской археологии, младший научный сотрудник. Санкт-Петербург 191186, Россия. E-mail: mak-kon4@yandex.ru.

Марианна Алексеевна КУЛЬКОВА — Marianna KULKOVA, доктор геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии и геоэкологии РГПУ им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург 191186, Россия. E-mail: kulkova@mail.ru.

Александр Валентинович КУРБАТОВ — Aleksandr KURBATOV, доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры РАН, отдел славяно-финской археологии, ведущий научный сотрудник. Санкт-Петербург 191186, Россия. E-mail: alkurba@rambler.ru.

Сергей Валерьянович ЛАЛАЗАРОВ — Sergey LALAZAROV, реставратор высшей категории. ООО «Рестпроект», руководитель подразделения, главный архитектор проекта реставрации Ладужской крепости. Санкт-Петербург 195299, Россия. E-mail: spr_arm7@mail.ru.

Владимир Анатольевич ЛАПШИН — Vladimir LAPSHIN, доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры РАН, отдел славяно-финской археологии, главный научный сотрудник, заведующий. Санкт-Петербург 191186, Россия. E-mail: vladimirlapshin51@yandex.ru.

Павел Андреевич МИЛЯЕВ — Pavel MILYAYEV, Институт истории материальной культуры РАН, отдел славяно-финской археологии, младший научный сотрудник. Санкт-Петербург 191186, Россия. E-mail: milyaev.paul@yandex.ru.

Надежда Игоревна ПЛАТОНОВА — Nadezhda PLATONOVA, доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры РАН, отдел славяно-финской археологии, ведущий научный сотрудник. Санкт-Петербург 191186, Россия. E-mail: niplaton@gmail.com.

Елена Викторовна ПОНОМАРЕНКО — Elena PONOMARENKO, кандидат биологических наук, Оттавский университет, факультет географии, адъюнкт-профессор. Оттава (Ottawa), ON K1N 6N5, Канада (Canada). E-mail: eponomarenko@yahoo.com.

Тирон Дуглас ПРАЙС — Theron Douglas PRICE, почетный профессор университета Висконсин-Мэдисон, лаборатория археологической химии (Laboratory for Archaeological

Chemistry, University of Wisconsin-Madison), Madison, WI 53706, USA (США). E-mail: tdprice@wisc.edu.

Татьяна Борисовна СЕНИЧЕНКОВА — Tatyana SENICHENKOVA, кандидат исторических наук. Государственный Эрмитаж, старший научный сотрудник. Санкт-Петербург 191186, Россия. E-mail: sentb@mail.ru.

Вадим Валентинович СКРИПКИН — Vadim SKRIPKIN, Национальный научный центр радиогеохимии окружающей среды НАНУ, научный сотрудник. Киев, 252680, Украина, E-mail: psrtl@rambler.ru.

Михаил Вячеславович ШИТОВ — Mikhail SHITOV, кандидат геолого-минералогических наук. Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского (ВСЕГЕИ), ведущий геолог. Санкт-Петербург 199106, Россия. E-mail: envigeo@yandex.ru.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА (<i>Н. И. Платонова</i>)	5

ЧАСТЬ I. История исследований

Глава 1

Первые исследователи Старой Ладоги:

археологическое путешествие К. М. Бороздина, 1809 г. (<i>Н. И. Платонова</i>)	15

ЧАСТЬ II. Староладожский комплекс: стратиграфия, хронология и междисциплинарные исследования

Глава 2

Древнерусская Каменная крепость Ладоги конца IX — XII в.:

стратиграфия, хронология, строительные этапы (<i>Н. В. Григорьева, С. В. Лалазаров</i>)	55

Древнейшая Ладожская крепость в исследованиях 1980-х и 2010-х гг.	55

Отчеты Н. К. Стеценко о раскопках в Каменной крепости Старой Ладоги (1980–1982, 1984)	62

Ладожская Каменная крепость XII в. в свете новейших археологических исследований	91

Глава 3

Планиграфия и стратиграфия верхних культурных напластований в южной части

Земляного городища Старой Ладоги (раскоп 3 А. Н. Кирпичникова) (<i>П. А. Миляев</i>)	109

Введение	109

Проблемы археологического исследования укреплений Земляного города Ладоги конца XVI — начала XVIII в.	111

Дефортификация укреплений Земляного города в новое время	113

Описание раскопа 3 до начала работ	116

Стратиграфия внутренней части южной куртины Земляного города в раскопе 3 1999 г.	123

Верхняя часть непо потревоженного культурного слоя под укреплениями Земляного города на участке раскопа 3	149

Археологические работы на раскопе 3 в 2000 г.	165

Заключение	243

ПРИЛОЖЕНИЕ. Находки кожаной и берестяной обуви из верхних отложений раскопа 3 (2000 г.) на Земляном городище Старой Ладоги (<i>А. В. Курбатов</i>)	253

Глава 4

Проблемы стратиграфии и хронологии раннего этапа Староладожского археологического

комплекса (<i>Н. И. Платонова, М. А. Кулькова</i>)	261

Введение	261

Раннесредневековые жилые зоны и их соотношение	264

Древнейшее поселение в устье Ладожки: новая проблематика	267
Хронология первоначальной застройки на разных участках Земляного городища	268
«Предматерик» в южной части площадки: его хронология и проблематика	273
Ямы в материке: стратиграфия и хронология	280
Радиоуглеродное датирование органических образцов из раскопок памятников Староладожского комплекса	301
Заключение	307
ПРИЛОЖЕНИЕ. Радиометрические даты Староладожского комплекса (А. Л. Александровский, Н. А. Бурова, Н. В. Григорьева, М. А. Кулькова, В. А. Лапшин, П. А. Милев, Н. И. Платонова, Е. В. Пономаренко, Т. Д. Прайс, В. В. Скрипкин, М. В. Шитов)	308

ЧАСТЬ III

Керамика Ладоги VIII–X вв. в контексте раннесредневековых древностей (к реконструкции историко-культурных процессов на Северо-Западе Руси)

(Т. Б. Сениченкова)

ВВЕДЕНИЕ	331
РАЗДЕЛ I	
Значение керамики для изучения культурных процессов на Северо-Западе Руси (основные проблемы и методика исследования)	339
Основные проблемы изучения истории Северо-Запада Руси по археологическим данным	339
Смена исследовательской стратегии	357
Некоторые методические аспекты изучения раннесредневековой керамики	360
РАЗДЕЛ II	
Классификация и датировка керамики Ладоги VIII–X вв.	365
Стратиграфия памятника и источниковедческие возможности материала	365
Технология изготовления керамики	373
Общая характеристика Ладожской лепной керамики: проблема выделения керамики «ладожского типа»	388
Классификация и датировка лепной керамики	397
Классификация и датировка раннегончарной керамики	437
Орнаментация	445
Редкие формы и импортная керамика	472
РАЗДЕЛ III	
Керамика Ладоги как источник для реконструкции истории поселения и культурных процессов на Северо-Западе Руси	485
Находки керамики раннего железного века	485
Истоки технологических традиций	487
Истоки типов керамики	487
Керамика Ладоги и материалы предсопочных и «позднеладожских» памятников	492
Керамика с налестками	495
Керамика Ладоги и керамика культуры сопков	497
О культурных традициях на основе керамического материала	499

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	503
ИЛЛЮСТРАЦИИ	506
КРАТКИЕ ИТОГИ (<i>В. А. Лапшин</i>)	625
Архивные источники, коллекции, литература	627
Summary	679
List of illustrations	702
Сокращения	721
Об авторах	723

CONTENTS

EDITORIAL (<i>N. I. Platonova</i>)	5

PART I. History of the studies

Chapter 1

First researchers of Staraya Ladoga: archaeological travel of K. M. Borozdin in 1809 (<i>N. I. Platonova</i>)	15

PART II. Staraya Ladoga complex: stratigraphy, chronology, interdisciplinary studies

Chapter 2

The Old-Russian Stone Fortress of Ladoga of the late 9 th –12 th century: stratigraphy, chronology, building stages (<i>N. V. Grigoreva, S. V. Lalazarov</i>)	55
The earliest Ladoga fortress in studies of the 1980s and 2010s	55
Scientific reports by N. K. Stetsenko on excavations at the Stone Fortress of Staraya Ladoga (1980–1982, 1984)	62
Ladoga Stone Fortress of the 12 th cen. A.D. in the light of the most recent archaeological investigations	91

Chapter 3

Plans and stratigraphy of the upper cultural deposits in the southern area of Earthen Hillfort in Staraya Ladoga (excavation No 3, by A. N. Kirpichnikov) (<i>P. A. Milyaev</i>)	109
Introduction	109
Problems of archaeological research of the fortifications of the Earthen Town of Ladoga in the late 16 th — early 18 th centuries	111
Defortification of the Earthen Town fortifications in the Modern times	113
Description of excavation site No 3 before the work began	116
Stratigraphy of the inner part of the southern curtain wall of Earthen Town in excavation 3, 1999....	123
The upper part of the undisturbed cultural layer under the fortifications of the Earthen Town at excavation site No 3	149
Archaeological work at excavation 3 in 2000	165
Conclusion	243
Appendix. Finds of leather and birch bark shoes from the upper deposits of excavation 3 (2000) at the Earthen Hillfort in Staraya Ladoga (<i>A. V. Kurbatov</i>)	253

Chapter 4

Problems of stratigraphy and chronology of the early stage of Staraya Ladoga complex: the first experience of constructing a chronological scale based on radiocarbon dates (<i>N. I. Platonova, M. A. Kul'kova</i>)	261

Introduction	261
The oldest settlement at the mouth of Ladozhka-river: a new problem	264
Chronology of the initial development in different parts of Earthen Hillfort	267
Chronology of the initial development in different parts of the Earthen Hillfort	268
«Fore-mainland» in the southern part of the settlement: its chronology and main problems	273
Pits in the mainland: stratigraphy and chronology	280
Radiocarbon dating of organic samples from the excavations of the different sites of the Staraya Ladoga complex	301'
Conclusion	307
Appendix: Radiocarbon dates of the sites of the Staraya Ladoga archaeological complex (A. L. Aleksandrovskiy, N. A. Burova, N. V. Grigoreva, M. A. Kul'kova, V. A. Lapshin, P. A. Mily- aev, N. I. Platonova, E. V. Ponomarenko, T. D. Price, V. V. Skripkin, M. V. Shitov)	308

PART III

Ceramic ware of Ladoga 8th–10th cen. A.D. in the context of early medieval antiquities (to reconstruction of the historical and cultural processes in North-Western Rus')

(T. B. Senichenkova)

INTRODUCTION	331

SECTION I

The significance of early mediaeval pottery for studies of cultural processes in North-Western Rus': the main problems and methods of studies	339
Main problems in studies of the history of North-Western Rus' according to archaeological evidence	339
Change of the research strategy	357
Some methodological aspects of studying mediaeval ceramic ware	360

SECTION II

Classification and dating of the ceramic ware of Ladoga of the 8 th –10 th cen. A.D.	365
Stratigraphy of the site and the capabilities of the material for source studies	365
Technology of pottery manufacturing.....	373
General characteristic of the Ladoga handmade pottery (problem of identification of the pottery of the “Ladoga type”)	388
Classification and dating of the handmade pottery	397
Classification and dating of the early wheelmade pottery.....	437
Ornamentation of the pottery	445
Rare forms and imported ware	472

SECTION III

Ladoga pottery as a source for reconstruction of the history of the settlement and the cultural processes in North-Western Rus'	485
Early Iron Age pottery finds	485
Origins of technological traditions	487
Origins of pottery types	487
Ceramics of Ladoga and materials of pre-sopki and “Late Dyakovo” sites	492

Contents

Ceramics with moldings	495
Ceramics of Ladoga and ceramics of the culture of sopki	497
About cultural traditions based on ceramic material	499
CONCLUSION	503
ILLUSTRATIONS	506
BRIEFLY ABOUT THE RESULTS (V. A. Lapshin)	625
Archival sources, collections, literature	627
Summary	679
List of illustrations	702
Abbreviations	721
Authors list	723

Научное издание

НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ
СТАРОЙ ЛАДОГИ:
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Том II

Труды ИИМК РАН. Том LX

Корректор *О. К. Чеботарева*
Редактор, верстка *Е. В. Новгородских*
Дизайн обложки *И. Н. Лицук*

Подписано в печать 09.12.2022. Формат 60 × 84 ¹/₈.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 91,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1232

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории материальной культуры РАН;
Дворцовая наб., 18, литер А, Санкт-Петербург, 191186, Россия

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

Настоящее издание включает серию публикаций материалов Староладожского комплекса, проанализированных и обобщенных в последние годы. Часть I посвящена истории исследований староладожских древностей и представляет собой анализ и публикацию архивных материалов экспедиции К. М. Бороздина (1809 г.). Часть II включает исследования стратиграфии, планиграфии и хронологии отдельных памятников Староладожского комплекса. В контексте новейших междисциплинарных исследований публикуются и анализируются материалы раскопок Каменной крепости (1980–1984, 2015, 2017–2018 гг.), Земляного городища (1999–2019 гг.), а также массив радиоуглеродных дат, полученных для памятников Старой Ладogi и ее ближайшей окрyги за последние 20 лет. Часть III представляет собой первое обобщающее монографическое исследование керамики Старой Ладogi VIII–X вв. Оно является итогом многолетнего изучения керамических коллекций Земляного городища и Посада, осуществленного Т. Б. Сеиченковой.

ISBN: 978-5-6047952-7-9

9 785604 795279